

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

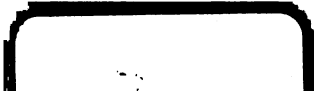
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

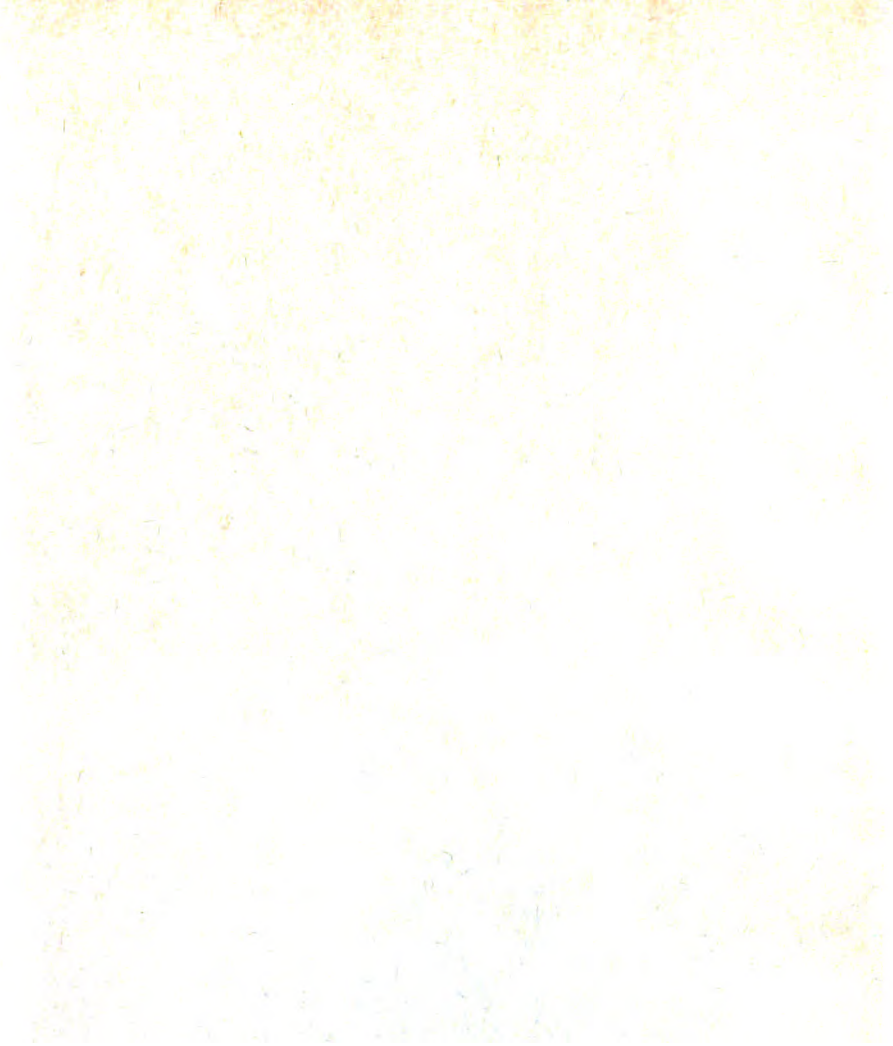
3 3433 05929192 6

Cellar

15 B 7

*QCA

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ ■ МОДЪ.

=

*Ἐροὶ δὲ τὶ ἀσχεροῦ, τοὺς ἐτίρους μὴ δύνασθαι περὶ
ἑρῶν τὰ δίκαια μᾶτε γνῶσι μᾶτε ποιῆσαι. Ὀρεῖ
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν των προηγουμένων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγυρομένοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπομένην ταῖς
τε ἀδικησάντων καὶ των ἀδικηθέντων.*

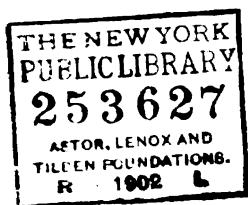
Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

=

ТОМЪ СОТЫЙ.

=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА КРАЙН.
1850.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛИТСЯ,

за то, что отпечатана предположено было в Ценсурный Комитетъ законченное
число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 4 марта 1890.

✓
Ценсоръ М. Срезневскій.
Ценсоръ Ю. Шидловскій.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ-ТРЕТІЙ.

ВИЛЛЯМА ШЕКСПИРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Что развивается въ трагедіи? Какая цѣль ея?... Человѣкъ и народъ, — судьба человѣческая и народная!... Вотъ полону Шекспиръ — великъ!»

Записка А. С. Пушкина.

Историческая драма — «Ричардъ III» была первою, по времени; историческою драмою Вилляма Шекспира. — Колье и Дейсъ отъясны се къ 1593 году.

Гдѣ производеній, въ средѣ которыхъ эта драма занимаетъ такое видное мѣсто, составляетъ, по мнзнію Шлегеля, колоссальную драматическую эпоху, подобной которой нѣтъ ни у одного литературнаго народа. Эти историческія драмы обязаны своимъ проно-

хождением лучшей эпохи царствования Елисаветы, — когда, по сокрушении испанской Армады (1588 года), впервые в сердцах Англичан заговорило чувство народного самосознания и гордой независимости в кругу держав Европы. Удивляясь общему, политико-патриотическому значению исторических драм Шекспира, В. Шлегель сказал, что «главные черты происшествий в них до-того верно схвачены, причины и тайны начала их так ясно изображены, что всюду история в них изучается из самих истин, как бы у корня самой действительности». Единственным пособием Шекспиру в произведении их служила хроника Холиншеда, которая явилась в свет, между 1577 и 1587 годами, в двух «томашах». Как он пользовался ею, на сколько он отступал от нея и следовал ей, — превосходно изложил Куртнэй в своем отдельном сочинении — «Commentaries on the historical plays of William Shakespeare, 1840». Вот главный закон, которому, по мнению Куртнэя, подчинился Шекспир при пользовании источниками хроники Холиншеда: «он искал природы и внутренней истины!» Мотивы исторических действий он брал из простодушных повествований Плутарха; на основании их он смело входил в мир саг и мифов Холиншеда, и самая хроника представлялась ему сквозь светлую призму естественности и природы, так, что чем свободнее и энергичнее творил Шекспир, тем, как, например, в «Ричард III», поэтичнее являлись его образы, тем между-прочим более они теряли в историческом достоинстве; чем, напротив, вернее и ближе к действительности творил он, тем более его характеры, как например характеры в «Ричард III», выигрывали в историческом смысле и тем более теряли они в поэтических достоинствах. — Ряд этих исторических драм, именно: «Ричард III» (написанная 1593 года), «Ричард II» (1597 года), «Генрих IV», первая и вторая части (1596 — 1598 годов), «Генрих V» (1599 года), «Виндзорские Кумушки», «Король Иоанн» и «Генрих VIII» (1604 года), — интересны не менее фантастических трагедий Шекспира; тем более, что в некоторых из них, как например в «Ричард III», встречается еще интерес чисто-психологический. Эту истину доказал теперь просвещенному миру германский ученый Г. Г. Гервингус, в капитальном сочинении своем «Shakespeare. Исторические драмы» Шекспира составляют второй том этого сочи-

ншія. Чтобы показать весь высокій интересъ и оригинальность взглядовъ ученаго, которому Я. Гриммъ, авторъ «Исторіи германскаго языка», въ прошломъ году посвятилъ свой великій трудъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы представить читателямъ тѣ новыя начала, на основаніи которыхъ авторъ представляемаго нынѣ перевода «Ричарда III» смотритъ на славное произведеніе отца новѣйшей драматургіи, мы излагаемъ здѣсь главныя мысли Гервинуса объ исторической драмѣ Шекспира «Ричардъ III».

....Теперь доказано, что еще въ 1583 году, въ Кэмбриджъ, была написана докторомъ Легге латинская драма подъ именемъ «Ричардъ III», а въ 1588 году англійская трагедія «The true tragedy of Richard III», которая, впрочемъ, появилась въ печати годомъ позже Шекспировой. Объ помѣщеныхъ въ запискахъ Шекспировскаго общества, но изъ нихъ видно, что творецъ «Отелло» и «Макбета» ими почти и не пользовался. «Ричардъ III» Шекспира есть подлинное твореніе великаго драматурга и служитъ продолженіемъ его драмы «Генрихъ VI». Здѣсь, какъ и въ «Генрихъ VI», еще не вполне выдержана чистая драматическая форма. Но эта пьеса полна трагическихъ мотивовъ и сценъ, и поразительно выступаетъ въ ней міръ черныхъ злодѣяній, которыя Шекспиръ, безъ доказательствъ исторіи, сваливаетъ на Ричарда III и тѣмъ, съ такою горькою острою, развертываетъ историческія отношенія своихъ героевъ, гдѣ мы постепенно видимъ, какъ коварный Ричардъ показываетъ падшему поколѣнію послѣдствія гражданскихъ смуть, какъ онъ, низвергнутый, возвышается, побеждаетъ враговъ своихъ, и, почти въ мигъ торжества, самъ падаетъ и погребается подъ обломками всеобщаго разрушенія. Трагедія Шекспира основана на борьбѣ *бллой* и *алой розъ*, на соперничествѣ домовъ Йорка и Ланкастера.

....Среди гражданскихъ смуть и потрясеній всего общества — выступаетъ страшный Глостеръ, съ опаснымъ сознаниемъ превосходства своихъ дарованій и съ пронизательною зоркостью взгляда на исчерченность и неспособность человечества его эпохи. Въ мірѣ, гдѣ всякій добро считаетъ добромъ, онъ ложно убѣждается, что одно

его должно управлять нашими действиями; слабой и необлагодотворенной сущности, возмущать его надъ слабыми личностями; гордость, мнительность, застарелость его предрассудков, законовъ, обычаевъ и нравовъ. Что сущность порождается умомъ и силой, было началомъ его максимализма; онъ избралъ трудъ царю своей сущности; окружилъ его людей онъ обращаетъ въ ступени личности своего возмущеніе. Англическая сущность во все времена, интересовалась этикой социализма. Въ семнадцатомъ столѣтіи Коллеи-Гибберъ вынесъ его изъ мира забвения. Величайшіе артисты Англии, Борбеджъ, Гэрриксъ, Кингъ, обрабатывали этого Ричарда — какъ одну изъ любимайшихъ ролей, что особенно удавалось первымъ двумъ, по причинѣ ихъ натуральной малорослости. Другіе артисты, какъ напримеръ Кембль, оставили цѣлые трагаты, объ исполненіи этого характера. Уже во время Шекспира (1614 года) одинъ писатель, вѣроятно Христофоръ Бруксъ, сочинилъ поэму въ стихахъ — «Душъ Ричарда III», которая поведена въ вѣнскихъ Шекспировскаго-Общества. Эта поэма такъ интересна, что она показываетъ, какъ тогдашнее время понимало чужеземство и на сколько оно старалось видѣть въ душѣ таинствъ, характеровъ, каковы характеръ Ричарда III.

Біографія Ричарда переведена Томасомъ Муромъ съ латинской біографіи хроника Хеллиншеда, который, вѣроятно, заимствовалъ ее въ своей чередѣ у архидиакона Мортонна. Въ этомъ источникѣ Шекспиръ нашелъ слѣдующія скучныя, но довольно меткія черты для характеристики своего героя: Ричардъ родился съ зубами, былъ безобразенъ и лѣвое плечо его было выше праваго. Злость, гнѣвъ и ненависть были его главными качествами. Онъ былъ хорошій воинокъ; былъ щедръ, что доставляло ему самыхъ многочисленныхъ, но ненастоящихъ друзей; былъ таинственъ, глубокій лицемеръ; снаружи онъ казался смиреннымъ, внутри его бушевали кичливость и гордость; онъ былъ другомъ и врагомъ въ одно время, целовалъ въ тотъ самый мигъ, когда готовилъ убійство, и если онъ шукалъ въ далѣ свое взроломство и тщеславіе, то не падалъ ни враговъ, ни друзей! Шекспиръ удержалъ все эти черты, — удержалъ въ самой высокой, художественной естественности и гармоніи. Его Ричардъ всюду является отличнымъ, ловкимъ красавцемъ, съ душою восторженнымъ и холодно-ядовитымъ, съ острымъ проникательнымъ взглядомъ, взглядомъ такимъ, какъ его изображаетъ хроника; въ его

двѣтисотъ — двохитроу и ухаживаніи за Анною; въ его лице мортальныя орудія, въ его сарказмѣ и двусмысленномъ ризидѣ, въ его проглядывавшихся острѣй и давленнѣй дары его лукавой рачи. Съ наслажденіемъ смотрѣть на него мотательна-жадная Маргарита, Суровый, дикій, выросшій на войнѣ и въ крови, убійствъ, съ гордою улыбкою притворнаго отъ проницательнаго плута, лавочка Ричардъ въ различныя предположенія съ самимъ собою. Уже хроника выставляла его съ наивною смелостію подлара и дерзкаго въ сенихъ злодѣяніи; Шенсмеръ доисследовалъ его: Ричардъ выводитъ на сцену съ душою порочнаго и необузданнымъ въ припадкахъ бичонства и упорства, и тут же расточаетъ медовыя рчи; то кажется легко-откровеннымъ и покорностью-беспечнымъ льстецемъ, то вдругъ — самымъ суровымъ и коварнымъ лицемеромъ, злодѣемъ.

Смѣрившись, возможны ли подобныя противорѣчія въ одномъ лицѣ. Могу ли человекъ, которому въ высочайшей степени свойственна жестокость, такъ далеко упасть въ суровости и смѣрности нрава, едва ли съ самымъ злобнымъ злодѣемъ? Или, если эта смѣрность была его природнымъ качествомъ, могу ли подобный извергъ быть образцомъ такого ума? Наконецъ, возможно ли было человеку, такъ сложившему свои силы въ достиженіи предположенной цѣли, распространить страхъ и ужасъ, и, во славаніи хроникки, исполнить въ своемъ глумленіи злодѣйство безъ природной склонности, изъ одной политикки? Шенсмеръ, какъ и его историческіе источники, выставляютъ главное кружковое дѣйствіе Ричарда, основною всѣхъ его плановъ — его заносчивое честолюбіе. Онъ поставилъ это качество въ центръ всего характера Глостера. Въ его грубой природѣ столько гордости и саманобія, столько аристократической циничности, столько наконецъ отвращенія къ кривой лести, что онъ не можетъ и сгибаться, какъ мы видимъ, изъ одного непреклоннаго стремленія къ достиженію того мѣста, на которомъ каждый передъ нимъ долженъ склоняться! Въ достиженіи своихъ намереній и плановъ, онъ дошелъ до того, что не только могъ одолѣть всодрасамыя плутомъ, но еще могъ скрывать свое плутовство и свое кривд. Лицемерство онъ довелъ до высшей степени, такъ-что онъ является иногда преслабуемымъ и угнетеннымъ тамъ, гдѣ онъ силъ вслѣхъ и угнетася и уничтожася, — и разкрываетъ рѣзъ труса въ то время, когда его ненависть ронитъ самымъ отчаяннымъ и коварнымъ ударомъ; такъ-что артистъ-авторъ долженъ

неприменно различать, где его сила природна и где она въ своемъ дѣйствіи только принятая роль. Наконецъ, онъ доводитъ свое лукавство до *plus ultra*, до того, что онъ, ужасъ людей, принимается въ свѣтъ за кроткаго и милосердаго, за добродѣтельнаго, что онъ, теломъ и душою демонъ-предатель, является въ образъ праведника, и что врагъ его, какъ напримеръ Риверсъ, вѣритъ въ его честность; притомъ человекъ, какъ Хэстингсъ, вѣритъ въ неспособность его скрытности, Анна замѣчаетъ въ немъ возвратъ къ раскаянію, а падающій Кларенсъ вѣритъ въ его братскую любовь!... На послѣднихъ ступеняхъ къ достигаемой цѣли, онъ состязается съ Бокингэмомъ въ лицемерствѣ и побеждаетъ его....

Слабы нити, посредствомъ которыхъ характеръ Ричарда связывается съ хорошею стороною человѣческой природы; не найди Шекспиръ этого характера въ достовѣрныхъ скрижаляхъ исторіи, онъ, можетъ-быть, не рѣшился бы, позднее, воспроизвести его въ типахъ Эдмунда и Яго. Шекспиръ старался сдѣлать какъ можно болѣе интереснымъ этотъ характеръ, и потому такъ развилъ въ немъ его злую сторону... Невзроготно при этомъ встрѣтить въ демонъ пороковъ, въ дерзкомъ Ричардѣ, — черту совершенно неожиданную: герой зла подверженъ припадкамъ *суевѣрія!* Когда Маргарита (1 актъ, 3 сцена), осыпаетъ его проклятіями, Глостеръ старается ее прервать различными словами и обратиться къ ней же. Одинъ предсказатель объявилъ ему смерть послѣ его свиданія съ Ричардомъ, и это уже тяготитъ его. Хроника говоритъ, что онъ выходилъ изъ себя, когда слышалъ имя Ричмонда. Шекспиръ удержалъ эту черту. Внутренніе голоса, днемъ сдерживающіе его совѣсть и волю, вырываются наружу въ полночь, когда спятъ нравственные силы его; злодѣя томятъ ужасные сны!... Наканувъ его битвы съ Ричмондомъ (также по сказанію хроники) передъ нимъ являются духи убитыхъ имъ жертвъ и терзаютъ его угрозами и упреками.... Ричардъ просыпается въ испугѣ, и, обливаясь холоднымъ потомъ, кричать отрывистыя слова и въ бреду чуть не выдастъ самого себя!...

Въ роли Ричарда — актеру предстоитъ тѣмъ самымъ непреодолимымъ трудностей. По словамъ Стивенса, не то здѣсь затруднительно, что артистъ долженъ безпрестанно мѣнять въ себѣ образы героя и шарлатана, государственнаго человека и буффа, лицемера и разбойника; не то здѣсь трудно, что онъ долженъ ежеминутно извертываться между

исключительными страстями и самыми самодельными тономъ рѣчи, между красивыми словами — то грубаго солдата, то лукаваго политика и лютваго придворнаго, и между угрозами возбужденнаго ширата; но въ тонкой наконецъ обрисовкѣ движеній или мимической и риторической художественности діалекціи состоятъ трудности выполненія характера Ричарда, но въ томъ, что артисту должно найти основныя начала всѣхъ этихъ разнообразностей и соединить ихъ плотью гармоніи. Ричардъ — это Протей превращеній. Самый лучший выразитель его роли до-сихъ-поръ былъ и есть — самъ Шекспиръ.... Для величайшихъ актеровъ онъ всегда былъ гордымъ узломъ.

....Въ трагедіи — остальные лица, какъ и въ раннихъ произведеніяхъ Шекспира, группируются вокругъ главнаго действующаго характера; одна и та же идея связываетъ ихъ съ страшнымъ героемъ. Сверхчеловѣческимъ силамъ Ричарда прежде всего противопоставляются женщины — во всей ихъ женственной слабости и безсиліи. Анна, которую онъ въ началѣ пьесы покоряетъ оружіемъ своего лицемерія, возбуждаетъ скорѣе участіе, нежели презрѣніе. Она ненавидитъ и выходитъ за-мужъ; она проклинаетъ ту, которая станетъ женою убійцы ея мужа, и сама подпадаетъ этому проклятію и, ставши его супругою, входитъ снова, невольно, въ ряды враговъ своего новаго мужа.... Рѣдко выводили сцену, полную такихъ невероятностей, какова сцена, гдѣ Анна играетъ главную роль, и характеръ ея выходитъ неожиданно и, какъ бы мимоходомъ, снова исчезнувъ въ своемъ проявленіи до конца пьесы, но блеснувъ всею роскошью красокъ, женскою кичливостью, самолюбіемъ, слабостью и кокетливостью рѣчи; подобное явленіе мы видимъ еще въ трагедіи «Эзеская Матрона».... Не надобно забывать, впрочемъ, что убійство ея мужа частью оправдывается неизбежнымъ зломъ всякой гражданской войны и долгомъ воинской чести!....

Не менѣе остроумно выступаетъ, въ противоположность характеру Глостера, простодушіе Хэстингса. Онъ добросердеченъ, вѣренъ чувству добра, болтливъ, честенъ, чуждъ всякаго лукавства; онъ вѣритъ Кэтзби столько же, сколько и Ричарду; онъ торжествуетъ съ несмотрительною радостью при паденіи враговъ своихъ, тогда какъ ему грозитъ подобная же участь; онъ подаетъ въ советъ своей горло за Глостера, за своего чуднаго и вѣрнаго друга, и не видитъ, что тотъ уже подписалъ его смертный приговоръ. Вся сцена

(III акт., 4 сц.), въ которой это происходитъ, даже въ подробностяхъ характеристической рѣчи, замѣшана нѣтъ хроника! Младше Шекспиръ выставилъ Брансфорду; — здесь, онъ основывается единственно на силѣ своего воображенія, и потому этотъ послѣдній исторически играть совершенно другаго роль, нежели въ трагедіи! Являясь лицомъ вполнѣ оправдательнымъ, какъ Катэри и Туррель, характерами дѣйствующими, онъ являясь вызываетъ Ричарда къ дѣйствіямъ, вызываетъ его планы и намѣренія, — безъ чего послѣдній, поединному не получилъ бы такого энергическаго полета. Самымъ главнымъ орудіемъ Глостеру служить его креатура: — Бокингамъ.... Онъ выставленъ съ нимъ рука-объ-руку, какъ его легкое и дивно-сложное отраженіе, какъ копія его честолюбія и лицемерія. Другъ у друга они замѣшуютъ и оба вместе стремятся къ одной цѣли — къ возвышенію. Здесь ихъ природная, нравственная связь. Въ Бокингамъ, въ его сходствѣ съ Ричардомъ, Шекспиръ примиряетъ противоположности въ характерѣ своего героя и разное различіе въ тинахъ второстепенныхъ лицъ, сгруппированныхъ около Глостера. Онъ помогаетъ своему патрону возвыситься — и, подобно ему и его продолжателю, дивно скрываетъ свою атакку.... Сама Маргарита вначалѣ считаетъ его невиннымъ; ея проклятія на него не касаются его; онъ не варитъ нѣтъ, но, подобно Глостеру, сомневается въ своихъ убѣжденіяхъ и радуется, что страшная женщина увлекаетъ его изъ круга тѣхъ, на которыхъ обрушаетъ свои заклинанія, и что она протягиваетъ ему руку помощи! Вездѣ, въ добрѣ и злѣ, онъ рисуется за Ричардомъ, на второмъ планѣ. — Совершенная противоположность Бокингаму — Стэнли! Это настоящій льстецъ и лицемеръ; въ своей главной сферѣ онъ не признаетъ ничего, и, подобно Елисаветѣ, поражаетъ Ричарда его же оружіемъ. Будучи въ родствѣ съ Ричмондомъ, онъ уже съ самаго начала принялъ мѣры предосторожности, и нѣтъ врага дѣлающа другаго королевы Елисаветы; его глазъ видитъ всюду; сама исторія изумляется, какъ Ричардъ, будто ослѣпленный самимъ небомъ, могъ обмануться въ этомъ человѣкѣ?... Шекспиръ оправдываетъ истину тѣмъ, что даетъ Стэнли одно оружіе съ Ричардомъ; равенство природной ловкости — онъ надолго оспариваетъ побѣду у Глостера....

Рассматривая эти стороны, объяснивъ положенія лицъ, сгруппированныхъ около естественнаго характера героя трагедіи, мы до-

ним замѣтить, что нѣтъ исцѣль еще бѣднѣхъ крайностей, чтобы со всѣхъ сторонъ, вновь осветить и уяснить этотъ характеръ. Она противопоставляетъ его счастью, его возвышенію — пороки и наисія; ако глубокому лицемарію онъ противопоставляетъ безлѣность и добродушіе, его кровожадности — беззаботное самолюбство, которое надвѣваетъ надъ самою смертію! — Это все объясняетъ происловіе лица *Маргариты*.

Маргарита была вдовою короля Генрика-Шестого; она одиночки вернулась изъ Франціи, куда была сослана, на материкъ Англіи — въ одиночку женщиной.... Обезоруженная, съ убійствомъ самоубійствъ, она надвѣвается надъ опасностями, надъ самою смертію, которая ей грозитъ за нарушеніе закона; она врывается въ кругъ своихъ враговъ, и, будучи не въ силахъ новелавать и управлять ими, во имѣя возможности скрыть своей внутренней бури, она въ безуміи и бѣшенствѣ расточаетъ безопадные, предсказательныя проклятія, развертываетъ во всей силѣ страшную истину, и, какъ труба суда Божія, — кричитъ и чертитъ отголоски правды, своихъ бездѣльных гонителей! Эти слова несутъ болѣе силы и цѣлы, чемъ вся выдѣлка Ричарда, и каждая фраза ея неизрочима; она неукротимо и неумолимо, чемъ вся страшная жажда честолюбія, гнущую чуждую душу Глестера. Сочинитель кройки замѣчаетъ, при описаніи смерти князя Маргариты, что вся, бѣднѣе при этой мысли, позднею женщиной одиноковую чашу, «вслѣдствіе заслуженной справедливости и карающаго наказанія Божія....» Наконецъ этотъ судъ олицетворяетъ въ бурной Маргаритѣ и ея проклятіями!.... Она проклинаетъ Эдуарда, и Эдуардъ скоропостижно умираетъ; ея проклятія обиваютъ и на несчастномъ Кларенсѣ, который оранился дождь Ланкастеровъ; они обиваютъ и на Кэстингѣ, и на Кандавелѣ, которая подъ конецъ, въ-самомъ-дѣлѣ, остается безъ брата, безъ мужа и безъ дѣтей, и на лукавомъ Бокингэмѣ.... Ричардъ также наконецъ дѣлается жертвою ея проклятіи.... Бокингэмъ измѣняетъ ему, — это предсказала ему Маргарита. Самъ Ричардъ (IV актъ, 4 сцена), въ дерзкомъ безвѣрїи, накликаетъ на свою голову судъ Божій.... Наконецъ его родная мать, герцогиня Йоркская, которую поэтъ выставилъ въ срединѣ — между Елисаветою и Маргаритою, и надвѣилъ ее качествами этихъ обихъ, говорить ему (IV актъ, 4 сцена), что ея молитвы будутъ на сторонѣ его враговъ; она восклицаетъ: «Да

будутъ мои проклятія, въ день роковой, послѣдней битвы, на голову твоей тяжеле твоего желѣзнаго шлема!» И картины движутся, какъ живыя, и все идетъ какъ на яву, и страшный конецъ неотразимъ! Кара небесная, какъ ужасный ураганъ, обхватываетъ всѣхъ и несетъ къ гибельной цѣли.... «Lasciate ogni speranza voi che intrate!....» Последняя туча разсѣянной бури, лицезѣрный и ехидный Бокингамъ восходитъ на эшафотъ: «Всевышній, надъ Промысломъ котораго я издвѣлся, восклицаетъ онъ, обрушилъ мою лицезѣрную молитву на мою голову; Онъ далъ мнѣ по святой правдѣ то, о чемъ я просилъ въ шутку!» Последнія слова трагедіи, которыя Шекспиръ влагаетъ въ уста Ричмонда, чловѣка, ослѣпленнаго волею небснаго Промысла, — «God say amen!» — примиряетъ наше чувство съ идеею всей драмы, богатой такими многообразными подробностями!...

«Ричардъ III» въ началѣ тридцатыхъ годовъ былъ переведенъ на русскій языкъ — стихами, но только съ французскаго перевода Шекспира*. Въ 1842 году эта драма явилась у насъ въ третьей части переводовъ Шекспира — господина Кетчера. Последній перевелъ ея слово въ слово и со многими примѣчаніями, прямо съ англійскаго; только нашъ извѣстный и достойный переводчикъ Шекспира свой переводъ «Ричарда III» представилъ въ прозѣ, потому что она одна могла сохранить во всей неприкосновенности подлинную рѣчь великаго драматурга.

Предлагаемый здѣсь переводъ сдѣланъ также съ англійскаго языка, но стихами.... Главною цѣлью переводчика было — сохранить всѣ мысли подлинника, и характеры лицъ представить въ томъ самомъ видѣ, какъ они являются у Шекспира. Въ последнемъ случаѣ ему много помогалъ трудъ ГERVINUSA.

* Это переводъ господина *Брамскаго*, до-сихъ-поръ удержавшійся на сценахъ нашихъ театровъ.

ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ КОРОЛЯ РИЧАРДА-ТРЕТЬЯГО.

=

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

<p>КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ.
 ЭДУАРДЪ, принцъ Валлійскій, }
 РИЧАГДЪ, герцога Іоркскій, } сыновья
 РИЧАРДЪ, герцога Глостера... } его.
 ГЮРГЪ, герцога Кларенса... } Братья
 Младшій сынъ Кларенса. } его.
 ГЕНРИХЪ, графъ Ричмондъ, ...
 КАРДИНАЛЪ БОРЧЕРЪ, архіепископъ
 ноттерберійскій.
 ТОМАСЪ РОСЕРАМЪ, архіепископъ іорк-
 скій.
 ДЖОНЪ МОРТОНЪ, епископъ валлійскій.
 Герцогъ БОКИНГЪМЪ.
 Герцогъ НОРФОЛКЪ.
 Графъ СЕРРИ, сынъ его.
 Графъ РИВЕРСЪ, братъ жены короля
 Эдуарда.
 Маркизъ ДОРЗЕТЪ и лордъ ГРЕЙ, сы-
 новья его.
 Графъ ОКСФОРДЪ.
 Лордъ ХЭСТИНГСЪ.
 Лордъ СТЕДЛИ.
 Лордъ ЛОВЕЛЪ.</p> | <p>Серъ ТОМАСЪ ВОГЭНЪ.
 Серъ РИЧАРДЪ РАТКЛИФЪ.
 Серъ ВІЛЛЬЯМЪ КЭТЗБИ.
 Серъ ДЖЕМСЪ ТИРРЛЪ.
 Серъ ДЖЕМСЪ БЛЕНТЬ.
 Серъ ВАЛЬТЕРЪ ХЕРБЕРТЬ.
 Серъ РОБЕРТЬ БРАКЕНБЕРИ, комендантъ
 Тузара.
 ХРИСТОФОРЪ ОРЗВИКЪ, священникъ.
 Лордъ-меръ Лондона.
 Шерифъ Вильширскій.
 ЕЛИСАВЕТА, жена Эдуарда-Четвертаго.
 МАРГАРИТА, вдова умершаго короля
 Генриха-Шестаго.
 Герцогиня ІОРКСКАЯ, мать короля Эду-
 арда-Четвертаго, Глостера и Кларенса.
 Леди АННА, вдова Эдуарда, принца Вал-
 лійскаго.
 Маленькая дочь Кларенса.
 Лорды, Свята. Джентльмены. Священ-
 никъ. Пасецъ. Граждане. Убіійцы. Говцы.
 Духи. Солдаты.</p> |
|--|---|

Дѣйствіе происходитъ въ Англіи.

=

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Лондонъ. — Улица. Входятъ ГЛОСТЕРЪ.

ГЛОСТЕРЪ.

Такъ! наконецъ зима несчастій нашихъ
Въ блистательное лѣто солнцемъ Юра
Обращена; потоплены въ пучины
Морей навешенія надъ нами тучи.
Побѣда увѣчала чело наше.
Трофеями виситъ побѣдное оружье
Веселый пиръ смѣнилъ свирѣлость битвы,
И палесокъ звукъ — звукъ маршею заглушилъ!
Суровый бой чело свое разглядѣть,
И на коняхъ, закованныхъ въ желѣзо,
Не носится, пугая души робкихъ; —
Онъ весело въ покоемъ леди пляшетъ,
Подъ звуки льстиво-сладострастной лютни....
И только я, къ игрушкамъ неспособный,
Не созданный для зеркала вполне;
Я, такъ топорно срубленный, лишенный
Любовныхъ чаръ, таинственныхъ и сильныхъ
Передъ вертлявостью кокетокъ-немфъ;
Я, въ красоте мужчины обдѣленный,
Физиономіи лишенный отъ природы,
Я, недодвѣванный, уродливый, до срока
Изверженный къ дыханью, — вполонину
Едва поконченный, и то такой красивый,
Что мигомъ псы повсюду лаютъ, чуть
Предъ ними гдѣ заковыляю; только я, —
Въ извѣженно-пустое время это,

Отрады жить совсѣмъ не нахожу, —
 За исключеніемъ конечно совершатъ
 На солнцѣ твни собственной своей,
 Да разсужденій о своемъ уродствѣ:
 И вотъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ я не въ силахъ быть
 Любовникомъ, — любимцемъ пошлої моды,
 Я быть хочу злодѣемъ, я рѣшился
 Преслѣдовать отраду жизни смертныхъ!...
 Разставлены губительныя сѣти,
 Пророчества безумцевъ, письма, сны, —
 Въ смертельный бой поставятъ короля
 И Кларенса: и если Эдуардъ
 Король — правдивъ и также взрѣнъ долгу,
 Какъ я хитеръ, лукавъ и ввроломенъ, —
 Сегодня жъ Кларенсъ будетъ въ заключеньи,
 По милости пророчества, что буква — Г
 Обезнаследитъ племя Эдуарда!...
 Но вотъ и онъ: во глубь души расчеты!...

Входитъ Кларенсъ со стражей и Бракенбери.

А! здравствуй, братъ! Что значить эта стража?

КЛАРЕНСЪ.

Его величество, заботясь сердцемъ
 О сохраненіи моемъ, велѣлъ
 Ей проводить меня конвоемъ въ Тоузръ.

ГЛОСТЕРЪ.

За что?

КЛАРЕНСЪ.

За то, что я зовусь — Георгомъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Ай-ай, милордъ! Ну, вина ль въ томъ вина?
 Отцовъ сажать въ тюрьмы за имя надо.
 Ужъ не задумалъ ли король для васъ
 Устроить въ Тоузръ опять крестины?...
 Безъ шутокъ, Кларенсъ, можно ль знать, въ чемъ дѣло?

КЛАРЕНСЪ.

Да, Ричардъ, еслибъ зналъ я; но клянусь
 Тебѣ, не знаю: говорятъ, онъ снамъ

И предсказаньямъ вѣрить, говорить,
 Вездѣ изъ алфавитовъ букву Г
 Вычеркиваетъ, ибо это Г,
 По предсказаніямъ, лннить потомства
 Его фамилію должно; мое —
 Георга имя — букву Г въ началѣ
 Имѣеть; и за то меня врагомъ
 Король сочелъ.... и вотъ какіе вздоры
 Составили приказъ — идти мнѣ въ Тоуэръ.

ГЛОСТЕРЪ.

И такъ всегда бываетъ, только баба
 Осилить челоуѣка! Не король,
 А леди Грей, жена его, васъ, Кларенсъ, —
 Неправедливо въ Тоуэръ посылаетъ.
 И не она ль, иль не ханжа ль смиренный,
 Антоній Вудвилль, братъ ея, рѣшили
 И лорда Хэстингса забросить въ Тоуэръ,
 Откуда тотъ сегодня только выдѣтъ?
 Не безопасны мы; да, Кларенсъ, мы —
 Не безопасны!...

КЛАРЕНСЪ.

Небомъ я клянусь,

Здѣсь никого на волю нѣтъ; свободны —
 Родня лишь королевы, да гонцы
 Отъ короля къ красоткѣ Шоръ. Вы вѣрно
 Слыхали, какъ ее постыдно-рабски
 Просилъ лордъ Хэстингсъ о своей свободѣ!

ГЛОСТЕРЪ.

Покорныя воззванья къ божеству
 Вернули волю лорду-камергеру.
 Сказать ли? намъ одно осталось средство
 Приобрѣсти любовь монарха, — это
 Ужъ разомъ надѣвать ливрею Шоръ:
 Она, да вялая вдова, съ-тѣхъ-поръ,
 Какъ братъ нашъ ихъ почтилъ собою, въ цѣлой
 Странѣ сильнѣйшія торговки стали.

БРАКЕНБЕРГЪ.

Прошу обоихъ васъ мнѣ извинить:

Его величество строжайше всемъ
Имѣть бесѣды тайныя съ милордомъ, —
Съ кѣмъ онъ ни говорилъ бы, — запретилъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Что жъ, если вамъ угодно, Бракенбери,
Вы можете войти въ бесѣду нашу.
Не объ измѣнѣ рѣчь: мы говоримъ,
Что мудръ король, что королева наша
Немножко хоть стара, за то какъ-разъ
И хороша и вовсе не ревнива:
Мы говоримъ, что у супруги Шоръ —
Вишневый ротикъ, прелесть — ножка, бойкій
Языкъ, и глазъ презоркій; что въ дворянство
Возведены родные королевы....
Ну что-же, сэръ? Ужли все это ложь?...

БРАКЕНБЕРИ.

До этого мнѣ, лордъ, нѣтъ дѣла.

ГЛОСТЕРЪ.

Какъ?

Нѣтъ ничего, что можно бѣ съ мистрисъ Шоръ
Вамъ сдѣлать? Если такъ, ужъ лучше втайнѣ
Хранить всемъ, исключая *одного*,
Безсилъе это съ ней....

БРАКЕНБЕРИ.

Кто жъ онъ, одинъ?..

ГЛОСТЕРЪ.

А мужъ ея, бездѣльникъ?! Ты меня
Поддѣвъ хотѣлъ?

БРАКЕНБЕРИ.

Простите, ваша свѣтлость,
И кончите вашъ разговоръ съ милордомъ.

КЛАРЕНСЪ.

Твой долгъ извѣстенъ намъ, и мы внимаемъ
Тебѣ.

ГЛОСТЕРЪ.

Мы — королевины рабы! —
Прощайте, братъ: Я къ королю сѣзшу;
И что бѣ вы мнѣ къ нему ни поручили, —

Хотя бѣ назвать сестрою Эдуарда
Вдову, — на все готовъ я, только бѣ вамъ
Вернуть свободу. Болѣе чѣмъ вы
Предполагаете — измѣна брата
Убийственна мнѣ.

КЛАРЕНСЪ.

Знаю, — намъ обоимъ
Она не по сердцу ...

ГЛОСТЕРЪ.

Но вамъ не долго
Сидѣть въ тюрьмѣ; я васъ освобожу,
Иль сяду самъ туда. Терпѣнье только!

КЛАРЕНСЪ.

Стерплю! терпѣть мы все должны; прощайте.
Уходить съ Бракенбери и стражей.

ГЛОСТЕРЪ.

Ступай, отсюда не легко вернутся,
Простякъ и глупый Кларенсъ! — Я тебя
Люблю, по этому скорѣе душу
Твою отправлю въ небо, если этотъ
Подарокъ небо приметъ отъ меня. —
Но кто тамъ? А, освобожденный Хэстингсъ!

Входятъ Хэстингсъ.

ХЭСТИНГСЪ.

День добрый вамъ, достопочтенный лордъ.

ГЛОСТЕРЪ.

И вамъ, лордъ-камергеръ, того жъ желаю.
Радъ видѣть васъ я снова на свободѣ.
Ну что, какъ вы сносили заключенье?...

ХЭСТИНГСЪ.

Терпѣлъ, милордъ, какъ терпитъ всякій узникъ.
Теперь же я спѣшу благодарить
Доставившихъ мнѣ прелесть заточенья.

ГЛОСТЕРЪ.

О, да! какъ разъ! и Кларенсъ вамъ поможетъ.
У васъ съ нимъ общія дѣла, его
Враги и васъ такъ злобно сокрушили.

ХЭСТИНГСЪ.

Бездушные! закабалить орла,
Тогда, какъ коршуны на волю грабятъ!
ГЛОСТЕРЪ.

Что новаго — на воздухъ?

ХЭСТИНГСЪ.

Внѣ дома,

Не лучше, что и въ самомъ домѣ : слабъ
Король и хворъ, и удрученъ тоской,
И страшно трусятъ за него врачи.

ГЛОСТЕРЪ.

Клянусь Петромъ, плохая ваша новость!
Долголько нантъ король не звалъ дѣты,
И слыше силъ себя ужъ истощалъ!
Не весело объ этомъ и подумать.
Гдѣ онъ теперь? въ постель?

ХЭСТИНГСЪ.

Да, въ постель.

ГЛОСТЕРЪ.

Идите же, я тотчасъ вслѣдъ за вами!

Хэстингсъ уходитъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Ему не жить, увѣренъ я; но также
И умирать не чаю :
Еще Георгъ не усланъ. Поспѣшимъ же
На Кларенса въ немъ ненависть сильнѣе
Воспламенить лукавой клеветой :
И если я не ошибаюсь въ планахъ,
Не жить до завтра Кларенсу : тогда —
Прійми, Господь, и душу Эдуарда,
Меня жъ оставь стараться въ этомъ мнрѣ :
Здѣсь Варвикову дочь возьму я въ жены!...
Но я убилъ ея отца и мужа?!
Что жъ? ... Дать собой ей мужа и отца
Опять, не значить ли ее утѣнить?...
И я исполню это! — Безъ сомнѣнья —
Не изъ любви, — изъ лучшей, важной цѣли...
А цѣль мнѣ достигъ лишь этой слязкой!

Однако жъ я спышу на рынокъ прежде
 Коня! Еще и Кларенсъ живъ, и самъ
 Король живетъ и править!.... Уберутся, —
 Тогда считать начнемъ мы барыни.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тамъ же. Другая улица..

Несутъ тѣло короля Генриха-Шестаго въ открытомъ гробѣ. Джентль-
 мены съ алебардами охраняютъ его. За ними леди АННА — плачущая.

АННА.

Поставьте на-земь ногу славы, если
 Во гробъ можетъ заключаться слава, —
 Посѣтовать мнѣ дайте о кончинѣ
 Ланкастера безвременно-печальной!
 Холодный лжкъ святаго короля!
 Безкровные останки крови царской!
 Поблеклый прахъ Ланкастера дома!
 Да внемлетъ тѣнь твоя рыданьямъ Анны,
 Супруги сына твоего, — любимца,
 Произеннаго одной съ тобой рукою!
 Смотри, беспомощнымъ бальзамомъ глазъ
 Я орошаю раны — окна смерти....
 Проклятiе рукъ ихъ отворившей,
 Кровь источившей! — О, да разразится
 Надъ нимъ, убійцею твоимъ, несчастье
 Ужаснѣе всего, что пожелать
 Могу я жабамъ, паукамъ, ехиднамъ,
 Всѣмъ злобнымъ, пресмыкающимся гадамъ!
 И если станетъ онъ отцемъ, — пусть будетъ
 Дитя его уродомъ, прежде срока
 Рожденнымъ, — видъ котораго ужасный
 И дикій мать родную испугалъ бы!...

И да наслагуется его онъ зверство!
 Когда жъ возьметъ себѣ жену онъ, пусть
 Она несчастнѣй жизнью мужа будетъ,
 Чѣмъ я кончиной мужа и твою!
 Теперь идите съ вашей ношей въ Чертзи,
 Мы хоронить ее изъ церкви Павла
 Несли. Идите жъ! Я своимъ стenanъемъ
 Последній долгъ хочу ей отдавать.

Носильщики поднимаютъ тѣло и несутъ его далѣе. Вхо-
 дитъ Глостеръ.

ГЛОСТЕРЪ.

Эй, вы! стой, — на-земь опускайте гробъ!

АННА.

Какой колдунъ косматый сатану
 Сюда наслалъ мѣнать святымъ обрядамъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Спускайте трупъ, бездѣльники! иль Павломъ
 Клянусь, я въ трупъ васъ обращу самихъ!

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЪМЕНЪ.

Лордъ, пропустите гробъ, поосторонитесь!

ГЛОСТЕРЪ.

Собака дерзкая! велать — такъ стой:
 Прочь алебарду отъ груди моей,
 Иль, Павломъ я клянусь, за дерзость
 Ногами растопчу тебя, бездѣльникъ.

Носильщики ставятъ гробъ на землю.

АННА.

Какъ?! вы трепещите? вы испугались?...
 Нѣтъ, — я винить не смѣю васъ, вы смертны,
 А взорамъ смертныхъ демона не вынести.
 Исчезни, ты, палачъ ужасный ада!
 Ты власть имѣлъ надъ тѣломъ этой жертвы,
 Не властенъ ты въ ея душѣ: исчезни!

ГЛОСТЕРЪ.

Ради неба, не сердись такъ.

АННА.

Исчезни, ради неба, гнусный демонъ.
 Ты превратилъ въ свой адъ и землю, — стоимъ

И воплем ярости ее наполнишь!
 Когда собой ты въ силахъ любоваться,
 Гляди, — вотъ плодъ твоей бездущной бойни.
 О! посмотрите, Генриховы раны —
 Открылися и источаютъ кровь!...
 Краснѣй, краснѣй, постыдннй клубъ уродства,
 Ты эту кровь собою вызываешь, —
 Изъ охладѣвшихъ, изъ безкровныхъ жель :
 Твое чудесно-демонское дѣло —
 Чудесный этотъ родило потокъ!...
 Творецъ, создавшій кровь, за смерть его
 Отмсти! Земля, члнвшаяся кровью,
 За смерть его отмсти! Убійцу, небо,
 Сожги грозой, — земля, разверзни пасть,
 И поглоти его, какъ эту кровь —
 Имъ источенную ты поглощаешь!

ГЛОСТЕРЪ.

Законъ Христовъ вы позабыли, леги,
 Законъ — платить за зло благословеньемъ.

АННА.

Не знаешь ты ни божихъ, ни людскихъ
 Законовъ: звѣрь не чуждъ ихъ состраданья.

ГЛОСТЕРЪ.

Я — чуждъ его, и потому не звѣрь.

АННА.

О, диво! демонъ истину промолвилъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Еще чуднѣе, — разсердился ангель.
 Божественное совершенство Еввы,
 Позволь мнѣ предъ тобою оправдаться
 Въ злодѣйствахъ, возводимыхъ на меня.

АННА.

Несовершенство гнусное Адама,
 Позволь мнѣ тутъ же проклинать тебя
 За несомнѣнные твои злодѣяства.

ГЛОСТЕРЪ.

Прекраснѣйшая, нежели яликъ
 Промолвить, дай мнѣ смѣль оправдаться.

АННА.

Ужасный, такъ выдумало бѣ сердце,
Повѣсившись, — ты можешь превратиться.

ГЛОСТЕРЪ.

Такимъ отчаяньемъ я обвиню
Себя.

АННА.

За то, отчаявшись, прощенье
Получилъ ты, отмстивъ себя достойно —
За недостойныя убійства совершилъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Скажи, что, если бѣ я не убивалъ ихъ!...

АННА.

Тогда они бѣ и не были убиты:
Но — нѣтъ ихъ, и виной тому ты, — ади
Палачъ!

ГЛОСТЕРЪ.

Не умерщвлялъ я твоего
Супруга.

АННА.

Значитъ, живъ онъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Нѣтъ, убитъ.

Но онъ убитъ рукою Эдуарда.

АННА.

Ты лжешь своею гнусной глоткой: мечъ твой
Въ его крови дымился, — Маргарита
Свидѣтель въ томъ, — твой мечъ, тобою однажды
И на нее направленный при братьяхъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Я вызванъ былъ ея же языкомъ,
Который клалъ ихъ буйства на меня.

АННА.

Ты вызванъ былъ твоимъ кровавымъ духомъ,
Который грезитъ объ однихъ убійствахъ.
Кто жъ Генриха убилъ? ты?

ГЛОСТЕРЪ.

Я, — согласенъ.

АННА.

Согласенъ, ёжъ? — Такъ согласись же, Боже,
Отмытить тебя за это злое дело!
О! Генрихъ былъ такъ милосердъ, такъ кротокъ!

ГЛОСТЕРЪ.

Тѣмъ болѣе приятенъ онъ для Бога.

АННА.

Онъ — на небѣ, тебѣ же — не бывать тамъ.

ГЛОСТЕРЪ.

За нимъ спасибо, — я ему помогъ
Туда попасть. Къму на небѣ — мѣсто.

АННА.

Тебѣ же мѣста лучше ада нѣтъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Ахъ, есть одно, когда бъ его назвать
Позволимъ?...

АННА.

Въ острогъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Въ вашей спальнѣ!

АННА.

Покой да будетъ изгнанъ отовсюду,
Гдѣ будешь ты.

ГЛОСТЕРЪ.

Его тамъ и не будетъ,

Пока, миледи, мы пробудемъ съ вами.

АННА.

Надѣюсь!

ГЛОСТЕРЪ.

Именно. Но, леди Анна,

Оставимъ синибку легкую остротъ,
И спустимся къ чему-нибудь серьезнѣй.
Причина ранней смерти Эдуарда,
Плантагенетовъ, Генриха, — не такъ ли жъ
Виновна, какъ и самъ ея свершитель?

АННА.

Ты былъ причиною и проклятымъ дѣломъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Твоя краса одна тому причина!

Она во снѣ меня томить и сунуть,
И цѣлый міръ готовъ я перерезать,
За часть одишь — пребыть въ твоихъ объятіяхъ!...

АННА.

Будь это все не ложь, клянусь, убійца,
Когтѣмъ я красу съ лица сорвала бѣ.

ГЛОСТЕРЪ.

Я бѣ не сторицѣлъ онъ уничтоженья.
При мнѣ вы ей не сдѣлали бѣ вреда:
Какъ цѣлый міръ живится солнцемъ, такъ
Я ею. Мнѣ она — и день и жизнь!

АННА.

Да омрачится день твой черной ночью,
Жизнь — смертью.

ГЛОСТЕРЪ.

Дивное созданье, ты
Собя клянешь, — вѣдь ты же эти оба.

АННА.

Когда бы такъ, чтобъ отомстить тебѣ.

ГЛОСТЕРЪ.

Нѣтъ ничего ненатуральнѣй мести
За то, что любятъ насъ.

АННА.

Нѣтъ ничего

Естественнѣй и справедливей мести, —
Убійцѣ мужа моего.

ГЛОСТЕРЪ.

Тотъ, кто

Линилъ васъ мужа, сдѣлалъ это съ тѣмъ,
Чтобъ дать вамъ лучшаго, милоди, мужа.

АННА.

На всей землѣ нѣтъ лучшаго такого.

ГЛОСТЕРЪ.

Есть, — тотъ, кто любитъ васъ сильнѣй его.

АННА.

Кто жъ онъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Плантагенетъ.

АННА.

Танъ свался мужъ мой.

ГЛОСТЕРЪ.

Одно названье, — качества другія.

АННА.

Но гдѣ-жъ онъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Здѣсь! *(Она плюетъ ему въ лицо).*

За что жъ плюетесь вы?

АННА.

Желала бъ я, чтобъ это ядомъ стало!...

ГЛОСТЕРЪ.

Еще во вѣкъ не изливался ядъ
Изъ болѣе прекраснаго сосуда.

АННА.

И никогда не попадалъ на жабу
Гнуснѣе. Прочь! ты взоры заразишь мнѣ!

ГЛОСТЕРЪ.

Твой глаза — мой ужъ заразили.

АННА.

О, для чего они не василиски?

ГЛОСТЕРЪ.

Когда бы такъ, чтобъ умереть мнѣ сразу,
А то они меня живьемъ терзаютъ.
Смотри, мои глаза — соеюной влагой
Затмилоня, потокомъ дѣтскихъ слезъ
Позорить ихъ твой взоръ, — когда ни разу
Тамъ не было слезинки состраданья;
Ни въ часъ, когда отецъ мой Юркъ и братъ
Рыдали, вопляемъ Рютлида вѣрманъ,
Котораго терзалъ свирѣцый Клиффордъ:
Ни въ часъ, когда воинственный отецъ твой —
Разсказывалъ о смерти моего
И двадцать разъ кривилоня, какъ дитя,
Рыдая, и у всѣхъ стоявшихъ слезы
Бѣжали по щекамъ, какъ дождь по листьямъ....
И въ этотъ часъ мой взоръ слезы не выдастъ!
И то, чего не выжали отраданья,

Могла твоя святая прелесть вызвать!
 Вѣкъ не молилъ ни друга, ни врага я,
 Уста мои не знали сладкой рѣчи;
 Но красота твоя мой умъ ослѣпила,
 И молитъ сердце и языкъ мой плачеть.

Она взглядываетъ на него съ негодованіемъ.

Не придавай устамъ твоимъ презрѣнья;
 Не для него они, для поцалуевъ
 Сотворены. Когда меня простить
 Не въ силахъ ты, — вотъ мечъ, возьми его,
 Пронзи имъ, если хочешь, эту грудь,
 И любящую душу вырви вонъ!...
 Я обнажу ее ударамъ смерти,
 О смерти на козняхъ я взываю.

Онъ подставляетъ ей грудь свою: она направляетъ на нее мечъ.

Не медли же. Я Генриха убилъ,
 Но этому краса твоя виною.
 Скорѣй, я Эдуарда умертвилъ,
 Но ликъ твой ангельскій тому причиной!

Она роняетъ мечъ.

Кого поднимешь, мечъ или меня?...

АННА.

Встань, лицемеръ; твоей я смерти жажду,
 Но палачемъ твоимъ быть не желаю.

ГЛОСТЕРЪ.

Такъ прикажи, и я убью себя.

АННА.

Я ужъ сказала.

ГЛОСТЕРЪ.

Это было въ живыхъ.

Скажи теперь, и вмигъ рука моя,
 Изъ-за любви къ тебѣ — твою любовь
 Убившая, — убьетъ изъ-за любви же
 Любовь еще сильнѣйшую: и въ смерти
 Обидѣхъ ты виновницею будешь!...

АННА.

Желала бъ я твое извѣдать сердце.

ГЛОСТЕРЪ.

Оно — на языкъ....

АННА.

На также лживомъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Тогда — кто жь правъ на свѣтъ?

АННА.

Хорошо.

Вложи свой мечъ въ ножны.

ГЛОСТЕРЪ.

И такъ, скажи,

Вернется ль мой покой?

АННА.

Узнаешь послѣ

ГЛОСТЕРЪ.

Могу ль надѣяться?

АННА.

Мы все надеждой

Живемъ.

ГЛОСТЕРЪ.

О, такъ прими жь, носи хоть это

Кольцо.

АННА.

Взять, лордъ, еще не значитъ дать!...

Она надѣваетъ кольцо.

ГЛОСТЕРЪ.

Смотри, какъ перстень мой твой палецъ обнялъ, —

Такъ грудь твоя мое объемлетъ сердце;

Носи же оба ихъ, — они твои.

Когда же твой покорный, бѣдный рабъ

Еще одну твою получить милость, —

На вѣкъ его упрочено блаженство.

АННА.

Что тамъ еще?

ГЛОСТЕРЪ.

Оставь исполнить этотъ

Обрядъ тому, кто болѣе причинъ

Имѣеть сѣтовать, — и удалися въ Кросби.

Похоронивъ торжественно останки
Святаго короля въ оградахъ Чертзи,
И гробъ его съ раскаяньемъ оплакавъ,
Туда къ тебѣ — твой рабъ, я поспѣшу.
По многимъ, тайнымъ для тебя причинамъ,
Молю, позволь мнѣ это.

АННА.

Отъ души.

Мнѣ радостно раскаянье такое.
Трессель и Берклея, създуйте за мной.

ГЛОСТЕРЪ.

Скажи же мнѣ — прости.

АННА.

О, тутъ ужъ бога,
Чьмъ ты достоинъ; но, какъ самъ меня
Ты выучилъ, какъ лстить тебѣ, — вообрази,
Что я тебѣ прости уже сказала.

Уходить — леди Анна, Трессель и Берклея.

ГЛОСТЕРЪ.

Берите, сэры, гробъ — и въ путь.

ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

Куда же, въ Чертзи?

ГЛОСТЕРЪ.

Нѣтъ, въ Вайтъ-Фрѣрсъ, — и ждите тамъ меня.

Остальные съ гробомъ удаляются.

Ну, кто искалъ любви въ такомъ несчастьи?
Приобрѣтали ль женщины въ мигъ подобный?...
О, я возьму ее хоть не надолго....

Какъ?! я, — убійца мужа и отца
Ея, за ней же волочусь, — когда
Въ устахъ ея проклятья, слезы брызжутъ
Изъ глазъ, — и я всего причина съ ней же;
Когда и Богъ и совѣсть за нее,
Когда меня ничто не поощряетъ,
За исключеньемъ демоновъ да лести....
И покорить ее, весь міръ — ничтвмъ?

А!...

Или она забыть успѣла мужа,

Прекраснаго и доблестнаго врища,
 Котораго три мѣсяца назадъ, —
 При Тьюксбери я ловко такъ доѣхалъ?
 Еще во-вѣкъ въ припадкѣ добрыхъ дѣлъ
 Природа лучшаго не создавала,
 Пространный мѣръ не видывалъ владыки
 Разумнѣй, царственнѣй, отважнѣй:
 И до меня унижлась она!...
 До демона, подсыкинаго весну
 Ея любви, печальное вдовство
 Ей предназначившаго? До меня,
 Который весь частицы Эдуарда
 Не стѣбитъ?! До меня, страннилица хромага?
 Все герцогство — противъ полушки грязной
 Закладую, — я странно ошибался
 Въ своей особѣ: жизнью клянусь,
 Она во мнѣ, чего ужъ мнѣ не видѣть
 Нѣкакъ, — красиваго мужчину видѣть....
 Займемся жъ зеркаломъ, принцемъ
 Съ полдюжины портныхъ, нарядъ достойный
 Для украшеній нашихъ смастерить:
 Съ-тѣхъ-поръ, какъ я съ собою примиряюсь,
 На франтовство поиздержаться можно!...
 Но прежде этого пріятеля въ могилу
 Упрячемъ, — тамъ уже къ голубкѣ нашей!...
 Свѣти же солнце, дай мнѣ на тѣни
 Твоей — моей особой любоваться, —
 Пока купить я зеркала не вздумалъ!...
 Уходятъ.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тамъ же. Комната во дворцѣ.

Входятъ: Королева ЕЛИСАВЕТА, ЛОРДЪ РИВЕРСЪ и ЛОРДЪ ГРЕЙ

РИВЕРСЪ.

Терпѣнье, королева: вѣрите, скоро
 Вернуть его величеству здоровье.

ГРЕЙ.

Вы безпокоитесь, — ему же хуже:
Утѣшьтеся, ради Бога, ободрите
Его величество веселымъ словомъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Умреть онъ, что тогда со мною будетъ?

ГРЕЙ.

Одна печаль — подобная потеря.

ЕЛИСАВЕТА.

Въ потерь этой разомъ въ печали
Совмѣщены.

ГРЕЙ.

Умреть онъ, небо вамъ
Прекраснаго дало въ утѣху сына.

ЕЛИСАВЕТА.

Но молодъ онъ, а опекунъ его
До срока — Глостерь, человекъ,
Который ни меня, ни васъ не любитъ.

РИВЕРСЪ.

А рѣшено ль, что избранъ будетъ онъ
Въ протекторы?

ЕЛИСАВЕТА.

Еще не рѣшено ;

Но такъ должно случиться, чуть король
Намъ съ вами завѣщаетъ долго жить.

Входитъ Бокингэмъ и Стэнли.

ГРЕЙ.

Вотъ идутъ лорды Бокингэмъ и Стэнли.

БОКИНГЭМЪ.

День добрый нашей славной королевы.

СТЭНЛИ.

Да возвратитъ Господь вамъ вашу радость!

ЕЛИСАВЕТА.

Графиня Ричмондъ, Стэнли, врядъ ли скажетъ
Аминь на вашихъ добрыхъ моленьяхъ.

Но, несмотря на то, что ваша, Стэнли,
Она жена, и что меня не любитъ,

Увѣрьтесь, добрый лордъ, васъ ненавидѣть
Не стану я за дерзости сунути.

СТЭНЛИ.

Не слушайте, не вѣрьте, васъ молю я, —
Постыдной лжи гонителю ея.

Когда-же на нее вамъ донесутъ и правду,
Простите слабостямъ ея, повѣрьте,
Не изъ обдуманности злобой —
Изъ яда немощей онъ выходить!

ЕЛИСАВЕТА.

Видали-ль нынче короля вы, Стэнли?

СТЭНЛИ.

Сию минуту только отъ него
Вернулись мы съ милордомъ Боккингэмомъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Что новаго въ немъ къ лучшему нашли вы?

БОККИНГЭМЪ.

Надежда, королева: веселъ былъ
Его величество.

ЕЛИСАВЕТА.

Богъ да пошлетъ

Ему здоровье! Съ нимъ вы совѣщались?

БОККИНГЭМЪ.

Да, королева: примирить желаетъ
Онъ вашихъ братьевъ съ лордомъ-камергеромъ
И съ герцогомъ, милордомъ Глостеръ.
За ними онъ уже послать изволилъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Когда бъ все такъ! но это невозможно.
Предвижу я, погибло наше счастье!

Входить Глостеръ, Хэстингсъ и Дорзетъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Неправды ихъ терпѣть я не намѣренъ.
Кто королю доносить на меня,
Что я жестокъ, что непріязненъ къ нимъ?
Клянуся, короля не любить тотъ,
Кто духъ его волнуешь этимъ вздоромъ.
Не въ слахъ я сгибаться, лъстивой рвѣчу

Блестать, на всѣхъ съ улыбкой лицемърья
 Глядеть, всѣхъ надувать французскимъ лоскомъ
 И обезьянскимъ ханжествомъ, — и вотъ
 Я непременно закоснѣлый врагъ!....
 Ужли жъ не можетъ честный человекъ
 Жить безъ обмана, безъ того, чтобъ правду
 Его поступковъ толковали вкось
 Коварные и вкрадчивые джаки?

ГРЕЙ.

Къ кому жъ изъ насъ относитесь вы, герцогъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Къ тебѣ, неблагодарный и безчестный!
 Когда тебя тѣснилъ я, оскорблялъ?
 Или тебя? — или тебя? — или всѣхъ васъ?
 Проклятье вамъ! Король, — Богъ да поможетъ
 Ему безъ вашихъ пламенныхъ молитвъ, —
 На вздохъ одинъ покоя не имѣетъ
 Изъ-за безстыдныхъ, гнусныхъ вашихъ жалобъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Братъ Глостеръ, вы не правы. Самъ король,
 По волѣ царственной своей, чужимъ
 Не понукаемый навѣтомъ, васъ
 Призвалъ къ себѣ, быть-можетъ, разгадавъ
 По вашимъ дѣйствіямъ — нѣмую злобу
 Въ васъ на меня, моихъ дѣтей и братьевъ,
 И тѣмъ хотѣлъ, раскрывъ ея причину,
 По-братски въ васъ ее изгладить.

ГЛОСТЕРЪ.

Нѣтъ силъ смотреть! Не узнаваемъ свѣтъ.
 Крапивники разбойничаютъ тамъ,
 Гдѣ и орлы присѣсть не смѣли. Съ той
 Поры, какъ всякій джакъ сталъ джентльменомъ,
 Пошло не мало джентльменовъ въ джаки.

ЕЛИСАВЕТА.

Такъ, такъ, все намъ понятно, Глостеръ :
 Завиденъ вамъ высокій нашъ удѣлъ!....
 Дай Богъ, чтобъ мы во-вѣкъ въ васъ не нуждались.

ГЛОСТЕРЪ.

Межь-тѣмъ, какъ видить Богъ, — я въ васъ нуждаюсь.
 Мой братъ по вашимъ проискамъ въ темницѣ;
 Въ опалъ самъ я, честное дворянство
 Въ пренебреженіи, когда, что день,
 То новыя мѣста даются людямъ,
 Еще вчера не стоимшимъ и нобля.

ЕЛИСАВЕТА.

Клянуся тѣмъ, кто изъ моей тѣни
 Возвелъ меня на высь моихъ стремлений,
 Я никогда не возбуждала гнѣва
 У короля на Кларенса; напротивъ —
 Я за него молила короля!...
 Милордъ, вы оскорбляете жестоко
 Меня подобнымъ гнуснымъ подозрѣемъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Вы можете отречься, что не вы,
 Пожалуй, были тайною причиной
 И лорда Хэстингса ареста....

РИВЕРСЪ.

Можетъ,

Милордъ; за тѣмъ что —

ГЛОСТЕРЪ.

Очень можетъ, Риверсъ!
 Кто этого не знаетъ? Даже боль:
 Она могла бъ чѣмъ отпереться въ этомъ,
 Она помочь вамъ можетъ въ возвышеніи,
 И тутъ же отперется въ томъ, что было,
 Сложивъ все почести на васъ самихъ.
 Чего она не можетъ?! Даже можетъ —
 О! безъ сомнѣнья можетъ —

РИВЕРСЪ.

Что жъ такое?

ГЛОСТЕРЪ.

Что можно ей?! Ну — да хотъ выдти замужъ
 За короля, за мальчика-красавца.
 Мнѣ кажется, что выборъ вашей бабки
 Не такъ-то счастливъ былъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Лордъ Глостеръ, долго

Сносилъ я и грубые намѣки,
 И ваши колкости : клянуса небомъ,
 Его величество теперь узнаетъ
 Все, все, — чѣмъ оскорбляли вы меня.
 Нѣтъ, лучше быть работницей, крестьянкой
 Простой, чѣмъ королевою великой —
 Терпѣть насмѣшки, стыдъ и оскорбленья :
 Не много радостей мнѣ принесла корона
 Британнiи ! . . .

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА показывается въ глубинѣ сцены.

МАРГАРИТА, въ-сторону.

Молю Тебя, Господь,

И это уменьши ей! Санъ ея, престолъ
 И почести — все мнѣ принадлежитъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Какъ ! жалобами королю вы мнѣ
 Грозите? Жалуйтесь, и не жалѣйте
 Меня: я подтвержу все, что сказалъ,
 И королю: я самъ желаю въ Тоузъръ
 Попасть. Настало время! Позабыты
 Мои труды!

МАРГАРИТА, въ-сторону.

Нѣтъ, демонъ! слишкомъ ихъ

Я помню: въ Тоузъръ тобою Генрихъ,
 Мой мужъ, убитъ, — при Тьюксбери жъ убитъ
 Мой бѣдный сынъ, мой Эдуардъ несчастный.

ГЛОСТЕРЪ.

Когда еще не звался королемъ
 Вашъ мужъ, въ его дѣлахъ великихъ былъ я
 Вьшчнымъ конемъ, грозой его враговъ,
 Ходатаемъ друзей его покорныхъ;
 Потому, чтобъ кровь его избрать на царство,
 Я проливалъ свою.

МАРГАРИТА, въ-сторону.

А сколько лучшей! —

Чамъ въ васъ обонкъ?...

ГЛОСТЕРЪ.

Въ это время вы,

И Грей, вашъ мужъ, стояли неизменно
За домъ Ланкастеровъ: что жъ, развѣ не былъ
Убитъ при Сентъ-Албанъ вашъ супругъ?
Когда забыли вы, я покажу вамъ,
Что вы теперь и чамъ вы прежде были, —
Чамъ я тогда былъ, и что я теперь.

МАРГАРИТА, въ-сторону.

Убийца гнусный. Имъ ты былъ всегда.

ГЛОСТЕРЪ.

Несчастный Кларенсъ — тестя позабылъ,
Нарушилъ клятву Варвику! Господь
Да сжалится надъ нимъ!

МАРГАРИТА, въ-сторону.

Карай, о Боже,

Его за это!

ГЛОСТЕРЪ.

Сталъ за Эдуарда,

Чтобы добыть ему престолъ, — и что жъ?
За всѣ труды попался въ заточенье.
Кѣ-ей, желалъ бы я, чтобъ камнемъ сердце
Мое, какъ Эдуардово, терпѣло....
Иль чтобъ мое въ его груди забилось;
Клянусь, я слишкомъ глупъ для этой жизни!

МАРГАРИТА, въ-сторону.

Такъ въ адъ проваливай, и свѣтъ оставь,
Негодный демонъ, тамъ престолъ твой!

РИВЕРСЪ.

Лордъ.

Въ печальную эпоху, о которой
Сказали вы, чтобъ выставить врагами,
Насъ вашей святости, мы были вѣрны
Законному владыкѣ, — вѣрны будемъ

И ванъ, едва лишь нашии королю
Вы станете.

ГЛОСТЕРЪ.

А если стану?! — Нать,
Скорый разнощикомъ я стану!... Прочь
Отъ сердца мысль коварная!

ЕЛИСАБЕТА.

Какъ мало

Вы ожидаете себя, милордъ,
Отрады въ королевствѣ, также мало
И я, новарьте мнѣ, ихъ обрада,
Возвысившись до сана королевы!

МАРГАРИТА, въ сторону!

Да, мало королева здѣсь отрады
Нашла, за тѣмъ, что королева — я,
А я — несчастна такъ! (Выходитъ) Внемлите мнѣ,
Пираты дерзкіе, — мою добычу
Вы дѣлите, враждую такъ! Кто въ силахъ
Изъ васъ взглянуть безъ трепета въ глаза
Мои? Предъ королевой не склоняли
Вы головы, къ чему жъ теперь, низвергнувъ
Ее, вы — трусы — все такъ раскричались?
Не отворачивайся, честный плутъ!

ГЛОСТЕРЪ.

Колдунья странная, скорый, — въ чемъ дѣло?

МАРГАРИТА.

Я вычислить хочу твои злодѣяства,
И не пущу тебя, пока ихъ все
Тебѣ не выражу.

ГЛОСТЕРЪ.

Но развѣ ты

Не сослана, — подъ страхомъ смертной казни?!

МАРГАРИТА.

Я сослана, но смерть, — за послушанье
Остаться здѣсь, — мнѣ легче мѣки сосланъ!
Ты долженъ мнѣ супруга возвратитъ
И сына, — ты мнѣ задолжалъ каретному,
А все вы — поддѣлываете мой несчатья —

По праву вамъ принадлежать; насладь же
Всѣхъ вашихъ радостей — мое.

ГЛОСТЕРЪ.

Тебя

Проклятѣями отецъ мой разгромилъ,
Когда его достойное чело —
Бумажной ты короной увѣнчала, —
Когда изъ глазъ его потоки слезъ
Ты выжала сарказмами своими,
И — осушить ихъ — подала тряпицу,
Нашитанную Рютландовой кровью;
Проклятѣя эти изъ души его
Разбитой вырвались тогда, — теперь же
Надъ головой твоей отяготѣли.
Не мы, Господь за зло тебя караетъ!....

ЕЛИСАВЕТА.

Богъ правосуденъ, въ Немъ невинныхъ помощь.

ХЭСТИНГСЪ.

Ужасно! Какъ? младенца умертвить!
Неслыханное, страшное убійство!

РИВЕРСЪ.

Тираны, услышавъ объ этомъ, стануть
Рыдать.

ДОРЗЕТЪ.

Всѣ кару лютую убійцъ
Пророчили.

БОКИНГЭМЪ.

Нортomberландъ, при этомъ
Злодѣйствъ бывший, плакалъ какъ ребенокъ.

МАРГАРИТА.

Какъ?! Не входила я, вы грызлись всѣ,
Готовые за горла уцѣпиться
Другъ съ другомъ, — и внезапно ваша злоба
Упала на меня? — Ужели Юркъ
Съ своимъ проклятѣемъ такъ силенъ предъ небомъ,
Что Генриха, что Эдуарда смерть,
Потеря царства, мрачное изгнанье
Мое, — все — лишь достойное отмщенье

За этого мальчишку? Если такъ, —
 Сквозь тучи черныя, на небо прямо,
 Мои проклятыя быстрыя, летите!....
 Не на войнѣ, — отъ пресыщенья пусть
 Погибнетъ вашъ король, какъ нашъ погибъ
 Отъ рукъ убійцы, сдѣлавъ королемъ
 Его! А Эдуардъ, твой сынъ, Валлійскій
 Принцъ нынѣ, да умретъ, какъ Эдуардъ,
 Мой сынъ, и нѣкогда жъ Валлійскій принцъ—
 Погибъ насильственно!.... Ты, королева,
 Да изживешь весь блескъ свой за меня,
 За королеву бѣдную! Подоль
 Живи, чтобъ смерть дѣтей тебѣ оплакать;
 Чтобъ увидать другую, какъ тебя
 Я вижу, въ почестяхъ твоихъ, какъ ты
 Въ монахъ, великую! Задолго счастье
 Твое пускай окончится — до смерти
 Твоей! И послѣ долгихъ, долгихъ скорбей,
 Умри — ни матерью, ни королевой
 Британскою, ни счастливой женой!....
 Риверсъ и Дорзетъ, Хэстингсъ, — также вы, —
 Вы видѣли, какъ сына моего
 Кровавыми мечами затерзали:
 Я Господа молю, чтобъ прежде срока,
 Чтобъ неожиданно онъ вамъ послалъ
 Кончину!....

ГЛОСТЕРЪ.

Старая колдунья, кончи
 И ты заклятiя!....

МАРГАРЕТА.

Забывъ тебя?
 Нѣтъ, стой, собака, — слушай! Если небо
 Имѣетъ про запасъ тебѣ отмщенье
 Ужаснѣе, чѣмъ я могла бъ придумать,
 Пусть бережетъ оно его, покуда
 Созрѣютъ всѣ твои грѣхи, — тогда
 Да разразитъ оно негодованье

Свое надъ головой твоей, губителемъ
 Людскаго мира!... Пусть грядетъ твой гнѣвъ
 Червь совѣсти!... Всю жизнь искожь друзей!
 Подозрѣвай въ изменѣхъ за друзей!
 Враговъ считай! Да ни исполнишь сонма
 Злодѣйскихъ глазъ твоихъ, — сомнѣсь, тыи (пусть)
 Тебя пугаетъ онъ видѣнный адомъ!
 Страннѣе! — Ты избраникъ зла, уродъ,
 Свинья — взрывающая земля! — Ты,
 Рожденіемъ помѣченный въ рабы
 Природы, ада сынъ! Ты, клевета
 На чрево матери твоей! Исчадіе
 Постыдное отца! отребье чести!
 Ты, ужасъ —

ГЛОСТЕРЪ.

— Маргарита!

МАРГАРИТА.

Ричардъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Что?

МАРГАРИТА.

Я не звала тебя!...

ГЛОСТЕРЪ.

Простите, леди, —

Я думалъ, что меня вы окрестили
 Всѣмъ этимъ.

МАРГАРИТА.

Да — тебя! но не просила
 Перебивать меня. Позволь докончить
 Мои проклятья!...

ГЛОСТЕРЪ.

Я ужь ихъ покончилъ,
 Ихъ завершаешь ты! — Маргариты!

ЕЛИСАВЕТА.

Такъ ты себя сама же проклима!...

МАРГАРИТА.

Бѣдняга — королева, блѣсъ пустой!
 Моихъ богатствъ! Зачѣмъ ты слылаи царь!

На этого тарангула, который
 Тебя своей тлетворной наутиной
 Такъ путаетъ? Безумная, сама
 Ты на себя оттачиваешь ножъ!
 Придетъ пора, меня молить ты станешь
 Помочь тебѣ проклятьемъ этой гадкой,
 Герботой, страшной жабы.

ХЭСТИНГСЪ.

Замолчи,

Възвунья ты пустая, на бѣду
 Свою не истомай у насъ терпѣнья!

МАРГАРИТА.

Позоръ вамъ! вы мое ужь истощили!

РИВЕРСЪ.

Ты не забылась бы, когда бѣ какъ должно
 Съ тобой мы поступили.

МАРГАРИТА.

Еслибъ вы

Со мной какъ надо поступали, долга
 Вы не забыли бѣ своего, меня
 Признали бѣ королевой, а себя
 Моими подданными! Поступите жѣ
 Какъ слѣдуетъ, исполните свой долгъ!

ДОРЗЕТЪ.

Не спорьте съ ней, безумной.

МАРГАРИТА.

Господинъ

Маркизь, потише! вы ужь слишкомъ дерзки,
 Еще недавно самъ вашъ пущень въ дѣло.
 О, еслибъ ваиа молодая знатность
 Могла понять, что значить потерять
 Его, и быть несчастней! Кто высоко
 Стоитъ, того скорѣе сдуветъ вѣтеръ,
 А упадетъ, въ кусочки разшибется...

ГЛОСТЕРЪ.

Полезная замѣтка, не забудьте.

Ея, маркизь!

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДОРЗЕТЪ.

Она и къ вамъ подходитъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Подходить чудно; только я рожденъ ужъ
 Такъ высоко: мы на вершинахъ кедровъ
 Вьемъ гнѣзда наши, вѣтрами играемъ,
 Надъ солнцемъ издѣваемся —

МАРГАРИТА.

И солнце

Собою омрачаете, — увы!
 Тому свидѣтель сынъ мой, тѣнью смерти
 Теперь объятый; тучи адской злобы
 Твоей въ полночь его блестящій день
 На вѣки облекли, свое гнѣздо
 Въ гнѣздѣ вы нашемъ свили. — Всемогущій!
 Ты видишь это, не стерпи жъ неправды!
 Лиши ихъ кровію того, что кровью
 Приобрѣли они!

БОКИНГЭМЪ.

Молчи хоть изъ стыда,

Когда смиреніе ты позабыла.

МАРГАРИТА.

Не требуйте приличій отъ меня,
 Не требуйте смиренья: вы безстыдно
 Убили лучшія мои стремленья,
 Безчеловѣчны были вы со мной.
 Моя любовь — неистовство, вся жизнь
 Моя — позоръ, пускай же въ немъ гремитъ
 Гроза моей неукротимой скорби.

БОКИНГЭМЪ.

Молчи, молчи....

МАРГАРИТА.

Достойный Бокингэмъ,

Въ знакъ дружбы и союза съ вами,
 Я вамъ цалую руку: — пусть отрада
 Сойдетъ на васъ и домъ вашъ! Нашей кровью
 Не запятнали вы своей одежды,
 Мои проклятья не коснутся васъ!

БОКИНГЭМЪ.

И всѣхъ изъ насъ ; проклятiя во вѣкъ
 Не переходятъ устъ — ихъ произнесшихъ.

МАРГАРИТА.

Нѣтъ, вѣрю я, они восходятъ къ небу,
 И пробуждаютъ тамъ Господнiй миръ....
 О, Бокингэмъ ! остерегайся этой
 Собаки ; посмотри, она, ласкаясь,
 Кусаетъ, страшною отравой въ раны
 Слюна ея вливается : храни
 Себя, бѣги его коварной дружбы ;
 Онъ заклеименъ порокомъ, адомъ, смертью,
 Владыки адскiе ему покорны!...

ГЛОСТЕРЪ.

Что говоритъ она, лордъ Бокингэмъ ?

БОКИНГЭМЪ.

Пустое, ничего, что бъ было важно,
 Милордъ....

МАРГАРИТА.

Какъ! такъ и ты за мой достойный
 Советъ смѣешься надо мной, и лъстнишь
 Тому, въ комъ я тебя остерегала?!
 Припомни жъ это въ день, когда печалью
 Изранить сердце онъ твое, скажи
 Тогда, пророчицею Маргарита
 Несчастная была! Да будетъ всякъ
 Изъ васъ его коварства жертвой, небо
 Да разразитъ васъ всѣхъ своею карой!

Уходить.

ХЭСТЯНГСЪ.

Отъ словъ ея — мой волосъ дыбомъ сталъ!

РИВЕРСЪ.

И мой!.... Опасно ей давать свободу!....

ГЛОСТЕРЪ.

Я не виню ея : клянуся Богомъ,

Она перенесла не мало горя, —
Я каюсь передъ ней въ моихъ обидахъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Я, сколько знаю, передъ ней невинна....

ГЛОСТЕРЪ.

Вы пользуетесь благами несчастья
Ея. Творя добро, я слишкомъ пылюкъ
Быль съ тѣмъ, кто хладнокровно такъ меня
Забылъ. Вотъ, Кларенсъ, онъ вознагражденъ
Достойно, въ хлевъ несчастнаго загнали
Да за труды и угощаютъ тамъ; —
Богъ да проститъ виновниковъ его
Страданій.

РИВЕРСЪ.

Христіанское, святое
Намъренье, молитъ за тѣхъ, кто намъ
Враги.

ГЛОСТЕРЪ.

Одумавшись; я поступаю
Всегда подобно!... (Въ сторону) Проклиная нынѣ,
Я проклиналъ бы самого себя.

Входитъ Кэтзби.

КЭТЗБИ.

Его величество васъ, королева,
Къ себѣ зоветъ; и вашу честь, и васъ,
Милорды.

ЕЛИСАВЕТА.

Я иду. Угодно ль, лорды,
И вамъ за мною слѣдовать?

РИВЕРСЪ.

Мы все —

Идемъ за нашей свѣтлой королевой.

Всѣ, кромѣ Глостера, уходятъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Я дѣлаю злодѣйства и кричу

Самъ противъ нихъ, я на другихъ славою
 Бѣды, въ которыхъ я одинъ виновникъ.
 Передъ глупцами, каковы лордъ Стэнли,
 Лордъ Хэстингсъ, Бокингамъ, я громко плачу
 О Кларенсѣ, котораго въ чѣрному
 Забросилъ самъ я; уверю всѣхъ,
 Что братъ поссоренъ съ королемъ друзьями,
 Родными королевы. И мнѣ вѣрятъ,
 И побуждаютъ мстить. Вотъ намъ, Греху:
 А я, вздыхая, говорю въ смущеньи, —
 Господь велитъ платить за зло добромъ!
 И такъ скрываю я свои злодѣйства!
 И именно тогда кажуся имъ
 Святѣмъ, когда разыгрываю ярче
 Роль демона!....

Входятъ два убійцы.

А, вотъ и палачи
 Мон. Потине!.... Чтò жъ, друзья мои
 Безстрашные, готовы ль вы на то,
 О чемъ я васъ просилъ?

ПЕРВЫЙ УБИЙЦА.

Готовы, лордъ.
 За пропускомъ однимъ мы къ вамъ явились;
 Насъ безъ него къ нему пустить не могутъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Прекрасно сказано! вотъ пропускъ вашъ.

Даетъ оловочный листъ.

Когда покончите, явитесь въ Кросби!
 Но, сэры, будьте быстры въ исполненнн,
 Не слушайте его плаксивыхъ просьбъ....
 Краснорѣчивъ лукавый Кларенсъ; онъ
 Какъ разъ растрогаетъ васъ, только волю
 Дадите вы его устамъ медовымъ....

ПЕРВЫЙ УБИЙЦА.

Хе-хе! милордъ, рѣчь наша коротка!
 Говоруны дѣльцы плохіе, будьте

Увѣрены, не языкомъ, руками —
 Пойдемъ работать мы.

ГЛОСТЕРЪ.

Глаза глушцовъ
 Лбють слезы; ваши жъ жерновами плачуть....
 Друзья! я вѣрю вамъ! Скорый за дѣло!
 Въ путь!

ПЕРВЫЙ УБИЙЦА.

Не замедлимъ, благородный лордъ.
 Уходить.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лондонъ. Комната въ Тоузѣ. Входятъ КЛАРЕНСЪ и БРАКЕНБЕРИ.

БРАКЕНБЕРИ.

Что такъ, милордъ, сегодня вы печальны?

КЛАРЕНСЪ!

О! я провелъ убійственную ночь, —
 Ночь полную чудовищныхъ видѣній!
 Какъ вѣрный христіанинъ, я клянусь,
 Еще такую жъ ночь я провести
 Не согласился бы, хотя бъ она
 Могла купить мнѣ мѣръ блаженныхъ дней!
 Такъ страшными видѣніями полно
 Казалось время.

БРАКЕНБЕРИ.

Что жъ такое снилось
 Вамъ, свѣтлый лордъ? Молю васъ, расскажите!

КЛАРЕНСЪ.

Мнѣ снилось, что изъ Тоузѣ бѣжалъ я
 Въ Бургундію на вольномъ корабль....
 Въ сообществѣ со мной былъ братъ мой Глостеръ,
 И выманилъ меня онъ изъ каюты
 На палубу: смотря со мной оттуда

На Англію, припоминая дни
 Кровавыхъ войнъ Ланкастера и Йорка,
 Бесѣду о нихъ, ходили мы
 По шаткимъ доскамъ налубы, — и вдругъ,
 Приснилось мнѣ, что Глостеръ поскользнулся...
 Я поддержать его хотѣлъ, но братъ
 Упалъ, и, падая, толкнулъ меня
 За бортъ въ зіяющія бездны моря.....
 О, Боже! Какъ мучительно казалось
 Тонуть! Какой ужасный шумъ въ ушахъ!
 Какія страшныя картины смерти
 Въ глазахъ! Мнѣ видѣлось, что предо мною
 Лежать обломки тысячи судовъ;
 И тысячи размокшихъ труповъ рыбы
 Терзаютъ; слитки золота, камня
 Безцѣнные, брилліанты, кучи перловъ,
 Железныя трезубья, все по дну
 Морскому колыхалось.... Алмазы,
 Попавъ въ очницы череповъ, оттуда
 Сверкали, издѣваясь надъ глазами
 Тутъ бывшими когда-то; въ блѣдномъ свѣтѣ
 Любезничали съ тиною морскою —
 И насмѣхались надъ костями скелетовъ....

БРАКЕНБЕРГЪ.

И вы могли въ предсмертный мигъ замѣтить
 Всѣ тайны этой ненасытной бездны?

КЛАРЕНСЪ.

Мнѣ грезилось, что все я это видѣлъ;
 Душа рвалась изъ тѣла вонъ, но зависть
 Воды ее держада, не давая
 Ей улетѣть въ воздушныя пространства;
 И въ стиснутой груди ее давила, —
 Въ груди, которая рвалась изъ силъ
 Ее извергнуть въ страшныя пучины.

БРАКЕНБЕРГЪ.

И отъ тоски одной вы не очнулись?

Т. С. — Отд. I.

КЛАРЕНСЪ.

Нѣтъ; сонъ мой длился и за гранью смерти!....
 Тутъ поднялась въ душѣ моей тревога!
 Мнѣ видѣлось, черезъ потокъ печальный
 Я былъ перевезенъ въ предѣлы вѣчной
 Полуночи — пловцомъ, у вѣсъ поетевъ
 Воспѣтымъ. Тестъ мой, славный Варвикъ, ворный
 Приветствовалъ испуганную душу....
 Онъ громко закричалъ. «Какую жь пытку
 Придумаетъ теперь отчизна ада —
 Для Кларенса, за живую измѣну?»
 И такъ исчезъ. За нимъ впереди мною
 Скользнула тѣнь безплотнаго видѣнья,
 Съ окровавленными, какъ свѣтлый лучъ
 Блестящими, кудрями; и она
 Воскликнула: «Коварный, лживый Кларенсъ,
 Измѣнникъ Кларенсъ, въ Тыксберійскомъ полкѣ
 Зарывавшій меня, пришелъ! Святите
 Его, терзайте, фуріи, убійцу!»
 И — мнѣ привидѣлось, что цѣлый полкъ
 Свирилыхъ демоновъ вокругъ меня
 Стопился, и, надъ самыми ушами
 Монми вой такой безумно-громкій
 Былъ поднять, что, дрожа всѣмъ тѣломъ, я
 Очнулся, — и надолго послѣ все
 Казалось мнѣ, что я въ аду!... Такъ странно
 Встревоженъ былъ мой умъ видѣньемъ этимъ.

БРАКЕНБЕРИ.

Нѣтъ дива, лордъ, что сонъ вашъ напугалъ...
 Отъ словъ однихъ теперь мнѣ странно стаю.

КЛАРЕНСЪ.

О, Бракенбери! все, въ чемъ нынѣ совѣсть
 Меня терзаетъ, сдѣлалъ я для счастья,
 Для блага Эдуарда! Посмотри же,
 Какъ онъ меня достойно наградилъ...
 О, Боже! если предъ тобой молитвы

Мои безсильны, если за мои
 Грѣхи меня ты наказать желаешь, —
 На одного меня излей свой гнѣвъ,
 Мою жену, моихъ дѣтей невинныхъ
 Избавь! Постой еще, мой добрый стражъ,
 Изнемогла душа моя, заснуть
 Желалъ бы я охотно....

БРАКЕНБЕРИ.

Я останусь —

При васъ, милордъ. Богъ да пошлетъ вамъ миръ! —

Кларенсъ садится на стулъ и засыпаетъ.

Печаль — и сонъ и время измѣняетъ,
 Твори изъ ночи день, изъ полдня — ночь....
 Владыки міра за свое величье
 Нѣмыя титулы получаютъ, взысканій
 Почетъ за внутреннее бремя, цѣльмъ
 Мнѣ горестныхъ заботъ за легкій призракъ,
 За пылъ мечты?!.. И что жъ, въ награду имъ
 Ниспосылается? — минутный дымъ
 Извѣстности, отличія земныя, —
 И ихъ страданія, незримыя, глухія!..

Входятъ два убійцы.

ПЕРВЫЙ УБИЙЦА.

Эй, кто тутъ есть?

БРАКЕНБЕРИ.

Что тебѣ нужно, негодяй, — и какъ ты вошелъ сюда?

ПЕРВЫЙ УБИЙЦА.

Мнѣ нужно переговорить съ Кларенсомъ, а вошелъ я сюда — по-
 гаму.

БРАКЕНБЕРИ.

Какъ?! это ужъ очень коротко!...

ВТОРОЙ УБИЙЦА.

Чѣмъ кратче, сэръ, тѣмъ лучше. Что тутъ долго
 Болтать-то? Покажи ему бумагу.

Они передаютъ бумагу Бракенберн, который ее просматриваетъ.

БРАКЕНБЕРИ.

Мнѣ здѣсь предписываютъ выдать вамъ

Милорда Кларенса. Я не хочу
Судить о томъ, что въ этомъ повелѣнн
Скрывается, — я умываю руки....
Вотъ — герцогъ сонный, вотъ — ключи. А я
Пойду къ его величеству съ докладомъ,
Что сдать, какъ вѣрно, мою вамъ должность.

ПЕРВЫЙ УБИЙЦА.

Прекрасно, сэръ! вы можете : прощайте.

Бракенбери уходитъ.

.....

НАТУРЩИЦА.

=

ПОВѢСТЬ.

=

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

=

XVIII.

Финагентъ, по поводу своихъ безкорыстныхъ услугъ, все чаще и чаще видѣлся съ прелестной гаваньской сироткой, которую прѣчилъ въ натурщицы. Припоминая рѣдкія свои неудачи въ подобныхъ предпріятіяхъ, онъ, разумѣется, не могъ сомнѣваться въ успѣхѣ и въ настоящемъ случаѣ; однако, какъ опытный поставщикъ натурщицъ, онъ съ прискорбіемъ замѣтилъ, что эта дѣвушка не имѣла ничего общаго даже съ неподобѣйшими моделями, которыя когда-либо удавалось ему покорять рѣзцу скульптора или кисти живописца. При такой молодости, при такой красотѣ, — и ни капли легкомыслія, ни крошки корыстолюбія, ни тѣни извѣстной женской любви къ нарядамъ! — все это рѣшительно приводило въ уныніе предприимчиваго Финагента. Только и видѣлъ онъ въ этой дѣвушкѣ утѣшительнаго, что бѣдность, — да и ту надо было не допускать до крайности, чтобъ не испортить въ-конецъ этой рѣдкой модели.

Финагеичъ, не приступая еще къ рѣшительнымъ переговорамъ по художественной части, убѣдился, что почти всѣ средства, обыкновенно доставлявшія ему успѣхъ, были совершенно неумѣстны и даже недействительны въ настоящемъ предпріятіи: надо было прійскать новыя, и притомъ поторопиться. Финагеичъ и прійскалъ: онъ вознамѣрился подстрекнуть все, что нашелъ въ характерѣ Лавиніи добраго: ему почему-то казалось не невозможнымъ извлечь изъ благородныхъ наклонностей тотъ же самый результатъ, какой обыкновенно извлекалъ онъ изъ предосудительныхъ.

Вотъ опять нашъ гаванскій Мефистофель улучилъ минутку побесѣдовать на-единѣ съ неопытной сироткой. Лавинія стоитъ передъ нимъ блѣдная, взнуренная; но рыска глаза отставнаго натурщика замѣчаютъ, что она еще очень можетъ служить моделью какому угодно художнику. Конечно, горе придаетъ красоты развѣ только сердцу. Прелестныя, только-что развившіяся формы Лавиніи немножко пооскудѣли, постоянная грустная дума придала чертамъ серіозное и вмѣстѣ трогательное выраженіе; но лицо ея приняло какую-то неизъяснимую прозрачность, такъ что душа въ немъ просвѣчивалась еще явственнѣе, чѣмъ прежде.

— Такъ ты говоришь, мой другъ, что давно меня знаешь? спросила она Финагеича, который любилъ поговорить о прошедшемъ, для того, чтобъ отвлечь вниманіе отъ настоящаго.

— Какъ же-съ, барышня, вотъ я васъ какую махонькую знавалъ.

И Финагеичъ опустилъ свою ладонь чуть не до полу.

— И съ папенькой вашимъ дѣлашки водилъ, тоже рученьцеца давали-съ, и со всею благонадежностью....

— Съ папенькой! прешептала Лавинія, замѣтно тронутая, причѣмъ глаза Финагеича не могли скрыть удовольствія.

— Маменьку, такъ ту Господь не привелъ видѣть; а слышно, что и та была добрыйшая, предобрыйшая; тоже не оставили бы меня, кабы знали.

И безцвѣтныя губы его искривились на-шанеръ улыбки; а на голубыхъ глазахъ Лавиніи проступили двѣ слезы.

— Ужь накле-сь, продолжалъ собесѣдникъ, ны ее похоронилъ, какъ слѣдуетъ....

Лавинія, наклонившаяся, чтобъ скрыть свои слезы, подняла голову съ нѣмыми вопросомъ.

— Мы факелы несли, отвѣчалъ Финагенчъ.

Лавинія нѣсколько минутъ не могла выговорить ни слова.

— Да, ты уже говорилъ мнѣ, мой другъ, что ты факельщикъ.... Развѣ это такъ прибыльно?

— Какое тутъ прибыльно! Служба-то, мезгѣ, не тягостная.

— Все-таки, ты, мой другъ, счастливѣе меня: ты можешь выбирать себѣ службу по силамъ; а я....

— Подноте, барышня, грѣшить-то! Съ вашимъ ли пригожествомъ пропадать?

— Ты смѣешься надо мной.

— Какъ можно-сь? Что я за неучъ за такой.

— Или ты сегодня веселѣе, или я печальнѣе, чѣмъ обыкновенно.

— То-есть, по правдѣ, такихъ вотъ пригоженькихъ и цѣ-роду не случалось видѣть.

— Пожалуйста перестань; я не расположена сегодня къ шуткѣ.

— Какія тутъ шутки! Хоть кого спросите, барышня, съ красотой ли пропадаютъ? Я самъ вотъ какъ помоложе да попригожее былъ, такъ зашибалъ хорошую копѣйку.

Удивленная дѣвушка посмотрѣла на своего собесѣдника съ недоувѣрчивостью, отыскивая на его лицѣ слѣды давно исчезнувшей красоты, какъ нумизматикъ разглядываетъ стертую временемъ монету.

— Что вы, барышня, такъ смотрите? спросилъ отставной натурщикъ, съ улыбкой.

— Ты былъ хорошъ? Это доставляло тебѣ копѣйку?

— Такъ точно-сь....

— Ничего тутъ не понимаю.

Финагенчъ былъ въ порядочномъ замѣшателствѣ: онъ чувствовалъ, что довелъ дѣло до самой деликатной точки, и хотя могъ ободрить себя отзывами своихъ знакомыхъ, которые единогласно свидѣтельствовали, что Финагенчъ „знаеть

всякую тонкость въ обхожденіи“, однако на этотъ разъ бѣдникъ поперхнулся.

А между-тѣмъ дѣвушка, со всѣмъ любопытствомъ молодости и бѣдности, нетерпѣливо ждала поясненій.

— Да-съ, вотъ оно какъ! сказалъ, помолчавъ, Финагенчъ. Вотъ и вамъ бы, того.... не дурно....

— Мнѣ? что же мнѣ? спросила Лавинія, полуудивленная, полуйспуганная.

— Ужъ коли нашему брату платять не скупю, вамъ бы и давно....

Лавинія поглядѣла на своего собесѣдника пристально, со страхомъ.

— Я вотъ служилъ въ академіи художествъ натурщикомъ: шесть-сотъ рублей въ годъ, фатера и харчи готовые; да кромѣ-того живописцы на домъ приходятъ наказываютъ. Только извѣстное дѣло, натурщикамъ, такъ тѣмъ платять не въ-примѣръ тороватѣе.

Лавинія поблѣднѣла; потомъ красноватая пятна появились на ея лицѣ.

— Хоть бы и натурщикамъ, продолжалъ Финагенчъ съ поддѣльною разсѣянностью: вѣдь оно ни чуть не бѣдно. Надѣнуть какую-нибудь чалму турецкую, не то мантию какую-нибудь этакую накинуть, — и сидить себѣ, то-есть безъ всякой натуги; а ужъ денежки тутъ вѣрныя, послѣ каждаго присѣста и расчетъ.

Финагенчъ ожидалъ по-видимому какихъ-то разспросовъ, но, не дождавшись, продолжалъ:

— Эхъ, будь-ко я въ вашей кожѣ, барышня, да я бы какъ разъ разбогатѣлъ, и махнулъ бы прямо.... въ ростовщички....

— Ты, мой другъ, — извини меня, если ошибаюсь, — ты, кажется, всѣ средства считаешь хорошими на то, чтобъ доставать деньги?

— Что жъ тутъ такого? Вѣдь и графини даютъ съ себя патреты списывать; также сидятъ не ворохнутся передъ живописцемъ. Есть и такія, что сами пріѣзжаютъ въ мастерскую, какъ же, есть много. Важное дѣло! Да я видѣлъ прехо-

рошихъ барышня, которыя не гнушались идти на натуру, право видѣль. Вѣдь надо же что-нибудь промыслить красавицъ-безприданницъ, а иголкой въ недѣлю того не достанешь, что тутъ даютъ за какой-нибудь часикъ. Только сиди себя, да и дѣло съ концомъ. Какъ теперь помню, я вотъ спящаго какого-то представлялъ, да и ну храпѣть на самомъ дѣлѣ.

Сначала, всѣ эти рѣчи показались Лавиниѣ какъ-то особенно дикими; но потомъ, полное убѣжденіе на-счетъ честности, правдивости, безкорыстія и множества другихъ добродѣтей Финагенча, заставило довѣрчивую дѣвушку взглянуть на вещи нѣсколько иначе, съ нѣкоторою терпимостью. Она подумала о больной бабушкѣ, и это окончательно расположило бѣдную дѣвушку въ пользу Финагенча.

— Какъ право того, я и давно васъ, барышня, не надолжилъ! продолжалъ Финагенчъ съ неподражаемымъ просто-сердечіемъ: вѣдь вотъ и бабушку-то вашу было бы чѣмъ волечить, и самимъ-то, извѣстное дѣло, было бы получше.

Лавиниѣ все болѣе и болѣе углублялась въ свою великодушную думу. Ободренный этимъ молчаніемъ, Финагенчъ свободно предался своей необузданной фантазіи: онъ импровизировалъ монологъ, который вышелъ бы неслыханно страннымъ, если бъ былъ воспроизведенъ стенографомъ. Тутъ говорилось о нищетѣ и о деньгахъ, о заслугахъ Финагенча и о рекомендованныхъ уже имъ натурщицахъ, о степенности художниковъ и о завидномъ благосостояніи натурщицъ; но всего чаще упоминалось о больной бабушкѣ и о внучкѣ, которая одна теперь можетъ помочь и ей и себѣ, но.... не хочетъ.

Весь этотъ потокъ безсвязныхъ, часто бессмысленныхъ фразъ, конечно, не могъ помрачить разсудка Лавиниѣ, однако послѣдній аргументъ былъ такъ силенъ, что растроганная внучка и не искала на него возраженія. Оставляя Финагенча, она по-видимому не сказала ничего рѣшительнаго только потому, что не была въ состояніи говорить. Она трепетала, какъ женщина, ищущая силъ рѣшиться на какой-нибудь подвигъ самопожертвованія.

XIX.

Въ одно утро Авдотья, не обыкновенно, хотѣла приняться за свои рання работы, но и тутъ была ей помѣха: она не могла шевельнуть ни рукой ни ногой, — зашемогла.

Исправляющимъ должность Авдотьи, естественно, поступилъ Финагенчъ. Онъ не только принесъ воды, разведъ огонь, но и съ рѣдкимъ самоотверженіемъ вызвался стирать бѣлье.

Сверхъ-того, желая ознаменовать этотъ радостный день чѣмъ-нибудь особеннымъ, Финагенчъ, отъ избытка чувства, рѣшился, не дожидаясь очереднаго дня, растопить коминатную печь, которая, несмотря на то, что лѣто давно миновалось, топилась черезъ два дня на третій.

Въ этотъ же самый день, въ сѣренькій гаваньскій домикъ неожиданно явился — явленіе довольно рѣдкое въ тѣхъ мѣстахъ — лакей въ блистательной ливреѣ; ливреѣ, которая давала нѣкоторое понятіе не только о богатствѣ его господъ, но и о неправдоподобности ихъ фантазій.

— Здѣсь стоитъ титулярная совѣтница К...? спросилъ онъ, приглаголивъ бакенбарды, со всею надменностью своего званія.

— Здѣсь, отвѣчала Лавинія, приведенная въ нѣкоторое замѣпательство неожиданнымъ посѣщеніемъ? Что вамъ угодно?

Чувствуя неизмѣримое разстояніе, отдѣлявшее его бѣлыми замшевыми перчатками отъ бумажныхъ, и не разъ подвергавшихся домашней починкѣ, ботинокъ Лавиніи, блестящій гость возвысилъ голосъ по-крайней-мѣрѣ ноты на три.

— Вотъ къ нимъ письмо-съ, сказалъ онъ, величественно подавая маленькій конвертъ, разукрашенный золотыми гротесками и кружевами, вытиснутыми на бумагѣ, — и чуть-было не прибавилъ — „душенька;“ только вдругъ встрѣтилъ взглядъ, кроткій, скромный, но сіявшій такимъ благородствомъ, какое не всякій день и не вездѣ встрѣчается.

Высокомѣрный посѣтитель потушился, когда увидѣлъ, что Лавинія собственноручно сломала облатку, блиставшую всеми геральдическими красотоми. Посланіе было написано по-французски паутиннымъ женскимъ почеркомъ. Надо отдать справедливость, наши дамы далеко опередили насъ на по-

криць каллиграфин, но вообще упорно считаютъ достаточнымъ быть грамотными только по-французски; такъ что тѣ, которыя начинаютъ подозрѣвать о существованіи русской этимологій, безъ отлагательствъ спѣшатъ подкрѣпить собою таланту литераторовъ.

Лавинія прочитала письмо съ удовольствіемъ, какого давно не чувствовала: ей предлагалось мѣсто... мѣсто гувернантки. Но вы не поймете радости Лавиніи, вы, у которыхъ вѣчно засоренъ желудокъ трюфелями и устрицами. Приглашеніе было прислано отъ дамы, которую мы видѣли мелькомъ въ кабинетъ человѣка, который никогда не работаетъ. Она слышалась о счастливо развитой Лавиніи отъ одной старушки, къ которой бѣдная дѣвушка ходила изрѣдка, лѣтомъ, звуками хрилаго фортепіано поминать свой эраровскій родъ.

По странному стеченію обстоятельствъ, одна и та же особа была рекомендована въ одинъ и тотъ же домъ: женѣ — въ качествѣ гувернантки, мужу — въ качествѣ натурщицы. Но ни мужъ, ни жена, ни рекомендующіе, ни сама рекомендованная не подозрѣвали этого невѣроятнаго, — съ позволенія сказать, — тождества.

Лавинія, покуда еще ничего не зная о томъ, что добрые люди давно уже произвели ее въ натурщицы, сочла во всѣхъ отношеніяхъ завиднымъ предлагаемое ей мѣсто гувернантки: она увидѣла наконецъ исходъ изъ своего труднаго положенія; перспектива ея будущаго немножко прояснилась. Но она тотчасъ же сообразила, что ей остается устранить три маленькія препятствія, не считая трудности разлуки съ бабушкой: во-первыхъ, невозможно было отлучиться отъ больной, покуда не встанетъ на ноги Авдотья; во-вторыхъ, оставалось узнать, наѣтрены ли господа, предлагающіе мѣсто, поставить себя въ зависимость отъ выздоровленія Авдотьи; въ-третьихъ, надлежало выдержать экзаменъ. Последнее препятствіе всего менѣе страшило Лавинію: это былъ вопросъ только о большей или меньшей потерѣ времени.

Какъ бы то ни было, а Лавинія не могла, въ настоящую минуту, воспользоваться счастливымъ, неожиданнымъ предложеніемъ. Нѣтъ ничего горьче благополучія, которое намъ предлагаютъ, когда мы не можемъ его принять.

Лавинія рѣшилась письменно, откровенно изложить неизвѣстной благотворительницѣ всѣ плачевныя свои обстоятельства.

Но тутъ новое затрудненіе: на письмо потребовалась бумага! Лавинія перерыла свой бумажный запасъ: на-лицо оказалось нѣсколько мутно-сѣроватыхъ лоскутковъ, терпимыхъ развѣ только рецептами. Этимъ сортомъ бумаги можно оскорбить любаго столоначальника, не только свѣтскую даму. Гаваньская сиротка догадывалась объ этомъ уже и по изяществу присланной ей записки. Последняя надежда — отыскать неисписанный листокъ въ роскошномъ манускриптѣ покойной матери, — оказалась напрасною.

Между-тѣмъ блестящій посланецъ, вѣроятно замѣтившій затруднительныя обстоятельства и замѣшательство бѣдной дѣвушки, снова весьма глубоко почувствовалъ свое достоинство и ободрился.

— Прошу васъ, сказала Лавинія, поблагодарить отъ меня вашу добрую госпожу. Постарайтесь сказать, что я пришла бы къ ней сама, но немогу отлучиться ни на минуту отъ больныхъ.... Скажите, что я съ радостью готова принять ея предложеніе, но къ несчастію, теперь не могу, и она сдѣлала бы для насъ большое благодѣяніе, если бъ была такъ добра и подождала двѣ или три недѣли: можетъ-быть, въ это время больныя мои поправятся.

Голосъ бѣдной дѣвушки дрожалъ: она уже знала, какъ рѣдки улыбки судьбы.

— Такъ пожалуйста не забудьте поблагодарить и сказать, что мнѣ не на кого домъ оставить.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ посланный, торопясь выйти.

Лавинія отпускала его съ стѣсненнымъ сердцемъ, какъ-будто чувствовала, что разстается съ послѣдней надеждой.

— Ужъ какая можетъ тутъ быть гувернерка, говорилъ сквозь зубы лакей, заноса ногу въ сани лихача, который его дождался.

Если не оскорблена, то по-крайней-мѣрѣ очень изумлена была свѣтская женщина, приглашавшая Лавинію въ качествѣ гувернантки къ своей маленькой Зизи, когда не получила письменнаго отвѣта.

— Непостижимая небрежность! сказала она, пожимая плечами. Видно, еще не так бѣдна, какъ говорили. И тебѣ ничего не сказали? продолжала она, обращаясь къ лакею.

— Ничего—съ. Приказали кланяться и поблагодарить.

Эти слова сопровождались полу-улыбочкой, какая съ успѣхомъ замѣняетъ какую угодно клевету.

XX.

Неподвижная и пожелтѣвшая, какъ восковая фигура, исключенная изъ коллекціи за ветхостію, сидитъ больная старушка въ своемъ жесткомъ кожаномъ креслѣ. Внучка сидитъ у ногъ ея на скамеечкѣ, закрывъ лицо обѣими руками. При каждомъ малѣйшемъ движеніи, при каждомъ неровномъ вздохѣ больной, съ безпокойствомъ обращаются на нее голубые, меланхолическіе глаза внучки, готовый день и ночь заботливо предупреждать всѣ желанія бабушки; но больная уже въ томъ полу-детаргическомъ состояніи, когда всякое движеніе рукой или ногой кажется пациенту отважнымъ подвигомъ, когда самыя желанія ему въ тягость, и одно дѣйствіе воли страшно утомительно.

Уже нѣсколько дней назадъ, неизвѣстно по какому случаю, кредитъ, которымъ пользовались мирныя обитательницы сѣренькаго домика, внезапно поколебался. Мелочной торговецъ, изъ предусмотрительности и въ уваженіе того, что отпускаетъ „на книжку,“ со дня на день сокращалъ свой и безъ того скудный фунтъ и набавлялъ цѣны, а Финагеичъ, многоходомъ, съ глубокими вздохами предостерегалъ, что его запасецъ дровецъ переведется не сегодня, такъ завтра... Раза два было даже такъ, что Финагеичъ, встрѣтя Лавинію на кухнѣ, бормоталъ какъ-будто про себя:

— Эхъ, плохо!... а можно бы того... славно поправиться!

Лавинія, сколько могла, скрывала отъ бабушки плачевное состояніе хозяйства; но свѣжесть температуры въ комнатѣ и, еще болѣе, частый недостатокъ необходимѣйшихъ предметовъ безпрестанно обличали горькую истину. Бѣдняжка уже начинала чувствовать что-то въ родѣ угрызенія совѣсти, ко-

гда, обдуывая рѣчи Финагенча, сознавалась, что она точно могла поправить все это жалкое дѣло. Новизна неслыханнаго поприща, конечно, ужасала ее; однако жъ она рѣшилась посоветоваться съ больной Авдотьей, за которую ухаживала какъ за родною.

— Ужъ не говорите, барышня! лепетала полу-шопотомъ добрая женщина. Вишь ты, онъ и ко мнѣ-то ужъ приста-валъ съ этимъ со всѣмъ. Золотыя горы сулить. Я и спрашиваю: а что моль, не провести ли ты хочешь? Божится вотъ, что нѣтъ. Свое вотъ все твердить — кабы барышня далась только патреть свой срисовать — и были бы денежки. Оно, можетъ, и впрямъ такъ. Что жъ, вѣдь Финагенчъ-то предобрѣйшій: кому-жъ намъ вѣрить-то, коли не Финагенчу? Да еще и побожился: не христопродавецъ же онъ какой.

Всѣ эти доводы, можетъ-статься, Лавинія и оцѣнила по ихъ достоинству; но, въ-самомъ-дѣлѣ, какія причины могла найтти неопытная дѣвушка на то, чтобъ усомниться въ благонамѣренности Финагенчевыхъ дѣйствій? Притомъ же она, какъ обыкновенно всѣ молодыя существа, предполагала въ людяхъ болѣе склонности къ добрымъ поступкамъ, чѣмъ къ предосудительнымъ.

Оставалось одно — посоветоваться съ самой бабушкой; но въ сущности ея отвѣта Лавинія почти не сомнѣвалась: старушка всегда, даже и въ самыхъ трудныхъ минуты жизни, съ рѣдкою твердостью, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ повторяла, что ни за что не рѣшится отпустить свою пригожую сиротку *отъ люди*. Лавинія помнила также, что когда у нихъ, бывало, по какому-нибудь случаю, заходила рѣчь о художникахъ, старушка обыкновенно только качала головой и никакъ не хотѣла вѣрить, что такому-то живописцу за небольшую картину заплатили пятнадцать тысячъ, а между-тѣмъ непоколебимо вѣрила, напримѣръ, въ то, что нагорѣвшая на свѣчѣ стружка предвѣщаетъ въ домѣ покойника....

Лавинія была убѣждена, что одинъ намекъ объ ея необыкновенномъ предпріятіи могъ бы имѣть весьма невыгодное вліяніе на больную, и потому рѣшилась не говорить ей ни слова. Между-тѣмъ надо же было рѣшиться на самое предпріятіе, которое Финагенчъ нѣсколько разъ уже пытался вы-

стала въ выгодѣйшемъ свѣтѣ, и съ лучшей стороны. Какъ бы ни было, а бѣдной дѣвушкѣ предстояла жестокая борьба, борьба съ собою. Эта внутренняя, иная борьба продолжалась три дня и три ночи. То, что происходило въ душѣ молодой страдалицы — не стану и пытаться выразить словами: на это нужны бы самыя ижныя, самыя глубокия ноты Бетговена или Моцарта. Могу только замѣтить физическія послѣдствія тайныхъ страданій Лавиніи: матовая блѣдность ея приняла желтоватый оттѣнокъ, подъ глазами появились синеватые полукруги, на губахъ, довольно алмахъ отъ лихорадочнаго жару, блуждала какая-то трогательная улыбка. Въ эти три дня одинокаго размышленія, въ эти три ночи полу-сна и видѣній, Лавинія прожила годы.

Еще разъ освѣдомилась она у Финагенча о художникѣ, котораго тотъ рекомендовалъ. Еще разъ Финагенчъ панатурилъ свое краснорѣчіе съ цѣлю представить званіе художественной модели весьма почтеннымъ и особенно выгоднымъ; а въ характерѣ своего художника старался отыскать все то, что казалось поставщику натурщицъ достоинствомъ: и не пьющій-то онъ, и живетъ-то одиноко, и денежки-то у него водятся, и молодыя дѣвушки на него заглядываются: тѣмъ не человекъ?!

Разувѣтся, Лавинія не въ этихъ качествахъ художника имѣла нужду: но Финагенчъ не признавалъ никакихъ иныхъ. Лавинія, краснѣя и блѣднѣя, просила своего руководителя назначить день....

Финагенчъ не любилъ медлить, особенно когда опасался, чтобъ его аденты не измѣнили принятымъ мѣщеніямъ. И такъ художественная экзекюція была назначена не дальше, какъ на слѣдующее утро.

Большая, въ продолженіе этого дня, страдала болѣе обыкновеннаго и даже, вѣроятно въ забытьѣ, обнаружива ишко-зарна прихоти, просила всякоже винограду, морошковой воды, мятныхъ лепешекъ. Чѣмъ скромнѣе были требованія больной, тѣмъ оныиѣ надрывалось сердце внучки, которая не могла ихъ исполнить.

— Завтра! шептала она безпрестанно, ободряя себя, и

уже не рассказывалась въ своей рѣшимости: завтра она надѣялась сколько-нибудь облегчить положеніе бабушки.

Бѣдная дѣвушка всю ночь провела на стулѣ подлѣ большой, въ совершенной темнотѣ, потому что въ лампадѣ уже нѣсколько дней не было ни капли масла.

Впрочемъ, сострадательный уличный фонарь бросалъ въ окно тусклый и дрожащій лучъ свѣту, который и ледяную печь, и пустынный шкафъ и самоваръ, короче, всѣ хозяйственные предметы — способенъ былъ превратить въ безобразные призраки.

Лавинія, для развлечения, глядѣла въ окно, то-есть, въ бездну темноты. Когда на минуту замолкало болѣзненное храпѣнье бабушки, Лавинія слышала, какъ въ ухахъ у нея звенѣло, чувствовала, какъ кровь тревожно бѣжала по жиламъ и какъ неровно и болѣзненно сердце ударяло въ грудь; ознобъ и жаръ боролись между собою въ этомъ молодомъ и предестинномъ тѣлѣ.

Бѣдняжка прислонила пылающій лобъ къ холодному оконному стеклу, до-того ей нужно было облегченіе.

Крайность нищеты и блистательныя предложенія Финагенча давали матеріалу на размышленіе. По счастью, Лавинія не думала, какъ думаютъ многія женщины, будто на этомъ свѣтѣ можно хоть на шагъ отступить отъ прямой дороги, такъ чтобъ не осталось страшныхъ обличительныхъ слѣдовъ.....

Физическое существо человѣка, и особливо женщины, обладаетъ странными тайнами силы и слабости: то оно можетъ устоять подъ ужаснѣйшими ударами, то падаетъ отъ малѣйшей раны. Справедливо замѣчаютъ, что скальпель хирурга можетъ изрѣзать все тѣло, — и не отнять жизни; но есть мѣста, гдѣ уколъ булавки — смертеленъ.

Лавинія чувствовала себя способною на большія пожертвованія; но она еще не подумала о томъ, что съ завтрашняго дня ее будутъ называть — „натурщицею“....

Два или три часа тревожнаго лихорадочнаго сна не столько подкрѣпили ее, сколько измучили чудовищными сновидѣніями. Когда она проснулась, *розоперстая* (отъ морозу) зара

только-что начинала рисовать оштукатуренный на законченной стѣнѣ, а у калитки уже бормотали ранніе гости.

Финагенчъ, вбродно принимая въ соображеніе чрезвычайную краткость зимняго дня для живописца, съ примѣрною исправностью рѣшился не тратить ни минуты, хотя и зналъ, что выставка, по случаю ожиданія какой-то высокой оцѣны, была отложена до весны.

На выпавшемъ ночью легкомъ слоѣ снѣгу нигдѣ еще не было видно никакихъ слѣдовъ, кромѣ двухъ параллельныхъ линий, оттиснутыхъ полозьями санокъ, за которыми Финагенчъ еще до свѣту сбѣгалъ чуть-ли не на Исакиевскій мостъ.

— Ты подожди тутъ, сказалъ Финагенчъ извозчику, открывая калитку осторожно, такъ чтобъ она не скрипѣла.

— Какъ-же это: еще и дожидаться за пятналтыничемъ-то?

— Не великъ баринъ: подождешь!

— Экіе вы какіе! Да я бы примѣрно полтинничекъ выждали....

— Ой, ты, борода...!

И съдой извозчикъ съ непоколебимостью стойка вынесъ со стороны своего стронтиваго сѣдока цѣлый залпъ обиднѣйшихъ эпитетовъ. Финагенчъ, убѣдившись, что старикъ не одолжитъ, перенесъ свои оскорбленія на лошадку; но едва произнесено было слово: „одранъ“, старикъ поднялъ голову съ трагическимъ недоумѣніемъ, обличая неожиданную способность къ гнѣву, и принялся съ лихвою отдавать Финагенчу назадъ всѣ предосудительныя прозвища, приданныя имъ лошади. Финагенчъ замаяхнулся-было, какъ водится, надъ лошадинымъ глазомъ.... Тогда неистовство извозчика возрасло до крайней степени, такъ что объемистая рукавица уже мѣтила Финагенчу прямо „подъ мышкитки“, да тотъ, видя, что дѣло приняло невыгодный оборотъ, ловко увернулся въ калитку.

И старикъ съ нѣжностью поднесъ къ губамъ своей лошади клокъ сѣнца, въ вознагражденіе за всѣ возведенныя на нее напраслины.

Между-тѣмъ Лавинія, взглянувшая въ окошко и увидѣвшая Финагенча, осталась на мѣстѣ, какъ прикованная. То, что до снѣга-порѣ казалось ей сповиданіемъ, теперь вдругъ

стало существовательно. Сердце ея заколыхалось, какъ—будто всё удерживавшія его нѣвы были внезапно порваны.

Въ первый разъ, при видѣ Финагенча, бѣдная дѣвушка почувствовала себя въ недовкомъ положеніи молоденькой невольницы, которую ведутъ на безпощадный смотрь.... на продажу. Ей было страшно и стыдно; она задыхалась отъ какаго-то до-сихъ-поръ незнакомаго ей чувства.

Въ эту минуту смущенія, Лавинія не понимала, какъ могла она на-канунѣ рѣшиться на предпріятіе, котораго исполненіе выше силъ дѣвушки.... Она вознамѣрилась—было съ твердою рѣшимостью отказаться отъ всѣхъ своихъ слишкомъ смѣлыхъ, или слишкомъ дѣтскихъ, обѣщаній. Но Лавинія бросила печальный взглядъ на больную старушку.... всѣ вчерашнія обѣщанія опять казались встревоженной дѣвушкѣ совершенно благоразумными и раскаяніе неумѣстнымъ.

Надо было рѣшиться немедленно. Лавинія рѣшилась.

Торопливо плескала бѣдняжка на свои блѣдные виски воду со льдомъ, образовавшимся въ кувшинѣ: это придавало Лавиніи бодрости, освѣжило ея голову; мысли ея прояснились до такой степени, что она догадалась немножко пригладить свои волосы, и надѣть лучшее изъ трехъ или четырехъ своихъ платьевъ, — бѣлое кембриковое.

Тихонько прокралась трепещущая дѣвушка мимо спящей бабушки, однако должна была сказаться Авдотьѣ.

— Ахти, мои матушки! куда это вы, голубушка, собрались спозаранку?

Добрая женщина, вчера еще соглашавшаяся со всѣми доводами Финагенча и уговаривавшая Лавинію рѣшиться на неслыханный подвигъ, сегодня, при видѣ уходящей своей барышни, впала въ такое замѣшательство, что готова была ухватиться за ея платье, остановить ее, и даже, въ случаѣ надобности, выцарапать Финагенчу глаза.

— Да что вы это, барышня! Да какъ же это можно одѣмъ-то! Да я не пушу васъ, голубушка вы моя; вотъ не пушу, да и только, право! повторала Авдотья, пытаясь встать съ постели.

— Тише, Авдотьюшка, не разбуди бабушку. Нѣтъ, я не

одна, съ Финагенчемъ. Онъ замкнетъ васъ здѣсь, и скоро воротится. Да и я постараюсь скоро воротиться.

— Глядите вы ему въ зубы-то! Можетъ, онъ и плутъ какой: кто его знаетъ!

Финагенчъ между-тѣмъ прятался за дверью и ни гугу.

Еще нѣсколько материнскихъ увѣщаній и благословеній со стороны Авдотьи, и Лавинія вышла, вооруженная единственною эгидою женской слабости — стыдливостью.

Финагенчъ, со всѣми почестями, усадилъ свою прелестную добычу въ ободранныя санки, какія можно видѣть на улицахъ только ночью, и даже внимательно обтеръ обшлагомъ снѣгъ съ башмачковъ бѣдной дѣвушки.

Покуда почтительный Финагенчъ принималъ скромное погѣщеніе на облучкѣ, рядомъ съ все еще ворчавшимъ извозчикомъ, Лавинія кликнула:

— Милордъ!

— Пошолъ! сказалъ Финагенчъ извознику, который ни маю не медля принялся примѣрно тиранить кнутомъ свою нѣжно-любимую лошадь.

— Милордъ! Милордъ! продолжала звать Лавинія, твердо убѣжденная впрочемъ, что достаточно одного призыва на то, чтобъ неизбѣнный песъ послѣдовалъ за нею въ огонь и въ воду.

Въ-самомъ-дѣлѣ, вѣрная собака услышала первый призывъ и рванулась со всею пылкостью вѣрнаго друга... но коварная петля, предусмотрительно заблаговременно накинутая на шею Милорду попеченіями какой-то предадельской руки, скользнула ему подъ горло и перехватила дыханіе. Бѣднякъ хотѣлъ откликнуться... но могъ испустить только глухое стenanіе. Еще одинъ благородный порывъ, — и Милордъ задохся бы окончательно. По дрожанію голоса Лавиніи, для всѣхъ другихъ, можетъ-статься, незаметному, Милордъ смекнулъ, что молоденькая госпожа его въ опасности, понялъ, что она вѣроятно нуждается во всемъ его самоотверженіи, во всѣхъ его зубахъ....

Но веревка была прочности, приводящей въ отчаяніе; а столбъ галереи, къ которой эта образцовая свора была прикреплена, обличалъ устойчивость храбрѣйшаго гренадера.

Милордъ понялъ, что одной силой тутъ не возьмешь, и принялся торопливо жевать веревку, на сколько позволяла ему парализованныя челюсти; потомъ съ послѣднимъ усиленіемъ напрягъ всѣ свои стальные мускулы, рванулся, страшно взвылъ отъ боли и — побѣдоносно выпрыгнулъ на улицу. Двѣ параллельныя черты, оттиснутыя полозьями на асфальту, служили Милорду ариадниной нитью. Но и безъ помощи слѣдовъ умѣлъ бы онъ найти свою покровительницу.

Прямо и весело помчался Милордъ, забывая даже о неблагопріятномъ концѣ веревки, висѣвшемъ у него на шеѣ. Но испытанія вѣрнаго пса еще не кончились. Въ одномъ изъ сосѣднихъ дворовъ ожидала его гнусная засада.

— Пиль! гаркнулъ чей-то басистый голосъ.

Но этой командѣ, страшный буро-рыжій звѣрь, представлявшій собою любопытнѣйшій экземпляръ слиянія волка, льва и медвѣдя, однимъ прыжкомъ выскочилъ изъ калитки на середину улицы и, безъ всякаго благовиднаго предлога, дерзко атаковалъ мирнаго соотечественника со стороны хвоста.

Какъ ни дорожилъ Милордъ атакованнымъ членомъ, однако, справедливо озабоченный важною обязанностью, не намеревался тратить ни минуты на уличную схватку, предоставляя себѣ впрочемъ право проучить наглеца въ часы досуга. Но буро-рыжій звѣрь нападалъ съ такою запальчивостью, съ такою хищностью, что Милордъ рисковалъ остаться въ зубахъ противника кровавый трофей, и явиться на мѣсто исполненія своихъ обязанностей не въ нормальной цѣлости. Ожесточенное нападеніе требовало неистовой обороны.

Вринственный лай четвероногихъ бойцовъ вызвалъ между тѣмъ многихъ обитателей каютъ, извѣстныхъ здѣсь подъ названіемъ домовъ; любители явились на мѣсто битвы съ метлами, съ длинными чубуками, или свертками бумагъ, смотря по тому, что случилось у нихъ въ рукахъ. Зрители приняли живѣйшее участіе въ борьбѣ; мѣтнія однако раздѣлялись: одни держали сторону обиженнаго Милорда, другіе — присоединились къ партіи буро-рыжаго звѣря. Любители съ обѣихъ сторонъ дѣлали всѣ усилія для оживленія борьбы и выказывали

ли замѣчательныя дарованія и свѣдѣнія по части высшей
травы.

Всѣ спѣшили наследитья даровымъ зрѣлищемъ; простран-
ство арены, окруженной любопытными зрителями, безпре-
станно уменьшалось, такъ, что отступленіе бойцамъ дѣла-
лось невозможнымъ. Зрители нетерпѣливо ожидали интерес-
ной катастрофы. Одному изъ четвероногихъ гладиаторовъ
еще было плетъ въ общей крови, зарумянившей изрытые
сугробы снѣгу.

XXI.

Однообразно тянулись широкія и пустынный улицы, съ
безконечными фронтами домовъ, похожихъ другъ на друга.
Во-крайней-мѣрѣ такъ казалось Лавиніи, которой некогда
было обращать на предметы слишкомъ тонкое вниманіе: всѣ
ей мысли сосредоточились на больной бабушкѣ, которую на-
до было защитить хоть отъ голоду.

Лавинія не знала, въ какой край города ее везутъ, но
не обмывала ни малѣйшаго безпокойства въ этихъ незнако-
мыхъ улицахъ: она вполне полагалась на Финагенча, кото-
рый не разъ уже доказалъ свою неподкупную честность. Къ
чести Милорда, надо прибавить, что Лавинія отчасти пола-
галась и на испытанное его чутье: Милордъ, не потерялъ-бы
слѣдовъ и подъ землею.

— Далеко-ли? спрашивала Лавинія при каждомъ поворо-
тѣ въ новую улицу.

— Не далеко, барышня, отвѣчалъ Финагенчъ успокои-
тельнымъ тономъ.

Между-тѣмъ извозчикъ, попукаемый Финагенчей, неуго-
дно работалъ кнутомъ подъ ребрами своей сухопарой ло-
шадки, которую, впрочемъ, нѣжно любилъ.

— Ради Бога, старичокъ, перестань ты бить свою ло-
шадку, умоляла Лавинія.

— Да вишь свѣдокъ-отъ ртачливъ больно.

— Она у тебя больна, кажется?

— Есть тутъ грѣшникъ, барышня.

— Ты бы полечилъ ее лучше.

— Какó тутъ лечить! Коли Господь дастъ вѣку, такъ небось, она возьметъ свое.... Ну, ты, шевелись!

И старикъ настойчиво, по своей методѣ, продолжалъ ободрять своего паціента.

— Полечилъ бы! ворчалъ онъ сквозь губы: а выручку—то кто, ты что ли выложишь?

— Ну вотъ вамъ и доѣхали. Стой! сказалъ Финагенчъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ.

Лавинія затрепетала.

— Продрогли, барышня? заботливо спросилъ Финагенчъ, спрыгнувшій съ облучка.

— Да.

— А вотъ поотогрѣетесь.

Но Лавинія дрожала не отъ одного холоду. Она не рѣшалась выйти изъ саней, такъ плохо надѣялась она на свои ноги.

Между—тѣмъ какъ Финагенчъ грозилъ извозчику лишеніемъ пятиалтыннаго, за неисправную ѣзду, Лавинія искала Милорда. Наконецъ, не иначе какъ по неотступной просьбѣ Финагенча, и опираясь на его руку, унылая гостыя сдѣлала нѣсколько нетвердыхъ шаговъ къ подъѣзду. Еще разъ оглянулась она, нища кого—то глазами; но Милорда не было видно нигдѣ. Это непостижимое отсутствіе окончательно смутило беззащитную дѣвушку. Пожги ея утратили всю свойственную себѣ легкость и упругость и рѣшительно отказывались опираться о ступени: можетъ—быть и оттого, что давно отвыкли отъ каменныхъ ступеней; притомъ, чужія лѣстницы такъ круты....

Скоро ступеньки, въ глазахъ Лавиніи, запрыгали, перила и стѣны закружились: бѣдняжка ухватила за руку своего вожатаго, какъ—будто боялась быть унесенной этимъ круговоротомъ. Разумѣется, счастливому вожатому всѣ эти поѣмки должны были казаться слишкомъ мелочными въ сравненіи съ успѣхомъ предпріятія: онъ рассчитывалъ приблизительно свои барыши въ ту минуту, когда Лавинія готова была упасть на холодныя плиты. Легкій судорожный стонъ отвлекъ Финагенча отъ вожаденныхъ коммерческихъ мечтаній.

Ничего не затрудняясь, онъ свою мускулистую ручищу наложилъ на легкую талию Лавини, другою ручищей подхватилъ ее подъ колѣна, и понесъ свою безчувственную добычу на-верхъ, какъ коршунъ слабую малиновку.

Лавинія очнулась. Финагенчъ вынужденъ былъ посадить ее на скамейку и уговаривать со всею вѣжностью, доступною поставщику натурщицъ.

Лавинія, блѣдная и ошѣвшая, широко открыла оторопѣлые глаза.

— Не пужайтесь, барышня; чего тутъ пужаться? Не вы первая, не вы последняя.

— Дурно мнѣ! прошептала бѣдная дѣвушка.

— Будетъ хорошо! шепталъ ей въ свою очередь Финагенчъ: три цѣлковенькихъ дадутъ; а можетъ и всѣ пять получите.

Гроико, отрывисто вздохнула Лавинія; головка ея откинулась назадъ и ударилась о стѣну.

Финагенчъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, прыгнулъ къ дверямъ Флоренскаго, и дернулъ за ручку колокольчика.

Разговоръ, завязавшійся съ слугою художника, отличался лаконизмомъ.

— Что, у себя?

— Почиваютъ.

— Буди, скорѣе.

— Не приказано-съ.

— Ну, такъ пусти меня.

— Какъ можно!

— Э, напляшешься!

— Дѣло развѣ какое?

— А ты думалъ бездѣлье, что ли?

— Погляжу.... брѣются никакъ....

— Такъ доложи же.

— Какъ же доложить, подъ бритвой-то?

— Кто тамъ? закричалъ хозяинъ изъ комнаты.

— Вишь ты, глупендай! замѣтилъ слугъ Финагенчъ, и, чуя льготныя минуты, когда не взыскивается за несо-

блюденіе этикета, онъ проскользнулъ въ комнату какъ угорь.

Флоренскій только-что надѣлъ свою итальянскую блузу и, насвистывая какую-то ариэту, осматривалъ свои кисти, къ которымъ уже нѣсколько дней не прикасался.

— Здравія желаю, проговорилъ запыхавшійся Финагенчъ шопотомъ и весьма торопливо.

— Откуда такъ рано?

— Привезъ. Минуты не медилъ.

— Кого, натурщицу? Ту самую?

— Точно такъ-съ.

— Bravo! Давай ее сюда! Вотъ-то кстати.

— Да, она такъ вонъ.

Финагенчъ указалъ жестомъ назадъ.

— Что же, видно изъ стидливенькихъ?

— Ужъ было хлопотъ-то съ ней.

— Развѣ противъ воли?...

— Нѣтъ, а дорожится, ровно вотъ тысящица какая.

— Такъ она сама себѣ и цѣну назначала?

— И извозчики-то какъ дороги! Меньше трехрублевого — и глядѣть не хотятъ.

Въ эту минуту въ сосѣдней комнатѣ послышался легкій и отрывистый кашель, какой искусственно производится крохами курительнаго табаку, пролетающаго сквозь чубукъ въ горло курильщика. Флоренскій осторожно прикрылъ эту дверь плотнѣе, повернулъ ключъ два раза, вынулъ его изъ замка и положилъ въ карманъ, оставляя такимъ-образомъ неприкосновеннымъ право, дарованное постояльцу своему — глядѣть на сцену художнической жизни — сквозь замочную скважину.

— Что же ты медлишь? спросилъ Финагенча художникъ, вынимая изъ ящика палитру.

— Вамъ бы самимъ туда, къ ней... сподручѣе бы...

— Сама и итти не хочетъ? спросилъ Флоренскій съ любопытствомъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ Финагенчъ съ улыбкой. —

А такъ, сомлѣда маленько, тошненько видно стало.

— Экой ты, братецъ! А молчишь!

И Флоренскій, бросивъ свою сигару, опрометью вытѣжалъ вонъ изъ комнаты.

Лавинія очнулась, — отчасти отъ этого филантропическаго шума, — и, увидя передъ собою чужаго человѣка, закрыла лицо обѣими руками.

Но художникъ забылъ о натурщицѣ: онъ видѣлъ передъ собою только женщину; а страдающая женщина имѣетъ двойныя права на вниманіе мужчины.

Флоренскій былъ уже не въ тѣхъ лѣтахъ, когда шелестъ женскаго платья учащаетъ бѣшене нашего сердца, когда носокъ узенькаго полусапожка пробуждаетъ въ насъ любопытство ненасытное, а легкое прикосновеніе женской руки вполне удовлетворяетъ потребности блаженства... Флоренскій былъ уже далекъ отъ того добродушнаго возраста, когда всѣ женщины кажутся красавицами, всѣ ученые — умными; понятія его о красотѣ установились не только лѣтами, но и прилежнымъ изученіемъ антиковъ и первокласныхъ произведеній живописи. Удовлетворить эстетическому вкусу, образовавшемуся въ школѣ Рафаэля и Клемена, было не такъ-то легко. При всемъ томъ красота Лавиніи съ перваго взгляда поразила художника. Флоренскій заглядѣлся.

Даже чудная, узенькая андалузская ножка не ускользнула отъ его вниманія. Все это было быстро замѣчено привычнымъ художническимъ глазомъ, между тѣмъ какъ сердце художника было сильно тронуто: онъ даже былъ порядочно озадаченъ, потому-что ему никогда еще не случалось встрѣчать натурщицу такую печальную и трогательную. Они оба подцали: одна отъ крайняго смущенія, другой отъ изумленія и жаждости.

— Вамъ дурно! сказалъ наконецъ художникъ съ участіемъ. Здѣсь холодно. Пожалуйста, войдите въ комнату.

— Извините меня, прошентала незваная, но тѣмъ не менѣе желанная гостья: — я... (и голосъ ея прерывался) извините... я обезпокоила васъ... боюсь...

— Да чего жъ бояться-то, барышня? перебилъ Финагенъ: кабы знали, голубушка, каковъ баринъ-отъ...

Флоренскій строгимъ взглядомъ заставилъ Финагенца умолкнуть, и съ такимъ участіемъ, такъ скромно подавъ руку

дрожащей не столько отъ холода, сколько отъ стыда и страха, дѣвущкѣ, что она побоялась оскорбить незнакомаго чловѣка отказомъ: она понимала, какъ глубоко оскорбительна всякому честному чловѣку оказанная ему недовѣрчивость.

Флоренскій повелъ прелестную дѣвущку къ своей двери, а самъ краснѣлъ и чувствовалъ необыкновенно неровное и усиленное бѣенье своего сердца. Лавинія, съ поникшей головой, съ платкомъ у глазъ, ступила на чужой порогъ. Въ эту минуту что-то скользнуло по ногамъ Флоренскаго; онъ оглянулся и замѣтилъ на плитахъ капли крови.... Вслѣдъ за тѣмъ послышалось радостное визжанье, прерываемое сердитымъ ворчаньемъ. Это былъ привѣтъ Милорда благополучно отъисканной госпожѣ, и вразумительное предостереженіе чужини.

Лавинія, увидѣвшая своего четвероногого и, можетъ-быть, единственнаго друга, обрадовалась, но въ то же время ужаснулась, замѣтивъ наружность его въ плачевнѣйшемъ положеніи. Милордъ прибылъ прямо съ поля битвы и не успѣлъ еще прилично зализать ни одного изъ многочисленныхъ слѣдовъ жаркой схватки съ буро-рыжимъ звѣремъ. Но стоило молоденькой госпожѣ наклониться и прижать къ своей груди пострадавшую голову Милорда, — и онъ готовъ былъ отъ радости забыть всѣ свои раны.

Лавинія такъ слабо держалась на ногахъ, что Флоренскій, конечно не безъ робости, рѣшился поддержать ее за талью. Милордъ оглянулся и заворчалъ глухо, но весьма значительно.

— Поспѣлъ-таки, проклятый! пробормоталъ Финагеичъ, прижимаясь въ уголь, по-видимому не чувствуя надобности быть замѣченнымъ: здоровъ вѣдь, окаанный!

— Бѣдная собака! сказала Лавинія, сквозь слезы: кто тебя такъ тиранилъ?

Финагеичъ молчалъ и даже притаился, какъ-будто его тутъ совсѣмъ не было.

— Такъ это ваша собака? спросилъ Флоренскій. — Финагеичъ, возьми-ка поскорѣе да обмой ее немножко.

— Да, вишь ты, такъ она и подпустить къ себѣ... чорта съ два!

Въ-самомъ-дѣлѣ, Милордъ, замѣтя своего стараго знаком-

ца, заворачалъ немилосердно. Но Милорду было не до него: надо было внимательно наблюдать за каждымъ движеніемъ незнакомаго художника. Лавинія, подъ прикрытіемъ своего вѣрнаго Милорда, немножко ободрилась и вошла было въ мастерскую художника безъ большой боязни; но тамъ голова ея опять закружилась, мысли перепутались,—такъ, что Флоренскій успѣлъ только подвинуть къ ней кресло: она опустилась въ кресло, можно сказать, независимо отъ своей воли, глаза ея закрылись, а блѣдностью она могла поспорить съ гипсовою статуей, стоявшей въ углу мастерской.

Между-тѣмъ какъ Флоренскій, тронутый до глубины души, усердно и осторожно теръ своей гостью виски льдомъ, простенькій драдедамовый плащъ спустился съ ея плечъ, и в простенькое бѣлое платье не скрыло отъ глазъ живописца ни одного граціознаго контура едва развившихся формъ молодой дѣвушки. Эта красота поразила художника, но онъ боялся глядѣть на нее какъ на простую модель: это казалось ему оскорбленіемъ, профанаціей; онъ чувствовалъ уваженіе къ этой бѣдной дѣвушкѣ, уваженіе, какого не внушаютъ натурщицы.

Наконецъ она очнулась;—художникъ ожилъ; но по стыдливо-опущеннымъ рѣсницамъ и по крайнему ея замѣшательству. онъ тотчасъ догадался, что имѣетъ дѣло вовсе не съ записною натурщицею, а съ прелестнѣйшимъ, невиннѣйшимъ существомъ, съ неопытною жертвою козней Финагеича.

Между-тѣмъ предусмотрительный Финагеичъ, вѣроятно чувствуя себя не совсѣмъ правымъ передъ Милордомъ, скрылся заблаговременно.

Флоренскій, какъ всякій художникъ, не отказывался отъ пригоженькихъ натурщицъ, однако всегда готовъ былъ щадить и даже защищать тѣхъ, которыя вовлечены на художественное поприще хитростями поставщиковъ. Финагеичъ, очень хорошо знавшій это, какъ онъ выражался, жеманство Флоренскаго, полагалъ, что въ настоящемъ случаѣ дѣйствуетъ совершенно невинно и законно; что натурщица изъявила сама согласіе и стало-быть не употреблено никакого насилія.

Необыкновенная блѣдность этой, такъ называемой, натурщицы заставила Флоренскаго думать иначе; онъ уже сильно

негодовалъ на Финагенча и обѣщалъ себѣ порядкомъ проучить его на-досугъ...; однако, надо сказать правду, молодой человекъ былъ отчасти и благодаренъ ему за такое необыданное и заманчивое знакомство.

Минуты летѣли; положеніе Флоренскаго было довольно ново; положеніе Лавиніи — еще новѣе. Флоренскій, вида какъ тамъ было бѣдной дѣвушкѣ, и не желая оскорбить ее даже словомъ, рѣшился дать ей все зависѣвшія отъ него средства выйти изъ страннаго и затруднительнаго положенія, въ которое она была поставлена обстоятельствами, но отъ которыхъ, можетъ-быть, хотѣла теперь отказаться. Какъ ни жаль ему было разстаться такъ скоро съ такимъ милымъ созданьемъ, однако Флоренскій не задумался.

— Теперь вамъ полегче, не правда ли? спросилъ онъ съ участіемъ.

— Да, теперь ничего; благодарю васъ! отвѣчала Лавинія почти шепотомъ.

— Принажете проводить васъ? Вѣроятно, въ этомъ домѣ у васъ знакомые...

Флоренскій этой фразой давалъ своей гостьѣ средство удалиться... не натурщицей; но Лавинія не способна была воспользоваться подобнымъ средствомъ.

— Знакомые? спросила она съ удивленіемъ. Нѣтъ, здѣсь все мнѣ чужіе... Надѣюсь только на васъ, прибавила замѣтно дрожащая дѣвушка, оглядываясь съ какою-то боязнію. Добрый мой Финагенчъ сказалъ мнѣ, что вы честный человекъ.

Ручательство Финагенча заставило Флоренскаго улыбнуться.

— Благодарю за довѣренность. Чѣмъ же я могу служить вамъ?

— Развѣ не вы здѣсь художникъ? спросила Лавинія со страхомъ.

— Я, къ вашимъ услугамъ.

— Ну такъ я не ошиблась... Финагенчъ привелъ... меня... въ вамъ.

— Ко мнѣ?!

— Да.

Флоренскій замѣтно покраснѣлъ, но все еще пытался

избавить свою стыдливую гостью отъ необходимости сознаться въ художественномъ значеніи своего визита.

— Быть-можетъ, портретъ угоденъ вамъ? спросилъ онъ съ смущеніемъ.

— Да, портретъ.... то-есть, мнѣ сказывали....

— Вы мнѣ дѣлаете честь.... это будетъ для меня большіи удовольствіемъ.

Лицо Флоренскаго просвѣтлѣло; онъ уже думалъ какъ-бы повѣжливѣе предложить свои услуги безвозмездно.

— Финагенчъ говорилъ мнѣ, продолжала Лавинія робко и вѣрннтельно: Финагенчъ сказывалъ, что художники списываютъ съ кого нибудь....

— Финагенчъ негодяй! перебилъ всмихнувшій Флоренскій: онъ обманулъ васъ.

Лавинія встала въ испугъ.

— Ради Бога, извините меня; я васъ потревожила.

— Помилуйте! мнѣ жаль только, что вы доверились этому плуту.

— Не говорите такъ о добромъ человѣкѣ! Финагенчъ сдѣлалъ для меня все, что могъ.... никто не сдѣлалъ мнѣ столько. Вы его не знаете.

Флоренскій усмѣхнулся.

— Точно, я еще не зналъ, что этотъ плутъ умѣетъ принимать честнымъ. Впрочемъ, не передъ всякимъ посмѣетъ онъ сыграть комедію. Позвольте мнѣ сказать вамъ — вы неопытны.

— Я бѣдна.... бабушка моя очень больна, прошептала Лавинія, задыхаясь.

Бѣдная дѣвушка не могла больше говорить и закрыла лицо платкомъ.

— Ради Бога, успокойтесь! сказалъ Флоренскій съ умоляющимъ взглядомъ.

Онъ чувствовалъ, что глаза его что-то жгло изнутри.... онъ увлажнился.... ему стало легче.

Въ эту торжественную минуту, глазъ, наблюдавшій сцену сквозь замочную скважину, пересталъ сверкать и мигать въ полъ, подъ вліяніемъ вѣсной струи воздуха, и оглушительный аплодисментъ раздался въ сосѣдней комнатѣ.

Милордъ, отдохавшій у ногъ своей госпожи, шумно зала-
ялъ и опрометью кинулся на дверь: по-счастію, она была
замкнута; но Милордъ ни за что не хотѣлъ отстать отъ нея,
обнюхивалъ малѣйшую трещину, скребъ когтями, становился
на заднія лапы и потрясалъ дверь тяжестью своего тулови-
ща, визжалъ и изъяслялъ необыкновенное желаніе познако-
миться съ скрывающимся тамъ господиномъ.

Флоренскій поблѣднѣлъ отъ негодованія; ему пришла мысль
разомъ окончить эту неловкую сцену и показать, что ему
нечего скрывать: онъ бросилъ успокоительный взглядъ на
свою трепещущую гостью, и рѣшительно подошелъ къ две-
рямъ, осаждаемымъ Милордомъ, который, при видѣ ключа, ве-
село залаялъ. Но только-что этотъ ключъ щелкнулъ въ зам-
къ, за дверьми послышался умоляющій голосъ:

— Что ты, что ты! не отворяй! Травить что ли ты меня
хочешь?

Между-тѣмъ Лавинія поспѣшно накидывала плащъ свой на
плечи, и собиралась бѣжать безъ оглядки.

XXII.

— Внучка, а внучка! кликала слабымъ голосомъ пробудившаяся больная.

Въ первый разъ на этотъ зовъ не было отвѣта. Старушка
подождала, но не слыша вокругъ себя ни малѣйшаго шороху,
пыталась постучать по столу суставомъ мизинца. Эти звуки
не долетѣли бы и до сосѣдней комнатки; по-счастію сто-
ликъ былъ достаточно шатокъ на то, чтобъ сообщить дви-
женіе стоявшимъ на немъ чашкамъ: чашки зазвенѣли доволь-
но шумно... старушка опять прислушивалась.... однако опять
все вокругъ нея молчало. Не видя никого, она рѣшилась упо-
требить всю силу своей воли, съ цѣлью повернуться на дру-
гой бокъ — но безуспѣшно.... Больной было по-видимому очень
трудно, потому что она прибѣгла снова къ сигналамъ по-
средствомъ чашекъ. Наконецъ одна изъ этихъ чашекъ, не-
осторожно задѣтая рукавомъ, брэнчâ разсыпалась по полу

дрезбагами. Это конечно не могло не испугать больной, но во-крайней-мѣрѣ было сигналомъ подѣйствительнѣе прочихъ.

Вслѣдъ за тѣмъ гдѣ-то скрипнула дверь; однако протекло еще довольно минутъ, прежде чѣмъ явилось въ комнату большой живое существо.

— Гдѣ же ты, голубка, запропала? спросила больная полу-шопотомъ.

— Али вы, матушка, меня не признали? Это я, Авдотья ваша, говорила вошедшая, погладивъ, для подтвержденія словъ своихъ, шероховатую, даже отчасти колючею рукою руку старушки.

— Гдѣ-же моя внучка? Внучка гдѣ? Позови мою внучку.

— Да ее никакъ нѣту тутотка.

Старушка посмотрѣла кругомъ себя съ крайнимъ безпокойствомъ.

— Гдѣ же она, моя голубка?

Авдотья смотрѣла по-сторонамъ, стараясь, довольно неловко, показать, будто ничего не знаетъ....

— Куда же она дѣвалась въ-самомъ-дѣлѣ? Чего же ты-то глядѣла?

— Какое, матушка сама-то черезъ силу дотащилась; куда ннѣ!

— Охъ дурень сонъ мой!... Да поди же, приведи ее сюда.

— Гдѣ ннѣ тутъ искать ее? Повремените. Видно со двора на минуточку вышла.

— Поди-ка погляди... Я все мудреное такое во снѣ видѣла.... Ннѣ не въ-терпежъ бѣязно что-то....

— Да чего жъ тутъ бояться-то? Вѣдь она съ Финаген-чешъ....

— Съ Финагенчешъ? Ну, такъ и есть! Такъ и знала! Ужъ сонъ не солжетъ, ннѣтъ.

— А что ты видѣла, матушка? Можетъ и хорошее....

— Хоть Милордъ-то съ ними-ли?

— Милордъ? Онъ что-то тутъ выль давича.... или ннѣ такъ слышалось съ просонья.

— Выдь? Ну, не къ добру все это! Да точно ли видѣла ты, что онъ побѣжалъ за нею?

— Какъ-же! Ужъ этотъ пострѣлъ вездѣ послѣлъ.

Но старушка, по-видимому, несравненно болѣе полагалась на Милорда, чѣмъ на Финагенча, хотя и не рѣшилась бы открыто сознаться въ этомъ.

Впрочемъ, она только теперь немножко усомнилась въ благонамѣренности Финагенча, по поводу какого-то недобровѣщаго сновидѣнія.

— Всю ноченьку вотъ внучка мерещилась....

— Внучать хорошо видѣть: урожайный годъ будетъ, заиѣтила Авдотья очень серіозно.

— И собака тоже тутъ все снилась мнѣ.

— Шерсть-то была какая?

— А что?

— Бѣлая—такъ добрый другъ, черная—такъ едливый.

Эти глубокія истолкованія сна были прерваны хрустѣньемъ снѣгу подъ санными полозьями. Авдотья заглянула въ окно и радостно воскликнула:

— Барышня! барышня!

— Какъ, прѣехала? спросила изумленная бабушка.

— Нѣтъ, пришла, матушка, пѣшечкомъ, родная, отвѣчала Авдотья, не смотря на то, что сами остановились подъ саннымъ окномъ.

Торопливо вошла Лавинія въ переднюю, куда пошлаея и Авдотья—встрѣтить свою барышню. На лицѣ ея были все признаки сильнаго душевнаго потрясенія; она обросла съ себя плащъ, но не могла говорить и опустилась на первый попавшійся стулъ. Сначала, на дорогѣ, ей хотѣлось, съ свойственною ей откровенностью, рассказать бабушкѣ все, какъ было, съ какою скропкою ласковостью художникъ принималъ ее, какъ заботливо приводилъ ее въ чувство, какъ почтительно обошелся, и какъ, наконецъ, при первомъ ея желаніи, вслѣдствіе какого-то непонятнаго шума въ сосѣдней комнатѣ, не только не противился желанію ея удалиться, но еще отправилъ ее домой въ сопровожденіи своего слуги.

Но теперь, принявъ въ соображеніе положеніе больной, а также и ничтожность результата всей этой необыкновенной

и опасной эскадрильи, бѣдница рвнилась покуда не тревожить бабушку своими признаніями, и вошла въ комнату, срывая, сколько могла, свое душевное волненіе.

Старушка, увидя внучку, не могла слова сказать отъ радости: она только вскала ея руку и улыбалась....

Между-тѣмъ Авдотья въ передней наткнулась на незнакомаго человѣка, который раскланялся, можетъ-быть не совсѣмъ ловко, за-то весьма почтительно.

— Кого тебѣ, батюшка? спросила Авдотья, изумленная тѣмъ, что видѣла передъ собою не Финагенча.

— А вотъ барышню вану приставилъ. Баринъ-отъ куда какъ беречь наказывалъ.

— Ну, слава тебѣ, Господи! Воротилась здорова и невредна наша голубушка.

— Ужъ вашъ-то, небойсь, не обидитъ.

— То-то! А кто онъ таковъ у васъ?

— Кто, баринъ-отъ?

— Да-съ.

— А живописецъ.

— И будто не пьющій, поди-ко?

— Что вы это! какъ можно-съ!

Слуга художника говорилъ это съ замѣтною застѣнчивостію; но застѣнчивость его возросла до рѣшительнаго заигнательства, когда онъ прибавилъ:

— Вотъ баринъ гостинцу прислалъ.... Такъ по домашеству-съ....

При этомъ незнакомый человѣкъ стыдливо сунулъ въ руку Авдотьи то, что онъ называлъ гостинцемъ.

— Только просилъ не сказывать самой-то, барышнѣ. Нашъ баринъ, знаете, такіе совѣстные. Какъ разбогатеете, говорить, такъ отдадите, говорить.....

Авдотья увидѣла, разумѣется впервые, на своей ладони нѣтъ блестящихъ золотыхъ монетъ; но прежде чѣмъ она успѣла опомниться отъ удивленія и радости, незнакомый благодотворитель успѣлъ пожелать ей здравія и исчезнуть за дверью.

Бѣдная женщина находилась въ состояніи человѣка, внезапно сдѣлавшагося обладателемъ несметныхъ сокровищъ. Ей показалось, что судьба цѣлой семьи обезпечена, въ на-

стоящемъ случаѣ, на всю жизнь. Этой больной женщиной, старой не годами, а невзгодами, показалось даже, что она вдругъ выздоровѣла и можетъ идти на стяжаніе всѣхъ мелкихъ жизненныхъ благъ, которыя, извѣстно, чѣмъ ничтожнѣе, тѣмъ лишеніе ихъ невыносимѣе. На дѣлѣ оказалось, что Авдотья могла только добрести, и то опираясь о стѣну, до своей койки. Она уже рѣшилась сообщить Лавиніи о ихъ неожиданномъ богатствѣ, но хотѣла свято исполнить просьбу незнакомаго благотворителя на-счетъ того, чтобъ ничего не сказывать барышнѣ, а можетъ-статься также и боялась, чтобъ червонцы какъ-нибудь не обратились въ прахъ. Благоразуміе всего казалось ей — подождать Финагеича. Она знала его обязательность, честность и расторопность, и потому не находила ничего удобнѣе и безопаснѣе, какъ отдать всѣ свои сокровища въ распоряженіе этого надежнаго человѣка.

XXIII.

— Такъ вотъ какихъ натурщицъ ты къ себѣ принимаешь! говорилъ выпущенный изъ засады любовытнѣй морякъ, москъ Лососинниковъ, стараясь прикрыть выраженіе досады на своемъ лицѣ — ироническою улыбкой.

— Помилуй, любезный! отвѣчалъ Флоренскій серьезно и холодно: да это была вовсе не натурщица.

— Толкуй себѣ — не натурщица!

Лососинниковъ торопился закурить сигару, потому что уже съ часъ времени не курилъ ничего, кромѣ трубки и папиросовъ. Потомъ сталъ подозрительно поглядывать по всѣмъ угламъ, какъ-будто ища натурщицы, которая къ-счастію не дождалась его комическаго выхода.

— Такъ вотъ оныя какковы, ваши натурщицы—то, хе, хе, хе!

— Говорятъ тебѣ, что это совсѣмъ чужая дѣвушка, которой сдѣлалось дурно на лестницѣ....

— Сдѣлалось дурно, для того, чтобъ дать тебѣ случай поддержать ее за талію....

— Еще хорошо, что незнакомая; въ противномъ случаѣ,

твоя выходка была—бы мнѣ вдвое непріятнѣе, замѣтилъ Флоренскій, нахмурясь.

— Ай да художники! вмѣсто того, чтобъ взяться за кисти, берутъ свою модель за руки, — вмѣсто того, чтобъ писать, оттираютъ ей виски!

Флоренскій отвернулся къ окну, и сталъ что-то чертить по стеклу, покрытому серебристыми узорами мороза.

— А не дурна, канашка! примолвилъ, прищурясь, Лососинниковъ, уже исчезавшій въ табачномъ облакѣ.

Лобъ Флоренскаго слегка покраснѣлся.

— Только что-то ужъ черезчуръ скучна. Терпѣть не могу этихъ элегическихъ натуръ.

— Жаль, что тебя не подождала: ты развеселишь хоть кого.

— Скажи, безъ шутокъ, зачѣмъ ты отпустилъ ее такъ рано, и такъ сентиментально?

— Побоялся, чтобъ ты не простудилъ своего любопытнаго глаза.

— Признайся, другъ любезнѣйшій, — я спугнулъ твою штатку?

Флоренскій не отвѣчалъ.

Когда воротился слуга, провожавшій Лавинію, Лососинниковъ закидалъ его вопросами, на которые тотъ не смѣлъ не дать обстоятельныхъ отвѣтовъ.

Вслѣдъ за тѣмъ Лососинниковъ сталъ торопливо одѣваться и, уходя, таинственно объявилъ Флоренскому, чтобъ не ожидали его до слѣдующаго утра. Художникъ не принимался за палитру впродолженіе цѣлаго дня и даже забылъ о прогулкѣ. Давно голова его не была такъ богата мечтаніями, смутными, но увлекательными. Настала ночь. Давно не зналъ Флоренскій такой тревожной ночи, такой сладостно-мучительной бессонницы. Неконченная картина древне-афинской оргіи была рѣшительно вытѣснена изъ головы молодаго художника вымысломъ, несравненно чистѣйшимъ видѣніемъ. Матовая блѣдность щекъ, влажный бархатъ глазъ съ кротко-теплыми въ нихъ голубымъ лучемъ, граціозные очерки едва развѣтыхъ дѣвственныхъ формъ — все это мерещилось худо-

жнику какъ на яву. Когда онъ закрывалъ глаза, — это нилго видѣніе стояло передъ взоромъ его души.

Изъ всѣхъ типовъ красоты, которые Флоренскій встрѣчалъ или создавалъ въ своемъ воображеніи, ни одинъ не напоминалъ ему молоденькой красавицы, съ которою судьба свела его такимъ страннымъ случаемъ.

Можетъ-статься, онъ видѣлъ женщинъ прекраснѣ Лавиніи; но всѣ онѣ являлись передъ его глазами въ шелку, въ цвѣтахъ, въ брилліантахъ, счастливыя и улыбающіяся, лелѣющія свою красоту и очаровывающія; ни у одной изъ нихъ блистательная красота не принуждена была таиться подъ простою, даже бѣдною одеждою; ни одна изъ нихъ не удвоивала своей красоты невѣдѣніемъ ея; ни у одной не видалъ онъ столько нѣжности и умильной красоты въ глазахъ, голубыхъ какъ неаполитанское небо; ни у одной дѣвушки блѣдность не была такъ дивно озарена душою.

Красота Лавиніи была трогательна, какъ мелодическіе вздохи зюловой арфы. Лицо этой дѣвушки напоминало весеннее утро, на которое уже набѣгали тѣни грозовыхъ облаковъ приближающейся бури.

Флоренскій чувствовалъ, хотя и не хотѣлъ еще себѣ въ томъ сознаться, что обычное спокойствіе духа его покидало, что сердце, которому онъ уже не давалъ пылать и забываться, было поражено невыразимымъ смятеніемъ.

По-счастію, художникъ, поэтъ—отъ любви очень рѣдко въ накладѣ. Любовь у нихъ не остается заключенною въ одномъ только сердцѣ; она сообщаетъ божественную теплоту всѣмъ чувствамъ, она разцвѣчаетъ воображеніе, удваиваетъ энергію всякой силы.

Творческія силы Флоренскаго начали работать съ необыкновенною дѣятельностью. Въ умѣ его созидались картины, одна другой прекраснѣе, идеи одна другой возвышеннѣе. Но надъ всѣми этими изящными образами носился одинъ свѣтлый образъ.... на которомъ какъ-то неволью сосредоточивалось все вниманіе художника. и онъ предавался неизъяснимо-употлельному созерцанію....

Но посреди всѣхъ этихъ улыбающихся и чарующихъ мечтаній, тайкомъ проскользала, какъ змѣя между цвѣтами,

одна мысль, которая жалила молодого мечтателя въ самое сердце... Эта мысль выражалась однимъ словомъ:

— Натурщица!...

Натурщица — слово, возбуждавшее, бывало, такія анакреонтическія мысли, теперь наполняло сердце художника горечью, поселяло въ душѣ мучительнѣйшія сомнѣнія. Онъ повторялъ это зловѣщее слово вслухъ, и съ непонятнымъ болѣзненнымъ чувствомъ вслушивался въ эти весьма обыкновенныя звуки, среди ночнаго затишья. Потомъ погружался снова въ продолжительную, странную думу, и наконецъ, какъ-будто очнувшись отъ какого-то несноснаго словидѣнія, спрашивалъ самого себя:

— Да что-же она мнѣ такое, въ-самомъ-дѣлѣ?

И оставляя бессонную постель, большими шагами ходилъ по комнатѣ, что обыкновенно дѣлаетъ человѣкъ, желающій усмирить душевное волненіе.

Въ глухую полночь Флоренскій растолкалъ мертвецки спящаго слугу и спросилъ у него, гдѣ живетъ Финагенъ.

— Финагенъ? пробормоталъ слуга, громко зывая: а кто его знаетъ!

Флоренскій не могъ дожидаться утра. При первыхъ лучахъ голубоватаго свѣту, онъ уже принялся одѣваться, забывъ даже про утреннюю сигару, запиваемую чаемъ, и поспѣшилъ къ одному изъ своихъ товарищей, скульптору, который обыкновенно зналъ на-перечетъ всѣхъ лучшихъ мѣстныхъ натурщиковъ и натурщицъ.

— Что, кончилъ свою *Весталку*? спросилъ Флоренскій, вслѣдъ за дружескимъ пожатіемъ руки, указывая движеніемъ головы на статую, стоящую почти по срединѣ комнаты. Эта выѣпленная изъ зеленой глины весталка была съ головой до ногъ покрыта мокрыми трапицами, которыя однакожь облачали до нѣкоторой степени ея граціозныя формы.

— Почти, чортъ возьми, окончена, отвѣчалъ скульпторъ съ улыбкой: только вотъ руки да проклятый торсъ меня сокрушаютъ.

— Въ чемъ же бѣда? спросилъ Флоренскій.

Скульпторъ началъ осторожно снимать мокрыя трапицы съ глинянаго торса.

— Торсъ превосходный! замѣтилъ Флоренскій. Что-жъ ты нашелъ тутъ дурнаго? При томъ онъ весь въ драпировка.

— Оно такъ; но, изволишь видѣть, драпировка такъ тонка и прозрачна, что не скрываетъ почти ни одного контура.

— Развѣ не было моделей?

— Да, что! перебралъ ихъ штукъ пять: восталки не сичеишь, ни одной!

— Право, по моему мнѣнію, этотъ торсъ и такъ хорошъ, говорилъ Флоренскій, повертывая подвижную базу, на которой стояла статуя.

— Не совсѣмъ-то.... отвѣчалъ скульпторъ разсѣянно. Ну, да Финагенчъ....

— Что? Финагенчъ? торопливо перебилъ Флоренскій.

— Кто-жъ какъ не Финагенчъ? Онъ обѣщалъ мнѣ непременно доставить....

— Кого? спросилъ живописецъ съ пожирающимъ любопытствомъ.

Скульпторъ поглядѣлъ на него съ замѣтнымъ удивленіемъ, потомъ отвѣчалъ:

— Настоящую весталку.

— Весталку?!

— Именно.

Слушательный Флоренскій замечалъ и сталъ еще пристальнѣе разсматривать красоты глиняной статуи.

В. ЯКОВЛЕВЪ.

=

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ-ТРЕТІЙ.

=
ВИЛЛЯМА ШЕКСПИРА.

=
ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

= ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Лондонъ. Комната во дворцѣ.

Входятъ: КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ, — больной; КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА, ДОР-
ЗЕТЪ, РИВЕРСЪ, ХЭСТИНГСЪ, БОКИНГЭМЪ, ГРЕЙ и другіе.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Вотъ наконецъ мнѣ удалось окончить

Благое дѣло. — Перы, вась молю,

Храните честь доскреснаго союза:

Я каждый день отъ Спаса моего

Жду вѣстниковъ желаннаго спасенья....

Спокойно духъ мой полетитъ на небо,

Когда друзья мои примирены!

Лордъ Риверсъ и лордъ Хэстингсъ, дайте руки

Т. С. — Отд. I.

Другъ другу; не таете черной злобы,
Клянитесь любить другъ друга....

Р И В Е Р С Ъ .

Небомъ

Клянусь, моя душа забыла гнѣвъ, —
И этою рукой скрываю я
Союзъ моей любви святой и дружбы.

Х Э С Т И Н Г С Ъ .

Богъ да пошлетъ мнѣ счастье, если нынѣ
Права моя торжественная клятва.

К О Р О Л Ъ Э Д У А Р Д Ъ .

Смотрите, не шутите передъ вашимъ
Монархомъ, чтобъ могучій Царь царей —
Не отомстилъ вамъ за притворство злое,
И каждаго изъ васъ не погубилъ
Измѣною другаго....

Х Э С Т И Н Г С Ъ .

Пусть же я

Погибну, если не върна любовь,
Въ которой я клянусь теперь.

Р И В Е Р С Ъ .

И я

Клянуся — Хэстингса любить всѣмъ сердцемъ.

К О Р О Л Ъ Э Д У А Р Д Ъ .

Миледи, вы изъ этихъ заклинаній
Не исключаетесь, ни сынъ вашъ Дорзетъ, —
Ни вы, лордъ Бокингэмъ; вы все другъ съ другомъ
Вели вражду; жена, лордъ Хэстингсъ ждетъ
Твоей руки, — люби его, и миръ
Да низойдетъ на васъ невозмутимый.

К О Р О Л Е В А Е Л И С А В Е Т А .

Вотъ вамъ рука моя: на вѣки, Хэстингсъ,
Я ненависть былую забываю, —
И въ этомъ вамъ клянусь моимъ блаженствомъ.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Лордъ Дорзетъ, обойми его; лордъ Хэстингсъ,
Люби маркиза.

ДОРЗЕТЪ.

Небомъ я клянусь —
Хранить обмѣгъ священной дружбы нашей.

ХЭСТИНГСЪ.

И я клянусь служить ей всей душой.

Обвиняетъ Дорзета.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Достойный Бокингэмъ, запечатлѣй
И ты союзъ всеобщій, обойми
Родныхъ жены моей, порадуй сердце
Мое — согласиємъ, мнѣ столько милымъ!

БОКИНГЭМЪ, Королевъ.

Едва на васъ ослушникъ Бокингэмъ
Осмѣлится возстать, едва лукавой
Любовью онъ обманетъ васъ и вашихъ
Друзей, — Господь да поразитъ его
Коварствомъ тѣхъ, кого любовь дороже
Кому всего!... И если нуженъ станеть
Мнѣ другъ, и я вполне ему доверюсь, —
Пусть онъ меня съ презрѣніемъ покинетъ,
Измѣнитъ мнѣ, продастъ меня врагамъ!...
Такъ небеса да отомстятъ мнѣ, если
Когда нибудь — въ душѣ моей остынетъ
Любовь къ монархинѣ моей и всѣмъ
Ея друзьямъ! —

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Достойный Бокингэмъ,

Обътъ твой моему больному сердцу
Отрадныйнѣй бальзамъ! — Но гдѣ же Глостеръ,
Нашъ братъ? Его лишь одного здѣсь нѣтъ,
Чтобъ увѣнчать союзъ нашъ благодатный.

БОКИНГЭМЪ.

А вотъ, какъ-разъ, и благородный герцогъ.
(Входитъ Глостеръ.)

ГЛОСТЕРЪ.

День добрый королю и вамъ, моя
Монархиня! — Миллердамъ перамъ счастья
Желаю всякаго....

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Мы въ самомъ дѣлѣ

Сегодня счастливы. — Намъ удалось
Исполнить истинно-благое дѣло!
Мы обратили ненависть — въ любовь,
Вражду друзей — мы заменили миромъ, —
И обнялись, какъ обнимались встарь,
По-братски — наши царственные перы....

ГЛОСТЕРЪ.

Да, повелитель, истинно-благое
Вы дѣло сдѣлали.... Я самъ, — едва
Въ собраньи этомъ человекъ найдется,
Считающій меня своимъ врагомъ —
По клеветѣ одной, по подозрѣнью ль,
Иль, даже, если въ самомъ дѣлѣ я
Кому нибудь — неволею иль волей —
Нанесъ обиду въ бѣшенствѣ моемъ, —
Я самъ желалъ бы примириться съ нимъ
Отъ всей души!... Вражда мнѣ хуже смерти;
Я не терплю ея!... Любовь людей —
Одна мое блаженство составляетъ.
И потому васъ первыхъ, королева,
Прошу объ этомъ я, въ залогъ любви
Вамъ обещаю вѣчныя услуги....
Васъ, благородный братъ мой Бокнингэмъ,
Прошу о томъ же, если между нами
Была хотя малѣйшая вражда....
И васъ, лордъ Риверъ, — также васъ, лордъ Дорсетъ, —

Мы безъ причины съ вами враждовали.
 Васъ, Будвильдъ, васъ, лордъ Спенсель, васъ, герцоги, лорды,
 Васъ, герцоги и джентльмены, — всѣхъ
 Я васъ промчу!... Нѣтъ человека въ цѣлой
 Британіи, къ которому бѣ я болѣ
 Питалъ вражды, чѣмъ, на примѣръ, къ ребенку
 Который этой ночью родился....
 Благодарю, благодарю, о! Боже,
 Тебя за даръ смиренья моего....

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Днемъ праздниства — да будетъ намъ отнынѣ
 День этотъ! Съ нимъ да кончится раздоръ
 Въ семьѣ монаршей! — Государь, позволь
 Тебя просить о милости достойной, —
 Отдай намъ Кларенса, прости его....

ГЛОСТЕРЪ.

Какъ, королева? Я любовь и дружбу
 Вамъ предлагалъ затѣмъ, чтобъ надо мной
 Вы издѣвались, — здѣсь, предъ королемъ?
 Скажите, кто-жъ не вѣдаетъ, что герцогъ
 Скончался? — Трупъ его такой насмѣшкой
 Безбожно оскорблять!...

Всѣ изумляются.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Какъ?... Кто не знаетъ,
 Что умеръ онъ? Но кто жъ, скажите, знаетъ
 О томъ, что онъ скончался?...

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Небеса

Всевидящія! гдѣ же нашъ покой?!

БОКИНГЭМЪ.

Лордъ Дорзетъ, неужели я также блѣденъ, —
 Какъ всѣ здѣсь?

ДОРЗЕТЪ.

Да, милордъ, здѣсь нѣтъ лица,
 Съ котораго бѣ румянецъ не сбѣжалъ!...

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Какъ? умеръ Кларенсъ? Но вѣдь повольше
Мое я отыщешь!...

ГЛОСТЕРЪ.

Бѣдняга умеръ .

По первому приказу короля, —
Его къ нему съ Меркуриемъ крылатымъ
Послали.... Со вторымъ же, вѣроятно,
Какой-нибудь калыка потащился, —
Отсталъ немножко и попалъ какъ-разъ
На погребеніе!... Дай Богъ, чтобъ люди —
На столько благородные и къ вамъ
По крови близкіе, — не по кровавой
Душѣ, — дай Богъ, чтобъ эти люди худше ѣ
Не заслужили участи, чѣмъ Кларенсъ....
И чтобъ напрасно не касалось ихъ
Нѣмое подозрѣнъ!...

ВХОДИТЪ СТЭНЛИ.

СТЭНЛИ.

Государь,

Молю тебя о милости за службу
Мою!

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Молчи, прошу тебя: душа
Моя полна мученій!

СТЭНЛИ.

Я не встану,

Пока меня не захотите вы
Улыпнать.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Говори жъ скорѣе, въ чемъ
Твое прошенье?

СТЭНЛИ.

Государь, молю —

Тебя — простить, избавить моего
 Слугу отъ казни: онъ убилъ сегодня
 За дерзость джентльмена одного
 Изъ сильной свиты герцога Норфолка.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Языкъ мой осудилъ на гибель брата —
 И рядомъ съ нимъ помилуетъ раба?
 Мой братъ убійцей не былъ, мысль его
 Одна виновна, — и мой братъ казненъ?
 Просили ль за него меня? Склоняли ль
 Колѣна предо мной, съ мольбой за жизнь
 Несчастливаго, когда я бѣсновался?
 Кто говорилъ о братской мнѣ любви?
 Кто мнѣ припомнилъ, чтобъ бѣднякъ отрекоя
 Отъ Варвика и сталъ въ мои ряды?..
 Кто мнѣ напомнилъ, какъ при Тьюкбернѣ,
 Когда Оксфордъ низвергъ меня на землю, —
 Онъ спасъ меня, воскликнувъ: «вѣрный братъ,
 «Живи и царствуй!...» Кто напомнилъ мнѣ, —
 О томъ, какъ онъ, когда до смерти мы
 Иззябшіе лежали средь пустыни, —
 Меня своей одеждою окуталъ
 И самъ нагой на холодъ дрожалъ?...
 Скотская мечь изъ памяти моей
 Безчувственно изгладила все это.
 И ни одинъ изъ васъ мнѣ не напомнилъ
 О томъ! — Вашъ конюхъ, вашъ послѣдній рабъ
 Свершилъ убійство гнусное, святое
 Подобье Бога погубилъ, — и вы
 У ногъ моихъ зываете: «прощенье,
 «Прощенье, Государь!...» И я обязанъ,
 Кривя душой, исполнить вашу просьбу! —
 За брата жъ моего никто и слова
 Не вымолвилъ, ни я неблагодарный,
 Ни вы спасти не вздумали его....
 Надменнѣйшимъ изъ васъ — при бѣдной жизни

Онъ помогаль, — и что же? кто за жизнь
Его теперь просиль?... О, Боже правый,
Ты отмстивъ за это имъ и мнѣ,
Друзьямъ моимъ и ихъ друзьямъ коварнымъ!
Пойдемте, Хэстингсъ, помогите мнѣ
Дойти въ мой кабинетъ. О, бѣдный, бѣдный,
Несчастный Кларенсъ!...

Уходятъ: король, королева, Хэстингсъ, Риверсъ, Дорветъ и
Грей.

ГЛОСТЕРЪ.

Вотъ вамъ и плоды
Поспѣшности! — Замѣтилъ ль вы, лордъ,
Какъ поблѣднѣли вдругъ, при громкой вѣсти
О смерти Кларенса, родные нашей
Великой королевы?... День и ночь
Они ожесточали короля! —
Но Богъ накажетъ ихъ!... Пойдемте, лорды;
Утѣшимъ Эдуарда.

БОКИНГЭМЪ.

Свѣтлый лордъ,
Вы правы; — мы за вами всѣ идемъ!
Уходятъ.

ДВАНІЕ ВТОРОЕ.

Лондонъ.

Входятъ: герцогиня ЮРКЪ съ сыномъ и дочерью КЛАРЕНСА.

СМЪ.

Скажите, бабушка, ужель скончался
Нашъ папенька?

ГЕРЦОГИНЯ.

О! нѣтъ, дѣтя мои....

ДОЧЬ.

Зачѣмъ же такъ вы плачете и бѣдете
Такъ часто въ грудь себя, взымая, «Кларенс!»
Несчастный сынъ мой!»

СЫНЪ.

Отцаго всегда

Вы головой качаете, едва
На насъ глядите вы, и сиротамъ,
Изгнанниками насъ зовете, — если
Отецъ нашъ живъ?

ГЕРЦОГИНЯ.

Вы спутали совсемъ

Меня! Поверьте, немоцъ короля
Заставила меня рыдать; опасность
Одна разстаться съ нимъ меня печалитъ,
А не кончина вашего отца....
Напрасна скорбь о томъ, что безъ возврата
Утрачено....

СЫНЪ.

И такъ, — онъ, значить, умеръ?!..

Король, мой дядя, виноватъ во всемъ, —
И Богъ его накажетъ, — и молить
Его о томъ я буду день и ночь.

ДОЧЬ.

И я.

ГЕРЦОГИНЯ.

Постойте, дѣти, перестаньте!
Король васъ любитъ, вы еще покуда
Такъ кротки и невинны, что рынить,
Кто былъ убійцей вашего отца, —
Вамъ не-подъ-слау.

СЫНЪ.

Бабушка, убійцу
Я отыщу! Мнѣ добрый дядя Глостеръ
Сказалъ, что королева королю
Советовала паненку въ темницу

Забросить: и когда мнѣ говорилъ
 Объ этомъ дяденька, онъ такъ рыдалъ, —
 Молнлся обо мнѣ и цѣловалъ
 Мои глаза, и жалобно просилъ
 Меня — надѣяться, какъ на отца
 Второго, на него!... и увѣрялъ,
 Что онъ меня, какъ сына своего,
 Какъ первенца, любить и нѣжить будетъ!...

ГЕРЦОГНЯ.

И хитрость можетъ принимать такую
 Волшебную наружность, прикрывать
 Свое коварство — добродушной маской!
 Онъ кровь моя, мой сынъ, — и мой позоръ!..
 Но эту злобу онъ не изъ моей
 Несчастной груди высосалъ.

СЫНЪ.

Такъ дядя

Притворствуешь, по вашему?

ГЕРЦОГНЯ.

Да, сынъ мой!

СЫНЪ.

Не можетъ быть!... Но, слушай! что за шумъ?

Входитъ королева Елисавета, внѣ себя отъ отчаянія. За нею
 слѣдуютъ Риверсъ и Дорзетъ.

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

О! кто теперь осмѣлится сказать
 Чтобъ не рыдала я, чтобъ не стонала,
 Чтобъ участи своей не проклинала?...
 Да, я сожюсь съ отчаяньемъ своимъ,
 Сама себя врагомъ теперь я буду!

ГЕРЦОГНЯ.

На что, скажи, идетъ вся эта сцена?

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

На цѣлый актъ трагическаго горя: —
 Мой лордъ, твой сынъ, король нашъ, Эдуардъ
 Скончался! — Для чего же вѣтви живы,

Когда нѣтъ корня боль? Почему
 Не вынуть листья жалкія, безъ соку?
 Хотите жить, — рыдайте! Умереть
 Хотите, — поскорѣ умирайте!
 Чтобъ быстрокрыльямъ, земныя души
 Могли съ душой монарха снова слиться,
 И какъ ея покорныя рабы —
 Въ другое царство, въ царство вѣчной ночи —
 За нѣмъ путемъ воздушнымъ полетали!...

герцогиня.

Ахъ, и моя есть доля въ вашей скорби!
 Она равна моимъ бывшимъ правамъ
 На мужа вашего, моя сестра!
 Оплакавъ смерть любимаго супруга,
 Я созерцаніемъ его подобій
 Жила. И вотъ два зеркала его
 Въичанныхъ образовъ — ехидной смертью
 Разбиты въ дребезги... Въ утѣху мнѣ!
 Теперь осталось одно — кривое,
 И нѣтъ покоя мнѣ, затѣмъ что въ немъ я
 И день и ночь позоръ свой созерцаю...
 Вы — слабая вдова, но вмѣстѣ вы —
 И мать: вамъ утѣшенье ваши дѣти.
 А смерть, сгубивъ супруга моего,
 Изъ рукъ моихъ и костыли мои
 Исторгла: Кларенса и Эдуарда!
 О! ваиа скорбь лишь половина скорби
 Моей; и вашъ безумно-громкій плачь
 Я заглушу стѣнаньями моими!..

сынъ.

Ты, тетенька, не плакала о смерти
 Бѣдняжки папеньки, и мы теперь
 Тебѣ слезою нашей не поможемъ!

дочь.

О сиротствѣ ты нашѣмъ не жалѣла,
 И мы вдовства и горя твоего
 Жалѣть не станемъ!...

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Не въ рыданьяхъ помощи

Нужна мнѣ нынѣ. Я не такъ безплодна,
 Чтобъ не могла въ избыткѣ ихъ родить...
 Вся рыки мнѣ въ глаза воды машлютъ,
 И я, живя подъ осенцемъ дождливымъ, —
 Могу весь міръ залить потокомъ слѣзъ,
 Слезь о моемъ безцѣнномъ Эдуардъ,
 О мужъ бѣдномъ!

ДЪТИ.

Объ отца несчастномъ,

О Кларенсъ, о нашемъ утѣщенъи.

ГЕРЦОГИНЯ.

О нихъ обонхъ! Эдуардъ и Кларенсъ.

Мнѣ оба — дѣти! —

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Кто безъ Эдуарда

Мнѣ помогаль? и я его лишилась!

ДЪТИ.

Кто, кромъ Кларенса, намъ помогаль?

И мы его лишились!

ГЕРЦОГИНЯ.

Кто безъ нихъ

Мнѣ былъ опорой? И я ихъ лишилась!

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Вдова была ль когда несчастна такъ?

ДЪТИ.

Въкъ сироты такъ много не теряли!

ГЕРЦОГИНЯ.

И никогда ужаснѣйшаго горя
 Не знала мать. — Я мать всѣхъ этихъ скорбей.
 Ихъ горе частное, моя-жь судьба —
 Всѣхъ ихъ касается! — Она о мужъ
 Рыдаетъ, я о немъ же убиваюсь.
 О Кларенсъ я плачу, но она
 О немъ уже не плачетъ. Эти дѣти
 О Кларенсъ рыдаютъ, — и я съ ними;
 Объ Эдуардъ плачу я, — они

Молчать!... Такъ выплачете же ваши слезы
 О мнѣ, несчастной троекратнымъ горемъ.
 Я выкармила вашу грусть и снова
 Вскормлю ее рыданіемъ моимъ!

ДОУВАЖЪ.

Утѣштесь, матушка, Господь не терпитъ
 Возстанія на промыслъ небесный.
 И въ міръ жизни ропотный возвратъ
 Займа тому, кто насъ радушно имъ
 Ссудилъ, — неблагодарностью доведетъ..
 Тѣмъ болѣе неблагодаренъ ропотъ
 На Господа, за то, что онъ назадъ
 Потребовалъ свой царственный адемы;
 Которымъ насъ ссудилъ онъ такъ охотно.

РИЧАРДЪ.

Опомнитесь, миледи: вы такъ нежно
 Заботитесь о принцѣ, вашемъ сынѣ.
 Скорай за нимъ пошлите, и его
 Немедля коронуйте. Въ немъ вся ваша
 Награда. — Схороните жъ эту скорбь
 Въ гробъ Эдуарда жертваго, и радость
 Свою на тронъ живаго возведите!....

Входятъ : Глостеръ, Беккингемъ, Стюартъ, Кэстмаркъ, Рат-
 кливъ и другіе.

ГЛОСТЕРЪ.

Сестра, утѣшься: все мы здѣсь имъ
 Причину плакать — о затмѣнн нашей
 Звезды. Но не помогъ еще никто
 Рыданіемъ скорби нашей... Ахъ! простите!
 Васъ, матушка, я не замѣтилъ здѣсь...
 Смиренно, на колѣняхъ васъ молю я
 О вашемъ праведномъ благословенн...

БЕККИНГЕМЪ.

Господь тебя да освѣтитъ, и въ грудь
 Твою да поселитъ — любовь, покорность,
 Смиренье кроткое и верность долгу!

ГЛОСТЕРЪ.

И да пошлетъ мнѣ смерть въ преклонныхъ лѣтахъ,
Аминь! (*Въ сторону*). Таковъ конецъ благословеній
Всѣхъ матерей, а между тѣмъ ея
Высочество объ этомъ и забыла!...

БОКИНГЭМЪ.

Печальные и горестные принцы,
Печальные и горестные перы, —
Одно несчастье убиваетъ насъ;
Утѣшимъ же взаимною любовью
Другъ друга : нану жатву—смерть
Монарха уничтожила, но въ сынъ
Его другая жатва созрѣваетъ...
Чувствительный и острый переломъ
Враждующихъ сердецъ, еще недавно
Соединенный, связанный и плотью
Покрывшійся, теперь мы всѣ должны
Щадить, беречь и зарашать незримо!...
По моему, сейчасъ, безъ замедленья,
Должны мы молодаго короля,
Изъ Людлова, въ его столичный Лондонъ
Перевезти, со свитой небольшою,
И здѣсь его короновать на царство...

РИБЕРСЪ.

Зачѣмъ же съ небольшою только свитой,
Лордъ Бокингэмъ?

БОКИНГЭМЪ.

За тѣмъ, милордъ, чтобъ шумомъ

Процессіи не растравить вражды,
Недавно такъ зальченной; а это
Опасный тѣмъ, что зелены еще
И не устроены законы наши:
Что каждый конь еозжами править здѣсь,
Бѣжить туда, куда ему угодно...
Я думаю, что устрѣшать должны мы
Со зломъ и самую возможность зла!

ГЛОСТЕРЪ.

Но вѣдь король насъ примирилъ?! Не знаю,
Какъ вы, — а я мирился отъ души —
И навсегда...

РИВЕРСЪ.

Какъ я, — какъ все, надвюсь!..

Но все-таки союзъ нашъ очень юнгъ,
И подвергать его — хотя бъ возможной
Опасности разрыва — не должно...
А при большомъ конвоѣ онъ возможенъ!
По этому, согласно съ благороднымъ
Милордомъ Бокингэмомъ, предложить
И я осмѣлюсь вамъ, — послать не многихъ
За принцемъ...

ХЭСТИНГСЪ.

Это и мое рѣшенье!

ГЛОСТЕРЪ.

И я согласенъ, если вы согласны. —
Пойдемте же, назначимъ — кто изъ насъ
За королемъ повзять долженъ въ Людловъ?
Миледи, — королева, — я надвюсь,
Вы не откажетесь въ подобномъ важномъ
Рѣшеніи — свое намъ мнѣнье дать.

Всѣ уходить — крокъ Бокингэма и Глостера.

БОКИНГЭМЪ.

Лордъ!.. Кто бъ теперь за принцемъ ни повзаль,
Молю васъ, не сидите дома; я
Дорогою отъ принца удаю
Надменныхъ родственниковъ королевы!

ГЛОСТЕРЪ.

Мое второе — Я, престоль моихъ
Совѣтовъ, мой судья и мой оракулъ! —
Любезный братъ, я, какъ дятя, пойду,
Подъ вашимъ руководствомъ къ цѣли! Да,
Мы не останемся здѣсь!.. Въ Людловъ, въ Людловъ!

Уходить.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ.

Тамъ-же. Улица.

Два гражданина встрѣчаются.

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Здорово, другъ-сосѣдъ! Куда спѣшишь такъ?

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИНЪ.

А право я и самъ не знаю... Слышалъ
ты новость?

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

О кончинѣ короля?...

Да, слышалъ.

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Богоматерью клянусь,

Шлохая новость! — Радостныя вѣсти

И безъ того до насъ доходятъ рѣдко....

О — охъ! Боюсь, какъ разъ, теперь вверхъ дномъ

Пойдетъ нашъ свѣтъ.

Входитъ третій гражданинъ.

ТРЕТІЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Богъ въ помощь вамъ, сссздан!

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Спасибо! Добраго вамъ утра, сэръ!

ТРЕТІЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Что, подтвердилась новость о кончинѣ

Внезапной Эдуарда?

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Нѣтъ сомнѣнья —

Ужъ болѣе! Господь спаси насъ бѣдныхъ!

ТРЕТІЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Да, сэръ, быть великимъ смутамъ!

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Какъ такъ? — Вѣдь Божьей милостью да троимъ

Сынъ короля взойдетъ?...

ТРЕТІЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Несчастье царству,

Въ которомъ править слабое дитя!

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИНЪ

На нашего надѣяться мы можемъ :
 Въ немъ цвѣтъ престола нашего !... Пока
 Онъ малъ, — въ рукахъ достойнаго совѣта
 Бразды правленія будутъ, — а когда
 Онъ подростетъ и наберется смѣлой, —
 Самъ онъ возьметъ свой ошиветръ золотой
 И управлять на славу нами стеновъ ! !...

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ

Да, тронъ въ такомъ же положеніи былъ,
 Когда короною, въ Парижъ, — Генрихъ
 Шестой вѣнчался на родное царство....
 Онъ девяти былъ мѣсяцевъ тогда.

ТРЕТІЙ ГРАЖДАНИНЪ

Въ такомъ же положеніи? Нѣтъ, друзья, —
 Господь свидѣтель, — наше царство было
 Тогда богато славными мужами,
 Совѣтниками королей: и дядя
 Могуче — вокругъ юнаго орда
 Могучею фалангою стояли! —

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ

Что-жъ, и у этого довольно дядей
 По матерп и по отцу его....

ТРЕТІЙ ГРАЖДАНИНЪ

Ужъ лучше, если бъ по отцу все были,
 Иль не было ни одного по немъ.
 Совершенствомъ въ томъ, кому быть ближе
 Изъ всѣхъ ихъ къ королю, они и насъ
 Задвнуть, если не спасетъ насъ Богъ.
 О! Герцогъ Глостеръ полонъ страшныхъ козней;
 А сыновья и братья королевы
 Высокомѣрны и горды: да, если бъ
 Имъ не владѣть, а быть самими подъ властью —
 Нашъ бѣдный и больной, и слабый край
 Ущедьтъ бы оице свое блаженство.

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ

Ну, перестаньте, вамъ все въ черномъ видѣ
 Является: все будетъ хорошо! —

ТРЕТИЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Когда ползуть на небо тучи — умный
 Скорѣ надвѣваетъ плащъ. Зима —
 Близка, когда большія листья падать
 Начнутъ: а закатилось солнце, — всякій
 Ждетъ сумрака.... Безвременныя бури
 Дороговизну предвѣщаютъ.... Впрочемъ
 Все будетъ хорошо, — но ужъ тогда
 Господь къ намъ милостивъ гораздо болѣ,
 Чѣмъ стоимъ мы и чѣмъ я ожидаю.

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Да, точно, — все умы полны боязни:
 И съ кѣмъ бы вы ни стали разсуждать,
 Его лицо ужъ покрываетъ грусть
 И весь онъ дышетъ чернымъ опасеньемъ.

ТРЕТИЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Предъ смутами — всегда бываетъ такъ!
 Божественнымъ инстинктомъ человекъ
 Разгадываетъ близкую опасность....
 Такъ волны моря — передъ лютой бурей
 Какъ оживленные встаютъ надъ бездною —
 Безъ вѣтра, сами.... Но все это Богу
 Оставимъ, граждане! — Куда вы?

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Насъ

Къ судьѣ обонхъ звали.

ТРЕТИЙ ГРАЖДАНИНЪ.

И меня:

Въ дорогу-жъ, добрые друзья, въ дорогу.
 Уходить.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тамъ же. Комната во дворцѣ.

Входятъ: АРХІЕПИСКОПЪ ЮРКСКІЙ, маленкій ГЕРЦОГЪ ЮРКСКІЙ,
 КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА и ГЕРЦОГИНЯ ЮРКСКАЯ.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Прошедшей ночью, — слышалъ я, — они

Въ Стратфордъ были, въ Норсѣмтонѣ нынче
 Мнѣ почевать, а завтра на зарѣ, —
 Иль ужъ навѣрно послѣ завтра, — здѣсь,
 Межъ нами, быть мнѣ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Ото всей души

Мнѣ видѣть принца хочется. Съ-тѣхъ-порѣ, какъ
 Я видѣла его въ послѣдній разъ,
 Онъ вѣроятно много выросъ.

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Нѣтъ,

Мой Йоркъ его замѣтно переросъ,
 Какъ говорили мнѣ!

ЙОРКЪ.

А я совсѣмъ бы

Не пожелалъ такой завидной доли....

ГЕРЦОГИНЯ.

Какъ такъ, мой милый? Ростъ всегда хорошъ....

ЙОРКЪ.

Да вотъ какъ, бабушка: однажды ночью,
 За ужиномъ, мой дядя Риверсъ мнѣ
 Сказалъ, что я переростаю брата, —
 А дядя Глостеръ и замѣтилъ намъ:
 «Хорошая трава не высока,
 «Дурная-жъ тянется всегда высоко.» —
 Съ-тѣхъ-порѣ и не желаю я расти....
 Роскошный цвѣтъ растетъ едва замѣтно,
 А скоро вырастаютъ лишь дурные,
 Да хворые и слабые цвѣты!...

ГЕРЦОГИНЯ.

Однако жъ эта поговорка вовсе
 На томъ, кто высказалъ ее тебѣ,
 Не оправдалася: онъ въ дѣтствѣ былъ
 Такъ малъ, и росъ такъ медленно, такъ туго,
 Что, будь права пословица его,
 Онъ былъ бы украшеніемъ людей....

АРХИЕПИСКОПЪ.

Онъ, герцогиня, добръ и безъ того!

ГЕРЦОГИНЯ.

Быть можетъ, — но, какъ мать его, я васъ
Прому позволить мнѣ немножко въ немъ
Поусомниться....

ЮРКЪ.

Да! и если бѣ я
Тогда подумалъ хоть немного, — дядя
Сказалъ получше-бы о бѣдномъ ростѣ
Его, чѣмъ о моемъ сказалъ онъ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Что-жъ, —

Мой милый Юркъ, сказалъ бы ты ему?

ЮРКЪ.

Всѣ говорятъ, что дядя росъ такъ скоро,
Что ровно черезъ два часа съ рожденья
Легко могъ корки грызть, — а у меня
Мой первый зубъ явился черезъ два
Лишь года!... Бабушка, вѣдь это будетъ
Повеселѣй и поострѣй!

ГЕРЦОГИНЯ.

Скажи,

Мой свѣтлый Юркъ, кто разсказалъ тебѣ
Объ этомъ.

ЮРКЪ.

А не помню. — Да! его

Кормилица....

ГЕРЦОГИНЯ.

Кормилица? Возможно ль!

Она скончалась прежде твоего
Рожденья.

ЮРКЪ.

Ну, такъ значить не она,
И я не знаю, кто мнѣ разсказалъ.

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Болтунъ, пошелъ!! ты что-то слишкомъ дерзокъ!

АРХИЕПИСКОПЪ.

Монархиня, простите, — онъ ребенокъ!...

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Милордъ, ушей не слышны и стѣны! —

Входитъ гонецъ.

АРХИЕПИСКОПЪ.

Вотъ и гонецъ: что новаго?

РОИСЦЪ.

Милордъ,

Такія новости, что тяжело

И говорить.

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Что принца!?...

ГОНЕЦЪ.

Здоровъ и веселъ, —

Монархиня....

ГЕРЦОГИНЯ.

Такъ говори-жь въ чемъ дѣло?

ГОНЕЦЪ.

Лордъ Риверсъ и лордъ Грей, а съ ними сэръ
Томасъ Вогэнъ, — подъ сильной стражей въ Поэретъ
Отправлены.

ГЕРЦОГИНЯ.

Кто-жь ихъ арестовалъ?

ГОНЕЦЪ.

Лордъ Бокингэмъ и сильный герцогъ Глостеръ.

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

За что?

ГОНЕЦЪ.

Я рассказалъ вамъ все, что знаю:

Но какъ и по какой причинѣ ихъ

Арестовали, королева, это —

Мнѣ не повѣдано.

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

О! горе, горе...

Я вижу гибель всей моей семьи.

Бездушный тигръ — поймавъ бдѣняжку ланя.

Ненатовое самовластье вздулось

Надъ беззащитнымъ англійскимъ престоломъ: —

Здорово жъ, злобное онустошенье,

Кровь и убійства! Вижу, вижу васъ....
 Какъ на живой картинѣ — предо мной
 Коонецъ всего — непризванный выходитъ!

ГЕРЦОГНИЯ.

Проклятое и гибельное время
 Междоусобій, — сколько черныхъ дней
 Надъ головой моею разразилось?
 Мой мужъ погибъ, — сражаясь за вѣноцъ.
 Мои сыны — то шумно возвынялись,
 То падали, — и я то наслаждалась
 При ихъ побѣдахъ, — то надъ горемъ ихъ
 Терзалась.... И вотъ вполне побѣда
 Взничала ихъ, враги ихъ разбѣжались....
 Что жъ вышло? — Бой открылся между ними,
 Межъ побѣдителями; братъ на брата
 И кровь на кровь возстали!.. О! безумство
 Нештовое, брось свою хандру
 Проклятую, — иль умрѣти меня,
 Чтобъ не видать мнѣ смерти близкихъ мнѣ!

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Пойдемъ! пойдемъ! мой сынъ!... Скорѣе въ церковь
 Укроемся!... Прощайте, герцогния.

ГЕРЦОГНИЯ.

Постойте! и меня съ собой возьмите.

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Вамъ не-зачѣмъ! Вы можете остаться....

АРХИЕПИСКОПЪ.

Да, королева, послушайте! — Вся
 Своя сокровища, все достоянье
 Свое — берите также за собой....
 А я передаю вамъ отъ себя
 Печать, мнѣ ввѣренную.... И дай Богъ
 Мнѣ счастья такого-же, какъ вамъ
 Я отъ души желаю! Въ путь, идемте....
 Я проведу васъ въ храмъ! Идемте съ Богомъ! —
 Всѣ уходять.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Лондонъ. Улица.

Звучать трубы. Входятъ: ПРИНЦЪ ВАЛЛІЙСКІЙ, ГЛОСТЕРЪ, БОККИНГЭМЪ, БОРЧЕРЪ и другіе.

БОККИНГЭМЪ.

Привѣтствую васъ, принцъ, — въ палацъ вашей, —
Въ великомъ Лондонѣ.

ГЛОСТЕРЪ.

Племянникъ милый,

Властитель думъ моихъ, привѣтъ душевный
Вамъ отъ меня! Не отъ дороги ль трудной
Вы такъ печальны?

ПРИНЦЪ.

Нѣтъ, не отъ дороги,
Любезный дядя, — отъ досадныхъ смуть,
Которыя нашъ путь такимъ несчастнымъ
И неуряднымъ сдѣлали: я ждалъ,
Что здѣсь меня еще другіе дяди
Привѣтствовать сойдутся.

ГЛОСТЕРЪ.

Свѣтлый принцъ,

Безгрѣшная правдивость вашихъ лѣтъ
Мѣшаетъ вамъ проникнуть въ козни міра!
Понятна вамъ одна лишь вышность наша,
Которая, свидѣтель Богъ, почти
Всегда противорѣчитъ нашимъ мыслямъ.
Опасны были вамъ всегда тѣ дяди,
Которыхъ здѣсь вы не нашли... Вамъ сладки
Казались рѣчи ихъ, но ядъ сердцецъ

Своихъ они отъ васъ лукаво скрыли!
 Да сохранитъ васъ Богъ отъ этихъ дядей —
 И ото всѣхъ друзей коварныхъ!..

ПРИНЦЪ.

Богъ

Да сохранитъ меня отъ ложной дружбы.
 Но ложны ль были дяди, я не знаю ...

ГЛОСТЕРЪ.

Милордъ, мэръ Лондона съѣздитъ сюда
 Поздравить васъ съ избраніемъ....

Входитъ лордъ-мэръ — со свитой.

МЭРЪ.

Всевышній

Да исполнитъ вамъ счастье и здоровье,
 Намъ молодой монархъ!

ПРИНЦЪ.

Благодарю

Васъ, добрый лордъ; благодарю и васъ всѣхъ!

Мэръ удаляется со свитой.

Я полагалъ, что матушка и братъ,
 Принцъ Йоркъ, меня еще въ дорогъ встрѣтятъ;
 Но — какъ же ждали этотъ скучный Хэстингсъ!
 Какъ не узнать, придутъ ли они,
 Или нѣтъ?!

Входитъ Хэстингсъ.

Да вотъ и онъ — усталый, весь

Въ поту.

ПРИНЦЪ.

Здорово, лордъ! Что жъ, скоро будутъ
 Сюда мой братъ и мать моя?

ХЭСТИНГСЪ.

Богъ знаетъ,

Что за причина, только братъ вашъ Йоркъ —

И королева удалилась въ храмъ.

Принцъ думалъ къ вамъ, со мною вместе, знать, —

Но королева силой удалила

Его....

БОККИНГЭМЪ,

Какой безумный и упрямый
Капризъ! — Лордъ Борчеръ, не угодно ль вамъ
Представить удивленна королеву,
Чтобы она сейчасъ же вѣнца Юрка
Сюда, къ его властительному брату
Отправила? — Когда жъ она, лордъ Хэстингсъ,
Не согласится, вы войдете съ нимъ,
И силой — изъ ея ревнивыхъ рукъ
Возьмите герцога!...

БОРЧЕРЪ.

Лордъ Боккингэмъ,

Пусть только не изменитъ мнѣ языкъ, —
Я вымолю у матери вамъ принца,
И вы увидите его: но если жъ
Она не тронется моей мольбой, —
Избави Богъ меня нарушить святость
Ея убѣжища! За царство мира —
Не соглашусь я быть участнымъ въ этомъ
Грѣхѣ!...

ХЭСТИНГСЪ.

И такъ любезный лордъ, идемте.

ПРИНЦЪ.

Идите, лорды добрые, спивните.

Кардиналъ и Хэстингсъ уходятъ.

Скажите, дядя Глостеръ, — если братъ мой
Привѣдетъ, гдѣ мы съ нимъ должны пристать —
До коронаціи?

ГЛОСТЕРЪ.

Повсюду, лордъ,

Гдѣ вашему величеству угодно
Линь будетъ. — Впрочемъ я бы далъ совѣтъ вамъ,
Хоть на день или на два задержу
Въ спокойный Тоуэръ: пославъ же, пожалуй, —
Гдѣ вы найдете болѣе прищипать
И болѣе полезнымъ для здоровья.

ПРИНЦЪ.

Противенъ мнѣ вашъ Тоуэръ; лучше всѣхъ

Другихъ мнѣ мѣсть онѣ. — Справедливо ль, впрочетѣ,
Что выстроилъ его Великій Цезарь?

ВОКНИГЭМЪ.

Милордъ, онѣ только началъ строить Тоузръ,
Доканчивало дальнее потомство.

ПРИНЦЪ.

И это все по лѣтописямъ видно,
Или преданія изъ вѣка въ вѣкъ —
Перенесли такую вѣсть?

ГЛОСТЕРЪ.

Милордъ,

По лѣтописямъ.

ПРИНЦЪ.

Но, положимъ, дядя,
Что это бы и не было въ столбцы
Пергамента записано, — не правда ль,
Что истина должна изъ вѣка въ вѣкъ,
Изъ усть въ уста итти и безъ того, —
Итти до дня *последняго суда*?...

ГЛОСТЕРЪ, въ сторону.

Разумникъ скороспѣлый, говорятъ,
Недолговѣченъ, впрочетѣ!...

ПРИНЦЪ.

Что вы, дядя,

Сказали?...

ГЛОСТЕРЪ.

Лордъ, я говорю, что слава
И безъ скрижалей долговѣчна. (*Въ сторону*). Вотъ —
И я, какъ Зло, въ старинныхъ представленьяхъ,
Плету двусмысленныя остроты.

ПРИНЦЪ.

Великій человекъ былъ Цезарь! То, —
Что доблести его уму внушали,
Умъ завѣщаль потомству въ письменахъ,
И доблести его въ безсмертной жизни
Явились. .. Смерть его не побѣдила....
И умеръ онѣ, — но духъ его живетъ! —

Лордъ Бокингемъ, я что-то вамъ сказать
Хочу.

БОКИНГЕМЪ.

Что жъ это, принцъ?

ПРИНЦЪ.

А вотъ что: если

Я доживу до той поры, что мужемъ
Ужъ назовусь, я возвращу отчизнѣ
Завоеванья нашихъ королей —
Во Франціи.... Иль на войнѣ солдатомъ
Паду, какъ жилъ на тронѣ королемъ!

ГЛОСТЕРЪ. Въ сторону.

Несвоевременный приходъ весны,
Жаровъ и жизни, — убавляетъ лѣто....

Входятъ: ЮРКЪ, ХЕСТИНГСЪ и КАРДИНАЛЬ.

БОКИНГЕМЪ.

А вотъ, какъ разъ, и герцогъ Юркъ!

ПРИНЦЪ.

Привѣтъ вамъ,

Любезный братъ нашъ, Ричардъ Юрксій! Какъ
Вы поживаете?

ЮРКЪ.

Благодарю,

Мой августѣйшій повелитель! — Такъ ли
Теперь я долженъ называть тебя?

ПРИНЦЪ, горестно.

Да, братъ, и къ твоему и къ моему
Несчастью! — Такъ еще недавно умеръ
Тотъ, кто бы могъ еще носить такое
Святое имя!.. Это имя много
Утратило величья своего
Со смерти короля! —

ГЛОСТЕРЪ.

Какъ поживаетъ

Цесмяникъ нашъ, достойный герцогъ Юркъ?

ПРИНЦЪ.

Благодарю, любезный дядя... Да!!
Милордъ, — вы какъ-то говорите мнѣ,
Что быстро вырастаетъ лишь дурная
Трава: смотрите-же, какъ переросъ
Меня свѣтлѣйшій принцъ, мой братъ....

ГЛОСТЕРЪ.

Да, дядя,

И въ самомъ дѣлѣ!

ПРИНЦЪ.

Значитъ, никому

Онъ не годится ужъ?

ГЛОСТЕРЪ.

О! нѣтъ, любезный

Племянникъ, этого я не скажу.

ГОРКЪ.

Такъ значитъ вы ему вполнѣ покорны....

ГЛОСТЕРЪ.

Онъ можетъ мною править, какъ властитель,
Вы, лордъ, какъ родственникъ.

ГОРКЪ.

И такъ прошу васъ,

Любезный дядя, дайте мнѣ кинжалъ вашъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Кинжалъ мой? Отъ души, племянникъ милый.

ПРИНЦЪ.

Ты, братецъ, просишь точно нищій.

ГОРКЪ.

Да, —

Прошу у дяди: онъ мнѣ не откажетъ.
Притомъ — не жаль отдать такой бездѣлки
Кому угодно.

ГЛОСТЕРЪ,

Дорогому принцу

Я никогда бѣ не отказалъ и въ большемъ....

ГОРКЪ.

И въ большемъ? Значитъ вы мнѣ подарите
И мечъ еще?

ГЛОСТЕРЪ.

Да, дорогой племянникъ,

Когда бь онъ былъ поменьше.

ГОРКЪ.

О! я вижу

Теперь, вы щедры лишь на небольшіе

Подарки: попроси же васъ бѣднякъ

О чемъ нибудь побольше, вы ему

Сейчасъ откажете.

ГЛОСТЕРЪ.

Мой мечъ тяжелъ

Вамъ будетъ.

ГОРКЪ.

Ничего, я слажу съ нимъ,

Будь онъ еще тяжелъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Какъ? Маленька

Милордъ мое оружіе носить

Хотѣлъ бы?...

ГОРКЪ.

Да, — мнѣ очень бы хотѣлось

Вамъ отплатить, любезный дядя, тѣмъ же,

Чѣмъ вы меня сейчасъ назвали?

ГЛОСТЕРЪ.

Какъ же,

Чѣмъ?

ГОРКЪ.

Маленькимъ!...

ГРИНЦЪ.

Лордъ Горкъ всегда до вѣдору

Дойдетъ въ своихъ словахъ.... Но добрый дядя —

Всегда умѣлъ переносить вѣстыя

Его обиды!

ГОРКЪ.

Вы сказать хотѣли —

Носить, а не переносить меня....

Братъ надо мной, дя и надъ вами, дядя,

Смѣется: я не больше обезьяны, —

И вотъ ужъ онъ себя воображаетъ,
 Что вы меня должны носить на шее
 Своей!...

БОКИНГЭМЪ.

Какъ мѣтко и остро онъ шутить!
 Какъ ловко и наивно онъ смѣется
 Самъ надъ собой, — чтобы смягчить свои
 Нападки на роднаго дядю!... Чудно!
 Такъ молодъ и ужъ такъ хитеръ. —

ГЛОСТЕРЪ.

Милордъ,

Угодно ль вамъ идти въ дорогу, дядя?
 А между тѣмъ, мы съ братомъ Бокингэмомъ
 Къ родительницъ вашей поспѣшимъ,
 И убѣдимъ ее явиться въ слѣдъ —
 За вами въ Тоуэръ съ должнымъ поздравленьемъ....

ГОРКЪ.

Какъ, лорды, вы идете въ Тоуэръ?

ПРИНЦЪ.

Лордъ

Протекторъ приказалъ намъ это, онъ —
 Желаетъ такъ....

ГОРКЪ

Я въ Тоуэръ едва ль
 Спокойно буду спать?

ГЛОСТЕРЪ.

Что это значитъ?

Чего бояться вамъ, милордъ?

ГОРКЪ.

Чего?

Кровавой тѣни Кларенса! Вѣдь дядя
 Былъ въ Тоуэръ убитъ?... Такъ говорила
 Мнѣ бабушка!

ПРИНЦЪ.

Я мертвыхъ дядей вовсе
 Бояться не умѣю.

ГЛОСТЕРЪ.

И ЖИВЫХЪ —

Надюсь?

ПРИНЦЪ.

О! пока они еще —

Не умерли, мнѣ нечего бояться! —

Однако жъ, лордъ, идемте! — Вспомяная

О нихъ, — съ печалью и съ тоской въ душѣ, —

Я неохотно отправляюсь въ Тоузъръ.

Уходить: Принцъ, Іеркъ, Хэстингсъ, Кардиналъ, свята, и другіе.

БОКИНГЭМЪ.

Какъ, лордъ, вы думаете, эти всѣ

Насмѣшки маленькаго болтуна

Не наущенья матери его —

Лукавой и мятежной?...

ГЛОСТЕРЪ.

Безъ сомнѣнья!

О! это преопасный мальчикъ: смѣль,

Хитеръ, уменъ и гордъ, — и весь

Въ родную матушку — отъ головы

До пятокъ!

БОКИНГЭМЪ.

Хорошо!.. Оставимъ ихъ!..

Приблизься, вѣрный Кэтзби. Ты клялся намъ,

Исполнить все, чтобъ мы ни замыслили,

Клялся хранить въ глубокой тайнѣ все,

Чтобъ мы тебѣ ни сообщили. — Ты

Дорогою узналъ уже не мало

Изъ нашихъ плановъ! — Какъ ты полагаешь,

Легко ль на нашу сторону склонить

Вильяма Хэстингса въ великомъ дѣлѣ

Коронованья этаго милорда

Видцемъ Британніи, отчизны нашей?

КЭТЗБИ.

Нѣтъ, изъ любви къ покойному монарху,

Несогласится онъ обидѣть сына

Его.

БОКИНГЭМЪ.

А что ты думаешь о Стэкии?
Не покорится ль этотъ намъ?

КЭТЪБИ.

Ни въ чемъ
Отъ Хэстингса онъ не отступитъ.

БОКИНГЭМЪ.

Ну, —

Такъ вотъ что: добрый Кэтъби, ты ступай
Къ Вилльямъ Хэстингсу и передай
Ему, что онъ на завтра долженъ въ Тоуэръ
Явиться на советъ объ исполненъи
Вънчания, — и тутъ, издалека,
Узнай, какихъ лордъ Хэстингсъ будетъ мыслей
Касательно задуманнаго нами
Намъренъи? И если ты заметишь,
Что онъ расположенъ къ намъ, — ободрй
Его, повѣрь ему все наши планы:
Когда жъ онъ будетъ молчаливъ и мраченъ,
И холоденъ, и весь въ негодованъе
Придетъ, — и ты ему потворствуй! Сбавь
Горячности своей, незримо кончи
Свой разговоръ и поскорѣй уведоми
Насъ о его расположенъи. Завтра
Еще другой советъ сообразимъ мы:
А въ немъ и ты себя отъищишь дѣло.

РАССТЕРЪ.

Напомни Хэстингсу, любезный Кэтъби,
Что завтра, въ Шоморетъ, — ошадной кучкѣ
Его враговъ беззубыхъ протягъ крови...
Пускай дружокъ, на: радостн отъ этихъ
Въстей, — одинъ хоть лишній поцалуи
Дастъ мистриссъ Шоръ!

БОКИНГЭМЪ.

Надѣюсь, добрый Кэтъби,
Что порученъи наши ты исполниши
Со всею върностью...

КЭТЗБИ.

Со всею, лорды! —

ГЛОСТЕРЪ.

Увидимъ ли тебя мы, Кэтзби, прежде,
Чѣмъ ляжемъ спать?..

КЭТЗБИ.

Увидите, надѣюсь!

ГЛОСТЕРЪ.

И такъ — иди, ты въ Кросби насъ найдешь.

Кэтзби уходить.

БОКНИНГЭМЪ.

Что жъ, лордъ, мы станемъ дѣлать, если Хэстингсъ
Откажетъ намъ?

ГЛОСТЕРЪ.

А голову ему

Сорвемъ!... На всякій случай вѣроятно
Ужъ что нибудь да станемъ дѣлать: — слушай,
Когда я буду королемъ, — твое
Гильфордское блистательное графство
И все имѣнье движимое брата
Покойника!...

БОКНИНГЭМЪ.

Я, лордъ, тогда сошлюсь

На ваше слово.

ГЛОСТЕРЪ.

Да, и я сдержу

Его тебѣ, какъ другу моему!...
Пойдемъ, поужинаемъ поскорѣй,
Заранѣ, чтобъ было время намъ —
Переварить получше наши планы! —
Уходить.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Передъ домомъ лорда Хэстингса.

Входитъ ГОНЕЦЪ.

ГОНЕЦЪ, стучить въ дверь.

Милордъ, милордъ!

хэстингсъ, за сценой.

Кто тамъ стучится, — эй?...
ГОНЕЦЪ.

Посоль отъ Стэнли.

хэстингсъ.

А который часъ?

Тонень.

Четыре скоро станетъ бить.

Входитъ Хэстингсъ.

хэстингсъ.

Навѣрно —

Лордъ Стэнли твой бессонницей страдаетъ?

ГОНЕЦЪ.

Да, потому судя, что мнѣ сказать

Поручено вамъ, — кажется, что такъ....

Во-первыхъ онъ вамъ кланяется, лордъ!

хэстингсъ.

Потомъ?

ГОНЕЦЪ.

Потомъ велѣлъ вамъ сообщить,

Что въ нынѣшнюю ночь ему приснился

Кабанъ, и будто этотъ зверь съ него

Сорвалъ шишакъ : потонъ онъ говорить,

Что завтра соберутся два совѣта,

И что въ одномъ изъ нихъ рѣшиться можетъ

То, что въ другомъ надвѣляетъ заботъ

Вамъ и ему. По этому онъ мнѣ

Велѣлъ узнать, угодно ль будетъ вашей

Свѣтлѣйшей милости, не медля, съ нимъ

Садиться на коней и, сколько можно

Быстрѣй, летѣть на сѣверъ, и спастись

Отъ бѣдъ, которыя предвидитъ онъ.

хэстингсъ.

Иди, дружище, — воротись къ милорду.

Скажи ему, чтобъ онъ не опасался

Двойнаго совѣщанья : на одномъ

Изъ нихъ мы будемъ оба, на другомъ же

Мой другъ, лордъ Катзонъ, непременно будетъ;

И все, чтобъ на послѣднемъ противъ насъ
 Ни ворънили, тотчасъ намъ объявить.
 Скажи ему, что страхъ его напрасенъ:
 А что касается до сна, то я
 Не надивлюся просто, — намъ въ тѣмой
 Онь степенн и проетъ и безразсуденъ,
 Что варитъ малостямъ своимъ же грѣшъ.
 Бѣжать отъ кабана, когда кабанъ
 Еще не гонится за нами, значить —
 Заставить броситься его за нами,
 И показать ему добычу тамъ, —
 Гдѣ онъ ее и видѣть не счумалъ бы!
 Иди же къ господину твоему
 И спроси его ко мнѣ; мы вѣстѣ
 Поѣдемъ въ Тоуэръ, — и милордъ увидитъ, —
 Какъ тамъ его воинственный кабанъ
 Насъ ласково и безъобидно встрѣтитъ!

Г О Н Е Ц Ъ .

Лордъ, обо всемъ ему я передамъ. (*Уходитъ.*)

ВХОДЯТЪ КЭТЗБИ.

К Э Т З Б И .

День добрый, благородный лордъ!

Х Э С Т И Н Г С Ъ .

А, Кэтзби,

Мое почтеніе: вы нынче рано
 Вспорхнули! Ну, что новаго у насъ, —
 У насъ, въ несчастномъ государствѣ нашемъ.

К Э Т З Б И .

И въ самомъ дѣлѣ, лордъ, въ чемъ какъ-то все

Мяется и идетъ нѣтъ колѣн.

Я думаю, что этому до той

Поры не пережить, пока вещь

На Ричардъ не заблеститъ и земли

Регалий не войдутъ въ его доходы.

Х Э С Т И Н Г С Ъ .

Вашецъ правленія? Корона?

КЭТЗЕН.

Да,

Мой добрый лордъ.

ХЭСТИНГСЪ.

Пусть голову мою

Снесутъ мнѣ прежде, чѣмъ увижу я
 Такое странное перемѣщеніе
 Короны! Неужель и въ самомъ дѣлѣ,
 По вашему, онъ мѣтитъ на нее?

КЭТЗЕН.

Да, нѣтъ сомнѣнья. Онъ и васъ склонитъ
 Надѣется на сторону свою:
 И потому просилъ меня сказать вамъ,
 Что нынче жъ ваши кровные враги,
 Родные королевы, — всѣ погибнуть —
 Близъ Помфрета...

ХЭСТИНГСЪ.

О! Ужъ конечно я

Не огорчусь извѣстіемъ подобнымъ,
 Они всегда со мною враждовали;
 Но, чтобъ за Ричарда мой голосъ дать
 Рзынлся я, — чтобъ согласился тронъ
 Отнять у сына моего монарха, —
 Нѣтъ, — никогда! Свидѣтель Богъ, — хотъ живи
 Личусь! —

КЭТЗЕН.

Дай Богъ, чтобъ вы всегда, милордъ,
 Такихъ достойныхъ мыслей были!

ХЭСТИНГСЪ.

Но —

И черезъ годъ я радоваться буду, —
 Что видѣлъ смерть моихъ враговъ лукавыхъ....
 Они меня поссорили съ моимъ
 Монархомъ. — Да, любезный Кэтзби, прежде
 Чѣмъ я двумя недѣлями еще
 Состарюсь, — я положу отправить
 Еще когонибудь изъ нихъ, — они
 Объ этомъ и не думаютъ!...

КЭТЭВИ.

Однако жь,

Милордъ, — прескверно умереть, когда
О смерти и не думать!

ХЭСТИНГСЪ.

Да, гадко!

И такъ надуть Вогэнъ, и Грей, и Риверсъ, —
И нѣсколько еще другихъ; межъ тѣмъ
Они себя въ опасности нѣсколько
И не считаютъ, точно ты да я, —
Къ которымъ, какъ всему известно свѣту,
Такъ благосклонны — и свѣтлѣйшій Ричардъ
И другъ его — достойный Боккингемъ.

КЭТЭВИ.

Они васъ оба ставятъ такъ высоко....
(Въ сторону). Что вашей голова, милордъ, какъ разъ
Стоять на мостовомъ столбѣ!

ХЭСТИНГСЪ.

О, да, —

Я знаю самъ, что я достоинъ этой
Почетной дружбы!

Входитъ Стэнли.

А, здорово, лордъ!

Что жь безъ рогатины вы? — Кабана
Бонтеса, — а ходите одни,
Безъ всякаго оружія?

СТЭНЛИ.

Милорды,

День добрый вамъ! — Не смѣйтесь надо мной,
Клянусь крестомъ Спасителя, — совсѣмъ
Не по душѣ мнѣ двойственный совѣтъ вамъ.

ХЭСТИНГСЪ.

Милордъ, я дорожу не меньше васъ
Своею жизнью; и, прибавлю вамъ,
Что никогда еще она мнѣ столько,
Какъ нынче, не казалася безцѣнна.
И нужо ль, когда бы въ безопасность

Свою не взрилъ я, — такъ безытожно бѣ
Болталъ я съ вами?...

СТАНЦІЯ.

Померетскіе лорды

Изъ Лондона спокойно въѣзжали,
Безопасно върили въ святую безопасность
Свою, — и въ самомъ дѣлѣ никакой
Причины не имѣли опасаться.
Однако жъ, вамъ известно, какъ неожиданно
Затмился день ихъ! — Страшно я-боююв
Ударовъ этой безпомянутой мести!...
Дай Богъ, чтобъ я остался только трусомъ!
Что жъ, въ Тоузъ, лорды, мы идемъ?... Ужъ день
Давно на небѣ. —

ХЭСТИНГСЪ.

Полно, успокойтесь.

Извѣстно ль вамъ, милордъ, что нынче будутъ
Казнить тѣхъ самыхъ лордовъ, о которыхъ
Вы только что припоминали?..

СТЭНЛИ.

Да,

По вѣрности и чести ихъ, скорый —
Имъ можно бѣ было головы носить,
Чѣмъ нѣкоторымъ изъ судей ихъ — шляпы...
Идемте-жъ, лордъ.

Входитъ Разсылный.

ХЭСТИНГСЪ.

Ступайте вы впередъ;

А я вотъ съ этимъ поремолвить долженъ.

Стэнли и Катэби уходятъ.

Ну что, дружище, какъ твои дѣла?

РАЗСЫЛНЫМЪ.

Идутъ чудесно, — если ваша свѣтлость

Меня своимъ уже почтилъ словомъ. ..

ХЭСТИНГСЪ.

Скажу тебѣ, что и мое дѣло...

Поправилась завидно съ той поры.
 Какъ мы съ тобою, здѣсь же, повстрѣались:
 Тогда я шелъ подъ стражей въ грозный Тоузъ,
 Благодаря стараніямъ друзей,
 И родственниковъ королевы; нынче же —
 Храни лишь это въ тайнѣ, — нынче, день
 Кровавой казни вступъ мой, враговъ....
 Да, лучше нежели когда нибудь,
 Теперь моя капризная судьба.

РАЗСЫЛЬНИКЪ.

Дай Богъ, чтобъ все по вашему желанію
 Свершилось!

ХЭСТИНГСЪ.

Спасибо, верный другъ!

Бросая ему кошелекъ.

Вотъ, выпей за мое здоровье!

РАЗСЫЛЬНИКЪ.

Лордъ,

Благодарю васъ.

Уходитъ.

Входитъ Патеръ.

ПАТЕРЪ.

Дорогая встрѣча,

Милордъ! — Отраднѣе вашу честь мнѣ видѣть!

ХЭСТИНГСЪ.

Благодарю васъ отъ души, любезный
 Саръ Джонъ! Я передъ вами все еще
 Въ долгу за вашу верную услугу....
 Въ субботу слѣдующую ко мнѣ
 Зайдите, — я свой долгъ вамъ заплачу!

ПАТЕРЪ.

Святѣйшій лордъ, я буду ожидать.

Входитъ Бокингемъ.

БОКИНГЕМЪ.

О чемъ вы это говорите здѣсь
 Съ духовникомъ, о чемъ, лордъ камергеръ?
 Въ немъ болѣе нуждаются друзья
 Милорда — Померетскіе арестанты:

А вашей чести исповядь пока
Еще надолго не нужна.

Хэстингсъ.

Конечно!

Я встрѣтился съ духовникомъ, и мысль
Невольная о нашихъ заключенныхъ
Пришла мнѣ въ голову. Скажите, герцогъ,
Вы въ Тоуэръ отправляетесь?

Бокингемъ.

Да, лордъ;

Но я туда — на самый малый срокъ,
И прежде васъ оттуда возвращусь.

Хэстингсъ.

Быть можетъ, потому что я объдать
Останусь тамъ.

Бокингемъ, въ сторону.

И ужинать! Но этаго еще

Не знаешь ты. — И такъ, милордъ, идемте.

Хэстингсъ.

Идемте, я готовъ, свѣтлѣйшій герцогъ!

Уходятъ.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Помѣреть. Передъ замкомъ.

РАТКЛИФЪ со стражей ведетъ на казнь РИВЕСРА, ГРЕЯ и ВОГѢНА.

РАТКЛИФЪ.

Ведите пльнниковъ!

РИВЕРСЪ.

Сэръ Ричардъ Ратклифъ, —

Сегодня ты увидишь, какъ за вѣрность,
За честь свою и за святой свой долгъ —
Погибнетъ подданный!...

ГРЕЙ.

Всевышній принца

Да сохранить отъ вашей брани! Все
Вы заклые кровопийцы....

ВОГЭНЪ.

Будогь

Пера, — и вы начнете горевать,
Что жизнь ясь не покинула!...

РАТКЛЕНФЪ.

Слышите, —

Уже давно границы — вашей жизни
Положены. —

РИВЕРСЪ.

О, Помереть, Помереть! Ты —

Кровавая и страшная темница
Для благородныхъ перовъ!... Подъ твоимъ
Преступнымъ сводомъ былъ изрубленъ Ричардъ
Второй, — и мы своей невинной кровью
Тебя забрызжемъ, чтобъ въ конецъ усилитъ
Позоръ твоей отверженной судьбы.

ГРЕЙ.

Свершаются проклятья Маргариты,
Ея желанья Хэстингсу и мнѣ,
И вамъ, милордъ : мы видѣли, какъ Ричардъ
Убилъ ея любимое дитя!...

РИВЕРСЪ.

Тогда она проклятья расточала
И на другихъ : мятежный Бокингэмъ,
И Хэстингсъ, и коварный Ричардъ — также
Подверглись имъ ! — О, Господи, внемли жь
Ея мольбамъ за нихъ, какъ внялъ ты нынѣ
Ея молениямъ за насъ.... Но, Боже,
Помилуй и спаси мою сестру
И сохрани ея малютку — сына....
Пусть наша кровь невинная прольется
За нихъ и жизнь ихъ бѣдную искупитъ !

РАТКЛЕНФЪ.

Слышите : часъ кончины вашей пробилъ....

РИВЕРСЪ.

Вогэнь, другъ Грей! обнимемся, прощайте !
До новой встрѣчи, тамъ — на небесахъ!...

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лондонъ. Комната въ Тауэре.

БОКИНГЭМЪ, СТЭНЛИ, ХЭСТИНГСЪ, ЭЛН, КЭТЗБИ, ЛОВЕЛЬ и другіе,
сидятъ за столомъ: чиновники совѣта стоятъ позади ихъ.

Х Э С Т Ч К Д Г С Т.

И такъ, милорды перы, на совѣтъ
Мы собрались, чтобъ кончить наше дѣло
О коронаціи: рѣшите жь съ Богомъ,
Его и назначайте день.

Б О К И Н Г Э М Ъ.

Но все ль

Готово для такого торжества?

С Т Э Н Л И.

Готово все: осталось назначить

Лишь день одинъ!

Э Л Н.

По моему — такъ завтра

День самый выгодный!

Б О К И Н Г Э М Ъ.

Кому известно,

Что думаетъ объ этомъ лордъ протекторъ?

Кто посвященъ въ тайникъ его души?

Э Л Н.

Мы думаемъ, что вамъ, достойный лордъ,

Скорѣй другихъ его известно мнѣнъе.

Б О К И Н Г Э М Ъ.

Какъ такъ?... Мы только, лишь по лицамъ знаемъ

Другъ друга. Что же до сердца, то, право,

Мое ему настолько же известно,

На сколько мнѣ известны ваши; сердце.

Его открыто предо мною также,

Какъ вамъ мое открыто!... Хэстингсъ, вы —

Съ нимъ дружны....

Х Э С Т И Н Г С Ъ.

Я благодарю его

Высочество за добрую любовь.

Его ко мнѣ, я въ ней вѣрять учаренъ.
 Но что касается его: сущности
 О коронаціи, — объ этомъ я
 Его не спрашивалъ, а самъ онъ вѣсело
 Не думалъ мнѣ о нѣтъ сказать: когда жъ
 Вы, лорды благородные, рѣшите
 Назначить день, я голосъ свой подамъ
 За герцога, — и онъ, какъ я надвюся,
 Не можетъ оскорбится тѣмъ нисколько!...

Входитъ ГЛОСТЕРЪ.

Э.и.

А вотъ и герцогъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Добраго, утра,
 Милорды благородныя и братья.
 Я заспался.... Надвюся, однако жъ,
 Мое отсутствіе не помѣшало
 Вамъ ни въ какомъ сужденіи: вы всегда
 И безъ меня могли бы обойтись.

ВОКИНГЭМЪ

Да, лордъ, когда бъ вы по репликѣ не явился,
 Лордъ Хэстингсъ произнесъ бы вашу часть:
 То есть — сказалъ бы всѣмъ намъ ваше мнѣніе
 На счетъ вѣнчанья короля....

ГЛОСТЕРЪ.

Одинъ

Лордъ Хэстингсъ можетъ быть такъ смѣлъ. — Лордъ Хэстингсъ
 Меня и знаетъ хорошо и любить! —
 Лордъ Эли, я въ послѣдній разъ въ Хольборнѣ
 Гулялъ, у васъ въ саду, — и видѣлъ тамъ
 Чудесную клубнику; потрудитесь —
 Послать за ней теперь же.

Э.и.

Свѣтлый лордъ,

Отъ всей души!...

Уходитъ.

глостеръ.

Любезный Боккингэмъ,

На пару словъ.

Отходить съ шизъ въ сторону.

Другъ! Катэби говорилъ
 Съ Вильямомъ Хэстингсомъ о нашемъ дѣлѣ.
 Упрямый джентльменъ горячъ и такъ
 Настойчивъ, что скорый готовъ погибнуть,
 Чѣмъ согласиться, чтобъ прямой наследникъ
 Его монарха, — какъ достойно онъ
 Его честить, — лишился царственного трона
 Британнiи !

Боккингэмъ.

Уйдите на минуту

Отсюда. Я за вами тоже выду.

Уходить съ Глостеромъ.

стэнли.

А мы еще не назначали дня....
 По моему, такъ завтра слишкомъ скоро
 Ужъ будетъ, — я и самъ не такъ готовъ,
 Какъ могъ бы, — если бъ это торжество
 Не много продолжанъ?...

Входить Элг.

элг.

Гдѣ же лордъ

Протекторъ? Я послалъ ужъ за клубничкой.

хэстингсъ.

Его высочество сегодня ласковъ
 И веселъ : вѣроятно что нибудь
 Особенно приятное его —
 Теперь и радуется и занимаетъ :
 Онъ добраго утра намъ пожелалъ
 Отъ всей души !... Нѣтъ человека въ мiрѣ,
 Который бы такъ худо могъ скрывать
 Свою любовь и нежашность !.. Вы тотчасъ
 Прочтете по лицу его — все сердце
 Его....

СТЭВЕН.

А именно, что вышло вы
Прочли изъ сердца лорда по его
Лицу?...

ХЭСТИНГСЪ.

Что у него въ душѣ нисколько
Нѣтъ неизреченн къ вамъ, милорды перы!...
О! если бь онъ питалъ къ кому досаду, —
Она бь въ глазахъ его сейчасъ сказалась.

Глостеръ возвращается съ Бокнингемомъ.

ГЛОСТЕРЪ, въ волненіи.

Прошу васъ возхъ сказать, какой награды
Достойны ть, которые меня
Задумали бьсовскимъ колдовствомъ
Сгубить, — и въ самомъ дѣлѣ, наконецъ,
Ослабили волшебствомъ адскихъ чаръ
Мое больное тѣло?....

ХЭСТИНГСЪ.

Свѣтлый лордъ,

Любовь, которую я къ вамъ питаю, —
Меня неволью заставляють, прежде
Высокихъ перовъ, осудить виновныхъ
Въ такомъ ужасномъ дѣлѣ: кто бь они,
Лордъ, ни были, — они достойны смерти. —

ГЛОСТЕРЪ.

Пускай же собственный вашъ взоръ увидить
Ихъ преступленіе!... Смотрите, какъ
Испорченъ я!... Рука моя изсохла,
Какъ сукъ подрзанный!... И все по кознямъ
Супруги Эдуарда, этой страшной
Волшебницы, да непотребной Шоръ. —
Вотъ какъ меня злодѣйки заклеями!...

ХЭСТИНГСЪ, вкрадчиво.

Онъ ли это —, благородный лордъ....

ГЛОСТЕРЪ.

Онъ ль?... И ты, ихъ гнусный покровитель,
Мнѣ говоришь еще — онъ ль?... Ты, низкій
Изъясничъ? — Голову ему долой!...

Клянуся Павломъ, я не сижу вѣтъ,
 Покуда не увижу головы
 Его! — Ловѣль и Кэтзби, вѣшь я это
 Приказываю!... Что жъ до васъ, милорды,
 Касается, — кто за меня, тотъ встанетъ, —
 И за своимъ протекторомъ пойдетъ! —

Весь советъ встаетъ въ смущеніи и уходитъ съ Глостеромъ.

ХЭСТИНГСЪ.

О, горе, горе — Англи! но вовсе
 Не за меня, затѣмъ, что я былъ глушь
 И не сумѣлъ предотвратить несчастья! —
 Да! — Стѣнли снилось, будто бы кабанъ
 Сорвалъ съ него заветный шлемъ, — но я
 Сномъ пренебрегъ и убѣжать не думалъ!....
 Три раза спотыкался нынче мой
 Парадный конь; завидѣвъ мрачный Тоуэръ,
 Онъ вздрогнулъ весь, и страшно на дыбы
 Взылся, — какъ будто угадалъ за-ранъ,
 Что везъ меня въ предательскую бойню.
 О! вотъ когда мнѣ нуженъ духовникъ
 Съ которымъ я сегодня повстрѣчался!...
 Я каюсь, что съ кичливостью такой
 Сказалъ разсылному о томъ, что нынче
 Погубятъ въ Помѣретъ моихъ враговъ —
 И, что я самъ — въ любви и даже въ дружбѣ
 Властей!... О, Маргарита, Маргарита!
 Обрушилось твое проклятье нынче
 На Хэстингса, на голову его
 Несчастную.

КЭТЗБИ.

Идите, лордъ, идите.

Протектору угодно поскорѣй
 Съестъ за обѣдъ!... Вы кайтесь покороче,
 Онъ ждетъ давно ужъ вашей головы!...

ХЭСТИНГСЪ.

Кто утверждаетъ все свои надежды
 На льстивыхъ взорахъ милости ладской,

Къ которой мы стремимся — слово въ дару
 Господню, тотъ — жизнь, какъ быстрая
 Бадьякъ-матросъ на мачтѣ шкверная, —
 Готовый съ каждымъ роковымъ толчкомъ
 Слетать стремглавъ въ пучины океана....

Исходить.

Идите же, напрасны вся слава,
 Вся ваши возгласы; милордъ, живите!...

Хэстингсъ.

О, безпощадный предельный Ричардъ!
 Несчастливая Британнія! . . Тебѣ
 Я предвещаю страшную годину, —
 Такое время, о которомъ ты
 Еще во вѣкъ не слышала. — Ну же,
 Ведите поскорѣй меня на плаху,
 Снесите голову мою ему....
 Немного жъ прожить и ты, которымъ
 Притонъ мой безвременный конецъ! —

Уходить.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тамъ же. Стѣны Тоуэра.

Выходить на нихъ — ГЛЮСТЕРЪ и БОКИНГЭМЪ, въ ржавой и без-
 порядочно-вадломъ оружїи.

ГЛОСТЕРЪ.

Скажи мнѣ, братъ, умъешь ли дрожать ты
 И изменять лицо свое, дыханье
 Въ срединѣ слова убивать, потому
 Кто незримо обновлять и снова,
 По волю, прерывать его, какъ-будто
 Ты весь отъ ужаса — и внѣ себя
 И обезумѣль?...

БОКИНГЭМЪ.

О! я превзойду
 И лучшихъ трагиковъ. За каждымъ словомъ
 Я стану озираться и назадъ

Глядеть, и трепетать вземъ тѣломъ, —
 И вздрагивать при шлоствъ магъишеи
 Соломенки, какъ—будто нахожусь
 Въ глубокомъ опасенн. — Пугливостъ
 И выраженье ужаса къ момнмъ
 Услугамъ, — и настолько жъ мнѣ легки,
 Какъ и притворная улыбка; ими
 Вы можете всегда распоряжаться, —
 Они на всякую минуту вамъ
 И вашимъ планамъ отданы! — Однано жъ,
 Скажите, вы послали Кэтзби?

ГЛОСТЕРЪ.

Какъ же!

Да вотъ и онъ, и съ мэромъ, — посмотри.

Входить лордъ-мэръ и Кэтзби.

БОКНИГЭМЪ.

Позвольте мнѣ съ нимъ говорить! — Лордъ-мэръ, —

ГЛОСТЕРЪ.

Другъ, посмотри-ка на подъемный мостъ!

БОКНИГЭМЪ.

А! Барабаны!..

ГЛОСТЕРЪ.

Кэтзби, посмотри,

Что за стенами — тамъ?

БОКНИГЭМЪ.

Лордъ-мэръ, причина,

Которая заставила милорда

Послать за вами, —

ГЛОСТЕРЪ.

Обернись!... Враги

Бьгутъ сюда! Къ оружью, защищайся!

БОКНИГЭМЪ.

Да защититъ насъ Богъ и наше право!

Входить — Ловель и Ратклифъ съ головою Хэстингса.

ГЛОСТЕРЪ.

Не безпокойся: это все друзья, —

Ловель и Ратклифъ.

ЛОРЕАРЪ.

Вотъ вамъ голова

Изъясника коварнаго, никакъ
Неуличеннаго въ его измѣнѣ.

ГЛОСТЕРЪ.

Да, Хэстингса я такъ любилъ и замъ
Цѣнилъ его, что — не могу не плакать!
Я почиталъ его всегда честнѣйшимъ
И высоко-разумнымъ челоукомъ —
Въ великомъ христіанскомъ мѣрѣ. Онъ
Мнѣ книгой былъ, и въ эту книгу рачю —
Моя душа безтрепетно вносила
Всѣ помыслы мои: онъ такъ искусно
Наружностью достоинствъ прикрывалъ
Свои пороки, что за исключендемъ
Его открытой слабости, — я здѣсь
Считаю связь его съ женою Шовъ, —
Его нѣтъ силъ ни въ чемъ и упрекнуть.

ДОКЛАДЧИКЪ.

Да, это былъ хитрѣйшій изъ всѣхъ
Изъясниковъ, — которые межъ насъ
Когда-либо существовали. — Дордъ,
Повѣрите ль, когда бъ мы не спаслись
Особеннымъ и непонятнымъ чудомъ, —
Вамъ никогда бъ и въ мысли не пришло,
Что нынче жъ, на советѣ, хитрый Хэстингсъ
Меня и герцога хотѣлъ убить?...

МЭРЪ.

Какъ? Онъ замыслилъ это?...

ГЛОСТЕРЪ.

Неужель

Вы полагаете, что мы съ нимъ Турки
Или язычники? что мы бъ рѣшились,
Противу всѣхъ законовъ, поспѣшить
Погибелью изъясника, когда бъ
Не вынудили насъ къ тому опасность

Такого дѣла, собственное наше
Спокойствіе и миръ святой отчизны?...

МЭРЪ.

Вы правы, лордъ, онъ казни былъ достоинъ.
Вы оба поступили превосходно:
Изъвинникамъ хорошей дань примѣръ!
Съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ съ женою Шоръ связался,
Я ничего ужъ отъ него не ждалъ.

ВОКНИГЭМЪ.

Однако жъ, Лордъ, мы вовсе не хотѣли,
Чтобъ умеръ онъ безъ вашего суда:
Одна лишь ревность и покорство нашихъ
Друзей — все это совершили; намъ
Хотѣлось, чтобы сами вы, милордъ,
Пугливое изъвинника признанье
Услышали, — чтобъ замыселъ его
Во всѣхъ частяхъ, подробно вы узнали
И это все бъ народу объясняли....
Быть можетъ граждане невольно насъ
Подозрѣваютъ и превратно судятъ
О гибели изъвинника.

МЭРЪ.

Милордъ,

Рѣчь вашей свѣтлости — мнѣ замѣняетъ
Мои глаза и уши. Успокойтесь
И вѣрте мнѣ, сіятельные лорды,
Смущеннымъ гражданамъ я объясню
Всю честность, всю правдивость вашу въ этомъ
Несчастномъ дѣлѣ! —

ГЛОСТЕРЪ.

Именно, за тѣмъ,

Чтобъ избѣжать неправыхъ обвиненій
Народа, мы и попросили васъ
Сюда. —

ВОКНИГЭМЪ.

Но къ-сожалѣнью, опоздали

Вы насколько! Идите жъ, объявите
 Хотя о томъ, что слышали отъ насъ:
 Прощайте, благородный мэръ, прощайте!
 Лордъ-мэръ уходитъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Скорый за нимъ, любезный Бокингэмъ!
 Онь въ гильдію свивитъ!... На всякій случай —
 Уврь судей, что дѣти Эдуарда
 Не по закону прижиты; скажи имъ:
 Когда понадобится, не щади
 И близкихъ мнѣ, — скажи имъ, не красня,
 Что мой отецъ, мой царственный отецъ,
 Во Францію въ то время шелъ походомъ,
 Когда моя родительница братомъ
 Моимъ, бездуннымъ Эдуардомъ, стала
 Беременна, — и что, расчисливъ время, —
 Онь убѣдился, что рожденный сынъ —
 Не сынъ ему, — и это подтвердило
 Еще печальное несходство съ нимъ
 Несчастнаго малютки! — Ты, однако жъ,
 Объ этомъ намекни полегче, такъ,
 Какъ-будто мимоходомъ.... Потому-что
 Еще жива моя родная мать.

БОКИНГЭМЪ.

Повѣрьте, лордъ, я буду остороженъ
 И ловокъ въ этомъ такъ, какъ-будто я
 О золотой наградѣ хлопочу
 Для самаго себя: и такъ — прощайте!

ГЛОСТЕРЪ.

Когда тебѣ удастся это, въ замокъ
 Байнардъ — ихъ приведи! —

Бокингэмъ уходитъ.

Прощайте, лорды.

Ловель и Кэтэби уходятъ.

Теперь мнѣ остается устранить
 Одно отродье Кларенса. — За дѣло жъ!...

Распорядимся, чтобъ отнынѣ къ принципамъ
Живой души не смѣли допускать!

Уходить.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Улица.

Входить ПИСЕЦЪ.

ПИСЕЦЪ.

Вотъ обвинительный и смертный приговоръ
Милорду Хэстингсу.... Красно и четко
Переблѣнъ онъ для прочтенія въ церкви
Святаго Павла! — Какъ однако жъ странно
Все это вяжется! — Вчера его
Прислалъ мнѣ Кэтзонъ вечеромъ, и я
Однадцать часовъ надъ нимъ трудился....
Для составленія черноваго столбико-жъ,
И болѣе еще, — необходимо....
А между-тѣмъ, нѣтъ и пяти часовъ,
Какъ Хэстингсъ жилъ — въ всякихъ обвиненіяхъ,
Свободенъ, правъ душой и безопасенъ!...
Да, чуденъ свѣтъ! — И кто такъ глупъ и простъ,
Что не увидитъ здѣсь обмана? Кто
Осмѣлится и скажетъ, что не знаетъ
Обмана этого?... Ужасенъ свѣтъ!
Конецъ его подходитъ!... Какъ, страдать —
И не искать защиты и молчать??...

Уходить.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тамъ же. Дворъ Байнардова замка.

Входятъ ГЛОСТЕРЪ и БОКННГЭМЪ: одинъ въ одну, — другой въ дру-
гую дверь.

ГЛОСТЕРЪ.

Ну что, ну что? что говоритъ народъ?

БОКИНГЭМЪ.

Клянуся Богоматерью, — вѣрды
 Не говоритъ ни слова.... Онъ совсѣмъ —
 Какъ ошаманъ! —

ГЛОСТЕРЪ.

А говорилъ ли ты
 О томъ, что дѣти Эдуарда вовсе —
 Не дѣти Эдуарда?...

БОКИНГЭМЪ.

Какъ же, лордъ!

Я вспомнилъ и о брачномъ договорѣ
 Его съ мидеи Люси и о томъ,
 Который онъ во Франціи составилъ
 Черезъ пословъ своихъ. Я говорилъ
 О незаконности его рожденья, —
 И какъ на герцога онъ не похожъ
 Совсѣмъ.... При этомъ я на васъ сослался,
 Какъ на подобье вѣрное отца
 И по лицу его и по душѣ....
 Я вычислилъ всѣ ваши торжества,
 Шотландскія победы, — я представилъ
 Воинскія познанья ваши, мудрость
 И кротость вашу въ мирные года,
 Смиреніе и вашу безкорыстность!...
 Я не забылъ формально — ничего,
 Чтобъ помогло вамъ дѣломъ или словомъ.
 Когда-жъ къ концу склонилась рѣчь моя,
 Я прямо предложилъ тѣмъ, кто желаетъ
 Добра своей отчизнѣ, — закричать:
 «Да здравствуетъ могучій Ричардъ, вѣрный
 «И царственный король нашъ!...»

ГЛОСТЕРЪ.

И они

Воскликнули?...

БОКИНГЭМЪ.

Нѣтъ, Богомъ я клянусь,

Они ни слова не сказали!.. Всъ-жъ
 Стояли молча, какъ нѣмые камни,
 Какъ статуи бездушныя, и только —
 Всъ, блѣдые какъ смерть, въ глаза другъ другу
 Глядели. — Видя это, упрекать
 Я началъ ихъ и къ мэрю обратился
 Съ вопросомъ о такомъ молчаньи.... Онъ
 Отвѣтилъ мнѣ, что самъ народъ привыкъ
 Выслушивать ораторовъ однихъ
 И поручать все — вѣрнымъ Рикордерамъ*.
 Тогда его я повторить заставилъ
 Мои слова, и онъ ихъ повторилъ....
 «Такъ герцогъ говорилъ, такъ герцогъ думалъ»
 Ссылаясь безпрестанно онъ, ни слова
 Не прибавляя отъ себя въ защиту
 И пользу нашу. — Только что онъ кончилъ, —
 Немногіе изъ нашихъ, на концѣ
 Парадной залы, — забросали шляпы
 Свои на воздухъ, — имъ во слѣдъ съ десятокъ
 Отвѣтило охрипшихъ голосовъ, —
 И крикъ: «Да здравствуетъ король нашъ Ричардъ!»
 Раздался между нами.... Я скорѣй
 Воспользовался этимъ и сказалъ:
 «Благодарю васъ, вѣрные друзья,
 «Достойные сограждане и братья;
 «Всеобщій кликъ вашъ ясно показалъ
 «И мудрость вашу и любовь святую
 «Къ милорду Ричарду!»... Сказалъ и вышелъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Колоды безъязычныя! Совсѣмъ —
 Не говорить?! — Поэтому и мэръ
 Не явится сюда съ своею братьей?

БОКИНГЭМЪ.

Мэръ будетъ здѣсь сейчасъ. Вы покажите,

* Recorder — отъ слова to record — значитъ архивный дѣлецъ, глашатай, — также одинъ родъ флейты. —

Что опасаетесь чего-то.... Служить
 Рвнитесь ихъ по долгимъ убѣжденьямъ....
 Не вдругъ склоняйтесь на наши просьбы,
 Играйте роль застычивой дѣвицы,
 Твердите — «нѣтъ» одно.... и не противьтесь!

ГЛОСТЕРЪ.

Согласенъ! — И когда просить за нихъ
 Ты будешь также хорошо, какъ я
 Приимуся этимъ «нѣтъ» работать, — вѣрнѣ
 И не сомгъненъ нашъ успѣхъ.

БОКИНГЭМЪ.

Милордъ,
 Ступайте на балконъ.... Лордъ-мэръ стучится!
 Глостеръ уходитъ.

Входитъ ЛОРДЪ-МЭРЪ съ альдермэнами и гражданами.
 Добро пожаловать, милордъ!... А я
 Все ожидаю допуску! — Едва ли
 Протекторъ вовсе не рѣшился насъ
 Не принимать?...

Изъ комвату замка выходитъ КЭТЗБИ.

Ну что, любезный Кэтзби?..
 Что герцогъ на мою отвѣтилъ просьбу? —

КЭТЗБИ.

Онъ проситъ васъ, милордъ, къ нему явиться
 Пораньше завтра или послѣ завтра.
 Теперь же онъ всемъ сердцемъ углубленъ
 Въ святое созерцанье правды. —

БОКИНГЭМЪ.

Вернися, Кэтзби, къ свѣтлomu милорду,
 Скажи ему, что я, лордъ-мэръ и всѣ
 Достойные сограждане — покорно
 Къ нему явился по дѣлу крайней,
 Великой важности; скажи, что это
 Святое дѣло — нашихъ общихъ благъ
 Касается.

КЭТЗБИ.

Я доложу ему

Сейчас! —

Уходить.

БОКИНГЭМЪ.

Да! этотъ принцъ не Эдуардъ!

Онъ не ложится, но встаетъ въ постель....
 Онъ на коленяхъ молится о благѣ
 Своей отчизны... Занятъ онъ не пылкими
 Веселиемъ въ кругу своихъ предместниковъ,¹
 Не сномъ своимъ, не праздною лънью плоть
 Свою онъ утучняетъ, — а мольбами
 Обогащаетъ бодрствующій духъ!
 Какъ очастлива была бѣ судьба печальной
 Британніи, когда бы этотъ мудрый
 И кроткій принцъ взялъ на себя труды
 Великаго ввнца!... Но, нѣтъ надеждъ, —
 Чтобы склонился онъ на наши просьбы.

МЭРЪ.

Не дай Господь, чтобъ онъ намъ отказалъ*. —

БОКИНГЭМЪ.

Боюсь, откажетъ. — Вотъ и вѣрный Кэтзби.

Входитъ КЭТЗБИ.

Ну что милордъ, что вамъ отвѣтъ герцогъ?

КЭТЗБИ.

Онъ удивляется, зачѣмъ къ нему
 Вы привели толпу достойныхъ гражданъ,
 Заблаговременно не давши знать
 Ему о томъ: онъ здѣсь подозрѣваетъ
 Недоброе намъренье, милордъ.

* Лордъ-меромъ въ это время былъ Эдмондъ Шо, братъ доктора Шо, которому Ричардъ поручилъ сказать съ кафедры собора Святаго Павла — о его притязаніяхъ на корону Англій. —

БОКИНГЭМЪ.

Мнѣ очень больно, что свѣтлѣйшій братъ мой
Подумать могъ, что я противъ него
Замыслилъ злое дѣло: нѣтъ, клянусь, —
Мы изъ любви одной сюда явились.
Поди-же и скажи ему объ этомъ!...

К-ТЭМ уходитъ и возвращается. — Вслѣдъ за нимъ — ГЛОСТЕРЪ по-
казывается на галлерей, между двухъ прелатовъ.

К-ТЭМЪ.

Вотъ и его высочество идетъ....

БОКИНГЭМЪ.

Лордъ Глостеръ,
Свѣтлѣйшій герцогъ, принцъ Плантагенетъ!
Склони свое безцѣнное величье
На наши просьбы и проеты, что мы
Нарушили твои мольбы святамъ,
Твои христоробиры занята.

ГЛОСТЕРЪ.

Лордъ, вамъ не нужно извиняться!... Я
Скорай просить васъ долженъ о прощеньи,
Затѣмъ, что, занятый бесадою съ небомъ,
Я пренебрегъ желаньями друзей....
И такъ, что вамъ угодно? Объясните!

БОКИНГЭМЪ.

Мы просимъ васъ о томъ, чего желаетъ
Господь и эта бѣдная страна....

ГЛОСТЕРЪ.

Мнѣ кажется, я сдѣлать что-нибудь
Вамъ непрятное, — и это обижаетъ
Достойныхъ гражданъ, — и приняи вы съ тѣмъ,
Чтобъ осудить мое несчастье....

БОКИНГЭЙЪ.

Да,
Милордъ!... Но если бѣ вамъ угодно было
Исправить вашъ проступокъ, —

ГЛОСТЕРЪ.

Я согласенъ!...
Къ чему-же и дышу я въ христіанскомъ,
Покорномъ мірѣ? —

БОКИНГЭЙЪ.

Знайте же, милордъ,
Что вы вина тому, что власть правленія,
Величественный тронъ, корона вашихъ
Могучихъ предковъ, санъ вашъ по рожденью, —
И вашъ почетъ, и царственная слава, —
Все, все оставлено — ногодой ветви
Испорченнаго пня; что, отъ соимовой
Безпечности и лжи вашихъ дѣйствій,
Которую теперь мы пробуждаемъ
Для блага общаго, — нанъ славный край
Линяется своихъ могучихъ членовъ,
Его лицо — морщинами нозора
Покрылося и къ дереву престола
Отверженные ветви прирастаютъ, —
И все оно почти ужь погрузилось
Въ бездонную и жадную нучину
Ничтожества, нѣмага запустѣнья
И черной гибели!... Чтобы спасти
Его, мы ваму свѣтлость умоляемъ
Принять бразды правленія родной
Вамъ Англии: принять — не въ слабомъ званьи
Протектора, намѣстника или просто —
Повѣреннаго, — выгодамъ другаго
Покорнаго наемника... Нѣтъ! въ званьи —
Наслѣдника, принять какъ ваму часть,
Какъ ваму собственность, какъ ваму славу,

Какъ вашу кровь, — родное государство!...
 Вотъ для чего, по вѣстстунной просьбѣ
 Всѣхъ этихъ гражданъ, истинныхъ друзей
 И вашихъ слугъ, — сюда пришелъ я!...
 Вотъ почему я умоляю васъ —
 Принять бразды покинутого трона!...

ГЛОСТЕРЪ.

Не знаю, какъ мнѣ быть, уйти ль въ молчанье
 Иль вѣдкими упреками осыпать
 Всѣхъ васъ?... и что скорѣй прилично будетъ —
 И сану моему и вашимъ добрымъ
 Намыреньямъ?! — Не отвѣчать, уйти, —
 Вы можете подумать, что нѣмое
 Отъ радости, тщеславіе — охотно
 Приемлетъ золотое нго власти,
 Которую вы предложили мнѣ!..
 Негодовать на васъ — за ваши просьбы,
 Исполненныя пламенной любви
 Ко мнѣ, — не значить ли моихъ друзей
 Обидѣть? — Потому, чтобъ избѣжать
 Послѣдняго и первымъ въ искушеніе
 Васъ не ввести — я вотъ что вамъ отвѣчу:
 Благодарю васъ за любовь ко мнѣ, —
 Что жъ до моихъ достоинствъ, — то они
 Такъ бѣдны и такъ малы, что мынаютъ
 Вполнѣ — принять мнѣ ваше предложеніе! —
 Когда бы даже не было препятствій
 И путь мой къ трону былъ бы чистъ и вѣренъ,
 Какъ кровныя права мои по сану, —
 То и тогда — я такъ ничтоженъ духомъ,
 Такъ многочисленны мои пороки,
 Что я, — какъ утлый и безсильный чолнъ,
 Бѣжалъ бы моря моего величья,
 Чтобы оно меня не поглотило
 И чадомъ славы собственной моеѣ
 Меня не задушило! — Но Господь

Еще хранить меня, и кто вамъ нужды
 Пока во мнѣ... Когда жь она случится,
 Вамъ помогу не много! — Дстойный
 Остался плодъ отъ царковенного карня...
 Сядое время этому плоду —
 Придасть красу и зрѣлость — и себѣ!
 Украситъ онъ нашъ царственный престоль, —
 И нѣтъ сомнѣнья, всѣхъ насъ осчастливитъ
 Своимъ правствомъ... Богъ на него
 Я возлагаю то, что на мени
 Вы возлагаете и что ему
 Принадлежитъ по праву и по воле
 Его звезды таинственно-счастливой!...
 Избави Богъ, чтобъ я его лишитъ
 Рвнился этого наследства!...

БОКННГЭМЪ.

Лордъ,

Все это про одну лишь вашу совесть
 Намъ говорить; но если раземотрѣть —
 Получше обстоятельства, не трудно
 Увидѣть, какъ ничтожны и бессильны
 Причины, на которыя она
 Ссылается... Вы говорите намъ,
 Что вашего роднаго брата сынъ,
 Малютка Эдуардъ, и мы ни слова
 Не скажемъ противъ этого!... Но что
 Заговорить супруга Эдуарда,
 Его отца?... Вынѣ братъ былъ сговоренъ
 Сперва съ миледи Лядси, — и объ этомъ
 Вамъ засвидѣтельствуеъ ваша мать..
 А послѣ онъ, черезъ своихъ пословъ,
 Сосваталъ леди Вону, молодую
 Сестру французскаго монарка! — Ихъ
 Обвѣхъ удалила отъ него —
 Убогая и жалкая вдовица,
 Измученная мать семьи голодной,

Переступившая за подданъ жизни —
 Поблекшая красавица... Она
 Очаровала взоръ его, предъстѣла —
 Поработила духъ его высокій
 И наконецъ унизила его —
 До двоебрачья.... Съ ней-то Эдуардъ
 На незаконномъ ложѣ прижмётъ сына,
 Котораго изъ възливости мы
 Назвали принцемъ. — Не цени я чести
 И славы нѣкоторыхъ изъ живыхъ
 Свидѣтелей тому, что я повѣдалъ, —
 Я бѣ рассказалъ вамъ болѣе еще....
 И такъ, примите же, святѣйшій лордъ,
 Вамъ предлагаемый вѣнецъ, — когда
 Не для спасенія отчины вашей
 Нилъ не для нашихъ просьбъ, — по-крайней-мѣрѣ
 Хотъ для того, чтобы возстановить,
 Нарушенный насмѣшливой судьбой, —
 Порядокъ въ вашемъ царственномъ наследствѣ....

МЪРЪ.

Васъ граждане всѣ молятъ! Согласитесь,
 Милордъ!...

БОККИНГЭМЪ.

Не отвергайте ихъ любви!

КЪТЪСЕН.

Исполните ихъ праведную просьбу!..
 Обрадуйте согражданъ. —

ГЛОСТЕРЪ.

Боже правый!

И для чего меня обременить
 Хотите вы заботами правденья?
 Ни золотой вѣнецъ, ни королевскій скиндретъ

Мнѣ не пристануть. — Умоляю васъ, —
 Моимъ словамъ не придавайте смысла
 Превратнаго, — я не могу и даже
 Желать не смѣю — вашихъ предложеній
 Достоинно выполнить....

БОКИНГЭМЪ.

Вы не хотите,
 Вы отказались отрѣшиться отъ трона
 Дитя, наследника роднаго брата.
 Мы знаемъ кротость вашихъ добрыхъ чувствъ,
 Любовь и вашу женственную нѣжность —
 Къ роднымъ и не роднымъ! — Такъ знайте жъ, лордъ,
 Уважите ль, отвергнете ли вы
 Горячія моленья наши, сынъ
 Роднаго брата вашего — вовекъ
 Не будетъ королемъ намъ! .. Мы другаго,
 Кого нибудь на тронъ нашъ возведемъ....
 И съ этою рынностью — покорно
 Васъ оставляемъ мы! — Друзья, идемте,
 Намъ нечего здѣсь болѣе просить....

Отходить со всѣми гражданами.

КЭТЭБИ.

Любезный принцъ, верните ихъ, склонитесь
 На просьбы ихъ! Отказъ вашъ возмутитъ
 Негодованіемъ все ваше государство....

ГЛОСТЕРЪ.

Вы, зпачить, положили непременно
 Меня сковать веригами вѣнца?
 Знать такъ и быть!... Верни ихъ!... *Я не камень!*...

Кэтэби илеть къ гражданамъ.

Я не могу не тронуться мольбами
 Моихъ друзей, какъ ни противно это

И совести моей и сердцу!...

Бокингэмъ возвращается съ гражданами.

Братъ,

Достойный Бокингэмъ, и вы, мои
Сотраждане, — когда уже рѣшились
Вы королемъ своимъ меня назвать,
Не зная, будетъ ли мнѣ это любо, —
Нѣ вѣтъ, — я долженъ на себя невольно
Принять тяжелыя вериги власти!...
Но — если клевета нѣхъ порицанье
Бездущное послѣдуютъ за этимъ
Согласіемъ невольнымъ, — о! тогда
Вы сами смыть должны все эти пятна
И оскорбленія.... Господь свидѣтель,
И вы отчасти видѣли, какъ я
Далеко былъ даже мысли о коронѣ!..

МАРЪ

Да наградитъ васъ Богъ! Мы знаемъ это
И засвидѣтельствуемъ всемъ!...

ГЛОСТЕРЪ.

И вы —

Объ истинѣ — свидѣтельство свое
Дадите, лордъ! —

БОКИНГЭМЪ.

И такъ я королемъ
Привѣтствую васъ, принцъ! Друзья, милорды, —
« Да здравствуетъ король нашъ Ричардъ, верный
« Властитель Англіи!! »

Всѣ.

Аминь! —

БОКИНГЭМЪ.

Угодно ль,
Милордъ, вамъ завтра же короноваться?

ГЛОСТЕРЪ.

Когда хотите, я на все согласенъ.

БОКИНГЭНЪ.

Мы къ вашему величеству поутру
Придемъ. — Затѣмъ — до свѣтлаго свиданья!...

ГЛОСТЕРЪ.

Воротимся и мы къ занятьямъ нашимъ.

Бокингэну.

Прощайте, братъ! Друзья мои, прощайте! —
Уходить.

ГРИГОРІЙ ДАНИЛЕВСКІЙ.

НАТУРЩИЦА.

=
ПОВѢСТЬ.

=
ЧАСТЬ ПЯТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=
XXIV.

Женское сердце! чего о немъ не говорили, не писали, не гадали? Одни называли его частицею неба; другіе — полымъ пускуломъ.... И все-таки женское сердце осталось предметомъ непонятнымъ, неизслѣдованнымъ, неразгаданнымъ. А глубокое изученіе этого восхитительнаго и очень близкаго намъ предмета, бесспорно, достойно возвышеннѣйшихъ и самыхъ безпристрастныхъ умовъ. Къ-сожалѣнію, краснобаи, извѣстные подъ названіемъ философовъ, обыкновенно устремляютъ свои умозрѣнія на предметы безконечно далекіе, каковы система мировъ, или теорія атомовъ, и ни за что не посвящаютъ ни одной своей безсонницы на изслѣдованіе дивнаго органа, называемаго женскимъ сердцемъ. Все это, вѣроятно, потому, что, быть-можетъ, гораздо легче изучить прихоти кометъ, чѣмъ изслѣдовать въ удовлетворительной степени всѣ феномены, такъ часто кажушіеся намъ причудами, этого загадочнаго органа, — нѣжнаго и твердаго, щедраго и

скупаго, смиреннаго и деспотическаго, каково женское сердце.

Не подумайте однако жъ, что я намѣреваюсь представить вамъ полный анализъ женскаго сердца; нѣтъ, я хотѣлъ только указать на одну изъ важныхъ и ближайшихъ намъ проблемъ, до-сихъ-поръ не разрѣшенныхъ.

Что касается до меня, то я продолжаю рассказывать исторію простаго сердца, какое обыкновенно любить не болѣе одного разу въ жизни и потому не для всѣхъ любопытно.

Мы разстались съ Лавиніей почти тотчасъ по возвращеніи ея изъ мастерской художника.

Пронесшества прошедшаго утра казались ей какими-то смутнымъ, невиданнымъ сновидѣніемъ; она еще не успѣла оправиться отъ волненія, причиненнаго утренними сценами; при всемъ томъ воображеніе ея почему-то не могло оторваться отъ этихъ плачевныхъ сценъ и воспроизводило ихъ съ поразительною ясностью. Въ сердцѣ этого ребенка происходило что-то необыкновенное, восхищавшее и вѣсть пугавшее его.... Лавинія чувствовала, или ей только такъ казалось, что сердце ея трепещетъ совершенно новымъ, до-сихъ-поръ неизвѣстнымъ образомъ; ей казалось, что часть ея духовнаго существа, которая еще не жила, внезапно, какою-то тайной силой, призвана къ жизни. Была ли это любовь? Лавинія не знала, и даже подобный вопросъ не приходилъ ей на умъ.

Мы любить обыкновенно задолго до той минуты, когда внутренне сезируемъ въ развитіи этой страсти. Это семнадцатилѣтнее сердце не нуждалось еще въ самосознанія: оно впервые трепетало въ груди такъ тревожно и такъ сладостно. Лавинія находилась въ томъ свѣтломъ состояніи души, которое исходитъ на насъ часто отъ какой-нибудь незамѣченной нами причины, и, наперекоръ окружающему неблагосостоянію, заставляетъ глядѣть на жизнь по-сннеходительнѣе.

Спокойныя, улыбающіяся, поэтическія мечтанія неотступно ронялись въ головѣ молодой сиротки, не смотря на то, что безпрестанно прерывались, то болѣзненнымъ голосомъ бабуш-

ни, то мечтательными воспоминаниями, то неутешительными гаданиями о будущем....

На следующее утро въ скромномъ домикъ была та же унылая тишина, то же грустное отсутствіе жизни. Одишь только Милордъ почти съ самаго разсвѣта обличалъ необыкновенное безпокойство и неровнѣе. Онъ не прибѣгалъ съ обычнымъ утреннимъ привѣтомъ помаскаться къ своей госногѣ, даже отказался отъ своей скудной яницы, и не отходилъ ни на шагъ отъ едва притворенной, ветхой калитки.

Нѣсколько разъ въ это утро кто-то нытался съ улицы войти въ калитку; но едва трогалъ ее, какъ Милордъ начиналъ непріязненно огрызаться. Ранній гость терпѣливо выжидалъ, и потомъ, когда все успокоивалось, снова трогалъ кончикъ веревки, замѣнявшей и ручку и задвижку; но Милордъ не дремалъ—и тотчасъ-же заливался лаемъ, котораго тотъ не предвѣщалъ ничего добраго. Не вида терпѣливаго посягателя, Милордъ тѣмъ не менѣе узналъ его и за калиткой своимъ чутьемъ, которое никогда не обманывало.

Между-тѣмъ, червонцы, ввѣренные попеченію Авдотьи, не дали ей порядочно сомкнуть глаза ни на минуту продолженіе цѣлой ночи. Тщательно завернувъ золото въ нѣсколько тряпицъ, бѣдная женщина положила свое сокровище подъ изголовье, и изъ предосторожности безпрестанно ощупывала его. Заскребеть-ли мышъ подъ половицей, посыплотся-ли въ трубу обломки кирпичей, или просто затрещитъ подъ ней койка,—бѣдная женщина обирала со страху... Ей казалось, что похищаютъ ея сокровище, и она съ отчаяніемъ хваталась за него обѣими руками. Если она не кричала: „караулъ!“, то единственно оттого, что въ минуту испуга рѣшительно не могла владѣть языкомъ.

Можно себя представить, съ какимъ нетерпѣніемъ болѣная Авдотья ожидала утра и.... Финагенча.

Около полудня, Милордъ осторожно открылъ лапой дверь и весело вбѣжалъ въ комнату. Ласкаясь у ногъ задумчиво сидѣвшей Лавиніи, онъ привѣтливо оглядывался назадъ и безконечнымъ виляньемъ хвоста подавалъ знаки чего-то хорошаго.

Вслѣдъ за тѣмъ, Лавинія услышала звукъ чужихъ шаговъ

на галереѣ... и, Богъ знаетъ почему, лицо ея вспыхнуло, какъ-будто кто-нибудь заглянулъ въ глубину ея мысли. Она стала поспѣшно приглаживать свои волосы, которые и безъ того были въ порядкѣ, и еще не успѣла оправиться отъ смущенія, какъ вошелъ гость, возвѣщенный Милордомъ.

Лавинія увидѣла передъ собою господина, какъ у насъ говорится, почтенной наружности: онъ былъ одѣтъ весь въ черномъ и имѣлъ достаточное количество сѣдыхъ волосъ. Молодая дѣвушка выразила глазами вопросъ: что вамъ угодно?

— Имѣю честь кланяться, отвѣчалъ онъ учтиво. — Гдѣ здѣсь больная?... Я докторъ, къ вашимъ услугамъ.

При этихъ словахъ, Милордъ еще разъ, весьма тщательно, съ помощью своего чутья, освидѣтельствовалъ посѣтителя со всѣхъ сторонъ, но по-видимому нашелъ его удовлетворительнымъ, потому что спокойно удалился подъ столъ и свернулся тамъ колесомъ, оставя врачу полную свободу дѣйствовать, какъ онъ тамъ знаетъ.

— Боже мой! какъ я вамъ благодарна! проговорила Лавинія почти шопотомъ, и досказала свою мысль умиленнымъ взглядомъ.

— Вы меня извините, надѣюсь, что я пріѣхалъ такъ, безъ всякаго приглашенія? Я слышалъ отъ вашихъ знакомыхъ... отъ вашихъ сосѣдей, что бабушка ваша... неправда-ли, это ваша бабушка?... очень нездорова. Медицина требуетъ точности.

Велико было желаніе сиротки узнать имя своего благотворительнаго сосѣда, но спросить она не рѣшилась... можетъ-статься потому, что тотчасъ-же догадалась, кто этотъ тайный благотворитель; но-крайней-мѣрѣ ей какъ-то не хотѣлось услышать не то имя, о которомъ она думала.

При первомъ взглядѣ на больную, опытный глазъ врача замѣтилъ неизлечимость болѣзни; но, какъ медицина требуетъ точности, онъ повѣрилъ біеніе пульса по своимъ часамъ, прописалъ два, три рецепта, замѣтивъ, что лекарство доставить самъ; наконецъ, съ извѣстнымъ невозмутимымъ видомъ врача, старался успокоить и ободрить внучку, которая, глядя на страждущую старушку, не могла удержаться отъ слезъ.

— На васъ, докторъ, одна надежда! врошептала Лавинія.

— Постараюсь сдѣлать все, что могу, а тамъ... что Богъ дастъ! Надѣюсь, мы будемъ друзьями. И такъ, до завтра!

— Не знаю, докторъ, какъ намъ благодарить васъ?

— Да! прервалъ ее врачъ: лекарство прошу васъ давать какъ можно аккуратноѣе. Лучше... позвольте оставить вамъ вотъ эти часы: они вѣрны, какъ слѣдуетъ. Медицина требуетъ точности....

И онъ положилъ на столикъ изящные золотые часы.

Лавинія показалося, что часы, по которымъ врачъ повѣрялъ пульсъ, были серебряныя. И дѣйствительно, она теперь явственно слышала ихъ стукъ въ докторскомъ карманѣ. Это заставило ее задуматься; однако жъ не помѣшало вспомнить о больной служанкѣ.

— Вы такъ добры, докторъ, что я васъ еще побезпокою... У меня есть еще одна больная....

— Очень радъ! Сдѣлайте милость! Медицина любитъ... точность.

Когда они вошли въ кухню, Финагенчъ стоялъ внимательно наклонившись надъ лицомъ Авдотьи: та что-то шептала ему на ухо. Замѣтя вошедшихъ, больная поспѣшно сунула ему что-то въ руку, и Финагенчъ торопливо сунулъ руку съ добычей за пазуху, и, никому порядкомъ не поклонившись, отскочилъ всторону.

— О, эту мы въ три, четыре дня поставимъ на ноги, сказалъ докторъ съ увѣренностью.

Пользуясь минутой, Финагенчъ на цыпочкахъ пробрался по стѣнкѣ, неслышно отворилъ дверь и благополучно скользнулъ въ сѣни.

— Что-жъ, васъ кто-нибудь навѣщаетъ? спросилъ докторъ.

— Почти никто, докторъ! отвѣчала Лавинія, печально опускала рѣсницы.

— Но какъ же это? вѣдь одной-то трудно вато.... ухаживать за двумя больными.

— На что я не готова? лишь бы облегчить участь моей доброй бабушки.

— Вы мнѣ позволите познакомиться вѣсъ съ моею женою? Она тоже вамъ въ чемъ-нибудь поможетъ.

— Какой благодѣтель указалъ вамъ на нашъ уголокъ?!

— Медицина требуетъ... А это что же за человекъ былъ здѣсь сию минуту?

— Это добрыйшій человекъ; онъ одинъ помогаетъ намъ всѣми своими средствами. Если-бъ не онъ...

Говоря такимъ-образомъ, они вышли въ сѣни. Любопытству ихъ представилась слѣдующая, отчасти живописная группа: добрыйшій человекъ стоялъ неподвижно, подь строгимъ присмотромъ Милорда, который, для большаго предосторожности, придерживалъ его зубами за полу. Финагенчъ не замѣчалъ Милорда и старался показать, что остановился тутъ самъ по себѣ... На этотъ разъ онъ низко, пренебрежительно похлопнулся, однако не выпуская руки изъ-за пазухи.

Лавинія замѣтила оскорбительныя дѣйствія Милорда, крикнула на него, и послушный пещъ нехотя отскочилъ всторону, ворча и косясь на своего непріятеля.

Покуда докторъ прощался, Финагенчъ исчезъ вторично... Но Милордъ не выдержалъ, догналъ его у калитки, поднялся на заднія лапы, уперся передними въ грудь своего оторопѣлаго пациента, и, обративъ особенное вниманіе на руку, все болѣе и болѣе углублявшуюся за пазуху, ухватился зубами за знакомый рукавъ овчиннаго полушубка.

XXV.

Все доброе дѣло, рассказанное въ предыдущей главѣ, было устроено Флоренскимъ, при помощи хорошаго знакомаго ему врача. Онъ радовался, что сколько-нибудь могъ облегчить положеніе прелестной сиротки. Оставалось главное: принудить Финагенча исключить ее изъ списка натурщицъ; но гдѣ отыскать его? вотъ въ чемъ предстоялъ вопросъ.

Флоренскій посѣтилъ многихъ своихъ пріятелей художниковъ, которымъ Финагенчъ былъ извѣстенъ съ болѣе или менѣе выгодной стороны: но ни одинъ изъ нихъ не могъ сообщить Флоренскому адреса общаго поставщика моделей, хотя каждый не преминулъ подѣлиться съ гостемъ пріятными

неизвестна не-счесть изобретѣйся въ виду какой-то еще не-виданной модели, которую Финагенчъ обязался поставить въ самомъ непродолжительномъ времени. Каждый художникъ былъ увѣренъ, что эта художественная невидаль назначается единственно для него. Отъ многихъ даже, по этому необыкновенному случаю, поставщикъ получилъ уже порядочные задатки.

Флоренскій выслушивалъ все это съ стѣсненнымъ сердцемъ: онъ готовъ былъ возвратить своимъ товарищамъ всѣ ихъ задатки изъ собственного кармана... но понималъ, что только прослыветъ чудакомъ, даже просто смѣшнымъ... и больше ничего.

Трое или четверо изъ самыхъ откровенныхъ артистовъ сообщили, правда, Флоренскому адресъ Финагенча, но между этими адресами не было ни малѣйшаго сходства: одинъ носилъ его на Рожковскую пристань, другой въ Колтовскую, третій на рѣчку Поросятинку; крѣмъ-того, въ каждомъ изъ этихъ адресовъ не было означено ни улицы, ни дома. Впрочемъ, художники засвидѣтельствовали, что записали адресъ со словъ самого Финагенча.

Флоренскій понялъ, что Финагенчъ неуловимъ; однако попытался навѣдаться еще у одного архитектора, который имѣлъ привычку, для большей натуральности, рисовать карикатуры для своихъ проектовъ не иначе какъ съ натуры. Взбѣгая вверхъ по лѣстницѣ, Флоренскій замѣтилъ на площадкѣ какую-то фигуру, притаившуюся въ темноватомъ углу. Живописцу показалась это подозрительнымъ.

— Кто тутъ? спросилъ онъ торжливо.

Послѣдовало молчаніе.

— Что тебѣ? повторилъ живописецъ, взглядываясь въ черты лица безответнаго человѣка, на сколько позволялъ лѣстничной сумракъ.

— А, приятель, тебя-то и нѣтъ и надо! воскликнулъ наконецъ Флоренскій съ какою-то судорожной усмѣшкой.

— Виновать-съ! совѣмъ было не призналъ! отвѣчалъ Финагенчъ.

— Вотъ какъ. А зачѣмъ же ты обманываешь, а?

— Никакъ нѣтъ-съ; не осмѣлюсь....

— Развѣ ты забылъ; что обѣщался не заниматься нисильно въ натурщицы?

Финагенчъ посмотрѣлъ на художника съ удивленіемъ, довольно удачно сыграннымъ, потомъ отвѣчалъ, слегка кивая головой въ знакъ укора:

— Полноте грѣшить-то, баринъ!

— И ты не посовѣстишься увѣрять, что не рассказывалъ всякому объ этой бѣдной сиротѣ, какъ о натурщицѣ?

— То-есть, вотъ, кромѣ васъ-то, право, никому.

— А задатки зачѣмъ же бралъ?

— Задаточки? Почему-жъ не брать задаточковъ-то? Вѣдь есть ихъ, натурщицы-то, довольно.

— Пойдемъ-ка къ скульптору Л.. Посмотришь, какую ты общалъ ему Весталку...

— Скульптору Л...? Правда, этотъ требовалъ модельку отличную.... Не приму грѣха на душу, — сгоряча пообѣщавъ ему; да ужъ послѣ каялся.

— Поставь ему другую.

— Да другой-то такой нѣтъ на примѣть.

— Ну, такъ возврати задатокъ.

— Что вы, баринъ! Гдѣ жъ мнѣ взять-то его?

— Это ужъ не твоя забота.

— А то чья-же?

— Говори, сколько ты у него забралъ? Я уплачу.

Финагенчъ поглядѣлъ на Флоренскаго съ недоувѣрчивостью, потомъ сказалъ:

— Да они не примутъ обратно задаточка-то.

— Такъ ты возьмешь его себѣ.

— А какъ нагоняй дадутъ?

— Ты придешь и скажешь, что не могъ доставить обѣщанную модель, и потому возвращаешь задатокъ. За честный поступокъ развѣ взыскиваютъ?

— Всяко случается.

Финагенчъ насчиталъ задатку до десяти цѣлковыхъ рублей. Флоренскій прибавилъ ему еще пятнадцать за всѣ протори и убытки, понесенные поставщикомъ отъ разстроеннаго предпріятія.

- Это-таки страшновато, говорилъ Финагенчъ, принимая вознагражденіе: да баринъ-то хорошій; какъ не удружить!
- Смотри-же, никому!
- Никому, никому.
- Да, и помни, что это вовсе не натурщица.
- Снекаемъ, замѣтилъ Финагенчъ съ грубоватой прошеёй.

XXVI.

Разставшись съ Флоренскимъ, Финагенчъ трижды пересчиталъ свои барыши и, въ весьма пріятномъ расположеніи, поспѣшилъ въ свою нору, на самый пустынный край Галернаго селенія. Проходя мимо знакомаго сѣренькаго домика, Финагенчъ не выдержалъ, чтобъ не зайти туда; ему очень любопытно было освѣдомиться—до какой степени успешна художественная экспедиція Лавиніи. Но нѣсколько напрасныхъ попытокъ проникнуть въ калитку убѣдили его, что Милордъ одушевленъ самыми непріязненными чувствами. Вступать съ нимъ въ открытую борьбу было не совсѣмъ-то удобно. Финагенчъ умѣлъ и помедлить. Онъ не раздражалъ болѣе обонянія собаки своимъ присутствіемъ, и отошелъ подальше. Въ-самомъ-дѣлѣ, не прошло и часу.... Милордъ, ласково принимая добраго гостя, то-есть, врача, — какъ мы уже видѣли, — удалился съ своего поста, и Финагенчъ безъ труда прокрался въ кухню къ Авдотѣ, которую не столько мучила лихорадка, сколько кладъ, спрятанный подъ подушкой.

Но каково же было его торжество, когда больная женщина, съ первыхъ словъ, такъ ни съ того ни съ сего, оказала ему безграничное довѣріе, и слезно просила принять въ свое распоряженіе пять золотыхъ монетъ....

Финагенчъ не успѣлъ даже спросить — какимъ случаемъ достался ей этотъ кладъ; успѣлъ только спрятать его за пазуху, и, можетъ-статься, отчасти былъ доволенъ тѣмъ, что ему поѣшались выслушать наставленіе на-счетъ того, какъ должно распорядиться этою суммою.

Но Милордъ, благополучно выпустившій врача изъ калитки, твердо рѣшился не выпускать Финагенча. Мы оставили его въ этомъ стѣснительномъ положеніи. Милордъ на минуту

освободилъ изъ своей пасти ружья и пуля только для того, чтобъ полаять и повить ему въ лицо. Пациентъ съчастно нечаялся взять свое терпѣиенъ; потомъ пытался, разуваетея безуспѣшно, задобрить своего врага кускомъ хлѣба; наконецъ покушался, молча, на отчаянную борьбу...

Милордъ, не приученный къ самоуправству, только оборонялся и продолжалъ призывать къ себѣ на помощь.

Лавинія слышала этотъ призывный лай, но была занята болъною бабушкой, и не обратила на него должнаго вниманія.

Между-тѣмъ Финагенчъ, ободренный утѣренностью своего врага, улучилъ выгодную минуту и изъ всѣхъ силъ прыгнулъ Милорда по заднимъ лапамъ, своимъ тяжелымъ сапожницею, да такъ, что откинулъ его въ-сторону, а самъ бросился къ камиткѣ, но былъ, въ свою очередь, ошеломленъ отворенной камиткой, которую кто-то сильно толкнулъ съ улицы.

Передъ нимъ стоялъ градской стражъ, случайно проходившій мимо.

— Что за шумъ?

— Такъ, ничего-съ; вотъ съ собачкой забавляемся.

Милордъ, визжа и воя отъ боли и отъ радости, снова подползъ къ Финагенчу и глухимъ рычаньемъ протестовалъ противъ этой лжи.

— Ты что по чужимъ дворамъ бродишь? Что тутъ вы-сматриваешь? спросилъ градской стражъ строгимъ голосомъ.

— Помилуйте, что вы-съ?

— А тутъ что?

— Гдѣ-съ?

— За пазухой-то.

Къ-счастью, лицо Финагенча давно уже утратило способность избѣгаться въ цѣбѣ; онъ струсилъ, но не поблѣднѣлъ.

— Показывай, показывай! говорилъ градской стражъ, об-сскивая подозрительнаго человѣка.

— Финагенчъ вынулъ морожную руку изъ-за пазухи; но блюстительъ порядка нащупалъ въ рукавъ подъ мышкой ка-кой-то желвакъ... Финагенчъ пришелъ въ страшное замѣшательство, когда изъ размотанныхъ тряпичъ выгладнулъ пять блестящихъ золотыхъ монеть.

— О, ге, ге! Это гдѣ ты подцѣпывалъ?

— Натя, это вонъ иллія-съ....

Лавинія, слышавшая визгъ Милорда и громкія разговоры, лишь только удосужилась, выглянула на галерею. Сердце ея блзось тревожно: она не понимала, за что обидѣли Милорда.

— А что, вы знаете этого молодца?

— Какъ-же, это нашъ добрый Финагенчъ.

— Не пропало ли у васъ чего такого?

— Кажется, у насъ все цѣло! отвѣчала удивленная Лавинія.

— А вотъ молодець-то толкуеть, что у него заши деньги.

— Мои деньги? сказала Лавинія съ изумленіемъ. У меня нѣтъ никакихъ денегъ.

— Что-жь ты облыжно показываешь-то?

— Это мнѣ ихъ кухарочка дала въ сохранность, право слово.

— Такъ у вашей прислуги золото водится? спросилъ стражъ, обратясь къ Лавиніи.

— И мѣди врядъ-ли найдется, отвѣчала она.

— Такъ ты, видно, не здѣсь спроворилъ это, продолжалъ тотъ, трахнувъ въ рукъ червонцами.

Финагенчъ дѣлалъ какіе-то знаки Лавиніи, которыхъ она не понимала.

— Пойдемъ-ка, пойдемъ. Не даромъ собака-то съѣсть хотѣла.

Желаніе не разлучиться съ деньгами, помѣшало Финагенчу объяснить это обстоятельство какъ следовало. Онъ бормоталъ нѣкія-то безсвязныя слова.

— Ступай, ступай! Тамъ потомъ разберемъ.

И онъ увелъ Финагенча прежде, чѣмъ Лавинія могла сказать что-нибудь въ его пользу. Впрочемъ, рѣшительно ничего не понимая, она тотчасъ сообщила все больной Анютѣ. Та схватилась за голову, и, называя себя вовсе не лестными именами, объяснила все это обстоятельство весьма естественно.

Доброта Флоренскаго и искренность, съ какою онъ старался скрыть свою благотворительность, тронули Лавинію

до слезъ. Теперь она не могла не утвердиться въ догадкѣ, кѣмъ присланъ и безкорыстный докторъ.

Зимній день не начиналъ еще смеркаться, когда пустынная ...ская улица, въ первый разъ на своемъ вѣку, увидѣла изящную карету, которая, въ свою очередь, въ первый разъ отроду остановилась у полусгнившей калитки.

Миловидная дама, если не первой, такъ второй молодости, одѣтая скромно, но совкусомъ, посѣтила Лавинію, и заговорила съ привѣтливостью, въ которой не замѣтно было и тѣни покровительственнаго тона.

По стлянкамъ, завернутымъ въ бумагу, которыя торчали изъ соломенной корзинки, внесенной лакеемъ, Лавинія догадалась, что передъ нею не кто иной, какъ жена врача.

Миловидная посѣтительница тотчасъ узнала прелестную сиротку, и безъ церемоніи поцѣловала ее въ блѣдный лобъ и въ розовыя губки.

Это радушіе, эта заботливость напомнили Лавиніи всю любовь, всю нѣжность покойной матери; и сиротка, съ перваго свиданія, почувствовала необыкновенную симпатію къ милювидной посѣтительницѣ.

Но докторша не допускала, или по-крайней-мѣрѣ старалась не слышать никакихъ изъявленій благодарности.

— Прежде всего займитесь больною, сказала она, рассматривая рецепты, привязанные къ аптечнымъ стлянкамъ, и припоминая наставленія, данныя ей мужемъ относительно больной.

— Кого это.... Богъ послалъ.... намъ? спросила прерывающийся голосомъ больная, и не могла больше говорить; могла только прижать къ своимъ губамъ руку, которая поднесла ей ложку лекарства.

— Теперь я за васъ примусь, сказала докторша, обратившись къ Лавиніи съ добродушной улыбкой. — Мужъ мой зывалъ....

— Простите меня, что я васъ прерываю.... вашъ добрый супругъ видѣлъ здѣсь еще одну больную. Можетъ-быть, онъ не забылъ....

— Да, да! Вотъ для нея микстура и вотъ назъ. Гдѣ же ваша больная?

Докторша завѣстила и Авдотью, въ ея темномъ уголку, и даже поподчиняла лекарствомъ; но та, выполоскавъ микстурой ротъ, выплюнула ее на полъ, и перевода духъ, проговорила:

— Отродясь такого не пивала, матушка! Господь милувагь.

Не малыхъ усилій стоило — убѣдить пациентку, что это зме принесеть ей облегченье.

Она въ жизнь свою не пользовалась иными медицинскими пособиями, кромѣ березоваго вѣтника да пару, и стояла на томъ, что всегда „всякую больсть какъ рукой снимало.“

— Однако, сказала Лавинія, стклянки съ назью я здѣсь не оставляю, чтобы больная не приняла ея за микстуру....

— И это весьма благоразумно, замѣтила докторша; стклянки слишкомъ похожи одна на другую.

Когда возвратились въ комнату, докторша ласково взяла Лавинію за руку и сказала:

— Вы должны, мой ангелъ, подумать также и о себѣ. Муж мой замѣтилъ, что и ваше здоровье немножко разстроено; онъ вотъ тутъ и вамъ прислалъ нѣсколько бездѣлицъ: — надо непременно подкрѣпить ваши силы. Посмотрите, какъ вы блѣдны! васъ изнурило это долгое ухаживанье за больною.

Въ-самомъ-дѣлѣ, соломенная корзинка заключала въ себѣ бутылку Юганисбергера, фунтъ лучшаго желтаго чаю и нѣсколько пластинокъ шоколаду, съ примѣсью разныхъ питательныхъ веществъ, и многія другія снадобья, которыя можно выдать за лекарства.

И все это было предложено бѣдной дѣвушкѣ съ такою деликатностью, что ей совѣстнѣе было бы отказаться, чѣмъ принять.

— Вамъ необходимы прогулки, продолжала докторша, отходя у Лавиніи всякую возможность благодарить: авось, мы это какъ-нибудь устроимъ. Я приглашу къ вашей больной сестру милосердія. Она вамъ поможетъ. Вы, я думаю, вѣчно грустите здѣсь, мой другъ.... вы позволите мнѣ называть васъ другомъ?... Вамъ необходимо маленькое развлеченіе. Веселое расположеніе духа много поддерживаетъ здоровье. На первый случай, вотъ вамъ новое сочиненіе Диккенса.

Лавинія приняла книги съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ и встрѣчаемъ стараго друга послѣ слишкомъ продолжительной разлуки.

— И вы все оди? Продолжительное уединеніе само по себѣ уже полу-болѣзнь. Общайтесь захватъ ко мнѣ на часокъ, когда я пришлою за вами экипажъ?

— Это будетъ первымъ моимъ долгомъ.... Но какъ мнѣ оставить больную?

— Разувается, мы все это устроимъ. Только, надѣюсь, мы будемъ друзьями: вы будете говорить мнѣ откровенно — что вамъ нужно. Понятно, что при болѣзни.... дѣла немножко разстраиваются. Мнѣ очень пріятно было бы не допустить ихъ до слишкомъ большого расстройствъ.... Старушка, Богъ дастъ, поправится.... послѣ сочтемся.

И докторша положила на столѣ зеленый кошелекъ, свѣзъ шелковыя петли котораго съ одного конца проглядывало серебро, съ другой разноцвѣтная бумажка.

Лавинія, умиленная этой рѣдкой добротой, этими неожиданными благодѣяніями, съ слезами бросилась къ докторшѣ: та приняла ее въ свои объятія и подѣловама въ лобъ съ материнскою нѣжностью.

XXVII.

Любовь можно сравнить съ баснословнымъ плодомъ лотоса, прославленнаго Гомеромъ: когда вкусишь этого плода, все другое кажется непріятнымъ, невыносимымъ.

Увидѣвъ Лавинію, Флоренскій не хотѣлъ уже обращать вниманія ни на что. Онъ чувствовалъ одну потребность — видѣть это прелестное лицо безпрестанно. Лишенный этой отрады, онъ сталъ задумчивъ и печаленъ. Вседневная художническая жизнь показалась ему чувственною до помѣлости. Онъ сталъ предпочитать шумнымъ сборищамъ — тоску одиночества.

Въ сердечныхъ страданіяхъ заключается такая оборотительная прелесть, что онъ иногда охотно предпочитаетъ

са отборѣйшииъ удовольствія. Подверженное этому всеобщему недугу упорно отвергаютъ всякія цѣлительныя средства, а излеченія боятся хуже самой смерти.

Флоренскій почти не прикинулся даже и за палатру.

Картина „Сократъ, востающій Алкивиада, посреди вакханокъ“ — завѣшена зеленымъ покрываломъ и оставлена въ уголъ. Она не окончена и, повидимому, забыта. На мольбертѣ у художника красуется новое созданіе — свѣтлый, восхитительный женскій образъ, носимый художникомъ въ душѣ и переданный полотну въ одну изъ этихъ дивныхъ минутъ вдохновенія, какія только навѣваются любовью.

Мосье Лососинниковъ, одинъ изъ первыхъ, нивѣгъ удовольствіе полюбоваться этимъ блистательнымъ произведеніемъ и... скурить его табакомъ.

— Такъ она таки была у тебя? повторялъ морякъ, усмѣхался и прищуривая глаза.

— Кто? задумчиво спросилъ художникъ, какъ-будто для того, чтобы услышать любимое имя.

— Да та, которую ты такъ строго запрещаетъ называть натурщицей.

Флоренскій отрицательно покачалъ головою.

— А это-то что? повторялъ морякъ, съ торжествующимъ видомъ, указывая на полотно. Это-что, а?

— Успокойся. Это писано на память.

— Ужъ меня-то, братецъ ты мой, не надуешь.

И пользуясь правомъ близорукаго человѣка, морякъ въ сотый разъ подходилъ къ картинѣ такъ близко, что толстая сигара, торчавшая у него изо рта, едва не упиралась въ стѣкія, блестящія краски.

— Улика, братецъ ты мой, на-лицо! говорилъ морякъ, обдавая картину стремительными струями табачнаго дыму.

Художники скоро провѣдали о новомъ произведеніи своего собрата. Сначала они проникали въ мастерскую по-одиначкѣ, выбирая преимущественно время, когда хозяина не было дома; потомъ стали восхищаться хоромъ. Представляю нѣкоторые образчики ихъ разговоровъ.

— Чортъ возьми, какъ подмѣчена магія венеціанской палатры.

— Вотъ поэзія—то красокъ, такъ поэзія.

— Идеальность Рафаэля, краски Веронеза.

— Къ чему ведутъ эти сравненія? сказалъ одинъ серьезный художникъ, имѣвшій привычку даже и въ мастерской не снимать своей широкополой стърой шляпы.— Сравненіемъ можно дѣлать оцѣнку только подражанію. А это, посмотрите, какъ оригинально! Критики до-сихъ-поръ не догадываются, что каждаго новаго генія, каждый оригинальный талантъ должно судить по законамъ изящнаго, свойственнымъ ему одному, законамъ, которые рождаются вмѣстѣ съ твореніемъ этого художника.

— Справедливо; но много ли найдется такихъ самобытныхъ талантовъ?

— Это другой вопросъ.

— Да что тутъ разсуждать! замѣтилъ одинъ скульпторъ, приверженецъ безмолвнаго созерцанія.— Глядите себѣ, да и баста. Или хоть не мѣшайте любоваться другому.

— Это — чувство, а не лицо! замѣтилъ одинъ молодой живописецъ, вглядываясь въ картину Флоренскаго.

— По-моему, такъ это просто портретъ, сказалъ морякъ.

— Какъ, развѣ это портретъ?

— А вы полагали что-же?

— Та-та-та!

— Ужъ не натурщицы ли? спросилъ кто-то.

— Не знаю! отвѣчалъ Лососинниковъ тономъ, который не оставлялъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

— Нечего сказать, мастеръ находить модели!

— Это Финагенчъ удружилъ ему; а, негодай, общалъ мнѣ первому.

— И мнѣ!

— И мнѣ!!

— И мнѣ!!!

— Да съ меня онъ взялъ славный задатокъ, вотъ что....

— И съ насъ, и съ насъ тоже.

Флоренскій, повидимому не принимавшій участія въ разговорѣ, вдругъ очнулся и, слегка покраснѣвшись, сказалъ:

— Это портретъ дѣвушки, которую я видѣлъ всего одинъ разъ. Я писалъ на память.

— Если это портретъ, то напоминаетъ Вандиновскіе и Тициановскіе портреты: знаете, глядя на нихъ, готовъ подумать, что они какъ двѣ капли схожи съ подлинниками.

— Портретъ портретомъ, прибавилъ художникъ въ сѣрой шляпѣ: но это также и картина, не лишенная идеи.

— Да, тутъ есть мысль, подтвердилъ чей то голосъ, почти все подтверждавшій.

— Позвольте спросить, какая же? сказалъ морякъ съ улыбкой.

— Мысль... что можно быть милымъ существомъ, оставаясь женщиною.

Лососинниковъ снова уткнулъ свою сигару въ картину, съ цѣлю отыскать въ ней мысль, но прежде чѣмъ нашелъ ее, осмалъ полотно искрами и неумышленно налѣпилъ слой пеплу на то мѣсто, гдѣ съ неизъяснимою прелестью было изображено полуобнаженное плечо красавицы.

При этой неосторожности, всѣ бывшіе тутъ художники невольно вскрикнули. Одинъ только Лососинниковъ не утратилъ своего хладнокровія, и пробормоталъ обычное — „виновать!“ съ увѣренностью, что сейчасъ заглядитъ свой проступокъ понощю носоваго платка. Но Флоренскій, почти со слезами на глазахъ, схватилъ свою картину и унесъ ее въ сосѣдную комнату, какъ уносить отецъ раненое дѣтище.

Съ этого дня Флоренскій тайлъ свое вдохновенное произведеніе, даже отъ лучшихъ друзей.

Только по настоятельнымъ просьбамъ двухъ или трехъ извѣстнѣйшихъ профессоровъ живописи, скромный художникъ рѣшился представить свою картину на судъ публики. Первоклассные художники и записные знатоки единодушно признали этотъ трудъ гениальнымъ.

Люди, у которыхъ развито эстетическое чувство, останавливались передъ картиной Флоренскаго въ безмолвномъ восторгѣ; но ихъ было немного. Къ нимъ присоединились любители изящнаго, которые уже провѣдали рѣшеніе знатоковъ. Это стало привлекать къ картинѣ людей, имѣющихъ врожденную склонность увеличивать собою всякую толпу. Послышались сужденія о трудѣ живописца. Очень многіе

не могли нахвалиться и рисункомъ, и колоритомъ; господинъ съ бобровымъ воротникомъ распространился по этому случаю о всѣхъ женскихъ фигурахъ, видѣнныхъ имъ въ Дрезденѣ, Флоренціи, Римѣ и Парижѣ; почетный гражданинъ обратилъ особенное вниманіе на рѣзбу и позолоту рамы; господинъ съ лорнетомъ въ глазу сказалъ: — Вотъ красotka-то! Господинъ въ вѣнгеркѣ и съ усами только чмокнулъ; баталическій живописецъ полагалъ, что это немножечко вяло; блѣлая Нѣмочка молча любовалась дивно-кроткимъ лицомъ, изображеннымъ мастерскою кистью, и о чемъ-то задумалась; молодой щоголь молча любовался профилемъ и розовой щекой блѣлой Нѣмочки; нѣкоторые изъ зрителей, взглянувъ вскользь на полотно, обращались къ ней тыломъ, и разсуждали вслухъ о гололедицѣ и о наградахъ.

Нѣкоторые изъ молодыхъ художниковъ, восхищавшихся картиною собрата въ мастерской, замѣчая около своихъ произведеній излишнюю просторность, отъ скуки подводили своихъ знакомыхъ къ картинѣ Флоренскаго, съ короткими поясненіями въ родѣ слѣдующихъ:

— Головка хоть куда.... только анатоміи мало.

— Никакъ вотъ не могу вспомнить, гдѣ я видѣлъ что-то подобное....

— Хорошо, нечего сказать.... но....

И такъ далѣе. Скоро однакожь судъ истинныхъ знатоковъ сдѣлался извѣстенъ большинству публики. Тысячи зрителей осаждали картину, заражая своимъ восторгомъ другія тысячи, которыя въ свою очередь тѣснились, лорнировали, ахали, оглядывались съ презрѣніемъ на всякаго, кто покушался сдѣлать малѣйшее невыгодное замѣчаніе, толкались.... нельзя же было не видѣть художественную новостъ, о которой говорили всѣ, хотя понимали ее и наслаждались ею весьма, весьма немногіе.

Что ни говорите, а такимъ-образомъ составляется.... слава! Да, слава, которой домогаются, которая издали свѣтитъ такъ обольстительно, которая такъ часто ослѣпляетъ молодой разсудокъ....

Флоренскому предлагали за картину баснословныя цѣны,

но онъ не въ снахъ былъ разстатьемъ съ своими задушевными произведеніемъ; заказывалъ копии — онъ отвергъ и эти предложенія. Какъ бы то ни было, а живописецъ и его кисть съ этого времени вошли въ моду. Въ мастерской Флоренскаго тѣснились модныя красавицы и красавцы, которые дали себѣ слово — не старѣть ни подъ макиемъ видонъ: всѣ повсеровывъ желали имѣть свой портретъ, написанный мастерскимъ, или лучше сказать, модною кистью, ожидая, разумеется, что подъ этой магической кистью потезнутъ всѣ морщины, всѣ вѣснушки.

Но посреди этого торжества, посреди прелестившихъ женщинъ, Флоренскій помышлялъ только о той, которую считалъ единственною причиною своего усѣха.

XXVIII.

Привѣтливая и услужливая сестра милосердія не замедлила облегчить тяжелыя обязанности Лавиніи.

Обязательный врачъ навѣщалъ больныхъ почти ежедневно и скоро одну изъ нихъ поставилъ на ноги, что было новою помощью для Лавиніи.

Однажды онъ предложилъ Лавиніи прогуляться въ каретѣ и посѣтить его жену. Давно Лавинія не была въ людныхъ частяхъ столицы. При видѣ этихъ зеркальныхъ оконъ, въ которыхъ видѣлись тропическія растенія, мраморныя вазы, бронзовые канделябры, — грустныя воспоминанія болѣзненно стѣснимъ сердце задумавшейся дѣвушки. Однако, какое-то отрадное чувство смягчало эту меланхолію, точно также какъ солнце въ этотъ яркій полдень мирилось съ морозомъ.

И вотъ Лавинія очутилась въ теплой, благоуханной комнатѣ, посреди цвѣтовъ, которые такъ любила, посреди всѣхъ житейскихъ удобствъ, которые показались ей новостью.... Ея маленькая ножка робко ступаетъ по ковру, какъ будто боится измять разсыпанные по немъ роскошныя бархатныя букеты. Подъ воцѣлуяни привѣтливой хозяйки, губки Лавиніи расцвѣли улыбкой. Ей хотѣлось поцѣловать каждую розу, каждый цвѣтонъ камелии, которыхъ она такъ давно не вида-

ла. Глаза ея засіяли радостью при видѣ рояля, съ которымъ она была такъ долго разлучена.

На всѣ заботливые разспросы, на всѣ ласки миловидной хозяйки, Лавинія не могла придумать лучшаго отвѣта, какъ припасть къ ея груди и проговорить со слезами :

— Вы теперь мнѣ маленька!

Освѣдомившись подробно у Лавиніи о домашнихъ обстоятельствахъ, докторша старалась навести разговоръ на предметы, которые могли-бы сколько-нибудь обнаружить степень образованія бѣдной дѣвушки. Результаты оказались болѣе чѣмъ удовлетворительны, какъ ни была она скромна въ выказываніи своихъ познаній.

— Любите вы музыку? спросила между прочимъ хозяйка.

— Я жду только той минуты, когда вы мнѣ позволите испытать свои силы..... Боюсь, что у меня осталось больше любви къ музыкѣ, чѣмъ способности....

Хозяйка тотчасъ усадила свою молоденькую гостью за рояль. Не надѣясь на свою память, Лавинія принялась разбирать открытыя ноты, и исполнила, съ замѣчательнымъ одушевленіемъ, одну изъ импровизаций Листа, на тему изъ Бетховена.

Этотъ подвигъ превзошелъ ожиданія хозяйки, потому что пьеса была одна изъ новыхъ.

— Bravo! bravo! повторила она: но какой это волшебникъ училъ васъ? Я вотъ бьюсь надъ этой пьесой недѣлю пелторы!

Лавинія назвала трехъ извѣстнѣйшихъ нашихъ пѣвцовъ. Докторша могла уже заключить, что эта дѣвушка получила образованіе, какое у насъ дается не всякой, даже очень богатой дѣвушкѣ; и это-то тщательное образованіе могло заглухнуть въ нищетѣ и злополучіи!

— У васъ чудный голосъ; невозможно, чтобъ вы не пѣли.

— Когда-то пѣла; теперь у меня охрипло горло.

— Признаюсь, я желала бы всю жизнь имѣть этотъ хриплый голосъ.

Лавинія попыталась пѣть, и хотя голосъ ея дрожалъ, однако она очень мило спѣла одну изъ мелодій Шуберта.

Какъ ни пріятна была бесѣда образованной женщины, Ла-

вѣннъ вспомнила о больной бабушкѣ. Докторша не удерживая гостя, просила только посѣщать ее почаше.

Флоренскій случайно подходилъ къ докторскому подъѣзду въ ту самую минуту, когда кто-то сѣлъ въ карету. Художникъ успѣлъ видѣть только промелькнувшую восхитительную южку.... Дверца захлопнулась; свѣгъ звонко закрипѣлъ подъ колесами. Художникъ посмотрѣлъ вслѣдъ за быстро-удалявшимся экипажемъ съ какими-то предчувствіемъ въ сердцѣ.

— Вы ее видѣли? спросила докторша, прежде чѣмъ Флоренскій успѣлъ ей поклониться.

— Такъ это *ола!*... сказалъ онъ съ радостью и съ сожалѣніемъ. Я видѣлъ только.... уѣзжающую карету.

— Ну, мосье Флоренскій, вы непрослительно ошиблись! Флоренскій поблѣднѣлъ.

— Вы восхищались красотой этой дѣвушки...

— Что жъ, развѣ я не правъ?...

— Но вы и не подозрѣвали....

— Чего? спросилъ Флоренскій, съ боязнію узнать что-нибудь непріятное.

— Что душа этой дѣвушки чуть-ли не прекраснѣ самой наружности.

Лицо Флоренскаго просіяло.

— И какое чудесное воспитаніе! Какъ развитъ умъ! Вы должны съ нею познакомиться.

— Я жду этого одолженія отъ васъ.

— Да скажите, ради Бога, какую вы тамъ картину выставили? Всѣ о ней отзываются съ похвалами. Я не допросилась мужа ѣхать въ академію: все отговаривается множествомъ больныхъ. Ужъ не эта ли малютка васъ вдохновила?

Флоренскій не отвѣчалъ; во всякомъ случаѣ онъ помышлялъ несравненно болѣе объ этой малюткѣ, чѣмъ о славѣ. Ему казалось, что всемірная слава не стѣнтъ одного ея взгляда, одного цвѣтка, выпавшаго изъ ея локоновъ....

Лавинія стала чаще и чаще посѣщать свою покровительницу, которая, въ-самомъ-дѣлѣ, съ предусмотрительностью матери заботилась даже объ одеждѣ молоденькой красавицы; здѣсь она могла говорить, пѣть, заниматься музыкою; здѣсь она встрѣтила двухъ, трехъ молодыхъ подругъ, съ которы-

ни проводила нѣсколько пріятныхъ минутъ: въ домашней бесѣдѣ всегда заключаются прелесть, какъ въ веселомъ шобетаньи птичекъ, какъ въ говорѣ рѣзвыхъ струй, какъ въ отдаленныхъ, неопредѣленныхъ звукахъ музыки.

Но всякій разъ, какъ тяжелый занавѣсъ у дверей колыхался, и кто-нибудь входилъ въ комнату, сердце Лавиніи замирало.... трудно сказать — отъ страху или отъ радости....

Лавинія ни разу не говорила о Флоренскомъ, но почему-то ожидала, даже желала его приходу, и только мысль о первой минутѣ этой встрѣчи затрудняла стыдливую дѣвушку.

Однажды вечеромъ, Лавинія, сидя на бархатномъ табуретѣ за роялемъ, пѣла какую-то арію, и нѣжный свѣтъ фарфоровой лампы выказывалъ всю красоту ея профиля и скользилъ по слегка вздымающимся складкамъ бѣлой кисеи, которая обнимала прелестнѣйшую талью, почти не прикасаясь къ ней.... Это была картина, которою любовалась одна только хозяйка дома; сидѣвшая на бержеркѣ, забывъ свое вышиванье.... Вдругъ драпировка на дверяхъ зашевелилась — и явился неожиданный, а можетъ-быть и жданный посѣтитель; онъ остановился у дверей, какъ-будто внезапно околдованный мелодіей...

Лавинія ничего не замѣчала и продолжала свою арію..

Въ этотъ вечеръ и безъ того милое лицо ея было одушевлено лучемъ жизни, болѣе блестящимъ, чѣмъ обыкновенно. Эта красота ослѣпила безмолвнаго гостя. Онъ боялся встрѣтить взоръ красавицы; боялся шевельнуться, какъ-будто это прекрасное видѣніе могло исчезнуть.

Лавинія, не кончивъ аріи, вѣроятно подъ магнетическимъ вліяніемъ этого взора, — оглянулась.... и молча, стыдливо порхнула къ своей благодѣтельницѣ, которая нѣжно прижала ее къ себѣ....

На лицѣ Лавиніи, то блѣднѣвшемъ, то краснѣвшемъ, было выраженіе изумленія, страху и.... счастья. Она узнала Флоренскаго.

Молодые люди поклонились другъ другу вѣжливо, но какъ совершенно незнакомые. Разговоръ какъ-то не ввязался. Лавинія молчала. Но сѣсть ее мучила: ей казалось лицемеріемъ видѣть своего благодѣтеля, и прикидываться незнакомкою.

Когда хозяйка дома представила ей художника, назвав его по фамилии... Лавинія не вытерпѣла, и хоть это ей стоило чего-нибудь, рѣшилась доказать ему всю свою привязательность.

Лавинія встала. Гость обнаружилъ замѣшательство; но приближая хозяйка умѣла во-время взять дѣвушку за руку и сказать ей по-англійски :

— Ради Бога, ни слова о вашихъ дѣлахъ; онъ ко мнѣ послѣ глазъ не покажетъ.

Потомъ, при первомъ удобномъ случаѣ, отозвала Лавинію въ другую комнату и сказала, что сама поблагодарить его отъ ея имени. Лавинія немного успокоилась. Ее просили продолжать арію, чему она была очень рада.

Флоренскій разстался съ Лавиніей, очарованный окончательно, безвозвратно.

Молодые люди видѣлись довольно часто, и всегда сходились здѣсь случайно. Они скоро сблизились. Вмѣстѣ пѣли, читали и долги ихъ бесѣды доставляли обоимъ большое удовольствіе. Они говорили о тысячѣ предметовъ; но Флоренскій ни разу не говорилъ Лавиніи о ея красотѣ. Въ энтузіазмѣ любви, онъ можетъ-быть воображалъ ее прелестнѣе, чѣмъ она была въ-самомъ-дѣлѣ; но любовь его была такъ возвышенна, такъ скромна, что онъ боялся оскорбить эту красоту, глядя на нее испытующими глазами художника.

Никакая кисть, хотя бы она была и Рафаэлевская, не только мой тушой карандашъ, не въ состояніи передать того свѣтлаго восторга, которымъ сіяло лицо Лавиніи, когда она была въ присутствіи этого человѣка. Флоренскій, глядя на нее, чувствовалъ, что душа его тоже проникалась этимъ внутреннимъ свѣтомъ, который мы чувствуемъ только въ минуты любви и вдохновенія.

Они любили другъ-друга, и знали это, хотя ни разу не говорили ни слова о своей любви, хотя Лавинія пыталась скрыть эту нѣжную тайну даже отъ самой себя. Эта чистая, неаритворная, восторженная любовь не нуждается въ словахъ, которыя, по выраженію поэта, могутъ остынуть въ воздухѣ вѣжды, чѣмъ достигнуть слуха или сердца. Эта любовь понимаетъ взглядъ, полуулыбку, довольствуется не-

чайными прикосновеніемъ руки, цвѣткомъ, уроненнымъ въ букета.... Всѣ эти восхитительныя выраженія чувства, всѣ эти безмолвные и по бѣльшей части невольные намеки, когда мы уже ихъ забыли или, точнѣе, утратили способность понимать ихъ, кажутся намъ чѣмъ-то ребяческииъ, смѣшныиъ, даже сумасбродныиъ; а между-тѣмъ, когда мы находились подъ ихъ сладостныиъ вліяніемъ, то также полагали въ нихъ счастье или мученіе жизни.

XXIX.

Въ эти дни, красота Лавиніи получила совершенно новый характеръ. Любовь озарила эти молодыя черты тѣмъ неизъяснимымъ свѣтомъ, котораго не выразитъ никакое искусство, который только живопись пыталась изображать въ видѣ ореола.

Мы привыкли полагать, будто красота внушаетъ любовь; но чаще всего сама любовь порождаетъ красоту. Любовь одушевляетъ каждый взглядъ, придаетъ выраженіе фizioноміи, граціозность всѣмъ движеніямъ, музыкальность голосу.

Да, любовь — источникъ всего прекраснаго, возвышеннаго, благороднаго.

Каждая женщина хороша, когда любитъ. Красавицу—любовь возводитъ на степень всесильной волшебницы.

Можете вообразить, какъ обворожительна стала Лавинія.

Это была ея первая любовь, спокойная, улыбающаяся, поэтическая.

Съ этого времени, въ продолженіе цѣлаго дня, при всевозможныхъ занятіяхъ и на досугъ, молодая дѣвушка невольно предавалась первымъ мечтаніямъ любви, этимъ безотчетнымъ, но сладостнымъ мечтаніямъ.

Какъ неопитъ, вводимый въ невѣдомое святилище, сердце Лавиніи трепетало страхомъ и надеждою; она испытывала всѣ тѣ волненія чувства, которыя такъ сладко тревожатъ и вмѣстѣ убаюкиваютъ скромное, любящее сердце. Что за пустыню увидѣла она въ бѣдномъ бабушкиномъ домикѣ, что за сокровища открыла она въ своемъ сердцѣ!

Добрые люди не-престому окружали сироту всевозможными волочениями. Благодаря имъ, ни она, ни больная уже не нуждались ни въ чемъ. Но Лавинія потихоньку грустила и не могла безъ слезъ взглянуть на страждущую бабушку.

Природа начинала обновляться. Старушка чувствовала, что и ее ожидаетъ скорое обновленіе....

— Добрые люди насъ не оставили, говорила она чуть слышнымъ голосомъ, не оставятъ и тебя, дружокъ мой.

Лавинія старалась заглушить свои рыданія, но не могла.

— Не плачь же.... моя голубка.... Старухъ.... пора.... и на покой.... Но я не умру спокойно,... если не поблагодарю.... нашихъ благодѣтелей.

Лавинія исполнила ея желаніе. Докторша пріѣхала вмѣстѣ съ Флоренскимъ, хотя ему и хотѣлось избѣгнуть благодареній. Но кто же отказывается отъ приглашенія умирающей?

Лавинія подвела Флоренскаго къ бабушкѣ. Она привѣтно поклывала ему головой и проговорила съ усиліемъ:

— Вы не оставите мою сиротку!

Флоренскій отвелъ Лавинію въ-сторону. Они обмѣнялись двумя словами. Флоренскій поцѣловалъ руку Лавинія и снова подвелъ къ больной.

— Благословите насъ! сказали они въ одинъ голосъ.

Старушка улыбнулась умиленно, какъ-будто улыбалась небу; прошептала какую-то молитву.... и соединила ихъ руки.

Старушка улыбалась въ послѣдній разъ. Черезъ нѣсколь-ко минутъ — ея не стало.

XXX.

Майская зелень блистала всею своею свѣжестью. Докторша воспользовалась живительнымъ весеннимъ воздухомъ, чтобы разсѣять грусть Лавинія, и предложила ей переѣхать на дачу.

— У меня вы будете какъ дома. Я рада буду ухаживать за вами, развѣ пожалѣю только, что вы мнѣ не дочь... Здѣсь все напоминаетъ вамъ печальное....

Но Лавинія ками-ра жиды быле разогатова съ бѣдныи етѣнныи, съ коворыми подружыла ее горе и... любовь. Она оставила свой уголокъ, какъ нѣкой разъ узникъ покладаетъ свою томыду, — со вздохомъ.

На дачѣ, для Лавиніи былъ приготоваенъ вѣстическій уголокъ, окруженный тѣнистыми деревьями и оранжереями. Въ убранствѣ ея маленькаго будоара замѣтно было не столько пышности, сколько мящнаго вкуса, свѣжести и даже кокетства.

Куда ни обращала Лавинія глаза, повсюду они могли поконтися на какомъ-нибудь обворожительнои итальянскомъ или швейцарскомъ пейзажѣ, могли полюбоваться граціозной статуэткой или вазой съ благоуханными цвѣтами. Между шелковыми занавѣсами оконъ висѣли перламутовыя раковины съ причудливыми выющимиися растениями и опускающися внизъ цвѣтками. Красивое пьянино, и любимыи авторы опять были собраны вѣкругъ Лавиніи. Во всемъ здѣсь, отъ мастерскихъ гравюръ, разбросанныхъ по столу, до ковра, на которомъ покоилась пара ножекъ-малютокъ, въ каждой бездѣлкѣ замѣтна была заботливая рука любящаго человека.

Лавинія проводила большую часть дня съ докторшей. Но любящая дѣвушка охотно удалялась въ свой уединенный уголокъ, гдѣ свѣтлыя мечтанія ея ничѣмъ не прерывались.

По вечерамъ она долго просиживала у открытаго окна, въ которое заглядывали вѣтки цвѣтущей сирени, и заслушивалась пѣсенъ соловья, поселившагося на весну гдѣ-то на ближней липѣ.

Флоренскій, несмотря на то, что его мастерскую все еще осаждали, улучшалъ нѣсколько часовъ ежедневно для свиданія съ обворожительнои невѣстой. Они беззаботно гуляли по саду, говорили о любви, мысленно устраивали свою будущность. Но когда эти сладостныя минуты слишкомъ долго отвлекали художника отъ палитры, Лавинія напоминала ему, разумѣется, скрѣпя сердце :

— Я отнимаю тебя... у славы !

— У славы? Но ты мнѣ развѣ не дороже всякой славы?...

— Я люблю и тебя и твою славу....

— Встаги являю, другъ мой, я обязана тебѣ представить художника, кѣлужь блѣдную руку.

И въ подтвержденіе словъ Флоренскаго, на другой же день въ комнату Лавиніи приносенъ былъ ея восхищительный портретъ, доставившій художнику столько славы...

Лавинія плакала отъ любви и восторгу.

Наконецъ, Флоренскій устроилъ свои дѣла и представилъ Лавиніи на разсмотрѣніе свои планы. Первый планъ состоялъ въ томъ, чтобы послѣ вѣнца отправиться въ Италію. Флоренскій хотѣлъ усовершенствоваться въ искусствѣ.

— Какъ тебѣ это правится, мой другъ? спросилъ Флоренскій.

— На это нужны средства...

— Конечно, мой другъ, мы не такъ богаты, чтобы могли предаться здѣсь всемъ наслажденіямъ роскошной жизни, но все-таки у насъ найдется столько, чтобы пріютиться въ какомъ-нибудь уголкѣ Венеціи, напримеръ, или на неаполитанскомъ взморьѣ, или, наконецъ, въ окрестностяхъ Флоренціи. Правда, итальянское солнце пріучаетъ и не художника къ земничивому *far niente*, чтобы не сказать — къ лѣни... Зато каждая минута вдохновенія подъ тѣмъ магическимъ небомъ удивительно плодотвита.

Лавинія припомнила блистательные проекты путешествія, оставшіеся въ запискахъ матери, и, при всемъ сожалѣніи объ ея несбывшихся надеждахъ, не могла не сознаться, что странствіе съ любимымъ человѣкомъ, даже и при отсутствіи роскоши, заключаетъ въ себѣ неизгъяснимую прелесть.

— Я буду слишкомъ богата, когда ты подаришь мнѣ нѣсколько лучей южнаго солнца.

— Я буду еще богаче — твоею любовью! отвѣчалъ Флоренскій, съ лучезарной улыбкой.

Между-тѣмъ какъ молодые люди устранивали такихъ-образомъ свою скромную, но поэтическую будущность, Лавинію посѣтилъ какой-то незнакомый господинъ, довольно пожилой, однако жъ одѣтый съ той изящной простотой, которая почти всегда отличаетъ привычку къ порядочному обществу и уваженіе къ самому себѣ. Онъ отрекомендовался иностранцемъ негодичанкомъ и просилъ позволенія переговорить съ

Лавиніей наединѣ. Замѣтивъ выраженіе удивленія и даже завѣщательства на лицѣ дѣвушки, очевидно отысканной отъ свѣту, незнакомецъ нашелъ нужнымъ прибавить, что онъ нивѣль дѣла съ ея отцомъ и даже нерѣдко нанячилъ ее на рукахъ малюткой.

Незнакомецъ пожалъ ей руку, какъ старый другъ, и съ такой добродушной улыбкой, что Лавинія вполне ободрилась, хотя рѣшительно не могла его припомнить. Со слезами радости, но не безъ грустной улыбки, спросила она у гостя:

— Неужели вы принесли мнѣ вѣсти о батюшкѣ?

— Къ-сожалѣнію, нѣтъ! отвѣчалъ негоціантъ, пожимая плечами; но, прибавилъ онъ шопотомъ и поглядывая по сторонамъ, какъ человекъ, намѣревающийся сказать тайну: — я принесъ вамъ маленькое доказательство, что батюшка вашъ даже и въ самую трудную минуту жизни не забылъ своей любимой дочери.

Лавинія стояла неподвижно, устремивъ въ глаза незнакомца кроткій взоръ ожиданія, и даже не замѣчала, какъ во щекамъ ея скользили жгучія капли и сыпались на грудь, которая на минуту затаила дыханіе.

Негоціантъ развернулъ портфель, туго набитый бумагами, и молча подалъ Лавиніи пачку билетовъ съ надписями по-англійски.

— Извольте получить, сударыня, осемь билетовъ лондонскаго банка, на двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ каждый. Этотъ капиталъ, отдѣленный собственно на вашу долю, былъ внесенъ вашимъ батюшкою въ лондонскій банкъ; а билеты отданы были мнѣ на сохраненіе; съ тѣмъ, чтобы я вручилъ ихъ вамъ, черезъ годъ и даже позже. Таковó распоряженіе вашего батюшки.

Негоціантъ, привыкшій принимать и выдавать значительные капиталы съ совершеннымъ спокойствіемъ духа, конечно не замѣтилъ, что бѣдная дѣвушка была болѣе смущена, чѣмъ обрадована этимъ неожиданнымъ богатствомъ. Мысли ея перепутались; она не могла произнести ни слова.

— Капиталъ вы можете получить здѣсь у любого банкира, почти безъ потери; можете, если угодно, брать и не

частить: на каждый билет вамъ придется получить безъ малго пятьдесятъ тысячъ ассигнаціями.

Между-тѣмъ Лавинія какъ-будто очнулась отъ глубокой задумчивости.

— Скажите, ради Бога.... вамъ должны быть известны дѣла моего батюшки?

— Какъ мои собственныя.

— Я слышала, что онъ много долженъ....

— Нечего сказать, порядочно.

— Но что же, проданнымъ ивѣнѣмъ....

— Заимодавцы удовлетворены.... по возможности....

— Если точно я могу располагать этой суммой, то мнѣ хотѣлось бы....

— Что?!

— Помочь сколько-нибудь добрымъ людямъ, которые до-
тѣряли моему батюшкѣ.

— Извините, эта сумма положена собственно вамъ на
приданое: она принадлежитъ вамъ неотъемлемо; вы не обя-
заны платить никакихъ долговъ....

— Я, напротивъ, думаю, что не ивѣю права пользова-
ться рублемъ лишнимъ, покуда кто-нибудь ивѣтъ претензію
на нашъ домъ....

— Развѣ вы богаты? спросилъ негоціантъ съ замѣтнымъ
любовытствомъ.

— Къ-сожалѣнію, у меня теперь ничего нѣтъ; но Богъ
дѣсть....

— Значить, вы хотите лишить себя послѣдняго, а наше-
го-то дѣла все-таки не поправите.

— Стало-быть и вы изъ числа кредиторовъ?

— Развѣ я сказалъ что-нибудь въ этомъ смыслѣ?

— Вы назвали это „нашимъ дѣломъ“.

— Ну да, отчасти.

— Нѣтъ, я не въ силахъ воспользоваться этими деньга-
ми, когда знаю, что онѣ принадлежатъ заимодавцамъ.... Вы
не откажете мнѣ, я попрошу васъ раздѣлить ихъ между
всѣми, кому слѣдуетъ.

— Охотно-бы.... да это такая бездѣлица, право.

— Но вѣдь тутъ восемь билетовъ; значить до четверд-
сотъ тысячъ!

— Въ однихъ рукахъ — это еще туда-сюда, но раздѣ-
лить, такъ выйдутъ пустяки.

— Жаль! но вы видите, что могу я сдѣлать иначе?

— У васъ рѣдкое сердце.... Но вы должны подумать
о себѣ: вѣдь вы безъ всякой опоры.

— Съ меня будетъ довольно и того, что мой будущій
мужъ приобрететъ трудами.

— А, такъ я могу васъ поздравить? Теперь понимаю
онъ, вѣроятно, капиталистъ?

— Нѣтъ, художникъ....

— Ну, извольте видѣть! сказалъ негоціантъ серьезно и
потупивъ глаза, сильно призадумался. Потомъ, бросивъ на
молоденькую собесѣдницу вопрошающій взглядъ, прибавилъ:
— Впрочемъ, это отнюдь не мѣшаетъ быть и капиталистомъ.

Лавинія повѣрила ему всѣ свои скромныя надежды, ка-
завшіяся ей, и можетъ-быть не безъ основанія, привлека-
тельныя всякихъ сокровищъ.

— Все это утверждаетъ меня въ мысли, что вамъ те-
перь, болѣе чѣмъ когда-либо, необходимы средства.

— Согласна.... Но честь моего батюшки....

Негоціантъ почтительно наклонилъ голову.

— Вполнѣ понимаю благородство вашего сердца! ска-
залъ онъ съ достоинствомъ: но, прошу васъ, подумайте, мо-
жете-ли вы съ людьми вамъ близкими....

— Люди, которыхъ совѣтами я дорожу, ни въ какомъ
случаѣ не отступятъ отъ правилъ чести.

— Мнѣ остается только повиноваться вашимъ приказані-
ямъ: почитаю это честью; жалѣю объ одномъ — что батюш-
ка не можетъ въ эту минуту объять васъ....

При этихъ словахъ, негоціантъ съ поспѣшностью при-
бѣгнулъ къ своему батистовому платку, потому что добряку
показалось, будто двѣ капли, совершенно безъ его вѣдома и
даже сверхъ всякаго чаянія образовавшіяся на его глазахъ,
угрожали снѣжной бѣлизнѣ его мамишки.

— Такъ я ужъ надѣюсь на васъ, сказала Лавинія, воз-
вращая билеты: вы раздѣлите это безпристрастно.

— Потрудитесь уловить мнѣ какое-нибудь доверенное лицо, которому я хотѣю дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

— Мнѣ кажется, кому доверяетъ отецъ, тому и дочь можетъ доверить....

— Извините, порядокъ того требуетъ.

Лавинія написала ему адресъ Флоренскаго.

Негоціантъ внутренно радовался своему незамѣтному маневру, и удался не безъ маленькой надежды на успѣшное окончаніе этого дѣла — въ пользу сироты, отъ которой онъ былъ въ восхищеніи.

— Авось художникъ-то будетъ посписходительнѣе! думалъ онъ дорогой.

Флоренскій, точно, замѣтно повеселѣлъ, когда услышалъ, что любима я имъ дѣвушка такъ неожиданно возвращается къ утраченному благосостоянію. Художникъ съ признательностью пожималъ руку негоціанта и благодарилъ его.

— А что моя Лавинія — рада? спрашивалъ молодой человекъ съ улыбкой.

Негоціантъ пришелъ въ замѣшательство.

— Что же, вы уже выдали ей эту сумку?

— Она поручила это дѣло вамъ, отвѣчалъ негоціантъ.

— Мнѣ?

Негоціантъ, потупивъ глаза, вынималъ изъ кармана свой бумажникъ.

— Однако жъ, заштилъ Флоренскій, мнѣ надо съ ней познакомиться.

— Послушайте, прошепталъ негоціантъ, схвативъ собеседника за руку: замѣна невесты — по-истинѣ, рѣдкое событіе; но, — простите меня за откровенность, — я въ ней заштилъ одинъ порокъ.... у нея, какъ говорятъ френологи, черепъ развитъ шишка великодушія.... Мы должны спасти ее отъ излишней доброты.

Когда Флоренскій узналъ обстоятельно рѣшеніе Лавиніи, лицо его приняло серьезное выраженіе; онъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Въ этомъ рѣшеніи, — признайтесь, вы и сами не видите особеннаго великодушія: это только справедливость.

— Я долженъ въ точности исполнить возложенное на меня порученіе.

— Вы исполнили его, какъ слѣдуетъ благородному чело-
вѣку.

— Но, подумайте, вѣдь сиротскія деньги — вещь свя-
щенная.

— Отъ души благодаримъ васъ за добрыя намѣренія; ко-
чтемъ за особенное удовольствіе продолжать знакомство съ
вами. Но наша общая честь требуетъ, чтобы вы поступили
въ этомъ дѣлѣ по желанію самой сироты. Впрочемъ, покуда
я живъ, Лавинія не будетъ сиротою.

Негоціантъ, молча, крѣпко пожалъ художнику руку и уда-
лился съ стѣсненнымъ сердцемъ.

XXXI.

Я жилъ тогда въ Венеціи.

Посѣщая довольно часто Café de' Lazzaroni, сборное мѣсто
венеціанскихъ артистовъ и литераторовъ, я сошелся тамъ,
между-прочимъ, съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ
художниковъ. Вмолвъ знакомый съ лабиринтомъ каналовъ и
узкихъ корридоровъ, которые здѣсь слывуть улицами, онъ
старался указать мнѣ на всѣ своеобразныя прелести города
дожей.

Мы посѣтили вѣсть нѣсколько древнихъ палатцовъ, гдѣ
хранится столько блистательныхъ произведеній венеціанскаго
генія. Однако, я скоро замѣтилъ, что мой обязательный чи-
чероне предпочитаетъ всѣмъ венеціанскимъ палатцамъ одинъ,
не громаднй, но изящный палатцо на Большомъ-Каналѣ. И
не даромъ!

Когда гондола подплывала къ готическому портону, на пра-
морныхъ ступеняхъ ожидало счастливца прелестнѣйшее созданіе,
какое мнѣ когда-либо случалось видѣть. Глаза ея, голубые
и блестящіе какъ волны Адриатики, далеко подмѣчали знакомую
гондолу; точно также, какъ художникъ издали узнавалъ руч-
ку, махавшую ему бѣлымъ платкомъ. Когда гондола еще не
успѣла остановиться, онъ нетерпѣливо перепрыгивалъ волны,

отдѣлявшія его отъ крыльца, чтобы поскорѣе на радостную улыбку отвѣтить поцѣлуемъ....

Художникъ представилъ меня своей молоденькой женѣ, и вокуда я отвѣчалъ что-то на ея привѣтствія, злодѣй преспокойно мѣлъ въ рукѣ густые локоны золотисто-пепельнаго цвѣту, выпадавшіе изъ-подъ соломенной шляпки. Между странниками, вдали отъ родины, короткое знакомство завязывается скоро. Рѣдкій день проходилъ, чтобы гондола моя не подплывала къ готическому крыльцу и я не любовался тихимъ счастьемъ двухъ молодыхъ существъ, вполне достойныхъ другъ друга.

Въ старинныхъ покояхъ все улыбалось отъ ихъ присутствія.

Особенно нравился мнѣ этотъ дворикъ, окруженный аркадами, и изящный, какъ всѣ дворы венеціанскихъ палацовъ. Множество цвѣтовъ, лавровыхъ, померанцовыхъ и лимонныхъ деревьевъ, превращали его въ маленькій садъ.

Это былъ любимый пріютъ восхитительной хозяйки дома. Признаюсь, не разъ мнѣ случалось заставить красавицу въ минуты ея свѣтлой задумчивости: не смѣя дышать, я невольно останавливался и сквозь листья долго любовался на эту живую картину: съ гордой, но великодушной улыбкой богини стояла она, облокотясь обнаженной рукой на край мраморной чаши, въ которую водометъ ронялъ гнѣвивыя струи....

Часто, послѣ оперы, мы проводили половину ночи на балконѣ, обвитомъ виноградной лозой, и уставленномъ цвѣтущими камеліями.

Незабуду этихъ венеціанскихъ ночей, когда лунный свѣтъ придавалъ магическіе эффекты единственной въ своемъ родѣ картинѣ, на которую мы не могли налюбоваться. Роскошные фасады цѣлаго ряда дворцовъ, озаренные этихъ бѣлымъ сіяніемъ, представляли взору что-то волшебное. Внизу, подъ нашимъ балкономъ, по широкому водяному проспекту блуждали огоньки молчаливыхъ гондолъ; соловьи, эти плѣнники съ береговъ Бренты, меланхолически перекликались изъ своихъ золоченыхъ кѣтокъ, висящихъ надъ темными волнами. Прозрачность воздуха, теплое дыханье съ лагунъ, аромат цвѣтовъ,

тишина и сумракъ, — все располагало насъ къ сладостной думѣ.

Въ эти повѣтческія минуты, мысль очень часто уносилась далеко, далеко, на милую родину.... Незнаю, почему наша обворожительная собесѣдница вспомнила о Галерной гавани....

Какъ-бы то ни было, а эта молоденькая женщина рассказала мнѣ повѣсть о Лавиніи....

Она прерывала свой рассказъ, чтобы послушать отдаленный речитативъ гребца, или сладостные звуки серенады, несшіеся далеко по волнамъ съ гондолы, остановившейся подъ мавританскимъ окномъ, которое долго не открывалось....

Я припомнилъ этотъ рассказъ, сколько могъ; и жалѣю только, что не подлинными словами обворожительной рассказчицы передаю его читателямъ.... если они найдутся.

В. ЯКОВЛЕВЪ.

=

II. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=
ВАЛЕРІЯ.

=
АВТОБІОГРАФІЯ.

=
СОЧИНЕНІЕ МАГРІСТА.

=
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

=
I.

Этѣ было въ четвергъ. Въ субботу я получила письмо отъ повзрѣннаго леди Р**, съ извѣстіемъ о ея кончинѣ. Она скончалась въ Кодбекъ, маленькомъ городкѣ на берегу Сены. Повзрѣнный спрашивалъ, можетъ ли онъ повидаться со мною сегодня же, и я отвѣчала, что буду ждать его къ тремъ часамъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что леди Р** вздумала отправиться изъ Гавра въ Парижъ въ рыбацкѣй лодкѣ, промокла подъ дождемъ и заболѣла въ Кодбекѣ лихорадкой, которая, благодаря невѣжеству врачей, окончилась смертью. Онъ получилъ всѣ эти свѣдѣнія отъ горничной леди, не забывшей прислать ему и свидѣтельство о смерти леди отъ городского начальства.

— Вы можетъ-быть не знаете, сказалъ онъ мнѣ, что вы ея душеприкащица?

— Я? спросила я съ удивленіемъ.

— Да, вы, отвѣчалъ мистеръ Сельвинъ. Узкая изъ Лондона, она перемѣнила духовное завѣщаніе, и сказала мнѣ, что вы знаете, кого это больше всѣхъ интересуеть, потому что у васъ есть бумага, которая все объяснитъ.

— Да, у меня дѣйствительно есть запечатанная бумага, которую она вручила мнѣ съ условіемъ, чтобы я прочла ее только послѣ ея смерти, или по особенному позволенію.

— Объ ней-то, вѣроятно, она мнѣ и говорила. Духовная со мною; вамъ, какъ душеприкащикъ, надо прочесть ее.

Леди назначала своимъ единственнымъ наследникомъ племянника своего, Ліонеля Демпстера, а мнѣ завѣщала пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ, всѣ свои брилліанты и гардеробъ.

— Поздравляю васъ съ наследствомъ, мадамозель де-Шатонефъ, сказалъ мистеръ Сельвинъ. Не можете ли вы мнѣ сказать, гдѣ мнѣ найти этого племянника? Я въ первый разъ объ немъ слышу.

— Вѣроятно я буду въ состояніи указать вамъ его, отвѣчала я; но главнѣйшія доказательства заключаются, должно быть, въ бумагѣ, которую я еще не читала.

— Такъ теперь я не хочу васъ и беспокоить. Когда вамъ угодно будетъ меня увидѣть, напишите мнѣ словечко, и я явлюсь.

Я была рада, что онъ ушелъ. Мнѣ хотѣлось остаться наединѣ, собраться съ мыслями и прочитать ввѣренную мнѣ бумагу. Смерть леди огорчила меня очень сильно, тѣмъ болѣе, что покойница оказала такую довѣренность къ женщинѣ, съ которой жила очень не долго. Впрочемъ, это было въ ея духъ; кому, кромѣ леди Р**, пришло бы въ голову назначить душеприкащицей молодую девушку, иностранку, незнакомую съ дѣлами?

Смерть леди, возстановленіе правъ Ліонеля, — все это сдѣлало на меня сильное впечатлѣніе, которое разрѣшилось наконецъ слезами. Я сидѣла еще съ платкомъ въ рукахъ, когда къ мнѣ вошла леди М**.

— Вы плачете, мисъ Шатонефъ? Объ уходѣ милаго дружка?

Слова эти сопровождала какая-то странная улыбка, и я отвѣчала:

— Да, я плачу о другѣ: леди Р** умерла.

— Боже мой! А что же это за господа приходили къ вамъ сегодня?

— Одинъ ея повѣренный, а другой родственникъ.

— Родственникъ! А повѣренному что было отъ васъ нужно, — соли это не неспрошенный вопросъ?

— Несколько. Леди Р** назначила меня своей душеприкащикомъ.

— Душеприкащикомъ! Теперь ясно, что она была сумасшедшая.... Я хотѣла попросить васъ ко мнѣ въ будuarъ, взглянуть на шелковое платье, но теперь вамъ, кажется, не до того; такъ я не хочу васъ беспокоить.

— Благодарю васъ. Завтра я буду спокойнѣе, и готова вамъ служить.

Она вышла. Мнѣ не понравилась ея выходка, но я не могла въ эту минуту хорошенько взвѣсить ея словъ и тона. Я поспѣшила къ себѣ въ комнату, прочесть бумагу, оставленную мнѣ леди Р** передъ отъездомъ. Вотъ ея содержаніе:

«Любезная Валерія!

« Не буду говорить о той сильной привязанности, которую я, старая женщина, почувствовала къ вамъ съ первой встрѣчи. Есть чувства необъяснимыя; я почувствовала къ вамъ какую-то симпатію, како-то, если могу такъ выразиться, магнетическое влеченіе, увеличивавшееся съ каждымъ днемъ. То не было чувство матери къ своему ребенку; нѣтъ, привязанность моя была смѣшана съ какимъ-то почтительнымъ страхомъ и предчувствіемъ, что разлука съ вами повлечетъ за собою для меня несчастье. Мнѣ чувствовалась въ васъ моя судьба, мой fatum, и это чувство не засыпало во мнѣ ни на минуту, даже, напротивъ того, оно усилилось теперь въ минуту разставанья. Какъ мало знаемъ мы тайнства души и тѣла! Мы знаемъ, что мы созданы чудесно, — и только. Есть вліянія и влеченія необъяснимыя, это я чувствую вѣрно. Я часто размышляла объ этомъ, лежа въ постель, размышляла до безумія, но не могла разгадать загадки. (Увы, подумала я: вѣрю, — вы были безумнѣе, нежели я предполагала). Вообразите себѣ мой ужасъ и скорбь мою, когда я слышала, что вы хотите меня оставить, Валерія! Это было для меня смертный приговоръ. Но я чувствовала, что не могу этому противиться: такъ было мнѣ суждено, — кто можетъ бороться съ своею судьбою? Ваше юное, благородное сердце смалось бы, если бы вы знали, сколько страдала и страдаю я отъ вашей измѣны; я приняла это какъ казнь за мои промедленія преступленія, въ которыхъ

и хочу вамъ покаяться, какъ единственному существу, къ которому имѣю довѣріе. Я хочу загладить прошедшее, возвратитъ кому слѣдуетъ похищенные мною права, и вѣрваю это дѣло вамъ. Безъ этого письма трудно было бы исправить мой проступокъ.

«Прежде всего я должна рассказать вамъ причины, побудившія меня къ этому проступку. Выслушайте исторію моей молодости.

«У отца моего, сэра Александра Мойстина, было четверо дѣтей: два сына и двѣ дочери. Я была старшая, за мной слѣдовали братья, потомъ сестра Елена. Она была осемью годами моложе меня. Рожденіе ея стоило жизни матери. Мы подросли. Братья отправились въ итоскую коллегію. Я осталась хозяйкой въ домъ. Я была горда отъ природы; власть, почтеніе всѣхъ окружающихъ и — (взгляните на портретъ) — безъ хвастовства могу сказать — красота, сдѣлали меня самовластною, деспотическою. Многіе за меня сватались, но я отказывала всѣмъ, пока мнѣ не исполнилось двадцать лѣтъ. Больной отецъ долго не выходилъ изъ своей комнаты; слово мое было закономъ для него и для всѣхъ домашнихъ. Съ сестрой Еленой, еще ребенкомъ, ободилась я сурово, во-первыхъ, я думаю, потому, что видѣла въ ней будущую соперницу по красотѣ, а во-вторыхъ, потому, что отецъ ласкалъ ее больше, нежели мнѣ хотѣлось. Она была права кроткаго и никогда не жаловалась. Время шло; я отказывалась отъ жениховъ. Я не хотѣла разстаться съ властью и подчиниться мужу. Мнѣ исполнилось наконецъ двадцать-пять лѣтъ, а сестръ семнадцать. Въ эту эпоху суждено было всему измѣниться.

«Къ намъ пріѣхалъ съ старшимъ моимъ братомъ, капитаномъ, сослуживецъ его, полковникъ Демпстеръ. Такого увлекательнаго чело-вѣка я еще не встрѣчала; въ первый разъ почувствовала я готовность отказаться отъ власти въ отцовскомъ домѣ и соединить судьбу свою съ судьбою мужа. Полковникъ тоже былъ ко мнѣ очень внимателенъ: ухаживалъ за мною съ величайшимъ почтеніемъ и умѣлъ лстать моей гордости. Я дала полную волю своимъ чувствамъ, влюбилась по-уни и цѣпила улыбки его выше всего въ мірѣ. Онъ пріѣхалъ къ намъ только на недѣлю, но прошелъ мѣсяцъ, а онъ все еще не уѣзжалъ. Не только я, но и всѣ прочіе считали дѣло слаженнымъ. Отецъ, зная, что полковникъ довольно богатъ, не спрашивалъ ни о чемъ больше. Но прошло два мѣсяца, а полковникъ, постоянно ко мнѣ внимательный, предложенія не дѣлалъ. Я приписывала это

робости и сомнѣнію въ успѣхъ. Это мнѣ даже нравилось; однако же мнѣ хотѣлось, чтобы дѣло пришло къ развязкѣ, и я старалась вызвать его на объясненіе, сколько позволяла скромность. По утрамъ полковникъ ходилъ съ моимъ братомъ на охоту, и въ эти часы я видѣла его рѣдко; но вечеромъ онъ постоянно за мною ухаживалъ. Знакомые (друзей у меня не было), поздравляли меня съ побѣдою надъ челоушкомъ, который славился своею недоступностью, и я не возражала. Я ежечасно ждала его объясненія, какъ вдругъ, — вообразите себѣ мое удивленіе и негодованіе, — однажды утромъ меня извѣстили, что полковникъ Демпстеръ и сестра моя исчезли, и что ихъ видѣли скачущихъ въ коляскѣ во весь опоръ.

«Все это оказалось правдой. Полковникъ, узнавшій отъ брата о моемъ властолюбивомъ нравѣ, расцѣль, что ему нельзя будетъ оставаться долго у насъ въ домѣ, не ухаживая за мною. Онъ влюбился въ Елену при первой же встрѣчѣ, и прибѣгнулъ къ притворству, чтобы имѣть время заслужить ея любовь. Оказалось, что утра проводилъ онъ не на охотѣ съ братомъ, а въ бесѣдахъ съ Еленой. Братъ, которому онъ признался въ своей страсти, помогалъ ему меня обманывать. Въ то же утро принесли письмо отъ полковника, въ которомъ онъ просилъ у отца прощенія. Я прочла его. «Какъ это глупо, сказалъ отецъ, зачѣмъ было воровать, что можно получить просто? Я и безъ того отдалъ бы ему Елену. А я думалъ, что онъ ухаживаетъ за тобою, Барбара».

«Это было свыше моихъ силъ. Я упала къ ногамъ отца и меня отвесили въ постель. На другой день я заболѣла воспаленіемъ въ мозгу и врачи сомнѣвались, приду ли я въ разсудокъ. Мало-по-малу однако же, я оправилась. Три мѣсяца не выходила я изъ комнаты; этотъ ударъ отозвался во мнѣ, кажется, на всю жизнь, и былъ, вѣроятно, причиною, что я сдѣлалась существомъ безпокойнымъ, не могущимъ ужиться на одномъ мѣстѣ; движеніе стало для меня потребностью и я обратилась къ перу, ради искусственнаго возбужденія. Я думаю, что всѣ пишущіе бываютъ немножко *тронуты*, когда берутся за перо. Я не хочу этимъ сказать, что они сумасшедшіе, но имъ не далеко до сумасшествія.

«Когда я воскресла, во мнѣ было только одно чувство — жажда мщенія. Нѣтъ, однако же, я забываю о ненависти, матери мщенія. Я чувствовала, что я унижена, оскорблена, обманута. Любовь къ

полковнику превратилась въ ненависть; сестра стала мнѣ противна. Я не могла простить ее. Отецъ не отвѣчалъ на письмо ея мужа; ему помѣшала хирагра. Теперь онъ сказалъ мнѣ:

«— Барбара, пора кажется простить ихъ. Я уже давно написалъ бы полковнику, да не могу. Надо написать имъ и пригласить ихъ сюда.

«Я написала, только не то, чтѣ онъ диктовалъ; я написала, что отецъ мой никогда ихъ не проститъ и хотеть, чтобы они прекратили бесполезную переписку.

«— Прочти, сказалъ мнѣ отецъ

«Я прочла письмо въ томъ смыслѣ, какъ онъ желалъ.

«— Прекрасно; теперь они прѣдутъ, сказалъ онъ. Мнѣ ужасно хочется обнять Елену. Она мое дорогое дитя; она стѣнитъ жизнь твоей матери. Спрошу ее, зачѣмъ она убѣжала? Я думаю, она больше боялась тебя, нежели меня.

«Я не отвѣчала ни слова, и запечатала конвертъ. Письма съ почты приносили прямо ко мнѣ, и я имѣла возможность скрывать ихъ отъ отца. Онъ не зналъ, какъ молить моя сестра о прощеніи. Кроме того, я всеми силами старалась вооружать его противъ нея. Наконецъ я узнала изъ писемъ, что они уѣхали на твердую землю. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Отецъ мой терзался молчаніемъ Елены и ея мнимымъ равнодушіемъ. Душевное страданіе очевидно оказывало дурное вліяніе на его здоровье; онъ началъ хирѣть и съ каждымъ днемъ дѣлался раздражительнѣе. Наконецъ пришло отъ Елены письмо, которое — стыжусь признаться — доставило мнѣ неописанное удовольствіе. Она извѣщала о смерти своего мужа.

«— Такъ онъ умеръ! подумала я. Теперь онъ никому не принадлежить.

«Что за демонъ овладѣлъ моею душею! Сестра писала, что она ѣдетъ въ Англію и скоро должна разрѣшиться отъ бремени. Письмо было адресовано ко мнѣ, а не къ отцу. Смерть полковника не уменьшила ненависти моей къ сестрѣ; напротивъ того, теперь, казалось мнѣ, Елена въ моихъ рукахъ и я могу ей отмстить. Подумавши, на чтѣ мнѣ рѣшиться, я написала ей: что отецъ все еще сердится, что я всеми силами старалась смягчить его гнѣвъ, но напрасно, что онъ съ каждымъ днемъ дѣлается все слабѣе и слабѣе, и что причиною этого я считаю ея необдуманнѣйшій поступокъ. Отецъ

прощенью, вѣроятно, не долго, — заключала я, — и я попробую еще разъ уговорить его на прощенье, что, можетъ-быть, и удастся, такъ какъ полковника нѣтъ уже въ живыхъ.

Черезъ двѣ недѣли я получила отвѣтъ. Сестра благодарила меня за участіе, и извѣщала, что она въ Англии и со дня на день ожидаетъ своего разрѣшенія; что она больна тѣломъ и душою, и не надѣется пережить родовъ. Она заклинала меня памятью матери пріѣхать къ ней. Другая забыла бы свою ненависть, но мое сердце было заковано.

Я сочла за лучшее извѣстить отца о смерти полковника Демпстера и возвращеніи Елены въ Англію, и сказала ему, что она скоро должна родить, и что я желаю поѣхать, по ея просьбѣ, къ ней. Отецъ мой былъ пораженъ, и дрожащимъ голосомъ просилъ меня отправиться не теряя времени. Я согласилась, но съ тѣмъ, чтобы онъ никому не говорилъ о цели моей поѣздки, во избежаніе толковъ и пересудовъ. Я уѣхала съ моей бывшей нянюшкой, на вѣрность которой могла положиться. Въ чемъ состояли мои намѣренія, я и сама порядочно не знала; я чувствовала только, что мщеніе мое не удовлетворено, и что я не пропущу удобнаго случая удовлетворить ему.

Я застала сестру во время родовъ; она страдала и душевно, будучи увѣрена, что отецъ не хочетъ простить ее. Я же не захотѣла облегчить ея страданій, и не открыла ей истины. Я была какъ-будто во власти какого-то демона.

Сестра моя умерла отъ родовъ, и тогда мнѣ стало жаль ее. Но когда я взглянула на ея сына и увидѣла въ немъ совершенное подобіе волковника, гнѣвъ воскресъ въ душѣ моей и я поклялась, что мальчикъ никогда не узнаетъ, кто былъ отецъ его. Нянюшкѣ, въ удивленіи со мною, сказала я, что это моя старинная пансіонная подруга; послѣ, однако же, я узнала, что истина отъ нея не укрылась. Я уговорила ее отнести ребенка къ ея родителямъ, сказавши, что общала умирающей матери его имѣть о немъ попеченіе, но что все это должно хранить въ тайнѣ, во избежаніе злыхъ толковъ. Потомъ я возвратилась въ Кольвервудъ-Галль, съ извѣстіемъ о смерти сестры. Я, разумѣется, умолчала о томъ, что ребенокъ живъ. Сэръ Александръ плакалъ горько; съ этого дня онъ началъ быстро угасать.

Я отомстила, — и мнѣ стало на себя досадно. Страсть утихла, настала пора размышленія. Состояніе мое было жалко: совѣсть не да-

вала мнѣ покоя. Чѣмъ больше я размышляла, тѣмъ больше оставалась собою не довольна, и готова была воротить прошедшее цѣною цѣлаго міра.

«Въ это время къ намъ пріѣхалъ сэръ Ричардъ Р**. Я ему понравилась, онъ сдѣлалъ предложеніе, и оно было принято, больше всего, кажется, затѣмъ, чтобы только имѣть случай ухватить изъ Кольвервудъ-Галля. Я думала, что перемена мѣсть изгладитъ изъ памяти моей прошедшее; но я жестоко обманулась. Ухвативши съ мужемъ, я жила въ постоянномъ страхѣ, опасаясь, что нянюшка выдастъ меня отцу, и просила сэра Ричарда сократить наше путешествіе, и позволить мнѣ съѣздить домой, навѣстить больного старика. Мужъ мой согласился, и черезъ двѣ недѣли послѣ моего возвращенія въ Кольвервудъ-Галль, смерть отца избавила меня отъ опасности, — но въ то же время явились другія причины безпокойства. Отецъ оставилъ духовную, въ которой завѣщалъ мнѣ и сестрѣ моей по 5,000 фунтовъ, а въ случаѣ смерти одной изъ насъ, всѣ 10,000 другой. Двоюродная бабушка тоже оставила мнѣ съ Еленой по 10,000 фунтовъ, съ тѣмъ, чтобы они были выданы намъ при замужествѣ, и чтобы въ случаѣ смерти одной изъ насъ, перешли къ другой, если умершая не оставитъ по себѣ дѣтей. Такимъ-образомъ, скрывши рожденіе моего племянника, я лишила его собственности, которою пользовалась сама. Я не знала ничего объ этихъ распоряженіяхъ отца моего и бабушки; иначе я не осмѣлилась бы скрыть ребенка, опасаясь, чтобы этого не приписали корысти. Я теперь готова была признать мальчика за моего племянника, но не знала, какъ это сдѣлать; деньги были въ рукахъ моего мужа, и я не смѣла сознаться въ моемъ проступкѣ.

«Жизнь была для меня казнью. Когда нянюшка моя и ея отецъ заговорили о томъ, что не хотятъ хранить тайны, я думала, что сойду съ ума. Я описала имъ все бѣдствіе, въ которое ввергнетъ меня ихъ открытіе, и дала имъ торжественнѣйшее обѣщаніе возвратитъ ребенку его права. Они этимъ удовольствовались. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ несчастной жизни, смерть освободила меня отъ мужа. Вы спросите, отчего же тогда не признала я ребенка? Я боялась. Я отдала его въ училище, и ему было тогда лѣтъ двѣнадцать или тринадцать. Я взяла его къ себѣ, съ намѣреніемъ возвратитъ ему его права, согласно обѣщанію, данному моей нянюшкѣ и ея отцу. Но,

вызвали его къ себѣ, я не видѣла средства разсказать его исторію, не сознаваясь въ собственной винѣ, и гордость заставила меня молчать.

«Я откладывала мое признаніе со дня на день, а мальчикъ, мѣсто которому было сначала указано въ гостиной, перешелъ мало-по-малу въ кухню. Да, Валерія, папъ, лакей Ліонель — мой племянникъ, Ланель Демпстеръ. Признаться въ этомъ было свыше моихъ силъ. Я утѣшалась тѣмъ, что все это дѣлается къ его же пользѣ. Какъ легко оправдываемъ мы свои поступки, если они согласны съ нашими цѣлями! Я воспитала его, я оставила ему мое состояніе, и говорила сама себѣ: низкое положеніе вылечитъ его отъ гордости, и сдѣлаетъ изъ него хорошаго человѣка. Плохая логика, признаюсь.

«Валерія! я назначила васъ моей душеприкащицей, потому что и послѣ смерти желала бы избѣгнуть, сколько возможно, огласки. Я не желала бы сдѣлаться предметомъ народныхъ толковъ даже на нѣсколько дней, да и Ліонелю не много было бы въ томъ пользы, если бы весь міръ узналъ, что онъ служилъ лакеемъ. Повѣренный мой не знаетъ, кто мой племянникъ, и обратится по этому дѣлу къ вамъ. Въ маленькомъ оловянномъ ящикѣ въ моей спальнѣ найдете вы всѣ документы, имена и адреса людей, помогавшихъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ, и всѣ перехваченныя письма моей сестры. Не забудьте, что Ліонель имѣетъ право не только на мое наслѣдство, но и на наслѣдство своего отца, перешедшее къ другимъ родственникамъ. Посоветуйтесь съ моимъ повѣреннымъ на-счетъ мѣръ, которыя должно принять, не выставляя меня больше, нежели необходимо. Впрочемъ, если надо, пусть всѣ узнаютъ о моемъ проступкѣ. Лишь бы Ліонель былъ вполне возстановленъ въ своихъ правахъ.

«Вы возненавидите меня, можетъ-быть, послѣ этого признанія; вспомните, однако же, какъ страстно я любила и какъ жестоко я была обманута. Я была тогда близка къ сумашествію. Да будетъ это для васъ урокомъ, какъ трудно воротиться на прямую дорожку, сбившись съ нея однажды.

«Теперь вы знаете мои страданія и преступленія, знаете почему меня не безъ основанія считали женщиною эксцентрическою, полусумасшедшею. Простите меня и пожалуйте обо мнѣ. Я уже довольно наказана собственной совѣстью.

«*Барбара Р***»

Прочитавши эту бумагу, я положила ее на столъ, и долго была погружена въ раздумье.

Возможно ли! думала я, неужели обманутая любовь может заглушить въ сердцѣ всѣ благородныя чувства, побудить женщину оставить умирающую сестру въ горькомъ заблужденіи и идти виновному существу, наперекоръ всякой справедливости? О, я не поддамся любви! Кто бы могъ подумать, что безпечную, эксцентрическую леди Р** давить сознаніе преступленія, безпрестанно оживляемое присутствіемъ обиженнаго? Какъ закружилась, должно быть, у нея совесть, что она со дня на день откладывала возвращеніе вранъ своей жертвѣ! Какъ странно, что страхъ передъ светомъ и его мнѣніемъ бываетъ сильнѣе страха передъ судомъ Божиимъ.

Это последнее замѣчаніе доказывало только, какъ мало еще знала я свѣтъ. Потомъ мысли мои обратились на другое. Я уже говорила вамъ, что я католичка. Но, послѣ смерти моей бабушки, никто почти не поддерживалъ во мнѣ рвенія къ исполненію религіозныхъ обязанностей. Проживши два года въ Англіи, между протестантами, я ходила съ ними въ ихъ церковь, думая, что лучше ходить въ протестантскую церковь, нежели вовсе ни въ какую. Мало-по-малу я начала уже склоняться къ протестантизму; но теперь мнѣ вдругъ пришло въ голову, что если бы леди Р** исповѣдывалась по правиламъ католической церкви, то тайна ея не могла бы такъ долго оставаться тайною, или, если бы она въ ней и не созналась, то ее выдали бы соучастники, будь они католики, и Лионель давно былъ бы восстановленъ въ своихъ правахъ. Послѣ этого размышленія я почувствовала, что снова сдѣлалась ревностною католичкою.

Я написала къ мистеру Сельвину, чтобы онъ пріѣхалъ ко мнѣ завтра поутру, и пошла къ леди М**.

— Мы, вѣроятно, часто будемъ лишены удовольствія видѣть васъ съ нами? сказала мнѣ леди. У васъ теперь такое важное занятіе.

— И непріятное, отвѣчала я. Я желала бы, чтобы леди Р** избрала кого-нибудь другаго. Могу я попросить у васъ на полчаса экипажъ, — достать кое-какія бумаги изъ квартиры леди Р**, въ Бэ-кэръ-Стритъ.

— Разумется. Читали вы завѣщаніе?

— Да.

— Какъ же она распорядилась своимъ имѣніемъ?

— Она оставила все своему племяннику.

— Племяннику! А я никогда ни слова о немъ не слыхала. У сэра Ричарда не было ни племянниковъ, ни племянницъ, и титул перешелъ теперь къ леди Вивіановъ. Я не знала, что у леди Р** есть племянникъ. А вамъ что она отказала, если позволено спросить?

— Мнѣ леди Р** оставила пятьсотъ фунтовъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ она васъ не даромъ заставляетъ безвеконтъся. А признаюсь вамъ, мисъ де-Шатонёфъ, мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы отложили дѣла, и занялись ими послѣ свадебъ моихъ дочерей. Я не знаю, за что ухватиться, и эти два дня чувствовала отсутствіе вашей помощи болѣе, нежели вы можете себя вообразить. У васъ столько вкуса, что безъ васъ мы шагу ступить не можемъ. А все вы виноваты: вы слишкомъ снисходительны, вы сами приучили насъ полагаться во всемъ на васъ. Недѣля не сдѣлаетъ, я думаю, большой разницы, и стряпчѣ любятъ отсрочки; сдѣлаете вы мнѣ одолженіе, отложить на время дѣла леди Р**?

— Извольте. Я уже пригласила къ себѣ повѣреннаго леди Р**, вошло ему другое письмо, и подожду окончанія свадебъ.

— Благодарю васъ.

Я ушла и написала мистеру Сельвину другое письмо, съ извѣстіемъ, что не могу заняться дѣлами раньше слѣдующей недѣли.

Я написала и къ Лионелю, чтобы онъ не приходилъ ко мнѣ, пока я не извѣщу его когда и гдѣ меня видѣть. Я была рада просьбѣ леди М**, свадебныя хлопоты и веселыя лица ея семьи разгоняли грусть, которую наводили на меня дѣла леди Р**. Я ободрилась, повеселѣла, и принялась помогать невѣстамъ съ такимъ усердіемъ, что за два дня до свадьбы все было окончено къ общему удовольствію.

Наконецъ настало давно ожидаемое утро. Невѣсты одѣлись и вышли въ гостиную, трепещущія и смущенныя. Веревка экипажей потянулась на ГанOVERскую площадь, гдѣ въ церкви ожидали молодыхъ сэскопъ и множество изящно одѣтыхъ женщинъ. По окончаніи церемоній, невѣсты удалились въ боковую комнату, гдѣ и приняли поздравленіе знакомыхъ. Потомъ былъ обѣдъ, за которымъ ѣли только сэскопъ, перевѣчавшій на своемъ вку столько паръ, что обрядъ не дѣлалъ на него никакого впечатлѣнія, да еще два или три гостя, старые путники на дорогъ жизни, которымъ все равно гдѣ побывать, на свадьбѣ или на похоронахъ.

Наконецъ, послѣ безмолвнаго объѣда, новобрачные пошли переселиться, возвратились и были переданы своимъ мужьямъ, какъ скоро удалось ихъ похитить изъ объятій и лобызаній леди М**, разыгравшей роль отчаянной матери въ совершенствѣ. Никто изъ видѣвшихъ ее плачущею какъ Ниобея, не могъ бы подумать, что она цѣлыхъ три года маневрировала единственно съ цѣлью сбыть съ рукъ своихъ дочерей. Леди М** была превосходная актриса и разыграла послѣднюю сцену какъ нельзя лучше.

Когда дочерей ея усадили въ экипажи, я думала, что она упадетъ въ обморокъ; но оказалось, что она хотѣла прежде увидѣть, какъ уѣдутъ онѣ въ своихъ свадебныхъ каретахъ; она подошла къ окну, подождала, пока они не съѣли и не тронулись съ мѣста, проводила ихъ глазами за уголъ улицы, и только тогда упала безъ чувствъ ко мнѣ на руки.

Впрочемъ, я думаю, она странно измучилась: послѣднія шесть недѣль она не имѣла ни минуты покоя; все боялась, какъ бы что-нибудь не помѣшало свадьбамъ.

На слѣдующее утро она не вышла изъ своей комнаты, и велѣла мнѣ сказать, что экипажъ къ моимъ услугамъ. Я была утомлена и осталась этотъ день дома. Я написала Лионелю и мистеру Сельвину, чтобы они пріѣхали ко мнѣ завтра въ два часа въ Бэкеръ-Стритъ; остатокъ дня я провела спокойно въ обществѣ Эми, третьей дочери леди М**. Это была премилая, простая дѣвушка; мнѣ нравилась она больше своихъ сестеръ. Я занималась ею съ особеннымъ рвеніемъ, потому что у нея былъ прекрасной голосъ; мы очень сблизились.

Поговоривши немного о новобрачныхъ, она сказала мнѣ:

— Не знаю, право, что мнѣ дѣлать, Валерія. Я люблю васъ, и не хотѣла бы позволить, чтобы васъ обижали; но вмѣстѣ-съ-тѣмъ не желала бы и огорчить васъ, пересказавши вамъ то, что объ васъ говорили. Вы не останетесь у насъ, если я вамъ это расскажу, и это мнѣ ужасно больно. Впрочемъ, это эгоизмъ; я его осияю. Мнѣ не хотѣлось бы только огорчить васъ. Скажите, говорить мнѣ или нѣтъ?

— Вы сказали или слишкомъ мало, или слишкомъ много, отвѣчала я. Вы сказали, что меня обижаютъ, и мнѣ разумѣется хотѣлось бы этого не позволить, хоть я и не могу себѣ вообразить, кто бы могъ быть моимъ врагомъ.

— Я сама не повѣрила бы, если бы не слышала собственными ушами, отвѣчала она. Я думала, что вы живете у насъ, какъ пріятельница, какъ гостя, а про васъ говорятъ вещи, которыя, я увѣрена, совершенно не справедливы.

— Въ такомъ случаѣ я должна просить васъ разсказать мнѣ все, какъ было, не смягчая ни одного слова. Кто же это говорить обо мнѣ дурно ?

— Мнѣ очень жаль, что я должна вамъ это сказать, — маменька, отвѣчала Эми, отирая слезу.

— Леди М** ! воскликнула я.

— Да , продолжала она. Выслушайте все какъ было. Сегодня вутру я была въ уборной ; маменька лежала на софѣ въ своей спальнѣ ; въ это время пришла къ ней задушевная пріятельница, мистрисъ Джерменъ. Онъ или забыли что я въ соседней комнатѣ, или не сочли нужнымъ обратить на это вниманіе, и заговорили объ васъ.

— Да, она одѣваетъ васъ и вашихъ дочерей превосходно, надо отдать ей справедливость, сказала мистрисъ Джерменъ. Кто она ? Говорить, изъ хорошей французской фамиліи. Какъ это она попала къ вамъ въ модистки ?

— Что она у меня модисткой, отвѣчала матушка, это правда ; я звать только и пригласила ее къ себѣ въ домъ, но она того не замѣчаетъ. Мистрисъ Батерстъ говорила мнѣ, что она изъ хорошей французской фамиліи, и брошена въ міръ обстоятельствами. Она даровита и очень горда. Искусство одѣвать и одѣваться къ лицу замѣтила я въ ней еще когда она жила у леди Батерстъ ; а потомъ, когда она рынилась, въ слѣдствіе моихъ маневровъ, разстаться съ леди Р**, я пригласила ее къ себѣ какъ гостю, ни словомъ не упомянувши о парядахъ. Когда мнѣ понадобились ея услуги въ этомъ отношеніи, я устроила такъ, что она предложила ихъ сама ; я поблагодарила ее за снисхожденіе, и лестью постоянно умѣла заставлять ее одѣвать моихъ дочерей. Ея вкусу обязана я, кажется, тѣмъ, что онъ составили такія хорошія партіи.

— Вы повели дѣло отлично, замѣтила мистрисъ Джерменъ ; но что же вы станете съ ней дѣлать теперь ?

— О, теперь очередь за Эми ; я продержу ее, покамѣстъ она захочетъ у меня оставаться, а потомъ....

— А потому-то и заятая, замѣтила мистрисъ Джерменъ. Прдержавши ее у себя такъ долго въ качествѣ гостыи, какъ вы отъ нея освободитесь?

— Сначала я и сама этого не знала, и рѣшилась было выжить ее разными мелкими оскорбленіями: она ужасно горда; но потомъ, къ счастью, я узнала кое-какія вещи, о которыхъ буду молчать до времени, и которыя дадутъ мнѣ предлогъ отпустить ее, когда мнѣ вздумается.

— Въ самомъ дѣлѣ! воскликнула мистрисъ Джерменъ. Что же такое вы узнали?

— Извольте, я вамъ скажу, только вы не рассказывайте дальше. Намедни къ ней приходилъ какой-то молодой человекъ; горничная моя вошла печально въ комнату и застала ихъ за поцѣлуемъ.

— Не можетъ быть!

— Да, за поцѣлуемъ. Горничная видѣла. Мнѣ не трудно будетъ воспользоваться этимъ, чтобы отослать мадамозель де-Шатонезъ, когда мнѣ вздумается, сказавши только, что горничная не говорила мнѣ этого раньше. На вопросы другихъ можно будетъ отвѣчать намеками о легкомъ поведеніи.

— Разумется, отвѣчала мистрисъ Джерменъ. Не намекнуть ли мнѣ кое-кому объ этомъ заранее, чтобы приготовить публику?

— Можетъ-быть это не помывааетъ; только смотрите, будьте какъ можно осторожныѣ, любезная мистрисъ Джерменъ.

— Мнѣ очень жаль, продолжала Эми, что я, любя васъ, принуждена говорить такія вещи; но я увѣрена, что васъ нельзя обвинить въ легкомъ поведеніи, и я не хочу, чтобы васъ въ этомъ обвинили, если можно это предупредить.

— Благодарю васъ, отвѣчала я. Мнѣ остается только обрадоваться въ вашихъ глазахъ. Вы не должны думать, чтобы я была виновата въ такомъ проступкѣ. Горничная вашей матушки дѣйствительно вошла въ комнату въ то самое время, когда молодой семнадцати-лѣтній человекъ, пріятельный мнѣ за разныя о немъ заботы, поднесъ, прощаясь со мною, руку мою къ своимъ губамъ и поцѣловалъ ее; это я не позволила бы ему и въ присутствіи вашей матушки. Вотъ тотъ поцѣлуй, изъ котораго она выводитъ заключеніе о легкости моего поведенія. О, какъ себялюбивъ, какъ черенъ, какъ гнусенъ этотъ свѣтъ!

Я упала на софу и залилась слезами. Эми старалась утѣшить меня

и рассадвала на себя, что пересказала мнѣ всѣ эти вещи, когда пришла къ намъ леди М^м.

— Что это значить? Что за сцена? спросила она. Что вы, мадамсэль де-Шатонезъ, — получили какія-нибудь неприятыя новости?

— Да, отвѣчала я, такія неприятыя, что я должна оставить васъ немедленно.

— Въ самомъ дѣлѣ? А позвольте узнать, что такое случилось?

— Я не въ силахъ отвѣчать вамъ на это. Повторяю только, что я должна оставить вашъ домъ не дальнѣе какъ завтра поутру.

— Я не хочу проникать въ ваши тайны, возразила она, но не могу не замѣтить, что гдѣ есть тайна, тамъ вѣрно есть что-нибудь дурное. Впрочемъ, я недавно узнала такія вещи, что тайна меня не удивляетъ, — также какъ и желаніе ваме оставить мой домъ.

— Леди М^м, отвѣчала я ей гордо, въ продолженіе всего времени, что я жила у васъ въ домѣ, я не сдѣлала ничего такого, за что можно было бы покраснѣть, или что требовало бы скрытности. Теперь же я молчу, щадя другихъ и васъ. Не заставляйте меня говорить въ присутствіи вашей дочери. Скажу вамъ только, что я знаю, зачѣмъ вы пригласили меня къ себѣ въ домъ, и какъ намѣрены вылить меня, когда вамъ вздумается.

— Такъ вы умѣете еще и у дверей подслушивать? воскликнула леди М^м, покраснѣвши до ушей.

— Я не подслушивала, — вотъ все, что я вамъ скажу. Довольно того, что слова ваши мнѣ извѣстны, и я не завидую вамъ въ наступающую минуту. Повторяю вамъ, что завтра поутру я должна оставить вашъ домъ; я не намѣрена больше беспокоить васъ моимъ присутствіемъ.

Я встала и вышла. Проходя мимо леди М^м, я замѣтила на лицѣ ея страшное смущеніе, и поняла, что униженіе, которое она готовила мнѣ, досталось на ея долю. Я ушла къ себѣ въ комнату и начала готовиться къ отъезду. Черезъ часъ вошла ко мнѣ Эми.

— Какъ все это грустно, Валерія! сказала она. Благодарю васъ, что вы меня не выдали. Матушка была страшно разгнѣвана, когда вы ушли; сказала, что горничныя, должно быть, подслушивали ея разговоръ, и погрозила наказать ихъ примѣрно; но я знаю, что она этого не сдѣлаетъ. Она говорила о свиданіи вашемъ съ какимъ-то

молодымъ человѣкомъ и о поцѣлуѣ; да вы ужь объяснили мнѣ все это.

— Эми, отвѣчала я, когда уѣду, скажите леди М**, при первомъ удобномъ случаѣ, что вы говорили объ этомъ мнѣ, и что я отвѣчала, что если бы леди М** знала, кто этотъ молодой человѣкъ и какое получить онъ на дняхъ наследство, то она была бы очень рада, если бы онъ поцѣловалъ руку ея дочери съ инымъ чувствомъ, нежели мою.

— Я скажу ей это, будьте увѣрены, отвѣчала Эми; маменька подумаетъ, что упустила хорошаго для меня жениха.

— Она его еще встрѣтитъ, сказала я; и, что еще болѣе, онъ защититъ меня отъ подобныхъ обвиненій.

— Скажу ей и это, продолжала Эми.

Служанка постучала въ двери, и сказала, что леди М** желаетъ видѣть Эми.

— Простимся, сказала я; вамъ не позволятъ уже со мною повидаться.

Эми прижала меня къ своему сердцу, пролила нѣсколько слезъ и вышла. Кончивши сборы, я съѣла. Вслѣдъ затѣмъ вошла горничная, и вручила мнѣ отъ леди пакетъ, заключавшій въ себя мое жалованье.

Въ этотъ вечеръ я не видала ни леди М**, ни ея дочери. Легли спать, я начала разсуждать, что мнѣ теперь дѣлать. Что касается до обхожденія со мною людей, то я до известной степени уже обтерпѣлась, и была уже не такъ чувствительна какъ въ первый разъ, когда горькій урокъ показалъ мнѣ, чего должна я ожидать отъ людскаго эгоизма. Одно обстоятельство ставило меня, однако же, теперь въ затруднительнѣйшее положеніе: я не знала, куда мнѣ переехать. Я рѣшилась обратиться къ мадамъ Жиронакъ съ просьбою, не можетъ ли она принять меня къ себѣ, пока я не найду себѣ мѣста.

Мысли мои обратились потомъ къ другимъ предметамъ. Я вспомнила, что завтра назначила свиданіе мистру Сельвину и Лионелю въ Бэкеръ-Стритъ, и положила отправиться туда рано поутру съ вещами, и поручить ихъ кухаркѣ, смотрѣвшей за домомъ. Потомъ я сосчитала свои деньги. Когда я пріѣхала въ Англію съ леди Батерстъ, у меня былъ такой полный гардеробъ, что за эти два года я не

нѣтъ надобности издерживать много на платья; я истратила на наряды не больше двадцати фунтовъ. Леди М**, леди Батерстъ, и леди Р** дѣлали мнѣ много подарковъ. У меня оказалось около двухсотъ шестидесяти фунтовъ наличныхъ денегъ: леди Р** дала мнѣ сто фунтовъ только за часть года. Къ нимъ должно было прибавить завѣщанными мнѣ ею пятьсотъ фунтовъ и гардеробъ значительной цѣнности. Для женщины въ моемъ положенія это было богатство, и я хотѣла посоветоваться съ мистеромъ Сельвиномъ, какъ всего лучше распорядиться мнѣ моими деньгами. На утро я проснулась съ сильными силами.

Горничная леди М**, любившая меня за то, что я часто дѣлала ей подарки, вышла ко мнѣ рано поутру и изъявила свое сожалѣніе о моемъ отъездѣ. Я отвѣчала, что спѣшу уехать, и попросила завтракать. Она принесла завтракъ ко мнѣ въ комнату.

Черезъ нѣсколько минутъ явилась и Эми.

— Мнѣ позволили вѣрять съ вами проститься, сказала она. Я сказала маменькѣ, что говорили вы мнѣ объ этомъ молодомъ человѣкѣ. Она сознается, что онъ поцѣловалъ только вашу руку; она знаетъ, что вы не любите сочинять исторій, и какъ бы вы думали? — поручила мнѣ узнать, какъ зовутъ этого богатаго наследника. Я обѣщала ей постараться узнать его имя, и потому спрашиваю васъ объ этомъ просто и прямо. Я вовсе не желаю знать его имени, продолжала она, разсмѣявшись, но маменька, я увѣрена, уже прочитъ его мнѣ въ женихи, и Богъ знаетъ чего не дала бы, чтобы вы остались у насъ и дали ей поводъ съ нимъ познакомиться.

— Я не могу сказать вамъ его имени, отвѣчала я. Теперь я не имѣю еще на это права. Очень рада, что матушка ваша сознается въ истинѣ на-счетъ поцѣлуя; послѣ этого она едва ли захочетъ чернить меня, какъ собиралась.

— Разумѣется. Богатый молодой человѣкъ измѣнилъ это намѣреніе. Онъ васъ защититъ; прощайте.

— Прощайте, я зду да благословитъ васъ Богъ, Эми. Мнѣ жаль съ вами разстаться. Будьте счастливы, но примите отъ меня дружескій и искренній совѣтъ, состоящій въ томъ, милая Эми, что никогда не должно худо, не только говорить, но даже и думать о своихъ родителяхъ. Это большой грѣхъ передъ Богомъ, и люди васъ за это осудятъ также какъ я, вашъ другъ, теперь васъ осуждаю....

Я велѣла привести наемную карету и уехала въ Бэкеръ-Стритъ. Кухарка въ квартирѣ леди Р** сказала, что ожидала моего приѣзда, потому что мистеръ Сельвинъ, приходившій извѣстить ее о смерти леди Р**, объявилъ ей, что она будетъ получать свое жалованье отъ меня, которой покойница поручила всѣ свои дѣла. Она показала мнѣ письмо отъ Марты, горничной леди Р**, изъ котораго я увидѣла, что она придетъ съ вещами леди вѣроятно сегодня же.

— Вы конечно почувуете здѣсь? спросила меня кухарка. Я приготовила вамъ комнату.

Я отвѣчала, что думаю остаться тутъ дня на два, по дѣламъ, но что спрошу еще совета у мистера Сельвина, который приѣдетъ сюда въ часъ.

Лионеля я просила приѣхать въ двѣнадцать, чтобы имѣть время сообщить ему содержаніе письма, оставленнаго мнѣ покойницей. Онъ явился въ назначенный часъ; я пожала ему руку и сказала:

— Поздравляю васъ, Лионель; вы можете доказать, что вы племянникъ леди Р**. Она оставила вамъ богатое наследство, а меня назначила своей душеприкащицей.

— Это меня нисколько не удивляетъ, отвѣчалъ Лионель. Хотъ подъ конецъ образумилась и сдѣлала умное дѣло.

— Благодарю васъ за комплиментъ. Но намъ нѣкогда терять времени. Мистеръ Сельвинъ придетъ въ часъ, а до-тѣхъ-поръ прочтите эту исповѣдь леди Р**. Вы найдете въ ней изложеніе причинъ, побудившихъ ее скрывать ваше происхожденіе. Они не извиняютъ ее, можетъ-быть, въ вашихъ глазахъ, но вспомните, что она исправляла дѣло, сколько отъ нея зависѣло, и что мы должны прощать другимъ, если сами желаемъ имѣть право на прощеніе. Садитесь и читайте; я между-тѣмъ пойду въ мою комнату развязать ящики.

— Въ послѣдній разъ, когда мы съ вами здѣсь видѣлись, я ихъ завязывала, мисъ Валерія; надѣюсь, вы и теперь позволите мнѣ помочь вамъ?

— Благодарю васъ; но въ такомъ случаѣ вы не успѣете прочесть письма леди Р**. Мы съ кухаркой управимся и безъ васъ.

Я ушла въ свою комнату. Я еще хлопотала за вещами, когда стукъ въ наружныя двери извѣстилъ меня о приѣздѣ мистера Сельвина. Я вышла къ нему въ гостиную. Лионель ходилъ вздѣ и впередь по комнатѣ, и на вопросъ мой, прочелъ ли онъ бумагу, кивнулъ

мнѣ головой. Мнѣ было его жаль, но въ присутствіи Сельвина я не хотѣла надѣдать ему вопросамъ.

— Надѣюсь, я не заставилъ ждать себя, мадамозель де-Шатонефъ? сказалъ мистеръ Сельвинъ.

— Нѣтъ. Я пріѣхала сюда въ десять часовъ, потому что простилась съ леди М**. Скажите, могу ли я остаться здѣсь ночевать?

— Можете ли? Вы душеприкащица, и можете распорядиться здѣсь всѣмъ по своему произволу. Вы имѣете право владѣнія, покамѣстъ не явится племянникъ леди Р**.

— Герой передъ вами, мистеръ Сельвинъ. Позвольте мнѣ представить вамъ Ліонеля Демпстера, племянника леди Р**.

Мистеръ Сельвинъ поклонился Ліонелю, и поздравилъ его съ полученіемъ наслѣдства.

Ліонель поклонился ему въ свою очередь и сказалъ:

— Mademoiselle де-Шатонефъ! Мистеръ Сельвинъ долженъ, я думаю, узнать все. Чтеніе этой бумаги меня разстроило и мнѣ тяжело было бы вновь выслушать эти подробности. Позвольте мнѣ удалиться на часъ, а васъ прошу сообщать все дѣло мистеру Сельвину, который не откажетъ мнѣ, надѣюсь, въ совѣтъ. Вотъ и признаніе стараго Роберса. До свиданія.

Онъ взялъ шляпу и вышелъ.

— Какой милый молодой человекъ! замѣтилъ мистеръ Сельвинъ. Что за прекрасные глаза!

— Да, отвѣчала я; теперь, когда онъ получилъ богатое наслѣдство, многіе найдутъ, что онъ милый молодой человекъ съ прекрасными глазами. Садитесь, мистеръ Сельвинъ; вы должны узнать странную исторію.

Окончивши чтеніе, онъ положилъ бумагу на столъ и сказалъ:

— Это, можетъ-быть, самая странная изъ всѣхъ исторій, которыя доходили до моего свѣдѣнія въ продолженіе тридцати лѣтъ моего адвокатства. Такъ она воспитала его лакеемъ! Теперь я дѣйствительно узнаю въ немъ мальчика, который такъ часто отворялъ мнѣ двери; но, признаюсь вамъ, не узнай я этой исторіи, я ни за что бы его не узналъ.

— Онъ всегда былъ выше своего состоянія, замѣтила я. Онъ очень остеръ и забавенъ; когда онъ прислуживалъ мнѣ въ качествѣ

служу, я смотрела на него как-то иначе и лучше. Во всяком случае онъ получилъ кое-какое воспитаніе.

— Странно! Очень странно! замѣтилъ мистеръ Сельвинъ. Дивныя дѣла дѣлаются на свѣтъ! Эту исторію нельзя будетъ, кажется, удержать въ тайнѣ. Онъ долженъ же объявить претензію на имѣніе своего отца, а этого имѣнія, конечно, не уступать ему безъ спора. Надо будетъ отыскать завѣщаніе полковника Демпстера; Ліонель поручитъ это, я думаю, мнѣ. Впрочемъ, эта исторія, кажется, не повредитъ ему; онъ смотритъ совершенно джентльменомъ.

— Онъ всегда отличался умомъ и ловкостью, но, признаться вамъ, я никакъ не ожидала такого превращенія въ такое короткое время; это совсѣмъ не тотъ человекъ: другія манеры, другая рѣчь.

— Все это было уже въ немъ, отвѣчалъ мистеръ Сельвинъ. Приемы и рѣчь джентльмена не шли ему, такъ онъ ихъ и не выказывалъ; теперь положеніе его измѣнилось, и личность его проявляется свободно. Надо поскорѣе отыскать эту мистрисъ Гринъ. Послѣ показанія стараго Робертса, исповѣдь и завѣщаніе леди Р^{...} не удивятъ сэра Томаса Мойстина, и трудно только одно: вступить во владѣніе наслѣдствомъ полковника Демпстера.

Стукъ въ наружныя двери извѣстилъ о возвращеніи Ліонеля. Когда онъ вошелъ, мистеръ Сельвинъ сказалъ:

— Мистеръ Демпстеръ! Я совершенно убѣжденъ, что вы племянникъ леди Р^{...}, которому она оставила свое имѣніе, принадлежавшее собственно вамъ. Прочтите же ея завѣщаніе.

Ліонель сѣлъ, и завѣщаніе было прочтано.

— Я, сказалъ мистеръ Сельвинъ, окончивши чтеніе, былъ несколько лѣтъ повѣреннымъ леди Р^{...}, и довольно приблизительно могу вамъ сказать, сколько вамъ достанется. Денегъ двадцать-семь тысячъ фунтовъ, по три процента; этотъ домъ; да у банкира тысяча-двѣсти фунтовъ. Имѣнія вашего отца я вовсе не знаю, но справлюсь сего дня же. Душприкащица можетъ смѣло позволить вамъ взять у банкира сколько вамъ вздумается денегъ, какъ-скоро духовная будетъ предъявлена, что не мѣшаетъ сдѣлать завтра же, если вы согласны, мадамъазель де-Шатонефъ.

— Разумѣется, отвѣчала я; я желала бы покончить дѣла какъ можно скорѣе. Тутъ есть еще бумаги въ оловянномъ ящикѣ;

но я къ не могу теперь достать, потому что ключъ у горничной леди Р^н. Они привезетъ его.

— Это безъ-сомнѣнія важныя бумаги, сказалъ мистеръ Сельвингъ. Если вамъ нужны деньги сейчасъ, мистеръ Демпстеръ, я могу вамъ слушать.

— Благодарю васъ; теперь я не имѣю въ нихъ надобности, отвѣчалъ Лионель; но вскорѣ мнѣ надо будетъ взять ихъ изъ банка, потому что я не намѣренъ остаться въ Англіи.

— Въ-самомъ-дѣлѣ! воскликнула я.

— Да. Я очень понимаю, что благодаря моему бывшему положенію въ свѣтъ, мнѣ многого не достаетъ; надо постыжиться исправить это; прежде, нежели я явлюсь въ общество въ качествѣ наследника леди Р^н, я думаю провести года два или больше въ Парижѣ. Тамъ востараюсь сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ быть сыну полковника Демпстера. Я еще молодъ; пора учиться для меня не прошла.

— Не могу не похвалить вашего намѣренія, мистеръ Демпстеръ,, сказалъ Сельвингъ. Дѣло будетъ обдѣлано законнымъ порядкомъ безъ васъ, и къ вашему возвращенію перестанутъ объ этомъ толковать. Теперь позвольте мнѣ проститься, а васъ, мадамозель де-Шатонозъ, прошу быть завтра въ три часа въ Doctors Commons. Я между-тѣмъ взгляну на завѣщаніе полковника Демпстера. Прощайте.

Мы остались съ Лионелемъ одни.

— Смыю ли спросить, мисъ Валерія, зачѣмъ разстались вы съ леди М^н?

Я рассказала ему, что случилось, и прибавила, что проживу здѣсь дни два, и потомъ переѣду къ мадамъ Жиронакъ.

— Да почему же вамъ не остаться здѣсь? Я уѣду какъ можно скорѣе.

— И хорошо сдѣлаете. Но вы забываете, что я, какъ душеприкащика, должна извлекать изъ вашего имѣнія всевозможную для васъ пользу, пока вы еще не совершеннолѣтній. Я не богатая леди, и должна покориться судьбѣ, поставившей меня однажды навсегда въ зависимость отъ другихъ.

Лионель помолчалъ съ минуту, и потомъ сказалъ :

— Я очень радъ, что леди Р^н съумѣла оценить васъ, но не могу простить ей поступка съ моею матерью. Это было слишкомъ же-

стоко; лучше, впрочемъ, объ этомъ не говорить. Однако же вамъ, вероятно, хочется остаться наединъ, мисъ Валерія? Прощайте.

— Прощайте, Лионель. А что, кухарка васъ узнала?

— Да.

— Знаете что: лучше не приходите сюда, пока я не отпущу горничную леди Р**. Я распоряджусь этимъ тотчасъ же послѣ ея возвращенія; я васъ увижу въ конторѣ Сельвина; это будетъ лучше.

Лионель согласился и мы разстались.

На слѣдующій день духовная была предъявлена, и мистеръ Сельвинъ извѣстилъ насъ, что онъ отыскалъ завѣщаніе полковника Демпстера, оставившаго свое имѣніе нерожденному еще ребенку, съ выделомъ части въ пользу вдовы. Наслѣдство, вслѣдствіе предполагаемаго несуществованія Лионеля, перешло къ одному близкому родственнику полковника, человѣку очень богатому и пользующемуся хорошею репутациею. Мистеръ Сельвинъ намѣренъ былъ вступить прямо съ нимъ въ сношенія. Значительная часть изъ тысячи-двухъ-сотъ фунтовъ, оставленныхъ въ банкѣ, ушла на судебныя издержки, но все еще осталось столько, что Лионель былъ обезпеченъ на годъ, если захочетъ отправиться путешествовать немедленно.

Лионель сказалъ, что хочетъ уѣхать немедленно въ Парижъ, и сегодня же послѣ обѣда пойдетъ за паспортомъ, а завтра придетъ со мною проститься.

Мы остались одни съ мистеромъ Сельвиномъ, и я сказала ему между-прочимъ, что у меня есть деньги, которыя я желала бы отдать въ вѣрныя руки. Онъ посоветовалъ мнѣ отдать то, что у меня есть уже на лицо, банкиру, и обѣщалъ поискать мнѣ вѣрнаго залога, когда я получу остальное. Онъ проводилъ меня до экипажа, и обѣщалъ притти ко мнѣ послѣ-завтра въ три часа, въ надеждѣ, что горничная леди Р** къ тому времени возвратится, и намъ можно будетъ рассмотреть бумаги, хранящіяся въ оловянномъ ящикѣ.

Возвратившись въ Бэкеръ-Стритъ, я нашла уже тамъ горничную леди Р**, и тотчасъ же приняла отъ нея всѣ вещи. Ее я рассчитала, позволивши ей, впрочемъ, переночевать въ домѣ, и давши ей слово постараться доставить ей мѣсто. Я отпустила ее такъ поспѣшно затѣмъ, чтобы она не увидѣла Лионеля, и оказала ей, что я, какъ душеприкащица, не имѣю права держать ее ни дня лишняго, и отвѣчаю за всѣ издержки. Получивши ключи, я могла рассмотреть все въ домѣ.

Прежде всего я отыскала оловянный ящичекъ съ хранящимися въ немъ бумагами; между ними былъ пакетъ съ надписью: «бумаги, касающіяся сестры моей Елены и ея ребенка.» Я подумала, что лучше не трогать этихъ бумагъ безъ мистера Сальвина, и положила ихъ въ сторону. Потомъ я послала кухарку съ письмомъ къ мадамъ Жиронакъ, которую просила притти провести со мною вечеръ. Мнѣ было странно одной въ большомъ домѣ, и хотѣлось побесѣдовать съ истиннымъ другомъ.

Отъ нечего дѣлать я принялась отворять комоды и шкафы съ гардеробомъ леди Р**, и изумилась количеству разныхъ хранящихся въ нихъ вещей. Причудливая леди покупала иногда шелковыя матеріи и брильянты, и потомъ клала ихъ въ сторону, ни разу не надѣвши. Изъ этихъ матерій можно было надѣлать вдвое больше платьевъ, чѣмъ сколько было ихъ сшито. Я нашла у нея огромную связку кружевъ; многія изъ нихъ были чрезвычайно красивы, и принадлежали, вѣроятно, ея матери. Съ собою взяла она немного брильянтовъ: только тѣ, которые всегда носила; остальные брильянты и всѣ драгоценныя вещи отослала она, какъ мнѣ было извѣстно, къ своему банкиру дня за два до отъезда, и я сочла за лучшее повидаться прежде съ мистеромъ Сальвиномъ, а потомъ уже потребовать ихъ отъ банкира.

Мадамъ Жиронакъ пришла ко мнѣ ввечеру, и я рассказала ей все случившееся. Она порадовалась моему счастью и сказала, что теперь, имѣя средства къ жизни и будучи независима отъ чужихъ прихотей, я не откажусь, вѣроятно, переехать къ ней. Я не могла однако же, дать ей отвѣта, не зная въ точности, какъ велико мое состояніе. Я могла только обещать переехать къ ней, кончивши дѣла въ Бэкеръ-Стритъ, и потомъ уже подумать, какой образъ жизни избрать мнѣ дальше.

Послѣ долгой бесѣды мы разстались. Мадамъ Жиронакъ обещала провести слѣдующій день со мною и помочь мнѣ разобрать гардеробъ леди Р**. Въ это послѣ-обѣда я пересмотрѣла много платьевъ, отложила изъ нихъ тѣ, которыя мнѣ не нравились или были довольно поношены, и подарила ихъ на прощанье горничной. Она была отъ этого въ восторгѣ, тѣмъ болѣе, что не ожидала этого подарка; комоды и шкафы были, впрочемъ, такъ полны разныхъ разностей, что щедрость мнѣ ничего почти не стоила. Мадамъ Жиронакъ явилась на другой день къ завтраку съ своимъ мужемъ, который былъ радъ ме-

ня видѣть, и поспоривши, по обыкновенію, съ женою, увидѣлъ, говоря, что не хочетъ больше видѣть несносной спорщицы.

Мы принялись разбирать и сортировать вещи. Мадамъ Жиронакъ, знавшая имъ цѣну, оцѣнила кружева фунтовъ въ двѣсти по-крайней-мѣрѣ, а прочее, то-есть шелковыя матеріи, платья, и такъ далѣе, больше нежели во сто фунтовъ. Она предложила мнѣ постараться продать шелки и кружева, а платья, сказала она, можно сбыть одному человеку, который живетъ тѣмъ, что перебиваетъ подобныя вещи.

Между-тѣмъ пришелъ Ліонель. Онъ получилъ паспортъ и пришелъ проститься. Уходя, онъ сказалъ :

— Не умью вамъ сказать, какое питаю я къ вамъ чувство, мнѣ Валерія. Ласковость ваша, когда я считался слугою, и участіе, которое вы постоянно во мнѣ принимали, пробуждаютъ во мнѣ глубокую признательность, но я чувствую больше. Вы слишкомъ молоды, но я питаю къ вамъ сыновнее почтеніе, и если смѣю употребить это выраженіе, чувствую къ вамъ привязанность брата.

— Мнѣ очень лестно это слышать, отвѣчала я. Вы стоите теперь гораздо выше меня, и признательность за мои маленькія услуги дѣлаетъ честь вашему сердцу. Имѣете вы рекомендательныя письма въ Парижъ? Да нѣтъ, гдѣ вамъ было достать ихъ!

— Разуметсяя.

— Вы не знаете моей жизни, Ліонель. Я была очень близка съ одной знатной дамой въ Парижѣ, и хотя мы разстались не друзьями, однако же она писала мнѣ послѣ того очень ласково, и въ этомъ случаѣ, вѣроятно, не притворялась. Я дамъ вамъ къ ней рекомендательное письмо; только не осуждайте меня, если я обманусь въ ней вторично.

Я подошла къ столу и написала слѣдующее письмо :

Любезная мадамъ д'Альбрѣ!

«Это письмо вручить вамъ мистеръ Ліонель Демпстеръ, богатый Англичанинъ, мой добрый знакомый. Онъ ѣдетъ на житье въ Парижъ, гдѣ намърениъ пробытъ до своего совершеннолѣт'я. Я дала ему къ вамъ рекомендательное письмо по двумъ причинамъ : во-первыхъ, чтобы доказать вамъ, что хотя я и не могла принять вашего предложенія, однако же забыла все прошедшее; а во-вторыхъ потому, что

ваше общество принесеть ему пользы больше, нежели всякое другое въ Парижѣ.

«Ваша, и прочая

«*Валерія де-Шатонёфъ.*»

— Вотъ, Лионель, это можетъ вамъ пригодиться. Если же нѣтъ, такъ извѣстите меня. Надѣюсь, вы будете ко мнѣ писать?

— Да благословить васъ небо, мисъ Валерія! отвѣчалъ Лионель. Дай Богъ, чтобы мнѣ представился когда-нибудь случай доказать вамъ мою благодарность на дѣлѣ.

Онъ поцѣловалъ мнѣ руку, и слеза скатилась по его щекѣ, когда онъ выходилъ изъ комнаты.

— Премилый молодой человекъ, сказала мадамъ Жиронакъ, когда онъ заперъ за собою дверь.

— Вы правы. Дай Богъ ему всякаго успѣха. Я не думала, чтобы мнѣ пришло когда-нибудь желаніе писать къ мадамъ д'Альбрѣ, а вотъ написала же, ради него. — Это мосьё Жиронакъ стучить. Ну, что жъ у васъ будетъ: миръ или ссора?

— Сперва миръ, а потомъ ссора; это у насъ установленный порядокъ.

Вечеръ прошелъ очень весело, и мы рѣшили, что черезъ три дня я вернусь къ нимъ.

На слѣдующій день, въ назначенный часъ явился мистеръ Сельвингъ, и я вручила ему оловянный ящичекъ съ бумагами. Онъ сказалъ мнѣ, что видѣлъ мистрисъ Гринъ, которая вполне подтвердила все сказанное старымъ Робертсомъ и леди Р***, и что онъ написалъ къ мистеру Армиджеру Демпстеру, вступившему во владѣніе наследствомъ отца Лионеля.

Я попросила его сѣздить со мною въ банкъ, куда я желала положить бывшія у меня на лицо деньги, и взять оттуда брильянты леди Р**.

— Чего же лучше; — повѣдте сейчасъ, отвѣчалъ онъ. Экипажъ мой здѣсь. Только у меня есть еще другое дѣло, и я долженъ сдѣлать неучтивость, — попросить васъ послышать туалетомъ.

Черезъ часъ я положила деньги и получила брильянты.

Я сказала мистеру Сельвину, что намѣрена переехать къ мадамъ Жиронакъ, дала ему ея адресъ, и мы разстались.

Вечеру я раскрыла ящикъ съ брилльянтами; ихъ было много. Цѣнности ихъ я не могла опредѣлять, но видѣла, что они стоятъ не бездѣлицу. Потому я начала сборы къ переезду въ домъ мадамъ Жиронакъ, и когда она и мужъ ея прѣехали за мною, оказалось необходимо взять два экипажа для перевозки вещей. Въ третьемъ уехала я, взявши съ собою брилльянты. У мадамъ Жиронакъ мнѣ приготовили прекрасную комнату, и я свла за столъ счастливая сознаніемъ, что у меня есть *свой* уголокъ.

Мадамъ Жиронакъ хлопотала неутомимо: въ короткое время продала она отобранныя мною для продажи вещи, и вырученные за нихъ триста-десять фунтовъ я положила въ банкъ. Брильянтами распорядиться было труднѣе; знакомый мосьё Жиронака, занимавшійся когда-то торговлею этого рода, оцѣнилъ ихъ въ шесть-сотъ-тридцать фунтовъ. Послѣ многихъ попытокъ продать ихъ повыгоднѣе, я уступила ихъ за пять-сотъ-семдесятъ фунтовъ.

Мистеръ Сельвинъ приходилъ ко мнѣ раза два, и я получила завѣщанныя мнѣ деньги съ процентами. За вычетомъ судебныхъ издержекъ, мнѣ досталось четыреста-пятьдесятъ-осемь фунтовъ. И такъ у меня скопилось вотъ сколько наличности: двѣсти-тридцать фунтовъ прежней экономіи; триста-десять съ продажи гардероба; пять-сотъ-семдесятъ за брильянты и четыреста-пятьдесятъ-осемь, завѣщанныхъ леди Р**, — всего тысяча-пятьсотъ-шестьдесятъ-осемь фунтовъ. Кто могъ бы себѣ вообразить три мѣсяца тому назадъ, что я буду обладать такою суммою?

Мистеръ Сельвинъ, узнавши, какъ великъ капиталъ, которымъ я могу располагать, именно тысяча-пятьсотъ фунтовъ, потому что шесть-десятъ-осемь я оставила себѣ на разныя издержки, отдалъ его на проценты, по пяти въ годъ, подъ залогъ земли; и такимъ-образомъ бѣдная Валерія получила семьдесятъ-пять фунтовъ годового дохода.

Съ этой минуты я почувствовала незнакомое мнѣ до-тѣхъ-поръ спокойствіе. Я сдѣлалась независима. Я могла трудиться, если придетъ охота, но могла и не трудиться. Мосьё и мадамъ Жиронакъ, зная, что я могу и непременно хочу платить имъ за мое содержаніе, согласились получать отъ меня сорокъ фунтовъ въ годъ. О большей платѣ они и слышать не хотѣли.

Два званія сдѣлались для меня невыносимы: званіе гувернантки и модистки, и я благодарила небо, что избавлена отъ необходимости

избрать одно изъ нихъ. Въ первый мѣсяцъ моего пребыванія въ домъ мадамъ Жиронакъ, я не дѣлала ровно ничего, и только наслаждалась верогадною моею судьбою. Потомъ я начала совѣтоваться съ мосьё Жиронакомъ, и его мнѣніе было, что я должна стараться увеличить мое состояніе.

— Такъ чѣмъ же совѣтуете вы мнѣ заняться? спросила я.

— Давайте уроки пѣнія и музыки.

— А въ свободные часы дѣлайте восковые цвѣты, прибавила жена его. Вы дѣлаете ихъ такъ хорошо, что мнѣ всегда можно будетъ продавать ихъ за свои.

— Не хочу вамъ мѣшать, отвѣчала я. Это было бы съ моей стороны неблагоугодною.

— Пустяки! Покупателей станетъ на насъ обвѣихъ.

Я нашла этотъ совѣтъ благоразумнымъ и рѣшилась ему послѣдовать. Я не могла купить фортеціано, потому-что до полученія процентовъ оставалось еще пять мѣсяцевъ; а взяла инструментъ на прокатъ и играла по нѣскольку часовъ въ день.

По воскресеньямъ я ходила съ мадамъ Жиронакъ въ католическую капелль и, разумѣется, участвовала въ пѣніи. На третье воскресенье, когда я собиралась уже уйти, одинъ изъ священниковъ тронулъ меня за руку и попросилъ на пару словъ. Мы поини съ мадамъ Жиронакъ за нимъ, и онъ пригласилъ насъ съѣсть.

— Съ кѣмъ я имѣю честь говорить? спросилъ онъ меня.

— Мадмоазель де Шатонефъ.

— Я не знаю вашихъ обстоятельствъ, продолжалъ онъ, но фамилія ваша извѣстна во Франціи. Хорошее имя не всегда, однако же, обезпечиваетъ человека, и потому я смѣю надѣяться, что вы не оскорбитесь моимъ предложеніемъ. Пѣніе ваше всѣмъ очень понравилось, и мы просимъ васъ участвовать въ хорѣ, даромъ, если обстоятельства ваши хороши, или за деньги, если вамъ угодно.

— Обстоятельства мадмоазель де-Шатонефъ, къ-сожалѣнію, не слишкомъ хороши, сказала мадамъ Жиронакъ.

— Такъ я могу предложить хорошее жалованье: согласны ли вы?

— Я не прочь, отвѣчала я.

— Позвольте же мнѣ позвать директора капелли, сказалъ онъ, и вышелъ.

— Согласитесь, во всякомъ случаѣ, сказала мнѣ мадамъ Жиронакъ. Это доставить вамъ известность и уроки.

— Это правда; и кромѣ того, я люблю церковную музыку.

Слѣдующій возвратился съ директоромъ, который, сказавши, что съ удовольствіемъ слышалъ мое пѣніе, попросилъ спѣть ему соло, которое принесъ съ собою.

Я могла пѣть а prima vista и спѣла. Онъ остался доволенъ, и мы условились, что я буду приходить по субботамъ въ двѣнадцать часовъ спѣваться съ хоромъ. На слѣдующее воскресенье я пѣла соло. По окончаніи службы мнѣ вручили три гинеи и сказали, что буду получать эту сумму за каждый разъ. Голосъ мой понравился публикѣ, и когда сдѣлалось известно, что я дамъ уроки, то я получила приглашенія отъ многихъ католическихъ семей. Я получала по пяти шиллинговъ за часъ.

Другое занятіе доставили мнѣ мосье и мадамъ Жиронакъ. Онъ порекомендовалъ меня одному изъ овокъ учениковъ въ учительницѣ его сестрамъ и дочерямъ, а они своими покупателямъ. Я вскоре получила много уроковъ.

Между-тѣмъ я познакомилась и облизилась съ одной знакомой мадамъ Жиронакъ, дѣвицею Адель Шабо, дававшей уроки французскаго языка въ одномъ изъ модныхъ пансіоновъ въ Кенсингтонѣ. Черезъ нея получила я приглашеніе давать уроки нѣкоторымъ изъ воспитаницъ этого заведенія.

Мистеръ Сельвинъ, посѣщавшій меня у мадамъ Жиронакъ, принесъ мнѣ однажды извѣстіе, что законные повѣренные мистера Армиджера Демистера нашимъ доказательствамъ происхожденія Лионеля столь положительными, что тотчасъ же рѣшили передать ему наследство отца, съ тѣмъ однако же, чтобы онъ не требовалъ доходовъ за прошедшіе года, потому что бывшій владѣлецъ сдѣлалъ въ имѣніи значительныя улучшенія. Мистеръ Сельвинъ совѣтовалъ согласиться на это предложеніе, дававшее возможность избѣжать огласки исторіи леди Р** и воспитанія Лионеля. Лионель же писалъ, что онъ готовъ на всякое пожертвованіе, лишь бы не дѣлать шума. Дѣло было сложено, и Лионель получилъ имѣніе въ девять-сотъ фунтовъ годоваго дохода. Сельвинъ началъ потомъ спрашивать меня о моихъ обстоятельствахъ, и, благодаря навыку дѣлать допросы, узналъ, мало-по-малу, всю мою

истерію. Одного только я ему не сказала : что родные считают меня умрившою.

II.

Однажды онъ пришелъ съ женою, и они начали просить меня про- вести у нихъ нѣсколько дней въ загородномъ домѣ, въ Кью; я со- гласилась, и они захвали за мною, уѣзжая изъ города. Было лѣто, и я охотно оставила Лондонъ дня на два. Семейство Сельвина состо- яло изъ двухъ сыновей и трехъ дочерей; все они были пріятные лю- ди. Мистеръ Сельвинъ спросилъ меня, нашла ли я себѣ мѣсто? Я отвѣчала, что нѣтъ, но что я даю уроки музыки, ною въ канцеляр- и коплю деньги.

Онъ одобрилъ эти занятія, и прибавилъ, что надѣется доставить мнѣ уроки.

— Я не зналъ, сказалъ онъ, что вы поете. Позвольте же услы- шать вашъ голосъ, чтобы я могъ говорить о немъ другимъ.

Я пропала кое-что, — все осталось чрезвычайно довольны. Сель- винъ обращался со мною какъ отецъ, и выпыталъ у меня еще кое- что о моей прошедшей жизни. Онъ похвалилъ меня за то, что я рѣ- шилась сохранить самостоятельность и не ввѣрила судьбы своей овятъ леди М** или мадамъ д'Альбрѣ. Въ послѣдствіи времени я нѣсколько разъ бывала у нихъ въ городѣ на вечерахъ, и нѣкоторые изъ слы- шавшихъ тамъ мое пѣніе пригласили меня учить ихъ дочерей.

Черезъ полгода послѣ того, какъ я переехала къ мадамъ Жире- накъ, обстоятельства мои пришли въ цвѣтущее состояніе. У меня было двадцать-восемь ученицъ; десять изъ нихъ платили мнѣ по пя- ти шиллинговъ за урокъ, а восемь по семи, и брали по два уро- ка въ недѣлю. Кромѣ того я получала еще по три гинеи за пѣнье въ церкви, такъ что въ продолженіе зимы доходъ мой простирался до восемнадцати фунтовъ въ недѣлю. Должно впрочемъ замѣтить, что это стоило мнѣ большаго труда; наемъ экипажа обходился мнѣ въ два или три фунта въ недѣлю. Не прошло однако же и года, какъ я уже купила себѣ фортепьяно и отдала мистеру Сельвину двѣсти-пятьдесятъ фунтовъ экономіи. Когда подумаю, что было бы со мною безъ благо- дѣнія леди Р**, — когда всомню, какъ вытолкнула меня въ міръ мадамъ д'Альбрѣ, и какъ дождала я до возможности приобретать день-

ги собственными трудами, имея отъ роду не больше двадцати лѣтъ, — могу ли я быть неблагодарна? Да, я была благодарна, потому-что была счастлива, истинно счастлива. Веселость моя возвратилась. Съ каждымъ днемъ я здоровѣла и хорошѣла; по-крайней-мѣрѣ такъ говорили мнѣ всѣ, кромѣ мистера Сельвина. Такова была въ то время Валерія, мнимая утопленница!

Я забыла сказать, что недѣли три послѣ пріѣзда Лионеля въ Парижъ, я получила отъ мадамъ д'Альбрѣ письмо, въ которомъ она благодарила меня за его знакомство, доказывающее, по ея словамъ, что я совершенно забыла ея проступокъ. Она еще не теряла надежды увидѣть и обнять меня когда-нибудь. О Лионель она писала, что онъ очень милый, скромный молодой человекъ, вѣрно воротится на родину совершеннымъ джентльменомъ, и беретъ теперь уроки фехтованья, танцовъ и французскаго языка. Выучившись по французски, писала она, онъ намѣренъ заняться нѣмецкимъ и итальянскимъ языками. Мадамъ д'Альбрѣ помѣстила его въ хорошемъ французскомъ семействѣ, и онъ, повидимому очень счастливъ.

Прочитавши это письмо, я невольно вспомнила, какъ перемѣнился вдругъ Лионель Демпстеръ, вступивъ въ свои права. Изъ безстыднаго, говорливаго лакея онъ сдѣлался вдругъ скромнымъ, почтительнымъ, молчаливымъ молодымъ человекомъ. Что могло быть причиною такого превращенія? Не то ли, что, будучи слугою, онъ чувствовалъ себя выше своего состоянія, а потомъ, получивши имя и богатство, сознавалъ свою необразованность? Я вспомнила, какъ страстно желалъ онъ образоваться, и рѣшила, что дѣйствительно это и должно было быть причиною его измѣненія, въ которомъ я видѣла доказательство благородной, чувствительной души. Я была рада, что написала къ мадамъ д'Альбрѣ; я готова была встрѣтить ее съ прежнимъ чувствомъ дружбы; а почему? Потому что я была теперь независима. Зависимость дѣлала меня гордою и взыскательною. Я помирилась со свѣтомъ, получивши въ немъ какое-нибудь значеніе. О надежды, когда я, разговаривая съ мистеромъ Сельвиномъ о моей жизни, замѣтила, сколько должна была вытерпѣть, благодаря моей неопытности и доверчивости, и сказала, что сдѣлавшись теперь гораздо благоразумнѣе, я надѣюсь, что придетъ время, когда меня уже нельзя будетъ водить за носъ, онъ отвѣчалъ:

— Не говорите этого, мисъ Валерія. Кто бывалъ не разъ обма-

нуть, тотъ можетъ сказать, что онъ жилъ. Насъ обманываютъ когда мы полны надеждъ и огня молодости. Я старикъ; занятія доставили мнѣ возможность хорошо узнать людей, а это знаніе сдѣлало меня осторожнымъ и равнодушнымъ, — но это не увеличило моего счастья, хотя можетъ-быть и спасло мой кошелекъ. Нвтъ, нвтъ; дожить до того возраста, когда сердце, благодаря опытности многихъ лѣтъ, дѣлается сухо какъ черствый сухарь, — этого нельзя назвать счастьемъ. Лучше быть обманываему, и вѣрить снова. Я почти желаю, чтобы меня обманула теперь женщина или ложный другъ; мнѣ показалось бы, что я помолодѣлъ.

— Вы сами себя противорѣчите, замѣтила я. Отъ чего же выказали вы столько расположенія ко мнѣ, чужой, не имѣвшей никакого права на ваше вниманіе?

— Вы цѣните эту внимательность слишкомъ высоко, отвѣчалъ мистеръ Сельвинъ. Это доказываетъ только, что у васъ благодарное сердце. Я говорю объ отношеніяхъ моихъ къ свѣту. Вы забываете, что я семьянинъ, а для семейныхъ узъ сердце всегда остается свяжо. Безъ того мы превратились бы въ животныхъ. Свѣтъ сушитъ сердце, какъ зной солнца сушитъ растеніе; но въ тѣни семейной жизни оно свежее и разцвѣтаетъ снова.

Я сказала, что Адель Шабо доставила мнѣ уроки музыки въ женскомъ пансіонѣ въ Кенсингтонѣ. Этотъ пансіонъ былъ то, что называется высшимъ училищемъ, но, судя потому, что я узнала отъ Адель, онъ былъ ничѣмъ не лучше другихъ школъ. Впрочемъ, онъ имѣлъ репутацію, и этого было довольно.

Однажды содержательница его, мистрисъ Брадшау, извѣстила меня, что будетъ новая ученица, и когда она пріѣхала, я увидѣла передъ собою Каролину, мою бывшую подругу и воспитанницу у леди Батерстъ.

— Валерія! воскликнула она, бросаясь ко мнѣ на шею.

— Каролина! Кто бы могъ ожидать! Какъ вы сюда попали?

— Расскажу вамъ когда-нибудь, отвѣчала Каролина, не желая говорить о своемъ семействѣ въ присутствіи вошедшей съ нею классной дамы.

— Леди Батерстъ здорова? спросила я.

— Здорова.

— Намъ пора однако же приняться за дѣло. Мнѣ время дорого,

сказала я. Садитесь. Я послушаю, много ли вы утомили съ-тъхъ-поръ, какъ я съ вами разсталась.

Классная дама вышла изъ комнаты, и Каролина, съигравши нѣсколько пассажей, остановилась и сказала :

— Я не могу играть, не поговоривши прежде съ вами о своихъ дѣлахъ. Вы спрашиваете, какъ я сюда попала? По собственному желанію; я настояла на этомъ. Дома жить для меня стало невыносимо. У меня были сотни гувернантъ, но ни одна не могла снести своего униженія. Наконецъ мнѣ удалось ускользнуть въ пансіонъ. Я не должна бы говорить дурно о родителяхъ, но вамъ я обязана сказать правду, которой не сказала бы другимъ; такъ не сердитесь же на меня, Валерія.

— Жаль, жаль, Каролина. Судя по тому, что видѣла я, пробывши въ домѣ вашихъ родителей полчаса, вы рассказываете конечно истину.

— Не тяжело ли это, Валерія? спросила Каролина, поднося къ газзанъ платокъ. Я не ропщу, я только жалую, что родители мои не похожи на тѣтушку Батерстъ.

— Согласна, но въдѣ действительности не измѣнишь, и надо пользоваться ею, сколько можно. Вы должны претчать вашимъ родителямъ во мнѣ силу, и обращаться съ ними почтительно изъ чувства долга.

— Я всегда такъ и поступала, отвѣчала Каролина.

— Тѣтушку Батерстъ я видѣла рѣдко съ-тъхъ-поръ, какъ вы отвезли меня къ отцу; дѣло пошло бы на мировую, но тѣтушка узнала, что ее обвиняютъ въ томъ, что она дала мнѣ дурное воспитаніе, и это разсердило ее до такой степени, что они разошлись, кажется, навсегда. О, какъ мнѣ хотѣлось переохватить опять къ тѣтушкѣ! Однако же, Валерія, я не знаю, отъ чего вы ее оставили.

— Отъ того, что мнѣ нечего было у нея дѣлать послѣ вашего отъезда, а быть ей въ тягость я не хотѣла. Я предпочла зарабатывать деньги собственными трудами, и этой рѣшимости я обязана удовольствіемъ видѣть васъ снова.

Ахъ, Валерія, я полюбила васъ еще сильнѣе, когда мы разстались.

— Это всегда такъ бываетъ, отвѣчала я. — Попробуйте вотъ эту сонату. Говорить намъ будетъ еще время; мы будемъ видѣться два раза въ недѣлю.

Каролина съиграла обману, потомъ опустивъ руины и сказала:

— Знаете ли, какая мечта побудила меня, между-прочимъ, переселиться сюда? У насъ въ Гретна-Гринъ, я уверена, мнѣ никогда не найдется жениха. Если я найду джентльмена по моему вкусу, такъ уйду изъ пансіона, не въ Гретна-Гринъ, а прямо къ тѣтушкѣ Батерст. Хотите вы мнѣ помочь, Валерія? Это для меня единственное средство составить себѣ счастье.

— Прекрасное признаніе для семнадцатилѣтней дѣвушки! отвѣчала я. А вопросъ вашъ еще лучше, если подумать, что вы предлагаете его своей бывшей гувернанткѣ. Нѣтъ, вы не рассчитывайте на мою помощь, а лучше считайте все это, какъ сами выразились, мечтою, сномъ.

— Что же, сны иногда сбываются, возразила Каролина смѣясь. Мнѣ нуженъ только человекъ съ душою и именемъ. Денегъ, вы знаете, у меня довольно.

— Но люди съ душою и именемъ не ищутся вокругъ пансіоната, высматривая богатыхъ наследницъ.

— Знаю; потому-то я и просила васъ помочь мнѣ. Во всякомъ случаѣ, я до-тѣхъ-поръ не оставлю пансіона, пока не выйду замужъ, такъ бы пришлось прожить здѣсь до двадцати-пяти лѣтъ.

— Урокъ вашъ конченъ, Каролина. Подите, примлите ко мнѣ другую ученицу. Очередь за мисъ Грессъ.

Вечеръ послѣ того, я получила письмо отъ Леола, въ которомъ онъ извѣстилъ меня, что намѣренъ недѣлю на двѣ прѣхать въ Англию, и спрашивалъ, не еду-ли я ему какихъ порученій въ Парижъ. Кроме того онъ писалъ, что получилъ очень любезное письмо отъ дяди своего, баронета, который имѣлъ свиданіе съ мистеромъ Салливаномъ и призналъ его, Леола, своимъ племянникомъ. Это доставило мнѣ много удовольствія. Я отвѣчала, что буду рада его видѣть, но порученій не могу ему дать никакихъ, не имѣя никакихъ денегъ. На поклонъ мадамъ д'Альбрѣ, пересланный мнѣ въ письмѣ Леола, я отвѣтила тѣмъ же. Заработывая хлѣбъ собственными трудами, я чувствовала, что съ каждымъ днемъ измѣняюсь къ лучшему. Гордость моя угасла, или, другими словами, ее замѣнила гордость лучшаго свойства. Чувства мои къ мадамъ д'Альбрѣ, леди Батерст и леди М** измѣнились; я могла прощать имъ. Я уже не

видела оскорбленій тамъ, гдѣ ихъ можетъ-статься не было. Все являлось мнѣ въ розовомъ свѣтѣ.

— Знаете ли, Валерія, сказала мнѣ однажды мадамъ Жиромакъ, — познакомившись съ вами въ первый разъ, я никакъ не предполагала въ васъ столько ума. Мужъ мой и всѣ мужчины говорятъ, что вы далеко выше всехъ извѣстныхъ имъ женщинъ.

— Я была несчастлива, Аннетта, когда съ вами познакомилась. Теперь я счастлива, и потому весела.

— И, вѣроятно, ненавидите мужчинъ меньше прежнего.

— Я не ненавижу никого.

— Да, и выйдете скоро за мужъ. Припомните мои слова.

— А я вамъ говорю, что нѣтъ.

— *Non vengons.*

Каролинъ было неловко въ пансіонскихъ стѣнахъ и она очень желала выѣзжать со мною. Когда настали праздники, и ученицы разъѣхались по домамъ, я сказала объ этомъ мистрисъ Брамшау, и она, зная мои прежнія отношенія къ Каролинъ, отпустила ее со мною. Вскорѣ потомъ мистрисъ Брамшау получила приглашеніе провести три недѣли у своихъ знакомыхъ и я предложила оставить Каролину на остальное время праздниковъ у меня, на что и получила ся согласіе.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того какъ Каролина переселилась на временное жительство къ мадамъ Жиромакъ, пріѣхалъ Лиональ. Я никакъ не могла предполагать, чтобы можно было въ такое короткое время измениться до такой степени. Онъ привезъ мнѣ письмо отъ мадамъ д'Альбрѣ, въ которомъ она просила меня принять присланные черезъ него подарки, въ знакъ нашего полного примиренія. Подарки были прекрасные и дорогіе; первою мыслію моею было возвратить ихъ, но поговоривъ объ этомъ съ Лионалемъ, я отыгнула это намереніе. Когда Лиональ ушелъ, давши слово возвратиться къ обѣду, Каролина спросила, кто это такой. Я отвѣчала, что это мистеръ Лиональ Домистеръ, племянникъ леди Р**; но разговоръ былъ прерванъ приходомъ молодаго мистера Сальвина, явившагося пригласить меня къ отцу, въ Кью. Я отказалась, ссылаясь на присутствіе Каролины. Мистеръ Сальвинъ просидѣлъ у меня нѣсколько времени, и уходя спросилъ, не хочу ли я поѣхать на митингъ въ Horticultural Gardens. Онъ предложилъ мнѣ два билета, и я согласилась. Онъ прибавилъ,

что отецъ его заедетъ за мною, и что тамъ же будутъ мать его и сестры.

— Кто такой мистеръ Сельвинъ? спросила Каролина, когда онъ ушелъ.

Я сказала ей.

— Прекрасно, продолжала она. Сегодня я видѣла двухъ милыхъ молодыхъ людей. Не знаю, кто изъ нихъ лучше, но мистеръ Сельвинъ на видъ какъ-то мужественнѣе.

— Я тоже это нахожу, отвѣчала я. Мистеру Сельвину двадцать-четыре года, а мистеръ Демпстеръ, я думаю, моложе васъ.

— Мнѣ показался онъ старше. А не поведемъ ли мы, мисъ Валерія, въ National Gallery?

— Пожалуй, когда мосьё Жиронакъ придетъ проводить насъ. Надѣньте шляпки; онъ сію минуту воротится.

— О, какое счастье, Валерія, что я переехала къ мистрисъ Брайнау и встрѣтила васъ! — А вотъ и мосьё Жиронакъ.

Каролина ошиблась. То постучала Адель Шабо, о которой я уже говорила. Адель Шабо была очень хороша собой; настоящая Француженка, и одѣвалась съ большимъ вкусомъ. Она учила французскому языку у мистрисъ Брайнау. Ей было уже двадцать-пять лѣтъ, но ей нельзя было дать больше осьмнадцати. На видъ серьезная, она была очень рыва и весела. Я не видѣла въ ней ничего дурнаго, но все-таки думала, что Каролина, которую надо сдерживать, не извлечетъ особенной пользы изъ ея знакомства. Однако же, какъ это обыкновенно случается, чѣмъ больше старалась я отдалять ихъ другъ отъ друга, тѣмъ больше онъ сближались. Адель происходила изъ хорошей фамилии; отецъ ея былъ убитъ на Монмартрѣ, когда союзники вступали въ Парижъ послѣ ватерлооскаго сраженія. Семейство у него было большое, денегъ мало, и Адель поступила въ гувернантки сперва въ Парижъ, а потомъ сдѣлалась учительницей въ Консвантонѣ. Она очень хорошо говорила по-англійски.

— А я думала, что вы въ Брайтонѣ, сказала ей Каролина.

— Была вчера, а сегодня здѣсь; я пріѣхала къ вамъ обѣдать, отвѣчала Адель, снимая шляпъ и шляпку и приглаживая передъ зеркаломъ волосы. Мадамъ Жиронакъ дома?

— Нѣтъ, отвѣчала я, пошла давать уроки дѣлать цвѣты.

— Она какъ пчела, вьчно около цвѣтовъ. А мосьё Жиронакъ?

— Тоже пошелъ на урокъ.

— И онъ какъ ветеръ, вѣчно дуетъ, часъ на флейтъ, часъ на рожки, часъ на гобой; а воротится домой, — начинается буря съ женою, разувается à l'amiable. Знаете ли вы, Каролина, со мною случилось въ Брайтонъ приключеніе; какой-то молодой джентльменъ принялъ меня за васъ.

— Какъ это могло случиться? спросила Каролина.

— Онъ хотѣлъ узнать кто я, а я не хотѣла сказать. Онъ спрашивалъ у служанки дома, гдѣ я остановилась, и вѣроятно поддупилъ ее. На другой день она пришла попросить у меня мою визитную карточку, затѣмъ, говорить, чтобы хозяйка могла записать мое имя въ книгу безъ ошибки. Я знала, что хозяйка ее не присылала, потому что я сама записала въ книгу мое имя, по ея просьбѣ, три дня тому назадъ. Я догадалась, что имя мое нужно джентльмену, который вслѣдствіи меня преслѣдовалъ и отдала служанкѣ *вашу* карточку, которая случайно попала мнѣ подъ руку. На другой день, въ книжной лавкѣ, джентльменъ обратился ко мнѣ, называя меня вашимъ именемъ; я отвѣчала, что это не мое имя и просила его оставить разговоръ. Вчера, уѣзжая изъ Брайтона, я замѣтила, что служанка списываетъ адреса съ моихъ нѣкагулокъ и ящикковъ; а они были адресованы на ваше имя, къ мистрисъ Брайнау.

— Вы поступили очень неблагоуразумно, сказала я; вы можете сильно компрометировать Каролину. Мужчины любятъ болтать, и изъ этого могутъ выйти неприятности.

— Не бойтесь, Валерія. Я вела себя такъ скромно, что это никому не повредитъ.

— Я и не говорю ничего противъ этого, но все-таки вы должны согласиться, что поступили неблагоуразумно.

— Согласна, но вѣдь не всякая же такъ разсудительна, какъ вы. Во всякомъ случаѣ, встрѣтивши опять этого джентльмена, я могу распутать, что напутала; только врядъ ли это случится.

— А къ намъ, сказала Каролина, приходили двое молодыхъ людей, и одинъ изъ нихъ у насъ обѣдаетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? А я въ *demi-toilette*; но, дѣлать нечего, не могу же я вѣзть къ мистрисъ Брайнау переодѣться.

— Очень красивый молодой человекъ, не правда ли, Валерія?

— Да, и очень богатый.

— Это досадно, замѣтила Адель. Переодѣться я никакъ не успею.

— Полноте, сказала Каролина; вы знаете, что *demi-toilette* идетъ вамъ гораздо лучше вечерняго костюма. Не отрицайте этого.

— Я ничего не отрицаю и не утверждаю, отвѣчала, смѣясь, Адель, исключая того, что я женщина. Дѣлайте изъ этого какіе хотите выводы, — *ça m'est égal*.

Обѣдъ былъ очень веселый. Адель безпрестанно задавала Ліонеля, но напрасно. Онъ не обращалъ вниманія ни на кого, кромѣ меня. Между-прочимъ онъ шепнулъ мнѣ :

Мнѣ не странно сидѣть за столомъ съ другими, но возлѣ васъ я чувствую, что мнѣ какъ-то неловко. Старая привычка много значить; такъ я готовъ вскочить и переменить вамъ тарелку.

— Я очень рада, Ліонель, что вы заняли въ обществѣ мѣсто, принадлежащее вамъ по рожденію. Скоро вы будете сидѣть за столомъ съ лицами позначительнѣе Валеріи де-Шатоней.

— Но не съ тѣми, кого бы я уважалъ больше васъ, сказалъ онъ.

За обѣдомъ я сказала о приглашеніи мистера Сельвина и прибавила, что и мадамъ Жиронакъ, какъ любительница цвѣтовъ, не мѣшало бы поѣхать на митингъ.

— Нѣтъ, отвѣчала она, я останусь дома зарабатывать деньги.

— Madame! воскликнулъ мужъ ея, притворяясь разсерженнымъ и ударившимъ по столу кулакомъ, такъ что всѣ рюмки заплесали, — вы этого не сдѣлаете. Я не потерплю, чтобы вы вѣчно шли на-перекоръ моей волѣ. Вы не останетесь дома зарабатывать деньги. Вы поѣдете мотать ихъ. Да, сударыня, я требую повинновенія, — вы поѣдете, и я приглашаю мистера Ліонеля и мадамозель де-Шабо поѣхать съ нами и быть свидѣтелями, что я глава въ семействѣ. Молчите, сопротивленіе будетъ напрасно.

— Варваръ! возразила мадамъ Жиронакъ. Такъ я насильно должна ѣхать на праздникъ? Жестокій человекъ, вы терзаете меня! Но, дѣлать нечего, покоряюсь судьбѣ моей. Пожалуйте меня, друзья мои; вы не знаете, что это за чудовище.

— Я доволенъ вашимъ послушаніемъ, и позволяю вамъ поцѣловать меня.

Мадамъ Жиронакъ была въ восторгъ отъ мысли, что поѣдетъ на праздникъ, и осыпала мужа своего поцѣлуями. Адель и Ліонель приняли приглашеніе Жиронака, и дѣло было устроено.

Насталъ день праздника. Утро было прелестное. Мы были уже въ одѣты и карета Жиронака подана, когда прїѣхалъ въ своемъ экипажѣ мистеръ Сельвинъ. Я представила ему Каролину; она была превосходно одѣта и очень хороша собою. Мистеръ Сельвинъ говорилъ мнѣ когда-то, что онъ знакомъ съ леди Батерстъ; онъ очень былъ радъ познакомиться и съ Каролиной, но никакъ не могъ догадаться, какъ она очутилась здѣсь. При ней онъ, разумеется, объ этомъ не спрашивалъ.

При входѣ въ садъ мы встрѣтили молодого Сельвина, который ждалъ насъ, чтобы проводить къ матери и сестрамъ, прїѣхавшимъ сюда прямо изъ Кью. Черезъ полчаса подоспѣлъ и Жиронакъ съ женою, Аделью и Лионелемъ. Мистеръ Сельвинъ крепко пожалъ ему руку и представилъ его своему семейству; я же представила ему Жиронаковъ и Адель Шабо; она никогда не была такъ хороша, какъ въ этотъ день. Всѣ проходящіе на нее заглядывались. Мы стояли всѣ вмѣстѣ, какъ вдругъ между нами явилась леди Батерстъ.

— Каролина! воскликнула она. И вы здѣсь! прибавила она, обращаясь ко мнѣ.

Каролина бросилась ее цѣловать.

— Вы помните, тетушка, мистера Сельвина?

— Кажется, сказала леди Батерстъ, отвѣчая на его поклонъ. Эта встрѣча ужасно меня озадачила.

— Пойдемте со мною, тетушка, я все вамъ расскажу.

Онъ сѣлъ на скамьѣ въ нѣкоторомъ разстояніи и начали разговаривать. Черезъ нѣсколько минутъ леди Батерстъ встала и подошла къ намъ, держа Каролину подъ руку.

Сперва она поблагодарила мистера Сельвина за то, что онъ привезъ ея племянницу на праздникъ, а потомъ обратилась ко мнѣ, и подавая мнѣ руку, сказала не безъ волненія:

— Валерія! Надѣюсь, что мы съ вами друзья. Мы не поняли другъ друга.

Гнѣвъ мой уже давно прошелъ, и я пожала ея руку. Она отвела меня въ сторону и сказала:

— Я должна просить у васъ извиненія, Валерія, я не...

— Нѣтъ, нѣтъ, прервала я ее; я была слишкомъ горда.

— У васъ доброе сердце, Валерія; не будемъ же объ этомъ говорить. Познакомьте меня съ вашими.

Я представила ее. Леди Батерстъ была очень любезна со всѣми, но больше всѣхъ понравилась ей Адель Шабо, съ которой она и вступила въ разговоръ. Адель, конечно, нельзя было принять по наружности за учительницу французскаго языка. Въ ней было что-то аристократическое.

Въ это время какой-то хорошо одѣтый человекъ поклонился, какъ мнѣ показалось, леди Батерстъ, и прошелъ дальше. Адель Шабо покраснѣла, какъ-будто онъ ей знакомъ, но на поклонъ его не отвѣчала.

— Знаете вы, кто это такой, мадамъ Шабо? спросила Каролина. Мнѣ показалось, что онъ кланяется вамъ, а не тетюшкѣ.

— Я видѣла его когда-то, но не помню какъ его зовутъ, отвѣчала Адель довольно равнодушно.

— Я могу вамъ это сказать, сказала леди Батерстъ. Это полковникъ Джервисъ, человекъ очень образованный, но не въ моемъ вкусѣ; я не хочу сказать о немъ ничего дурнаго, а только онъ, говорить, ужь слишкомъ свѣтскій человекъ.

— Что, онъ хорошей фамиліи? спросила Адель.

— О да. Однако мнѣ пора; прощайте. Вонъ идутъ мои спутники. Каролина, я завду къ вамъ завтра въ три часа и мы устроимъ наши дѣла.

Леди Батерстъ простилась со всѣмъ обществомъ и сказала мнѣ: au revoir, Валерія.

Вскорѣ потомъ мы согласилась ѣхать домой. Мистеръ Сельвинъ долженъ былъ поспѣшить въ Кью, и я не хотѣла ѣхать въ его коляскѣ съ Каролиною въ Лондонъ; мы все усѣлись въ экипажъ Жиронака и уѣхали.

Я была очень рада встрѣчѣ и примиренію съ леди Батерстъ, за себя и за Каролину, которая хоть и говорила, что хочетъ писать къ тетюшкѣ, но безпрестанно откладывала исполненіе этого намѣренія по неизвѣстнымъ причинамъ. Случай свелъ ихъ теперь, и я надѣялась, что леди Батерстъ будетъ за нею присматривать.

Вечеромъ я замѣтила, что Адель и Каролина долго разговаривали въ полголоса. Я догадывалась, что предметомъ бесѣды былъ джентльменъ, появленіе котораго вызвало румянецъ на лицо Адели. Леди Батерстъ пріѣхала къ намъ на слѣдующій день и выслушала отъ меня и Каролины подробный разговоръ обо всемъ, случившемся съ

нами отъ-тѣхъ-дѣръ, какъ мы съ нею разстались. Она сказала, что такъ какъ Каролина отдана въ пансіонъ отцемъ, то она не имѣетъ никакого права взять ее оттуда, но будетъ посѣщать ее какъ можно чаще. Она поздравила меня съ независимымъ положеніемъ, сказала, что надѣется на продолженіе нашей дружбы, и просила посѣщать ее въ свободное время. Такъ какъ впереди было еще три недѣли праздниковъ, то она пригласила насъ погостить у нея на дачѣ, на берегу Темзы.

Родители Каролины жили въ это время въ Брайтонъ и задавали тамъ веселые пиры. Леди Батерстъ обѣщала прислать за нами на другой день экипажъ, и уѣхала.

На слѣдующій день мы отправились въ Ричмондъ и провели тамъ больше двухъ недѣль. Я была счастлива; я какъ будто вновь переживала прошедшее время, и мнѣ стало жаль, когда срокъ нашего пребыванія въ этомъ мѣстѣ кончился.

Не успѣли мы возвратиться изъ Ричмонда, какъ насъ съ Каролиной пригласили въ Кью дня на два или на три. Мы согласились, и были уже готовы къ отъѣзду, когда явилась Адель, и изъявила желаніе поговорить со мною наединѣ.

— Я знаю, Валерія, сказала она, когда мы вошли съ нею ко мнѣ въ комнату, вы считаете меня втрѣнную дѣвочкою, да можетъ-быть вы и правы; однако же оказывается, что я еще не такъ втрѣна, какъ сама о себѣ думала; теперь я въ критическомъ положеніи, и пришла просить у васъ совѣта, — совѣта противъ моихъ собственныхъ чувствъ, потому что, скажу вамъ откровенно, я ужасно влюблена, и кромѣ того сильно желаю избавиться отъ необходимости давать уроки. Мнѣ представляется случай, а воспользоваться имъ все еще какъ-то страшно, и вотъ я пришла къ вамъ, благоразумной и осторожной, въ полной увѣренности, что вы выслушаете мою исторію, и скажете мнѣ, какъ должна я, по вашему мнѣнію, поступить. Вы помните, я рассказывала вамъ, какъ преслѣдовалъ меня въ Брайтонѣ какой-то джентльменъ, и какъ я, шутки ради, выдала себя за Каролину Стенгопъ. Я не думала встрѣтить его когда-нибудь опять, но черезъ три дня по возвращеніи изъ Брайтона такъ встрѣтила. Служанка дома, въ которомъ я жила, очевидно доставила ему мой адресъ, онъ отправился вслѣдъ за мною, и подошелъ ко мнѣ, когда я шла домой. Онъ сказалъ мнѣ, что не могъ сомкнуть глазъ со времени

какой первой встрѣчи, и влюбленъ въ меня честнымъ образомъ. Я отвѣчала ему, что онъ ошибается, принимая меня за Каролину Стенгопъ; что меня зовутъ Адель Шабо, и что, зная это, онъ перемѣнить, вѣроятно, свои чувства. Онъ, разумеется, началъ это оспаривать, и попросилъ позволенія притти ко мнѣ; я отказала, и тѣмъ кончилось наше первое свиданіе.

Потомъ я не видѣла его до-тѣхъ-поръ, пока онъ не пришелъ мимо насъ въ саду, когда я разговаривала съ леди Батерстъ. Онъ сказалъ мнѣ, что служить въ арміи, но не назвалъ себя по имени. Вы помните, что говорила объ немъ леди Батерстъ. Съ-тѣхъ-поръ какъ вы уѣхали въ Ричмондъ, онъ каждый день старался гдѣ-нибудь меня видѣть и я должна сознаться, что я съ каждымъ днемъ находила все больше и больше удовольствія съ нимъ видѣться. Встрѣтившись съ нимъ въ первый разъ послѣ гулянья въ саду, я сказала, что онъ вѣроятно все еще считаетъ меня за Каролину Стенгопъ, тѣмъ болѣе, что видѣлъ меня съ ея теткой, но что я Адель Шабо, бѣдная дѣвушка, а не богатая наслѣдница. Онъ отвѣчалъ, что знакомство съ леди Батерстъ уже ручается за всякую женщину, и что онъ и не думалъ справляться о моемъ состояніи, потому что ищетъ моей руки, а не приданого. Съ-тѣхъ-поръ я видѣлась съ нимъ почти каждый день. Онъ сказалъ мнѣ свое имя и сдѣлалъ предложеніе, несотря на мои увѣренія, что я Адель Шабо, а не Каролина Стенгопъ. Знаю только одно: что я сильно къ нему привязалась, и если не выйду за него замужъ, такъ буду несчастна.

И она залилась слезами.

— О чемъ же печалиться, Адель? сказала я. Вы его любите, онъ вамъ предлагаетъ свою руку, — и мой советъ простъ: выходите за него.

— Да, отвѣчала Адель, если бы все было такъ, какъ кажется. Несмотря на его увѣренія, что онъ любитъ меня какъ Адель Шабо, я увѣрена, что онъ считаетъ меня за Каролину Стенгопъ. Можетъ-быть онъ вообразилъ себя, что я романтическая дѣвушка, которой непременно хочется, чтобы на ней женился *quelques uns de ses beaux yeux*, и потому скрываетъ, что она наслѣдница богатаго имѣнія. Вслѣдствіе этого онъ притворяется, можетъ-быть, что вѣритъ моей бѣдности. Вотъ въ этомъ-то и задача, Валерія. Если онъ женится и узнаетъ потомъ, что обманулся, не будетъ ли это ему досадно? не разлюбитъ

ли онъ меня? не будетъ ли онъ винить меня за собственную ошибку, какъ это часто случается? Это убьетъ меня, потому что я люблю его, люблю всею душою. Но можетъ-быть я и ошибаюсь; можетъ быть онъ дѣйствительно любить Адель Шабо, и если я ему откажу, такъ оттолкну отъ себя счастье, благодаря предубѣжденію. Что мнѣ дѣлать, Валерія? скажите.

— Тутъ многое зависитъ отъ его характера, Адель. Вы умѣете отчасти понимать людей; скажите же, какого вы о немъ мнѣнія?

— Не знаю. Мужчины умѣютъ притворяться, когда дѣло идетъ о любви. Они умѣютъ скрывать свои слабости, и выказывать доблести, которыхъ въ нихъ нѣтъ. При первой встрѣчѣ я сочла его за челоука гордаго, почти тщеславнаго; но потомъ, когда узнала его болыше, мнѣ показалось, что я ошиблась.

— Нѣтъ, Адель, повѣрьте мнѣ, вы не ошибались. Тогда вы не были ослѣплены, какъ теперь. Какъ вы думаете, доброе у него сердце?

— О, это вѣрно. Я замѣтила это еще въ Брайтонѣ: ребенокъ съ запачканными руками наткнулся, на бѣгу, прямо на него, и пальцы отпечатались на его бѣлыхъ панталонахъ, такъ что онъ принужденъ былъ уйти домой переодѣться. А между-тѣмъ, вмѣсто того, чтобы оттолкнуть ребенка, онъ удержалъ его отъ паденія, и сказалъ: «лучше пусть запачкается мое платье, нежели разобьется твоя голова».

— Да, это точно доказываетъ, что у него доброе сердце.

— Такъ какъ же вы думаете, Валерія?

— Я думаю, что вы сдѣлали съ вашей стороны все, чтобы разувѣрить его, если онъ ошибается. Болыше вы ничего не могли сдѣлать. Положимъ, что онъ все еще въ заблужденіи, и что досада будетъ слѣдствіемъ открытія истины. Если онъ самолюбивъ, онъ не дастъ свѣту замѣтить, что самъ себя обманулъ. Если у него доброе сердце, онъ не долго будетъ досадовать. Но, Адель, многое зависитъ и отъ васъ. Вы должны будете воздержаться отъ всякихъ жалобъ, и всѣми силами стараться примирить его съ разочарованіемъ. Если вы поведете дѣло умно, вамъ, вѣроятно, удастся; да, если у него не злое сердце, вамъ непременно удастся. Вы знаете себя лучше; рѣшайте же сами.

— Я чувствую, глубоко чувствую, что буду въ силахъ его утѣшить; я заставлю его любить меня, Валерія. Я рѣшилась.

— А когда женщина действительно на это рѣшается, то всегда успѣваетъ. Впрочемъ, вѣдь мы только предположили, что онъ обманывается; а можетъ—быть это и не такъ: васъ можно полюбить и безъ приданого. Сначала, можетъ—статься, онъ преслѣдовалъ васъ какъ богатую невѣсту, а потомъ увидѣлъ, что если вы и не богаты, такъ хороши собою, — и не могъ устоять. Тайны людскаго сердца известны только одному Богу. Вы вели себя честно, и никто не можетъ осудить васъ, если вы рѣшитесь испытать свое счастье.

— Благодарю васъ, Валерія. Вы сняли тяжелое бремя въ моей душѣ. Рискну.

— Дѣлайте, что хотите, Адель; надѣюсь, что вамъ удастся. Что касается до меня, такъ я и для перваго въ мѣръ мужчины не сдѣлаю лишняго шага. Какъ друзья, они всѣ хороши, какъ совѣтники, тоже иногда полезны; но выйти замужъ, — это дѣло совсѣмъ другое. Объ чемъ вы это такъ серьезно толковали въ углу съ Каролиной?

— Я скажу вамъ правду; мы говорили о любви и замужествѣ, да еще о мистерѣ Сельвинѣ, занявшемъ, кажется, почетное мѣсто въ мнѣніи Каролины.

— Мнѣ пора, однакоже, идти. Если вамъ опять понадобится мой совѣтъ, я къ вашимъ услугамъ.

На слѣдующій день Лионель пришелъ проститься передъ отъездомъ въ Парижъ. Покаместъ мы гостили у леди Батерстъ, онъ сѣздалъ повидаться съ дядей, который принялъ его очень ласково. Я написала къ мадамъ д'Альбрѣ письмо, въ которомъ благодарила ее за присланные подарки, и вручила Лионелю коробочку съ восковыми цвѣтами моей работы, которые просила ее принять на память отъ меня. Въ назначенный часъ пріѣхалъ экипажъ мистера Сельвина, и мы отправились въ Кью.

Сказанное мнѣ Аделью о разговорѣ ея съ Каролиной заставило меня дѣлать наблюденія, и во время пребыванія нашего у мистера Сельвина я убѣдилась, что Каролина и молодой Сельвинъ чувствуютъ другъ къ другу привязанность. Я не сдѣлала на это никакого замѣчанія, но думала о ихъ отношеніяхъ въ продолженіе обратнаго пути въ городъ.

Что касается до Каролины, я не знала, ободрятъ ли ея чувства или нѣтъ. Чарльзъ Сельвинъ былъ джентльменъ, человекъ красивый и даровитый. Всѣ члены его семейства были люди прекрасные, и

самъ онъ отличался сердечною добротою. Каролина, въ пансіонѣ, въ селѣ, не могла не соскучиться. Можно было, следовательно, предполагать, что она убѣжитъ при первомъ удобномъ случаѣ, — и будетъ несчастна! сдѣлается добычею какого-нибудь искателя приключеній или соединитъ судьбу свою съ какимъ-нибудь безпечнымъ юношей.

Не лучше ли всего было выйти за Сельвина? Конечно. Но отецъ и мать, мечтающіе только о графахъ и герцогахъ, разумѣется, не дадутъ своего согласія. Не сказать ли объ этомъ леди Батерстъ? Но она не захочетъ мѣшаться въ это дѣло. Сказать отцу мистера Сельвина? Нѣтъ. Свадьба не можетъ устроиться иначе, какъ посредствомъ похищенія, а старикъ на это не согласится. Я рѣшила предоставить это дѣло на волю судьбы. Я хотѣла занять Каролину и отклонить ее отъ болѣе важной ошибки. Она сидѣла въ такомъ же раздумьѣ, какъ и я, и мы не произнесли ни слова, пока насъ не пробудилъ стукъ колесъ о мостовую.

— Какъ вы задумались, Каролина, сказала я.

— А вы, Валерія?

— Я тоже думала. Разумѣется, если не съ кѣмъ разговаривать, такъ занимаешься собственными мыслями.

— А скажете вы, о чемъ вы думали?

— Да; съ тѣмъ условіемъ, чтобы и вы сказали.

— Хорошо.

— Я думала о молодомъ чловѣкѣ.

— Я тоже.

— Онъ очень хорошъ собою.

— Мой тоже.

— Но я не влюблена въ него.

— На это не знаю, что вамъ отвѣчать. Я не знаю, о комъ вы думали.

— Да вы говорите о своемъ. Я повторяю вамъ, что я въ него не влюблена; а думала я о Чарльзѣ Сельвинѣ.

— И я думала о немъ.

— И также въ него не влюблены? спросила я, глядя ей прямо въ глаза.

Она покраснѣла и отвѣчала :

— Мнѣ онъ очень нравится; но вспомните, что я съ нимъ знакома очень недавно.

— Благоразумный отвѣтъ. — Вотъ мы и дома. Мадамъ Жиронакъ кланется намъ въ окно.

На другой день Каролина возвратилась къ мистрисъ Брадшау, и я не видѣла ея до самой пятницы, когда пріѣхала дать ей урокъ. Каролина встрѣтила меня на порогѣ.

— О, Валерія, мнѣ надо поговорить съ вами о многомъ. Во-первыхъ, у насъ въ пансіонѣ ужасная тревога: Адель Шабо исчезла, неизвестно какъ и куда. Горничная рассказала, что нѣсколько разъ видѣла ее съ какимъ-то высокимъ молодымъ чело­вѣкомъ, и мистрисъ Брадшау думаетъ, что бѣгство Адели погубитъ добрую славу ея заведения. Она потребовала по-крайней-мѣрѣ двѣ отклянки о-де-колена, ле­жать на софѣ и заговаривается. Мисъ Финчъ думаетъ, что она не сомнѣе въ здоровомъ умѣ.

— Взрочно, отвѣчала я. И это все?

— Все! Бѣгство кажется вамъ пустяками! Все! Да развѣ это не ужасно?

— Я рада, что вы смотрите на эти вещи съ настоящей точки зрѣнія. Это ругается мнѣ, что вы не сдѣлаете того же.

— Я хотѣла еще сказать вамъ, что видѣла отца; онъ пріѣдетъ сюда въ октябрь изъ Брайтона. Онъ говоритъ, что пера устроить мою стѣбу, а въ пансіонѣ жениховъ ожидать нечего.

— Что вы ему отвѣчали?

— Что я и не желаю выйти за-мужъ; что воспитаніе мое еще далеко не кончено, и что я хочу учиться.

— Ну-те?

— На это онъ возразилъ, что не намѣренъ долѣе потворствовать моимъ прихотямъ, и что въ октябрь я должна буду исполнить его волю.

— Дальше.

— Дальше ничего. Я не отвѣчала, и онъ ухалъ.

Я ушла во внутренніе покои. Мистрисъ Брадшау бросилась мнѣ, на шею, заливаясь горькими слезами.

О, мадамозель де-Шатонёзъ! Какое несчастье! Это ужасно! Я не переживу этого!

— Что за несчастье, мистрисъ Брадшау! Адель говорила мнѣ, что одинъ джентльменъ предлагаетъ ей свою руку и спрашивала моего совета.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да.

— Это дѣло другое. Но зачѣмъ же оставила она мой домъ такъ странно?

— Женухъ, вѣроятно, намѣлъ неловкимъ взять жену изъ пансіона.

— Да, да; этого я не сообразила.

— И что жъ тутъ такого? Ваша учительница французскаго языка вышла замужъ, — надѣюсь, это не повредитъ доброй славы вашего заведенія?

— Конечно нѣтъ. Но эта новость была такъ неожиданна, что я рѣшительно потерялась. пойду, прилягу; это меня уснекоитъ.

Время шло. Только черезъ три недѣли получила я письмо отъ Адели, теперь мистрисъ Джервисъ. Но, прежде, нежели я сообщу вамъ его содержаніе, я должна сказать, что молодой мистеръ Сельвинъ пришелъ ко мнѣ наканунѣ отъезда Каролины въ пансіонъ, и имѣлъ съ ней длинное совѣщаніе, покажеться я уходила поговорить съ мадамъ Жиронакъ объ одномъ дѣлѣ. Черезъ нѣсколько дней онъ явился опять, повелъ сначала разговоръ о погодѣ, а потомъ началъ спрашивать о Каролинѣ. Я знала, чего ему хочется, и подробно описала ему ея положеніе. Я прибавила, что она дѣвушка добрая, и была бы хорошею женою достойнаго ея челоуька. Онъ согласился со мною, и ушелъ, думая, что выпыталъ у меня, что хотѣлъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ явился опять, по какому-то мнимому порученію отъ отца, и тутъ я извѣстила его, что въ октябрѣ Каролинѣ возьмутъ изъ пансіона. Это огорчило его, по видимому, но онъ не забылъ достать запечатанную тетратку нотъ, говоря, что Каролина забыла въ Кью двѣ пьесы и по ошибкѣ взяла вмѣсто нихъ другія, принадлежащія сестрѣ его, Мери. Одну изъ нихъ, прибавилъ онъ, отыскали, но другая гдѣ-то завалилась, и онъ доставитъ ее, какъ скоро она будетъ отыскана. Онъ просилъ меня передать эти ноты Каролинѣ, и попросить ее о доставкѣ нотъ его сестры.

— Извольте, отвѣчала я; это по моей части: я учу ее музыкѣ. Я привезу вамъ ноты вашей сестрицы, и вы зайдете за ними. Если меня не будетъ дома, вы можете получить ихъ отъ мадамъ Жиронакъ.

Онъ разсыпался въ благодарностяхъ и ушелъ.

III.

Теперь прочтемте письмо Адели.

«Любезная Валерія!

«Жребій брошенъ, и я должна разыграть трудную роль. Я рискнула многимъ, — счастьемъ всей моей будущей жизни. Расскажу вамъ все, что случилось со мною за это время. Вы, разумеется, знаете, когда исчезла я изъ пансіона. Я ушла съ Джервисомъ, и черезъ нѣсколько минутъ къ намъ присоединился пріятель его, котораго онъ представилъ мнѣ какъ майора Аргата. Мы пришли въ церковь, гдѣ насъ уже ждали.

«— Душа моя, сказалъ онъ мнѣ. Позволеніе у меня въ карманъ; священникъ насъ ждетъ, и все готово. Пріятель мой и другіе будутъ свидѣтелями. Вы сказали, что любите меня; докажите же, что вы говорите правду, и будьте моею женою.

«Я затрещала. Не могла говорить. Слова замирали у меня на губахъ. Я взглянула на него умоляющими глазами; но сопротивленіе мое было только формою приличія и я очутилась съ нимъ передъ алтаремъ. Отступленіе сдѣлалось невозможно; я была такъ взволнована, что залилась слезами. Не знаю, что подумалъ священникъ о моемъ поведеніи и нарядѣ, вовсе не подвѣнчномъ; но полковникъ вручилъ свой отпускъ товарищу, а тотъ передалъ его священнику. Наконецъ мы подошли къ алтарю; голова у меня кружилась; я почти не помнила, что говорила, но повторяла отвѣты, и сдѣлалась женою. Когда обрядъ кончился, я хотѣла встать съ колѣнъ, но упала, и была отведена полковникомъ въ соседнюю комнату. Черезъ нѣсколько времени онъ спросилъ меня, въ состояніи ли я вписать свое имя въ церковную книгу, и подаль мнѣ перо. Священникъ указалъ мнѣ въ книгѣ мѣсто, и я написала: «Адель Шабо». Я вспоминала, какое впечатлѣніе могла произвести эта надпись на моего мужа и склонила голову на руки.

«— Я velmi подѣтъ воды, сказалъ священникъ, выходя изъ комнаты. Кй дурно.

«Когда онъ удалился, я слышала, какъ полковникъ заговорилъ съ товарищемъ вполголоса. Вѣроятно они думали, что я не въ состояніи слышать, но разговоръ ихъ интересовалъ меня слишкомъ сильно.

«— Да, сказала полковникъ, она подписалась, но она не знаетъ, что дѣлаетъ. Повѣрьте мнѣ, это такъ, какъ я вамъ говорилъ.

«Я не слышала, что отвѣчалъ ему майоръ, но онъ продолжалъ :

«— Тамъ лучше ; бракъ выходитъ незаконный и я могу заставить ее родителей принять какія мнѣ угодно условія.

«Послѣ этого я уже не могла сомнѣваться. Онъ женился на мнѣ, въ увѣренности, что женился на Каролинѣ Стенгопъ, а не на Адели Шабѣ. Кровь похолодѣла у меня въ жилахъ ; я лишилась чувствъ и упала бы подъ стѣлъ, если бы они не успѣли поддержать меня. Я очнулась, когда принималъ священникъ съ водою. Мужъ шепнулъ мнѣ, что пора встать, и что экипажъ ждетъ насъ у дверей. Не помню, какъ вышла я изъ церкви ; я опомнилась уже въ экипажѣ и залилась слезами. Какъ странно, Валерія, что мы въ одно и то же время такъ храбры и такъ милодушны. Повѣрьте мнѣ, что когда я опомнилась, зная, что мужъ мой обманулся, когда я увидѣла, что дѣло идетъ о счастья всей моей будущей жизни, я порадовалась тому, что все уже кончено, и не захотѣла бы ни за что въ миръ быть снова свободной. Успокоившись несколько, я разсудила, что пора дѣйствовать. Я отерла слезы, улыбнулась, и сказала мужу, державшему меня за руку :

«— Я знаю, — я поступила глупо, необдуманно ; но я не устала опомниться.

«— Неужели вы думаете, что пылкость вашихъ чувствъ уменьшитъ мою любовь ? отвѣчалъ онъ. Ничъ, нѣтъ, вы мнѣ такъ дорожно, что принесла для меня жертву.

«Соборазите, Валерія, эти слова съ тѣмъ, что говорилъ онъ за четверть часа на счетъ моихъ родителей. Правое, я готова сказать, что въ человѣкѣ двѣ души, одна дурная, а другая хорошая, и что онъ вѣчно споритъ за правоту ; одна стоитъ за этотъ миръ, другая за будущій, и злая душа позволяетъ доброй имѣть на насъ власть, не только съ тѣмъ условіемъ, чтобы и она не была лишена его. Полковникъ, напримѣръ, я увѣрена, говоритъ правду и дѣйствительно любитъ меня, какъ Каролину Стенгопъ, которая доставитъ ему, кромѣ того, и мірскія выгоды ; и злая душа не заглохнетъ эти чувства, но мнѣшительно удовлетворено он желаній. Шербъ начнется, когда ясно можно увидѣть, что она обманулась въ словахъ священникъ, и вследствие этого знаетъ употребить побужде-

не добраго. Теперь онъ меня любить, и будетъ любить, если разочарованіе не выветъ изъ его сердца неглубокій корень привязанности. Я должна ограждать и беречь ее, пока она не укоренится. Я сделаю все, что можетъ сделать женщина.

— Куда мы ѣдемъ? спросила я.

— Милъ за двадцать отъ Лондона, отвѣчалъ онъ. А завтра вы можете располагать временемъ, какъ угодно.

— Мнѣ все равно гдѣ быть, лишь бы съ вами, отвѣчала я. Но не откажите мнѣ въ моей первой просьбѣ.

— Можете быть увѣрены, что не откажу.

— Возите меня куда угодно, только не воротитесь въ Лондонъ раньше трехъ мѣсяцевъ. Вы чувствуете, вѣроятно, что я имѣю на это причины.

— Извольте. Три мѣсяца мы будемъ жить другъ для друга.

— И не будемте говорить о будущемъ.

— Понимаю, и исполню ваше желаніе. Я даже не буду вести переговоры; ничто не должно васъ беспокоить или тревожить.

— На три мѣсяца, сказала я, протягивая ему руку.

— Да, отвѣчалъ онъ. Сказать вамъ правду, я и самъ имѣлъ это намѣреніе. Надо ковать желѣзо, покажестъ оно горячо, но чтобы употребить его въ дѣло, надо обождать, покажестъ оно не остынетъ. Вы понимаете меня, — довольно же объ этомъ.

— Мужъ мой сдержалъ до-сихъ-поръ свое слово. Теперь мы на комберландскихъ озерахъ. Въ цѣломъ мѣрѣ нѣтъ, кажется, мѣста благопріятнѣе для моихъ цѣлей. Покой и безмолвная красота этихъ водъ не можетъ не отражаться на душѣ, — а полковникъ конечно человекъ съ душою. Я употребляю всѣ усилія женщины, чтобы ему нравиться, и молю только Бога, чтобы мнѣ удалось утвердиться въ его сердцѣ прежде, нежели рушатся его мірскія надежды. Молитесь за меня, Валерія, молитесь за любящую васъ

«Адель».

Это не дурно, подумала я, но подождемъ развязки. Молитесь за васъ я буду, потому-что вы достойны счастья, и никто не можетъ быть очаровательнѣе васъ, если вы захотите. Что влечетъ женщину такъ сильно къ мужчинамъ? Конечно истинникъ, потому что разсудокъ

противъ этого. Что жъ, пусть буду я помогать другимъ дѣлать глупости, лишь бы сама ихъ не дѣлала.

Такъ думала я, прочитавши письмо Адели.

Черезъ пѣсколько дней молодой Сельвинъ извѣстилъ меня письмомъ, что отецъ его сдѣланъ младшимъ судьей, и что самъ онъ заведетъ ко мнѣ завтра.

— Да, за нотами отъ Каролины, подумала я. Она, разумеется, вручить ихъ мнѣ сегодня.

Догадка моя оправдалась. Каролина принесла мнѣ за урокомъ ноты и сказала :

— Вотъ ноты мисъ Сельвинъ, Валерія. Можно васъ просить передать ихъ при случаѣ? Все равно когда; онъ ей, я думаю, не очень нужны.

И Каролина покраснѣла, встрѣтившись со мною глазами. Я, что бы наказать ее, отвѣчала :

— Разумеется, не нужны. Я поѣду въ Кью недѣлю черезъ двѣ или три, и возьму ихъ тогда съ собою.

— Но мнѣ нужны мои ноты, возразила Каролина; а они остались въ Кью.

— Не здѣть же мнѣ по вашимъ порученіямъ къ молодымъ людямъ. Кстати: я получила сегодня отъ него письмо; отецъ его сдѣланъ судьей.

— Больше онъ ничего не писалъ? сказала Каролина равнодушно.

— Ахъ, я и забыла: онъ извѣстилъ, что заведетъ завтра ко мнѣ; такъ вотъ я и отдамъ ему ноты.

Лицо Каролины просіяло и она удалилась. Сельвинъ пріѣхалъ на другой день и я отдала ему ноты. Онъ извѣстилъ меня, что всѣ частныя и канцелярскія дѣла отца перешли къ нему, и спросилъ, можетъ ли онъ считать себя своимъ законнымъ повѣреннымъ.

— Разумеется, отвѣчала я; только дѣла учительницы музыки не много доставятъ вамъ выгодъ.

— За то много удовольствія, сказалъ онъ. У васъ, вѣроятно, есть въ экономіи деньги?

— Мало. Къ концу года наберется можетъ-быть фунтовъ пятьсотъ.

— Хорошо, что вы это сказали. Случай помянуть ихъ можетъ представиться раньше, и я объ этомъ позабочусь.

Онъ попросилъ позволенія прочесть записку Каролины, сказалъ, что постарается найти остальные ея ноты и завезетъ ихъ къ Жиронаку дни черезъ два, — и простился.

Вечеру получила я письмо отъ Лиееля. Онъ писалъ, что позанимался въ фехтовальномъ классѣ съ молодымъ офицеромъ, по имени Августомъ де-Шатонефъ, и сказалъ ему, что знаетъ въ Англіи одну Шатонефъ; офицеръ спросилъ его о мнѣхъ лѣтахъ, и получилъ надлежащій отвѣтъ.

— Странно, сказалъ офицеръ; у меня была сестра; полагаютъ, что она утонула, хотя тѣло ея не было отыскано. Знаете вы, какъ ея имя?

«Мнѣ пришло въ голову, продолжалъ въ своемъ письмѣ Лиеель, что сказать ему ваше имя будетъ, можетъ-быть, неблагоразумно, и я отвѣчалъ, что знакомые называли васъ, помнится, Аннетой, но что названное я этого не утверждаю.

«— Такъ это не она, сказалъ онъ; мою сестру звали Валеріей. Впрочемъ, можетъ-быть, она перемѣнила имя. Опишите мнѣ ея наружность.

«Я догадался, что дѣло идетъ о васъ, и вспомнилъ, что вы некогда не рассказывали о вашей прошедшей жизни. На этомъ основаніи я рѣшился отклонить его отъ слѣда, пока не сообщу вамъ нашей встрѣчи, и отвѣчалъ, что вы (извините) курносы, приземисты и толсты.

«— Такъ это кто-нибудь другой, отвѣчалъ офицеръ. Сердце у меня забилось, когда вы заговорили объ этой Шатонефъ; я очень любилъ сестру.

«Онъ рассказалъ мнѣ кое-что изъ вашей прошедшей жизни. Я воспользовался случаемъ, и спросилъ, жива ли ваша мать. Онъ отвѣчалъ, что и она и отецъ вашъ живы.

«Я не смѣлъ разсиранивать больше. Хорошо ли я поступилъ, или дурно?

«Если дурно, ошибку исправить легко. Братъ вашъ (это вѣрно онъ) очень мнѣ понравился. Онъ вовсе не похожъ на другихъ французскихъ офицеровъ; онъ очень учтивъ и уменъ. Вы не можете себѣ представить, сколько чувства высказалъ онъ, когда я заговорилъ объ немъ. Сообщу вамъ еще одно: онъ сказалъ, что отецъ вашъ ни разу даже не улыбался со времени вашей мнимой смерти».

Это письмо подѣйствовало на меня такъ сильно, что я принуждена была удалиться къ себѣ въ комнату, чтобы скрыть свое волненіе отъ мадамъ Жиронакъ. Долго плакала я горькими слезами.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ размышленія, я рѣшилась извѣстить о моемъ существованіи брата Августа и позволить ему сообщить втайнѣ это извѣстіе отцу. Я хотѣла, предварительно посоветоваться съ судьей Сельвиномъ. Я написала ему письмо, и просила извѣстить меня, когда могу его видѣть.

На другой день я получила отвѣтъ. Сельвинъ хотѣлъ захватить за мною и взять меня въ Кью, гдѣ я переночую, и на слѣдующее утро возвращусь домой. Дорогой я сказала ему, что хочу рассказать ему то, чего онъ не знаетъ еще изъ моей жизни, и попросить у него совѣта. Я рассказала ему все подробно до той минуты, когда бѣжала отъ мадамъ д'Альбре изъ казармъ. Остальное онъ знаетъ, и я дала ему прочесть письмо Ліонеля. Я объяснила ему мои желанія и опасенія, и просила сказать, какъ должна я поступить по его мнѣнію.

Странная исторія! сказалъ онъ. Вы можете, я думаю, извѣстить родныхъ о вашемъ существованіи. Ліонель когда возвратится?

— Мнѣ стоитъ только написать ему, такъ онъ и явится.

— Такъ попросите его пріѣхать съ вашимъ братомъ, и устройте съ нимъ дѣло. Мнѣ, право, хочется видѣть васъ замужемъ, а сына моего женатымъ; хочется сдѣлаться дѣдушкой.

— Что касается до моего замужства, на это плохая надежда.

— Есть много счастливыхъ супруговъ. Я напримѣръ: развѣ я тѣранъ въ своемъ семействѣ? Похожа жена моя на рабу?

— Да, есть много исключеній. Что касается до женитьбы вашего сына, то отчаяваться вамъ нечего, потому что, кажется, онъ очень скоро... но это секретъ, я не смѣю говорить.

— Я ничего не знаю, и едва ли онъ женится, не спросясь меня.

— Я думаю, женится; я по-крайней-мѣрѣ посоветую ему жениться безъ спросу; надо, чтобы дѣло стало извѣстно, когда уже нельзя будетъ его переменить. И повѣрьте мнѣ, вы останетесь довольны его выборомъ. Только не говорите объ этомъ ни слова, не то вы все разстроите.

Старый судья призадумался и потомъ сказалъ :

— Кажется, я васъ понялъ. Если это съ вашей стороны намекъ, какъ конечно я самъ думаю, что мнѣ не слѣдуетъ объ этомъ раз-

сравнивать, потому что мнѣ, по многимъ причинамъ, не хотѣлось бы-
латься соучастникомъ въ такой продѣлкѣ.

Мы пріѣхали въ Кью, гдѣ я провела очень пріятный день, и на
слѣдующее утро возвратилась съ Сельвиномъ въ городъ. Я написала
къ Ліонелю письмо, въ которомъ сообщила ему (подъ секретомъ) не-
обходимыя подробности и просила его продолжать знакомство съ ме-
нѣй братомъ, и уговорить его взать съ нимъ въ Англію, когда ему
издается сюда воротиться. Но Ліонель не долженъ былъ говорить
ему о томъ, что я ему сестра.

Молодой Сельвинъ пріѣхалъ ко мнѣ въ тотъ же день съ нотами
Каролины. Я ни слова не сказала, о томъ, что ноты эти могла бы-
тъ вручить его сестра: я была увѣрена, что содержаніе тетради
не просто музыкальное. Я передала ноты Каролинѣ, и замѣтивъ
черезъ нѣсколько дней, что она блѣдна и встревожена, попросила
разрешенія взять ее на день къ себѣ. Мистеръ Сельвинъ явился слу-
чайно черезъ нѣсколько минутъ послѣ нашего пріѣзда. но въ по-
слѣдніе два мѣсяца такіа случайности были не рѣдки.

Читатель видитъ, что я усердно помогала устроить это дѣло. Я
дѣлала это отчасти изъ благодарности къ старому Сельвину. Каролина
была прекрасная дѣвушка, достойная его сына, наследница богатаго
вѣнція; и притомъ послѣ брака она была обезпечена средствами са-
маго Сельвина. Я считала, что окажу этимъ услугу и ей и ему, и
потому не колебалась.

Въ послѣдній день сентября Каролина вышла изъ школы и отпра-
вилась со мною къ мадамъ Жиронакъ. Сельвинъ уже получалъ пись-
менное позволеніе жениться. Мы повѣхали въ церковь, обрядъ былъ
совершенъ, и Сельвинъ уѣхалъ съ женою къ отцу въ Кью. Старикъ
былъ уже приготовленъ къ этой новости, и принялъ ихъ ласково.
Мистрисъ Сельвинъ и сестры, любившія Каролину, послѣдовали его
примѣру. Все обошлось очень мирно и весело. По нѣкоторымъ при-
чинамъ я просила Сельвина не извѣщать покамѣстъ о своемъ бракѣ
родителей Каролины, и онъ обѣщалъ молчать.

Если для мистрисъ Брадшау потребовалось двѣ стклянки одеколона
въ случаю бѣгства Адели Шабо, то можете себѣ вообразить, сколь-
ко востребовано ихъ при вѣсти о бѣгствѣ богатой наследницы, пору-
ченной ей надзору.

Каролина не гостила въ это время у меня, и слѣдовательно я остава-

лась въ сторону. Никто не видалъ ее гуляющей съ молодымъ человекомъ, никто не замѣтилъ, чтобы она шла съ кѣмъ-нибудь поранижу. Я сказала мистрисъ Брэднау, что по всей вѣроятности она бѣжала къ теткѣ, леди Батеротъ. Мистрисъ Брэднау, ошешивая на этихъ словахъ, написала мистору Стенгопу, что дочь его убѣжала, вѣроятно, къ теткѣ. Мистръ Стенгопъ взбѣлся; онъ полетѣлъ прямо къ леди Батеротъ, которой уже давно не видалъ, и началъ требовать отъ нея дочь. Леди Батеротъ отвѣчала, что она ничего о ней не знаетъ; Стенгопъ ей не повѣрилъ, и они разстались, размыслившись крупными словами.

Черезъ нѣсколько дней полковникъ и Адель прѣехали въ городъ: условленные три мѣсяца уже миновались. Теперь я должна рассказать то, что узнала только черезъ нѣсколько дней, при свиданіи съ Аделью, узнавшей все это отъ полковника.

Прѣхавъ въ Лондонъ, полковникъ, все еще увѣренный, что женился на Каролинѣ Стенгопъ, а не на Адели Шабо, отправился, не говоря ни слова, въ Гросвеноръ-скверъ, къ мистору Стенгопу. Это было недѣли двѣ послѣ бѣгства Каролины. Онъ засталъ мистера Стенгопа и жену его въ гостиной. Стенгопъ, прочитавъ присланную напередъ визитную карточку, принялъ его съ страшною гордостью.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ. Васъ зовутъ, кажется, полковникъ Джервисъ?

Полковника зналъ цѣлый городъ, и не знать его значило, по его мнѣнію, самому быть человекомъ неизвѣстнымъ. Такой пріемъ поразилъ его.

— Меня зовутъ Джервисъ, отвѣчалъ онъ съ гордостью, а пришелъ я къ вамъ по дѣлу вашей дочери.

— Моей дочери?

— Дочери! воскликнула мистрисъ Стенгопъ. Ужъ не вы ли съ ней убѣжали?

— Я. Она жена моя, и кажется, этотъ союзъ не унижаетъ ее.

— Полковникъ! простой полковникъ! Хороша партія для моей дочери! воскликнула мистрисъ Стенгопъ. Съ ея состояніемъ она могла бы выйти за герцога. Не хочу ее видеть. Полковникъ! Небожь еще армейскій! Капитанишка какой-нибудь! Что жъ, ступайте, живите съ нею въ казармахъ, а мы вамъ не дадимъ ни пенса. Не такъ же, Стенгопъ?

— Ни волнолуцки, отравлять Стенгопъ торжественно. Идите.

Полковникъ, взбѣсившись такимъ образомъ, всталъ и сказалъ :

— Вы, я вижу, не знаете и понятія о томъ, какъ ведутъ себя порядочные люди; и если бы я зналъ, что вы родители такіе неважны, то ни за что въ мірѣ не согласился бы на ней жениться. Впрочемъ, я могу вамъ образумить: знайте, что я хотя и убѣждалъ съ вашимъ дочерью, но бракъ нашъ не действителенъ, потому что она обвѣнчана подъ чужимъ именемъ, и притомъ по еврѣйской волѣ, а не по моей. Приготовьтесь же принять ее, когда мнѣ вздумается прислать къ вамъ ее, и тогда досмотримъ, удастся ли вамъ выдать ее за герцога. Прощайте. Если вы захотите извиниться, — адресъ мой у васъ.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты; трудно сказать, кто изъ нихъ тронхъ былъ разсерженъ всахъ больше.

Полковникъ, искренно привязавшійся къ Адель, воротился домой очень не въ духъ. Онъ бросился на софу и сказалъ женѣ :

— Скажу вамъ откровенно: если бы я зналъ вашихъ родителей, я ни за что въ мірѣ не женился бы на васъ. Родство и состояніе играютъ, по моему, главную роль въ женитьбѣ, а такихъ животныхъ, какъ ваши родители, я отъ роду не видывалъ. Боже мой! Породились съ такимъ народомъ!

— Скажи пожалуйста, душа моя, о комъ и что ты говоришь? Мои родители! Отецъ мой убитъ на Монмартрѣ, а мать умерла еще прежде него.

— Такъ кто же вы? воскликнулъ полковникъ, вскочивъ съ своего мѣста. Развѣ вы не Каролина Стенгопъ?

— Благодаря Бога, нѣтъ. Я сто разъ говорила вамъ, что я Адель Шабэ. Родители мои были люди порядочные, фамилія моя известна во Франціи. Поѣздемте въ Парижъ, и вы увидите моихъ знакомыхъ и родныхъ. Я бѣдна, это правда; но революція разорила много богатыхъ людей, въ томъ числѣ и насъ. Мы бѣжали, но нигдѣмъ право возвратиться въ отечество. Что могло заставить васъ такъ упорно думать, что я дочь этихъ грубыхъ выскочекъ, обратившихся въ православицу и не принятыхъ ни въ какое общество, не смотря на ихъ богатство?

Полковникъ не зналъ, что и отвѣчать.

— Жалко, если это разочарованіе вамъ больно, продолжала Адель. Жалко, что я не богатая Каролина Стенгопъ; но, если я не доста-

вила вамъ богатства, такъ могу беречь то, что у васъ есть. Лишь бы вы не были лишены удовольствій, къ которымъ вы привыкли, а мнѣ все равно, какъ я живу. Я не требовательна, и не стану вынуждать у васъ издержекъ свыше силъ. Я буду жить для васъ, и если я вамъ въ тягость, пожалуй — умру.

Она заключила свою рѣчь слезами, потому что горячо любила своего мужа и чувствовала, что говорила.

Полковникъ не устоялъ противъ этихъ слезъ. Онъ обнялъ ее и сказалъ :

— Не плачьте, Адель. Я вѣрно вамъ и люблю васъ. Я радъ, что не женился на Каролинѣ Стенгонъ, — она вѣрно похожа на своихъ родителей. Я обманывалъ самъ себя, и мнѣ досталась, кажется, жена, какой я не стою. Я ни за что въ свѣтъ не хотѣлъ бы попасть въ родню къ этимъ людямъ. Мы поведемъ во Францію и вы познакомите меня съ вашими родными.

Адель одержала побѣду. Полковникъ почувствовалъ, что надъ нимъ будутъ смѣяться, если узнаютъ о его промахѣ, и рѣшился ѣхать во Францію и извѣстить оттуда черезъ газеты о своемъ бракѣ. Онъ могъ жить безбѣдно и даже роскошно, и рассудилъ, что прекрасную и любящую жену во всякомъ случаѣ слѣдуетъ предпочесть богатому вриданому. Адель повела дѣло такъ ловко, что полковникъ былъ счастливъ и доволенъ. Она сдержала свое слово : умѣла сберечь его деньги, и онъ благословлялъ часъ, въ который женился на ней по недоразумѣнью.

Мистръ и мистрисъ Стенгонъ были слишкомъ раздражены въ минуту ухода полковника и не могли взвесить его угрозы ; но потомъ рассудили, что дѣло ихъ плохо, если бракъ дочери не имѣетъ законной силы. Нѣсколько дней они молчали, но наконецъ рѣшились подумать о спасеніи чести дочери. Адель между-тѣмъ познакомила меня съ своимъ мужемъ и рассказала мнѣ обо всемъ случившемся. Они неужили ѣхать въ Парижъ, и я подумала, что рекомендательное письмо къ мадамъ д'Альбрѣ можетъ имъ очень пригодиться. Такъ и вышло : полковникъ былъ введенъ въ лучшее парижское общество, жена его была всеми обласкана. Когда Стенгонъ вздумалъ, наконецъ, придти на квартиру къ полковнику, ихъ уже не было, и никто не зналъ, куда они дѣвались. Стенгонъ и жена его стали въ тупикъ, — и теперь-то была пора явиться на сцену Сольвину. Я написала ему, чтобы онъ

приѣхалъ въ городъ; рассказала ему всю исторію Адели, посоветовала отправиться немедленно къ Стенгону и научила его, какъ съ нимъ дѣйствовать. Онъ послѣдовалъ моему совету, и, возвратившись назадъ, рассказалъ мнѣ о своемъ свиданіи въ слѣдующихъ словахъ:

— Я послалъ свою визитную карточку мистру и мистрисъ Стенгопъ, и они приняли меня почти также ласково, какъ полковника. Я не обратилъ на это вниманія, съелъ не дожидаясь приглашенія и сказалъ:

— Вы знаете мое имя; считаю нужнымъ сказать вамъ еще, что я адвокатъ, и что отецъ мой судья въ королевскомъ судѣ. Вы, вѣроятно, встрѣчали его въ обществѣ, хотя и не знакомы съ нимъ. Мы имѣемъ удовольствіе знать вашу сестру, леди Батерстъ.

Они сдѣлались немного привѣтливѣе: судья въ ихъ глазахъ былъ уже кое-что.

— Я пришелъ поговорить съ вами касательно вашей дочери.

— Такъ вы отъ полковника? спросила мистрисъ Стенгопъ.

— Нѣтъ, я съ нимъ не знакомъ.

— Такъ почему же вы знаете мою дочь?

— Я имѣлъ удовольствіе видѣть ее у моего отца. Она гостила у насъ въ Кью.

— Въ-самомъ-дѣлѣ! воскликнула мистрисъ Стенгопъ. Я этого не подозрѣвала. Вы знаете, что она составила несчастную партію.

— Я знаю, что она вышла замужъ, но, кажется, не несчастна.

— Вышла за полковника, который приходилъ сказать намъ, что этотъ бракъ все равно что не бракъ.

— Я именно затѣмъ и пришелъ, чтобы вывести васъ изъ заблужденія. Полковникъ слышалъ, что дочь ваша воспитывается у мистрисъ Брайнау, и вздумалъ похитить ее, предполагая обогатиться посредствомъ этого союза; но онъ немножко ошибся: вмѣсто вашей дочери похитилъ учительницу французскаго языка, у которой нѣтъ ни гроша за душою. Теперь онъ ухалъ въ Парижъ, желая избѣжать вслѣдствіе публички.

Это извѣстіе развеселило мистра и мистрисъ Стенгопъ. Когда они успокоились, мистрисъ Стенгопъ сказала:

— Но вы говорите, что дочь моя вышла замужъ. За кого же?

— Дочь ваша была влюблена въ то время, когда полковникъ увезъ

свою теперешнюю жену, и хотѣла вамъ въ томъ признаться, предположала, что вы не откажете ей въ позволеніи выйти замужъ. Шелла съ бѣготы полковника, когда принесся слухъ, что она увезъ ее, положеііе ея сдѣлалось очень холодно, тѣмъ болѣе, что многіе утверждали, будто-бы бракъ ея не имѣетъ законной силы. Посоветовавшись съ избраннѣйшгъ своего сѣзда, она рѣшила такъ: если мисъ Стенгопъ возвратится послѣ этихъ слуховъ въ домъ своихъ родителей, скажутъ, что полковникъ, обманувшій въ своемъ ожиданіи, возвратилъ ее, родителямъ, и тогда уже никакой бракъ не смѣетъ пугать ее ея имени. Лучшее всего было бѣжать въ свою очередь; этотъ можно было доказать, что съ полковникомъ бѣжала другая. Мисъ Стенгопъ была, какъ слѣдуетъ, обвинена при почтенныхъ свидѣтеляхъ, и немедленно привезена мужемъ въ домъ его отца, который одобрилъ одланное, и теперь злая молва не коснется ни мисъ Стенгопъ, ни ея достойныхъ родителей.

— Скажите же, за кого она вышла?

— За меня. Дочь ваша теперь въ домъ судьи Сальвина, куда она прѣехала прямо изъ подъ вѣнца, и живетъ съ моею матерью и сестрами. Отецъ хотѣлъ самъ прѣхать къ вамъ для объясненія, но онъ ужасно занятъ. Онъ вмѣнилъ бы себя въ особенное удовольствіе имѣть мистера Стенгопа у себя, въ городѣ или на дачѣ. Позвольте, мистрисъ Стенгопъ, поцеловать вашу ручку.

— Каролина могла сдѣлать и хуже, сказала мистрисъ Стенгопъ, обращаясь къ мужу. Мистеръ Сальвинъ можетъ быть самъ судьей и даже лордомъ-канцлеромъ. Мы рады васъ видѣть, мистръ Сальвинъ; мужъ мой завдетъ по дорогѣ къ вашему отцу. — А полковникъ-то, подковникъ! Подцѣпиль учительницу! ха, ха, ха!

Смѣхъ ея сообщился и мистру Стенгопу, ласково протянувшему къ руку.

— Поздравляю васъ, сказалъ онъ. Вы спасли честь моей дочери, и — прибавилъ онъ, обращаясь къ жонѣ, — мы должны что-нибудь для нихъ сдѣлать.

— Надѣюсь, вы простите Каролину.

— Разумѣется, подхватила мистрисъ Стенгопъ. Приведите ее къ намъ, когда угодно. — А полковникъ, полковникъ! Увезъ учительницу! ха, ха, ха!

Тѣмъ-то кончилась эта сцена. Если бы Стенгопы не были запуганы сво-

види толкованна о незаконности его брака, и не были потому обрадованы его ошибкой, да не обвенчались бы, можетъ-статья, такъ мирно. Мнѣ остается только признать, что мистръ Стенгепъ, во всемъ поведеніи поведеніи своей супругъ, являлся изъ судьи Сомлингу, и свиданіе ихъ было самое дружеское. Когда судья объявилъ ему, что слытъ его имѣть достаточное состояніе, онъ одаломилъ вдаруть отъ щедръ и опредѣлить дочери двѣ тысячи фунтовъ въ годъ при своей жизни, и еще больше по смерти. Мать приняла Каролинну отъ ласково. Судья сказалъ мнѣ, что знаетъ, какую роль играла я въ этомъ дѣлѣ, и пожалъ мнѣ руку.

Мадамъ Жиронакъ, узнавши, какое дѣятельное участіе принимала я въ устройствѣ этихъ двухъ браковъ, сказала мнѣ :

— Вы начинаете съ того, Валерія, что жените другихъ. Кончитъ-ся тѣмъ, что вы найдете мужа и себя.

— Это совсемъ другое дѣло, отвѣчала я. Помогать другимъ я готова, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я и для себя искала того, чего вовсе не желаю.

— Предсказываю вамъ, Валерія, что вы выйдете замужъ раньше года. Припомните мои слова.

— Хорошо, посмотримъ, чья будетъ правда.

Настало спокойное время, продолжавшееся всю зиму. Я занималась своими уроками. Учениковъ у меня было много и я копила деньги. На весну я ждала въ Англію Лיוнея и брата Огюста. Я ждала его съ большимъ нетерпѣніемъ; думала о немъ каждый день. Мнѣ ужасно хотѣлось узнать что-нибудь родныхъ. Мадамъ д'Альбрѣ и Аделъ писали мнѣ много писемъ; посланія Адели были чрезвычайно забавны. Леди Батерстъ завязала ко мнѣ нѣсколько разъ. Я была въ мнѣ со всеми и сама съ собою. Наконецъ я получила письмо отъ Лיוнея, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что черезъ нѣсколько дней будетъ въ Англіи, и насилу уговорилъ ѣхать съ нимъ моего брата, который не могъ совершить этой поездки на свои собственные деньги, а не хотѣлъ быть обязанъ другому. Наконецъ однажды онъ согласился.

— Такъ я увижу тебя опять, мой Оттоеть! подумала я, и вспомнила о томъ времени, когда мы жили съ нимъ у бабушки. Бѣдная бабушка! какъ я ее любила, и какъ стояла она этой любви! — Я подумала, тѣмъ была бы я, если бы осталась при ней, и наслаждалась

ея небольшое состояніе? Разсудивши я увидѣла, что теперь мнѣ лучше, и что, слѣдовательно, все къ лучшему. А на-счетъ будущаго я рѣшила, что никогда не выйду замужъ.

Мысли мои прервалъ какой-то незнакомый господинъ, приведшій къ Жиронаку. Я сказала ему, что Жиронака нѣтъ дома, и что онъ возвратится, вѣроятно, черезъ полчаса.

— Позвольте же мнѣ его дожидаться, сказалъ незнакомецъ. Я, впрочемъ, не хочу отнимать у васъ времени; велите проводить меня въ другую комнату, если вы заняты.

Я просила его съѣсть. Это былъ Французъ. Онъ хорошо говорилъ по-англійски, но скоро узналъ, что я ему соотечественница, и разговоръ нашъ продолжался по-французски. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ графъ де-Шаваннъ. Я должна описать вамъ его наружность: росту небольшого, но хорошо сложенъ; черты лица довольно изящными, но красивыя. Женственное выраженіе его уничтожали усы, мягкіе и вьющіеся. Обращеніе особенно пріятное, разговоръ живой и умный. Онъ мнѣ понравился въ эти полчаса. Жиронакъ прервалъ нашъ *tête-à-tête*; кончивши дѣло (объ изданіи какой-то пьесы для флейты), графъ ушелъ.

— Вотъ кого выбралъ бы я вамъ въ мужья, сказалъ мнѣ Жиронакъ. Не правда ли, очень любезный человекъ?

— Да. Кто онъ?

— Исторію его разсказать не долго, отвѣчалъ Жиронакъ. Отецъ его эмигрировалъ съ Бурбонами, но не сдѣлался ни музыкантомъ, ни учителемъ французскаго языка. У него осталось немного денегъ, и онъ пустился въ торговлю. Онъ ѣздилъ въ Америку, Гаванну и Вестъ-Индію; перелетѣвши черезъ Атлантическій океанъ разъ двадцать въ продолженіе послѣдней войны, онъ нажилъ до 40,000 фунтовъ. Во время реставраціи онъ возвратился въ Парижъ и принялъ свое прежнее титуло, оставленное имъ въ торговлѣ. Людовикъ XVIII принялъ его очень милостиво и сдѣлалъ кавалеромъ ордена Почетнаго Легіона. Онъ возвратился сюда для окончанія своихъ дѣлъ и умеръ скоропостижно, оставивъ сына, котораго вы сейчасъ видите. Это его единственный наследникъ; онъ одинъ какъ верстъ на свѣтѣ и получилъ большое состояніе. Во время кончины отца, онъ былъ еще въ училищѣ. Теперь ему двадцать-четыре года, и онъ уже три года какъ владѣетъ своимъ капиталомъ, находящимся въ англійскомъ банкѣ. Англія нравится ему, кажется, больше Франціи; бол-

ную часть жизни онъ проводитъ въ Лондонѣ. Онъ человѣкъ съ большими дарованіями; хорошій музыкантъ и даже композиторъ; вообще прекрасный молодой человѣкъ, подъ пару мадамозель де-Шатонефъ. Вотъ вамъ его исторія; остается сыграть свадьбу.

— Это действительно еще *остается*, и — останется.

Mais, que voulez-vous, mademoiselle? воскликнулъ Жиронакъ. Кого-же вамъ еще надо?

— Я согласна, что графъ очень любезный человѣкъ. Развѣ этого мало? А вы хотите меня выдать за человѣка, котораго я видѣла всего только полчаса. Благоразумно ли это?

— Онъ богатъ, знатенъ, даровитъ, красивъ, образованъ; вы сами говорите, что онъ вамъ нравится. Чего же вамъ еще?

— Онъ не влюбленъ въ меня; а я не влюблена въ него.

— Вы дитя; и я не хочу терять напрасно труда отыскивать вамъ мужа. Умрите старой дьвой.

И онъ вышелъ, притворяясь разсерженнымъ.

Нѣсколько дней спустя явился Ліонель. Сердце мое сильно забилось.

— Онъ здѣсь, сказалъ онъ, отвѣчая мнѣ на непроизнесенный еще вопросъ. Я пришелъ спросить, когда намъ пріѣхать, и сказать ли ему что-нибудь, прежде нежели онъ явится?

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите ему ничего, пусть сейчасъ пріѣдетъ; — скоро вы воротитесь?

— Черезъ полчаса. Я остановился на моей старой квартирѣ въ Суффолькъ-стритъ. До свиданья.

Онъ удался. Жиронаковъ не было дома, и они должны были возвратиться не раньше какъ часа черезъ два. Полчаса показались мнѣ цѣлою вѣчностью; наконецъ раздался стукъ въ двери. Ліонель вошелъ съ братомъ Огюстомъ, который очень выросъ и похорошелъ.

— Мадамъ Жиронакъ нѣтъ дома? спросилъ Ліонель.

— Нѣтъ.

— Позвольте представить вамъ Огюста де Шатонефа, лейтенанта въ службѣ его величества короля французскаго.

Августъ поклонился, посмотрѣвъ на меня пристально, — и изумленіе выразилось у него на лицѣ.

— Извините меня, проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ, но вы должны быть Валерія.

— Да, Огюсть, я Валерія! воскликнула я, бросаюсь къ нему въ объятія.

Мы сын и заплакали. Лионель тоже не могъ удержаться отъ слезъ.

— Затемъ вы скрывали это отъ меня, Лионель? сказалъ онъ черезъ нѣсколько времени.

— Я исполнялъ волю вашей сестры, отвѣчалъ Лионель. Теперь я оставляю васъ наединѣ; вамъ есть много чего поразсказать другъ другу. Къ обѣду я возвращусь.

Онъ ушелъ. Я разсказала брату вкратцѣ свою исторію, и обѣщала сообщить ему подробности послѣ. На вопросъ мой о нашемъ семействѣ, онъ отвѣчалъ:

— Никто не подозрѣвалъ, чтобы тебя окрыла у себя мадамъ д'Альбрѣ. Она была, какъ тебѣ известно, въ казармахъ до самаго отъѣзда моего отца, и говорила, что ты вѣроятно лишился себя жизни. Отецъ раза четыре въ день ходилъ въ Morgue узнать, не нашли ли твоего тѣла. Онъ сдѣлался такъ печаленъ, что многіе боялись, какъ бы онъ не лишился себя жизни. Отецъ теперь въ отставку, ты знаешь?

— Оттуда мнѣ это знать!

— Да. Прибывши съ полкомъ въ Лионъ, онъ подалъ въ отставку, и живетъ съ-тѣхъ-поръ въ По, въ южной Франціи.

— Бѣдный отецъ мой! сказалъ я, заплакавъ.

— Я, какъ ты знаешь, получилъ позволеніе выйти изъ полка, и служу съ-тѣхъ-поръ въ 51-мъ линейномъ. Я получилъ чинъ лейтенанта. Отца я видѣлъ только разъ съ-тѣхъ-поръ, какъ мы разстались съ нимъ въ Парижѣ. Онъ очень перемѣнился и посѣдѣлъ.

— Хорошо ему въ По?

— Да. Я думаю, онъ хорошо сдѣлалъ, что поселился на одномъ мѣстѣ. Бѣдить съ такою кучею дѣтей разорительно. Онъ, кажется, только и можетъ быть счастливъ, когда узнаетъ что ты жива; это прибавитъ ему десять лѣтъ жизни.

— Онъ это узнаетъ, сказала я сквозь слезы. Я поступила какъ эгоистка, согласившись на предложеніе мадамъ д'Альбрѣ; но въ то время я сама не знала, что дѣлала.

— Твоей поступокъ былъ очень не естественъ, и тебя за это осуждаютъ.

— Расскажи же мнѣ, что Николай? Онъ не любилъ меня, но Богъ съ нимъ. Что онъ?

— Оставилъ отцовскій домъ.

— Онъ?

— Ты знаешь, какъ любила его матушка. Вдругъ, въ одно прекрасное утро онъ объявилъ, что намърениъ вхать въ Италію съ какими-то пріятелемъ, Неаполитанцемъ. Матушка разсердилась, но онъ събылся.

— Не знаешь ли, что съ нимъ случилось послѣ?

— Знаю. Онъ писалъ мнѣ, что управляетъ оркестромъ въ какомъ-то городѣ. Но матери онъ не написалъ ни строчки.

— И вотъ его благодарность за ея любовь! Скажи же, что Клара?

— Вышла замужъ и живетъ въ Турѣ. Мужъ ея служить не знаю гдѣ-то.

— А Софья и Элиза?

— Здоровы и хорошьютъ. Но все не то, что ты, Валерія.

— А Пьерръ, котораго я щипала, чтобы меня услали съ нимъ гулять?

— Славный мальчикъ.

Однако расскажи ты мнѣ теперь о себѣ.

— Хорошо, — но вотъ стучится Лионель. Въ другой разъ физ-скажу.

IV.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ Лионеля явились Жиронакъ и жена его, и время до обѣда прошло въ восклицаніяхъ и поздравленіяхъ, замечательныхъ живостью національнаго характера, отъ которой хомеза моя не отвыкла во время своего долгаго пребыванія въ дѣловой столицѣ Англіи. Къ-счастью они знали почти всю исторію моей жизни, такъ что мнѣ пришлось объяснять имъ немногое.

Обѣдъ не ждеть никого; и въ продолженіе моей полной приключеній жизни я замѣтила, что ни горе, ни радость не дѣлають людей глухими объденному звонку. Въ то самое время, какъ мадамъ Жироникъ распространялась объ удовольствіи видѣть у себя брата *de cette chère Valérie*, да еще къ тому же *si bel homme et brave officier, et d'une ressemblance si parfaite avec sa charmante sceur*, доложили, что

обѣдъ подавъ, и петокъ гостепріимнаго краснорѣчія ея вдругъ прекратился. Мосё Жиронакъ объявилъ, что все мы умираемъ съ голоду, и что лучше замолчать и подумать de quoi soutenir l'épuisement d'émotions si déchirantes.

Жена его засмѣялась, сказала, что онъ un barbare, un malheureux sans grandeur d'âme, и повела Августа въ столовую; она была au comble du désespoir, что обѣдъ сегодня самый плохой, но это не помѣшало намъ найти его прекраснымъ. Когда подали кофе, явился, къ моему удивленію, де-Шаваннь.

Жиронакъ поглядывалъ на меня такъ лукаво, что я догадалась, что приходъ графа для него не неожиданность. Графъ прежде никогда не бывалъ у него по вечерамъ.

Я смутилась при его появленіи, и это не ускользнуло отъ его вниманія, какъ узнала я послѣ; однакожь онъ, какъ человекъ образованный, не далъ этого замѣтить. Раздраженная нѣсколькими улыбками Жиронака, я призвала себѣ на помощь гордость и, конечно, вовсе не способствовала веселости вечера.

Невозможно было вести себя лучше Шаванна, надо отдать ему справедливость. Я невольно сравнивала его съ другими. Узнавши о приѣздѣ брата, котораго я не видала нѣсколько лѣтъ, онъ не удалился тотчасъ же, какъ сдѣлалъ бы другой, и не разсыпался въ пустыя поздравленія по случаю событія слишкомъ важнаго для фразъ. Онъ не преслѣдовалъ меня вниманіемъ, которое было бы для меня тягостно въ эти минуты, но выказалъ особенное желаніе сблизиться съ Огюстомъ. Онъ обращался съ нимъ съ отличнымъ уваженіемъ, хотя и былъ старше его чиномъ. Разговоръ его былъ живъ и уменъ, и не лишенъ теплаго чувства. Въ бесѣдѣ его было что-то привлекательное, и ему удалось, — не знаю, съ умысломъ или нѣтъ, — отвлечь вниманіе общества отъ моего дурнаго расположенія духа.

Между-прочимъ я помню, что предложивъ Огюсту свои услуги, и попросивъ его пользоваться его верховыми лошадьми и кабриолетомъ, онъ сказалъ, что мосё де-Шатонефъ не долженъ видѣть въ этомъ предложеніи ничего неумѣстнаго, потому что фамиліи наши, вѣроятно, состоятъ въ родствѣ, и онъ приходится ему какимъ-нибудь кузеномъ. Одинъ изъ де-Шаванновъ въ старые годы породнился посредствомъ брака съ Шатонефами въ Гасконьи, когда родины ихъ стояли съ Плянтагонетами противъ французскихъ королей дома Валуа.

.. Не смотря на то, что я никакъ не могла освободиться отъ мысли, что Жиронаки стараются пробудить во мнѣ и въ графѣ взаимную любовь, этотъ вечеръ оставилъ во мнѣ пріятное впечатлѣніе. Я нашла, что Шаваннъ человекъ съ отличнымъ вкусомъ и чрезвычайно образованный. Тѣмъ не менѣе, однако же, я была рада, когда онъ вѣсь оставилъ.

Вскорѣ потомъ Огюстъ замѣтилъ, что я не весела, и мадамъ Жиронакъ успѣшила сказать, что меня утомила, вѣроятно, неожиданность свиданія съ дорогимъ сердцу братомъ.

Огюстъ ушелъ съ Ліонелемъ, давъ слово придти опять завтра утромъ. Уходя, Ліонель сказалъ мнѣ :

— Я думаю, мнѣ не помѣшаетъ съѣздить завтра поутру въ Кью, засвидѣтельствовать мое почтеніе Сельвину. Не будетъ ли отъ васъ какого порученія?

— Скажите ему, что братъ мой пріѣхалъ, и спросите, когда онъ можетъ къ нему явиться.

— А онъ отвѣтитъ, что самъ къ вамъ пріѣдетъ. Вы этого желаете?

— Я желаю того, о чемъ спрашиваю, то-есть, узнать, когда мы можемъ застать его дома. Плохо я знаю Огюста, если онъ не желаетъ поблагодарить человека, постоянно покровительствовавшего его сестрѣ. А знаете ли, семейство Сельвина увеличилось. Сынъ его уговорилъ Каролину Стенгопъ выйти за него замужъ, и она живетъ теперь у судьи.

Ліонель изъяснилъ свое удивленіе и удовольствіе при этой вѣсти, но мнѣ показалось въ ту минуту, что удовольствіе его не было совсѣмъ искренно. Послѣ однако же, я имѣла случай убѣдиться, что тѣмъ, набѣжавшая въ эту минуту на его лицо, была слѣдствіемъ мысли, а не чувства.

Пожавши руку Ліонелю и поцѣловавши брата, я осталась наединѣ съ Жиронаками.

— Прекрасно, mademoiselle de Chateaufeuf, сказалъ Жиронакъ, вы нашли прекраснаго братца, и потому рѣшились повергать въ отчаяніе всѣхъ прочихъ. Или вы обходились съ нами такъ свысока, только затѣмъ, чтобы разтерзать сердце одного бѣдняжки Шаванна?

— Я уже сказала вамъ, мосье Жиронакъ, отвѣчала я, что графу

разительно нѣтъ никакой надобности обращать вниманіе на мое съ нимъ обхожденіе. Если онъ это замѣчаетъ, такъ я этого не замѣчаю. Онъ хорошо образованный, пріятный человекъ, который смотритъ на меня какъ на всякую другую, съ нетерпѣнью разговариваетъ въ минуту расположенія, и которую, въ противномъ случаѣ, оставляетъ въ покоѣ, какъ вся благовоспитанные люди. Но я, востерши вамъ, вовсе не думаю замѣчать, какъ онъ со мною обходится: гордо или нѣтъ. Точно также какъ онъ не замѣчаетъ этого во мнѣ, я увѣрена.

— Такъ зачѣмъ же онъ сюда приходитъ? Прежде онъ никогда не бывалъ у меня по вечерамъ. Не для жены же моей, надѣюсь. У меня тоже есть глаза, и я вижу кое-что.

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь, отвѣчала я; полагаю, что вы сами его пригласили, — и если вы сдѣлали это для меня, такъ я должна просить васъ не доказывать впредь вашего расположенія такими средствами. Я не желаю его видѣть.

— Какъ вамъ не стыдно, мосье Жиронакъ? сказала жена его. Вы сердите ее своими шутками. Кто мучитъ дѣвушку разговорами о человекѣ, котораго она видѣла всего три раза въ жизни, и къ которому она совершенно равнодушна?

— Madame, отвѣчалъ Жиронакъ съ истиннымъ или притворнымъ гнѣвомъ, vous êtes une ingrate, — une, — une, — не нахожу словъ чтобъ выразить вашу чудовищную неблагодарность. Я — un homme incornpris, а мадамозель де-Шатоней ребенокъ, или сама себя не понимаетъ. Отказать мнѣ графу де-Шаванну, или нѣтъ? Нѣтъ; потому что если она ребенокъ, такъ о ней должны заботиться другіе; а если она сама себя не понимаетъ, такъ слава Богу, что другіе ее понимаютъ. Voilà tout. И вотъ почему я не откажу графу. Напротивъ того, я приглашу его къ обѣду завтра, послезавтра. Если онъ откажется, такъ каляусъ вамъ честию, foi de Girouas, никогда не буду обѣдать дома.

Я не могла не разсмѣяться этой выходкѣ. Онъ погладилъ меня по головѣ, сказалъ, что я была бы une bonne enfant, не будь я такъ diablement entêtée, и посоветовалъ мнѣ пойти выспаться. Я простилась и ушла къ себѣ въ комнату, но не спать, а размышлять.

Съ прїездомъ Августа про. нулся во мнѣ чувства, долго спавшія въ глубинѣ души.

Воспоминаніе объ отцовскомъ домѣ, любовь къ родинѣ, любовь къ

отцу, всегда меня ласкавшему, привязанность къ матери сестрамъ и братьямъ, пробудились во мнѣ съ новою силою.

Я начала думать, какъ жаль будетъ разстаться съ братомъ послѣ-тнго короткаго свиданія, и начала чувствовать, чего до-сихъ-поръ не замѣчала, — что грустно и тяжело жить на чужой сторонѣ, вдали отъ друзей и родныхъ, на которыхъ можно понадеяться въ несчастіи и болѣзни. Мрачна показалась мнѣ картина одиночества подъ старость и кончины далеко отъ друзей дѣтства.

Потомъ, по необъяснимому сѣзпленію мыслей, связывающему въ умъ нашему вещи повидимому совершенно разнородныя, но въ сущности родственныя, я начала думать: за чѣмъ же мнѣ оставаться одинокою? зачѣмъ чуждаться родни, опираясь только на себя, и лишать себя, ради воображаемой независимости, удовольствій общественной жизни и сладкихъ семейныхъ узъ?

Можетъ-быть присутствіе брата открыло мнѣ глаза, и я увидѣла, что на свѣтъ нѣтъ истинной независимости. Для осуществленія этой мечты надо удалиться, подобно Робинзону, на безлюдный островъ; но такой независимости, конечно, никто не пожелаетъ.

И прежде, нежели я заснула, я начала, кажется, думать о графѣ де-Шаваннѣ. Мысли мои вертѣлись, впрочемъ, только около того, что онъ, ни я другъ о другѣ не заботимся, и что я не взмѣню прѣстолу намъ ревню никогда не выходить замужъ. Все это доказывало, можетъ-быть, что я не была совсѣмъ равнодушна къ графу, и скоро сдѣлалась еще не равнодушной. Сказалъ же одинъ знатокъ человеческого сердца, что если бѣ онъ захотѣлъ внушить любовь женщины, первою заботою его было бы заставить ее думать о немъ — даже ненавидѣть его, — лишь бы только она не оставалась равнодушною.

И дѣйствительно, если женщина начинаетъ часто о комъ-нибудь думать, то каковы бы ни были ея мысли, она близка къ любви. Не то ли было и со мною?

Но тогда эта истина была для меня такъ недоступна, что я даже не предложила себѣ этого вопроса. Помню только, что я во снѣ видѣла себя передъ алтаремъ свѣ графомъ де-Шаванномъ; и вдругъ въжгала мадамъ д'Альбре, леди Батерстъ, Стенгопы, леди М** — и разлучили насъ силою. Я заплакала такъ горько, что проснулась, и не скоро увѣ-рилась, что все это былъ сонъ.

Рано поутру пришелъ Августъ Мосьѣ Жировакъ увѣль давать

уроки на флейту и гитару, а жена его была такъ занята цвѣтами, что мы могли бесѣдовать наединѣ до самыхъ сумерекъ, и рассказали другъ другу продолженіе этого времени всѣ свои приключенія.

— Ты рассказала мнѣ все, Валерія, сказалъ онъ, выслушавши меня; всѣ твои печали и горести, всѣ удачи и удовольствія; какъ помогала ты любви другимъ, какъ приобрѣла маленькое состояніе и сдѣлалась почти милліонеркой, — а ничего не сказала о своихъ сердечныхъ дѣлахъ. Ты или ужасная лицемерка или у тебя нѣтъ сердца.

— Кажется последнее, отвѣчала я. По-крайней-мѣрѣ мнѣ нечего рассказывать тебѣ о сердечныхъ дѣлахъ. Не знаю, я ли въ томъ виновата или другіе, только никто въ меня не влюблялся, за исключеніемъ негоднаго Г**, и я ни въ кого не влюблялась.

Огюсть посмотрѣлъ мнѣ пристально въ глаза, какъ будто хотѣлъ заглянуть мнѣ въ душу, но я встрѣтила его взоръ спокойно и наконецъ невольно расхохоталась.

— Такъ это правда? сказалъ онъ, убѣжденный моимъ смѣхомъ.

— Честное слово, отвѣчала я.

— Да, нельзя не повѣрить твоему взгляду и смѣху.

— Повѣрь мнѣ, что никто не былъ въ меня влюбленъ, а де-Шатонезъ не отдастъ своего сердца тому, кто его не желаетъ.

— Это очень странно, сказалъ онъ. А Ліонель Демпетеръ?

— Онъ немного старше Пьера, котораго я щипала, когда мнѣ хотѣлось выйти погулять. Онъ смотритъ на меня какъ на сестру, почти какъ на мать.

— Какъ на мать!

— Да, онъ самъ говорилъ что-то въ такомъ родѣ. Онъ человекъ съ умомъ и дарованіями, и годится тебѣ въ пріятеля; но мнѣ онъ не пара. Софья или Элизъ — дѣло другое.

— Ты вѣчно заботишься о другихъ, Валерія. Когда же подумаешь о себѣ?

— Кажется, я позаботилась о себѣ уже довольно. Ты забылъ, что у меня двѣ тысячи-пятьсотъ ливровъ годоваго дохода.

— Но двѣ тысячи-пятьсотъ ливровъ не мужъ.

— Кто знаетъ. На нихъ можно купить и мужа, особенно у насъ на родинѣ, гдѣ не всѣ милліонеры, какъ эти холодные островитяне.

— Ты, кажется, сама сдѣлалась холодной островитянкой.

— Да, и мосье Жировакъ клянется, что я умру старой дѣвой.

— А ты что на это говоришь?

— Можеть-статься. — Кто-то подвѣхалъ. Кто это?

Я подошла къ окну и увидѣла экипажъ Сельвина, и Лионеля у ея дверецъ. Ступеньки были проворно отброшены, и въ комнату вошли Каролина; она объявила, что свекровь прислала ее за мною и Огюстомъ. «Мужь мой, сказала она, и отецъ его непременно сами явились бы къ мосьё де-Шатоцефу, если бы ихъ не задержало засѣданіе суда. Они ужасно заняты». Жиронаковъ она пригласила на слѣдующій день обѣдать въ Кью, а меня и Огюста просила взать сейчасъ же.

— Ступайте, Валерія, сказала она, соберите, что нужно, на недѣлю.

— Что вы на это скажете? спросила я, обращаясь къ брату и Лионелю; васъ непременно надо объ этомъ спросить, — васъ, царей природы, какъ вы величаете сами себя, васъ, которые вдвое тщеславнѣе насъ и проводите за туалетомъ вдвое больше времени, нежели мы, оклеветанныя женщины. Что вы на это скажете? Можно собраться такъ скоро? — Я не заставлю васъ ждать больше десяти минутъ; и позову къ вамъ мадамъ Жиронакъ, которой вы можете передать свое порученіе лично.

Не дожидаясь отвѣта, я поспѣшила къ себѣ въ комнату одѣться въ дорогу и собрать кое-какія вещи. Мадамъ Жиронакъ замѣнила меня между-тѣмъ въ гостиной, и вслѣдъ за тѣмъ тамъ послышался веселый смѣхъ.

Не успѣла я еще одѣться, какъ кто-то стукнулъ два раза въ двери и минуты черезъ двѣ мужскіе шага раздались по направленію въ столовую. Окна моей комнаты выходили во дворъ, такъ, что я не могла видѣть, кто пришелъ; а горничную, бѣгавшую взадъ и впередъ съ разными коробками, спросить я не хотѣла.

Такъ кончила я свой туалетъ; не знаю, почему сердце билось у меня сильнѣе обыкновеннаго. Я надѣла шляпку и шаль, и сошла внизъ въ какомъ-то смущеніи и нетерпѣніи, хотя и не ожидала встрѣтить кого-нибудь преимущественно передъ другими.

Я застала гостей усердно убирающими котлеты à la Maintenon и зеленый горохъ. Въ числѣ ихъ былъ и Шаваннь, котораго я никакъ не ожидала видѣть.

Онъ всталъ при моемъ появленіи изъ-за стола, сдѣлавъ шага два.

мнѣ навстрѣчу, поклонился, сказалъ мнѣ нѣсколько любезныхъ словъ, и прибавилъ, что прѣхалъ пригласить моего брата прогуляться съ нимъ верхомъ и посмотреть Лондонъ.

Все это было сказано очень просто и свободно; въ словахъ и голосѣ его небыло ничего такого, что могло бы заставить меня покраснѣть, однакожъ въ первую минуту я почти не умѣла ему отвѣчать. Но не должно забывать, что Жиронакъ безпрестанно дразнилъ меня графомъ, и я по-неволь приписывала его внимательность къ Августу болѣе сильной побудительной причинъ, нежели простой учтивости.

Графъ, видя мое смущеніе, самъ смутился на мгновеніе, и покраснѣлъ. Глаза наши встрѣтились; встрѣча эта была мгновенная, мимолетная, но съ этой минуты между нами установилось какое-то взаимное пониманіе.

Все это случилось гораздо скорѣе, нежели сколько надо времени на описаніе. Замѣтивъ, что все на насъ смотрятъ, я тотчас же очулась, отвѣчала графу въ немногихъ словахъ и съѣла за столъ между братомъ и Лионелемъ. Разговоръ обратился къ тому же предмету, о которомъ говорили до моего прихода, и бесѣда завязалась очень пріятная, какъ всегда бываетъ между четырьмя или пятью образованными людьми, нечаянно сблизившимися и желающими другъ другу понравиться.

Лионель, какъ я уже не разъ имѣла случай замѣтить, былъ очень остеръ и уменъ, и еще болѣе развернулся во Франціи, такъ что я рѣдко встрѣчала молодыхъ людей, которые могли бы стать съ нимъ на ряду. Графъ былъ тоже человекъ даровитый и образованный, съ отъѣнкомъ британской задумчивости въ характеръ; братъ, горячій воинъ, кипѣлъ молодостью и веселостью, мечталъ о великой будущности и былъ въ восторгѣ, видя передъ собою давно потерянную сестру. Каролина Сельвинъ была рѣзва и жива; мадамъ Жиронакъ доже; а я, желая загладить глупое поведеніе вчерашняго вечера, всеми силами старалась поддерживать общую веселость.

Кажется, это мнѣ удалось, потому что всякій разъ какъ поднимала глаза, я непременно встрѣчала покоящійся на мнѣ глубокій, серьезный взоръ Шаванна. Это доказывало, что я или слова моя его интересовали.

Застрять еще не успели; когда взошла мисс Жирондэ, и мы узнали, что она придет на другой день къ вечеру съ женою въ Кью. Передъ отъездомъ Каролина сказала, что она надеется, что приедемъ вместе де-Шатонессэ у нибъ въ загородномъ домѣ; не дожидаясь ответа отъ мужа и старика Сельвина; слишкомъ рано намъ теперь думать.

Грэхъ тотчасъ согласился; онъ, Лонелъ и Августъ тутъ же условились прокататься верхомъ дни черезъ два или три.

Каролина поспышила насъ увезти, говоря, что свекровь ея подумаетъ, пожалуй, что она убегала. Въ Кью приняли меня какъ родную, а Августа какъ стараго друга.

Время шло приятно. Это было весною. Мѣстоположеніе дачи на берегу Темзы очаровательное, и на этотъ разъ англійскій май былъ именно таковъ, какимъ описываютъ его поэты, то-есть какимъ онъ бываетъ во сто лѣтъ разъ.

Все желали другъ другу нравиться, а Сельвины принадлежали къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, которыхъ тѣмъ больше знаешь, тѣмъ больше любишь. Отъ старика Сельвина у меня не было тайнъ; я смотрѣла на него почти какъ на втораго отца, а Августъ готовъ былъ полюбить его за расположеніе ко мнѣ. Мы много толковали съ нимъ о монхъ дѣлахъ и рассуждали, извѣстятъ ли родителей о моемъ существованіи. Мы рѣшили этотъ вопросъ положительно. Оставалось рѣшить, довольно ли безопасно возвратиться мнѣ во Францію, и слѣдуетъ ли туда возвращаться при монхъ теперешнихъ обстоятельствахъ.

Августъ ничего не могъ сказать. Какъ молодой Французъ, и еще болѣе какъ офицеръ, онъ зналъ законы своей страны меньше старика Сельвина. Впрочемъ, оба были согласны въ томъ, что лучше мнѣ не вхатъ во Францію, пока я не принадлежу совершенно себѣ, то-есть не принадлежу кому-нибудь другому.

Я глубоко вздохнула. Горько подумать, что никогда не увидишь своихъ родителей, или товарищей дѣтства!

Старикъ Сельвинъ заметилъ мое волненіе, положилъ мнѣ руку на плечо, и сказалъ:

Возвратиться въ родину было бы теперь безумствомъ. Мой со-

вѣтъ—оставайтесь здѣсь, продолжайте свои занятія, и предоставьте вашему брату открыть отцу столько, сколько онъ найдетъ нужнымъ. Я даже не думаю, чтобы надо было сказать ему, гдѣ вы живете, если онъ желаетъ писать къ вамъ, онъ можетъ передавать письма брату, а этотъ будетъ адресовать ихъ на мое имя, чтобы и да почта нельзя было узнать вашего адреса. Остальное предоставьте времени и Провидѣнію, которое никогда не оставляетъ смиренныхъ. Вотъ что совѣтуетъ вамъ старый адвокатъ; обсудите слова мои вдвоемъ съ братомъ. Они хоть и не льстятъ, можетъ-быть, вашимъ чувствамъ, но вы, вѣроятно, найдете ихъ благоразумными. Теперь пойдемте на лугъ къ дамамъ, которыя нашли, кажется, какой-то новый магнитъ.

— Я совершенно увѣрена, отвѣчала я, что совѣтъ вашъ благоразуменъ, и благодарю васъ за него. Отецъ не можетъ быть къ своей дочери добрее, нежели вы ко мнѣ. Богъ благословитъ васъ за это. Только знаете ли,—мнѣ въ эту минуту очень грустно, и не хочется вмѣшиваться въ веселое общество. Пойду къ себѣ, и возвращусь, когда эта глупая тоска пройдетъ.

— Не называйте ее глупою, возразилъ старикъ съ улыбкою. Что естественно, то не глупо. Только не поддавайтесь этой грусти. Чувства—хорошіе слуги, но плохіе господа. Дѣлайте, что хотите, только воротитесь къ намъ поскорѣе. А мы, мосье де-Шатонефъ, посмотримъ, что тамъ за новыя лица.

Съ этими словами онъ отвернулся, и ушелъ опираясь на руку брата и оставивъ меня успокоиться и собраться съ мыслями, что было, можетъ-быть, тѣмъ затруднительнѣе, что въ новомъ гостѣ я узнала графа де-Шаванна.

Я распространилась о чувствахъ, волновавшихъ меня въ этотъ періодъ жизни, по двумъ причинамъ: во-первыхъ это самый важный моментъ въ моей жизни, а во-вторыхъ, описывая до-сихъ-поръ большіе факты и дѣла, я вѣроятно, являюсь читателю, суше и холоднѣе, нежели я въ самомъ дѣлѣ. Меня сдѣлали жестокою обстоятельства и люди. Несчастія закалили мой характеръ, и отчасти даже сердце. Они пробудили во мнѣ гордость, поставили меня въ оборонительное положеніе, и въ каждомъ незнакомомъ лицѣ научили меня видѣть будущаго врага.

Счастье все это измѣнило. Враги мои были обезоружены, или рас-

казникъ. Я возмъ проотгла, со возми прищипилась. Я была любима и уважаема тѣми, которыхъ въ свою очередь могла любить и уважать, и дружбою которыхъ могла гордиться. Я видѣла брата, — все это надѣялась на прощаніе родителей, — и отчего не признаться? — начинала считать не совсѣмъ невозможнымъ, что я выйду когда-нибудь замужъ.

Все это произвело во мнѣ мало-по-малу переменъ чувствъ и образа мыслей. Сердце мое таяло, таяло, и наконецъ растаяло, такъ что я почувствовала необходимость остаться наединѣ и дать волю слезамъ. Я ушла къ себѣ въ комнату, бросилась на постель, и долго, долго плакала.

Но то были не тѣ слезы, какія вызвалъ жестокій поступокъ мадамъ д'Альбрё, — не слезы оскорбленной гордости, вызванныя леди Батерстъ, — нѣтъ, то были слезы любви, теплоты сердечной, почти радости. Они текли тихо и сладко. Выплакавшись, я умылась, пригладила волосы, и пошла присоединиться къ веселому обществу въ саду.

Графъ успѣлъ уже приобрести расположеніе не только Каролины, но и всего семейства Сельвиновъ. Онъ нарочно прѣхалъ въ Кью пригласить моего брата и Ліонеля повзять съ нимъ послѣ завтра въ Вормвудъ-Скробъ, гдѣ въ честь какого-то иностраннаго принца назначенъ былъ смотръ тремъ полкамъ легкой конницы и конной артиллеріи.

Смотръ долженъ былъ кончиться примѣрнымъ сраженіемъ, и графъ думалъ, что это зрѣлище любопытно для бывшаго гусарскаго офицера.

Они толковали объ этой повздкѣ до-тѣхъ-поръ, пока дамы не изъявили своего желанія тоже взглянуть на этотъ смотръ, и тогда рѣшили, что Каролина, двѣ мисъ Сельвинъ и я поѣдемъ съ Ліонелемъ въ экипажъ судьи, а Августъ и графъ будутъ сопровождать насъ верхомъ, и что съ маневровъ всѣ мы возвратимся къ обѣду въ Кью, а на слѣдующій день въ городъ.

Графъ де-Шаваннъ оставался не долго, и имѣлъ только случай сказать мнѣ нѣсколько обыкновенныхъ замѣчаній. Но я замѣтила, что онъ и въ этотъ разъ обращался со мною не такъ какъ съ другими. Съ другими онъ разговаривалъ какимъ-то гордо-смирненнымъ тономъ, полу-шутливо, полу-серьезно, — со мной же всегда серьезно, и вслу-

казалось, въ каждой его слово съ особеннымъ значеніемъ.

Онъ никогда не шутилъ со мною, но не былъ и подлиннымъ въ своихъ разговорахъ. Онъ какъ-будто хотѣлъ доказать мнѣ, что онъ не пустой свѣтскій болтунъ.

Уходя, онъ въ первый разъ подалъ мнѣ руку à l'anglaise, глаза наши встрѣтились и я, кажется, опять покраснѣла; онъ тотчасъ же потупилъ взоръ, поклонился и взялъ шляпу, но не забылъ пожать мнѣ руку. Онъ простился съ судьей и его сыномъ, сѣлъ на лошадей (онъ превосходно ѣздилъ верхомъ) и удалился въ сопровожденіи своего грума.

Не успѣвъ онъ скрыться изъ виду, какъ сдѣлался предметомъ общаго разговора.

— Что за очаровательный человекъ, сказала Каролина. Сколько ума, сколько жизни, сколько чувства! гдѣ вы его подцѣпили, Валерія?

— Я уже говорила вамъ, что онъ старинный пріятель Жиронака, и печально встрѣтился у него съ Августомъ, котораго и полюбилъ съ перваго разу. Вотъ все, что я объ немъ знаю.

— Онъ очень хорошъ собою, продолжала Каролина. Вы какъ идёте, Валерія?

— Да, это правда. Только у него немножко женскія черты.

— О, совсѣмъ нѣтъ, возразила Каролина.

— Каролина! сказалъ, смѣясь, Сельвинъ, вы не имѣете права замѣчать достоинства ни въ комъ, кромѣ меня, вашего мужа и главы.

— Чудовище! отвѣчала она, разсмѣявшись. Да я никогда и не воображала васъ прекраснымъ или умнымъ. Я вышла за васъ замужъ только чтобы избавиться отъ тирании моей учительницы музыки. Не смотрите такъ грозно, Валерія! Теперь меня уже нельзя поставить въ уголъ. Мужъ не позволитъ.

— Онъ самъ поставитъ васъ въ уголъ, отвѣчалъ судья, который душой не слышалъ въ своей невесткѣ.

Она действительно стояла этой любви.

— А помните вы, Сельвинъ, сказала я, какъ вы утверждали, что мужа вообще, и вы въ особенности, вовсе не тираны? Какой же обманъ даёте вы теперь своему сыну?

— Знаете ли что? шепнул онъ мнѣ. Я думаю, что вы скоро отправитесь во Францію. Пойдемте, пройдемся по кедровой аллеѣ. Мнѣ надо съ вами поговорить.

Я взяла его подъ руку; сердце у меня сильно билось, потому-что я догадывалась, о чемъ онъ хотѣлъ говорить. Мы вошли въ удивительную аллею, тянувшуюся вдоль рѣки.

— Вы знаете, сказалъ Сольвинъ не глядя на меня, можетъ-быть эти обясенія смутятъ меня, — я не только вашъ законный совѣтникъ, но и избранный вами самимъ попечитель; такъ безъ дальнѣйшихъ предисловій, — кто онъ, Валерія?

— Я не стану притворяться, будто не поняла васъ, хотя, уверяю васъ честно, вы ошибаетесь въ своихъ предположеніяхъ.

— Ошибаюсь! Едвали; я не ошибаюсь.

— Я вамъ говорю: ошибаетесь. Я видѣла его всего раза четыре, и не говорила съ нимъ больше пяти словъ.

— Да кто онъ?

— Знакомый Жиронака, графъ де-Шаваннь. Отецъ его эмигрировалъ въ Англію во время революціи, занялся торговлею и приобрѣлъ до 40,000 фунтовъ. Во время реставраціи старшій графъ возвратился во Францію, былъ пожалованъ Людовикомъ-Осмынадцатымъ кавалеромъ почетнаго легіона и вскорѣ потомъ умеръ. Мосё де-Шаваннь, воспитанный въ Англіи, больше Англичанинъ, чѣмъ Французъ, и рѣдко ѣздитъ во Францію. Вотъ все, что я объ немъ знаю, и то случайно. Мосё Жиронакаъ разсказала мнѣ эти вещи, о которыхъ я и не думала спрашивать.

— Все это хорошо, только надо узнать о человѣкѣ что-нибудь положительное, прежде нежели отдать ему руку.

— Я сама такъ думаю. Но такъ какъ я не намѣрена отдавать ему мою руку, то и довольствуюсь тѣмъ, что о немъ знаю.

— А что вы знаете? То-есть, что вы узнали сами, а не слышали отъ другихъ.

— То, что онъ человѣкъ очень любезный, образованный и, кажется, добрый. Онъ очень ласковъ съ Августомъ.

— Да, люди часто бываютъ ласковы къ тѣмъ, у кого есть хорошія сестры, въ которыхъ они влюблены.

— Можетъ-быть; но къ настоящему случаю этого применить нельзя; положимъ, что у Августа и хорошенькая сестра, да графъ-ггъ нее не влюбленъ.

— Можетъ-статься.

— Безъ сомнѣнія.

— Хорошо. Что знаете вы о немъ еще?

— Ничего.

— Не знаете ни его характера, ни правилъ, ни привычекъ?

— Право, послушать васъ, такъ можно подумать, что дѣло идетъ о наймѣ слуги, и что де-Шаваннь ищетъ этого мѣста. Какое мнѣ дѣло до его характера и правилъ? Я знаю только, что онъ смотритъ благороднымъ, человѣкомъ и нисколько не похожъ на фата или педанта, что въ наше время рѣдкость.

— Каролина говорить, что онъ очень не дуренъ собою.

— Я съ ней согласна. Только изъ этого ничего не слѣдуетъ.

— По-крайней-мѣрѣ не много. Такъ больше вы о немъ ничего не знаете?

— И не желаю знать. Кажется, я и то уже довольно знаю о знакомомъ со вчерашняго дня.

— Хорошо, хорошо, продолжалъ судья, покачивая головою. Онъ мнѣ нравится. Я наведу справки.

— Только пожалуйста не ради меня, сказала я.

— Мадмоазель де-Шатонефъ, сказалъ онъ сухо, хотя и шутя; я старъ, вы молоды, а молодежь, я знаю, считаетъ насъ, стариковъ, ни на что не годными.

— Нѣтъ, нѣтъ, повѣрьте, я этого не думаю.

— Я тоже. Такъ предоставьте же мнѣ дѣйствовать по моему усмотрѣнью, и позвольте мнѣ, для вашего успокоенія, замѣтить, что у меня у самого есть двѣ дочери и еще сынъ, кромѣ Чарльза. Я очень радъ видѣть у себя за столомъ человѣка образованнаго, не дурака и не фата, какъ вы замѣтили; но чтобы онъ сдѣлался у меня въ домѣ habitué, для этого я долженъ прежде узнать о немъ побольше. Однако, колоколь уже прозвонилъ, и я совѣтую вамъ, не теряя времени, заняться вашимъ туалетомъ. И главное, не отступайте отъ вашего рѣшенія никогда не выходить замужъ, потому что мужа тираны.

Можете себя вообразить, что я воспользовалась его словами, и поспышала убежать отъ прозорливаго старика.

— Такъ онъ все видитъ, подумала я. Въ одну минуту онъ прочелъ все какъ по писанному. Но въ мое сердце онъ не заглянулъ, я думаю; сама не понимаю, что въ немъ происходитъ.

Я не знала еще въ то время, что когда душою нашей овладѣетъ сильная страсть, или даже когда она только что заражается, мы понижаемъ себя меньше всѣхъ

Я не знаю и не старалась узнать, собиралъ ли судья справки о графѣ, какъ былъ намѣренъ. Не знаю также, что было ихъ результатомъ. Но на слѣдующее утро графъ явился съ верховою лошадыю для Августа; онъ не спросилъ, дома ли мы, но приказалъ намъ только кланяться и пригласилъ брата вхатъ съ нимъ верхомъ.

Лионеля не было, онъ уехалъ по дѣламъ въ городъ. Августъ и графъ уехали вдвоемъ, и воротились уже подъ вечеръ, незадолго до обѣда. Графъ уехалъ, не сходя съ лошади.

Признаюсь, что это доставило мнѣ больше удовольствія, чѣмъ если бы онъ вошелъ. Я видѣла въ этомъ поступкѣ много деликатности: онъ не хотѣлъ быть въ тягость ни мнѣ, ни Сельвинамъ.

Августъ въ продолженіе всего обѣда читалъ панегирикъ графу, и увѣрялъ, что въ немъ есть все, чего только можно искать въ другъ или любовникъ.

— Ого! воскликнулъ старикъ Сельвинъ, выслушавши Августа. Кажется, этотъ графъ съ черными усами скоро одержалъ побѣду. Того и смотри, что еще кто-нибудь убежитъ! (онъ взглянулъ на Каролину). Мадмоазель де-Шатонейъ очень искусна на эти дѣла. Но изъ моего дому не улизнуть никому.

Обѣдъ прошелъ очень весело. Послѣ обѣда занялись музыкой, и Сельвинъ только что попросилъ меня что-нибудь спѣть, когда вошелъ слуга Лионеля. Онъ прискакалъ изъ Лондона, отыскивать своего господина, на имя котораго получена изъ Парижа огромная пачка писемъ, съ надписью: доставить немедленно.

Это нарушило на минуту наше веселье; по скоро оказалось, что главное письмо было къ моему брату отъ парижскаго коменданта, звавшаго его назадъ. Его требовали туда къ 3 іюню.

Горько было намъ разстаться послѣ такого короткаго свиданія, но мы утѣшились тѣмъ, что Па-де-Кале не Южный океанъ.

ХІІІ.

Утро, назначенное для смотра, было прекрасно. Это было въ концѣ мая, и окрестности города представляли очаровательный англійскій ландшафтъ. Деревья стояли въ цвѣту, и воздухъ былъ напитанъ ароматами. Парки и подгороднія дороги были усыяны нянками и цѣлыми стадами краснощекихъ, веселыхъ дѣтей. Августъ не могъ налюбоваться на эту картину.

Деревья, цвѣты, луга, Темза, бѣлющая безчисленными множествомъ парусовъ, дачи, нянки и дѣти, — все приводило его въ восхищеніе. Веселое расположеніе духа его сообщилося и намъ, и на душѣ у насъ стало ясно, какъ на майскомъ небѣ.

Когда мы прибыли на поле, назначенное для смотра, братъ мой замолчалъ и поблѣднѣлъ на минуту. Но потомъ глаза его сверкнули, когда онъ обвелъ ими войско, проходившее въ минуту нашего вѣзда передъ принцемъ, для котораго дѣлали смотръ. Возмъ принца сѣдѣлъ на конѣ старикъ въ фельдмаршальскомъ мундирѣ. По орлянымъ глазамъ и носу въ немъ тотчасъ же можно было узнать *le vainqueur du vainqueur de la terre*.

— *Magnifique, mais c'est vraiment magnifique*, говорилъ вполголоса братъ мой. *Dieu de Dieu! qu'ils sont géants les cavaliers, quels colosses de chevaux. Et les allures si lestes, si gracieuses, comme s'ils n'étaient que des juments. Mais c'est un spectacle magnifique!*

Черезъ минуту мимо насъ прохалъ на рыскахъ полкъ улановъ, и за нимъ нѣсколько эскадроновъ гусаровъ. Зрѣлище было живописное. Веселая музыка приводила меня въ восторгъ. Но спокойный ветеранъ, неподвижно стоявшій среди общаго движенія и забывавшій всѣ мелочи маневровъ, сдѣлалъ на меня впечатлѣніе сильнѣе всей массы пестрыхъ мундировъ.

Я думала о томъ, какъ стоялъ онъ среди гигантской битвы наро-

двѣ, гдѣ рѣшалась судьба царствъ, какъ встрѣтилъ онъ безъ страха и безъ трепета непобѣдимаго Наполеона; я вспомнила, какъ слонялся онъ силу моей родины, и кровь похолодѣла у меня въ жилахъ.

Если бы онъ смотрѣлъ гордо и торжественно, я могла бы возненавидѣть его; но безстрашный и спокойный, съ лицомъ, свидѣтельствующимъ о спокойной совѣсти, онъ являлся мнѣ врагомъ моего отечества только *по долгу*, а не по личному произволу. Я чувствовала, что находилась въ присутствіи великаго человека. Спутницы мои замѣтили, что я почти не сводила съ него глазъ, и начали между собою перешептываться. Шопотъ ихъ обратилъ на себя вниманіе Августа; онъ оглянулся, повялъ причину ихъ улыбокъ, и посмотрѣлъ на меня хмуривъ брови. Но лицо его почти въ ту же минуту опять прояснилось.

Начались маневры. Я, разумеется, не понимала смысла движенія войскъ, но картина была увлекательная. Кавалеры наши были такъ заинтересованы, что попросили у насъ позволенія отъѣхать отъ насъ въ ту сторону, гдѣ маневрировала артиллерія.

Такъ какъ при насъ были слуги, и отъ англійскаго народа нечего опасаться грубости, мы согласились, и кавалеры наши ускакали, обѣщая возвратиться черезъ четверть часа.

Едва они скрылись изъ виду, какъ я замѣтила высокаго, воинственнаго, прекраснаго вздока въ штатскомъ платьѣ, а за нимъ жонка въ черной курткѣ и шляпѣ съ кокардой.

Мнѣ казалось лицо его нѣсколько знакомымъ; я какъ-будто гдѣ-то его видѣла, но гдѣ, не могла вспомнить.

Напрасно ломала я себѣ голову. Онъ былъ очевидно Англичанинъ, а изъ англійскихъ офицеровъ я не знала никого. Онъ проѣхалъ мимо насъ и старался, казалось, разобрать гербъ на нанемъ экипажѣ и узнать, кто я; по-крайней-мѣрѣ я не могла не замѣтить, что онъ безпрестанно на меня поглядывалъ, какъ-будто и онъ узналъ меня. Тоже самое повторилось и въ третій разъ. Потому онъ подозвалъ къ себѣ своего грума, который вслѣдъ за тѣмъ подъѣхалъ къ слугѣ Сальвина, стоявшему въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашего экипажа, и что-то у него спросилъ.

Водякъ, получивъ отвѣтъ, кивнулъ головою, какъ-будто жо-

тѣль сказать «я такъ и думалъ». Потомъ онъ взглянулъ на меня, приподнял шляпу, и потихоньку удалился.

Каролина тотчасъ же все это подмѣтила, и сказала, обращаясь ко мнѣ :

— Кто это, Валерія? гдѣ я его видѣла?

— Я сама задаю себѣ тотъ же вопросъ, отвѣчала я. Я тоже его видѣла, но не помню гдѣ. Это странно.

— Въ самомъ дѣлѣ? проговорилъ чей-то голосъ какъ разъ подь моимъ ухомъ. А можете вы сказать, гдѣ вы меня видѣли, *ingrate!*

Я обернулась и увидѣла передъ собою блѣдное отъ злости лицо Г**, безчестнаго отставнаго мужа мадамъ д'Альбрэ, перваго виновника всѣхъ моихъ несчастій. Я посмотрѣла на него пристально и отвѣчала съ презрѣніемъ :

— Очень могу, мосьё Г**. Я никакъ не ожидала встрѣтиться съ вами опять. Я думала, что вы на своемъ мѣстѣ, — на галерахъ.

Конечно, мнѣ не слѣдовало говорить такимъ тономъ, но кровь у меня горяча. Когда я вспомнила о всемъ претерпѣнномъ мною въ жизни, негодованіе овладѣло всѣмъ моимъ существомъ.

— А! отвѣчалъ онъ, заскрежетавъ зубами, покраснѣвъ какъ ракъ и схвативъ меня за руку. Убирайся сама на галеры — *chièpe! ingrate! perfide! traitresse!....*

Не знаю, что хотѣлъ онъ еще сказать, но въ это время послышался топотъ скачущей во весь опоръ лошади и черезъ минуту онъ очутился въ рукахъ графа де-Шаванна, только-что возвратившагося къ намъ.

Подскакать къ нашему экипажу, соскочить съ лошади, схватить наглеца, стащить его долой, и приняться бить его изо всей силы хлыстомъ — все это было для графа дѣломъ одной минуты.

Послѣ я удивлялась, откуда взялось столько силы у такого слабаго по-видимому челоуька? Графъ былъ ростомъ гораздо меньше Г**, а ворочалъ его какъ пятилѣтняго ребенка.

Оставивши его, наконецъ, онъ обратился къ намъ съ улыбкою, какъ-будто протанцовалъ кадрили, снялъ шляпу и сказалъ :

— Извините, *mesdames*, и въ особенности вы, мадмоазель Валерія, за эту сцену. *Mais c'était plus fort que moi!* Я не выдержалъ.

Каролина и сестры Сельвина были такъ перепуганы, что не могли ничего отвѣчать; я тоже онѣмѣла отъ удивленія. Въ это время Г** съ окровавленнымъ лицомъ и запачканнымъ платьемъ снова подошелъ къ вашему экипажу.

Онъ былъ блѣденъ какъ полотно, но очевидно не отъ страха, отъ злости.

— Monsieur le comte de Chavannes, сказалъ онъ, sag je vous savaiss, et vous me connaîtrez aussi, je vous le jure, vous m'avez frappé, vous me rendez satisfaction, n'est-ce pas?

— О, нѣтъ, нѣтъ, воскликнула я, всплеснувши руками. За меня не надо, графъ! за меня не рискуйте жизнью.

Онъ поблагодарилъ меня выразительнымъ взглядомъ, и сказалъ господину Г**:

Я васъ не знаю, да вѣроятно и не буду знать. Я наказалъ васъ за дерзость передъ дамой.

— Дамой! прервалъ его негодяй. Такой же дамкой, какъ....

Но графъ продолжалъ, какъ-будто не слыша его:

— И сдѣлалъ бы это во всякомъ случаѣ, — зная васъ или не зная, — что и готовъ повторить снова, если вы опять вздумаете дѣлать дерзости. Что же касается до удовлетворенія, то если вы потрѣбуете его какъ должно, — я никогда не отказываю въ немъ тѣмъ, кто достоинъ со мною сразиться.

— А этотъ господинъ недостойнъ скрестить съ вами шпагу, прошепталъ третій голосъ. Я оглянулась и узнала офицера, поклонившагося мнѣ за четверть часа.

— Моего слова достаточно въ подобныхъ случаяхъ, продолжалъ онъ. Я полковникъ Джервисъ. А этотъ господинъ — это извѣстный Г**, пойманный въ плутовствѣ за картами, исключенный изъ всѣхъ клубовъ, и битый неоднократно во всѣхъ концахъ Англїи. Никто не захочетъ явиться къ вамъ съ вызовомъ отъ его имени, а если кто и захочетъ, такъ вы не должны соглашаться.

Списнувъ съ яростью зубы, разоблаченный негодяй удалился; графъ поклонился полковнику и сказалъ:

— Благодарю васъ. Я графъ де-Шаваннь, и совершенно уверенъ

въ томъ, что вы сказали. Только негодяй могъ вести себя такъ, какъ этотъ господинъ. Иначе я не рѣшился бы драться въ присутствіи дамъ.

— Я видѣлъ все, отвѣчалъ Джервисъ, и самъ спѣшилъ сюда на помощь. Но вы предупредили меня и я остановился поодаль полюбоваться, какъ вы его отдѣляли. Не въ обиду будь вамъ сказано, графъ, но судя по умѣнью вашему владѣть руками, васъ можно принять скорѣе за Англичанина нежели за Француза.

— Я воспитанъ въ Англіи, отвѣчалъ графъ, смѣясь, и научился здѣсь владѣть руками.

— Это дѣло другое! Право, я никогда не видалъ, чтобы хлестали съ такимъ искусствомъ. Видали вы когда-нибудь, мадамозель де-Шатонефъ, — кажется, я не ошибаюсь въ вашемъ имени?

— Я до-сихъ-поръ вовсе ничего не видала въ этомъ родѣ, и отъ души желаю не видать во второй разъ.

— Нѣтъ, не говорите этого. Если распорядиться хорошо и ловко, такъ это очень пріятное зрѣлище. И сверхъ-того, вы неблагодарны къ графу.

— Я ни за что на свѣтѣ не хотѣла бы быть неблагодарною, отвѣчала я, и графъ, я увѣрена, не сомнѣвается въ моей признательности. Я ему очень обязана за защиту, и всегда этого отъ него ожидала.

— Что онъ будѣтъ за васъ сражаться? шепнула мнѣ Каролина. Всѣ разслушали это замѣчаніе, хотя, можетъ-быть, она этого и не желала.

Я отвѣчала ей довольно холодно:

— Да, Каролина, я увѣрена, что онъ всегда готовъ сразиться за меня, и за васъ, и за каждую даму.

— Благодарю васъ за доброе мнѣніе, сказалъ графъ.

— Извините, если я вамъ сдѣлаю вопросъ, сказалъ полковникъ, обращаясь ко мнѣ. Не знали ли вы....

— Адели Шабо? прервала я его. Очень рада услышать о ней что-нибудь, или увидѣть мистрисъ Джервисъ.

— Я самъ хотѣлъ это сказать. Мы только вчера пріѣхали въ

городъ и она тотчасъ же поручила мнѣ отыскать васъ. Жиронаки сказали мнѣ, что вы гостите въ Кью....

— Да, у судьи Сельвина. Кстати, прибавила я, позвольте васъ познакомиться: мистрисъ Сельвинъ, урожденная Каролина Стенгопъ, — полковникъ Джервисъ.

Джервисъ поклонился, но слегка покраснѣлъ и взглянулъ на меня вскоса. Но я сохранила такое спокойное выраженіе лица, что онъ не могъ узнать, известно ли мнѣ что-нибудь или нѣтъ.

Каролина тоже держала себя очень хорошо. Выпедина замужъ, она сдѣлалась степеннѣе, характеръ ея опредѣлился, умъ развился. Она не покраснѣла и не смутилась, а только тихонько меня ущипнула, начала спрашивать объ Адели и изъявила желаніе ее видѣть.

— Въ Парижъ она произвела, говорятъ, сильное впечатлѣніе, сказала она, и это неудивительно. Она такая хорошенькая! Вы счастливый человекъ, полковникъ Джервисъ.

— Это правда, отвѣчалъ онъ. Аделъ добрейшее созданіе. Въ Парижъ ее всѣ обласкали; особенно мадамъ д'Альбрѣ. Мы очень обязаны вамъ за это знакомство, мадамозель де-Шатонейъ. Кстати: Аделъ привезла вамъ отъ нея цѣлую кучу писемъ и подарковъ. Когда вы къ ней прїѣдете?

— Гдѣ вы остановились, полковникъ?

— Въ отелъ Томаса, на Берклей-скверъ, пока не найдемъ порядочной квартиры. Въ августъ мы уѣдемъ ко мнѣ на мызу, въ горы. Аделъ хочетъ, кажется, просить васъ туда къ себѣ.

— Благодарю васъ; не знаю, удастся ли это. До августа еще цѣлыхъ два мѣсяца, и Богъ знаетъ, что случится въ это время. Знаете ли: я сама думала вѣхать во Францію, когда братъ долженъ будетъ явиться обратно въ полкъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ графъ. Я объ этомъ ничего не слышалъ. Что же вы, повѣдете?

— Не знаю. Теперь это еще только мечта.

— Но вы не отвѣчаете на мой вопросъ, сказалъ полковникъ. Когда же вы навѣстите Аделъ?

Извините, полковникъ. Я возвращусь въ городъ завтра, и тотчасъ же къ ней поѣду. Въ часъ или два буду у васъ. Сельвинъ общалъ

мнѣ дать свой экипажъ. Каролина, могу я въ немъ провѣхать прямо въ отель Томаса?

— Конечно *нѣтъ*. Что за вопросъ? Разумѣется, вы можете ѣхать въ немъ куда хотите.

— Такъ я буду у васъ въ два часа, полковникъ. Кланяйтесь отъ меня Адели.

— Благодарю васъ. Не смѣю васъ дольше беспокоить, сказалъ онъ, приподнимая шляпу. Извините, что я взялъ смѣлость вступить съ вами въ разговоръ.

Мы раскланялись, и онъ ускакалъ.

— Постоящій джентльменъ, замѣтила Каролина. Адель себя не обочла.

— Совѣтую не говорить этого при мистрѣ Сельвинѣ, сказала я.

— Что за пустяки! отвѣчала Каролина, слегка покраснѣвъ.

— Кто этотъ Джервисъ? спросилъ графъ. Изъ васъ, кажется, никто его не знаетъ, — и вдругъ онъ дѣлается знакомымъ. Объясните мнѣ это явленіе.

— Онъ прекрасный человекъ, какъ замѣтила мистрисъ Сельвинъ, и очень не дуренъ собою, какъ вы сами видите. Въ обществѣ онъ играетъ важную роль, и, главное, онъ мужъ одной премилой Французенки, близкой пріятельницы Каролины, и бѣжалъ съ нею полгода тому назадъ, принимая ее за...

— Валерія! прервала меня Каролина, краснѣя.

— Каролина? возразила я спокойно.

— Что вы хотѣли сказать?

— Принимая ее за богатую наследницу, продолжала я. Но онъ нашелъ въ ней больше, чѣмъ богатство: красоту и доброе сердце.

— Счастливецъ! проговорилъ де-Шаваннъ со вздохомъ.

— Почему такъ?

— Потому что женился на женщинѣ, которую вы хвалите. Развѣ это не счастье?

— Дѣло очень обыкновенное, сказала Каролина. Вы не знаете, графъ, что Валерія мастерица устраивать свадьбы. Она выдаетъ своихъ пріятельницъ замужъ съ неизмовѣрною быстротою.

— Надѣюсь, — то-есть, я думаю, — поправился онъ, — что она лучше, нежели вы ее описываете. Она еще не позаботилась о себѣ.

— Не знаю, графъ, я въ этомъ еще не уверена, отвѣчала она, стараясь отплатить мнѣ за мою шутку.

Но я остановила ее, и въ то же самое время подъѣхали къ намъ Августъ и Лионель. Смотрѣть еще не кончился, но они вспомнили, что общали воротиться черезъ четверть часа, и проздили уже цѣлыхъ два часа. Каролина тотчасъ же начала надъ ними трунить, что они оставили васъ однихъ среди толпы народа.

— Это не опасно, сказала Лионель. Будь тутъ какая-нибудь опасность, мы давно бы воротились.

— И въ подтвержденіе вашихъ словъ, мы были до смерти перепуганы. Мадмоазель де-Шатонефъ была оскорблена какимъ-то chevalier d'industrie, и если бы не графъ, такъ случилось бы что-нибудь и еще хуже.

И вслѣдъ затѣмъ была имъ разсказана вся исторія съ господиномъ Г**. Въ жизнь мою не видала я, чтобы кто-нибудь разсердился такъ сильно, какъ Августъ въ эту минуту. Онъ поблѣднѣлъ какъ смерть, глаза его засверкали, члены задрожали какъ въ лихорадкѣ.

— Il me le paieга! проговорилъ онъ сквозь зубы. Il me le paieга, le valetга! Ma pauvre sœur, ma pauvre petite Valérie!

И онъ крѣпко пожалъ руку графу.

— Этого я никогда не забуду, сказала онъ глухимъ голосомъ. Съ этой минуты, графъ, мы друзья навѣки. Я никогда не могу отблагодарить васъ за эту услугу.

— Нустаня, mon cher, отвѣчалъ графъ. Я ничего не сдѣлалъ особеннаго.

Но Августъ продолжалъ разсыпаться въ благодарностяхъ до-тѣхъ-поръ, пока графъ не сказалъ:

— Хорошо, пусть будетъ такъ, довольно; когданибудь и я въ свою очередь потребую отъ васъ услуги, но-значительнѣе этой.

— Будьте увѣрены, что я исполню ваше требованіе, отвѣчалъ Августъ. Въ чемъ оно состоитъ? Говорите.

— Не слышите, возразилъ графъ. Это не бездѣлица.

— Полно, Августъ, сказала я; ты разгорячился такъ, что себя не помнишь. Прикажете взять домой, Каролина. Судья ждетъ насъ къ обѣду; а къ этому онъ, какъ вы знаете, очень неравнодушенъ.

— Да, да, Валерія; вы всегда заботитесь о другихъ. Поѣдьте.

Въ эту минуту подѣхалъ къ намъ грумъ Джервиса и сказалъ:

— Позвольте васъ спросить, кто изъ васъ графъ де-Шаваннь?

— Я.

— Отъ полковника Джервиса, продолжалъ грумъ, подавая ему карточку. Полковникъ приказалъ вамъ кланяться и просить васъ, чтобы вы тотчасъ дали ему знать, если получите какое-нибудь извѣстіе отъ того господина, котораго вы отклестали; онъ проситъ васъ не считать его за благороднаго человека; полковникъ можетъ доказать это и заставить его молчать.

— Благодарствую, отвѣчалъ графъ. Кланяйся отъ меня полковнику, и скажи, что я ему очень обязанъ за вниманіе. Завтра поутру я явлюсь къ нему самъ.

Грумъ уѣхалъ.

— Видите, мосьё де Шатоневъ, сказалъ графъ, вы не должны считать этого негодяя чѣмъ-нибудь порядочнымъ.

— Разумѣется! сказалъ Лионель, и вслѣдъ за нимъ всѣ мы повторили; разумѣется!

Скоро мы прибыли въ Кью и только что поспѣли къ обѣду. Предметомъ разговоровъ были событія этого дня, героемъ — графъ.

На слѣдующее утро я съ Августомъ возвратилась въ городъ. Шаваннь уѣхалъ изъ Кью послѣ обѣда.

Согласно моему обѣщанію я тотчасъ же отправилась къ Адели, и застала ее одну, въ очень веселомъ расположеніи духа. Она говорила, что она счастливѣйшая изъ женщинъ, и желала только увидѣть и меня за мужемъ.

— Лучше предоставьте это судьбѣ, отвѣчала я. Суженаго конемъ не объѣдешь. Спѣшить или оттягивать, выйдетъ одно и тоже. Каролина тоже говоритъ, что она счастлива; я вамъ вѣрю, потому что мужъ вашъ мнѣ очень нравится.

— Очень рада это слышать. Вы тоже его очаровали. Но кто же графъ де-Шаваннь, о которомъ онъ прожужжалъ мнѣ уши? Онъ говоритъ, что это единственный Французъ, который достоинъ быть Англичаниномъ, — а выше этой похвалы онъ не можетъ себѣ ничего вообразить. Кто же этотъ графъ, Валерія?

Я отвѣчала ей, что знала.

— Et puis? спросила Адель.

— Et puis — ничего, отвѣчала я.

— Не секретничайте съ друзьями, сказала она, глядя на меня серьезно. Я отъ васъ не скрывалась, и вы помогли мнѣ совѣтомъ. Будьте же и вы со мною откровенны.

— Я люблю васъ, Адель, и у меня нѣтъ отъ васъ секретовъ. Мнѣ нечего отъ васъ скрывать.

— Нечего? А графъ?

— Что жъ графъ?

— Вы не думаете сдѣлаться графиней?

— Нѣтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ.

— Этого я не понимаю. Изъ словъ мужа я заключила, что это уже рѣшеное дѣло.

— Полковникъ ошибается. Тутъ ровно ничего нѣтъ, ни рѣшеннаго, ни не рѣшеннаго.

— И вы его не любите? Онъ вамъ не нравится?

— Нравится, какъ пріятный собесѣдникъ часа на два и какъ благородный человѣкъ.

— Такъ отчего же не полюбите вы его и больше?

— Я буду съ вами откровенна, Адель. Я вовсе не думаю о томъ, могу ли я его любить или нѣтъ. Онъ никогда и ничего не говорилъ мнѣ о любви, — а не мнѣ же заводить объ этомъ разговоръ.

— Понимаю, понимаю. Но, будьте увѣрены, онъ заговоритъ. Что вы ему тогда отвѣтите?

— Тогда подумаю.

— Это значитъ, что вы скажете да. Только общайтесь мнѣ обратиться ко мнѣ, если вамъ понадобится моя помощь. Я сдѣлаю для васъ все, что могу, по первому слову; мужъ мой также; вамъ обязаны мы нашимъ счастьемъ.

— Извольте, общаю.

— Такъ довольно же; ни слова больше объ этомъ. Пойдемте ко мнѣ въ комнату, я отдамъ вамъ письмо и подарки мадамъ д'Альбрѣ. Знаете ли, Валерія, — она обласкала насъ какъ нелья больше. Она, кажется, раскаевается въ своемъ поступкѣ противъ васъ.

— А знаете ли вы, что человекъ, котораго графъ прибилъ къ-столу, ея бывшій мужъ, господинъ Г.?

— Въ самомъ дѣлѣ? Онъ не проститъ вамъ до гроба. Джервисъ думалъ, что онъ никому изъ васъ не извѣстенъ по имени. Но стоитъ ли думать объ этомъ негодяю? Вотъ вамъ письмо мадамъ д'Альбрѣ.

Письмо было ласково, какъ нельзя болѣе. Она благодарила меня за знакомство съ Джервисами, и надѣялась встрѣтиться со мною когда-нибудь, когда все прошедшее будетъ забыто, и я займу почетное мѣсто въ обществѣ моей родины. Въ заключеніи она прибавляла, что по странному стеченію обстоятельствъ узнала, что мать моя серьезно больна и, вѣроятно, проживетъ недолго.

Я продолжала читать.

«Обстоятельства не оправдывали нашъ поступокъ, писала наконецъ мадамъ д'Альбрѣ, сдѣлавшая мнѣ такъ много зла своими советами въ моей неопытной юности, и едва ли хорошо сдѣлали мы, что такъ долго скрывали истину и заставляли страдать вашихъ родителей. Матушка ваша никогда мнѣ этого не проститъ. Но не смотра на се гнѣвъ, я не могу хранить долѣе тайну. Дѣйствительно, если только это можно сдѣлать безъ опасности, извѣстите о себѣ родителей, и даже, советую вамъ, призжайте къ умирающей матери. Надѣюсь, что возвратившись во Францію, вы будете считать мой домъ своимъ».

Я рѣшилась вѣхать съ Августомъ; Адольфъ былъ того же мнѣнія. Но прежде я рѣшила посоветоваться съ братомъ и Сальвиномъ. Въ тотъ же вечеръ, когда Жиронаки удалились, я заговорила съ Августомъ о повзвѣхъ, но онъ прервалъ меня :

— Выслушай прежде, что я тебѣ скажу, и говори откровенно, безъ ложной стыдливости. Не одна поплатилась за это счастье; а тебѣ, съ какою же тебѣ говорить здѣсь откровенно, если не со мною?

— Къ чему это откровенно? Я, разумеется, буду отвѣчать тебѣ откровенно.

— Нравится тебѣ графъ?

— Какой вопросъ? Ну — да.

— Любишь ты его?

— Это не хорошо съ твоей стороны. Кроме того, онъ ни слова не говорилъ мнѣ о своей любви. Я не знаю, любить ли онъ меня и не нѣзю причиняетъ предлагать это.

— Не пытайся упрямиться! Не все равно. Если бы он любил тебя, согласился бы ты выйти за него замуж?

— Он говорил тебе об этом, Августь, он говорил!

— Ответь я читаю у тебя в глазах. Да, он говорил, и просил у меня позволения обратиться к тебе.

— А ты....

— Я отвечал, что у меня об этом нечего спрашивать позволения, и что я посоветую тебе послушаться собственного сердца.

— Ты отвечал, как добрый брат. А он?

— Спросил, что думаю я о твоих чувствах? Я отвечал, что сердце твое, сколько мне известно, не принадлежит никому, и что он может попытаться завоевать его. Я заметил ему, между прочим, что он волюбил тебя слишком скоро, и что любовь его по этому, вероятно, не прочна. Но в этом я ошибся. Он уверил меня, что полюбил тебя сначала не за красоту, а за мужество, твердость и постоянство в несчастьях. Он знает почти все обстоятельства твоей жизни. Признаюсь тебе, мне очень нравился, что он смотрит на брак с серьезной точки зрения.

— Мне тоже. Но мне хотелось бы и о нем узнать побольше, познакомиться с его характером и правилами.

Августь посмотрел на меня с удивлением.

— Что за положительная женщина! сказала он. Знаешь ли, мне кажется, что ты немножко....

— Холодна? договорила я, обижая его. Нет, нет. Но я так долго принуждена была опираться сама на себя, что привыкла рассматривать вопросы со всех сторон и не давать воли чувствам, пока их не одобрит разумок. Вспомни и то, Августь, что ведь от этого шага зависит счастье всей моей будущей жизни.

— Ты права, Валерия. Скажи же мне, любишь ты его?

— Да. Он единственный человек, о котором я могу думать как о муже, и хотя я не знаю хорошо его характера и правил, готова за него выйти.

— Он как-будто предвидел все это. Он показывал мне много раз своим старинным друзьям, и в особенности***, почтенного священника и воспитателя его, живущаго в Гендоне; он вводит их к намъ парижскому съезду и знакомитъ ихъ съ нами, и уже это одно говоритъ въ

его пользу. Изъ писемъ старика видно, что онъ считаетъ своего воспитанника за образецъ честности и благородства. Графъ предложилъ мнѣ вѣхать съ нимъ завтра въ Гендонъ, и лично распросить о немъ священника.

— Я тоже думаю, что все это говорить въ его пользу, отвѣчала я; повзжай и повидайся съ его воспитателемъ. А я между-тѣмъ отправлюсь въ Кью и посоветуюсь съ Сельвиномъ. Завтра ввечеру я готова буду выслушать графа.

Августъ справедливо замѣтилъ, что я дѣвушка положительная; а я прибавлю, что мнѣ никогда не приходилось жалеть объ этомъ. Чувствами всегда долженъ управлять разумъ.

Въ заключеніе разговора я показала Августу письмо мадамъ д'Альбрё, и мы рѣшили, что по прїездѣ во Францію, онъ тотчасъ же извѣститъ обо мнѣ отца, предоставивъ на его усмотрѣніе, сообщить ли это роднымъ или нѣтъ.

Рано поутру на слѣдующій день уехала я въ Кью; все удивилась моему раннему прїезду. Когда я сказала, что прїехала поговорить съ судьей о важномъ дѣлѣ, онъ попросилъ меня отослать мой экипажъ въ городъ, и повѣхать съ нимъ; «такъ мы уберемъ двухъ птицъ однимъ зарядомъ,» сказалъ онъ. «Будемъ вѣхать въ судъ и говорить о дѣлѣ.»

Съвини въ экипажѣ, я думала, какъ бы лучше заговорить о щекотливомъ предметѣ, — но судья началъ самъ:

— Я полагаю, сказалъ онъ, что вы желаете узнать результатъ справокъ, которыя вы не хотели, чтобы я наводилъ? Не такъ ли?

— Такъ, — хотъ я и не понимаю, почему вы это угадали?

— Слѣдовательно лучше, что я послушался себя, а не васъ.

— Что же вы узнали?

— Выходите за него, если онъ сдѣлаетъ вамъ предложеніе. Ведетъ онъ себя, какъ человекъ пятидесяти лѣтъ. Онъ богатъ, щедръ, но не расточителенъ; не играетъ въ карты, и во всѣхъ отношеніяхъ честный и благородный человекъ. Все это узналъ я изъ вѣрнаго источника.

Съ минуту я не могла произнести ни слова, и готова была заплакать. Судья сказалъ, чтобы я бо всемъ положила на него, какъ на отца. Онъ одобрилъ все мои поступки и посоветовалъ вести дѣло съ графомъ просто и откровенно.

— Вы любите его, Валерія, сказалъ онъ. Я зналъ это прежде васъ; и увѣренъ, что онъ будетъ хорошей мужъ. Скажите ему все, покажите ему письмо мадамъ д'Альбрэ, въ которомъ она пишетъ о вашей матушкѣ, и, если онъ пожелаетъ, выходите за него немедля и уезжайте вмѣстѣ съ Августомъ во Францію.

Я согласилась съ его мнѣніемъ. Вечеру Августъ возвратился съ графомъ изъ Гендона, и оставилъ меня съ нимъ наединѣ. Тутъ мы все окончили безъ всякихъ затрудненій.

Любовныя сцены очень занимательны для дѣйствующихъ лицъ, но для постороннихъ не можетъ быть ничего скучнѣе; по этому скажу вамъ только, что графомъ осталась бы довольна самая взыскательная женщина. Впродолженіе двѣнадцати лѣтъ моего замужства я ни разу не имѣла повода раскаяться въ томъ, что вступила съ нимъ въ союзъ.

Радость мадамъ Жиронакъ легче себѣ вообразить, нежели описать. Весело было смотрѣть, какъ хлопотала она, снаряжая меня къ отъезду во Францію. Ни одна свадьба не была, я думаю, стѣснѣннѣе такъ быстро. Законныя формальности Чарльзъ Сельвинъ порывилъ очень скоро; при вѣнчаніи присутствовали только леди Батерстъ, Джервисы, Жиронаки и Сельвины. Свадьба обошлась безъ епископовъ и герцоговъ, безъ ливрейныхъ лакеевъ и громогласнаго объявленія въ газетахъ, — но небо улыбалось союзу двухъ сердецъ и рукъ.

Мы скоро пріѣхали въ Парижъ, и были съ восторгомъ встрѣчены моими старыми друзьями, мадамъ Шаонъ и мадамъ д'Альбрэ, гордившейся тѣмъ, что ея бывшая protégée съдѣлалась графиней де-Шаваннъ.

Августъ получилъ позволеніе ѣхать къ своему семейству въ По. Онъ выѣхалъ тремя днями раньше насъ и опередилъ насъ цѣлою недѣлю. Родители приняли насъ, какъ жданныхъ гостей и оба были рады этой встрѣчѣ.

Матушка была при смерти; опоздай мы двумя днями, мы не застали бы ее въ живыхъ. Она скончалась на моихъ рукахъ, на другой день послѣ нашего пріѣзда, и благословила меня передъ смертью.

Отецъ не могъ на меня насмотрѣться. Доставшееся мнѣ наслѣдство, около трехъ тысячъ пяти сотъ фунтовъ, было передано, съ согласіемъ графа, моему отцу, а потомъ должно было перейти къ сестрамъ.

Тѣмъ кончились всѣ бѣдствія моей жизни. Валерія де-Шаваннъ бы-

ла съ избыткомъ награждена за заслуженныя оправданія Валеріи де-Шатенесъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя Лионель женился на сестрѣ своей Элизѣ, и поселился вблизи виллы, купленной графомъ по возвращеніи его изъ Франціи, въ окрестности Виндзора.

Братъ Августъ теперь подполковникъ, и отлучился въ Алжиръ. Николай, не возвращавшійся во Францію, приобрѣлъ славу и состояніе какъ музыкантъ, и всѣ прочіе члены нашего семейства удачно устроили свою участь.

У меня трое дѣтей: сынъ и двѣ дочери. Собственный опытъ научилъ меня воспитывать ихъ какъ слугу.

=

мнѣ то, что говорилъ Алберту и взявъ съ меня также обѣщаніе не видѣться наединѣ.

Письмо было отправлено, и съ-тѣхъ-поръ я не имѣла покою, ознакомилась съ ожиданіемъ, этой горестью, угадывающей все другія и отравляющей даже радость. Ответъ не могъ прійти прежде двѣнадцати дней, а мы считали часы.

На тринадцатый день, въ десять часовъ вечера, въ гостиной играли въ карты; никогда этотъ вѣчный вистъ не казался мнѣ такимъ долгимъ и несноснымъ; стукъ экипажа раздался на дворъ.

— Кто могъ бы пріѣхать такъ поздно? вскричалъ батюшка, вставая.

Мы посъдовали за нимъ и нашли его въ передней въ объятіяхъ старика благородной наружности. Они обнимались со слезами.

— Другъ мой! другъ мой! повторялъ батюшка. О! какъ ты добръ, что пріѣхалъ. Вотъ твой племянникъ, моя дочь, сестра. Какъ мы все рады тебя видѣть!

Маркизь сохранялъ торжественный видъ, поклонился намъ молча и едва обратилъ вниманіе на Алберта.

— Мнѣ нельзя долго оставаться здѣсь, сказалъ онъ, я пріѣхалъ по важному дѣлу; дамы извиняйтъ, если я тотчасъ попрошу васъ поговорить со мной наединѣ.

Мы воротились въ гостиную, батюшка пошелъ съ маркизомъ въ кабинетъ. Виконтъ не поднималъ глазъ, не говорилъ, казался уничиженнымъ.

— Если дядюшка вашъ здѣсь, сказала я робко, это добрый знакъ; онъ не предпринялъ бы такого дальняго путешествія, чтобы отказать.

— Одилія! Одилія! шепталъ виконтъ со вздохомъ, да услышитъ васъ Богъ!

Такъ прошло два часа, два смертельныхъ часа! Тетушка и Элеонора читали, Албертъ молчалъ, я страдала.

Наконецъ камердинеръ батюшки позвалъ меня.

— Съ виконтомъ? спросила я.

— Графъ не приказывалъ звать виконта.

Я смутилась. Батюшка съ маркизомъ сидѣли у стола, на которомъ лежала бумага; лица ихъ были печальны, осанка торжественна. Они важно поклонились мнѣ и сдѣлали знакъ съѣсть.

— Дочь моя, сказалъ батюшка, взрншь ли въ мою любовь къ тебѣ?

— Можете ли вы объ этомъ спрашивать?

— Если бы я остановилъ тебя на дорогѣ, если бы сказалъ тебѣ: «Не ходи дальше, Одилия, въ концѣ этой дороги есть пропасть, въ которую ты упадешь», повзрнла ли бы ты мнѣ?

— Непременно.

— И такъ, дочь моя, я говорю тебѣ теперь; не рѣшайся на бракъ, который сдѣлаетъ тебя несчастною; говорю такъ по совѣсти, по чести, увѣряю памятью твоей матери; взрншь ли ты мнѣ?

— Батюшка! батюшка! это невозможно!

— Это чистая правда, бѣдное дитя мое! Посмотри на этого друга; на свѣтъ нѣтъ чловѣка благороднѣе его. Онъ прѣхалъ нарочно изъ Дрездена, чтобы помннать этому браку; онъ увидѣть черезъ нѣсколько часовъ, оставивъ мнѣ горестную тайну, которой ты не можешь знать; взрнся совершенно моей родительской любви, этой любви, безъ которой я бы умеръ, Одилия!

Я зарыдала.

— Выслушайте меня, продолжалъ старикъ: вы раздражаете мнѣ сердце, но я исполню свою обязанность. Если де-Тоннѣ мнѣ племянникъ, то вы дочь моего лучшаго друга. Виконтъ не достоинъ ни васъ, ни меня. Заклинаю васъ не соединять судьбы вашей съ его судьбою, если это необходимо, — то я даже запрещаю вамъ!

— Но чтѣ же онъ сдѣлалъ? въ чемъ его обвиняютъ? Я увѣрена, что онъ не виноватъ, шептала я со слезами.

— По несчастію, я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія, отвѣчалъ маркизъ. У меня были все доказательства въ рукахъ, я видѣлъ! Посылая племянника въ Эльзасъ, я не все зналъ, а то онъ никогда бы не переступилъ за порогъ этого дома.

— Но онъ любитъ меня! но мы оба умремъ, если насъ разлучать!

— Ни вы, ни онъ не умрете, а Алберту уже не въ первый разъ утнниться.

Я посмотрѣла на маркиза съ глубокимъ презрѣніемъ. Онъ грустно улыбнулся.

— Да, продолжалъ онъ, онъ утннится и вы сами утннитесь и поблагодарите меня современемъ.

Отъ былъ правъ, я часто благодарила его отъ всей души.

— Черезъ четверть часа, маркизь съ виконтомъ оставяеть Blumenbergъ, и ты понимаешь, Одилия, что ты не должна видѣться съ Албертомъ; ступай въ свою комнату, мадамъ д'Эгинбертъ придетъ къ тебѣ, а за нею и Адриана. Ступай, дитя мое, будь благоразумна, не огорчайся, тебѣ остается нѣжность отца.

Я встала, дрожа и шатаясь. Батюшка довелъ меня до двери и прошепталъ взоромъ, пока я всходила по лѣстницѣ.

Когда меня невозможно было видѣть, я остановилась и дала свободу слезамъ. Эта горестъ была ужасна, первая въ моей жизни, первая рана нанесенная сердцу, которое послѣ должно было перенести столько другихъ ранъ, пока разбилось совсѣмъ.

Вдругъ чья-то рука охватила мою талию.

— Албертъ! вскричала я.

— Вы плачете, Одилия! Ради Бога, что случилось?

— Албертъ! Албертъ! оставьте меня! мнѣ запретили видѣться съ вами. Все погибло!

— Что вы говорите? это невозможно.

— Насъ разлучаютъ, я умру, и вы вѣрно также?

— Конечно, но развѣ нельзя помочь бѣдѣ? Какую причину приводятъ они?

— Они говорятъ о какой-то тайнѣ, которой не могутъ мнѣ открыть, говорятъ, что вы меня недостойны.

Дверь моей комнаты отворилась; едва успѣли мы разстаться, бросивъ другъ на друга прощальный взоръ.

— Что вы дѣлаете одѣвъ на лѣстницѣ, Одилия? спросила мадамъ д'Эгинбертъ. Пойдемте и перестайте плакать, дитя мое. Вы обязаны возниноваться батюшкѣ.

Мы заперлись въ моей комнатѣ, я все плакала; напрасно Адриана и мадамъ д'Эгинбертъ расточали мнѣ утѣшенія, я слухала только голось своихъ сожалѣній. Послыпнался стукъ кареты, я страшно закричала и невольно заткнула уши. Все кончилось. Я разсталась навѣкъ съ тѣмъ, кто былъ моею первой любовью. Не стану рассказывать вамъ, что я чувствовала, вы это легко поймете сами. Съ-этихъ-поръ запаль въ мою душу зародились этой страшной болѣзни, которая была причиною всѣхъ моихъ несчастій и проступковъ: неодолимая потребность сильныхъ ощущеній и смертельная скука, когда я была лишена ихъ.

Половина заблуждений женщинъ проистекаетъ изъ этого источника; если бы не пробуждали въ насъ этого расположенія, мы оставались бы невинными. Я не перестану повторять, что мы бываемъ тѣмъ, чѣмъ насъ сдѣлають.

Время проходило; я, конечно, успокоилась, но сохраняла горькое отвращеніе отъ всего.

Я слыла богатой невѣстой, мнѣ было шестнадцать лѣтъ, явилась женихи. Я отказывала, потому что, разумется, мечтала о вѣчной вѣрности. Тетюшка преслѣдовала меня за эти отказы. За обыкновенныя занятія свои я не принималась, бросила науки и искусства; единственное развлеченіе мое состояло въ безконечныхъ прогулкахъ по долинь. Адриана не оставляла меня; мы вмѣстѣ блуждали по горамъ, по развалинамъ, иногда однѣ, иногда съ батюшкой. Говорили мы рѣдко, но если разговоръ начинался, то ему не было конца.

— Ты все еще его любишь? спрашивала Адриана.

— Люблю ли я его? Бѣдный Албертъ! оклеветанъ! страдаетъ вдали отъ меня! И ни одного слова! ни одного воспоминанія! За нами присматриваютъ! Но когда-нибудь мы преодолѣемъ препятствія....

— И такъ, Одилия, можно любить совершенно чужаго намъ чело-
вѣка?

— Конечно, Адриана, и это очень естественно. Мы любимъ покровителя нашей будущности.

— Говорятъ, что есть женщины, которыя послѣ свадьбы перестаютъ любить мужа.

— Я этому не вѣрю, *не постигаю*, какъ можно любить не того, чье имя носишь.

— Ахъ, другъ мой, когда выходишь безъ любви!

— Не надо выходить.

— А если тотъ, кого любимъ не любить насъ?

— Какъ можетъ это случиться съ тѣми, которыя, какъ мы, молоды и богаты?

— Ты еще не все знаешь, Одилия!

— Что же остается мнѣ узнать?

— Не спрашивай меня; когда-нибудь я открою тебѣ свое сердце, дай мнѣ собраться съ силами.

По возвращеніи Бурбоновъ, родные мои пришли въ восторгъ; однако батюшка не возвратился въ свѣтъ. Префектъ пригласилъ насъ въ

Страсбургъ на балъ по случаю провѣзда принца королевской фамили; батюшка съ тетушкой повезли насъ съ Адрианой туда. Вильфридъ возвратился, я увидѣла его съ удовольствіемъ, но какъ брата, безъ малѣйшаго волненія. Съ нимъ было не то. Любовь его не угасла въ разлукъ.

За недѣлю до бала мы только и думали, что о своихъ нарядахъ. Убрали головы себя лиліями, какъ дѣлали тогда роляистки, и приколотили такіе же букеты къ бѣлымъ платьямъ.

Вы никогда не узнаете, какое впечатлѣніе производить на дѣвушку первое вступленіе ея въ свѣтъ. Это смѣсь робости и гордости, это простодушіе ребенка и кокетство женщины; всѣ страсти, всѣ склонности развиваются и борются въ одно время.

Прибавьте къ этому уединенію, въ которомъ я жила, важность нашего положенія въ провинціи, вслѣдствіе нашего происхожденія и состоянія, слухъ о моей красотѣ и моемъ умѣ, и вы поймете какими угожденіями была я окружена, и какъ вскружили они мнѣ голову. Двадцать кавалеровъ добивались чести танцевать со мною, я конфузилась. Вдругъ Вильфридъ подвелъ ко мнѣ молодаго человека, котораго называлъ маркизомъ де-Монкабриѣ. Я общалась ему танецъ наравнѣ съ другими и перестала имъ заниматься. Но онъ нѣсколько разъ просилъ меня вальсировать и вальсировалъ чудесно; это заставило меня его замѣтить, и, возвращаясь домой, я спросила о немъ Вильфрида.

— У маркиза де-Монкабриѣ славное состояніе, отвѣчалъ онъ; это знатный вельможа изъ Прованса, но съ престранными идеями. Онъ забралъ себя въ голову спекуляцію, которую хочетъ привести въ дѣйствіе здѣсь, подъ предлогомъ что южные жители слишкомъ лѣнивы и не могутъ быть хорошими работниками. Онъ пріѣхалъ въ Страсбургъ затѣмъ, чтобы купить землю, и хочетъ выстроить желѣзный заводъ. Онъ очень хорошій математикъ и работалъ для политехнической школы. Я зналъ его въ Парижѣ и мы тамъ подружились. По моимъ рассказамъ онъ выбралъ Эльзасъ для своихъ плановъ. Не знаю, какъ они ему удадутся.

Разговоръ тутъ прекратился и я перестала думать о маркизѣ. Меня исключительно занялъ свѣтъ: я приставала къ батюшкѣ, чтобы онъ остался въ Страсбургѣ; удовольствія уже завладѣли моимъ воображеніемъ. Онъ согласился. Мы получили десять новыхъ приглашеній, меня вездѣ выводили, вездѣ я встрѣчала маркиза и онъ скоро явил-

ся мной отъявленнымъ поклонникомъ. Кекетству моему это было очень лестно, я не отвергала маркиза. Вся женщина его осларивал, мнѣ было приятно одержать надъ ними верхъ. Выжидать печально смотрѣлъ на меня, батюшка притворялся, будто ничего не замечаетъ, а тетушка внимательно наблюдала за мной. Устроилась прогулка въ Черный лѣсъ. Маркизь не покидалъ меня, подаль мнѣ руку, когда мы вышли изъ лодки и сѣлъ возлз меня въ шарабанъ. Мы начали разговаривать, и надо отдать ему справедливость, что разговоръ поддерживала я одна. Маркизь былъ очень разсыянъ, отвѣчалъ не попадъ на мои вопросы; я наконецъ засмѣялась ему въ лицо съ этой откровенностью ребячества, которую мы должны стараться преодолѣть, когда свѣтъ научитъ насъ, что не должно быть откровенной.

Онъ грустно посмотрѣлъ на меня.

— Вы смѣетесь, сказалъ онъ, а я не смѣюсь.

— Зачѣмъ?

Потому что занимаюсь серьезными планами, потому что думаю только объ одномъ.

— Объ вашемъ заводѣ!

— Нѣтъ, объ васъ.

— Обо мнѣ?

— Да, я люблю васъ страстно и хотѣлъ бы предложить вамъ царство, а у меня есть только имя и сердце дворянина; состояніе, правда, блестящее, но недостойное вашихъ прелестей...

— О! замолчите! прошептала я, я уже не свободна.

Призракъ Алберта явился мнѣ въ эту минуту и, признаться ли? не милый, полный граціи и нежности, но мрачный, угрожающій, ужасный; я испугалась и уже не любила его. Я не смѣла преступить клятвы, и духъ мой невольно возмутился противъ этихъ оковъ. Маркизь зналъ все это отъ батюшки; онъ понялъ, что я хочу, чтобы меня принудили и расположилъ по этому свой планъ.

Послѣ моего отвѣта онъ помолчалъ нѣсколько минутъ, потомъ продолжалъ:

— Я долженъ бы удалиться, если вы отвергаете меня, но внутренний голосъ велитъ мнѣ оставаться. Мое постоянство тронетъ васъ, я въ томъ увѣренъ. Вы сжалитесь надъ такой любовью какъ моя, вы сжалитесь надо мною.

Онъ возвысилъ голосъ при послѣднихъ словахъ. Батюшка улы-

шалъ его. Я была въ отчаяніи, ждала новыхъ преслѣдованій; такая выгодная партія не часто встрѣчается.

Выйдя изъ шарабана, батюшка отвелъ меня въ сторону и просилъ не одобрять намѣреній маркиза, потому что они ему не нравились.

Все исполнилось. Я увидѣла борьбу, совершенно противоположную той, которую поддерживала цѣлый годъ. Скука моя, уже прогнанная сѣвтомъ, совсѣмъ улетѣла передъ этой перспективой. Я ничего не отвѣчала батюшкѣ, только рѣшилась не слушаться его. Когда маркизъ подошелъ ко мнѣ, я приняла его съ любезной улыбкой и цѣлый день старалась быть обворожительной. Пробѣгая эту дикую природу, потокъ въ долину, Родъ-Бахъ, я вовсе не думала объ Албертѣ, какъ будто его никогда не бывало въ Blumenбергъ.

Вечеромъ, въ постель въ гостинницѣ, я начала размышлять о вѣрности дня, спрашивала себя зачѣмъ батюшкѣ не нравились исканія маркиза, и обвиняла его въ несправедливости: меня мучили за то, что я не принимала предложенія другихъ, вовсе не такихъ выгодныхъ жениховъ, а такой блестящей партіи еще у меня не было. Въ этомъ сопротивленіи я увидѣла желаніе сдѣлать мнѣ наперекоръ и рѣшилась не поддаваться. Къ тому же Албертъ былъ для меня потерянъ, я не надѣялась видѣть его, молчаніе его возвращало мнѣ мои клятвы и, конечно, онъ не сдержалъ своихъ.

Изъ всего этого послѣдовало то, что на другой день я была еще любезнѣе къ маркизу и краснѣя потупила глаза, когда онъ умолялъ меня позволить просить моей руки у батюшки; а въ маленькой часовнѣ въ горахъ, гдѣ всѣ мы стояли на колышкахъ когда звонили къ Angelus, онъ надѣлъ мнѣ на палецъ обручальное кольцо.

Вечеромъ батюшка поцѣловалъ меня въ лобъ и назвалъ маркизой.

Все это случилось такъ скоро, что я не имѣла времени опомниться. Оставшись одна, я упала въ кресла, смущенная, изумленная, не узнавая сама себя, не зная во снѣ или на яву измѣнила я Алберту.

Кольцо поразило взоръ мой, потомъ я вспомнила часовню; Angelus, молитву.... Точно какъ тогда! только сердце мое билось не такъ сильно, я не ощущала того лихорадочнаго волненія, того пылаго счастья, отъ котораго тогда задыхалась; я сохранила способность разсуждать о будущемъ, понимать настоящее; словомъ, страсти уже не было!

На третій день мы возвратились въ Blumenбергъ. Батюшка, чтобъ не дать мнѣ переменить мысли, сообщилъ двумъ, тремъ знакомымъ о моей помолвкѣ и скоро всѣ узнали о томъ. Адриана и Вильфридъ словно хотѣли перещегоолять другъ друга грустью. Огорченіе Вильфрида я понимала, но не могла разгадать Адрианы. Она отвѣчала на мои распросы, что боится не быть такъ часто со мной, когда я буду замужемъ.

Женихъ мой пріѣхалъ съ нами въ Blumenбергъ. Тетушка приняла его съ должнымъ достоинствомъ и насмѣшливо поздравила меня, что я наконецъ сдѣлала выборъ; добрая моя Элеонора обняла меня, пожелавъ счастья и спокойствія въ супружествѣ.

Я не могла подавить впечатлѣнія, которое всегда производила на меня тетюшка и съ трудомъ удержала слезы послѣ ея грубаго поздравленія. Дѣло повели очень торопливо. Корзинка, приданое, были готовы словно по волшебству. И то и другое было великолепно. Батюшка отдалъ за мною блуменбергское помѣстье, предоставивъ себѣ только право жить въ немъ вмѣстѣ съ нами.

Маркизь рѣшился выстроить желѣзный заводъ на берегу Илы, въ долину. Такимъ-образомъ онъ осуществлялъ самое драгоценное изъ своихъ желаній и чуть съ ума не сходилъ отъ восторга.

Онъ проводилъ дни у моихъ ногъ, къ большому неудовольствію тетюшки, которая находила это и неприличнымъ и смѣшнымъ. Онъ обѣщалъ мнѣ будущность, полную ни съ чѣмъ несравнимаго блаженства, и строилъ тысячи плановъ, разлетавшихся отъ перваго дуновенія какъ карточные домики.

Наконецъ, во вторникъ, перваго августа, насъ обвинчали въ блуменбергской капеллѣ, въ присутствіи всего эльзасскаго дворянства, властей двухъ городовъ, Страсбурга и Кольмара, и бывшихъ нашихъ вассаловъ, толпившихся у дверей.

Мужъ мой принималъ поздравленіе какъ побѣдитель, а я, встрѣтивъ во время обѣдни потухшій взоръ и мрачное лицо Вильфрида, подумала, что можетъ-быть другой также страдаетъ вдали меня, что я несправедлива и невѣрна.

Я опустила покрывало и горько заплакала. Это было сожалѣніе, дитя мое. Уже сожалѣніе! на ступеняхъ алтаря, когда мнѣ следовало бы предаваться надеждѣ!

Было слишкомъ поздно вернуться назадъ: клятва была уже произнесена.

Муж мой не могъ назваться красавцемъ, но былъ въ полномъ смыслѣ слова очень пріятный мужчина; невысокаго росту, но строенъ; фizioномія у него была чрезвычайно живая, и на-самомъ-дѣлѣ онъ оказывался согласнымъ съ своей наружностью. Голубые глаза и темнорусые волосы прекрасно гармонировали съ цвѣтомъ лица, бѣлизны почти женской. Что до нравственной части, то всѣ согласны были въ томъ, что у него былъ и умъ и энтузіазмъ. Онъ былъ забавенъ, когда ему этого хотѣлось, а хотѣлось ему часто.

Съ этимъ родомъ вѣтренности онъ соединялъ большую расчетливостъ. Онъ доказалъ это примѣчательнымъ управленіемъ заведенія, которое самъ учредилъ въ Эльзасѣ.

Характеръ его былъ ровенъ, иногда становился равнодушнѣе ко всему, чего причины самъ онъ не понималъ. Короче, эта натура, сколько хорошая, чѣмъ дурная, была составлена изъ неизъяснимыхъ контрастовъ, что бываетъ гораздо чаще, чѣмъ думаютъ.

Я его любила, какъ всякая хорошо воспитанная дѣвушка любить своего мужа.

Нашему медовому мѣсяцу не въ чемъ было завидовать самому блестящему свѣтилу этого рода, которое когда-либо показывалось на небѣ влюбленныхъ.

Мы не разставались, составляли самые веселые планы на безграничное будущее, раскрывавшееся передъ нами. Мы уже воспитали и женили шестерыхъ дѣтей въ первый мѣсяцъ нашего брака. Бѣдный батюшка, котораго счастье было такъ кратковременно, смотрѣлъ на насъ грустнымъ взоромъ; онъ страдалъ, наслаждаясь нашимъ блаженствомъ, и скоро его и безъ того уже разстроенное здоровье начало ослабѣвать съ каждымъ днемъ. Тетушка простудилась, занемогла въ первый разъ въ жизни и вскорѣ умерла. Не могу сказать, чтобы потеря эта привела меня въ отчаяніе: я чувствовала къ тетущкѣ болѣе уваженія, чѣмъ нѣжности, и конечно, вовсе того не желая, она способствовала къ развитію во мнѣ идей, которыя меня погубили.

Если бы я не боялась ея строгости, я позволила бы читать въ моемъ воображеніи, и благоразумное направленіе ослабило бы его пылкость. Но одинъ взглядъ тетущки леденилъ меня до глубины души,

когда губы мои открывались, чтобы сообщить замѣчаніе или сдѣлать вопросъ.

Мадамъ д'Эгинбертъ это чувствовала; но робѣя въ присутствіи моей тетушки, не смѣла позволить себѣ замѣчанія. Какъ-скоро обязанность перестала удерживать ее въ Блуменбергъ, она исполнила любимый планъ свой и вступила въ Фрибургъ въ монастырь Бернардинокъ, гдѣ занималась только спасеніемъ своей души. Батюшка замѣтно изнемогалъ. По мѣрѣ увеличенія болѣзни, нѣжность его становилась живѣе, доброта восхитительнѣе. Я должна отдать справедливость моему мужу и сказать, что онъ былъ для него превосходнымъ сыномъ. Вильфридъ раздвѣлялъ наши попеченія и безпокойства. За нѣсколько дней до кончины, батюшка призвалъ Вильфрида и меня.

— Одилия, сказалъ онъ, я не долго останусь на землѣ, и прежде чѣмъ покину ее, хотѣлъ бы исполнить желаніе Марин и обезпечить участь послѣдняго изъ Блуменберговъ, моего племянника. Надо женить Вильфрида на богатой невестѣ, и я думаю, что это возможно.

— Женить Вильфрида! вскричала я, зачѣмъ?

— Зачѣмъ, что у него нѣтъ состоянія, зачѣмъ, что онъ не можетъ жить одинъ.

Я никогда не думала выйти за Вильфрида, но въ глубинѣ нашихъ чувствъ всегда скрывается невольный эгоизмъ. Мнѣ стало досадно, зачѣмъ хотѣли отдать его другой и не отвѣчала.

— Вы слишкомъ добры, сказалъ Вильфридъ, благодарю васъ, дядюшка, я не хочу жениться.

— Откуда это намѣреніе, Вильфридъ? Въ ваши лѣта не должно на это рѣшаться.

— Причина, дядюшка, понятна. Я любилъ и могу любить только одну женщину; она выбрала другаго; зачѣмъ же предложу я то, что не принадлежитъ мнѣ болѣе? Зачѣмъ поклянусь въ неправдѣ? какъ честный человекъ, я долженъ остаться холостымъ.

— У васъ осталось еще довольно нѣжности въ душѣ, Вильфридъ, чтобы составить счастье жены. Будемъ говорить безъ увертокъ. Адриана васъ любитъ, я одинъ это примѣтилъ. Я сдѣлаю за васъ предложеніе ей матери и увѣренъ, что она не откажетъ.

— О, Вильфридъ, женитесь на ней! вскричала я.

Глаза его медленно повернулись ко мнѣ, полные слезъ.

— Вы желаете этого, Одилия? спросилъ онъ.

— Я умолю васъ. Адриана добра, хороша, богата. Мы составимъ одно семейство.

Мое природное великодушіе преодолѣло кокетство; я желала видѣть положеніе Вильфрида обезпеченнымъ, забыла досаду и искренно уговаривала его согласиться на предложеніе батюшки.

— Соглашаюсь, кузина, возражь онъ неслабъ некотораго размысливша, но съ условіемъ, непремѣннымъ условіемъ, которое зависить отъ васъ.

— Какимъ?

— Позвольте вѣрить это вамъ одной.

— Говорите, Вильфридъ, перебилъ больной, я буду молиться и не стану васъ слушать.

Мы подошли къ окну.

— Вы услышите, кузина, то, чего я никогда не говорилъ вамъ, чего никогда не повторю, и думаю, что не измѣню своему долгу, открывъ вамъ свое сердце. Я люблю васъ съ-гвѣхъ-порѣ, какъ себя помню, вы были царицей моего сердца. Я женюсь на Адрианѣ, но она узнаеть, что я не влюбленъ въ нее, и не будетъ этого требовать, а вы поклянетесь считать меня самымъ лучшимъ другомъ вашимъ на землѣ, позволите слѣдовать за вами взоромъ, призовете меня когда вамъ понадобится моя помощь; кромѣ этого я буду весь преданъ своей женѣ.

— Она станетъ ревновать, Вильфридъ.

— Нѣтъ, потому что я не обману ее, скажу ей всю правду, буду любить какъ только могу и моя преданность, безнадежная или, скорѣе, *не желающая* надежды, не будетъ пугать ее. Это мечта, но я сохраню ее.

— Я принимаю къ вамъ Адриану, поговорите съ ней; надѣюсь, что все устроится къ вашему счастью.

Батюшка услышалъ эти слова.

— Поторопитесь, дѣти, сказалъ онъ, мнѣ едва остается времени быть тому свидѣтелемъ!

Я думала объ этомъ странномъ разговорѣ болѣе, нежели думала о чемъ бы то ни было со дня моего рожденія. Характеръ Вильфрида являлся мнѣ во всемъ своемъ благородствѣ; я гордилась имѣть такую аперу, тайный голосъ твердилъ мнѣ, что придетъ время, когда я буду въ немъ имѣть нужду.

Адриана выслушала Вильфрида со слезами на глазахъ.

— Адриана, прибавилъ онъ окончивъ, вы меня знаете: если я обещаю посвятить вамъ жизнь, это обещаніе будетъ для меня священо. Я не чувствую къ вамъ той безумной страсти, которую питаю къ другой, но я люблю васъ, и если вы желаете принять слово ближняго человека, это чувство еще можетъ сдѣлать васъ счастливою.

— Вильфридъ, отвѣчала милая дѣвушка, протянувъ ему руку: я знаю кого вы любите и не ревную, я сама люблю ее! Не прому отъ васъ болѣе того, что вы мнѣ предлагаете, а это гораздо лучше.

Блуменбергъ подцѣловалъ руку своей невѣсты съ глубокою признательностью. Батюшка имѣлъ утѣшеніе благословить ихъ до кончины.

Смерть эта была для меня жестокомъ огорченіемъ; едва любовь мужа успѣла осушить мои слезы.

Вильфридъ съ женою почти постоянно гостили у насъ. Они оба казались счастливы.

Мужъ мой занимался почти исключительно заводомъ, который строилъ въ долину. Онъ велѣлъ срыть развалины монастыря Святой-Гертруды; я не смѣла этому воспротивиться, но мнѣ было жаль этого свидѣтеля первыхъ впечатлѣній моей души. Я во всемъ призналась Эрнесту и боялась, чтобы онъ не возымѣлъ подозрѣнія, когда я выражу желаніе сохранить то, что онъ разрушалъ, можетъ-быть, съ нетерпѣніемъ. Каждый вечеръ ходила я за нимъ и мы вмѣстѣ возвращались въ замокъ.

Вскорѣ послѣ смерти батюшки я, по обыкновенію, отправилась на мѣсто постройки. Мужъ мой еще былъ занятъ, я отонкла и села у источника. Противъ воли возвратились ко мнѣ прежнія мысли. — Гдѣ онъ? спрашивала я сама себя; любить ли онъ еще меня? А если и такъ, то къ чему это поведетъ его, когда я уже не свободна и не люблю его?

Листья зашумѣли, я вскрикнула: предо мною явился де-Тоннѣ.

— Такъ это правда, Одилия? сказалъ онъ, вы меня забыли!

Я смутилась. Я его не любила, но онъ любилъ меня или былъ по крайней-мѣрѣ въ-правѣ жаловаться, а мой мужъ сейчасъ придетъ! что дѣлать?

— Албертъ.... милостивый государь, прошептала я, что вамъ угодно? Не погубите меня, умоляю васъ, я не одна здѣсь, *уходите*, ради Бога *уйдите*!

Онъ улыбался съ торжествующимъ видомъ.

— А! вы умоляете меня! А! вы меня боитесь! вы! невѣрная! клятвопреступница! я могу теперь отмстить, могу возбудить подозрѣнія того, кого вы предпочли мнѣ.

— Вы не сдѣлаете этого, Албертъ, вы человекъ благородный!

— Я человекъ доведенный до отчаянія, и признаюсь вамъ откровенно, боюсь самъ за себя.

— Я слышу шумъ, ради Бога, оставьте меня!

Онъ скрестилъ руки и посмотрѣлъ на меня:

— Ну! посмотримъ!

— О! вскричала я, батюшка и маркизъ де-Тоннѣ не обманывались; теперь я благодарю ихъ за то, что они разлучили меня съ вами.

— Стало-быть, вы меня презираете? спросилъ онъ съ ужасной улыбкой.

— Я буду уважать васъ какъ никого на свѣтѣ, если вы сейчасъ оставите меня.

Онъ не имѣлъ времени отвѣчать; Вильфридъ съ моимъ мужемъ показались на поворотѣ дороги: я чуть не растерялась, какъ вдругъ на меня нашло вдохновеніе, которое часто спасаетъ женщинъ въ опасности. Бросивъ на виконта смѣлый взоръ, я прямо подошла къ Эрнесту.

— Другъ мой, сказала я, показывая на бывшаго своего обожателя; я встрѣтила виконта де-Тоннѣ у этого источника. Виконтъ, прибавила я, вотъ мой мужъ.

Въ моей наружности было столько естественности и достоинства, что ни Вильфридъ, ни Эрнестъ, не подозрѣвали меня ни одной минуты. Вильфридъ однако зналъ меня больше, угадалъ происшедшее и обещалъ себѣ наблюдать за мною.

Мужъ мой и Албертъ развѣялись довольно высокомернымъ поклономъ; я продолжала:

— Виконтъ пріѣхалъ сюда на нѣсколько часовъ, чтобы поблагодарить батюшку за его прежнее гостепріимство. Онъ не зналъ о нашей горестной потерѣ и прощался со мною когда вы подошли, онъ слышитъ и мы не должны его удерживать.

Я поклонилась и увлекла мужа, который беспрестанно оборачивался и какъ будто не зналъ, не воротиться ли ему назадъ.

— Эрнестъ, сказала я, я люблю тебя.

Онъ пристально всматривалъ на меня.

— Правда ли?

— Правда, другъ мой.

— Такъ я больше не безмокоюсь.

И онъ весело пошелъ впередъ, а я была въ смертельномъ безпокойствѣ. Вильфридъ остался съ Албертомъ и я не знала затѣмъ. Навдвясъ на его благоразуміе, я боялась силы его страсти, боялась особенно Алберта и ждала съ жестокииъ томленіемъ возвращенія Вильфрида.

Черезъ полчаса онъ явился.

— Успокойтесь, шепнулъ онъ мнѣ, онъ увхалъ и не возвратится; я растолковалъ ему всю гнусность его поведенія и онъ поручилъ мнѣ положить къ стопамъ вашимъ его раскаяніе.

Я еще не совсѣмъ успокоилась. Эта быстрая покорность со стороны такого завальчиваго чловѣка казалась мнѣ подозрительною.

— Какъ вы успѣли убѣдить его, Вильфридъ?

— Затронувъ его гордость и честь. Онъ не хотѣлъ заставить меня думать, что заслуживаетъ возведенныхъ на него обвиненій, и когда я ему замѣтилъ, что онъ оправдываетъ ихъ въ эту минуту, онъ вскричалъ, что докажетъ мнѣ противное и ушелъ.

У этого молодаго чловѣка случались благородные порывы; вѣзломощная голова, необузданная склонность къ расточительности, довели его до поступковъ, недостойныхъ дворянина. Въ Дрезденѣ, одинъ придворный упрекнулъ его въ театрѣ въ его поведеніи, онъ далъ ему пощечину, дрался съ нимъ потомъ на дуэли и убилъ его. Отсюда его изгнаніе, открытіе его проступковъ и благородное негодованіе его дяди.

Можетъ-быть, если бы онъ на мнѣ женился, то возвратился бы къ добру. Можетъ-быть также.... Пути Провидѣнія неисповѣдны.

Блуменбергскій заводъ скоро пришелъ въ полное дѣйствіе и склоненія моего мужа распространялись такъ быстро, что придали ему новыя стремленія. Онъ захотѣлъ приложить науку и искусства къ торговлѣ и вызвалъ къ себѣ нѣкоторыхъ школьныхъ своихъ товарищей, выстроилъ имъ навильонъ въ кузницѣ и поручилъ имъ самыя трудныя и смѣлыя работы.

Вильфридъ присоединился къ этой колоніи и у насъ съ Адрианомъ

скоро очутилась свита из молодых людей талантиливых, умных и святских. Это общество привлекло к нам всю отборную молодежь в провинции. В долине нашей, прежде столь спокойной, раздались звуки охотничьих труб, слышавшиеся с движением кузницы и стуком экипажей, безпрестанно призывавших из Страсбурга и всего Эльзаса.

Эта деятельность мне чрезвычайно нравилась. Я выучилась ездить верхом и стала неустранимой наездницей, скакала по нашим чудным лесам, в сопровождении наших *адъютантов*. Мы перепрыгивали заборы, рвы, держали пари. Адриана скоро перестала нам сопутствовать по причине беременности, но Вильфрид не расставался со мною.

Муж не отказывал мне ни в каких издержках; я страстно любила роскошь, мое щегольство вошло в пословицу и кокетство соразмерно увеличилось. Я занималась только балами, танцами, нарядами; мое пятнадцатилетнее ребячество возвратилось; любовь с своим безумством была так далека от моей мысли, как будто ее никогда не бывало; чрезвычайная внутренность замкнула мечтательность.

Муж ни в чем мне не противоречил, я была счастлива, здорова, веселость моя удивляла тех, кто не знал меня, до того она была чистосердечна и простодушна; целые три года не было никого счастливее меня. Я не имела времени ни мыслить ни чувствовать.

Любовь моего мужа улетывала, уступив место спекуляциям и расчетам.

Я этого не замечала, до того любовь казалась мне лишнею; и не сожалела об этом упительном времени, которое исчезло навсегда!

Адриана, напротив, обремененная с мужем рождением ребенка, выигрывала в сердце Вильфрида то, что я теряла в сердце Эрнеста. Она занималась только своей домашней жизнью и никто не узнал бы романтическую, меланхолическую девушку в расчетливой хозяйке дома, в удивительной матери, которая была у меня перед глазами.

— Одиля, сказала она мне, когда я рассказывала ей однажды свои балные усвехи, ты скоро забыла бы это, если бы была матерью!

И она была права. Настоящее призваніе женщины — материнство. Ничто не замѣнитъ божественнаго волненія, причиняемаго улыбкой ребенка; самый обожаемый не кажется намъ такъ прекрасенъ, какъ является намъ въ будущемъ, маленькій другъ, нашъ преемникъ.

Для насъ не существуетъ ни старости, ни переменны, мы не боимся подурнѣть, видя какъ хорошеетъ дочь. Начинается новая жизнь, жизнь полная, преданная, вся отданная другому, безъ всякаго эгоизма. Счастливицы матери!

Вильфридъ также обожалъ своего сына и хотѣлъ, чтобы мужъ мой былъ его крестнымъ отцомъ; тотъ охотно согласился.

Въ день крестинъ у насъ былъ сельскій балъ, тысяча разныя забавы, которыхъ я была царицей.

Теперь я приступаю къ началу своихъ проступковъ и несчастій. Я сорву съ себя и со свѣта покрывающія насъ маски, скажу вамъ, вооружившись страшнымъ мужествомъ и положивъ палецъ на рану: и я все это выстрадала, потому что сдѣлала этотъ проступокъ, потому что забыла правила своей юности и пошла по дурному пути.

Я скажу вамъ все это, Рауль, и вы мнѣ повѣрите, потому что я пишу вамъ слезами.

Мужъ мой получалъ письмо, призывавшее его въ Провансъ; ему не хотѣлось вхаты, не оттого что со мной трудно было разставаться — мое непрерывное присутствіе уже не было ему нужно — но потому, что ему трудно было рывиться передать другому управленіе дѣлами.

Это путешествіе могло быть продолжительно; онъ зналъ, какое довѣріе онъ могъ имѣть къ Вильфриду, однакожъ не могъ думать безъ досады о своемъ отъездѣ. Наконецъ второе письмо заставило его рывиться и онъ отправился.

Я оставалась ко всему этому равнодушной, не заботилась ни объ отъездѣ его ни о возвращеніи: не потому, чтобы я не любила Эрнеста; — въ нашемъ сердцѣ есть всегда особенный уголокъ для мужа, самая забывчивая никогда совершенно не изгоняетъ его оттуда. Мужчины не понимаютъ, чтобы можно было страстно любить другаго и сохранять истинное чувство къ тому, чье имя носишь. Это равенство положенія и состоянія, этотъ родъ взаимнаго обязательства, заключеннаго между супругами, все, до первыхъ воспоминаній, связываетъ и удерживаетъ насъ.

Мужъ обнялъ меня безъ грусти, а я не обратила на то ни малѣйшаго вниманія: въ тотъ день мы должны были охотиться за кабаномъ, я слышала ржаніе моей лошади, лай собакъ, звукъ охотничьихъ трубъ, это занимало меня болѣе.

Я проводила мужа до крыльца, одной рукою сдѣлала ему прощальный знакъ, другою позвала грума, державшаго подъ уздцы мою красивую Ровену, такую горделивую и кокетливую; Адриана стояла за мною съ ребенкомъ на рукахъ.

— Одилия, сказала она съ удивленіемъ, неужели ты не огорчена?

— Боже мой, зачѣмъ мнѣ огорчаться? Эрнестъ ѣдетъ по дѣламъ въ хорошемъ экипажѣ, съ своими людьми, не подвергается никакой опасности, я скоро получу отъ него извѣстіе, мы увидимся черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, зачѣмъ же мнѣ огорчаться?

— Одилия права, возразилъ подошедшій Вильфридъ: к чему хочешь ты ее опечалить?

— Я, другъ мой! сохрани Боже! Я только удивляюсь, что она не огорчается.

Я захохотала.

— Милая Адриана, ты всегда была нѣсколько восторжена, я же, увы! живу на землѣ.

— И хорошо дѣлаете, кузина; небо слишкомъ скоро закрывается для тѣхъ, которые мечтаютъ объ немъ.

Адриана подумала, что мужъ ея намекалъ на прежнюю свою любовь; она воротилась въ гостиную не говоря ни слова. Вечеромъ, возвратясь съ охоты, мы нашли ее съ измѣнившимся лицомъ и красными глазами. Вильфриду стоило много труда, чтобы возвратитъ улыбку на ея уста.

Я уже сказала вамъ, Рауль, въ характеръ моемъ заключалась страстная пылкость, которую я примѣнивала ко всему, и которая увлекла меня часто за должныя границы. Тогда охота поглощала это расположеніе. Не понимаю, какъ я не сломила себѣ шеи, какъ не убила лошади въ своихъ сумашедшихъ поѣздкахъ. Никто изъ моихъ товарищей не могъ бороться со мной; опасность, такъ сказать, привлекала меня, потребность сильныхъ ощущеній, въ которой я не отдавала себѣ отчету, заставляла меня бросаться въ нее очертя голову. Я галопомъ спускалась съ горъ по камнямъ и колеямъ;

иногда голова у меня кружилась и, казалось, мнѣ не миновать бездны.

Въ этотъ день я была еще неустрашимѣе обыкновеннаго и, не смотря на замѣчанія Вильфрида, непременно хотѣла перескочить черезъ широкій ровъ. Ровена оступилась и мы оба шлепнулись въ грязь.

Признаюсь, мнѣ стало очень стыдно, когда меня подняли. Запачканное платье, волосы и лицо все въ грязи, заставили меня покраснѣть. Я очень ушиблась, но увѣряла, что не чувствовала никакой боли, и хотѣла непременно воротиться въ замокъ не дожидаясь кареты.

По приѣздѣ, я тщательно нарядилась, напрыскалась духами и старалась вечеромъ быть рѣзвѣе обыкновеннаго; зато ночью поплатилась за хвастовство: со мной сдѣлалась лихорадка и докторъ объявилъ болѣзнь очень опасною. Вильфридъ чуть не сошелъ съ ума, Адриана принесла колыбель сына въ мою комнату и не покидала меня ни днемъ ни ночью. Болѣзнь усиливалась, безпокойство увеличивалось, написали къ моему мужу; онъ отвѣчалъ, поручая меня Вильфриду, что никакъ не могъ оставить Марсель.

Болѣзнь моя продолжалась три недѣли, въ продолженіе которыхъ друзья мои осыпали меня попеченіями, нѣжностью и употребили все на свѣтъ, чтобы не дать мнѣ замѣтить одиночества, въ которомъ оставлялъ меня Эрнестъ.

Въ одинъ вечеръ они разговаривали шепотомъ подлѣ моей постели, полагая что я сплю, но я все слышала :

— Не постигаю де-Монкабриѣ, говорилъ Вильфридъ. Если бы Одилія умерла, какъ онъ долженъ бы упрекать себя, что ее такъ бросилъ !

— А я еще менѣе постигаю Одилію, она даже и не подумала объ отсутствіи мужа. Меня пугаетъ и ея равнодушіе, и оборотъ, который принимаютъ ея мысли и чувства : черезъ нѣсколько лѣтъ она не будетъ любить ничего.

— Ты очень заблуждаешься, милая Адриана, и вовсе не понимаешь кузины. Это вулканъ, покрытый пепломъ. Думаютъ, что онъ угасть, уже не опасаются взрыва, но отъ одной искры вспыхнетъ огонь и загорится съ бѣльшей силою чѣмъ прежде. Дай Боже, чтобы не случилось этого съ Одиліей !

— Люби она мужа, бѣды не будетъ.

— Напротивъ, моя милая, потому что мужъ ея не любитъ; она устала бы любить его безнадежно, а страсть, разъ въ ней пробужденная, заведетъ ее далеко, повѣрь мнѣ.

Я сдѣлала невольное движеніе, они замолчали, но я долго размышляла о слышанномъ. Удивленіе Адрианы, предсказаніе Вильфрида звучали какъ колоколъ у меня въ ушахъ.

— Не буду любить мужа, потому что онъ меня не любитъ, думала я, потому что страсть, если пробудить ее, заведетъ меня далеко. Зачѣмъ пробуждать ее? Была ли я счастлива, думая объ Албертѣ? Не счастливѣе ли я въ своей беззаботности? Вильфридъ ошибается: я уже не поддамся восторженности, мнѣ нечего опасаться.

И очертя голову бросилась я снова въ опасность.

Друзья постарались сдѣлать выздоровленіе мое не скучнымъ. Одинъ за другимъ приходили они разговаривать со мною и читать мнѣ въ моемъ уединеніи. Кто-то изъ этихъ господъ зналъ по-нѣмецки, я дала ему Фауста Гете и съ жадностью слушала его.

Мнѣ показалось, что я въ первый разъ понимаю красоты его. Любовь Маргариты и Фауста показалась мнѣ восхитительна страстью и истиной; я ни о чемъ другомъ не думала, и мечтала только о романахъ, которые мнѣ читали и о предстоящихъ прогулкахъ.

Я выздоровѣла. Во мнѣ началось нравственное безпокойство, отъ котораго могло меня излечить только сильное физическое волненіе. Я въ первый разъ въ жизни начала мыслить, а инстинктъ говорилъ мнѣ, что избытокъ мыслей не годился мнѣ теперь.

Едва могла я держаться на лошади, какъ просила уже Вильфрида проводить меня въ мой любимый лѣсъ. Вильфридъ окружалъ меня попеченіями, былъ веселъ, потому что видѣлъ меня задумчивой и зналъ какъ опасна мечтательность для женщинъ съ пылкимъ воображеніемъ.

Какъ прелестенъ замокъ Гагенекъ! Четвероугольная, полуразрушенная банья, плющъ и вьющіяся растенія, покрывающія его, представляютъ разительную противоположность съ вьюнками и левкоями, растущими у подошвы стѣнъ и огромными соснами, возвышающимися надъ ними. Ручеекъ, окруженный верескомъ и маргаритками, журчитъ между розанами, образуетъ каскадики и часто терется среди боярышника.

Утромъ была гроза; изъ лѣсу вѣяло упительнымъ благоуханіемъ, какалъ бываетъ обыкновенно послѣ дождя; сердце мое забилося,

я остановилась, потому что готова была лишиться чувствъ, тысяча различныхъ ощущенийъ бросились мнѣ въ голову и я могла только вскричать :

— Боже мой! что со мной ?

Вильфридъ поддержалъ меня. Мы чуть не упали съ лошади оба; слуги, провожавшіе насъ, подбѣжали, испуганные моею бѣдностью.

— Одиля, говорилъ Вильфридъ, воротимся въ замокъ. Силы ваши еще не довольно поправились для этой прогулки, но вы не хотели меня послушаться.

Я молча покачала головою; не въ силахъ быть у меня недостатокъ.

— Присядемъ здѣсь на минутку, сказала я наконецъ. Это мѣсто такъ красиво и время такъ хорошо !

Мы съѣли. Вильфридъ началъ говорить объ охотѣ, балахъ, забавахъ, описывалъ великолѣпные наряды, ожидаемые изъ Парижа; перешелъ къ невиннымъ насмѣшкамъ надъ моими соперницами въ щегольствѣ, предсказалъ мнѣ ихъ гнѣвъ, ихъ досаду, и заставилъ меня громко хохотать; а ничего нѣтъ положительнаго смѣху : женщина веселая, если не достигла послѣдней степени развращенія, почти всегда невинна; разумеется, если веселость ея чистосердечна.

Мы воротились къ обѣду. Вечеромъ пріѣхали гости; давнишнее расположеніе мое не воротилось, мнѣ не дали на то времени.

— Подождите еще нѣсколько дней, сказалъ мнѣ однажды Вильфридъ, когда мы приготовлялись къ одной болыной прогулкѣ, у насъ скоро будетъ еще товарищъ.

— Кто такой ? спросила я.

— де-Монжабрис. Онъ мнѣ пишетъ, что воротится на будущей недѣль. Онъ думаетъ, что вы еще больны, кузина, и что мы обманываемъ его на-счетъ вашего здоровья.

Это вниманіе, это безпокойство моего мужа удивило и обрадовало меня. Я хотѣла любить его, хотя еще не объявила себя этого рѣшенія, но уже рѣшилась на то безъ своего вѣдома.

Скоро открылась услужливая лодка Вильфрида. Первый инженеръ нашего завода также получилъ письмо отъ моего мужа и разсказалъ, что онъ стѣнжалъ пріѣхать для продажи лодку, предстоящей въ слѣдующее воскресенье.

Эрвостъ вѣзхала. Я бросилась къ нему на шею съ одушевленіемъ истиннаго счастья.

— Чуть не случилось такъ, что мы могли бы вовсе не увидѣться, вскричала я.

— Какъ можно позволить себѣ такую неосторожность! Причинить мнѣ такое безпокойство, когда я заваленъ дѣлами!

— Принудить тебя заниматься мною, когда бы тебѣ такъ хотѣлось думать о другомъ, это ужасно! прибавила я съ принужденной улыбкой.

— Тебя надѣ бы хорошенько побранить. Вотъ тебѣ разныя бездѣлушки, чтобы доказать, что я о тебѣ думаю даже тогда, когда ты меня къ тому не принуждаешь.

Мнѣ принесли сундукъ, наполненный самыми богатыми и дорогими восточными нарядами. Онъ навѣрно ограбилъ весь марсельскій портъ. Это были шарфы, шали, матеріи, настоящая свадебная корзина. Я была въ восхищеніи и бросилась на шею мужу. Онъ легонько оттолкнулъ меня съ тѣмъ жестомъ пресыщенія уже не любящаго чело-вѣка, которое знаютъ все женщины.

— Возьмите все это назадъ, сказала я оскорбившись, мнѣ этого не нужно.

— Что съ тобой? вскричалъ онъ.

На щеку мою скатилась слеза, онъ не угадалъ причины.

Когда по настоятельнымъ его просьбамъ, я сказала еѣ, онъ не вонялъ меня; движеніе его было невольно и тѣмъ плачевнѣе. Равнодушіе, выказывающееся такъ естественно, неизлечимѣ всѣхъ равнодушій, если допустить, что равнодушіе пресыщенія можетъ излечиться, чего я не думаю.

Мы отправились на предполагаемую давно прогулку. Насъ собралось многочисленное, веселое общество, и даже Адриана согласилась звать. Съ нами были также одна дама изъ Кольмара, съ дочерью, которая выходила по любви за нашего короткаго знакомаго; и еще другая молодая, очень хорошенькая женщина, которая говорила, будто была очень дружна съ нашимъ сосѣдомъ.

Все были счастливы; надежда провести недѣлю вмѣстѣ въ сельской свободѣ, наполняла радостью влюбленныхъ: молодые люди рассчитывали повеселиться, мужа хорошо поѣсть, — поваръ нашъ ѣлъ съ нами съ цѣлой лавкой съѣстнаго — женщины надѣялись

быть хорошенькими; съ Адрианой былъ Вильфридъ, никто не былъ обиженъ, исключая меня; но я тогда объ этомъ не думала.

Въ Мюнстеръ мужъ мой встрѣтилъ кунца, торговашаго железомъ и затѣялъ съ нимъ дѣло, очень прибыльное, по которое кончить е-до было въ Бельфоръ, по причинѣ нѣкоторыхъ необходимыхъ сдѣ-ній; Эрнестъ не колебался ни минуты.

-- Продолжайте безъ меня, сказалъ онъ, я постараюсь васъ до-гнать, а если не успѣю, — съ тобой кузина и друзья, я не буду без-покоиться.

— Другъ мой, возразила я, готовая заплакать, останься со мной; болѣе или менѣе денегъ въ барышъ — бездѣлица. Развѣ мы не до-вольно богаты? А я ожидала столько счастья отъ твоего присут-ствія!

— Какое ребячество, Одиля! дѣла прежде всего; въ наше время деньги никогда не бездѣлица. Ты славно повеселишься безъ меня, только не сломай себѣ шеи. Я поручу тебя Вильфриду.

— Это справедливо, продолжала я съ горечью, ты не долженъ без-покоиться; при твоихъ занятіяхъ, тебѣ необходимо, по-крайней-мѣрѣ, быть спокойнымъ.

Онъ даже меня не понялъ!

Въ тотъ же вечеръ мы достигли Гаун-ка, отдѣляющаго Эльзасъ отъ Лотарингіи.

Я едва отвѣчала на шутки однихъ, на любезность другихъ, на вни-маніе всѣхъ. Мнѣ было досадно, я надулась. Сердце мое страдало то-гда менѣе самолюбія и неисполненнаго желанія.

Мы вѣхали вѣрхомъ; экипажи не могли проѣхать по дорогамъ. На другомъ склонѣ горы находится сосновый лѣтъ, надъ озеромъ Рету-римерсмъ, прелестнымъ бассейномъ, прозрачнымъ какъ источникъ и отражающимъ въ водахъ своихъ туманныя вершины горъ.

Мы рѣшились провести ночь въ чпстенкомъ домикѣ сторожа на берегу озера. Грусть моя разсыпалась, я прыгала отъ радости, что ле-гу спать на соломѣ и проведу ночь безъ сна. Мы пообѣдали очень порядочно, напились превосходнаго рибовилесскаго вина, такого же крѣпкаго какъ рейнское, и потомъ вздумали танцевать. Кто-то взялъ съ собою скрипку, мы стали по мѣстамъ; я танцевала съ нашимъ инженеромъ, прямо противъ насъ стояла та молодая женщина, о ко-

терой я говорила, съ своимъ кавалеромъ, на-право Вильфридъ съ Адрианой; на-лѣво будущая парочка; другіе гуляли въ лѣсу.

За ритуальсье принимались три раза. Никто не слыхалъ ея, всѣ оставались на своихъ мѣстахъ, разговаривая тихо; мы одни думали о кадриляхъ.

— Ну, будемъ же танцовать вдвоемъ! вскричалъ наконецъ мой кавалеръ.

Но я также не трогалась съ мѣста, не слышала музыки, взоръ мой блуждалъ отъ одной нары къ другой, я разсматривала ихъ съ любопытствомъ, они казались такъ счастливы! Любовь выражалась на всѣхъ лицахъ, любовь полная надежды, любовь счастливая, любовь законная, любовь виновная.

Вокругъ себя я видѣла вездѣ любовь и обративъ взоръ на себя, нашла себя одинокою, лишенною навсегда этой любви, которой пользовались всѣ; это было страшное открытіе; я рѣдко такъ страдала даже во время своей страдальческой жизни.

— О! подумала я, заглушая рыданія, я не могу жить одиноко; я также хочу любить, я также хочу быть любимою!

Но въ этихъ мысляхъ, другъ мой, не было ничего преступнаго. Одинъ Эрнестъ являлся моему воображенію. Я припоминала первыя минуты нашего брака, припоминала, сколько разъ мы счастливо блуждали одни по цвѣтущимъ тропинкамъ страсти и желала только что возвращенія этихъ чудныхъ сновидѣній, которыя были для меня самой вѣрной существованностью. Измѣнить своимъ обязанностямъ казалось мнѣ ужасно, я не постигала, какъ это можетъ быть возможно.

Вильфридъ безпрестанно наблюдалъ за мною и, примѣтивъ мою перемену, испугался, не больна ли я. Успокоившись на-счетъ моего здоровья, онъ сталъ искать другой причины.

— Но чтѣ же съ вами, Оди я?

Я колебалась, но потребность открыть мою душу была свыше силъ; я покраснѣла и увлекла Вильфрида на берегъ озера.

— Вильфридъ, прошептала я рыдая, я здѣсь одна!

— Вы это примѣтили! возразилъ онъ съ живостью.

Потомъ жалѣя, что выказалъ свою мысль, продолжалъ:

— Вы не одни, у васъ есть мужъ, который васъ любитъ, братъ, сестра, преданные друзья, чего вамъ больше?

— Мне надо Эрнста, Эрнста такого какимъ онъ былъ когда мы мнѣ женился, когда я была слишкомъ молода, и не понимала этой женщины, которая меня убьетъ, можетъ-быть: что любовь необходима для счастья. О! кто возвратитъ мнѣ его!

• — Вы сами, Одилия, если захотите. Не то, что было въ эти ужасныя минуты, но то, чего вы должны желать теперь, съ чувствомъ болѣе действительнымъ, болѣе прочнымъ, безъ беспокойствъ и оболещеній.

— Вы не понимаете меня, Вильфридъ, перебила я нетерпѣливо, я хочу этого безпокойства, этихъ оболещеній, потому что въ буряхъ есть блаженство; повторяю, безъ этого блаженства я не могу жить.

— Берегитесь, кузина, вы впадаете въ страшную ошибку. Въ бракъ любовь, конечно, есть счастье, но рядомъ съ любовью есть болѣе вѣрное основаніе постояннаго блаженства; это то, что мы съ Адрианой чувствуемъ другъ къ другу. А развѣ мы несчастны?

— Но вы съ Адрианой чувствуете другъ къ другу любовь!

Вильфридъ бросилъ на меня взоръ, котораго я никогда не забуду, въ которомъ сосредоточилась страсть, сдерживаемая цѣлые годы, и безмолвный упрекъ.

— Вы знаете, Одилия, продолжалъ онъ помолчавъ, что я не могу никого любить, а жена моя слишкомъ занята материнскими обязанностями и слишкомъ спокойна, чтобы страсть приблизилась теперь къ ея сердцу. Нѣтъ, мы любимъ другъ друга *лучше*, если не *больше*. Изгоните изъ своей хорошенькой головки романтическія глупости, или вы погибнете или внесете безпорядокъ и несчастіе въ этотъ уголокъ земли, до-сихъ-поръ такъ спокойный. Можно побѣдить себя, поверьте, стоитъ только захотѣть; а такая женщина какъ вы, должна имѣть твердую волю.

Я слушала Вильфрида съ мучительнымъ предчувствіемъ. Я чувствовала, что онъ былъ правъ, но не въ этомъ языкѣ нуждалось мое сердце. Онъ слишкомъ рано заговорилъ со мной голосомъ разсудка, и я была не въ состояніи слушать его; меня надо было сначала повести нечувствительными путями по дорогѣ дружеской привязанности, по которой идешь безъ недоувѣрчивости и которая ведетъ непримѣтно къ дорогѣ обязанности. Онъ поторопился, я поняла его сопротивленіе, оскорбилась и довѣріе мое закрылось безвозвратно.

Этот разговор, конечно, имел очень большое влияние на мою будущность. Советы этого преданного друга спасли бы меня навѣрно, если бы въ началѣ моихъ заблужденій я пришла къ нему въ вѣсть. Но я молчала, но я его боялась, и добрый ангелъ мой улетѣлъ.

Въ недѣлю нашей поездки я чувствовала себя совсѣмъ иначе какъ обыкновенно, думала объ Эрнестѣ безпрестанно, перебирала въ памяти всѣ его прежнія клятвы и обѣщала себѣ возобновленіе этихъ прекрасныхъ дѣлъ.

Я боялась Вильфрида: онъ говорилъ мнѣ всей силой своего разсудка, и Адриана, по его же совету, дѣлала напрасныя усилія, чтобы убѣдить меня.

Мы возвратились наконецъ въ Блуменбергъ; мужъ мой еще не призвалъ.

Я стала беспокоиться: это была переменна въ чувствахъ, придавшая имъ новую горячность.

Прошло нѣсколько дней; мои думы дѣлались сильнѣе, я поддерживала ихъ съ любовью, сочиняла стихи, писала жгучія страницы, которыя послѣ раздирала, не смѣя показать ихъ никому, даже Эрнесту.

Наконецъ я рѣшилась все сказать ему и, рывившись на это, ждала его возвращенія еще съ большимъ нетерпѣніемъ.

Онъ написалъ мнѣ, что остается въ Страсбургѣ по дѣламъ. Онъ былъ веселъ, доволенъ и просилъ меня извинить его.

Я ему не отвѣчала. Письмо его такъ мало походило на мое!

Вильфридъ считалъ меня спокойной, потому что я не жаловалась. Самый проникательный и добрый мужчина почти никогда не сумѣетъ справиться съ сердцемъ женщины. Онъ ухалъ въ Рекувремонтъ и оставилъ со мной Адриану, которая совсѣмъ не раздѣляла спокойствія мужа.

Эрнестъ, послѣ мѣсячнаго отсутствія, прѣхалъ вдругъ въ одно утро, когда я совсѣмъ его не ожидала. Онъ разбудилъ меня. Я такъ обрадовалась, что со мной сдѣлалось дурно.

Онъ не вѣрилъ глазамъ. Я покрывала его поцѣлуями, положила руку его къ себѣ на сердце; это обращеніе было мнѣ такъ несвойственно, что не смотря на то, что онъ былъ озабоченъ посторонними вещами, онъ долженъ былъ это примѣтить.

— Ты настоящій ребенокъ, Одиля, сказалъ онъ; мнѣ надо поговорить съ инженеромъ, съ управляющимъ, мнѣ некогда.

— Нѣтъ, нѣтъ, не покидай меня, Эрнестъ, или я умру.

Онъ засмѣялся.

— У тебя разстроены нервы, тебѣ привидѣлся дурной сонъ и тебѣ бредитъ ; развѣ такъ умираютъ ?

— А развѣ это почти не случилось ?

— Да, но оттого что ты простудилась и упала съ лошади, а не потому что меня не было.

Я подумала, что наступила минута исполнить мое великое намереніе : я свла на постели, и начала :

— Эрнестъ, мнѣ надо серьезно поговорить съ тобой.

— Очень радъ, другъ мой, но не теперь, мнѣ некогда, меня ждутъ.

— То, что я хочу сообщить тебѣ, важнѣе всего : дѣло идетъ о нашемъ счастьи.

Онъ опять засмѣялся.

— Боже мой, Одиля ! какая ты странная ! что за торжественный тонъ ! О нашемъ счастьи ! развѣ мы не счастливы ?

— Можетъ-быть вы, сударь, а не я.

Онъ сидѣлъ на моей постели, я держала его за руку ; онъ оттолкнулъ меня и всталъ.

— Позволь мнѣ уйти, Одиля, это будетъ гораздо лучше, потому что кончится тѣмъ, что ты меня раздосадуешь.

И онъ ушелъ.

Раздосадую ! а я ожидала великолѣпной сцены и двадцать разъ повторяла ее въ своемъ воображеніи ! Тутъ было чѣмъ сбить съ толку самый пылкій романтизмъ.

Я встала въ бышенствѣ, нарядилась великолѣпнымъ, то-есть, самымъ простымъ, но *убійственнымъ* образомъ и сказала себѣ : — Посмотримъ, устоитъ ли противъ этого его досада ?

Она не устояла, потому что ея давно уже не было. Эрнестъ вошелъ въ столовую такой же веселый и развязный, какимъ былъ по приѣздѣ. Адриана расхвалила мой чепчикъ и кисейный пеньюаръ, а мужъ мой разсуждалъ въ это время о политикѣ съ блауменбергскимъ аббатомъ.

Будь на мнѣ шляпа, какія надѣваютъ на танцующихъ собакъ,

и бархатное платье, онъ бы и того не приметилъ. После обѣда онъ опять ушелъ на заводъ; я принялась читать. Тогда только вышелъ *Антони*; я села въ большія кресла и скоро забыла все для исторіи, развивавшейся у меня передъ глазами. Ничто не могло сдѣлать на меня большаго впечатлѣнія. Тутъ была страсть пылкая, необузданная, такая, о какой я мечтала съ ревностью, безумствомъ. Я, такъ сказать, сжилась съ нею, и съ-тѣхъ-поръ не могла ни думать, ни говорить ни о чемъ другомъ.

За обѣдомъ я свела разговоръ на этотъ предметъ. Каждый подалъ свое мнѣніе.

— Вашъ *Антони* сумасшедшій, говорилъ мой мужъ, онъ окончательно погубилъ свою возлюбленную, неловко защищая ее. Будь онъ въ-самомъ-дѣлѣ на свѣтѣ, его заперли бы въ домъ сумасшедшихъ и ни одна порядочная женщина не пустила бы его къ себѣ въ домъ.

— А я обожала бы такого чловѣка.

— Который бы васъ убилъ.

— Именно за это.

— Ты съ ума сошла; къ счастью я могу быть спокоенъ, ты не встрѣтишь *Антони*, въ наше время ихъ нѣтъ. Ты, умная женщина, называешь чувство этого чловѣка страстью! Это просто грубый инстинктъ самца, защищающаго самку.

— Фи! фи! можно ли такъ говорить о самыхъ благородныхъ чувствахъ сердца!

Разговоръ прекратился, но я не оставила своего намѣренія. Мнѣ хотѣлось открыть свое сердце Эрнесту, я подстерегла его вечеромъ и едва онъ пришелъ одинъ въ кабинетъ, гдѣ оставался по-крайней-мѣрѣ съ часъ, я вошла къ нему.

Онъ улыбнулся, увидѣвъ меня.

— Ну что, моя страстная красавица? сказалъ онъ.

— Я пришла поговорить съ тобой, другъ мой. Зачѣмъ ты такъ называешь меня?

— Затѣмъ, что ты примѣниваешь страсть ко всему.

— А ты ни къ чему.

— Я справедливѣе и разсудительнѣе.

— Можеть-быть, но отъ этой разсудительности я сойду съ ума.

— А я такъ думаю, право, что ты уже и сошла!

— Мне хочется открыть тебе мое сердце, Эрнестъ; хочется, чтобы ты узналъ меня, а ты ведь никогда не зналъ меня; и потому мы, можетъ-быть, еще будемъ счастливы.

— Я слушаю, отвѣчалъ онъ съ насмѣшливымъ видомъ, протискиваясь въ креслахъ, какъ человекъ, приготовляющійся слушать скучное чтеніе.

— Ты знаешь, какъ состоялся бракъ нашъ, знаешь, что я была вмѣстѣ и романтическимъ и веселымъ ребенкомъ, когда за тебя вышла, потому что батюшка вздумалъ мнѣ идти наперекоръ, чтобы заставить меня скорѣе рѣшиться; ты знаешь все это кромѣ одного: я никогда тебя не любила.

— Странное и лестное признаніе!

— Да, я никогда не была влюблена въ тебя.

— Такъ, стало быть, ты любила де-Тоннѣ?

— Нѣтъ, и его не любила.

— Кого же?

— Никого. Эти мимолетныя чувства были также далеки отъ страсти, какъ и отъ равнодушія.

— Какъ же ты это узнала?

— Изъ сравненія.

— Теперь ты вѣрно любишь?

— Буду любить, другъ мой, если ты захочешь.

— Если я захочу?

— Ты, одинъ ты. До-сихъ-поръ я была втреной кокеткой, теперь повязка упала съ моихъ глазъ, я чувствую пустоту своего существованія, чувствую одиночество, въ которомъ прозябаю; я нуждаюсь въ любви, Эрнестъ, ты одинъ въ мірѣ вправъ дать мнѣ ее, я прошу тебя объ ней, не откажи мнѣ.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Любишь, Одилія? я очень люблю тебя, люблю такъ какъ тридцатипятилѣтній мужчина можетъ любить послѣ нѣсколькихъ лѣтъ супружества, любовью, которая продолжится цѣлую жизнь, потому что разсудительна.

— Мнѣ не нужно разсудительности, слышишь ли? я хочу страсти горячей, пылкой, какую я считаю себя способною внушить. Въ нашей жизни кроется большее несчастіе; ты желаешь только спокойствія

в удобства, когда я могу жить только въ волнении и движениі. Какъ намъ понять другъ друга!

— А твои обязанности, Оділія?

— Я знаю ихъ и исполню; но какую борьбу нужно выдержать съ преслѣдующими васъ призраками, которые зовутъ васъ за собою!

— Я тутъ ровно ничего не понимаю.

— Не понимаешь?

— Ръшительно ничего.

— Такъ я должна высказать тебѣ всю свою мысль, со всею ея преступностью, какъ она есть! Знай же, что если ты не дашь мнѣ этой любви, о которой я тебя умоляю, если ты не захочешь надзирать за мною, излечить мою больную, уязвленную душу, будетъ большое несчастье.

— Какое?

— Или я сойду съ ума, или полюблю другаго; третьяго выбора я не вижу.

— Ну, мудроно тебѣ сойти съ ума болѣе теперешняго.

— Нѣтъ; нѣтъ, я найду въ другомъ то, что ты такъ презираешь.

Онъ захохоталъ.

— Милая Оділія, это становится смѣшно; предупреждать, что меня обманешь! Напрасный трудъ, я не вѣрю, я знаю тебя лучше, чѣмъ ты сама. Твой возвышенный, благородный умъ, твои твердыя правила не поддадутся причудамъ твоего здоровья. У тебя разстроены нервы, ты принимаешь это за пустоту сердца и строишь на томъ карточные домики, которые разлетятся отъ одного дуновения. Поверь мнѣ, другъ мой, обдумай, занимайся, прогони мечтательность, взгляни поближе въ какое положеніе поставила тебя судьба. Молода, хороша, богата, имѣешь мужемъ честнаго челоуѣка, который принадлежитъ тебѣ и сердцемъ и душой; едва что пожелаешь, все исполняется; чего тебѣ еще надо? Перестанемъ говорить объ этомъ угнетенномъ предметѣ; надѣнь сурдинны на свое воображеніе, а то оно заведетъ тебя далеко.

Мужъ мой всталъ, взялъ меня за руку, довелъ меня до моей спальни и ушелъ. Я осталась на томъ же мѣстѣ, въ такомъ же изумленіи, какъ-будто мнѣ сказали, что началось свѣтопреставленіе; но-тъкъ слезъ облегчилъ меня, я заперлась и проспала всю ночь.

Этот вечеръ рѣшилъ мою участь. Страсть, обратившаяся бы на мужа, если бы онъ ее принялъ, стала покатъ себя другой цѣл.

Эрнестъ своимъ насмѣшливымъ равнодушіемъ запечатлѣлъ мое несчастіе. Я заключилась сама въ себя и предалась своимъ с.масбродовымъ мечтамъ.

Какъ далеко зашла я въ одинъ мѣсяць! Теперь я понимала, что можно любить другаго, любовью платонической, это правда, но я уже спустилась съ первой ступени, сама того не подозревая. Я любила попеременно героевъ всѣхъ поэтовъ, пока сама не нашла своего собственнаго. Онъ не замедлилъ явиться,

Одинъ изъ сосѣднихъ замковъ, давно уже необитаемый, принадлежалъ графу Леону де-Шанбуръ. Круглый сирота, воспитанный опекунами за границей, онъ вступилъ въ службу; по прїездѣ во Францію, долго не посѣщалъ отцовскаго наслѣдія, какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день явился въ Эльзасъ и сдѣлалъ мнѣ визитъ.

Леонъ де-Шанбуръ въ двадцать пять лѣтъ былъ высокъ, строенъ, съ подвижной и остроумной физиономіей. На лицѣ его, не совсѣмъ правильномъ, выражалась чрезвычайная прелесть ума и свѣтскость. Онъ получилъ прекрасное воспитаніе и былъ въжливъ и любезенъ какъ вельможа прежнихъ временъ.

Онъ нашелъ меня прелестною, и менѣе, чѣмъ въ три недѣли, страстно влюбился. Наше близкое сосѣдство, любезность его обращенія, скоро насъ сблизили и каждый вечеръ онъ присоединялся къ нашему дружескому кружку.

Эрнестъ очень уважалъ его, они вмѣстѣ охотились, разсуждали о важныхъ и философскихъ вещахъ; со мною де-Шанбуръ говорилъ о поэзіи и романахъ; съ Адрианой почти становился матерью семейства; съ Вильфридомъ разговаривалъ о военной службѣ, съ инженерами о математикѣ: съ каждымъ говорилъ его языкомъ и правился всѣмъ.

Мужъ мой уѣхалъ въ это время по дѣламъ въ Германію, я не старалась ни удержать его, ни сопутствовать ему.

По отъездѣ его, графъ де-Шанбуръ продолжалъ бывать у меня каждый вечеръ и часто днемъ мы ѣздили вмѣстѣ верхомъ, но всегда съ Вильфридомъ, Адрианой или съ кѣмъ-нибудь изъ гостей. Взгляды его говорили мнѣ то, чего онъ не смѣлъ сказать, призна-

юсь и мнѣ пріятно было объ этомъ думать. Оно льстило и самолюбю моему и жаждѣ ощущеній; немногаго не доставало, чтобы сердце вошло далѣе ихъ.

Разъ утромъ я мечтала въ паркѣ, у подошвы старой башни, остатка прежней блуменбергской крѣпости, прочла нѣсколько стиховъ Ламартина, и закрыла книгу, чтобы поговорить съ своимъ воображеніемъ, въ которомъ Леонъ преобладалъ надъ всѣмъ съ нѣкотораго времени.

Было чудное лѣтнее утро, исполненное прелести и поэзіи. Я прислушивалась къ шуму источника, къ пѣнію птицъ и упивалась этой очаровательной мелодіей.

Вдругъ послышались за мною легкіе шаги, я обернулась и увидѣла за собою графа. Я встала въ замѣшательствѣ и, почти дрожа, пропетала нѣсколько словъ; онъ отвѣчалъ мнѣ также. Эти первыя минуты были скорѣе мучительны, чѣмъ пріятны. Я первая оправилась, и очень естественно; — я менѣе любила. Я сдѣлала графу знакъ сѣсть, онъ молча повиновался.

Я положила книгу; онъ попросилъ позволенія посмотреть ее.

— Это *нашъ* Ламартинъ, маркиза?

— Да, графъ,

Мы долго говорили о поэзіи, и на этомъ скользкомъ пути скоро поскользнулись. Слово любовь порхало каждую минуту на губахъ; долгъ съ одной стороны, уваженіе съ другой еще удерживали насъ. Но страсть овладевала нами, проникала въ души и мысли, заставляла биться сердца.

Я провела болѣе двухъ часовъ на этомъ опасномъ свиданіи, слухая прерывистыя фразы, бредни, чувства, еще не прямо обращавшіяся ко мнѣ, хотя я не сомнѣвалась въ ихъ значеніи.

Совершенно обаянная очарованіемъ, я удержала графа объдать.

Адриана съ мужемъ ночевали въ Рекувремонтъ. Одинъ инженеръ оставался въ замкѣ; это былъ свидѣтель, но не слушатель; углубленный въ алгебраическія выкладки, онъ не слушалъ ничего, что говорилось вокругъ него.

Разговоръ нашъ продолжался какъ-будто не былъ прерванъ. Мы бредли наперерывъ, а вечеромъ занялись музыкой, выбрали самыя важныя арии, исполненныя той звучной мелодіи, которая дѣлаетъ музыку столь опасною для нѣкоторыхъ организацій и въ нѣкоторыя минуты.

Никогда самая страстная пѣвица. на театрѣ, не передавала съ большимъ выраженіемъ чудныхъ мотивовъ Россини, Мейербера или Моцарта; конечно, любовь не можетъ имѣть лучшихъ истолкователей, какъ эти великіе маэстро и высокій поэтъ, къ которому мы прибѣгли сначала. Гений — языкъ, который каждый можетъ себя присвоить; онъ отдается въ душахъ и помогаетъ ихъ безсилію.

Я дрожала отъ волненія; переставъ пѣть, я покраснѣла, разгорѣлась, и вышла на балконъ, гдѣ ожидало меня другое очарованіе — великолѣпніе природы и лѣтней ночи, освѣщенной чистой луной и миллиономъ звездъ.

Леонъ послѣдовалъ за мною; мы облокотились на перила, надъ пропастью въ пять-сотъ футовъ.

Въ этомъ мѣстѣ замокъ выстроенъ на скалѣ, отсѣченной перпендикулярно, подъ которой потокъ катитъ свои серебристыя воды. Луна усыявала блестящими вершинами деревьевъ, склоненныхъ надъ бездною; самая же бездна оставалась погруженною въ густой мракъ, откуда слышался шумъ каскада. Вдали долина красовалась своими плодородными полями, а за нею величественно разстилался Рейнгъ, сливаясь съ горизонтомъ горъ.

Мы бесѣдовали безъ словъ, не смотря другъ на друга. Слеза скатилась съ моей рѣсницы на щеку, я любовалась лазурными сводомъ, звездами, не принадлежала уже землѣ. Леонъ слѣдовалъ за мной глазами, мысли наши встрѣчались; одно чувство наполняло душу обоихъ; рука его искала мою руку безъ всякаго опредѣленнаго намѣренія съ его стороны; а я не отдергивала своей руки, потому что не думала о томъ.

Графъ клялся мнѣ въ вѣчной вѣрности, и я твердо вѣрила ему. Если я не отвѣчала, если не обѣщала любить его всю жизнь, то только потому, что стыдъ перваго признанія еще брѣлся во мнѣ. Я чувствовала себя какъ бы въ безпамятствѣ, но не отдавала себя ни въ чемъ отчету, я знала инстинктивно, по воспоминанію, что должна любить одного мужа; понимала, что люблю другаго, однако не признавалась въ томъ.

Нужно ли было это? и не отгадывалъ ли онъ?

Съ его уходомъ исчезло и ослѣпленіе; я припомнила, что произошло: мой добрый ангелъ послалъ мнѣ угрызенія и ужасный страхъ за послѣдствія. Мнѣ стало стыдно своего поведенія, то-есть

своей мысли, потому что одна мысль была виновна, и ночь прошла в слезах.

Страшная борьба между обязанностью и обольщеніемъ началась во мнѣ. Я не могла жить съ громкими упреками совѣсти; мною овладѣло отчаяніе; я составляла тысячу проектовъ, одинъ безумнѣе другаго, изъ которыхъ самый удобоисполнимый былъ—заключиться съ мадамъ Этинбергъ въ монастырь, скрывъ свое убѣжище даже отъ мужа.

Когда я позвонила, горничная подала мнѣ письмо и огромный букетъ самыхъ рѣдкихъ и душистыхъ цвѣтовъ. Я знала, отъ кого былъ этотъ подарокъ, письмо жгло взоръ мой, я не смѣла до него дотронуться, припоминая какое дѣйствіе произвела на меня записка Альберта.

Слѣдовало разорвать письмо и можетъ-быть я была бы спасена, можетъ-быть не рассказывала бы вамъ теперь этого долгаго ряду заблужденій, которыя разочаровали меня во всемъ, особенно въ себя самой; а это самое великое изъ известныхъ мнѣ золъ.

Наконецъ я не могла устоять, сорвала печать и погрузилась въ обманчивое упоеніе любовнаго письма, написаннаго страстнымъ, истинно волшебнымъ сердцемъ, юнымъ воображеніемъ и высокимъ умомъ. Я пожирала эти строки, потомъ взвѣшивала каждое слово, каждое выраженіе: они занечатлввались въ моей памяти чертами, которыя я считала неизгладимыми, и я добилась отъ своей добродѣтели только того, чтобы не отвѣчать.

Когда графъ пріѣхалъ, меня не было; я выѣхала верхомъ вслѣдствіе принятаго намѣренія, которому борьба придавала еще болѣе силы. Отъ объѣхалъ все окрестности и не нашелъ меня; я бросилась въ Рекувремонъ, за Адрианой и Вильфридомъ, могущественными помощниками моему сопротивленію. Вильфрида удерживало дома нужное дѣло, отъ объѣхалъ пріѣхать ко мнѣ на другой день. Адриана оставалась съ матерью.

Вечеромъ пріѣхалъ Леонъ, блѣдный, унылый, едва отвѣчалъ мнѣ и инженеру; а когда тотъ насъ оставилъ однихъ, онъ бросился ко мнѣ, спрашивая, не хочу ли я умирить его съ горести.

Я оцѣнила отъ этого рѣзкаго начала, оттолкнула его, что-то пролепетавъ; онъ сталъ еще настойчивѣе: тогда угрожающая опасность вдругъ поднялась передо мною, я призвала на помощь все му-

жество замужней женщины, и рванулась тотчасъ окончить такой те гостный споръ.

— Графъ, сказала я, кажется мы не понимаемъ друга друга. Вы приняли минуту безумной мечтательности за преступное чувство, написали ко мнѣ сегодня утромъ, какъ будто бы я дала вамъ право надѣяться на мою любовь; теперь дѣлаете мнѣ упреки. Надо же вамъ узнать меня. Я уважаю свои обязанности и никогда не измѣню имъ. Если вы можете довольствоваться дружеской привязанностью, то можете надѣяться на мою; вы найдете въ ней нежность, преданность, искренность, болѣе чѣмъ въ любви многихъ женщинъ. Если этого вамъ недостаточно, перестанемъ видѣться и такимъ-образомъ забудемъ то, чѣмъ ни вы ни я не должны вспоминать.

Лицо Леона становилось все мрачнѣе и отражало, какъ въ зеркалѣ мои слова. Наконецъ оно приняло выраженіе горькой ироніи, когда онъ бросилъ мнѣ это слово, какъ самую кровавую обиду, какую только могъ мнѣ нанести.

— Кокетка!

Нѣтъ женщины, которая для извиненія въ собственныхъ глазахъ преступной любви, не прикрывала бы ее маской дружбы; нѣтъ мужчины, который, при подобномъ предложеніи, не счелъ бы его кокетствомъ съ ея стороны. А между-тѣмъ женщина поступаетъ тутъ чистосердечно, она воображаетъ, что любить васъ такъ, не хотѣтъ любить иначе, или потому что обязанность запрещаетъ, или она боится будущаго. У кокетки есть другія средства; она до того знаетъ тонкости и хитрости своего ремесла, что не станетъ представляться такой пансіонеркой; она хотѣла бы сама надѣяться собою.

Мы проспорили целый вечеръ; наконецъ *дружба* одержала верхъ надъ страстью, и мы поклялись въ братской привязанности, начавшейся разрывной колецъ и позволеніемъ называть другъ друга *Леон* и *Одильей*.

— Вы должны вѣрить мнѣ, прибавилъ онъ, уходя, потому что я даю вамъ величайшее доказательство преданности. Заглушаю помирающую меня любовь, никогда не буду говорить вамъ объ ней, рѣшусь быть для васъ другомъ; но я хочу быть *единственнымъ* другомъ, такимъ, которому вы повѣряли бы все, и радости и горе, которому вы обѣщали бы искать въ немъ одномъ защиты и опоры; вы согласны, не правда ли?

Невозможно было прикрыть въ себѣ ревность любовника съ большимъ простодушіемъ.

Я спала чудесно эту ночь, была счастлива и спокойна, увѣрила себя въ своей невинности, а для спокойствія этого было довольно.

На другой день пріѣхалъ Вильфридъ. Мнѣ было почти жаль, что я потревожила его для такой *бездѣлицы*. Однако я приняла его по обыкновенію. Мы опять принялись за наши прогулки, къ которымъ Леонъ опять присоединился; по наружности, въ нашихъ отношеніяхъ ничто не измѣнилось.

Однако *другъ мой* вдругъ сдѣлался грустенъ и угрюмъ, сталъ почти невѣжливо удаляться отъ Вильфрида, и однажды я получила четыре страницы ревнивыхъ жалобъ: я не сдерживала обѣщанія; Вильфридъ выказывалъ короткость, запрещенную ему, *избранному другу*, другу преданному, принесшему себя такъ геройски въ жертву моей воли. Чтò такое позвъ всего этого двоюродный братъ?

Я написала къ нему, что Вильфридъ сдѣлалъ все это гораздо прежде его, и слѣдовательно, заслуживалъ моей признательности. Къ тому же онъ былъ мой единственный родственникъ и я находила, что жалобы Леона очень дерзки, когда въ своемъ сердцѣ я ставила его гораздо выше этого другаго, который былъ *героемъ* не ниже его.

Я сама считала себя *героиней*, сопротивляясь такимъ искушеніямъ. Вотъ какъ бредятъ въ двадцать лѣтъ, иногда и позже, когда сердце остается искреннимъ!

Друга моего немного успокоили мои увѣренія; но по возвращеніи моего мужа, онъ взбѣсился другимъ образомъ и въ недѣлю перемѣнился какъ послѣ шестимѣсячной болѣзни; писалъ ко мнѣ отчаянныя письма; наконецъ объявилъ, что не можетъ переносить такой жизни и что тѣмъ или другимъ образомъ положить ей конецъ.

По возвращеніи моего мужа повязка на глазахъ моихъ сдѣлалась плотнѣе. Я вообразила, что излечилась и воспѣвала победу. Горестъ Леона возвратила меня къ дѣйствительности. Я увидѣла опасность, киврила ее глазами, и какъ я была дѣйствительно честной женщиной, не смотря на сумасбродное воображеніе, то рѣшилась искать опоры въ мужъ.

Случай представился гораздо скорѣе, чѣмъ я надѣялась. Эрнестъ вошелъ ко мнѣ въ комнату.

— Ты пополнила, Одиля; я нашелъ, что ты совершенно оправдася, и очень радъ.

— Благодарю, другъ мой; мнѣ все отъ тебя мило, особенно вниманіе отъ сердца.

— Стало-быть, ты сдѣлалась разсудительнѣе?

— Какъ разсудительнѣе?

— Отказалась отъ своихъ безумныхъ идей?

— Чтò ты хочешь сказать?

— Мечтая да мечтая, ты воспаменяешь свою голову, а горе тутъ какъ тутъ.

— Я болѣе чѣмъ мечтаю, сударь.

— Чтò же такое?

— Подари мнѣ четверть часа, другъ мой, и выслушай меня.

— Я слушаю.

— Эта мечта, о которой ты говоришь, уже не мечта.

— Какъ?

— Я готова полюбить другаго, если уже не люблю его; хочешь ли спасти меня?

Онъ не отвѣчалъ нѣсколько секундъ.

— Я полагалъ тебя спокойнѣе; съ прискорбіемъ вижу, что ошибся.

— Ты не понимаешь? вскричала я съ отчаяніемъ.

— Понимаю, Одиля, понимаю; ты разъигрываешь игру клеветской принцессы; возбуждаешь себя уединеніемъ, чтеніемъ; понимаю, что ты сама ошибаешься, что создаешь себѣ опасности, чтобы бороться съ ними, чтобы сдѣлаться героиней романа. Вотъ вся твоя вина, все твое несчастіе. Осмотрись кругомъ, войди въ дѣйствительную жизнь; дѣло не въ томъ, чтобы говорить: «не могу»; къ чему же энергія, умъ, которыми одарена ты, если ты впадеши въ заблужденіе? Признаюсь тебѣ откровенно теперь, потому что эта минута кажется мнѣ важной, потому что она должна служить основаніемъ новому будущему, — любовныя глупости такъ же далеки отъ меня, какъ жалости моей первой молодости. Привязанность наша развѣ не пѣжна, не истинна? Не можешь ли ты выбросить изъ своего воображенія сумасбродство, которое овладѣло имъ? Не можешь ли остаться просто маркизою де-Монкабриѣ, прелестной и умной женщиной, съ двумястами тысячами франковъ годоваго дохода, съ тысячею обожателей, съ преданнымъ мужемъ, съ склонностью къ искус-

страмъ, съ возможностью дѣлать добро, со всеобщимъ уваженіемъ, съ жизнью, наполненною столько, сколько возможно, удовольствіями и занятіями. Что можно еще къ этому прибавить? Что любовь можетъ приносить къ этимъ наслажденіямъ? Моя добрая Одия, сдѣлай усилие, посоветуйся съ своей опытностью, не принесетъ ли любовь скорѣе горе и безпорядокъ? Ты не знаешь, какой случай внушаетъ мнѣ эти серьезные размышленія. Взвѣсь ихъ, они приведутъ тебя къ твоимъ обязанностямъ, къ твоему настоящему положенію. Я не пугаюсь твоего признанія, ты создала себѣ обманчивыя мечты; я тебя такъ хорошо знаю, что не сомнѣваюсь, что ты одержишь надъ собой побѣду.

Онъ ушелъ съ этими словами.

Знаете ли, другъ мой, что осталось въ душѣ моей послѣ этой второй попытки безполезнаго довѣрія? Чувство горечи и неумѣренное желаніе мщенія. Я не могла простить ему, что онъ принудилъ меня взглянуть на самое себя. Правда, высказанная имъ, оскорбляла меня; я чувствовала противъ воли, что онъ говорилъ справедливо и этого-то не прощала ему.

А если бы я ему повѣрила!

Мнѣ нѣтъ извиненія, Рауль: я сама себя погубила; меня предостерегали, благоразумная рука старалась удержать меня, я бросилась очертя голову въ опасность и погибла. Искушаю свои проступки, должна склонить голову и покориться.

Мы не продолжали этого разговора, но я безпрестанно думала объ немъ и по-крайней-мѣрѣ *на одинъ разъ* онъ оказалъ свое дѣйствіе.

Видите ли, Рауль, я вкладываю скальпель въ сердце съ невѣроятной неустрашимостью, показываю вамъ отвратительныя раны страстей моихъ, чтобы вы могли понять весь ихъ ужасъ.

Я дѣлаю это не для васъ; вы, къ счастью, мужчина, вамъ легко обходятся эти самыя страсти, которыя насъ губятъ, хотя и не увлекаете изъ того ничего, кромѣ славы героя романа, которому всѣ двери отворяются изъ любопытства, можетъ-быть изъ самолюбія.

Когда я увидѣлась съ Леономъ послѣ объясненія съ мужемъ, я еще больше испугалась, и склонность, привлекавшая меня къ нему, увеличилась. Я дрожала съ головы до ногъ, едва находила въ себѣ силы отвѣчать ему.

Однако въ этой борьбѣ, въ этой увѣренности что я была любима выше всего на свѣтѣ, что жизнь этого челоуѣка зависла отъ одной

моей улыбки, заключалось для меня какое-то неизъяснимое удовольствие. Я должна признаться, любовь моя не могла сравниться съ той, которую я внушала, въ моемъ чувствъ былъ еще остатокъ ребячества, я играла, предаваясь своимъ капризамъ.

Леонъ повиновался мнѣ слѣпо, замѣтно худѣлъ, въ буквальный смыслъ слова, *умиралъ отъ любви* какъ юный Антиохъ.

Мы каждый день встрѣчались по нѣскольку разъ, но никогда одни.

У сосѣдей поднялись толки; эта борьба была такъ очевидна, что не могла остаться незамѣченной. Въ одно воскресенье Вильфридъ, послѣ обѣдни, попросилъ меня прогуляться съ нимъ въ наимѣтъ французскомъ саду, гдѣ можно было разговаривать, не опасаясь любопытныхъ. Я согласилась съ нѣкоторымъ беспокойствомъ; я боялась его замѣчаній, какъ бы кротки они ни были и ожидала, чтобъ онъ заговорилъ.

— Одилия, сказалъ онъ, нѣтъ ли у васъ чего рассказать мнѣ?

— Ничего, другъ мой, отвѣчала я чуть слышно.

— Вы не имѣете уже ко мнѣ довѣрія, это не хорошо; чѣмъ я заслужилъ это? Неужели вы не надѣетесь на мою привязанность?

— Надѣюсь по прежнему, Вильфридъ, но это не причина, чтобы признаваться вамъ въ чемъ-нибудь.

— Одилия! Одилия! перебилъ онъ, грустно покачавъ головою, такъ не говорятъ съ братомъ. Я самъ дойду прямо до васъ, если вы отказываетесь идти мнѣ навстрѣчу; графъ де-Шанбуръ васъ любить.

Я не отвѣчала.

— И вы любите его, Одилия, вы ему признались...

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричала я съ живостью, нѣтъ, я невинна.

Вильфридъ вздохнулъ свободно.

— Слава Богу! Когда такъ, мы можемъ еще спасти васъ, если вы согласитесь.

Я пожала ему руку, не говоря ни слова; онъ меня понялъ.

— Вы не понимаете вашего мужа; среди своихъ важныхъ занятій онъ думаетъ объ васъ, хочетъ, чтобы вы были счастливы. Онъ видитъ все, надзираетъ за вами, не подавая виду, сплнить вамъ на помощь, и рѣшился увезти васъ въ Парижъ, чтобы безъ огласки прервать опасное знакомство.

Я поблѣднѣла какъ полотно.

— Въ Парижъ! онъ хочетъ увезти меня въ Парижъ?

— Да, вы увидите через два недѣли. Объ этой поздкѣ вамъ скажутъ сегодня вечеромъ въ гостиной; я хотѣлъ предупредить васъ заранее. Вы давно желаете посмотреть столицу—никто не удивится снисходительно маркиза. Онъ добръ, вы видите это, кузина; онъ не наказываетъ васъ, ни одинъ упрекъ не вырвался съ его устъ, но онъ хочетъ избавить васъ отъ опасности, онъ увѣренъ, также какъ и я, что мнръ свѣта для васъ менше вреденъ чѣмъ уединеніе и мечтанія: скука много участвуетъ въ проступкахъ женщинъ вашего характера. Разсѣяннѣ заставитъ васъ забыть и займетъ васъ; послѣ надѣюсь видѣть васъ такою разсудительной, какъ мы имѣемъ право ожидать отъ васъ.

— Разсудительной! прошептала я, мужъ мой тоже сказалъ мнѣ это: если бы онъ хотѣлъ, я сдѣлалась бы тѣмъ, что вы называете *разсудительной*.

— Что вы хотите сказать, Олимпія?

— Между мной и мужемъ были двѣ сцены, въ которыхъ я вовсе его не упрекаю; я сама вызвала ихъ; но можетъ-быть я имѣла право ожидать отъ него другаго.

Я рассказала ему то, что вы прочли; онъ выслушалъ меня молча, но я видѣла волненіе на его лицѣ, и если онъ не порицалъ Эрнеста, то также не осуждалъ и меня.

— Эрнестъ перемѣнилъ намѣреніе и мысли, вы видите это, другъ мой; теперь все пойдетъ хорошо. Онъ любитъ васъ, увѣрю, очень любитъ; съ терпѣніемъ, сдѣлавъ другъ другу кое-какія уступки, вы снова будете совершенно счастливы.

Вальфридъ, какъ и всѣ почти, судилъ другихъ по себѣ. Онъ побѣдилъ пылкую страсть или по-крайней-мѣрѣ совершенно овладѣлъ ею, водчинилъ ее обязанности, очистилъ, сохранивъ отъ нея только самое благородное чувство — преданность. Онъ считалъ меня способной на подобное усиліе, и какъ ошибался! Въмѣсто его серьезныхъ, разсудительныхъ идей я мечтала, вмѣсто святой семейной любви, наполнившей его сердце, мнѣ нужны были сильныя, жгучія ощущенія; я хотѣла скорѣе страдать, чѣмъ ничего не чувствовать. Вся моя энергія, а у меня было ее много, обратилась къ одной цѣли; я хотѣла этого счастья во что бы то ни стало!

Нашъ разговоръ еще долго продолжался; я обѣщала ему не противиться желаніямъ Эрнеста, онъ оставилъ меня довольный, спокой-

ный, увѣренный, что исполнитъ свою обязанность, и, можетъ-быть, еще болѣе добрый тѣмъ, что вырвалъ изъ моего сердца любовь къ Леону.

Бѣдный Леонъ! Когда онъ слышалъ, вечеромъ, этотъ приговоръ отъ моего мужа, когда увидѣлъ меня почти обрадованной и приятельной, онъ подумалъ, что тутъ есть умыселъ, и, уходя, сунулъ мнѣ въ руку записку, наскоро написанную карандашомъ; она заключала только эти слова:

«Я повѣду за вами!»

О! это было невозможно. Надо было помышлять ему во что бы то ни стало, не то я погибла. Мужъ мой не будетъ сомнѣваться, что я позволила такую смѣлость, онъ непременно это узнаетъ, а если Леонъ это скроетъ, мое сопротивленіе не спасетъ меня отъ такой опасной тайны; я не устою, а, повторяю вамъ, Рауль, я этого не хотѣла.

Какимъ средствомъ избавиться отъ этого страшнаго затрудненія? Поговорить съ Вильфридомъ? поручить ему? это былъ рискъ на огласку, на ссору, это могло компрометировать меня еще болѣе. Мнѣ показалось благоразумнѣе самой уговорить графа, потребовать отъ его чести, отъ его любви послѣдней жертвы. Это средство льстило мнѣ и моему сердцу и тщеславію, доставляло мнѣ случай увидѣть Леона и испытать надъ нимъ силу моей безпредѣльной власти и могущества.

Я послала къ Леону записку съ горничной, на которую могла надѣяться, и назначила ему свиданіе въ два часа, въ паркѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходилъ нашъ первый разговоръ. Въ любви все имѣетъ свое значеніе.

Въ это время Эрнестъ обыкновенно дѣлалъ расчетъ на заводѣ. Это дѣло, первое изъ всѣхъ, думала я, заставитъ его забыть о надзорѣ, о которомъ предупредилъ меня Вильфридъ, и я выиграю нѣсколько свободныхъ минутъ.

Цѣлое утро я говорила о нашей поездкѣ, показывала видъ будто очень рада, отдавала приказанія объ укладкѣ, а когда слуги занялись ящиками и повозками, я убѣждала, въ увѣренности, что меня никто не видѣлъ.

Графъ уже ждалъ меня. Его гордый, почти высокомерный пологъ чуть было не смутилъ меня. Не давъ мнѣ времени первой начать объясненіе, онъ сказалъ, показывая на мою записку, которую держалъ въ рукахъ:

— Очень вам благодарен за такое хорошее мнение о моих умственных способностях; эта дипломатическая нота не в состоянии вас компрометировать, только глупость моей страсти могла понять ее. Я нахожу тут следствие вашей системы адского воеводства, которой вы смело повинуетесь, и которая дѣлаетъ васъ столь искусной. Вы вложили мнѣ въ сердце одно изъ тѣхъ неизлечимыхъ чувствъ, которыя разрушаютъ бытіе, привлекли меня безумной надеждой, довели лицемеріе до того, что признались мнѣ въ взаимности, и когда уверились въ своей жертвѣ, когда увидѣли ее умирающею у вашихъ ногъ, разсудили, что вамъ осталось только ее бросить и искать другой побѣды; но къ счастью я опомнился, я требую отъ васъ отчету въ моей разбитой душѣ, въ моемъ разрушенномъ будущемъ, потому что я бросаю для васъ и обязанности и дѣла мои; я почти отказался отъ должности, въ которой ожидали меня блестящія мнѣности. Въ награду вы смѣетесь надо мною, играете мною, это гадко и я отомщу: я не оставлю васъ, буду неотвязчивъ, последую за вами на новое поприще, на которомъ вы будете развивать свое коварное искусство....

— Леонъ, перебила я грустно, минуты дороги; я не имѣю ни времени, ни желанія на бесполезное оправданіе. Вы неблагодарны, я не виновата передъ вами, я люблю васъ; но вы знаете, эта любовь всегда побѣждалась моимъ долгомъ. Мои и ваши страданія открыли глаза моему мужу и Вильфриду и повѣдка была рѣшена. Только вчера узнала я о томъ, и должна была покориться, потому что сопротивленіе было бы бесполезно. Вы любите меня, Леонъ, любовью преданной, я это знаю и счастлива тѣмъ. Хотите принудить меня проклинать эту любовь? оттолкнуть ее? Хотите довершить мое несчастіе? Хотите погубить меня? или желаете сохранить мою вѣчную признательность, мою вѣчную дружбу? Выбирайте, это зависитъ отъ васъ.

— Я понимаю васъ, вы надѣетесь на мою слабость....

— Нѣтъ, другъ мой. Я надѣюсь на вашу честь, на ваше великодушіе, обращаюсь къ этимъ благороднымъ чувствамъ. Мой мужъ знаетъ все; ваше присутствіе въ Парижѣ заставитъ подозрѣвать связи между нами и вы понимаете, сколько бѣдъ произойдетъ отъ того. Еще разъ, Леонъ, я говорю благородному человеку: не погубите

меня! и этот благородный человек услышит меня, въ томъ не сомнѣваюсь.

Леонъ молча опустилъ голову. Онъ понималъ, что я была права и не хотѣлъ въ томъ признаться: это значило бы отказаться отъ меня. Я видѣла, что онъ колебался и взяла его за руку.

— Не сопротивляйтесь, сказала я, покажите себя достойнымъ быть любимымъ такъ, какъ я васъ люблю, дайте мнѣ всегда сохранять эту любовь, которую я обрекла вамъ въ моемъ сердцѣ. Вы остаетесь здѣсь, вы не посылаете за мною въ Парижъ....

Онъ еще отворачивался, но уже ослабѣвалъ, рыданія душили его; сядя возлѣ меня на муравъ, онъ плакалъ, я также плакала, но рѣшимость моя была тверда. *Героизмъ* мой приводилъ меня въ упоеніе.

— Мужайтесь, Леонъ, мужайтесь! многого стоить побѣдить себя, овладѣть своими страстями, но чѣмъ борьба труднѣе, тѣмъ славнѣе торжество. Неужели мы будемъ людьми обыкновенными? Неужели не найдемъ въ себѣ достаточно силъ? Нѣтъ, нѣтъ, это не можетъ быть. Любовь придастъ намъ эту силу; что такое любовь безъ преданности? Примитесь опять за вашу блестящую карьеру, оставьте меня моей однообразной жизни; будемъ оба исполнять свои обязанности и со временемъ станемъ сами гордиться. Любовь души нашихъ будетъ существовать вблизи и издали, ничто не разлучитъ насъ, клянусь вамъ, другъ мой.

Вѣрно Леонъ думалъ иначе, потому что продолжалъ молчать и покрывалъ мое платье поцѣлуями.

— Не хотите? отвергаете меня? продолжала я.

— Не знаю, что со мною; я смертельно страдаю, и извиняю и порицаю васъ, трепещу вѣрить вамъ и между тѣмъ слова ваши убѣждаютъ меня; вы дѣлаете изъ меня безумца, Одилия!

— Я хотѣла бы сдѣлать человека сильнаго, человека господствующаго и надъ собою и надъ другими; словомъ, такого человека, о какомъ я мечтала.

— Но если я соглашусь повиноваться вамъ, я васъ больше не увижу, вы меня забудете.

— Леонъ!

— Развѣ отсутствіе не гаситъ легкій пламень?

— Да, но раздуваетъ сильный, и я такъ васъ люблю!

Это слово, выраженіе, съ которымъ я произнесла его, рѣшилъ мою

победу. Я его любила, съ-такъ-поръ моя воля становилась восшельней. Онъ все обещалъ, возмъ пожертвовалъ увренности сохранить эту любовь, а когда мы разстались, поцалуй, первый, единственный, былъ его наградой.

Вечеромъ мы сошлись въ гостиной, грустные, но довольные сами собою, гордые своей рвннмостью, смотрели при всѣхъ другъ на друга безъ опасенія, разминивались обещаніями въ перепискѣ при моемъ мужѣ. Увренный въ моемъ благородствѣ, въ моей щекотливой деликатности въ отношеніи его, онъ зналъ, что я не сдѣлаю его игрушкой другаго мужчины, что не обману его низкимъ и постыднымъ образомъ. Свѣдѣность моя происходила отъ моей совѣсти, онъ это понималъ и не показывалъ ни малѣйшаго безпокойства. Я была ему чрезвычайно благодарна.

Съ этой минуты до моего отъезда я видѣлась съ графомъ только при свидѣтеляхъ. Онъ устоялъ въ своихъ обещаніяхъ, соблюдалъ приличіе въ совершенствѣ, присутствовалъ не поморщась при всѣхъ приговорахъ. Осужденный на смерть, смотря съ спокойнымъ челомъ на строящійся эшафотъ, не можетъ быть тверже; онъ оставался тутъ до последней минуты, пожалъ мнѣ руку какъ другіе, когда я садилась въ карету; одинъ только взоръ его открылъ мнѣ томленіе его сердца, а отвѣчала ему точно также, какъ думала я тогда.

Мы пріѣхали съ мужемъ въ Парижъ въ добромъ согласіи. Я употребила чрезвычайныя старанія чтобы скрыть свою горестъ и успѣла тѣмъ скорее, что разсвѣять ее было легко. Часто ночью, пока Эрнестъ спалъ въ каретѣ, я думала о томъ, кого покидала, кто такъ обожалъ меня.

— О! говорила я сама себѣ, я позволила овладѣть своимъ сердцемъ, но не впала въ униженіе и могу поднять чело мое выше, чѣмъ, еслибы не подверглась испытаніямъ. Я остановилась, всегда останавливалась на такой обольстительной дорогѣ, которую пробѣгаютъ столько другихъ; *я не постигаю*, какъ можно до-того забыться, чтобы поддаться мужчинѣ, какую бы страсть не ощущали.

По пріѣздѣ мы сдѣлали визиты роднѣ моего мужа, очень многочисленной и знатной. Начинаясь зима, у насъ составилось общество, явилось приглашенія со всѣхъ сторонъ, и я очутилась въ самомъ изящномъ кругу. Большое состояніе, высокое положеніе, таланты, неоспорная красота, замѣчательный умъ, скоро поставили меня въ ряду модннхъ женщинъ.

Вы видите, что я говорю о себѣ, безъ гордости и безъ скромности, говорю правду съ равнодушіемъ женщины, которой уже никакой нѣтъ нужды до свѣта.

Образъ Леона вездѣ преслѣдовалъ меня. Я часто писала ему, рассказывала о блистательныхъ дняхъ и вечерахъ, описывала съ счастіемъ эффектъ, производимый мною въ гостиныхъ, прибавляя, что моя мысль слѣдуетъ за мною *братамъ*, что среди печестей и обобщеній я остаюсь все та же.

Нисѣма графа были полны признательности, нежности и сожалѣній. Онъ не боялся, говорилъ онъ, не подозревалъ, но ревность проглядывала сквозь это спокойствіе. Онъ такъ любилъ меня!

Мы наняли отель, пышно его меблировали, но имѣя однако намѣренія остаться въ Парижѣ.

Мужу моему хотѣлось выказать замѣчательное великолѣпіе. Въ угожденіе ему, мнѣ надо было выбирать самыя дорогіе и богатые наряды. Бриллианты матушки, оцѣненные въ триста тысячъ франковъ, тѣ, которые онъ подарилъ мнѣ женихомъ, жемчужный уборъ, единственное и послѣднее сокровище Рудольфстеймовъ, казались ему недостаточными; на новой годъ онъ подарилъ мнѣ рубины, перемѣшанные съ изумрудами и осыпанные бриллиантами, самую великолѣпную вещь, какую только можно вообразить. Гирланда на голову, букеты для платья представляютъ розы, составленныя изъ камней, величины и блеску баснословныхъ, съ зелеными листьями самой темной воды.

Я была въ восторгѣ и уведомила о томъ Леона, просто потому, что не скривала отъ него ничего; бѣдняжка занемогъ отъ огорченія, что не могъ сдѣлать мнѣ такого подарка.

Возлѣ нашего отеля находился павильонъ, совершенно намъ ненужный. У Эрнеста была богатая кухня, которой мужъ, разорившись спекуляціями, увхалъ за границу. Эрнестъ предложилъ ей этотъ павильонъ. Она, разумеется, согласилась.

Баронесса д'Ормезъ, была женщина тридцати-шести лѣтъ, прелестная и милая, съ тонкимъ и проникательнымъ умомъ, съ онакой добротой, и неслышанной вѣтреностію. Ея шаткія правила, живя невѣстная въ Парижѣ, не показались мужу моему достаточною причиною, чтобы удалить ее отъ меня. Онъ зналъ, что она несчастна,

любилъ дѣлать добро, воспользовался случаемъ съ поспѣшностью благородной души и былъ награжденъ совершенной моею погибелью.

Баронесса давно жила одна. Привыкнувъ къ независимости, она сначала опасалась переехать къ намъ, но скоро увидѣвъ, что страхъ былъ напрасенъ, сама предложила то, чего отъ нея не требовали. Она сдѣлалась моею неразлучной подругой, вѣдила съ нами вездѣ, въ гости, въ театръ, на гулянья, и часто даже Эрнестъ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, оставлялъ насъ однихъ и отправлялся въ клубъ, куда мода уже призывала людей известнаго круга.

Я должна сказать, что баронесса д'Ормесь не была зла. Ея прекрасныя и благородныя качества дѣлали ее опаснѣе. Сердце ея стало порочнымъ безъ ея вѣдома, потому что въ характеръ ея не было тонкости чувства. Страстная, живая, она всегда была далека отъ лицемерія и разсчета. Она привыкла дурно вести себя, въ смыслѣ, какой женщины придаютъ этому слову, и находила это очень естественнымъ, точно какъ героини осемнадцатаго столѣтія, на которыхъ она походила во многомъ.

Знатная барыня до маковки, она происходила отъ знаменитой дукной фамилии и благородство барона д'Ормеса не уступало ея роду. Когда хотѣла, она выкидывала себя принцессой: ея грація, даже увѣченіе всегда были запечатлѣны личнымъ достоинствомъ и я увѣрена, что даже въ самой сильной страсти она умѣла сохранить дворянское благородство.

Видѣть и не пододбѣть ее казалось невозможно. Въ ея взоръ было что-то *лидкое*. Мужчины были отъ нея безъ ума, женщины тоже, но делодатно. За ней скоро стали ухаживать, рвать ее изъ рукъ; ея остроты и выходки повторялись; ея вкусъ и наряды приводили въ примѣръ, рыженіе ея стало почти закономъ; женщина, которую она находила красавицей, мужчина, котораго она объявляла чловѣкомъ благовоспитаннымъ, были немедленно причисляемы къ этому разряду; словомъ, она сдѣлалась авторитетомъ въ свѣтъ и я, моложе ея, лучше, богаче, не глупѣе, вращалась около нея спутникомъ, конечно не для молодыхъ мужчинъ, но по понятію достопочтенныхъ ченцовъ.

Меня это не озаботило, не внушило мнѣ зависти: въ небольшомъ числѣ моихъ добрыхъ качествъ, надо признать отсутствіе всякой зависти. Я искренно отдавала справедливость моимъ соперницамъ, когда

онъ затрогивали только мое самолюбіе; однѣ раны сердца дѣлали меня неумолимой.

Въ это время я ихъ не боялась; любовь моя казалась мнѣ крѣпостью неприступною; увѣренная въ Леона и въ себя, я не заботилась ни объ чемъ.

Однако я не осталась нечувствительной къ поклоненіямъ; вѣхъ свѣта вскружилъ мнѣ голову. Я увлеклась празднествами, утѣхами, комплиментами, и, не забывая о любви моей, спрятала ее въ удивительномъ уголку сердца, какъ драгоценную вещь, которую найду въ свое время и въ своемъ мѣствѣ, и до которой никто не долженъ дотрогиваться.

Баронесса была такъ опытна, что не могла не отгадать подъ моею вѣтренной наружностью сердечную заботу. Она остереглась показать это до-тѣхъ-поръ, пока не увѣрилась въ моемъ довѣріи. Съ-тѣхъ-поръ она подстерегала благоприятную минуту и не замедлила вызвать ее.

Припомните эту истину, столько разъ повторяемую и всегда новую: «Не вѣрятьте женщину женщинъ». Мужчины, самые обольстительные, даже самые испорченные, не погубятъ ее такъ скоро, какъ женщина, только просто вѣтренная, какова была баронесса д'Ормезъ; она будетъ остерегаться волокитства мужчинъ, но не остережется дружбы, и глаза ея откроются слишкомъ поздно.

Въ одинъ вечеръ письмо отъ Леона оставило на лицѣ моемъ остатокъ счастья: я убаюкивала себя мечтами. Мы обѣдали однѣ и потомъ поехали въ итальянскую оперу, гдѣ я взяла очень удивительную ложу, чтобы спокойно слушать музыку. Обѣдъ былъ молчаливъ, я едва отвѣчала на вопросы Элизы. Она наблюдала за мною и старалась понять это задушевное отшельничество.

— Вы получили письмо? спросила она вдругъ.

— Да, отвѣчала я разсыянно.

— Изъ Эльзаса, кажется. Не неприятное ли извѣстіе изъ Блуменберга? Не боленъ ли кто изъ вашихъ родныхъ?

— Нѣтъ, благодарю, все идетъ прекрасно.

— Откуда же эта грусть и задумчивость?

— Я не грустна, не задумчива, увяряю васъ.

— Милая Одилия, я слишкомъ опытна, меня нельзя обмануть. Кому же вы вѣряться, если не мнѣ, вашему лучшему другу, почти сестра?

прибавила она, вставая изъ-за стола. Пойдемте въ вашъ будоаръ, поговоримъ; расскажите мнѣ все, это облегчитъ васъ.

— Уже осемь часовъ, перебила я въ замѣнательствѣ, дають il Ritale, воздемыте поскорѣе.

— Вы не ускользнете отъ меня, Одилия; придетъ минута, когда вы сами будете искать меня, когда ужъ станете *задышаться*.

Мы сѣли въ карету. Элиза, веселая и добрая, старалась разсвѣять меня словами, утѣшить взоромъ и пожатіемъ руки. Симпатія дѣйствовала противъ моей воли; слезы выступили у меня на глазахъ, я чувствовала потребность броситься въ ея объятія и заплакать, произнося имя Лена. Я не была огорчена, но это была одна изъ тѣхъ минутъ, когда сердце безотчетно таетъ, когда необходимо изліяніе, чтобы не *задохнуться*, какъ говорила баронесса.

Мы вошли въ театръ. Я спряталась въ глубинѣ ложи. Рубинный вѣлъ: этотъ голосъ проникъ меня до послѣдней фибры, я сложила руки, забыла всю вселенную, забыла кто на меня смотрѣлъ, и слезы, одна по одной, капали на мои щеки.

— Плачьте, плачьте, сказала баронесса, цѣлуя меня; плачьте безъ опасенія.

— Извините, кузина; пожалуйста, не обращайтесь вниманія на это нервное волненіе.

— Нервное волненіе страдающаго сердца, мы это знаемъ.

— Я уже сказала вамъ, Элиза, я не страдаю.

— Нѣтъ, вы только любите.

— Я покраснѣла и не отвѣчала.

— Бѣдняжка! уже! продолжала она съ выраженіемъ истиннаго соотраданія.

Наступила минута молчанія, какъ-будто Элиза колебалась.

— Послушайте, кузина, сказала она наконецъ; намъ вѣрно суждено долго жить вмѣстѣ; конечно современемъ мы сдѣлаемся искренними друзьями; зачѣмъ же ждать? зачѣмъ не скрѣпить совершеннѣйшѣмъ доверіемъ то, что приведетъ будущее? Я старше и мнѣ надо вѣчать. Послушайте же меня. Здѣсь, въ этомъ храмѣ гармоніи, гдѣ все существо наше разверзается къ умиленію и восторженности, мы поговоримъ лучше. Потомъ, надѣюсь, и вы послѣдуете моему примѣру; когда узнаете мои тайны, расскажете мнѣ ваши и увидите, какъ это облегчаетъ.

Я сдѣлала головою знакъ согласія; говорить я не могла.

Элиза рассказала мнѣ свою исторію, описала безъ малѣйшаго замѣнательства свои впечатлѣнія и проступки; сначала она была несчастна съ мужемъ, потомъ старалась утѣшиться въ свѣтъ, гдѣ сильная любовь овладѣла ея сердцемъ. Сначала она побуждала ее, потомъ уступила. При этомъ признаніи я покраснѣла. Возлюбленный обманулъ ее, она хотѣла отомстить, стала слушать новыхъ издѣхателей, и одинъ изъ нихъ успѣлъ ей поправиться. И этотъ обманулъ.

— Конечно, я не стараюсь извинить себя, говорила Элиза, я виновна. Всею причиною были мой легкомысленный умъ, мое небрежное воспитаніе.

Не могу передать вамъ, милый Рауль, дѣйствія, которое произвелъ на меня этотъ разговоръ.

Главное чувство было удивленіе. Воспитанная людьми строгими, я едва смѣла останавливать мысль на незаконной любви; я думала, что это *возможно*, но чрезвычайно рѣдко. Я узнала, что не только можно любить разъ, но и два, и нѣсколько; я не могла вѣрить ушамъ, и невольно вскрикнула, чего баронесса вовсе не поняла, а приписала вѣроятно своимъ *раздирательнымъ* приключеніямъ; я растолковала ей причину.

— Ваше удивленіе кажется мнѣ естественно, Оділія, сказала она, вздохнувъ; вы не знакомы съ жизнью. Бѣдняжка, вы узнаете ее на свой собственный счетъ, какъ другія.

— О! вскричала я, поднимая руки къ небу, о! Боже мой! призви меня къ себѣ, не допусти жить, окруженною такими обманами и обольщеніями.

Элиза оттолкнула меня своими почти циническими признаніями; но скоро эта опасная женщина привлекла болѣе прежняго. Въмѣсто того чтобы презирать ее, я привязалась къ ней; такая благородная натура не можетъ быть развращенной, думала я; она, конечно, раскается и искупитъ свои заблужденія.

На другой день у меня уже не было тайнъ отъ баронессы; она узнала мое чувство, уговаривала меня побѣдить его, не потому, что считала виновнымъ, но повторяла, что оно не приведетъ меня ни къ чему, кромѣ горести.

Баронесса правила съ Эрнесту столько же какъ и мнѣ. Ея неутомимая веселость оживляла нашъ домашній кругъ и развеселяла даже

меня. Едва показывалась моя задумчивость, Элиза насмывалась надомною, называла меня Донъ-Кихотомъ, увѣряла, что я также сражаюсь съ вѣтренными мельницами.

— Любить, говорила она, глупо! позволить себя любить, это дѣло! Пожертвовать собою, сумасбродство! Поедемъ на балъ : пусть они ухаживаютъ за вами, пусть страдаютъ; мстите за жертвы, которымъ они кзвнняютъ ; бросьте вашего Леона, сохраняйте красоту, и ваша жизнь не будетъ безъ зны.

Въ послѣднемъ случаѣ она разсуждала справедливо.

Я стала рже писать къ графу ; письма становились короче, мнѣ было неловко; въ первый разъ я не говорила ему всего. Сначала выпскивала предлоги, потомъ уже не искала ихъ, отвѣчала на упреки насмѣнками, на жалобы гнѣвомъ; наконецъ завздорила, чтобы воссориться безъ причины; выходила изъ себя, чувствовала себя обиженной и прекратила переписку.

Число моихъ вздыхателей увеличивалось ; я кокетничала на пропадую, но еще очень наивно, не желая зла никому. Рауты и концерты сгвнили балы, за которыми скоро должны были послѣдовать танцевальныя утра, этотъ страшный камень преткновенія для красоты, противъ котораго не много репутаций могутъ устоять, я разумью репутацию хорошенькой женщины.

Я не боялась этого испытанія; къ тому же у меня были выпинки и англійскія кружева самыя лучшія въ Парижѣ. Я не хотѣла пропустить ни одного утра, не считая прогулокъ верхомъ, гдѣ моя ловкость всѣхъ затмѣвала.

Вдругъ мужъ мой заговорилъ о возвращеніи въ Эльзасъ. У насъ воднялся бунтъ.

— Возвратиться въ Эльзасъ въ апрѣль! вскричала комически баронесса. Что это у васъ за цивилизация! Увезти Одилію, царицу недѣли, кумира времени! васъ закидаютъ камнями, да и меня тоже, затѣмъ я это допустила!

— А дѣла? отвѣчалъ Эрнестъ, смѣясь; мы здѣсь уже полгода : вора подумать о вещахъ серьезныхъ ; воротимся на будущій годъ.

— Но у Одиліи нѣтъ дѣлъ.

— Зато у меня есть.

— Это совсѣмъ не одно и тоже ; вы можете оставить ее здѣсь, и заводъ вашъ не пойдетъ хуже оттого.

— Обознать ее здѣсь безъ меня!

— Вы расстаются въ первый разъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Эрнестъ, покраснѣвъ, въроятно, отъ воспоминашя.

— Такъ что же такое! Деревня вовсе не годится кузинѣ; она тамъ больна, скучаетъ, пускается въ эклоги да въ элегии, ужъ какая тоска — мужъ, который въ восторгъ отъ цинѳри! Здѣсь ей нѣтъ времени думать; она счастлива, поливаетъ, хорошеветъ, бѣсѣтъ женщиной, моритъ съ горя мужчиной. Объ ней говорятъ, его любятъ, ее обожаютъ; берегитесь, Эрнестъ, вы проельвете ревнивцемъ: ужъ и то вчера, въ клубъ, этотъ высочій и толстый герцогъ уверялъ, что вы ужасно ревнивы. Одилия останется не одна. Я тутъ, съ моими почтенными лѣтями и съ титуломъ родственницы. Въ двадцать три года, она шесть лѣтъ замужемъ; мужъ можетъ себя позволить узхать при такихъ условіяхъ. Скажите всемъ, что ѣдете на короткое время; а между-тѣмъ займитесь своими дѣлами, не стѣняясь, потому прѣзжайте за Одиліей или, пожалуй, я сама привезу ее вѣкъ въ концѣ іюня.

Эрнестъ размышлялъ. Сосѣдство графа еще пугало его. Онъ не зналъ, что я такъ хорошо извѣчилась и думалъ, что любовь утѣнитъ меня въ потерю свѣтскихъ удовольствій, и что не совсемъ угасшее пламя часто раздувается.

— Обящете ли не оставлять ее, Элиза?

— Клянусь, возразила она съ жестомъ Гораціевъ.

— Вызжайте съ нею вездѣ, отвѣчайте мнѣ за нее какъ за себя.

Хитрая улыбка пробѣжала по губамъ кузины; она, не запынаясь, отвѣчала:

— Немножко больше.

— Но прежде надо узнать мнѣніе Одиліи, она не подала его: можетъ-быть, она предпочитаетъ увидѣть Blumenбергъ, Вильфрида, Адриану....

Первая картина, представившаяся моему воображенію были эти мимые призраки, вызванные моимъ мужемъ; вторая — упреки Леона, скука уединенія, недостатокъ тѣхъ умственныхъ излишествъ, которыя сдѣлались моею жизнью; изъ этого произошла нервность, дурно перетолкованная Эрнестомъ и рывившая мою участь. Онъ прѣположилъ мысль въ пользу графа и испугался. Я однако отвѣчала :

— Мне очень хочется остаться здесь и хотелось бы также не разставаться съ вами.

— Ответъ покорной жены, которой тиранъ долженъ все позволить.

— И потому я позволяю и вду одинъ.

— Победа!

— Вы знаете наши условія?

— Я ничего не забываю. Балы и театры не увидятъ насъ одну безъ другой; нашимъ рыцаремъ будетъ графъ де-Шерсеннъ; злословить не стануть; шестьдесятъ-осемь лѣтъ и рожа просто ананасъ.

Черезъ три дня Эрнестъ уѣхалъ. У меня не переставали собираться и веселиться. Графъ де-Шерсеннъ серьезно принялся за свою *должность* и водворился возлѣ меня слѣдственнымъ приставомъ. Его изящныя манеры, тонкость ума, заставляли забывать о лѣтахъ; когда онъ разговаривалъ, онъ затмѣвалъ молодыхъ людей.

— Ахъ! сказалъ онъ однажды, если бы племянникъ мой былъ здѣсь!

— Когда прѣдетъ онъ? спросила Элиза.

— Надѣюсь черезъ двѣ недѣли имѣть честь представить его вамъ.

— Онъ возвращается изъ путешествія?

— Да, наконецъ! Четыре года уже не видѣлъ Франціи и вѣрно сохнетъ онъ нетерпѣнія.

— Не сынъ ли это вашей сестры, знаменитой виконтессы де-Ланперіе, которой красота и умъ надѣлали столько шуму во времена имперіи?

— Именно; и онъ наследовалъ и умъ и красоту матери.

— Стало-быть онъ затмѣитъ всѣхъ.

— У него, по-крайней-мѣрѣ, достанетъ вкуса и умъня, чтобы не дать этого никому почувствовать.

Въ этотъ вечеръ только и говорили, что о виконтѣ де-Ланперіе, и мнѣ стало очень любопытно его узнать.

Черезъ двѣ недѣли мы поѣхали въ Елисейскія Поля, и у аллеи Карла-Десятаго поджидали графа, который долженъ былъ прѣхать туда. Мы увидѣли его издали, съ молодымъ незнакомымъ человекомъ, котораго изящный видъ поразилъ насъ.

— Вотъ вашъ обѣтованный племянникъ, сказала баронесса, сѣясь.

— Посмотримъ, возразила я. Если это онъ, такъ молодецъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, это былъ виконтъ Ришаръ де-Ланперіе; для представилъ его намъ офиціально, со всѣми обычными церемоніями.

— Я должна признаться вамъ, любезный Рауль, что не смотря на мои многочисленныя заблужденія, этотъ человекъ былъ единственный, котораго я истинно и страстно любила въ своей жизни. Я опишу его, не какъ судила его съ перваго разу, но какимъ узнала его послѣ продолжительнаго знакомства и горестныхъ испытаній; винны его не сдѣлають меня несправедливой, я буду искренна, опишу этого мотылька съ пестрыми крыльями, который увлекъ меня на путь, устланый пропастями, гдѣ потомъ такъ жестоко меня бросилъ.

Ришаръ былъ хорошъ, такъ хорошъ, что если бы тронъ цѣлаго міра давался за красоту, ни одинъ мужчина не заслужилъ бы этого лучше его. Станъ его съ отличіемъ и граціею соединялъ совершенство статуейныхъ формъ. Руки и ноги считались образцами, а лицо, изумительно правильное, рѣшало трудную задачу выразительной эзюиоміи съ неукоризненными чертами. Въ его движеніяхъ, во всей его особѣ, царствовала неописанная прелесть. Природный умъ его блисталъ остроуміемъ и выходками, у него безпрестанно вырывались замчанія, которыми любой записной острякъ могъ бы стяжать всемірную славу; но, воспитанный дядей какъ прежніе дворяне, онъ былъ много образованъ. Его образованіе, чисто свѣтское и наружное, ограничилось тѣмъ, что онъ имѣлъ изящныя манеры, превосходно ѣздилъ верхомъ, фехтовалъ какъ Понсъ, стрѣлялъ изъ пистолета какъ Сенъ-Жоржъ, танцевалъ всѣ европейскіе танцы. Неукоризненная ортоградія была единственною отраслюю учености, для которой графъ былъ строгъ, потому что, говорилъ онъ, не надо быть смѣшнымъ, когда пишешь любовную записку или вызовъ на дуэль. Исключая этого, онъ выучился не многому, кромѣ французской исторіи, для того, чтобы знать и цѣнить наши древніе и новѣйшіе подвиги, и геральдику, на которой онъ *собаку съелъ*, говорилъ графъ де-Шетрсенъ.

Виконтъ обладалъ однимъ большимъ талантомъ; достигнувъ возмужалости, онъ понялъ свое невежество и какъ ему было случивъ вернуться въ училище, вздумалъ коротко сойтись съ людьми знающими и талантливыми, ѣздилъ въ театръ, читалъ много, слушалъ и того больше, и, благодаря превосходной памяти, приобрѣлъ такой обширный лоскъ образованности, что никто не угадывалъ его невежества.

Онъ былъ храбръ до дерзости, гордъ и надмененъ. У него случались порывы доброты; рѣшительно злобымъ онъ никогда не являлся, но обнаруживалъ иногда равнодушіе болѣе губительное. Голова его, чрезвычайно пылкая, воспламенялась огненнымъ воображеніемъ и неукротимой страстью къ женщинамъ. Сердце иногда сѣгрывалось отъ этого пламени; онъ самъ тогда ему вѣрилъ и обманывался, обманывая другихъ. Въ эти минуты онъ принималъ лживый видъ преданности и великодушія. Любить серьезно такого вѣтренаго и нестойкаго человека было большое несчастіе. Графъ съ дѣтства внушилъ ему воздержность въ рѣчахъ, отъ которой онъ никогда не отставалъ. Очень богатый и свободный по смерти родителей, онъ тратилъ состояніе не жотая, вмѣстѣ и съ благоразуміемъ и расточительностью. Объ немъ приводили примѣры чудеснѣйшей благотворительности, а на другой день онъ бросалъ страшныя деньги къ ногамъ танцовщицы. Этотъ характеръ, почти весь составленный изъ противорѣчій, могъ нравиться впечатлительнымъ натурамъ, по своей оригинальности.

Когда я его узнала, онъ только что объѣхалъ все европейскіе дворы и вывезъ изъ четырехъ-лѣтняго путешествія колоссальную репутацію истиннаго вельможи и оболъстителя. Дядя гордился имъ, говорилъ, что онъ напоминаетъ ему его собственную молодость, и болѣе всего восхищало его замѣчаніе объ ихъ сходствѣ; — еще бы!

Я разсматривала Ришара съ чрезвычайнымъ удивленіемъ, потому что самыя преувеличенныя похвалы не могли дать мнѣ понятія объ этой лучезарной красотѣ, объ этой граціи безъ поддѣлки и безъ пошлости — оттенокъ такой неувимый для мужчины, особенно теперь, когда образцы перевелись! Онъ поклонился мнѣ именно какъ должно, съ почтительностію и любезностію наивнхъ дѣдовъ. Кузина, которую что не конфузило, начала разговоръ; а я была смущена, сама не знаю отчего. Графъ обратился ко мнѣ съ своими обычными комплиментами и потихоньку ввелъ племянника въ нашъ разговоръ; тутъ у меня умъ развезался какъ-будто пи въ чемъ не бывало.

Вечеромъ мы должны были вѣхать въ оперу на первое представленіе и веретялись рано, чтобы переодѣться.

— Вы сегодня надѣнете, сказала мнѣ Элиза, платье изъ индійской кисеи и цѣлое море кружевъ. Ваши блѣдыя волосы будутъ украшены только вѣткою натуральной сирени, такой же букетъ на груди; короткіе рукава, одинъ браслетъ, кружевной шарфъ и длинный

бѣлый кушакъ. Если вы прибавите одну вещьцу или одну ленточку, я васъ прокляну.

— Къ чему же эта роскошная простота? отвѣчала я смѣясь.

— Затѣмъ, что сегодня вечеромъ надо затмить всѣхъ, а вы тогда истинно хороши, когда не стараетесь быть красавицей.

— Я не понимаю, затѣмъ сегодня вечеромъ мнѣ надо сѣять *единственнымъ* блескомъ.

— О! очень понимаете! Вы только хотите, чтобы вамъ это сказали, чтобы не обмануться. Красавецъ Ринаръ находитъ васъ обворожительной и готовъ въ васъ влюбиться, а такая побѣда стоитъ труда. Что за великолѣпный Антиохъ! Онъ будетъ эпохою въ оперѣ; его будутъ рвать изъ рукъ; и если вы потрудитесь, то съ нынѣшняго же вечера онъ будетъ пойманъ.

— А что прикажете мнѣ съ нимъ дѣлать? отвѣчала я небрежно.

— Что вы дѣлаете съ двумя дюжинами несчастныхъ, запряженныхъ въ вашу колесницу — жертву.

— Такой человекъ не дастся въ жертвы; игра можетъ быть съ нимъ опасна, не хочу даже пробовать.

— Опасна! вы ребенокъ, моя милая; онъ будетъ у вашихъ ногъ, говорю я вамъ, какъ другіе, потому что вы не будете его любить.

— О! за это вамъ отвѣчаю, любить такого мужчину, навѣрно щедраго, надменнаго, несноснаго, — нѣтъ и нѣтъ!

— Душенька, девизъ мудрости и опытности — ни за что не рваться.

— Можете ли вы такъ говорить, Элиза? Любить, мнѣ! развѣ вы не знаете, что сердце мое уже умерло? я внесла страстямъ печальную подать, имъ болѣе нечего съ меня взыскивать.

Баронесса нахмурилась и грустно покачала головой.

— Дай Богъ, кузина, чтобы вы только начали съ страстями, или лучше сказать, дай Богъ, чтобы вы никогда не начинали!

— Право, душенька, вы хотите меня мучить; вы знаете, какъ я любила, какъ еще можетъ-быть, люблю; сколько я страдала....

— Перестанемъ говорить объ этомъ, Одилия; лучше поговоримъ о нарядахъ, это веселѣе.

Я послушалась *добрыхъ совѣтовъ* кузины, и нарядъ мой и я изли страшный усавъхъ. Моебѣлое платье, мои длинныя, бѣлокурыя во-

лосы, мглистый взоръ заставили мечтать Богъ знаетъ сколько позеть и вздыхать самыхъ модныхъ молодыхъ людей. Меня *лорниро-сали* со всѣхъ сторонъ; это былъ истинный триумфъ.

Графъ, мой рыцарь, имѣлъ по праву мѣсто въ моей ложѣ и разумѣется, что виконтъ де-Ланперіе провелъ тутъ почти цѣлый вечеръ; но върный своему обычному правилу, раздвѣлялъ свои угожденія такъ ровно между баронессой и мной, что самая ожесточенная клевета не могла найти тутъ ничего, кромѣ въжливости. Онъ подалъ однако мнѣ руку, чтобы довести до кареты и пока мы ожидали внизу, я услышала, какъ одинъ знаменитый живописецъ сказалъ, показывая на насъ :

— Вотъ самая прелестная парочка во всемъ Парижѣ.

Гришаръ также слышалъ это, но не показалъ видѣ.

Возвратясь домой, Элиза много шутила надъ моимъ величественнымъ видомъ въ оперѣ, надъ несчастными, умиравшими съ отчаянія и даже надъ горделивымъ виконтомъ, раненымъ какъ другіе, не смотря на свои фанфаронскія замашки. Я ничего не отвѣчала, и разговоръ прервался.

Не стану рассказывать вамъ подробно, что случилось потомъ, вы отгадываете сами. Вамъ известна свѣтская жизнь въ Парижѣ, я вела ее въ обширномъ смыслѣ слова; виконтъ слѣдовалъ за мною всюду, этого не замѣчали, потому что онъ былъ не одинъ.

Здѣсь я должна упомянуть о письмѣ Вильфрида, которое поразило меня какъ угрызеніе среди этого вихря.

«Когда мы увидѣли Эрнеста безъ васъ, кузина, писалъ онъ, у насъ съ Адрианой сжалось сердце. Вотъ вы одинъ въ этомъ большомъ городѣ; вы предпочли намъ веселости! Тѣмъ лучше, если вы счастливы! Я однако безпокоюсь и буду безпокоиться до-тѣхъ-поръ, пока вы не дадите мнѣ обѣщанія. Когда одиночество станетъ вамъ въ тягость, когда вы почувствуете нужду въ покровитель, призовите меня, я тотчасъ явлюсь; я и теперь пріѣхалъ бы, если бы очень-мучительная беременность жены не удерживала меня при ней.

«Я вашъ братъ, вашъ единственный родственникъ, тотъ, кому отецъ, умирая поручилъ васъ; если вы подвергаетесь опасности, если больны, грустны, несчастны, Одиля, вспомните обо мнѣ.»

Это письмо моего добраго друга имѣло нѣсколько дней вліяніе на мое сердце; тайный голосъ призывалъ меня въ Блуменбергъ; затѣмъ я его не послушала, о мой Боже!

Насталъ июнь. Эрнестъ звалъ меня, а мнѣ вовсе не хотѣлось возвратиться въ Алзацию. Вся около меня составляли планы путешествій, или на воды или за границу. Вернуться просто домой казалось мнѣ невыносимо скучно и прозачно. Виконтъ де-Ланперіе ничего не говорилъ, какъ будто ожидая моего рѣшенія, а я не смѣя остановити мысли на томъ, что эта покорность порождала новаго и дорогаго въ моемъ сердцѣ.

Разъ, въ оперѣ, мы сидѣли въ моей ложѣ; графъ, виконтъ, баронесса и я. Спектакль былъ восхитительный: давали «Графа Ори», котораго пѣли Нурри и Даморѣ, и «Сильфиду», гдѣ танцовала Тальони.

Вся знаютъ эту граціозную картину, если можно назвать картиною неосязаемую вещь. Полетъ птицъ, воздушное жорханіе бабочекъ представить нельзя, надо ихъ видѣть. Такъ и Тальони; никакое выраженіе не передастъ того, что она внушаетъ; только одно слово можетъ верно представить ее воображенію тѣхъ, кто зналъ ее; это ея имя. Оно наконецъ сдѣлается прилагательнымъ: о танцовщицѣ, приближающейся къ совершенству, скажутъ, что она танцуетъ *по-Тальонски*.

Графъ сочувствовалъ намъ; нашу сильфиду онъ ставилъ выше Гимаръ, Саллѣ, Камарго, Гардель, Клотильды, Биготтини, словомъ всей этой цѣпи богинь, смѣнявшихся на глазахъ его въ Олимпѣ, когда виконтъ прибавилъ замѣчаніе, котораго справедливость поразила меня.

— Высокое преимущество Тальони, сказалъ онъ, состоитъ особенно въ томъ, что ея ноги говорятъ уму. Другія танцовщицы обращаются къ глазамъ и къ чувствамъ, она идетъ къ душѣ, заставляетъ мечтать. Ея целомудренныя позы, ея поэтическая скромность, все, даже ея выразительное лицо, составляютъ цѣлое, до-сихъ-поръ неизвѣстное, исключая Лафонтена, который конечно угадалъ ее, когда писалъ этотъ прелестный стихъ:

Et la grâce plus belle encore que la beauté.

— Вы правы, виконтъ, отвѣчала баронесса, и я прибавлю еще одно замѣчаніе къ вашему: Тальони все хвалятъ, не возбуждая ревности. Женщины позволяютъ своимъ возлюбленнымъ находить ее прекрасной. Она какъ-будто слѣплена изъ другой персти; это восхитительная мечта, за которою все гоняются и никто не можетъ поймать.

— Лучше изобразить эту восхитительную танцовщицу невозможно.

Но и балетъ какъ отлично сочиненъ! Онъ представляетъ идею, идею справедливую: вѣнцъ — радкая въ балетъ!

— Идею самымъ справедливою, любовный вѣнцъ, и болѣе справедливую для насъ женщинъ, чѣмъ для васъ. Конечно, вы также говорите за мечтами, но не умираете отъ нихъ. А у насъ цѣлая жизнь проводить въ этомъ безумномъ поискѣ. У насъ водъ рукой, если не счастье то, по-крайней-мѣрѣ, спокойствіе въ домашней жизни, но подобно этому пастуху, котораго вы тамъ видите, дѣйствительности для насъ недовольно, намъ нужно другое, намъ нужно невозможное. Какъ онъ, мы оставляемъ тихія и сладостныя радости для бурей страсти, для мнимыхъ обольщеній. О! да, этотъ балетъ справедливъ, вѣчно справедливъ!

Никогда баронесса не выражалась такъ искренно; графъ и вѣнцъ смотрѣли на нее съ удивленіемъ. Удалившись въ глубину ложи, я ничего не говорила, я чувствовала какъ неоспоримы эти истины, и Блауенбергъ являлся мнѣ въ отдаленномъ миражѣ. Голосъ Ринара составилъ меня вдрогнуть. Кузина съ графомъ разсуждали о чемъ-то и не обращали на насъ вниманія. Вѣнцъ говорилъ тихо, я слушала, не прерывая, слова любви, сожгавшія меня, и забыла все! Тальони казалась мнѣ существомъ неземнымъ, нимфой, призывавшей меня, предлагавшей цвѣты своего вѣнка; громъ рукоплесканій свелъ меня на землю, не совсѣмъ разсѣявъ мое опасное волненіе.

— О, говорила я, какъ будто сама съ собою, какое чудное существованіе! Видѣть публику, народъ, вселенную, прикованные къ вашему движенію, къ вашему взгляду; быть предметомъ обожанія всѣхъ, и въ уголку этой огромной залы имѣть любящее сердце, которое все видитъ и слышитъ, которому говоришь: «Дѣлаю теперь тебя царемъ міра, тебя, котораго увѣчала моими поцѣлуями, котораго выбрала между всѣми, чтобы отдать тебѣ мою любовь.» Какъ должны быть обожаемы подобныя женщины, и какъ наши собственные романы должны казаться безцвѣтны возлѣ этихъ!

— Одилія, отвѣчалъ мнѣ нѣжный голосъ, есть другое торжество, другое счастье, столь же упойтельное, и вы можете имѣть и дать ихъ.

— Молчите, молчите. Не говорите мнѣ обманчивыхъ словъ. Я не хочу любви: это призма, блудящій огонь, онъ ведетъ къ безднѣ; не хочу, не хочу, говорю я вамъ!

— О! Боже мой, зачѣмъ отталкивать меня? зачѣмъ не видѣть жизнь такъ какъ она есть? страсть дѣйствительную и осязаемую? Моя преданность и нѣжность безграничны, онъ ваши, мы можемъ быть счастливы, если вы захотите.

— Нѣтъ, нѣтъ, не могу, не должна.

— Одилия, Одилия, сжальтесь надо мною, сжальтесь надъ собой: вы меня любите, я это видѣлъ, понялъ, ванъ взоръ говорилъ мнѣ это сто разъ. Зачѣмъ вы бонетесь повторить?

— О! Боже мой! прошептала я, неужели правда, что я его люблю?

Этого слова было довольно. Ришаръ не спрашивалъ болѣе. Онъ взялъ меня за руку, я ее не отдернула, не чувствовала ни угрызений, ни боязни, страсть совершенно овладѣла мной. Вырвавъ цвѣтокъ изъ букета, я молча отдала его виконту; въ этомъ движеніи онъ нашелъ мое признаніе, онъ это понялъ, украдкой поцѣловалъ цвѣтокъ и спряталъ его на груди.

Подвинувшись къ Элизъ, чтобы дать мнѣ время оправиться, виконтъ съ удивительнымъ присутствіемъ духа сталъ уговаривать кухню взять со мной въ Э.

— Невозможно, отвѣчала она; настало время воротиться подъ домашній кровъ. Эльзасъ зоветъ насъ.

— Я знаю средство все устроить, перебилъ виконтъ; мы проводимъ васъ до Блауенберга, потомъ поѣдемъ ожидать васъ въ Баденъ, самое восхитительное мѣстечко въ свѣтъ.

— Вотъ это будетъ мило! вскричалъ графъ. Маркизь удивится нашему приѣзду и не откажетъ въ гостепріимствѣ на нѣсколько дней.

— Вамъ, его родственнику! конечно, онъ будетъ очень радъ.

— Я ему родственникъ только изъ вѣжливости: покойная жена моя была ему тетка, но дружба моя къ маркизу не умерла съ ней. Что вы думаете о нашемъ планѣ, прелестная Одилия? можно его исполнить?

Вѣрно я точно была прелестна въ эту минуту, вѣрно предъидущая сцена оставила на чертахъ моихъ чудный отпечатокъ, потому что баронесса, взглянувъ на меня, вскричала, не давъ мнѣ времени отвѣтить:

— Посмотрите на маркизу, господа, я никогда не видала ее такою.

Дубовые листья на волосах придаютъ ей видъ Нормы, или вдохновенной Волледы.

— Да, отвѣчалъ графъ, маркиза удивительно хороша сегодня.

Виконтъ подтвердилъ это только взоромъ.

Путешествіе въ Блуменбергъ и въ Баденъ было рѣшено послѣ оперы у меня за ужиномъ.

Элиза, проводивъ меня въ спальню, сѣла возлѣ меня по уходѣ горничной и сказала:

— Одилая, я не прощу вашего довѣрія, я все знаю; то, что я сказала вамъ о себѣ, запрещаетъ мнѣ быть строгой, но я могу по крайней-мѣрѣ предложить вамъ совѣтъ. Берегитесь слишкомъ любить Ринара или вы пропали. Любите его какъ любили до-сихъ-поръ, закройте, пока можете, сердце ваше исключительной страсти; если съумѣете владѣть собой, то будете господствовать надъ всѣмъ, даже надъ событіями; а если на минуту перестанете управлять собою, то этотъ человекъ, которому судьба все расточила, къ нашему несчастію, конечно сдѣлается вашимъ повелителемъ, и тогда берегитесь, повторяю вамъ!

Я залилась слезами и бросилась въ объятія Элизы, прошептавъ:

— Я люблю его! о, я его люблю!

— Я это предвидѣла, отвѣчала она грустно. Ради Бога! скройте это отъ него, по-крайней-мѣрѣ пусть онъ не знаетъ, до какой степени овладѣлъ вашей душой, а то онъ не будетъ любить васъ и двѣ недѣли.

— Онъ перестанетъ меня любить! онъ, котораго страсть такъ жива, такъ глубока! О! кузина, три мѣсяца онъ говоритъ мнѣ объ ней безпрестанно, три мѣсяца какъ онъ сталъ рабомъ моимъ, а только нынче вечеромъ онъ узналъ, что и я также люблю его. О, онъ жестоко страдалъ!

— Тѣмъ хуже, тѣмъ хуже! онъ отмститъ: вы послѣ заплатите за это сторицею.

— Вы не знаете Ринара, отвѣчала я почти съ презрительною улыбкой.

— О! мы все одинаковы! Безумныя и слабыя созданія! Тотъ, кого мы любимъ, не похожъ на другихъ; мы однѣ его знаемъ, онъ обладаетъ всеми совершенствами, до-тѣхъ-поръ, пока изъ идола не сдѣлается демономъ, пока не затопчетъ насъ, пока не заставитъ выпить

каблю по канаву чашу отчаянія. Я также была тяжела, я также врыла и любила! Теперь не могу ни любить ни верить, жизнь моя кончилась, мнѣ не остается на землѣ ничего, даже и мщенія; я мечтаю объ немъ, не имѣя смѣлости исполнить; одни мужчины какъ женщины безъ сердца смѣлы на это!

Я не слушала Элизы, она говорила не о Ришарѣ, а для меня всякая другая струна оставалась безмолвною.

Я не спала цѣлую ночь и не была утомлена. Утромъ мнѣ дали восхитительную записку и букетъ, образцовое произведеніе мадамъ Превъ; я думала и смотрѣла только на эти драгоценные заложки, и забыла бы позавтракать, если бы баронесса не привела меня къ столу.

Отъездъ мы откладывали подъ тысячею предлоговъ. Эрнестъ звалъ насъ; я не могла перенести мысли увидѣть мужа съ преступной любовью въ душѣ. Наконецъ надо было рѣшиться, и перваго іюля предположено было отправиться въ Блуменбергъ.

Чтобы протиститься съ веселостями, мы поѣхали въ Фонтенблю вечевать и провести цѣлый день въ лѣсу. Виконтъ, разумется, оставался постоянно возлѣ меня, но былъ такъ остороженъ, что никто бы не догадался, добился ли онъ чего-нибудь кромѣ позволенія вздыхать. Я дулась, смѣялась, капризничала: онъ все переносилъ не жалуясь.

Къ четыремъ часамъ небо потемнѣло; знатоки возвѣстили грозу, безтолковыя не хотѣли этому верить, мы продолжали подвигаться. Гроза разразилась, всѣ бросились искать убѣжища, какой-нибудь скалы, какого-нибудь грота, которыми наполненъ лѣсъ. Графъ, баронесса и виконтъ шли со мною. Ришаръ хорошо зналъ дорогу и скоро привелъ насъ къ необитаемому эрмитажу, гдѣ мы нашли вѣрное убѣжище. Графъ съ баронессой сѣли на камень, поросшій мохомъ; а я съ Ришаромъ осталась у входа, смотреть на дождь и молнію.

— Одилия! сказалъ онъ мнѣ тихо, я вамъ писалъ вчера и даю честное слово, что уѣду на Востокъ.

Я поблѣднѣла, онъ это замѣтилъ.

— Я долженъ забыть, долженъ опять найти свою энергію, разрушенную этой пагубной страстью. Или вы будете моего, или я бѣгу отъ васъ. Я говорю вамъ это хладнокровно, безъ гнѣва, я обдумалъ, принялъ рѣшительное намѣреніе, и ни ваши улыбки, ни ваши слезы не перемѣнятъ его.

Скажи мне это теперь, — я или не поверила бы любви такого мужчины, или доказала бы ему в два часа, что онъ много о себѣ воображаетъ; тогда я *спрыгла* *всему* и опустила голову, но рыдала и дрожала, отступая и передъ проступкомъ, и передъ болезнью любимца.

— Не смотря на ваше кокетство, я знаю, что вы благородны и искренни, Одилля; вы всегда уверяли меня, что *гримасы* сопротивления казались вамъ противны, что вы говорили бы *милымъ до-тахъ-норъ*, пока сердце не скажетъ вамъ *да*. Все ли вы такъ думаете?

— Да, возразила я тихо.

— Такъ я жду вашего отвѣта: или вечный союзъ или безкошечная разлука: вамъ рѣшить.

Онъ воротился къ дядѣ и оставилъ меня одну. Я омерзась на скалу; голова у меня кружилась, мнѣ было дурно.

Въ ту минуту, когда готовилась переступить этотъ страшный шагъ, который долженъ былъ одѣлать меня совершенно преступною, добрыя чувства мои пробудились. Передо мной явились дорогія и уважаемыя лица бабки, гувернантки; призракъ матушки распростеръ свои ангельскія крылья надъ моею головою; Эрнестъ, Вильфридъ стали возле меня какъ два верные стража, а кроткая Адриана окладывала передо мною руки. Слезы вытупили у меня на глазахъ и я прошептала:

— Боже мой! смалью надъ мною!

Богъ меня услышалъ, послалъ мнѣ твердость, я счела себя смелвою и перестала бояться. Ахъ! я не знала своей слабости.

Гроза прошла, мы съѣли на лошадей, чтобы возвратиться въ городъ.

— Рашаръ, какъ только мы несколько отделились отъ другихъ, заговорилъ опять о своей любви.

— Рашаръ, прости меня, я не могу забыть послѣднихъ утѣшительныхъ словъ моего отца.

Онъ закусилъ себя губы до крови и, остановивъ вдругъ свою и мою лошадей, подождалъ пока баронесса къ намъ подъѣхала. Я читала въ его глазахъ важное рѣшеніе; сердце мое обливалось кровью при мысли потерять его. Я страдала, страдала такъ, какъ страдаетъ женщина, заставляющая страдать любимое существо. Онъ не сказалъ мнѣ больше ни слова, сдѣлался замѣтно грустенъ, забылъ свое

знаніе общежитія, свою обычную осторожность и удалился въ сторону.

Вечеромъ стали танцовать; виконтъ не вышелъ изъ своей комнаты подь предлогомъ нездоровья. Онъ увѣрялъ, что промокъ и боится лихорадки. Надъ нимъ смѣялись, онъ не переставалъ упорствовать и послы, отправленные къ нему одинъ за другимъ, нашли его не склоннымъ.

Тогда я просто испугалась и почти раскаялась. Онъ навѣрно уйдетъ, и эта разлука только предвѣстникъ той разлуки, которой онъ угрожалъ мнѣ.

Напрасно усиливалась я скрыть свое безпокойство; если бы баронесса не подоспѣла ко мнѣ на помощь, всѣ бы его примѣтили. Съ своей обычной ловкостью она отвлекла вниманіе, и меня не подумали разсматривать. Мы всѣ устали и разошлись рано. На каминъ въ моей комнатѣ нашла я запечатанное письмо и узнала почеркъ Ришара; оно конечно заключало его прощаніе, я задрожала и не смѣла распечатать; держала въ рукахъ свой смертный приговоръ; наконецъ прочла. Письмо это, образецъ слога и тонкости, говорило только объ его отчаяніи; онъ не обвинялъ меня, умолялъ именемъ своей жизни, именемъ нашей любви, на козлянахъ, о прощеніи утренней вспыльчивости. Онъ предоставлялъ всю свою будущность и жизнь мнѣ на волю, полагался на мое великодушіе; это была высочайшая степень искусства. Онъ написалъ такимъ образомъ четыре страницы, одна другой важнѣе, страстнѣе, вкрадчивѣе. Я слабѣла при каждой строчкѣ и наконецъ не устояла противъ послѣдняго крика его любви.

«Прощайте, Одилы, прощайте; конечно; мы болѣе не увидимся, будьте счастливы. Дай Богъ, чтобы тотъ, кого вы полюбите послѣ меня, не наказалъ васъ за жестокость; дай Богъ, чтобы мое отчаяніе не сдѣлалось вамъ пагубою въ будущемъ. Я люблю васъ и буду всегда любить; вы обрекли несчастію жизнь, совершенно принадлежащую вамъ. Прощайте! прощайте!

На другой день, возвращаясь въ Парижъ, Ришаръ былъ веселъ до сумасбродства, а я, спрятавшись въ глубину кареты, блѣдная, мрачная, не смѣла поднять глазъ и едва отвѣчала на вопросы баронессы.

Мы поехали въ Блуменбергъ. По невольному уваженію къ тому, чье имя я носила, я уговорила виконта, чтобы онъ подь какимъ-нибудь предлогомъ оставилъ насъ въ Страсбургѣ, отправился въ Баденъ

и чтобъ мы не вмѣстѣ пріѣхали въ домъ моего мужа. Баронесса и графъ, казалось, поняли эту деликатность, хотя ни тотъ ни другая не получили прямого признанія; они не изъявили ни удивленія, ни любопытства.

Когда я увидѣла издали башни замка, когда, виновная, увидѣла Эльзасъ, который оставила еще невинною, дрожь проникла мнѣ въ сердце.

Мнѣ предстояло вынести взглядъ Эрнеста, Вильфрида, Адрианы, увидѣть могилы родителей, встрѣтить воспоминанія дѣтства: такого страданія, какъ это, и назвать нельзя.

Надо было дать себѣ приличную наружность; я употребила всѣ свои силы; я никогда не умѣла лицемерить.

Я успѣла однако приневолять себя, и когда Эрнестъ встрѣтилъ насъ на крыльцѣ, блѣдность моего лица могла изъясниться усталостью. Я не посмѣла обнять его, но за то бросилась въ объятія Вильфрида и его жены. Тутъ я могла плакать безъ стыда, могла найти утѣху; ихъ я не оскорбляла и знала, что ихъ снисходительная дружба осушитъ мнѣ слезы лаской.

Мужъ мой не замѣтилъ ничего. Спокойствіе его, возвратившееся послѣ моего послушанія разстаться съ Леономъ, не возмущалось изъ-за такой бездѣлицы. Онъ былъ добръ по обыкновенію, нашелъ, что я переѣхалась, привелъ меня въ мою комнату, прогналъ оттуда Вильфрида и Адриану, велѣлъ мнѣ спать спокойно и принялся за свой обычный образъ жизни, рѣшительно какъ въ мое отсутствіе. Вставалъ съ солнцемъ, ложился почти съ нимъ же, охотился цѣлое утро, проводилъ весь день на заводѣ и видѣлся со мною только за столомъ. И потому богатство наше принимало колоссальные размѣры.

Я объ этомъ не думала. Привыкнувъ удовлетворять свои малѣйшія прихоти, я такъ сроднилась съ роскошью, что мысль ливнётся ея мнѣ никогда не представлялась. Мужъ сдѣлалъ мнѣ подробный перечень пріобрѣтеній, для которыхъ ждали только моей подписи, показывалъ мнѣ великолѣпные плоды своей промышленности; направляя взгляды мои кругомъ до самого горизонта, онъ сказалъ:

— Все это твое; ты теперь богата, какъ маркиза де-Карабасъ.

Я слабо улыбнулась. Веселиться и радоваться я уже не могла.

Потребность душевнаго очищенія преслѣдовала меня повсюду. Я выпросила у мужа позволеніе основать школу и больницу въ Блу-

менбергъ, и настояла, чтобы протестанты и евреи принимались туда наравнѣ съ католиками; я, ожидавшая всего отъ милосердія Божія, не хотѣла исключать никого.

Докторъ, приглашенный моими родными, объявилъ, что воздухъ родины мнѣ не годится. Мнѣ необходимы обычныя развлеченія, и одна скука, говорилъ онъ, была причиною нездоровья, которому противъ моей воли измѣняло мое похудѣвшее лицо. Путешествіе въ Баденъ было тогда предложено баронессой и рѣшено безъ возраженій. Одна только перемена вкралась въ планъ нашъ; Вильфридъ съ Адрианою рѣшились вѣхать со мною, такъ какъ мужу моему вѣзти было оставить дѣла.

Я не смѣла сказать нѣтъ, но боялась присутствія Вильфрида. Единственнымъ успокоительнымъ мыслію моею тогда была тайна связи моей съ Ринаромъ.

«Я не постигаю, какъ можно компрометировать себя, думала я; особенно не постигаю, какъ можно это перенести.»

Мы поехали въ Баденъ. Когда я увидѣла Ринара, хотя заране укрѣпилась противъ этого впечатлѣнія, мнѣ чуть было не сдѣлалось дурно. Вильфридъ наблюдалъ за мною: красота виконта, пламенные взгляды, которые онъ бросалъ на меня, не смотря на свою осторожность, внушили ему подозрѣнія; я догадалась, я знала его такъ хорошо! Съ-тѣхъ-поръ, я только и думала о томъ, какъ бы разрушить нѣтъ.

Я умѣла уловить эту среднюю мѣру, которая скрываетъ истину въ видѣ притворнаго равнодушія; притворилась, что занимаюсь Ринаромъ какъ красивой игрушкой, которой тщесловіе мое придавало цѣну, шутила надъ его улаживаньемъ; словомъ, оказалось, что я лодка, я, никогда не бывшая лодкой. Все обманулись; даже баронесса. Она поздравляла меня съ тѣмъ, что я расхрибрилась и воспользовалась ея совѣтами.

Продолжайте, говорила она, онъ всегда вамъ останется. Приблизительно этому атомъ ревности, такъ будетъ тонкость на слану. Полноженіе Вильфрида удивительно удобно для этого.

— Я не играю Вильфридомъ. Все что касается до него, ставится серьезно. Къ тому же виконтъ всильчивъ, Богъ знаетъ, что можетъ изъ этого выйти!

Она замѣлась.

— Виконтъ человекъ благовоспитанный, баринъ прежде всего, не потеряетъ васъ изъ за такой бездѣлицы, и всякая огласка невозможна съ его стороны. Мы ѣдемъ вечеромъ на балъ; одѣньтесь къ лицу, кокетничайте, и вы увидите.

— Огорчать его, Элиза? о! это было бы ужасно!

— Кузина, въ любви одинъ изъ двухъ долженъ страдать; тотъ умнѣе, кто не страдаетъ.

Она говорила правду и это напомнило мнѣ прелестное выраженіе, въ очень замѣчательной книгѣ виконта Henri de la Tour-du-Pin-Chambly. Авторъ, говоря о сердечныхъ связяхъ, и желая выразить неровность, встрѣчающуюся вездѣ, говоритъ:

«Между двумя любящимися одинъ всегда цѣлуетъ, а другой подставляетъ щеку».

Истина и хорошо понятая и изящно выраженная. Только роли почти всегда перемѣняются. Сначала обыкновенно женщины *подставляютъ щеку*, а потомъ мужчины принимаютъ эту страдательную роль до-тѣхъ-поръ, пока она не надоесть, и этого не нужно долго ждать.

Изъ опасенія *компрометировать* себя, я послушалась Элизы. Я была такъ увѣрена въ виконтъ! Онъ не жаловался, не дѣлалъ ни шуму, ни огласки, только смотрѣлъ на меня украдкой; горестъ избражалась въ его чертахъ. Я не хотѣла этого замѣчать, чтобы не растрогаться, танцевала, вальсировала съ какимъ-то неистовствомъ. Красота моя и щегольство прославлялись во всѣхъ углахъ залы.

Сидя между Адрианой и Элизой, я уничтожила ихъ, одну своей живостью, другую молодостью. Вокругъ насъ составилъ кругъ. Видя меня предметомъ такого всеобщаго поклоненія, Вильфридъ успокоился; онъ считалъ меня любимую Ринаромъ, но не сообщницей его; большаго я не требовала.

Время проходило въ этой непрерывной смѣнѣ различныхъ ощущеній; виконтъ былъ такой искусникъ, что тотчасъ примѣтилъ и мою продѣлку и то, что мнѣ это было подсказано, и скоро нашелъ средство положить этому конецъ, переставъ выказывать огорченіе.

— Мы имѣемъ дѣло съ сильнымъ противникомъ, сказала Элиза. Этотъ человекъ знаетъ свое ремесло. Боюсь, что вы въ этомъ убѣдитесь на свой счетъ.

Вильфридъ снова сталъ бояться и неуспынно надзиралъ за мною. Глаза его втирались всегда между моимъ возлюбленнымъ и мною; я была такъ низка, что сердилась на него за это.

Однажды я сказала ему довольно сухо, послѣ сдѣланнаго имъ замѣчанія:

— Я уже не дѣвочка и, кажется, умѣю себя вести.

Если бы вы видѣли тогда его физиономію, какое удивленіе и горечь выражала она! Бѣдный Вильфридъ, сколько онъ страдалъ!

Эрнестъ пріѣхалъ за мною и опять пригласилъ въ Блуменбергъ графа съ племянникомъ и баронессу.

Всѣ, разумеется, согласились. Вильфридъ, принужденный вхатъ по дѣламъ въ Мюльгаузенъ съ женою и тещей, не мѣшалъ мнѣ своей безпокойной дружбой. Признаться ли, Рауль? я не читала его писемъ! въ отвѣтахъ своихъ говорила о вещахъ постороннихъ и старалась прогнать докучное воспоминаніе.

Я забыла вамъ сказать, что графъ де-Шанбуръ оставилъ Эльзасъ до моего возвращенія. Мужъ мой, проводя цѣлый день на заводѣ, часто отлучался на нѣсколько дней въ окрестности и оставлялъ меня совершенно свободной. Другіе гости пріѣзжали только вечеромъ, а графъ де-Шерсенъ и баронесса, по привычкѣ, или изъ учтивости, выходили изъ своей комнаты только къ обѣду.

Мнѣ ровно ничего не мѣшало оставаться съ Ришаромъ.

Въ началѣ зимы приличіе требовало, чтобы наши гости оставили насъ наконецъ. Эта разлука, не смотря на свою кратковременность, уязвила мнѣ сердце. Къ счастью мнѣ оставалась баронесса, чтобы разговаривать и получать *мои письма*, эти драгоценныя письма, единственное утѣшеніе въ разлукѣ. Эрнестъ обѣщалъ воротиться въ Парижъ въ январь и каждый годъ проводить тамъ масляницу; надо было довольствоваться этимъ обѣщаніемъ и ждать.

Началась самая дѣятельная переписка: не проходило трехъ дней, чтобы мы не посылали другъ другу длинныхъ страницъ, гдѣ все что есть въ любви жгучаго, соединялось съ самыми сладостными надеждами и съ самыми горькими сожалѣніями!

Черезъ мѣсяцъ письма отъ Ришара стали приходиться рѣже. Онъ извинялся легкимъ нездоровьемъ и необходимостью жертвовать многимъ временемъ дядѣ.

Тутъ опытность баронессы встревожилась. Она говорила мнѣ не

много, изъ опасенія огорчить меня, но и почувствовала, поняла какъ она; а первая рана такъ ужасна!

— Наступила минута твердости, милая Одилия. Если вы являетесь слабой, если будете жаловаться, если сдѣлаете упрекъ, то прощай ваше могущество. Законъ возмездія, моя красавица; онъ пишетъ меньше; дѣлайте то же; онъ спроситъ зачѣмъ? оправдывайтесь дурными причинами и упрямитесь. Пусть онъ беспокоится; право, пора.

Я нѣсколько недѣль служилась баронессы; но я слишкомъ много любила, силы мои истощились. Безъ ея вѣдома я написала отчаянное письмо Ришару, говорила, что онъ меня уже не любитъ и обнаруживала передъ нимъ это бѣдное разбитое сердце, въ которомъ онъ царствовалъ самовластно.

Отвѣтъ заставлялъ себя ждать, но облегчилъ меня; я нашла его добрымъ, важнымъ, полнымъ любовью, хотя съ отъѣнкомъ мѣнье страстнымъ. Теперь, когда припоминаю его, я удивляюсь, какъ тотчасъ не увидѣла въ немъ истины, то-есть, что виконтъ разсѣивался отъ меня, что въ свою очередь былъ увѣренъ въ своей власти и что покоился въ этой увѣренности: у мужчинъ она убиваетъ страсть.

Баронесса тотчасъ смекнула въ чемъ дѣло, однако ничего мнѣ не сказала. Она видѣла, какъ я несчастна, и ей было жаль меня. Въ последнее время пребыванія нашего въ Блуменбергъ, я занемогла; безпокойство серьезно овладѣло мною. Ришаръ становился все болѣе и болѣе *разсудительнымъ*; не смотря на добровольное ослѣпленіе, не смотря на невольный инстинктъ, отталкивающій страданіе, какъ смерть, я должна была это видѣть и признаться въ томъ сама себѣ, что гораздо труднѣе, чѣмъ сознаваться другимъ.

Наконецъ насталъ январь, мы уѣхали. Путешествіе это показалось мнѣ вѣчностью, я думала, что никогда не приѣду. Когда карета остановилась у воротъ нашего дома и дверцы отворилъ самъ Ришаръ, я не могла преодолѣть своего волненія и мнѣ сдѣлалось дурно. Мужъ мой отнесъ меня на рукахъ на постель.

— Дорога эта была слишкомъ продолжительна для нея, повторяла баронесса, надо было остановиться вечеромъ; вы этого не захотѣли, и вотъ что вышло.

— Не понимаю, что сдѣлалось съ здоровьемъ Одилии? отвѣчалъ Эрнестъ, давая мнѣ нюхать уксусъ; прежде была такъ крѣпка, теперь

взнемогаешь отъ малѣйшей усталости. Цѣлый мѣсяць страдала въ Блуменбергъ, право это и безпокоить и удивляетъ меня: надо позвать доктора.

Онъ былъ недалеко, докторъ и виновникъ всѣхъ этихъ болезней, и одинъ могъ ихъ излечить. Когда я пришла въ себя, мнѣ захотѣлось его видѣть, я бросила взоръ на боронессу: она поняла меня.

— Какъ вамъ теперь, душенька? спросила она. Оставайтесь въ постели, мы сядемъ возлѣ васъ, не такъ ли, маркизь?

— Конечно, если Одилия въ состояніи принять этихъ господъ. Можетъ-быть у нея болитъ голова и она хочетъ заснуть?

— Нѣтъ, отвѣчала я; напротивъ, разсѣяніе принесетъ мнѣ пользу и я очень рада поговорить съ графомъ и виконтомъ.

Ихъ позвали.

Кружевной занавѣсъ скрылъ мою блѣдность, Ришаръ подаль мнѣ руку; какъ мнѣ стало легко отъ этого пожатія! Только вечеромъ осталась я съ нимъ одна; тогда, послѣ первыхъ изліяній, я не могла удержаться отъ упрековъ, очень кроткихъ, очень нѣжныхъ, но заслуженныхъ. Виконтъ шутилъ, вывернулся съ такимъ присутствіемъ духа, какого навѣрно не бываетъ у влюбленныхъ, осыпалъ меня увѣщеніями и клятвами: я хотѣла увѣриться; противъ воли предчувствіе леденило мнѣ сердце.

Я чувствовала, что менѣе любима; бездѣлицы это выказываютъ: въ любви онъ даже върнѣ важныхъ вещей, которыхъ остерегаешься, чтобы не измѣнить себя.

На театрѣ Opéra-Comique давали тогда новую піесу, на которую сбѣгался весь Парижъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ моего пріѣзда и я поѣхала туда съ мужемъ и баронессой. Графъ обѣщалъ пріѣхать въ нашу ложу, виконтъ отговорился охотой въ Версали. Къ половинѣ перваго акта Эрнестъ примѣтилъ въ креслахъ пріятеля, съ которымъ хотѣлъ поговорить, и оставилъ насъ.

Возлѣ меня, рука объ руку, сидѣли въ соседней ложѣ двѣ женщины; одна была удивительно хороша, но по одеждѣ, по пріемамъ, нельзя было сомнѣваться въ ихъ званіи. Онъ разговаривалъ вполголоса, не думая о музыкѣ; я не занималась ими, пока имя Ришара, произнесенное хорошенькою, не привлекло мое вниманіе: я стала слушать.

— Да, душенька, говорила она, его зовутъ Ришаромъ; какое ми-

люе шнычке, не правда ли? А если бы ты знала, какъ онъ меня любитъ, какъ ревнуетъ! какъ весело быть такъ обожаемой! Да какой знатный баринъ, какой красавецъ! какой богачъ! какой щедрый! Подарилъ мнѣ лошадей, которыми ты такъ любишься, подарилъ тѣмъ тѣмущую вещей! Я тебѣ покажу все это.

— А его-то когда покажешь?

— Сегодня вечеромъ мы найдемъ его, воротившись домой, онъ ждетъ меня.

Я вздохнула свободно. Визонтъ былъ въ отсутствіи, стало быть это не онъ; къ тому же развѣ одинъ только Ришаръ на свѣтъ? Да, но Ришаръ красавецъ, знатный баринъ, богатъ, щедръ! мнѣ показалось это страннымъ.

Женщина продолжала:

— На такое тонкое, деликатное вниманіе одинъ онъ способенъ; онъ не хочетъ компрометировать меня, душенька, и устроилъ у меня таинственный ужинъ, куда допущена ты одна. Все думаютъ, что онъ въ Версали на охотѣ; онъ прячется въ Парижъ для меня, единственно для меня. Какъ любезенъ этотъ милый визонтъ!

Мнѣ сдѣлалось дурно, я умерала; это былъ онъ! собеседники мои, занятые спектаклемъ, не видѣли моей странной блѣдности. Но по одному изъ невзяснимыхъ чувствъ нашей природы, мнѣ хотѣлось слушать, хотѣлось все узнать.

Другая женщина что-то спросила, чего я не разслышала.

— Конечно, возразила моя соперница, онъ тайно остается у меня по два, по три дня. Свѣтскихъ женщинъ онъ терпѣть не можетъ, онъ всѣ или приторныя жеманницы или несносны съ своими пылкими страстями, увѣряетъ онъ. И точно, я думаю, не одна любила его *слишкомъ*, онъ такой милашка!

И я любила его *слишкомъ*! И слышала все это: какое наказаніе, Боже мой!

— Не проболтайся, продолжала она; онъ взялъ съ меня обещаніе не открывать никому, что происходитъ между нами и не простить мнѣ, зачѣмъ я сказала тебѣ. Никто этого не знаетъ, тайна эта восхитительна. Всѣ спрашиваютъ себя, кто даритъ мнѣ шали, кружева, кто содержитъ меня и не угадываютъ.

Каждая фраза была ударомъ кивжала, голова моя горѣла, сердце

как-будто хотѣло лопнуть, я не понимала гдѣ я, что слышу, что чувствую, словно помѣшалась; среди этихъ раздражающихъ впечатлѣній преобладала одна мысль — мысль видѣть Ришара, отомстить, вырвать его у этой женщины.

Побуждаемая неизъяснимымъ желаніемъ, я подозвала графа де-Шерсенна и спросила у него имя сосѣдки. Онъ отвѣчалъ, улыбаясь:

— Это мадамъзель Клеофея, одна изъ модныхъ красавицъ въ Жюквейскомъ клубѣ.

— А! перебила я, не у нея ли такая великолѣпная квартира, на Лондонской улицѣ, что ее вздѣтъ смотрѣть изъ любопытства?

— Нѣтъ, эта живетъ на Антенской улицѣ и вовсе еще не великолѣпно. Но вы меня заставляете разсказывать странныя вещи для чловѣка моихъ лѣтъ.

Я знала довольно, и намѣреніе мое было принято. Оставаться долѣе въ театрѣ мнѣ не было возможности. Я сослалась на ужасную головную боль и не лгала. Разстроенное лицо мое свидѣтельствовало въ истинѣ. Я послала за Эрнестомъ, и настояла, чтобы Элиза осталась съ графомъ. Мужъ довезъ меня домой и повѣхалъ въ клубъ, откуда не возвращался прежде трехъ или четырехъ часовъ. Передо мною осталось много времени. Я позвонила и приказала горничной сказать баронессѣ, когда она возвратится, что я сплю и не могу ее принять.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

ИСКУСТВО ДРЕВНЕ-ИТАЛІЙСКОЕ И ОСОБЕННО ЭТРУССКОЕ.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Весьма важное и чрезвычайно-интересное звено въ исторіи классическаго искусства составляютъ художественныя произведенія, созданныя въ Италіи, независимо отъ великогреческихъ колоній южной части этой страны.* Опъ отчасти приготовили почву, на которой впоследствии разцвѣло римско-греческое искусство. Эти древне-италійскія произведенія, представляютъ съ одной стороны весьма характеристическія особенности, а съ другой — совокупное дѣйствіе разнородныхъ вліяній, слитіе разнородныхъ началъ образованности, представляютъ явленіе поразительно и отличное отъ прочихъ явленій древности. Въ нихъ есть нечто сродное съ художественными стремленіями новѣйшаго времени; есть проявленія, которыя можно принять за предзнаменованіе новѣйшаго искусства. Не смотря на разнородность элементовъ древне-италійскихъ художественныхъ произведеній, можно, съ окончью исторіи вообще и исторіи образованности въ особенности, отдѣлить эти элементы одинъ отъ другаго.

* Сравни. Mic li. «Storia degli antichi popoli Italiani», II e III. — Inghirami, «Monumenti etruschi». — K. O. Müller, «Die Etrusker».

Первобытные жители Италіи (по-крайней-мѣрѣ Средней и Нижней), были пеласгическаго племени, родственнаго первобытнымъ обитателямъ Греціи. Это подтверждается разными уцѣлвшими художественными произведеніями, имѣющими совершенно одинаковый характеръ съ греческими художественными произведеніями героическаго періода. Потому, пространство съ сѣвера до самаго Тибра заняли Этруски, племя чуждое греческому; они имѣли важное политическое значеніе въ Верхней и Средней Италіи, особенно во времена основанія Рима и ближайшія затѣмъ столѣтія. Этруски являются среди италійскихъ народовъ художниками, и по характеру и по занятіямъ, удовлетворяя всемъ художественнымъ потребностямъ Римлянъ, пока Римляне не пересадили непосредственно къ себѣ греческаго вкуса; имѣ-то принадлежать массивныя произведенія, созданныя въ Римѣ въ послѣднія времена царей, когда Римъ (отъ Тарквинія-Древняго до Тарквинія-Гордаго) даже политически находился подъ этрусскимъ вліяніемъ. Художественный характеръ Этрусковъ самобытный, оригинальный, былъ способенъ къ прогрессивному образованію и развитію; но направленіе этой способности, сколько мы можемъ судить, было преимущественно матеріальное, ремесленное. Видно, что Этруски чувствовали потребность высшаго и свободнаго совершенства, но не могли достигъ этой цѣли собственной, внутренней силою; они склонны усваивать чужое, умѣли болѣе или менѣе преобразовать его, но не могли развить изъ него совершеннаго новаго. Они изобрѣтательны и, какъ, ремесленники, въ высшей степени искусны при выполненіи частей художественныхъ произведеній, какого бы рода ни были эти произведенія, общественныя или частныя; но имъ не досталось въ удѣлъ знанія высшаго, идеальнаго значенія искусства.

Кажется, что первоначальное направленіе художественной этрусской образованности было одинаково съ древнѣйшей пеласгической образованностью, — которой рѣзительно враждебнымъ явился дорическій духъ въ Греціи; — даже, судя по нѣкоторымъ признакамъ, Этруски значительно подвинули впередъ развитіе началъ этой образованности; потому, какъ видно, послѣдовало сближеніе этрусскаго искусства съ восточнымъ, что легко объясняется обширными торговыми сношеніями этихъ народовъ, но до какой степени простиралось восточное вліяніе, опредѣлить очень мудро. Въ позднѣйшую эпоху, когда греческое искусство подвинулось къ совершенству и процвѣтало въ выс-

ной степени, этрусское весьма замѣтно склонилось къ усвоенію греческихъ формъ, иногда удачному, но по большей части антихудожественному, ремесленному. Это замѣтнѣе проявляется со времени болѣе и болѣе подчиненнаго положенія Этруріи, — со второй половины шатаго вѣка до Рождества Христова, — и продолжается до послѣднихъ временъ этрусскаго искусства, до первыхъ столѣтій по Рождествъ Христовомъ. Но все-таки искусство у нихъ удерживаетъ явно свой оригинальный характеръ, даже тамъ, гдѣ этрусскіе художники повидимому приближаются къ греческому искусству, даже въ позднѣйшихъ ихъ произведеніяхъ. Подробнѣе объяснить эти замѣчанія разборъ отдѣльных отраслей этрусскаго искусства, сколько до насъ дошли его памятники.

Къ древнѣйшимъ произведеніямъ италійской архитектуры принадлежатъ стѣны древнихъ городовъ, циклопической архитектуры, съ воротами, имѣющими по бокамъ косвенное наклоненіе. Такія же стѣны изъ многоугольных каменныхъ глыбъ, построенныя пеласгическими первобытными обитателями, встрѣчаются и въ Греціи. Особенно богаты подобными памятниками страны Сабинянъ и Латиновъ (на юго-востокъ отъ Тибра); тамъ остатки ихъ почти повсемѣстны. Существуютъ они и въ Этруріи, но тутъ преобладаетъ стремленіе класть камни правильнѣе, горизонтальными пластами, такъ-что эти произведенія занимаютъ середину между многоугольной архитектурой и квадратной. Можетъ-быть, это явленіе надо считать уже за усовершенствованіе Этруссками пеласгической архитектуры. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи стѣны Вольтерры, Физолы, Кортоны, Розеллы, Популовин.

Далѣе, есть разныя постройки, совершенно соответствующія по устройству древне-греческимъ казнохранилищамъ, гдѣ пространства крыты сводаобразно камнями, выдающимися одинъ надъ другимъ (въ горизонтальномъ положеніи). Такъ построены многіе подземные покои, вѣроятно могилы, въ Норбѣ, Вульчи, Тарквиніяхъ. Подобный же памятникъ существуетъ въ Римѣ, въ нижнемъ покоѣ Caeser Mamertinus въ такъ называемомъ Tullianum, на скатѣ capitoлійскаго холма. По преданію, онъ построенъ царемъ Сервіемъ-Туллиемъ для заключенія преступниковъ, но очевидно назначался резервоаромъ источника *. Дру-

* См. P. W. Forchhammer, въ «Kunstblatt» Шпорна, 1839, № 95. По истолкованію Форхгаммера, всѣ сокровищницы дѣвней Греціи просто резервоары источниковъ.

гой памятникъ того же рода находится въ Тузулу, гдѣ служитъ резервуаромъ для водопровода; эта постройка четырехугольной основанной формы, съ крышею въ видѣ остроудужнаго бочечнаго свода * — Не прнмъчательнѣйшія изъ такихъ построекъ, такъ называемыя *нурэги*, встрѣчающіяся въ большомъ количествѣ на противоложащемъ островѣ Сардиніи; онѣ, повидимому, были извѣстны уже Грекамъ и приписывались имъ Дедалу. Впрочемъ, эти строенія не подь землю, а возвышающіяся на поверхности, въ видѣ конусообразныхъ башенъ отъ тридцати до пятидесяти футовъ вышины. Внутри имѣютъ онѣ круглыя ящсобразныя покоя, которыхъ своды устроены совершенно по образцу греческихъ казнохранилицъ. Обыкновенно въ одной башнѣ находятся два или три покоя, одинъ надъ другимъ, соединенные между собою узкими лѣскаками, устроенными въ толщъ стѣны. У подошвы каждаго памятника есть маленькій ходъ во внутренность. Одни обнесены стѣнами, другіе соединены въ группы съ мелкими конусообразными дворями**.

Извѣстно, что еще въ архитектурѣ сокровищницъ приняты за основаніе начала свободной архитектуры, хотя только въ вертикальной плоскости и что, вѣроятно, особое чувство формы дорическаго ямени помъшало въ самой Греціи перейти отъ такого устройства къ постройкѣ двйствительныхъ сводовъ. Что не довершено въ Греціи, то исполнено въ Италіи Этрусками. Изъ числа возвышутыхъ имъ зданій уцѣляли разныя сводовыя постройки, изъ клинчатыхъ камней. Древность самой крупной изъ этихъ построекъ извѣстна достоверно. Это римскія клоаки, подземные каналы со сводами, устроенныя для отвода воды изъ болотъ и озеръ, лежащихъ по обѣимъ сторонамъ палатинскаго холма; съ помощью каналовъ, низменности между римскими холмами одѣланы обитаемыми, и такъ селенія, расположенныя на холмахъ слились въ одинъ городъ. Это колоссальное произведеніе исполнено при царяхъ тарквинскихъ, въ началѣ шестаго вѣка. Главный каналъ, въ который собираются прочія отрасли, есть знаменитый *Сюаса тахіна*; онъ имѣетъ двадцать футовъ ширины; при впаденіи въ Тибръ дно его находится на двадцать семь футовъ ниже известной намъ позднѣйшей мостовой древняго Рима. Значитъ, фундаментъ этой громадной массы, которая невредимо выдерживаетъ огречныя

* Donaldson, въ Дополненіи къ аелскимъ древностямъ.

** *Cronis. Petit-Radel, «Notices sur les Nuraghes de la Sardaigne»; Miceli, «Storia degli antichi popoli italiani,» II, III.*

сѣжести долѣ двухъ тысячъ лѣтъ, надѣрное закладывалось глубже со-
рока футовъ подъ землю*.

Устройство римскихъ клоакъ доказываетъ колоссальность размѣ-
ровъ, въ которыхъ Этруски совершали постройки, назначенныя для об-
щественной пользы. Къ произведеніямъ этого рода принадлежить еще
Данесарій (отводный каналъ) Альбанскаго озера, исполненный въ 393
году. Онъ построенъ съ большимъ искусствомъ и выложенъ твердымъ
вакантическимъ камнемъ на разстояніи 7,500 футовъ; въ устьяхъ его
также является правильная сводовая архитектура изъ клинчатыхъ кам-
ней. Далѣе, къ числу сводовыхъ построекъ надо отнести особенно нѣ-
сколько древнихъ могилъ въ средней Этруріи и примѣчательный водо-
опусъ въ Вольтеррѣ**, состоящій изъ трехъ бочечныхъ сводовъ, под-
держиваемыхъ столбами.

Вообще, кажется, что сводъ въ древне-итальской архитектурѣ боль-
ше употребляли не причинъ его технически-выгоднаго устройства, ве-
жели по эстетическому (художественному) сознанию красоты дугообраз-
ной формы. Это характеристическая черта этрусскаго искусства. Однак-
же съ развитіемъ эстетическаго вкуса, не могли не замѣтить изящества
дугообразной формы и примѣняли ее къ постройкамъ легкимъ, гдѣ
прочности требуется и грація. Судя по уцѣлѣвшимъ памятни-
камъ, наибольшее развитіе дуги въ художественномъ смыслѣ одѣлаю
при устройствѣ воротъ, для которыхъ особенно прилична широкая вы-
пуклость свода. Изъ этрусскихъ воротъ древнѣе всѣхъ кажутся ворота
Вольтерры***, построенныя очень гладко и *мирно*; въ нихъ облича-
ютъ какъ-будто позднѣйшую поправку, нѣсколько утонченныя кар-
низы контрафорсовъ; впрочемъ эти карнизы имѣютъ не столько рим-
скій, сколько поздній этрусскій характеръ. Замычный камень въ дугѣ
этихъ воротъ и камни непосредственно надъ контрафорсами украше-
ны большими и тяжелыми человѣческими головами, выдающимися вне-
редъ; эти грубыя украшенія весьма важны, потому что ими начало
(оно же и контрафорсъ) и окончаніе дуги определенно отличены чи-
сто эстетическимъ ордствомъ. Но и это начало, сколько намъ извѣ-
стно, не развилось далѣе у Этрусковъ, равно какъ и у Римлянъ.

* Сравни Bunsen, «Beschreibung der Stadt Rom». Тутъ очень ясно изложе-
ны причины, не позволяющія допустить позднѣйшую постройку клоакъ.

** Gori. «Museum Etruscum». I.

*** Miceli, части 7, 8.

Ворота Вольтерры даже позднѣйшіе ея жителямъ казались уже произведеніемъ глубокой древности, какъ бы памятникомъ мнѣческой вѣка. Это доказывается между прочимъ и тѣмъ, что ворота эти скопированы на одномъ изъ вольтеррскихъ погребальныхъ ковчеговъ, въ изображеніи какой-то мнѣческой битвы. Впрочемъ вообще на погребальныхъ ковчеггахъ изображаются дугообразныя ворота, — только всегда безъ обозначенія головъ, какъ тамъ, — особенно когда нужно представить входъ въ преисподнюю. По крайней мѣрѣ изъ этого обстоятельства видно, что у художниковъ позднѣйшей эпохи была въ больномъ употребленіи форма дуги, особенно тамъ, гдѣ требовалось изображеніе подземныхъ зданій.

Въ Перуджини уцѣлвало еще двое этрусскихъ воротъ. Въ нихъ являются гораздо богатѣйшія и утонченнѣйшія украшенія, показывающія значительно позднѣйшую эпоху, но уже скопированныя съ формъ греческой архитектуры. Однако жъ эти формы выполнены тутъ совершенно иначе, нежели въ воротахъ и триумфальныхъ аркахъ римскаго искусства. Греческій элементъ является проще и глаже, иногда просто какъ прибавочное украшеніе; частью же это украшеніе соответствуетъ манерѣ, съ какою Этруски усвоивали себѣ вообще всѣ греческія формы. Одни изъ перуджинскихъ воротъ, такъ называемыя Августовы ворота, еще совершенно цѣлы. Дуга ихъ не имѣетъ дальнѣйшихъ украшеній и обхвачена только простою архивольтою. Но надъ нею возвышается греческое, нѣсколько искаженное украшеніе: родъ дорическаго фриза, который вмѣсто триглицфовъ имѣетъ короткіе іоническіе пиластры; сверху есть еще другая легкая дуга и по бокамъ ея тонкіе пиластры. Другія ворота — такъ называемыя Porta Marzia. Отъ нихъ уцѣлвала только дуга съ украшеніями, потому что ворота сломаны при постройкѣ перуджинской цитадели въ 1540 году, при панѣ Павлѣ-Третьемъ, а дуга вставлена въ одну изъ внѣшнихъ стѣнъ цитадели. Архивольта дуги имѣетъ прекрасную волнистую форму. По бокамъ дуги стоятъ пиластры съ капителями въ родъ коринтскихъ; между верхнихъ половинъ пиластровъ, въ видъ фриза надъ дугою, идетъ рядъ меньшихъ пиластровъ; они соединены ризиткою, надъ которою торчатъ частью конскія головы, частью человѣческія полуфигуры. Всѣ украшенія расположены и отдѣланы со вкусомъ; вмѣстѣ съ простѣйшими дугами водопровода въ аенинской витой башнѣ, она изъ всѣхъ уцѣлва-

нихъ памятниковъ древности можетъ служить любопытнѣйшимъ примеромъ болѣе греческаго, чѣмъ римскаго вида дугообразной формы.

Такимъ-образомъ, въ этрусскомъ искусствѣ впервые являются намъ сводовое зданіе изъ клинчатыхъ камней и дугообразная форма въ своемъ настоящемъ значеніи. Можетъ-быть, изобрѣтеніе дѣйствительной сводовой постройки произошло еще ранѣе (у Египтянъ); но нигдѣ она не является въ такомъ просторномъ объемѣ, и особенно нигдѣ до Этрусковъ не служила она предметомъ эстетической обработки. Въмѣстѣ съ тѣмъ, если бъ и нашлись совершенно достовѣрные свидѣтельства древнѣйшаго употребленія такой постройки, то нѣтъ никакой причины оспаривать у Этрусковъ права изобрѣтенія ея, потому что изобрѣтеніе весьма легко могло произойти въ разныхъ мѣстахъ, независимо одно отъ другаго. Во всякомъ случаѣ они въ этомъ опередили Грековъ, у которыхъ сводовое зданіе изъ клинчатыхъ камней впервые придумалъ Демокритъ, въ исходѣ пятаго вѣка до Рождества Христова. Если же далѣе находимъ форму сводовой липи — независимую отъ постройки — въ другихъ странахъ, въ древне-греческихъ сокровищницахъ, въ египетскихъ скальныхъ могилахъ и особенно въ индѣйскихъ скальныхъ зданіяхъ (храмахъ буддистовъ), то и здѣсь форма эта является болѣе или менѣе случайною и въ особенности нигдѣ не была предметомъ обработки, важной для наружнаго вида. Такъ объясняется и то, что въ строеніяхъ Римлянъ, гдѣ уцѣлѣвшіе памятники наиболѣе значительны, насъ вдругъ поражаетъ сводовая и дугообразная архитектура въ обширнѣйшемъ примѣненіи и обработкѣ. Слѣдовательно, у Этрусковъ должны мы искать зародышей новаго архитектурнаго начала, которое возвело зодчество на гораздо-высшую ступень развитія. Но ни они, ни Римляне не были въ состояніи сознать это начало въ полномъ его эстетическомъ значеніи. Свободное, самостоятельное развитіе дугообразной формы было предоставлено германскому духу, и только въ кельнскомъ соборѣ форма эта проявилась во всемъ блескѣ совершенства. Однако все-таки есть непрерывная цѣпь художественныхъ стремленій, связывающая древнѣйшія зданія Этрусковъ съ произведеніями германскихъ среднихъ вѣковъ.

Выше замѣчено уже, что форма дуги, не смотря на свою характеристическую оригинальность, не имѣла большого примѣненія въ этру-

ской архитектуръ, особливо тамъ, гдѣ архитектура требовалась еще часто монументальными цѣлями. Напротивъ, она тутъ является еще почти чуждою прочимъ формамъ. Обращаемая къ рассмотренію этихъ формъ, весьма примѣчательныхъ по своей оригинальности.

Изъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ этрусской архитектуры, кроме приведенныхъ выше, важное значеніе имѣютъ особенно гробницы. Ихъ три рода, въ которыхъ, по-видимому, выражаются разные ступени художественнаго развитія.

Первый родъ гробницъ принадлежитъ непосредственно самому низкому состоянію художественнаго образованія. Онъ произошелъ отъ формы грубой земляной насыпи и, кажется, по большей части удержалъ эту форму, потому что къ земляной насыпи прибавляли только округлый, тщательно выложенный изъ камня фундаментъ. Отъ этой формы, между-тѣмъ какъ у другихъ народовъ изъ нея развились четырехсторонняя пирамида, Этруски перешли къ конусообразнымъ постройкамъ, иногда возвышающимся ступенями. Далѣе, развили эту форму устройства и соединяя на общемъ фундаментѣ по нескольку построекъ, Этруски возводили свои гробницы въ огромныхъ размѣрахъ.

Изъ прежде приведенныхъ весьма древнихъ памятниковъ, кажется, сюда принадлежатъ сардинскія нураги. Собственно въ этрусской землѣ, къ нимъ можно отнести памятники, имѣющіе видъ льотвиного конуса и многіе круглые фундаменты холмообразныхъ памятниковъ, уцѣлѣвшіе въ Тарквиніяхъ, которыхъ лицевыя стѣны имѣютъ составъ простаго, но сильнаго профиля. — Такіе же округлые фундаменты находятся въ некрополѣ Витербо; на одномъ изъ нихъ, при входѣ въ долину Каstellъ д'Ассо, кажется, также стоялъ льстивный конусъ. — Но важнѣе всѣхъ памятниковъ въ некрополѣ Вулчи, называемый «Кукумеллою»*. Это круглый фундаментъ болѣе двухъ-сотъ футовъ въ діаметрѣ; по серединѣ его стоитъ четырехугольная башня, теперь футовъ въ тридцать высоты; а подлѣ нея конусовидная башня; вѣроятно, четырехугольная башня первоначально была окружена четырьмя конусовидными башнями. При разрытіяхъ Кукумеллы, — которыя досель, къ-сожалѣнію, кажется, были незначительны, — найдены разные остатки архитектурныхъ и декоративныхъ дета-

* «Monum. inediti», etc. — Micali.

лей, заставляющих предполагать богатую отдачу цыгаго. Ниже, когда будемъ говорить о красовой архитектура Этрусковъ, подробно рассмотримъ эти архитектурныя детали, особенно формы колоннъ. Не близости Кукумалы, находится другой круглый фундаментъ, на которомъ, вероятно, стояла конусовидная башня: онъ называется La Rotonda. — Позднѣйшими подражаніями этой древней формы служатъ два конусообразные памятника въ некрополѣ Вольтерры, стоящіе на квадратныхъ фундаментахъ футовъ по девяти ширины*.

Къ памятникамъ этого рода принадлежитъ также въ Римѣ такъ называемая гробница Гораціевъ и Куриціевъ, гдѣ на четырехугольномъ фундаментѣ стоятъ пять конусовидныхъ острыхъ колоннъ, изъ которыхъ средняя больше другихъ размеромъ. Подобныя надгробныя памятники изображены на рельефахъ этрусскихъ погребальныхъ ковчеговъ. — Наконецъ, въ основаніи извѣстія, которое дошло до насъ о колоссальной гробницѣ этрусскаго царя Порсены**, лежитъ начало такихъ построекъ. Впрочемъ, это извѣстіе до такой степени преувеличено въ сказочное и фантастическое, что излишне было бы принимать его буквально или составлять по немъ реставрацію памятника, какъ то дѣлали многіе ученые.

Второй родъ гробницъ, существенно отличный отъ перваго, состоитъ изъ архитектурныхъ фасадовъ, для которыхъ выдолблены стѣны скалъ. Такіе памятники находятся во многихъ мѣстахъ; наибольшее количество ихъ въ некрополяхъ этрусскихъ мѣстъ Оркіи (нынче Норкіи) и Аксіи (нынче Кастель д'Ассо или Кастеляччіо). То и другое мѣсто не подалеку отъ Витербо***. Тутъ стѣны, идущія вдоль долины, служившихъ кладбищами, состоятъ сплошь изъ сказанныхъ архитектурныхъ памятниковъ. Ихъ оригинальный стиль даетъ подробное понятіе объ особомъ способѣ выдѣлки и обработки формъ у Этрусковъ. Фасады въ сущности образованы просто, поражаютъ косвеннымъ (пирамидальнымъ) наклоненіемъ стѣвъ, — слѣдь какъ-

* Inghirami, «Annali dell' inst. di corrisp. archeol.». IV.

** У Плинія, Н. NN. XXXVI; 19. Сравни между прочимъ К. О. Müller, «Die Etrusker», II.

*** Inghirami, «Monumenti etruschi», IV. — «Monumenti ined. dell'inst. di corrisp. arch.». — Orioli, въ «Annali dell' instit.», V.

будто восточнаго или египетскаго начала, хотя, впрочемъ, у нихъ нѣтъ никакого сродства съ египетскими формами. Выщовый карнизъ, по большей части богато составленный и очень высокій, завершаетъ эти фасады. Крупная доска, отдѣленная парю промежуточныхъ членовъ отъ плоскости фасада, является главной частью выпцоваго карниза. Надъ нею возвышается еще особая надставка, которой главнымъ членомъ является родъ опрокинутаго вала, и которая въ свою очередь завершается меньшей доскою. Всѣ члены подвижной формаци, встрѣчающіеся тутъ, образованы оригинально полно и жестко, вовсе не похоже на суровую упругость греческой формаци членовъ. Преднествiемъ такой формаци объясняется, хотя только отчасти, тотъ жесткій и тяжелый видъ, въ какой превратились греческія архитектурныя формы во времена римскаго искусства. На передней сторонѣ гробничныхъ фасадовъ представлена дверь, подобная греческимъ дверямъ, но также обработанная соответственно оригинальной формаци членовъ. Эта дверь однако не служитъ входомъ въ гробницу; ходъ, напротивъ, устроенъ у подножія памятника и всегда закрытъ. Гробничныя кельи по большей части тѣсныя. Въ нѣкоторыхъ фасадахъ есть два этажа, потому что изображены двѣ двери одна надъ другою и раздѣлены между собою балкововидной выпуклостью. Встрѣчается и то, что по бокамъ фасада выдается родъ узкихъ флигелей, на которыхъ также изображены двери.—Впечатлiнiе, производимое этими памятниками—торжественно угрюмое; поражаетъ ихъ простая главная форма и величественность выщоваго карниза.

Два памятника въ некрополь Оркiн также совершенно отличаются отъ прочихъ. Въ нихъ видно сходство съ фасадами греческо-дорическихъ храмовъ, следовательно они принадлежатъ, по всѣмъ признакамъ, позднѣйшей эпохѣ этрусскаго искусства. Впрочемъ, греческія формы у этихъ памятниковъ образованы довольно произвольно и безъ положительныхъ основанiй. Всего поразительнѣе разстановка колоннъ и столбовъ, на которыхъ лежали нѣкогда перекладины; эти столбы теперь почти исчезли, оставивъ однако слѣды своей разстановки. Такъ одинъ памятникъ, котораго фризь имѣетъ шестнадцать триглицовъ, кажется, имѣлъ только двѣ колонны въ антахъ; другой памятникъ, имѣвшій первоначально двадцать два триглица, имѣлъ только одинъ четырехколонный простиль, если ко-

колонны по угламъ не были въ двойномъ числѣ. Эта разманитая разстановка колоннъ тѣмъ поразительнѣе, что фронтоны весьма высоки (около $\frac{1}{2}$ вышины колонны, следовательно составляютъ тяжелое бремя. Но и разстановка колоннъ и высота фронтона, кажется, условлены были особенностями этрусской архитектуры, о которой ниже скажемъ подробнѣе.

Въ некоторыхъ мѣстахъ, какъ въ Тосканелѣ, Сутри, Бомарце *, гробничныя кельи также выдолблены въ огнѣсныхъ скалахъ, но снаружи отличаются только очень умѣреннымъ украшеніемъ входа.

Третій родъ гробницъ не имѣетъ снаружи никакого важнаго отличія, состоя изъ подземныхъ келій, вырытыхъ въ туфѣ. Значить, въ гробницахъ этого рода можно разсматривать только внутренность, которая здѣсь значительнѣе, нежели въ памятникахъ, описанныхъ выше. Въ эти гробницы обыкновенно сводить узкій ходъ или лестница; подземелье начинается преддверіемъ довольно просторнымъ, — вохожимъ на атриумъ этрусскихъ жилыхъ домовъ, — по бокамъ котораго находятся гробничныя кельи, обыкновенно расположенныя симметрически. Иногда въ преддверіяхъ стоятъ короткіе столбы для опоры потолка (четыреугольные, съ простыми кровельными карнизами). Потолки или плоскіе, или остроугольно косые, рѣдко выведены дугою; иногда на нихъ представлено подражаніе деревяннымъ стропиламъ. Могилъ такого рода очень много; любопытнѣйшія находятся въ некрополѣ Вульчи; особенно одна изъ тѣхъ, которыя досель разрыты въ этомъ мѣстѣ, отличается оригинальнымъ изяществомъ **. Въ ней стропила потолка отчасти отдѣланы очень красиво. Въ одной кельѣ могилы потолокъ надъ продолговатымъ основнымъ пространствомъ, образуетъ плоскій полукупольный сводъ; при этомъ однако также сохранено подражаніе стропиламъ. Сходящіяся въ центръ стропила составляютъ какъ бы главные ребра свода, между — тѣмъ какъ другія идутъ надъ ними кругомъ концентрическими полукружиями, — устройство, производящее эстетически пріятный эффектъ и, хотя не совершенно согласное съ началомъ свода, по-крайней-мѣрѣ

* «Monum. ined. dell' instit. di corr. arch.», ч. 40.

** «Monum. ined. dell' instit.» ч. 41.

для формы купольного свода болѣе приличное, нежели кассетирное, происходящая въ римскомъ искусствѣ.

Въ этрусскихъ храмахъ развилась оригинальная колонная архитектура. Но до насъ мало дошло остатковъ такихъ произведеній. Устройство ихъ и архитектурную отдалку мы знаемъ только изъ руководства, оставленнаго Витрувіемъ * къ постройкѣ храмовъ этого рода. Стиль такихъ храмовъ въ позднѣйшей римской архитектурной школѣ, а еще болѣе и еще ошибочнѣе въ школахъ новыхъ временъ, поставленъ рядомъ съ стилями греческой архитектуры, какъ особенный орденъ — тосканскій. Отсюда явно, что этрусскій храмъ походилъ на греческій тѣмъ, что состоялъ изъ кельи (или нѣсколькихъ келій) и изъ колоннаго притвора и также венчался фронтономъ. Но пропорціи, а по большей части и архитектурные детали, заключали много отличнаго отъ греческой архитектуры. Основной планъ этрускаго храма приближался къ квадрату (отношеніе ширины къ длнѣ было какъ пять къ шести). Онъ дѣлился на двѣ половины, изъ которыхъ передняя содержала свободно выступающій колонный притворъ, а задняя — собственно святилище. Последнее обыкновенно состояло изъ трехъ келій, одной пошире въ среднѣ, и двухъ поуже, по бокамъ. Иногда, вмѣсто узкихъ боковыхъ келій здѣсь устраивались колонные притворы. Колонны стояли въ широкихъ разстояніяхъ одна отъ другой, но при этомъ имѣли довольно стройную пропорцію (Витрувій опредѣляетъ ихъ высоту въ семь дижннхъ діаметровъ). Онѣ имѣли базу, состоявшую изъ плиты и настилки, и капитель, походившую на дорическую. Перекладины были деревянныя; сообразно съ большими промежутками колоннъ, онѣ не имѣли настоящаго фриза; вмѣсто фриза надъ архитравомъ выдавались заголовки поперечныхъ перекладинъ (въ видѣ консолей) и поддерживали крупно выступающій карнизъ. Фронтоны имѣли пропорціонально значительную высоту. Во всемъ этомъ устройствѣ, по-видимому, не выражается никакого благороднаго выработаннаго художественнаго чувства. Витрувій очень хорошо характеризуетъ это зодчество, называя его «низменнымъ, широкимъ, распертымъ и тяжеловерхнимъ». Одностороннее исполненіе частью богослужебныхъ условий, частью

* Витрувій, IV, гл. 7.

тосканской (деревянной) нестройной, кажется, препятствовало художественному развитию архитектуры. Вообще, однако жъ, въ храмахъ была большая роскошь въ пластическихъ украшенияхъ изъ обожженной глины и бронзы.

Однимъ изъ важнѣйшихъ храмовъ этого рода былъ въ Римѣ храмъ «пантеонскихъ божествъ», построенный при царяхъ изъ династии Тарквиниевъ (начать около 600 года, оконченъ только въ 49 году до Рождества Христова). Онъ имѣлъ въ окружности 800 футовъ (192½ фута въ ширину, 207½ футовъ въ длину), три ряда колоннъ въ переднихъ крыльяхъ, колоннады по бокамъ и три кельи, посвященные Юпитеру, Юнонѣ и Минервѣ. Исполнскія подстройки, которыми одна изъ вершинъ Капитолія приготавлилась подъ строение этого храма, и которыя такъ показываютъ колоссальность древне-этрусскихъ предприятий, оставили по себѣ еще нѣсколько слѣдовъ, особенно въ саду палаца Кезарели. Самый храмъ былъ нѣсколько разъ перестроенъ въ позднѣйшее время. Точно также храмъ, посвященный въ 494 году Церерѣ, Вакху и Прозерпинѣ, въ Римѣ, былъ зданіемъ въ этрусскомъ родѣ.

Общая пропорція этрусскаго храмоваго фасада, можетъ быть выведена изъ приведенныхъ выше, хотя полу-дорическихъ, памятниковъ въ Оркн. Для деталей особенно важны нѣкоторые остатки колоннъ, найденные на Кукумеллѣ, въ Вулчи*. Капительная форма тутъ сходна съ греческо-дорической; эхинъ кружно выпуклъ, но кольца идутъ не вокругъ нижняго края эхина, а вокругъ ошейковъ колоннъ. База состоитъ изъ большой, не очень гибко выработанной настилки; надъ нею и подъ нею небольшая доска; характеръ ея явно древнѣе, чѣмъ у такъ называемой тосканской базы въ римской архитектурѣ, которая и встрѣчается уже въ нѣсколькихъ позднихъ греческихъ зданіяхъ италійскихъ странъ, напримѣръ въ такъ-называемомъ Церериномъ храмѣ, въ Пестумѣ. — Другіе уцѣлѣвшіе остатки этрусской колонной архитектуры несутъ уже печать римскаго вкуса. Нѣсколько небольшихъ погребальныхъ ковчеговъ**, любопытны по пропорціи и формѣ; но архитектурные детали и украшенія этихъ ковчеговъ, по большей части несутъ отпечатокъ произвольнаго и испорченнаго подражанія греческому стилю.

* Monumenti inedite dell' inst. di corrisp. archeol. t. 41.

** Образцы см. у Miceli t. 57, 72; Inghirami. IV, t. 2.

Въ Этрурии уцѣлѣло много разныхъ остатковъ зданій, воздвигнутыхъ для публичныхъ игръ. Кажется, основою для построения ихъ послужило подражаніе греческимъ нравамъ. Есть нѣсколько развалинъ театровъ, изъ которыхъ важнѣйшія въ Фіесолѣ. Амфитеатры, строившіеся для зрѣлища кровавыхъ гладиаторскихъ боевъ, получили начало, кажется, у Этрусковъ, а выработаны значительно уже у Римлянъ. Ихъ также есть нѣсколько развалинъ. Устройство цирка, — соответствующаго греческому гипподрому, придумано еще Этрусками; въ Римъ циркъ основанъ первымъ тарвинскимъ царемъ, Тарквиніемъ-Древнимъ. Подробности о характерѣ этихъ зданій увидимъ при разсмотрѣніи римской архитектуры.

Наконецъ, Этрускамъ принадлежатъ первыя усилія придать свѣрхній характеръ устройству жилыхъ италійскихъ зданій, не похожихъ на греческія. У нихъ вмѣсто открытаго колоннаго двора, вокругъ котораго идутъ покои греческаго дома, является болѣе закрытое пространство, правда, сверху тоже открытое, но зато имѣющее сравнительно меньшій поперечникъ, *impluvium*, поддождникъ, потому что принимаетъ на себя дождевые стоки окружающихъ его крышъ. Это пространство въ италійскомъ устройствѣ дома называется этрусскимъ словомъ *atrium*. Простейшій его видъ Римляне называли тусскимъ (этрускимъ) атріумомъ, двойнѣ обозначая его происхождение. Подобное различіе сдѣлалось нужнымъ, когда отчасти атріумъ обрабатывали богаче прежняго и для подиорки крыши употребили колоннаду, — устройство, по которому атріумъ болѣе или менѣе началъ походить на греческій дворъ.

Въ этрусской архитектурѣ мы видали нѣсколько памятниковъ, въ которыхъ народный характеръ, кажется, выразился во всей своей оригинальности. Въ пластическомъ искусствѣ, какъ ни многочисленны уцѣлѣвшіе его памятники, труднѣе слѣдить за оригинальностью, потому что такіе памятники повсюду уничтожены греческимъ вліяніемъ, даже въ этихъ произведеніяхъ, которыя имѣютъ глубоководный характеръ. Однако жъ, въ этихъ произведеніяхъ есть (вмѣстѣ съ нѣкоторыми восточными отпечатками) и оригинальныя черты; притомъ греческій элементъ искусства въ нихъ часто такъ странно измененъ, что и тутъ болѣе или менѣе мы можемъ ясно видѣть коренное настроеніе этрусскаго художественнаго духа.

Изъ древнѣйшихъ произведеній этрусской скульптуры укажемъ во-первыхъ на нѣсколько каменныхъ рельефовъ, находящихся на гробничныхъ столбахъ, особенно же на бокахъ небольшихъ четырехугольныхъ алтарей и наставокъ въ видѣ алтарей. Тутъ изображаются процессіи, тайцы, погребенія и прочее. Стилъ этотъ могъ бы стать въ параллель съ древне-греческимъ, но отличается отъ него по большей части способомъ обработки, которая, кажется, сродни восточному духу; обработка человѣческой фигуры, а еще болѣе одежды, нерѣдко напоминаетъ скульптурныя украшенія Персеполя. Композиція этихъ рельефовъ часто также не сходна съ композиціей древне-греческихъ рельефовъ. Тутъ не преобладаетъ, какъ тамъ, стремленіе вполне развивать каждую отдѣльную фигуру; часто является известное расположеніе группами; вмѣстѣ съ чисто пластическимъ началомъ дѣйствуетъ самообытно живописное начало, хоть только въ темныхъ признакахъ. Это послѣднее значительнѣе является въ позднѣйшихъ этрусскихъ скульптурахъ, о которыхъ будемъ говорить ниже.

Обширнѣйшая дѣятельность этрусскихъ ваятелей, принадлежитъ работамъ изъ глины (особенно обожженной), и состоящимъ въ непосредственной связи съ ними мѣднолитію и металлической работѣ. Первоначально изъ глины выдѣлывалась вся пластика, служившая какъ украшеніемъ храмовой архитектуры, такъ и предметомъ поклоненія въ храмахъ. Надъ фронтономъ капитолійскаго храма въ Римѣ возвышалась глиняная статуя сдѣланная въ Вейяхъ; въ средней кельѣ храма стояла глиняная статуя Юпитера, которой лице по высоко-торжественнымъ днямъ выкрашивалось красной краскою, — конечно, это не подаетъ выгоднаго мнѣнія ни о тонкости работы, ни о художественномъ вкусѣ вообще. — Статую эту сдѣлалъ одинъ Вольскъ, Туррианъ, вѣроятно, ученикъ этрусскихъ художниковъ. Уцѣлвшія работы вольско-этрускаго искусства видимъ въ нѣсколькихъ древнѣйшихъ глиняныхъ рельефахъ, найденныхъ въ Велетри и, вѣроятно, украшавшихъ фризъ какого-нибудь маленькаго храма; они теперь хранятся въ неаполитанскомъ музеѣ. Работа этихъ рельефовъ груба; композиція и стилъ ихъ довольно близки къ древне-греческимъ. Образцами этрускаго глинянаго ваянія служатъ находимыя въ значительномъ количествѣ различныя вазы, часто уродливыя по формамъ и орнаментамъ, но не рѣдко однако же и изящныя. Въ гробницахъ уцѣлѣло большое количество такихъ работъ. Изъ нихъ особенно

примечательны два рода, которыхъ пластическія украшенія имѣютъ глубоко — древній характеръ и которыя находятся по большей части въ гробницахъ Chiusi. Одинъ родъ состоитъ изъ погребальныхъ вазъ, съ крышками въ видѣ человеческой головы. Эти головы отличаются, кромѣ древнѣйшей отдалки, еще поразительно оригинальной обработкою. Вѣроятно, это портретныя изображенія, и такое стремленіе къ непосредственной портретной вѣрности можетъ составлять одно изъ характеристическихъ различій этрусскаго ваянія съ греческимъ. Второй родъ составляютъ вазы необожженной черной земли, на которыхъ отгиснуты мелкія рельефныя изображенія. Впрочемъ, часто на такихъ древнѣйшихъ вазахъ попадаются извѣстныя фантастическія изображенія, которыя кажутся копіями съ изображеній восточнаго искусства (особливо рѣзныхъ камней персидско-вавилонскаго искусства). — Пластическія изображенія на прочихъ вазахъ — по большей части подражанія воздвѣвшему греческому искусству.

Изъ глиняной работы развилась бронзовая. Въ произведеніяхъ такого рода этрусское ваяніе достигло своего высшаго развитія; до насъ также дошли очень важныя образцы такихъ произведеній. Бронзовыя работы, обыкновенно позолоченныя, изгнали древнѣйшіе храмовые орнаменты, дѣланные изъ обожженной глины. Мѣдныя статуи наполняли этрусское города; одинъ городъ Вольсинія имѣлъ ихъ до двухъ тысячъ, когда былъ завоеванъ Римлянами, въ 265 году до Рождества Христова. Между уцѣлѣвшими бронзами есть много глубоко-древняго, наипримѣрь примечательныя фантастическія рельефныя изображенія, служившія для украшенія колесницы и найденныя въ Перуджии (нынче находящіяся по большей части въ мюнхенской глиптотекѣ). Важнѣе ихъ двѣ древнѣйшія животныя фигуры, въ которыхъ, при строгой обработкѣ, развита необыкновенно сильная жизнь: волчица въ капитолійской галлерей и хищера во флорентинской галлерей. Первая, вѣроятно, — памятникъ, поставленный въ 294 году до Рождества Христова, въ Римѣ, у римлянской смоковницы; сосудице волчицу близнецы, Ромуль и Ремъ — новѣйшее пополненіе. Въ человеческихъ статуяхъ по большей части видно прилежное изученіе натурального организма, который однако же рѣдко развивается въ свободную, благородную жизнь; напротивъ, по большей части въ цѣлой наружности этихъ статуй есть что-то принужденное, неравновѣсное, что показываетъ еще слѣдъ древнѣйшей обра-

Фотки. Такъ дѣлана большая часть грубоватыхъ бронзовыхъ статуй, находящихся въ Этруріи, которыми особенно обильна перуджинская почва. Изъ работъ большого размѣра, важнѣйшія: статуя Марса, почти во весь ростъ, въ Римѣ, найденная недавно въ Тоди; портретная статуя одного оратора съ именной подписью *Aule Meteli*, во флорентинской галлерей, не дурной отдѣлки, но безъ особаго вкуса; — привлекательно — наивная фигура стоящаго мальчика, со снопомъ въ рукѣ, въ лейденскомъ музее; — наконецъ, отменно прекрасная женская одѣтая статуя, равняющаяся лучшимъ греко-римскимъ произведеніямъ, недавно найденная въ Вульчи, и теперь находящаяся въ мюнхенской глиптотекѣ. У этой фигуры нѣтъ головы; вѣроятно, это портретная статуя одной изъ римскихъ императрицъ, и слѣдовательно принадлежитъ уже къ послѣдней эпохѣ этрусскаго искусства.

Верхомъ совершенства этрусской бронзовой и вообще металлической работы была выдѣлка декоративныхъ предметовъ. Даже въ лучшее цвѣтущее время греческаго искусства Этрускамъ отдавалось превосходство въ такихъ работахъ. Торжественныя колесницы и жертвенники, оружейныя вещи, особенно щиты, кандеябры и чаши, разные уборы для мужской и женской одежды, выдѣлывались у нихъ въ обиліи и развозились по всемъ странамъ. Много такихъ работъ дошло до насъ. Съ общимъ характеромъ греческаго изображенія они соединяють обработку, происходящую отъ свойственной Этрускамъ склонности къ уродливому и фантастическому. Оттого они имѣють особенную прелесть, вполнѣ умыстную въ декоративныхъ предметахъ; этимъ объясняется необыкновенное пристрастіе древнихъ къ подобнымъ работамъ. Особый родъ составляютъ такія уборныя вещи, на которыхъ есть гравированные рисунки. О нихъ будемъ говорить ниже.

Наклонность Этрусковъ къ декоративному искусству имѣла вліяніе на развитіе у нихъ рѣзбы камней. Уцѣлѣвшія работы этого рода обнаруживаютъ глубокое знаніе техники. Изображенные предметы принадлежать греческой міеологіи (съ этрусскимъ преобразованиемъ подписанныхъ именъ), стиль болѣе или менѣе близокъ къ древне-греческому искусству, которому частью прямо подражали (какъ на знаменитомъ камѣ пяти героевъ подъ Фивами, находящемся въ берлинскомъ музее), частью слѣдовали только въ общемъ, обыкновенно нѣсколько напряженномъ положеніи фигуръ при свободнѣйшей обработкѣ деталей. — Сюда же, къ рѣзнымъ камнямъ, надо причислить

и золотые круги съ рѣзными изображеніями. Въ нихъ также преобладаетъ фантастическое направленіе, свойственное восточному искусству. Этрусскія монеты не имѣютъ собственно художественнаго значенія; обыкновенно чеканъ ихъ довольно грубъ.

Къ позднѣйшимъ временамъ этрусскаго искусства принадлежатъ, за немногими частными исключеніями, тѣ «погребальныя ковчегы», особливо каменные, которыхъ особенно много найдено въ Вольтеррѣ. Они имѣютъ форму небольшихъ саркофаговъ, украшены по бокамъ горельефами, на крышкѣ фигурами покойниковъ, и обыкновенно раскрашены, а иногда и позолочены. Отдѣлка ихъ ремесленная, безъ особаго вкуса. Однако жъ произведенія эти своими особенностями возбуждаютъ всеобщій интересъ. Съ изображеніями изъ греческой мѣологии тутъ очень часто сочетаются фигуры этрусскаго баснословія и фантастическія фигуры подземнаго царства, высказывающія обширное развитіе духовной жизни Этрусковъ. Композиція этихъ фигуръ иногда болѣе чѣмъ въ древнѣйшихъ каменныхъ скульптурахъ покидаетъ мѣрный пластическій стиль, и переходитъ къ живописному началу; начало тяготѣнія къ общему центру еще поразительнѣе выступаетъ въ частностяхъ. Во всемъ этомъ видѣтъ зародышъ романтическаго искусства христіанской эпохи*. — Нельзя ли считать это за первое проявленіе съвернаго художественнаго духа, которому, слѣдовательно, принадлежитъ и начало дугообразной архитектуры у Этрусковъ?

Объ этрусской живописи мы имѣемъ нѣсколько точнѣйшее понятіе, нежели о греческой. Сюда особенно относится стѣнная живопись, которою украшены внутренности многихъ гробницъ Этрурии, особенно гробницы Тарквиній. Предметы живописи этой всегда согласуются съ ея назначеніемъ. Они частью состоятъ въ изображеніи погребальныхъ торжествъ, подающихъ поводъ къ самымъ разнороднымъ и оживленнымъ положеніямъ; частью въ изображеніяхъ, намекающихъ на жизнь за гробомъ, согласно этрусскому вѣрованію. Исполненіе ихъ вообще весьма просто: свѣтлыя, пестрыя краски, положенныя чисто и безпримѣсно, болѣе съ цѣлью пріятной гармоніи цвѣтовъ, чѣмъ съ преобладающимъ стремленіемъ къ натуральной вѣрности. Въ стилѣ рисунка видны разныя степени развитія. Иногда фигуры рисованы просто и отчетливо, отчасти сходны съ греческими вазовыми

* Сравни. Schinaase, «Niederländische Briefe».

изображеніями суроваго стиля, и исполнены тщательно. Иногда оцѣ отдѣланы небрежнѣе и напыщеннѣе, нѣсколько во вкусъ восточнаго искусства (индѣйской живописи); иногда рисунки отдѣланы прекрасно, но съ той скудной манерою, которою отличаются произведенія римскаго искусства.

Вазовая живопись, по образцу греческой, также была въ употребленіи у Этрусковъ. Впрочемъ работы этого рода, которыя можно признать за подлинныя этрусскія, не замѣчательны ни числомъ, ни художественнымъ достоинствомъ. Обработка въ нихъ почти всегда весьма груба.

Наконецъ, къ интереснѣйшимъ произведеніямъ этрусскаго искусства принадлежатъ рѣзные рисунки, находящіеся на оборотѣ бронзовыхъ зеркалъ (иначе патеръ), и на бронзовыхъ *лиццикахъ* (такъ называемыхъ мистическихъ ковчегцахъ, гдѣ часто хранились зеркала и тому подобная уборная утварь). Художественное достоинство этихъ рисунковъ различно; нѣкоторые исполнены небрежно и безъ стиля; но другіе отличаются оригинальнымъ изяществомъ, достойнымъ благороднѣйшей поры искусства. Въ послѣднихъ проявляется свободное и ясное усвоеніе греческаго стиля, подобно какъ и сами изображенные предметы по большей части заимствованы изъ греческой мифологіи; однако жъ есть притомъ и фигуры, свойственныя Этрускамъ, художественное исполненіе которыхъ носитъ особый отпечатокъ этого народа. Сказанное преимущественно относится къ изображеніямъ на зеркалахъ, представляющимъ совершенно законченныя группы; эти изображенія натурально и не принужденно приближаются къ круглой формѣ; въ нихъ замѣтно преобладаніе начала живописнаго расположенія, характеризующаго этрусское искусство. При простомъ линейномъ рисункѣ, вообще раздѣленіе фигуръ въ пластическомъ стилѣ (подобно какъ вездѣ встрѣчается въ греческой вазовой живописи) можно считать еще необходимѣе чѣмъ на рельефахъ, потому что здѣсь впечатлѣніе производится именно очертаніемъ фигуры, а не массою формы. Такая же живописная композиція господствуетъ и въ рисункахъ бронзовыхъ ящичковъ, которые не ограничены такими тѣсными предѣлами, а допускаютъ больше простора композиціи.

Искусство у Римлянъ.

Римляне были народъ безъ прямого художественнаго расположенія.

Художественными произведениями, появившимися въ Римѣ въ первомъ столѣтіи по его основаніи, городъ обязанъ соседнимъ Этрусканъ, все равно, производились ли работы собственноручно этрусскими художниками или сами Римляне сѣдовали учению и образцамъ, полученнымъ отъ этихъ художниковъ. Важнѣйшія произведенія такого рода видали мы выше. Вообще у Римлянъ, во все время ихъ государственнаго развитія, не является особой потребности въ высшихъ, значительнѣйшихъ произведеніяхъ искусства. Духъ этого народа устремленъ преимущественно къ вѣншимъ практическимъ интересамъ жизни, и только предпріятія, входившія въ кругъ такихъ интересовъ, пользовались теплымъ участіемъ Римлянъ.

Но нѣтъ явленія видимъ въ позднѣйшей римской исторіи, начиная съ третьяго вѣка до Рождества Христова. Съ этихъ поръ могущество Рима расширяется съ насильственной быстротою; не прошло трехъ вѣковъ, какъ Римъ владѣлъ уже почти всемъ известнымъ тогда пространствомъ свѣта. Самъ Римъ служилъ престоломъ такого владычества; въ знакъ чего ему требовалось величавое, поразительное украшеніе, какое только можетъ быть произведено искусствомъ. Сокровища цѣлаго современнаго міра, стекавшіеся въ Римъ, подавали на то почти неисчислимыя средства; высокоразвитое искусство, уже распространенное тогда изъ Греціи кругомъ по свѣту, доставляло на то столь же достойныя, сколько блестящія формы. И между-тѣмъ, какъ вводили въ Римъ эти формы и художниковъ, умѣвшихъ создавать ихъ, между-тѣмъ какъ ихъ труды встрѣчали большаго участія, потому что дѣло шло уже о собственной славѣ Римлянъ, у этого народа развилась своя любовь къ искусству, свои свѣдѣнія и вкусъ. Римъ сдѣлался престоломъ классическаго искусства; онъ уже становится родиною примѣчательнѣйшихъ созданій искусства; нѣтъ мѣста, гдѣ они расходятся по прочимъ странамъ свѣта.

Конечно, внутренняя сторона римскаго искусства совершенно иная, чѣмъ греческаго искусства. У Грековъ оно было непосредственнымъ выраженіемъ жизни; съ помощью стѣнъ и оттого такой глубокой плавностью они передали въ искусство все богатство ихъ чувства и внутреннего созерцанія. У Римлянъ искусство было чужеземнымъ развлеченіемъ. За неспособностью усвоить его внутреннимъ чувствомъ, вырастить его на такой почвѣ въ новомъ самобытномъ видѣ, въ Римѣ могли сначала понимать его только умомъ, усвоить болѣе

вещные, доводя ему новую видъ только по продолжительности отвлеченными понятиямъ. Искусство Грековъ, прямо выражая высокое, было вѣдѣтельнымъ жизни; у Римлянъ — олугою. Но не смотря на то, мы часто бы ошиблись, если бы видѣли въ римскомъ искусствѣ одинъ слабый отблескъ и отголосокъ греческаго. Римляне примѣняли искусство къ тысячамъ новыхъ потребностей. Они преимущественно искали въ виду положительное. Не зная высшей степени искусства, самостоятельнаго значенія художественной формы, они произвели однако жъ свои памятники съ нѣкоторою простотою, которая также имѣла свою особенную прелесть. Разумно, могущество и сила, замѣчательныя во всей исторіи римскаго владычества, переходили и въ произведенія Римлянъ, сообщали имъ также самобытно величавый и могучій характеръ. Даже тамъ, гдѣ римское искусство было притуплено убожествомъ, простою декорацией, характеръ этотъ тоже проявлялся. Еще этрусская школа, господствовавшая сначала у Римлянъ, положила прочное основаніе такому оригинальному усовершенствованію искусства, хотя только въ частныхъ явленіяхъ.

АРХИТЕКТУРА.

Все сказанное выше наиболее применяется къ римской архитектурѣ; произведенія ея, по своему внутреннему значенію, составляютъ бесспорно важнѣйшія явленія римскаго искусства.

Въ римской архитектурѣ слѣдуетъ во-первыхъ и даже всего различать два разнородныя начала. Одно начало *греческой колонной архитектуры*, другое — *италійской сводовой архитектуры*, впервые осуществленное замѣчательнымъ образомъ у Этрусковъ. Сводовое зодчество употребляется у Римлянъ въ болѣе или менѣе богато-украшенномъ видѣ, но повсюду въ первоначальной своей грубости и массивности. Оно составляетъ какъ бы тѣло, массу римской архитектуры; чрезъ него-то особенно получаетъ она свой могучій, сильный характеръ. Колонное зодчество соединяется съ сводовымъ только интегральная часть его, оживляя его суровую наружность, то въ особенной самостоятельной, согласно съ греческой архитектурой.

Если рассмотримъ отношеніе римской колонной архитектуры къ греческой, то первая, конечно, является намъ на высшей ступени. Она представляетъ къ греческой колонной архитектурѣ уже въ болѣе или менѣе совершенномъ видѣ послѣдней; характеръ ея уже вообще

отолько декоративный, что не может — во всякъ своихъ членахъ — представлять оживленную смѣну силъ. Простыя формы греческой архитектуры, дорическая и ионическая, употребляются у Римлянъ рѣдко, и въ небрежной отдѣлкѣ; вмѣсто ихъ преобладаетъ коринтская колонная форма, которой густая листовенная капитель болѣе согласовалась со стремленіемъ къ пышности и блеску, нежели чистыя архитектурныя формы капители первыхъ двухъ орденовъ. Эта коринтская капитель получаетъ тутъ постоянную норму; за то и обрабатывается еще богаче, особливо тамъ, гдѣ колоннада употребляется не самостоятельно, а какъ декоративный членъ какой-нибудь болѣе большой массы. Къ такимъ-то богатѣйшимъ обработкамъ принадлежитъ въ особенности такъ-называемая *римская капитель*, выходящая вмѣсто легкихъ волютъ, выходящихъ изъ коринтской листовенной чаши, крупную форму ионическихъ завитковъ, — сочетаніе, не очень органическое, но гармонирующее съ цѣлымъ. (Первый известный намъ образецъ этой римской капители находится въ колоннахъ, украшающихъ Титовы триумфальныя ворота въ Римѣ). Составы перекладинъ также дѣлаются разнообразнѣе и украшаются богаче. Особенно поразительный тому примѣръ представляютъ консоли (заголовки и стропиль), которыя торчатъ могучими и нарядными опорами крышечной доски и являются многочисленными даже тогда, когда вмѣсто ихъ употреблены зубчатые вырѣзы. — Самое яркое различіе римской колонной архитектуры отъ греческой состоитъ въ оригинальномъ устройствѣ архитектурныхъ составовъ, которые у Грековъ образованы и развиты органически, между-тѣмъ какъ у Римлянъ онѣ вездѣ устроены произвольно. Римляне не усвоили себѣ скромной прямолинейной формации познѣйшей греческой архитектуры; напротивъ въ римскихъ составахъ постоянно господствуетъ массивный элементъ. Конечно, этотъ элементъ согласуется съ массивнымъ характеромъ римской архитектуры; но кажется, въ немъ есть также слѣды и древнѣйшей, туземной формы, именно этрусской, встречаемой въ гробничныхъ памятникахъ въ Аскіи и Оркии. — Вліяніе этрусской архитектуры на римско-греческую проявляется и въ некоторыхъ другихъ особенностяхъ колонной архитектуры. Можетъ-быть, даже консоли подъ вѣнцовымъ карнизомъ, в которыхъ мы говорили, произошли отъ выпуклыхъ этрусскихъ заголовковъ перекладинъ. Определенно же сюда относится устройство выпуклаго простыля, со многими колоннами въ боковой перспективѣ,

устройство совершенно похожее на этрусскій храмъ и часто повторяющееся въ римской архитектурѣ.

Отъ обширнаго употребленія сводовой архитектуры римское зодчество, какъ мы уже сказали, получило свой массивный характеръ; но развитію этого характера положило существенное различіе между римскими зданіями и массивными постройками древнѣйшей эпохи. Протяженіе свода сдѣлалось чрезвычайно разнообразно. Такъ продолговатая галлерія накрыта бочечнымъ сводомъ и, противъ входа, гармонически замыкается нишею съ полукуполомъ. Такъ надъ круглымъ (или осьмиугольнымъ) пространствомъ возвышается куполъ. Позднѣе являются крестообразные своды, сильно оживляющіе сводовую форму. Сочетаніе различныхъ видовъ свода, на главныхъ и побочныхъ постройкахъ, придало зданіямъ въ цѣломъ много эффекта, живости и изящности. Далѣе, однако жъ какъ ни многообразно употребляется у Римлянъ форма свода и дуги, но собственно она развита у нихъ не больше того, какъ была еще въ самомъ началѣ этрусскаго искусства. Сводъ и дуга въ римскомъ искусствѣ постоянно составляютъ одно цѣлое. Высшая обработка сводовой архитектуры принадлежитъ уже среднимъ вѣкамъ; Римляне знаютъ только вышнее произвольное украшеніе сводовой поверхности, напримеръ кассетировку, заимствованную отъ кровельныхъ частей греческой колонной архитектуры.

Живость, которой нѣтъ въ римской сводовой архитектурѣ, стараются замѣнить сочетаніемъ этой архитектуры съ греческой колонной архитектурой. Отъ стѣны, поддерживающей сводъ, выступаетъ наружная колонная галлерія, въ родъ греческаго простяла, съ фронтономъ и прочей отдѣлкою. Непосредственное сочетаніе колонны со сводомъ встрѣчается рѣдко и только въ позднѣйшія времена римскаго искусства, когда оно уже склоняется къ среднимъ вѣкамъ. Это сочетаніе мы встрѣчаемъ въ крестообразномъ сводѣ, когда его ленты выходятъ изъ колоннъ, стѣющихъ снаружи стѣны, служащей контрафорсомъ тяжести свода. Другое, но не столь непосредственное сочетаніе встрѣчается въ наружности сводовыхъ зданій, когда они открыты въ дугообразной формѣ. Дуга вездѣ требуетъ контрафорса, не только по свойству матеріальнаго устройства, но и по эстетической причинѣ, по требованію глаза. Для обозначенія этого контрафорса служитъ греческая колонная архитек-

тура, именно такимъ образомъ, что по бокамъ каждаго свода стоятъ полуколонны и плотно поддерживаютъ сводъ; перекладина, идущая надъ ними, замыкаетъ фигуру свода. Порядке также, особенно гдѣ требуется пышная декорация, вмѣсто прѣстныхъ полуколоннъ употребляются виластры съ свободно выступающими кантилевами, тутъ колонны служатъ только для усиленія вертикальнаго вѣдѣнія и вообще имѣютъ статусъ на перекладинахъ, которая съ ними вмѣстѣ выступаетъ изъ массы стѣны.

Греческія формы и ихъ детали, тѣсно соединенныя съ массивнымъ зданіемъ, принимаютъ тяжелый и массивный характеръ, а потому, при этомъ соединеніи декоративный элементъ развивается въ нихъ сильное прежизнѣе. Безъ этого, при сочетаніи чисто греческія формы деталей оказались бы недостаточно эффективными, не смотря на ихъ большую и благороднѣйшую оживленность. Столько же натурально, что подобное начало формъ принято за непротѣнное, даже въ зданіяхъ съ колоннами. — При этомъ конечно надо брать во вниманіе то обстоятельство, что описанныя сочетанія сводовой архитектуры съ колонною не производятъ собственно органическаго цѣлаго. Греческая колонная архитектура совершенна сама по себѣ; формы ея произошли отъ взаимныхъ отношеній ея частей и внутренно ими обусловлены. Сочетаніе съ сводовой архитектурой разрушаетъ эти взаимныя отношенія, эту внутреннюю необходимость и придаетъ греческимъ формамъ характеръ произвола. Даже, когда употребленіе этихъ формъ необходимо для эстетическихъ цѣлей сводовой архитектуры, когда ихъ детали согласуются съ композиціей цѣлаго, то въ высшемъ художественномъ смыслѣ онъ все-таки бываетъ внешнимъ образомъ приставлены къ сводовымъ формамъ; особое образованіе ихъ не вытекаетъ непосредственно, по внутренней необходимости, изъ начала сводовой архитектуры. Потому, въ римской сводовой архитектурѣ, конечно, видно самобытное архитектурное начало, но это начало не достигаетъ самостоятельнаго развитія и принуждено для своего пополненія принимать чуждую колонную архитектуру, обработанную уже въ совершенствѣ. Высшаго художественнаго значенія тутъ нѣтъ; остается однако жъ удивляться вкусу и смѣлому, съ какимъ въ римской архитектурѣ слиты два сама по себѣ разнородныя начала.

Оригинальность римской архитектуры основана не только на этомъ

общемъ началѣ художественныхъ формъ и на ихъ соединеніи; она выражается и въ наружномъ устройствѣ зданій, въ способѣ, какъ сорта прилежна къ самымъ различнымъ потребностямъ. Необыкновенныя потребности и пышность Римлянъ произвели множество различныхъ родовъ устройства, и Римляне весьма умѣли придать одной характеръ силы и величія. Они строили храмы самыхъ различныхъ родовъ, частью (и даже преимущественно) по прѣстолу греческому образцу, частью употребляя при этомъ свода. Возводили они и различныя зданія для цѣлей общественной жизни, въ цѣломъ котѣрихъ особенно басиліки получали величественную и оригинальную обработку. Храмы и общественныя зданія громоздились вокругъ форума, который, будучи самъ особымъ архитектурнымъ произведеніемъ, составлялъ съ ними величественное цѣлое. Публичному удовольствію и спокойной вразности посвящены термы, заключавшія въ себя цѣлый міръ пышности и роскоши. Для зрѣлища игры воздвигнутыя колоссальныя зданія, театръ, амфитеатръ, навмаха, циркъ. Съ безпримѣрной прочностью и съ большимъ вкусомъ совершались постройки, назначенныя для общественной пользы, большія дороги, мосты и водопроводы; съ послѣдними находилось въ связи множество публичныхъ водоемовъ. Столь же блестящія мѣнументы Римлянъ; колонны, съ трофеями и статуями побѣдителей, величественныя триумфальныя арки, колоссальныя надгробныя памятники, самыхъ различныхъ формъ. Наконецъ и частныя жилища не уступали въ блескѣ общественнымъ зданіямъ, дома, дворцы, виллы, изъ которыхъ нѣкоторыя въ высшей степени превосходили древневосточныя царскія виллы.

Исторія римской архитектуры въ ея самостоятельномъ образованіи всего удобнѣе можетъ быть раздѣлена на три большія отдѣла. Первый отдѣлъ обнимаетъ періодъ первоначальнаго самостоятельнаго развитія, отъ начала третьяго столѣтія до Рождества Христова до времени Юлія Цезаря, въ половинѣ послѣдняго вѣка до Рождества Христова. Второй отдѣлъ простирается до конца втораго вѣка по Рождеству Христовому и заключаетъ цѣлущій періодъ. Третій отдѣлъ, до половины четвертаго вѣка, — упадокъ римской архитектуры.

Живое движеніе римской архитектуры въ началѣ третьяго вѣка до Рождества Христова обнаруживается преимущественно тамъ, что въ это время начинается постройка большихъ дорогъ и водопроводовъ,

которыхъ устройство уже показываетъ практическое направленио Римлянъ. Древнѣйшій водопроводъ — Aqua Appia, построенный въ 310 году; за нимъ слѣдовалъ въ 271 году Aquo vetus. Но въ этихъ водопроводахъ еще не заботились о великолѣпномъ видѣ; Aqua Appia проведенъ совершенно подъ землею, Aquo vetus также почти весь подъ землею. Въ одно время съ первымъ водопроводомъ начали и первая большая дорога — Via Appia. Въ то же время и форумъ города Рима получилъ великолѣпнѣйшій видъ. Назначаясь для публичныхъ собраний народа и для торговой дѣятельности, онъ первоначально былъ окруженъ низкими галлереями и лавками. Въ это время появились вокругъ форума изящнѣе построенныя «Серебряныя галлереи», опредѣленныя для денежныхъ сдѣлокъ и торговли серебряными и золотыми вещами; отъ нихъ по соседнимъ улицамъ тянулись ряды для торговли низшаго разряда. Храмы однако жъ въ эту эпоху еще не имѣли высшаго художественнаго значенія. Построенный въ 205 году храмъ Добродѣтели и Чести былъ первымъ храмомъ, украшеннымъ греческими произведеніями искусства, привезенными изъ завоеванныхъ Сиракузъ.

Отъ памятниковъ этого перваго разцвѣта римской архитектуры не уцѣлѣло ничего, кромѣ небольшого декоративнаго произведенія, гробницы Л. Корн. Сципіона Барбата, дѣланной въ началѣ третьяго вѣка, и нынче хранящейся въ ватиканскомъ музее. Это саркофагъ, имѣющій на верху гладкій дорическій фризъ (метопы съ розетками) и вѣчный карнизъ съ зубчатыми вырѣзами; надъ карнизомъ, въ видѣ угольнаго украшенія, сдѣланы волюты въ родѣ іоническихъ. Все здѣсь обнаруживаетъ этрусское усвоеніе греческихъ формъ; точно такое же устройство находимъ въ этрусскихъ саркофагахъ. Вообще можно сказать, что римская архитектура этого времени была еще подъ вліяніемъ этрусской, также какъ и въ древнѣйшую эпоху.

Въ началѣ, еще больше въ половинѣ втораго вѣка до Рождества Христова римская архитектура принимаетъ новый характеръ. Въ эту эпоху Греція была обращена въ римскую провинцію, и римское оружіе торжествовало въ Азіи. Тогда въ Римъ перенесены греческія произведенія искусства и греческій вкусъ, и впервые стали употребляться обычный у Грековъ мраморный матеріалъ, на великолѣпныя римскія постройки, дѣланныя прежде изъ грубаго пеперина. Еще во второй половинѣ втораго вѣка римскій форумъ опять получилъ новый видъ; на

иногда бывших серебряных галлерей воздвиглись гордые базилики (*Vas. Porcia, Fulvia, Sempronia, Orinia*), назначенныя для публичныхъ торговыхъ сделокъ и для публичнаго судопроизводства. То были колонны галлерей, въ трижды увеличивавшія обширность форума, съ которыми онъ находился въ непосредственной связи. Въ половинѣ втораго вѣка появились первые великолѣпные храмы, Юпитера-Статора и Юноны, стоявшіе рядомъ и обнесеныя общимъ большимъ дворомъ изъ колоннъ. Они построены Метелломъ-Македонскимъ въ 149 году изъ добычи македонской войны. За этими постройками слѣдуютъ другія, столько же значительныя. Сюда принадлежатъ арковыя ворота разныхъ родовъ, вообще характеризующія древній Римъ. Изъ нихъ въ наибольшемъ употребленіи были такъ называемыя янусовы арки, двойныя арковыя ворота (то есть зданія въ видѣ галлерей, отворявшіяся съ передней и задней стороны). Они находились преимущественно у входовъ на площади, и когда бывали построены на перекресткахъ улицъ, то имѣли по четыре арки. Воздвигались подобныя ворота и какъ побѣдные памятники; одинъ изъ значительнѣйшихъ такихъ памятниковъ былъ *Arcus Fabianus*, поставленный въ 139 году, по близости отъ форума въ честь Фабія-Максима.

Но и произведеній этого втораго періода римской архитектуры до насъ дошло чрезвычайно мало. Важнѣе и замѣчательнѣе всѣхъ *Tabularium*, который, служа архивомъ и государственнымъ казначействомъ, былъ построенъ въ 78 году до Рождества Христова на скатѣ капитолийской горы, подлѣ форума. Онъ состоитъ изъ большихъ галлерей со сводами, открывающихся наружу полукруглыми арками между рядовъ дорическихъ полуколоннъ; эти полуколонны имѣютъ еще нѣкоторое сходство съ позднѣйшей греческою архитектурою. Теперь табуларій болѣею частью перестроенъ; вѣроятно, надъ дорическими галлереями находился портикъ изъ коринтскихъ колоннъ.

Далѣе, къ тому же періоду принадлежатъ римскія зданія: такъ называемый «Храмъ Мужественной Фортуны» (*Fortuna Virilis*), нынѣшняя церковь Святой Маріи Египетской изящной отдѣлки; — и гробница К. Публиція Бибула на восточномъ склонѣ Капитолія (на нынѣшней *Via di Marefrio*), небольшое храмовидное зданіе, съ простыми пилястрами въ фасадѣ.

Въ Римѣ особенно замѣчательны: такъ называемый Геркулесовъ храмъ въ Корѣ, въ Лаціумѣ. Храмъ съ формами скорѣе позднегре-

ческого, чѣмъ собственно римскаго характера. Онъ строитъ почти въ одно время съ табуларіемъ и также соответствуетъ характеру тамонанкѣ, везувиолоннѣ.

Мы уже указали на общее вліяніе, какое должна была здѣсь имѣть этрусскія сводовая архитектура; но этрусской архитектуры, особенно позднѣйшаго періода, до насъ дошло такъ мало образцовъ, что мы не можемъ опредѣленно рѣшить, какъ велико было ея вліяніе на частное образованіе формъ. Оттого мы находимъ большой пробѣлъ между цвѣтущими періодами римской архитектуры, а именно гѣ точки, вытекающія въ этотъ долгій промежутокъ, откуда не могутъ объяснить намъ въ подробности переходъ, который конечно совершился въ это время.

Есть однако жъ, хотя мало удовлетворительный образецъ такого перехода: именно архитектурныя развалины одного изъ мелкихъ итальянскихъ городовъ. Мы разумѣемъ развалины Помпей, засыпанныя пепломъ Везувія въ первый блестящій періодъ римскаго искусства, въ 79 году по Рождествъ Христовъ. Помпейскія зданія не въ этомъ одномъ отношеніи весьма важны для исторіи древней архитектуры: онѣ важны еще и тѣмъ, что въ нихъ хотя въ миниатюрномъ видѣ, мы находимъ весь образъ устройства и постановки зданій въ древности. Говоримъ: въ миниатюрномъ видѣ, потому что Помпея была небольшою провинціальнымъ городкомъ. Не смотря на то, развалины Помпей даютъ намъ возможность рассмотреть римскую архитектуру, близкую къ изслѣдываемому нами періоду; замѣтимъ, однако жъ, что памятники Помпей, особенно большіе, не все дошли до насъ въ удовлетворительномъ видѣ. Городъ еще за шестнадцать лѣтъ до конечной гибели былъ поврежденъ жестокимъ землетрясеніемъ и въ теченіе этихъ шестнадцати лѣтъ не успѣлъ оправиться отъ значительныхъ поврежденій. Разумѣется, подобное обстоятельство затрудняетъ полное уразумѣніе архитектурнаго стиля, являющагося въ помпейскихъ зданіяхъ.

Открытыя доселѣ части Помпей обнимаютъ около трети всего города. Въ томъ числѣ находится важнѣйшая часть города, главный форумъ, составляющій продолговатую четырехугольную площадку, окруженную дорическою колонною галлереею и обнесенную нѣсколькими сравнительно большими публичными зданіями, храмами, банями и

разными другими галлерейми. На другомъ пунктѣ города лежитъ театръ; а подлѣ него меньшее театральное зданіе (имѣвшее первоначально крышу), и также нѣсколько другихъ храмовъ и галлерей. Еще подалѣе расположенъ амфитеатръ. Наконецъ открыты бани, заключающія въ себѣ характеристическія части подобныхъ заведеній, повсюду весьма распространенныхъ въ древности. Впрочемъ, эти бани служили для единственной цѣли мыться, а не могутъ идти въ сравненіи съ обширными римскими термами. За городомъ, на дорогѣ, ведущей въ Геркуланумъ, разставлены въ рядъ, по древнему обычаю, надгробные памятники; открыто также нѣсколько любопытныхъ загородныхъ виллъ. Жилые дома города по большей части очень малы и очевидно строены преимущественно для людей не богатыхъ; большихъ роскошныхъ домовъ не много. Вообще въ домахъ преобладаетъ италійское устройство атриума; у нихъ по большей части есть также перистили и особаго устройства садики. Однако жъ расположеніе домовъ, кажется, почти вездѣ удобное, и часто употребляемая живописная декорация стѣнъ (о которой мы подробно говорили выше), служатъ существеннымъ признакомъ покойнаго и веселаго домашняго быта.

Касательно оригинальныхъ формъ помпейской архитектуры, скажемъ, что во многихъ зданіяхъ еще довольно ясно видно греческое вліяніе, хотя съ измѣненіями позднѣйшей эпохи. Но какъ памятниковъ Помпей сравнивать не съ чѣмъ, то нельзя рѣшить, остались-ли слѣды греческаго вліянія отъ мѣстныхъ обстоятельствъ или они основаны на общихъ чертахъ тогдашней образованности (последняго вѣка до Рождества Христова). Важнѣйшіе памятники, болѣе греческаго чѣмъ римскаго характера, слѣдующіе: такъ-называемый Геркулесовъ храмъ, дорическій, котораго не большія развалины, по-видимому показываютъ даже еще древнѣйшій дорическій характеръ. — Большая дорическая колонная галлерей, окружающая треугольную площадь, гдѣ находится этотъ храмъ; она отличается прекраснымъ іоническимъ портикомъ, ведущимъ извнѣ на вершину площади, позднѣйшихъ греческихъ формъ; — дорическая галлерей влѣво отъ портика, съ прямолинейнымъ эхиномъ капителей; — наконецъ, очень большая дорическая галлерей, окружающая главный форумъ; но тутъ уже замѣтна возрождающаяся римская формація. Съ формами этихъ дорическихъ памятниковъ слѣдуютъ члены выпуклаго арочнаго.

Еще больше замѣчательно во всей помпейской архитектурѣ, что между отдельными членами надвѣано множество острыхъ насвѣчекъ и вырѣзокъ, производящихъ эффектъ живописной тушовки. Черезъ это, вмѣсто животрепещущей формы является призракъ формы, вѣроятно, характеристическое отличіе архитектуры того поздняго періода, поздняго относительно цвѣтущей эпохи греческой архитектуры.

Въ другихъ зданіяхъ колонны имѣютъ гораздо больше римскую обработку. Таковъ, на примѣръ, дорическій перистиль въ виллѣ Арія Диомеда. Таковы же и разные колонны и пиластры коринтскаго ордена, находящіяся по различнымъ мѣстамъ. Въ храмахъ замѣчательную господствующую особенность составляетъ устройство выдающагося италійскаго простіля. Гробницы также имѣютъ по большей части римскій отпечатокъ. Нѣкоторыя изъ нихъ сдѣланы въ видѣ маленькихъ храмовъ; наибольшая часть имѣютъ кубическую, алтареобразную форму, на высококомъ фундаментѣ, съ уступами; кровельные и подошвенные члены профилированы въ римскомъ стилѣ. Есть впрочемъ одна, которой верхняя часть имѣетъ цилиндрическую форму, и которой кровельные и подошвенные члены очерчены нѣжно-упругой греческой линіей. Больше по архитектурному стилю, имѣютъ большою интересъ двѣ комнаты съ *бочечными сводами*, въ баняхъ. Въ одной изъ этихъ комнатъ, которой стѣны украшены пиластрами, форма свода оживлена весьма оригинальнымъ образомъ: поперегъ комнаты идетъ каннелировка, сдѣланная на манеръ колонной каннелировки. И этотъ родъ архитектурной формы скорѣе можно считать порожденіемъ греческаго нежели римскаго элемента. Въ другой залѣ сводовой потолокъ имѣетъ четверугольное раздѣленіе и совершенно произвольное украшеніе, что частью встрѣчается въ римскихъ зданіяхъ; стѣнный карнизъ тутъ очень оригинально поддерживается столбами, у которыхъ стоятъ атланты (въ положеніи атлантовъ агригентскаго Зевсова храма). Наконецъ упомянемъ еще о большихъ арковыхъ воротахъ, ведущихъ съ сѣверной стороны на форумъ и служившихъ, вѣроятно, триумфальною аркою. Составные ихъ части, особливо контрафорсъ, на которомъ упирается дуга, имѣютъ совершенно римскій характеръ.

При Юліи Цесарѣ начинается процвѣтаніе, самое могучее и самое блистательное развитіе римской архитектуры; начатыя имъ величествен-

ныя предпріятія, окончены Августомъ. При Августѣ Римъ является совершенно новымъ, великолѣпнѣе прежняго; этотъ государь могъ сказать, что онъ вступилъ въ городъ кирпичный, а оставилъ мраморный. Впрочемъ это относится больше къ новымъ частямъ города, имъ построеннымъ, именно къ зданіямъ на Марсовомъ Поля (теперь населеннѣйшей части Рима), гдѣ рядъ храмовъ, публичныхъ галлерей, театровъ и такъ далѣе не прерывался ни какимъ частнымъ зданіемъ. Старый городъ оставался по бѣльшей части въ прежнемъ неправильномъ видѣ. Пока извѣстный пожаръ въ Римѣ, при Неронѣ, не очистилъ мѣста ему и его преемникамъ для обширныхъ построекъ въ центрѣ города. Веспасіанъ соорудилъ новый великолѣпный капитолій, который, послѣ бывшаго въ немъ пожара, еще блистательнѣе возобновленъ Домціаномъ. Траянъ также построилъ много великолѣпныхъ зданій въ столицѣ могущественной имперіи; его форумъ превосходилъ всякое удивленіе. Адріанъ и его преемники еще прибавили много важныхъ зданій. Въ этихъ предпріятіяхъ не были забыты и провинціи; по различнымъ мѣстамъ воздвиглись новые обширные города. Другъ Августа, Иродъ возвелъ много пышныхъ зданій въ Палестинѣ; кроме (помянутой уже) перестройки іерусалимскаго храма, тутъ въ особенности замѣчательна крѣпость Геродиада и храмъ-крѣпость Антонія. Но всего важнѣе постройки, произведенныя Адріаномъ по разнымъ странамъ римской имперіи. Этотъ императоръ особенно любилъ Аѳины; тутъ, по его волѣ, выстроена совершенно новая часть города подъ назвеніемъ Адріанова города.

Но до насъ дошли только нѣкоторые памятники римской жизни; какъ отъ древнѣйшихъ временъ Рима, такъ и отъ эпохи всемірнаго мадычества Римлянъ, уцѣлели только нѣкоторые, отчасти не важные развалины. Но и этихъ развалинъ достаточно, чтобы, вмѣстѣ съ извѣстіями древнихъ писателей, представить общій образъ архитектурныхъ произведеній и объяснить художественный стиль, въ какомъ они были исполнены. Предѣлы журнальной статьи не позволяютъ исчислять подробно всѣ архитектурныя произведенія, о которыхъ мы находимъ извѣстія у писателей. Ограничимся разсмотрѣніемъ зданій самыхъ замѣчательныхъ и не въ хронологическомъ порядкѣ ихъ возведенія, а по родамъ. Различія стили не имѣютъ очень большой важности для всего того періода, о которомъ идетъ рѣчь. До времени Адріана стиль римской архитектуры поддерживается почти на оди-

наковой высоту, и только во второй половине второго века обнаруживается постепенный упадок вкуса, когда пропорция становится не так строга и место блестящей пышности заступает излишество.

В римской храмовой архитектурѣ этого періода вообще повторяется устройство греческаго храма съ измѣненіями, описанными выше. Нѣкоторые изъ уцѣлѣвшихъ храмовъ имѣютъ круглую форму и снаружи окружены перестилемъ той же формы. Значительныя зданія, судя по уцѣлѣвшимъ остаткамъ, въ числѣ этихъ храмовъ слѣдующія.

Въ Римѣ :

Храмъ Марса Ултра (обыкновенно несправедливо называемый форумомъ Нервы), построенный Августомъ на основанномъ имъ побочномъ форумѣ. Отъ перестиля храма досель стоятъ три отменно прекрасныя и большія (около пятидесяти футовъ вышины) коринтскія колонны, неподалеку отъ Arco de 'Pantani; на перекладинахъ возвышается средневековая колокольня. Этотъ храмъ не должно смѣшивать съ меньшимъ храмомъ того же названія, который выстроилъ Августомъ на Капитоліи и имѣлъ круглую форму.

Храмъ Согласія (Concordia), построенный Августомъ на скатѣ Капитолія, надъ форумомъ. Въ позднѣе время открыты его развалины и найдены разныя части зданія, особливо очень изящныя и богато украшенныя базы колоннъ. (Не должно смѣшивать его съ ошибочно называемымъ храмомъ Согласія, построеннымъ Веспасіаномъ, отъ котораго еще уцѣлѣла часть перистиля; послѣдній принадлежитъ позднѣйшимъ временамъ римской древности).

Прочія важныя храмовыя зданія Августа были: храмъ Аполлона Палатинскаго, храмъ Квирина и храмъ Юпитера Громовержца (Tonans). Послѣдній находился близъ Юпитерова храма на Капитоліи. Отъ него не уцѣлѣло никакихъ остатковъ.

Храмъ Минервы (обыкновенно называемый храмомъ Юпитера Статора, также храмомъ Кастора и Поллукса или Грекостазисомъ), близъ главнаго форума, перестроенный, въ концѣ перваго века по Рождествѣ Христовомъ, Домиціаномъ. Отъ его перистиля уцѣлѣли три колонны съ перекладинами, превосходной формы.

Храмъ Антонина и Фаустины, близъ главнаго форума, строенный въ половинѣ второго века по Рождествѣ Христовомъ. Коринтскій перистиль его выдѣается по италіянскому образцу.

Храмъ Сатурна (обыкновенно называемый храмомъ *Юпитера-Громовержца*), на скате Капитолія, построенный въ двѣнадцатомъ годѣ до Рождества Христова, и возобновленный Септиміемъ-Северомъ въ концѣ втораго вѣка по Рождествѣ Христовомъ. Отъ него еще цѣлы три коринтскія колонны хорошей, но уже излишне украшенной работы.

Такъ-называемый *храмъ Весты* (вѣроятно, храмъ Цибелы) съ двадцатью коринтскими колоннами. Капителн его уже тяжеловатой формы.

Вилъ Рима (по большей части время Августа):

Въ Тиволи, такъ-называемый храмъ *Весты*, съ восемнадцатью коринтскими колоннами, простой благородной формы

Тамъ же, такъ-называемый храмъ *Сивиллы*.

Въ Ассизи, храмъ, вѣроятно *Минервы* (вышняя церковь S. Maria della Minerva) представляетъ по-италійски выдающійся коринтскій простиль, изящныхъ формъ.

Въ Полю въ Истрии, храмъ *Августа* и *Ромы*, по-италійски выдающійся коринтскій простиль богатой отделки.

Въ Ницѣ во Франціи, храмъ *Каія* и *Юлія Цезаря* (такъ-называемый *Maison carrée*), благородныхъ и правильныхъ формъ.

Нѣкоторые храмы получили оригинальный характеръ отъ употребленія сводовъ, частью купольныхъ, частью бочечныхъ. Важнѣйшія зданія такого рода слѣдующія:

Римскій Пантеонъ, важнѣйшее зданіе изъ всѣхъ, уцѣлѣвшихъ отъ римской древности; построенъ въ 26 году до Рождества Христова другомъ Августа, Агриппою. Первоначально это было переднее строеніе воздвигнутыхъ Агриппою термъ. Отъ этого и произошла особая форма Пантеона, родъ баптистеріи (одной изъ главныхъ принадлежностей въ термахъ), — если только зданіе первоначально не строилось прямо съ назначеніемъ баптистеріи. Какъ храмъ, пантеонъ былъ посвященъ Юпитеру Мстителю (Ультору). Названіе пантеона онъ получилъ или оттого что находившимся въ немъ статуямъ Марса и Венеры приданы были атрибуты всѣхъ прочихъ боговъ, или оттого, что его величественный сводъ походилъ на сводъ неба. Послѣ многократныхъ поврежденій отъ пожара, онъ возобновленъ сначала Адрианомъ, потомъ въ 202 году Септиміемъ-

Северомъ. После этого возобновленія, онъ сохранился неизмѣнно въ существенныхъ своихъ частяхъ до нашего времени. Теперь пантеонъ представляетъ круглое зданіе, котораго внутренній діаметръ и высота — сто тридцать-два фута. На передней его сторона есть прямолинейное введное зданіе съ фронтономъ; а передъ нимъ коринтскій портикъ съ фронтономъ, состоящій изъ шестнадцати колоннъ, и имѣвшій первоначально семь ступеней. Здѣсь формы и пропорціи коринтскаго ордена прекрасны и въ высшей степени изящны. Внутреннія перекладины и верхняя крыша портика (какъ равно и куполъ) состояли первоначально изъ бронзы; во фронтонъ находилось позолоченное бронзовое изображеніе войны Юпитера съ гигантами. Въ основаніи портика на каждой сторонѣ находится по одной нишѣ, гдѣ стояли статуи Августа и Агриппы. Двери античныя, обрамленныя бронзовыми косяками и бронзовыми пиластрами. Судя по разнымъ признакамъ, можно съ достовѣрностью полагать, что портикъ не входилъ въ первоначальный планъ круглаго зданія, а пристроенъ уже по окончаніи его — еще Агриппою. Внутри на круглой стѣнѣ находятся восемь большихъ нишъ (считая въ томъ числѣ дверную нишу), выведенныхъ вверхъ дугами. Изъ нихъ только дверная ниша и противоположная остаются совершенно открытыми, прочія же заставлены коринтскими колоннами (по два въ каждой) и сверху закрыты перекладинами этихъ колоннъ. Надъ перекладинами устроенъ высокій аттикъ съ идущимъ вокругъ рядомъ пиластровъ, а еще выше лежитъ сводъ купола съ простыми кассетами (нѣкогда вѣроятно богато украшенными). Мягкая форма купола не имѣетъ никакой пропорціи съ колоннадою и пиластрами, которые, безъ сомнѣнія (особенно послѣдніе), принадлежатъ одной изъ позднѣйшихъ эпохъ; прежде всѣ ниши были открытыми и уравнивали форму нижняго зала съ формою купола, производя такимъ образомъ гармоническое цѣлое*. Въ нишахъ повидимому, стояли главные статуи храма.

* При величавомъ видѣ, какой по своему первоначальному плану должна была имѣть внутренность пантеона, неблагоприятно одно то обстоятельство, что дуга нишъ, опирающаяся на цилиндрическую стѣну, должна была имѣть форму неспасивной круговой ливніи. Кажется, такое неудобство замѣчали уже и въ древности; по-крайней-мѣрѣ нѣсколько позднѣйшее зданіе, такъ-называемый храмъ *Minerva Medica* въ Римѣ

Снаружи куполъ гладкій; посрединѣ имѣеть отверстіе для свѣту въ двадцать-шесть футовъ діаметра. Въ 608 году по Рождествѣ Христовомъ пантеонъ опредѣляетъ на христіанское богослуженіе, подъ названіемъ S. Maria ad Martyres. Въ средніе вѣка онъ утратилъ бронзовую обшивку купола. Въ 1632 году папа Урбанъ-Осьмой снялъ бронзы портика, велѣвъ Бернини отлить изъ нихъ колоссальную даропринимательницу церкви Святаго-Петра. Тотъ же папа тому же Бернини велѣлъ надъ заднимъ фронтономъ портика поставить двѣ плоскія колокольни.

Храмъ Велеры въ Римѣ, построенный въ 135 году по Рождествѣ Христовомъ Адріаномъ, по собственному плану, величайшій изъ всѣхъ извѣстныхъ римскихъ храмовъ, отъ котораго остались замѣчательныя развалины. Снаружи храмъ имѣлъ видъ большого коринтскаго диптера, отъ десяти до двадцати колоннъ (160—333 фута, колонны = 6 футовъ въ діаметръ) въ притворѣ, окруженномъ двойною колоннадою (300—500 футовъ). Внутренность раздѣлялась на двѣ особыя продолговатыя кельи, которыхъ входы составляли двѣ фронтонныя стороны зданія и изъ которыхъ каждая на своей задней сторонѣ имѣла большую нишу, служившую для постановки главнаго божества. Этими нишами смыкались кельи между собою. Ниши были крыты полукуполами, кельи бочечнымъ сводомъ; своды того и другаго рода были наполнены позолочеными кассетами. Въ продольныхъ стѣнахъ келій были надѣланы меньшія статуиныя ниши; передъ нимъ шли коринтскія колоннады. Внешность и внутренность, касательно главныхъ формъ зданія, въ этомъ храмѣ конечно не составляли гармоническаго цѣлаго, гдѣ бы части взаимно себя условливали и пополняли; но для внутренности, взятой отдѣльно, здѣсь было принято совершенно оригинальное начало. Здѣсь видна высшая ступень греческой архитектуры, потому что на мѣсто непокрытой залы явился бочечный сводъ, поддерживаемый стѣнами.

Подобное же устройство представляетъ зданіе, которое Адріанъ велѣлъ воздвигнуть въ Римѣ во Франціи, въ честь Плотины, су-

(о которомъ будетъ рѣчь ниже, когда станемъ говорить о термахъ), показываешь, какъ удачно умѣли избѣжать такого неудобства въ подобномъ же планѣ.

руги Траяновой, которой содѣйствіемъ онъ взошелъ на престолъ. Это зданіе имѣло двойное назначеніе — базилики и храма. Оно представляло продолговатую залу, крытую бочечнымъ сводомъ, съ небольшими нишами вдоль стѣнъ, и съ римской колоннадою передъ нишами. Бочечный сводъ, безъ кассетъ, съ широкими накрестъ идущими полосами (первоначально украшенными лѣпною работою или живописью). Въ глубинѣ зданія также большая ниша, четверугольная, съ столбами и пиластрами весьма изящнаго устройства. Вокругъ зданія идетъ образуемый второю стѣной не очень узкій обходъ, имѣвшій назначеніе базилики. Главная масса зданія уцѣлѣла, но не уцѣлѣло ничего изъ внешней декораціи.

Прочія формы храмовъ съ сводами являются въ послѣднія времена римскаго искусства. Объ нихъ будемъ говорить подробнѣе далѣе.

=

ЗАПИСКИ О РОССИИ.

=

Ярославская губернія.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Общее мнѣніе образуется не безъ основанія. Гдѣ бы вы ни встрѣ-
тили, въ Вазѣ, Одессѣ или Иркутскѣ, краснощекаго, здороваго, вид-
наго, ловкаго, общительнаго парня, — будь онъ торговецъ, половецъ
или банщикъ, навѣрное, первая мысль, которая промелькнетъ передъ
вами, будетъ — это Ярославецъ. Рядомъ съ этой мыслью разовьется въ
вашемъ воображеніи широкій кругъ промышленной дѣятельности, и
если вы чистый Русскій, то на сердца вашемъ станетъ какъ-будто
веселѣе, какъ-будто польстили вамъ, кстаті замѣтили одну изъ хо-
рошихъ сторонъ вашей собственной природы. Часто, такимъ-обра-
зомъ, Ярославцемъ назовете вы и Костромича, и Москвича, и Волог-
жанина; но рѣдко Ярославца примете за какого-нибудь Петербурж-
ца, или даже Тверитянина. У насъ понятіе о Ярославцѣ есть понятіе-
тѣна русскаго человека, великороссіянина. Куда ни употребите его —
вездѣ молодецомъ: и смысленъ, и расторопенъ и съумзветъ вамъ во-

правиться, и свою пользу не упустить изъ виду. Привязанный къ родинѣ и инстинктивно и разумно, — онъ не менѣе того подвиженъ, способенъ, для пользы общины или семьи, по цѣлымъ годамъ промышленяты на чужбинѣ, являясь на мѣсяць, на два въ деревню отвести душу и сердце съ любезной хозяйшккой. Въ борьбѣ съ суровой и неблагодарной природой, Ярославецъ въками выработалъ себѣ направленіе и идетъ неуклонно по этому направленію, передавая его въ потомство.

Что это за направленіе, что за природа ярославская? — Въ какомъ отношеніи природа къ человѣку и человѣкъ къ природѣ?

Природа ярославская и бѣдна и богата, — и мать и мачиха. Когда посмотришь на мѣстоположеніе губерніи, на ея счастливое образованіе водъ, на Волгу-матушку, на Шексну, Мологу, Которосль — сердце радуется за Ярославаца.... Все отъ него близко: и Москва и Петербургъ, и Архангельскъ и Нижній, и даже Сибирь, пожалуй, близко, если не верстами, такъ удобствомъ сообщенія.

Такъ бы вотъ только взять да и развозить туземныя богатства.... но ихъ-то и нѣтъ въ губерніи. Звышняя почва, особенно въ сѣверномъ краю, неплодородна, климатъ суровъ, хотя ясенъ и здоровъ; нѣдра земли тоже бѣдны. Все это съ самыхъ древнихъ временъ указало дорогу для дѣятельности мѣстныхъ жителей, направивъ ихъ къ ремесленной и торговой промышленности, такъ что теперь ярославская губернія вполне принадлежитъ къ числу промышленныхъ, и земледѣліе здѣсь производится какъ дѣятельность вспомогательная, необходимая въ сельскомъ быту. Чисто одно земледѣліе не могло бы вознаградить необходимаго для него тяжкаго труда, а потому если оно у нѣкоторыхъ помѣщиковъ и производится въ большихъ размѣрахъ, то по большей части въ связи съ другими родами промышленной дѣятельности.

Ярославская губернія, при первомъ раздѣленіи Россіи, въ 1708 году, на 8 губерній, входила меньшею своею частію въ составъ московской губерніи, а большею въ составъ ингерманландской. При второмъ раздѣленіи Россіи на 11 губерній, въ 1719 году, ярославская губернія осталась въ составъ санктпетербургской (Ярославль, Угличъ, Пошехонье, Романовъ) и московской (Любимъ, Ростовъ). Въ 1728 году провинція ярославская и угличская отчуждены отъ санктпетербургской губерніи къ московской. По росписи губерній въ 1745 в

1766 году почти вся ярославская губернія значится въ московской. Известно, что Императрица Екатерина-Вторая, желая постановить доброе учрежденіе внутреннихъ распорядковъ, или создать новую лучшую систему управления, основала Комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія, составленную изъ депутатовъ отъ Сената, Синода, всѣхъ коллегій, и канцелярій, отъ уѣздовъ и городовъ, отъ жителей разныхъ званій и состояній. Эта комиссія, находившаяся подъ вѣдніемъ генераль-прокурора князя Вяземскаго и подъ главнѣйшимъ управленіемъ одного избраннаго директора графа Шувалова и депутатскаго маршала Бибикова, между-прочимъ, образовала изъ некоторыхъ провинцій московской губерніи особую ярославскую губернію. Въ 1777 году ярославская губернія преобразована въ намѣстничество, въ которомъ числилось 740,900 жителей; въ немъ состоятъ города: Ярославль, Ростовъ, Щетровскъ, Борисоглабскъ, Мышкинъ, Угличъ, Пошехонье, Рыбинскъ, Любимъ, Молога, Даниловъ, Романовъ. — Императоръ Павелъ, по вступленіи своемъ на престолъ, произвелъ весьма важныя перемѣны по предмету раздѣленія государства; но относительно ярославскаго намѣстничества ничего не было сдѣлано, кромѣ переименованія его въ губернію. Съ 1809 по 1812 годъ ярославская губернія находилась подъ управленіемъ генераль-губернатора.

Теперь она состоитъ изъ десяти уѣздовъ, (ярославскаго, ростовскаго, угличскаго, мышкинскаго, рыбинскаго, мологиаго, романо-борисоглабскаго, даниловскаго, любимскаго, пошехонскаго) каждый въ два стана.

По географическому положенію, ярославская губернія принадлежитъ къ сѣверной половѣ Россіи, заключааясь между 57 и 59 градусами сѣверной широты, и между 55 и 59 градусами восточной долготы. Она прилегаетъ на сѣверъ къ вологодскому и грязовецкому уѣздамъ вологодской губерніи; на востокъ къ буйскому, костромскому и нерехтскому уѣздамъ костромской губерніи, и шуискому, суздальскому и юрьевскому владимірской, на югъ къ юрьевскому и переславль-залъскому уѣздамъ владимірской губерніи, и къ колязинскому — тверской; на западъ къ кашинскому и весьегонскому тверской и череповскому новгородской губерніи. Граница пролегаетъ большею частію сухимъ рубежомъ и только къ востоку идетъ частями рѣкъ Костромы, Соты, Волги, Со-

лоницы, Туношны и Ляхости, и съ юга идетъ отчасти по теченію рѣки Нерли.

Свѣдѣнія о пространствѣ ярославской губерніи также разнообразны какъ и о всѣхъ другихъ губерніяхъ Россіи. По генеральному межеванію она занимаетъ 29,179 квадратныхъ верстѣ или 3,039,497 десятинъ; а по послѣднимъ вычисленіямъ, произведеннымъ господиномъ Швейцеромъ, 659 квадратныхъ миль. Изъ этого числа подъ городами до 18,300 десятинъ, подъ уездами до 3,021,200 десятинъ. Для опредѣленія отношенія разныхъ угодій нѣтъ достовѣрныхъ данныхъ. Всѣ онѣ относятся къ періоду генеральнаго межеванія и теперь совершенно измѣнились; новая же размежка владѣльцевъ далеко еще не кончена. Но для того, чтобы хотя приблизительно дать понятіе объ отношеніи обработанной земли къ необработанной, возьмемъ цифры изъ мѣстныхъ свѣдѣній, основанныхъ на генеральномъ межеваніи и приблизительно исправленные.

Поля занимаютъ въ губерніи около $\frac{1}{2}$ всего пространства (4,168,000 десятинъ), луга неболе. $\frac{1}{10}$ (308,200 десятинъ); какое несоразмѣрное отношеніе! особенно если принять въ соображеніе, что неплодородная почва ярославской губерніи должна сильно удабриваться, для чего необходимо большое скотоводство.... Лѣса занимаютъ немного болѣе нежели поля (1,380,000 десятинъ); неудобной земли (въ томъ числѣ занятой водами) всего на все до 147,000 десятинъ. Это незначительное количество неудобной земли, разбросанное по обширному пространству губерніи, почти незаметно. На глазъ прекрасная природа! проѣзжій постоянно встрѣчаетъ лѣса, поля, рощи, — красивыя деревни, отличныя избы.... видно обиліе лѣса.... между лѣсомъ полянки, у деревень поля, правда незавидныя: и рожь и овесъ тощеваты, видно, что живутъ не въ большомъ ладу съ почвою.... но издали прекрасно.... куда ни повернешься, кажется все къ услугамъ человека.... а выйдигъ на повѣрку — все требуетъ потоваго труда туземца.

Отношенія угодій даютъ уже нѣкоторое понятіе о ярославской природѣ. Топографическій обзоръ края еще болѣе знакомитъ съ нею и разъясняетъ причины бѣдной ея производительности. Посмотрите вездѣ: то глина, то песокъ, то суглинокъ, — гдѣ и чему тутъ расти.... по неволѣ пойдешь работать, торговать, доставать копынку на

чужбинъ, для того, чтобы безъ нужды прожила семья, для уплаты казенныхъ, общественныхъ и господскихъ повинностей.

Для удобства топографическаго обзора мѣстности ярославской губерніи, все пространство ея можно раздѣлить на четыре главныя части: 1) пространство между рѣками Волгою и Мологою, 2) между рѣками Мологою и Шексною 3) между Шексною, Волгою и Костромою; и наконецъ 4) по правую сторону Волги.

Первое пространство, заключающее въ себя мышкинскій и большую часть мологскаго уѣзда, отличается тѣмъ, что почва земли, особливо въ мышкинскомъ уѣздѣ, вообще лучше и болѣе удобна для земледѣлія, нежели въ другихъ мѣстахъ губерніи; — поэтому жители занимаются преимущественно передъ другими земледѣліемъ. Поверхность этого пространства возвышена въ сѣверо-восточной своей части, которая опускается уступомъ къ рѣкѣ Мологѣ; почтовый петербургскій трактъ можно принять за границу этой возвышенной равнины, которая къ югу и востоку, при незначительныхъ видоизмѣненіяхъ, понижается. Близъ села Брейтова замѣчательны холмы, которые тянутся съ запада; вершины ихъ не обработаны и покрыты мелкимъ кустарникомъ, лощины же и покатоности заняты полями.

Почва земли внутри страны вообще суглинокъ, а ближе къ берегамъ рѣкъ Мологи и Волги, въ мышкинскомъ уѣздѣ, отчасти и въ мологскомъ, песчаная. Сверхъ-того въ мышкинскомъ уѣздѣ есть полосы чернозема.

Второе пространство представляетъ низменную равнину, покатую къ рѣкамъ Шекснѣ и Мологѣ, наполненную озерами, болотами и болѣею частью покрытую лѣсомъ. Въ сѣверной своей части, прилегающей къ рѣкѣ Шекснѣ, она нѣсколько выше. Низшая же часть этой равнины находится къ западу отъ рѣки Пушмы. Весною воды рѣкъ Мологи и Шексны прибываютъ весьма значительно и, задерживаемыя волжскою водою, разливаются широкою полосою по прибрежьямъ. На вышесказанномъ пространствѣ, къ востоку отъ рѣки Пушмы, близъ села Наволокъ, воды Мологи и Шексны даже сливаются между собою.

Этимъ разливамъ должно приписывать преимущественно болотистость этого края. Сторона эта населена скудно; главное богатство ея заключается въ заливныхъ лугахъ, находящихся по теченію упомянутыхъ рѣкъ, а также въ лѣсахъ, изъ которыхъ лучшіе однако же,

большую часть потреблены по логике быта, и преимущественно по судостроению.

Грунтъ земли болотистый и песчаный.

При общемъ взглядѣ на третье пространство, наивысшія точки его находятся въ сѣверо-восточной его части, смежной съ рѣкою Шексною, и по теченію рѣки Юга, гдѣ мѣстность гориста и возвышенна. Отсюда общія покатоcти идутъ на востокъ и югъ весьма слабо; но ближе къ Волгѣ, особливо къ юговосточной части описываемаго пространства, въ уздахъ даниловскомъ и ярославскомъ, мѣстность значительно понижается и представляетъ низменную равнину. Съ восточной же стороны, покатоcти, отходя отъ Шексны и оставляя на склонахъ своихъ череповскую дорогу, отдѣляютъ виднѣе возвышенную часть края отъ низкаго, болотистаго и лѣсистаго пространства, лежащаго по теченіямъ рѣкъ: Маткомы, Конгоры, и низовьямъ рѣкъ Согожи, Кештомы и Ухры, и связываются съ высотами, упирающимися въ Волгу въ романовскомъ уездѣ.

Частныя видоизмѣненія незначительны, и ихъ, особливо въ срединѣ края, весьма трудно высказать, не имѣя общихъ рекогносцировокъ и топографическихъ плановъ. Грунтъ земли преимущественно глинистый въ различныхъ видоизмѣненіяхъ и въ пошехонскомъ уездѣ болѣе плодородный. Лѣса пролегаютъ широкими полосами въ сѣверной и восточной части описываемаго пространства, по уздамъ пошехонскому, рыбинскому и отчасти любимскому.

Четвертое пространство представляетъ въ большей своей части равнину, возвышающуюся съ юго-западной и юго-восточной стороны; въ срединѣ между этими возвышенностями лежитъ ростовская равнина, кажущаяся низкою и болотистою. Это пространство упирается въ Волгу крутыми берегами, которые, однако же, нигдѣ не выше двадцати сажень надъ лѣтнимъ уровнемъ воды; но такіе мѣсть не много, большую же часть берегъ высотой сажень семь — десять, а на стрѣлкѣ противъ города Мологи не болѣе двухъ сажень; лѣвый же берегъ Волги болѣею частью низменъ, такъ что разливъ водъ обращается на него; правая сторона называется нагорною, а лѣвая — луговою. Наивысшія точки этого пространства, судя по теченіямъ рѣкъ, надобно предполагать въ южной части угличскаго уезда; но повышеніе это, вѣроятно, не весьма значительно. Грунтъ земли преимущественно

но глинистый, въ различныхъ его видоизмѣненіяхъ, въ рыбнскомъ же и углицкомъ уездахъ, ближе къ Волгѣ, песчаный.

Ни одно пространство не можетъ похвалиться хорошей почвой. Это опять доказываетъ, что въ губерніи въ большихъ имѣніяхъ нельзя заниматься однимъ земледѣліемъ, какъ выгоднымъ промысломъ. А между тѣмъ оставить его совсѣмъ — невозможно: оно желѣзная необходимость; оно должность, служеніе, возложенное на человека Богомъ: въ потъ лица своего снеси хлѣбъ твой.

Гораздо въ лучшемъ, болѣе утѣшительномъ видѣ представляется ярославская губернія при гидрографическомъ обзорѣ. Богатство водныхъ сообщеній и важность нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ однихъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ путей въ государствѣ, а равно необходимость судамъ, идущимъ по Волгѣ изъ низовыхъ мѣстъ, перегружаться для дальнѣйшаго слѣдованія, имѣетъ важное вліяніе, какъ на развитіе торговой дѣятельности въ губерніи, такъ и на развитіе нѣкоторыхъ отраслей промышленности.

Здѣсь является на сцену Волга, чародѣйка, богиня средне-восточной Россіи. Гдѣ ни появится эта Волга — тамъ какъ-будто вѣчный праздникъ, вѣчная ярмарка, все цвѣтетъ, ликуетъ.... Что мудренаго, если грубый, подавленный величіемъ природы народъ, нѣкогда боготворилъ ее.... А сколько народовъ оставили свои слѣды по берегамъ Волги! Сквозь мракъ времени тускло мелькаютъ преданія и историческія сказанія объ этихъ народахъ, приведенныхъ сюда то въ эпоху переселенія, то по жребію оружія.

Волга пересѣкаетъ ярославскую губернію на двѣ части. Вся остальная рѣка, текущая по губерніи, принадлежатъ къ ея бассейну; изъ нихъ Молога, Шексна, Согожа, Кострома и Которость примѣчательнѣйшія и по своей величинѣ и по судоходству на нихъ.

Волга, какъ извѣстно, беретъ свое начало въ тверской губерніи изъ оставковскаго уезда, при деревнѣ Волгѣ и входитъ въ ярославскую губернію съ юго-западной стороны, отдѣляя углицкій уездъ отъ мышкинскаго и мологиаго; далѣе протекаетъ по рыбнскому, романовскому, ярославскому, и наконецъ отдѣляетъ даниловскій уездъ отъ костромскаго.

При впадѣ своемъ она имѣетъ направленіе на сѣверъ, до города Мологи, гдѣ круто поворачиваетъ на юго-востокъ; въ этомъ направленіи она проходитъ до Ярославля; здѣсь снова дѣлаетъ изгибъ къ

сѣверу и сѣверо-востоку, и входитъ въ предѣлы костромской губерніи. Правый берегъ Волги, почти повсемѣстно въ ярославской губерніи, выше лѣваго, исключая окрестностей городовъ Мышкина и Мологи, гдѣ лѣвый берегъ выше праваго. При городѣ Рыбинскѣ, берега почти равны и не высоки; въ романовскомъ же уездѣ, выше Романова и въ самомъ Романовѣ, оба берега весьма высоки и круты; отсюда высоты лѣваго берега удаляются отъ рѣки, и лѣвый берегъ остается постоянно низкимъ.

Берега вообще открытые. Грунтъ земли нагорныхъ береговъ отчасти глинистый, отчасти состоящій изъ крупнаго песку съ хрящемъ, и мѣстами совершенно каменистый; на луговой же, больше песчаный. Дно Волги къ Рыбинску, крупно песчаное, къ Ярославлю же песчано-каменистое; къ границъ костромской губерніи песчаное.

Ширина Волги и высота воды въ ней, по мѣсту и времени года, бываютъ весьма различны.

Весною она разливается преимущественно по луговой сторонѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на значительное пространство, отъ одного до трехъ аршинъ высотой и болѣе.

Изъ мѣстъ, подверженныхъ наводненію, замѣчательны: часть мыса, образуемаго Волгою, противъ города Мологи, по которому проходитъ петербургская почтовая дорога (идущая на Мологу и Рыбинскъ), затопляется верстѣ на четырнадцать въ длину и верстѣ на 8 въ ширину; тогда сообщеніе между селеніями производится на лодкахъ, а почтовое, въ объездѣ, иногда даже на село Глѣбово. Высота этого разлива до 3 аршинъ.

Въ даниловскомъ уездѣ, разливъ Волги, соединяясь съ разливомъ озеръ, наводняетъ пространство до 435 квадратныхъ верстѣ, верстѣ на 25 въ ширину, и мѣстами, ближайшими къ Волгѣ, до нѣсколькихъ саженой высотой. До семидесяти селеній подвержены этому разливу, который, смотря по веснѣ, держится болѣе или менѣе продолжительно. Ширина и глубина рѣки не одинаковы и зависятъ отъ времени года и мѣста. Не принимая въ расчетъ весенняго времени, когда бываетъ разливъ и, следовательно, когда ширина зависитъ отъ формы береговъ, замѣтимъ что разность ширины обыкновеннаго времени съ межненнымъ бываетъ большею частью до 50 саженой, обыкновенная же ширина отъ 100 саженой (при Угличѣ) до 300 саженой (при Ярославлѣ).

Глубина фарватера разнообразна, но редко гдѣ, кромѣ мелей, бываетъ въ обыкновенное время менѣе 2½ и 4 аршинъ (при Мышкинѣ) и болѣе 15 аршинъ (при Ярославлѣ). Обыкновенно въ лѣтнее время, особливо въ сухое лѣто, Волга значительно мелѣетъ, отъ чего и представляетъ мѣстами, иногда уже съ половины июня, а въ августъ, почти всегда большія затрудненія для судоходства.

На этихъ меляхъ, въ особенности, на Копринской, при низкомъ стоянн воды, рѣка мелѣетъ иногда до 8 вершковъ, и тутъ судоходство почти ежегодно встрѣчаетъ остановку до того, что суда должны или вывозить часть груза на берегъ, или перегружаться въ особые паузки. Ныдѣ, съ учрежденіемъ верхне-волжскаго бейншота, затрудненія эти облегчены; и при сильномъ спадѣ воды, горизонтъ воды въ рѣкѣ возвышается изъ верхневолжскаго водохранилища, и такимъ-образомъ слѣдованіе судовъ дѣлается болѣе удобнымъ. Въ настоящее время есть предположеніе устроить, съ такою же цѣлю, значительный резервуаръ при источникахъ рѣки Юхоты.

Отъ Рыбинска, Волга, принявъ нѣсколько побочныхъ рѣкъ, въ томъ числѣ Мологу и Шексну, дѣлается значительно глубже, и при самомъ низкомъ горизонтѣ воды, глубина нигдѣ не бываетъ менѣе 20 и 24 вершковъ; но такъ какъ суда, идущія отъ Рыбинска внизъ бываютъ гораздо больше и грузятся съ осадкою до 40 и болѣе вершковъ, то въ сухое лѣтнее время и здѣсь встрѣчаются для судоходства значительныя препятствія, и суда для дальнѣйшаго плаванія должны паузиться или облегчаться.

Овсянниковская мель, въ 30 верстахъ ниже города Ярославля, близъ деревни Овсянниковой, простирается съ песчаными наносами до 3 верстъ. Между этими наносами, стремленіемъ воды въпослѣдствіи образуются проходы для судовъ, называемые перекатами, шириною до 20 сажень, длиною, смотря по пробитой мели, отъ 80 до 160 сажень и глубиною, при обыкновенныхъ водахъ, до 28 вершковъ.

Въ ярославской губерніи, по Волгѣ, есть искусственныи бичевникъ только отъ границы тверской губерніи до города Рыбинска, и смотря по удобности береговъ, переходитъ часто съ одного берега на другой; но такъ какъ онъ затопляется ежегодно весенними водами, то требуетъ почти ежегодно исправленія, и содержится не въ совершенной исправности. По низовой же части Волги, то-есть, отъ Ры-

близка, бичевникъ пролегаетъ по натуральному берегу; но какъ при высокой водѣ берегъ затопляется, то и бичевникъ бываетъ некоторое время совсемъ непроходимъ.

По различію мѣстъ, откуда проходятъ по Волгѣ суда и по различной глубинѣ воды, суда получаютъ различное устройство и названіе. Самыя большія изъ этихъ судовъ суть машинныя суда, длиною отъ отъ 23 до 30 сажень, шириною отъ 18 до 21 аршина; вышина боковъ до 12 четвертей. На такомъ суднѣ устраивается балконъ для помѣщенія отъ 40 до 45 лошадей; на верху балкона ставится чугунный шкивъ, на него навивается бичева, съ якоремъ въ 40 пудовъ, который называется завознымъ. Посредствомъ безпрестанныхъ завозовъ, суда идутъ въ день отъ 15 до 20 верстъ, съ грузомъ отъ 35 до 45,000 пудовъ и столько же въ подчалкѣ. За ними слѣдуютъ.

Гусьянки, приходящія изъ Нижняго, Елатьмы, съ рѣки Унки, длиною отъ 28 и 30 до 20 и 15 сажень, поднимающія отъ 40 до 50,000 пудъ, и отъ 20 до 30,000 пудовъ.

Мокшаны, или моршанскія суда, поднимающія тоже до 40,000 пудовъ.

Расинивы, приходящія изъ низовыхъ губерній.

Коломенки, приходящія съ Камы и Вятки, поднимаютъ до 8,000 пудовъ.

Бьяны, или суряжи, поднимаютъ груза отъ 17 до 20,000 пудовъ.

Шитики, поднимающіе до 10,000 пудовъ.

Полулабенки, возятъ тяжести отъ 20 до 24,000 пудовъ.

Кладныя лодки, по мѣсту строенія своего называемыя городежскими, такого же устройства какъ и шитики, и поднимаютъ груза около 2500 пудовъ.

Барки и полубарки, плавающія выше Рыбинска. Имъ есть узаконенная мѣра, не болѣе 17 сажень длины, ширины 4 сажени, вышина боковъ 8 четвертей. Онѣ поднимаютъ тяжести отъ 5400 до 7000 пудовъ, а полубарки до 4,000 пудовъ.

Лодки, называемыя вышневолоцкими, тихвинскими и соминскими, и бѣлозерскія суда.

Изъ всѣхъ означенныхъ судовъ, расинивы преимущественно возвращаются обратно изъ Рыбинска, перегрузивъ тамъ хлѣбъ; прочія же рѣдко возвращаются, а по большей части продаются на слезну.

Кромѣ послѣднихъ трехъ означенныхъ родовъ судовъ, одинъ только коломеники могутъ еще быть употребляемы для плаванія выше Рыбинска, и то съ убавкою груза.

Число людей для управленія хода судна, бываетъ различно; на большихъ судахъ иногда нужно отъ 90 до 120 человекъ, а на малыхъ, отъ 10 до 4 человекъ. Судорабочіе частью туземцы, болыною же частью приводятъ вмѣстѣ съ судами изъ низовыхъ губерній.

Кромѣ машиновыхъ, суда двигаются вверхъ тягою на лошадахъ; если же бичевникъ непроходимъ, то двигаются на шестахъ и веслахъ, что бываетъ сопряжено съ болынымъ трудомъ.

Вообще можно положить переходъ судна въ сутки, при благополучной погодѣ, до 20 верстъ; но при вѣтрахъ, переходъ можетъ уменьшаться и до 7 верстъ. Отъ Рыбинска суда идутъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, около осьми дней, при противныхъ же вѣтрахъ и меляхъ, до трехъ недѣль. На переходъ же судна отъ Самары до Рыбинска на коняхъ нужно, при благополучныхъ обстоятельствахъ, отъ осьми до девяти недѣль; но при неблагопріятныхъ, судно можетъ идти три и 4 мѣсяца.

Пароходъ, который первый разъ въ 1846 году началъ свое плаваніе по Волгѣ, прошелъ отъ Самары до Рыбинска въ 16 дней, привезя въ двухъ подчалкахъ 150,000 пудовъ кладн, и взявъ съ пуда по 15 коп. сер., что обратило вниманіе всехъ торговыхъ людей.

Пристани по Волгѣ въ ярославской губерніи находятся :

Въ городъ *Угличь*. Сюда приходитъ до 185 судовъ, съ грузомъ на сумму до 317,850 руб. сер.; здѣсь грузится на 90 судахъ на сумму до 563,500 руб. сер. Съ угличской пристани отправляютъ хлѣбъ, муку и крупу, алебастръ, охру, холстъ, ленъ, ветошь, бумагу, кожу, конекій волосъ, крестьянское сукно, свѣчи, коровье масло, перья.

Въ городъ *Мышкиль*. Сюда приходитъ до 110 судовъ, съ грузомъ на сумму до 165,000 руб. сер. Здѣсь грузится около 95 судовъ, (преимущественно хлѣбомъ, солью и синей сахарной бумагой) на сумму до 304,100 руб. сер.

Устье рѣки Сутки, куда приходитъ не болыше 6 судовъ, а отправляется до 40, съ грузомъ слинкомъ на 40,000 руб. сереб.

Въ городъ *Мологи*, нагружается и приходитъ въ особенности съ рѣки Мологи, строевой лѣсъ. Кромѣ того судовъ приходитъ до 473,

съ грузомъ на сумму до 581,000 руб. сер.; здѣсь грузится около 328 судовъ, съ товаромъ на сумму 375,000 руб. сер.

Въ городѣ *Рыбинскѣ* находится 10 пристаней, изъ которыхъ главнѣйшая при самомъ городѣ *Рыбинскѣ*.

Главная торговля *Рыбинска* состоитъ преимущественно въ хлѣбъ всякаго рода, который приходитъ изъ низовыхъ и другихъ великороссійскихъ губерній, и отправляется въ сѣверныя губерніи, особливо въ *Петербургъ*. Сюда приходитъ до 2,400 судовъ съ грузомъ до 19,200,000 р. с. Пришедшимъ судамъ производится разгрузка на меньшія суда, для отправленія по верхнему ходу, по всѣмъ тремъ системамъ, *вышневолоцкой*, *тихвинской* и *маринской*; на всѣхъ пристаняхъ, причисленныхъ къ *рыбинской*, грузится до 9,300 судовъ; цѣнность этого груза простирается на сумму до 25,250,000 руб. сер., въ томъ числѣ казеннаго хлѣба почти всегда на 4,950,000 рублей.

Рыбинская пристань вообще довольно удобна, кромѣ пространства близъ рѣки *Черемухи*, на 140 сажень, гдѣ находятся каменныя косы: ихъ предполагено, разчистить.

Остальныя пристани, причисляющіяся къ *рыбинской*, суть: *Пески*, *Бутырская*, *Тяговщинская*, *Мягкинская*, *Васильевская*, при деревнѣ *Омутъ*, при селѣ *Петровскомъ* и на рѣкѣ *Шекснѣ*, при селѣ *Никольскомъ* и при *Абакумовѣ*.

При селѣ *Петровскомъ* есть магазины, принадлежащіе адмиралтейству, а при селѣ *Никольскомъ*, на *Шекснѣ*, находятся 3 деревянные корпуса съ 18 соляными амбарами, — и производится приемка и отпускъ соли въ разные верхніе города.

Городъ *Ярославль*, въ устьѣ рѣки *Которосли*. Сюда приходитъ до 450 судовъ съ товарамъ, на сумму 1,332,500 руб. сер.; отсюда отправляется 458 судовъ съ грузомъ, на сумму 1,470,000 руб. сер.

Всего по *Волгѣ*, по теченію ея въ *ярославской* губерніи, приходитъ на пристани судовъ до 3,668, съ грузомъ на сумму 21,602,350 р. с., на пристаняхъ же въ самой губерніи грузится до 10,343 судовъ, на сумму до 28,480,460 р. с. Изъ этого числа отправляется съ *Волги* по рѣкѣ *Шекснѣ* до 1,890 судовъ съ кладью на 1,744,245 руб. сер. (въ томъ числѣ казенной кледи на 1,113,073 руб. сер.); по рѣкѣ *Мологѣ* до 3,250 судовъ, на сумму до 4,258,600 руб. сер. (въ томъ числѣ казенной кледи на 3,621,630 руб. серебромъ). — По рѣкѣ *Волгѣ*

перезы идутъ всегда около 2,880 судовъ, съ кладью на 7,842,703 руб. сер. (въ томъ числѣ казенной клады на 1,703,751 руб. сер.).

Такова дѣятельность на Волгѣ. Пропустите сквозь чистое полотно доситокъ тысячъ червовыхъ и отъ нихъ кой-что останется на вышивку, — а тутъ нагрузка, выгрузка на миллионы цѣлковыхъ клады, потребность въ рабочимъ; въ содержаніи ихъ, заготовка и подвозъ товаровъ, скопленіе народа для торговыхъ оборотовъ — все это въ прибрежныхъ мѣстахъ Волги, ст'ять хорошей почвы и помогаетъ тамошнему жителю забыть, что у него подъ ногами, вмѣсто тучнаго орловскаго чернозема, — какая-то скользкая глина и песчаная зыбь. Посмотрите на поволжца, — всегда въ снѣмѣ кафтанъ, въ длинныхъ сапогахъ, весель, вѣчно озабоченъ, живетъ припѣваючи. Такъ и на другихъ судоходныхъ рѣкахъ. — Судоходныя рѣки составляютъ въ губерціи главные транзитныя пути, а потому описаніе ихъ, съ нѣкоторою подробностію, необходимо для знакомства съ одною изъ важныхъ пружинъ, имѣющихъ сильное вліяніе на благосостояніе жителей губерціи.

Молога протекаетъ по ярославской губерціи только на 90 верстѣ, входя въ нее изъ весьегонскаго уѣзда тверской губерціи и впадаетъ у самаго города Мологи въ Волгу.

Теченіе этой рѣки довольно извилисто, берега низки и круты съ обѣихъ сторонъ, и болынею частію состоятъ изъ поемныхъ луговъ, или закрыты лѣсомъ. Нагорный берегъ правый. Грунтъ земли песчаный и отчасти каменистый.

Высота воды, весною отъ 20 до 28 футовъ, въ межень же вода спадаетъ до 7 футовъ. Въ полоую воду уровень рѣки возвышается до 6½ сажень, и тогда она разливается мѣстами верстѣ на 20. Ширина, въ обыкновенное лѣтнее время, около 60—70 сажень. На рѣкѣ Мологѣ, также какъ и на Волгѣ, есть мели, затрудняющія отчасти судоходство. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ: 1) феофиловская, песчаная гряда, въ 8 верстахъ отъ города Мологи, вблизи села Феофилова; 2) старохопонская, каменистая гряда, въ 67 верстахъ отъ города Мологи, близъ села Борисоглѣба; 3) залужская, каменистая гряда, близъ деревни Залужья, въ 73 верстахъ отъ города Мологи; 4) каменистый орудокъ около деревни Черемуть, въ 79 верстахъ отъ города Мологи; 5) Логоловская каменистая гряда, въ 81 верстѣ; 6) себь-

ская, каменная гряда въ 83 верстахъ; 7) княгининская каменная гряда за деревнею Себлюю, близъ границы ярославской губерніи.

Судоходство на рѣкѣ Мологѣ производится преимущественно на лодкахъ тихвинскихъ малаго размѣра, такъ называемыхъ канавныхъ, удобныхъ по своему устройству, для прохода чрезъ тихвинскій каналъ и отправляемыхъ изъ Рыбинска съ кладью, состоящею преимущественно изъ хлѣбнаго товара.

Внизъ же съ Мологи отправляются преимущественно лѣсъ и сѣно, къ Рыбинску и Ярославлю.

Вообще большая часть судовъ, идущихъ изъ Петербурга къ Рыбинску и къ другимъ низовымъ городамъ, отправляется по тихвинской системѣ, и въ томъ числѣ, въ весьма-большомъ количествѣ, въ Москву. Эта послѣдняя кладь въ тѣхъ же канавныхъ лодкахъ, какъ выше объяснено, проходитъ втеченіе 30 дней изъ Петербурга до Мологи, гдѣ перегружается изъ двухъ или трехъ лодокъ въ одну такую же тихвинку, но гораздо большаго размѣра, и отправляется вверхъ по Волгѣ до деревни Безбородова, что на рѣкѣ Шошѣ, гдѣ окончательно выгружается на берегъ, и оттуда уже сухимъ путемъ доставляется въ Москву.

Весною, при открытіи навигаціи, ежегодно плавится по рѣкѣ Мологѣ изъ новгородской и тверской губерній, значительное число гонокъ съ бревнами къ селу Горькой-соли и къ самому городу Мологѣ, куда уже привзжаютъ покупатели лѣса изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ производится судостроеніе, даже изъ Костромы.

На берегахъ рѣки Мологи строятся ежегодно, въ значительномъ количествѣ: барки, при городѣ Мологѣ и при устьяхъ впадающихъ въ Мологу рѣкѣ Исети и Яны; а лодки тихвинки трехъ размѣровъ, при деревнѣ Трезубовѣ и при селахъ Брейтовѣ, Борисоглѣбѣ, Иловнѣ, и частію при селѣ Леонтьевскомѣ.

Бичевникъ натуральный мѣстами имѣетъ большія неудобства; суда поднимаются тягою лошадыми.

На Мологѣ, въ предѣлахъ губерніи, значительныхъ пристаней нѣтъ, а грузятся суда во многихъ мѣстахъ по устьямъ впадающихъ рѣкѣ.

Въ 1845 году по рѣкѣ Мологѣ прошло до 2,460 судовъ, на которыхъ было рабочихъ до 8,020 человекъ; кромѣ того въ разныхъ мѣстахъ грузилось и отправлено 571 судно, на сумму 75,780 руб. сер.

Пришло и выгружено 444 судна, на сумму 103,900 руб. сер. Плотовъ прошло 524.

Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Мологу, замѣчательны: съ лѣвой стороны Иломка и Яна, а съ правой Удрусъ, Сить и другія. На всѣхъ этихъ рѣкахъ при устьяхъ строятся суда.

Шексна, по важности занимаетъ третье мѣсто въ кругу рѣкъ ярославской губерніи. Она вытекаетъ изъ Бѣла-Озера, въ новгородской губерніи, и войдя въ сѣверную часть мOLOGскаго уѣзда, течетъ параллельно рѣкъ Мологъ и впадаетъ въ Волгу при городѣ Рыбинскѣ, между селами Васильевскимъ и Петровскимъ. Все теченіе ея по ярославской губерніи 155 верстъ.

Теченіе Шексны весьма извилисто, и только послѣднія 24 версты она идетъ въ прямомъ направленіи. Берега вообще круты.

Грунтъ земли иловато-глинистый или песчаный, дно рѣки къ устью песчаное, выше же иловатое.

Въ весеннее время вода въ Шекснѣ значительно возвышается, и выступая во многихъ мѣстахъ далеко изъ береговъ, заливаешь большое пространство, такъ что для нѣкоторыхъ селеній сообщеніе между жителями дѣлается возможнымъ только на лодкахъ. Вслѣдствіе ежегоднаго разлива, окрестные жители никогда не свѣютъ ржи и довольствуются посѣвомъ только яроваго хлѣба; но зато поемные луга ихъ даютъ въ изобиліи хорошаго качества сѣно, котораго продажа доставляетъ имъ значительныя выгоды.

Въ обыкновенное время, лѣтомъ, ширина Шексны отъ 120 до 70 сажень, а мѣстами и меньше. Глубина ея всегда значительна, и вообще она глубже Волги; именно: въ межень отъ 2 до 2½ сажень, а въ полоую воду отъ 6 до 8, иногда до 11 сажень. Теченіе рѣки довольно быстрое.

При деревнѣ Березовѣ, отъ Шексны отходитъ рукавъ, называемый Глухою Шексною, который, выходя опять въ Шексну, образуетъ островъ, длиною верстъ шесть, а шириною версты двѣ.

По Шекснѣ производится значительное судоходство къ Петербургу и другимъ городамъ, по маринской системѣ. Отправляемыя суда, небольшихъ размѣровъ, называются озерными; на нихъ грузятся преимущественно хлѣбъ, сало, желѣзо и корабельные лѣса.

Въ теченіе лѣта по ней проходитъ снизу до 2,000 судовъ, съ грузомъ на сумму до двухъ милліоновъ руб. сер. Сверху же прохо-

дать суда въ маломъ количествѣ, и преимущественно изъ города Петрозаводска, съ казенными тяжестями.

Бичевникъ природный, не везде однако же удобный; отъ устья на 25 верстахъ, до деревни Нячковской, идетъ по лѣвому берегу, а далѣе переходить по удобству съ одного берега на другой, и преимущественно по правому.

Пристаней на Шексѣ, въ ярославской губернии, двѣ: при селѣ Икольскомъ и при деревнѣ Абакумовъ; онѣ причисляются къ рыбинской пристани. Изъ притоковъ Шексны замѣчательны: съ лѣвой стороны Судогда, Согожа и сѣверные Югъ, Маткела, Конгора, Ура и другія. Кромѣ этихъ пристаней есть еще малыя пристани, для ямочки судовъ, въ 7 и 12 верстахъ отъ устья; но онѣ незначительны.

Волга, Молога и Шексна—три рѣки первостепенной торговой важности. И одной изъ нихъ было бы уже достаточно, чтобы разнелить и дѣятельность и капиталы, а тутъ три, и притомъ устья двухъ послѣднихъ... на одномъ изъ этихъ устій стоитъ Рыбинскъ. Кто, отъ мала до велика, не знаетъ значенія Рыбинска? Намъ придется много говорить о немъ, при обзорѣ промышленности губернии. Кромѣ Волги, Мологи и Шексны, есть въ губернии нѣсколько рѣкъ второстепенной важности. Таковы: Согожа, притокъ Шексны, Кострома, Которосль, Ить и Юхоть, притоки Волги.

По рѣкѣ *Согожѣ* судоходство бываетъ только весною; тогда сплавляется по ней къ Рыбинску, даже изъ Вологодской губернии, лѣсъ, а отъ Пошехонья идутъ барки съ разною кладью. Послѣднія, при большомъ разливѣ, проходятъ минуя Рыбинскъ, прямо въ Мологу, следуя разливомъ на село Всесвятское; а оттуда по Пуиню.

Въ 1845 году по Согожѣ прошло 47 судовъ и 68 плотовъ, съ 400 судорабочихъ и съ грузомъ на 75,655 руб. сер.

На рѣкѣ *Согожѣ*, въ 45 верстахъ отъ города Пошехонья, находится чугуново-плавильный, а вмѣстѣ съ тѣмъ желѣзо-дѣлательный и проволочный заводъ и нѣсколько мукомольныхъ мельницъ, изъ которыхъ близъ Пошехонья двѣ, и далѣе въ верхъ двѣ, съ находящимися при нихъ пильными заводами.

Рѣка *Кострома* начинаетъ быть судоходною въ лѣтнее время отъ Буя, а весною отъ города Солигалича, въ 48 верстахъ ниже истока. Судоходство производится въ полоую воду на баркахъ и ялудбаркахъ, а въ межень на меньшихъ судахъ. Сплавляется же преимущественно

но дубъ и лѣсъ въ Костромѣ. Въ деревнѣ Исадахъ есть лѣсная пристань.

Въ 1845 году по рѣкѣ Костромѣ прошло 148 плотовъ, съ 425 рабочими и съ грузомъ цѣнностію до 9,000 руб. сер.

По рѣкѣ Которосли въ полную воду ходятъ въ довольно значительномъ числѣ тихвинки, нагруженные мукою, съ мельницъ, устройствъ преимущественно на рѣкѣ Устьѣ; въ остальное же время — лодки малыхъ размаровъ, поднимающія не болѣе 1,000 пудовъ.

Устьѣ Которосли составляетъ собственно пристань рѣки Волги при Ярославлѣ, и единственное тамъ мѣсто для зимовки судовъ.

Суда встрѣчаютъ большія затрудненія на этой рѣкѣ отъ неправильнаго устройства плотинъ и запрудъ на фабрикахъ, и отъ мостовъ на дорогахъ. Для обхода плотинъ, при фабрикахъ находятся каналы съ двойными шлюзами.

Въ 1845 году по рѣкѣ Которосли прошло 140 судовъ, съ грузомъ слишкомъ на 30,000 руб. сер. и съ 1500 рабочихъ.

Таково обиліе водъ въ губерніи. Это обиліе служитъ важнымъ, сильнымъ рычагомъ для приведенія въ движеніе промышленной дѣятельности, въ особенности торговой и заводской. Но не столько обиліе, сколько счастливое расположеніе этихъ водъ, доставляетъ много выгодъ губерніи. Здѣсь узелъ водяныхъ путей съ запада, съвера и востока.

Изъ средиземныхъ водъ въ губерніи, мало замѣчательныхъ. Изъ озеръ самое важное *Неро*, при городѣ Ростовѣ, имѣющее въ длину около 12, и въ ширину до 7 верстъ. Берега этого озера съ южной стороны низменны и болотисты. Дно иловатое, поросшее болотными травами. Вода въ немъ солоновата и иловата, а потому весьма не хороша для питья, и на припелыцевъ производитъ вредное вліяніе; лѣтомъ же, когда цвететъ, почти совсѣмъ негодна къ употребленію. Въ озерѣ производится рыбная ловля, въ довольно значительномъ количествѣ. Въ него впадаетъ рѣка Га, а вытекаетъ Векза.

Въ ростовскомъ узздѣ есть, сверхъ-того много озеръ. Всѣ онѣ болотистаго свойства, берега имѣютъ преимущественно низменные, и болышую частію болотные, — дно иловатое, топкое, поросшее травою.

Въ Мологскомъ узздѣ, на поемныхъ берегахъ Шексны и Мологи до 50 озеръ; изъ нихъ замѣчательнѣйшее — озеро Харламя, черезъ которое протекаетъ рѣка Яна.

Незначительныя озера даниловскаго уезда, которыхъ до 8, лежатъ на пространствѣ, подверженномъ разливу, котораго величинѣ и продолжительности сами весьма способствуютъ, и всѣ почти имѣютъ сообщеніе съ Волгою или ближайшими рѣками, посредствомъ протоковъ, которые лѣтомъ иногда теряются: Берега ихъ вообще отлоги, болотисты и дно тинисто.

Въ ярославскомъ уездѣ есть также нѣсколько озеръ, но небольшихъ; изъ нихъ наибольшее — Ущемирово, при деревнѣ Медвѣдокъ.

Кругомъ озеръ и въ поемныхъ мѣстахъ много болотъ. Наиболье болотистыхъ мѣстъ находится въ уездахъ мOLOGскомъ и пошехонскомъ, потомъ въ ростовскомъ.

Въ мOLOGскомъ уездѣ, между рѣками Мологою и Шексною, есть обширное низменное пространство, покрытое большими лѣсами, орешаемое разливами рѣкъ, и скудно населенное.

На этомъ пространствѣ много болотъ и трясины, совершенно непроходимыхъ. Изъ нихъ въ особенности замѣчательны по величинѣ болота, окружающія Шуйское озеро, болота близъ деревень большаго и малаго Сулацкаго озеръ, и наконецъ болота въ 10 верстахъ отъ города Мологи, продолжающіяся мимо деревень: Шахматова, Ткалова, Лодыгина и Моклакова, находящихся близъ рѣки Пущмы.

Въ пошехонскомъ уездѣ, большая часть лѣсовъ, особливо такъ называемые шельпнедамскій и стельпинскій лѣса, — наполнены болотами, которыя не пересыхаютъ до поздняго лѣта, а въ некоторыхъ мѣстахъ остаются всегда топкими.

Въ мышкинскомъ уездѣ замѣчательно болото близъ деревни Морской, около 10 верстъ длины и отъ 2 до 8 ширины; оно, по своей топкости, всегда совершенно непроходимо. Въ срединѣ его есть озеро.

Въ угличскомъ уездѣ, большое болото примыкаетъ къ озеру Иванову.

Въ ростовскомъ уездѣ замѣчательно Сохатское болото, близъ погоста Иисусова Креста, между московскою и суздальскою дорогами.

Въ ярославскомъ уездѣ есть большое болото близъ Ярославля.

Не смотря на множество болотъ въ губерніи и неспособность грунта къ сухопутнымъ сообщеніямъ, — эти сообщенія довольно удобны для проѣзда обозовъ и для крестьянской вѣды. Но Боже сохрани по нѣкоторымъ изъ нихъ взать человѣку, знакомому съ шоссе, или хоть напрямъръ съ финляндскими дорогами. Жизни не будетъ радъ!

По болотамъ тянутся длинныя мостовыя изъ кругляковъ, пески перерезаны глубокими колеями, въ размѣръ крестьянской телеги.... Эти колеи, облегчающія ходъ обозовъ, затрудняютъ въздъ въ экипажъ. Весною и осенью грязь непроходимая... а на видъ прекрасно: дороги широкія, прямыя, почти вездѣ съ красивыми, тѣнистыми по бокамъ аллеями.

Первое мѣсто. въ ряду дорогъ, конечно занимаетъ шоссе, идущее отъ города Ярославля — на Москву. Оно принадлежитъ къ разряду губернскихъ, проходитъ по ярославской губерніи 84 версты, узлами ярославскимъ и ростовскимъ, и близъ деревни Дертниковъ входить во владимірскую губернію. На всемъ протяженіи, отъ Ярославля до границы владимірской губерніи, шоссе пересѣкаетъ 13 рѣкъ и рѣчекъ, изъ которыхъ важнѣйшія: Которосль, Устье и Сара. По шоссе ходятъ длинжансы.

Провозъ отъ Ростова до Москвы съ пуда: на колесахъ отъ 30 до 50 коп. сер., а зимою отъ 5 до 15 коп. сер. Отъ Ростова до Ярославля: на колесахъ отъ 5 до 15 коп. сер., а зимою отъ 4 до 10 коп. сер.

Почтовые дороги въ губерніи, какъ и вездѣ въ Россіи, состоятъ изъ большихъ и малыхъ. Къ числу большихъ принадлежатъ:

1) Санктпетербургская почтовая дорога, идущая по правой сторонѣ рѣки Волги на города Ромаповъ-Борисоглебскъ и Рыбинскъ въ Мологу, — а далье, по правому берегу рѣки Мологи, на городъ Велье-гонскъ, тверской губерніи, въ которую входитъ при селѣ Горинскомъ. Протяженія этой дороги отъ Ярославля по губерніи считается 176 верстъ.

Дорога для провоза обозовъ удобна. Грунтъ сначала преимущественно глинистый, а за Рыбинскомъ — песчаный. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются небольшія болотистыя мѣста, но гати, находясь въ надлежащей исправности, отстраняютъ большія затрудненія. Весною встрѣчается на этой дорогѣ важное затрудненіе около Мологи, потому что отъ рѣчки Юги, близъ Балабанова (рыбинскаго узда) и до деревни Котковой — все пространство, равно и дорога, покрываются разливомъ рѣки Волги, на нѣсколько верстъ въ ширину. Тогда провозъ бываетъ проселками отъ деревни Балабанова на селенія Якушево, Погорѣлки и Пльшивецъ, до югскаго монастыря, гдѣ перевозжаютъ черезъ рѣчку Югу по мосту, и далье проселкомъ же на деревню Пал-

кино въ деревню Калиту, находящуюся на тракте отъ Мологи въ Угличъ — въ 15 верстахъ отъ Мологи, и далье до деревни Крутца, гдѣ уже устраивается перевозъ черезъ Волгу на порогахъ, въ 7 верстахъ отъ Мологи. Такъ вздять почтовые, которые вмѣсто 30 верствъ дѣлають съ объездомъ 50. Но для лучшаго и безопаснѣйшаго слѣдованія изъ Рыбинска, отправляются по прямой дорогѣ на селеніе Глѣбово, — а оттуда уже слѣдуютъ на Крутецъ, гдѣ переправа.

Далье за Мологою дорога съ тринадцатой версты отъ города идетъ по высокимъ мѣстамъ, и затрудненій въ провздѣ не бываетъ и весною, — исключая рѣки Сити, гдѣ вода поднимается высоко и держится вѣдмъ двѣ; по тамъ весною ходитъ паромъ, а лѣтомъ наводится плвучій мостъ.

Дорога содержитсѣ отъ обывателей натурою и кромѣ приятствій отъ разливовъ и мѣстами грязь, содержитсѣ весьма хорошо.

2) Вологодская почтовая дорога идетъ отъ города Ярославля на городъ Даниловъ, и близъ деревни Холма (любимскаго уезда) входитъ въ вологодскую губернію. Всего отъ Ярославля до границы губерцій, этимъ трактомъ считается 107 верствъ.

Дорога отъ Ярославля идетъ на 10 верствъ по сыпучему песку, а далье низкими мѣстами по глинистому грунту; весною и послѣ большихъ дождей дѣлается весьма грязною и даже топкою.

3) Костромская почтовая дорога (луговая), идетъ отъ Ярославля по лѣвому берегу рѣки Волги, по ровнымъ и низменнымъ мѣстамъ, и близъ селенія Борокъ (даниловскаго уезда) входитъ въ костромскую губернію. Весною, отъ разлива рѣки Волги, эта дорога въ ярославскомъ уездѣ затопляется отчасти, а въ даниловскомъ вся; — и отъ того весною по ней взды нѣтъ, пока воды не войдутъ совершенно въ берега и поврежденія не исправятся, что продолжается иногда до половины іюня. На это время почта и провзжающіе отправляются отъ Ярославля по нагорной костромской дорогѣ.

4) Нагорная костромская дорога, идущая отъ Ярославля по правой сторонѣ рѣки Волги, на село Туногину, и оттуда на село Красаро, близъ котораго дорога входитъ въ костромскую губернію.

Изъ малыхъ почтовыхъ дорогъ замѣчательны:

1) Любимская, отъ города Давилова до города Любима.

2) Пашковская, отъ города Романова-Борисоглѣбска въ горѣ

Пошехонь, 75 верстъ. Весною по этой дорогѣ на рѣкахъ Ухрѣ и Ур-демкѣ, быстротою воды сносить мосты.

3) Угличская отъ города Рыбинска на деревню Противье (что противъ города Мышкина) и Угличъ, въ городъ Калязинъ. Всего этою дорогою считается до границы тверской губерніи 98½ верстъ. Грунтъ песчаный, а мѣстами сыпучіе пески.

Кромѣ почтовыхъ дорогъ, важны въ губерніи и торговыя. Описаніе, или по-крайней-мѣрѣ исчисленіе ихъ необходимо, потому что направление и крайніе пункты этихъ дорогъ опредѣляютъ мѣста наиболее важныя въ промышленномъ и торговомъ отношеніи. Съ другой стороны, состояніе торговыхъ дорогъ отчасти опредѣляетъ мѣру важности тѣхъ пунктовъ, которые ими соединяются. Изъ торговыхъ дорогъ замѣчательны:

1) Костромская, идущая изъ нерехтскаго уѣзда по ярославскому уѣзду въ торговое село Ведкое и въ городъ Ростовъ. При проходѣ транспортовъ можетъ встрѣтиться задержка при переправѣ черезъ рѣку Которосль, по вѣнзвѣнію паромовъ, и по худой дорогѣ, въ ненастное время или распутицу, отъ Гаврилова Яма до Кладовицъ.

2) Великосельская идетъ отъ Ярославля въ село Ведкое. На этой дорогѣ, при селѣ Веденскомъ, переправляются черезъ рѣку Которосль, весною на лодкахъ, а лѣтомъ по наплавному мосту. Дорога идетъ по твердому грунту

3) Угличская идетъ отъ города Ярославля въ Угличъ. Отъ этой дороги отдѣляется въ селѣ Новомъ (угличскаго уѣзда) дорога въ городъ Мышкинъ. По этимъ дорогамъ встрѣчается много рѣчекъ, но въ перевздахъ затрудненій нѣтъ, потому-что на нихъ вездѣ устроены прочные мосты. Грунтъ мѣстами песчаный, а болѣе глинистый, отчего весною и послѣ сильныхъ дождей бываютъ большія грязи.

4) Отъ города Ростова въ городъ Суздаль. Приближаясь къ владимірской губерніи, дорога становится нѣсколько гориста, но для провоза транспортовъ удобна. Грунтъ глинистый, а мѣстами супесокъ.

5) Дороги отъ города Ростова въ городъ Юрьевъ-Польскій и

6) отъ города Ростова въ городъ Угличъ, идутъ вообще по твердому грунту, и только мѣстами встрѣчаются на нихъ неизменные болотистыя мѣста, отчего весною и послѣ большихъ дождей бываютъ грязи.

7) Отъ города Романова-Борисоглѣбска въ городъ Даниловъ Грунтъ суглинокъ и мѣстами песчаный.

8) Отъ города Романова-Борисоглѣбска въ Угличъ. Грунтъ супесокъ. Переправъ нѣтъ, кромѣ только черезъ рѣку Волгу въ городъ Романовъ.

9) Изъ города Рыбинска въ городъ Пошехонь, — и

10) Отъ города Мологи въ городъ Пошехонь, идутъ по грунту болышею частью болотистому; сверхъ-того послѣдняя изъ этихъ дорогъ въ дождливое лѣто болышею частью затопляется; весною же по ней нѣтъ никакого провоза.

11) Отъ города Мологи въ городъ Череповецъ дорога тянется низменными и болотистыми мѣстами, а во время весенняго разлитія рѣкъ затопляется.

12) Отъ города Мологи въ городъ Мышкинъ, дорога идетъ отъ Мологи правымъ берегомъ рѣки Волги и выходитъ близъ Дьякова (рыбинскаго узда) на почтовый трактъ, идущій отъ города Рыбинска на города Мышкинъ и Угличъ. Грунтъ песчаный.

13) Отъ города Пошехонья въ городъ Череповецъ. Грунтъ черноземъ и мѣстами супесокъ.

14) Отъ города Пошехонья въ городъ Даниловъ. Грунтъ суглинокъ, а мѣстами болотистый; мосты и гати въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дурны.

15) Отъ города Пошехонья въ городъ Любимъ. Дорога идетъ низменными мѣстами; грунтъ суглинокъ, а мѣстами въ лѣсахъ встречаются болота; отчего послѣ большихъ дождей эта дорога бываетъ очень грязна; мосты же и гати мѣстами дурны.

16) Отъ города Углича въ городъ Канинъ дорога пролегаетъ по суглинистому грунту и чернозему.

17) Отъ города Углича въ городъ Бѣжецкъ Дорога эта болышею частью тянется лѣсами, по грунту глинистому и мѣстами болотистому, а потому отъ сильныхъ дождей бываетъ очень грязна.

18) Дорога отъ города Любима въ городъ Кострому, и отъ Любима въ городъ Буй пролегаетъ по суглинистому грунту.

19) Дорога отъ Ярославля въ село Писцово (перехтоскаго узда) костромской губернии, идетъ по твердому грунту.

Кроме того есть много дорогъ между пунктами меньшей торговой важности. Изъ этого видно богатство не только водяныхъ, но и сухопутныхъ сообщений въ губерніи. Правда, большая часть изъ этихъ сообщений удобны только лѣтомъ и зимою, но этого почти и достаточно по потребностямъ жителей; весною они пользуются выгодными сляваами, а осенью сланикомъ заняты сельскими работами, чтобы очень нуждаться въ сообщеніяхъ. По зимнему пути свозятъ они свои продукты къ пристанямъ, а весною отправляютъ ихъ на торговые пункты. Продолжительность зимы много помогаетъ Ярославцу, при плохомъ въ некоторыхъ мѣстахъ состояніи сообщений. Впрочемъ дороги ярославской губерніи, при некоторыхъ усліяхъ, могутъ быть доведены до хорошаго состоянія, потому что страна имѣетъ все необходимыя для этого матеріалы, каковы песокъ, камень и дерево.

Климатъ ярославской губерніи, въ отношеніи къ прочимъ частямъ Россіи, составляетъ переходъ отъ умереннаго къ холодному: земледѣльство, хотя при усліенныхъ трудахъ, но производится съ успѣхомъ; плодовыхъ садовъ почти нѣтъ.

Вообще замѣтно, что за Волгою климатъ суровѣе. Причины этого заключаются отчасти въ тамошней мѣстности, низменной, обильной лѣсами, болотами, и скудной населеніемъ. Рѣки вскрываются почти всегда въ первой половинѣ апрѣля; въ половинѣ мая, воды входятъ въ берега, и постепенно убываютъ, болѣе или менѣе, смотря по сухому или дождливому времени, до сентября; тогда воды въ рѣкахъ начинаютъ снова возвышаться противъ меженнаго состоянія, но разливовъ не бываетъ, и въ первой половинѣ ноября становятся.

Лѣса одѣваются 10 — 15 мая; совершенно тепло дѣлается въ концѣ мая; наибольшіе жары бываютъ въ началѣ іюля, и доходятъ до 30° по Реомюру; съ первыхъ же чиселъ августа начинаются снова постепенно увеличивающіеся заморозки; въ началѣ ноября настаетъ зимній путь, и стужа усиливается въ январѣ по Реомюру до 30 градусовъ.

Вообще климатъ въ губерніи здоровый, какъ для туземцевъ, такъ и для иностранцевъ; и особыхъ какихъ-либо постоянно господствующихъ мѣстныхъ болѣзней между жителями не замѣтно.

Сдѣланный нами очеркъ мѣстности ярославской губерніи даетъ некоторое понятіе о средствахъ, которыя природа предоставила ту-

земцу для его дѣятельности. Мы здѣсь не говоримъ о естественныхъ произведеніяхъ губерніи, относя описаніе ихъ къ описанію промышленности края. Это тѣмъ удобнѣе, что въ губерніи мало чего не замѣченнаго, не разработаннаго ея жителями. Природа губерніи довольно бѣдна, а обитатель ея смѣшленъ, дѣтственъ; оттого все, что есть, все болѣе или менѣе примѣнено на пользу человека, все падаетъ въ обзоръ промышленности губерніи. Въ слѣдующей книжкѣ нашего журнала поговоримъ о жителяхъ ярославской губерніи

ЖИВОПИСЬ ВО ФРАНЦИИ

ВЪ ОСЕМНАДЦАТОМЪ СТОЛѢТІИ.

=

СТАТЬЯ ПЯТАЯ.

=

Латуръ.

Латуръ принадлежитъ къ самымъ замѣчательнѣйшимъ художникамъ прошлаго вѣка, не смотря на то, что занимался исключительно живописью портретною, которой посвящаютъ себя по бѣльшей части люди съ посредственными дарованіями. Но Латуръ, въ избранномъ имъ родѣ, можетъ съ честью выдержать сравненіе съ величайшими мастерами всѣхъ школъ: ничто до такой степени не можетъ отрывать насъ отъ нѣвынннхъ неугомонныхъ тревогъ и перенести въ улыбающійся и величавый прошедшій вѣкъ, какъ портреты, созданные мастерскимъ карандашемъ Латура: онъ передалъ потомству превосходныя изображенія всѣхъ знаменитыхъ красавицъ и суровыхъ философовъ осемнадцатаго вѣка.

Латуръ родился въ началѣ осемнадцатаго столѣтія, и скончался въ то время, когда стали раздаваться первые громаы революціи (1704—1788). Поэтому онъ былъ свидѣтелемъ многихъ любопытныхъ и важныхъ событій, ознаменовавшихъ царствованія Людовика-

Четырнадцатаго и Людовика Пятнадцатаго, Людовика-Шестнадцатаго и Маріи-Антоанеты.

Латуръ родился въ Сень-Кантевъ, въ которомъ одну улицу, по смерти его, назвали его именемъ. Отецъ его былъ скрипачемъ. Это одинъ изъ тѣхъ простодушныхъ и безнечныхъ артистовъ, которые, не тревожась суетнымъ желаньемъ славы, почитаютъ себя совершенными счастливыми, если имѣютъ довольно досужаго времени, чтобъ посвятить его любимому искусству.

До осемнадцати лѣтъ молодой Латуръ прилежно занимался изученіемъ греческаго и латинскаго языковъ. Но однажды, увидѣвъ картину написанную пастелью (сухими красками), онъ почувствовалъ въ себѣ призваніе къ живописи. Сначала онъ хотѣлъ было отправиться въ Венецію, но отказался отъ этого намѣренія по неимѣнію денегъ. Не смотря на то, въ одно прекрасное утро онъ собрался въ дорогу и пришелъ проститься съ отцомъ.

— Куда ты? спросилъ старикъ.

— И самъ не знаю; но я отправляюсь.

— Какая глупость!

— Развѣ птица, когда почувствуетъ силу крыльевъ, не властна взлетѣть въ безпредѣльные пространства? Христофора Колумба считали тоже безумнымъ, когда онъ пускался на открытіе новаго свѣта.

— Ну, какъ себя хочешь; что касается до меня, то для меня вся вселенная заключается вотъ здѣсь, на порогѣ моего дома; но я не хочу держать тебя взаперти, хотя бы это было даже въ домѣ, гдѣ ты родился, гдѣ умерла твоя мать и гдѣ поетъ твоя маленькая сестра. Богъ съ тобой, прощай! Когда тебя удастся открыть новый свѣтъ, шумный свѣтъ, въ которомъ все живутъ однимъ умомъ и гдѣ никто не можетъ ужиться съ своимъ сердцемъ, ты вернешься, можетъ-быть, домой, чтобъ хоть на минуту отдохнуть отъ блестящей суеты, здѣсь, подъ сѣнью домашняго очага. Я, въ простотѣ своей, часто сравниваю свѣтъ съ оперою: весь этотъ шумъ, блескъ и трескотня, право не стѣять простой аріи старика Люлли, разыгрываемой ветеркомъ, здѣсь у окна, на моей плохой скрипкѣ, передъ этимъ цветникомъ, при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца.

— Это справедливо, сказалъ Латуръ, какъ будто предвидѣвшій свое будущее; но я отправляюсь въ Парижъ, тамъ разбогатаю; тамъ

сдѣлать мой талантъ, и я сдѣлаюсь первымъ живописцемъ короля; въ среди мнѣхъ успѣховъ, я все-таки буду думать объ васъ и о родинѣ.

— Прощай, мой другъ.

Латуръ разстался съ отцомъ со слезами.

Въ осемнадцатомъ вѣкѣ еще существовало во Франціи нѣсколько провинціальныхъ школъ живописи. Тогдашніе художники ѣздили одни въ Римъ, другіе въ Парижъ; но потомъ все-таки возвращались на родину, съ желаніемъ содѣйствовать успѣху скромной школы, въ которой имъ сдѣланы первые шаги на художественномъ поприщѣ. Въ Реймсѣ, ради совершавшихся въ немъ торжествъ коронаванія королей французскихъ, господствовала роскошь; а цвѣтъ роскоши, какъ извѣстно, есть искусство. По этому въ Реймсѣ было цѣлое общество живописцевъ; одни изъ нихъ работали для церквей и монастырей, другіе дѣлали портреты. Отъ Сентъ-Кантена до Реймса какъ рукой подать; поэтому Латуръ, не рѣшаясь предстать вдругъ на судъ Парижанъ съ талантомъ, въ которомъ онъ и самъ еще сомнѣвался, потому что у него вовсе не было учителя, — отправился сначала въ Реймсъ, съ тѣмъ, чтобъ тамъ испытать свои силы. Тутъ онъ сдѣлалъ нѣсколько портретовъ и потомъ намѣревался съѣздить въ Парижъ; но ему пришла счастливая мысль, что въ живописи гораздо лучше изучать мертвыхъ, чѣмъ живыхъ. Онъ увидѣлъ гдѣ-то картину Рубенса и рѣшился посвятить Фландрію.

Когда онъ пріѣхалъ въ Камбрѣ, хозяйка гостинницы, въ которой онъ остановился, — очень не дурная собой, совѣтовала ему остаться въ ея городѣ, куда на ту пору съѣхались дипломаты всей Европы. Хотя Латуръ былъ истинный артистъ въ душѣ, но нисколько не походилъ ни на неуклюжаго мужика береговъ Дуная, ни на страшнующаго Цыгана, живущаго на авось. Онъ, напротивъ, былъ живописецъ вполне благовоспитанный, какихъ въ то время было не много. Онъ любилъ хорошо одѣваться, держалъ себя съ достоинствомъ, имѣлъ благородную осанку и посещалъ высшее общество. Недѣлю спустя послѣ пріѣзда его въ Камбрѣ, стали поговаривать объ его талантѣ; прошла еще недѣля, и начали говорить и объ его умѣ. Вскорѣ весь городъ сталъ заваливать его заказами, такъ что если бъ пріѣхалъ на ту пору изъ Парижа знаменитый портретистъ того времени, Ларжильеръ, то и онъ не могъ бы, конечно, имѣть большаго

успѣха. Латуръ, разумѣется, не считалъ нужнымъ объявлять, что онъ прѣхалъ изъ Сеяъ-Кантена. Англійскій посланникъ до-того плясился его картинами, и въ особенности его остроуміемъ, что совсѣмъ неожиданно предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ Лондонъ и жить у него какъ дома. Посланникъ былъ на отъѣздѣ. Латуръ не зналъ, что отвѣчать на это предложеніе, какъ одно романическое приключеніе и безъ того заставило его оставить городъ.

Надо замѣтить, что Латуръ былъ влюбленъ почти съ полвѣка времени; онъ жилъ осемдесятъ-четыре года и не былъ женатъ. Въ Камбрѣ онъ встрѣтилъ въ салонѣ одного дипломата молодую даму, походившую больше на Испанку, чѣмъ на Француженку или Фламандку. Она была замѣчательна по своей красотѣ, чрезвычайно любила свѣтскую жизнь, слыла большой кокеткой, и поэтому самому любила страстно одну себя. Она вышла замужъ за помѣщика-провинціала, который отъ нея сходилъ съ ума и говорилъ пріятелямъ, что и она также его любитъ. Латуръ ни мало не сомнѣвался въ побѣдѣ надъ нею. Сначала она слушала признанія его съ прелестной улыбкою, но потомъ, вмѣсто отвѣта, громко расхохоталась: хотя подобная веселость въ дѣлахъ любви дурной знакъ, однако Латуръ не унывалъ и продолжалъ ухаживать за своей очаровательной брюнеткой. Изъ кокетства она согласилась, чтобъ онъ написалъ ея портретъ. Она была въ восхищеніи отъ этого портрета, въ которомъ Латуръ, разумѣется, польстилъ ея самолюбію, и съ этой поры она стала оказывать ему менѣе холодности. Латуръ обыкновенно оканчивалъ портретъ въ три сеанса, но здѣсь употребилъ цѣлыхъ три недѣли на отдѣлку однихъ рукъ. Мужъ не всегда присутствовалъ при сеансахъ, по той причинѣ, что не смотря на свое дворянство, онъ занимался разными торговыми предпріятіями, приводя, въ свое оправданіе, примѣръ дворянъ венеціанскихъ. Онъ оберегалъ вѣрность своей жены деньгами и любовью, такъ какъ другіе это дѣлаютъ силою любви и ума. Наконецъ Латуръ дошелъ до того, что хотѣлъ просить о увезти свою возлюбленную.

— Нѣтъ, говорила она, потупивъ глаза, лучше я васъ увезу. Приходите въ полночь къ моимъ окошкамъ.

— Какъ? инежовая лѣстница?

— Тише; послѣ сами увидите.

Латуръ былъ не такъ простъ, чтобъ спрашивать, гдѣ будетъ въ это

время мужъ. Онъ сказалъ только, что въ придетъ полночь къ назначенному мѣсту, вооруженный шпагой.

Только что Латуръ воротился домой, какъ горничная его любезной, краснощекая Фламандка, является съ извѣстiемъ, что все готово къ побѣгу.

— Вы войдете въ окошко, сказала она.

— Да вѣдь спальня твоей барыни во второмъ этажѣ; какъ же я попаду туда въ окошко?

— Ничего вѣтъ легче, вы увидите сами. Меня прислали только предупредить васъ, чтобъ вы были безмолвны какъ мраморъ.

Эта таинственность немного смутила Латура. Онъ предчувствовалъ, что наступающая ночь будетъ обильна приключенiями и опасностями.

Между-тѣмъ пробилъ полночь; сердце Латура затрепетало сильнѣе. Горничная отворила маленькое окошко и показала ему знаками, чтобъ онъ влѣзъ въ корзину, висѣвшую у дома на блокъ. Корзина эта съ давнихъ поръ совершала восхожденiя съ низу на чердакъ, какъ это и теперь еще можно видѣть во многихъ старинныхъ торговыхъ родахъ. Латуръ сначала подумалъ, что влѣзши въ корзину, онъ оскорбитъ свое достоинство; но онъ былъ влюбленъ и у него на боку висѣла шпага; надъ чѣмъ же тутъ задумываться? Онъ смѣло шагнулъ въ свою воздушную колесницу и сравнилъ себя съ Венерой, везомой бѣлыми голубями. Онъ былъ такъ необыкновенно настроенъ, что даже пронзительный визгъ блока не могъ возвратитъ его къ прозаической дѣйствительности. Но вотъ онъ подымается все выше и выше. Наконецъ онъ у желаннаго окна: сквозь шелковыя занавѣсы рисуется предъ нимъ чудный профиль. Это она. Она приближается къ нему, поднимаетъ занавѣсы, отворяетъ окно. — «Наконецъ!» — говоритъ онъ и хочетъ пожать ей руку. — Луна пробилась сквозь облака и озарила эту сцену, которая впоследствии послужилъ Фрагонуару предметомъ одной изъ лучшихъ его картинъ. — Какъ очаровательно-прекрасна эта женщина въ своемъ ночномъ полунарядѣ и чудныхъ волосахъ, ниспадающихъ широкими, густыми волнами на алебастровыя плечи! И вотъ Латуръ достигъ рѣшетки верхняго балкона: еще одно движенiе дюжей Фламандки, и онъ на верху блаженства; но что это значить? вмѣсто того, чтобъ подниматься выше, онъ вдругъ очутился на сажень ниже. Онъ поневоля сталъ спускаться все болѣе и

Больше и вот онъ уже на разстояніи трехъ саженей отъ волшебнаго окошка. Это изображеніе жизни и слишкомъ быстрыхъ восходящихъ по путямъ ея: часто не достигнувъ цѣли, приходится спуститься прежде, чѣмъ удастся вкусить плодовъ упорныхъ стремленій.

— Что жъ это, господинъ Латуръ, спрашиваетъ дама съ удивленнымъ видомъ; вамъ не угодно войти ко мнѣ?

— Жанета! ты сама не знаешь, что дѣлаешь! кричитъ Латуръ Фламандкѣ.

— Тихе! говорятъ дама, вы разбудите мужа.

— Ну такъ скажите сами вашей дѣвушкѣ, или потрудитесь спуститься со мной. А-то, посмотрите: въ этомъ положеніи я похожъ на Тантала.

Въ эту минуту открывается другое окно. Изъ него высовывается фигура мужа, который спрашиваетъ громко: «Кто здѣсь?»

— Латуръ поспышно вынимаетъ шпагу.

— Кто здѣсь? снова спрашиваетъ мужъ.

— Мнѣ не хочется называть себя по имени, отвѣчаетъ Латуръ, самъ же зная что сказать.

— Кто бы вы ни были, кричитъ мужъ, желаю вамъ провести спокойно ночь въ этой постели новаго изобрѣтенія.

И вслѣдъ за тѣмъ окна женщины и мужчины затворяются въ одно время, какъ будто по командѣ.

Латуръ былъ не глупъ, и не могъ не видѣть въ этой продѣлкѣ снѣгманной съ нимъ штуки. Въ окнахъ не хотѣли даже спустить штору. Такимъ-образомъ онъ очутился какъ-будто на сценѣ, въ роли въ высшей степени непріятной: онъ бы желалъ лучше провалиться оквозъ землю.

— Это ужъ черезъ чуръ строгій и своевольный урокъ, сказалъ онъ. Впрочемъ, когда поразмыслишь хорошенько, такъ выходитъ, что человекъ просто игрушка судьбы. У меня и въ цѣлой жизни не болѣе свободы дѣйствій, чѣмъ въ теперешнемъ положеніи. Фламандка, которая держитъ теперь веревку, — это одно изъ тысячи олицетвореній судьбы. А веревка — это нить моей жизни.

Пофилософствовавъ съ полчаса, Латуръ сталъ сердиться; по характеру онъ былъ резонеръ, и при каждомъ необыкновенномъ случаѣ обыкновенно начиналъ разсуждать про себя.

— Какъ! вскричалъ онъ, у меня въ рукахъ шнага и я не могу отомстить за себя!

Онъ скинулъ взглядомъ пространство, отдѣлявшее его отъ оконъ и отъ земли. Но къ стѣнѣ ему приблизиться было невозможно, а отъ земли онъ былъ саженъ на шесть; по этому ему оставалось только запастись терпѣніемъ. Между-тѣмъ онъ все-таки предварилъ мужа, что разорить до основанія дѣмъ, если онъ не возвратитъ ему свободы. Мужъ опять показался въ оконкѣ и объявилъ ему съ видомъ сожалѣнія, что если онъ будетъ шумѣть, то сбвгнутся все сосѣди и подымутъ его на смѣхъ, какъ жалкаго покатоля приключеній. Латуръ опять обратился къ филозофованію; это было въ чудесную июльскую ночь, которой безмолвіе нарушали только бой часовъ, скрипъ заржавленныхъ флюгеровъ, да мяукаше котовъ. По многимъ покажется, можетъ-быть, невѣроятнымъ, что Латуръ наконецъ не только успокоился, но даже уснулъ.

Когда онъ проснулся, было уже совершенно свѣтло, и нѣсколько крестьянъ гнали на рынокъ своихъ ословъ, потому что день былъ базарный.

— Погляди-ко, Степанъ; вишь какой молодець: висить въ салядной корзинѣ, да еще держитъ шпагу.

— Нешто нынче масляницу празднуютъ въ июль?

— Это Донъ-Кихоть, сражающійся съ ветренными мельницами.

Проснувшись, Латуръ съ ужасомъ увидѣлъ свое «тѣсное положеніе». Хоть крестьянъ разбудилъ всѣхъ сосѣдей, и вслѣдъ за тѣмъ поднялся страшный шумъ. Когда вся эта сволочь высыпала на улицу, тогда проклятая Фламандка бросила несчастнаго влюбленнаго на мостовую.

— Откуда вы слетѣли?

— Съ облаковъ.

Латуръ, въ самый день рассказаннаго нами приключенія, ухалъ: онъ отправился въ Лондонъ, запасшись рекомендательными письмами отъ британскаго посла. Въ столицѣ Англій, гдѣ Рейнольдсъ, «единственный англійскій живописецъ», былъ еще ребенкомъ, Латура ожидали слава и деньги.

Любовь Латура, какъ все на свѣтѣ, имѣла свой конецъ. Лондонъ ему наскучилъ и онъ сталъ уже помышлять объ отъѣздѣ: вспомнивъ, что въ Парижъ ближе отсюда, чѣмъ отъ Сень-Кантена, онъ отправился во Францію съ небольшимъ запасомъ гиней, не сомнѣваясь въ своей будущности. Приѣхавъ въ Парижъ, онъ вздумалъ

выдавать себя за англійскаго живописца, путешествующаго отъ скуки. Онъ явился въ мастерскую Ларжильера въ тотъ самый день когда этотъ художникъ писалъ портретъ Вольтера.

— Я тоже живописецъ, сказалъ Латуръ Ларжильеру, но я живописецъ англійскій, значить, плохой живописецъ. Лучше всего посмотрите сами.

И съ этими словами онъ принялся въ свою очередь писать портретъ Вольтера. Прошло не болѣе двухъ часовъ, впродолженіе которыхъ Латуръ рисовалъ, продолжая разговоръ, и Ларжильеръ сказалъ съ удивленіемъ:

— Ну, милордъ! я рѣшительно отправлюсь въ Лондонъ учиться живописи!

— А я, сказалъ Вольтеръ, непременно ѣду туда учиться мыслить.

Здѣсь кстати замѣтить, что сто лѣтъ тому, во Франціи господствовала ужасная англоманія. Всѣ порядочные люди жили тогда во Франціи, гуляли въ Италіи, влюблялись въ Испаніи, а мыслили въ Англии. Англичанинъ и философъ были почти синонимы. Вотъ почему всѣ великолѣпные маркизы и умники того времени ѣздили въ Англию, по словамъ ихъ, учиться мыслить (*pour y apprendre à penser, — à panser les chevaux!* замѣтилъ Людовикъ-Пятнадцатый)*.

Появленіе Латура въ парижскомъ свѣтъ произвело большой эффектъ; онъ продолжалъ выдавать себя за Англичанина, сыпалъ деньгами и блисталъ умомъ; онъ былъ не дуренъ собой и обладалъ замѣчательнымъ талантомъ. Вольтеръ не успѣвалъ представлять его, до такой степени всѣ искали его знакомства.

Говоря о Буше**, мы упомянули, что изъ французскихъ живописцевъ, Миньяръ первый сталъ писать портреты женщинъ, изображая ихъ не такими, какъ онъ были въ-самомъ-дѣлѣ, а такими, какими хотѣли быть; это было время преобладанія лжи въ искусствѣ. Латуръ, вступивъ на тоже поприще, возвысилъ данное Миньяромъ направленіе тѣмъ, что писалъ женщинъ такими, какъ онъ *были и хотѣли быть*. Подъ его мастерскимъ карандашемъ возникали свѣжія лица и розы и очаровательныя улыбки. Онъ не отступалъ однако жъ ни

* Каламбуръ, основанный на созвучіи словъ: *penser* — значить мыслить, думать; а *panser* — чистить лошадей.

** — Библіотека для Чтенія, 1849 года, декабрь.

на волюсь отъ природы, но это была натура, озаренная лучами поэзии и любви. Оттого въ портретахъ Латура нельзя достаточно надвинуться выраженію жизни, блеску и какой-то неуловимой прозрачности чертъ. И между-тѣмъ, ставя выше всего истинное воспроизведеніе природы, онъ не позволялъ себѣ никакихъ украшеній и ограничивался простымъ и точнымъ подражаніемъ извѣстнымъ формамъ и колориту или краскамъ. Каждый его портретъ, если можно такъ выразиться, есть чистое зеркало природы : въ немъ не только самое первое сходство, но даже свойственное каждому лицу выраженіе, въ которомъ читаешь, какъ въ зеркалѣ, склонности и характеръ внутренняго человека. Артистъ этотъ заботился о вѣрности природы даже въ предметахъ второстепенныхъ : руки, напримѣръ, онъ отдѣлывалъ съ величайшимъ вкусомъ и тщаніемъ.*

Посѣщавшіе мастерскую Латура, глядя на его чудные портреты, составлявшіе какую-то идеальную галерею, спрашивали другъ у друга : «Чья это мастерская : живописца или волшебной феи»? но очарованіе бывало непродолжительно, и въ этихъ идеальныхъ головахъ обыкновенно видѣли только людей. Здѣсь являлось волшебство *искусства*, а не волшебство арабскихъ *сказокъ*. Миньяръ, хотя мастерски владѣвшій кистию, ложно понималъ искусство ; между-тѣмъ какъ Латуръ, вооруженный только карандашемъ, понималъ свое призваніе въ самомъ строгомъ значеніи, и произведеніямъ своимъ умѣлъ сообщать эффектъ, характеръ и жизнь.

Никто не сомнѣвается въ подвижности и измѣняемости человѣческаго лица ; это клавиши, выражающіе все чувства и мысли. Кому не случалось видѣть мгновенное отраженіе ума на лицѣ глупаго человека ? кто не видалъ также, какъ выраженіе глупости безобразить иногда, хотя на минуту, черты человека умнаго ? Лицо можно сравнить съ окномъ, сквозь которое проникаютъ все чувства и страсти, внутреннія и внѣшнія. Извѣстно изреченіе д'Агессо (d'Aguesseau): «мнѣ нужно имѣть только двѣ строчки, написанныя человекомъ, и я его признаю заслуживающимъ висѣлицы». — Примѣняя это изреченіе къ искусству, можно сказать : талантливый художникъ, имѣвъ передъ собой лицо) въ продолженіе двухъ часовъ, можетъ изобразить исторію его склонностей и страстей.

* Galerie des peintres célèbres, par C. Lecarpentier. T. 2. Paris, 1841, — стран. 238.

Поэтому великимъ портретистомъ можетъ почитаться только тотъ живописецъ, который умѣетъ извлекать звуки изъ клавишей, умѣетъ ловить мгновенье, когда лицо оварено прекраснымъ чувствомъ, подобно тому, какъ оно запылываетъ мгновенно яркими лучами солнца. Нѣтъ ни одного лица въ мирѣ, которое хотя на минуту не оварилось бы прекраснымъ выраженіемъ. Въ самомъ безобразіи есть, такъ сказать, воспоминаніе или отраженіе другаго міра, гдѣ все гармонія и красота.

— Когда подумаешь, сказала однажды госпожа дю-Дезанъ, обращаясь къ Латуру въ многочисленномъ собраніи тогдашнихъ остроумцевъ и «*femmes sensibles*», чувствительныхъ женщинъ, — когда подумаешь, что вамъ удалось сдѣлать что-то хорошее изъ лица господа дю-Шатле, поневоля станешь верить въ волшебство живописи; келья надивиться глядя на это превращеніе, въ которомъ невозможно однако жъ не узнать портрета господи дю-Шатле.

— Да, сказалъ Латуръ, — признаюсь, для меня гораздо лучше одвланный мною портретъ маркизы, чѣмъ тотъ, который вы сейчасъ такъ мастерски начертили.

— Эти портреты, и вашъ и мой, оба верны съ оригиналомъ.

— Потрудитесь напомнить мнѣ вашъ.

— Извольте: представьте себѣ женщину высокую и худую, безъ талии и съ узкой грудью, съ толстыми руками, слишкомъ короткими въ сравненіи съ ея страстями, на ножкахъ журавлиныхъ, съ свиною головою, съ носомъ, загнутымъ крючкомъ, съ маленькими зелеными глазами, чернымъ и краснымъ цветомъ лица, съ толстыми губами и съ зубами, которыхъ не достасть по крайней-мѣрѣ половины. Вотъ вамъ фигура прекрасной Эмили, не говоря объ обстановкѣ, золотѣ, драгоценныхъ камняхъ и пудрѣ. Вы знаете, что ей непрѣменно хочется прослыть красавицей и богатой, на перекоръ природѣ и состоянію, между-тѣмъ какъ у ней никогда рубашки нѣтъ на тѣлѣ.

— Ну полно, сказала госпожа Жофренъ, за чѣмъ прятать въ домашнія тайны.

Латуръ спросилъ бумаги и карандаша. И между-тѣмъ какъ продолжали разговаривать о добродѣтеляхъ прекрасной Эмили, онъ старался припомнить ея лицо, отвратительное, когда его подвергнешь строгому анализу, но прекрасное по отблеску ума и выраженію.

Портретъ тотчасъ пошелъ по рукамъ ; въ немъ всѣ узнали пріятельницу Вольтера.

— Но вѣдь ее всѣ точно также узнали и въ бойкихъ чертахъ госпожи де-Дессанъ, сказалъ Латуръ. Это вѣдь отчего : искусство вѣдь всюду, даже въ природѣ первобытной. Нѣтъ льса, горы, ни рѣки — въ которыхъ не было бы отголоска таинственной леззіи ; я ужъ не говорю о цвѣтахъ, которые составляютъ чистое искусство. Самые фрукты могутъ служить чудеснымъ образцомъ формы и колорита. Можно ли, напримѣръ, вообразить себѣ что-нибудь совершеннѣе виноградной кисти или персика? Поэтому нисколько не удивительно, что женщины, которыя суть изящество, вѣнецъ творенія, составляютъ оживленіе природы и искусства, смѣшеніе, въ которомъ однако жъ искусство беретъ перевѣсъ надъ природою. Павелъ Потеръ былъ увѣренъ, что коровы, которыя такъ хороши у него, немножко кокетничали передъ нимъ. — Потеръ, наивный до высokaго и смѣшного ! Женщины кокетничаютъ не только передъ живописцемъ и передъ другими, онѣ кокетничаютъ даже сами передъ собою. Вотъ отъ чего, не смотря на несомнѣнно красивую иногда форму губъ и неопредѣленный цвѣтъ глазъ, женщинамъ всегда удается, граціозной улыбкой и прелестнымъ взглядомъ, исправить природныя недостатки.

Все общество согласилось, что Латуръ былъ правъ.

Мастерскую Латура посвящали болѣе всѣхъ мастерскихъ осемнадцатаго столѣтія. Сюда пріѣзжали и особы, принадлежавшія ко двору. Маршалъ де-Саксъ встрѣчался здѣсь съ принцомъ де-Конти; Гельвецій вступалъ въ пренія съ Жанъ-Жакомъ Руссо. Латуръ всегда почти принималъ участіе въ разговоръ, когда рѣчь шла о философіи и политикѣ. Онъ основательно изучалъ политическія науки, зналъ всѣ ученія философскія и религіозныя. Подобно всѣмъ энциклопедистамъ того времени, онъ былъ твердо убѣжденъ, что Франція будетъ потрясена революціею. Часто, въ Версали, сидя за отдышкой портрета Людовика-Пятнадцатаго или дѣлая въ присутствіи этого короля портретъ какой-нибудь принцессы, Латуръ позволялъ себѣ давать обиняками совѣты или намекалъ на приближавшуюся опасность. При одномъ изъ такихъ разговоровъ король сказалъ достопамятныя слова, сдѣлавшіяся впоследствии историческими.

— Государь, сказалъ Латуръ, восхваляя политику Англіи, у насъ нѣтъ флота (marine).

— Вы забываете флотъ Верне, господинъ Латуръ! * отвѣчалъ король, давъ ему этимъ почувствовать очень ловко и съ достоинствомъ, что онъ мѣшается не въ свои дѣла. Не смотря на то, Латуръ пользовался особенною благосклонностію Людовика-Пятнадцатаго. «Но послѣ меня хоть трава не расти!» (Après moi le déluge), обыкновенно говаривалъ король, оканчивая разговоры подобнаго рода.

Разъ Латуръ завелъ рѣчь о знаменитыхъ полководцахъ послѣднихъ царствованій. Наконецъ онъ остановился на маршала де-Саксъ. Людовикъ-Пятнадцатый сталъ исчислять его побѣды и геройскіе подвиги.

— Да, государь; и послѣ всего этого не грустно ли думать, что маршалъ де-Саксъ, которымъ гордится Франція, столько обязанная ему за истинно великія дѣла, долженъ теперь, на старости, испытывать величайшую бѣдность! Проводя жизнь на войнѣ, онъ сражался за своего короля и за отечество, и ему, разумется, некогда было заниматься собственными дѣлами, отчего они пришли въ крайнее разстройство, въ особенности при неблагонамѣренности плутовъ-управителей.

— Маршала разорили болѣе всего его роскошь и любовь къ гастрономическимъ наслажденіямъ.

— Не знаю, государь; дѣло въ томъ, что бѣдный маршалъ теперь безъ гроша, и не дальше какъ вчера запылъ у меня нѣсколько франковъ. Ваше величество предлагали мнѣ пенсію въ двѣ тысячи ливровъ; я отъ нея долженъ былъ отказаться, по той причинѣ, что у меня денегъ больше чѣмъ нужно; по теперь я осмѣливаюсь просить васъ, государь, отдать пенсію эту маршалу де-Саксу. Только вмѣсто двухъ тысячъ, велите назначить ему двѣсти тысячъ ливровъ.

На этотъ разъ просьба живописца была удовлетворена. Старому воину дана была возможность заплатить долги и выкупить брильянты, украшавшіе его шпагу. Въ наше хваленое филантропическое время не много найдется примѣровъ, чтобъ кто-нибудь не только отказался отъ пенсіи потому только, что обезпеченъ въ средствахъ жизни собственнымъ трудомъ, но еще уступилъ предлагаемую пенсію кому-нибудь изъ друзей своихъ.

* Маріне значить флотъ и картины, изображающія морскіе виды. Въ другомъ мѣстѣ мы говорили, что Юлианъ Верне написалъ въ портъ Франціи.

Виродженіе болѣе пятидесяти лѣтъ, Латуръ имѣлъ свободный доступъ къ французскому двору, гдѣ онъ держалъ себя чрезвычайно благородно и съ достоинствомъ. Онъ постоянно хорошо былъ принимаемъ въ Версали. Въ парижскихъ и версальскихъ салонахъ онъ слылъ большимъ мастеромъ разговаривать. Его слушали съ такимъ же вниманіемъ какъ Шанфора и Ривароля. Чтобъ дать понятіе о тонѣ и направленіи умовъ, господствовавшихъ въ тогдашнемъ обществѣ, гдѣ главною заботою всѣхъ честолюбцевъ было : «хорошенько поужинать въ веселой и хорошей компаніи,» послѣдуемъ за нашимъ артистомъ въ гостиную госпожи де-Коаньи или госпожи де-Граммонъ, или въ другую какую-нибудь знаменитую отель — въ родъ отели Рамбуле. Здѣсь, у каминна, мы найдемъ кружокъ, состоящій изъ трехъ или четырехъ красавицъ. Въ ту пору всѣ слыли красавицами, приобретаая право на это названіе, одніи умомъ, нныя веселымъ нравомъ, нныя любезностію или наконецъ красотою, — средствомъ самымъ простымъ и вѣрнымъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ дамъ разсыяно по гостиной нѣсколько остряковъ, напримѣръ Ривароль и Рюльеръ; далѣе сидитъ какой-нибудь аббатъ и маркизь. Начинаютъ обыкновенно говорить о политикѣ, то-есть, о дворѣ. Госпожа де-Коаньи дѣлаетъ взеромъ знакъ Шанфору; госпожа де-Граммонъ подзываетъ къ себѣ Рюльера; Ривароль уже усвѣлся рядомъ съ госпожею де-Водрейль. — О чемъ говорятъ теперь въ Версали? — Объ аббатѣ Мори, который, подъ видомъ религіозныхъ разговоровъ, даетъ королю уроки политической экономіи и политики, внутренней и внешней. — «Очень жаль, сказалъ король, выходя изъ церкви; еслибъ аббатъ Мори хоть немного говорилъ о религіи, онъ говорилъ бы намъ обо всемъ.»

ГОСПОЖА ДЕ-ВОДРЕЙЛЬ.

Рюльеръ въ размышленіи.

РЮЛЬЕРЪ.

Бьюсь влюбиться.

ГОСПОЖА ДЕ-ГРАММОНЪ.

Любовь похожа на эпидемическія болѣзни : чѣмъ больше ея боишься, тѣмъ хуже.

РИВАРОЛЬ.

А я только изъ того и бьюсь, чтобъ какъ-нибудь влюбиться.

ЛАТУРЪ.

Берегитесь, господинъ Ривароль, вѣдь сношенія мужчинъ съ жен-

цинами очень похожи на сношенія Европейцевъ съ Индѣи: это родъ войны. Для васъ время героизма уже прошло.

ГОСПОЖА ДЕ-КОАВЬИ.

Господинъ де-Ривароль подвизался слишкомъ долго за оперныхъ кулисами, противъ вакханокъ.

РИВАРОЛЬ, дерзкимъ тономъ.

Я бросаю оперныхъ хористокъ потому, что нашелъ въ нихъ столько же обмана, какъ и въ свѣтскихъ женщинахъ.

ГОСПОЖА ДЕ-ГРАММОНЪ, съ иронической улыбкой.

Да, вы говорите о томъ времени, когда вы были женаты: но въ послѣ сильнаго пламени, всегда много дыму.

МАРКИЗЪ.

И что всего печальнѣе — это то, что если человекъ не въ состоянн платить за сердечныя чувства такъ же какъ за благодѣянія, тогда онъ дѣлается неблагодарнымъ.

ГОСПОЖА ДЕ-КОАНЬИ.

Всякое благодѣяніе, которымъ не дорожить сердце — ненавистно. Благодѣяніе можетъ быть предметомъ уваженія, или походить на кости мертвеца. Въ послѣднемъ случаѣ его приходится бросить въ прахъ.

РИВАРОЛЬ.

Мнѣ кажется, что на меня клеветуютъ изподтишка. Вся вина моя состоитъ въ томъ, что женился на одной, я увезъ другую, не давъ первой ничего на содержаніе. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію то, что академія присудила моей женѣ премію за добродѣтель, собственно для того, чтобъ взбѣсить меня. Стало-быть жена мнѣ же этимъ обязана. Но, ради Бога, оставьте это; не напоминайте мнѣ, что я былъ женатъ на моей женѣ.

МАРКИЗЪ.

Самая важная причина для того, чтобъ никогда не жениться — это то, что женщина можетъ обмануть васъ тогда только, когда вамъ принадлежитъ.

РЮЛЬЕРЪ.

Нѣтъ, мнѣ любовь не страшна; это волшебная сказка, которая вѣчно ведетъ насъ, какъ дѣтей, въ закодированный замокъ. Но боюсь женщинъ. Напримѣръ госпожа де-С*** запятнала честь свою для человека, котораго перестала скоро любить за то, что онъ не умѣлъ снять ея пудры.

МАРКИЗЪ.

Госпожа де-Ф^{***} потеряла имя и состояніе для М^{**}; но вѣдь вы знаете, что она вдругъ его бросила за то, что онъ надѣлъ разъ и изнанку чулокъ.

ШАНФОРЪ.

Въ дѣлахъ любви величайшіе безумцы — самыя большіе мудрецы; лучшее средство быть мудрымъ въ этомъ случаѣ — это безумствовать.

АББАТЪ.

Въ любви все ложно, и въ то же время все истинно. Это единственный предметъ, о которомъ нельзя сказать совершенной неистинности.

ГОСПОЖА ДЕ-КОАНЬ.

Значитъ Шанфоръ терялъ напрасно время, когда писалъ афоризмы о любви?

ШАНФОРЪ.

Къ-сожалѣнію, да. Впрочемъ афоризмы, будь они даже Ларошею, имѣютъ такое же примѣненіе къ жизни, какъ рутина къ искусствамъ.

ЛАТУРЪ.

Если удовольствіе основывается на иллюзіи, то счастье покоится на истинѣ. Мнѣ кажется, что человекъ, счастливый только воображеніемъ, похожъ на того, который, взявъ лотерейный билетъ, впередъ считаетъ уже себя богачемъ, — между-тѣмъ какъ человекъ въ-самомъ-дѣлѣ счастливаго можно сравнить съ владѣльцемъ помельшихъ доходовъ.

ГОСПОЖА ДЕ-КОАНЬ.

А градъ? пожаръ? наводненіе? неурожай?

АББАТЪ.

Это счастье медленное и нечувствительное. Оно напоминаетъ мнѣ итаійскую пословицу: лучше сидѣть, чѣмъ стоять; лучше лежать, чѣмъ сидѣть; но лучше всего этого — быть мертвымъ.

ЛАТУРЪ.

Древнѣе, изображая Счастье увѣнчанное масличными листьями, думалъ, безъ сомнѣнія, о счастьи, покоящемся въ гробѣ.

ШАНФОРЪ.

Что касается до меня, то я возстаю противъ поговорок и утверждаю : кто бросаетъ партію, тотъ ее вышгрываетъ.

ГОСПОЖА ДЕ-ГРАММОНЪ.

Потому что вы живете воспоминаемъ ; потому что вы еще получаете любви при одной мысли, что когда-то были влюблены. Неправильно стараются разорвать связь съ жизнью ; мы все-таки живемъ жизнью, а не смертію.

ГОСПОЖА ДЕ-ВОДРЕЙЛЬ.

Я начинаю однако думать, что изъ всехъ насъ, никто рѣшительно не влюбленъ, кромѣ аббата, потому что мы весь вечеръ говорили только про любовь.

ГОСПОЖА ДЕ-КОАНЪ.

Мы сначала хотѣли говорить о политикѣ.

ШАНФОРЪ.

Разговоры можно сравнить съ плаваньемъ по водѣ ; отчаливъ отъ берега почти не чувствительно ; а замѣчаешь, что удался отъ земли тогда уже, когда отплылъ слишкомъ далеко.

Все, что было знаменитаго въ какомъ-бы-то ни было отношеніи, въ періодъ отъ регенства до революціи, — все было представлено въ лицахъ искуснымъ карандашемъ Латура. Придворные, аббаты, военные, литераторы, свѣтскія женщины, актрисы и прочая, все приходило въ мастерскую этого живописца, который былъ истиннымъ историкомъ осемнадцатаго вѣка. Изъ всехъ сдѣланныхъ Латуромъ портретовъ мы назовемъ слѣдующіе. Короля Людовика-Пятнадцатаго, принцевъ крови, академика Дюкло, ла-Шоссе, ла-Кондамина, д'Аламберта, дофина, принца Эдуарда, маршала Беллиа, Монкрифа, принца де-Сакса, графа де-Прованса, Вольтера, Шардена, не говоря о множествѣ другихъ знаменитыхъ людей того времени.

Къ чести артиста надо сказать, что все эти портреты поразительно сходствомъ ; положенія полны простоты и заимствованы изъ привычекъ представленныхъ лицъ ; это полное изображеніе жизни ; притомъ во всехъ этихъ портретахъ мастерская отдѣлка, колоритъ чрезвычайно натуральный, такъ что все эти достоинства много возвышаютъ труды Латура и приобряли имъ право на почетное мѣсто въ лучшихъ коллекціяхъ Европы.

Но Латуръ оставилъ Парижъ и поселился въ Отейль (Auteuil). Отъ

хотѣлъ тамъ остаться навсегда; но въ 82 года имъ овладѣла тоска по родинѣ. Здѣсь ксати сказать, что и въ видръ парижской жизни, онъ не забывалъ своего роднаго городка Сень-Кантена: онъ учредилъ тамъ, на собственномъ иждивеніи, училище рисованія. Сверхъ-того завѣщалъ академіи живописи значительную сумму, для выдачи ежегодно преміи, состоящей изъ золотой медали, тому изъ учениковъ, который лучше всѣхъ напишетъ съ натуры поясной портретъ. Отъ природы склонный къ благотворительности, Латуръ хотѣлъ, чтобъ память сохранилась не только о его талантѣ, но и о добрыхъ его дѣлахъ. Въ Сень-Кантенѣ бѣдные дѣти, безпріютныя женщины и старики произносили съ признательностію его имя. На предметы благотворенія отдано было имъ въ распоряженіе мѣстныхъ властей болѣе ста тысячъ франковъ. Кромъ-того на рисовальное училище, о которомъ мы сейчасъ говорили, внесено было въ банкъ пятьдесятъ тысячъ франковъ. Невозможно лучше употребить состоянія, приобретеннаго трудами и талантомъ, и дать собратамъ своимъ по искусству болѣе благородный примѣръ для подражанія. Когда ему, говорили иногда о его великодушіи: «Еще ничего не сдѣлано, если остается что-нибудь одѣлать».

Наконецъ онъ отправился въ Сень-Кантенъ. «Мнѣ хочется, говорить онъ славному композитору Глюку, прѣхать къ сердцу скрипку моего отца, потому что, какъ говорятъ наши Нѣмцы, онъ оставилъ въ ней свою душу.»

Его приняли въ Сень-Кантенъ такъ, какъ приняли бы развѣ самого Людовика-Четырнадцатаго. Двадцать перваго іюня 1784 года возвращеніе было его празднѣ; этотъ день принадлежитъ исторіи. Вотъ, между-прочимъ, разсказъ свидѣтеля торжества, де-Бюссели д'Эстрѣ, читанный имъ не болѣе десяти лѣтъ тому въ Сень-Кантенской академіи: «Все народонаселеніе бросаетъ свои обычныя занятія, все принимаетъ враздичный видъ, дѣвицы украшаются цвѣточными вѣнками, гремитъ пушечные выстрѣлы, раздается звонъ колоколовъ. Улица, по которой онъ долженъ вѣхать, биткомъ набита: всякому хочется первому привѣтствовать дорогаго земляка. Городское начальство, въ знакъ общей признательности, подноситъ Латуру дубовый вѣнецъ. Художникъ нашъ принимаетъ это приношеніе съ умиленіемъ. Я живо помню волненіе и радость, сопровождавшія это достопамятное тор-

жество. Вечеромъ весь городъ блисталъ огнями, начиная съ зданія городской ратуши, до скромнаго окна ремесленника.»

Оставшись наединѣ съ своимъ старшимъ братомъ, Латуръ спросилъ, гдѣ скрипка его отца? Въмсто отвѣта братъ засмѣялся: добрякъ всю жизнь не могъ взять въ толкъ, что игра на скрипкѣ можетъ быть занятіемъ серьезнымъ. Однако жъ, уступая настояніямъ Латура, онъ вытащилъ изъ стариннаго дубоваго шкапа несчастную скрипку, съ оборванными струнами и сломаннымъ смычкомъ.

Латуръ съ благоговѣніемъ принялъ наслѣдіе отца, преклонилъ передъ нимъ колѣни и прижалъ къ сердцу.

— Береги ее, братъ, сказалъ онъ: если мной овладѣла тоска по родинѣ, то, конечно, въ этомъ виновата была отчасти и эта скрипка. Когда мнѣ было двадцать лѣтъ...

И онъ уносился воспоминаніемъ къ своей первой молодости: такъ путникъ, жаждущій прохладной тѣни, кидается въ лѣсъ, опушенный первыми весенними листьями.

Онъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ въ Сенъ-Кантенъ и умеръ передъ самой революціею. Надгробная надпись гласитъ: «Добрый гражданинъ, обладавшій возвышеннымъ и просвѣщеннымъ умомъ, сердцемъ правдивымъ и великодушнымъ,» и прочая; тридцать двѣ строки похвалы, облеченныхъ въ надутыя фразы. Въмсто всего этого, написать бы просто: «Здѣсь поконится прахъ Латура», и ни слова болѣе, потому что съ этимъ именемъ соединяется память о человѣкѣ и артистѣ.

Въ заключеніе остается намъ прибавить, что произведенія Латура у насъ чрезвычайно рѣдки, что надобно, конечно, приписать тому обстоятельству, что онъ писалъ исключительно сухими красками, на которыя, какъ извѣстно, переменчивая погода имѣетъ самое вредное вліяніе. Гравюры съ портретовъ этого художника также попадаются не часто, потому что самые портреты имѣютъ, какъ мы видѣли, болѣе мѣстный интересъ и распространены преимущественно во Франціи.

Д. МАЦКЕВИЧЪ.

ИСКУССТВО ДРЕВНЕ-ИТАЛІЙСКОЕ И ОСОБЕННО ЭТРУССКОЕ.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

Подобно большей части храмовъ, различныя *галереи*, назначенныя для цѣлей публичной жизни, принадлежать по своей формѣ преимущественно греческому архитектурному стилю. Но какъ эти галерейныя зданія у Римлянъ должны были удовлетворять несравненно большому числу практическихъ потребностей, то они въ своемъ устройствѣ и въ соединеніи другъ съ другомъ и съ прочими архитектурными произведеніями приобрѣли столько новыхъ особенностей, получили такой величавый характеръ, что въ нихъ уже ярко проявилась обработка, принадлежащая исключительно римскому искусству.

Къ такимъ произведеніямъ относятся во-первыхъ новыя *базилики*, построенныя во время Юлія Цезаря, въ половинѣ послѣдняго вѣка до Рождества Христова, по бокамъ главнаго римскаго форума, и въ послѣдствіи нѣсколько разъ возобновлявшіяся. Онѣ заступили мѣсто прежнихъ базиликъ, строенныхъ въ первой половинѣ втораго вѣка, и безъ всякаго сравненія превосходили ихъ пышностью. Таковы бы-

бы : Basilica Julia, начатая Цезаремъ, оконченная Августомъ и послѣ перестроенная въ обширнѣйшемъ размѣрѣ; — Basilica Fulvia, выстроенная Павломъ Эмилиемъ въ 54 году до Рождества Христова, на мѣстѣ старой базилики того же названія, и соединенная съ нею Basilica Aemilia, построенная тѣмъ же Павломъ и оконченная въ 31 году до Рождества Христова, перестроенная черезъ двадцать лѣтъ, и вторично черезъ тридцать-пять лѣтъ. Объ ея великолѣпнѣи разсказывается у древнихъ писателей, какъ о чудѣ. — Здѣсь мѣсто поговорить подробнѣе объ устройствѣ римскихъ базиликъ. Кажется, оно было весьма различно, но сходствовало въ томъ, что обыкновенно продолговатое пространство, обнесенное колоннами, служило для торговыхъ сдѣлокъ, а къ нему примыкала особая зала, мѣсто судебныхъ засѣданій, такъ называемый трибуналъ. Трибуналъ у Римлянъ устроивался всегда полукружіемъ и вообще занималъ верхнюю сторону залы, напротивъ входа. Отъ подобныхъ зданийъ уцѣлѣло весьма немногое, по чему мы могли бы судить о подробностяхъ. Подробности преимущественно мы знаемъ изъ Витрувіева извѣстія (въ Августовъ вѣкъ) объ одной базиликѣ, которую онъ построилъ въ Фанонѣ. * Это зданіе было окружено стѣнами; колоннады раздѣляли его на три части и поддерживали крышу средней части; въ боковыхъ же частяхъ были сдѣланы галереи, которыхъ потолки поддерживались мелкими пиластрами на задахъ колоннъ (по два, одинъ надъ другимъ), — устройство, конечно не очень эстетическое. Такимъ же образомъ, въ главныхъ чертахъ была устроена *цолпейская* базилика, только средняя ея часть была не покрыта, на манеръ гипетральнаго храма. Высѣченный на мраморныхъ доскахъ планъ Рима, уцѣлѣвшій къ сожалѣнію только въ обломкахъ, представляетъ между-прочимъ нѣсколько очертаний базиликъ: важнѣе всѣхъ изъ нихъ очертаніе названной выше Эмилиевой базилики, которая имѣетъ двойную колоннаду по бокамъ и передъ трибуналомъ, слѣдовательно представляетъ пять частей.

Но римскій форумъ, съ его пышными строеніями былъ далеко недостаточенъ для публичныхъ потребностей быстро возрастающаго народонаселенія. Еще въ началъ республиканскаго періода, по разнымъ частямъ города были устроены небольшія *площади для потребностей*

* Витрувій, V, гл. I.

ежедневной жизни. Полная, правильно обстроенная площадь устроена въ 177 году до Рождества Христова, подъ названіемъ *Maeclium* павильонъ, на Целійской горѣ. Августъ завелъ новую, подъ именемъ *Maeclum Libiae*, на Эмилианской горѣ. Эти площади состояли изъ четырехугольной плоскости, обнесенной однорусными или многорусными галереями, и посрединѣ имѣли возвышеніе для божества или для жертвоприношеній. На великолѣпныхъ площадяхъ возвышеніе иногда накрывалось большимъ куполомъ. Такъ называемый *памятникъ* подлѣ *помпейскаго* форума должно считать за такое *Maeclium*. Веселой живописью своихъ стѣнъ, павильонъ даетъ также понятіе о богатой художественной отделкѣ, какая бывала вообще въ этихъ зданіяхъ. Вслѣдствіи форумъ сталъ недостаточенъ и для публичныхъ народныхъ собраній. Юлій Цезарь составилъ планъ построить для этой цели новое колоссальное зданіе на Марсовомъ полѣ. Это была такъ называемая *Septa Julia*, приведенная къ окончанію при Августѣ: площадь въ 5,000 футовъ въ окружности, обнесенная мраморными стѣнами, съ большими колонными галереями вокругъ и украшенная разнообразными произведеніями пластическаго искусства.

Столь же недостаточны были базилики форума для возрастающаго ежедневно множества судебныхъ процессовъ (главной страсти тогдашнихъ Римлянъ) и для всего многосложнаго пріята писцовъ и чиновниковъ. Цезарь озаботился удовлетворить и эту потребность величавымъ образомъ; онъ устроилъ особый *парадный форумъ*, обнесенный колонными галереями, позади которыхъ находились залы публичныхъ писцовъ и магистратскихъ чиновниковъ, съ трибуналами для судей. Посрединѣ стоялъ величественный храмъ, сообщавшій цѣлому печатъ высшаго достоинства. Храмъ былъ посвященъ Венерѣ Родительницѣ (*Genitrix*). Остатки нини храмоваго кумира и другіе архитектурные обломки находятся въ такъ называемомъ *Tog de' Santi*. Мысль Цезаря нашла себѣ послѣдователей въ прочихъ императорахъ, и парадные форумы, ими устроенные, принадлежатъ къ самобытнѣйшимъ произведеніямъ римской архитектуры. Непосредственно за Цезаревымъ, следовалъ парадный форумъ *Августа*. Мы уже говорили о храмѣ Марса-Мстителя, находившемся посрединѣ его. Кроме остатковъ этого храма, уцѣлели еще значительныя части стѣнъ, окружавшихъ Августовъ форумъ, особенно видны въ не-

го ворота, такъ называемыя *Arco de' Pantani*. Третій форумъ, *Forum Transitorium*, построенъ Домиціаномъ, для сообщенія между Цезаревымъ и главнымъ римскимъ форумомъ; особенность его составляли разныя дороги, которыя шли черезъ него (оттуда и названіе его), и стоявшій посрединѣ храмъ Януса. — Четвертый форумъ *Нервы* или *Forum Palladium*, служилъ также для сообщенія воишь поименованныхъ форумовъ. Самъ онъ собственно состоялъ только изъ двора, обнесеннаго колоннами, съ храмомъ Минервы. Колонны коринтскаго ордена шли вдоль стѣны и каждая имѣла загнутую снаружы перекладину. Двѣ такія уцѣляли досель, подъ названіемъ *Colonnasse*. Храмъ былъ болынею частію еще цѣлъ въ шестнадцатомъ столѣтіи и известенъ по одному старинному архитектурному рисунку.

Всѣ эти зданія превосходилъ *Траяновъ форумъ*, построенный, какъ говорятъ, Аполлодоромъ Дамасскимъ. Онъ начинался подлѣ Августова форума и тянулся на значительное разстояніе между капитолинской и квиринской горами. Триумфальная арка вела на болыную площадь форума, по срединѣ котораго стоялъ храмъ Траяна, а по сторонамъ были зданія библіотеки. За этими зданіями находились особыя строенія, служившія для ограды подошвы горъ капитолинской и квиринской. Отъ такихъ строеній уцѣляли на квиринской горѣ такъ называемыя (ошибочно) *бани Павла Эмилиа*, назначенныя, вѣроятно, для сторожеваго поста. Напротивъ форума находилась величавая *Basilica Ulpia*, зданіе о пяти частяхъ, раздѣленныхъ колоннадами, крытое бронзою, и причислявшееся къ великолѣпнѣйшимъ римскимъ зданіямъ. На задней сторонѣ базилики лежали два малые храма, посвященные отцамъ Траяна и Нервы, а между ними шелъ небольшой дворъ, обнесенный колоннами, среди котораго стояла исполнская *Траянова колонна*, воздвигнутая императору сенатомъ въ 112 году. Подъ нею покоился прахъ Траяна, а на ней стояла его статуя. Колонна, съ ея богатымъ пластическимъ украшеніемъ цѣла до-сихъ-поръ. Адрианъ расширилъ это зданіе; при немъ примкнулась сюда новая площадь, съ колоссальнымъ храмомъ посрединѣ, посвященнымъ Адриану римскимъ сенатомъ. Вторая триумфальная арка замыкала громадное зданіе.

Такимъ образомъ, Траяновъ форумъ доведенъ былъ до начала *Марсова поля*. Тутъ онъ соединялся съ колоссальнымъ форумомъ

Septa Julia. Но эта непомерная пышность и блескъ все еще казались недостаточными надменному духу римскихъ владыкъ. При врсемникахъ Адриана, въ половинѣ и въ концѣ втораго вѣка, по другую сторону форума *Septa*, воздвигся новый рядъ великолѣпныхъ галерей, храмовъ, базиликъ, триумфальныхъ колоннъ и триумфальныхъ арокъ. Таковы: *Колонна Антонина Кроткаго*, отъ которой уцѣлѣлъ (въ Ватиканѣ) только мраморный постаментъ, *Колонна Марка Аврелія*, стоящая до-сихъ-поръ на своемъ мѣстѣ, и рядъ колоннъ, вознедшихъ въ фасадѣ нынѣшней Доганы, вѣроятно остатокъ храма или базилики Марка Аврелія. Въ этихъ произведеніяхъ однако видны уже признаки упадающаго вкуса.

Кромѣ изчисленныхъ обширныхъ зданій, замѣчательны еще нѣсколько строеній. Таковы: *Atrium Libertatis*, зданіе, сооруженное Августомъ и вмѣщавшее въ себя библіотеку и бюсты писателей; *Digibitorium*, зданіе того же времени, обширное и съ кровлею; *портикъ Октавіи*, близъ Марцеллова театра, построенный также Августомъ. Уцѣлѣла еще часть коринтскаго пропілея, ведшаго въ *портикъ*; впрочемъ она принадлежитъ перестройкѣ Септимія Севера.

Послѣ парадныхъ форумовъ Юлія Цезаря и императоровъ, самыми оригинальными и величественными изъ римскихъ зданій были *термы*. По назначенію, они подходили къ греческимъ гимназіямъ.

Въ гимназіяхъ разныя залы для тѣлесныхъ упражненій соединялись съ залами для купанья и другими покоями, назначавшимися для ученыхъ бесѣдъ. У Римлянъ главное мѣсто занимала идея купанья.

Горячія, теплыя и холодныя ванны были устроены въ искусномъ сочетаніи; залы для холоднаго и теплаго купанья превратились въ настоящіе пруды для плаванія; прочія комнаты также получили колоссальный размѣръ. Устройство свода въ различныхъ его видахъ нашло здѣсь самое разнообразное примѣненіе. Но этимъ отнюдь еще не ограничивалось значеніе *термы*, напротивъ, тутъ съ купаньемъ, составлявшимъ одно изъ главѣйшихъ наслажденій римской жизни, было соединено все, что могло служить для веселья жизни, для покойной праздности; всѣ игры и забавы, порождаемая прихотью, все, что прельщало взоръ и чувство. Властители строили *термы* для народа, которому былъ открытъ свободный доступъ ко всѣмъ этимъ забавамъ. *Термы* въ идеѣ, по назначенію, они составляли совершенную противоположность съ греческими гимназіями. Ихъ названіе

(теплые ванны) произошло безъ сомнѣнія отъ названія теплыхъ минеральныхъ источниковъ, при которыхъ (какъ и теперь) находились роскошнѣйшія заведенія для наслажденія жизни, во которые доступны были только богатымъ людямъ. Общее назначеніе термъ было необходимымъ колоссальнѣй размеръ зданій и собраніе многочисленныхъ матеріаловъ и произведеній искусства. Развалины ихъ известны прѣсками лучшихъ антиковъ. Частная назначенія были различны, смотря во господствующей модѣ; отчего чрезвычайно трудно, почти невозможно опредѣлить въ подробности назначеніе залъ содержащихся въ термахъ.

Первыя термы заведены въ Римъ Агриппою, въ царствованіе Августа. Къ нимъ-то принадлежало обширное зданіе Пантаона. — Въ ту же эпоху построены термы цезарей Каія и Луція; къ нимъ кажется принадлежить замѣчательная архитектурная развалина, известная подъ именемъ храма *Минеры Цѣлительницы* (*Minerva Medica*). Это десятистороннее зданіе, съ полукруглыми нишами и арковыми окнами по боковымъ стѣнамъ, крытое сводомъ, сохраняющимъ десятистороннюю форму. Форма десятиугольника была способна круглой для чистоты отдѣлки зданія; этотъ куполъ, послѣ купола Пантаона, величайшее изъ всѣхъ известныхъ намъ римскихъ зданій. Прочія термы, которыхъ остатки уцѣлвали — суть термы *Тита*, термы *Каракаллы* первыхъ годовъ третьяго вѣка, и *Диоклеціана*, начала четвертаго вѣка. Термы Каракаллы и Диоклеціана отличались отъ всѣхъ прочихъ величиною и великолѣпіемъ. Въ Диоклеціановыхъ термахъ было три тысячи ваннъ; главное зданіе ихъ обращено Микелемъ-Анжеломъ въ церковь *S. Maria degli Angeli*, а круглое зданіе, служившее оградой термъ, въ церковь *S. Bernadino*.

Послѣ термъ слѣдуетъ замѣтить сходныя съ ними, но гораздо менѣе важныя зданія, *нимфеи*, сады съ архитектурно обстроеными ручьями и лужайками, также подававшие поводъ къ богатой художественной отдѣлкѣ. Два остатка ихъ, уцѣлвшіе отъ позднѣйшей эпохи римскаго искусства, суть *нимфей Александра Севера*, близъ церкви *S. Croce in Gerusalemme*, и такъ называемый *гротъ Эгеріи*, нынѣшней Альмона, небольшого притока Тибра.

Далѣе замѣтимъ, что кромѣ купаленъ, находившихся въ термахъ, въ самомъ Римѣ и во всѣхъ мѣстахъ римскаго быта существовало множество купальныхъ заведеній, содержимыхъ частными лицами.

Разумается, художественное украшение было тутъ вещью постороннею, хотя заведешя для разныхъ родовъ купанья всегда были довольно большого размера и пещужды нѣкотораго великолѣпія. Въ примѣръ можно привести помпуйныя уже помпейскія купальни и купальни въ Баденвейлерѣ, въ Германіи (въ верхнемъ Брайзахѣ).

Столь же блистательны и величавы были зданія, воздвигавшіяся для зрѣлища и игръ. Въ сущности они строились по образцу греческихъ зданій подобнаго рода; однако жъ въ нихъ въ полной своей самобытности проглядываетъ и духъ римскаго искусства. Римскіе амфитеатры отдавали много разнообразіе греческихъ, устроивались гораздо тщательнѣе для удобства и помѣстительности зрителей, и имѣли самобытную архитектуру. Въ греческихъ амфитеатрахъ заботились преимущественно о томъ, чтобы приискать для нихъ устройства прилично покатую мѣстность, а оттого въ нихъ не могло проявляться никакой особенной вышней архитектуры. Римскія зрѣлищныя зданія напротивъ, возводились обыкновенно на равнинахъ и состояли изъ крытыхъ сводами, настроенныхъ одно на другое мѣсть, и потому вышность ихъ представляла многосложное цѣлое изъ столбовъ и полукруглыхъ отверстій. Въ сущности, по расположенію частей, римскіе театры были сходны съ греческими; только сцена, для помѣщенія актеровъ, была у нихъ глубже. Значительныя театральныя зданія являются въ Римѣ уже въ первой половинѣ послѣдняго столѣтія до Рождества Христова; они строились, хотя и великолѣпно, но только на время представленія, и изъ дерева. Примѣчательнѣйшая изъ построекъ этого рода была возведенная М. Эмилиемъ Скавромъ въ 60 году до Рождества Христова, какъ говорятъ на 80,000 (?) зрителей. Сцена тутъ состояла изъ трехъ ярусовъ, украшенныхъ 360 колоннами, за которыми стѣна внизу была выложена мраморными плитами, посрединѣ стекломъ (стеклянной мозаикою), а сверху позолоченными досками. Кромѣ-того, на украшеніе театра пошло 3,000 мѣдныхъ статуй, множество картинъ и ковровъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, трибуны Куріонъ построилъ два большіе деревянные театра, одинъ подле другаго. Они стояли на каткахъ и по окончаніи сценическихъ игръ, еще наполненные народомъ, придвигались другъ къ другу въ такимъ-образомъ составляли амфитеатръ, въ которомъ происходила боя. Первый каменный театръ, на 4,000 зрителей, построенъ Помпеемъ; ступени его возводили къ храму Венеры Побѣдитель-

ницы (*Victrix*), и такннть-образомъ весь театръ составлялъ какъ бы фундаментъ храма. Отъ эпохи Августа уцѣлѣлъ въ Римѣ Марцеловъ театръ. Его сводчатыя мѣста для зрителей открываются наружу двумя рядами аркадъ съ дорическими и іоническими полуколоннами, въ которыхъ находимъ простую изящную отдѣлку римскаго стиля. Далѣе, въ числѣ уцѣлѣвшихъ театровъ можно указать на остатки театровъ Помпеи, на театръ въ Габалѣ въ Сириѣ, и прочая.

Амфитеатры, служившіе для зрѣлищъ кровавыхъ битвъ звѣрей и людей, были не въ духъ кроткихъ греческихъ нравовъ; созданіе этихъ зданій принадлежитъ италійскому искусству и перешло къ Римлянамъ отъ Этрусковъ, только въ болѣе колоссальныхъ размѣрахъ. Римскіе амфитеатры состояли изъ большой сцены, арены, чаще всего эллиптической формы, съ скамьями для зрителей вокругъ, возвышавшимися одна надъ другою. Первый значительный амфитеатръ построенъ въ Римѣ Юліемъ Цезаремъ; но онъ былъ еще деревянный. Первый каменный амфитеатръ построенъ при Августѣ, Статиліемъ Тавромъ. — Но славнѣе всѣхъ былъ Флавіевъ амфитеатръ, начатый Веспасіаномъ и оконченный Титомъ, въ 80 году по Рождествъ Христовъ. Онъ въ просторѣчнн назывался *Колосеемъ* (*Colosseum*), вѣроятно отъ находившагося неподалеку Неронова колосса. Подъ этимъ названіемъ онъ сохранился до-сихъ-поръ, оставаясь самой огромной развалиною отъ всей римской древности. Длина его 591 футъ, ширина 508 футовъ (арена 273 и 173 фута); высота первоначально была больше 180 футовъ. Въ немъ помѣщалось до 87,000 зрителей. Во внутренности его самыя верхнія мѣста были обнесены величественнымъ вѣнцомъ изъ колоннъ. Снаружи, крытыя сводами пространства подъ мѣстами зрителей открываются тремя рядами аркадъ (по 80 въ каждомъ ряду), съ полуколоннами дорическаго, іоническаго и коринтскаго ордена. Надъ самымъ верхнимъ рядомъ есть еще цѣпь коринтскихъ пиластръ. Главный карнизъ прикрывалъ обитыя мѣдью мачты, которыя лежали на консоляхъ, и на которыхъ укрѣплялся громадный навѣсъ отъ солнца, нерѣдко отдѣланный съ баснословнымъ великолѣпнѣмъ. Арена составляла помость, утвержденный на прочномъ фундаментѣ; тутъ, смотря по надобности, бывали самыя различныя устройства для представленій. Изъ амфитеатровъ, уцѣлѣвшихъ въ другихъ мѣстахъ, преимущественно укажемъ на амфитеатры Пом-

нии, Капуи, Вероны, Полы и Нима. Последний замѣчательнѣе оригинально хорошей архитектурой.

Амфитеатръ, называемой *навмахію*, представляетъ громаднѣйшее зданіе, гдѣ арена составляла пространнѣйшій бассейнъ, назначеннѣйшій для представленія морскихъ битвъ. Первая навмахія построена Юліемъ Цезаремъ; вторая, побольше, Августомъ, на мѣсть Цезаревой (ея бассейнъ имѣлъ 1,200 футовъ ширины, и 1,800 футовъ длины). Третью навмахію, также кажется на мѣсть прежней построилъ Домиціанъ. Траянъ ее разрушилъ.

Римскій циркъ походилъ на греческій стадіонъ или гипподромъ, кромѣ нѣкоторыхъ особенностей во внутреннемъ устройствѣ. Такова наприимѣръ была *спина* (*spina*), продолговатое возвышеніе, проходившее посрединѣ цирка и служившее для опредѣленія числа конповъ въ риставіи соперниковъ. На *спинѣ* находились разныя архитектурныя и пластическія произведенія. По концамъ ея были такъ называемыя *меты* (*metae*), цѣля, на которыхъ стояли небольшіе, острые конусы (древне-италийской формы). Циркъ былъ назначенъ преимущественно для ристанія колесницъ и всадниковъ; однако жъ служилъ также амфитеатромъ и навмахію, мѣстомъ для плясокъ, для народныхъ собравій, и такъ далѣе. — Знаменитѣйшій циркъ въ Римѣ былъ *Circus-maximus*, устроенный во времена царей, распространенный и увеличенный Цезаремъ и потомъ Траяномъ. Уцѣлѣли только развалины отъ *Миксенціева цирка*, называемаго обыкновенно циркомъ Каракаллы, построеннаго въ началѣ четвертаго вѣка по Рождествѣ Христовѣ. Этотъ циркъ имѣлъ 1482 фута длины и 244 фута ширины.

Мостовая архитектура съ своими могучими арками получила въ римскомъ зодчествѣ величаво-художественный характеръ. Надъ столбами мостовъ, между арками, помѣщались разныя изящныя пластическія произведенія; по краямъ мостовъ становились легкія колонны и статуи, на концахъ воздвигались арки.

Образцами уцѣлѣвшихъ произведеній могутъ служить: довольно простой мостъ *Pons Aelius* (нынѣ мостъ Санъ-Анджело); красивый мостъ *Ponte rotto* (*Pons Palatinus* или *Senatorius*) въ Римѣ; столь же красивой отдѣлки мостъ Августа въ Римини.

Далѣе къ характеристикѣ физономій римскихъ городовъ, особенно самаго Рима, принадлежатъ *водопроводы*, строенныя въ этотъ періодъ времени по-большой-части на поверхности земли, на безчислен-

щухъ арнахъ, иногда на несколькихъ ярусахъ арокъ. Римскіе водопроводы пригоняли воду съ соседнихъ возвышенностей, часто на большомъ разстояніи. Не щеголяя высокой художественной отделкою, они при отличномъ устройствѣ для хода воды, для ея чистоты и свежести, производили самый оригинальный живописный эффектъ.

Большія *содохранннлнца* внутри города также отличались разнообразными художественными украшеніями; разке кань и колодезя, находившіеся на публичныхъ площадяхъ. Одинъ Агриппа имѣлъ 700 такихъ колодезей (въ томъ числѣ 105 фонтановъ), двѣстиль въ Римѣ и украшенныхъ 300 статуей и 400 мраморныхъ колоннъ. Остатокъ подобнаго колодца сохранился близъ Камоллея; это такъ называемая *Meta Sudans*, состоящая изъ обширнаго сложеннаго изъ кирпичей конуса, откуда струя воды была на значительную высоту; снизу конусъ имѣлъ нѣсколько выуклостей, на которыхъ падала, вода образовывала каскады.

Монументы за заслуги занимаютъ важное мѣсто въ римскомъ искусствѣ и чрезвычайно разнообразны. Къ нимъ можно отнести и надгробные памятники.

Изъ монументовъ за услуги замѣтитъ во-первыхъ *колонны*. Онѣ издавна воздвигались въ Римѣ въ честь побѣдителей. Въ воспоминаніе морскихъ побѣдъ колонна украшалась оригинальнымъ образомъ, корабельными вогами и якорями. Это такъ называемая *solimna regata*, которой видъ однако жъ не слишкомъ художественъ. Уцѣли почетныя колонны не очень великокопной отдалки: колонна Менадра въ Милазъ, въ Каріи, времяшъ Тиверія; колонна Александра Севера въ Антиноу въ Египтѣ. Всѣ три колонны коринтскаго ордена; вторая изъ нихъ имѣетъ надъ базою вѣнецъ высокихъ, поднятыхъ сверху акантовыхъ листьевъ, — форма, которая кажется очень приличною для одиноко стоящей колонны. За ними слѣдуетъ названная выше колонна Антонина-Кроткаго въ Римѣ. Напротивъ, съ отличной роскошью отъеланы колонны *Трална* (въ 92 фута вышины) и *Марка Аврелія*, въ Римѣ. Онѣ получаютъ свое значеніе преимущественно отъ окружающихъ зданій, изредка которыхъ живописно возносятся вверхъ. По главной формѣ, онѣ до-рическаго образованія. Около-нихъ стережкней вьются до самаго верху ленты съ рельефными изображеніями, представляющими победы чествоваемыхъ лицъ. Кань ни блестяще это украшеніе, но оно есть уже

живый призрак охлажденія художественнаго чувства: барельефы съ одной стороны разрушаютъ оригинальность колоннъ, а съ другой сами ни модъ какими видомъ не обращаютъ на себя большого вниманія, следовательно и не производятъ дѣйствительнаго впечатлѣнія.

Важнѣйшіе триумфальные памятники суть арки или ворота. Форма ихъ взята съ городскихъ воротъ со сводомъ; при сооруженіи триумфальныхъ воротъ лежитъ въ основаніи постоянно идея воротъ, все равно, воздвигаются ли они въ награду за благодѣянія, оказанныя странѣ (особенно они воздвигались за устройство важныхъ дорогъ, и тогда ставились при началѣ ихъ), или съ целью напоминать торжественное шествіе прославленнаго побѣдителя. Они составляютъ исключительную собственность римскаго искусства и выказываютъ его во всемъ величіи. Громадность массы триумфальныхъ воротъ, величавое спокойствіе, выражаемое дуговой формою, разнообразное раздѣленіе, въ которомъ представляется поводъ къ богатому пластическому украшенію, площадка на верху, гдѣ ставились большія статуи, особенно квадриги, все это способствуетъ самому величественному монументальному эффекту. Полуколонны, либо вольно выступающія впередъ колонны съ перекладинами, вообще образуютъ обрамку арки; надъ нею же возвышается аттика, на которой сдѣлана надпись и стоятъ статуи. Богатѣйшая отдѣлка и богатѣйшее украшеніе находятся въ *триумфальныхъ аркахъ*.

Въ послѣдніе времена римской республики, какъ выше сказано, уже воздвигались триумфальные арки; но изъ нихъ не уцѣлело ни одной. Изъ числа известнѣйшихъ намъ, самыя древнія суть *Августовы*. Ему поставлены были двѣ арки за возстановленіе большой Фламиніевой дороги. Изъ нихъ уцѣлела одна въ Римини (простое красивое зданіе); другая въ Сузъ, въ Пьемонтѣ, третья въ Аостъ, при подножьи Альпъ. Последняя воздвигнута за побѣду. Но ни которая изъ нихъ не имѣетъ особой важности. — За ними слѣдуютъ двѣ Траянскія арки: одна въ эвксинской гавани, зданіе прекрасной отдѣлки, сооруженное за возстановленіе гавани, другая въ Боннонѣ, поставленная за поправку Аппіевой дороги. — Къ лучшему времени римскаго искусства принадлежитъ арка Сергіевъ въ Поль, въ Истріи. Двойныя коринтскія полуколонны по сторонамъ арки, придаютъ ей оригинально-могучій характеръ.

Далѣе, особенно замѣчательны трое *триумфальныхъ воротъ*, уцѣлѣвшія въ Римѣ. Древнѣйшія изъ нихъ Титовы, похожія главнымъ своимъ устройствомъ на арку Сергіевъ, о которой мы сейчасъ говорили, но отдѣланныя не столь энергически, хотя и не безъ вкуса. Полуколонны имѣють римскія капителя лучшаго развитія этой формы; двѣ другія триумфальныя арки суть Септимія Севера и Константина; это два большія зданія, состоящія каждое изъ однихъ главныхъ и двухъ меньшихъ боковыхъ воротъ, между которыми и подлѣ которыхъ выступаютъ вольно стоящія колонны, назначенныя первоначально для постановки на нихъ статуй. Въ аркѣ Константина видна болѣе благородная отдѣлка, изящнѣйшія пропорціи, удачное мѣстное раздѣленіе. Это не удивительно, не смотря на позднюю эпоху Константина (четвертое столѣтіе); потому что арка построена по большей части изъ остатковъ одной *траяновой* арки и конечно скопирована съ нея во всемъ своемъ устройствѣ (позднѣйшія части арки очень грубой работы). Арка Септимія Севера, строенная въ 203 году, по стилю и отдѣлкѣ уже гораздо ниже Константиновой. — Вслѣдъ за нею можно замѣтить небольшія почетныя ворота, воздвигнутыя тому же Септимію Северу купцами и мѣнялами на площади *Fogium Voagium*. Но тутъ арки нѣтъ, а крыша воротъ прямая. Избытокъ пластическихъ и другихъ украшеній показываетъ какъ грубую работу ихъ, такъ и начавшійся уже упадокъ вкуса.

Еще двое торжественныхъ воротъ со сводами носятъ признаки стремлевія соединить устройство въ стилѣ греческой архитектуры съ формою дуги, тѣснѣе, чѣмъ обыкновенно бывало въ римскомъ искусствѣ. Они принадлежатъ къ эпохѣ Адріана, при которомъ и въ другихъ зданіяхъ проявилось преобладаніе греческаго вкуса. Одни ворота находятся въ Аѳинахъ* и составляютъ точку соединенія стараго города съ новопостроеннымъ, Адріановымъ городомъ. Другія въ Египтѣ, въ Антиноѣ**, также основанныя Адріаномъ. Тѣ и другія, особенно же послѣднія, отнюдь не отличаются высшей гармонической отдѣлкою. — Торжественныя ворота со сводамъ, простѣйшей и лучшей отдѣлки въ греческомъ вкусѣ, находятся на маломъ оазѣ въ Египтѣ, въ Эль Касрѣ***.

* Аѳинскія древности, III.

** Description de l'Égypte, Ant. IV.

*** *Caillaud, Voyage à Méroé, II.*

Въ прочихъ римскихъ провинціяхъ (особливо во Франціи) также уцѣлело нѣсколько торжественныхъ воротъ и триумфальныхъ арокъ, которыя однако жъ построены не въ столь чистомъ вкусѣ и по большей части принадлежатъ эпохѣ упадка искусства.

Кромѣ того, для почетныхъ памятниковъ употреблялись еще разныя особыя формы. Такъ напримѣръ, памятникъ Филопаппа въ Аоннахъ, поставленный въ 110 году по Рождествѣ Христовѣ, имѣетъ видъ большой ниши, отдѣланной архитектурно и украшенной статуями и другими пластическими работами.

Гробницы, частію сдѣланы подъ землею и не имѣютъ значительнаго развитія архитектурныхъ формъ, частію же устроены поверхъ земли и представляютъ болѣе или менѣе изящныя произведенія. *Подземныя гробницы* или высѣчены въ скалахъ — по одной или по нѣсколькѣ вмѣстѣ, составляя иногда весьма обширныя зданія (особенно катакомбы въ Римѣ, въ Неаполѣ, въ Сиракузахъ, на Мальтѣ, въ Александріи, и такъ далѣе), либо складены изъ камня со сводами. Внутреннее устройство ихъ различное. По стѣнамъ обыкновенно надѣланы ниши, рядами, другъ надъ другомъ, для постановки погребальныхъ урнъ. Такого устройства могилы называются *колумбаріями*. Когда онѣ находятся на скатѣ холма, входы ихъ иногда имѣютъ архитектурную отдѣлку. Примѣромъ можетъ служить гробница фамиліи Фуриевъ въ Фраскати.

Въ надгробныхъ памятникахъ, находящихся поверхъ земли, господствуетъ древне-итальянское начало *конусообразнаго* зданія или *круглой башни*. Два простыя зданія этого рода уцѣлели въ неаполитанскомъ королевствѣ: такъ называемая *гробница Вергиліи* въ Позилиппѣ, простой конусъ на квадратномъ фундаментѣ; и зданіе на дорогѣ изъ Казерты въ Капуу, состоящее изъ трехъ круглыхъ зданій, одно на другомъ; діаметръ каждаго верхняго зданія меньше нижняго. Квадратный же фундаментъ съ круглой баннеобразной надстройкою представляетъ такъ называемая *гробница Сервиліевъ* въ Римѣ, близъ Максенціева цирка. Такое же зданіе, только съ богатѣйшими украшениями, представляетъ *гробница Цециліи Метеллы* въ Римѣ, время Юлія Цезаря; равно и *гробница Плавціевъ* въ Тиволи. Гробница Л. Мунація Планка, въ Газтѣ, состоитъ изъ простой, большой круглой башни, вѣнчанной дорическимъ фризомъ. Четвероугольныхъ надгробныхъ башенъ много въ Римѣ, на Аппіевой дорогѣ; но большая часть ихъ разрушена

Въ некоторыхъ памятникахъ эта глубоководная форма увеличена до исполинскихъ размѣровъ и въ то же время снабжена богатыми художественными украшениями. Таковы памятники: *Мавзолей Августа*, на Марсовомъ полѣ; круглое зданіе, возвышающееся несколькими колоссальными уступами. На уступахъ были террасы съ садами; на вершинѣ стояла статуя Августа. Уцѣлели остатки фундамента. *Мавзолей Адриана*, также круглое зданіе, возвышающееся несколькими колоссальными уступами (нижній уступъ имѣетъ 226 футовъ въ діаметръ). Стоитъ на квадратномъ фундаментѣ, въ 320 футовъ ширины. На вершинѣ находилась громадная квадраина съ статуею Адриана. Нижнія части мавзолея уцѣлели въ основаніи каменнаго крепости S. Angelo. Отъ мавзолея Септимія Севера, такъ называемаго *септизонія* или *семиарусника* (septizonium), вѣроятно возвышающагося семью уступами, не уцѣлѣло никакихъ слѣдовъ. На сохранившихся древнихъ изображеніяхъ септизонія, виднѣтъ багшеобразное колонное зданіе, восходящее несколькими ярусами, не утоняясь къ верху.

Къ этимъ произведеніямъ слѣдуетъ причислить примѣчательный памятникъ въ Константиноплѣ, въ Африкѣ, повидному копію галкарнасокаго мавзолея. Это большое, круглое зданіе, обнесено колоннами, на которомъ стоитъ ступенчатый конусъ. Кроме того, для памятниковъ употреблялась и форма египетскихъ *пирамидъ*. Такая уцѣлѣвшая до-сихъ-поръ пирамида К. Цестія въ Римѣ, времени Августа, имѣющая 112 футовъ вышины. Въ средніе вѣка въ Римѣ находились еще другія пирамиды, которыхъ теперь уже нѣтъ. Еще больше Цестіевой была пирамида, стоявшая на Ватиканской горѣ, близъ каменнаго храма S. Maria Trivulphina.

Прочіе памятники, по большей части мелкаго размѣра, имеютъ различныя украшенія. Всего чаще встрѣчается на нихъ *альтаревидная* или *зралообразная* надставка, на кубическомъ фундаментѣ. Такой орнаментъ находимъ на многихъ помпейскихъ гробницахъ, и на многихъ, уцѣлѣвшихъ близъ Рима и Тиволи. Довольно красивое произведеніе этого рода, стройныхъ пропорцій и съ легкой, острой вершиною, также съ богатымъ рельефнымъ орнаментомъ, есть *гробница Секундиановъ* въ Ичелѣ, недалеко отъ Трира. Некоторые памятники имѣютъ видъ настоящихъ храмовъ. Таковы несколько памятниковъ подъ Римомъ, въ сторонѣ такъ называемаго грета Этрии.

Однѣ изъ нихъ есть мнимый храмъ Бога *Редикюла* (*Deus Rediculus*), красивое кирпичное зданіе временъ Адриана; другой — нынѣшняя церковь *S. Urbano*, извѣстный подъ названіемъ Бахусова храма.

При направленіи, которое приняла римская жизнь съ начала всемірнаго владычества, разумѣется и въ частной архитектурѣ должно было обнаружиться блестящее и богатое развитіе. Римское устройство домовъ составляетъ самобытную противоположность греческому, во-первыхъ тѣмъ, что въ немъ женская половина не такъ строго отдѣлялась отъ мужской; во-вторыхъ, сочетаніемъ италійскаго (этрускаго) атріума съ комнатами, имѣвшими то же назначеніе въ греческой архитектурѣ. Атріумъ составлялъ среднюю залу въ передней части зданія и служилъ сборнымъ мѣстомъ для всего дома и для общихъ занятій; за нимъ слѣдовалъ дворъ съ окружающею колоннадою. Дома большаго размѣра часто имѣли рядъ комнатъ, дѣлавшихъ ихъ похожими на публичныя зданія. Подобнаго большаго размѣра бывали виллы знатныхъ людей. Важнѣйшія зданія этого рода были, разумѣется, императорскія.

Великолѣпныя частныя дома начали строиться уже въ послѣднія времена республики, въ противоположность суровости древне-римскихъ нравовъ. За ними слѣдовали зданія первыхъ временъ имперіи. Однако жъ домъ Августа на Палатинской горѣ не равнялся существенно ничѣмъ отъ домовъ прочихъ богатыхъ людей. Но такъ называемый *золотой домъ Нерона* представилъ собою новое явленіе. Зданіе тянулось съ Палатинской горы по соединимъ низменностямъ; великолѣпныя комнаты его блистали золотомъ, дорогими каменьями, перламутромъ, и прочимъ; въ оградѣ его заключались цѣлыя поля, луга, виноградники и лѣса. Впрочемъ, эти зданія скоро исчезли, благодаря страсти къ постройкамъ Нероновыхъ преемниковъ. Домиціанъ возстроилъ на Палатинской горѣ новый императорскій дворецъ; преемники его расширили это зданіе своими пристройками. Любопытнѣйшія архитектурныя остатки, уцѣлѣвшія на Палатинской горѣ (въ фарнезийскихъ садахъ и въ *Villa Spada*) принадлежатъ Домиціанову зданію.

Дальше, громаднаго размѣра была *Адрианова вилла* близъ Тиволи, отъ которой уцѣлѣвъ еще обширный лабиринтъ развалинъ. Она состояла изъ жилыхъ комнатъ самаго различнаго рода, изъ множества большихъ и малыхъ галерей, нѣсколькихъ театровъ, термъ и тому подобнаго. Эти зданія отчасти назывались именами греческихъ и египетскихъ зданій: ликей, академя, пританей, канопъ, пэкила, темпа, гадець. Ниже будетъ сказано о большой виллѣ Діоклеціана въ Салонъ, построенной въ видѣ огромнаго воинскаго стана. Двѣ виллы простаго, удобнаго устройства мы знаемъ по письмамъ младшаго Плинія, современника Траянова *. Одна, лежавшая на морскомъ берегу, называлась *Laurentium*, другая, ферма съ различными садами, *Tusculum*.

Въ началъ третьяго вѣка по Рождествъ Христовомъ являются въ стилъ римской архитектуры разныя измѣненія, отчасти весьма страшныя. До-тѣхъ-поръ повсюду домогались простаго сочетанія греческихъ архитектурныхъ формъ съ римскимъ массивнымъ зданіемъ. Правда, такое сочетаніе рѣдко исполнялось внутренно-гармоническимъ образомъ; однако часто достигали величественнаго эффекта, когда въ постройкахъ не уклонялись отъ простоты и ясности линий, этихъ важныхъ условій классическаго искусства. Но тутъ появилось стремленіе сочленять массу разнообразнѣе, оживлять ее богаче, располагать части въ пестрѣйшей противъ прежняго смѣвъ однихъ съ другими. Простыя формы греческой колонной архитектуры и италійскаго сводообразнаго зодчества начали соединять съ пестрыми, надутыми, фантастическими изображеніями. Пиластры, полуколонны, выдвинутыя наружу колонны, стали чаще прежняго пересѣкать стѣнныя поверхности; ниши и табернакулы разныхъ формъ наполнили пространства между ними, часто въ нѣсколько рядовъ одни надъ другими; карнизы табернакулъ начали дѣлать въ изломанныхъ формахъ; съ этого времени ряды колоннокъ, вольно стоящихъ на консоляхъ и служащихъ только для украшенія, выступаютъ на верхнихъ частяхъ стѣнъ; дуги не-

* Plin. Epist. 2, 17; 5, 6. Ср между прочимъ Hirt, *Gesch. der Bauk.*, III.

посредственно воздымаются над колоннами. Декоративныя части, орнаменты становятся еще многочисленнѣе, нѣрѣдко въ такой массѣ, что за ними пропадаютъ главныя части. Внутреннее существо греческой архитектуры, придававшее римскимъ зданіямъ ихъ художественное значеніе, пропало, и искусство древняго міра приблизилось къ паденію. Это видно и въ наружной техникѣ, которая съ этого времени становится болѣе и болѣе недостаточною. Не обращаютъ по-прежнему строгаго вниманія на гармоническую мѣру и пропорцію, на чистую отдѣлку архитектурныхъ частей; въ зданіяхъ четвертаго вѣка, преобладаетъ даже постоянно слабое и грубое исполненіе отдѣльныхъ частей.

Но среди гибели древняго искусства въ то же время яснѣе выступаютъ начала новаго. Въ изчисленныхъ нововведеніяхъ заключается стремленіе, само по себѣ конечно весьма справедливое, хотя бы оно и заблуждалось въ выборѣ средствъ, хотя бы даже нуждалось въ развитіи совершенно новыхъ народностей, чтобы дойти до удовлетворительныхъ результатовъ. Въ цѣломъ заботятся болѣе о живописномъ эффектѣ и часто удачно достигаютъ его. Въ частности замѣтны новыя элементы архитектурнаго развитія. Въ этомъ отношеніи всего важнѣе самостоятельная обработка сводообразной и арочной архитектуры, частію по оригинальному употребленію крестообразнаго свода, частію потому, что, какъ мы сказали, арки стали выводить непосредственно изъ колоннъ. Последнее устройство очень явно показываетъ, что наконецъ сознали болѣе живое сочетаніе, производимое рядомъ арокъ вмѣсто неподвижной архитравы, и ихъ удачную пропорцію къ большому цѣлому. Только не имѣли уже силъ органически обработать такіе элементы.

Главный элементъ этого перерожденія античной архитектуры пришелъ, кажется, съ Востока. Тамъ въ эту эпоху исполнялись разныя колоссальныя предпріятія, въ которыхъ впервые явно обнаружились новыя элементы. Пыльный, страстный до фантастическаго вкуса восточныхъ народовъ выступилъ тутъ съ новой силою, когда узы европейскихъ нравовъ и европейскаго чувства формы ослабли; онъ-то въ разныхъ образцахъ повлекъ и непосредственное сочетаніе греческо-римскихъ формъ съ восточными.

Особенно важны въ этомъ отношеніи могущественныя зданія двухъ

сирийских городовъ, отъ которыхъ до насъ дошли многочисленныя остатки. Одинъ изъ этихъ городовъ Пальмира (Тадморъ), особенно процвѣтавшій во второмъ и третьемъ вѣкѣ по Рождеству Христовомъ: Больныя и малыя храмы, базилики, открытыя колонныя галереи, торжественныя ворота, водопроводы и тому подобное, составляютъ здѣсь чрезвычайно обильное цѣлое. Въ томъ числѣ замѣчательна двойная колоннада въ 3,500 футовъ длины. Относительно архитектурнаго стиля (который тутъ еще сравнительно чистъ), особенно важны торжественныя ворота. Архивольты ихъ арокъ поддерживаются пиластрами и цѣлое прилично оформлено пиластровою архитектурою, причемъ поверхности пиластръ, архитравъ, архивольтъ подали поводъ къ богатымъ орнаментальнымъ пополненіямъ. Далѣе, въ одной изъ долинъ Пальмиры находится большое количество оригинальныхъ гробницъ, по большей части въ видѣ четверугольныхъ башенъ, съ балконами наверху (такого же образованія какъ ворота) и съ пластическими изображеніями. Другой городъ, также весьма богатый архитектурными остатками, есть Геліополь (Бальбекъ). Тутъ уже весьма рзко проявился пестрый образъ, отдалка, избытокъ и многообразное раздѣленіе архитектурныхъ размѣровъ. Особливо замѣчательны три храма; самый меньшій изъ нихъ есть круглое зданіе съ колоннадою вокругъ, которой устройство показываетъ совершенно оригинальный, игриво фантастическій вкусъ.

Кромѣ этихъ двухъ городовъ, есть другія мѣста, гдѣ сохранились остатки азіатской архитектуры того времени. Таковы во-первыхъ, гробницы въ скалахъ подъ Іерусалимомъ**, въ Іосафатовой долинѣ, которыя частію обозначены только архитектурно украшенными входами, а частію составляютъ и вольно стоящія произведенія, гдѣ слѣды греческой колонной архитектуры соединены съ восточной формою пирамидъ. — Такія же чрезвычайно примѣчательныя развалины города Петры, извѣстнаго изъ скалъ (къ югу отъ Палестины)***. Онѣ состоятъ частію изъ остатковъ отдаленныхъ зданій, храмовъ, триумфальныхъ арокъ и тому подобное, въ которыхъ замѣтно сродство съ упомянутыми выше сирийскими архитектурными зданіями; частію же это выдолбленные въ скалахъ фасады гробницъ, имѣющіе, въ большинствѣ

* Cassas, Voyage pittoresque de la Syrie.

** Cassas. — Pococke, Besch. des Morgenl. И многое другое.

*** Léon de Laborde, Voyage de l'Arabie Pétrée.

меннымъ размѣръ, греко-римскія формы, примененныя разнообразно и фантастически, иногда не безъ вкуса. Особенно изысканъ по устройству и по отдѣлкѣ одинъ изъ такихъ памятниковъ въ скалахъ, называемый у жителей тамошняго края сокровищницей Фараона (Хазне Фарао).—Таковы также разные архитектурные остатки въ Малой Азій, въ Эфесѣ, въ Лабрандѣ, въ Лаодикѣ и другихъ мѣстахъ; особенно достопримѣчательный памятникъ въ Милазѣ, гдѣ столбы и соединенныя съ ними полуколонны имѣютъ пирамидальныя надстройки*.

Несравненно важнѣе и любопытнѣе всѣхъ этихъ зданій огромный замокъ (или вила), воздвигнутый въ Далмаціи, въ Салонѣ (нынѣшнемъ Сплатро), въ началѣ четвертаго вѣка, императоромъ Диоклитіаномъ по отреченіи отъ правленія. Уцѣлели еще значительные остатки этого замка**. Зданіе образуетъ большой четверугольникъ въ 705 футовъ длины и ширины, окруженный извнѣ стѣнами и башнями, внутри раздѣленный по образцу римскаго лагеря, со множествомъ колонныхъ проходовъ и галерей, съ храмами и жилыми покоями императора и его свиты. Здѣсь искаженіе греческихъ архитектурныхъ формъ весьма чувствительно: части безъ внутренней жизни, орнаментовъ много, но сами они по себѣ чрезвычайно бѣдны. Въ цѣломъ зданіи, однакожъ, повсюду проявляется живописный вкусъ и здѣсь впервые ясно видно свободное сочетаніе колонной формы съ дугообразною.—Въ Веронѣ есть двое воротъ, стилиа сходнаго со стилиемъ наилучшихъ частей салонскаго замка. Впрочемъ эти ворота строены еще во второй половинѣ третьяго вѣка. Такъ называемая Porta de' Borsari, зданіе оригинально богатаго устройства, исполненное въ деталяхъ еще съ большимъ вкусомъ, вообще едва ли не благороднѣйшій образчикъ поздне-римскаго искусства. Такъ называемая Arco de' Leoni, не столь значительной отдѣлки и уцѣлели только вполонину.

Въ Римѣ особенно характеристическіе остатки архитектуры этого времени (вмѣстѣ съ приведенными уже прежде) слѣдующіе:

Колоссальныя и богатой отдѣлки архитектурныя обломки, обыкновенно называемыя *Нероновыми фронтисписомъ* (въ саду Colonna):

* *Alterthümer von Jonien.*

** *idem, Ruins of the palace of Diocletian at Spalatro.*

они принадлежать *храму Солнца*, построенному Аврелианомъ въ чрезвычайно роскошномъ видѣ, во второй половинѣ третьяго столѣтія.

Храмъ Веспасіана (ошибно называемый храмомъ Согласія) на форумѣ, первоначально построенный Домиціаномъ. Часть іоническаго перистіля еще цѣла, но по форумъ и по отдѣлкѣ она крайне плоха и показываетъ совершенный упадокъ античнаго искусства.

Янусъ Четверолицый (Janus Quadrifrons) на форумѣ Воагіумъ, временъ Константина (первой половины четвертаго вѣка); четырехсторонняя янусова арка; столбы украшены двойными рядами нишъ (впередъ которыми первоначально стояли небольшія колонны); эффектъ богатый, но исполненіе очень плохое.

Базилика Константина на форумѣ Мира (forum Pacis), построенная Максенціемъ, освященная Константиномъ, на мѣстѣ построеннаго Веспасіаномъ и потомъ сгорѣвшаго *храма Мира* (обыкновенно такъ и называлась). Зданіе, котораго уцѣлѣвъ значительный остатокъ, имѣетъ весьма оригинальное и примѣчательное устройство, непохожее на прежнія базилики. Оно 300 футовъ въ длину, 230 футовъ въ ширину, и раздробляется на три части. Средняя часть выше другихъ и крыта крестообразнымъ сводомъ, который поддерживается большими коринтскими колоннами. Боковыя части раздѣляются на три пространства, крытыя бочечными сводами. Въ глубинѣ средней части была устроена большая ниша (трибуналъ), а насупротивъ ея главный входъ. (Впослѣдствіи сдѣлана другая ниша въ среднемъ пространствѣ одной боковой части). Техника, употребленная при перестройкѣ зданія, не хороша, но тутъ величаю является новое развитіе сводовой архитектуры, и въ способъ кладки крестообразнаго свода въ средней части даже заключено уже начало средневѣковой архитектуры, хотя еще въ неразвитомъ видѣ. — Точно такъ же впрочемъ сдѣланъ сводъ и на той главной залѣ упомянутыхъ выше *Диоклеціановыхъ термъ*, которая составляетъ въвѣшнюю церковь S. Maria degli Angeli.

Мавзолей Констанціи, дочери Константина, въ Римѣ (нынешняя церковь S. Constanza). Отдѣлка архитектурныхъ деталей груба, но сводовая архитектура является тутъ также въ совершенно самобытномъ и значительномъ развитіи. Мавзолей представляетъ круглое зданіе, состоящее изъ высокой средней залы и круглой галереи около нея. Сред-

или зала отдѣлена отъ галлерей рядомъ связанныхъ колоннъ, попарно соединенныхъ между собою перекладинами; пара съ парю связаны полу-круглой аркою; надъ колоннами стѣнный цилиндръ, поддерживающій куполъ надъ средней залюю; галлерей крыта бочечнымъ сводомъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что Константинъ, перенесшій императорскую резиденцію изъ Рима въ *Византію* (Константинополь), произвелъ въ новой столицѣ разныя значительныя постройки, бывшія отчасти копіями съ зданій древняго Рима. Но отъ нихъ не уцѣло ничего важнаго. Кромѣ Византіи, и въ другихъ городахъ, бывшихъ на время, въ исходе этого періода, резиденціями разныхъ повелителей римской имперіи, возводились зданія, изъ остатковъ которыхъ особенно замѣчательны Трирскіе *, принадлежащіе по бѣльшей части, кажется, временамъ Константина. Здѣсь сохранились развалины термъ, базилики, амфитеатра и, что всего важнѣе, ворота *Porta Nigra*, зданіе оригинальное, какъ по своему устройству, такъ и по расположенію фасадовъ. (Въ послѣднемъ отношеніи оно можетъ сравниться съ веронскими воротами *Porta de Borsari*). Отдѣлка деталей въ *Porta Nigra* уже чрезвычайно груба, и даже можно сдѣлать вопросъ, не воздвигнуто ли зданіе нѣсколькими столѣтіями позже, во времена франкскаго владычества, когда въ томъ краю построено нѣсколько подобныхъ архитектурныхъ произведеній.

СКУЛЬПТУРА.

Громадныя зданія, появившіяся въ цвѣтущее время римскаго государства, особенно въ самомъ Римѣ, требовали для приличнаго убранства ихъ безмѣрнаго множества пластическихъ украшеній. Большая и, безъ сомнѣнія, важнѣйшая часть ихъ, конечно, были древнѣйшія произведенія греческихъ художниковъ, перевезенныя побѣдителями въ столицу всемірнаго владычества изъ всехъ странъ, гдѣ господствовала греческая образованность; однако жъ награбленныхъ отсюду сокровищъ все-таки не доставало, не смотря на ихъ многочисленность. Эти художественныя сокровища могли служить только для произвольнаго, болѣе или менѣе не нужнаго украшенія римскихъ зданій;

* Quednow, Beschreibung der Alterthümer in Trier und dessen Umgebungen.—

тамъ же, гдѣ требовалось придать украшенію внутренній смыслъ, сдѣлать существенный цѣль зданій, гдѣ въ пластикѣ вообще должно было выразиться отношеніе къ настоящему, тамъ конечно и въ области пластическаго искусства надлежало возникнуть самобытной дѣятельности. Письменные извѣстія объ явленіяхъ этой дѣятельности очень недостаточны; но есть довольно упоминаній о томъ, что она была чрезвычайно обширна. А еще лучше свидѣтельствуютъ это уцѣлѣвшіе памятники.

Мѣсто древнѣйшихъ этрусскихъ художниковъ и ихъ учениковъ, удовлетворявшихъ прежде римской потребности въ пластикѣ, заступили теперь греческіе художники. Вторичное процвѣтаніе собственно греческой скульптуры, развившееся въ половинѣ втораго вѣка до Рождества Христова, особенно въ Аѳинахъ, перенесено непосредственно въ Римъ. Около начала послѣдняго вѣка до Рождества Христова, въ Римъ распространилаеь одушевленная любовь къ искусству. Многихъ греческихъ художниковъ, работавшихъ въ Римъ въ это время, мы знаемъ, какъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ по достоинству ихъ трудовъ. Между ними особенно памятенъ Пазитель, жившій въ началѣ столѣтія. Художники половины столѣтія, Архезилай, Менелай, Децій, Пракситель, и другіе, отличались бронзовыми и другими металлическими работами. За ними, при Августѣ, слѣдуетъ Діогенъ, исполнившій пластическія работы для Пантеона; и при Неронѣ мѣднотейщикъ Зенодоръ. Послѣднимъ дѣланъ колоссъ Нерона, въ 110 футовъ вышины, поставленный подъ именемъ бога солнца въ 75 году по Рождеству Христовомъ. Но до насъ не дошли ни произведенія этихъ художниковъ, ни такія, гдѣ бы видно было ихъ вліяніе. Въ позднѣйшую эпоху не упоминается ни объ одномъ замѣчательномъ художникѣ.

Мы сказали, что вторичное процвѣтаніе греческаго искусства было перенесено въ Римъ. Такимъ-образомъ римская скульптура составляетъ непосредственное продолженіе стремленій греческой скульптуры. Но этимъ обозначается только часть, хотя существенная часть, скульптурной дѣятельности Рима. Подобно какъ въ архитектурѣ, подлѣ греческаго искусства и его копій тутъ развилась самостоятельная римская идея и обработка пластическаго искусства. Этотъ римскій элементъ также состоитъ въ аналогіи съ особенностями,

двухминутный вообще оригинальный отпечатокъ характеру римскаго народа. Онъ заключается въ непосредственномъ, связномъ, суровомъ пониманіи явленій и отношеній вѣчной жизни; онъ беретъ образы жизни какъ они есть, съ рѣзкой натуральностью, съ утонченной и тщательной индивидуализаціей; но въ такомъ пониманіи есть также самообытное величіе, спокойная важность, мужественное достоинство, такъ что эти образы, взятые изъ природы часто грубой, далеки отъ помпезности. Римское искусство, въ тѣсномъ смыслѣ слова, не имѣетъ того идеальнаго духа, который наполняетъ изображенія греческаго искусства, какъ дышаніе вѣчной юности, непреходящей весны. Оно сводитъ зрителя на землю, къ ея летучимъ интересамъ, но не сматриваетъ на то умѣть запечатлѣть эти интересы такъ возвышенно и задумчиво, что все-таки представляетъ достойный предметъ наблюдающему духу. Разумѣется, оба направленія, греческое и чисто-римское, не могли остаться безъ взаимнаго вліянія и, кажется, римское обязано греческому частью своего высшаго характера; а греческое зашло отъ римскаго нѣсколько большую реальность, что можетъ считаться выгодною, по-крайней-мѣрѣ судя по оскудѣвшему уже въ эту эпоху идеализму.

Касательно общаго хода развитія скульптуры въ римскомъ періодѣ искусства, въ немъ надо замѣтить тѣ же моменты процвѣтанія и упадка, какъ и въ архитектурѣ. Кажется, самообытный расцвѣтъ ея слѣдуетъ отнести къ вѣку Юлія Цезаря; но объ этой эпохѣ мы не знаемъ почти ничего достовернаго. Значительныя произведенія знакомы намъ только со временъ Августа. При немъ и при его преемникахъ было, кажется, наибольшее процвѣтаніе римской скульптуры и до начала втораго вѣка, до времени Траяна, повидимому не было въ ней замѣтнаго упадка. Новый расцвѣтъ самостоятельно является при Адрианѣ (117 — 138 по Рождествѣ Христовомъ). Любовь Адрианова къ искусству породила многочисленныя произведенія, а его склонность къ блестящей эпохѣ греческой жизни подала поводъ къ новому стремленію достичь идеальной простоты греческихъ формъ. Стремленіе увѣчалось успѣхомъ, но только вѣчнымъ. Художники, не смотря на исполненіе иногда весьма изящное, не могли уже достигнуть гармоническаго сочетанія величавыхъ и простыхъ линий греческаго стilia съ золотой римской жизни. Ихъ изображенія отличаются холодностью чувства, хотя съ другой стороны, они умѣли своимъ подражаніямъ при-

родъ передавать жизнь въ полномъ совершенствѣ. После Адриана, искусство начинаетъ постепенно упадать, и тѣмъ дальше, тѣмъ быстрее. Въ началѣ третьяго вѣка оно уже значительно покажено; въ началѣ четвертаго уже грубо и чрезвычайно неудовлетворительно.

Обозрѣніе уцѣлѣвшихъ памятниковъ всего удобнѣе по родамъ, изъ которыхъ каждый представляетъ особую сторону развитія искусства. Главные рода слѣдующіе: 1) Статуи и бюсты; 2) скульптуры на публичныхъ памятникахъ, и 3) скульптуры самобытнаго идеальнаго значенія. Въ двухъ первыхъ родахъ преимущественно проявляется самостоятельное римское, въ третьемъ преимущественно греческое направленіе.

I. *Скульптурныя изображенія императоровъ, ихъ семействъ и другихъ знатныхъ особъ, которыхъ весьма значительное число собрано въ разныхъ европейскихъ музеяхъ, особенно важны для изученія художественнаго развитія, потому что представляютъ непрерывную цѣпь памятниковъ, которыхъ время по большей части известно съ точностію. Разумѣется, реальное направленіе римскаго искусства преимущественно находило въ нихъ себѣ пищу; однако жъ и греческое идеальное направленіе проявилось тутъ тѣмъ, что портретныя статуи были дѣланы нерѣдко, по способу, обработанному Лизиппомъ, въ известномъ героическомъ видѣ. Удачнѣйшія произведенія этого рода, вообще изображенія, имѣющія наиболее благородную обработку, принадлежатъ эпохѣ Августа и его ближайшихъ преемниковъ. Дальше, оригинально интересны идеализированныя портретныя изображенія Антиноя, любимца Адрианова, дѣланныя въ большомъ количествѣ (лучшія въ римскихъ музеяхъ и въ парижскомъ). Впрочемъ, изображенія Адриановыхъ временъ вмѣстѣ съ тѣмъ отличаются и утонченной индивидуализаціей. Изъ позднѣйшихъ произведеній втораго вѣка по Рождествѣ Христовомъ, замѣчательна оживленная, но не слишкомъ замысловатая мѣдная конная статуя Марка Аврелія на capitoлийской площади Рима. Въ это время, а еще болѣе въ третьемъ вѣкѣ, постепенно исчезаетъ благородство и высшая оживленность въ чертахъ лицъ, и очень ярко замѣтны неестественность и надутость въ второстепенныхъ вещахъ. Одежды дѣлаются изъ разноцвѣтныхъ камней, женскія головы получаютъ каменные парики, которые, смотря по перемѣнамъ моды, можно было замѣщать другими, и такъ далѣе. Статуи четвертаго вѣка чрезвычайно плохи, черствы и мертвыны.*

II. *Скульптуры на публичныхъ памятникахъ** служатъ важными представителями разныхъ точекъ развитія искусства, хотя число ихъ менше скульптуръ перваго рода и хотя въ нихъ, по самому ихъ назначенію, не вездѣ можно предполагать работу лучшихъ художниковъ. Они даже важнѣе другихъ родовъ скульптуры, потому что по нимъ можно видѣть и цѣнить самобытныя особенности римскаго искусства. Содержаніе скульптуръ на публичныхъ памятникахъ въ сущности историческое, потому что онѣ представляютъ въ пластическомъ видѣ замѣчательнѣйшія событія и обстоятельства, имѣющія связь съ постройкою и посвященіемъ памятника. Такимъ-образомъ въ нихъ впервые развивается собственно историческая скульптура, которая въ состояніи изображать великіе моменты жизни, какъ въ частныхъ сценахъ, такъ и въ общемъ разнообразномъ ихъ объемѣ. Обработка предметовъ тутъ та самая, которою римское искусство отличается отъ греческаго; достоинство этой обработки производитъ то, что изображенія, прославляя частныя моменты исторіи, пропускаютъ случайности событій и какъ-будто возсоздаютъ ихъ въ высшемъ, общечеловѣческомъ, всемірно-историческомъ значеніи. Важнѣйшія произведенія этого рода слѣдующія :

1) Барельефы на *триумфальной аркѣ Тита*. (Арка служила побѣднымъ памятникомъ завоеванія Іерусалима Титомъ). Горельефы, внутри воротъ, представляютъ одинъ торжествующаго императора, въчаемаго богинею побѣды, четырехъ коней его колесницы ведомыхъ богиней Ромою, а по сторонамъ его гражданъ и воиновъ; другой, часть триумфальной процессіи, гдѣ несутся завоеванныя храмовыя сокровища Іерусалима. Барельефы фриза представляютъ жертвоприношеніе, соединенное съ триумфомъ. Въ этихъ произведеніяхъ, принадлежащихъ къ числу наилучшихъ собственно римскихъ работъ, которыя къ-сожалѣнію уже значительно повредились, чрезвычайно счастливо сочетаются бодрая мужеская сила съ спокойнымъ достоинствомъ.

2) Барельефы на *форумѣ Нервы* (forum Palladium), наполняющіе фризъ на такъ называемыхъ *Colonnacce*. Это единственные изъ извѣ-

* Большая часть этихъ скульптуръ обнаружена въ различныхъ гробницахъ Santi Bartoli, гдѣ конечно больше обращалось вниманіе на представленіе содержанія, чѣмъ на особое образованіе стила.

ствыхъ намъ римскихъ барельефовъ не историческаго содержанія. Въ нихъ изображена Паллада изобретательницею и наставницею женщинъ работать. Они уже до такой степени невротены, что можно развѣ только угадывать ихъ промежутокъ извѣстности.

3) Барельефы *Траяновой колонны* можно считать наиболее характерными изъ всѣхъ уцѣлвшихъ до насъ скульптуръ чисто-римскаго искусства. На пьедесталахъ колоннъ изображены трофеи и богини победы; лента пластики, извинаящаяся въ двадцать три оборота около колоссальной колонны, заключаетъ въ несчетномъ числѣ фигуръ изображеніе Траяновыхъ военныхъ подвиговъ противъ Дакии. Чрезвычайно обширный рядъ событій представленъ тутъ столь же просто и натурально, сколько опредѣленно и съ живою характеристикою. Равно удачны выраженія силы и страсти въ боевыхъ сценахъ войны и прекрасная передача задушевнаго чувства въ изображеніи нежныхъ моментовъ, напримеръ въ женщинахъ и дѣтяхъ, умоляющихъ о пощаду. Исторія тутъ не превращена въ поэзію, но передана въ собственномъ ея значеніи, столь же вразумительно, сколько полно. — Къ слову о барельефахъ колонны, упомянемъ о скульптурахъ другихъ Траяновыхъ памятниковъ, особенно о тѣхъ, которые сняты съ *Траяновой триумфальной арки* и употреблены на украшеніе Константиновой арки. Далѣе, также обломки фриза съ богатыми декоративными скульптурами (амуровъ, сатировъ, менадъ въ лиственныхъ одеждахъ), отъ Траянова форума, нынче находятся по бѣльшей части въ ватиканскомъ музеев.

4) Барельефы на пьедесталѣ колонны *Антонина Кроткаго*, поставленной императору по смерти (въ 161 году по Рождествѣ Христовомъ), находятся теперь въ ватиканскомъ саду. На передней сторонѣ изображена апессоза Антонина съ его супругою; на прочихъ сторонахъ толпы воиновъ. Эти произведенія въ общемъ своемъ планѣ отдѣланы еще съ достоинствомъ и вкусомъ, но уже показываютъ начинающійся упадокъ духовной силы.

5) Барельефы на колоннѣ *Марка Аврелія*, позднѣйшихъ годовъ второго вѣка по Рождествѣ Христовомъ, представляющіе войны императора съ Маркоманнами и Квадами. Въ сущности, ихъ надо считать копіями съ работъ на Траяновой колоннѣ, равно какъ и все устройство колонны — копія съ той же Траяновой колонны. Въ этихъ барельефахъ также

историческое повествованіе изложено еще живо, но въ эстетической выразительности, въ изяществе стѣла, въ мастерской отдѣлкѣ, они уже значительно отстаютъ отъ прежнихъ. Таковы же, но отличаются хорошимъ и, по-крайней-мѣрѣ въ частностяхъ, не бездушнымъ исполненіемъ, разныя историческія барельефныя изображенія, которыя святы съ одной *триумфальной арки Марка Аврелія* (или съ двухъ арочекъ) и теперь хранятся въ дворцѣ консерваторовъ на Капитоліи.

6) Барельефы на *триумфальной аркѣ Септимія Севера* (203 года), содержація въ себѣ изображенія походовъ императора на Востокъ, показываютъ быстрый упадокъ искусства. Въ нихъ равно не достаетъ духа, чувства и вкусу. — Тоже надо сказать о барельефномъ украшеніи небольшихъ воротъ Септимія Севера на форумъ *Boarium*.

7) Барельефы на *триумфальной аркѣ Константина*, не взятыя съ древнѣйшихъ памятниковъ, уже совершенно грубой работы. Предметъ ихъ — побѣда императора надъ Максенціемъ.

III. *Идеальныя скульптуры*, особенно такія, въ которыхъ представлены фигуры греческой мифологіи, вообще не заключаютъ никакихъ вѣщныхъ признаковъ, служащихъ для точнаго опредѣленія эпохи ихъ произведенія. Въ нихъ не такъ ясно можно слѣдить за художественно-историческимъ развитіемъ; однако жъ, особенности открывающіяся изъ разбора портретныхъ статуй и скульптуръ памятниковъ, указываютъ и для этихъ произведеній нѣсколько данныхъ точекъ времени.

Мы говорили, что именно эти произведенія представляютъ собою продолженіе поздне-греческаго искусства. Они суть порожденія періода возстановленія греческаго искусства, періода, начавшагося въ Аѳинахъ въ половинѣ втораго вѣка до Рождества Христова и, по перенесеніи искусства въ Римъ, получившаго твердую и прочную основу въ блестящемъ расцвѣтѣ римской жизни, особенно со временъ Юлія Цезаря. Ихъ оригинальность основана вообще на способѣ изобрѣтенія и обработки этого поздне-греческаго искусства. Нѣ смотря на чрезвычайно гармоническую и римически совершенную отдѣлку, на тонко рассчитанную и размѣренную форму, на превосходную технику, зато также нѣтъ цѣломудренной наивности, простой граціи древнейшихъ греческихъ изображеній. Напротивъ, больше или меньше живо

выказывается известная изученность, которая съ холоднымъ расчетомъ разсудка старается о блестящемъ эффектѣ.

Конечно, очень трудно отчетливо различить, что принадлежит послѣднимъ временамъ самостоятельнаго греческаго процвѣтанія искусства, и что первымъ временамъ его пересажденія въ Римъ; но какъ занятія искусствомъ въ Римъ были весьма обилитны, то можно смѣло отнести къ позднѣйшимъ годамъ послѣдняго вѣка до Рождества Христова и еще больше къ первому вѣку по Рождествѣ Христовомъ самую большую часть тѣхъ произведеній, въ которыхъ нельзя признать греческаго происхожденія по внѣшнимъ причинамъ и которыхъ характеръ таковъ, что въ нихъ еще не видно направленія искусства Адрианова времени. Вотъ нѣсколько важнѣйшихъ произведеній, сюда относящихся.

Такъ называемый *Бельведерскій Аполлонъ*, въ Ватиканѣ, найденный въ развалинахъ одной Нероновой виллы и, вѣроятно (также и по внѣшнимъ причинамъ), работанный при Неронѣ. Относительно совершенства исполненія и чрезвычайно гармоническаго рѣзма движенія, это одно изъ удивительнѣйшихъ художественныхъ созданій, какія известны міру, но отнюдь не чуждое нѣкотораго театральнаго эффекта (еще непомѣрно усиленнаго движеніемъ правой руки, приданнымъ ему новѣйшей реставраціей). Такъ называемая *Диана Версальская*, въ парижскомъ музеѣ, близкая къ предъидущей статуѣ, но не столь совершенная, даже частію не гармоническая. — Статуя *Нила*, въ Ватиканѣ, сидящая на сфинксѣ и окруженная шестнадцатью (по большей части поправленными) дѣтскими фигурами, работа отменно изящная. Дѣтскія фигуры означаютъ разные моменты въ годовой высотѣ водъ Нила: аллегорія сама по себѣ ничтожная, но послужившая поводомъ къ очень изящному изображенію. — Подъ пару этой статуѣ назовемъ статую рѣки Тибра, въ парижскомъ музеѣ, и статую Океана или *Марго* (шведскаго происхожденія, прежде подъ названіемъ *Marfoglio*) въ капитольскомъ музеѣ. — Далѣе: такъ называемая Арльская Венера, въ парижскомъ музеѣ; такъ называемая барберинская Юнона, и такъ называемый Бельведерскій Антиной (статуя Меркурія) въ Ватиканѣ, и многія другія.

Также весьма значительное число идеальныхъ скульптуръ принадлежитъ времени Адриана. Въ нихъ особенно ярко видны особенно-

сти художественнаго направленія, произведеннаго Адрианомъ ; господствуетъ стремленіе къ извѣстной обработкѣ формы въ духъ древнѣйшихъ греческихъ мастеровъ ; но оно не выходитъ за предѣлы изображенія ровной, незначительной красоты. Многія изображенія греческихъ героевъ, напримѣръ статуи Мелеагра и Адониса въ Ватиканѣ, многія изображенія сатировъ, тритоновъ и нимфъ надлежитъ считать произведениями этого краткаго, но чрезвычайно плодотворнаго періода. Адриановское направленіе также было виною, что старались и непосредственно копировать работы древнѣйшей эпохи, такъ-что къ этому же періоду слѣдуетъ отнести многія копіи прежнихъ образцовыхъ произведеній. Одна изъ замѣчательнѣйшихъ есть такъ называемая *Веллетрійская Паллада*, въ парижскомъ музее, которой чрезвычайно величественное изобрѣтеніе отзывается духомъ Фидіа, между-тѣмъ какъ обработка и исполненіе уже весьма безжизненны. Такимъ-образомъ часто доходили и до воспроизведенія древнѣйшаго стиля, какъ напримѣръ въ *Юнонь Ланувинской*, въ Ватиканѣ, и въ другомъ отношеніи на многихъ пластикахъ египетскаго вкуса, дѣланныхъ для Адриановой виллы въ Тиволи. Наконецъ, сюда принадлежатъ множество декоративныхъ произведеній, дѣланныхъ частію изъ рѣдкихъ и блестящихъ камней, какъ-то : кандеябры, вазы, ванны, декоративныя фигуры, и тому подобное.

Послѣ Адриана вѣка, изображеніе идеальныхъ фигуръ также быстро упадаетъ ; изящная витѣзная обработка исчезаетъ больше и больше, уступая мѣсто безжизненному и ничтожному схематизму. Впрочемъ, въ это позднѣйшее время, съ послѣдней половины втораго вѣка по Рождествѣ Христовомъ, является обширный кругъ новыхъ изображеній, въ которыхъ, среди постепеннаго угасанія древняго художественнаго духа, слышнень взмахъ крыльевъ новой души, силящейся создать себѣ тѣлесное проявленіе. Повторяется тотъ же самый фактъ, который мы уже замѣтили въ произведеніяхъ позднѣйшей римской архитектуры. Изображенія, о которыхъ идетъ рѣчь, суть преимущественно рельефныя скульптуры на стѣнахъ *саркофаговъ*, которыхъ много расплодилось въ это время, когда погребеніе мертвыхъ стало господствующимъ обычаемъ. Правда, предметы этихъ скульптуръ по бѣльшей части тѣ же, какіе и прежде употреблялись въ античномъ искусствѣ ; сцены героическихъ мифовъ, мифовъ Вакха, Цереры, Амура. Отдѣльныя фигуры и группы, кажется, довольно удачно копированы съ

древнѣйшихъ произведеній; нѣкоторые барельефы вообще привлекательнаго вида, но большая часть второстепеннаго художественнаго достоинства. Впрочемъ, собственно интересъ заключается не въ ихъ формѣ, но во внѣшнихъ отношеніяхъ ихъ изображенія. Они составляютъ также тайныя письма, въ которыхъ — отчасти согласно древнимъ мистеріямъ — высказывается надежда на будущее высшее существованіе по смерти, религиозная тоска, стоящая въ явномъ противорѣчій съ свѣтлой и однако жъ столь неудовлетворительной вѣрой въ боговъ древняго міра. Ясиве всего для нашего разумія это направленіе въ прекрасномъ мнѣ Амуре и Психей, котораго изображеніе весьма часто встрѣчается на саркофагахъ, равно какъ и въ другихъ пластическихъ произведеніяхъ этого позднѣйшаго времени. — Какъ вообще древнее ученіе о богахъ уже не удовлетворяло человѣческую душу, и какъ изслѣдовали иноземныя религіи, чтобы найти гдѣ-нибудь пополненіе большому пробѣлу сознанія, то и образы изъ чуждыхъ религій естественно переходили въ искусство. Много чужеземныхъ, отчасти отранихъ изображеній являются въ эту позднюю эпоху. Наибольшее притязаніе на художественное значеніе облачаютъ изображенія, заимствованныя изъ персидскаго *слюжеснія Митры*.

Въ монетахъ, также какъ въ портретныхъ скульптурахъ, можно слѣдить за развитіемъ римскаго искусства. Съ 270 года до Рождества Христова, когда впервые начали чеканить серебряную монету, до вѣка Юлія Цезаря; монетный чеканъ по большей части грубъ и необработанъ, больше или меньше отзывается древнимъ характеромъ, въ которомъ можно распознать этрусское влияніе. Со времени Цезаря и въ продолженіе всего перваго періода императорскаго владычества до вѣка Адріана, является монетный чеканъ на вышней степени совершенства; — правда, не на такой, какая свойственна лучшимъ греческимъ монетамъ, однако жъ портреты императоровъ на *передней* сторонѣ монетъ имѣютъ искусную характеристическую *отдачу*; на *дугѣ* римскаго искусства и на *оборотной* сторонѣ находятя *также* удачныя композиціи, имѣющія отношеніе къ историческимъ событіямъ.

империи и императорскаго дома. — Однако жъ, начиная съ послѣднихъ годовъ второго вѣка, монетный чеканъ весьма скоро становится чрезвычайно небрежнымъ и безцвѣтнымъ, исполняется схематическимъ образомъ.

Искусство рѣзныхъ камней, въ цвѣтущія времена римскаго искусства, пользовалось необыкновеннымъ участіемъ. Эти красивыя произведенія искусства примыкаются по большей части непосредственно къ греческимъ работамъ, и тутъ еще труднѣе, чѣмъ въ большихъ скульптурахъ идеальнаго значенія, рѣшеніе вопроса, что принадлежитъ позднему греческому и что римскому періоду. При Августѣ славится имя камнерѣзчика Диоскорида. Онъ вызывалъ голову Августа для печати императора. Имя его встрѣчается на многихъ геммахъ. Прочія геммы отмѣчены именами другихъ камнерѣзчиковъ, принадлежащихъ тому же или ближайшему слѣдующему времени. Почти во весь періодъ процвѣтанія римскихъ художествъ искусство рѣзанія камней пользовалось большимъ уваженіемъ; даже отъ эпохи 200 года по Рождествъ Христовомъ уцѣлело нѣсколько геммъ и камеєвъ прекраснаго качества.

Особенно интересны нѣсколько камеєвъ Августова и ближайшаго за нѣмъ времени, которые по большому размѣру и блестящему исполненію могутъ смѣло стать на ряду съ большими камеями Птолемеєвъ и прочихъ преемниковъ Александра, хотя изображенные на нихъ предметы совершенно оригинальны и, по изобрѣтенію и обработкѣ, большей частью могутъ считаться непосредственными порожденіями самобытнаго римскаго направленія искусства. Нѣкоторыя изъ нихъ съ многофигурными изображеніями, относящимися къ императорской фамиліи, принадлежатъ къ значительнѣйшимъ произведеніямъ этого художественнаго направленія. Историческое изобрѣтеніе тутъ соединено съ величественной символическою и даетъ изображенія, представляющія господство императорской власти сколько въ достойныхъ, столь же въ возмѣстныхъ формахъ. Особенно заслуживаютъ подробнаго описанія два камея. Одинъ находится въ императорско-королевскомъ вѣнскомъ кабинетѣ: онъ имѣетъ 9 дюймовъ въ ширину, 8 въ толщину, и отличается самой искусной и нежной работою. На ней Августъ представленъ въ видѣ земнаго Юпитера, царствующаго вмѣстѣ съ

богиней Ромею. На одной сторонѣ, облокотясь на тронъ, стоятъ образы изобилія, моря и земли, изъ которыхъ послѣдняя держитъ вѣнецъ надъ головою императора; на другой сторонѣ изображены Тиверій, побѣдитель Иллирии, сходящій съ триумфальной колесницы, которую ведетъ богиня побѣды, и Германикъ, принимающій участіе въ триумфѣ. Внизу видны воины, воздвигающіе трофеи, и пльиники въ сѣверныхъ костюмахъ. Другой камей хранится въ королевскомъ парижскомъ кабинетѣ (прежде былъ въ тамошней *Ste. Chappelle*). Онъ въ 13 дюймовъ толщины и 11 ширины. Тутъ изображенъ Тиверій на тронѣ, также въ видѣ земнаго Юпитера, а подлѣ него мать его Лавія въ видѣ Цереры. По бокамъ, фигуры императорскаго семейства, и въ томъ числѣ Германикъ, котораго императоръ отпускаетъ начальствовать парянской войною, и двѣ музы, готовыя увѣковѣчить подвиги героя. Сверху виденъ Августъ, возносящійся на крылатомъ конѣ въ поднебесныя области, гдѣ его встрѣчаютъ парящіе образы героевъ императорскаго рода, Эней, Юлій Цезарь и старшій Друзъ. Внизу группы покоренныхъ народовъ, частью въ сѣверныхъ, частью въ восточныхъ костюмахъ.

Работа камей, изъ камню разноцвѣтныхъ слоевъ, повела къ мысли дѣлать тоже изъ разноцвѣтнаго стекла. При выборѣ такого матеріала не стѣснялись, какъ при выборѣ камней, определенной данной мѣрою; потому очень натурально, что его стали употреблять тамъ, гдѣ требовались большіе размѣры, особливо въ вазахъ. Изъ работъ такого рода приведемъ въ особенности такъ называемую *Портлендову вазу*, въ британскомъ лондонскомъ музеѣ, въ десять дюймовъ вышины, изъ темносиняго стекла, на поверхности которой налитъ слой бѣлаго непрозрачнаго стекла. По послѣднему нарѣзаны пластическія изображенія такъ, что фигуры выходятъ бѣлаго цвѣта, а грунтъ синій. Работа исполнена вкусу и принадлежитъ лучшей порѣ римскаго искусства. Отъ многихъ другихъ, частью еще превосходнѣйшихъ вазъ такого рода, до насъ дошли по-крайней-мѣрѣ обломки.

ЖИВОПИСЬ.

Дошедшія до насъ извѣстія о живописи римскаго періода, еще неудовлетворительныя извѣстія о скульптурѣ. Кажется, она также, какъ и скульптура, приняла довольно значительный полетъ, при первомъ своемъ переселеніи въ Римъ. Изъ равныхъ годовъ послѣдняго вѣка до Рождества Христова мы знаемъ только имена нѣсколькихъ художниковъ, пользовавшихся тогда славою. Превосходнѣе всѣхъ былъ живописецъ Тимомахъ византійскій, искусно представлявшій страсть, таиную въ душѣ. Такъ было въ его Медевъ, покушающейся на дѣтубійство, но еще колеблющейся между местию и состраданіемъ. (Копія съ нея находится на одной геркуланской стѣнной картинѣ, которая дѣйствительно подаетъ высокое понятіе о достоинствѣ художника). Такъ было въ Аяксъ, который представленъ глубоко обиженнымъ, сосредоточившимъ свой гнѣвъ въ себя. Такъ и въ изображеніяхъ Ореста, Ифигеніи въ Тавриду, и прочая. Послѣ Тимомаха, замѣчательна была живописица Лала, родомъ изъ Кизика.

При императорахъ, древніе уже жалуются, что искусство живописи пало съ своей высоты. Кажется мольберная живопись не внушала особеннаго участія въ это время. Стѣнная живопись сдѣлалась работою роскоши. Вошла въ моду пестрота арабесковидныхъ архитектуръ, и при нихъ съ удовольствіемъ видѣли разные проспекты, ландшафты, садовыя сцены, каналы, приморскіе города и прочая, оживленные иногда разными причудливными фигурами. Изображеніями такого рода славился при Августѣ въ особенности живописецъ Лудій (Ludius). Стѣнная живопись Помпей и Геркуланума представляетъ много образчиковъ того и другаго. Вообще онѣ даютъ намъ очень ясное понятіе о всей этой манерѣ живописной стѣнной декораціи. Искусное изобрѣтеніе и обработка, свѣжее продолженіе греческаго духа, видимыя нами въ этихъ произведеніяхъ, не смотря на болѣе или менѣе плохое ихъ исполненіе, могутъ все еще возбуждать великое удивленіе.

Имена живописцевъ, дошедшія до насъ отъ перваго столѣтія до Рождества Христова, мы пропускаемъ, потому что съ ними не связано никакого высшаго интереса. Но кажется, живопись при Адри-

анъ опять получила некоторое значеніе, подобно прочимъ искусствамъ. По-крайней-мѣрѣ отличнѣйшимъ живописцемъ этой эпохи называется Актіонъ, и въ особенности выхвывается его картина: Александръ и Роксана, окруженные амурами, играющими оружіемъ царя, — предметъ которой, не уцѣлвшему описанію картины, послужилъ содержаніемъ несколькимъ прелестнымъ сочиненіямъ новѣйшихъ художниковъ. Съ-тѣхъ-же поръ живопись упала еще быстрее прочіихъ искусствъ, и нестрое украшеніе станъ стало по большей части дѣломъ рабовъ.

=

КРЕТИНИЗМЪ И ЕГО ЛЕЧЕНІЕ.

Давно уже известно, что *кретинизмъ*, этотъ бичъ рода человеческого, свиряствуетъ почти во всехъ долинахъ большого горнаго хребта, перерезающаго всю среднюю Европу; однако же только въ последнее время врачебное искусство начало серьезно помышлять о средствахъ предупредить и исцѣлять его пагубныя дѣйствія. Въ десять тому назадъ, докторъ Гугенбюль далъ сильное и постоянное движеніе благодѣтельной мысли объ облегченіи участи этого несчастнаго племени, распространеннаго по большой части Европы; онъ основалъ первое лечебное заведеніе, вполне соответствующее двойственной цѣли, которую онъ имѣлъ въ виду: ученому изслѣдованію источника и дѣйствій болѣзни и практическому врачеванію ея. Какъ скоро открылась ученому міру великая цѣль основателя, всѣ благомыслящія умы присоединились къ его благородному подвигу, кто своимъ содѣйствіемъ, кто участіемъ и пожеланіями. Первые судьбы такого предпріятія представляютъ сильный психологическій интересъ, и проявляютъ неуслышанное попеченіе Провидѣнія о совершенствованіи человеческого рода. Поэтому, мы надеемся доставить удовольствіе всѣмъ просвѣщеннымъ читателямъ, представивъ біографическій очеркъ этого благодѣтеля человечества.

Докторъ Гугенбюль родился въ Майленъ, на берегу Цюрихскаго озера, 16 августа 1816 года. Родители его, въ самомъ южномъ его возрастѣ, замѣтили въ немъ рѣшительное призваніе къ медицинѣ; на седьмомъ году любимымъ занятіемъ его было собирать травы и осведомляться о ихъ цѣлебныхъ свойствахъ. Его отдали въ цюрихскую гимназію; потомъ онъ слушалъ естественныя науки у Окена, медицину у Шенлейна и философію у Трокслера.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, какая-то невѣдомая сила влекла его постоянно на самыя высокія вершины горъ, мѣста, ознаменованныя учеными изслѣдованіями Геснера, Галлера, Шейндера, де-Соссюра, и дру-

гихъ двигателей науки. Все время ваканцій посвящалъ онъ пѣшеходнымъ путешествіямъ по альпійскимъ долинамъ, возвытымъ нѣкогда врачемъ—потомъ Галлеромъ. «Здѣсь, говорилъ онъ, нахожу я всѣ самыя рѣдкія произрастенія земли, и самыя великія явленія природы, собранныя на самомъ маломъ пространствѣ».

Цѣлью этихъ путешествій молодаго Гугенбуля было изученіе первобытныхъ нравовъ народа, мѣстныхъ болѣзней и естественныхъ произведеній отечества. Встрѣча съ однимъ несчастнымъ кретинномъ, въ Цедоръѣ, кантона Ури, возбудила въ высшей степени состраданіе будущаго врача, и рѣшила направленіе всей его жизни. Онъ вошелъ въ хижину бѣднаго страдальца и разговорился съ его матерью, которая рассказала ему, какъ она учила этой молитвѣ своего сына, когда онъ былъ еще ребенкомъ. «Существо, въ которомъ можетъ еще пробудиться мысль о Богѣ, писалъ Гугенбуль въ то время одному изъ своихъ друзей, заслуживаетъ всякаго пожертвованія и всякихъ трудовъ; спасти одну душу есть подвигъ несравненно болѣе достойный человека, чѣмъ пріобрѣсти богатства земли». Многократныя путешествія въ нагорныя части Швейцаріи доставили ему случай изслѣдовать и сравнить множество кретинновъ, которые въ Швейцаріи считаются тысячами. Молодой врачъ—филантропъ былъ глубоко тронутъ жалкою судьбою этихъ людей, передъ которыми Пешераи, Готентоты, Ботокады и другіе дикари могутъ назваться благословенными племенами. Онъ поклялся посвятить свою жизнь и свои силы на вспоможеніе этимъ несчастнымъ, въ полномъ убѣжденіи, что человечество не замедлитъ содѣйствовать его неутомимымъ и безкорыстнымъ усиліямъ.

Окончивъ свое ученіе, онъ дѣятельно принялся за большую монографію на степень доктора. Предметомъ этой монографіи, пользующейся большимъ уваженіемъ у ученыхъ, были *тифозныя воспаленія легкихъ*, свойственныя нагорнымъ странамъ Швейцаріи.

Съ этого времени, мысль о несчастныхъ кретинахъ не давала ему покою ни днемъ, ни ночью; съ нею просыпался онъ по утрамъ, и съ нею засыпалъ по вечерамъ.

Съ-тѣхъ—поръ, какъ знаменитый женевскій естествоиспытатель де-Соссюръ упомянулъ о кретинизмѣ въ 1784 году, въ своемъ «Путешествіи по Альпамъ», нѣсколько врачей—филантроповъ, какъ Фодорѣ, Аккерманъ, Венцель, Илгофенъ, Ауценригъ, Цшоке, Трокслеръ и др.

тѣ, включили кретинизмъ въ кругъ своихъ изслѣдованій, и стали размышлять о средствахъ врачеванія этой болѣзни; особенно старались они открыть источникъ зла, въ чемъ однакоже успѣли только до известной степени.

Докторъ Гугенбуль принялся за дѣло съ твердымъ вѣрованіемъ, что ученые обязаны употребить все свои силы, всю дѣятельность въ пользу этихъ несчастныхъ; онъ тотчасъ поселился, въ качествѣ вольнопрактикующаго врача, въ одной изъ альпійскихъ долинъ, считающихся родиною кретиновъ. Два года прожилъ онъ въ Клейнталѣ, въ гларисскомъ кантонѣ, и сдѣлалъ въ это время множество опытовъ леченія кретинизма. Скоро онъ убѣдился, что для полнаго успѣха этого предпріятія, необходимо приступать къ леченію зла въ самомъ важномъ возрастѣ. Ему нѣсколько разъ удавалось производить быстрое улучшеніе въ состояніи больныхъ дѣтей, разными врачебными и гигиеническими средствами. Это привело его къ мысли о необходимости лечебнаго учрежденія, въ которомъ вмѣстѣ съ врачебными и гигиеническими средствами можно бы употреблять и психологическія. Содѣйствовать развитію души кретиновъ, стало отнынѣ целью, къ которой мужественно стремился этотъ новый соперникъ Бернарда Ментонскаго и аббата де-Лепё. Въ 1839 году докторъ Гугенбуль напечаталъ изложеніе своего плана; вскорѣ основатель и директоръ гофвильскаго учебнаго заведенія, Эмануэль Фелленбергъ, написалъ ему: «Ваше прекрасное предпріятіе, основать заведеніе для леченія кретинизма, весьма радуется и занимаетъ меня; это подвигъ человеколюбія, который, если будетъ приведенъ въ исполненіе, заслужитъ вамъ благословенія всехъ истинныхъ друзей человечества. Если бъ вамъ можно было согласиться на мою просьбу, и занять на время мѣсто врача при гофвильскомъ учрежденіи, мы могли бы въ личной бесѣдѣ сдѣлать гораздо болѣе для задуманнаго вами дѣла, чѣмъ за отвѣляющимъ насъ пространствомъ». Докторъ Гугенбуль съ радостью принялъ это предложеніе, которое показалось ему указаніемъ Провидѣнія на избранномъ пути; дѣйствительно, онъ не могъ бы выбрать лучшаго мѣста для изученія на практикѣ воспитанія дѣтей, какъ гофвильское заведеніе.

Когда жители Клейнтала узнали о намѣреніи своего врача оставить ихъ, вся долина погрузилась въ искреннюю горестъ, потому что больные теряли въ немъ не только врача, но отца и друга. Многіе отцы семействъ рѣшились удѣлять ему ежегодно лишній талеръ

изъ своего небольшого богатства. Докторъ Гугенбуль благодарилъ ихъ за доброту, и сказалъ: «Если бы назначеніемъ моимъ на землѣ было только заниматься медицинскою практикою, я не почувилъ бы никакой привязанности даже ни на какія сокровища; но Богъ назначилъ мнѣ другое поприще, и я долженъ повиноваться его призыву».

Въ томъ же 1839 году, докторъ Гугенбуль прѣхалъ въ Гюлля, гдѣ Фелленбергъ содѣйствовалъ ему со всею жаромъ дружбы и со всею ревностью истиннаго филантропа. «Послѣ успѣховъ, сдѣланныхъ наукою въ врачеваніи кретинизма, писалъ онъ въ 1841 году, оставаться въ прежнемъ бездѣйствіи противъ такой ужасной болѣзни, значило бы, что на всемъ человечествѣ лежитъ проклятіе преступленія».

Однакоже и тогда уже зависть и невѣжество возстали противъ благодѣтельныхъ усилій доктора. Одна бернская газета не устыдилась даже печатать въ своихъ столбцахъ, что эти несчастныя существа просто скоты, и что жаль молодого ученаго, который истощаетъ свои силы на напрасное разработываніе такой неблагодарной почвы.

Правда, что кретинизмъ во всемъ его развитіи представляетъ безобразную карикатуру на человечество. Но затѣмъ останавливаться на одной вышней сторонѣ этого печальнаго явленія? Если смотрѣть съ этой точки зрѣнія на рѣзкія противоположности умственныхъ силъ, которыя безпрестанно встрѣчаются въ жизни; — если, напримеръ, противопоставлять какому-нибудь Бэкону Верулямскому или Канту отомака, глотающаго въ видѣ лакомства глиняныя лепешки, Комернику, исчисляющему ходъ небесныхъ свѣтилъ, глупаго Лопаря, который смотритъ на небо разинувъ ротъ; Франклину — болѣзливаго Ланкаря, который увидѣвъ молнію или слыша ударъ грома, съ ужасомъ ползетъ въ свою землянку; или Ньютону, котораго паденіе яблока съ дерева ведетъ къ открытію сокровеннѣйшихъ законовъ природы, вошерая, не умѣющаго пересчитать свои пальцы; наконецъ Вильберфорсу, Говарду, Гердеру, этимъ образцамъ человечественности противопоставить какого-нибудь Карамба-людовда, — не придется ли съ отчаянія махнуть рукою на человечество? и сколькоихъ надо будетъ исключить изъ числа людей?

Докторъ Гугенбуль былъ проникнутъ исторіею Песталоцци, котораго ученіе начинало тогда приносить плоды въ бернскомъ кантонѣ,

* «La destination providentielle de la Suisse,» par E. de Fellenberg. Berne, 1848.

и который въ свое время также подвергался гонимому замѣти и по-
 лности, и былъ также провозглашенъ сумасбродомъ. Чтобы преду-
 предить нападенія, докторъ Гугенбуль обратился къ швейцарскому
 обществу естествоиспытателей, прося подвергнуть его наблюденія и
 паче публичному сужденію. Онъ изложилъ свои мысли въ неболь-
 шомъ трактатѣ: «О кретинствѣ и человечествѣ въ отношеніи къ кре-
 тинизму въ Швейцаріи», и представилъ ихъ обществу. Ученое обще-
 ство признало важность предпріятія и его пользу для человечества,
 и въ августѣ 1840 года, комиссія, составленная изъ врачей, госу-
 дарственныхъ людей и педагоговъ, подъ предсѣдательствомъ отца
 Жирара, постановила, что «нѣтъ сомнѣнія, что можно съ успѣхомъ
 предупреждать эту ужасную болѣзнь, приступая къ леченію ея въ
 самомъ южномъ возрастѣ, когда кретинизмъ не успѣлъ еще совер-
 шенно вкорениться. Опытность же и ревность доктора Гугенбуля,
 директора и главнаго врача госпиталя, суть лучшее ручательство въ
 успѣхъ предпріятія».

Въ 1841 году гамбургскій врачъ, докторъ Букъ, рѣшился доста-
 вить этому учрежденію содѣйствіе нѣмецкаго общества естествоиспытателей,
 и представилъ ученое разсужденіе, въ которомъ онъ доказы-
 валъ, на прочныхъ началахъ науки, что расположеніе къ кретинизму
 бываетъ по бѣльшей части врожденно; но что можно однако же пре-
 дупредить и остановить развитіе болѣзни, удаляя больнаго отъ вред-
 ныхъ испареній, наполняющихъ атмосферу, или помощью врачебныхъ
 и принаровненныхъ къ нимъ гигиеническихъ средствъ; и что продол-
 жительное употребленіе этихъ средствъ можетъ остановить болѣзнь,
 даже когда она достигла уже высокой степени развитія.

Въ то же время другой драгоценный голосъ раздался въ пользу
 мысли доктора Гугенбуля. Это былъ голосъ доктора Нидерера, изъ
 Женевы, замѣчательнѣйшаго изъ учениковъ Песталоцци. Вотъ какъ
 онъ пророчилъ будущія великія заслуги предпріятія. «Это предпріятіе
 важно не только какъ національное дѣло, но и съ точки зрѣнія че-
 ловѣчества; оно откроетъ новые пути изслѣдованіямъ и опытамъ надъ
 взаимнымъ отношеніемъ человѣческаго организма и вѣвнней природы.
 Учрежденіе для леченія кретинизма не можетъ надѣяться совершенно
 искоренить зло; оно должно имѣть вліяніе собственно гигиеническое,
 предотвратитъ въ ребенкѣ развитіе болѣзни, захватить ее въ самомъ
 зародышѣ; а это уже дѣло, заслуживающее благодарности челове-

отва, и угодное Богу. Ученые, естествоиспытатели, философы, педагоги не замедляют обратить внимание на это предприятие. Ученые, правда, повзрять только когда убедятся собственными глазами, но истинные христіане тѣ, которые вѣрують, не ожидая чувствѣннаго доказательства. Дать вторично физическое и нравственное бытіе этимъ несчастнымъ дѣтямъ, есть, конечно, великая побѣда человеческого ума надъ физическою природою, во славу Творца; однако же не должно ограничиваться одними частными результатами, должно принять въ соображеніе и пользу науки и разширеніе сферы нашей дѣятельности. Что могутъ доказать противорѣчивыя теоріи и нѣсколько одинокихъ фактовъ въ чисто практическомъ вопросѣ? Абендбергское учрежденіе доставитъ намъ возможность обсудить практически различныя вопросы относительно кретинизма; потому что оно покажетъ возможность врачебныхъ и гигиеническихъ средствъ противъ болѣзней.»

Изъ этихъ словъ доктора Нидерера, мы узнаемъ и мѣсто, выбранное для первыхъ опытовъ. Выборъ мѣста былъ дѣло вовсе не легкое; потому что не легко было отыскать клочекъ земли, соединяющій три необходимыя условія: достаточную возвышенность надъ поверхностью моря, хорошую воду и достаточное пространство не только для перваго заведенія, но и на случай его распространенія.

Тщательныя наблюденія показали доктору Гугенблюму, что кретинизмъ никогда не встрѣчается въ Швейцаріи выше трехъ тысячъ футовъ надъ поверхностью моря, и что люди, живущіе на этой высотѣ, отличаются силою, здоровьемъ и красотою тѣла.

Замѣтимъ тутъ одно обстоятельство, неважное въ сущности, но которое показываетъ, какъ часто люди, стремящіеся къ возвышеннымъ нравственнымъ цѣлямъ, безъ вѣдома своего содѣйствуютъ другъ другу. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, какъ докторъ Гугенблюмъ приступилъ къ исполненію своего плана, знаменитый швейцарскій лѣсоводъ Кастоферъ старался доказать, что вершины Абендберга, возвышающіяся на три тысячи футовъ надъ поверхностью моря, удобны къ разведенію всякихъ растений, и слѣдовательно представляютъ все удобства для учрежденія колоній *.

Кастоферъ съ восторгомъ слышалъ о будущемъ улучшеніи въ участи несчастныхъ кретинновъ, и охотно уступилъ свою гору доктору

* S. Kastofer. «Ueber die Kolonisirung der alpinen Thäler». Leipzig, 1836.

Гугенбальдъ. Тутъ онъ построилъ удобный домъ на тридцать мѣст на сорокъ человѣкъ дѣтей, съ большимъ приемнымъ покоемъ, ваннами, залами для упражненій и игръ. Вслѣдствіи къ этому дому была еще пристроена другой, и въ немъ устроился родъ училища, въ которомъ желающіи матери могли учиться простѣйшимъ способомъ леченію больныхъ дѣтей. Это второе учрежденіе должно признать большимъ улучшеніемъ въ первой мысли основателя.

Строенія всѣ деревянныя; это представляетъ особую выгоду на такой высотѣ, потому что дерево дурной проводникъ теплоты, и вовсе не пропускаетъ сырости. Работы первыхъ двухъ лѣтъ были ведены съ необыкновенною ревностію среди всякаго рода препятствій, которыя такъ часто противопоставляются всѣмъ начинаніямъ въ пользу общаго блага. Однако же успѣхъ скоро увѣнчалъ непоколебимое мужество доктора, и наполнилъ его сердце такою же радостью, какую чувствовалъ сэръ Гумфри Дэви, открывъ безопасную лампу, даровавшую жизнь столькимъ людямъ. Весною 1842 года, управляющій департаментомъ внутреннихъ дѣлъ бернскаго кантона говорилъ въ официальномъ отчетѣ : «Что касается мѣстности, Абендбергъ конечно представляетъ всѣ условія, какихъ можно желать для такого рода учрежденія. Невозможно было во всемъ альпійскомъ нагорьи найти мѣста, болѣе благоприятнаго во всѣхъ отношеніяхъ. Заведеніе лежитъ среди высокихъ альпійскихъ горъ, среди величайшихъ явленій природы, производящихъ глубокое впечатлѣніе даже на самыхъ нечувствительныхъ людей, на нагорной равнинѣ, возвышающейся на три тысячи футовъ надъ поверхностью моря; подъ нею разстилается одна изъ роскошнѣйшихъ швейцарскихъ долинъ, и два озера, отражающія высочайшія вершины нагорья. Оно расположено на солнцѣ и пользуется самымъ чистымъ альпійскимъ воздухомъ; известковыя альпійскія скалы доставляютъ воду отличнаго свойства и въ достаточномъ изобиліи. Къ этимъ выгодамъ должно еще присоединить умеренность температуры зимою; потому что въ то самое время, какъ интерлакенская долина покрывается густымъ и почти постояннымъ туманомъ, Абендбергъ освѣщенъ теплыми лучами солнца. Въ настоящее время находятся въ заведеніи двѣнадцать человѣкъ дѣтей; всѣ они были приняты въ состояніи глубокаго физическаго и нравственнаго оскотнѣнія, со всеми признаками кретинизма, и всѣ теперь поправляются съ неизменною быстротою; нѣкоторые даже почти исцѣлены. Словомъ, этотъ

кратковременный опытъ показавъ намъ, что усилія доктора Гунд-беля имѣютъ самый радостный результатъ, и подають самую убѣдительную надежду на возможность исполненія кретицизма. Что касается собственно де мени, я убѣждаюсь, что подобныя учрежденія отнынѣ стануть такою же необходимостью, какъ были доселѣ заведенія для умалишенныхъ, слѣпыхъ и глухонемыхъ».

Въ сентябрѣ 1842 года, англійскій филантропъ докторъ Твайнингъ, изъ Лондона, посѣтилъ абендбергское учрежденіе, и съ восторгомъ отзывался о немъ и о бланстательныхъ усиліяхъ, которыхъ онъ былъ очевидцемъ, въ небольшой брошюркѣ подъ названіемъ: «Краткій отчетъ о кретицизмѣ и учрежденіи для леченія его на Абендбергѣ, близъ Интерлакена, въ Швейцаріи».

Докторъ Твайнингъ является въ этой брошюркѣ однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ и ревностныхъ друзей страждущаго человечества. Онъ старался обратить вниманіе всѣхъ англійскихъ филантроповъ на абендбергское учрежденіе и пригласить ихъ содѣйствовать успѣху этого благотвельнаго предпріятія, потому что Швейцарія, считающая кретиновъ тысячами, не въ состояніи давать надлежашаго пособія. Самъ онъ отдался душой и тѣломъ этому прекрасному дѣлу, и не щадилъ для него ни трудовъ, ни издержекъ; даже на смертномъ одрѣ, — онъ умеръ въ 1848 году, — послѣдняя мысль его была объ Абендбергѣ. Это ревностное состраданіе къ бѣдствіямъ человечества была наследственною чертою въ его домѣ; отецъ его, Ричардъ Твайнингъ, былъ также однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ защитниковъ кретиновъ. Все, что совершено въ послѣднее время въ Англій на поприщѣ леченія слабоумія и нравственнаго развитія идіотовъ, есть плодъ неутомимыхъ и просвѣщенныхъ усилій доктора Твайнинга, котораго жизнь, небогатая годами, была исполнена подвиговъ благотворительности и самоотверженія.

Въ собраніи англійскихъ естествоиспытателей въ 1845 году въ Кембриджѣ, докторъ Твайнингъ съ жаромъ говорилъ о кретицизмѣ и его леченіи, и приглашалъ врачей и натуралистовъ всѣхъ частей свѣта присоединить свои наблюденія къ наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ Европѣ; потому что нѣтъ почти ни одной страны въ мірѣ, которая была бы совершенно изъята отъ этого ужаснаго бича.

* «Some account of cretinism and the institution for its cure on the Aebenberg near Interlaken, in Switzerland». By Dr. Twining. London, 1843.

понятка леченія кретинизма, была — твердое убѣжденіе, что всѣ люди равны по душѣ, и что разность въ проявленіи ихъ души происходитъ отъ различія ея тѣльной оболочки, отъ состоянія тѣла, которое въ кретинахъ искажено болѣзью. Опытъ чудеснымъ образомъ подтвердилъ эту мысль. Кретины, особенно дѣти, которыхъ душа раскрывается по мѣрѣ уничтоженія недуга, всего легче постигаютъ существованіе Бога и Спасителя; эту мысль они гораздо легче принимаютъ, чѣмъ понятіе о дѣйствительномъ существованіи даже вѣщественнаго предмета. Не свидѣтельство ли это божественнаго ламени, вдохнутаго первоначально въ человеческую душу?

Докторъ Гугенбуль опредѣляетъ кретинизмъ «уродливымъ развитіемъ тѣла и души, низкимъ состояніемъ человеческой природы, которое упадаетъ съ каждымъ годомъ до-тѣхъ-поръ, пока не исчезнетъ послѣдній слѣдъ человеческого достоинства». Кретины болѣе тѣломъ; они золотушны, подвержены англійской болѣзни, члены ихъ сведены, нерѣдко даже до калѣчества; этимъ они отличаются отъ idiots, которые, при хорошемъ обыкновенно развитіи тѣла, находятся на еще нижней ступени умственнаго развитія. Исцѣленіе этихъ несчастныхъ есть настоящее воскрешеніе умственныхъ способностей, одно изъ чудесъ христіанскаго человеколюбія нашего времени. Больше трехъ сотъ дѣтей были уже пользованы на Абендбергѣ; многіе совершенно выдѣловались; многіе другіе, окрыпнувъ тѣломъ и душою, возвратились въ свои долины, чтобы посѣщать народные училища. Докторъ Гугенбуль посѣщаетъ отъ времени до времени своихъ выбывшихъ пациентовъ и помогаетъ имъ еще советами. Опытъ показалъ ему, что болѣзнь очень рѣдко возобновляется послѣ семи лѣтъ; но что дѣти, приближающіяся къ этому возрасту, никогда не должны оставлять заведенія, потому что въ это время наиболее укрѣпляется въ нихъ система костей, очень несовершенная у кретинновъ. Въ это же время мозгъ достигаетъ надлежащихъ размѣровъ и приобретаетъ надлежащія свойства; физическая сила развивается и духовная жизнь начинаетъ раскрываться; движенія тѣла становятся быстрее, дыханіе чаще, пищевареніе правильнѣе, а коренные зубы перестаютъ расти; бесспорно мозгъ есть земное орудіе души. Образованіе черепа подчинено развитію мозга; по этому-то первый признакъ кретинизма заключается въ образованіи головы. Мозгъ бываетъ иногда слишкомъ великъ, иногда слишкомъ малъ, часто несообразенъ въ частяхъ и сложности

съ боковъ. Особенно часто встрѣчается сдвигеніе его около висковъ; задняя часть головы обыкновенно бываетъ чрезвычайной величины; иногда же, гораздо рѣже, она совершенно плоска.

Такіе больные не скоро и съ трудомъ выучиваются ходить; умственные способности ихъ по большей части остаются на послѣдней ступени развитія. Взрослые люди, которыхъ голова не имѣетъ шестнадцати дюймовъ въ окружности, принадлежатъ къ разряду слабоумныхъ. Когда кретинизмъ въ дѣтяхъ является подъ видами гидроцефалическимъ или гипертрофическимъ, окружность головы имѣетъ отъ двадцати до двадцати-осми дюймовъ. У несчастныхъ, страдающихъ недостаткомъ мозгу и у которыхъ голова остроконечная, на подобіе сахарной головы, окружность головы имѣетъ отъ двѣнадцати до четырнадцати дюймовъ, то-есть, не больше чѣмъ у новорожденного младенца. Многократныя наблюденія, сдѣланныя на Абендбергъ, показали, что по-мѣрѣ развитія и укрѣпленія умственныхъ силъ, и черепъ принимаетъ болѣе нормальный видъ. Если черепъ слишкомъ великъ, онъ останавливается въ ростъ, между-тѣмъ какъ прочія части тѣла развиваются; если онъ малъ, масса мозгу увеличивается даже на полтора дюйма въ годъ. Такимъ-образомъ все части приходятъ въ соразмѣрность. Изъ всего сказаннаго ясно слѣдуетъ, что въ кретинахъ есть вслѣдственное начало, есть душа, способная совершенствоваться. Не должно забывать, что болѣзнь сопряжена съ постепенною безчувственностью нервныхъ центровъ. Отсюда необходимость начинать леченіе въ самомъ нѣжномъ возрастѣ.

Моисей далъ Евреямъ особый законъ для распознаванія и леченія проказы; точно также и кретинизмъ съ самаго зарожденія своего долженъ быть предметомъ особыхъ мѣръ. Евангельское ученіе повѣлываетъ человеку помогать ближнему своими познаніями и своею любовью къ несчастнымъ существамъ, обиженнымъ природою. Докторъ Гугенбуль различаетъ четыре вида кретинизма: 1) рахитическій, 2) сухоточный, 3) гидроцефалическій, и 4) врожденный. Профессоръ Гейзингеръ замѣчаетъ при этомъ случаѣ, что рахитическій видъ кретинизма можно бы объяснить золотухою костей; атрофическую — золотухою всего тѣла, а гидроцефалическую — золотухою мозгу. При рахитическомъ видѣ (происходящемъ отъ англійской болѣзни) кретинизма дѣти обыкновенно бываютъ здоровы первые два года; черты ихъ чисты и представляютъ видъ цвѣтущаго здоровья. Но

по прорезании первого зуба, они начинают заметно халать, и мало-по-малу теряют способность ходить и стоять на ногах; потом начинают грустить, перестают играть и не хотят говорить. Черты еще не успевают измениться, и щеки не теряют румянца, как голова уже теряет равновесие и склоняется, как у младенцев. По тщательномъ осмотрѣ ихъ тала оказывается, что кости едва-лишь мягки, и въ некоторыхъ мѣстахъ вздуваются. Когда ноги страдаютъ чѣмъ-то въ родѣ паралитической слабости, это обыкновенно признакъ, что болѣзнь водворилась въ крестцовой и крестцовой полостей. Голова принимаетъ угловатый видъ; лобъ дѣлается непомерно высоокъ, и выпуклости лба чрезвычайно выдаются. На поверхности черепа, большой родничкъ, который у здороваго ребенка закрывается обыкновенно въ два года, остается открытымъ до четырехъ и даже до шести лѣтъ. Животъ вздутъ, сместитъ неправильно, дѣлается безпрестанные запоры. Кожа дѣлается мягка, теряетъ упругость, ночью издаетъ сильную жарину, и часто покрыта чрезвычайно мелкою красною сыпью. Мало-по-малу являютя все признаки слабоумія; тѣло не достигаетъ болѣе трехъ или четырехъ футовъ росту, члены сведены, искривлены, сухопары, черты лица принимаютъ видъ преждевременной дряхлости. Докторъ Гугенбольдъ встрѣчалъ примѣры, что пальцы были совершенно изогнуты какъ когти; Мативонгъ описываетъ подобнаго урода въ своемъ «Путешествіи на Юру».

Суеточный или атрофическій (происходящій отъ недостатка штанія) кретинизмъ часто начинается у младенцевъ въ первомъ году по рожденіи, или же гораздо вѣднѣе, около семи лѣтъ; нередко начало болѣзни возмѣщается замѣсь или другимъ легкимъ недорозвѣемъ. Больные сохраняютъ хорошій аппетитъ, но все-таки остаются худы какъ осы; ноги ихъ особенно сухопары, какъ сныли, и лишены силы; пульсъ слабъ, кожа холодна и даже морщинивата. Лицо въ этомъ періодѣ не представляетъ еще никакихъ измѣненій; но мало-по-малу болѣзнь, водворившаяся первоначально только въ спинномъ мозгу, восходитъ до головного мозгу; живительныя силы истощаются, слюна течетъ изо рта, языкъ виситъ наружу, нижнія челюстности вымываютъ. Главная опасность заключается въ томъ, что болѣзнь имѣетъ неприметный, медленный ходъ, безъ боли, такъ-что почти невозможно съ точностью уловить благоприятный моментъ для леченія. Часто случается, что все дѣти одного семейства воспа-

даютъ одинаковымъ образомъ; встрѣчалось еще болѣе странныя примѣры семействъ, въ которыхъ одни сыновья или однѣ дочери подвергались болѣзни.

Самый обыкновенный видъ кретинизма гидроцефалической (происходящей отъ водяной въ мозгу); онъ начинается у дѣтей отъ одного года до семи лѣтъ, и обыкновенно судорогами. Эти судорожные припадки повторяются нѣсколько разъ, и съ каждымъ разомъ ребенокъ становится слабѣе тѣломъ и умственными способностями. Голова дѣлается чрезвычайно велика и не соразмѣрна въ частяхъ; члены длинны, безсильны, сухопары; аппетитъ чрезвычайно силенъ, и пищевареніе неправильно. Мало-по-малу мускулы и сукія жилы сводятся, ноги искривляются, образуются затвердѣнія въ составахъ рукъ, позвоночный столбъ сгибается, и прочая.

Врожденный кретинизмъ представляетъ множество различныхъ видовъ. Часто болѣзнь возвыщается чрезвычайно малымъ ростомъ и нескладностью тѣла (неправильный ростъ); у другихъ тѣло развито правильно и хорошо, но духовная жизнь помрачена (идіотизмъ); третьи слышать, но не могутъ говорить (кретиническая нѣмота); у четвертыхъ наконецъ и тѣло уродливо и душа помрачена; это высшая степень кретинизма. Чѣмъ болѣе кретинъ изможденъ тѣсною болѣзнию, тѣмъ неблагоприятнѣе его состояніе для развитія умственныхъ силъ. Жизненная сила природы не представляетъ никакого противодействія этой ужасной болѣзни; искусство должно тутъ все сдѣлать само, чтобы не допустить человека упасть до степени скота.

Всѣ явленія, характеризующія чистый кретинизмъ, объясняются ослабленіемъ жизненной дѣятельности: человекъ здоровый дышетъ восемнадцать разъ въ минуту, а кретинъ, въ тѣхъ же обстоятельствахъ, только пятнадцать разъ; вмѣсто 1015 граммъ воздуха, потребныхъ здоровому, онъ вдыхаетъ только 845 граммъ въ сутки. Пульсъ у кретина даетъ четыремя или пятью ударами меньше въ минуту, и температура крови тремя или четыремя градусами ниже, чѣмъ у здороваго человека; кожа его мягка и холодна. Слѣдовательно выборъ для заведенія абендбергской высоты основанъ на началахъ науки. Точныя наблюденія показали, что въ нагорномъ воздухѣ, содержащемъ большее количество положительнаго электричества, человекъ вдыхаетъ болѣе кислорода, чѣмъ въ обыкновенной атмосферѣ; черезъ это усили-

жестокъ въ немъ живущая дѣтская душа, пылкіе и живые чувства.

Продолжительное пребываніе дѣтей среди возбуждающей атмосферы имѣеть, во всѣхъ отношеніяхъ, самое благотворное вліяніе на ихъ тѣло и умственные способности. Между-тѣмъ какъ нервическіе горячки и другія болѣзни неоднократно опустошали всю смежную долину, Абендбергъ оставался неприкосновенъ имъ. Множество дѣтей, которыя при поступленіи въ заведеніе едва могли разгибать члены, пробывъ въ немъ годъ, нерѣдко даже только полгода, могли уже бѣгать и скакать. Но опытъ показалъ, что физическое леченіе должно многимъ предшествовать нравственному; въ противномъ случаѣ можно опасаться новаго расстройства и еще большаго ослабленія организма. Только когда здоровье значительно окрѣпнѣетъ, когда вся дѣятельность тѣла придетъ въ надлежащій порядокъ, развитіе физическихъ силъ достигнетъ известной степени, можно приступать, съ надеждою на успѣхъ, къ нравственному воспитанію. Никакое явленіе не можетъ быть такъ любопытно и удивительно, какъ внезапное освобожденіе души отъ оковывающей ее коры. Докторъ Гутенболь выдалъ дѣтей, которыя, при видѣ заходящаго солнца, радуги, или подъ вліяніемъ электрической ванны, выражали первыя впечатлѣнія, первыя понятія, пробудившіяся въ ихъ душѣ.

Каждому ребенку, достигшему такой степени развитія, отводится маленькій садикъ, за которымъ онъ ходитъ; тутъ онъ привыкаетъ наблюдать вліяніе воздуха, свѣту, влаги на растительность; большая часть съ восторгомъ слѣдитъ за разнообразною и великолѣпною картиною явленій природы, которую имъ безпрестанно представляютъ Альпы.

Высшія способности ума, разсудокъ, мышленіе, умозрѣніе, особенно глубоко зарыты въ крѣпкѣ; раскрытіе ихъ требуетъ большаго усилія и особенной методы. Такъ, встрѣчалось на Абендбергѣ множество дѣтей, которыя очень хорошо выучивались читать и писать, но не могли сдѣлать шагу далѣе. По этому докторъ Гутенболь считалъ обыкновенную методу народныхъ училищъ недостаточною. Началъ естественныхъ наукъ, если сдѣлать ихъ основательными, посредствомъ искусно веденныхъ опытовъ, несравненно болѣе соответствовать предполагаемой цѣли, — обогатить умъ ихъ понятіями и развитъ способ-

нство сужденія. Для этой цели на Абендбергъ возмущенная вслѣдъ, что можно войти въ кругъ обязательныхъ опытовъ.

При абендбергскомъ заведеніи есть общество женщинъ, которыя съ невыразимомъ любовью, кротостью и терпаніемъ заботятся бдительно малюткамъ матерей. Нельзя безъ умиленія видѣть, съ какимъ самоотверженіемъ онѣ исполняютъ этотъ высокій подвигъ христіанской любви къ ближнему. Докторъ Гугенбуль особенно хвалитъ точность, съ которою онѣ соблюдаютъ все его медицинскія предписанія, и дѣлать имъ, на этотъ счетъ, огромное преимущество передъ мужчинами.

Странное явленіе представляетъ обыкновенное развитіе у кретинновъ органа зрѣнія; онѣ видятъ очень далеко, но вблизи не замечаютъ небольшихъ предметовъ, хотя бы онѣ даже прикасались къ нимъ. Миръ представляется имъ какою-то хаосомъ; ихъ зрѣніе не обращается ни на какую определенную точку; самый свѣтъ, со всѣмъ своимъ блескомъ, не производитъ никакого впечатлѣнія на ихъ органъ зрѣнія. По всему видно, что у нихъ фибры мозга находятся въ состояніи совершеннаго онемѣнія, не позволяющаго имъ воспринимать внѣшнія впечатлѣнія. Неопредѣленность впечатлѣній влечетъ за собою неясность понятій; отсюда недостатокъ способности сужденія и чрезмерное преобладаніе чувствъ сердца, которыми отличаются кретины.

Частыя сыпи на кожѣ, частыя воспаленія глазъ, опуханіе желтъ, опухоль и вздутіе на разныхъ частяхъ тѣла, доказываютъ, что кровь у кретинновъ испорчена; поэтому абендбергскіе малютки каждое лѣто пьютъ травы, наиболее наделенныя свойствомъ очищать кровь; изъ числа наиболее употребляемыхъ травъ назовемъ только подбѣлъ (*tussilago farfara*) и омегъ пятилистный (*sonium maculatum*).

Можно бы съ перваго разу подумать, что различныя препараты іода должны приносить большую пользу при леченіи кретиннизма. Однако жъ на опытъ оказывается, что іодъ усиливаетъ и безъ того уже чрезмерное расположеніе къ сухоткѣ и слабости; по этому его съ успѣхомъ замѣняютъ другими средствами, магнительными, питательными и возбуждающими. Часто большую пользу приноситъ употребленіе желѣза, а въ случаѣ нервическихъ судорогъ, употребляютъ и медь. При рахитической формѣ кретиннизма необходимо употреблять фосфорнокислую известь и тресковый жиръ. Холодные ванны во большей части вредны; онѣ временно ослабляютъ тѣло, потому что организмъ не имѣетъ достаточныхъ силъ для надлежащей реакціи. На-

противъ, теплыя ванны изъ ароматическихъ травъ производятъ весьма благотворное дѣйствіе и употребляются на Абендбергъ ежедневно. Противъ смягченія костей во многихъ случаяхъ съ успѣхомъ употребляется электро-магнетизмъ, который, вѣроятно, не столько дѣйствуетъ непосредственно на кости, сколько возбуждаетъ и укрѣпляетъ мускулы. Съ тою же целью и также съ успѣхомъ употребляются ежедневныя тренія позвоночнаго столба и членовъ крѣпкими жидкостями. Лѣтомъ употребляютъ песочныя ванны и держатъ больныхъ на вольномъ воздухѣ и на солнцѣ. Сравнительные опыты показываютъ, что подобныя врачебныя средства вовсе не производятъ въ долинахъ такого дѣйствія на тѣло, какъ на Абендбергъ. То же должно сказать о развитіи умственныхъ силъ; оно увеличивается или уменьшается соразмѣрно высотѣ мѣстъ. Известно, что нагорный воздухъ возбуждаетъ и укрѣпляетъ память.

Безъ всякаго сомнѣнія, въ странахъ, подверженныхъ кретинизму, существуетъ родъ *маларіи*, смертоноснаго воздуха, который заражаетъ людей въ зародышѣ и ослабляетъ тѣло народонаселенія. Если нельзя, съ другой стороны, отвергать, что въ основаніи этой болѣзни лежитъ соединеніе многихъ различныхъ причинъ, главною причиною однако же должно необходимо признать вредныя испаренія, свойственныя почвѣ. Эти миазмы могутъ распространяться на цѣлый край, или же ограничиваться нѣкоторыми мѣстностями, ущельями, даже отдельными жилищами. Они не переступаютъ известной высоты надъ поверхностью моря; но черта эта, подобно чертѣ сѣговъ, бываетъ различна и зависитъ отъ географическаго положенія края. Такъ, напримѣръ, въ южной Германіи эта черта находится на высотѣ не болѣе двухъ тысячъ футовъ надъ поверхностью моря; въ Швейцаріи же на высотѣ трехъ тысячъ, въ Сардиніи — пяти и шести тысячъ, въ Кордильерахъ и Андахъ — двѣнадцати тысячъ футовъ надъ поверхностью моря. Фаригагенъ фонтъ-Элизе видѣлъ селенія, населенныя кретинами въ высокихъ бразильскихъ долинахъ. Если спуститься съ Гримзеля и Фурки къ ледникамъ Роны или къ Валлису, въ первыхъ селеніяхъ, Обергеинтеленъ, Унтервассеръ и до самаго Мюнстера, народонаселеніе крѣпкое, здоровое, совершенно не подверженное кретинизму. Много замѣчательныхъ людей вышло изъ этихъ пастушескихъ селеній, въ которыхъ донинѣ не найдете ни одной школы, а грамотный человекъ такая же рѣдкость, какъ въ

среднѣ вѣка; назовемъ только селеніе Ульрихентъ, родину Вегера, знаменитаго воспитателя императора Юсифа-Второго, и Мюлебахъ, гдѣ донынѣ показываютъ хижину, въ которой родился кардиналъ Шиннеръ, игравшій такую важную роль во время реформаци, и единственный Швейцарецъ, достигшій кардинальской шапки.

Первые случаи кретинизма встрѣчаются въ Эвренѣ. Болѣзнь уже сильнѣе въ Міреллѣ, и потомъ, чѣмъ болѣе спускаться въ долину, тѣмъ она обыкновеннѣе и жесточе. Въ Натерсѣ она уже свирѣпствуетъ съ ужасною силою; въ погребальномъ склепѣ видны сотни кретинскихъ череповъ, сложенные горами. Въ Сионѣ и въ Бремѣ, на каждомъ почти шагу встрѣчаются образцы кретинизма въ самой высшей степени. Въ селеніи Фюлли, въ самой глубинѣ долины, болѣзнь стала такъ обыкновенна, что кретины вступаютъ въ бракъ между собою.

Вездѣ встрѣчаются въ долинахъ селенія, совершенно пощаженыя кретинизмомъ, между-тѣмъ какъ онъ свирѣпствуетъ во всѣхъ смежныхъ деревняхъ. Такъ, напримѣръ, Саллонъ и Лейтронъ, въ Валлисѣ, смежны съ несчастнымъ Фюлли.

Многіе писатели упоминаютъ, что въ Австріи встрѣчаются отдѣльные дома, называемые *мызами кретинизма* (Tostenhäuser), въ которыхъ всѣ дѣти, хотя рождаются здоровыми, впоследствии однако же заражаются кретинизмомъ. Часто даже у взрослыхъ, умственные способности мало-по-малу слабѣютъ, и дѣлаются зобы. Такой же примѣръ докторъ Гугенбуль видѣлъ въ Пиемонтѣ, на мызѣ Андарола, близъ Иврен, гдѣ замѣчено уже въ продолженіе ста лѣтъ, что всѣ дѣти фермеровъ на пятомъ году впадаютъ въ кретинизмъ. Химическое разложеніе воды, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, не дало никакого удовлетворительнаго объясненія.

Остается разсѣять еще одинъ любопытный вопросъ : почему кретинизмъ является общою болѣзнью народонаселенія только въ долинахъ и горныхъ лощинахъ? Извѣстный геологъ Шарпантье, въ письмахъ къ доктору Гугенбулю, изложилъ нѣсколько замѣчательныхъ мыслей, которыя заслуживаютъ глубокаго изслѣдованія естествоиспытателей.

« Многія важныя причины, говоритъ онъ, побуждаютъ полагать первый источникъ кретинизма въ зловредныхъ испареніяхъ. Какъ этотъ смертоносный газъ долженъ исходить изъ внутренности земли, то,

разумѣется, онъ можетъ выходить на поверхность ея только черезъ расщелины или трещины. Не подлежитъ сомнѣнію, что наиболѣе истощенныя части земнаго шара суть именно гористыя страны, потому что въ этихъ мѣстахъ, гдѣ земная кора подвергалась сильному давленію изнутри при образованіи горъ, должно быть гораздо болѣе глубокихъ и не закрывшихся еще трещинъ, чѣмъ на равнинахъ, то-есть, въ странахъ, не подвергавшихся такимъ переворотамъ. По этой же причинѣ горячіе ключи гораздо чаще встрѣчаются въ горахъ, чѣмъ на равнинахъ; если же бываютъ въ плоскихъ странахъ, то всегда по близости волкана, горящаго или угаснаго, то-есть, въ мѣстахъ, гдѣ земля была глубоко взрываема.

«Можетъ-быть спросятъ, отчего же кретинизмъ встрѣчается не во всѣхъ долинахъ? На это я замѣчу, что не вездѣ есть трещины, черезъ которыя воды съ поверхности земли могутъ проникать довольно глубоко, чтобы достаточно нагрѣваться, и другія трещины, чтобы имъ опять восходить на поверхность земли. Точно также можно отвѣчать на вопросъ о вредныхъ испареніяхъ. Не въ каждой долигѣ есть открытыя трещины, сообщающіяся съ внутренностью земнаго шара; притомъ, ничто не заставляетъ насъ предполагать, что зловредный воздухъ долженъ распространяться по всему пространству земной коры. Испаренія могутъ очень часто ограничиваться однимъ домомъ или небольшимъ округомъ, въ которомъ онъ и производитъ кретинизмъ, поражая преимущественно лимфатическую систему и нервныя центры».

Недавно были найдены примѣры кретинизма, совершенно подобные тѣмъ, которые бываютъ въ долинахъ, въ Парижѣ, Вьвѣ, Берлинѣ и другихъ большихъ городахъ; всѣ эти случаи встрѣчались въ некоторыхъ многочисленныхъ кварталахъ, куда не проникаютъ лучи солнца. Всѣмъ извѣстно, что въ такихъ кварталахъ часто зарождаются смертоносныя газы.

По всѣмъ вѣроятіямъ можно бы дойти до важныхъ результатовъ помощью способа, употребленнаго итальянскимъ естествоиспытателемъ Москати. Онъ выналь на ночь надъ ломбардскими рѣками стеклянные шары, наполненные льдомъ, и такимъ образомъ получалъ, въ видѣ осадка, органическое, слизистое вещество, издававшее чрезвычайно зловредный запахъ.

Съ-тѣхъ-поръ какъ Фодерѣ началъ свои гигиеническія наблю-

дѣли въ Моріенской долинь, и пытался доказать, что воздухъ наполненъ испареніями, сырость стали считать главнымъ источникомъ кретинизма. Конечно, сырость главный источникъ золотушныхъ болѣзней; однако же необходимо предположить присутствіе наркотическаго начала, которое дѣйствовало бы преимущественно на мозгъ.

Докторъ Гугенбуль былъ пораженъ множествомъ и злокачественностью золотухъ, которыя онъ нашелъ въ Амстердамѣ, Лейденѣ, Гагѣ, и другихъ городахъ Голландіи, гдѣ нѣрѣдко одинъ человекъ представляетъ на себѣ всѣ виды этой болѣзни, и гдѣ самыя ужасныя болѣзни костей свирѣпствуютъ во всемъ ихъ ужасѣ. Однако же нѣтъ страны въ Европѣ, гдѣ было бы меньше кретиновъ. Докторъ Гугенбуль встрѣтилъ только одинъ случай въ Амстердамѣ, и то въ дѣвочкѣ, родившейся въ Германіи, и которой родители переселились въ Голландію.

Новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что кретинизмъ въ однихъ мѣстахъ уменьшается, въ другихъ усиливается; въ некоторыхъ наконецъ издавна остается неподвижно, въ одной степени. Въ сардинскомъ королевствѣ кретинизмъ остается въ одномъ положеніи болѣе ста лѣтъ. Шамберійскій епископъ, въ отчетѣ, читанномъ въ собраніи савойской академіи наукъ 3 февраля 1847 года, говоритъ: «Во всѣхъ мѣстахъ, подверженныхъ кретинизму, если будете разспрашивать старожиловъ, они будутъ увѣрять васъ, что въ ихъ приходѣ во все времена было столько же кретиновъ, какъ и теперь; въ приходахъ, гдѣ ихъ мало теперь, и всегда было мало, а гдѣ ихъ теперь много, тамъ много было и прежде. Обойдите же долины, изыятія отъ него, напримѣръ божскія, и на все ваши распросы вездѣ будутъ отвѣчать, что тутъ никогда не бывало кретиновъ. Кретины не встрѣчаются, говоритъ де-Соссюръ, ни въ возвышенныхъ долинахъ, ни на открытыхъ отсюда равнинахъ, и доказываетъ это собственными своими многочисленными наблюденіями въ провинціяхъ аостской, тарантезской и моріенской. Онъ говорилъ это тому назадъ семдесятъ лѣтъ, а нынѣ, какъ и тогда, тѣ же долины наиболее подвержены этому бичу; должно же быть что-нибудь въ этихъ мѣстностяхъ, что поддерживаетъ его. Священникъ прихода святой Елены Мильерской замѣтилъ, что изъ пятидесяти кретиновъ, умершихъ съ 1835 по 1846 годъ, двадцать-одинъ родился отъ родителей, рожденныхъ въ при-

дъ, а двадцать-девять отъ родителей, переселившихся въ другія приходовъ, по большей части не подверженныхъ кретинизму.

Въ одной долинь аргаускаго кантона, довольно отдаленной отъ Альпъ, по изслѣдованіямъ общества народнаго просвѣщенія, находится двадцать-осемь селеній, зараженныхъ кретинизмомъ въ высочайшей степени. Здѣсь болъзнь безпрестанно распространяется и усиливается съ ужасною быстротою. Въ деревнѣ Буксъ, напримѣръ, въ началѣ столѣтія былъ только одинъ кретинъ, а нынѣ ихъ считается уже пятьдесятъ. Валлисъ, напротивъ, представляетъ самое утѣшительное зрѣлище. Въ Мартиньи и его окрестностяхъ болъзнь стала чувствительно ослабывать съ того времени, какъ стали воздѣлывать землю и разводить огородныя растенія. Въ Италіи также замѣтно, что главнѣйшая причина усиленія зловредныхъ газовъ, *aria cattiva*, заключается въ оставленіи нѣкоторыхъ, воздѣлывавшихся прежде, земель. Испаренія растеній совершенно безвредны, но испаренія почвы порождаютъ зловредныя газы. Въ Віежъ кретинизмъ уменьшился клою третью, съ-тѣхъ-поръ, какъ инженеръ Ванечъ началъ прорывать каналы для отведенія стоячихъ водъ. Однако жъ въ Віежъ находится еще тридцать кретиновъ, и почти столько же въ смежномъ селеніи Мундтъ, имѣющемъ не болѣе двухъ сотъ душъ жителей. Въ статистикѣ, составленной въ 1811 году графомъ Рамбютъ, по повелѣнію Наполеона, показано три тысячи случаевъ чистаго кретинизма. Нынче, провѣжайте черезъ Валлисъ, и разспросите пасторовъ и врачей, всѣ отвѣчаютъ, что болъзнь почти совершенно исчезла. Докторъ Гугенбюль разказываетъ, что въ первую повздку свою въ Валлисъ, въ 1835 году, онъ прежде всего отправился въ селеніе Бремой, о которомъ знаменитый врачъ шестнадцатаго вѣка, Платеръ, писалъ, что онъ нигдѣ не видалъ такого множества кретиновъ. Приходскій пасторъ увѣрялъ доктора Гугенбюля, что въ селеніи совсѣмъ перевелись кретинъ съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ научилъ поселянъ каждый день открывать окна, и провѣтривать свои избы. Тутъ кухарка, слушавшая до-тѣхъ-поръ въ безмолвіи слова своего господина, вскричала: «Что вы говорите, господинъ пасторъ? обойдите деревню, въ каждой избѣ найдете кретина!» Дѣйствительно, чтобы видѣть этихъ несчастныхъ, надо входить въ избы; при быстромъ обходѣ невозможно съ достовѣрностію судить о числѣ ихъ и о силѣ болъзни. Два года тому назадъ, при сіонской богадѣльнѣ устроено отдѣленіе для престарѣлыхъ, нѣско-

челвкъ кретиновъ, потому что опытъ показалъ, что встрѣчи съ этими несчастными очень часто имѣютъ пагубное вліяніе на беременныхъ женщинъ.

Всѣ эти размышленія ведутъ насъ къ заключенію, что кромѣ вліянія почвы и мѣстности, должны существовать другія, случайныя причины кретинизма; потому что это вліяніе недостаточно для зарожденія кретинизма, оно только предрасполагаетъ къ нему. Исслѣдованія надъ развитіемъ чловѣка открыли намъ, что центральныя части нервной системы, мозгъ головной и становой, суть первые органы, образующіеся еще въ утробѣ матери; и эти же органы первые закладываютъ въ себѣ начало кретинизма. Мозгъ сначала является въ видѣ пузыря, въ которомъ мало-по-малу скопляется мозговое вещество. При этомъ процессъ необходимо, чтобы ничто не нарушало законовъ природы. Испугъ, горестъ, ужасъ, всѣ подобныя ощущенія, дѣйствуя на мать, могутъ внезапно прервать развитіе мозговыхъ органовъ, произвести гипертрофію (избытокъ питанія) въ мозгу, или причинить неправильный, авормальный ростъ его органовъ. Очень часто въ одномъ и томъ же семействѣ встрѣчаются дѣти здоровыя и кретины. Очевидно, что должны быть особыя причины, угрожающія зародышамъ жизни при первомъ ихъ появленіи.

Докторъ Гугенбуль видѣлъ двухъ кретинковъ, которыхъ мать часто напивалась водкою; это имѣло такое вліяніе на дѣтей, что они отъ времени до времени казались пьяными, хотя не брали въ ротъ ни капли кровякаго напитка. Въ другихъ случаяхъ, какаяд-нибудь легкая болѣзнь отца или матери, порождаетъ кретинизмъ въ дѣтяхъ. Все, что ослабляетъ организмъ въ зародышѣ, предрасполагаетъ болѣе или менѣе къ кретинизму. Изъ головного и становаго мозгу пронстекаетъ вся жизненная и творящая сила; если эти части страдаютъ, все тѣло уменьшается въ ростъ, упадаетъ, сохнетъ, сводится, теряетъ силу и упругость; впечатлѣнія вѣшняго міра притупляются. Дурной воздухъ и недостатокъ пищи въ первые годы жизни, когда недостатокъ также вреденъ какъ излишество, вотъ дальнѣйшія причины, содѣйствующія развитію кретинизма. Анатомическія наблюденія нашего времени пролили новый свѣтъ на болѣзненное состояніе мозгу. Кости черепа у кретиновъ иногда бываютъ слишкомъ влажны; въ другихъ случаяхъ, поздраваты и тонки; по болѣеишей же части переднія лопасти мозга являются высохшими и остановлены въ своемъ развитіи. Изъ двадцати-

четырёх анатомических просеки, сделанных разными врачами, в восьми случаях масса мозга была слишком плотна и тверда, в семи случаях, напротив, слишком мягка. Смягчение мозга было или повсеместное, или только в некоторых частях, преимущественно в полосатых телах и в зрительных бугорках.

В десяти случаях боковые желудочки были значительно расширены. В трех случаях корковое вещество представляло необычайно размеры; в четырех случаях извилины мозга были сплюснуты, и притом то слишком поверхностны, то слишком глубоки. В двух случаях мозг был увеличен в объеме, один раз в судорожном состоянии; в большей части случаев задняя лопасть была вовсе неразвита. Однажды он был так мал, что не закрывали мозжечка. В последнем случае, Малакарнъ считалъ число пластинокъ, и нашел ихъ только триста, между-тѣмъ какъ обыкновенно бываетъ отъ шести до десяти сотъ.

Докторъ Гугенбуль дѣлалъ, по этому предмету, микроскопическія наблюденія, съ своимъ другомъ, докторомъ Валентиномъ, въ Бернѣ. Мозговое вещество, у одной двѣнадцати-лѣтней кретинки, имѣло надлежащую густоту; на сырой массѣ, нервныхъ шарикахъ и основныхъ волокнахъ не было никакихъ признаковъ патологическаго поврежденія. Волосяные сосуды сыраго мозговаго вещества казались почти повсюду переполненными кровью.

Куэрбъ, Ласанъ и Воклѣнъ нашли недостатокъ фосфору въ мозгу. Последніе анализы кавалера Бибра не открыли никакого различія между мозгомъ кретина и здороваго челоука. Онъ нашелъ въ мозгу кретина на 100 частей 1,2 части фосфору, 8,01 бѣлковины, 6,10 жирныхъ веществъ, 1,50 экстрактивныхъ веществъ и 88,39 воды.

Мозгъ одного двухлѣтняго кретина имѣлъ 407 граммовъ вѣсу, между-тѣмъ какъ мозгъ здороваго ребенка въ томъ же возрастѣ вѣситъ 465 граммовъ. Тидеманъ взвѣсилъ мозгъ одного пятидесяти-лѣтняго кретина; въ немъ оказалось вѣсу только 1 фунтъ и 4 драхмы; мозгъ другаго, сорока-лѣтняго, кретина вѣсилъ 1 фунтъ, 11 унцій, 4 драхмы; мозгъ одной шестнадцати-лѣтней идиотки—1 фунтъ, 6 унцій, 1 драхму. Мозгъ Кювьѣ, напротивъ, вѣсилъ 4 фунта, 11 унцій, 4 драхмы, 36 грановъ.

Мы видимъ, что ученые дѣятельно принялись за этотъ важный предметъ. Между-тѣмъ, какъ они продолжаютъ изслѣдовать кретинизмъ

Пути науки, нельзя еще определить, къ какимъ благотворнымъ результатамъ приведетъ лечение его черезъ пятьдесятъ лтъ. Абендбертская попытка направила дятельность всего просвещеннаго міра къ противоборству этому ужасному бичу, который свирепствуетъ въ тысячъ видовъ во всехъ большихъ долинахъ Европы; многія правительства обратили уже благосклонное вниманіе на этотъ предметъ.

Докторъ Гугенбуоль избранъ въ члены и корреспонденты швейцарскаго общества естественныхъ наукъ, цюрихскаго медико-хирургическаго общества, туринской медицинсой академіи, петербургскаго общества врачебныхъ наукъ, вьнскаго императорскаго общества врачей, эрлангенскаго физико-врачебнаго общества, рейнскаго общества врачебныхъ наукъ, въ Боннѣ, и общества народной гигіены баденскаго великаго герцогства.

Въ 1844 году, Вильгельмъ Первый, король виртембергскій, лично посѣтилъ Абендбертъ, и былъ восхищенъ успѣхами заведенія. Въ Виртембергскомъ королевствѣ сдѣланы статистическія изслѣдованія, по которымъ оказалось три тысячъ семействъ, подверженныхъ кретянизму; вслѣдствіе того повелѣно было основать лечебное учрежденіе на подобіе абендбергскаго, и назначенъ для него упраздненный монастырь на одной горѣ въ Швабіи.

Въ 1845 году сардинскій король Карлъ-Албертъ, объезжая наиболѣе зараженныя части Савойи, пожелалъ облегчить участь этихъ несчастныхъ. Коммисіи, составленной изъ извѣстныхъ туринскихъ врачей и естествоиспытателей, поручено изслѣдовать число кретяновъ и причины болѣзни; до-сихъ-поръ въ разныхъ провинціяхъ королевства найдено 7000 случаевъ. Химикъ Кантѹ доказалъ, что въ водѣ, годной для питья, всегда находится небольшое количество іоду, въ негодной же его вовсе нтъ. Докторъ Гугенбуоль, съ своей стороны, также убѣжденъ, что дурныя свойства воды суть главная причина зобовъ*.

* Кстати будетъ здѣсь напомнить любопытные опыты, сдѣланные въ Сѣверной Америкѣ надъ леченіемъ зобовъ посредствомъ обыкновенной поваренной соли, заключающей въ себѣ некоторое количество іоду; эти опыты обнародованы господиномъ Бусенго въ «Annales de Physique et de Chimie», за 1831 годъ. «Единственное средство, говоритъ онъ, какое можно предложить для леченія зобовъ, есть іодъ. Это средство, котораго дѣятельность не подлежитъ никакому сомнѣнію, очень просто и удобно на практикѣ.

Эрцгерцогъ Юганвъ также принимаетъ живое участіе въ учрежденіи госпиталя для кретинновъ въ Штиріи. По его повелѣнію, собраны статистическія свѣдѣнія, по которымъ число кретинновъ въ этой странѣ доходитъ до шести тысячъ. Въ одномъ юденбургскомъ округѣ, самомъ гористомъ въ Австріи, считается по одному кретину на пятьдесятъ три души. Замѣчательно, что въ мѣстахъ подверженныхъ кретинизму, почти не видно слѣпыхъ, между-тѣмъ какъ въ низменныхъ областяхъ, напримѣръ въ Венгріи, считается по одному слѣпому на пять сотъ душъ. Въ Верхней Австріи, на берегу Дуная, кретинизмъ такъ силенъ, что при ежегодныхъ рекрутскихъ наборахъ, во многихъ переходахъ, заключающихъ отъ четырехъ до пяти тысячъ душъ, не находится ни одного человѣка, способнаго къ военной службѣ; всѣ жители болѣе или менѣе заражены кретинизмомъ; всѣ малорослы, зобасты, сутуловаты, нерѣдко хромы. Въ Гроссъ-Пехларнѣ и соседнихъ селеніяхъ Пехларнѣ и Бруннѣ, нѣтъ почти семейства, въ которомъ не было бы по-крайней-мѣрѣ одного кретина; многія семейства состоятъ даже изъ однихъ кретинновъ и полукретинновъ.

Въ Англіи и Валлісѣ, по послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, находится осемь тысячъ идиотовъ. Въ одной деревушкѣ въ Юршайрѣ, считается двадцать кретинновъ на двѣсти жителей. Въ Шотландіи можно надѣяться, что эдинбургскіе ученые примутъ дѣятельныя мѣры къ облегченію участи этихъ несчастныхъ, послѣ занимательной книги о кретинизмѣ, изданной извѣстнымъ филантропомъ, докторомъ Кольдстримомъ.

Въ Новой-Гренадѣ природа сама представила его рядомъ съ недугомъ, расположивъ въ скалахъ каукской и антиокійской долинъ безчисленное множество соленыхъ ключей, содержащихъ значительное количество іоду. Почти двухвѣковые опыты, надъ всѣми жителями антиокійской провинціи, доказали, что іодистыя соли не производятъ никакого вреднаго дѣйствія на животный организмъ. Я считаю несомнѣннымъ, что зобы скоро исчезли бы съ Кордильеръ, если бы правительство приняло приличныя мѣры для того, чтобы въ главномъ городѣ каждой области, подверженной этой болѣзни, были устроены анбары соли, заключающей іодъ, въ которыхъ каждый изъ жителей могъ бы покупать запасъ соли, необходимый для его потребленія.

Въ странахъ, неимѣющихъ соляныхъ ключей, ту же пользу могла бы приносить соленая морская вода.

ПРІЯТНОСТІ И ОПАСНОСТІ ПУТЕ- ШЕСТВІЯ ПО АВСТРАЛІИ.

=

Письмо брата-переселенца.

=

Съ-такъ-поръ, какъ прїѣхалъ въ пятую часть свѣта, я видѣлъ и испыталъ много такого, что чувствую потребность пересказать вамъ, моему школьному товарищу и другу; и я тѣмъ охотнѣе принимаюсь за это дѣло, что знаю напередъ, съ какими теплыми участіемъ вы прочтете полусмѣшныя, полугорькія приключенія соучастника вашихъ юношескихъ мечтаній.

Вы безъ труда поверите мнѣ, когда я скажу, что каждый разъ, какъ представлялось мнѣ новое зрѣлище, я вспоминалъ объ васъ и сожалѣлъ, что вы не со мною, и не могли раздѣлить моего удовольствія. При каждомъ новомъ явленіи, въ памяти моей рисовались наша давнишняя дружба, часы, проведенные каждый день вмѣстѣ въ анатомическомъ театрѣ, гдѣ мы слушали лекціи своего ученаго и суроваго профессора. Увы! это счастливое время для меня уже давно миновало, и опытъ, этотъ грозный наставникъ, пометилъ меня, и въ нравственномъ и въ физическомъ отношеніи, нѣсколькими незгладимыми морщинами! Ничто такъ хорошо не вымечиваетъ отъ

нѣкоторыхъ юношескихъ грѣзъ, не замѣняютъ такъ мечтаній двадцати-лѣтняго воображенія вѣрными и точными понятіями, какъ небольшая прогулка по свѣту. Я точно успѣвалъ ухватиться за первый представившійся мнѣ случай, и, не давъ себѣ почти времени приготовить къ дальнему путешествію, мучимый жаждою все видѣть и все изучать, бросаюсь въ погону за неизвѣстнымъ.

Время, однако же, производитъ странныя перевороты въ нашихъ понятіяхъ. Я обманывалъ бы и васъ и себя самого, еслибъ вздумалъ утверждать, что лѣсная жизнь доставила мнѣ болѣе истинныхъ наслажденій, чѣмъ жизнь среди просвѣщеннаго общества; что скитанія мои по пустынямъ пріятнѣе бывалыхъ прогулокъ нашихъ вдвоемъ по Риджентстриту. Предоставимъ поэтамъ и чувствительнымъ романистамъ, никогда не знавшимъ нужды и описывающимъ жизнь дикарей, у плывающаго камня, съ мягкимъ ковромъ подъ ногами, сочинять пышныя фразы о развратѣ городовъ, о пустотѣ честолюбія и свѣтскихъ радостей въ сравненіи съ простотою, съ аркадскою невинностью австральской жизни! Помните ли, съ какимъ энтузіазмомъ нѣкоторые изъ нашихъ товарищей читали прекрасныя стихи Байрона, въ которыхъ онъ такъ хорошо описываетъ свою любовь къ уединенію лѣсовъ, восторгъ, который пробуждалъ въ душѣ его видъ необитаемаго острова? Желалъ бы я послушать тѣхъ же людей послѣ-того, какъ они узнали бы на опытъ лишенія и страданія, которыя представляются путешественнику въ этихъ уединенныхъ степяхъ, въ этихъ дѣлительныхъ дѣсахъ. Наслажденія, о которыхъ говорятъ поэтъ, дѣлаются въ ужасной зависимости отъ единческаго состоянія того, кому они представляются. Добрая голодная боль, добрая прогулка съ интересною, и всѣ эти красоты природы пропадаютъ въ одно мгновеніе, представляя себѣ только самое лишеніе самыхъ пріятныхъ удобствъ жизни, какъ разъ разгоняетъ всѣ ваши грѣзы о новизнѣ степей. Въ этой степи и торчишь и дашуру также трудно, какъ и вездѣ, насытить жандокъ зрѣніемъ прекрасной природы; вѣсь, какъ и вездѣ, трудно трудиться, передвѣсти лишенія, конить по немногу, чтобы къ концу жизни составить себѣ сколько нибудь безбѣдное положеніе. А этого результата можно также вѣрно достигнуть и на родинѣ, помощью труда, знанія и благоразумія.

Вотъ размышленія, которыя внушила мнѣ протирание дощечки съ стѣнъ съ воздушными замками, какіе единично часто строятъ

себя европейскіе расселенцы, покидая равнину Широва. Теперь я постараюсь съ возможною яркостью описать некоторые изъ моихъ приключеній на этомъ отдаленномъ концѣ свѣта, и буду доволенъ, если мнѣ удастся представить въ настоящемъ свѣтъ то, что воображеніе нашихъ соотечественниковъ обыкновенно облакаетъ въ слѣпкомъ яркія краски.

Пастбище находится вѣдѣль въ двѣдцати отъ Сиднея; тутъ собственно начинается настоящая жизнь кочевата Австральца. Не можетъ быть ничего однообразнѣе и скучнѣе этого рода жизни, и особенно воспитанія овецъ. Дни идутъ за днями въ убійственномъ однообразіи, и ничто не возбуждаетъ васъ къ дѣятельности. Одна только маленькая екота, производящаяся разъ въ годъ, пробуждаетъ на несколько дней шумъ, веселье, движеніе въ жизни австральскаго овцевода, послѣ чего все возвращается опять къ прежнему спокойствію и однообразію. Вліяніе этого образа жизни, вѣроятно съ томительнымъ вносомъ атмосферы и неподвижностью стада, такъ сильно, что дѣйствуетъ на каждого противъ воли: я самъ поддавался ему, какъ и все; большую часть дня спалъ или сидѣлъ сложа руки; да иногда развѣ набивалъ птичьи чучела, частью для забавы, а частью за тѣмъ, чтобы возбудить въ себѣ охоту небродить съ ружьемъ на плечатъ. Прогулки по лугамъ чрезвычайно утомительны, по причинѣ удручающей атмосферы; однако же они одни, своими ничтожными приключеніями, разнообразятъ нѣсколько это бездѣльное существованіе.

Хотя моя главная квартира была расположена не на Лугахъ, однако же занятія мои привуждали меня часто проводить тамъ по нѣскольку дней. Мы, съ товарищемъ моимъ С**, жили въ небольшомъ домикѣ близъ Ясса, на гольборнскій дорожъ; и между-тѣмъ какъ онъ лечилъ и давалъ совѣты въ ближайшемъ соседствѣ, я скитался въ окружности, въ качествѣ кочующаго врача. Къ несчастію, я привѣдалъ въ такое время, когда повсюду былъ ужасный неурожай; самые необходимые припасы становились съ каждымъ днемъ рѣже и дороже. Трехлѣтняя засуха потребила слотъ тысячами, а который пережилъ, былъ крайне тонъ и не давалъ никакой пользы владѣльцамъ. Къ счастью, значительный привозъ риса и пшеницы изъ Индійскаго архидіакона доставилъ всему народонаселенію Австраліи помощь, въ которой оно такъ нуждалось; но и эту помощь надо было раздѣлять со скотомъ,

потому что засуха потребила даже подножный кормъ, необходимый для содержания остававшихся еще стадъ.

И говорить нечего, что при такомъ ужасномъ и повсемѣстномъ бѣдствіи, оброки наши съ пациентоѡ поступали очень неисправно. Съ горожанъ невозможно было получить что-нибудь ни деньгами, ни съѣстными припасами; такъ что, посоветовавшись, мы положили, чтобы не умереть съ голоду, сдѣлать дружескій и не совсемъ безкорыстный визитъ своимъ луговымъ пациентамъ. Въ одно прекрасное утро, С** заложилъ лошадей въ кабриолетъ, мы взяли съ собою свою дорожную аптечку, и начали свой объездъ, съ твердымъ намереніемъ взыскивать съѣстными припасами, и по возможности на выгодѣйшихъ для насъ условіяхъ, какъ старые долги, такъ и плату за услуги, какія придется оказывать на пути. Въ первый же день мы собрали, взамѣнъ своихъ советоѡ и лекарствъ, гуся, два суншенье языка, каравай хлѣба, пару живыхъ утокъ, небольшой мясокъ муки, четверть баранины и горшокъ масла. Жаль, что не было васъ съ нами! посмотрѣли бы вы, съ какой важностью спутникъ мой онускалъ въ карманъ или укладывалъ въ кабриолетъ нашу пошиву, и какъ хитро онъ выводилъ сравнительную цѣнность гуся или баранины и нашихъ порошковъ и пилюль!.. Но если вы вдоволь посмѣялись бы этому оригинальному способу исправлять почетную должность врачей, то и намъ, съ своей стороны, было бы чему посмѣяться, глядя на такого степеннаго и систематическаго человѣка, какъ вы, борящагося съ превратностями степной жизни! Ни завтрака въ девять часоѡ, ни обѣда ровно въ пять и прямо съ плиты! и мало ли отчего пришлось бы отказаться!

Повѣрьте мнѣ, оставайтесь лучше у себя; ваша точность, ваша аккуратность никогда не уживется съ нестройностью нашего кочаега быта, и вамъ было бы также трудно, также тяжело отказаться отъ своихъ привычекъ, какъ дамской собачкѣ, взрослой на колынахъ госпожи, вскормленной сладостями, кочевать съ балаганомъ собачьей комедіи. Представьте, что должны мы были испытать, когда, пріѣхавъ съ совершенно ложными понятіями о дѣйствительномъ положеніи вещей, увидѣли себя обреченными на жизнь хуже той, что водеть въ Англіи нищій сирота въ богадельнѣ! Ни хлѣба, ни масла, ни говядины, ни денегъ; не говоря уже о безчисленномъ множествѣ

дружнѣ, нѣмѣе важныхъ, дѣлѣній, которыя представляются каждую минуту. Но оставимъ это, и возвратимся къ разсказу.

Намъ дружескій визитъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ; мы собрали кругомъ довольно обильный запасъ, чтобы оградить себя на некоторое время отъ голоду, поразившаго всю страну. Между-тѣмъ наступилъ срокъ моему товариществу съ С**; это товарищество было заключено между нами только на три мѣсяца, для опыта, съ полнымъ правомъ возобновить или прекратить договоръ, смотря потому, что окажется выгоднѣе. Эпидемія, свирѣпствовавшая между поселенцами во время прибытія моего въ Яссъ, мало-по-малу уменьшилась, и наконецъ совсѣмъ прекратилась; ваціенты не нуждались болѣе въ нашей помощи, и вмѣсто двухъ и трехъ фунтовъ стерлинговъ въ день, которые мы получали въ первое время, теперь мы едва могли выработать ту же сумму въ цѣлый мѣсяць. По свѣденіи счетовъ, оказалось, что я былъ пятью гинеями богаче, чѣмъ при вступленіи на поприще. Съ этимъ, конечно, нельзя было далеко уйти; но, если вспомнить въ какомъ бѣдственномъ состояніи находилась страна, и то было не совсѣмъ дурно.

— Любезный товарищъ, сказалъ я С**, намъ надо разстаться; оставаясь оба здѣсь, мы будемъ только мѣшать другъ другу. Мнѣ хочется отправиться въ Волловгонгъ, и посмотреть, нельзя ли будетъ тамъ попытать счастья; эти ванны сдѣлались оборнымъ мѣстомъ всего моднаго круга Сиднея; можетъ-быть, найдется мнѣ работа.

У насъ было нѣсколько лошадей. Содержаніе ихъ ничего не стоитъ для того, кто живетъ по близости *Луговъ*, куда ихъ можно препокорно нукать на подожженный кормъ; но въ дорогѣ они стоятъ очень дорого, особенно когда сѣно и мансъ продаются чуть не на вѣсъ золота. Въ каждомъ постояломъ домѣ, гдѣ я долженъ былъ останавливаться на ночь, пришлось бы мнѣ платить за постой лошади по десяти шиллинговъ, а этотъ расходъ слишкомъ истощилъ бы мой карманъ; я рѣшился поберечь деньги, и совершить предстоявшія мнѣ четырнадцать или пятнадцать миль прыжкомъ.

Прежде всего отправился я съ С** къ пастору нашего округа. Этотъ добрый старикъ, стяжавшій любовь и уваженіе всехъ знавшихъ его, охотно вывзвался дать мнѣ рекомендательное писмо къ своему волловгонскому товарищу. Вооружившись этимъ писмомъ и дорож-

нѣмъ посохомъ, бѣдный деньгами, но богатый здоровьемъ и надеждами, я простился не безъ сожалѣнія съ С**, который былъ мнѣ истиннымъ другомъ во все время, которое я провелъ съ нимъ.

Весь первый день я шелъ по прекрасному илларварскому округу, частью обработанному, частью еще дикому. Оставивъ вправо Камбельтоунъ, и пройдя нѣкоторое пространство, усадебное холмами и украшенное вѣтренными мельницами, красивенькими избами и хорошо обработанными садами, я пришелъ къ большой дорогѣ, построенной каторжниками при одномъ изъ первыхъ губернаторовъ колоніи. Эта дорога привела меня скоро къ деревнѣ Эппину, гдѣ я остановился на ночлегъ. Въ единственномъ въ деревнѣ постояломъ домѣ, котораго содержатель освобожденный каторжникъ, я нашелъ вмѣсто постели грязную, гадкую койку, на которой я, съ грѣхомъ пополамъ, подкрѣпилъ свои силы, истощенныя цѣлымъ днемъ ходьбы.

На слѣдующій день я уже вступилъ рѣшительно въ степь, которую мнѣ предстояло идти болѣе осьми миль, по едва видной тропѣ, проложенной почтою. Погода была чудесная; яркое солнце, не удручая зноемъ, придавало только перьямъ птичекъ, порхавшихъ между вѣвями, видъ разноцвѣтныхъ кристалловъ; вокругъ меня природа, дивная своею дикою красотой; никакой страхъ, никакая забота не тяготила моей души; я чувствовалъ въ себѣ избытокъ физическихъ силъ, и имѣлъ слишкомъ мало денегъ, чтобы чего нибудь бояться. Словомъ, я былъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, чтобы идти на удачу, не заботясь о томъ, что меня ожидало.

Проходивъ нѣсколько времени въ лѣсу, я увидѣлъ стаю бѣлыхъ попугаевъ, несомнѣнный признакъ приближенія къ водѣ; дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ *Непинъ*, величественно катившій передо мною свои серебрянныя струи, извиваясь среди густой зелени. Я выкупался съ невыразимымъ удовольствіемъ; потомъ уселся на одномъ изъ высокихъ утесовъ, стоящихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по его теченію, и нѣсколько времени любовался чудесною картиною, разстилающеюся у моихъ ногъ. Во всѣхъ странахъ свѣта главные элементы живописнаго ландшафта одни и тѣ же: деревья, вода, цвѣты, утесы. А между-тѣмъ, какая противоположность между этою природою и тою, которую я видалъ въ нашихъ сѣверныхъ краяхъ! Отличительная черта австральской растительности въ сравненіи съ европейскою — это ея жесткость. Листья почти всѣхъ здѣшнихъ де-

розель и кустарничковъ жестки, крѣпки, прямы, и нерѣдко оканчиваются острымъ шипомъ, такъ что путнику чрезвычайно трудно пробраться сквозь молодой лѣсъ. Камедное дерево, столь обыкновенное въ Австрали, похоже на наше лавровое дерево; *казуарина* напоминаетъ нашу ель, кануотное дерево — европейскій тисъ, а *диандра* — нашъ дикій торшеникъ. Вообще, листья на австральскихъ деревьяхъ очень жидки, и каждый листъ обращаетъ къ свѣту не плоскость, а ребро, такъ что даже въ самой чащѣ лѣсовъ очень трудно найти густую, роскошную тѣнь европейскихъ рощъ. Другая особенность, къ которой трудно привыкнуть европейцу, это глубокая тишина, которая царствуетъ въ лѣсахъ. Мнѣ часто случалось оставаться по цѣлымъ часамъ среди густаго лѣсу, и ни малѣйшій звукъ не достигалъ моего слуха, ни малѣйшее движеніе не обличало присутствія другаго живаго существа около меня; листья деревьевъ были неподвижны, будто окаменѣлы, птицы были погружены въ сонъ; ни щебетъ птички, ни жужжаніе насъкомаго не прерывало однообразнаго безмолвія природы; вся страна какъ будто была усыплена мановеніемъ волшебнаго жезла. Это странное, почти тягостное ощущеніе преслѣдовало меня и въ этотъ день на берегу Непина, и во все время, пока я шелъ лѣсомъ. Оно прекратилось только когда я, послѣ нѣсколькихъ часовъ ходьбы, вышелъ опять на открытое мѣсто; тутъ встрѣтили меня причудливыя кувырки кангуру, смѣлые прыжки векиши, и странный крикъ какадѹ; словомъ та смѣсь звуковъ и жизни, которой отсутствіе удваиваетъ одиночество степи.

Пройдя еще три или четыре мили, мнѣ послышались вдругъ, къ великому моему удивленію, звуки человеческого голоса. Боязнь ошибиться заставила меня прислушаться; но шумный хохотъ скоро прекратилъ мое сомнѣніе. Я прибавилъ шагу, и, достигши колѣна до рѣги, увидѣлъ передъ собою группу людей, сидѣвшихъ подъ навѣсомъ, который они построили для пристанища бѣднымъ странникамъ, подобнымъ мнѣ. Зная, что мнѣ не найти по дорогѣ другаго жилья, я поспѣшилъ воспользоваться этимъ пристанищемъ: подошелъ къ хозяевамъ, закурилъ трубку и вмѣшался въ разговоръ. Признаюсь, мнѣ отрадно было провести нѣсколько часовъ съ существами, похожими на людей. Хозяева подали мнѣ *дэмперу*, то-есть, тяжелаго хлѣба, безъ дрожжей и недопеченнаго, и довольно сносной водки, которая показала мнѣ чудеснымъ лакомствомъ. Пока я сидѣлъ за этой

скромной тѣнзю, къ намъ присоединился констебль, веденъ въ Воллонгонгъ бѣжавшаго каторжника. Констебль объявилъ намъ, что, видевъ, какъ я вышелъ изъ Эманна и послѣдова углубился въ лесъ, онъ заключилъ изъ этого, что я не даромъ такъ бѣжалъ; за такъ онъ сдѣлалъ мнѣ несколько вопросовъ, откуда я иду, куда, зачѣмъ, свободный ли я человекъ, и прочая. Мысль, что меня пригнали за благомъ каторжника, показалась мнѣ очень забавною, и я старался, ради шутки, усилить подозрѣнія констебля увертками отвѣтами; но потомъ успокоилъ его, называясь идти съ нимъ въ Воллонгонгъ. Онъ догадался, что ошибся, и съ этой минуты мы стали добрыми пріятелями; онъ даже предложилъ мнѣ наняться съ нимъ чаю, на что я съ радостью согласился. Онъ показался мнѣ человекомъ смѣшлетьмъ, и я получилъ отъ него много дѣльныхъ свѣдѣній о здѣшней странѣ и ея жителяхъ. Ничто не можетъ быть занимательнѣе его разсказовъ о собственныхъ его приключеніяхъ, о чудесахъ, съ которыми онъ встрѣчался, о событіяхъ, съ которыми онъ велъ дѣла. Вся его познанія плодъ собственныхъ его наблюденій въ разныхъ должностяхъ, которыя онъ занималъ въ разные времена. Сначала онъ былъ солдатомъ въ линейномъ полку, стоявшемъ въ Сидней, потомъ переведенъ въ конную полицію того же округа, наконецъ сдѣланъ констеблемъ; во всѣхъ этихъ званіяхъ онъ сталкивался съ людьми самыхъ различныхъ характеровъ, и участвовал во множествѣ презабавныхъ и прелюбопытныхъ приключеній.

Пока онъ говорилъ, глаза мои невольно обращались на его пльнника. Я имѣлъ много случаевъ наблюдать преступниковъ, но отъ роду не видалъ лица, на которомъ преступленіе, со всѣми его послѣдствіями, было бы написано такъ ясно, какъ на лицѣ этого несчастнаго. Онъ былъ изможденъ; въ глазахъ его видны были запосвялость и отчаяніе; каждая черта его страшнаго лица такъ краснорѣчиво и сказывала страданіе, что мнѣ больно было на него смотреть, а между-тѣмъ я не могъ свести съ него глазъ. Физиономія этого несчастнаго, думалъ я про себя, настоящій миниатюрный сколокъ съ Нюгета; это *multum in parvo* преступленія.

Напившись чаю, мы отправились въ Воллонгонгъ; пльнникъ, скованный, открывалъ шестіе; я шелъ за нимъ съ констеблемъ, который имѣлъ при себѣ два заряженныхъ иштелета на случай если бы колодникъ вздумалъ бѣжать. Въ этомъ почетномъ соупутчествѣ про-

идеть и через Наллару, крошечный городок въ полутора миль отъ Воллонгонга, расположенный на довольно высокомъ холму. Когда мы начали спускаться отъ горы, на поворотѣ дороги вдругъ открылось у ногъ нашихъ море, будто волшебная сила скатерти. Этотъ внезапный видъ произвелъ на меня такое сильное дѣйствіе, что я почувствовалъ на глазахъ слезы, хотя я отъ природы неслезливо не склоненъ къ слезамъ. Но внезапный видъ океана, когда вы довольно долгое время его не видали, возбуждаетъ въ сердцѣ столько чувствъ, отъ которыхъ нѣтъ возможности оборотиться!... море исключительно представляется страннику связью между нимъ и отцовскимъ домомъ, между нимъ и тѣмъ священнымъ мѣстомъ, съ которымъ сопряжено столько сладкихъ ощущеній, столько воспоминаній!...

Прибывъ въ Воллонгонгъ, я тотчасъ отправился къ пастору М**, вручить ему рекомендательное письмо. М**, Ирландецъ по рожденію, и одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей, какихъ случалось мнѣ видѣть, принялъ меня чрезвычайно любезно, и вывася собрать все нужныя мнѣ свѣдѣнія на-счетъ успѣха, какого мнѣ можно было ожидать въ Воллонгонгѣ. Результатъ его распросовъ былъ такой, что я счелъ благоразумнѣе отказаться отъ своей мысли. Въ Воллонгонгѣ было уже два врача, и ихъ было совершенно достаточно для небольшого числа прѣзжающихъ пользоваться ваннами. Населеніе этого города возрастаетъ съ каждымъ годомъ; онъ не слишкомъ далеко отстоитъ отъ Сиднея, и еще быстрѣе подвигался бы въ своемъ благосостояніи, если бъ не одно непреодолимое, по моему мнѣнію, препятствіе: это опасный берегъ, къ которому суда пристають съ ужаснѣйшимъ трудомъ. Безпрестанно видны противъ берега пароходы, борящіеся съ противными теченіями; смотря потому, откуда дуетъ вѣтеръ, волненіе около берега бываетъ иногда такъ сильно, что многіе больные, прѣзжающіе сюда пользоваться ваннами, бываютъ принуждены возвращаться домой, не успѣвъ даже выйти на берегъ, на которомъ надвѣялись поправить свое здоровье.

Шатаясь по городу, я встрѣтилъ своего спутника, констебля, и воспользовался этимъ, чтобы посмотреть всю достопримѣчательности. Походивши со мной еще нѣсколько времени, онъ повелъ меня въ какую-то лавченку, очень невзрачной наружности, въ которой продавались водка и табакъ; мы потребовали рому, конечно на мой счетъ, и я принялся курить, между-тѣмъ, какъ констебль завелъ разговоръ съ

хозяйномъ, который скоро обратилъ на себя и мое вниманіе. Это былъ человекъ небольшого росту, живой, какъ ртуть, вечно въ движеніи и ужасный говорунъ; онъ говорилъ обо всемъ, и, казалось, все зналъ. Когда мы вышли изъ лавки, я сталъ спрашивать констебля о хозяинѣ, и сказалъ ему, что этотъ человекъ въ высшей степени возбуждѣлъ мое любопытство.

— Это меня не удивляетъ, отзывалъ онъ; дядя Ватсонъ человекъ не дюжинный, онъ многое видалъ на своемъ вѣку, и многому научился. Онъ ссыльный, надо вамъ сказать, но выдержалъ свое время. Если у васъ есть сегодня свободный часокъ, можно будетъ еще разъ сходить къ нему. Постарайтесь навести его на Лондонъ и на его прежнюю жизнь; стѣнитъ его послушать. Однако же не думайте, чтобы онъ тамъ водился съ мошенниками и злодѣями; напротивъ, Ватсонъ принадлежалъ къ хорошему обществу и получилъ хорошее воспитаніе.

— Судя по его языку и приемамъ, я этого не подумалъ бы, замѣтилъ я.

— О, съ-тѣхъ-поръ онъ долженъ былъ принять другіе нравы; но тогда онъ захочетъ, онъ совсѣмъ не то; могу васъ увѣрить, что онъ можетъ быть совершенно порядочнымъ человекомъ.

Мы сговорились въ тотъ же день побывать опять у Ватсона, и отправились вмѣстѣ тотчасъ послѣ обѣда. Я велѣлъ подать рому и пригласилъ Ватсона выпить съ нами. Онъ повелъ насъ въ заднюю комнату, сказавъ, что тутъ намъ будетъ покойнѣе. Мы закурили трубки, налили стаканы, и принялись пить, — особенно констебль, — и бесѣдовать, то-есть, слушать хозяина, котораго очень не трудно было заставить говорить.

— Когда я пріѣхалъ сюда, сказалъ онъ какъ-то въ разговоръ.

— Когда пріѣхалъ!... гмъ! пробормоталъ констебль, наклонившись мнѣ на ухо; то-есть, когда его *привезли!* какъ вы думаете, сударь, вѣдь есть тутъ, кажется, небольшое различіе?

— Вотъ опять! вскричалъ Ватсонъ, съ досадою. Видно не дожить мнѣ до того, чтобы вы оставили меня въ покоѣ!

Констебль тщетно старался успокоить огорченного хозяина; онъ дулся и, казалось, рѣшился не говорить болѣе. — Мистръ Ватсонъ, сказалъ я, вы несправедливы къ своему другу; я самъ слышалъ, какъ онъ отзывался о васъ, нынче утромъ, со всѣмъ уваженіемъ, ка-

ного вы можете только желать. Я увзрѣнъ, что онъ теперь только пошутить, и нисколько не хотѣлъ васъ обидѣть. Скажу вамъ даже откровенно : то, что онъ говорилъ объ васъ, внушило мнѣ желаніе узнать васъ покороче, и привело меня къ вамъ.... За ваше здоровье, мистръ Ватсонъ, прибавилъ я, поднявъ стаканъ, за ваше здоровье и благоденствіе вашей торговли!

— Благодарю васъ, сэръ, благодарю, вскричалъ Ватсонъ съ прежнею веселостью; если такъ, то, такъ и быть, я расскажу вамъ свою исторію.

Мы дополнили стаканы, набили трубки, и Ватсонъ началъ :

«— Я родился въ небольшомъ городкѣ Нортамптонскаго графства; родители мои были зажиточные мызники, и дали мнѣ хорошее воспитаніе. Сначала они отдали меня къ суконному фабриканту, у котораго я пробылъ въ ученьи пять лѣтъ; потомъ меня отправили искать счастья въ Лондонъ, въ этомъ странномъ омутѣ страстей, искушеній всякаго рода, пороковъ и добродѣтелей, удачъ и разореній. Мнѣ удалось тотчасъ найти мѣсто прикащика въ одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ магазиновъ, у собора. Хозяинъ нашъ слылъ человекомъ благочестивымъ; можетъ-быть онъ и въ-самомъ-дѣлѣ былъ, или воображалъ, что благочестивъ; но только онъ доводилъ до послѣдней крайности условную нравственность торговца. Правилкомъ его было: «Продавай; продавай честно, когда можешь, но непременно продавай, не то тебѣ нѣтъ мѣста у меня». Если кому изъ его многочисленныхъ прикащиковъ и прикащицъ случалось отпускать покупателя, не продавъ ему ничего, — вычѣтъ изъ жалованья, и еще будь благодаренъ, что не отказали отъ мѣста безъ дальнихъ разсужденій! Слѣдствіе этой системы, слишкомъ общепринятой въ Лондонъ, то, что вся молодежь, занимающая должности прикащиковъ въ лавкахъ, безстыдные лгуны и плуты, которыхъ умъ направленъ только къ придумыванію новыхъ хитростей, какъ бы привлечь покупателя, опутать его паутинкой, когда ему что-нибудь понравится, и не дать ему выйти безъ покупки. Сколько разъ слыхалъ я, по вечерамъ, какъ эти негодяи рассказывали другъ другу свои вновь придуманныя плутни и безъ стыда хвалились ихъ успѣхомъ! Лучшій [прикащикъ, въ глазахъ хозяина, тотъ, который весь хитрѣе умѣетъ надуть, или по ихъ выраженію, *остричь* покупателя; тому только доброе слово и ласковая улыбка отъ хозяина, когда онъ приходитъ утромъ посмо-

треть у каждого прикащика книжку вчерашней продажи. Надо согласиться, что это самая гнусная школа; и, сколько я могу судить, главный источникъ ея заключается въ чрезвычайномъ промышленномъ производствѣ и происходящемъ оттого чрезвычайномъ соперничествѣ во всехъ отрасляхъ торговли.

«Пробывъ некоторое время въ магазинѣ, я поступилъ къ оптовому торговцу, и нашелъ тамъ то же зло на еще большую ногу. Тутъ приходилось навязывать товаръ тѣмъ самымъ людямъ, которые продавали его въ розницу и должны были знать всю мелкія хитрости торговаго дѣла; следовательно, чтобы обдурять ихъ, надо было хитрить и лгать еще вдвое противъ прежняго. Я поочередно перебылъ во всѣхъ первыхъ торговыхъ домахъ столицы, приобреталъ знаніе и опытъ, скопаялъ капиталецъ, и въ одинъ прекрасный день рѣшился открыть собственную торговлю. Время было благоприятное, я былъ довольно знакомъ въ фабричныхъ округахъ; другимъ везло и съ меньшимъ капиталомъ противъ меня, почему же было не повести и мнѣ?

«Я началъ, какъ начали до меня многіе изъ богатѣйшихъ лондонскихъ купцовъ: съ небольшимъ капиталомъ, достаточнымъ кредитомъ и огромными долгами. Этихъ условій достаточно для того, чтобы человеку благополучно идти къ цели, пока дуетъ попутный вѣтеръ и не угрожаетъ никакое несчастье. Но увы! какъ немного нужно, чтобы купца, торгующаго на чужія деньги, запутать въ безвыходныя затрудненія! Временная остановка въ торговлѣ, ничтожное колебаніе въ валютномъ курсѣ, не принятіе нѣсколькихъ векселей, все можетъ поставить его на край бездны. Таково было и мое положеніе въ 1834 году. Сколько разъ, отправляясь утромъ въ Лондонъ, въ публичной каретѣ, я старался быть веселымъ и говорить свободно съ спутниками, которые, можетъ-быть, были точно въ такомъ же положеніи. Повѣрьте мнѣ, никакая каторга не можетъ сравниться съ нравственнымъ страданіемъ бѣдняка, который видитъ надъ головою вросроченный вексель, и которому нечемъ платить! Несчастный возвращается вечеромъ къ женѣ и дѣтямъ, видитъ вокругъ нихъ довольство, даже роскошь, во соответствующія его настоящему положенію; но онъ не можетъ, не смевъ убавить одной булавки изъ этого довольства, чтобы не убить послѣдній своей кредитъ; онъ ложится, но сонъ блажитъ его ложа, ему видятся цифры, протестовавшіе векселя, разореніе; онъ встаетъ ночью безсонной ночи, чтобы вриняться за свои дѣла, въ полномъ убѣжде-

ни, что одно только чудо может спасти его отъ угрожающей ему гибели!....

Тутъ Ватсонъ остановился; помолчавъ нѣсколько, онъ продолжалъ: — «Вы можетъ-быть спросите, что это разсужденіе имѣетъ общаго съ моею исторіею?... Увы, настала день, когда, переживавъ все нравственныя пытки, какія можетъ перенести человекъ, употребивъ все честныя средства для отдаленія своего несчастія, я остался должнымъ своему банкиру нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ, и безъ всякихъ средствъ заплатить ихъ... Бездна разверзлась подъ моими стопами, отчаяніе бросило меня въ нее; я уступилъ искушенію подписать вексель чужимъ именемъ.... словомъ, составилъ подложный вексель!... Я дрожалъ, подписывая его; подавая эту роковую бумагу съ нѣкоторыми другими бумагами, я едва не упалъ въ обморокъ; и не смотря на все это, эта пытка казалась мнѣ легче потери кредита, недоброежелательныхъ сужденій, горькихъ замчаній и упрековъ заимодавцевъ! Чтобы избѣгнуть суда свѣта, я имѣлъ слабость совершить преступленіе, которое должно было наложить клеймо позора на мое семейство и моихъ друзей, преступленіе, котораго не изгладитъ цѣлая жизнь раскаянія!»

Ватсонъ замолчалъ; никогда не забуду, какое нравственное страданіе высказывалось во взглядѣ, который онъ бросилъ на меня: никто изъ насъ не смѣлъ прервать молчанія. Наконецъ онъ самъ продолжалъ торжественнымъ голосомъ, выходящимъ, казалось, изъ самой глубины его души:

«— Если бъ у меня былъ непримиримый врагъ, такой врагъ, которому я желалъ бы величайшей доли страданія, могущей постигнуть человека на землѣ, я не могъ бы придумать ничего ужаснѣе того, что самъ чувствовалъ передъ ольдъ-бейлейскимъ судомъ. Горестъ разстаться навѣки съ женою и дѣтьми, и видѣть, какъ друзья отвараживаются, встрѣчаясь съ вами, стыдъ видѣть себя среди скопища преступниковъ, и во все продолженіе дальняго путешествія слышать ихъ грубыя рѣчи, видѣть ихъ гнусныя нравы, чувствовать, что каждый можетъ понукать вами, какъ собакою.... О, если такой рядъ нравственныхъ и физическихъ страданій не обезоружитъ самаго злобнаго, самаго враждующаго сердца, то я уже не умѣю распознавать чувствъ человеческого сердца!...»

Произнесши эти слова, бѣдный Ватсонъ опустился на спинку стула; трубка выпала изъ его дрожащей руки, холодный потъ выступилъ на его лицѣ; вся его наружность доказывала страданіе, долго и глубоко терзавшее душу.

— Полно, старикъ, къ чему унывать! выпей еще стаканчикъ, сказалъ констебль, протянувъ ему руку. Что было, то было, не станемъ поминать прошедшаго... Ей Богу, если ты будешь такъ предаваться горести каждый разъ, какъ я приведу кого-нибудь послушать твою исторію, ноги моей не будетъ у тебя въ другой разъ!

Найдя, какъ я сказалъ выше, Воллонгонгъ уже занятымъ другими врачами, я рѣшился отправиться въ Шольгевенъ, по совѣту пастора М**, который далъ мнѣ даже рекомендательное письмо къ значительнѣйшему землевладѣльцу въ этой колоніи. Въ первый день путь мой пролегалъ черезъ край рѣдкой красоты и рѣдкаго богатства. Природа являлась тутъ во всемъ своемъ великолѣпнн. Исполинскіе верески, свойственные этой странѣ, огромный ростъ нѣкоторыхъ деревьевъ, которыхъ вѣтви рисовали свои причудливыя формы на синевѣ неба, составляли пріятную противоположность яркимъ краскамъ цвѣтовъ, покрывавшихъ другія деревья своими обильными гроздями. *Банксія*, *Ксиломела* наполняли воздухъ своимъ ароматомъ, *диандра*, *ксантореса* или травяное дерево, *мунція флорибунда* своими странными листьями и яркими цвѣтами разнообразили эту растительность, столь новую для глазъ европейца. Роскошные цвѣты усѣвали землю, ярко разцвѣченныя птицы порхали во всѣхъ направленіяхъ, слугнутыя непривычнымъ присутствіемъ человека; уединеніе еще усиливало впечатлѣніе вышнихъ предметовъ на мои чувства.

Позавтракавъ тѣмъ, что я взялъ съ собою изъ Воллонгонга, и вспавшись на травѣ также спокойно, какъ бы на пуховикѣ, я отправился къ мѣстечку Данто, гдѣ остановился на ночлегъ. На слѣдующій день я прошелъ деревню ДжемборѸ, и къ вечеру достигъ деревни Кіамы, состоящей изъ трехъ избъ. Приближаясь къ этой деревушкѣ, я увидѣлъ туземца, сидѣвшаго съ своимъ семействомъ подъ тѣнію огромнаго дерева, вокругъ разведеннаго огня, на которомъ они готовили на ужинъ какую-то морскую траву. *Блэкей*, то-есть дикарь, его *джинъ*, то-есть, жена, его двѣ дочери и я бивуакировали эту ночь

вмѣстѣ. Дикарь, въ торговыхъ сношеніяхъ своихъ съ европейцами, выучился кое-какъ объясняться по-англійски и я вступилъ съ нимъ въ разговоръ, за неимѣніемъ лучшаго собесѣдника. Вы не повѣрите, какъ невзыскателевъ на этотъ счетъ становится европеецъ въ степи и послѣ нѣсколькихъ дней одинокаго пути.

Блэкей объяснилъ мнѣ ломаннымъ англійскимъ языкомъ, что онъ изъ роду старшины въ своемъ племени; дѣйствительно у него на шеѣ была жестяная бляха въ видѣ полумѣсяца, которую онъ не знаю гдѣ промыслилъ, и на которой было написано имя вождя какого-то австральскаго племени. Такъ какъ онъ шелъ одной дорогою со мною, то мы отправились вмѣстѣ, на разсвѣтъ; меня очень занималъ ихъ образъ путешествія. *Джинъ* несла на спинѣ довольно тяжелую пошу, заключающую различныя хозяйственныя принадлежности. Старшая дочь несла на спинѣ мѣшокъ, а въ рукѣ зажатую палку, чтобы во время отвала имѣть тотчасъ огонь; она довольно важно шла за матерью. Младшая дочь валялась въ пескѣ, развилась въ кустарникахъ, кувыркалась и ломалась лучше всякаго акробата; она была совершенно нага, и черное какъ смоль тѣло ея сіяло на солнцѣ съ ногъ до головы; единственнымъ ея украшеніемъ была длинная тростинка, продѣтая въ ноздри. Отецъ заключалъ шествіе; въ одной рукѣ онъ держалъ дубину, въ другой нѣсколько дровишекъ; одежда его заключалась въ рубахѣ, которую онъ вѣроятно получилъ въ подарокъ или вымѣнялъ, и которая отъ грязи и старости сдѣлалась почти одного цвѣту съ его тѣломъ. Проходивъ нѣкоторое время такимъ-образомъ, и выманивъ у меня весь табакъ, какой я могъ удѣлить ему, *Блэкей* вѣроятно догадался, что съ меня больше нечего взять, и предпочелъ присоединиться къ своимъ единоплеменникамъ, бродившимъ въ лѣсу. Онъ вдругъ сталъ жаловаться на ужасную головную боль, выпросилъ у меня еще шесть пенсовъ, и отпустилъ меня продолжать путь свой одного, что меня нѣсколько не огорчило.

Наканунѣ, гуляя около *Кіамы*, я случайно пришелъ къ одному изъ прекраснѣйшихъ феноменовъ природы. Изъ жерла угаснаго волкана, принадлежащаго къ грядѣ огромныхъ скалъ, идущихъ въ этомъ мѣстѣ вдоль морскаго берега, бьетъ столбъ воды на высоту тридцати футовъ, и съ такою силою, что гулъ паденія воды по бокамъ скалы слышенъ на огромномъ разстояніи. Морскія волны, подмывъ ма-

ло-не-малу землю до подножія скалы, прорыли себѣ путь сквозь камень, и втиснутыя наперомъ слѣдующихъ волнъ въ узкій проходъ, извергаются изъ него безпрестанно въ видъ исполинскаго водомета. Этотъ феноменъ, посѣщаемый всеми путешественниками, никогда не изгладится изъ моей памяти; я простоялъ передъ нимъ болѣе часу, и едва могъ оторваться отъ этого зрѣлища; а на слѣдующій день передъ отправленіемъ, опять сходилъ взглянуть на него при свѣтѣ восходящаго солнца.

Въ Шольгевенъ, я былъ прекрасно принятъ господиномъ Б**, но узналъ, что это мѣсто еще неблагопріятно Воллонгенга для исполненія моего предпріятія. Поселенцы пользуются здѣсь желѣзнымъ здоровьемъ, благодаря своей воздержности и дѣятельности; притомъ въ сосѣдствѣ врачей болѣе, чѣмъ нужно для колоніи, и следовательно еще лишній содерникъ только повредитъ другимъ, не получивъ самъ отъ того никакой пользы. Я рѣшился отказаться отъ дальнѣйшихъ поисковъ, и возвратиться въ прежнее мѣстопробываніе; но гостеприимный хозяинъ отпустилъ меня только послѣ того, какъ я погостилъ у него нѣсколько дней.

Б**, умный и трудолюбивый Шотландецъ, поселился здѣсь за нѣсколько лѣтъ, съ двумя сестрами и тремя братьями, и трудомъ приобрѣлъ довольно значительное богатство. У него 70,000 акровъ земли, и онъ занимаетъ около 2,000 работниковъ. Онъ членъ сиднейскаго городского совета, и большую часть года живетъ въ Сидней. Онъ устроилъ на своихъ земляхъ одну внутреннюю и нѣсколько пильныхъ мельницъ; вся употребляющіяся у него бочки и желѣзные орудія, выдѣлываются у него же; кромѣ того, онъ поставляетъ правительству всѣхъ ремонтныхъ лошадей и огромные запасы соли. Почти всѣ сапожники, плотники, кузнецы, мясники, солонники, и прочіе работники, употребляемые имъ въ своихъ огромныхъ заведеніяхъ, — изъ каторжанковъ.

Во время пребыванія моего въ Шольгевенъ, я имѣлъ случай видѣть торжество, известное у туземцевъ подъ именемъ *коррибой*. Одно дикое племя, часто прикочевывающее въ окрестности колоніи, находилось тамъ въ это время, и праздновало это торжество. Коррибой мѣсть и увеселеніе и судъ, въ которомъ дается расправа по дикимъ понятіямъ племени; онъ всегда оканчивается дикими и смѣшными плясками, которыя сопровождаются такими ужасными криками, что вѣрнѣе не вѣрится, чтобы они могли исходить изъ человѣческихъ грудей.

Женщины убираютъ себя головы вѣтками изъ бывшихъ собачьихъ хвостовъ и зубовъ кангуру; лица ихъ намазаны слоємъ бѣловатой глинды, который придаетъ имъ преотвратительный видъ; нѣкоторыя намазываютъ ее только на губы, другія вдоль ногъ; самыя богатыя щеголихи надѣваютъ на голову что-то въ родѣ сѣтки, съ хохолками изъ лебяжьяго пуху, которые издали немножко напоминаютъ пудренныя тулупы прошлаго вѣка. Одежда мужчинъ такъ же странна и нарядна, какъ женская. Словомъ все это празднество одно изъ самыхъ любопытныхъ явленій, какія можетъ видѣть путешественникъ.

Лѣность австральскихъ племенъ вошла въ пословицу; ихъ чрезвычайно трудно заставить приняться за работу, и совершенно невозможно заставить работать со вниманіемъ и съ толкомъ. Между женщинами, особенно молодыми, я замѣтилъ нѣсколько очень недурныхъ и хорошо сложенныхъ; зато старухи ужасно безобразны, какъ у всѣхъ дикарей, у которыхъ на долю женщинъ выпадаютъ самыя тяжелыя работы.

Простившись съ гостепріимными хозяевами, я оставилъ Шольгевенъ и отправился обратно въ Воллонгонгъ. Необходимость позаботиться объ удовлетвореніи первыхъ потребностей жизни не позволила мнѣ слишкомъ удаляться отъ мѣсть, гдѣ я могъ надѣяться на вѣрное пристанище и столъ; однако же я по возможности разнообразилъ свой путь; не упускалъ случая вполне насладиться удовольствіемъ скитаться по дѣвственнымъ лѣсамъ, по лугамъ, которыхъ не топтала еще человѣчская нога, любоваться совершенно новыми картинами природы.

Погода была прекрасная; обильная роса усынала все милліонами червокъ; она дала мнѣ возможность насмотрѣться въволю на огромныя паутины, которыми затканы кустарники и лѣса. Здѣшніе пауки превосходятъ нашихъ не только въ силѣ и ростѣ, но и въ искусствѣ ловить свою добычу. Паутины ихъ еще болѣе затрудняютъ проходъ черезъ лѣса; путешественникъ, выходя изъ лѣсу, покрытъ съ ногъ до головы липкимъ слоємъ, который не легко счистить съ платья. Въ нѣкоторыя времена года, пауки должны имѣть обильную пищу, потому что въ воздухъ летаютъ тучи насвкомыхъ; но частые пожары, встребляющіе ежегодно цѣлыя округи лѣсовъ, и частью происходящіе отъ небрежности туземцевъ, частью причиняемые ими умышлен-

но, истребляют огромное количество яиц, куколокъ, червячковъ всякаго рода, что препятствуетъ размноженію насѣкомыхъ.

Я ужасно страдалъ отъ москитовъ, особенно въ сырыхъ мѣстахъ; но самое злое, самое страшное, самое вредное изъ насѣкомыхъ этихъ жаркихъ климатовъ, есть безспорно — муравей. Въ австральскихъ лѣсахъ водятся различныя породы муравьевъ; черный, бѣлый, красный, и особенно муравей-лѣвъ, котораго укушеніе причиняетъ сильную боль, и который съ невѣроятнымъ неистовствомъ нападаетъ на бѣднаго путника, случайно ступившаго на частицу обширныхъ владѣній, которыя это насѣкомое приписываетъ себѣ въ лѣсахъ. Ничто не можетъ быть любопытнѣе для наблюдателя, какъ дороги, которыя это дѣтельное животное прокладываетъ отъ одного муравейника къ другому; на нихъ нѣтъ ни камешка; все, что преграждаетъ прямой путь, отбрасывается въ стороны. Почти не вѣрится, чтобы тутъ не участвовала рука человека.

Послѣ цѣлаго дня скитанія въ совершенномъ одиночествѣ, я пришелъ въ Серингонгъ, и ночевалъ у одного освобожденнаго каторжника, человека истинно необыкновеннаго по обстоятельствамъ своей жизни, и по положенію, какое онъ успѣлъ себѣ составить. Три дня пути привели меня въ Воллонгонгъ, гдѣ я ночевалъ у пріятеля своего Ватсона. На слѣдующій день я отправился на *луга*, свое прежнее мѣстопробываніе, и прибылъ измученный дорогою, но совершенно здоровый и довольный своею прогулкою. Нѣсколько дней спустя я узналъ, что въ одномъ изъ мѣстъ, черезъ которыя я проходилъ, была ограблена почта; а въ другомъ дикари сняли съ одного прохожаго платье. Последнее приключеніе, конечно, не очень страшно, но тѣмъ не менѣе было бы мнѣ крайне непріятно. Я благополучно избѣжалъ этихъ опасностей, и возвратился цѣль и невредимъ; вскорѣ представился случай совершить пріятное морское путешествіе, и я такъ занялся приготовленіями, что мнѣ некогда было и думать объ опасностяхъ, которыя могли бы настичь меня.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

О РАЗВЕДЕНИИ ВИНОГРАДУ И ВИНОДѢЛИ ВЪ РОССІИ.

=

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

=

Чтобы яснѣе показать состояніе нашего виноградарства и винодѣлія лѣтъ за тринадцать назадъ, прибавимъ слѣдующія подробности, извлеченныя изъ тѣхъ же официальныхъ свѣдѣній.

Кавказская область.

На западной сторонѣ отъ Моздока до Тамани, въ описываемый періодъ мало разведено винограду, хотя тамъ и находятся прекраснѣйшія мѣста для садовъ всякаго роду. По казачьимъ станицамъ, отъ Моздока до Кезляра, сады также не распространились, однакоже, какъ сказано въ отчетѣ главнаго инспектора надъ шелководствомъ за 1834 годъ, они и не пришли въ худшее состояніе, но содержались въ исправности; вино, по большей части негодное для питья, по прежнему во

все это время перегонялось въ водку, съ тою разницею, что прежде кизлярскіе и моздокскіе Армяне имѣли по станціамъ большіе винокуренныя заводы, а тутъ ихъ стало очень мало и сами казаки выдѣлывали водку. Въ 1833 году, было привезено на нижегородскую ярмарку 150,000 ведеръ кизлярскаго вина, которое продавалось по 3 рубля и по 3 рубля 50 копѣекъ ассигнаціями за ведро. Въ 1834 году, оно также продавалось по самой низкой и невыгодной цѣнѣ, и даже большая часть осталась непроданною, потому что не поспѣла во время на ярмарку. Въ 1835 году цѣна вину была самая низкая: бочка въ 40 ведеръ краснаго вина съ чапрою, идущаго на винокуреніе, продавалось въ Кизлярѣ отъ 8 до 10 рублей; ведро вина для питья отъ 80 копѣекъ до 1 рубля 20 копѣекъ ассигнаціями, самое лучшее по 1 рублю 60 копѣекъ, а ведро водки отъ 4 до 5 рублей ассигнаціями. Лучшее вино на нижегородской ярмаркѣ, куда его отправлено было до 4000 бочекъ, продавалось по 3 рубля 50 копѣекъ ассигнаціями, а водку, за неимѣніемъ покупателей, брали откупщики по 8 рублей ведро, тогда какъ въ 1820 году и другіе годахъ цѣна ей была отъ 16 до 20 рублей ассигнаціями за ведро. Въ этотъ годъ въ Москвѣ также кизлярское вино не продавалось даже по самымъ низкимъ цѣнамъ, по причинѣ большаго привоза его, и по дешевизнѣ молдавскихъ и архипелагскихъ винъ. Вина урожая 1836 года были крѣпки и хорошей доброты, но продавались также дешево: въ Кизлярѣ отъ 80 копѣекъ до 1 рубля 50 копѣекъ ассигнаціями, а лучшее до 3 рублей 50 копѣекъ ассигнаціями за ведро; вина съ выжимками, годныя только на выгонку спирта — отъ 8 до 10 рублей ассигнаціями за сорока-ведерную бочку. Съ гребенскихъ станицъ развозятъ вино по селеніямъ почти всей области. Главный инспекторъ надъ шелководствомъ, Стевень, въ своемъ отчетѣ за 1836 годъ говоритъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ продавали прошлогоднее вино въ деревняхъ, по 80 копѣекъ, даже по 60 копѣекъ ассигнаціями за ведро. Это служитъ доказательствомъ, какъ много осталось въ 1835 году вина. Въ 1836 году отправлено было кизлярскаго вина на нижегородскую ярмарку только 2,500 бочекъ или $\frac{1}{3}$ количества 1835 года. Можно полагать, продолжаетъ господинъ Стевень, что въ Ставрополь — въ 1836 году ушло 600 бочекъ, въ Харьковъ 600, въ Астрахань 500, въ Курскъ и въ Ирбитъ по 200; въ Кизлярѣ и въ окрестностяхъ выпивается до 500 бочекъ. Все это со-

оставляет малую только часть выдѣлываемаго вина; остальное же должно быть перегнано въ водку. По затрудненіямъ въ вывозъ этой послѣдней, она продавалась въ 1836 году, въ Кизлярѣ, по 5 рублей ассг. и даже по 4 руб. 50 коп. асс. за ведро. — Всѣ эти обстоятельства заставили нѣкоторыхъ виноградарей оставлять свои сады одинъ за другимъ. Многіе изъ нихъ не могли въ зиму 1833—34 года закрывать виноградъ, иные и закрывши не были въ состояніи весною открыть его; у очень многихъ сады остались безъ набивки колевъ, къ которымъ виноградъ долженъ быть привязанъ. Новыхъ виноградныхъ садовъ, по словамъ отчета за 1836 годъ, въ Кизлярѣ давно уже не разводятъ. А изъ старыхъ, по тому же отчету, многіе обращены въ пастбища скоту: другіе же, въ бытность господина Стевена въ концѣ августа 1836 года въ Кизлярѣ, стояли не окопанные, неподвязанные, безъ колевъ или тычинокъ. До ста садовъ было отдалено хозяевами другимъ на содержаніе и пользованіе съ тѣмъ, чтобъ эти сады, по истеченіи 8 или 10 лѣтъ, были возвращены въ цѣлости.

Вотъ что значитъ недостатокъ сбыта.

При кавказскомъ училищѣ винодѣлія, въ Кизлярѣ, въ описываемый періодъ времени получено :

	Краснаго съ выжимками.	Бѣлаго съ дрожжами.	Всего.
Въ 1833 году			1,021 ведеръ.
— 1834 —	704	421	1,125 —
— 1835 —	775	520	1,295 —
— 1836 —	672	678	1,350 —

Сверхъ-того, въ 1835 году получено еще 240 ведеръ вина, негоднаго для питья, а годнаго только на выгонку спирта, по причинѣ бывшихъ втеченіе лѣта и осени дождей. Въ 1834 году часть бѣлаго вина, 120 ведеръ, была выдѣлана изъ чернаго гимринскаго винограда. По словамъ отчетовъ за 1834 годъ господина министра внутреннихъ дѣлъ и главнаго инспектора, не смотря на старанія и черныи кизлярскій виноградъ обращать въ бѣлое вино, оказалось, что при самой давкѣ ягодъ сообщается соку темный цвѣтъ, который потому уже невозможно устранить. Отъ этого-то часть вина, выдѣ-

данная въ 1834 году изъ чернаго винограду и отправленная тогда же въ Москву, очень худо продавалась.

Сорты винограду, наиболее разводимые въ дачахъ училища — суть асмансгаузеръ, красный кизлярскій и красный бургонскій виноградъ.

О цѣнахъ вина, продаваемого изъ погребовъ училища, известны слѣдующія подробности. Въ 1834 году продавалось : бѣлое по 12 руб. асс., красное по 6 руб. асс. ведро. Последняго и въ 1834 году также мало расходилось какъ въ 1833 году, потому-что въ Кизляръ гораздо болѣе прежняго стали выдѣлывать вина для питья; отъ этого же оно очень понизилось въ цѣнѣ, такъ что часто продавалось по 1 рублю 50 коп. асс., и считалось выгоднымъ сбыть его по 3 р. асс. за ведро. Изъ красныхъ винъ казеннаго погреба шли по хорошей цѣнѣ только тѣ, которыя выдѣлывались изъ винограду пинофранъ или асмансгаузеръ; они охотно раскупались по 10 руб. асс. за ведро. Эта цѣна равнялась той, которую въ тотъ годъ давали за самое лучшее вино въ Копсель, близъ Судака, и то за небольшое только количество. Въ 1835 году казенное вино также продавалось, бѣлое по 12 руб. асс. за ведро и охотно раскупалось, а красное по 6 руб. ассиг., и то не въ большомъ количествѣ. Въ это время выдѣлка вина въ кизлярскомъ училищѣ уже значительно улучшилась. Въ доказательство можно привести то, что вина, долго лежавшія въ дурныхъ погребахъ и плетеныхъ амбарахъ, при чрезвычайно неравномерной температурѣ (напримѣръ при 17 градусахъ тепла и при зимнихъ морозахъ), ни мало не испортились.

Лучшимъ и прочтѣйшимъ изъ всѣхъ красныхъ винъ оказался, какъ и прежде, асмансгаузеръ, изъ бѣлыхъ — ризлингъ. Таковую хорошую выдѣлку вина въ Кизляръ, котораго произведенія прежде были известны по негодности, начальство приписывало въ особенности искусству и старанію стараго училищнаго виноградаря, титулярнаго совѣтника Барта. Хорошему качеству училищныхъ винъ много способствовало также и введеніе лучшихъ сортовъ винограда : гимринскаго изъ лежгинскихъ горъ, пинофрана и другихъ изъ Германіи и нѣкоторыхъ изъ Крыма. Эти сорта хотя медленно, однако же распространились изъ училища и по частнымъ садамъ. Чтобы вполне обрисовать состояніе кизлярскаго училища винодѣлія въ описываемый періодъ времени, слѣдуетъ выписку изъ отчета главнаго инспектора за 1836 годъ о

томъ, сколько въ немъ къ 1837 году было непроданнаго выдѣланнаго вина, и какъ великъ былъ капиталъ, вырученный отъ продажи. Въ 1834 году въ училищѣ накопилось отъ 1833, 1834 и 1835 годовъ, и отчасти еще отъ 1832 года, всего около 3,000 ведеръ. По этому часть вина осенью 1836 года была отправлена на продажу въ Ставрополь, а остальное весной, въ 1837 году, на нижегородскую ярмарку. Отъ продажи вина было выручено: въ 1836 году по 1 ноября — 2,892 руб. ассиг., а въ 1835 году во весь годъ, 2,978 руб. 25 коп. ассиг. Капиталъ казеннаго сада банковыми билетами и наличными деньгами къ 1 ноября 1836 года простирался до 52,870 рублей.

Вообще въ Кизлярѣ въ 1834 году было добыто до 1,165,000 ведеръ, или $\frac{1}{15}$ всего количества вина, добытаго въ этотъ годъ въ кавказской области. Послѣ Кизяра, лучшее въ области винодѣліе въ разсматриваемое время производилось на Кумь, гдѣ число виноградныхъ садовъ, по отзыву отчета за 1836 годъ, ежегодно умножалось какъ у помѣщиковъ, которыхъ, впрочемъ, въ то время было не больше трехъ или четырехъ, такъ и у простыхъ поселянъ. Послѣдніе, по словамъ отчета, выдѣлывали вино самаго дурнаго качества, распииваемое на мѣстѣ, и частію только покупаемое промышленниками для дальнихъ селеній кавказской области, а иногда и для отвоза въ дальнія губерніи. Въ 1836 году урожай здѣсь былъ ничтожный. Прежде, до 1834 года, хорошее вино выдѣлывалось на Кумь только въ одномъ имѣніи помѣщика Скаржинскаго; но около этого времени статскій совѣтникъ Ребровъ, въ своемъ имѣніи Владиміровкѣ, на Кумь, началъ прекрасно заниматься виноградарствомъ. Въ 1836 году онъ уже содержалъ искуснаго купора, который дѣлалъ очень хорошее пѣнистое вино, хотя оно и отставало еще нѣсколько отъ настоящаго шампанскаго; это вино продавалось по 5 руб. асс. за бутылку на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, и въ 1836 году было отправлено въ первый разъ на нижегородскую ярмарку. Прочія вина, въ то время, за всѣмъ искусствомъ купора, были еще только посредственны. Господинъ Ребровъ разводилъ виноградъ лучшихъ иностранныхъ сортовъ и выстроилъ, для пѣнистаго вина, обширные погреба изъ кирпича, которые, однако же къ сожалѣнію, были не довольно холодны.

Небольшіе виноградники, разведенные, за нѣсколько лѣтъ до

разсматриваемого времени, нинюцкии колонистами близъ города Св. Креста, въ 1836 году были уже брошены. Эти поселенцы должны были переселиться въ Карась, близъ Пятигорска, къ другимъ своимъ собратьямъ; но, въ Карась, по волеизъявленности цоложин, нельзя было ожидать успѣха въ винодѣліи. — Винодѣліе въ Пятигорскѣ у господина Ленца, по отчету за 1834 годъ, не процвѣтало. Тисье, который дѣлалъ у него вина на манеръ шампанскаго, его оставилъ и потому производство вовсе остановилось. Другія вина его были посредственны. Предполагаемая тамъ же виноградная посадка бывшаго старшины шотландской миссін, въ 1834 году еще не была сдѣлана. Въ 1836 году въ Пятигорскѣ, весь виноградъ вреналъ отъ весеннихъ морозовъ. — Далѣе по Кубани, въ 1836 году уже не было виноградниковъ; большіе сады, бывшіе въ прежней маковской и донской станицахъ, по дорогѣ отъ Ставрополя въ Черкасскъ, всѣ истреблены по переводѣ этихъ станицъ на новую линію.

Въ заключеніе винодѣльнаго хозяйства кавказской области должно сказать еще объ одномъ распоряженіи 1834 года. При значительномъ винодѣліи въ области и въ закавказскомъ краю, употребляются для перевозки винъ бурдюки (мышки изъ козьей кожи). Эти бурдюки смазываются ввнутри нефтью, извѣстною подъ названіемъ купри, которая всегда болѣе или менѣе сообщаетъ вину дурной запахъ и вкусъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ, имѣя въ виду, что по мѣстнымъ обстоятельствамъ невозможно замѣнить бурдюкъ другою посудою и желая отвратить означенное неудобство, истребовало образцы кожи, употребляемой на бурдюкъ и нефти, которою ихъ смазываютъ. Они были показаны академику Гессе для разрѣшенія двухъ вопросовъ: 1) нельзя ли очищать эту нефть такимъ образомъ, чтобы она не сообщала вину дурнаго запаха и вкусу и 2) нельзя ли замѣнить нефть какимъ-либо другимъ веществомъ. — Придуманная академикомъ средства къ очищенію нефти (Ж. М. Ви. Д. 1836 № 4, стр. 172), были сообщены мѣстному начальству въ Грузію и подвергнуты тамъ испытанію на мѣстѣ. По донесенію главнокомандующему краемъ отъ общества поощренія за Кавказомъ сельской и мануфактурной промышленности и торговли, оказалось, что способъ, придуманный господиномъ Гессе для очищенія купри, черезъ перегонъ ее съ водою посредствомъ куба, удовлетворителенъ и издержки на

него малозначительны. По отзыву общества, при очищеніи такимъ образомъ кури и смазываньи ею бурдюковъ, вино дѣйствительно не теряетъ собственнаго своего букета, и кромѣ того масляныхъ частицъ, которыя прежде замѣчались на поверхности вина, налитого изъ приготовленнаго по тамениному способу бурдюка, при этомъ совершенно незаметно, равно какъ и нѣтъ вовсе нефтянаго запаха. Черезъ шесть мѣсяцевъ общество прибавило къ своему доносенію, что вино, оставаясь довольно времени въ одномъ и томъ же бурдюкѣ, не имѣетъ нефтянаго запаха. — Министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи этихъ отзывовъ, просилъ тогда же главноуправляющаго Грузією и Закавказьемъ предоставить обществу сдѣлать сколько можно болѣе извѣстными означенные способы и выгоды ихъ между занимающимся винодѣліемъ, торговлею вина и выдѣлкою бурдюковъ въ подвѣдомственномъ ему краю. Министерство внутреннихъ дѣлъ, съ своей стороны, помня объ этомъ извѣстіи въ своемъ журналѣ, изъявило желаніе, чтобы для обезпеченія въ полученіи очищенной нефти, учреждено было къ-либо изъ промышленниковъ, при содѣйствіи общества, особое заведеніе; потому что частное очищеніе каждымъ въ особенности винодѣлателемъ или торговцемъ, не всегда можетъ быть удобно, а иногда и невозможно. (Журналъ Министерства внутреннихъ дѣлъ 1836 года № 10, 132, 133). Намъ неизвестенъ результатъ этихъ мѣръ.

Херсонская губернія.

Здѣсь, въ описываемый періодъ времени, по отчетамъ, виноградные сады постоянно размножались: въ 1834 году разведено было новыхъ довольно, въ 1835 году много. Въ первый изъ этихъ годовъ, между прочимъ въ городѣ Вознесенскѣ посажено, въ казенныхъ садахъ до 7500 лозъ, и уланскаго полка въ селеніи Новопавловскомъ, около 4000. Въ одесскомъ и тираспольскомъ уѣздахъ было много посажено: у помѣщика Холмогорова — 40,000 лозъ, у помѣщика Рыкова, въ селеніи Топоровкѣ 15,000, у подпоручика Павловскаго въ селеніи Шиловомъ 12,000; также у подпоручицы Унтиловой 6,000 лозъ; большая часть этихъ лозъ принадлежитъ къ обыкновеннымъ молдавскимъ. — Въ 1835 году виноградные сады вновь разводились

наибольше около Одессы и въ колоніяхъ. Садъ коллежскаго ассессора Шмита содержалъ въ 1835 году уже до 60,000 кустовъ, графа Воронцова до 80,000 кустовъ, Лицейскій казенный садъ до 40,000 и другіе. Въ 1836 году въ селеніяхъ подполковника Рона, Большой и Малой Коренихъ, были заведены новыя виноградныя плантаціи: первая въ 12,000, а вторая въ 2,000 кустовъ. Въ болгарскихъ колоніяхъ: Большой Буяликъ 61,500 и въ Кубанкѣ 81,000 кустовъ. Весьма жаль, сказано въ отчетъ за 1834 годъ, что около самаго Херсона и по Днѣпру, гдѣ мѣста весьма способны для разведенія винограду, виноградарство мало распространяется. Сады, разведенныя прежде 1835 года близъ Херсона, по свидѣтельству отчета за этотъ годъ, мало приносили дохода и тамъ вновь виноградныхъ лозъ не сажаютъ. По мнѣнію Стевена, тамъ необходимо нужно бы учредить училище винодѣлія, на подобіе кизлярскаго, какъ для доказательства вообще возможности въ тѣхъ мѣстахъ выдѣлывать хорошее вино, такъ и въ особенности для введенія лучшихъ сортовъ винограду. Въ числѣ приведенныхъ выше итоговъ было выдѣлено вина въ болгарскихъ и нѣмецкихъ колоніяхъ: въ 1834 году бѣлаго 25,000 ведеръ, краснаго 35,000 ведеръ; въ 1835 году бѣлаго 58,000 и краснаго 80,000 ведеръ. Въ этомъ послѣднемъ году лучшими садами въ нѣмецкихъ колоніяхъ показаны: въ Большомъ и Маломъ Либенталахъ, при которыхъ выдѣлено вина: въ первой до 15,000, а во второй до 10,000 ведеръ, а въ болгарскихъ колоніяхъ: въ Большомъ Буяликѣ, въ которомъ было 13,000 и въ маломъ Буяликѣ, въ которомъ было 11,000 ведеръ. Близъ Одессы въ 1835 году получено: у графа Воронцова 1,000 ведеръ; у господина Шмита столько же, въ лицейскомъ саду 400, а всего до 20,000 ведеръ; и сверхъ того ягодами продано до 30,000 пудовъ, цѣною отъ 3 до 4 руб. асс. за пудъ. Въ 1836 году, по доставленному отъ инспектора надъ шелководствомъ свѣдѣнію, урожай винограду въ херсонской губерніи вовсе не было никакого. Отъ суровой зимы 1835—6 года и отъ весеннихъ морозовъ, виноградныя лозы совершенно вымерзли, и потому нельзя было ожидать даже урожая и въ 1837 году. Вино продавалось жителями на ярмаркахъ и по мелочамъ: въ 1834 году отъ 3 до 4 руб. асс. а въ 1835 году отъ 3 до 5 руб. асс. за ведро.

Въ заключеніе обзора состоянія винодѣлія въ херсонской губерніи, въ теченіе описываемаго періода, слѣдуетъ замѣтить, что есть обстоятель-

ства, нѣсколько замедляющія развитіе этой отрасли промышленности. Одно изъ этихъ обстоятельствъ и самое важное то, что въ Херсонѣ дешовы виноградъ и вина привозныя изъ другихъ мѣстъ Имперіи. Такъ, въ 1836 году виноградъ, привозимый изъ бессарабской области и съ Крымскаго полуострова, продавался отъ 7 до 8 руб. асс. за пудъ; а вино судакское тогдашняго урожая продавалось, въ Херсонѣ, по 5 руб. асс., а изъ иностранныхъ лозъ по 7 руб. асс. за ведро.

Бессарабія.

О состояніи виноградарства и винодѣлія въ бессарабской области за описываемый періодъ времени—пять положительныхъ свѣдѣній. Известно однако же, что разведеніе въ области виноградниковъ, во все это время, распространялось чрезвычайно быстро, особенно близъ Аккермана.

Екатеринославская губернія.

Не смотря на удобство для виноградарства мѣстъ по Днѣпру и околю Азовскаго моря, въ екатеринославской губерніи въ описываемый періодъ почти никто не занимался разведеніемъ винограду; такъ что винодѣліе въ губерніи въ это время не только не распространилось, но еще, напротивъ того, значительно уменьшалось годъ отъ году; небольшое число кустовъ, уже разведенныхъ—погибло отъ небреженія.

Лучшіе виноградные сады были въ Обиточномъ, на рѣкѣ Молочной, и на Дону, въ недалекомъ разстояніи отъ Мариуполя и отъ Таганрога; но и эти сады мало-по-мало заглохли. Вообще, частію по недостатку сбыта винограду, частію отъ развитія прибыльнѣйшихъ отраслей промышленности, въ разсматриваемые годы множество садовъ было брошено; такъ, что въ 1834, 1835 и 1836 годахъ считалось въ губерніи всего-на-всѣ четыре виноградника: три близъ Таганрога и одинъ близъ Мариуполя; да и тѣ ежегодно болѣе и болѣе упадали. Въ нихъ всего было выдѣлано въ 1834 году вина 44 ведра и сверхъ того собрано 520 пудовъ винограду; въ 1835 году всего собрано 257 пудовъ винограду и выдѣлано 23 ведра ви-

на, то-есть около половины противъ 1834 года. Виноградъ продавался: бѣлый по 4, красный по 3 руб. асс. пудъ. Въ 1836 году выдѣлано 29 ведеръ вина, только для домашняго употребленія; собрано всего 190 пудовъ винограду, который проданъ отъ 4 до 6 руб. асс. за пудъ. Между-тѣмъ въ Харьковѣ, въ этотъ годъ, донской виноградъ продавался по 16 руб. асс. за пудъ; такая цѣна, казалась бы, могла поощрить къ разведенію винограда въ губерніи, тѣмъ болѣе, что способныхъ мѣстъ, какъ мы уже говорили, довольно, и климатъ въ южной части губерніи не холоднѣе, чѣмъ на Дону.

Кіевская губернія.

О частностяхъ по сбору винограду въ этой губерніи въ разсматриваемое время извѣстно, что: а) въ Кіевѣ при Печерской Лаврѣ собрано было ягодъ: въ 1834 году до 250 пудовъ; въ 1835 году до 300 пудовъ; б) въ кіевскомъ кловскомъ казенномъ саду: въ 1834 году собрано до 120 пудовъ; въ 1835 году до 100 пудовъ; а въ 1836 году всего собрано въ Кіевѣ до 260 пудовъ; с) у наследниковъ, Лопухиныхъ, въ мѣстечкѣ Шполь и въ деревнѣ Калагоркѣ въ 1834 году собрано 300 пудовъ, въ 1835 году 370 пудовъ; а въ 1836 году въ одномъ Шполь 280 пудовъ; d) у наследниковъ Понятовскаго, въ мѣстечкѣ Таганчѣ въ 1834 году собрано 350 пудовъ; въ 1835 году — 400 пудовъ, а въ 1836 году — 260 пудовъ.

Вообще въ кіевской губерніи виноградъ если и разводится, то не для винодѣлія, а для сбыта въ ягодахъ; вино рѣдко выдѣлывается даже для собственнаго потребленія; такъ напримѣръ въ 1835 году его не было выдѣлано нисколько. Обыкновенная продажная цѣна винограду по 2 руб. 50 коп. и по 3 руб. асс. за пудъ.

Подольская губернія.

Въ отчетахъ за 1834 и 1835 годы сказано, что большая часть вина выдѣлана въ Могилевѣ на Днѣстрѣ и смежныхъ селеніяхъ, и не смотря ни на какую свою доброту въ 1834 году, и посредственную въ слѣдующемъ, продавалась на мѣсть весьма дорого: по 2 руб. 50 коп.

и по 3 р. асс. за ведро. — По отчету за 1836 годъ въ Могилевъ на Днѣстръ, у разныхъ козловъ выдѣлано 1,500 ведеръ вина; въ томъ числѣ у Лесотія Орціянова 500 ведеръ; это вино расходилось на мѣсто по 2 и по 2 руб. 50 коп. асс. за ведро. Въ могилевскомъ уездѣ выдѣлано 350 ведеръ, да у графа Чацкого особо 300 ведеръ; въ Тульчинъ, брацлавскаго уезда, 80 ведеръ; въ ольгенопольскомъ уездѣ, въ имѣніи графа Витгенштейна, 1,500 ведеръ, и у псалдиниковъ генерала Тутельмина, въ Рашковъ, 300 ведеръ.

Таврическая губернія.

Разведеніе винограду въ этой губерніи въ описываемый періодъ сильно распространилось. — Въ 1834 году, не смотря на всѣ затрудненія, происходившія отъ крайней дороговизны и даже отъ недостатка хлѣба въ началѣ этого года, вновь разведено винограду до 1,590,000 кустовъ, въ слѣдующемъ году не много меньше, именно 1,454,000 кустовъ; въ 1836 году — 1.151,341 кустъ; въ 1837 году 714,350 кустовъ; прибавивъ къ этимъ числамъ 851,200 кустовъ посаженныхъ въ 1833 году, получимъ во всѣ пять лѣтъ вновь посаженныхъ 5,679,317 кустовъ. Замѣтимъ, что полагая только по 20 кустовъ на ведро вина, эти посадки должны были дать лѣтъ черезъ пять—шесть: посадки 1833 года до 43,000 ведеръ; 1832 года 80,000; 1835 года до 75,000; 1836 до 56,000 и 1837 года до 36,000 ведеръ, а посадки всѣхъ пяти лѣтъ огромное количество въ 290,000 ведеръ.

Главнѣйшая посадка происходила на западной сторонѣ южнаго берега отъ Ласни до Алушты; здѣсь почти всѣ, безъ изъятія, старыя и новыя помѣщики наперерывъ сажали виноградъ. Всего на этого-западного берегу, на протяженіи 87 верстъ, посажено было: въ 1833 году 587,982 куста; въ 1834 году 934,900 кустовъ; въ 1835 году 834,940 кустовъ; въ 1836 году 540,500 кустовъ; всего въ 4 года 2,897,362 куста. Исчисленіе всѣхъ насажденій ни къ чему бы не повело; но чтобы познакомить нашихъ читателей съ наилучшими виноградными садами на южномъ берегу Крыма, укажемъ на главнѣйшія новыя посадки:

Въ Форесть у оберъ-госмейстера Нарышкина посажено въ 1834 году 22,600, въ 1835 году 5,000 кустовъ. Въ *Мшантъ*,

у Сабурова : въ 1834 году 52,000 кустовъ ; въ *Мишаткь* же, у министра Перовскаго : въ 1834 году 27,000, въ 1835 году 19,000 кустовъ. Въ *Мухалаткь* прежде были только небольшіе сады, а въ это время поселилось нѣсколько помѣщиковъ, у которыхъ посажено : въ 1835 году у генерала Шатилова 35,000 ; у полковника Олины 20,000 кустовъ. Въ *Кастропуло* въ 1835 году, у генерала Демидова 14,000; у Рейника 15,000 кустовъ. Въ *Кучуккопъ*, у Токарева, въ 1834 году 20,000 ; въ 1835 году 35,000 кустовъ. Въ *Кикинеисть*, у генералъ-маіора Ревеліоти 40,000 кустовъ. Въ *Симейсь*, у князя Мещерскаго въ 1834 году 30,000 ; въ 1835 году 37,000; у Мальцова въ 1835 году 12,000, у Емельмана въ 1834 году 20,000 кустовъ. Въ *Ялтинской долинь*, въ 1834 году, у князя Дондукова-Корсакова 24,000; у адмирала Мордвинова 15,000 кустовъ. Въ *Марсандь*; у графа Воронцова, въ 1834 году 23,000: въ 1835 году 31,000 кустовъ. Въ *Алупкь* у графа Воронцова въ 1835 году 27,000 ; въ 1836 году 14,000 кустовъ. Въ *Ливадь*, у графа Поттоцкаго, въ 1835 году 20,000 ; въ 1836 году 74,000 кустовъ. Въ *Айвасиль*, гдѣ прежде не было значительнаго виноградника, въ 1835 году посажено у Дубенскаго 15,000 кустовъ.

Въ *Магарачь* въ это время уже почти всѣми были исполнены условія, подъ которыми раздавались безденежно участки и потому разведеніе винограду уменьшилось : такимъ образомъ въ 1834 году посажено всего 235,000 кустовъ, а въ слѣдующемъ только 77,000 кустовъ. Значительнѣйшія посадки были въ 1834 году у Богдановича 29,000 и у Куликовскаго 27,000 кустовъ. Всего въ 1834 году находилось въ Магарачь 24 хозяина, которыми было посажено въ то время уже болѣе 500,000 кустовъ винограду, отъ котораго они ожидали не менѣе 20,000 ведеръ вина. Самое большое насажденіе въ это время было у господъ Дессеръ въ 75,000, Ганскау въ 50,000, и Мильгаузена въ 32,000 кустовъ. Участки постоянно перепродавались, обыкновенно съ значительною выгодною. Недостатокъ воды въ Магарачь, по отчету за 1834 годъ, былъ весьма ощутителенъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, однако жъ, было ее найдено достаточно, по-крайней-мѣрѣ для питья. Большая дорога, проведенная нѣсколько прежде разсматриваемаго времени отъ Никиты до Ялты, проходитъ мимо и отчасти черезъ сады магарачскіе, такъ что многимъ изъ нихъ сдѣлалась возможность удобно вывозить вино до Ялтинской

гавани. Изъ нижнихъ же участковъ въ то время облегчали вывозъ двѣ прозжія дороги, изъ которыхъ одна въ 1834 году еще не была кончена. Весьма жаль, говорить господинъ Стевень, что участки были розданы прежде назначенія дорогъ; оттого одни сады были перерезаны ими къ большому убытку хозяевъ, а въ другихъ не было дороги, даже верховой, и должно пробираться по самымъ труднымъ тропинкамъ и черезъ чужіе сады, что подаетъ поводъ ко многимъ неудовольствіямъ. Устраненіе этихъ неудобствъ считалось тѣмъ необходимымъ, что урочище Магарачь — есть средоточіе винодѣлія южнаго берега.

Въ казенномъ училищѣ винодѣлія въ Магарачь въ 1835 году посажено 5,000 кустовъ; въ немъ и въ императорскомъ никитскомъ саду считалось въ этомъ году въ сортиментъ до 600 разныхъ сортовъ.

Отъ Магарача далѣе къ Алучтѣ первый значительный виноградникъ былъ въ *Мартіанъ*, бывшей сперва графа Воронцова, потомъ дѣйствительной статской совѣтницы Сверчковой; въ немъ посажено въ 1834 году 17,000 кустовъ; въ 1835 году тамъ же иностранецъ Пяже посадилъ 18,000 кустовъ.

Въ *Айданиль* посажено: у господина Джаксона, въ 1834 году 24,000, въ 1835 году 15,000 кустовъ; у Сафонова, въ 1834 году 25,000 кустовъ; у графа Воронцова, въ 1835 году 60,000 кустовъ.

Въ урочищѣ *Камаль*, посажено у тайнаго совѣтника Казначеева, въ 1834 году 25,000 кустовъ.

Въ *Урзуфль*, у коллежскаго совѣтника Фундуклея въ 1835 году 57,000 кустовъ.

Въ *Артекъ*: у полковника Потемкина, въ 1835 году 10,000 кустовъ и у господина Ашера, въ 1835 году 15,000; въ 1836 году 24,000 кустовъ.

Въ *Партемитъ*, у генераль-лейтенанта Бороздина, въ 1834 году 32,000, въ 1835 году 30,000 кустовъ.

Въ *Чукурларъ*, у иностранца Ватель: въ 1834 году 17,000, у вдовы его въ 1835 году 10,000 кустовъ.

Въ *Біютъ-Ламбатъ* въ томъ же году, у госпожи Цейеръ, 15,000, у Татаръ 27,000 кустовъ.

Въ *Алуштинской* долинь постоянно прибавлялось число помѣщиковъ, а съ ними и виноградныхъ садовъ съ большими посадками. Такимъ образомъ всего посажено: въ 1834 году 120,000; въ 1835 году 110,000 кустовъ; въ томъ числѣ наиболѣе посажено: въ 1834 году у господъ Петриченка 24,000, и у Нагибина 23,000 кустовъ; а въ 1835 году у господъ Нагибина и Карпенка по 20,000 кустовъ.

Кромѣ упомянутыхъ теперь, отъ Ласпи до Алушты садовъ, было еще разведено весьма много новыхъ, отчасти самими поселянами-Татарами.

Полагая, что нѣкоторая часть посаженнаго винограду не принялась, а у другихъ число немного преувеличено, число всѣхъ кустовъ въ 1836 году, растущихъ отъ Ласпи до Алушты, господинъ Стевенъ полагалъ *свыше двухъ съ половиною миллионъ*. Всѣ они посажены на землѣ борозженной въ 1 аршинъ и мѣстами въ 5 четвертей.

Далеко до Судака, долины съ ручейками рѣже, возвышенности между ними безводны, часто олошцоваты и подвержены частымъ обрушеніямъ, а нѣныя мѣста почти ежегодно спускаются внизъ, какъ напримаръ между Алуштою и Кару-уземею, и между Туакомъ и Ускютомъ почему удобныхъ мѣстъ для разведенія винограда не такъ много, какъ на западной сторонѣ; сверхъ-того сообщеніе съ Симферополемъ нѣсколько затруднительно. По этимъ причинамъ, въ разсматриваемое время тамъ было еще мало поселившихся русскихъ помѣщиковъ.

Въ *Курю-Узень*, первой деревнѣ отъ Алушты къ востоку, у стискаго совѣтника Лонга, къ прежнимъ насажденіямъ въ 1835 году прибавлено 6,000 кустовъ.

Въ *Кучукъ-Озень*, у господина Княжевича съ товарищами, посажено: въ 1834 году 24,000, въ 1835 году 19,000 и въ 1836 году 15,000 кустовъ.

Въ *Туакъ* въ 1835 году началъ разводиться садъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Княжевича, и посажено 10,000, а въ слѣдующемъ году 19,000 кустовъ.

Въ *Ворухъ*, у четырехъ карасу-базарскихъ жителей, посажено въ 1834 году 27,000, а въ 1835 году у шести—11,000 кустовъ.

Въ *Кутлакъ* въ 1834 году, у купца Налбандова, посажено 15,000 и у Татаръ 11,000 кустовъ.

Въ это время начали много разводить винограду и въ прилегающей къ Судаку долинь, *Айсаевъ*. Здѣсь устроилъ большое виноградное заведение Кричь, имѣющій въ Москвѣ значительную торговлю. Въ 1834 году онъ посадилъ 50,000, въ 1835 году еще 30,000, въ 1836 году 13,000 кустовъ. Устроивъ просторный погребъ, онъ завелъ свою бондарню, для бочекъ самаго большаго размѣра, и сверхъ-того много закупалъ вина, которое обрабатывалъ самымъ лучшимъ образомъ и посылалъ въ Москву. Кромѣ его и другіе сажали лозу въ айсаевской долинь. Такъ что въ 1835 году по меньшей мѣрѣ всего посажено 133,000 кустовъ.

Въ другой прилегающей къ Судаку долинь, *Таракташь*, посажено въ 1835 году до 19,000 кустовъ.

Въ самомъ *Судаки* въ 1835 году посажено всего болѣе 86,000 кустовъ. Въ 1836 году у господина Офросимова посажено еще 10,000 кустовъ. Надо замѣтить, что, по словамъ отчета за 1835 годъ, въ судакской долинь есть много такихъ мѣстъ, гдѣ, при всѣхъ стараніяхъ, удабриваніи навозомъ и частой поливкѣ, виноградъ не принимается.

Далье *Судака* на востокъ, въ долинь *Копель* посажено въ 1835 году, иностранцемъ Шампи, 9,000 кустовъ. Въ этой долинь, по замѣчанію Стевена, земля даже на довольно возвышенныхъ горахъ такъ налита солью и селитрою, что ни къ какому произрастенію не годится.

Въ *Отузъ* посажено въ 1834 году до 31,000, въ 1835 году до 29,000, и въ 1836 году, у господина Жизненскаго, 10,000 кустовъ.

Всего на юго-восточномъ берегу отъ Куру-Узена до Θεодосіи посажено :

Въ 1834 году	216,000	кустовъ.
— 1835 —	373,455	—
— 1836 —	206,200	—
<hr/>		
Всего въ 4 года :	914,155	—

На северной сторонѣ крымскихъ горъ разведеніе винограду не шло такъ быстро, какъ на полуденной, гдѣ не нужно на зиму его закрывать, и гдѣ не слѣдуетъ опасаться ни раннихъ осеннихъ, ни позднихъ

весеннихъ морозовъ; однако же, въ разсматриваемое время, и здѣсь посажено значительное количество.

При городѣ *Феодосіи* существовалъ только одинъ садъ (дѣйствительной статской совѣтницы Бронеvской), и тотъ былъ въ самомъ дурномъ положеніи; но въ этомъ году разведены 4 новые, въ которыхъ посажено до 29,000 кустовъ; въ 1836 году въблизи города Феодосіи посажено 28,000 кустовъ.

Въ *феодосійскомъ* уездѣ въ *нѣмецкихъ колоніяхъ* также за несколько лѣтъ прежде распространялось мало-по-малу виноградарство и винодѣліе. Въ одной изъ нихъ, Цирхталъ, посажено въ 1834 году 22,000, а въ 1835 году болѣе 7,000 кустовъ; послѣдніе посажены въ ущельяхъ крутаго уступа надъ самою деревнею, такъ что эти сады были обращены болышею частью на сѣверъ. На сѣверной сторонѣ колоніи есть возвышенность гораздо способнѣйшая и обращенная на полдень, но по отдаленности и по трудности обгородить ее, она въ разсматриваемое время еще не обрабатывалась. Въ другой колоніи, Гейлбронъ, посажено въ 1834 году 11,000, а въ 1835 году 14,000 кустовъ.

Вблизи *Керчи*, у господина Тамазина, посажено въ 1836 году 42,500 кустовъ.

При городѣ *Симферополь*, разведены виноградники съ 1834 года, а втеченіе этого и слѣдующаго года посажено до 13,000 кустовъ.

На *Салгирь*, при деревнѣ Султанъ Мамуть, у господина Крымаева въ 1836 году, посажено 12,000 кустовъ.

На *Буманакъ* (или Булганакъ), въ колоніи Кроненталъ, нѣмецкіе колонисты, ежегодно размножавшіе свои сады, втеченіе 1834 и 1835 годовъ посадили до 18,000 кустовъ.

Напротивъ того, колоніи, которыя лежатъ вправо отъ карасу-базарской дороги, у подошвы горъ, видя что у нихъ виноградъ худо поспѣваетъ, по отчету за 1834 годъ, перестали садить его вновь.

На *Алмп* посадили: въ теченіе 1834 года, до 60,000 кустовъ, въ томъ числѣ у иностранца Виллиса до 35,000 кустовъ; въ 1835 году до 16,000, а въ 1836 году, у господина Сперанди - 5,000 кустовъ

Въезъ Бакчи-Сараи въ 1835 году посажено до 7,000 кустовъ.

На Качъ въ 1835 году, до 8,000, въ 1836 году до 9,000 кустовъ.

На Белбекъ посажено: въ 1834 году до 40,000 кустовъ, въ томъ числѣ у генералъ-маіора Бибикова 25,000; въ 1835 году до 35,000, въ 1836 году, до 28,000, въ томъ числѣ у господина Критскаго — 22,000 кустовъ.

При Севастополѣ, на ровданныхъ участкахъ, посажено всего: въ 1834 году 9,000, въ 1835 году 113,000; въ 1836 году 172,700 кустовъ.

Еще успѣшнѣе шло разведеніе винограда при Балаклавѣ и греческихъ селеніяхъ вѣдомства греческаго баталіона; тамъ въ 1834 году посажено у девяти военныхъ и другихъ чиновниковъ, 127,000 кустовъ, въ 1835 году — 16,000, въ 1836 году 64,250 кустовъ.

Въ Инкерманѣ, гдѣ прежде не было садовъ, въ 1834 году разведено полковникомъ Тишинымъ 40,000 кустовъ винограда.

Урожай вина въ 1834 году былъ вездѣ хорошъ и мѣстами чрезвычайно изобиленъ, и его получено болѣе предъидущихъ лѣтъ; именно, во всей губерніи получено:

въ 1829 году	—	272,000	ведеръ.
1830	—	330,000	—
1831	—	472,000	—
1832	—	275,000	—
1833	—	200,000	—
а въ 1834	—	492,486	—

Урожай на виноградъ въ 1835 году былъ довольно изобиленъ; но вина получено одною *третью меньше противъ* 1834 года, именно 364,405 ведеръ. Этому было двѣ причины: во-первыхъ начало лѣта было очень сухое, отчего кожица ягодъ затвердѣла, и потомъ не могла порядочно наливатся; во-вторыхъ конецъ лѣта и осень были холодные и дождливые, отъ чего виноградъ по эту сторону горъ дурно выспѣлъ, а ранніе сорта, какъ здѣсь такъ и на южномъ берегу, погнили до-того, что едва половина ихъ могла быть собрана. Наибольше пострадали отъ гнили ризлингъ и силванеръ, которые очень мягкой кожи: виноградъ также гнилъ на кольяхъ какъ и безъ нихъ.

Урожай 1836 года былъ еще менше; выдѣлано всего 304,548 ве-
деръ. На сѣверной сторонѣ горъ ранніе морозы осени 1835 года по-
мѣшали многимъ хозяевамъ закрыть свои сады; а поздніе морозы
весны 1836 года, въ концѣ апрѣля, захватили больше или менше во всѣхъ
садахъ почки. По ту сторону горъ, хотя морозы не могли побить
винограду, но большая засуха, продолжавшаяся все лѣто, вредила
развитію ягодъ; по этимъ причинамъ, получено отъ старыхъ садовъ
не больше половины надлежащаго урожая; если же общее количе-
ство здѣсь не отставало, какъ ниже увидимъ, отъ 1835 года, то выг-
да эта происходила отъ молодыхъ виноградниковъ, приносящихъ
плодъ въ первый разъ.

Въ 1837 году, урожай вина хотя также не былъ обилемъ, но луч-
ше двухъ предшествовавшихъ годовъ; именно равнялся 438,645 ве-
драмъ.

На западной части южнаго берега, отъ Ласни до Алунты полу-
чено всего

въ 1833 году	20,000	ведеръ
— 1834 —	32,400	—
— 1835 —	38,700	—
— 1836 —	57,000	—

Въ числѣ Воронцовскихъ винъ выдѣлано въ 1836 году: въ Айда-
ниль разнаго бѣлаго (болѣе ризлинга) 1334 ведра; разнаго краснаго
(болѣе бордо, 250 ведеръ) 722 ведра. Въ томъ же году въ Массан-
дрѣ бѣлаго 200, краснаго 400 ведеръ. Въ томъ же году въ Алу-
кѣ получено бѣлаго и краснаго по 120 ведеръ. Въ 1836 году вы-
дѣлано краснаго вина до 650 ведеръ (въ томъ числѣ бордо 500),
бѣлаго до 500 ведеръ, въ томъ числѣ ризлинга 300 ведеръ. Нако-
нецъ у князя Воронцова выдѣлывалось отличнѣйшей доброты пѣни-
стое вино, такъ близко подходящее къ настоящему шампанскому, что
едва уступало самымъ лучшимъ его сортамъ. Это вино выдѣлыва-
лось въ Айданили, обучавшимся въ Шампани винодѣломъ Гаузеромъ.
Вина сдѣлано въ 1834 году до 2,000 бутылокъ; въ 1835 го-
ду нѣсколько тысячъ бутылокъ, а въ 1836 году назначено на его
выдѣлку 1,000 ведеръ. Извѣстность этого шипучаго вина поддержи-
валась и умеренною цѣною, простиравшеюся въ 1836 году не выше
4 руб. асс. за бутылку въ раздробъ; раскупалось же оно такъ ско-

ро, что часто нельзя было найти его въ продажѣ. Въ Айданиль, для выгонки водки изъ виноградныхъ выжимокъ и изъ дрозжей, былъ устроенъ на лучшихъ правилахъ *паровой* заводъ, въ которомъ можно было выкуривать въ сутки 150 ведеръ спирту отъ 28 до 30 градусовъ.

Послѣ князя Воронцова, наибольшія количества винъ получены у слѣдующихъ владѣльцевъ. Они расположены здѣсь, для удобства сравненія съ предъидущими свѣдѣніями, по мѣстности ихъ виноградниковъ.

Въ *Ласпи*, у господъ Потье и Вассала въ 1836 году добыто 620 ведеръ.

Въ *Мишаткѣ*, у наследниковъ Банмакова, которыхъ сады въ 1835 году считались самыми значительными изъ всѣхъ южно-береговыхъ, получено: въ 1834 году 1,500, въ 1835 году 2,000, а въ 1836 году 2,100 ведеръ. Въ количествѣ 1835 года было ризлинга 200 ведеръ.

Въ *Кастропуль*, у господина Демидова, въ 1836 году 740 ведеръ.

Въ *Лимень*, у госпожи Шипиловой, въ 1834 году 1,500, въ 1835 году 1,200, а въ 1836 году 1,500 ведеръ.

Въ *Симейстѣ*, у майора Мальцова, въ 1834 году 1,100, въ 1835 году 2,000, а въ 1836 году 2,700 ведеръ.

Тамъ же, въ 1836 году, у госпожи Нарышкиной 920 ведеръ, и у князя Мещерскаго 850 ведеръ.

Въ *Мисхорнѣ*, у генерала Нарышкина, въ 1834 году 1,140, въ 1835 году 1,100, а въ 1836 году 965 ведеръ. Въ числѣ полученнаго въ 1835 году, было 550 ведеръ ризлинга, который во все это время поддерживалъ свою славу и продавался вдвое и втрое дороже наилучшихъ крымскихъ винъ; именно, въ 1834 и 1835 годахъ по 25 руб. асс. за ведро. Въ этотъ же годъ выдѣлано 300 ведеръ бордо и 30 ведеръ муската.

Въ *Курейстѣ* у княгини А. С. Голицыной, въ 1834 году 1,400 въ 1835 году 1,200, а въ 1836 году 1,400 ведеръ. Въ выдѣлкѣ 1837 года было 200 ведеръ ризлинга.

Въ *Айтодарѣ*, у князя Мещерскаго, въ 1834 году выдѣлано 960, а въ 1835 году 980 ведеръ.

Въ *Ориандъ*, у графа Витта, въ 1834 году выдѣлано 1,500 ведеръ, и въ 1836 году столько же.

Тамъ же, въ государевомъ саду, въ 1835 году выдѣлано 1,760, въ 1836 году 1,786, а въ 1837 году 200 ведеръ.

Въ *Ливадъ*, у графа Потоцкаго, въ 1836 году выдѣлано 700 ведеръ.

Въ *Магарачъ* всего выдѣлано въ 1834 году 690, въ 1835 году уже 2,800, а въ 1836 году 6,715 ведеръ. Изъ этого количества въ казенномъ училищѣ выдѣлано въ 1834 году 365, въ 1835 году 450, и въ 1836 году 800 ведеръ.

Въ *Артекъ*, у Потемкина, въ 1834 году 1,100, въ 1835 году 1,300, въ 1836 году 760 ведеръ.

Въ *Айданиль*, у барона Беркгейма, въ 1834 году 14,000 ведеръ.

Тамъ же, въ 1836 году, у наследниковъ Булгакова 1,200, и у Джексона 900 ведеръ.

Въ *Карасанъ*, у генералъ-лейтенанта Бороздина, въ 1834 году 485, въ 1835 году 1,440, а въ 1836 году 1,650 ведеръ.

Въ *Кучукъ-Ламбатъ*, у генералъ-лейтенанта Бороздина въ 1833 году, 1,600 въ 1834 году, 2,800 въ 1835 году 1,000, а въ 1836 году 1,600 ведеръ.

Алуштинская долина, въ которой виноградъ разведенъ около 1833 года, въ 1836 году дала вина болѣе 17,000 ведеръ, тогда какъ еще въ 1834 году добыто его не болѣе 5,000 ведеръ. Главное производство было а) у господина Арвата: въ 1834 году 2,800, въ 1835 году 2,000, а въ 1836 году 4,000 ведеръ; б) у Петраченко: въ 1834 году, 1,000, въ 1835 году 1600, а въ 1836 году 2,700 ведеръ.

Въ 1834 году, бывшій прежде въ государевомъ саду въ *Ориандъ* виноградаремъ Фельдманъ, сдѣлалъ немного шипучаго вина, безъ сахара, которое, по увѣренію знатоковъ, было еще превосходнѣе вронцово-айданильскаго и нимало не уступало лучшему шампанскому. Наконецъ съ юго-западнаго берега, въ 1836 году, виноградъ, въ довольно большомъ количествѣ, до 12,000 пудовъ, проданъ поселянами изъ Форей и Мшатки въ Севастополь, а изъ Алушты въ Симферополь, отъ 2 до 12½ руб. за пудъ.

На юго-западномъ берегу, отъ Куру-Озена до Феодосіи, получено вина: въ 1834 году 200,300, въ 1835 году 135,500 и въ 1836 году 121,400 ведеръ.

Въ томъ числѣ :

Въ *Кучукъ-Озенѣ* : въ садахъ статскаго совѣтника Ланга и его жены добыто, въ 1834 году 2,700, въ 1835 году 900, а въ 1836 году 2,400 ведеръ.

Отъ Туака до Воруна и даже до Кутлака, на пространныхъ, гдѣ сады принадлежали Татарамъ, не было ни одного большого виноградника; и самыя обширныя сады давали въ 1835 и въ 1836 годахъ до 250 пудовъ винограда; вино же здѣсь выдѣлываемо было самое лучшее во всемъ Крыму

Въ *Кутлакѣ* сады также принадлежали большею частію Татарамъ-коралымъ; но между ними было уже нѣсколько значительныхъ, которыя давали въ 1835 году по 300 и по 400 ведеръ, а въ 1836 году по 270 и 320 ведеръ. Всего въ этой долинѣ выдѣлано : въ 1834 году 15,000, въ 1835 году 11,000, а въ 1836 году 9,500 ведеръ.

Въ *Таракташѣ* находилось множество небольшихъ садовъ у Татаръ; были однакоже и обширныя сады, принадлежавшія разнымъ другимъ владѣльцамъ, въ томъ числѣ наследникамъ купца Мухитарова, купца Муратчѣву и К. С. Лампсию. Первыми получено : въ 1834 году 4,800, въ 1835 году 4,000, а въ 1836 году 3,700 ведеръ; вторыми : въ 1834 году 4,800; въ 1835 году 3,000, а въ 1836 году 2,650 ведеръ; третьими же въ 1834 году 1,500, въ 1835 году 950, а въ 1836 году 800 ведеръ. Всего же въ этой долинѣ выдѣлано : въ 1834 году 25,100, въ 1835 году 18,200, а въ 1836 году 21,300 ведеръ.

Въ *Айсагъ*, въ долинѣ прилегающей съ запада къ судакской, получено въ 1834 году 14,200, въ 1835 году 8,450 ведеръ, а въ 1836 году не болѣе 7,000 ведеръ. Самый большой садъ былъ госпожи Болдани, который далъ въ 1834 году 5,200, въ 1835 году 2,600, и въ 1836 году 2,100 ведеръ. Изъ числа небольшихъ садовъ этой долины замѣчательнъ по отличнымъ сортамъ винограду садъ купца Крича.

Въ *Судацкой* долинѣ выдѣлано : въ 1834 году 86,500, въ 1835 году 63,400, а въ 1836 году 56,900 ведеръ. Въ самыхъ большихъ садахъ получено : у господина Жмелева въ 1834 году 8,650, въ 1835 году 6,650, а въ 1836 году 5,000 ведеръ; у Рудзевича : въ 1834 году 5,200, въ 1835 году 4,400, а въ 1836 году 4,000 ведеръ; у К. С. Лоренцова, въ 1834 году 5,060, въ 1835 году

4,800, а въ 1836 году 4,100 ведеръ. Въ казенномъ училищѣ виноградья доставили: въ 1834 году 550, а въ 1835 году 339 ведеръ.

Въ *Козь* выдѣлано въ 1834 году 15,000, въ 1835 году 11,200, а въ 1836 году 9,300 ведеръ.

Въ *Отузь* всего въ 1834 году выдѣлано вина 15,520, въ 1835 году 11,350 въ 1836 году 8,640 ведеръ; кромѣ того многіе изъ тамошнихъ Татаръ отвозятъ свой виноградъ ягодами для продажи въ *Феодосію*, такимъ образомъ, въ 1835 году, продано ими 260 пудовъ по 1 руб. 60 коп. асс. и по 2 руб. асс. за пудъ; а въ 1836 году 200 пудовъ по 2 руб. и по 2 руб. 40 коп. асс. за пудъ. Сады отузскіе были посредственной величины. Самыя большіе господина Цирулъ, дали, въ 1834 году 1,160, въ 1835 году 860, а въ 1836 году 650 ведеръ.

При городѣ *Феодосіи* выдѣлано вина: въ 1834 году 1,275, въ 1835 году 1,100, а въ 1836 году 1,200 ведеръ. Разведенные въ это время новые виноградники еще не приносили настоящаго количества вина, а изъ старыхъ самый большой, господина Властери, далъ въ 1835 году 600, а въ 1836 году только 200 ведеръ.

Между *Керчью* и *Еникале* сады дали: въ 1834 году 5,350, въ 1835 году 3,580, а въ 1836 году только 830 ведеръ. Въ послѣдній изъ этихъ годовъ сады много потерпѣли отъ весеннихъ морозовъ.

Въ *феодосійскомъ уѣздѣ*, въ колоніяхъ Цирхталъ и Гейльбронъ получено въ 1834 году 1,600 ведеръ, а въ 1835 году, вмѣстѣ съ древнею *Бранъ-Эли*, выдѣлано въ нихъ 1,450 ведеръ.

Въ колоніяхъ между *Карасу-Базаромъ* и *Симферополемъ* получено въ 1835 году 2,550 ведеръ самага дурнаго и кислаго вина. Здѣсь по высокому мѣстоположенію виноградъ высѣваетъ только въ самыя хорошіе года и тогда вино бываетъ сносное.

Около *Симферополя*, въ описываемый періодъ времени, молодые виноградники на городской землѣ только-что начали давать урожай. Въ 1834 году, въ саду Стевена было выдѣлано до 200 ведеръ вина. Въ 1835 году во всѣхъ получено только 195 ведеръ, въ томъ числѣ у Стевена 120 ведеръ; а въ 1836 году всего 76 ведеръ. Этимъ малымъ сборамъ причиною климатъ. Въ августѣ здѣсь посѣваютъ еще очень немногіе сорта винограду, между-тѣмъ какъ на *Рейнѣ*, въ *Эренбейтштейнѣ*, въ это время, даже еще немного ранѣе, изъ некоторыхъ сортовъ винограду уже выдѣлывается вино, пріятное и крѣ-

ков. Въ Симферополь въ этотъ годъ начать сборъ винограду только 9 октября и продолжался до 20 числа, чтобы дать время дозреть; однако жъ онъ мало поправился. Въ 1837 году близъ Симферополя молодые виноградники были повреждены весенними морозами; кусты, еще не закрытые, померзли до самаго корня даже у ствѣй, обращенныхъ на югъ. Ранние иностранные сорта въ этотъ годъ выспѣли хорошо, а другіе, какъ-то занте, эсваръ, кокуръ не вызрѣли, не смотря на продолжительную теплую осень.

На *Булганакъ* выдѣлано въ 1834 году 20,000, въ 1835 году 12,500, а въ 1836 году 9,200 ведеръ.

На *Алмъ* собрано вина въ 1834 году 64,600, въ 1835 году 43,550, и въ 1836 году 28,500 ведеръ. Въ послѣдній годъ виноградники мѣстами такъ потерпѣли отъ морозовъ, что не было совершенно никакого урожая; другіе дали только половину. Лучшій садъ, купца Бобовича, принесъ: въ 1834 году 2,300, въ 1835 году 1,800, а въ 1836 году только 760 ведеръ. Кромъ того часть винограду продавалась ягодами, въ 1836 году по 2¼ и 2½ руб. асс. за пудъ.

На *Качъ* получено: въ 1834 году 125,000, въ 1835 году 79,000, а въ 1836 году только 52,800 ведеръ; здѣсь въ послѣдній годъ морозы столько же сдѣлали вреда, и уцѣлѣли отъ нихъ только сады, лежащіе ближе къ морю. Лучшій урожай были у господина Кази, въ 1834 году 13,500, въ 1835 году 9,000, въ 1836 году 8,000 ведеръ; у майора Новикова: въ 1834 году 11,000 въ 1835 году 8,000, а въ 1836 году 10,000. Изъ этихъ же садовъ продано виноградомъ въ 1836 году около 350 пудовъ по 2 руб. 50 коп. асс., и по 2 руб. 70 коп., за пудъ. Наконецъ, надо сказать, что на Качѣ находились самыя обширныя сады въ Крыму.

На *Белбекъ* собрано вина: въ 1834 году 15,640, въ 1835 году 11,640, въ 1836 году 8,200 ведеръ. Кромъ того, въ 1836 году въ долину продано до 150 пудовъ винограду по однимъ цѣнамъ съ качинскимъ.

Близъ *Севастополя*, какъ мы видѣли, хотя и много было разведено виноградниковъ, однако они еще мало давали плодовъ. Впрочемъ было выдѣлано вина: въ 1834 году 16,120 ведеръ, въ 1835 году 11,600 ведеръ, и въ 1836 году 10,800 ведеръ.

При *Балаклавѣ* и греческихъ селеніяхъ вѣдомства греческаго ба-

таіона выдвѣлено : въ 1834 году 21,000, въ 1835 году 45,300, въ 1836 году 13,900 ведеръ. Лучшие сады въ 1836 году дали по бѣлѣ 600 ведеръ.

Для опредѣленія достоинства крымскихъ винъ хотя и были дѣланы испытанія посредствомъ гликметра, но на эти испытанія мало надвѣялось и продавцы и покупатели; въ торговыхъ сдѣлкахъ вино преимущественно оцѣнивалось на вкусъ, по роду ягодъ, изъ которыхъ выдѣлывалось, и по примѣрамъ прежнихъ годовъ.

Цѣны крымскимъ винамъ, какъ и достоинство ихъ, были не равны. Впрочемъ цѣны были не всегда въ прямой пропорціи съ качествомъ вина. Онѣ не рѣдко возвышались и понижались отъ временныхъ, побочныхъ обстоятельствъ.

Вино юго-западнаго берега въ рассматриваемое время рѣдко кому удавалось продавать, за неимѣніемъ средствъ вывозить; такимъ-образомъ, въ 1836 году оттуда продано только вино, выдвѣленное у госпожи Шипиловой; его купилъ одинъ изъ русскихъ купцовъ по 6 руб. ассиг. за ведро. Въ 1834 году цѣна лучшихъ сортовъ вина на мѣсть была отъ 6 до 8 руб. ассигн. за ведро, а въ 1835 году немного выше. Въ разрядъ этихъ цѣнъ не входятъ вина самой высокой доброты, какъ напримѣръ ризлингъ генерала Нарышкина, въ Мисхоръ, продававшійся въ 1834 и въ 1835 годахъ даже по 25 рублей ассигнаціями за ведро, или магарачское вино полковника Рина, за которое въ 1835 году платили по 12 рублей ассигнаціями.

Алуштинское вино тоже иногда оставалось непроданнымъ.

Въ 1835 и 1836 годахъ, помѣщичье вино было однако жъ продано сусломъ, отъ 4 до 5 руб. асс. за ведро, а вино Татаръ, тоже сусломъ, пошло по 2 руб. асс. за ведро, привезшимъ изъ Россіи купцамъ. Дорога отъ Симферополя до Алушты, сдѣланная въ послѣдніе годы, рассматриваемые нами, много способствовала сбыту вина въ этомъ мѣстѣ, не смотря на то извозъ по ней, даже осенью 1836 года, еще постоянно и выгодно не установился, по дороговизнѣ корму.

Въ Куру-Озевъ большая часть вина въ 1836 году была продана также сусломъ, отъ 4½ до 6 руб. асс. за ведро.

Отъ Тувака до Кутлака, гдѣ сады, какъ мы видѣли, принадлежатъ почти однимъ Татарамъ, вино, самое дурное во всемъ Крымѣ, было продано въ этотъ же годъ отъ 1 руб. до 1 руб. 25 коп. за ведро.

Кутаиское вино тогда же продано отъ 1 руб. 50 до 1 руб. 80 коп. асс. за ведро.

Кавказскія вина въ 1836 году проданы: лучшіе по 4 руб. 50 коп. асс., а обыкновенныя крымскіе по 2 руб. 25 коп. и по 2 руб. 50 коп. асс. за ведро.

Изъ цѣны судакскихъ винъ лучшіе тогда же были проданы, въ небольшомъ количествѣ, по 9 руб. асс. за ведро; нѣсколько другихъ по 5 руб.; большая же часть по 3 руб., а худшія по 2 руб. 50 коп. асс. Въ 1835 году, цѣна судакскихъ винъ доходила даже до 1 руб. 70 коп. асс.; только нѣмецкіе колонисты около крепости получили нѣсколько высшую цѣну. Вина судакскаго училища виноделия, выдѣланныя въ 1834 году, были проданы осенью 1835 года въ Симферополь съ публичнаго торга, кругомъ по 6¹/₂ руб. асс. за ведро. У многихъ хозяевъ вино оставалось непроданнымъ, не только за одинъ годъ, но и за два, за немалымъ покупщиковъ. Въ описываемый періодъ судакское вино, хотя не весьма хорошее, но лучше качинскаго и алминскаго, нѣсколько лѣтъ сряду продавалось съ трудомъ, и соразмѣрно дешевле этихъ обоихъ. Многіе хозяева, по недостатку сбыта, промывивали свое вино на всякій товаръ безъ разбору, что еще болѣе понижало цѣны. Главная причина худаго сбыта заключалась въ дурномъ состояніи дорогъ, по которымъ, въ грязное время, провозъ былъ почти невозможенъ. Это худое состояніе дорогъ имѣло несравненно большее вліяніе на сбытъ судакскаго вина, нежели другаго, потому, что такъ-какъ въ Судакѣ виноградъ собирается двумя недѣлями позже, нежели на северной сторонѣ горъ, то и дороги обыкновенно портятся прежде, нежели успѣютъ вывезти вино. Отъ этого-то и провозъ стоитъ гораздо дороже, нежели съ Качи и Алмы, и даже съ Алушты. Другая причина худаго сбыта судакскихъ винъ заключается въ томъ, что большая часть привозныхъ покупщиковъ, стараясь скорѣе одвѣлать оборотъ своихъ капиталовъ, не находятъ выгоднымъ, а можетъ и не въ состояніи долго держать купленнаго запаса вина; между-тѣмъ крепкія судакскія вина требуютъ, для полученія настоящаго вкуса, времени вылѣжаться; эти вина только черезъ два и три года могутъ достигнуть хорошаго качества; это не то, что вина съ северной стороны крымскихъ горъ, которыя по своей слабости прини-

мають всякую поддѣлку и могутъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ быть продаваемы въ шинкахъ; по этому-то послѣднія вина и имѣютъ лучший сбытъ, хотя они качествомъ ниже первыхъ. *Козскія* вина въ 1836 году проданы по той же цѣнѣ, какъ и судакскія; вывозъ ихъ былъ также затруднителенъ.

Отузское вино продавалось въ 1836 году по 2 и 2¼ руб. асс. за ведро.

Феодосійское вино господина Властери было продано въ этотъ же годъ по 6 руб. асс. за ведро; а вино изъ садовъ между Керчью и Уникале по 5 и по 6 руб. асс. за ведро. Далѣе были въ 1836 году проданы: булганакское по 3 руб. асс., алмское, качское и белбекское по 2 руб. 50 коп. до 3 руб. асс., севастопольское и белаклавское по 3 руб. и по 3½ руб. асс.

Изъ всего количества выдѣланнаго вина, было отправлено во внутреннія губерніи: въ 1834 году 187,000 въ 1835 году 119,000, а въ 1836 году 132,130 ведеръ.

Въ этомъ числѣ были вина:

	1834.	1835.
Алишское	30,000 в.	} 20,000 ведеръ.
Булганакское.		
Качинское	60,000 —	40,000 —
Белбекское		5,000 —
Судакское	40,000 —	20,000 —
Айсаевское	} 25,000 —	3,000 —
Тарактанское		10,000 —
Кутлакское	} 8,000 —	8,000 —
Хапсихорско-		
Ворунское	} 8,000 —	7,000 —
Козское		
Отузское	15,000 —	
Горское отъ Тувака до Судака		
Карасу-Базарское, давленное изъ при- вознаго винограда.		6,000 —

Объ отправленномъ въ 1836 году имѣются еще большія подробности. Эти подробности показываютъ направленіе торговли крымскими винами и главные пункты ихъ сбыта.

а) Отправлено въ Москву :

Изъ Симсиса, г. Мальцова	900	ведеръ.
— Липены, г-жи Шипиловой	1,800	—
— Алунты, г. Арента	4,000	—
Разныхъ другихъ хозяевъ	5,930	—

И того съ южнаго берега . 12,630 ведеръ.

Изъ Белбека	4000	ведеръ.
— Качи	8000	—
— Судака	9000	—

Всего . 33,500 ведеръ.

б) въ Харьковъ :

Изъ Качи	12,000	ведеръ.
— Судака	5,000	—
— Таракташа	8,000	—
— Кутлака	5,000	—
— Карасу-Базара, изъ винограду привознаго съ юго-восточнаго берега	6,000	—

Всего . . . 44,000 ведеръ.

с) въ Кіевъ :

Изъ Судака	10,000	ведеръ.
— Качи	6,000	—
— Таракташа	6,000	—

Всего 29,300 ведеръ.

д) въ другіе города Россіи, какъ-то въ Херсонъ и Елисаветградъ, также въ днѣпровскій и мелитопольскій уѣзды таврической губерніи, изъ разныхъ мѣстъ—25,000 ведеръ.

Внутри Крыма въ торговыхъ погребахъ расходилось :

	1834.	1835.	1836.
Въ Севастополѣ . . .	30,000 в.	40,000 в.	35,000 ведеръ.
— Симферополѣ . . .	20,000 —	22,000 —	12,000 —
— Карасу-Базарѣ . . .	20,000 —	18,000 —	10,000 —
— Феодосіи	15,000 —	14,000 —	8,000 —
— Керчи	20,000 —	25,000 —	20,000 —
— Эвпаторіи			
— Ст. Крымѣ	2,000 —	1,500 —	1,000 —
— Судакѣ	5,000 —	4,000 —	3,000 —
— Ялтѣ	3,000 —	4,000 —	3,000 —
— Балаклаваѣ	2,000 —	1,500 —	1,000 —
— Бахчисарѣ	10,000 —	8,000 —	6,000 —
— Евпаторіи	15,000 —	12,000 —	8,000 —
— Перекопѣ	5,000 —	4,000 —	4,000 —
— Алуштѣ	—	—	1,500 —

Всего продано внутри Крыма: въ 1834 году 147,000 ведеръ; въ 1835 году 154,000 ведеръ, а въ 1836 году—114,500 ведеръ. Кроме того продано виноградомъ, въ 1835 году 19,000 пудовъ, въ 1836 году 11,740 пудовъ.

Сравнивая сбытъ вина въ самромъ Крыму и виз полуострова, находимъ, что въ описываемый періодъ времени винный сбытъ сравнительно съ внутреннимъ былъ совершенно ничтоженъ; кроме того много крымскаго вина оставалось непроданнымъ.

Астраханская губернія.

Съ 1828 по 1836 годъ, правительство не имѣло свѣдѣній о тамошнемъ винодѣліи. Изъ доставленныхъ же за послѣдній годъ видно, что здѣсь эта отрасль промышленности не только не развилась, но даже упала противъ прежняго. Въ 1836 году добыто въ Астрахани узвѣдъ: вина бѣлаго 14,622, и краснаго 3,254 ведра; въ красноярскомъ узвѣдъ: бѣлаго 140 ведеръ; всего 18,016 ведеръ. Главныя винодѣльи были: помѣщица Ахматова, получавшая 1000 ведеръ и есаул Пѣуить. Винограду собрано въ Астрахани и въ узвѣдъ 23,768 пудовъ, въ красноярскомъ узвѣдъ 300, въ енотаевскомъ 75, всего 24,140 пудовъ. Въ 1826 и въ 1828 году было цѣлою половиною больше Цѣны на вино состояли такія же, какъ и тогда, отъ 2 до 5 руб. асс. за ведро; виноградъ же возвысился въ 1836 году отъ 5 до 7 руб. асс.

за пудъ, между-тѣмъ какъ въ тѣ годы продавался не дороже 5 и 6 руб. асс. за пудъ. Въ 1836 году отправлено винограду въ верховые города не болѣе 6,000 пудовъ, едва четвертая часть прежняго количества: это потому, что кажется, въ разсматриваемое время въ Москву и въ восточную Россію доставляли виноградъ съ Дона и частью изъ Крыма. Вино Астраханское расходилось по большей части на мѣсть, или вывозилось въ калмыцкіе улусы. По дороговому содержанию водосмыльныхъ машинъ и трудной обработкѣ винограду, винодѣліе доставляло мало выгодъ.

Земля Донскаго войска.

О винодѣліи на Донѣ мы имѣемъ свѣдѣнія только за 1839 годъ, — въ который урожай винограду былъ неизобилень, отъ чрезвычайной и продолжительной засухи.

Винограду собрано:

Бѣлаго	197,622 пудовъ.
Краснаго	166,737 —
	<hr/>
Всего.	364,359 —

Средняя цѣна была на мѣсть: бѣлому 6 руб. асс., красному 7½ руб. асс.; заводчиками добыто винограднаго соку:

Бѣлаго до	120,000 ведеръ.
Краснаго.	18,000 —
	<hr/>
Всего до	138,000 ведеръ.

Изъ виноградныхъ выжимокъ приготолено воды 2,750 ведеръ. Сверхъ-того, въ заводѣхъ, добыто вина примѣрно около 50,000 ведеръ. Изъ добытаго вина продано въ землѣ войска донскаго до 16,000 ведеръ, до 18,000 бутылокъ и до 71,000 полубутылокъ: а въ войска, и преимущественно въ обихъ столицахъ, на ярмаркахъ нижегородской, коренной, роменской и другихъ, продано до 45,000 ведеръ, до 465,000 бутылокъ и до 1,400,000 полубутылокъ.

Во время приготоленія и разливки вина на заводахъ было до 600 рабочихъ; въ томъ числѣ иногородныхъ, болѣе Малороссіянъ, до 200 человекъ; работники получали въ мѣсяцъ отъ 100 до 256 руб. асс.

Закавказскій край.

Здѣсь въ описываемый періодъ времени винодѣліе разширилось безъ особенныхъ мѣръ, отъ возрастающей мѣстной потребности. По свѣдѣніямъ за 1836 годъ, количество вина, выдѣлываемаго въ закавказскомъ край (кроме Имеретіи), простиралось до 3,888,000 ведеръ и кроме того до 140,000 ведеръ водки. Въ томъ числѣ въ одномъ тельскомъ уездѣ выдѣлано въ этотъ годъ до 2 миллионѣвъ ведеръ вина и до 75,000 ведеръ водки. Всего этого количества вина и водки едва достаточно для одного внутренняго потребленія края. Трудно вообразить какъ велико потребленіе вина въ Закавказь: по свѣдѣніямъ за 1836 годъ одинъ Тифлисъ, имѣвшій тогда до 23,000 душъ мужскаго пола (кроме солдатъ), потреблялъ вина болѣе 700,000 ведеръ. Закавказскій виноградъ чрезвычайно разнообразныхъ сортовъ. Кахетинскій, какъ мы уже замѣтили прежде, особенно отличается превосходнымъ свойствомъ: выдѣлываемое изъ него вино по простествіи нѣкотораго времени подходитъ къ высшему сорту бургонскаго, вообще же Кахетія можетъ производить вина въ родъ бургонскихъ, портвейна и мадеры. Въ Москвѣ требовали привезти кахетинскаго вина и предлагали по рублю серебромъ за бутылку. Но — какъ везти?

Вотъ въ какомъ положеніи находилось наше винодѣліе передъ тѣмъ, какъ заботы о развитіи этой отрасли промышленности перешли въ руки вновь учрежденнаго министерства государственныхъ имуществъ. Сравнивая вообще производство винограднаго вина въ продолженіе разсматриваемаго нами періода времени съ производствомъ въ послѣдніе годы царствованія Александра, находимъ, что винодѣліе въ это время вообще, по итогам производства, развилось немного; мѣстами даже, напримѣръ въ Астрахани, упало; но въ частности, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ Крыму, оно увеличилось чуть не вдвое.

Теперь посмотримъ, къ какой степени эта отрасль промышленности развивалась въ послѣдній періодъ времени.

О РАЗВЕДЕНИИ ВИНОГРАДУ И ВИНО- ДЪЛИ ВЪ РОССІИ.

=

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

Кто не знаетъ, хотя въ общихъ, главныхъ чертахъ, какое важное значеніе для русскаго народа имѣло учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ? Это министерство мощною рукою двинуло къ благосостоянію всѣ отрасли сельскаго быта; дало силу и правильность мірскому управленію, основанному на вѣковыхъ обычаяхъ; обусловило личныя права и обязанности поселянъ; двинуло религіозно-нравственное образованіе народа; обратило вниманіе на сельское благоустройство, и въ особенности приняло сильныя мѣры для улучшенія хозяйства и развитія промышленной дѣятельности, мѣры и по части распространенія полезныхъ теоретическихъ свѣдѣній и по части при-
мѣненія теорій къ практикѣ. Явились хозяйственные журналы, явились новыя общества для развитія и поддержанія разныхъ отраслей про-

мысленности, старая обществу оживилась. Возбудилось у сельских хозяев и вообще у промышленников соревнование.... и теперь наше сельское хозяйство далеко уже не на той степени, на которой было оно пятьдесят тому назад. Нетъ надобности оговаривать, что толчокъ, данный сельскому быту государственныхъ крестьянъ, не могъ не отразиться и въ владѣльческихъ имѣніяхъ.

Въ первыхъ распоряженіяхъ вновь учрежденнаго министерства, относительно развитія сельскаго хозяйства, замѣтно желаніе придать существовавшимъ учрежденіямъ правильнѣйшій и обширнѣйшій кругъ дѣйствій. Такимъ образомъ въ 1841 году преобразованъ надзоръ за распространеніемъ и поощреніемъ улучшеннаго виноградарства и винодѣлія, — тѣмъ, что повелѣно *инспекціи* шелководства въ южной Россіи преобразовать въ *инспекцію* сельскаго хозяйства. Этимъ инспекціямъ подчинены, въ техническомъ отношеніи, все учебныя и образцовыя заведенія по сельскому хозяйству въ ведомства министерства государственныхъ имуществъ въ губерніяхъ херсонской, екатеринославской, таурической, и въ областяхъ бессарабской и кавказской. Учрежденіе инспекціи сельскаго хозяйства имѣло большое вліяніе на развитіе виноградарства, хотя эта отрасль промышленности составляла только часть дѣятельности новаго учрежденія. На инспекціи возложена обязанность: собирать точныя и положительныя свѣдѣнія въ мѣстахъ своего ведомства о состояніи различныхъ частей сельскаго хозяйства, о существенныхъ потребностяхъ края въ этомъ отношеніи и о способахъ сбыта сельскихъ произведеній. Наблюдая за ходомъ сельскаго хозяйства, *инспекціи* вѣльно содѣйствовать въ своихъ губерніяхъ, своими наставленіями и предоставленными ей средствами, успѣхамъ всей вообще отраслей сельскаго хозяйства, свойственныхъ тому краю, особенно винодѣлію. Для этого она должна не только вводить улучшенныя способы, но и приобретать изъ казенныхъ учрежденій потребныя сѣмена, корни и отводки и раздавать ихъ жителямъ за умеренную цѣну или безденежно, съ разрѣшенія министерства. — Учебныя и образцовыя сельско-хозяйственныя заведенія края положено направлять: 1) къ усовершенствованію различныхъ вѣтвей хозяйства до такой степени, чтобы онѣ служили примѣромъ для частныхъ хозяевъ, и 2) испытанію новыхъ способовъ и системъ, чтобы потомъ распространить ихъ между сельскими хозяевами. Кроме того, вѣдано направлять занятія воспитанниковъ этихъ заведеній къ практической цѣли, и пред-

известно, чтобы собираемые системы и способы были сообразны какъ съ климатомъ, съ естественными свойствами мѣстности и удобствомъ по-ложая края въ отношеніи къ сбыту произведеній, такъ и въ осо-бенности съ тѣми средствами, какія могутъ имѣть крестьяне, чтобы при излишней сложности такихъ способовъ не оставались они для крестьянъ невыполнимыми и оттого бесполезными.

Въ 1842 году, въ видъ опыта, утверждены правила на раздачу зе-мель, принадлежащихъ городамъ новороссійскаго края и Бессарабин, съ цѣлю разведенія тамъ садоводства и виноградарства. Эта разда-ча предоставлена городскимъ думамъ и ратунамъ, съ разрѣшенія главногo губернскаго начальства; для раздачи изъ земель каждаго го-рода опредѣлялось количество, не превышающее $\frac{1}{10}$ части ихъ и не-позволялось давать въ однѣ руки болѣе одной десятины.

Въ этомъ же году положено прочное основаніе будущимъ успѣхамъ винодѣлія систематическимъ устройствомъ садо-учебныхъ и образцо-выхъ заведеній. Это прекрасное распоряженіе нынѣшняго господи-на министра государственныхъ имуществъ безъ сомнѣнія принесетъ огромную пользу.

Мы видѣли, что въ последнее время знакомство внутреннихъ гу-берній Россіи съ винами южнаго Крыма начало упрочиваться, но это-знакомство не было соразмѣрно со сбытомъ. Хорошіе сорта крым-скихъ винъ часто шли за иностранныя; а отъ этого страдалъ запросъ на крымскія вина, а еще болѣе страдали цѣны. Министерство госу-дарственныхъ имуществъ, желая вывести изъ обмана потребителей селѣ не всего государства, то по-крайней-мѣрѣ губерній ближайшихъ къ мѣсту выдѣлки винъ, избрало въ 1844 году, въ Харьковѣ, особаго коммисіонера, которому поставлено было въ обязанность продавать крымскія вина, выдѣлываемыя при казенныхъ учлищахъ, подъ соб-ственнымъ ихъ названіемъ, и наблюденіе за этимъ возложено на мѣст-ное начальство. Оказалось, что русскія вина вполне выдерживали со-перничество съ настоящими иностранными.

Въ 1845 году, по ходатайству общества сельскаго хозяйства юж-ной Россіи, министръ государственныхъ имуществъ оказалъ новое, значительное поощреніе винодѣлію. Онъ приказалъ при назначеніи предметовъ для выставокъ сельскихъ произведеній допустить, съ 1846 года, приемъ русскихъ виноградныхъ винъ, и назначилъ по это-

му случаю сверхъ 1,000 рублей серебромъ, определяемыхъ на каждую выставку, еще по 200 рублей серебромъ на лишнія медали, одну золотую и двѣ серебряныя.

Въ 1847 году преобразовано магарачское училище винодѣлія. Это училище, учрежденное въ 1828 году съ цѣлю распространенія на южномъ берегу Крыма лучшихъ сортовъ виноградныхъ лозъ и улучшенія выдѣлки винъ, содержалось преимущественно на счетъ доходовъ, вырученныхъ отъ продажи винъ, и не имѣло до 1848 года постоянныхъ правилъ, которыми опредѣлялись бы способы и кругъ его дѣйствій. По этому министръ государственныхъ имуществъ исходатайствовалъ, 12 іюля 1848 года, Высочайшее повелѣніе о лучшемъ устройствѣ училища. Съ этого времени магарачское училище поручено ближайшему завѣдыванію директора Императорскаго Никитскаго сада. Въ число учениковъ заведенія принимаются молодые люди всѣхъ свободныхъ состояній, преимущественно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ разводится виноградъ, и изъ питомцевъ Императорскаго Воспитательнаго Дома, и, наконецъ, окончившіе съ успѣхомъ курсъ учевія въ училищѣ, пользуются правами Высочайше дарованными воспитанникамъ училищъ садоводства второго разряда.

Кромѣ обихихъ мѣръ для поощренія винодѣлія, правительство нередко доказывало свое вниманіе къ развитію возникающей отрасли промышленности, награждая и частныя лица за полезныя ихъ дѣйствія. Такъ въ 1847 году, по ходатайству общества сельскаго хозяйства и по положенію господъ министровъ, Государь Императоръ повелѣлъ соизволить возвести одесскаго второй гильдіи купца Гогеля въ личные почетные граждане, за разведеніе въ окрестностяхъ Одессы образцоваго винограднаго сада и за раздачу изъ него виноградныхъ лозъ.

Вниманіе правительства къ винодѣлію возбудило дѣятельность и частныхъ лицъ. Такимъ образомъ въ 1847 году, общество сельскаго хозяйства южной Россіи, по предложенію своего дѣйствительнаго члена К. Я. Десмета, обратило вниманіе на огромныя потери времени и денегъ, которымъ отъ недостатка опытныхъ садовниковъ подвергаются въ южной Россіи помѣщики и сельскіе хозяева, занимающіеся садоводствомъ. Эти потери тѣмъ чувствительнѣе и пагубнѣе въ своихъ послѣдствіяхъ, что, такъ сказать, уничтожаютъ садоводство въ краѣ, подавая поводъ утверждать, что разведеніе са-

довъ есть дѣло несомнѣнное ни съ почвою, ни съ климатомъ, тогда какъ въ сущности оно гибнетъ отъ невежества людей, величающихъ себя именемъ садовниковъ и неимѣющихъ ни малѣйшаго вѣстїа о томъ, за что берутся съ непростительною самоуверенностію. На этотъ предметъ, конечно, давно уже было обращено вниманіе правительства и даже принято много мѣръ, каковы наиримѣръ улучшеніе временныхъ заведеній и учрежденіе новыхъ училищъ садоводства; но всѣ эти мѣры, въ такомъ обширномъ краѣ, какова южная Россія, не могли принести плодовъ до полнаго своего развитія... Положимъ даже, что училища и дали бы наконецъ краю достаточное число опытныхъ садовниковъ; все-таки, по всей вѣроятности, плата этимъ садовникамъ была бы не для всѣхъ доступна. Принимая все это въ соображеніе, общество рѣшилось подать руку помощи и оказать благотворное содѣйствіе доставленіемъ нуждающимся людямъ, которые могли бы съ меньшими, а потому болѣе доступными для всѣхъ и для каждаго требованіями, заниматься дѣломъ садоводства, по одной или по нѣкоторымъ его отраслямъ, сообразно желанію хозяевъ. При этомъ особенное вниманіе общества было обращено на виноградарство.

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что мѣры для развитія садоводства и виноградарства такъ тѣсно связаны между собою, что болѣею частію отдѣлить ихъ нѣтъ никакой возможности, да и нѣтъ никакой надобности. Мы исчисляемъ, впрочемъ, только тѣ мѣры, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ нашему предмету, то-есть къ развитію виноградарства и винодѣлія въ Россіи.

Обратимся къ дѣйствіямъ общества сельскаго хозяйства южной Россіи. Оно составило особую комиссію изъ тѣхъ своихъ членовъ, которые были извѣстны обществу своими практическими познаніями въ садоводствѣ, составило полныя программы по каждой отрасли садоводства, и предложило какъ лицамъ желающимъ подвергнуться испытанію въ садоводствѣ, такъ и сельскимъ хозяевамъ, желающимъ удостовѣриться въ познаніяхъ садовника, предлагающаго свои услуги, относиться въ совѣтъ общества. При этомъ принято: 1) садовникамъ, подвергнутымъ испытанію комиссіи, выдавать отъ совѣта общества безденежныя свидѣтельства, въ которыхъ подробно означать ихъ свѣдѣнія въ садоводствѣ, основанныя на удостовѣреніи чле-

ность хозяйства; 2) къ этому свидѣтельству прилагать особую таблицу, въ которой лица, принимающія садовника, отмѣчают время поступленія его въ должность и увольненія отъ ней; также тричины послѣднѣе, и поведеніе; 3) садовнику, приобретенному во время войны званіемъ болѣе обширнаго познанія и опытности въ садоводствѣ, дозволяется просить о вторичномъ испытаніи и о новомъ свидѣтельствѣ; 4) садовнику, пробывшему въ одномъ мѣстѣ постоянно десять лѣтъ, общество обязываетъ награду; и 5) о садовникахъ, выдержавшихъ испытаніе, и о степени ихъ познаній въ садоводствѣ, общество предположило извѣщать печатно чрезъ посредство своихъ «Записокъ», «Одесскаго Вѣстника» и мѣстныхъ губернскихъ ведомостей*.

Изчисленные мѣры правительства и частныхъ людей имѣли сильное вліяніе на развитіе виноградарства и неразрывно связаннаго съ нимъ винодѣлія. Кромѣ цифръ, которыя мы сейчасъ представимъ, это подтверждается и неоднократно, оффиціально высказаннымъ мнѣніемъ господина министра государственныхъ имуществъ.

Такъ на примѣръ по отзыву его въ отчетъ за 1847 годъ, вино съ каждымъ годомъ улучшается въ добротѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ возвышается и въ цѣнности**, такъ что для поддержанія этой отрасли промышленности, министерство государственныхъ имуществъ не предвидитъ надобности въ новыхъ пособіяхъ; нужно только развивать требованія на вина, что и составляетъ предметъ особой постоянной заботливости департамента сельскаго хозяйства, содѣйствіемъ котораго продажа русскихъ винъ, въ особенности крымскихъ, введена и усиливается въ С. Петербургъ и вводится въ разныхъ мѣстахъ государства, болѣе въ южныхъ и восточныхъ губерніяхъ***.

Чтобы яснѣе видѣть, въ какой степени развилось виноградарство и винодѣліе въ последнее время, прослѣдимъ состояніе его въ этотъ періодъ времени въ разныхъ губерніяхъ виноградной полосы Россіи; прослѣдимъ на столько, на сколько позволятъ намъ обнаруженныя и извѣстныя намъ факты.

* Зап. Общ. Сел. Хоз. Южной Россіи 1848, № 3, стр. 207—209, и № 6, 378—385.

** Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1848 года, № 12, стр. 25. Отчетъ.

*** Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1848, № 12. Отчетъ вин.

Таврическая губернія.

Здѣсь винодѣліе, какъ мы уже замѣтили и прежде, всегда производится преимущественно на южномъ берегу Крыма, гдѣ мѣстность наиболее способствуетъ произрастенію винограда; тамъ же въ особенности оно значительно развѣдось въ холодное время. Мы не будемъ изчислять, сколько гдѣ посажено новыхъ кустовъ винограду, какъ мы это дѣлали для показанія развитія виноградарства въ предыдущій періодъ времени; также изчисленіе повело бы насъ къ слишкомъ большимъ подробностямъ; притомъ, что важно при первомъ развитіи промышленности, то теряетъ свое значеніе при дальнѣйшемъ ходѣ этого развитія. Мы только покажемъ мѣру производства вина въ губерніи и цѣнность его, чтобы по цифрамъ настоящаго можно было судить о развитіи промышленности. Говоря о винодѣліи во всей губерніи, необходимо въ особенности обращать вниманіе на южный берегъ края. Хребетъ таврическихъ горъ, защищая этотъ берегъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ, дѣлаетъ его на всемъ протяженіи сплошнымъ виноградникомъ; сады расположены на крутомъ склонѣ, обращенномъ къ югу, такъ что нѣтъ нужды закапывать кусты на зиму, какъ это дѣлается по сѣверную сторону горъ. Теплая, сухая осень очень способствуетъ уборкѣ винограду. Иногда однако же и здѣсь бываютъ вредныя для него явленія. Иногда осенніе дожди мѣшаютъ уборкѣ винограду, такъ что въ иные годы пропадаетъ его третья часть. Иногда и все лѣто бываетъ неблагопріятно для виноградарей. Тамъ напримѣръ лѣто 1843 года имѣло очень невыгодное вліяніе на винодѣліе. Количество вина, выдѣланнаго въ этотъ годъ, ограничилось 375,199 ведрами, то-есть, $\frac{1}{3}$ менше противъ 1842 г. Не смотря на неурожай винограду, цѣны на вино были довольно низки и винодѣлы жаловались на трудность сбыта. Чтобы увеличить этотъ сбытъ, министерство государственныхъ имуществъ распорядилось отправить въ С. Петербургъ для опыта 188 ведеръ вина изъ магарачскаго казеннаго училища; это вино было раскуплено въ короткое время по цѣнѣ довольно выгодной—отъ 3 рублей до 8 руб. 30 коп. сер. за ведро*.

* Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1843, Отчетъ мин. стр. 68 и 69.

Въ слѣдующемъ году въ таврической губерніи вина выдѣлано было 685,810 ведеръ, то-есть вдвое болѣе противъ 1843 года, и вино было лучшаго качества^{*}; въ 1845 году, по неблагоприятнымъ для растенія винограда причинамъ, урожай его уменьшился; но возвышеніе цѣны уравнивало выгоды хозяевъ^{**}. Въ эти три года, съ 1843 по 1845, продажа крымскихъ винъ значительно распространилась въ полуострова.

Особенно была она успѣшна въ Санктпетербургѣ. Комиссіонеръ министерства государственныхъ имуществъ, купецъ Шварцковъ, представилъ слѣдующія цифры по своей торговлѣ этими винами въ столицѣ: въ 1843 году продано имъ здѣсь 188, а въ 1844 году 389 ведеръ^{***}. Ознакомясь въ это время съ достоинствомъ крымскихъ винъ, онъ въ 1845 году не ограничился доставленнымъ ему количествомъ изъ казеннаго заведенія, но закупилъ кромѣ того до 2000 ведеръ изъ частныхъ виноградниковъ^{****}. Всего имъ продано въ 1845 году 4,932, а въ 1846 году 5,287 ведеръ †. Неподальность винъ и достаточная ихъ крепость какъ для перевоза, такъ и для сохраненія, поддержали требованіе на нихъ въ Санктпетербургѣ, не смотря на дороговизну отдаленнаго перевоза и возможность имѣть въ столицѣ за сходную цѣну вина иностранныя ††. Однако жъ эта отдаленность и неудобство пути, въ продолженіе котораго вино портится или отъ холода или отъ тепла, до-сихъ-поръ препятствуетъ полному успѣху ††† выгоднаго сбыта крымскихъ винъ въ Санктпетербургѣ и вообще въ губерніяхъ отдаленныхъ отъ южнаго берега. Съ 1844 года начало упрочиваться знакомство внутреннихъ губерній съ крымскими винами. Успѣхъ торговли этими винами въ Санктпетербургѣ далъ поводъ заключить, что крымскія вина должны найти еще обширвѣйшій сбытъ во внутреннихъ губерніяхъ,

* Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1845, № 12, 62. Отчетъ мин.

** Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1846, № 12. Отчетъ 72 и 76.

*** Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1847 года, № 12, стр. 92. Отчетъ министра.

**** Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1846, № 12, 76. Отчетъ министра.

† Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1847, № 12, 92. Отчетъ министра.

†† Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1846, № 12, 76. Отчетъ министра.

††† Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1847, № 12, 91. Отчетъ министра.

гда оны не подвергаются такому большому соперничеству съ иностранныхъ винами. По этому, по распоряженію министерства, отправлено въ 1845 году нѣкоторое количество винъ казеннаго магарачскаго училища на нижегородскую ярмарку. Этотъ первый опытъ былъ совершенно успѣшенъ: вина нашли цѣнителей и были немедленно разобраны. Новыя требованія на нихъ въ приволжскія губерніи сдѣлались столь значительны, что министерство, не имѣя болѣе казенныхъ винъ для продажи, но не желая отказать возникающимъ требованіямъ, поручило директору магарачскаго училища винодѣлю сдѣлать закупку винъ изъ частныхъ крымскихъ виноградниковъ и отправить ихъ въ приволжскія губерніи*. Наибольшія требованія были въ Саратовъ, Казань и Уфу**. Въ 1845 и 1846 годахъ требованія на крымскія вина значительно распространились даже въ малороссійскихъ городахъ***.

При распространеніи знакомства съ крымскими винами и при увеличившихся оттого требованіяхъ на нихъ, не могла не увеличиться и выдѣлка этихъ винъ. Винодѣліе стало распространяться не только въ Крыму, но и въ сѣверной части таврической губерніи, особенно у государственныхъ крестьянъ. На симферопольской выставкѣ сельскихъ произведеній лучшими винами признаны: изъ пѣнистыхъ, князя Воронцова, айданиль, очень близко подходящее къ лучшему шампанскому; его же вино массандрское; судакское купца Крича и вино генерала Шатилова, которое однако жъ было однолѣтнее и со временемъ улучшилось бы, почему и не возможно было произнести о немъ настоящаго сужденія. Изъ ликерныхъ винъ оказались самыми лучшими казенныя магарачскія, Гартвиса и князя Воронцова. Изъ столовыхъ винъ, выдѣланныя въ имѣніяхъ князя Воронцова, Гартвиса и Шатилова оказались почти равными. Ризлингъ и сотернъ купца Крича нельзя было различить отъ настоящихъ рейнскаго и сотерна средней доброты.

Вино колониста Юсіа Киста, изъ колоніи Кроненталь на Булгана-

* Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1846, № 12, 76. Отчетъ министра.

** Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1848, № 12. Отчетъ министра прил. № 19, страница 16.

*** Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1847, № 12, 91. Отчетъ министра.

къ, оказалось однимъ изъ лучшихъ столовыхъ. Кроме того Горбын были вина Перовскаго, Казначеева, Вражки и Зоммерфельда.

Во всей таврической губернии, въ 1846 году выдѣлано винограднаго вина 634,000 ведеръ; надобно замѣтить, что хотя лето 1848 года и было благоприятно для винодѣлія, но 18 октября, когда поздніе сорты винограду еще не вездѣ были убраны, выпало въ Судакъ множество снѣгу, что много помѣшало усиленному окончанію работъ и перевозкѣ ягодъ. Наибольшее количество вина было выдѣлано въ еодосійскомъ уездѣ, именно 292,000 ведеръ, въ симферопольскомъ 255,000 ведеръ и въ ялтинскомъ 90,000 ведеръ, въ трехъ сѣверныхъ уездахъ приготовлено вина 16,690 ведеръ. Эти цифры взяты изъ отчета гражданскаго губернатора; отсюда же можно бы взять, на какую сумму продано вина въ каждомъ уездѣ. Вообще, по этому отчету, продано въ губерніи въ 1846 году вина на 181,500, винограду на 17,500 руб. сереб.

Изъ числа 634,000 ведеръ крымскаго вина выдѣлано :

На юго-западномъ берегу	57,500 вед.
— юго-восточномъ, съ Алуштой	320,000 —
— Аліѣ	38,000 —
— Каяѣ	92,000 —
— Бельбекѣ	45,000 —
— Салгурѣ и Булганакѣ	5,000 —
Около Севостополя и Балаклавы	76,500 —

По всему Крыму винодѣліе постепенно улучшается, но въ особености это замѣтно на юго-западномъ берегу Крыма; здѣсь, въ 1847 году, по свидѣтельству главнаго инспектора сельскаго хозяйства южной Россіи, почти нигдѣ уже не было татарскихъ сортовъ винограда, а вмѣсто нихъ разведены лучшіе сорты лозъ изъ Шампаніи, Бургундіи и Бордо, которыя даютъ прекрасныя вина. Эти вина, впрочемъ, гораздо крѣпче французскихъ и не могутъ идти съ ними въ сравненіе. Причиною тому глинистая почва земли и расположеніе виноградниковъ прямо на югъ, на крутомъ склонѣ, измѣняющее въ скоромъ времени свойство лозъ.

Улучшеніе сортовъ винограду и выписка искусныхъ виноделовъ

• Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1847, № 42 Отчетъ мин., ст. 34.

значительно возвысил цены на вина юго-западного берега Крыма, так что в недавнее время никто из помещиков южного берега не продавал уже своих вин меньше 1 рубля 45 копеек серебром за ведро; некоторые продавали свои вина даже по 3 руб. 49 коп. сер. и по 3 руб. 50 коп. за ведро (например граф Потоцкий). Террасы или напольные ящики для тонкого винограду прежде делались его в просях, также теперь есть уже на юго-западном берегу; в некоторых колониях они замаслены мазью из двух цилиндров. От этого однако же, по мнению господина Стевена, кроме мнимой опрятности есть выгоды; напротив ягоды винограда чаще и даже скорее раздавливаются ногами, которые всегда чисто обмываются, а между цилиндрами часто проскакивают ягоды не раздавленные.

В окрестностях Керчи виноделие также распространяется, и хотя разведенные виноградники не велики, однако же в них находятся лучшие сорта винограду: Oporto, Frontignan, Pineau fleur, Riesling, Mascat, Bordeaux и чауш (отличный десертный турецкий сорт); какурь редко дает хороший урожай.

В крымских степях помещики начинают также разводить виноградники. Около Ногайска, какъ показано, они разведены уже давно, — но виноград тамъ редко успевает и вино получается дурного качества. По насаждению виноградных лозъ в степи замѣтательно шейкларское имѣніе князя Воронцова, еваторійскаго уезда. Тамъ разведенъ виноградъ в небольшой долине на покатостяхъ, обращенныхъ къ югу. В 1847 году число кустовъ в этомъ имѣніи простиралось до 80,000. — В дивпровскомъ уездѣ, в Александровкѣ, владѣлец ея развелъ в 1847 году в своемъ фруктовомъ саду довольно значительное число виноградныхъ лозъ. Между Чапльнскою и Старою Маячкою, в имѣніи Скадовскаго, посаженъ также виноградъ. Несколько кустовъ разныхъ сортовъ, по словамъ Герсевича, росли тогда же в фруктовомъ саду старообрядческаго монастыря близъ Каховки. В мелитопольскомъ уездѣ многіе государственные крестьяне имѣютъ небольшіе виноградники в своихъ фруктовыхъ садахъ. В селеніи Большой Знаменъ того же уезда есть даже значительные виноградники, разведенные уступами на крутомъ уступѣ берега Днѣпра. Тамъ самый виноградъ болѣею частью крупный, бурый; впрочемъ есть и сивляпоръ, мускатъ, какурь и ризлингъ. В селѣ Рогачинѣ

есть также нѣсколько виноградныхъ садовъ ; лучший изъ нихъ принадлежитъ священнику. Но въ мелитопольскомъ уездѣ вообще выдѣлывается весьма мало вина, и виноградъ по большей части продается ягодами по 60, 90 коп. сер. и 1 руб. 50 коп. сер., а ранній по 2 руб. 30 коп. сер. за пудъ, или на мѣсть или же отправляется въ Бердянскъ, Кременчугъ и даже въ Екатеринбургъ. Въ Знаменскѣ въ 1846 году, Поляковъ, которому принадлежитъ тутъ самый большой садъ, продалъ виноградъ гуртомъ по 80 коп. сер. пудъ.

У менонистовъ, на Молочной, виноградники до-сихъ-поръ незначительны.

Не входя въ мелочныя подробности развитія виноградарства и винодѣлія въ Крыму, можно, основываясь на фактахъ и на свидѣльствѣ людей заслуживающихъ довѣріе (какъ напримѣръ свидѣтельство Стевена), сказать, что винодѣліе въ таврической губерніи вообще дѣлаетъ постепенные успѣхи : возникаютъ новые виноградники, увеличиваются старые, распространяются хорошіе сорты лозъ, уходъ за кустами улучшается, работы при винодѣліи совершенствуются и получаютъ превосходныя вина, которыя, къ сожалѣнію, все еще очень мало цѣнятся въ Россіи. Санктпетербургскій винопродавецъ Шварцкопфъ имѣлъ намѣреніе въ послѣднее время нагрузить судно крымскими винами для отправки въ Санктпетербургъ воаругъ Европы, но по причинѣ высокихъ фрахтовъ, бывшихъ въ 1846 и 1847 годахъ, долженъ былъ оставить это до времени. Замѣтимъ, что за всѣми издержками, доставка въ Санктпетербургъ моремъ обойдется не дороже 50 коп. сер. за ведро, а при большихъ партияхъ еще гораздо дешевле, между-тѣмъ какъ сухимъ путемъ она не дешевле 1 руб. 50 коп. сер., или черезъ Таганрогъ 1 рубль 25 копѣекъ серебромъ.

Въ 1847 году, развитію листьевъ, цвѣтенію и созрванію ягодъ погода очень благоприятствовала, и если сборъ винограду былъ не совсемъ удовлетворителенъ, то причиной этому были дожди и холодныя ночи во время уборки. Ранніе сорты винограду поспѣли въ половинѣ августа; всѣ почти сорты были зрѣлы въ половинѣ сентября. Уборка началась въ разныхъ мѣстахъ, въ различное время. На южномъ берегу приступили къ уборкѣ еще 10 сентября, на Качѣ и Бельбекѣ съ 16, а въ Судакахъ и другихъ мѣстахъ юго-восточнаго берега съ 21 того же мѣсяца. Съ половины сентября началось неблагоприятное время для

уборки винограду; въ промежуткѣ отъ 18 сентября по 1-е октября, особенно пострадали нѣжные сорта.

Въ 1847 году выдѣлано вина:

Въ симферопольскомъ уѣздѣ.	250,000	ведеръ.
— ялтинскомъ	65,000	—
— еелосійскомъ	290,000	—
— днѣпровскомъ	8,709	—
— мелитопольскомъ	3,075	—
— бердянскомъ	4,000	—
— евпаторійскомъ.	300	—
<hr/>		
Всего.	621,184	—

Стало-быть почти тринадцатью тысячами ведеръ меньше, нежели въ 1846 году.

Качество винъ вездѣ и въ 1846 и въ 1847 году было очень удовлетворительно. Цѣны въ 1846 году были слѣдующія: въ алминской долинѣ и на Бельбекѣ отъ 50 до 65 копѣекъ сер. за ведро; въ качинской долинѣ, цѣны сначала доходили до 75 коп. сер.; но когда покупатели отправились въ Судакъ и много вина осталось непроданнымъ, онѣ упали до 50 коп. сер. за ведро. Урожай винограду въ 1847 году былъ почти вездѣ значительно меньше урожая въ 1845 и 1846 годовъ; такъ напримѣръ на Качѣ въ 1847 году выдѣлано вина не болѣе $\frac{3}{4}$ противъ количества 1846 года; въ Судакѣ не болѣе $\frac{5}{8}$; мѣстами получено меньше половины противъ 1846 года; мѣстами же получено вина болѣе, нежели въ 1848 году; такъ напримѣръ на юго-западномъ берегу добыто до 100,000 ведеръ.

Въ 1847 году цѣны были мѣстами ниже цѣнъ 1846 года, напримѣръ на Алмѣ и на Качѣ весьма немногіе продали по 57 коп. сер.; большая же часть по 43 коп. сер. и по 34 коп. сер., а нѣкоторые даже по 28½ коп. за ведро; мѣстами же онѣ были выше прошлогоднихъ; это зависѣло отъ числа покупателей. На Бельбекѣ вино продавалось отъ 63 до 71 коп. сер. за ведро. Въ окрестностяхъ Севастополя и Балаклавы въ 1847 году вина продавались отъ 71¼ коп. до 1 руб. сер.; въ Судакѣ въ 1846 году цѣны сначала поднялись до 75 коп. сер. за ведро, потомъ постепенно упали и дошли до 53 коп. сер.; въ 1847 же году были отъ 51½ до 71¼ коп. серебромъ. За

покупкою винъ въ оудакскую долину въ 1846 и 1847 годахъ сѣнскими покупателями изъ Харькова, Бердянска, Кіева и Херсона. Между ними много было Евреевъ. Продажа въ Судакъ была гораздо лучше предшествовавшихъ годовъ; новое вино почти все было продано также и часть прежнихъ; на Качъ и на Алмѣ напротивъ цѣны были очень низки и много вина осталось непроданнымъ.

Въ Таракшѣ вино продано по 47 коп. сер. за ведро. Въ Алутѣ Татары въ 1846 году продавали свои вина отъ 50 до 70 коп. сер., а помѣщики отъ 85 коп. до 1 руб. сер. за ведро. На южномъ берегу, какъ извѣстно, молодья вина не покупаются, а старья въ 1846 году продавались отъ 1 руб. 45 коп. до 3 р. 50 к. с. Помѣщики южнаго берега держатся высокихъ цѣнъ, хотя по причинѣ трудной дороги черезъ горы, къ нимъ мало прѣзжаетъ покупателей. Дѣло въ томъ, что спросъ на крымскія вина съ каждымъ годомъ распространяется, а потому и торговля ими увеличивается. Южно-береговой помѣщикъ Малцовъ, кромѣ собственныхъ винъ, которыхъ онъ получаетъ въ годъ до 4,000 ведеръ, ежегодно покупаетъ на южномъ берегу въ другихъ имѣніяхъ до 10,000 ведеръ, и распродаетъ ихъ съ выгодою въ Харьковъ. Одинъ ялтинскій купецъ, въ 1847 году, купилъ 6,000 ведеръ вина отъ 1 руб. 17¼ коп. сер. до 2 руб. 28¼ коп. сер. за ведро, которое продалъ въ Ростовъ по 3 руб. 43 коп. сер. Въ 1848 году онъ былъ намѣренъ увеличить свою торговлю южно-береговыми винами.

Въ Бердянскъ также распространяется продажа крымскихъ винъ, переведеніемъ туда изъ Керчи погреба Кривча и продажею въ немъ лучшихъ винъ. Въ Кіевъ уже въ 1846 году находилось нѣсколько погребовъ для южно-береговыхъ винъ; онъ продавались тамъ отъ 3 до 6 руб. сер. за ведро. Судакскія вина покупаются иногда, по словамъ Герсеванова, для ставропольской губерніи. Вина съ дачи Артекъ въ 1846 году были проданы въ Таганрогъ отъ 2 до 3 руб. сер. за ведро. Въ Санктпетербургъ идутъ, между-прочимъ, вина изъ Гурзуфа и Магарача, а также изъ Судака.

О цѣнахъ на вина въ 1848 году на мѣсто можно судить изъ объявленія, сдѣланнаго въ таврическихъ губернскихъ ведомостяхъ. Въ этомъ объявленіи говорится, что «изъ имѣнія на южномъ берегу Крыма (урочищъ Магарачъ) будетъ отправляться во все города таврической губерніи вино въ бочкахъ съ желѣзными обручами, очищен-

или две бутылки въ бутылки; или въ бутылкахъ, не достоящихъ двѣнадцати:

За ведро № 1 цѣна 3 руб. 25 коп. сер.
№ 2. — 2 — 75 — —
№ 3 — 2 — 25 — —

Въ ящикахъ по 50 бутылочк., № 1 цѣна 15 руб. сер.
№ 2 — 13 — —
№ 3 — 12 — —

За доставку по адресу платится за каждыя 100 верстъ по 25 коп. сер. съ ведра, или по 1 руб. 25 коп. сер. съ ящика.

Мы не безъ намѣренія говорили съ большою подробностію о развитіи винодѣлія въ таврической губерніи; здѣсь эта отрасль промышленности вполне свойственна краю и гораздо болѣе можетъ распространяться, нежели гдѣ-нибудь.... Въ Крыму, особенно на южномъ берегу, — способствуетъ винодѣлію и климатъ и географическое положеніе.... здѣсь родина винограду. Чтобы лучше можно было судить въ какой степени велики надежды на развитіе виноградарства въ Крыму, и особенно на южномъ берегу, изчислимъ, какъ великъ можетъ быть въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ чистый доходъ, получаемый съ десятины земли подъ виноградниками.

При среднемъ урожаѣ получается съ десятины, засаженной виноградною лозою, ежегодно до 200 ведеръ вина; ведро среднимъ числомъ, въ разныя времена и на разныхъ мѣстностяхъ, продается по 1 руб. 15 коп. сер.; следовательно всего воловаго дохода съ десятины можно получать 230 руб. сер. Для опредѣленія же чистаго дохода нужно вычесть изъ воловаго: 1) проценты съ капитала, употребляемаго на первоначальныя издержки, 2) проценты съ капитала на разныя работы въ первые 4 года; 3) сумму на погашеніе капитала, и 4) среднюю сумму расходовъ.

1) Первоначальныя издержки состоятъ:

а) Въ очисткѣ земли отъ камней и въ городьбѣ сада 472 р.	
проценты въ 4 года составлять	75 — 52 к. с.
б) Сверхъ-того въ покупкѣ посуды, которая стоитъ 60 — „ —	
Посуды нѣтъ нужды покупать раньше третьяго года, следовательно процентовъ нужно считать за 2 года	4 — 80 —

Итого . . . 642 — 32 —

А потому четвертый процент съ капитала, употребленного на первоначальныя издержки составитъ ежегодно 24 руб. 49 коп. сер.

Капиталъ, употребленный на первоначальную обработку земли, не уничтожается, потому что земля, будучи очищена отъ камней, повышается въ цѣнѣ пропорціонально своему улучшенію. Такъ напримѣръ на южномъ берегу десятина необработанной земли покупается за 300 руб. сер., иногда и дешевле; разчищенная же и разсаженная виноградными кустами продается по 1,500 руб. сер., по 2,000 и даже по 3,000 руб. сер.

2) Чтобъ вычислить проценты съ капитала, употребленного на разныя работы въ первые четыре года, нужно сдѣлать слѣдующій расчетъ :

Издержки перваго года (посадка лозъ, полотье и тому подобное)	30 р. 6 к. с.
Проценты за четыре года	4—80 —
Издержки втораго года (покупка кольевъ и разставка ихъ, полотье, связка кустовъ и т. п.)	200— « —
Проценты за три года	24— « —
Издержки третьяго года: (перекопка земли, полотье, растановка кольевъ, связка кустовъ, караульщикъ, поправка огорода и т. п.)	120— « —
Проценты за два года	9—60 —
Издержки четвертаго года	125— « —
Проценты за годъ	10— « —
<hr/>	
Всего	523—40 —

Но какъ въ третій и четвертый годы получается вина до 65 ведеръ, то изъ этой суммы нужно вычесть деньги, вырученныя за ея продажу.

На второй и третій годъ получено 15 ведеръ на	17 р. 25 к. с.
Проценты за два года	1 — 38 —
На четвертый годъ получено 50 ведеръ на	57 — 50 —
Проценты въ годъ	2 — 30 —
<hr/>	
Всего	78 — 43 —

Вычитая это изъ 523 руб. 40 коп. сер., получимъ 445 руб. сер.

что составить капиталъ, употребленный на работы въ тѣ годы, когда виноградникъ не приносилъ еще надлежащаго дохода.

Четыре процента съ этого капитала составляютъ 17 р. 80 к. сер.

3) Погашеніе капитала. Виноградные кусты, по свидѣтельству опытныхъ хозяевъ, могутъ расти лѣтъ 80 и болѣе. Бывали примѣры, что нѣкоторые кусты сохранялись 200 лѣтъ; но нѣтъ сомнѣнія, что подѣ старость они даютъ гораздо меньше вина чѣмъ въ прежніе годы. Полагая, что виноградный кустъ у хорошаго хозяина можетъ, въ продолженіе 40 лѣтъ, давать постоянно одинаковое количество вина, можно считать, что капиталъ, употребленный на разныя работы въ первые четыре года, погашается не раньше какъ черезъ 50 лѣтъ (потому что и послѣ 40 лѣтъ, въ продолженіе нѣкотораго времени, получается еще достаточное количество вина); следовательно, раздѣливъ 445 руб. сер. на 50, получится 8 руб. 90 коп. сер., деньги, которыя нужно ежегодно вычитать на вознагражденіе капитала, употребленнаго на разныя работы въ первые четыре года. сверхъ этого на погашеніе капитала, употребленнаго на покупку посуды, полагается ежегодно по 4 руб. 30 коп. сер. Итого 13 руб. 20 коп. серебромъ.

4) Ежегодныхъ расходовъ бываетъ до 113 руб. сер.

Принимая въ соображеніе все вышесказанное, выйдетъ:

а) Проценто́въ съ капитала, употребленнаго на первоначальныя издержки	24 р. 49 к. с.
б) Проценто́въ съ капитала, употребленнаго на разныя работы въ первые четыре года	17 — 80 —
в) На погашеніе капитала	13 — 20 —
г) Ежегодныхъ расходовъ	113 — —
<hr/>	
Итого	168 — 49 —

Вычитая эту сумму изъ воловаго дохода съ десятины виноградниковъ, то-есть изъ 230 руб. сер., получится 61 руб. 51 коп. сер. чистаго дохода.

Этотъ расчетъ сдѣланъ по цѣнамъ, существовавшимъ въ началѣ
Т. С. — Отд. IV. 5

описываемого періода времени на южномъ берегу Крыма и преимущественно около мѣстечка Гурзуфа. Съ того времени цѣны и обстоятельства мало изменились, а потому оставленный расчетъ даетъ вѣрное понятіе и о нынѣшнихъ доходахъ съ виноградниковъ.

Въ другихъ мѣстахъ таврической губерніи работа обходится дешевле; такъ напримеръ въ Судакѣ платится дешевле за обвязку, не за-то тамъ есть лишній расходъ на обвязку лозъ. Эта предосторожность необходима, потому что въ югозападной сторонѣ Крыма водится въ садахъ особенный червь, портящій виноградныя посадки; но на южномъ берегу этого червя не замѣчается. Кроме-того въ Судакѣ обработка земли дешевле чѣмъ на южномъ берегу и потому, что тамъ лозы оставляются обыкновенно безъ поддержки, то-есть безъ кольевъ. Но если въ Судакѣ обработка виноградниковъ стоитъ дешевле, за то тамъ и вино продается дешевле, а потому чистаго дохода съ десятины тамъ можно считать не болѣе 50 руб. серебромъ. На югозападномъ берегу Крыма, хотя вино и дороже, но по дороговизнѣ рабочихъ и трудности сообщеній, десятина принести чистаго дохода не болѣе 57 руб. сер. Доходъ, получаемый съ виноградниковъ по сю сторону горъ, на Качѣ, равняется съ судакскимъ; на Алмѣ и Булганакѣ около 63 руб. сер. съ десятины, а близъ Симферополя гораздо меньше.

Рѣдко гдѣ однакоже доходъ съ виноградной десятины бываетъ менѣе 50 или 48 р. с. Следовательно, есть изъ чего трудиться, несмотря на то, что сбытъ крымскихъ винъ еще далеко не тотъ, какой можетъ быть при учрежденіи хорошихъ, удобныхъ сообщеній этого края съ внутренними губерніями Имперіи.

Посмотримъ на развитие винодѣлія въ другихъ губерніяхъ.

Херсонская губернія.

По отчетамъ министра за 1844 и 1845 годы разведеніе винограда во Днѣпру, какъ у колонистовъ, такъ и у государственныхъ крестьянъ, постоянно размножается. Въ 1846 году винограда много

пострадалъ отъ бывшихъ въ апрѣль морозовъ. Въ 1847 году урожаи его былъ гораздо лучше. Въ этомъ году весенняя и лѣтняя погода благоприятствовала завязи и росту винограду; и качествомъ и количествомъ онъ вышелъ лучше 1846 года, и вино получено добротой очень удовлетворительное*.

Въ настоящее время въ губерніи винодѣліемъ занимаются жители одесскаго, анапійскаго и тираспольскаго уѣздовъ, въ особенности живущіе по берегамъ Днѣпра; въ Херсонскомъ уѣздѣ, на ровныхъ и открытыхъ степяхъ, не имѣющихъ никакихъ возвышеній, виноградники не могутъ быть разводимы, потому что они требуютъ защиты отъ сѣвера; въ александровскомъ и бобринецкомъ уѣздахъ виноградъ никогда не дозрѣваетъ.

На одесской городской землѣ считается до 6 милліоновъ кустовъ виноградныхъ лозъ, бѣльею частію французскихъ и испанскихъ, которыя даютъ ежегодно до 45,000 ведеръ вина, бѣлаго и краснаго. Это вино имѣетъ пріятный вкусъ и довольно крѣпко; оно употребляется частію на мѣстѣ, частію продается въ губерніи; за него выручается ежегодно до 10,000 руб. сер. Кроме того виноградъ продается въ ягодахъ, что доставляетъ инымъ садамъ доходу отъ 200 до 300 руб. сер. въ годъ. И въ послѣднее время, какъ и прежде, преимущественно занимались разведеніемъ винограду колонисты либентальскаго округа. Во всѣхъ вообще колоніяхъ одесскаго и тираспольскаго уѣздовъ считается 2,846 виноградныхъ садовъ, въ которыхъ 7,464,260 лозъ. Въ 1846 году получено, сколько извѣстно, 135,385 ведеръ вина; въ 1847 году до 160,000 ведеръ; ведро вина продавалось отъ 40 коп. сер. до 1 руб. 20 коп. сер.; очень немногіе сорта винъ продавались дороже. Въ казенныхъ селеніяхъ тираспольскаго уѣзда, лежащихъ по Днѣпру, считается 1790 садовъ; количество выдланнаго вина простиралось въ 1846 и въ 1847 году до 39,800 ведеръ; вино продавалось отъ 15 до 60 коп. сер. за ведро.

Эти цифры показываютъ, какъ сильно въ послѣднее время развилось винодѣліе въ херсонской губерніи.

Замѣтимъ, что вино, выдѣлываемое въ некоторыхъ помѣщикахъ

* Журн. Мин. Гос. Имущ. 1845 и 1846 г. № № 12.

имѣніяхъ, поступаетъ въ продажу въ самыхъ незначительныхъ количествахъ; болѣею же частью идетъ на домашнее потребленіе.

Бессарабія.

Разведеніе винограда принадлежитъ собственно средней и южной Бессарабіи. Здѣсь виноградіе распространяется съ большимъ успѣхомъ, если судить по числу вновь разведенныхъ виноградниковъ. Это приращеніе весьма значительно; такъ, напримѣръ, въ Аккерманъ число виноградныхъ кустовъ въ последнее десятилѣтіе увеличивалось по 100,000 ежегодно; приращеніе виноградниковъ въ Кишеневъ можно принять вдвое меньше, а въ болгарскихъ колоніяхъ (гдѣ виноградіе составляетъ важнѣйшую промышленность) вдвое больше, равно какъ и у нѣмецкихъ колонистовъ. Всего считается въ Аккерманъ отъ 3 до 3,500,000 виноградныхъ кустовъ; у Болгаръ болѣе 4,000,000 и у нѣмецкихъ колонистовъ не менѣе. Въ настоящее время, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, Бессарабія производитъ отъ 2 до 3,000,000 ведеръ вина; но это количество едва ли вѣрно; оно должно быть гораздо больше, потому что извѣстно, что при хорошемъ урожаѣ въ болгарскихъ колоніяхъ получается ведро вина съ 3 кустовъ винограда, а въ 1843 году въ нѣмецкой колоніи Саратъ получено ведро менѣе чѣмъ съ двухъ кустовъ. Въ 1847 году, при довольно благопріятной погодѣ и обильномъ сборѣ винограда, было выдѣлано вина, по мнѣнію господина Стевена, болѣе 2,000,000 ведеръ, и въ томъ числѣ него болѣе въ болгарскихъ колоніяхъ; въ Кишеневъ выдѣлано болѣе 200,000 ведеръ, въ Аккерманъ не многимъ менѣе, оттого, что тамъ старыя виноградники пострадали отъ мороза осенью 1846 года. Объ урожаѣ 1847 года извѣстны еще слѣдующія подробности: а) въ Кишеневѣ въ нѣкоторыхъ садахъ собрано четверо болѣе винограда, нежели въ 1846 году; въ казенныхъ садахъ по Дивьстру виноградъ родился еще сильнѣе, а на сѣверной границѣ бессарабскаго виноградія урожай былъ вдвое противъ 1846 года; б) въ Дурлештахъ, въ окрестностяхъ Кишенева, съ 400 кустовъ винограда собрано отъ 200 до 300 ведеръ вина, тогда какъ въ 1846 году только отъ 35 до 50 ведеръ; с) цѣны были: въ окрестностяхъ Кишенева, въ сѣ-

тбрь вино продавалось по 40 коп. сер. за ведро; въ казенныхъ селеніяхъ по Днѣстру отъ 40 до 50 коп. сер., а 1846 года продавалось весной 1847 по 90 коп. сер.; въ Аккерманъ вино продано отъ 60 до 75 коп. сер за ведро; но самая низкая цѣна на бессарабское вино осенью 1847 года была отъ 30 до 35 коп. сер., въ окрестностяхъ мѣстечка Кріулянъ, на Днѣстрѣ, и далѣе на сѣверъ черезъ Оргъевъ до Скулянъ на Прутѣ; на сѣверной же границѣ бессарабскаго винодѣлія, вино продано по цѣнамъ 1846 года, то-есть по 1 руб. сер.; d) посуда въ Кишеневѣ вздорожала въ 1847 году вдвое противъ 1846 года, именно пятидесяти-ведерная бочка продавалась по семи рублей, вмѣсто трехъ, какъ было прежде.

Такимъ образомъ, не смотря на малую извѣстность бессарабскихъ винъ, Бессарабія есть край, производящій наиболѣе виноградныхъ винъ въ южной Россіи. Правда, б'льшая часть этого вина низкаго достоинства, и продается вообще по 15 и по 30 коп. сер. за ведро; но это преимущественно оттого, что, къ сожалѣнію, только не многіе изъ хозяевъ начинаютъ выдерживать свое вино; б'льшую же частію садоводы продаютъ его молодымъ, непребродившимъ, или для скорѣйшей выручки денегъ, или по неимѣнію погребовъ, или потому, что старья, выдержанные и слѣдовательно болѣе дорогія, вина еще не находятъ сбыта. Однако же небольшая часть, произведеніе хорошихъ садоводовъ, доказываетъ возможность довести здѣшнія вина до высокаго достоинства.

Напримѣръ образцы винъ, доставленные на бывшую въ 1847 году въ Кишеневѣ выставку, были очень хороши и вполне подтверждаютъ мнѣніе о возможности производить въ Бессарабіи вина, могущія замѣнять легкія и среднія вина южной Франціи. На кишеневской выставкѣ, изъ числа всѣхъ представленныхъ ассортиментовъ плодовъ, особенное вниманіе обратили на себя доставленные аккерманскимъ жителемъ, поручикомъ швейцарской службы Тарданомъ. Изъ 63 сортовъ его винограду, оказались замѣчательными по вкусу: Isabelle, Bordeaux, Alicante, 6 сортовъ Muscat, 3 сорта Corinthe, Tokay. Замѣтимъ кстати, что у Тардана считается 150,000 виноградныхъ лозъ. Изъ числа винъ, бывшихъ на выставкѣ, лучшими признаны вина тоже господина Тардана. Онъ представилъ 8 сортовъ винъ 1845 и 1846 годовъ, изъ которыхъ 6 сортовъ столовыхъ, 1 десертный и 1 шипучій,

замѣчательный по своей доброте. Вторыми найдены красныя вина, представленныя изъ экономіи графа Нессельроде, 1840, 1844 и 1845 годовъ; эти вина оказались хорошо выдержанными.

Третій асортиментъ винъ, аккерманской жительницы, госпожи Беликовичъ, найдены также заслуживающимъ вниманія по отличной выдержкѣ и чистотѣ. На выставкѣ были вина 1839 года и слѣдующихъ урожаевъ.

Замѣчательнѣйшія заведенія для винодѣлія находятся въ мѣстечкахъ Наславцахъ, Теленештахъ, Каушанахъ и въ Аккерманѣ; также въ Клиш, Измиль, Рени, Кагуль и колоніяхъ. Красныя бессарабскія вина, хорошо выдержанныя, имѣютъ вкусъ бордо; бѣлыя же могутъ соперничать съ низкими и средними сортами южно-французскихъ винъ. Вообще бессарабскія вина легки, но пріятны на вкусъ. Они потребляются болѣею частію на мѣстѣ. Однако же Аккерманъ уже несколько лѣтъ снабжаетъ своими винами одесскую промышленность, производящую изъ нихъ шипучія вина, обыкновенно носящія имя шампанскихъ. Изъ Оргэвскаго уѣзда вывозится ежегодно въ подольскую и херсонскую губерніи до 100,000 ведеръ вина. Выморожки бессарабскаго вина продаются въ бутылкахъ, подъ названіемъ французскихъ винъ.

Екатеринославская губернія.

Въ последнее время, также какъ и въ предъидущій періодъ, винодѣліе не сдѣлало здѣсь успѣховъ. По отчету за 1847 годъ, въ уѣздахъ екатеринославскомъ, верхне-днѣпровскомъ и ново-московскомъ, разведенъ виноградъ въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ садахъ, но только въ небольшомъ количествѣ. Большая часть ягодъ употребляется для десерта, дома, и только малая часть поступаетъ въ продажу. По словамъ К. И. Арсеньева, основаннымъ на свидѣніяхъ мѣстнаго начальства, въ 1846 году виноградарство распространено также въ розовскомъ уѣздѣ и въ маріупольскомъ округѣ.

Подольская губернія.

Въ настоящее время виноградъ въ этой губерніи разводится съ успѣхомъ по Днѣстру, особенно въ Могилевѣ, Ямполѣ, Каменкѣ, Рыбницѣ, Рашковѣ, Яругѣ и Косницѣ, но его болѣе продаютъ въ ягодахъ, а выдѣлка вина незначительна. Въ 1846 году сборъ вина простирался до 10,000 ведеръ, а въ 1847 до 15,000. Изъ числа послѣднихъ 6,000 ведеръ выдѣлано въ яругоюй волости, вѣдомства государственныхъ имуществъ, между Могилевомъ и Ямполемъ, на Днѣстрѣ, въ казенныхъ виноградникахъ, состоящихъ въ оброчномъ содержаніи; потомъ до 2,000 ведеръ выдѣлано въ садахъ государственныхъ крестьянъ въ Каменкѣ; у княгини Витгенштейнъ выдѣлано не болѣе 1,000 ведеръ, но вина княгини, по качеству, лучшія въ губерніи; у нѣмецкихъ колонистовъ выдѣлано до 500 ведеръ; въ Юрковцахъ, около Могилева, до 1,000 ведеръ; въ Серебряницѣ, тамже не болѣе 500 ведеръ. Вина, кромѣ принадлежащихъ княгинѣ Витгенштейнъ, вообще не бываютъ доброкачественны, оттого, что виноградъ не сортируется, и сокъ изъ него выжимаютъ мѣшками (въ казенныхъ имѣніяхъ Яругѣ и Косницѣ въ кадкахъ), а не прессамъ; всѣ здѣшнія вина слабы и одного качества съ молдаванскими. Вино могилевское и изъ окрестностей вообще продано отъ 50 до 75 коп. сер. за ведро.—Въ частности же есть большія исключенія: напримѣръ у помѣщика Сулятицкаго, вино изъ селенія Юрковецъ, получаемое отъ лучшихъ виноградныхъ лозъ, продается по 1 руб. 50 коп. сер.; а у княгини Витгенштейнъ красное не дешевле двухъ рублей сереб. за ведро; шипучее же, приготовленное на манеръ шампанскаго, продается по 1 руб. сер. за бутылку.

По отзыву господина Стевена, винодѣле въ Подоліи подвигается весьма тихо, какъ по неблагопріятному для винодѣлія климату, такъ и по недостатку людей, знающихъ эту отрасль хозяйства, а наиболѣе по трудности приобретать лучшіе сорта виноградныхъ лозъ, соответствующихъ климату. Вообще виноградъ растетъ только по лѣвому, высокому нагорному берегу Днѣстра и въ его долине, гдѣ онъ закрытъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ; отъ этого положенія

Дивьстровской долины климатъ ея теплѣе всѣхъ мѣстъ губе; нн; сн; гдѣ здѣсь всегда сходитъ недѣлю раньше чѣмъ въ другихъ мѣстахъ губерніи. — Однако же и въ долину Дивьстра виноградъ иногда терпитъ отъ морозовъ. Завышній виноградъ мелокъ, имѣетъ непріятный вкусъ и очень скоро портится. — Улучшеніе породъ виноградныхъ лозъ производится постоянно пріобрѣтеніемъ виноградныхъ посадковъ изъ венгерскихъ и крымскихъ породъ.

Земля войска Донскаго.

Въ землѣ Войска Донскаго виноградъ произрастаетъ съ успѣхомъ, а виноградарство и винодѣліе составляютъ очень важную отрасль сельскаго хозяйства, въ особенности въ мѣстахъ, гдѣ ей способствуетъ хорошее качество земли и выгодное мѣстоположеніе. — Виноградъ вообще разведенъ исключительно по правому берегу Дона, отъ устья рѣки Цымлы до устьевъ Аксая; именно въ четырехъ округахъ: первомъ и второмъ донскихъ, черкасскомъ и мѣсскомъ; въ хоперскомъ же, усть-медвѣдицкомъ и донецкомъ, вовсе не разводится. Можетъ-быть это зависитъ отъ климата, а можетъ-быть и отъ не совсѣмъ искусныхъ опытовъ. — Нѣсколько лѣтъ назадъ считали на всемъ Дону, среднимъ числомъ, до 250,000 кустовъ винограду. Самое большое количество, именно $\frac{1}{6}$, находится въ первомъ донскомъ началствѣ. Почти половина этого округа занимается исключительно виноградарствомъ и винодѣліемъ, имѣя въ нихъ главный источникъ своихъ доходовъ. Больше или меньше богатые виноградные сады находятся въ станицахъ цымлянской, кумшацкой, ведерниковской, бабской, золотовковской, кочетовской, раздорской, мелеховской и бесергеновской. Самые лучшіе сады паходятся въ станицахъ цымлянской, раздорской и мелеховской. Трудъ виноградаря вознаграждается хорошо; доказательствомъ служить то, что жители станицъ, въ которыхъ разведены обширные виноградные сады, живутъ богаче прочихъ. Это совершенно естественно: присмотръ за садомъ и обработываніе его сопряжены съ меньшими трудами чѣмъ земледѣліе, — а труды по виноградарству вознаграждаются щедро и скоро. Хотя въ неурожайные годы хозяева виноградниковъ принуждены бываютъ покупать хлѣбъ на наличныя денъ-

ги или вымывать на виноградъ, однако жъ это нѣтъ не разстроиваетъ : прибыль, приносимая садомъ, вознаграждаетъ эту потерю. Въ-самомъ-дѣлѣ эта прибыль очень велика. Такъ напримвръ, въ станицъ раздорской самый малый садъ приноситъ дохода не менше 60 руб. сер., въ мелеховской 150 рублей; большіе же сады въ обнхъ станицахъ приносятъ отъ 600 до тысячи рублей серебромъ и болзе. Къ этому должно присовокупить, что выгоды, доставляемыя разведеніемъ виноградниковъ, тѣмъ несомнвннѣе, что хозяева садовъ нисколько не затрудняются продажою винограду, потому что винодѣлатели сами прѣзжають къ нимъ въ сентябрь мѣсяцъ изъ Новочеркаска, Старочеркасской и Аксайской станицъ, и тамъ, поставивъ балаганы изъ луба или камыша, покупають виноградъ и даютъ изъ него вино тутъ же на мѣстѣ. Сортовъ растущаго на Дону винограду считается одиннадцать: изъ нихъ шесть краснаго и пять бѣлаго. Красные извѣстны подъ именами : *винный*, *буланный*, *слитной*, *венгерскій*, *желудевой* и *кизилый*. Бѣлые имвють прилагательныя имена : *круглый*, *розовый*, *пухляковскій*, *долгій* и *ладонный*. *Винный* и *буланный* имвють цвѣтъ черный; первый даже совершенно черный; грозды винаго небольшіе, ягоды мелкія и раздѣленныя, вкусъ чрезвычайно сладкій; у втораго кисти круглыя, ягоды крупныя и плотно соединенныя; вкусъ не столь сладкій, какъ у винаго, и немного вяжущій. *Слитной* получилъ названіе отъ густаго и слитнаго роста ягодъ на большнхъ его кистяхъ, цвѣта сизоватаго. — *Венгерскій* имветь кисти большія, ягоды красноватыя, расположенныя на гроздѣ довольно рѣдко. *Желудевой* имветь кисти длинныя, ягоды очень рѣдкія и продолговатыя, величиною почти со сливу, цвѣтъ бурый. *Кизилый* имветь кисти небольшія, ягоды рѣдкія, величиною нѣсколько больше винаго и притомъ продолговатыя, вкусъ вяжущій. У бѣлыхъ *круглаго* и *розоваго* кисти большія, ягоды растутъ рѣдко, вкусъ нѣсколько кислотавый, но при совершенной зрѣлости сладкій; второй отличается розовой кожицей съ одной только стороны, обращенной къ солнцу. — *Пухляковскій* названъ такъ потому, что вывезенъ изъ Европы казакомъ раздорской станицы Пухляковымъ; вынзъ, кромъ этой станицы, его весьма много также въ садахъ станицъ кочетовской и мелеховской. У него длинныя кисти, на которыхъ ягоды большія и продолговатыя, не слитныя; вкусъ имветь сладкій. — Бѣлый *долгій*, кисти имветь большія, ягоды также продолговатыя, но меньше

давить изъ ягодъ сокъ, его оставляютъ выстоять съ выжимками (дробью) на несколько дней въ чанахъ для броженія. Поднявшіяся на поверхность до известной высоты выжимки означаютъ, что вино достаточно перебродило; навыкъ и опытность научили виноделовъ определять эту степень броженія, смотря по погодѣ и другимъ обстоятельствамъ времени. Броженіе потомъ прекращаютъ, отдаливъ отъ дробистый виноградный сокъ, который и сливаютъ въ бочки. Въ этомъ-то неочищенномъ состояніи весьма значительное количество донскаго вина отправляется бочками во внутренніе города. Остающееся же на Дону вино очищается и купорится въ бутылки. Очищеніе отъ дрожжей также осталось при старой, весьма простой методѣ, равно какъ и разливъ. Оно производится посредствомъ клею, сахару и процѣживания сквозь войлочные колпаки. Въ февраль мѣсяцъ донское вино можетъ быть уже очищено, и его тотчасъ разливаютъ въ бутылки, купорятъ и развозятъ по всей Россіи. Известные сорта его суть: обыкновенное бѣлое и красное, полынное, розовое, розо-полынное, горское, цымянское и полушампанское. Зная образъ приготовленія вина, зная, кромѣ того, что виноградъ даютъ зрѣлый и незрѣлый вмѣстѣ, безъ всякой сортировки, разумется нельзя и ожидать хорошаго вина, потому что его достоинство безъ сомнѣнія зависитъ сколько отъ качества винограда, столько и отъ искусства приготовленія. Эта-то дурная выдѣлка есть причина уменьшенія расхода донскихъ винъ войсковой земли и предпочтенія имъ крымскихъ винъ. Опытъ, и довольно удачный, приготовленія донскихъ винъ по правиламъ европейскаго винодѣлія, сдѣланный графомъ Платовымъ, не вошелъ въ употребленіе. Впрочемъ должно замѣтить, что когда бываетъ здѣсь жаркое и сухое лѣто, способствующее къ совершенному созрѣванію и особенной сладости винограду, то и при настоящемъ простомъ способѣ винодѣлія, вино выходитъ превосходное и по цвѣту и по вкусу, имѣющее болѣе сходства съ шампанскимъ, нежели съ какимъ-нибудь другимъ виномъ. Есть полная надежда, что если бы обращено было должное вниманіе, на усовершенствованіе этой полезной отрасли промышленности, то донское вино во многихъ случаяхъ замѣнило бы вина иноземныя, да и самое количество добыванія винъ безъ сомнѣнія увеличилось бы. Нынѣ на Дону готовится ежегодно среднимъ числомъ около 200,000 ведеръ вина; около 70,000 потребляется на мѣстѣ и до 130,000 вывозится изъ войсковой земли. По

превращеніи послѣдняго числа въ бутылки, выйдетъ болѣе полутора милліона бутылокъ. Извѣстнѣйшіе промышленники и виноторговцы донскіе суть Сербиновы, Леоновы и Болдыревы.

Ставропольская губернія.

Въ ставропольской губерніи, по свѣдѣніямъ за 1846 годъ, виноградные сады находились въ нѣкоторыхъ поселенныхъ на линіи казачьихъ полкахъ, въ пятигорскомъ уездѣ, но преимущественно въ Кизлярѣ и его уездѣ; въ Черноморьѣ виноградныхъ садовъ вовсе не было, хотя по берегамъ Кубани встрѣчается много мѣстъ къ тому пригодныхъ. Нынѣ готовится здѣсь среднимъ числомъ до 3,000,000 ведеръ вина и до 200,000 ведеръ водки, выдѣлываемой изъ того же вина. Если бъ выдѣлка вина производилась способомъ болѣе правильнымъ, если бъ былъ разведенъ виноградъ изъ всѣхъ лучшихъ лозъ, марсельскихъ, мадерскихъ, малагскихъ и другихъ, то смѣло можно сказать, что мы имѣли бы изъ ставропольской губерніи вина не хуже иностранныхъ. Въ настоящее время, кромѣ кизлярскихъ винодельныхъ заведеній, о которыхъ мы говорили уже прежде, отличается выдѣлкою виноградныхъ винъ заведеніе пятигорскаго помѣщика Реброва; въ его имѣніи можно всегда найти, кромѣ хорошихъ столовыхъ винъ, отличное нипучее вино. Вообще изъ виноградныхъ садовъ въ губернію замѣчательны кизлярскіе, помѣщиковъ Реброва, Калустова, Балужева, Аглинцова, князя Бековича-Черкаскаго и нѣкоторыхъ другихъ.

Примѣчаніе. О развитіи винодѣлія въ послѣднее время въ губерніяхъ кievской и астраханской нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній. Извѣстно однако же, что въ астраханской губерніи оно значительно развилось противу прежнихъ годовъ. Разведеніе винограду начато даже у Калмыковъ. Въ запискахъ 1844 года Императорскаго общества сельскаго хозяйства южной Россіи, находимъ свѣдѣніе, сообщенное почетнымъ членомъ этого общества, княземъ Сербеджакомъ-Тюменевымъ, что у него въ имѣніи въ 1843 году разсажено отводками винограду благо толстокожаго, кишмишу и другихъ сортовъ 464 куста, что со

старыми составляет 3,514 кустовъ. Изъ свѣдѣній этого же князя видно, что у Калмыковъ, кромѣ выдѣлки бѣлаго и краснаго вина на манеръ шампанскаго, гонится и водка.

Закавказскій край.

О винодѣліи закавказскаго края въ послѣдніе десять лѣтъ мы тоже знаемъ мало свѣдѣній. Судя по запросамъ на закавказскія вина и по огромному потребленію вина въ самомъ Закавказьѣ, можно смѣло сказать, что эта отрасль промышленности съ каждымъ годомъ развивается; но опредѣлить цифрами сколько именно выдѣлывается вина въ Закавказьѣ въ послѣднее время, — этого сдѣлать не можемъ. Замѣтимъ только, что вниманіе правительства, относительно разведенія винограда въ край, и относительно развитія винодѣлія, было обращено преимущественно на тѣ земли Закавказья, гдѣ эта важная отрасль промышленности не была прежде въ ходу, между-тѣмъ какъ климатическія условія допускаютъ ея развитіе. Такъ восточный берегъ Чернаго моря въ послѣднее время обращаетъ на себя постоянное вниманіе правительства. Этотъ берегъ, отъ устья рѣки Кубани до рѣки Ріона или, отъ города Тамани (древней Тмутаракани) до крѣпости Святаго-Николая, противъ турецкой границы, за Ріономъ, простирается слишкомъ на 500 верстъ въ косвенномъ направленіи къ юго-востоку, между 51° и 59 долготы и 45 и 42° сѣверной широты, равняясь такимъ образомъ положеніемъ въ умѣренномъ климатѣ съ сѣвѣрною частію Испаніи до Мадрита, съ нижнею частію Франціи отъ Бордо, съ верхнею частію Италіи до Рима и съ европейскою Турціею до Адрианополя. Здѣсь, начиная отъ 44° сѣверной широты, отъ мѣстъ прилежащихъ къ укрѣпленію Лазареву въ земляхъ Шапсуговъ и Убуховъ, виноградъ произрастаетъ дико, да и одинъ ли виноградъ? Верстъ 80 ниже, при укрѣпленіи Гаграхъ, начинаются фиги; гранаты и лавры отъ 43° сѣверной широты при крѣпости Сухумъ-Кале; наконецъ у Редуть-Кале, при устьѣ Ріона, разводятся лимоны и апельсины. Еще недавно никто и не думалъ о разведеніи въ этихъ мѣстахъ не только лимоновъ или апельсиновъ, но даже хорошихъ сортовъ винограда.... еще недавно рука европейскаго садовника не досягала до этого дикаго берега, коснѣвшаго подъ игомъ невѣ-

жестыенной Азии; гражданственность и параллельное съ нею развитіе промышленности начало водворяться здѣсь съ уступками русскаго побѣдоноснаго оружія. У полудникихъ, враждебныхъ намъ горцамъ до-сихъ-поръ еще въ тѣсныхъ ущельяхъ береговыхъ горъ, и даже на плодоносныхъ скатахъ этихъ горъ, произрастають только дикія груши, яблоки, сливы, орѣхи, каштаны, да дикій виноградъ.

Попытки правительства развить садоводство и виноградарство въ этомъ краю не были первоначально удачны, потому что хозяйственныя работы часто были прерываемы военными заботами. Такъ, бывший начальникъ береговой линіи, генералъ-лейтенантъ Раевскій, по своей страсти къ садоводству, употребилъ въ 1840 году значительную сумму денегъ на разведеніе красивыхъ и полезныхъ растений, въ томъ числѣ и винограду, почти во всѣхъ береговыхъ укрѣпленіяхъ. Но черезъ годъ, по свидѣтельству господина Родожицкаго, изъ нихъ едва ли и десятая часть уцѣлѣла отъ недосмотра и небреженія. Изъ садовъ, разведенныхъ генераломъ Раевскимъ, былъ, по словамъ Родожицкаго, въ особенности замѣчательнъ военно-ботаническій садъ при Сухумѣ. Сначала подъ садъ отведено полдесятины, даны черенки растений и сѣмена; потомъ въ 1840 году прибавлено еще три десятины. Надзоръ и уходъ за растениями порученъ былъ человѣку знакомому съ ботаникой и садоводствомъ. Этотъ садъ былъ рассадникомъ для другихъ садовъ въ береговыхъ укрѣпленіяхъ. И дѣйствительно, осенью 1840 года изъ его школы было уже взято 6,000 корней различныхъ деревьевъ для рассадки въ береговыхъ укрѣпленіяхъ. Въ 1842 году въ этомъ саду, между множествомъ разныхъ растений, имѣлось 3,000 кустовъ крымскаго и персидскаго винограду. Растительность здѣсь такъ сильна, что виноградъ въ одинъ годъ даетъ побѣги болѣе сажени. Но эти и другія частныя попытки не могли имѣть большаго вліянія на развитіе винодѣлія въ цѣломъ краѣ. Настоящее развитіе этой отрасли промышленности на юго-восточномъ берегу и вообще въ закавказскомъ краѣ начинается со времени назначенія туда намѣстникомъ князя Михайла Семеновича Воронцова. Весною 1848 года, по свидѣніямъ сообщеннымъ въ газетѣ «Кавказъ», по приказанію князя доставлено въ закавказскій край, изъ собственныхъ его виноградныхъ садовъ въ Крыму и изъ магарачскаго казеннаго винограднаго сада, болѣе 12,000 лозъ различныхъ сортовъ винограду, изъ которыхъ въ особенности замѣчательны, Мис-

саф blanc, Muscat rouge, Muscat noir haut, Muscat de Hongrie, Riesling, Bordeaux, Pedro Ximénès, Franc pinseau, Pinseau gris, Oporto Blanc, Albillo castillan, Chasselas de Fontainebleau, Isabelle, Madeleine и многія другія. Эти лозы были розданы въ разныя мѣста, гдѣ наиболѣе требовалось улучшеніе виноградарства хорошими сортами винограда.

Изъ числа ихъ поступило : а) въ укрѣпленія восточнаго берега Чернаго моря : въ Анапу—2,000 лозъ; въ Новороссійскъ — 10,000; въ Кабардинское укрѣпленіе — 1,000 ; въ Геленджикъ — 3,000 ; въ Ново-Троицкое — 1,500; въ Тенгинское—1,000; въ Вельяминовское — 1,000 ; въ фортъ-Лазарева — 1,500 ; въ фортъ-Головинскій — 1,000 ; въ фортъ-Навагинскій — 1,000 ; въ Свято-Духовское — 1,000 ; въ Гагры — 1,000 ; въ Пицунду — 1,000 ; въ Бомборы — 3000 и въ Сухумъ-Кале — 10,000. б) на Сундженскую линію 6,500; с) въ крѣпость Грозную — 7,500 ; d) въ Ставропольскій общественный садъ — 1,000; e) для колонистовъ колоніи Юганенсдорфъ (близъ Ставрополя) 1,000; f) въ Озургетскій разсадникъ — 6,000; g) въ Кутайскій садъ — 6,000 и h) въ Тифлисъ — для посадки на опытной фермѣ, для раздачи частнымъ лицамъ, для отсылки въ Эчмиадзинскій монастырь, въ Шемахинскій разсадникъ, въ Елизаветпольскій казенный садъ, на Царскіе колодцы и Бѣлый ключъ, болѣе 50,000 лозъ.

Обзоръ нашъ о состояніи виноградарства и винодѣлія въ последнее время, конечно, недовольно полонъ, по немнѣвнѣю достаточнаго числа матеріаловъ; но не менѣе того онъ даетъ понятіе о быстромъ развитіи этой отрасли промышленности почти во всей виноградской полосѣ Россіи. Правительство съ своей стороны все сдѣлало, что можно было сдѣлать для правильнаго направленія винодѣлія, для поощренія сельскихъ хозяевъ къ развитію этой отрасли промышленности; даже въ случаѣ нужды не отказывало имъ въ необходимой помощи. Одно-го можно желать въ довереніе мѣръ правительства, — это устройства лучшихъ путей сообщенія внутреннихъ губерній Россіи съ губерніями, входящими въ область виноградской полосы. Тогда облег-

чится сбыть русских винъ, — запросъ на нихъ увеличится вдесятеро и мы перестанемъ платить большія деньги за посредственное вино, когда у насъ дома есть превосходное, стоящее несравненно дешевле.... а дешевле русское вино будетъ непременно, потому что дороговизна вина въ настоящее время происходитъ всего болѣе отъ дороговизны перевозки, доставки и отъ дороговизны въ наймъ рабочихъ. И та и другая причина значительно уменьшатся при устройствѣ удобныхъ и дешевыхъ путей сообщенія.

=

V.

КРИТИКА.

=

1, THE MONUMENTS OF NINIVEN, from drawings made on the spot by Austen Layard, etc. (*Памятники Нинивии, по рисункамъ, снятымъ на-мѣстѣ, изданные Августиномъ Лердоломъ. Лондонъ, 1848, folio.*)

2. MONUMENT DE NINIVE, découvert par P. Botta, dessiné par E. Flandin, etc. (*Памятникъ нинивійскій, открытый П. Боттою, срисованный Е. Фланденомъ. Парижъ, 1847—1849, folio.*)

=

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ И ПОСЛЕДНЯЯ.

=

Прежде чѣмъ станемъ разсматривать сюжеты скульптурныхъ картинъ, которыми покрыты стѣны разрытыхъ ассирійскихъ зданій, пужно еще разъ воротиться на-мгновение къ архитектурной формѣ и стилю этихъ строеній. Я попрошу читателей обратить особенное вниманіе на размѣры стѣнъ и покоевъ; потому что размѣры могутъ доставить намъ нѣкоторыя указанія на назначеніе памятниковъ, доселѣ раскопанныхъ. Въ мірѣ древнословія рѣшено, что это — дворцы и царскіе чертоги, и такъ ихъ называютъ всѣ; такъ и мы называли эти зданія въ двухъ предъидущихъ разсужденіяхъ. Но сомнѣніе очень позволительно въ настоящемъ случаѣ, несмотря на важность авторитетовъ, которыми утверждено обще-принятое мнѣніе.

Памятники эти, какъ уже извѣстно, находятся на платформахъ, или обширныхъ пирамидальныхъ подстройкахъ, сложенныхъ изъ нежженаго кирпичу и имѣвшихъ форму правильныхъ четвероугольниковъ, которыхъ стороны съ точностью выведены по кардинальнымъ сторонамъ горизонта, подобно египетскимъ пирамидамъ и другимъ сооруже-

ямъ первообразованной эпохи Ветхихъ. Наклонныя стѣны платформъ снаружи были нѣкогда одѣты огромными плитами камня базальтовой или, какъ Ксенофонтъ видѣлъ въ Лариссѣ, раковистой породы. Размѣры этихъ искусственныхъ возвышеній довольно значительны, хотя и далеко не соответствуютъ Ктесиевымъ размѣрамъ городской подстройки къ его баснословной Нинивіи или, все-равно, Геродотовымъ размѣрамъ подстройки къ его равно баснословному Вавилону. Хорсабадская платформа, на примѣръ, одна изъ меньшихъ, но опредѣлительно измѣренная господиномъ Боттою, представляетъ въ длину и въ ширину болѣе чѣмъ по полторы версты, именно, *восемь сотъ шестьдесятъ сажень* въ одну сторону, отъ сѣвера къ югу, и *восемь сотъ двадцать сажень* въ другую. Вышина всѣхъ платформъ одинакова, отъ шести до семи сажень надъ поверхностью равнины. Это — вышина прекраснаго трехъ-этажнаго дому. Сверху, платформы были вымощены также каменными плитами; но на *двѣри* такъ называемыхъ *дворцовъ*, которые тутъ находятся, мостовая обыкновенно состоитъ изъ двухъ рядовъ жженаго кирпича, лежащихъ одинъ на другомъ такъ, что въ верхнихъ кирпичахъ штампель съ гвоздеобразною надписью или предполагаемымъ *именемъ царя* обращенъ къ низу и скрытъ отъ зрителя, а въ нижнихъ — къ верху. Между двумя рядами кирпичей положенъ слой тонкаго рѣчнаго песку, пропитаннаго асфальтомъ. Кирпичи сплочены тою же смолою, которая такъ крѣпко прильнула къ нимъ, что болѣею частью надо выжечь асфальтъ чтобы обнаружить штампель безъ порчи. Кирпичи имѣютъ по девяти вершковъ съ краю и не съ большимъ два вершка въ толщину. Плиты на боковой и на верхней одеждѣ платформы были, по-видимому, колоссальной длины и ширины, при почти аршинной толщинѣ, замѣчаемой теперь въ обломкахъ. На платформы всходили и взѣзжали по покатымъ спускамъ, въ родѣ тѣхъ, какіе построены у насъ по пристаямъ на набережныхъ Невы. Слѣды такихъ взѣздовъ существуютъ по угламъ хорсабадской платформы. По краямъ платформъ возвышались башни въ извѣстныхъ разстояніяхъ

и шла толстая стѣна, которой вышины теперь опредѣлить нельзя, но которой толщина была дѣйствительно непомѣрна, если судить по толщинѣ хорсабадскаго вала, образовавшагося изъ ея розсыпи. Этотъ валъ представляетъ основаніе въ *двѣнадцать сажень* поперегъ. Положимъ, что окружная стѣна, развалившаяся послѣ снятія каменной одежды, имѣла половину основанія нынѣшней насыпи. Шесть сажень толщины — для *трехъ колесницъ, рядомъ*, проѣздъ вполне достаточенъ. И хотя — шесть сажень — сказать ужасно, однако повѣрить можно, посмотрѣвъ истинно циклопское преувеличеніе всѣхъ размѣровъ въ ближайшихъ архитектурныхъ подробностяхъ: на примѣръ, эту почти *трехъ-саженную* толщину стѣнъ въ покоехъ низкихъ одноэтажныхъ зданій, прятавшихся за окружную стѣною; или эту *семи-аршинную ширину* дверей изъ комнаты въ комнату. Люди, строившіе себѣ такія жилища, какъ-будто предвидѣли погибель своего племени, какъ-будто, этимъ преувеличеніемъ размѣровъ, умышленно хотѣли внушить отдаленнымъ вѣкамъ суевѣрнымъ убѣжденія въ исполнствѣ первобытной человѣческой породы.

Хорсабадская платформа — одна изъ четырехъ подобныхъ сооружений на тѣсномъ пространствѣ нинивійской стороны. Три прочія находятся въ мѣстахъ, пазываемыхъ *Карамли, Немрудъ и Коюнджукъ* (Овчарня); возвышеніе на краю котораго построена деревня *Ниниве* насупротивъ города Мусула. Соединивъ прямыми линіями эти четыре точки, отдаленныя другъ отъ друга среднимъ разстояніемъ верстъ по двадцати пяти, получается четверугольникъ, неправильный, вовсе не сообразующійся съ кардинальными сторонами горизонта. Я указываю нарочно на это обстоятельство: одно уже оно опровергаетъ всѣ доводы тѣхъ, которые хотятъ считать четыре платформы нинивійской стороны за части или углы одного и того же огромнаго города, для того чтобы оправдать безтолковую Ктесіеву повѣсть объ окружной стѣнѣ въ *четыреста осемьдесятъ стадій, или осемьдесятъ три версты*, съ вышиною сажень въ четырнадцать и толщиной въ *пять или шесть*.

Нимродская и коюнджукская платформы, явственно, были

значительнѣе хорсабадской. Среднюю величину для четырехъ платформъ можно, очень умѣренно, назначить по *тысячѣ саженъ* съ краю, въ квадратѣ, для каждой. Такихъ-образомъ средняя окружность ихъ выходитъ по *восемь верстъ* или *сорока восьми стадій* и средняя поверхность по *четыре квадратныя версты*. Изъ этого расчета позволительно вывести то весьма простое заключеніе, что въ народныхъ повѣстьяхъ, повторяемыхъ Ктесіей о Нинивѣ Нина и Семирамиды, и Геродотомъ о Вавилонѣ Бела и Нимрода, къ числу 48 видимо прибавленъ нуль (480), единственно для большаго удивленія слушателей. Такіе примѣры умноженія довольно обыкновенны въ невѣжественныхъ разсказахъ толпы.

При всей ничтожности такихъ платформъ въ сравненіи съ невѣроятною величиною двухъ городскихъ подстроекъ, прославленныхъ этими повѣстями, во всякомъ случаѣ каждая изъ нихъ порознь — въ полномъ смыслѣ слова гигантская подстройка, достойная Титановъ, Циклоповъ, Олбримовъ, Иеттовъ и всякаго званія великановъ. Египетскія пирамиды рѣшительно ничто при нихъ: всѣ, вѣсть взятыя, не составили бы онѣ массою своей *десятой доли* одной изъ платформъ нинивійской стороны. Да кромя того на этихъ платформахъ стояли вѣкогда пирамиды гораздо больше обыкновенныхъ египетскихъ. Та, которая донынѣ находится въ углу нимродской платформы, размѣрами своими уступаетъ только тремъ самымъ знаменитымъ пирамидамъ Нила: правильнѣе сказать — двумъ; потому что между третьею пирамидою Джизы и нимродскою разница совершенно ничтожна. Онѣ почти равны. Въ археологическихъ разысканіяхъ, гдѣ каждый охотно увлекается любимыми идеями географическими, этнографическими, артистическими или философскими, довольно принято — не мѣшать предвзятыхъ теоріямъ вопросамъ, которыхъ рѣшеніе зависитъ отъ археологической метки. Никто и не считаетъ. Но если прибѣгнуть къ самому простому расчету, то каждая изъ этихъ платформъ, кажущихся такими бездѣльными, что ихъ включаютъ по четыре и по пяти въ одинъ предполагаемый городъ, какъ-будто ни въ чемъ не бывали, каждая изъ нихъ въ состояніи испугать

даже воображеніе исполненіискими количествами нужныхъ для сооруженія ея матеріаловъ, трудовъ и издержекъ; каждая можетъ задать намъ вопросъ, очень трудный къ рѣшенію — какими могущественными людьми, съ какими сверхъестественными средствами, и для какой полезной цѣли, предпринимались подобныя постройки?

Сколько нужно было кирпичу, чтобы соорудить одну такую платформу? Сосчитаемъ. Ассирійскіе кирпичи имѣютъ девять вершковъ длины и, слѣдовательно, четыре съ половиною вершка ширины. Для покрытія одной квадратной сажени требуется 50 такихъ кирпичей. Какъ толщина ихъ два вершка, то въ составъ кубической сажени войдетъ кирпичей 1,200. Нашихъ обыкновенныхъ кирпичей, которыхъ длина шесть вершковъ, ширина три, а толщина полтора вершка, идетъ на кубическую сажень 4,000. Средняя величина платформы 1,000 сажень въ квадратъ, при 7 саженяхъ вышины: она представляетъ 7,000,000 кубическихъ сажень, на которыя, слѣдовательно, нужно 8,400,000,000 ассирійскихъ кирпичей или 28,000,000,000 нашихъ обыкновенныхъ. Прибавивъ еще 500,000 кубическихъ сажень на окружную стѣну и сторожевыя башни, которыхъ по краямъ хорсабадской платформы было, какъ кажется, десять, по три съ каждой длинной стороны четвероугольника, и по двѣ съ каждой короткой, — господимъ Ботта открылъ слѣды только девяти, — общая масса кирпичей будетъ простираться, по ассирійскимъ размѣрамъ, до 9,000,000,000, а по нашимъ до 30,000,000,000. Ни фундаменты ни каменная одежда не приняты здѣсь въ расчетъ: эти двѣ статьи удваиваютъ и количество труда и издержки.

Квадратная сажень прочной трехъ-кирпичной стѣны въ нашихъ городскихъ домахъ вмѣщаетъ въ себѣ, кромѣ песку и известки, 1000 кирпичей. Домъ, съ улицы трехъ-этажный, въ десять сажень длины и шесть сажень вышины, съ дворомъ, имѣющимъ десять сажень въ квадратъ и кругомъ обстроеннымъ въ четыре этажа, принимаютъ за среднюю величину каменныхъ строеній въ главныхъ европейскихъ столицахъ. Такой домъ, за исключеніемъ оконъ, две-

рей и другихъ отверстій, выѣтъ надъ землею до 1.200 квадратныхъ сажень каменныхъ стѣнъ различной толщины, которыя требуютъ миллионъ шести-вершковыхъ кирпичей, и даютъ совершенно просторное помѣщеніе сотнѣ жителей разнаго пола и возрасту, полагая по двѣнадцати квадратныхъ сажень каменной стѣны на человѣка. О фундаментахъ мы не говоримъ, потому что не считали ихъ и въ платформахъ. Но въ этотъ широкій счетъ двѣнадцати квадратныхъ сажень каменныхъ стѣнъ надъ землею на человѣка входятъ уже и всѣ публичныя зданія города. Такимъ образомъ, мы найдемъ, что для собственнаго городского народонаселенія, за исключеніемъ предмѣстій, въ которыхъ всегда живетъ болѣе четверти общаго итога столичныхъ жителей, въ Лондонѣ употреблено надъ землею, для полтора миллиона душъ, 15.000 миллионъ шести-вершковыхъ кирпичей или другой каменной массы въ плиткахъ такого же размѣру какъ кирпича: въ Парижѣ, для семи сотъ тысячъ душъ, 7.000 миллионъ, въ Берлинѣ для двухъ сотъ пятидесяти тысячъ жителей, 2.500 миллионъ, въ Петербургѣ для трехъ сотъ пятидесяти тысячъ душъ, 3.500 миллионъ кирпичей, считая также безъ предмѣстій, въ которыхъ полагается еще до ста тысячъ жителей, въ стѣнахъ болѣею частью не каменныхъ. Все это составитъ около 30.000 миллионъ нашихъ кирпичей, равныхъ 9.000 миллионъ кирпичей ассирійскихъ. Большія каменные плиты, здѣсь на фундаментахъ зданій, тротоарахъ, набережныхъ, мостовыхъ, а тамъ на одеждѣ платформъ, окружныхъ стѣнъ и башенъ, равномерно устраняются: этотъ прибавочный строительный матеріалъ можно полагать уравновѣшивающимся съ обѣихъ сторонъ.

Что жъ выходитъ изъ этого естественнаго и, кажется, убѣдительнаго вычисленія? Да болѣе ничего какъ только то, что въ одну изъ четырехъ платформъ нинивійской стороны, если бѣ нынче пришлось ее построить, нужно было бы ввалить весь Лондонъ, Парижъ, Берлинъ, Неаполь и почти весь Петербургъ, все, что Европа можетъ представить великолѣпнѣйшаго по части городостроенія, все что создали столѣтія, поколѣпія поколѣвій, самые могучіе, самые просвѣщен-

ные и самые промышленные народы новѣйшаго міра, все чѣмъ этотъ міръ гордится, на что излилъ онъ главную дѣятельность свою, и что стоило ему безчисленныхъ трудовъ, разорительныхъ усилій и, навѣрное, половины его сложнаго трехъ-вѣковаго богатства. И что же затѣйщикъ такого предпріятія, изготовивъ, свезши, обдѣлавъ и сложивъ какъ слѣдуетъ каменный строительный матеріалъ, достаточный на пять огромнѣйшихъ столицъ, воздвигъ бы изъ него, разумѣется послѣ восьмидесяти или девяноста лѣтъ трудовъ и при содѣйствіи двухъ сотъ или трехъ сотъ тысячъ человѣкъ постоянныхъ работниковъ? Величественный городъ? Нѣтъ; только подстройку подъ будущій городъ, котораго нельзя и начинать строить, пока она не кончена, не ослѣла и не укрѣпилась. Городъ еще впереди. Все это—одно отдаленное приготовленіе къ нему. И, послѣ такой ужасной издержки времени, работы, дѣятельности, терпѣнія и денегъ двухъ или трехъ поколѣній, все еще ожидающихъ начала города, гдѣ же тутъ быть когда-нибудь величественной столицѣ, на тѣсномъ пространствѣ четырехъ квадратныхъ верствъ пирамидальной платформы? Непонятно, какъ можно, по штемпелю наружныхъ кирпичей, которыхъ надписи такъ сомнительны въ чтеніи, тотчасъ приписывать *такому-то царю* построеніе и платформы и открытыхъ на ней зданій, когда на отдѣлку одной платформы явственно не достаточно и жизни и средствъ двухъ или даже трехъ поколѣній! Это обстоятельство предстаетъ неотразимою уликою противъ общепринятой мысли, будто платформы собственно и первоначально воздвигаемы были для городовъ, и тѣ же люди, которые сооружали эти искусственные возвышенія, обзаводились на нихъ дворцами и домами. Платформы, и города на нихъ, очевидно принадлежатъ къ двумъ различнымъ и очень отдаленнымъ эпохамъ, если только на платформахъ были, и могли быть, когда-нибудь города. Вѣтхіе строили платформы для какой-то другой цѣли. Древніе, послѣ нихъ, учреждали, на этихъ готовыхъ твердыняхъ, быть-можетъ свои цитадели. Но первобытное назначеніе платформъ навѣрное было гораздо возвышеннѣе и священнѣе простое.

лютежи жить высоко на гигантскомъ и разорительномъ фундаментѣ. Присутствіе на платформахъ пирамидъ, этихъ архитектурныхъ кургановъ, уже отчасти указываетъ на это особенное назначеніе, которое впоследствии, я надѣюсь, обнаружится намъ еще яснѣе.

Каждый угадываетъ, что я намекаю на погребальное святилище. Да и почему же высокой пирамидальной платформѣ не быть *Campro santo*?

Предположеніе вовсе не такъ дерзко, какъ оно можетъ показаться сначала. Во-первыхъ, памятники такого рода создаются вѣками для вѣчности, строятся сложнымъ народонаселеніемъ и сложными деньгами столѣтій, и, въ такомъ случаѣ, продолжительность времени, нужнаго на сооруженіе платформы, эта непомѣрная проволочка, которой невозможно допустить для подстройки къ предназначанному городу, становится очень понятною, когда дѣло идетъ объ учрежденіи незыблемаго и непреступнаго некрополя, трупогорода, или того, что нынѣшніе Италіяны называютъ «Святымъ полемъ» или «Святою землею», *Campro santo* или *Terga santa*. Во-вторыхъ, сама наглая пышность подобнаго памятника нисколько не противна законамъ нашей слабой и тлѣнной натуры. Человѣкъ всегда готовъ ничего не пожалѣть въ честь и удобство своему драгоценному праху, даже и при преобладаніи духовныхъ религіозныхъ понятій, которыя научаютъ презрѣнію плоти. Каждый, кто видѣлъ, согласится со мною, что новое болонское *Campro santo*, основанное недавно бѣдными средствами нищенствующей Италіи, нынче уже великолѣпнѣе всего города Болоніи, древняго, знаменитаго и наследственно пристрастнаго къ архитектурному изыскаству. Что значитъ столичный городъ Неаполь передъ своимъ удивительнымъ «Святымъ полемъ»? Это кладбище едва-ли не величественнѣе самаго Везувія! Въ-третьихъ, и наконецъ, если платформы первоначально строились для помѣщенія на нихъ городовъ, какъ сплетни Древнихъ велятъ намъ думать и вѣрить, то позволительно спросить: какимъ же образомъ вода была проводима на платформы, въ эти воздушные города, на высоту чердаковъ нашего трехъ-этажнаго дома?

Водопроводовъ нигдѣ и слѣда не видно. Да они и невозможны въ этой сторонѣ: вся Месопотамія — равнина. Изъ Тигра или Евфрата вода не могла приходить. Никакими насосами нельзя поднять воду выше четырехъ саженъ: это извѣстно еще со временъ Торичелли. А платформы имѣютъ до семи саженъ въ вышину! Развѣ согласимся съ остроумнымъ предположеніемъ одного изъ ученѣйшихъ антикваріевъ, что спуски или взвѣзды, открытыя по угламъ хорсабадской платформы, подѣланы были нарочно для водовозовъ, доставлявшихъ воду для поливки висячихъ садовъ Семирамиды. Для поливки висячихъ садовъ — такъ: на это не нужно очень много воды. Но для дворцовъ, которые осыпались этими садами?... для гаремовъ, которые тотъ же ученый открылъ рядомъ съ дворцами? для царедворцевъ, для стражей, для обывателей?... Вѣроятно, его объясненіе взвѣздовъ на платформу не совсѣмъ серьезно. Иначе, пришлось бы предположить въ то же время, что самое изобрѣтеніе такихъ высокихъ подстроекъ подъ города было, не что иное какъ интрига водовозовъ, которые хотѣли самоуправно грабить ассирійскихъ и вавилонскихъ гражданъ и присовѣтовали царямъ Нину и Белу и царицѣ Семирамидѣ строить города, для потѣхи, какъ-можно по-выше отъ земли и воды.

Должно еще замѣтить, что одна изъ четырехъ платформъ нинивійской стороны, именно хорсабадская, лежитъ въ пятнадцати верстахъ отъ Тигра, совершенно въ безводномъ положеніи, и что пирамиды и подземные трупогорода въ Египтѣ построены почти въ такомъ разстояніи отъ Нила — всегда на возвышеніяхъ; только, возвышенія здѣсь образованы самою природою, которая освободила искусство отъ напраснаго труда.

Четыре могучіе трупогорода въ такихъ близкихъ разстояніяхъ другъ отъ друга нисколько не противны вѣроятности, если между ними или по близости долго находилась большая столица сильнаго и богатаго племени. Но четыре такія издвигательныя и мѣшкатныя педстройкі подъ города, вотъ что было бы непонятно безъ отважной гипотезы, уполномочивающей насъ почитать за доказанное, что тутъ нѣкогда, въ

одномъ мѣстѣ и въ одно время жили были четыре страшныя и страшныя народа, которые не знали на что тратить время и богатства, и бросали, *по-пустыкамъ*, сами покамѣсть безъ кола и двора, подъ свои замышляемыя столицы, кирпичу и подъ каждую камня на пять огромнѣйшихъ столицъ вселенной!

Это *по-пустыкамъ* — не мое слово. Оно принадлежитъ пророку бусурмановъ, Магомету, и сказано именно по случаю этихъ первобытныхъ людей. Мало того — четыре въ одномъ мѣстѣ большія пирамидальныя платформы, въ которыя зарыто строительнаго матеріалу на двадцать столицъ для двѣнадцати или тринадцати миллионъ жителей. Азіяецъ Страбонъ, лучший изъ греческихъ географовъ, утѣрлетъ, и мы это замѣтили, что еще въ его время, при началѣ христіанской эры, подобныхъ платформъ существовало много по Тигру и по Евфрату, и что народная молва почитала ихъ повсюду за столицы Нина и Семирамиды, за вививіи. Но вотъ еще, насчетъ многочисленности подобныхъ памятниковъ первообразованной или, если угодно, пеласгической эпохи, свидѣтельство очень уважительное, и которое, сколько помнится, никѣмъ еще не употреблено въ дѣло. По преданіямъ Аравитянъ, самымъ древнимъ и самымъ могущественнымъ племенемъ на землѣ были *Аудіе*, Адиты, что значитъ «Прошедшіе». Это — первые люди, и, разумѣется, по разсужденію Аравитянъ, «Прошедшіе» были люди отъ арабскаго рода, какъ *Данаі* «Ветхіе», были по греческимъ соображеніямъ, праотцами Грековъ. Въ одной главѣ Алкорана (XXVI, 128), Аллахъ обращается къ Адитамъ и говоритъ: «Что же! станете ли вы опять *строить чудо на всякомъ возвышеніи по-пустыкамъ?*» Эти слова показываютъ два важныя обстоятельства. Съ одной стороны видно, что еще даже въ седьмомъ вѣкѣ Азія была усыяна неуступающими платформамъ *чудесами*, которыхъ обильно настроили Прошедшіе или Ветхіе при началѣ *вселенной*, что значитъ, собственно «обитаемой», которыя породили древнюю сказку о вселенскомъ царствѣ Нина и Семирамиды. Съ другой стороны замѣчательно здѣсь то, что для строительныхъ «чудесъ» первобытной эпохи нужны были непременно *возвышенія*, какъ

для египетскихъ пирамидъ. Слѣдовательно, всѣ эти «чудеса», которыхъ остатки такъ долго видѣлись повсюду и, мѣстами, сохраняются донынѣ, имѣли одинаковый съ пирамидами погребальный характеръ. И слѣдовательно тамъ, гдѣ природныхъ возвышеній не находилось, какъ напримѣръ на большой месопотамской равнинѣ, Ветхіе по своимъ религиознымъ повятіямъ, о жизни за гробомъ, необходимо должны были съ великимъ трудомъ и страшными издержками воздвигать искусственныя *возвышенія*, или платформы, для помѣщенія на нихъ пирамидъ, кургановъ и тому подобныхъ погребальныхъ зданій. Это заключеніе кажется совершенно логическимъ.

Взойдемъ на платформы. Посмотримъ такъ-называемыя *дворцы*.

Эти зданія имѣютъ форму совершенно правильныхъ четырехугольниковъ и расположены всегда, по-крайней-мѣрѣ сколько донынѣ обнаружено раскапываніемъ, въ такомъ порядкѣ, что совокупностью своею они образуютъ *дворы*, которыхъ бываетъ даже по нѣскольку сряду: такъ, на хорсабадской платформѣ, значительно расчищенной французскимъ консуломъ, господиномъ Боттою, найдено до пяти *дворовъ*, обстроенныхъ зданіями различной величины и сообщающихся между собою. Это совершенно согласно съ условіями жилыхъ строеній и тотчасъ подало мысль признать одни зданія главными дворцами или резиденціями ассирійскихъ царей, другія теремами или гаремами, прочія службами, караульнями, молельнями, и такъ далѣе. Нельзя было не вспомнить, что цари древней Персіи, по еврейскимъ описаніямъ, собирали и угощали вельможъ своихъ на дворцовыхъ *дворахъ*, которые, для такихъ случаевъ, были убираемы дорогими тканями и покрываемы сверху порфирами. Даже и самое названіе царскихъ резиденцій, *дворъ*, происходитъ въ большей части языковъ отъ этого древняго обычая угощеній на *дворъ*. Съ незапамятныхъ временъ, какъ это извѣстно и черезъ греческую литературу, *стоять передъ дверью*, *стоять у порога* или *стоять на дворъ* означало у восточныхъ — служить царю, состоять при царской

особѣ. Въ надписяхъ Даріевъ и Артаксерксавъ, царскій дворъ нередко именуется «порогомъ», *останѣ*, словомъ доселѣ употребляемымъ Персіянами и Турками въ томъ же смыслѣ. *Altissima porta, la Sublime porte*, «Высокая дверь» или, какъ принято у насъ переводить «Высокая порта», есть всѣмъ извѣстный officialный титулъ оттоманскаго двора и не что иное, какъ буквальное передоженіе восточнаго выраженія *дери алиѣ* (*дери*, дверь, дворъ; *алиѣ*, высокій). Въ западныхъ языкахъ, слова *curia, corte, cour, Hof*, и тому подобныя, соединяютъ въ себѣ также постоянно понятіи о дворѣ передъ дверью и о царскомъ мѣстѣпробываніи; и употребительная до пошлости фраза *faire la cour* — собственно нечто иное, какъ обновленіе старинной восточной — *стоять передъ дверью* или *стоять на дворѣ*, въ смыслѣ *прислуживать владыкѣ*. Это повсемѣстное сліяніе идей *двери, порога, двора*, съ идеями царскаго жилища и царской службы состоитъ въ весьма тѣсной связи съ любопытнымъ архитектурнымъ фактомъ, котораго уразумѣніе необходимо въ настоящемъ случаѣ. Двери огромныхъ размѣровъ и особенной пышности — коренное условіе царскихъ чертоговъ въ памятникахъ древнѣйшаго зодчества. Важность дверей, не какъ простаго входу въ зданія, а какъ символа власти, была такъ велика, что, для большей ясности дѣла, кромѣ настоящихъ входныхъ дверей, строили еще передъ ними, на дворцовомъ дворѣ, отдѣльныя двери, въ видѣ колоссальныхъ воротъ, съ очень высокимъ порогомъ. И дѣйствительно, въ зданіяхъ, разрытыхъ на платформахъ нинивійской стороны, не только входныя и комнатныя двери отличаются необычайными размѣрами и украшеніями, но и на дворахъ найдены слѣды отдѣльныхъ дверей, эмблематическихъ воротъ верховной власти. Послѣ того, кажется, не можетъ и быть сомнѣнія, что это — подлинныя дворцы. Но надо замѣтить, что египетскіе цари воздвигали такія же отдѣльныя двери, исполнинской величины, не только передъ настоящими дверями своихъ личныхъ резиденцій, но и передъ дверями сооружаемыхъ ими храмовъ, какъ признаніе царственности боговъ или, просто, въ видѣ государственнаго герба, какъ знакъ царскаго сооруженія.

Слѣдственно, двери особеннаго архитектурнаго характера — еще не такое неопровержимое доказательство царскаго мѣста пребыванія, какимъ позволительно ихъ представлять. Они могутъ означать только священные мѣста, или царскія постройки съ особеннымъ назначеніемъ.

Замѣчательнѣе гораздо, по мнѣнію моему, то, что фасады всѣхъ главнѣйшихъ зданій, открытыхъ на платформахъ и называемыхъ дворцами, подведены, какъ и самыя платформы, подъ кардинальныя стороны горизонта, подобно египетскимъ пирамидамъ, которыя — положительно гробницы, потому что заключаютъ въ себѣ саркофаги — каменные гробы — и, даже, болѣе ничего не заключаютъ. Соображеніе погребальнаго памятника съ горизонтомъ понятно: кругъ горизонта, въ символическомъ олицетвореніи Гермесь, или Меркурій, раздѣляя эфиръ въ свѣтломъ видѣ отъ эфиру въ темномъ его состояніи, царство свѣту отъ царства тьмы, куда Меркурій (горизонтъ, Горизонтъ Душеводъ) низводилъ самъ лично души усопшихъ. Слѣдовательно, это — чисто погребальная идея. Напротивъ, далеко не такъ ясна, при постройкѣ жилого дому, эта необходимость въ печальномъ напоминаніи о переходѣ послѣ смерти въ обитель мраку. Кажется, что изъ учтивости къ хозяину, древняя архитектура могла бы на новоселіе прискаты, въ числѣ символовъ, что-нибудь повеселѣе этой зловѣщей примѣты.

Внутренность зданій, на платформахъ, состоитъ изъ залъ и комнатъ, различной величины, совершенно прямолинейныхъ, но, вообще, очень узкихъ въ сравненіи съ ихъ длиною. Одна изъ нимродскихъ залъ, напримѣръ, имѣетъ двадцать двѣ сажени длины, а ширины — только тридцать три фута, не сполна пять сажень. Это — длина огромной залы Дворянскаго Собранія въ Петербургѣ, взятой вмѣстѣ съ галереей за колоннадою; между колоннами, длина ея восемнадцать сажень, а ширина почти одинацать, кромѣ четырехъ сажень, остающихся по сторонамъ, за колоннами. Другія большія залы, на коюнджукской и на хорсабадской платформахъ, представляютъ сажень по шестнадцати и по осемнадцати, при почти четырехъ-саженной ширинѣ. Слѣдствие

этой несообразности размѣровъ, всѣ залы и комнаты похожи болѣе на корридоры чѣмъ на покои. Нерѣдко въ узкой поперечной стѣнѣ, которой все протяженіе аршинъ двѣнадцать или четырнадцать, огромная дверь одна занимаетъ семь и даже, какъ въ нимродской залѣ, *осемь аршинъ* мѣста, такъ, что по сторонамъ остается до угловъ не болѣе чѣмъ по два, по три аршина. При такой ширинѣ дверей, если сообразить, что стѣны не имѣли сполна и двухъ сажень вышины, и взять необычайную толщину ихъ, слишкомъ *восемь аршинъ*, или почти три сажени, въ капитальныхъ, и не менѣе сажени въ самыхъ тонкихъ, то подобная система стѣностроенія едва-ли можетъ быть оправдана потребностями или удобствами жилаго зданія. Нѣкоторымъ угодно думать, будто нетвердостью кирпичу, сушенаго безъ огня, на солнцѣ, можно объяснить эту преувеличенную толщину, которая часто цѣлою третью превосходитъ высоту. Но въ Египтѣ донинѣ строятъ высокіе жилые дома изъ такого же матеріалу; толщина стѣнъ тамъ очень умѣренна, и строенія, при подлежащей поддержкѣ, сохраняются долго и прочно, несмотря на страшную пяти-мѣсячную сырость въ періодическія эпохи разливу Нила. Кажется, что строители нинивійской стороны были движимы другими уваженіями, стремясь къ вѣковой неразрушимости этихъ памятниковъ. Она могла требовать только отъ погребальныхъ зданій, вслѣдствіе особенныхъ релігіозныхъ попятій.

Слѣды выжженныхъ пожаромъ балокъ на высотѣ двухъ сажень доказываютъ, что потолокъ, служившій вмѣстѣ плоскою крышею строенію, находился въ этомъ разстояніи отъ полу. Подъ балками нѣтъ никакихъ пиластровъ, или построекъ, между когорыми оставались бы промежутки, или въ которыхъ могли бы быть подѣланы отверстія, для свободного теченія воздуха въ верхней части комнатъ. Оконъ, какъ сказано, нигдѣ не оказывается. Предположенія о возможности отверстій въ потолкахъ *для воздуха и свѣту*, совершенно несбыточны при плоскомъ устройствѣ крышъ: эти зданія положительно лишены были и свѣту и воздуху.

Каменная одежда стѣнъ, наружная и внутренняя, со-

стояла изъ длинныхъ и узкихъ, приложенныхъ стоймя, плить, или досокъ мраморовиднаго гипсу, вышиною въ четыре съ половиною аршина и толщиною въ полъ-аршина, при весьма различной ширинѣ. Плиты эти покрывали собою стѣну отнизу до узенькаго корниза, который заключался въ простомъ валикѣ съ выемнымъ выступомъ надъ нимъ, въ родѣ египетскаго корниза. Надъ корнизомъ, подъ самымъ потолкомъ, какъ видно изъ найденныхъ господиномъ Боттою обломковъ, шелъ еще плоскій фризь, ширною почти въ аршинъ, изъ обливаппаго разноцвѣтною глазурью кирпичу съ узорами и фигурами. Плиты, обыкновенно, покрыты барельефною рѣзбою, изображающею *военные подвиги* или *домашнія занятія* какого-нибудь царя. Иногда фигуры этой любопытной рѣзбы колоссальны, во всю высоту плить, отнизу до карниза; но, бѣльшую частью, въ половинѣ плить идетъ кругомъ комнаты, между двумя плоскими выступными линіями, узкая лента надписи гвоздеобразными литерами, и тогда скульптурныя картины, нѣкогда расписанныя яркими красками, расположены двумя полосами, подъ надписью и надъ нею, съ фигурами въ половину натуральнаго роста.

Въ нѣкоторыхъ зданіяхъ стѣны снаружи были обложены твердымъ базальтовымъ камнемъ. Ни колоннъ ни пиластровъ нигдѣ не открыто ни малѣйшаго признака. Полъ — удивительное дѣло! — былъ настланъ, просто, изъ нежженаго кирпичу, между-тѣмъ какъ дворы мостились жженымъ кирпичомъ въ два ряда и, даже, каменными плитами! Въ томъ, что на полахъ этихъ чертоговъ не было каменныхъ плитъ, или, другими словами, что они были вовсе безъ половъ, удостовѣряетъ то важное обстоятельство, что, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ верхній слой нежженаго кирпичу вдѣланы вровень съ поверхностью платформы отдѣльныя каменныя плиты, съ надписями, или совсѣмъ гладкія, для какой-то особенной цѣли. Пылкое воображеніе тѣхъ, которые видятъ въ этихъ памятникахъ приемныя залы, гостиныя, спальни, кабинеты и терема славныхъ царей ассирійскихъ, тотчасъ устлало эти полы великолѣпными ковра-

ин. Месопотамія всегда славилась этого рода издѣліями, и примѣчательно, что съ глубочайшей древности и донынѣ узоръ ихъ все остается тотъ же: при Ксерксахъ, какъ и при покойномъ султанѣ Махмудѣ, они отличались извѣстнымъ всякому узоромъ персидскихъ ковровъ и кашмирскихъ шалей, такъ называемыми *пальмами*. Но все же это не освобождаетъ жителя строенія отъ необходимости въ твердомъ полу подъ ковромъ или цыновкою, по-крайней-мѣрѣ въ досчатомъ, если не въ каменномъ. Въ нежженомъ кирпичѣ очень скоро были бы протоптаны ногами глубокія ямы. Ясно, что по этимъ чертогамъ не ходили, что они были всегда заперты и не предназначались для жилья.

Таковъ общій видъ этихъ загадочныхъ зданій. Нѣтъ сомнѣнія, что очень удивительна и до чрезвычайности странна эта прямолинейная архитектура, безъ колоннъ, безъ пиластровъ, безъ всякихъ зодческихъ украшеній, кромѣ легкаго карнизнаго валика, безъ оконъ и безъ половъ, съ длинными и узкими покоями, съ широкими дверями, съ низкими массивными стѣнами, съ разноцвѣтными фризами, съ рѣзными и расписными картинами, которыхъ, за совершеннымъ отсутствіемъ дневнаго свѣту, даже и нельзя было видѣть. Вспомните, что искусственному освѣщенію ихъ препятствовали прегражденіе доступу наружному воздуху и самая яркость красокъ, такъ легко уничтожаемая копотью отъ лампадъ и ночниковъ. Следовательно, вся эта пышность была брошена въ вѣчный мракъ! Но все въ этой архитектурѣ такъ вѣрно и живо напоминаетъ форму, расположеніе и убранство высѣченныхъ въ горной скалѣ *погребальныхъ дворцовъ* египетскихъ царей Верхняго Египта, что тѣ только, которые не видали дивныхъ подземелій *Бибанъ-эль-мулюкъ*, не поражаются сходствомъ разрытыхъ ассирійскихъ памятниковъ съ ними. *Дворцами*, какъ кажется, и назывались нѣкогда эти много-комнатныя гробницы; потому что сохраняющееся по преданію нынѣшнее арабское названіе мѣста, *Бибанъ-эль-мулюкъ*, значить дѣйствительно «дворцы царей», хотя такого рода чертоги, совершенно скрытые въ нѣдрахъ скалы, имѣли входы заваленныя каменьями, снаружи никому не подають мысли о

существованіи дворцовъ въ этой части ливійскаго горнаго кряжа. Только это — дворцы для «жизни за гробомъ», а не для житейскихъ наслажденій, и разница между египетскими погребальными зданіями нинивійскихъ платформъ собственно только та, что здѣсь мы видимъ «погребальные дворцы» въ землѣ, на природной горной высотѣ, а тамъ точно такіе же «погребальные дворцы» надъ землею, на искусственныхъ возвышеніяхъ платформъ, за отсутствіемъ горъ поблизости городовъ, лежавшихъ при Тигрѣ.

Въ такомъ случаѣ знаменитое открытіе господъ Леярда и Вотты, которымъ полнится земля, принадлежало бы, просто, къ разряду тѣхъ открытій, довольно обыкновенныхъ въ наше время, которымъ мы обязаны недавнимъ знакомствомъ съ гробницами египетскихъ царей и съ гробницами Этрусканцевъ. Этими не уменьшается важность ученаго подвига и удивительность добытыхъ изъ забвенія остатковъ былаго міра. Напротивъ, только основанія великаго энтузіазма нашего по случаю событія оказываются въ нѣкоторой степени ложными. Мы по-напрасну возмечтали, будто уже видимъ передъ собою древнюю Нинивію, ходимъ по комнатамъ царей ея и можемъ опредѣлить образъ ихъ жизни. Мы разрыли только ихъ гробницы, — все, что могло уцѣлѣть здѣсь отъ нинивійской эпохи, — и что отъ тѣхъ же временъ уцѣлѣло и въ другихъ мѣстахъ — одни могилы, одни погребальные памятники.

Касательно колоннъ я позволю себѣ одно сближеніе. Мы знаемъ изъ еврейскихъ свидѣтельствъ съ одной стороны, а съ другой изъ Страбона, что архитектура халдейскихъ народовъ была богата колоннами. Какъ же здѣсь ихъ нѣтъ? Это слѣдовало бы объяснить. Кромѣ письменныхъ свидѣтельствъ древности есть еще осязательное показаніе памятниковъ: остатки зодчества древнихъ Персовъ, которые всѣ свою образованность заимствовали у халдейскихъ народовъ, именно у Ассирійцевъ, и имъ одолжены были своей письменностью, своей умозрительной мудростью, своими искусствами, отли-

чаются особеннымъ обиліемъ колоннъ. Нынче даже доказано, что іоническій и дорическій стили вышли отсюда. Что же значить это отсутствіе колоннъ въ низкихъ и массивныхъ зданіяхъ, открытыхъ на платформахъ? Но любопытно, что и архитектура Египтянъ была также многоколонная. Фивы завалены колоннами всѣхъ возможныхъ видовъ. А между тѣмъ въ погребальныхъ дворцахъ египетскихъ царей, въ тамошнихъ подземельяхъ, тоже нѣтъ ни колоннъ, ни пиластрозъ, и вообще никакихъ архитектурныхъ украшеній, кромѣ простаго корниза, состоящаго изъ *тора*, или валика, съ выемнымъ выступомъ, какъ и въ зданіяхъ платформъ нинивійской стороны. Видно, погребальная архитектура слѣдовала особеннымъ законамъ, опредѣляемымъ религіей. Но видно также, изъ этого, что зданія платформъ не были жилые дома; что они—могилы, въ которыхъ, по обычаю Египтянъ и Этрусковъ, для усопшаго отдѣлывали вѣчную квартиру, состоящую изъ большаго или меньшаго числа комнатъ, смотря по сану и богатству, гдѣ хоронили его, быть-можетъ какъ въ Этруріи, въ сидячемъ положеніи, въ креслахъ, въ воинскихъ доспѣхахъ, съ золотымъ уборомъ на головѣ и на груди, вмѣстѣ съ любимыми имъ при жизни вещами и среди писанныхъ или рѣзныхъ по всѣмъ стѣнамъ изображеній, представляющихъ его подвиги, мірскіе и духовные, его добродѣтели, его занятія, потѣхи, могущество, богатство, и такъ далѣе.

Скульптурные сюжеты зданій на платформахъ на всякомъ шагу подтверждаютъ это заключеніе. Какъ всѣ эти такъ-называемые, «дворцы» въ Немрудѣ, Коюнджукъ и Хорсабадѣ, принадлежать къ одному и тому же роду и стилю, то достаточно описать одинъ изъ нихъ, чтобы дать совершенно удовлетворительное понятіе о всѣхъ. Мы возьмемъ коюнджукскій «дворецъ», менѣе великолѣпный немрудскаго, но гораздо лучше сохранившійся.

Но, чтобы не долго разъяскивать смыслъ скульптурныхъ изображеній и напрасно не сомнѣваться, взглянемъ прежде всего на одно незначительное, но самое новое, открытіе въ нинивійской сторонѣ. Оно сдѣлано уже послѣ господъ Лепр-

да и Ботты, в только въ нынѣшнемъ году обнаружено. Господню Россу, который продолжаетъ раскапыванія въ окрестностяхъ Мусула на иждивеніи Британскаго Музеума, удалось найти и вскрыть возлѣ коюнджукской платформы подлинную и несомнѣнную могилу какого-то значительнаго Ассирійца — низкій и тѣсный кирпичный склепъ въ землѣ, съ человѣческимъ остовомъ и разными вещами. Только одинъ барельефъ украшаетъ эту скромную вѣчную обитель: *человѣческая фигура, съ крыльями, въ возлетающемъ видѣ, обвѣдкая правильно-круглымъ кольцомъ*. О смыслѣ этой эмблемы ни малѣйшаго спору быть не можетъ: значеніе ея мы знаемъ въ совершенствѣ изъ безчисленныхъ примѣровъ египетской идеографіи. Это — *душа*, воспаряющая въ *пространство* для слиянія своей *эфирной* сущности съ *землемъ* міра, вездѣ находящемся въ природѣ, въ которой она должна блаженствовать его *блаженствомъ*. Крыльями древняя символика всегда и повсюду выражала *эвѣръ*, его летучее свойство и, въ то же время, *эфирную* или божественную сущность. Крылья эти считались именно *орлиными* или *ястребиными* крыльями, двухъ птицъ, летящихъ за облака, выше воздуху, уже въ чистомъ *эвѣрѣ*, и принятыхъ по этому, одна у Грековъ и Римлянъ, а другая у Египтянъ, въ эмблемы *эвиру*, какъ жизни. *Кольцо* или *кругъ* означало *міръ*, *всемирное пространство*, и, какъ извѣстно изъ ученія пифагорейцевъ, вмѣстѣ также совершенство и блаженство. Въ египетскихъ скульптурахъ находимъ мы самое ясное и самое замысловатое изображеніе міра, по пантеистической теоріи многобожія, которое представляло себѣ *міръ эвѣромъ*, создавшимъ все изъ себя и все обратно въ себя разрѣшающимъ, вмѣстѣ началомъ и концомъ всего, вмѣстѣ веществомъ и божествомъ: это — извѣстная эмблема святилища, надъ всѣми воротами и дверями храмовъ, *голубой шаръ съ двумя распростертыми крыльями*; иногда вмѣсто шара простое кольцо съ голубымъ полемъ и крыльями, или, какъ у Римлянъ, орелъ держащій въ когтяхъ кольцо; иногда шаръ съ крыльями (*міръ-эвѣръ*), заключенный въ кольцо, то есть, въ кругъ, для означенія совершенства,

безпредѣльности и блаженствующаго состоянія ээиру; и почти всегда, на обѣихъ сторонахъ крылатаго шара или кольца, два царскіе глыба, символъ мудрости, жизни и бессмертія. Въ гробницахъ египетскихъ, съ крылатымъ шаромъ или кольцомъ соединяется постоянно крылатая фигура — душа ээирнаго свойства, вышедшая изъ всемірнаго ээиру и обратно сливающаяся съ ээиромъ, всеобщимъ божествомъ. Надписи тутъ же удостовѣряютъ, что это подлинно — душа умернанаго. Эта самая эмблема безпрестанно повторяется и въ скульптурахъ ассирійскихъ зданій. Послеъ этого можетъ ли еще оставаться сомнѣніе касательно ихъ назначенія?

Первая комната коюнджукскаго «дворца», означенная на планѣ господина Деярда литерою А, довольно обширная, приныкала къ главному входу, который совершенно уничтоженъ. Фасадъ, наружная дверь и ея принадлежности остаются поэтому неизвѣстными; но ихъ легко можно возстановить воображеніемъ по другимъ зданіямъ, въ которыхъ главные входы сохранились. Самую замѣчательною принадлежностью были здѣсь, навѣрное, два колоссальные крылатые соникса, и ужъ конечно, не каменные, а бронзовые, потому что и слѣда ихъ не осталось. Каменная одежда стѣны этой комнаты, и другихъ комнатъ, состоящая изъ гипсовыхъ плитъ вышиною почти въ четыре съ половиною аршина и шириной въ три аршина шесть вершковъ, отличается тѣмъ отъ одежды зданій немрудскихъ и хорсабаокскихъ, что рѣзба здѣсь не раздѣлена на двѣ полосы барельефовъ лентою гвездеобразной надписи, а покрываетъ всю высоту плитъ своими колоссальными фигурами. Рисунокъ не шѣ красивъ тѣмъ въ Немрудѣ, но отѣлика тщательнѣе и чище. Надписей вообще здѣсь очень мало. Къ сожалѣнію, верхняя часть стѣны въ комнатѣ А совсѣмъ разрушена: уцѣлѣла только нижняя, очень поврежденная огнемъ, на которой можно однако жъ различить въ одномъ мѣстѣ длинный рядъ воиновъ и военнопленныхъ, слѣдующихъ страну, покрытой горами и лѣсомъ, а въ другомъ жертвенный треножникъ, священныя орудія, храмовыя вазы. Замѣчательно, что горы, точно какъ въ египетскихъ ба-

рельефахъ, изображены тѣмъ же условнымъ родомъ стѣнъ, который представляютъ намъ еще и нынче китайскія картины.

Слѣдующая комната, В, была главною залою зданія : совершенно — расположеніе еивскихъ подземелій въ Бибанъ-адъ-мулюкъ. Одинъ конецъ ея разрушенъ до основанія. Длнна имѣла она не менѣе двадцати-трехъ сажень, а ширины только вѣтъ сажень и два аршина. Барельефы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, расположены четверугольниками въ видѣ картинъ. Въ одномъ изъ нихъ изображено взятіе города приступомъ, который побѣдители зажигаютъ со всѣхъ концовъ : дома въ городѣ высокіе, четырехъ и пяти-этажные, какіе, по показанію Геродота, и были въ Месопотаміи; пламя выходитъ во всѣ окна и двери. Кажется, что у здѣшнихъ полководцевъ было принято правиломъ — взявъ городъ, сжечь его, потому что изображенія приступовъ постоянно украшены пожаромъ какъ здѣсь, такъ и въ Немрудѣ и Хорсабадѣ. Не удивительно, послѣ этого, что зданія на всѣхъ платформахъ нинивійской стороны разрушены, одинаково, огнемъ. Но еще болѣе достойно замѣчанія то, что, по неопровержимому показанію барельефа, въ частныхъ жилыхъ строеніяхъ этой стороны были окна и *этажи*; въ царскихъ живыхъ дворцахъ и по давню слѣдовало бѣ бытъ и тому и другому, даже въ немаломъ количествѣ. Такъ почему же въ этихъ дворцахъ, если они — *дворцы* и резиденціи, нѣтъ ни оконъ ни этажей, какъ и въ египетскихъ погребальныхъ подземеліяхъ? по какому особенному уваженію ассирійскіе цари однимъ себѣ предоставляли преимущество жить впотьмахъ и безъ воздуха, тогда какъ всѣ ихъ подданные и еосѣдники имѣли возможность освѣщать дневнымъ свѣтомъ и провѣтривать свои комнаты? Нѣтъ, мы не отирыли ни Нинивіи, ни Эласора. Это — кладбища, а не города.

Въ другой картинѣ, подѣ предъидушею, или въ другомъ четверо-угольникѣ маршируютъ войска : каждый рядъ воиновъ, или корпусъ, отличается особенною формою щитовъ и оружія. Возлѣ воиновъ идутъ служители съ награбленною въ покоренномъ городѣ добычею, несутъ до-

машинною утварь и колесницы, ведутъ лошадей. Взятый и зажженный городъ выстроенъ на возвышенности. Восторонъ видны виноградныя лозы съ кистями. Вверху была надпись, что пожаръ зданія едва оставилъ слѣдъ ея.

Одно, очень поврежденное, отдѣленіе стѣны представляло также взятіе города, который, вѣроятно, находился на вершинѣ горы, потому что въ уцѣлѣвшей части барельефа женщины въ разнообразныхъ положеніяхъ съ большимъ трудомъ карабкаются на гору, упираясь въ скалу копыями и штылями, тогда какъ другіе сходятъ уже съ горы съ добытыми у врага плѣнниками и отрѣзанными головами. Рядомъ ведутъ толпу плѣнниковъ въ крѣпость. Далѣе, внутренній видъ крѣпости, съ окружною стѣною, съ угловыми башнями, нарисованный по-китайски, огромнымъ плоскимъ планомъ. За крѣпостью стоятъ военноплѣнные, скованные цѣпями. Внутри твердыни царь сидитъ на престолѣ — а кто онъ таковъ, то сказано гвоздями въ надписи надъ головою — онъ принимаетъ поклонъ отъ своего визиря и отъ царедворцевъ; за царемъ стоятъ два евнуха, одинъ съ вѣеромъ, а другой съ опахаломъ для удаленія мухъ; вокругъ расположены шатки и дома, которыхъ внутренность видна зрителю. Въ этой чрезвычайно любопытной части барельефа домашнія занятія, орудія и утварь людей такого отдаленнаго времени, столы, стулья, диваны, кровати, кувшины для охлаждения воды, все, достойно изученія.

Въ противоположномъ концѣ залы барельефъ представляетъ взятіе приморскаго укрѣпленнаго города. Морская вода изображена зигзагами, какъ у Египтянъ, и, для бѣльшей отчетливости представленія, рыбы высовываютъ головы изъ волнъ. Берегъ занятъ кораблями и гребными судами. Корабли снабжены мачтами и парусами и вытаскиваютъ по двѣ палубы: съ нижней палубы выходятъ наружу ряды весель, приводимыхъ въ дѣйствіе скрытыми тамъ гребцами. Народъ и воины спасаются изъ города на корабляхъ и гребныя суда съ имѣніемъ и оружіемъ. Одежда ихъ чужестранная, не похожая на ту, которую носятъ жители крѣпости, гдѣ сидитъ царь на престолѣ. У женщинъ на головѣ —

родъ высокаго острокошечнаго кокошника, на подобіе тѣхъ странныхъ уборовъ, которые употребляются въ ливанскихъ горахъ около Бейрута и Сайды, древнихъ Берита и Сидона. На городскихъ воротахъ, построенныхъ на краю воды, стоитъ мужчина и подаетъ ребенъка женщиѣ, которая протягиваетъ къ нему руки съ корабля. По всѣмъ признакамъ, приморскій городъ этотъ принадлежалъ Финикійцамъ; и если бы можно было доказать достовѣрнымъ разборомъ надписей, что царь, котораго мы видѣли въ крѣпости, былъ одинъ изъ царей Нинивіи, извѣстной Евреямъ, то изображенная здѣсь сцена объяснилась бы событіями осьмага вѣка до Рождества Христова. По несчастью, всѣ надписи почти истерты. Да когда бы намъ и удалось прочесть удовлетворительно ассирійскіе переводы старо-персидскихъ надписей эпохи Даріевъ и Артаксерксовъ, этотъ успѣхъ еще не былъ бы достаточнымъ ручательствомъ въ вѣрности чтенія собственныхъ именъ и словъ, уцѣлѣвшихъ на платформахъ. Эпоха древнѣе, языкъ могъ быть другой, а системы составленія буквъ изъ гвоздей, или стрѣлокъ, такъ перемѣнчивы, такъ много зависятъ отъ различій въ вѣкахъ и народахъ, что въ послѣднемъ результатѣ всегда получилось бы неотразимое сомнѣніе. Мы найдемъ скоро другое, менѣе затѣйливое и болѣе вѣрное средство опредѣлять эпоху.

Изъ главной залы есть два выхода въ смежныя комнаты, одинъ — огромная дверь въ томъ концѣ, гдѣ находится изображеніе приморскаго города, ведущая въ маленькую комнату, другой — маленькая дверь, только въ одну сажень ширины, въ боковой стѣнѣ, для переходу въ большую комнату, которой всѣ четыре стѣны уцѣлѣли, съ одеждою и барельефами, безъ значительныхъ поврежденій. Въ этой комнатѣ господинъ Леярдъ снялъ самые примѣчательные рисунки своего атласа. Прочія комнаты находятся въ болѣе или менѣе полномъ разрушеніи. Сюжеты скульптурныхъ картинъ во всѣхъ этихъ комнатахъ — совершенно тѣ же, какъ и въ залахъ нимродской платформы, вскрытыхъ также господиномъ Леярдомъ, и въ «дворцѣ» хорсабадской платформы, расчищенномъ господиномъ Боттою. Достаточно указать на

содержаніе ихъ общими словами. Все это — или военные сцены, въ которыхъ берутъ крѣпости, взлѣзаютъ на горы, жгутъ и грабятъ дома, рѣжутъ жителей, вяжутъ и ведутъ плѣнниковъ, уносятъ добычу, отгоняютъ скотъ; царь ѣдетъ на колесницѣ и стрѣляетъ изъ лука — стрѣлы его, какъ и въ египетскихъ барельефахъ, пронзаютъ цѣлые ряды враговъ — къ нему сносятъ головы, отрубленные у убитыхъ враговъ — онъ раздаетъ награды или смотритъ на длинныя ряды марширующихъ воиновъ различнаго оружія, — или охотничьи представленія: царь преслѣдуетъ дикаго быка или льва — царь борется со львомъ, побѣждаетъ его и душитъ на своей груди — левъ борется съ быкомъ и увичтожаетъ быка — быки или львы являются длинными рядами, подобно тому какъ явились ряды воиновъ въ военныхъ картинахъ; — или наконецъ религіозные образы: крылатая фигура въ кругу — царь между двумя крылатыми фигурами — царь съ патью символами вокругъ головы, поклоняющійся мистическому дереву рая, въ сопровожденіи одной или двухъ крылатыхъ фигуръ, эмблемъ эфирной души его и двойственности свойствъ эйру, и тому подобное. Очень замѣчательны, по этой части, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ, особенно на порогахъ дверей, изображенія лотосоваго цвѣтка, капитальнаго символа метемпсихозистовъ, древнихъ и нынѣшнихъ. Ученіе о переселеніяхъ душъ изъ однихъ тѣлъ въ другія было, следовательно, господствующимъ въ этой сторонѣ, лежавшей на половинѣ пути между Египтомъ и Индіей, и отсюда, видно, пошло оно далѣе, за Индусъ, куда вскорѣ древніе Персы занесли вмѣстѣ съ своимъ оружіемъ и свой старо-персидскій языкъ, извѣстный нынче подъ названіемъ санскритскаго. Но этого мало: лотосовый цвѣтокъ, эмблема перехода души изъ тѣла въ тѣло, брошенная на порогъ при переходѣ изъ одной комнаты въ другую; ясно доказываетъ, что комнаты имѣли каждая свое мистическое значеніе, положительно погребальное. Если бы число комнатъ въ этихъ разрушенныхъ зданіяхъ не было иногда сомнительно, то не трудно было бы даже показать, съ планами господъ Деярда и Ботты въ рукѣ, что и самыя числа

принять соотвѣтствуютъ истыческимъ членамъ ученія о переселеніяхъ душъ послѣ смерти.

Я не говорилъ доселѣ, вѣ съ умысломъ, о самомъ знаменитомъ и, дѣйствительно, самомъ примѣчателномъ предметѣ или украшеніи этихъ комнатъ, ддятого чтобы кончить разборъ его разсужденіе о вѣроятномъ назначеніи платформъ и находящихся на нихъ зданій. Передъ дверями изъ главной залы въ маленькую комнату и передъ дверями изъ той же залы въ большую комнату, въ Коюнджукѣ, стоятъ попарно огромныя сфинксы, которые точно такъ же сторожатъ здѣсь входы въ комнаты, какъ колоссальный сфинскъ въ Джизѣ сторожитъ входъ въ египетскія пирамиды. Во всѣхъ донынѣ вскрытыхъ зданіяхъ на платформахъ находятся сфинксы у дверей важнѣйшихъ по смыслу своему комнатъ, и если прибавить, что на немрудской платформѣ рядомъ съ комнатами, расчищенными господиномъ Деярдомъ, находится и пирамида, то я рѣшительно не вижу, какую важную разницу въ наружномъ или внутреннемъ видѣ можно показать между этими ассирійскими кладбищами и египетскимъ кладбищемъ въ Джизѣ, гдѣ возлѣ пирамидъ и знаменитаго сфинкса Абу-гоуля вся каменная почва мѣста изрыта погребальными комнатами точно такой же архитектуры. Что тамъ комнаты подъ землею, а здѣсь надъ землею, это не страшный доводъ: геологическое строеніе края объясняетъ причину такого отлѣика. Все же, и здѣсь и тамъ, пирамиды, сфинксы и комнаты, подземныя и надземныя, равно находятся на возвышеніяхъ; а для трупогорода это — главное.

Сфинскъ составлялъ, для древней непосвященной толпы, образецъ высочайшей и мудрѣйшей загадки. Самыя завѣтныя таинства въры эристовъ-многобожниковъ сливались въ этомъ странномъ спаяніи двухъ тѣлъ, человѣка и четвероногого. Въ сфинксахъ, какъ извѣстно, человѣческая голова и грудь соединяются съ туловищемъ льва, барана или, все-равно, быка, съ крыльями или безъ крыльевъ, что собственно зависитъ отъ матеріалу, отъ искусства и отъ воли. Какъ бытъ, такъ и баранъ, равно были посвящены Юпитеру, олицетворяя всемірнаго ээпру, какъ источника жизни, какъ Живо-

бога, и прибавленіе крыльевъ, идеографическаго знака зорности, составляло въ этомъ случаѣ одну только роскошь символистки. Въ зданіяхъ платформъ сфинскы состоятъ изъ человѣческой головы, по грудь, а иногда и далѣе, съ колпакомъ и богатою бородою, и изъ бычачьяго туловища съ крыльями. Найдены также и сфинскы состоящіе изъ человѣка и льва, даже составныя группы этихъ чудовищъ, сфинксъ-быкъ и сфинксъ-левъ, поставленные задомъ другъ къ другу для показанія ихъ противоположности. Но самыя великолѣпныя монументы платформъ—сфинскы-быки, крылатые. Тѣ, которые сторожатъ входъ изъ главной коюнджукской комнаты въ большую комнагу, изсѣчены изъ цѣльныхъ массъ камня, имѣвшихъ по семи аршинъ во всѣхъ направленіяхъ. Одинъ изъ такихъ сфинсковъ, взятыхъ господиномъ Боттою изъ хорсабадскихъ зданій, перевезенъ въ Парижъ и находится въ Луврѣ.

Не обладая заповѣдною мудростью древнихъ первожрецовъ, которые одни понимали сфинска въ совершенствѣ, мы однако жъ знаемъ теперь съ достовѣрностью, изъ болѣе точнаго сближенія безчисленныхъ памятниковъ искусства и лучше понятыхъ указаній литературы, что быкъ, или, по другимъ языческимъ толкамъ, баранъ, означалъ *мокрое жизненное начало* ээиру, а левъ *сухое* или *огненное жизненное начало*. Различныя страсти и грѣхи распредѣлялись по этимъ двумъ началамъ: лѣнность, трусость, тупость ума, сладострастіе, и прочее, а между-прочимъ и *смерть*, были относимы къ мокрому началу, изображаемому бараномъ или быкомъ; кровожадность, гнѣвъ, гордость, и такъ далѣе — къ сухому началу, въ символическомъ языкѣ—льву. Эти ряды быковъ и львовъ, въ барельефахъ зданій на платформахъ, следовательно — ряды страстей и грѣховъ. Эти преслѣдованія быка царемъ — вовсе не охота, а борьба царя со страстями мокраго жизненнаго начала. Все это аллегоріи, какъ и число, расположеніе и величина комнатъ. Да едва-ли еще, въ такомъ случаѣ, и эти военныя сцены — подлинныя историческія подвиги: полно, не произвольныя ли онѣ сочиненія мистической мудрости, не вносказательныя ли начертанія

общихъ царскихъ добродѣтелей и завѣтій, безъ всякаго фактическаго значенія? Во всякомъ случаѣ достовѣрно то, что крылатые быки у дверей нѣкоторыхъ комнатъ вѣщаютъ недоброе — смерть и возвращеніе къ всемірному летучему веществу, слѣдствіе мокраго жизненнаго начала эону. Въ этихъ комнатахъ, неначе, были положены или посажены бронные останки царей.

Къ какой же эпохѣ могутъ, по всей вѣроятности, принадлежать зданія платформъ съ этими барельефами и этими сониксами? На этотъ вопросъ не трудно отвѣчать. Руины колоссальныхъ кладбищъ и въ Ассиріи и въ Египтѣ прошли явственно и несомнѣнно двѣ эпохи, ветхую и древнюю. Какъ въ Джизѣ на Нилѣ, пирамиды относятся къ невѣдомымъ временамъ первообразованныхъ людей и первобытныхъ вѣрованій, предшествовавшимъ язычеству и іероглифическому письму, а возлѣ лежащія подземелія трупогорода съ погребальными комнатами сооружены уже втеченіе второобразованныхъ вѣковъ при позднѣйшей вѣрѣ многобожниковъ-матеріалистовъ, точно такъ же и въ нинивійской сторонѣ на Тигрѣ пирамидальныя платформы и находящіяся на нихъ пирамиды суть памятники тѣхъ первыхъ могущественныхъ поколѣній, которыя мы назвали Ветхими, а погребальныя «дворцы» съ комнатами на платформахъ — постройки второобразованныхъ народовъ, остатки той эпохи, когда уже идеи многобожія, основанныя на теоріи вездѣ-присутствующаго и всетворящаго эфиру были въ полномъ развитіи и цвѣту. Можно даже опредѣлить столѣтіе, въ которое возникли эти зданія Древнихъ на пирамидальныхъ подстройкахъ, и возлѣ пирамидъ, Ветхихъ. На восточномъ берегу Средиземнаго моря, близъ того мѣста, гдѣ находился важный финикійскій городъ Беритъ, и гдѣ въ наше время находится Бейрутъ, есть утесъ при Собачьей-Рѣкѣ, *Нагаръ эль-кельбъ*, которую древніе писатели называли *Лукоз*. Африканскіе и азійскіе завоеватели избрали его памятникомъ или предѣломъ для своихъ подвиговъ, и оставили на немъ свои побѣдныя надписи. Одинъ изъ египетскихъ царей, котораго Греки именовали Сесострисомъ, начерталъ заѣсь свое имя, отчество, и свои титулы, іероглифами. Рядомъ есть надпись гвоздеобразною грамотою ассирійскаго почерка. Этого почерка, какъ сказано, мы навѣрное никогда не разберемъ такъ удовлетворительно, какъ разобрали гвоздеобразный старо-персидскій; да и не нужно для

рѣшенія дѣла. Простое сличеніе можетъ на этотъ разъ замѣнить разборъ. Господинъ Леардъ увѣряетъ, и уже выстушившее въ печать изданіе скопированныхъ имъ надписей должно векорѣ подтвердить его замѣчаніе, что въ имени и отчества царя, нарисованнаго въ большой залѣ коюджукской платформы всѣ литеры тѣ же, и слѣдуютъ одна за другою въ томъ же порядкѣ, какъ и въ гвоздеобразной надписи ассирійскаго царя, оставившаго свое имя при Событій-Рѣкѣ. Изъ еврейскихъ показаній мы знаемъ, что экспедиціи вавилонскихъ царей въ эту сторону происходили всѣ въ восьмомъ вѣкѣ до Рождества Христова. Слѣдовательно, погребальные дворцы платформъ, принадлежащіе всѣ безъ исключенія къ одному стилю, одной работѣ, одной вѣрѣ и одной эпохѣ, не старѣе восьмага вѣка. Когда эти дворцы были уже разграблены, выжжены и оборваны, когда они и память объ нихъ уже исчезли въ накопившейся надъ ними грудѣ мусору, жители городовъ вавилонской стороны все еще продолжали погребаться на этихъ вѣчныхъ трупогородахъ, и мы видѣли кладбище ихъ, открытое господиномъ Леардомъ въ землѣ, цѣлюю саженью выше надъ немрудскимъ погребальнымъ дворцомъ.

Но изъ словъ Ксенофонта должно заключить, что впоследствии уже не кладбища, а города, строились на платформахъ. Этой идеи всѣ придерживаются. Нужно однако жъ замѣтить, что рассказъ Ксенофонта совсѣмъ не такъ ясенъ, какъ утверждаютъ тѣ, которые хотятъ подкрѣпить имъ баснословныя повѣствованія, подобранныя въ народной молвѣ Ктесіей и Геродотомъ. Правда, въ греческой древности ходила молва, будто платформы были первоначально городскими подстройками, и басни того времени приписывали двумъ изъ нихъ несбыточный размѣръ ночи во сто верстъ въ окружности. Но Ксенофонтъ, описывая стѣну города Лариссы, отнюдь не говоритъ того, будто Ларисса находилась на искусственномъ пирамидальномъ возвышеніи, *chôma*. Мы сами вообразили это произвольно, по наущенію этихъ басенъ. Напротивъ, я уже замѣтилъ, во второй статьѣ, важное противорѣчіе такой идеѣ въ словахъ предводителя Десяти Тысячъ. Онъ показываетъ, что пирамида, которую мы теперь видимъ на платформѣ, находилась у города Лариссы, а не *въ городѣ*. Слѣдовательно городъ не былъ на платформѣ, и описываемую имъ каменную городскую стѣну не слѣдуетъ смѣшивать съ старинною каменною одеждою плат-

формы. Въ это время платформа уже была обобрана и сжедана ея, навѣрное, употреблена Мидійцами на обнесене каменное стѣною города икъ, Лариссы; погребальныя дворцы на платформѣ скрывались уже въ горѣ щебню; надъ ними уже было устроено новое кладбище; и пирамида торчала одна на этой безвидной насыпи. Городъ, явственно, находясь возлѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, Ксенофонтъ рассказываетъ, что жители Лариссы, испуганные неожиданнымъ появленіемъ греческаго корпуса, убѣжали изъ города на *пирамиду*. Ларисса, поэтому, лежала прямо на равнинѣ.

Но господинъ Леярдъ твердо вѣритъ, что платформы служили подстройками подъ настоящіе города, и что Ларисса красовалась на мемрудской платформѣ. Онъ не соображаетъ того, что такой городъ былъ бы безъ воды, безъ колодца, безъ фонтана. Для этаго предприимчиваго изслѣдователя, сверхъ того, несомнительно, что древняя Нинивія, при владычествѣ Мидійцевъ, прозвана была Лариссою. Господинъ Ботта, съ своей стороны, видитъ Нинивию тамъ, гдѣ онъ производилъ самыя удачныя раскопыванія, на хорсабадской платформѣ. Майоръ Роллисонъ, напротивъ, убѣжденъ, что Нинивія находилась на коюнджукской платформѣ, и гдѣ и донынѣ существуетъ деревня по имени *Нилливе*: въ прошломъ мѣсяцѣ читалъ онъ въ лондонскомъ Археологическомъ Обществѣ разборъ свой асирійской гвоздеобразной надписи тамошняго обелиска, въ которой, какъ ему кажется, можно различить имена *Нина*, *Нинин*, и *Сарданпала* (??!). Но господинъ Роллисонъ, какъ кажется, забываетъ, что платформы, по точному расчету, который мы имъ учинили, представляютъ каждая не болѣе какъ четыре квадратныя версты средней обширности, а во выраженіямъ еврейскихъ свидѣтельствъ, Нинивія была *городъ великій весьма — Богъ мой, какой великій городъ!*... Нинивія, слѣдственно, не могла помѣщаться ни на одной изъ четырехъ платформъ и, подобно Лариссѣ, была построена на равнинѣ, разумѣется, возлѣ своей погребальной платформы, возлѣ *ручьи* этой эпохи, которая искони называлась *нилливе*. Онъ-то ибровитно и теперь еще сохраняютъ этотъ титулъ въ имени деревни *Нилливе*, лежащей на односторону вѣкъ, насупротивъ Мусула, мидійской Меспилы. Господинъ Раулъ-Рошетъ, желая удовлетворить всѣхъ и согласить все несогласимое, четыре платформы на пространствѣ пяти сотъ квадратныя версты соединяетъ въ одинъ городъ, обноситъ ихъ Ктесіевой стѣною версты во сто, на платформахъ

строятъ ассирійскимъ царямъ жилые дворцы, съ террасами и службами, сожалѣть только о томъ, что при этихъ низенькихъ зданіяхъ не на чемъ ему развести висячихъ садовъ въ честь греческимъ сказкамъ, самый-же городъ располагается между четырьмя угловыми платформами, и потомъ, все это заразъ сожигаетъ однимъ общимъ пожаромъ. О прочихъ системахъ нинивійской топографіи я не упоминаю. Протявъ всѣхъ ихъ, безъ изъятія, предстаетъ непреложное свидѣтельство арабскихъ географовъ, которые показываютъ, что подлинно, въ мѣстномъ употребленіи, вся страна между двумя Забами, отъ Тигра до горъ Курдистана, была долго и постоянно называема *Ниниви*, и что въ то же самое время была еще и другая область *Ниниви*, на Евфратѣ, тоже въ странѣ платформъ ветхой эпохи.

Общій выводъ изъ всего этого очень простъ. Надо наконецъ сознаться, что мы вовсе не знаемъ, какъ собственно назывался городъ, который Евреи по прозванію между-забской страны или по сосѣдству съ нимъ платформъ Ветхихъ, именовали *Нинве* или *Ниниве*. Слово *ниниве* явственно не собственное имя, а общее простонародное названіе городовъ, лежавшихъ возлѣ такихъ платформъ. Какъ городовое прозваніе, это имя было не постоянно и, очевидно, переходило отъ одного первенствующаго города къ другому, отъ Лариссы къ Меспилѣ, и обратно, отъ нихъ еще къ двумъ другимъ городамъ, имѣвшимъ погребальныя платформы свои въ Хорсабадѣ и въ Карамли, и отсюда далѣе, даже на Евфратѣ, къ городамъ, построеннымъ у вавилонскихъ платформъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ и у извѣстныхъ писателей, все это безразлично были *Нинивин*, между-тѣмъ какъ у себя, въ своей нинивійской сторонѣ, каждый изъ четырехъ городовъ отличался своимъ особеннымъ названіемъ. Достоверно только то, что пари той *Нинивин*, которой мужи и люди ходили воевать Іудею и Финикію въ восьмомъ вѣкѣ до Рождества Христова, единственной Нинивин, достигшей историческаго могущества, хотя и кратковременнаго, погребены на коюнджукской платформѣ; и что слѣдовательно, городъ ихъ, великій весьма въ то столѣтіе, былъ расположенъ возлѣ этого гигантскаго сооруженія Ветхихъ—возлѣ этого чуда, построеннаго по-пустыкамъ Прощедшимъ, какъ изъясняется Магометъ.

О. СЕНКОВСКІЙ

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

=

Н О В Ы Я К Н И Г И .

=

ФЕВРАЛЬ, 1850.

=

БАНДИТЫ. *Романъ Поля Феваля. переводъ Б.... К.... У....ра. (Москва, 1850, въ 16., четыре части).*

Въ Москвѣ, нѣкогда, выдумали-было два неподобныя выраженія: *раздирательный романъ* и *сплошной перево'зъ*, которыя бы должны остаться въ языкѣ, какъ необходимо нужныя при рѣчи о романахъ и переводахъ. Жаль, что они пришли въ забвеніе: въ настоящемъ случаѣ, они очень пригодились бы намъ для точнаго опредѣленія сущности и оригинала и переводу. Романъ, въ самомъ дѣлѣ, совершенно *раздирательный*: такая тутъ бездна модныхъ романтическихъ пошлостей!... Переводъ — совершенно *сплошной*: такъ буквально иностранныя обороты и выраженія переданы въ немъ родными звуками!... Сплошь все — не по-русски. Ужасъ какъ раздирательно!

НОВЫЯ ВРОШЮРЫ.

ХРИСТИАНСКІЯ БЕСѢДЫ ОТЦА СЪ СЫНОМЪ *объ истинномъ просвѣщеніи и о пути къ спасенію, сочиненныя* **Θ. Дмитровскимъ.** (Москва, 1850). — Авторъ, въ разговоръ отца съ сыномъ, старается дока-

зять необходимость соединенія, въ воспитаніи, просвѣщенія ума посредствомъ наукъ съ просвѣщеніемъ сердца помощью религіи. Отецъ хочетъ, чтобы сынъ его былъ ученъ и спасенъ, и даетъ ему на этотъ конецъ превосходныя наставленія. Новаго въ нихъ нѣтъ ничего; хорошо сказаннаго — очень мало; но добраго и полезнаго очень много.

ВОСПОМИНАНІЕ ОБЪ ИВАНЪ НИКИТИЧЪ СКОБЕЛЕВЪ. *Ф. Булгарина.* (Спб., 1850, съ портретомъ). — Очень короткій, но, разумеется, увлекательно и прилично написанный очеркъ одной изъ интереснѣйшихъ карьеръ и примѣчательнѣйшихъ жизней въ лѣтописяхъ русскаго воинства. О литературныхъ трудахъ Скобелева, творца лагерной словесности, солдатскаго Ломоносова, авторъ мало распространяется, стараясь преимущественно изобразить его полезную службу этотъ оригинальный, благородный, истинно русскій характеръ, который такъ сильно прельщалъ всѣхъ приходившихъ съ нимъ въ вѣнокъ. Портретъ награвированъ отлично.

FLUOR ALBUS MULIEBRIS et *morbus pallidus virgineus*, и изъ мненіе, описанныя докторомъ медицины Александромъ Никитинымъ. (Спб., 1850). — Докторъ Никитинъ такъ чисто и ясно говоритъ съ дамами по-русски, что нѣтъ возможности представить имъ сочиненіе его не переведа по-латыни по-крайней-мѣрѣ заглавія. Онъ называетъ эту брошюру *руководствомъ для женщинъ* и входитъ въ такія секретныя подробности, что надо поскорѣе оставить его на-единѣ съ читательницами. Рѣчь идетъ о двухъ вещахъ, чрезвычайно любопытныхъ. Дамы, знающія по-латыни, тотчасъ угадаютъ ихъ, и пользоваться, въ потребномъ случаѣ, руководствоваться его руководствомъ

==

РАБОТЫ ИЗВѢСТЫЕ.

— А. Ф. Смирдинъ дѣлаетъ удивительныя открытія въ русскія Парнасы. Къ богатому своему «*Полному собранію сочиненій русскихъ авторовъ*», онъ прибавилъ втеченіе февраля мѣсяца новый томъ, въ которомъ заключаются сочиненія Кострова и Аблесимова.

==

VII.

С М Ъ С Ь.

=

НОВОЕ СРЕДСТВО СУШИТЬ РАСТЕНІЯ ДЛЯ ГЕРБАРИЕВЪ; СОХРАНЕНІЯ КРАСКУ ЦВѢТОВЪ И ЛИСТЬЕВЪ ПОЧТИ БЕЗЪ ИЗМѢНЕНІЯ. Искусство готовить растенія для гербаріевъ издавна занимаетъ всѣхъ ботаниковъ; и дѣйствительно, какъ ни отчетливо описаніе, какъ ни вѣрны рисунки, въ нихъ всегда будетъ чего-то недоставать для того, кто желаетъ изучитъ растеніе во всѣхъ подробностяхъ. Это что-то вичѣмъ не можетъ быть замѣнено, и достигается только осмотрѣніемъ и осязаніемъ самаго предмета; отсюда необходимость сохранять образцы, и собирать гербаріи, изъ которыхъ наука съ шестнадцатаго вѣка извлекала неизмѣримую пользу.

Гербарій, *hortus siccus*, какъ называютъ его старпные ботаники, долженъ быть собраніемъ вѣтокъ, высушенныхъ во время цвѣта и образованія плода, и такъ тщательно, чтобы всѣ части растенія сохраняли свой цвѣтъ, видъ и даже, по возможности, свое положеніе. Но безпрестанно случается, что отъ сжатія не только первоначальная форма растенія искажается, но оно утрачиваетъ нѣкоторые очень важные признаки. Есть цѣлыя семейства мягкихъ, полвосочныхъ растеній, папримѣръ ятрышниковъ и кактусовыхъ, которыхъ органы при сушкѣ такъ скомкиваются, что невозможно ихъ различить; въ другихъ семействахъ, цвѣточные ор-

ганы опадаютъ; въ корнепустовыхъ, ремнецвѣтничковыхъ, араляхъ, нѣкоторыхъ бобовыхъ, биньоновыхъ, папоротникахъ, виноградныхъ, вересковыхъ, соснахъ и еляхъ листья осыпаются, такъ что въ рукахъ ботаника остаются совершенно обнаженные прутья.

Значительная толщина или тонина цвѣточныхъ оболочекъ равно представляютъ ботанику почти непреоборимое препятствіе въ приготовленіи растенія для гербарія. Всѣмъ извѣстно, какъ трудно сохранять съ одной стороны крупные цвѣты кувшинчиковыхъ, магнолійныхъ, клешевидныхъ; или съ другой стороны цвѣты лилейныхъ растеній, косатиковыхъ, и прочая. Сохраненіе мясистыхъ грибовъ было доселѣ неразрѣшимою задачею.

Главѣйшее условіе удачнаго приготовленія растенія есть возможная быстрота сушки. Въ странахъ, пользующихся теплымъ и сухимъ климатомъ достаточно положить вѣтки между нѣсколькихъ листовъ клееной бумаги, и повѣсить на сквозномъ вѣтрѣ; но въ холодномъ и сыромъ климатѣ это средство не годится, потому что сушимыя вѣтки сохраняютъ жизнь нѣсколько дней, и при такой медленной сушкѣ цвѣта линяютъ, листья опадаютъ и цвѣточные органы утрачиваютъ свой настоящій видъ. Нѣкоторые препараторы, для ускоренія сушки, проводятъ по бумагѣ горячій утюгомъ, или обмакиваютъ сначала вѣтку въ алкоголь или въ кпятокъ. Другіе вѣшаютъ его въ паровой банѣ или надъ пекарною печкою. Эти средства мгновенно убиваютъ растеніе, но имѣютъ многія невыгоды, между прочимъ ту, что растеніе дѣлается хрупко и крошится, и всѣ нѣжныя части его искажаются.

Не смотря на неудобства и медленность исчисленныхъ нами способовъ, имъ однако же обязаны мы драгоценными собраніями, которыхъ изученіе привело описательную ботанику къ той точности и отчетливости, которыми она отличается въ настоящее время. Безъ этихъ способовъ, наука не сохранила бы богатыхъ сокровищъ, собранныхъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ Раувольфомъ и Бюеномъ; такимъ-образомъ составлена, въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ, безподобная коллекція парижскаго музея, которая занимаетъ вынѣ первое мѣсто между всѣми коллекціями Европы, и заключаетъ почти всѣ извѣстныя породы растительнаго царства. Не трудно себѣ представить, сколько они стоили труда, и какого требовали терпѣнія; и какую пользу можетъ принести наукѣ изобрѣтеніе способа сохранять растенія, болѣе вѣрнаго и не столь хлопотливаго.

Такое средство придумалъ господинъ Ганваль, извѣстный доселѣ только своимъ искусствомъ въ бальзамированіи мертвыхъ тѣлъ.

Онъ кладеть растенія въ листы неклееной бумаги, которые тотчасъ вбирають въ себя всю влажность, могущую оставаться на поверхности растеній отъ дождя или росы. Въ такомъ положеніи могутъ они сохраняться цѣлые сутки безъ всякаго поврежденія; на слѣдующій день онъ перекладываетъ ихъ въ сухую бумагу, и такъ кладеть въ изобрѣтенный имъ снарядъ, въ которомъ они высыхаютъ въ одни сутки, еохраня почти всю свѣжесть и весь блескъ красокъ. Снарядъ его состоитъ изъ мѣднаго цилиндрическаго сосуда, имѣющаго пятьдесятъ сантиметровъ въ вышину и столько же въ діаметръ. Назначенныя къ сушкѣ растенія опускаются въ него, въ бумагѣ, а по сторонамъ кладется около четырехъ килограммовъ негашеной извести; затѣмъ сосудъ плотно закрывается крышкою, и ставится въ небольшую кадку, которая наполняется кипяткомъ, чтобы довести температуру снаряда до пятидесяти или шестидесяти градусовъ. Послѣ того изъ снаряда вытягиваютъ воздухъ посредствомъ насоса, прикнутаго къ находящемуся въ крышкѣ крану. Выкачиваніе воздуха продолжается, съ промежутками, часа два или три; затѣмъ снаряда не трогаютъ въ продолженіе отъ двадцати четырехъ до тридцати часовъ. По прошествіи этого времени снарядъ открываютъ и вынимаютъ изъ него положенныя туда растенія, совершенно сухія и превосходно препарированныя.

Господинъ Декенъ (Descaines), на котораго возложено было составленіе отчета объ изобрѣтеніи господина Ганналя, представилъ академіи наукъ нѣсколько образчиковъ изъ составленной имъ коллекціи, которые поразили всѣхъ зрителей свѣжестью красокъ и отличными сохраненіемъ формъ и органовъ: особенно замѣчательна его многочисленная коллекція грибовъ. Но верхъ совершенства, — это высушенная по его способу орхиды, сохранившая даже свой крѣпкій ванильный запахъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій академіи, господинъ Ришаръ показывалъ ее извѣстному англійскому ботанику Линдлею. — Какой чудесный цвѣтокъ, вскричалъ британскій ученый; какъ жаль, что при сушеніи пропадетъ и форма и цвѣтъ! — Она уже высушена, отвѣчалъ господинъ Ришаръ. — Изумленный собрать его едва вѣрилъ глазамъ.

Собраніе, выслушавъ лестный для изобрѣтателя отчетъ господина Декена, опредѣлило изъявить господину Ганналю общую благодарность за изобрѣтеніе, которое должно принести огромную пользу наукѣ; но въ то же время выразило желаніе, чтобы онъ постарался сдѣлать свой снарядъ болѣе удобопереносимымъ.

По приглашенію академіи же, господинъ Ганналь сдѣлалъ нѣсколько опытовъ приложенія изобрѣтеннаго имъ способа къ хозяй-

ственнымъ цѣлямъ, именно къ сохраненію овощей, употребляемыхъ въ пищу. Давно уже господинъ Массонъ, директоръ опытнаго сада общества садоводства, придумалъ способъ сохранять капусту, высушивая ее въ паровой банѣ, и обращая въ плитки, посредствомъ сильнаго гидравлическаго пресса. Земледѣльческое общество предлагало морскому управленію замѣнить ею кислую капусту, которая занимаетъ на кораблѣ гораздо болѣе мѣста, и можетъ имѣть вредныя послѣдствія для здоровья экипажа, потому что содѣйствуетъ къ зарожденію скорбута. Академія наукъ, видя чудесныя ботаническіе препараты господина Ганналя, внушила ему мысль приложить свой способъ къ высушиванію овощей. Онъ тотчасъ принялся за дѣло, и первые опыты его увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Высушенные имъ овощи, капуста, морковь, сельдерей, и прочая, пробывъ нѣсколько времени въ водѣ, дѣлаются точно свѣжія. Доселѣ опыты его производились только въ маломъ видѣ, но нѣтъ сомнѣнія, что по распространеніи изобрѣтеннаго имъ способа, онъ можетъ получить большое значеніе въ общественномъ хозяйствѣ.

Плистовка. Въ концѣ ноября 1847 года, изъ дома какого-то министерства, — ихъ такъ много въ сенъ-жерменскомъ предмѣстьи — вышелъ еще очень молодой человѣкъ; онъ скорѣе лѣтъ, нежели бѣжалъ по улицѣ Святаго-Георгія, шагаль по лѣстницѣ черезъ четыре ступени, и взобравшись до пятаго этажа, такъ сильно дернулъ колокольчикъ, что чуть-чуть не оборвалъ его.

Онъ вбѣжалъ въ комнату, въ слезахъ бросился на шею старику и упалъ на колѣни передъ прелестною молодою дѣвушкою.

— Ты — моя, Дельфина, провзнесъ онъ рыдая, меня сдѣлаи помощникомъ столоначальника.

Спустя мѣсяць, свадьбу скромно отпраздновали въ церкви Лоретской-Богоматери; молодые супруги поселились въ маленькой квартирѣ, близъ улицы Святаго-Георгія, и продолженіе шести недѣль ничто не возмущало ихъ счастья.

Но тутъ настала февральскій переворотъ. Помощникъ, викагда не воображавшій, чтобы политическіе перевороты могли имѣть вліяніе на его неизвѣстную судьбу, былъ отрѣшенъ отъ должности въ пользу продавца бумажныхъ обоевъ, торговца плохаго, но хорошаго пріятели, одного изъ могущественныхъ людей, содѣлавшихъ власть этой недѣли.

Несчастный оставленный чиновникъ старался найти себѣ занятіе въ какой-нибудь конторѣ или въ торговомъ домѣ; но ком-

торы закрылись, а коммерческіе дома распустили своихъ прикащиковъ. Молодымъ супругамъ оставалось только удалиться въ деревню, не имѣя другихъ средствъ, кромѣ двухъ сотъ франковъ годоваго дохода, считая по пяти процентовъ на сумму, составившую приданое Дельфины.

Но въ это время пять процентовъ казались несбыточною шпозею.

Мужъ, пожираемый мрачнымъ отчаяніемъ, скоро заболѣлъ и умеръ въ объятіяхъ жены.

Отецъ Дельфины поселился съ дочерью въ маленькомъ деревенскомъ домикѣ. Онъ окружилъ попеченіями молодую вдову; безпокойство сдѣлало его еще нѣжнѣе и внимательнѣе: болѣзненные признаки чахотки начинали проявляться у его дочери.

Сердце несчастнаго отца разрывалось, когда онъ видѣлъ, какъ съ каждымъ днемъ становилась она блѣднѣе, съ каждымъ днемъ все болѣе страдала. Онъ отворачивался каждую минуту, чтобы скрыть свои слезы.

Глаза бѣдной женщины сіяли страннымъ блескомъ, зловѣщіе багровыя пятна горѣли на щекахъ; часто подстерегалъ онъ ея взглядъ, обращенный къ небу, какъ будто говорившій тому, кто ждалъ ее тамъ: до скораго свиданія!

Ничто уже не занимало ее на землѣ; ни цвѣты, прежде такъ любимые, ни солнце, бросавшее свои блестящіе лучи на красную черепицу кровель, ни шопотъ вѣтра, тихо шелестившаго въ листьяхъ деревьевъ. Она цѣлые часы оставалась на одномъ мѣстѣ, задумчива, мрачна, неподвижна, не поднимая глазъ. Не нужно было болѣе отцу отворачивать голову, чтобы скрывать слезы, — она не замѣчала уже, какъ онѣ текли.

Одно обстоятельство, безъ сомнѣнія очень незначительное, вывело ее однако изъ этой мрачной печали.

Въ одно утро, она нашла маленькую, почти неоперившуюся птичку, умирающую на пескѣ одной изъ аллей сада.

Какъ она очутилась тутъ? Выпала ли изъ пасти хищной птицы? или безжалостный разоритель гнѣздъ выбросилъ ее черезъ стѣну? Никто никогда этого не узналъ. Но какъ бы ни было, съ этой минуты птичка сдѣлалась предметомъ безпрестаннаго занятія, почти предметомъ любви больной.

Она отогрѣла ее на своей груди; — отецъ сталъ отъискивать насѣкомыхъ, чтобы кормить ее, и дѣло шло такъ хорошо, что брошенная птичка сдѣлалась не только совершенно здорова, но и явилась вскорѣ прелестной пштовкой, которая на свободѣ ле-

тала въ саду съ одного дерева на другое, и садилась на высь своей благодѣтельницы, лишь только та махнула ее къ себѣ.

Вечеромъ она пряталась на груди Дельонины и спала тутъ до сгѣдующаго дня; утромъ улетала въ садъ отъискивать себѣ насѣкомыхъ; но никогда отсутствіе ея не было продолжительно: каждую минуту она возвращалась, чтобы показывать своей повелительницѣ, приласкаться къ ней и поиграть въ длинныхъ лосышкахъ ее волосъ.

Такъ прошла осень и зима; настала весна; ничто не нарушало дружбы птицы и молодой вдовушки, ащеможенной, больной, но какъ-будто привазававшейся къ жизни слабыми узми этой привазаемости. Въ двадцать два года такъ трудно примириться съ мыслью о смерти.

Старикъ-отецъ благословлялъ милосердіе Всевышняго, и предавался давно уже утраченной надеждѣ, что дочь его не изнеможетъ отъ печали.

Однажды вечеромъ, когда укрывшись на груди Дельонины, птичка какъ живой букетъ выглядывала пурпуровой головкой изъ за карсажа молодой женщины, вдругъ раздалось звучное пѣніе, де-тѣхъ-поръ неслыханное никѣмъ изъ обитателей маленькаго домика, пѣніе исполненное неизъяснимой прелести.

Крылатый музыкантъ былъ не соловей, но смѣло, съ дивною прелестью переливался чистые звуки могучаго голоса, то восторженными гимномъ, то шѣжною элегіею; и внимая ей, невольная грусть наполняла сердце.

Такъ было сильно впечатлѣніе, произведенное пѣвцомъ на плитовку, что молодая женщина чувствовала, какъ маленькое сердечико билось на ея груди, на которой укрывалась птичка. Тогда склонивъ головку, съ полузакрытыми глазками, она съ жадностью внимала воздушной мелодіи. По возвращеніи въ комнату, она, противъ обыкновенія, не спряталась въ кружевахъ подушки, но присѣла къ окну, чтобы еще внимать волшебной пѣсни. На другой день, плитовка съ необыкновеннымъ тщаніемъ занялась своимъ туалетомъ, выкушалась въ ручейкѣ, протекавшемъ въ саду, кокетливо приглядывала свои черышки, потомъ усѣлась въ тѣни на вѣткѣ темнаго кустарника, забывая протягивать носикъ, чтобы хватать маленькихъ насѣкомыхъ, ползавшихъ вокругъ, до моторыкъ она накануне еще была такая ласкомка.

Тщетно госпожа звала ее нѣсколько разъ къ себѣ, она упорно оставалась въ тѣни кустарника.

Наступилъ вечеръ, и тотъ же голосъ снова началъ свою пѣсню.

Сильное волненіе овладѣло плістовкой, легкій трепетъ пробѣгалъ по всему ея тѣлу; она едва удержалась на ножкахъ.

Къ девяти часамъ, пѣніе становилось все ближе и ближе; пѣвецъ, перелетая съ одного дерева на другое, помѣстился наконецъ на яблонѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ противъ кустарника. Тамъ, нисколько не заботясь о молодой вдовѣ и ея отцѣ, онъ продолжалъ свое пѣніе. Никогда голосъ его не былъ еще такъ вѣженъ и обольстителенъ. Плістовка какъ-будто находилась подъ очарованіемъ магнетизма; не могла долѣе сопротивляться, изъ горлышка ея вырвалось щебетавье, похожее на признаніе, и она улетѣла съ волшебнымъ очарователемъ.

Отсутствіе птички опечалило молодую вдову и оставило ее въ одиночествѣ в теченіи болѣе мѣсяца.

Въ одно утро, когда Дельфина съ грустью думала объ ней, вдругъ послышался стукъ въ окно. Плістовка стучала въ стекло своимъ воскомъ.

Не нужно говорить, что ее встрѣтили съ восторгомъ и любовью.

Плістовка платила поцѣлуемъ за поцѣлуй, лаской за ласку. Однако черезъ полчаса, посвященнаго дружбѣ и счастьемъ свиданья, замѣтно было, что ей хотѣлось опять улетѣть; но она улетала медленно, какъ будто нехотя, какъ будто изъявля желаніе, чтобы Дельфина слѣдовала за нею.

Дельфина поняла это желаніе и руководимая плістовкой, перелетавшей съ одной вѣтки на другую, достигла до небольшой роши, примыкавшей съ саду.

Птичка устроила свое гнѣздышко между листьями кустарника, въ нѣсколькихъ футахъ отъ земли. Это было прелестное маленькое жилище, сдѣланное изъ моху и листьевъ и внутри наполненное ватой и перьями.

Самецъ, сидѣвшій въ гнѣздѣ, немножко испугался при видѣ Дельфины; но, успокоенный присутствіемъ своей крылатой подруги, онъ подвинулся, уступивъ ей только необходимое мѣстечко. Она же съ гордостью и счастьемъ совершенно материнскимъ усѣлась на четырехъ маленькихъ яичкахъ палеваго цвѣта, съ легкими коричневыми струйками.

Нужно ли говорить, что молодая женщина всякой день приходила въ рошу, садилась на дернъ подлѣ кустарника и занималась маленькою насѣдкою....

Однажды, когда птичка отправлялась ловить насѣкомыхъ, поручивъ гнѣздо попеченіямъ своего друга, молодая женщина съ удивленіемъ замѣтила, что одно изъ четырехъ яицъ совершенно

отличалось отъ прочихъ. Оно было гораздо больше другихъ и притомъ зеленоватое, усабянное пятнами пепельнаго цвѣта.

Она приписала это различіе случаю; точно также объяснялъ это и отецъ.

Въ одно утро, когда она пришла посѣтить свою птичку, четыре крошки выдупились изъ яйца и съ пискомъ протягивали къ своей матери раскрытые носики.

Одна изъ птичекъ величиною совершенно отличалась отъ трехъ своихъ братьевъ. Мать не могла насытить маленькаго обжору, безпреставно пишавшаго, вѣчно голоднаго. Къ тому же онъ былъ такой эгоистъ, такъ грубъ и задорливъ, что въ одно утро выбросилъ изъ гнѣзда двухъ братьевъ для того, чтобы очистить себѣ мѣсто по-просторнѣе. Дельфина хотѣла опять посадить въ гнѣздо бѣдняжекъ, почти уже оконченѣвшихъ; черезъ нѣсколько минутъ негодяй опять ихъ выбросилъ. По счастью молодая вдова была еще тутъ; она подвела ихъ, укрыла на своей груди и кормила ихъ какъ нѣкогда кормила ихъ мать.

Возвратившись, мать искала своихъ двухъ крошекъ; но увидя, что они находятся подъ покровительствомъ ея госпожи, она успокоилась и занялась остальными двумя птенцами.

Самый большой изъ нихъ дѣлался съ каждымъ днемъ не только обжорливѣе, но выростая, совсѣмъ не походилъ на своихъ братьевъ, ни формою головы, ни размѣрами тѣла, ни цвѣтомъ перьевъ; онъ больше походилъ на хищную птицу и взглядъ его вовсе не имѣлъ кроткаго выраженія, которымъ отличаются плистовки. Съ каждымъ днемъ становился онъ грубѣе и хуже, и кончалъ тѣмъ, что выгналъ третьяго брата, и остался одинъ въ гнѣздѣ.

Мать отдала всю свою любовь этому извергу, и, казалось, вовсе не думала объ остальныхъ дѣтяхъ.

Видя ихъ на колѣняхъ у вдовы, она прилетала поласкать ихъ, но при первомъ зовѣ остававшагося въ гнѣздѣ, она тотчасъ же бросала ихъ, чтобы осыпать его усердными попеченіями и кормить его.

Между-тѣмъ онъ сдѣлался втрое больше плистовки, и въ два урока выучился летать, тогда какъ его братья едва рѣшались робко расправлять свои крылышки.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого, птица, совершенно похожая на урода остававшагося въ гнѣздѣ, быстро прилетѣла, сѣла на дерево, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, и стала звать его совершенно особеннымъ образомъ. Тотъ быстро выглянулъ изъ гнѣзда плистовки и полетѣлъ на зовъ, осыпая ласками при-

летѣвшаго. Плистовка съ отчаяніемъ смотрѣла на эту сцену. Когда неблагодарный, не оборачивая даже головы къ родному гнѣзду, послѣдовалъ за пришельцемъ, бѣдная мать бросилась за бѣглецомъ, летала за нимъ сколько могла, призывала его раздражающими криками, и наконецъ упала отъ изнеможенія къ ногамъ молодой женщины, которая посадила въ гнѣздо трехъ родныхъ дѣтей ея. Собравшись съ силами, мать не подошла къ нимъ, но снова взлетѣла на воздухъ, призывая бѣглеца и стараясь отыскать слѣды неблагодарнаго, покинувшаго ее.

Эта неблагозвучная птица была кукушка.

Настоящая мать ея, прилетѣвъ къ гнѣзду во время отсутствія самца и самки, съѣла одно яйцо въ ихъ насѣсти и положила туда свое, которое она прежде снесла въ травѣ, въ недалекомъ разстояніи, и перенесла помощью своего широкаго носа.

Потомъ, когда она знала, что птенецъ ея уже въ состояніи летать, она прилетѣла за нимъ, и тотъ при первомъ крикѣ матери, бѣжалъ отъ своей воспитательницы, которая считала себя его истинною матерью.

Бѣдная плистовка долго была неутѣшна въ потерѣ кукушки; когда самецъ возвратился, онъ хотѣлъ даже выгнать изъ гнѣзда птенцовъ своихъ, положенныхъ молодою вдовою, считая своихъ собственныхъ дѣтей за самозванцевъ. Но голосъ крови пробудился въ немъ и истинный отецъ восторжествовалъ.

Въ концѣ сентября, молодая женщина прогуливалась въ полѣ, окруженная пятью плистовками, порхавшими на ея голосъ; когда она останавливалась, онѣ также останавливались и напѣвали ей сладкія пѣсни.

А въсколько недѣль спустя, вечеромъ, бѣдныя птички напрасно стучали своими носиками въ окно ея комнаты.

Священникъ и старикъ, погруженные въ глубокую скорбь, плакали и молились въ комнатѣ, освѣщенной восковою свѣчю, и не слышали бѣдныхъ птичекъ.

ПЛОВУЧИЕ САДЫ ВЪ МЕХИКО И ВЪ КАШМИРСКОЙ ДОЛИНѢ. Висячіе вавилонскіе сады, разрушенные уже за тысячъ лѣтъ, пользуются у насъ еще большою извѣстностью и одно уже названіе ихъ представляетъ уму что-то изумительное; но мысль о *пловучихъ садахъ* не менѣе чужда тому, что мы имѣемъ передъ глазами и тоже возбуждаетъ любопытство.

Висячіе вавилонскіе сады были устроены однимъ государемъ для удовольствія прихоти одной изъ своихъ женъ. Пловучіе сады Ме-

хико и Кашмирской долины даютъ тому, кто обрабатываетъ ихъ, средство честно содержать семейство и снабжаютъ сосѣднія народонаселенія здоровыми овощами и вкусными фруктами.

Когда въ началѣ четырнадцатаго столѣтія Мехиканцы были побѣждены покорѣніями колуазскими и тепанакавскими, свободнымъ оставались у нихъ только ихъ городъ и озеро, среди котораго онъ расположенъ. Тогда имъ пришла счастливая мысль создать себѣ искусственныя почвы, чтобы развести на нихъ питательныя растенія. Они переплели вьющія вѣтви корнями водныхъ травъ, такъ чтобы это могло служить плотомъ, потому скрѣпленъ хворостомъ и покрытъ вязкимъ иломъ, добытымъ со дна озера. Эти искусственныя поля, засѣянные мансомъ, индѣйскимъ перпомъ, тыквой, овощами, плавали по озеру и снабжали городъ кое-какой провизіей.

Когда Мехиканцы стали богаты и могущественны, пловучія поля, изобрѣтенныя нуждою, превратились въ увеселительныя мѣста, что они и теперь. Изъ этихъ плотовъ одни — террассы, съ блестящими, душистыми цвѣтами; другіе остались настоящими садами, съ деревомъ или небольшимъ павильономъ посрединѣ, для убѣжища въ дурную погоду, или, по большей части, простые огороды, снабжающіе городъ овощами.

Нѣчто подобное находится въ странѣ, еще болѣе одаренной природою, въ этой Кашмирской долинѣ, которую монгольскіе завоеватели называютъ земнымъ раемъ. Однако тамъ пловучіе сады вовсе не поэтичны, и когда взглянешь въ первый разъ на эти длинныя и узкія гряды, ихъ можно принять за слой тростнику или камышу. Устройство ихъ самое простое. Сначала скосятъ высокія травы, растущія на днѣ озера, потомъ сплетутъ и укрѣпятъ ихъ землей и навозомъ, стараясь сохранить вокругъ тростникъ, служащій защитой для будущей растительности. Наконецъ на этой площадкѣ возвышаются въ извѣстныхъ разстояніяхъ холмики изъ сѣна, вышиною вершковъ въ четырнадцать; на верхушку ихъ кладутъ землю, взятую со дна озера. На этомъ послѣднемъ слой земли садятъ дыни и огурцы, и больше нечего дѣлать, какъ только ихъ собирать, когда они созрѣютъ. Эти плоты прикрѣплены кольями, которые можно поднимать по произволу. Обыкновенно ихъ дѣлаютъ длинными и узкими, чтобы легче было ихъ двигать. Какъ эти сады устраиваются безъ труда, то и не дорого продаются; за одинъ рувій (десять рублей серебромъ) можно сдѣлаться владѣльцемъ пловучаго сада въ десять ярдъ длины и въ три ширины.

ЗВѢРИНЦЪ ЦАРИ МОНТЕСУМЫ И НЕЦАВАТКОЛОНИИСКІЙ МУЗЕЙ ИСТИНСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ВЪ МЕХИКѢ, ВО ВРЕМЯ ПОКОРЕНІЯ ЕЯ ИСПАНЦАМИ. Триста лѣтъ тому назадъ, бѣдный испанскій монахъ, конечно превосходное сочиненіе о Мехикѣ, въ отчаяніи что не могъ получить отъ своихъ начальниковъ небольшую сумму, необходимую для списанія копій съ его сочиненія, вскричалъ: «Пальцы мои оледѣли отъ старости, я не могу больше писать. Никогда не узнаютъ, что такое былъ этотъ народъ... Наше нашествіе сразило его такъ жестоко, что онъ не въ состояніи подняться и можетъ-быть никогда не будетъ извѣстно, до какой степени умственного образованія достигъ онъ!» Но добрый миссіонеръ, достойный отецъ Бернардино де-Саагуъ, конечно самъ не подозревалъ, какія драгоценныя наблюденія можетъ доставить этотъ умирающій народъ. Озабоченный клеветами на Индѣйцевъ, онъ искалъ въ древности точки сравненія, чтобы возстановить побѣжденных въ глазахъ побѣдителей. По его мнѣнію, древняя столица Толтеховъ, городъ Туллы, достойна остаться въ памяти, потому что напоминаетъ Трою и ея бѣдствія. Чудныя рѣчи, сохраненныя въ преданіяхъ и запечатлѣныя такимъ простодушнымъ и строгимъ характеромъ, которыя онъ передалъ намъ, онъ сравниваетъ съ рѣчами Демосеена или Цицерона и посвящаетъ имъ въ своемъ сочиненіи длинную главу подъ заглавіемъ: *Риторика Мехиканцевъ*. А не будь почтенный монахъ ослѣпленъ предрасудками своего вѣка, онъ замѣтилъ бы, что жилъ посреди народа, съ которымъ ни одного извѣстнаго государства нельзя сравнить ни въ Европѣ ни на Востокѣ. Будучи во многомъ ниже великихъ народовъ древняго міра, Азтеки имѣли образованность, запечатлѣнную характеромъ совершенно оригинальнымъ, безъ всякаго сравненія съ прошедшимъ и, можетъ быть, съ будущимъ.

Посмотримъ, какъ этотъ народъ задолго до того времени, какъ задумали объ этомъ у насъ, вздумалъ основать одно важное учебное заведеніе.

Изданія лорда Книсборо, Вордена и Сентъ-При, рисунки Вальдека и другія недавнія сочиненія, посвятили насъ въ чудеса археологій, совершенно неизвѣстной нашимъ предѣламъ. Храмы, обелиски, жертвенники, колоссальныя статуи, все было намъ показано; къ несчастію никто не упомянулъ о звѣринцѣ Монтесумы, бывшемъ вмѣстѣ с огромной мануфактурой и обширной сокольней, и которому самыя могущественныя государи того времени не могли ничего противопоставить. Исключая свидѣтельства за-

вожателей, все было уничтожено; ничего не сохранилось от увеселительных садов Монтесумы, и не передай намъ Нюренбергъ на деревянныхъ доскахъ плана Мехико и его звѣрница, никакой современной памятникъ не помогъ бы историкамъ. Въ Нюренбергѣ перевели письма Кортеса почти тотчасъ, какъ они появились, и благодаря можетъ быть въ некоторымъ солдатамъ Карла Пятаго, сопровождавшимъ неустрашимаго завоевателя, видъ Темехтитана, названнаго съ-тѣхъ-поръ Мехико, былъ представленъ любопытству читателей. На этомъ планѣ видны дворецъ Монтесумы; помѣщеніе для звѣрей и сады, посвященные разведенію дорогихъ растений.

Этотъ звѣрницецъ, или скорѣе это собраніе садовъ, птичникъ, ямъ для лютыхъ звѣрей, словомъ, это обширное заведеніе, осматриваемое съ изумленіемъ Испанцами, было не новымъ учрежденіемъ въ столицѣ Мехики; поддерживая его великолѣпіе, Монтесума слѣдовала обычаю своихъ предковъ. Современные историкъ увѣдомляютъ насъ, что такого роду учрежденія были уже основаны въ сосѣднихъ государствахъ. Но какъ роскошь мексиканскихъ государей нечувствительно увеличивалась, то и звѣрницецъ получилъ въ началѣ шестнадцатаго вѣка значительныя приращенія. Не для одной пользы науки, не для одной простой прихоти собирали это огромное количество различныхъ животныхъ. Придворные поставщики снабжались тамъ статьями роскоши по части одежды; охотники — звѣрями, для ловли, и что всего важнѣе, жрецы кровавыхъ жертвенниковъ мексиканской богоніи выбирали тамъ приношенія. Придворные шуты также встрѣчали тутъ предметы, годные для увеселенія Монтесумы. Добродушные лѣтописцы того времени говорятъ намъ, что дѣйствительно множество карликовъ и людей, представлявшихъ въ своемъ положеніи какую-нибудь особенность, убѣгали время отъ времени изъ звѣринаго двора къ Монтесумѣ.

Можно судить, какъ огроменъ былъ звѣрницецъ въ Мехико, когда триста человекъ ежедневно смотрѣли за птицами; другіе ухаживали за больными животными. Триста другихъ стерегли лютыхъ звѣрей и хищныхъ птицъ.

Монтесума, очень умный государь, привелъ въ своей столицѣ все въ такое движеніе, какого тамъ не бывало до него. Роскошью онъ затмѣвалъ предшественниковъ, а военныя экспедиціи, направленные въ мѣста неизвѣстныя, умножали зоологическія богатства его садовъ. Царская резиденція, заключавшая всѣ эти чудеса, представляла всѣ необходимыя для этого удобства въ

своихъ обширныхъ постройкахъ. Выстроенный посреди садовъ, которыхъ не должно смѣшивать съ нынѣшними ботаническими садами монастыря Святаго-Франциска, дворецъ этотъ представлялъ уже по свойству своихъ матеріаловъ образецъ минералогическихъ богатствъ Мехики. Яшмовые столбы поддерживали кровлю, а сосѣдняя молельня, куда Монтесума иногда удалялся поклоняться своимъ страшнымъ божествамъ, была обита внутри золотыми и серебряными листами, среди которыхъ были вѣдланы драгоценныя каменья, агаты и даже жемчужины, выловленные, можетъ быть, въ Калифорнійскомъ заливѣ. Исключая этого увеселительнаго дворца, въ оградѣ, отведенной для натуральной исторіи, вырыли пруды, обложенные камнемъ. Одни наполнялись солеными водами озера Мехико, другіе получали свѣтлую воду изъ знаменитаго водопровода Чаполтенекъ, котораго постройкой распоряжался самъ Монтесума, и который онъ украсилъ своимъ изображеніемъ. Въ прудахъ съ соленою водою держали мекканскихъ морскихъ рыбъ; пруды съ водою прѣсной заключали рыбъ другаго рода. Кортесъ замѣчаетъ, что въ этихъ огромныхъ садкахъ часто перемѣняли воду. Водяныя птицы съ береговъ океана разгуливали среди этихъ прудовъ; многихъ заставляли каждый годъ лишаться самыхъ блестящихъ перьевъ, чтобы увеличить ту часть государственной казны, которую Мехиканцы ставили нынѣ богатствъ металлическихъ и украшали названіемъ *сокровища боговъ*. Лопесъ де-Гомара говоритъ, что каждой птицѣ давали пищу, которую она любила на свободѣ и полагаетъ въ десять арривовъ (250 фунтовъ) вѣсъ рыбы, ежедневно вынимаемой изъ озера Мехико, единственно для пищи рыболовныхъ птицъ. Бобы, фасоль, *сентли* (мансъ) и не мало другихъ овощей раздавались крылатымъ обитателямъ сада и забота объ нихъ доходила до того, что каждый день собирали множество насѣкомыхъ для корму нѣкоторыхъ изъ этихъ птицъ. Кортесъ рассказываетъ намъ, что возлѣ каждаго пруда находилось по бесѣдкѣ, куда Монтесума приходилъ увеселять свой взоръ. Раздѣленія огромнаго зѣрища Монтесумы не довольно точно указаны, и описывая его, мы не можемъ слѣдовать методическому порядку. Впрочемъ, можно сказать съ достовѣрностью, что въ сады, пзначенныя для водяныхъ птицъ, открывалась огромная зала, носившая названіе *птичьего тепака*, и что недалеко отъ этого безчисленнаго и разнообразнаго множества крылатыхъ, содержали крокодиловъ, черепахъ, игуановъ и змѣй. Должно быть какое-нибудь гнусное суевѣріе побуждало ухаживать за этими животными,

потому что всѣ испанскіе писатели не могутъ безъ ужасу говорить о сосудахъ, наполненныхъ человѣческой кровью, назначенной имъ въ пищу. Геррера утверждаетъ, что мясо военнопленныхъ, закланныхъ на жертвенникахъ, сохранялось для этихъ отвратительныхъ пресмыкающихся, которыя отъ этой пищи значительно приращались. Испанцы нашли мѣста, гдѣ предавали жертвъ жадности животныхъ до того наполненными застывшей кровью и смраднымъ запахомъ, что онъ былъ невыносимъ.

Кортесъ умалчиваетъ объ этомъ обстоятельствѣ, но описываетъ подробно птичникъ хищныхъ птицъ. «Былъ другой очень красивый домъ, говоритъ онъ, гдѣ находился большой дворъ, вымощенный изрядными плитами, расположенными въ видѣ шахматной доски; комнаты могли имѣть по шести шаговъ въ квадратъ; часть, оставшаяся открытою, была украшена деревянной рѣшеткой и въ каждой такой клѣткѣ находилось по хищной птицѣ, начиная съ кустанги до орла. Было множество головъ каждаго рода. Въ открытой части этихъ комнатъ находилось по длинному шесту для насѣста и въ части закрытой рѣшеткой тоже; такимъ-образомъ птица имѣла убѣжище на ночь и на случай дождя, и могла также сидѣть на открытомъ воздухѣ. Этихъ птицъ кормили дичью и больше ничѣмъ. Въ этомъ жилищѣ были тоже низкія залы съ клѣтками, изъ очень толстыхъ досокъ, хорошо обдѣланныхъ и укрѣпленныхъ, въ которыхъ находились львы, тигры, волки и звѣря всякаго рода и въ великомъ множествѣ». Геррера утверждаетъ, что нѣсколько сотъ видѣекъ убивалось ежедневно для звѣринца.

Кортесъ, умалчивая объ отвратительныхъ пиршествахъ крокодиловъ и змѣй, не такъ скромнѣе, когда дѣло идетъ о карликахъ и другихъ уродахъ Монтесумы. Эти несчастные точно жили въ оградѣ, отведенной для рѣдкихъ животныхъ; но завоеватель Мексики не говоритъ о томъ, что искусство съ гнусной угодливостью увеличивало причуды природы и, между-тѣмъ какъ у насъ ортопедія старается исправить зло, почти всегда непредвидѣнное, тамъ истинно адское искусство создавало уродовъ для забавы обитателей этого дворца.

Поспѣшимъ сказать однако, что то, что намъ кажется безпримѣрной жестокостью изъясняется странностью американскихъ обычаевъ; мученія, добровольно претерпѣваемыя Оманью, Караибани и Мехиканцами, для того чтобы придать странную форму нѣкоторымъ частямъ тѣла, изъясняетъ до нѣкоторой степени то, что происходило во дворцѣ Монтесумы.

Темхтитанскіе владѣтели, въ продолженіе столькихъ лѣтъ ставшіеся собрать столько различныхъ животныхъ, руководствовались ли одними видами съ Европейцами. Приписывать Азтекамъ и Чичимекамъ въ этомъ обстоятельствѣ цѣль успѣха науки, значило бы предполагать въ нихъ слишкомъ большое развитіе учености. Религіозныя предписанія, любовь къ охотѣ и необходимость пещись о нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности занимали главное мѣсто въ стараніяхъ, которыхъ результатъ представили мы здѣсь. Несправедливо было бы однако отрицать успѣхи Мехиканцевъ въ наблюдательныхъ наукахъ. При всемъ несовершенствѣ іероглифическихъ письменныхъ знаковъ, эти народы имѣли спеціальныя трактаты о большей части человѣческихъ знаній. Изученіе ботаники считалось между ними такою честью, что преданіе сохранило имена трехъ врачей, знаменитыхъ знаніемъ полезныхъ растений, и которыхъ оно такъ сказать обоготворило. Еслибъ нѣкоторые изъ этихъ трактатовъ, переведенные Ботурини или Лоренсано, дошли до насъ, то вѣроятно, что новѣйшая наука мало извлекла бы изъ нихъ пользы. Средніе вѣка, когда они освобождались отъ ученій древности, Китай и Японія, которыхъ спеціальныя трактаты кажутся намъ по справедливости такими странными, представляютъ намъ ученіе, подобное тому, которое находили бы мы въ книгахъ Азтековъ, если бы они не были безжалостно уничтожены архіепископомъ Донъ Хуаномъ Сумарагуа. Знаменитый Акоста говоритъ о сочиненіяхъ о натуральной исторіи, которыя онъ имѣлъ случай разсмотрѣть, когда объѣзжалъ юкатанскую полосу, столь любопытную для американской археологіи. При видѣ порядка, царствовавшего въ звѣрницѣ Монтесумы, нельзя не вѣрить, что существовали настоящіе трактаты о зоологіи съ учеными подраздѣленіями. Лоренсано не утверждаетъ, но позволяетъ это предполагать; и пожаръ города Тескуко, разрушившій, въ началѣ завоеванія, самыя значительныя мексиканскія архивы, составляетъ катастрофу столько же достойную сожалѣнія, какъ и та, которая уничтожила ученые трактаты гренадской бібліотеки. Мы знаемъ только по имени книгу, наиболѣе уважаемую Азтеками. Техамохтли, ихъ свещенная книга, которая, говорятъ, будто бы отыскана господиномъ Вальдекомъ, была по видному роду энциклопедія, богословской и исторической. Интересъ ея тѣмъ значительнѣе для насъ въ настоящемъ случаѣ, что вѣроятно живыя существа распредѣлялись тутъ на извѣстные разряды, классы или чины, по которымъ не трудно было бы составить себѣ нѣсколько ясныхъ

шее понятіе о принятой у Азтековъ теоріи физической природы.

Если мы должны ограничиться предположеніями на-счетъ учености Мехиканцевъ, то, напротивъ, средства поддерживать обширный звѣринецъ Монтесумы очень хорошо намъ извѣстны. Это ясно видно изъ іероглифическихъ фигуръ Лоренсаго; не только нѣкоторые города должны были ежегодно платить дань живыми звѣрями или драгоценными мѣхами, но требовалось еще, чтобы люди, опытные въ искусствѣ таксидерміи, приготовляли шкуры птицъ для царя; и въ этомъ отношеніи собиратели податей были взыскательны до мелочности. Служили ли эти шкуры для убранства придворныхъ или ихъ сберегали для составленія коллекцій? говорить объ этомъ утвердительно не позволяютъ намъ слишкомъ краткіе рассказы историковъ: вѣрно только то, что искусство поставщиковъ Монтесумы было неоспоримо въ сохраненіи предметовъ естественной исторіи. Еще страннѣе покажется то, что простые жители Мехико раздѣляли вкусъ государя къ этимъ рѣдкостямъ. На рынкахъ продавали птичьи шкуры, искусно приготовленныя. Шкуры съ большихъ четвероногихъ животныхъ сдирались съ особеннымъ стараніемъ и, ужасно сказать—это искусство, употребляемое у насъ для пользы науки, у Мехиканцевъ сдѣлалось средствомъ къ сохраненію воспоминаній о мщеніи. Въ нѣкоторыхъ храмахъ хранились кожи людей, принесенныхъ въ жертву богамъ; кожи Испанцевъ хранились какъ трофеи. Въ экспедицію 1524 года Кортесъ имѣлъ печальный случай увѣриться въ этомъ искусствѣ Мехиканцевъ; по словамъ историка, достойнаго вѣроятія, онъ узналъ многихъ своихъ товарищей, павшихъ въ прежнихъ сраженіяхъ. Отвратимъ взоръ отъ этого страшнаго разсказа и поговоримъ еще объ учрежденіи, которое могло служить къ нѣкоторымъ драгоценнымъ наблюденіямъ и показывало похвальное стремленіе къ изученію естественной исторіи.

Въ обширномъ государствѣ, покоренномъ Испанцами, главнымъ ученымъ городомъ былъ не тотъ, гдѣ жилъ Монтесума. Тескуко слѣдовало предпочтеніе; тамъ-то собирались не только самые ученые жрецы, но и, благодаря Нецаватколоцину, основались съ пятнадцатаго вѣка заведенія, походившія дотога на европейскія академіи, что одно ихъ существованіе должно бы остановить слѣпое преслѣдованіе завоевателей. Когда Ихтлихочитль историкъ чистосердечный и мало извѣстный, описываетъ дворецъ, въ которомъ прежде жили цари Тескуко, онъ говоритъ: «На

западъ отворилась большая зала и нѣсколько комнатъ, гдѣ находились историки, поэты и философы, раздѣленные по классамъ, смотря по наукамъ, которыми они занимались. А эти ученые равно почувствовали необходимость учредить библіотеки или, скорѣе, архивы, гдѣ тщательно сохранялись іероглифическіе рисунки, назначенные напоминать всѣ преданія религіозныя, политическія или просто литературныя. У нихъ были настоящіе ботаническіе сады, куда люди спеціальные ходили учиться. Кромѣ звѣринца, подобнаго тому, который впоследствии увеличилъ Монтесума, они составили родъ музея естественной исторіи, который конечно болѣе отличался богатствомъ, нежели совершенствомъ. Всѣ звѣри, которыхъ не могли достать живьемъ, были вылты изъ золота и занимали мѣсто въ этой великолѣпной коллекціи. Мало того: картины, вышитыя по канвѣ тонкими волосами какихъ-то четвероногихъ, представляли вѣрныя изображенія животныхъ, извѣстныхъ по названіямъ, но не добытыхъ для наблюденія въ живомъ видѣ. Дошедшіе до насъ остатки чичимекской живописи не даютъ достаточнаго понятія о возможной пользѣ этихъ картинъ для успѣховъ естественныхъ наукъ. Но эти музеи находились въ самомъ цвѣтущемъ состояніи съ среднихъ вѣковъ и конечно служили образцами музеямъ Мехико; а какой изъ европейскихъ государей заботился тогда о наукѣ до такой степени, чтобы собирать въ помощь ученымъ что-нибудь подобное коллекціямъ, которымъ дивились въ Тескуко. Короли, правда, собирали во рвахъ своихъ замковъ лютыхъ звѣрей; у Изабеллы Баварской былъ барсъ, извѣстный подъ именемъ королевиныя звѣря; правда, ѣздили въ нѣкоторые итальянскіе города любоваться то жирафомъ, то словомъ; стольники обучали птицъ высокаго полету ловя дичи, и надо всегда оставаться признательнымъ Барбароссѣ за его книгу о птицахъ; но все это не относилось къ наукѣ и мы даже не видимъ въ концѣ пятнадцатаго вѣка, чтобы какое-нибудь важное лицо позаботилось о вѣрности ученыхъ трактатовъ, основывавшихся на наблюденіяхъ. А если бы люди истинно ученые могли сопутствовать Кортесу въ его отчаянной экспедиціи, то вѣроятно сады Монтесумы или даже собранія, бывшія въ Тескуко, расширили бы умственный горизонтъ этихъ ученыхъ (по-крайней мѣрѣ въ нѣкоторомъ отношеніи) болѣе, чѣмъ могли это сдѣлать большіе европейскіе города.

НАПОЛЕОНЪ, ЖОЗЕФИНА И МОДЫ. Извѣстно, что Наполеонъ мало заботился о своемъ туалетѣ. Онъ былъ кокетливъ только для солдатъ, особенно для старой гвардіи, которой богатая и суровая одежда нравилась ему. Его драгоценности были бронзовыя пушки, мѣдныя мортиры, желѣзныя пули, и когда онъ могучей рукою потрясалъ эти игрушки, свѣтъ дрожалъ и покоралось новое царство.

Одинъ только разъ случилось Наполеону замѣтить и похвалить наружность мужчины; это было на полѣ сраженія. Испріатели бѣжалъ, гонимый побѣдоносными войсками Бонапарта; адъютантъ его, генералъ Раппъ, прискакалъ отдать отчетъ въ рѣшительномъ движеніи. Лошадь его была пробита ударами; сѣбля шлохана, лицо прорѣзано широкой и страшной раной.

Видя его окровавленнаго, съ плачевными слѣдами битвы, и между-тѣмъ полного жару, готоваго опять приняться за то же и умереть, исполняя свою опасную обязанность, Наполеонъ вскричалъ:

— Какъ онъ прекрасенъ!

Это, въ самомъ дѣлѣ, былъ типъ воинственнаго самоотверженія, единственная красота, которая могла тронуть Наполеона.

Впѣ войны, поглощавшей большую часть его жизни, и среди которой всегда представляется онъ воображенію, Наполеонъ, это теперь всемъ извѣстно, былъ внимателемъ къ мелочнымъ подробностямъ, которыя, кажется, должны бы ускользнуть отъ ума, до такой степени занятаго вещами по-важнѣе. Въ Тюильри, въ Сенъ-Клу, окруженный многочисленнымъ семействомъ, онъ былъ безпримѣрно добръ и простъ необыкновенно.

Онъ опредѣлялъ домашній расходъ, входилъ въ хозяйственныя подробности и даже то, что относилось къ нарядамъ, не ускользало отъ него. Рассказывали тысячу исторій, изъ которыхъ нѣкоторыя справедливы, о небольшихъ ссорахъ Наполеона съ Жозефиной, самой граціозной щеголихой своего времени. Щегольство, когда оно чрезмѣрно, становится разорительно. Наполеонъ былъ очень расчетливъ и, слѣдовательно, требовалъ во всемъ порядка и точности. И потому издержки такого рода по большей части отъ него скрывались; онъ узнавалъ огромный итогъ долговъ, только когда поставщики представляли ему счета лично, въ крайнемъ случаѣ. Онъ немножко сердился, потомъ платилъ, съ нравоученіемъ быть впередъ благоразумнѣе.

Кто этому повѣрить? Въ самые лучшіе дни Наполеона, когда

все передъ нимъ преклонялось, дѣл только особы осмѣлились сопротивляться ему въ глаза: модность и модетка.

Последняя, столько же извѣстная живостью ума, сколько важными вкусомъ своего товара, находилась въ одно утро въ будоарѣ Жозефины, когда неожиданно вошелъ Наполеонъ.

Тамъ и сямъ на небеляхъ были разбросаны матеріи, шарфы, перья, ленты, всё богатая принадлежности дамскаго туалета.

Наполеонъ былъ въ духѣ, а когда онъ находился въ этомъ счастливомъ расположеніи, онъ былъ веселъ и разговорчивъ. Онъ принялся разспрашивать модистку. — На кого вы работаете? — Гдѣ ваши магазины? — Сколько у васъ работниковъ? — Откуда берете матеріалы?

Потомъ любовь къ цифрамъ взяла верхъ и онъ спросилъ:

— Сколько обходятся работники въ день? — Наемъ квартиры? — Общій итогъ издержекъ? — Чистый барышъ?

Модистка отвѣчала ни сколько не конфузясь; она привыкла говорить съ герцогинями, привыкла, чтобы за ней ухаживали знатныя дамы, которымъ часто нужно было поспѣшное составленіе наряда, необходимаго для какого-нибудь печальнаго праздника. Она сумѣла даже найти нѣсколько счастливыхъ выходовъ и вызвать на губы Наполеона ту бѣглую улыбку, которая такъ шла къ нему.

По несчастію, распросы Наполеона не ограничились этимъ.

— Что стоитъ этотъ пенюаръ? спросилъ онъ, схвативъ обѣими руками и страшно измявъ легкую матерію.

— Шесть сотъ франковъ, отвѣчала модистка, слышавшая, что Наполеону надо отвѣчать скоро и точно.

— А эта шляпа?

— Двѣсти.

— А этотъ тюрбанъ?

— Тысячу.

— Да вы просто грабите мою жену! вскричалъ Наполеонъ, отбросивъ несчастный тюрбанъ, который шлепнулся на когти позолоченой Химеры.

Тюрбанъ, чудно составленный, образецъ легкости и вкуса!!!

При этой рѣзкой фразѣ, при этомъ гнѣвномъ движеніи, модистка, избалованная снисходительностью своихъ кокетливыхъ кліентовъ, вздрогнула.

— Я честная женщина, исполняю добросовѣстно заказы и не беру лишняго.

— Ну, успокойтесь, отвѣчалъ Наполеонъ, можетъ-быть вы-

тренно сожалѣя о своей вышивкѣ, но оставался убѣжденнымъ, что объявленные цѣны безстыдно набавлены;—какъ вы хотите, чтобы здравомыслящій человѣкъ слышалъ хладнокровно, что каждая изъ этихъ тряпокъ стоитъ дороже обмундировки трехъ гренадеровъ.

— Сравнивать амуницію ратниковъ съ такими прелестями? Да вы взгляните только.... что за фасонъ, какія кружева, рассмотрите доброту матерій!... Это не простое шитье.... Это изящное произведеніе искусства!

— Ба! вскричалъ Наполеонъ, озадаченный и этимъ притязаніемъ и самоувѣренностью модистки.

— Конечно, отвѣчала она съ непоколебимымъ убѣжденіемъ, вы не отказываетесь дать Богъ знаетъ какую сумму за древній камень, за мраморную статую, за истертую картину: отчего? оттого, что вы платите за талантъ артиста, за исключительный гений, котораго отпечатокъ лежитъ на его произведеніи. Вы достойно цѣните образцовое произведеніе.... а развѣ не то самое выходитъ изъ моей мастерской? Посмотрите на эту талію: просто слѣпокъ съ античной Венеры; взгляните на эти фестоны: что вашъ чеканъ флорентинской бронзы! рассмотрите эту вышивку, она поспоритъ съ рисунками картоновъ Рафаэля. А еще мой камень оправленъ въ золото, моя статуя изъ драгоценнаго металла; моя картина въ богатой рамкѣ.... Я ничего не жалѣю для матерій, но смѣю сказать фасонъ, какъ говоритъ толпа или точнѣе сказать, искусство!... искусство составляетъ тутъ все.

Наполеонъ терпѣливо выслушалъ эту выходку. Съ умомъ и смѣлостью у него всегда можно было имѣть успѣхъ, если только все это не переходило границу. Модистка не хотѣла оставить успѣхъ свой неполнымъ.

— Я еще не кончила, сказала она.

— Мнѣ кажется, что вы уже довольно наговорили.

— Счастіе приблизиться къ вашему величеству такъ рѣдко, что я не могу не воспользоваться неожиданнымъ случаемъ, чтобы сказать ему одну важную истину.

— Что еще такое?

— Я хочу поговорить съ вашимъ величествомъ объ огорченіяхъ императрицы.

Наполеонъ незамѣтно нахмурилъ брови. Въ публикѣ уже ходила вѣсть о разводѣ, которою услужливо сразилъ Жозефину Фушѣ, не упускавшій случая втереться на первое мѣсто во всякой придворной интригѣ. Наполеонъ подумалъ, что модистка примется

за тему министра полиціи, и что герцогъ Отрантскій нашелъ подражателя.

— Да, императрица самая несчастная, какъ и самая добрая изъ государынь. Ея огорченія не даютъ ей ни минуты покою. А кто этому причиной? Вы, государь! Да-съ, ваша строгость, скупость предоставленныхъ ей средствъ дѣлаютъ ее несчастіею жены богатаго банкира. У императрицы Французовъ только одинъ милліонъ въ годъ на туалетныя издержки! Одинъ милліонъ! Что прикажете сдѣлать изъ такой бедѣлицы! И потому она дѣлаетъ долги и не можетъ поступать прилично своему званію и достоинству. Я знаю, что этой слабой суммы недостаточно для брилліантовъ, и что Басень, придворный брилліанщикъ, почти столько же получаетъ изъ вашей собственной шкатулки; но...

— Занужемъ ли вы? перебилъ вдругъ Наполеонъ.

— Нѣтъ, государь, отвѣчала модистка жеманясь.

— Ну, такъ у васъ есть обожатель.... если я скажу ему, что вы несносная болтунья, суется, гдѣ васъ не спрашиваютъ, [говорите о томъ, чего не понимаете, довольны ли вы будете, что посторонній виѣшшивается въ ваши домашнія дѣла?...]

— Но, государь....

— Точно также и я; я не люблю, чтобы виѣшшивались въ мои домашнія дѣла; я хочу быть господиномъ *по-крайней-мѣрѣ* въ своемъ домѣ.

Модистка, полагаясь на свой умъ, на пылкость своего слова, продолжала :

— Я говорю изъ участія къ императрицѣ; она такъ добра.... и такъ хорошо одѣвается!... Да-съ, я не могу не сказать этого; жалость смотрѣть какъ первая барыня во Франціи посажена на указную порцію; жена императора Французовъ дѣлаетъ долги!... Еще на послѣдней недѣлѣ она не рѣшилась истратить двадцать пять тысячъ франковъ на кружевное платье; сердце обливается кровью. Ахъ! не говори я въамъ, я сказала бы, что это скупъ и жестоко; кому далъ Богъ жену съ таліей, облагораживающей все, что она ни надѣнетъ, тому стыдно ей отъказывать.

— Эта сумасшедшая, право, употребляетъ во зло мое терпѣніе.

— Сумасшедшая!... меня называютъ сумасшедшей, потому что я тверда въ своихъ убѣжденіяхъ!... Свѣтская женщина не можетъ довольствоваться нарядами, которые вы считаете великолѣпными, и будь я французская императрица....

— Вытолкать эту дерзкую вонь и посадить ее въ тюрьму, чтобы она имѣла время притти въ себя!

Приказанія Наполеона были съ точностью исполнены. Медистка прямо из Тюльери отправилась въ Венсенскій замокъ.

Впрочемъ, время продолжалось не долго; ее выпустили черезъ три дня. Наполеонъ думалъ, что она довольно наказана страданъ.

Напрасно жаловалась она въ Тюльери; напрасно старалась прибѣгнуть къ Жозефинѣ. Строгія приказанія были отданы и съ тѣхъ поръ медистка ни ногой въ императорское жилище. Это-то и было ея настоящимъ наказаніемъ.

Другое прѣключеніе произошло въ публикѣ, на дорогѣ, передъ толпой, обожавшейся приветствовать радостными восклицаніями своего государя-побѣдителя.

Наполеонъ возвращался изъ Семъ-Клу въ Парижъ. Это было въ жаркій лѣтній день, онъ ѣхалъ въ открытой коляскѣ. Жозефина сидѣла возлѣ него съ лѣвой стороны; на передней скамейкѣ лежала турецкая шаль, вѣтеръ, букетъ, пузырекъ съ духами, словомъ, весь приборъ необходимыхъ бездѣлицъ, показывающихъ присутствіе женщины, для которой привычки пысканности сдѣлались второй натурой.

Цезарь, кучеръ, правилъ четверкой сѣрыхъ, рослыхъ, статныхъ лошадей. Рустанъ, мамлюкъ, сидѣлъ одинъ на заняткахъ. Около коляски гарцовали четверо главныхъ конюшихъ. Спереди и сзади, шли два взвода гвардейскихъ драгунъ, составлявшихъ поѣздъ.

Толпа встрѣтила Наполеона восклицаніями, ура раздавались въ воздухѣ, всё тѣснилось, толкались, чтобы поближе увидѣть поѣздъ и особенно черты обожаемаго героя, когда человекъ, уже вожилой, съ сѣдыми волосами, протолкавъ толпу и ухватился за подпорку коляски, вскричавъ:

— Правосудіа! государь, правосудіа!

— Хорошо, другъ мой; если васъ обидѣли, то окажутъ правосудіе. Подайте мнѣ просьбу, милостиво сказалъ Наполеонъ.

— Двадцать разъ писалъ я, и письма мои оставались безъ отвѣту. Я желаю говорить съ вашимъ величествомъ.

— Теперь не время. Приходите въ Тюльери.

— Меня не пускаютъ и въ переднюю.

— Обратитесь къ Дюроку.

— Великій гофмаршалъ говоритъ, и справедливо, что моя просьба до него не касается.... Государь, удостойте меня выслушать, умоляю васъ; я уже двѣ недѣли выжидаю минуты, чтобы заше

величество выслушали меня; дѣло идетъ больше чѣмъ о моей жизни, о моей чести!

Въ голосѣ этого человѣка, въ его кроткомъ и честномъ лицѣ было выраженіе истины и отчаянія. Колеса хотя не скоро, а все подвигалась впередъ, улекая старика, цѣплявшагося за нее.

Наполеонъ приказалъ Цезарю остановить лошадей:

— Чтого вы хотите? спросилъ онъ.

— Уплату значительной суммы, которую ваше величество должны мнѣ.

— Кто вы?

— Парижскій негодянтъ; вѣдѣлецъ магазиновъ***.

— А! а! торговецъ дамскимъ тряпьемъ! сказалъ Наполеонъ, до назанію магазина тотчасъ догадавшійся въ чемъ дѣло; его изумительная память тотчасъ напомнила ему малѣйшія подробности этого дѣла.

Наполеонъ обратился къ Жозефинѣ, которая, прижавшись къ углу, дѣлала видъ, будто обращаетъ большое вниманіе на лошадей, съ трудомъ удерживаемыхъ, и старалась скрыть замѣшательство подъ видомъ страха. Въ первую минуту она узнала въ просителѣ одного изъ своихъ заимодавцевъ — самаго главнаго — съ которымъ она не могла расплатиться.

— Государь, сказалъ старикъ, ставъ въ почтительное положеніе, давно уже имѣлъ я честь удостоиться поставки ко двору ея величества императрицы. Были сдѣланы значительныя закупки; но я получилъ всего на все ничтожныя задаточки, мнѣ остались должны шестьсотъ тысячъ франковъ.

— Знаю; ваше дѣло мнѣ извѣстно, вы мнѣ писали. Но вы сами виноваты. Полтора года тому назадъ, я велѣлъ расплатиться съ вами, потому что вы обратились наконецъ ко мнѣ. Тотъ, кому я поручилъ эту расплату, предупредилъ васъ, что я терпѣть не могу такихъ долговъ и больше не стану платить. Однако вы опять умѣли написать счетъ въ полмилліона за тряпки, которыя не стоятъ и третьей части того, во что вы ихъ ставите.... Тѣмъ хуже для васъ; васъ предупреждалъ, вы знали, что я больше знать объ этомъ не хочу, это дѣло императрицы; у нея свой штатъ; похозяйствуйте о томъ, чтобы при отпускѣ слѣдующихъ на ея дворъ суммъ удержали кое-что въ вашу пользу.

— Я былъ бы виноватъ, если бы нарушилъ приказанія вашего величества, но я не получалъ ихъ: если есть ослушникъ, то это тотъ, на кого было возложено объявить мнѣ вашу волю. По моимъ счетнымъ книгамъ можно видѣть, что я беру только десять процен-

товъ; я готовъ показать эти книги для моего оправданія. Къ тому же позвольте мнѣ сказать, государь, мнѣ не безызвѣстно, что щедрость императрицы неисчерпаема, что ей иногда недостаетъ средствъ и если бы я не полагалъ себя обезпеченнымъ высокими отвѣтомъ вашего величества за вашу супругу, то не смѣлъ бы рисковать такіа сумми на предварительныя издержки по заказу.

Этотъ ясный, твердый, но полный приличія языкъ, произвелъ впечатлѣніе на Наполеона.

— Я велю собрать справки, сказалъ онъ, и тогда рѣшу.

— Я уже сказалъ, государь, дѣло идетъ о моей жизни и чести; сумма, о которой я прошу, нужна мнѣ немедленно. У меня есть платежи, которые надо удовлетворить непременно. Наше дѣло — купеческое; опоздалъ однимъ часомъ, такъ и протестуютъ; а допусти только свой вексель до протеста, какъ разъ объявятъ тебя банкротомъ, а тамъ и носи безчестіе. И притомъ посмотрите на слѣдствія паденія такого обширнаго заведенія, какъ мое. Не говорю уже о работникахъ, которые остались бы безъ работы, слѣдовательно безъ хлѣба; но лѣнскіе фабриканты, гдѣ я покупаю шелковые товары, но сѣверъ, откуда приходятъ полотна, Эльзась, гдѣ ткуются матеріи, Арденскія области, гдѣ выдѣлываются сукна, пошатнутся отъ этого и, пожалуй, обанкрутятся въ свою очередь. То же самое можетъ случиться и съ гаврскими и марсельскими складчиками товаровъ. Ахъ, государь, слѣдствія торговаго бѣдствія неисчислимы.

— Причины эти справедливы, онъ доказываютъ только то, что вы человекъ честный, а вовсе не то, что я долженъ заплатить долгъ, лично до меня не касающійся.

— Извините, государь, вы мой должникъ, а то я не посмѣлъ бы къ вамъ обратиться.

— О! это уже слишкомъ! не я ли износилъ ваши платья, шали и все это тряпье?

— «Наполеоновскій кодексъ» отвѣчалъ старикъ, тономъ твердымъ, смѣшаннымъ съ глубокимъ почтеніемъ, прославить наше имя столько же какъ одержанныя вами побѣды; законы, предписываемые этимъ «кодексомъ», издали вы; излагаемыя имъ высокія правила правосудія — утвердили вы. Словомъ, государь, это — ваша мудрость, зеркало вашей верховной воли.

— Да что тутъ дѣлать мнѣ кодексамъ? Да это до моихъ кодексовъ ни мало не касается! сказалъ Наполеонъ, довольный этою рѣчью: онъ любилъ, чтобы удивлялись его законодательнымъ

дарованіямъ, достоинству, въ которомъ отказывала ему большая часть выхвалявшихъ его вонскія способности.

— «Кодексъ» говоритъ положительно, что глава семейства отвѣчаетъ за дѣйствія живущихъ подъ его кровлей. Я долженъ былъ думать, что ниѣю поручительство вашего величества: это было естественное слѣдствіе текста вашего закона.

— Слѣдствіе нѣсколько натянутое; я легко могъ бы его опровергнуть, сказалъ Наполеонъ улыбаясь, но вы несчастны, ваше паденіе повлекло бы за собою другія несчастія: я заплачу. Вы найдете у моего казначея ордеръ объ отпускѣ слѣдующей вамъ суммы. Только я усталъ играть роль *главнаго казначея имперіи*. Предупреждаю васъ *самѣ* на этотъ разъ, что если повѣрите въ долгъ впередъ, такъ пеняйте на себя.

Наполеонъ одѣлалъ знакъ, и коляска уичалась, окруженная облаками пыли.

Жозефина, безпокоясь о послѣдствіяхъ этого разговора, жалась въ уголокъ, стараясь скрыть свое присутствіе и заставить забыть себя. Наполеонъ, съ своей стороны, былъ молчаливъ и задумчивъ. До Парижа супруги не разиѣнялись ни однимъ словомъ. Только выходя изъ коляски, Наполеонъ сказалъ отрывисто и съ недовольнымъ видомъ:

— Этотъ человѣкъ говорилъ о «кодексѣ».... Если будете мотать по прежнему, такъ заставьте меня обратиться къ «кодексу», и я, для *починку*, потребую разлуки по виѣнню.

Жозефина поняла смыслъ этихъ словъ; она страшно поблѣднѣла, но не отвѣчала ничего.

Наполеонъ любилъ припоминать этотъ анекдотъ и часто рассказывалъ его, чтобы доказать, какъ легко каждый могъ обращаться къ нему съ просьбами. Если Наполеонъ терпѣть не могъ расточительности, долговъ, всего что походило на безпорядокъ, онъ требовалъ однако жъ соблюденія приличій, и не позволялъ скупности дѣлать экономіи, вредныя пышности двора.

Онъ часто хвалилъ женщинъ, на которыхъ видѣлъ богатые наряды, и сражалъ жестокими отзывами тѣхъ, которыя одѣвались безвкусно или слишкомъ бѣдно.

Возвышая моду до политики, онъ говорилъ:

— Носите батистъ и льно, *mesdames*, это лучше чѣмъ кисей, продаваемая нашими врагамъ... это національнѣе.

Наконецъ, кто бы подумалъ? у него было платье, которымъ онъ очень гордился; «мой красивый кастанъ!» какъ онъ называлъ его, надѣвая въ торжественные дни и воображая, что это

удивительный нарядъ. А это было ужасно красное платье, вышитое золотомъ, сшитое во времена консульства по некрасивому тогдашнему фасону. Это платье заключаетъ цѣлую исторію, которую стоитъ разсказать.

За вѣсколько времени до провозглашенія имперіи, главнѣйшіе ліонскіе фабриканты послали въ Парижъ депутацію, съ порученіемъ хлопотать всѣми мѣрами и средствами при императорскомъ дворѣ перваго консула о возвращеніи употребленія роскошныхъ тканей и шитья. Для втораго, посла въ Парижъ, французскаго города было чрезвычайно важно — чтобы сановники стали опять являться въ этихъ дорогихъ нарядахъ. Депутація поручено было предложить Наполеону для консульской одежды матерію, вышитую золотомъ, считаемую чудомъ искусства.

Наполеонъ любилъ особенно городъ Ліонъ и понималъ, что онъ выиграетъ при возобновеніи прежней промышленности, и потому депутація и платье были приняты милостиво. Онъ надѣвалъ это платье въ торжественные дни даже будучи, уже императоромъ, когда консульская одежда вовсе несогласовалась съ его новымъ положеніемъ.

Надѣть этотъ кафтанъ значило доказать большое съ своей стороны усердіе. Наполеонъ былъ въ немъ ужасно смѣшонъ, неловокъ, сжатъ, какъ въ тискахъ. Кафтанъ былъ ужасно тяжелъ, вышивка стѣсняла проймы; кружева, которыми онъ былъ покрытъ, не согласовались съ ежедневными привычками Наполеона. Мундиръ гвардейскихъ егерей и походная шинель шли къ нему несравненно лучше.

Но ни совѣтами, ни просьбами нельзя было сладить съ Наполеономъ; въ торжественные дни, онъ всегда говорилъ съ самодовольнымъ видомъ:

— Подайте мнѣ мой красивый ліонскій кафтанъ.

Всѣхъ извѣстѣй обычный костюмъ Наполеона, онъ сдѣлался историческимъ: лента Почетнаго - Легиона, котораго звѣзда не сходила съ его груди, этотъ сѣрый сюртукъ, дорогой солдатскому сердцу и воспѣтый поэтами, шинель іенскаго сраженія, оставшаяся потомъ ему саваномъ, все это было тысячу разъ написано на полотнѣ, награвировано на мѣди, разриновано и разсказано въ стихахъ и прозѣ.

СОФЬЯ АРГУ. Въ осемнадцатомъ вѣкѣ цвѣла во Франціи гирлянда красавиць, напоминавшихъ своими правами греческихъ прелестницъ. Была Аспазія, дававшая уроки политики, но не

красотѣи, Людовику-Пятнадцатому, который не былъ ни Сократомъ, ни Перикломъ; была и Ланса и Леонтія, Фрига, Танса, Таргелія, которыя подъ именами Дюбарри, Гимаръ, Лигеръ, Госсель, Софья Арну, приводили въ восторгъ Версаль и Парижъ, дворъ и театръ. Какъ въ древней Греціи Танса нашла своего Хрестиппа, Леонтія — Эпикура, — не говорю уже объ ученикахъ — Фрига — Праксителя, Таргелія — Киркса, во Франціи всѣ эти легкомысленныя и прекрасныя созданія, кромѣ Маріонъ Делоржъ, Нишоны де-Ланкло, Помпадуръ и Дюбарри, образовались на французскомъ театрѣ.

Строгіе умы осуждаютъ всѣхъ этихъ веселыхъ и грустныхъ женщинъ, «безнравственныхъ созданий, недостойныхъ воспоминація, не раскаянныхъ грѣшницъ, погибшихъ во грѣхахъ.» Вотъ что говорятъ они въ своемъ негодованіи, не находя ни одной слезы состраданія къ своимъ погибшимъ сестрамъ. Они правы. Со всѣми тѣми нельзя не чувствовать состраданія къ нѣкоторымъ женщинамъ, встрѣчающимся на пути при серіозныхъ розысканіяхъ исторіи осемнадцатаго вѣка. Много мѣста занимали онѣ при свѣтилѣ своего времени, и потому частная исторія, занимающаяся науками, искусствами, изучающая на одной и той же страницѣ идеи и шалости, лица и страсти, однимъ словомъ, донскивающаяся истины, такая исторія должна бросить взглядъ на эти лица. Добросовѣстный историкъ долженъ имѣть смѣлость до всего касаться. Все, что цвѣтеть и увядаетъ подъ солнцемъ, достойно его изученія; муза — бессмертная дѣвственница, проходящая міръ, никогда не грязня своихъ бѣлыхъ ногъ. Впрочемъ, все это не что иное какъ простой портретъ, нарисованный пастелью, съ улыбкой на устахъ, съ грустью на челѣ, и букетомъ розъ на груди.

Софья Арну родилась въ Парижѣ въ самый карнавалъ 1740 года, въ старинной отелѣ Понтье въ улицѣ Ботизя, въ спальнѣ, гдѣ былъ умерщвленъ адмиралъ де-Колливи и гдѣ умерла прекрасная герцогиня де-Монбазонъ. «Я вошла въ свѣтъ знаменитою дверью, говорила Софья Арну, и умъ ея съ первыхъ лѣтъ юности, при воспоминаніяхъ о любви герцогини де-Монбазонъ и де-Рансе, принялъ романтическій оттѣнокъ.

Старинный отель де-Понье обратился въ неблированную гостиницу подъ управленіемъ отца и матери Софьи Арну. У этихъ добрыхъ людей было пятеро дѣтей; и всѣ они, благодаря ихъ стараніямъ и доходамъ отъ гостиницы, были воспитаны съ трогательною и благочестивою заботливостью. У Софьи Арну

были учителя, какъ-будто она была дочерью знатныхъ родителей, учителя музыки, танцованья и пѣнія. Еще въ дѣтствѣ, можно было предвидѣть, что голосомъ своимъ она будетъ всѣхъ приводить въ восторгъ; никогда древняя сирена, воспѣтая стихотворцами, не имѣла болѣе свѣжаго, мелодическаго голоса. Мать ее поняла, что этотъ голосъ былъ неоцѣненное сокровище. «Мы будемъ богаты какъ принцы, говаривала Софья Арну, будучи еще ребенкомъ; добрая волшебница пришла къ моей колыбели и надѣлила меня чуднымъ даромъ все обращать въ золото и брильянты звуками моего голоса: пусть другіе извергаютъ змѣй и жабы, а я пролью волны жемчуговъ, рубиновъ и топазовъ.»

Мать водила ее въ нѣкоторые монастыри пѣть вечернюю службу на страстной недѣлѣ. Однажды моденская принцесса, гостившая въ монастырѣ Валь де-Грасъ, услышала голосъ прелестной Софьи, и приказала ей придти во дворецъ; молодая дѣвушка обладала уже остроуміемъ; какъ птичка мило щебетала и очаровала герцогиню, которая сказала ей, подавая ожерелье: «Ну, прекрасное дитя мое, ты поешь какъ ангелъ, ума у тебя бездна; твоя будущность обезпечена.»

Съ этого времени имя Софьи Арну стало извѣстно; восхищались ея миловидностью, прекрасными глазами, остроумными отвѣтами, но въ особенности прославляли ея очаровательный голосъ. Фоппертион, распорядитель увеселеній, пріѣхалъ однажды за нею въ своей каретѣ, чтобы представить ее къ мадамъ де-Помпадуръ. «Запрещаю вамъ говорить, сказала знаменитая прелестница: не говорите, но пойте.» Не заставляя себя просить, Софья запѣла тріолеты Флидора; никогда горлышко соловья не разсыпало столько жемчуга, никогда весеннее пѣніе не разливалось въ рошакъ болѣе свѣжести; то была роса, сверкающая отъ солнечнаго луча. Мадамъ де Помпадуръ съ восторгомъ аплодировала. «Молодая дѣвушка, вы будете со-временемъ очаровательной принцессою,» сказала она. Мадамъ Арну, сопровождавшая дочь, страшась, чтобы она не разыгрывала на землѣ слишкомъ большой роли, отвѣчала маркизъ: «Не знаю, маркиза, что вы подъ этимъ разумѣете. Дочь моя не такъ богата, чтобы выйти за принца, и слишкомъ хорошо воспитана, чтобы сдѣлаться театральною принцессою.»

Со всѣмъ тѣмъ съ этого дня Софья Арну готовилась вступить въ оперу. Чтобы не вдругъ испугать мать, сначала сказали ей, что дочь ее записана только для королевской музыки; но вскорѣ Франкеръ, директоръ королевской музыки, убѣдилъ Софью Арну вступить въ оперу, доказавши, что она принадлежитъ также дѣ-

лой Франціи какъ королю, что всѣ сердца въ королевствѣ забьются отъ восторга при ея дивномъ пѣніи. «Вступитъ въ оперу, отвѣчала она, это значить предать себя аду, но вѣрно такая ужъ моя судьба.» Всѣ мы смертные таковы; всѣ свои вины, какія бы онѣ ни были, мы всегда слагаемъ на судьбу. Мадамъ Арну съ величайшею заботливостію бодрствовала надъ дочерью; сама провожала ее въ оперу, даже за кулисы: напрасно лвы 1757 года умивались около пѣвицы; вмѣсто всякой награды они получали только молніеносные взгляды матери.

Софья Арну вступила на театръ семнадцати лѣтъ. Вотъ что говоритъ журналистъ того времени о ея появленіи въ оперѣ: «Не было еще видано такой естественной, такой умилительной, такой восхитительной актрисы. Она не красавица, но имѣетъ всю привлекательность красоты. Она не испорчена учителями; она явилась такою, какъ создала ее природа и потому появленіе ея было торжествомъ.» Журналистъ ошибался: Софья Арну имѣла уже учителей, да взяла еще другихъ. Фель учила ее пѣнію, Клеронъ театральному искусству.

Черезъ двѣ недѣли послѣ своего дебюта, Софья Арну была предметомъ обожанія цѣлаго Парижя; когда она должна была являться на сцену, опера была наполнена зрителями. Вся знать того времени оспаривала другъ у друга честь бросать къ ея ногамъ букеты при ея появленіи; но она проходила съ безпечностью, какъ-будто привыкла ходить только по однимъ цвѣтамъ. Мадамъ Арну, тоже очень умная женщина, говорила этимъ обольстительнымъ повѣсамъ: «Не бросайте же терніевъ на ея дорогу». Но напрасно мать употребляла всѣ усилія, напрасно смотрѣла во всѣ глаза; слѣпая любовь проскользнула между нею и ея дочерью. Изъ всей знатной молодежи, постоянно преслѣдовавшей Софью, болѣе всѣхъ былъ влюбленъ графъ Лорагѣ; онъ хотѣлъ чтобы побѣда осталась за нимъ. Сначала онъ пытался похитить красавицу за кулисами: эта первая попытка не удалась; но онъ былъ уменъ, любилъ приключенія и изобрѣлъ болѣе остроумное средство: вечеромъ, ужиная съ друзьями, онъ объявилъ имъ, что не пройдетъ двухъ недѣль, какъ мадамъ Арну перестанетъ сопровождать дочь свою въ оперу. На другой день молодой поэтъ изъ провинціи, подъ именемъ Дорваля, остановился въ гостинницѣ Лизіѣ. Его благородное обращеніе и робкій видъ привлекли вниманіе мадамъ Арну; онъ съ откровенностью разсказалъ цѣль своего путешествія; онъ оставилъ въ Нормандіи мать, «которая очень походитъ на вась сударыня, и сестру

которая походить на мадиональ Софи, для того, чтобы въ Парижѣ искать счастья въ наукахъ». — Бѣдное дитя! воскликнула мадамъ Арну, отчего не остались вы тамъ при своей матери и сестрѣ? — «Не отчаявайтесь еще, возразилъ Дорваль, у меня есть трагедія, которая заслуживаетъ чести быть разыграною Леканомъ и Клеронъ. Ахъ! сколько усладительныхъ почтой провелъ я за этимъ произведеніемъ моего двадцати лѣтняго возраста! Я долженъ вамъ признаться, сударыня, что не только слава, сама любовь улыбалась мнѣ». — Говоря это, Дорваль бросилъ презрительный взглядъ на Софию, которая слушала съ сердечнымъ любопытствомъ. «Такъ, сударыня, на моей родинѣ есть прекрасная дѣвушка, брюнетка, остроумная, веселая, созданная любовью для любви, и я люблю ее до безумія.» — Это очаровательное безуміе, прошептала пѣвица, увлеченная страстнымъ видомъ прѣважана. «Очаровательное безуміе, сказала мать, принимая суровый видъ; дочь моя, не совѣтую тебѣ впасть въ него. Что касается до васъ, очень жаль, что вы, милостивый государь, прѣехали въ Парижъ искать счастья въ сопровожденіи возни и любви: влюбленный и поэтъ — это двойное разореніе». — Я не согласенъ съ вами, сказалъ Дорваль, страстно смотря на Софию: не всё ли сокровища сердца предло мною? — «Но довольно сумасбродства на нынѣшній день, прервала мадамъ Арну. Къ тому же моеё Дорваль вѣроятно усталъ. Вотъ ключъ отъ его комнаты». — Увы! думала Софи, уже любящая играть словами, онъ уноситъ ключъ отъ моего сердца.

Любовь вѣчно осуждена разыгрывать комедіи, прибѣгать къ лицемерію, обманамъ и лжи. Любовь, которая идетъ прямо къ своей цѣли, по обыкновенному пути, никогда ничего не достигаетъ, она умираетъ на половинѣ дороги; но любовь, которая идетъ по тайнымъ тропинкамъ, всегда достигаетъ своей цѣли; она падаетъ въ располхъ, и все кончено. Женщины ищутъ не одной любви въ сердцѣ мужчины — онѣ ищутъ ума. Онѣ всегда принимаютъ въ соображеніе романъ, приготовленный для ихъ обольщенія, потому что любовь для нихъ романъ; и тѣмъ онѣ заигрываютъ, тѣмъ кажется обольстительнѣе. Графъ Лорангё хорошо знаетъ женщинъ. Прѣхать изъ Нормандіи простодушнымъ и остроумнымъ поэтомъ, искать славы въ Парижѣ, чтобы увѣнчать свою возлюбленную, не настоящимъ ли Донъ-Жуаномъ явился онъ къ актрисѣ, прежде всего желавшей отдать свое сердце? Небось прибавитъ въ похвалу Софи Арну: она не замѣчала графа Лорангё за кулисами оперы, куда онъ всегда прѣвѣжалъ съ великолѣпнѣ-

онъ принца, а полюбила съ перваго взгляда Лорваль, появивша-
лся въ печальномъ нарядѣ провинціального поэта.

Побѣда была быстрая; въ концѣ недѣли поэтъ Лорваль похи-
тилъ Софью изъ гостиницы Лизье. Никогда похищеніе не могло
быть сладостнѣе, пламеннѣе; въ продолженіе получаса онъ несъ
ее на своихъ рукахъ, назначивъ слугѣ своему мѣсто, гдѣ тотъ
долженъ былъ дожидаться; но ошибся улицю. Полюбка спусти,
былъ уже паромъ Франціи и герцогомъ де-Бранна, графъ Лорваль
разсказывалъ со всѣмъ жаромъ молодости объ этомъ романтическомъ
похищеніи: «Она была Психея, я Зефиръ, у меня была
королева, крылья любви. Бѣдная, испуганная горлица! она была
такъ легка на моемъ сердцѣ; я боялся, что она улетитъ. Она нача-
ла плакать. — «Что скажетъ мать моя?» — У меня приготовлена
чужая рѣка брильянтовъ. — «Моя бѣдная мать!» — И превосход-
ное жемчужное ожерелье. — «Кто ее утѣшитъ?» — Да я и забылъ
сказать тебѣ, что навѣлъ маленькую квартиру, получше вебпро-
ванскую, нежели ваше Лизье.» Въ ту минуту графъ нашелъ свою
карету: остальное извѣстно, вотъ почему я не стану его раз-
сказывать.

Это происшествіе взволновало дворъ и городъ; сожалѣли о гра-
финѣ Лорваль и о Софьѣ Арну. Софью прежде сравнивали съ
Оросемъ, теперь же уподобляли Сафо и Ниновѣ. Она облада-
ла остроуміемъ, игривою граціею въ разговорѣ, и потому
вскорѣ было рѣшено, что она наследовала остроуміе Фон-
тенелла и Пирона; каждая острота ея переходила изъ устъ
въ уста, начиная отъ Версаля и до Куртильп. Она была вое-
дѣта всѣми поэтами этого времени. Но для славы ея этого было
еще недостаточно; всѣ энциклопедисты собрались къ ней фило-
софствовать на свободѣ; надобно признаться, что ужасы Софьи
Арну были самые изящные. Гордась своими успѣхами въ свѣтѣ,
она не забывала однако оперы, настоящаго мѣста своей славы;
голосъ ея былъ все также свѣжъ, все такой же молодеческій;
впрямь того она исполняла роли со всею прелестью, со всѣмъ чув-
ствомъ великой актрисы. Гаррикъ, въ своемъ путешествіи въ
Парижъ, объявилъ, что мадмуазель Арну была единственная опер-
ная актриса, поразившая его глаза и сердце.

Не смотря на всѣ предостереженія двора, графъ Лорваль про-
должалъ жить съ Софьей Арну подъ одной кровлею. Графиня Ло-
рваль, образецъ женщины, принесенныхъ въ жертву, продавала
свои брильянты, чтобы только мужъ могъ поддержать честь до-
ма; но одинъ Богъ вѣдаетъ, сколько пришлось бы продать

брильянтовъ, чтобы надолго поддержать роскошь Софьи Арну. Домъ ея былъ дворецъ, гостинная — музей, нарядъ — волшебство. И среди этой безумной и роскошной жизни, — вѣроятно ли? графъ Лорагё и мадамозель Арну продолжали страстно любить другъ друга.

Четыре года протекли такимъ-образомъ, къ великому удивленію друзей графа в пріятельницъ пѣвицы. Никогда еще подобная любовь не возгаралась на театральныхъ подмосткахъ. Софья Арну соскучилась, разумѣется, первая; когда графъ былъ въ отсутствіи, она рѣшилась разорвать эту связь, и не хотѣла ничего оставить у себя, что получила отъ него; она приказала запретъ карету, положила въ нее всѣ драгоценности, кружева, письма, все что напоминало ей о счастіи съ нимъ. «Ступай, сказала она своену слугѣ, отвези эту карету къ мадамъ де-Лорагё; все что тамъ находится, принадлежитъ ей. Когда слуга выходилъ, она опять позвала его. «Подожди, я забыла одну важную вещь.» Она позвала своихъ женщинъ; принесите мнѣ дѣтей графа». — Принесли двухъ дѣтей; одинъ былъ еще къ колыбели, другой едва начиналъ лепетать. Она обняла ихъ и простилась съ ними. «Лапрери, возьми и этихъ дѣтей въ карету и отвези ихъ со всѣмъ остальнымъ. «Лапрери повиновался, не говоря ни слова; онъ поѣхалъ прямо въ отель Лорагё, гдѣ графиня была одна. Бѣдная женщина приняла дѣтей и отослала драгоценныя вещи.

Но этимъ не прервалась связь двухъ любовниковъ. Они опять сошлись. Огласка, и такъ уже большая въ Парижѣ, еще увеличилась при извѣстіи объ этомъ примиреніи. Графъ много путешествовалъ; во время его отсутствія, Софья дала свободу своему сердцу. «Ахъ! жестокая, сказалъ ей графъ возвращаясь, ты путешествовала гораздо дольше меня. — Катящійся камень не наживаетъ моху, отвѣчала она, но увы! сердце мое нажило довольно скуки. Принцъ д'Евинъ умоляетъ меня своими букетами, мадригалами и талерами. Это настоящій любовный дождь. — «Подожди, я освобожу тебя отъ такого скучнаго принца.» Въ тотъ же день, — февраля 1774 года, — онъ пригласилъ четырехъ докторовъ парижскаго факультета. «Нужно рѣшить важный вопросъ, сказалъ онъ съ важностью; нужно узнать, можно ли умереть отъ скуки? Послѣ зрѣлыхъ размышленій, доктора отвѣчали утвердительно. Они предъявили свое рѣшеніе въ длинной рѣчи, послѣ чего самымъ чистосердечнымъ образомъ подписали ее. «А лекарство?» спросилъ графъ. Они рѣшили, что нужно развлекать больного, взятить

образъ жизни и удалитъ людей, окружавшихъ его. Съ этой бумагою въ рукахъ, графъ пошелъ прямо къ комиссару, и принесъ жалобу на принца д'Енинъ подъ предлогомъ, что онъ досаждалъ мадамозель Арну до того, что едва не уморилъ ее со скуки. «Въ слѣдствіе чего я требую, чтобы приказали принцу прекратить свои посѣщенія къ пѣвицѣ, пока она совсѣмъ не выздоровѣетъ отъ болѣзни, которую получила отъ скуки, такой болѣзни, которая убьетъ ее по рѣшенію факультета, что было бы несчастіемъ всеобщимъ и частнымъ. Разумѣется, эта шутка кончилась дуэлью. Принцъ и графъ дрались такъ хорошо — или такъ дурно — что въ тотъ же вечеръ встрѣтились у Софьи Арну.

За нѣсколько времени до революціи она оставила театръ, оперную и земную любовь, и удалилась въ деревню. Она подражала Вольтеру, Шоазелю и Буфле, и пристрастилась къ сельской жизни; у нея были коровы и бараны; она дѣлала масло и сыръ; просушивала свое сѣно и собирала горохъ.

Во время ужасовъ революціи она продала свое небольшое имѣніе для того, чтобы купить въ Люзаршѣ домъ кающихся третьяго ордена Святаго Франциска. Сохраняя свое остроуміе во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, она приказала вырѣзать на своей двери эту надпись: «Ite, missa est». Она стала приготовляться къ смерти и заботиться о спасеніи своей души. И эта женщина, безумно расточавшая сердце, осквернявшая душу всѣми грѣховными страстями, теперь приготовлялась къ смерти съ какою-то духовнымъ наслажденіемъ. Въ концѣ парка разваливавшегося монастыря, она приготовила себѣ могилу.

И повѣрите ли? Люзаршскіе санкюлоты потревожили ее въ ее уединеніи, принявъ ее за монахиню и за знатную даму. Въ одно утро они сдѣлали домашній обыскъ въ домѣ кающейся и хотѣли уже вести ее въ темницу, какъ одинъ изъ нихъ увидѣлъ на пьедесталѣ мраморный бюстъ, представлявшій Софью Арну въ роли Ифигеніи; обманутый, вѣроятно, шарфомъ жрицы, онъ принялъ его за бюстъ Марата. «Это добрая гражданка», сказалъ онъ, отдавая честь статуѣ.

Въ то время у Софьи Арну оставалось тридцать тысячъ ливровъ годового дохода, и безчисленное множество друзей. Меньше чѣмъ въ два года лишилась она своего состоянія и друзей. Она возвратилась въ Парижъ съ немногими остатками, спасенными отъ кораблекрушенія; плохой адвокатъ, управлявшій ея дѣлами, довершилъ ея разореніе. Она впала въ совершенную нищету и въ глу-

бокое одиночество. Напрасно стучалась она въ двери людей, нѣкогда любившихъ ее; у многихъ дверей стучала она; но увы! она подходила точно къ гробовымъ камнямъ; тѣхъ, кто ее любилъ, уже не было тамъ. Темница, изгнаніе, эшафотъ, безвозвратно рѣшили ихъ. Она принуждена была просить помощи у парикмахера, убировавшаго ей голову въ счастливые дни. Онъ пріютить ее въ темномъ, печальномъ уголку безъ каминна, гдѣ бѣдняжка дрожала отъ стужи и медленно угасала. Дорого расплачивалась она за прошедшее величіе. Однакоже она все еще пѣла. Одинъ біографъ говоритъ: «Въ мистическихъ концертахъ неизвѣстныхъ теофилантроповъ, внимали голосу, нѣкогда гремѣвшему въ Армиѣ и стенавшему въ Психеѣ, и вздыхали при мысли о непрочности счастья и о тайнахъ судьбы».

Однажды, когда она по обыкновенію сидѣла одна въ комнатѣ, не жалуясь дрожала отъ холода, и все еще съ надеждою на свою счастливую звѣзду, въ сотый разъ воздвигала разрушенный замокъ счастливыхъ дней своей жизни, вошелъ парикмахеръ. «Ну! сказала она съ неудовольствіемъ, развѣ входятъ такъ безъ доклада? — Теперь не время шутить, сказалъ парикмахеръ съ досадою, Знаете ли что случилось? Рѣшительно мой парикъ принимаютъ за трактирную вывѣску; графъ Т** остановился у меня. — Бѣдняжка», воскликнула Софья Арну: «онъ пріѣхалъ подь чужимъ именемъ изъ Германіи безъ копѣйки денегъ». — Нѣтъ ужъ, благодарю покорно! если все, кому я убиралъ голову, потребуютъ у меня пристанища и хлѣба, славно же я разбогатѣю.

Софья Арну вошла въ лавку. «Ты ли это? воскликнулъ графъ: — Точно, сказала она, мнѣ кажется, что я читаю романъ. Статьею изгнаніе очень грустно, когда ты рѣшился пріѣхать въ этотъ кровавадный городъ, гдѣ нѣтъ уже болѣе друзей. Повѣрь мнѣ, здѣсь ты будешь болѣе въ одиночествѣ, нежели въ другомъ мѣстѣ.

— Что пужды, сказалъ графъ Т**, не нашелъ я развѣ здѣсь сердце, которое помнитъ меня? — Они поклялись болѣе не разставаться. Парикмахеръ помѣстилъ своего новаго жильца на чердакѣ въ пятомъ этажѣ. Лишь только наставалъ день, Софья Арну приходила къ нему съ чашкою кофе въ рукѣ; они братски дѣлились по-поламъ; потомъ вспоминали о мнѣвшемъ для того, чтобы нѣсколько забыть горечь настоящаго. Къ обѣду парикмахеръ просилъ ихъ сходить къ нему въ комнату за лавкою, гдѣ кос-какъ обѣдали они за общимъ столомъ. «У меня только

однѣ столъ и одна миска, говаривалъ добрякъ; въ противномъ случаѣ я не осмѣлился бы обѣдать съ вами».

Много любопытнаго можно было бы разсказать о домашнемъ быту парикмахера, угощавшаго знаменитыхъ гостей. Не одно острое слово можно было бы подхватить, не одну философскую мысль, не одну глубоко-человѣчную картину. Очень жаль, что Софья Арну, писавшая восхитительныя письма, не описала подробностей своего пребыванія у парикмахера. Не извѣстно, что сдѣлалось съ графомъ Т**; я даже не могъ узнать его настоящаго имени. Въ запискахъ говорится, что въ своей молодости онъ былъ однимъ изъ самыхъ прелестныхъ украшеній опернаго партера.

Софья Арну передъ смертью отыскала свою счастливую звезду. Фуше, сдѣлавшись министромъ въ 1798 году, въ одно утро далъ особенную аудіенцію жевниѣ, обѣщавшей сообщить ему очень важныя свѣдѣнія, касающіяся безопасности государства. Онъ узналъ Софью Арну, съ чувствомъ выслушалъ исторію ея жизни и тутъ же рѣшилъ, что женщина, впродолженіи двадцати лѣтъ приводившая въ восторгъ всѣ сердца голосомъ и глазами, имѣла полное право на національную благодарность, вслѣдствіе чего онъ и подписалъ указъ о выдачѣ ей пенсіи въ двѣ тысячи четыреста ливровъ, и отвелъ ей квартиру въ отелѣ д'Анживицѣ. Софья Арну, наканунѣ еще не имѣвшая ни одного друга, вдругъ увидала ихъ множество въ своемъ новомъ жилищѣ. Всѣ поэты того времени, поэты плохіе, всѣ актеры собирались къ ней, какъ-будто въ другой отелъ Рамбулье; и тамъ сыпали блестящими французскаго остроумія.

Можно было бы по примѣру біографовъ упомянуть о нѣкоторыхъ острогахъ Софьи Арну, но подобныя остроты теперь не въ употребленіи между порядочными людьми: это остроуміе хорошо между двумя бокалами, какъ нѣкогда говорили объ остроуміи Данкура.

Въ числѣ ея любовниковъ были Рюльеръ и Бомарше; ее обвиняютъ въ томъ, что она часто заимствовала остроты у своихъ любовниковъ; но почему же не скажутъ, что ея любовники иногда блистали ея остроуміемъ?

Въ 1802 году, въ одно время года, безъ шума, безъ пышности и блеску похоронили трехъ женщинъ: Софью Арну, мадмоазель Клеронъ и мадамъ Дюмениль, впродолженіе полустолѣтія наполнявшихъ Францію славою своей красоты, величіемъ талантовъ, и молвою о любовныхъ приключеніяхъ. Софья Арну, умирая,

исповѣдалась пастору церкви Сентъ-Жермена Осерскаго, во вѣсть своихъ грѣховныхъ немощахъ.

Пасторъ сказалъ ей: «Бѣдная дочь моя! какія дурныя времена пережила ты! — Ахъ! воскликнула она, со слезами на глазахъ: Я была такъ несчастна!»

Жозефина Грассини. Прошлымъ лѣтомъ, возвратившись изъ Англии, рассказываетъ Фиорентино въ свой *Revue musicale* въ одной французской газетѣ, я встрѣтилъ на улицѣ пожилую женщину, которая шла прямо и гордо, словно молоденькая. Она уви дѣла мени издали, подошла ко мнѣ и засыпала распросами съ чрезвычайной живостью и веселостью. Это была Грассини, которая недавно умерла въ Миланѣ. Ей было тогда чуть ли не семьдесятъ восемь лѣтъ, а на видъ нельзя было дать и пятидесяти. Немного женщинъ были такъ долго молоды, и такъ долго любимы.

Когда, ктонибудь изъ тѣхъ рѣдкихъ и милыхъ женщинъ, которыхъ нима заставляло биться сердца двухъ поколѣній, составляютъ этотъ свѣтъ, у котораго для нихъ были одни рукоплесканія, обожаніе и цѣтты, я не роюсь въ библиографіяхъ, чтобы отыскивать тамъ факты да числа. Это кажется мнѣ грустно и холодно, какъ послѣдняя горсть земли, которую бросаютъ на гробъ. Я стараюсь схватить живой образъ уже не существующаго артиста въ сожалѣніяхъ, которыя онъ оставляетъ послѣ себя, въ трогательныхъ воспоминаніяхъ, часто въ одномъ словѣ, иногда въ какомънибудь анекдотѣ.

Жозефина Грассини родилась въ Варезѣ, въ герцогствѣ Миланскомъ. Отецъ ея былъ учитель арифметики, чистовансавія и азбуки. Маленькая Жозефина пользовалась сначала родительскими уроками, потомъ выучилась музыкѣ самоучкой, играя на старыхъ гусяхъ съ утра до ночи, такъ что надѣла вѣсѣмъ сосѣдямъ. Генералъ Бельджоззо проходилъ однажды подъ окнами той комнаты, гдѣ безжалостное дитя давало свой утренній концертъ, и сколько не заботясь объ ухахъ ближняго. Восхищенный красотой этого обширнаго и звучнаго голоса, генералъ захотѣлъ узнать маленькую виртуозку и взялъ на себя ея музыкальное образованіе.

Синьоръ Грассини не было еще восемнадцати лѣтъ, когда она пѣла въ первый разъ въ Мюнцѣ на маленькомъ театрѣ, разрушенномъ пожаромъ. Она занимала первую роль въ хорошею оперѣ «Трубочка» (*il Sprazacchino*), и успѣхъ ея былъ таковъ, что содержатель венеціанскаго театра и маэстро Назоллини прискакали на почтовыхъ посмотреть, правда ли то, что говорятъ о

дебютантъ. Снѣбора Грассини не разсталась съ своими милыми гуельми. Это была единственная роскошная мебель въ комнатѣ самой прелестной дѣвушки не только въ Италіи, но и въ цѣломъ мірѣ, какъ говорилъ впоследствии первый консулъ. Два соломенныхъ стула, изъ которыхъ одинъ не былъ годенъ къ употребленію, кровать безъ занавѣсокъ, нѣсколько рукописныхъ музыкальных тетрадокъ, столъ и табуретъ дополняли убранство комнаты принадлежностями. Снѣбора Грассини предложила почетное мѣсто, то есть домашній стулъ, импресарію, сама сѣла, смѣясь, на табуретъ; снѣборъ Назолли вѣжливо объявилъ, кто постоитъ, для того, чтобы лучше слышать. Съ первыхъ нотъ этого свѣжаго, звучнаго и чистаго голоса, пробѣгавшаго безъ всякой трудности почти три октавы, импресаріо вспрыгнувъ на стулъ, композиторъ поднялъ руки къ потолку и оба вскричали въ одинъ голосъ: Вотъ чего намъ нужно, вотъ наша *Vergin del Sole!* Снѣбора Грассини очень мило присѣла, а черезъ два мѣсяца дебютировала на падуанской сценѣ, въ оперѣ маэстро Назолли *la Verginne del Sole.*

Изъ Падуи она перешла въ Миланъ и пѣла тамъ *Artasese* съ знаменитымъ Маркезе. Грассини занимала роль контръ-альта, Ладзарини тенора, Маркезе сопрано.

Грассини была тогда въ полномъ блескѣ своего великолѣпнаго таланта, во всемъ цвѣтѣ молодости и своей чудной красоты. Неаполь, Миланъ, Венеція оспаривали цѣною золота честь услышать ее; композиторы писали для нея одной; съ одного конца Италіи до другаго только и слышно было, что объ ея успѣхахъ и побѣдахъ; никто не могъ безнаказанно увидаться съ ней. Слава и гонимыя, все преклонялось передъ нею, и побѣдитель при Маренго былъ у ея ногъ! Но за то вѣдь Грассини была не только женщина красоты удивительной и неподражаемая пѣвица, она еще имѣла вдобавокъ въ высшей степени искусствомъ трогать и волновать. Талья говорилъ, что онъ никогда не видалъ актрисы, ослепенной игрой физиономіи болѣе подвижной, болѣе выразительной. Профиль ея, античной чистоты, чудный мраморный лобъ, обрамленный великолѣпными черными волосами, удивительно тонкія брови, черные глаза, то бросавшіе молніи, то утопавшіе въ самой умирительной нѣжѣ, словомъ это изумительное соединеніе самыхъ рѣдкихъ совершенствъ, производили на публику непреодолимое очарованіе. Никто такъ какъ она не выражалъ негодованія, горести, гнѣва. Помощію своего удивительнаго такта, она первая произвела въ Венеціи переворотъ въ театральномъ костюмѣ, который уже гораздо позже совершился на другихъ европейскихъ

театрахъ. Тогда играли «Дидону», «Клеопатру» и «Горациевъ» въ шляпѣ съ перьями, въ платьѣ, вышитомъ блестками, со шлейфомъ въ напудренномъ парикѣ. Грассини однажды смотрѣла съ терпомъ Баббини какую-то картинную галерею, составленную только изъ предметовъ греческихъ и римскихъ.

— Послушайте, вскричала вдругъ Грассини, люблюсь «Смертью Лукреціи», когда мы представляемъ Римлянъ, зачѣмъ не одѣваемся мы какъ Римляне?

— Потому что это было бы неприлично, возразилъ Баббини.

— Ужъ какъ вамъ угодно, милый Автоанъ, но я неслучайно держиваюсь отъ снѣху, когда вы мнѣ говорите о владычествахъ ниронъ, въ короткихъ панталонахъ и въ парикѣ съ косичкой.

— А вы, моя милая Клеопатра, вы восхитительны въ вашемъ бархатномъ платьѣ.

— И въ токъ съ марабу? Ужъ правда ваша! я просто похожа на обезьяну.

— Но любезная Жозефина, надо соображаться съ вкусомъ. Не вздумается ли вамъ, для подражанія древнему, одѣться на подобіе статуи фарнезскаго дворца?

— Мы говоримъ не о статуяхъ, а о картинахъ, милый Баббини. Не правда ли, что эти руки, эти волосы, просто причесанные, это платье съ широкими складками будутъ мнѣ чудо какъ къ лицу.

— Намъ просто осветятъ.

— Попробуемъ.

— Пожалуйста, перестаньте объ этомъ думать.

— Напротивъ, завтра же вы увидите меня настоящей египетской царицей. Тѣмъ хуже будетъ для публики, если эта новизна не придется ей по вкусу.

Грассини сдержала слово. Въмѣсто порицанія и ропота, восторгъ Венеціанцевъ не зналъ границъ: такъ она была хороша въ своемъ новомъ костюмѣ. Переворотъ былъ сдѣланъ, и бѣдному Баббини пришлось разстаться съ шелковыми чулками и красными каблучками и облечься въ тогу и котурнь.

Въ концѣ 1800 или въ 1801 году, Грассини проѣхала черезъ Парижъ въ Германію, потомъ въ Лондонъ, гдѣ пѣла три года сразу и увѣжая, увезла новый контрактъ на пять лѣтъ. Но это было то время, когда Англія предполагала, а Наполеонъ располагалъ. Когда она воротилась изъ Италіи, куда ѣздила къ роднымъ, ей не дали паспорта въ Лондонъ. Знаменитую пѣвицу конфисковали какъ контрабанду. Чтобы утѣшить ее въ этой маленькой неприятности, де Ренвизъ,

первый камергеръ и директоръ театровъ, предложилъ ей заключить контрактъ на двадцать лѣтъ, какъ первой компаньонкой пѣвицы императора Наполеона. Грассини приняла предложеніе съ признательностью, и съ этого времени состояла въ числѣ пѣвцовъ придворныхъ концертовъ и театровъ съ Крешентини, Бриддзини, Таккинарди и Паэромъ. Однажды въ Рамбулье, это было въ 1808 году, Наполеонъ, какъ видно скучавшій среди своихъ празднествъ, вдругъ потребовалъ своихъ пѣвцовъ. Вотъ Грассини, Бриддзини, Крешентини и Паэръ пускаются тотчасъ въ дорогу и прѣзжаютъ въ Рамбулье въ семь часовъ вечера. Концертъ назначенъ былъ на другой день. Артисты весело прикатили въ гостиницу и заказали обѣдъ. Вдругъ свѣтлая мысль блеснула въ умѣ Паэра.

— Такъ какъ намъ до обѣда осталось еще съ полчаса, сказалъ онъ, то и схожу за приказаніями для завтрашняго концерта, и мы послѣ можемъ спокойно пообѣдать.

— Хорошо, да возвращайтесь скорѣе, вскричала труппа хоромъ, мы васъ не будемъ ждать ни минуточки.

— Не беспокойтесь.

Паэръ отправился во дворецъ; но какъ онъ не зналъ ни входовъ ни выходовъ, то молодой драгунскій подпоручикъ, Рагана, въ томъ же году женившійся на сеньорѣ Грассини, вызвался проводить его. Только что офицеръ съ маэстро вошли въ какой-то корридоръ, въ сосѣдней комнатѣ послышался шумъ шаговъ. Офицеръ посторонился и Паэръ, вдругъ очутившись передъ Наполеономъ, низко поклонился.

Бонапарте только что всталъ изъ за стола. Онъ былъ разсѣянъ и озабоченъ. Взглянувъ на Паэра, онъ тотчасъ узналъ его и сказалъ ему съ равнодушіемъ.

— А! это вы Паэръ? спойте ка намъ что нибудь.

Если бы камень свалился на голову композитору, то онъ не болѣе сразилъ бы его. Онъ былъ не въ голосъ; усталость, дорожные толчки, пыль набившаяся въ горло голодь, терзавшій желудокъ, ставили его въ рѣшительную невозможность повиноваться приказаніямъ Наполеона. Но онъ, вмѣсто того чтобы извиниться, принялъ самый веселый видъ, подошелъ къ фортепіано, и спѣлъ какую то арію-буффа съ гримасами и ужимками, которыя можно было приписать шумной веселости, но которыя на самомъ дѣлѣ были дѣломъ страшнаго мученія.

Между-тѣмъ Наполеонъ думалъ совсѣмъ о другомъ.

— Хорошо! очень хорошо! сказалъ онъ когда Паэръ кончилъ; продолжайте.

Паэръ поднялъ глаза къ небу и пропѣлъ другую арію.

— Хорошо! очень хорошо! повторилъ Бонапарте; продолжайте.

И такимъ образомъ Паэръ спѣлъ и третью, и четвертую, и пятую пьесу.

Наполеонъ, углубленный въ мысли, не слышалъ ни одной нотки. Только при концѣ каждой аріи онъ продолжалъ свой вѣчный припѣвъ:

— Хорошо! очень хорошо! продолжайте.

Но въ половинѣ седьмой аріи Паэръ вдругъ остановился: у него захватило духъ.

Наполеонъ, внезапно выведенный изъ задумчивости, какъ путешественникъ, просыпающійся когда карета останавливается, спросилъ:

— Чтò тамъ такое?

— Да то, государь, что я выбился изъ силъ.

— Вы, любезный маэстро, такой крѣпкій, здоровый человѣкъ!

— Но, государь, я пою уже два часа, а еще не обѣдалъ!

Наполеонъ захохоталъ, пожалѣлъ бѣднаго Паэра и отпустилъ его благосклоннымъ движеніемъ руки.

Вскорѣ послѣ этого Грассини и Крешентини пѣли въ Тюльери «Ромео и Юлію». Послѣ чудной сцены третьяго акта, Наполеонъ съ восторгомъ аплодировалъ изъ всѣхъ силъ. Тальма плакалъ и признавался послѣ, что въ жизнь свою не испытывалъ волненія подобнаго тому, которое заставила его испытать Грассини. По окончаніи представленія, Наполеонъ послалъ Крешентини ордень Желѣзной короны, а Грассини клочекъ бумажки, на которой написалъ собственной рукою: ассигнать на двадцать тысячъ ливровъ.

Крешентини, видѣ себя отъ неожиданной милости, посмотрѣлъ искоса на бумажку Грассини.

— Двадцать тысячъ франковъ, сказалъ онъ: сумма хоть куда!

— Годится на приданое моей внучкѣ, отвѣчала просто Грассини.

Не было никого великодушнѣе, предупредительнѣе и нѣжнѣе для родныхъ какъ свнѣора Грассини. Долго спустя послѣ паденія имперіи, съ которой рушились и пенсіонъ, и выгоды, и надежды Грассини, ей представили въ Бююньи еще одну племянницу, для которой надо было сдѣлать что-нибудь!

Дѣвушка была чрезвычайно хороша, но не могла ниѣтъ успѣху на театрѣ. Она, говорили, плохой контральто. Грассини заставляла ее пропѣть, ей жкъ толькò та сдѣлала гамму:

— Милое дитя, сказала она, ты не будешь нуждаться во мнѣ, чтобы выйти замужъ, если вздумаешь. Тѣ, которые сказали, что у тебя контральто — дураки. У тебя чудный soprano и ты будешь послѣднѣе меня, а я могу пѣть три дня сряду, не утомляясь. Трудись, душевѣйка. У тебя въ горлышкѣ сидятъ миллионы.

Дѣвушка, которой Грассин предсказывала, такую блестящую участь, не измѣнила своему гороскопу. Ее зовутъ — Джулія Грассин.

ЗНАМЯ ПРОРОКА. Знамя, санджаки-шерифъ, есть, въ глазахъ всей оттоманской имперіи, священный залогъ небесной защиты, и разпускается только, когда сильная опасность угрожаетъ государству.

Турки считаютъ религіозною обязанностію вѣровать, что самъ пророкъ Мохаммедъ держалъ эту хоругвь въ своихъ побѣдоносныхъ рукахъ, а послѣ него первые его преемники, которые передали ее династіи Омміадовъ, въ Дамаскѣ, въ 661 году геджры (1221 отъ Рождества Христова); Омміады же передали ее въ 750 году геджры (1372) Азбассидамъ, въ Багдадѣ и Каирѣ.

Въ 1517 году, когда Селимъ-Первый покорилъ Египеть и уничтожилъ халифатъ, священная хоругвь перешла въ династію Османлы. Первоначально она была ввѣрена храненію дамаасскаго пашы, какъ начальника и предводителя каравана, отправляющагося ежегодно на поклоненіе въ Мекку. Но въ 1595 году она перевезена въ Европу, подъ отвѣтственности великаго визиря Синавъ-пашы, по случаю войны съ Венграми, какъ талисманъ, который долженъ былъ воскресить мужество мусульманъ и возстановить падшую дисциплину въ ихъ войскахъ.

Мохаммедъ-Третій ввѣрилъ храненіе санджаки шерифа, съ 1595 до 1603 года, особому охранному отряду, состоявшему изъ трехъ сотъ эмировъ, подъ надзоромъ начальника ихъ Накиболь-Эшрефа. Потомъ назначены сорокъ знаменосцевъ, которые избирались изъ привратниковъ сераля и должны были поочередно держать это знамя; для охраненія же его назначены четыре дивизиона конницы, подъ названіемъ тѣлохранителей, бултки-эрбаа.

Хоругвь завернута въ сорокъ покрывалъ изъ зеленой тафты, и въ зеленый суконный чохолъ, въ которомъ заключаются также небольшой коранъ, писанный рукою халифа Османа и серебряные ключи Каабы, поднесенные Селаму-Первому мекскимъ шерифомъ. Самое знамя состоитъ изъ куска зеленой шелковой матеріи въ четыре метра длины; его держитъ сверху золотое украшеніе въ видѣ сжатой руки, въ которую вложенъ другой экзе-

пляръ корона, писанный рукою халифа Омара, третьяго преемника Мохаммедова.

Въ мирное время этотъ талисманъ хранится въ палатѣ благородной одежды; такъ называется платье, которое носилъ пророкъ. Въ той же палатѣ хранятся другіе предметы вараданаго благоговѣнія, зубы, борода, стремя, сабля и лукъ Мохаммеда, и оружіе и доспѣхи первыхъ халифовъ. Во время похода раскидывается великолѣпный шатерь, въ которомъ ставится эта хоругвь, прикрѣпленная кольцами къ древу изъ чернаго дерева; этотъ обычай напоминаетъ походный храмъ, въ которомъ, по разсказамъ Діона-Кассія, ставился во время войны орелъ римскихъ легионовъ.

По окончаніи похода она снимается съ древа, и торжественно владется въ богато-отдѣланный ковчегъ.

Это знамя донынѣ служитъ для Турковъ могучимъ талисманомъ, который собираетъ защитниковъ ислама, и воодушевляетъ ихъ мужество въ битвахъ съ христіанами. Въ 1648 году, при восшествіи на престолъ Мохаммеда-Четвертаго, великому визирю стоило только водрузить санджаки, чтобы привлечь на свою сторону весь корпусъ янычаровъ; а въ 1826 году, султанъ Махмудъ употребилъ то же средство, чтобы сокрушить это грозное охранное войско. Вообще однако же, хоругвь эта водружается только въ военное время, при послѣдней крайности; это сигналъ, которымъ поданные приглашаются употребить немедленно все свои средства къ спасенію отечества.

Всемъ христіанамъ намстрожайше запрещено дерзать останавливать, даже случайно обращать свои нечестивые взоры на этотъ санджаки-шерифъ. Двадцать-седьмого марта 1769 года, когда Ахметъ-Третій объявилъ войну Россіи, и по этому случаю совершенъ обрядъ водруженія санджаки шерифа, австрійскій интервунцій въ Константинополь пожелалъ тайно посмотрѣть на это любопытное торжество; онъ нанялъ съ этою цѣлью комнату въ домъ одного муллы, за весьма дорогую цѣну; но потомъ отыскалъ другую комнату на болѣе сходныхъ условіяхъ и отказался отъ первой сдѣлки. Мулла, чтобы отместить ему, донесъ о его намѣреніи янычарамъ, которые, въ порывѣ фанатическаго остервенѣнія, бросились въ домъ, гдѣ неосторожный интервунцій сидѣлъ съ семействомъ за рѣшетчатыми ставнями. Бѣшеная толпа вломилась въ домъ; однако же не дерзнула поднять руку на священную особу представителя Иосифа Второго, но оскорбила жесточайшимъ образомъ его жену и дочь, и перебила по улицѣ

множество христіанъ, которые ни душой ни тѣломъ не были виноваты въ нескромномъ любопытствѣ посла. Потомъ дворянъ не пощадилъ богатыхъ подарковъ, чтобы загладить это оскорбленіе, а Вѣвскій дворъ отозвалъ своего министра.

двуличный. Въ одномъ изъ закоулковъ Парижа находится мастерская знаменитѣйшаго и счастливѣйшаго скульптора. Хозяинъ этого жилища почти каждый день создаетъ новое образцовое произведеніе, запечатлѣнное талантомъ и виѣстѣ юморомъ: по блистательности неисчерпаемаго воображенія, по искусству творчества, онъ умѣлъ создать себѣ спеціальность, свойственную ему одному, умѣлъ открыть новый путь сквозь избитыя тропинки, и не имѣлъ ни соперниковъ, ни подражателей.

Всякой день, около четырехъ часовъ, въ маленькой комнаткѣ, смежной съ обширной мастерскою, уставленной художественными произведеніями, собирается нѣсколько избранныхъ, отличенныхъ талантомъ, оставляющихъ за порогомъ всѣ важныя дѣла и съ жаждою ищущихъ отдохновенія на нѣсколько минутъ отъ занятій, налагаемыхъ дѣлами или искусствомъ. Ученые и государственные люди всевозможныхъ партій, живописцы и скульпторы, актеры и банкиры, доктора и хирурги, архитекторы и поэты, журналисты и негодіанты, генералы и подпоручики, встрѣчаются здѣсь товарищами подъ предлогомъ игры въ домино.

И точно, домино одинъ предлогъ. Тамъ, гдѣ заботы остаются за порогомъ, гдѣ занятія бросаются въ передней виѣстѣ съ зонтиками и плащами, тамъ искусство настоящій царь, самодержавно властвующій надъ всеми столь различными стихіями. Часто забывается двадцатипяти-копѣечная игра со всеми своими невинными волненіями, неожиданными измѣненіями *двойнаго шеста*, окончательнымъ закрытіемъ, исполненнымъ такого драматизма, ожиданій и волненій. Но игра забывается,—отъ того, что Дюпре садеть за фортепіано и раздастся голосъ до такой степени усовершенствованный методомъ, что едва ли найдется ему подобный. Забывается отъ того, что Севтъ Фoa, безъ всякихъ просьбъ, между искреннимъ смѣхомъ игроковъ и дымомъ отъ двадцати сигаръ, броситъ какой-нибудь остроумно-веселый рассказъ, какіе одинъ только онъ умѣетъ такъ рассказывать. И Шонель не одинъ разъ садился тутъ за фортепіано уже порядочно разбитое, отъ древности лѣтъ, и подъ пальцами его оно пѣло грустные гимны, какъ бы жалостные, скорбные предвѣстники его предсмертныхъ страданій. Въ одинъ вечеръ Листъ сломалъ

три клавиша этого же фортепiano: и тѣ, и эти и двадцать другихъ, всё равно знаменитые, всё равно обожаемые публикою, всё являлись разсыпать нѣскольکو перловъ таланта или гонія. Вотъ возносится высокое, всегда задумчивое чело Жюбера де-Ламбала, сверкають глаза маркиза де-Тюрго и выпадаетъ домино въ рукъ Робера Гюдена, которыхъ дивная быстрота уиѣтъ его авать столько очаровамай; и гаснетъ сигара Дельгерга, побѣдителя слоновъ, а д'Аллонь, директоръ сѣверной желѣзной дороги, почти ложится на плечо своего сесѣда, чтобы лучше слышать.

Иногда же они бесѣдуютъ, и въ бесѣдахъ ихъ слышется остроуміе, веселыя шутки и насмѣшки перебрасываются бѣглымъ огнемъ. «Шарнаври» даетъ сраженіе своему собрату «Union Médicale», и даже самый каламбуръ, по милости своего простодушного вида, увеличиваетъ всеобщую веселость: такъ Альсидъ Туэ или Гиасентъ, превосходствомъ своего таланта заставляютъ восхищаться въ театрѣ самыми глухими пошлостями!

Но иногда въ эту веселую бесѣду прокрадывается случайно, — а эти случаи не рѣдки, — рассказъ дѣлавый, высокий, и окончательне овладѣваетъ разговоромъ, и свѣтлой мыслью воодушевляетъ его. Одинъ вспомнить приключеніе, случившееся съ нимъ на охотѣ, другой расскажетъ о какой-нибудь хирургической операціи. Докторъ Лаллеманъ де-Монпелье, котораго Институтъ съ гордостью считаетъ въ числѣ своихъ членовъ, не имѣетъ подобнаго себѣ въ описаніяхъ путешествій; вниманіе всѣхъ слушателей приковано къ его рассказамъ; забываютъ начатую партію и непременно кончатся тѣмъ, что всё составляетъ кружокъ около него. Въ числѣ самыхъ внимательныхъ слушателей, находятся Мена, вполне обладающій искусствомъ олицетворять животныхъ, и такъ дивно изображающій ихъ въ своихъ очеркахъ; Леонъ Флёрн, наивный пейзажистъ, и молодой архитекторъ Эдуардъ Рено, выстроившій два прелестнѣйшихъ дома въ Парижѣ. Не одинъ знаменитый иностранецъ, приведенный сюда кѣмъ-нибудь изъ всегдашнихъ посѣтителей, приходитъ въ изумленіе передъ простой и безпечной веселостью этого разсидника великихъ дѣтей, передъ этими интермедіями гонія, разума и искусства; передъ сокровищами музыки, красоврѣчія или науки, расточаемыми всѣми и для всѣхъ. И всё другъ передъ другомъ добиваются чести быть принятыми за эту трапезу, на дверяхъ которой должна бы находиться надпись: *Odi profanum vulgus et arceo*, если бы только кому-нибудь вздумалось написать на ней что-нибудь.

Иностранцые посѣтители не менѣе достойны любопытства въ

этомъ вавилонскомъ сѣщеніи людей, всевозможныхъ поколѣній, различнаго возраста, собирающихся каждый вечеръ въ вышесказанную мастерскую. Въ званіяхъ здѣсь является такое же разнообразіе, какъ и въ привычкахъ, и это разнообразіе часто дѣлается еще замѣтнѣе отъ иностраннаго произношенія, отъ эксцентричности, болѣе или менѣе заманчивой. Часто встрѣчается здѣсь Тальберъ съ пламеннымъ Листомъ, съ Листономъ, которымъ такъ гордился англійскій театръ, съ Кемблемъ, умѣвшимъ не только занять первое мѣсто на англійской сценѣ, но еще и передать свой трагическій талантъ одной дочери, а другую сдѣлать знаменитой пѣвицею; теперь она стала знатною, богатою дамою. Увы! у нея ничего не осталось общаго съ искусствомъ, кромѣ безмолвной, бесплодной любви къ высокимъ ощущеніямъ, производимымъ искусствомъ!

Однажды одинъ изъ обычныхъ посѣтителей привелъ иностранца и представляя его, назвалъ итальянское имя, кончавшееся на *и*, какъ и всѣ итальянскія имена: потому никто имъ болѣе не занимался; его оставили на свободѣ разсматривать картины, украшавшія стѣны, троеи, возвышавшіея посреди картинъ, статуэтки, выставлявшія этажерки.

Въ этомъ иностранцѣ ничего не было, что могло бы привлечь особенное вниманіе, кромѣ черной повязки, закрывавшей часть уха и лѣвой щеки. Онъ говорилъ мало и держалъ себя въ отдаленіи, что впрочемъ очень естественно въ иностранцѣ, приведенномъ къ кому-то, кого онъ совсѣмъ не знаетъ и брошенномъ въ общество, совершенно ему чуждое.

Только одинъ изъ всегдашнихъ посѣтителей мастерской, поэтъ, мечтатель, страстно любившій изучать нравственную сторону природы, не переставая играть и курить, слѣдилъ глазами за иностранцемъ, стараясь открыть въ немъ тѣ признаки, на которыхъ Галль и Лафатеръ пытались основать науку читать характеръ и склонности человека въ физіономіи и въ малѣйшихъ тѣлодвиженіяхъ его.

Иностранецъ былъ одаренъ прекрасною и благородною наружностью. Чело его, полускрытое черною повязкою, носило отпечатокъ ума могучаго, художественнаго; а голова, нѣсколько опрокинутая назадъ и крѣпко лежавшая на шейныхъ мускулахъ, выказывала большую энергію. Блестящіе глаза, маленькія руки длинныя пальцы, могли быть принадлежностью только знатнаго происхожденія; небольшая, слегка выгнутая нога подтверждала это мнѣніе.

Переходя отъ картины къ картинѣ, отъ статуи къ статуѣ, отъ бюста къ бюсту, безмолвно улыбаясь передъ комическими изображеніями, предаваясь вѣсному восторгу передъ образцовыми произведеніями искусства, онъ дошелъ наконецъ до фортепiano, только что оставленнаго Тальбергомъ, присѣлъ на табуретъ и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ игралъ прелюдію, доказывавшій, что онъ скорѣе ученый музыкантъ, нежели искусный виртуозъ. Однако въ звукахъ, вырывавшихся изъ-подъ его пальцевъ, слышалась страсть, и невольно всѣ замолкли и оставили игру.

Не обращая вниманія на возбужденное любопытство и погруженный въ самого себя, иностранецъ нѣжнымъ, чистымъ голосомъ запѣлъ арію изъ Вильгельма Телля «Asile héréditaire», въ которой нѣкогда проявился огромный талантъ Дюпре передъ нрижской публикою. Иностранецъ пѣлъ ее совсѣмъ не съ такимъ выраженіемъ какъ Дюпре, но исполненіе было такое художественное, такое очаровательное, что могло выдержать соперничество съ самыми чудными вдохновеніями великаго артиста; одно и то же образцовое произведеніе, исполненное съ такимъ же совершенствомъ, но поставленное совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ; это было неизвѣстное открытіе, чудно величественной элегіи Россіи.

Единодушныя восклицанія пріивѣтствовали иностранца, когда онъ всталъ изъ-за фортепiano. Всѣ, до того прикованные и очарованные могучими звуками его прекраснаго голоса, окружали его, пожимали ему руки, съ жаромъ благодарили его. Онъ вздохнулъ, поправилъ свою повязку и удалился въ темный уголокъ, куда едва достигали слабые лучи свѣта отъ двухъ свѣтъ, поставленныхъ на игорномъ столѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ хотѣли просить его пѣть въ другой разъ, но онъ исчезъ.

Нѣсколько удивленные и сильно опечаленные неожиданнымъ, быстрымъ уходомъ его, всѣ обратились съ распросами къ собесѣднику, приведшему иностранца. Это былъ славный поэтъ, полученный, страстный любитель коллекцій, который отдалъ бы двѣ недѣли жизни за цыновку, сплетенную туземцами Новой Зеландіи, разорлся на покупку всякой всячины отъ дикарей, и между прочими фантазіями нашедшій средство превратить свою спальню въ зѣринецъ живыхъ зѣрей. Объ одномъ только сожалѣетъ онъ, какъ говорятъ его клеветники, то есть его друзья, сожалѣетъ, что не можетъ помѣстить въ этой комнатѣ въ двѣнадцать квадратныхъ футовъ, слона, камелoparda и львовъ.

— Какъ вы таинственны показались вамъ гости, приведенный мною,

сказалъ онъ, но жизнь его еще таинственнѣе, еще страннѣе его личности.

Онъ молодъ, богатъ, одаренъ высокими умами, почти такой же искусный живописецъ какъ и великій пѣвецъ, и тѣмъ не менѣе онъ несчастливѣйшій человекъ, какого только я знавалъ въ мірѣ. Злая волшебница нашла средство лишить его возможности наслаждаться всѣми дарами, которыми природа такъ щедро надѣлила его. Позвольте мнѣ разсказать въ немногихъ словахъ эту странную и совершенно неправдоподобную, но, по несчастью, слишкомъ истинную исторію.

Графъ Пьетро В... родился въ Неаполѣ; матери его было семидцать лѣтъ, когда небо даровало ей сына, страстно желаннаго; она заранѣе объявила, что будетъ сама кормить его грудью.... Увы, въ самый день рожденія ребенка, его отдали чужой кормилицѣ, увезшей его далеко изъ Неаполя. И никогда уже онъ не возвращался подъ отеческую кровлю; когда же случайно намекали объ этомъ ребенкѣ, столь страстно желанномъ и любимомъ еще до рожденія, а теперь изгнанномъ изъ роднаго семейства, мать его блѣднѣла и хранила иррачное молчаніе.

Послѣ него, она имѣла еще двухъ сыновей и обоихъ маркиза сама выкормила, и питала къ нимъ самую страстную любовь, окружала ихъ горячею и неусыпною заботливостію.

Я познакомился съ молодымъ графомъ въ Миланѣ; онъ жилъ въ глубокомъ уединеніи, выходилъ только ночью, шрѣдка бывалъ въ театрѣ, да и тамъ запирался въ ложѣ, въ которой занавѣсы почти всегда были задернуты.

Скоро мы сдѣлались друзьями и вмѣстѣ объѣхали всю Италію, потомъ Германію и Англію.

Никогда я не видалъ его безъ черной повязки, покрывавшей, какъ и теперь, часть его лица. Разъ или два косвенные вопросы, сдѣланные мною по этому случаю, повергли его въ глубокую печаль и почти отдалили его отъ меня.

Съ тѣхъ-поръ я хранилъ рѣшительное молчаніе объ этомъ предметѣ, хотя любопытство мое было сильно возбуждено, потому что графъ каждый вечеръ запирался на двойной замокъ въ своей комнатѣ, и хотя мы очень подружились, однако жъ никогда я не видалъ его безъ таинственной повязки. Самъ Людовикъ-Четырнадцатый не болѣе заботился о томъ, чтобы не появляться безъ парика, какъ мой другъ безъ этой странной повязки.

Во время пребыванія нашего въ Лондонѣ, мы часто бывали въ Дрюриленскомъ театрѣ, разумѣется, всегда въ самой

темной ложѣ, наименѣ замѣтной въ театрѣ. Вскорѣ я открылъ, что единственный глазъ графа, свободный отъ повязки, страстно устремлялся на прелестную дѣвушку, сидѣвшую въ ложѣ противъ насъ, и въ которой природа чуднымъ образомъ соединила всѣ прелести, которыми она такъ щедро надѣляетъ молодыхъ Англичанокъ, если только не сдѣлаетъ ихъ уродами. Молодая Англичанка всегда похожа, или на ангела или на урода.

Графъ былъ молодъ, хорошъ, богатъ, и я съ радостью размышлялъ, что любовь наконецъ наполнитъ счастьемъ жизнь моего друга, у котораго не было ни семейства, ни другой отрадной привязанности, кромѣ любви посторонняго, да и съ нимъ предстояла скорая разлука, потому что увы! наступало время моего возвращенія въ Парижъ.

Не смотря на свою любовь, Пьетро съ каждымъ днемъ дѣлался мрачнѣе и печальнѣе.

А хорошенькая мисъ однако же замѣтила своего молчаливаго обожателя; лишь только она входила въ ложу, ея прелестные голубые глазки начинали искать его, встрѣчали его съ радостью и устремлялись на него съ тою целомудренною свободою, которую допускаетъ англійское воспитаніе. Со всѣмъ тѣмъ, въ одинъ прекрасный вечеръ Пьетро объявилъ мнѣ, что не поѣдетъ уже въ дриорленскій театръ, и болѣе не ѣздитъ.

Однажды утромъ прогуливались мы верхомъ и вдругъ видимъ, что лошадь несетъ молодую дѣвушку, преслѣдуемая собакою, у которой иѣна бьетъ изъ пасти, и глаза сверкаютъ какъ раскаленные уголья.

Всѣ разбѣгались при ея приближеніи, крича, что страшное животное взбѣсилось. Пьетро узналъ молоденькую мисъ дриорленскаго театра, спрыгнулъ съ лошади и съ хлыстикомъ, единственнымъ оружіемъ въ рукахъ, бросился на собаку, напалъ на нее, сразился и получилъ широкую рану въ лѣвую руку.

Виродолженіе этого времени, я успѣлъ остановить лошадь молоденькой мисъ и поставить ее внѣ опасности. Я возвратился къ Пьетро, и карманнымъ пистолетомъ, который всегда носилъ при себѣ, положилъ бѣшеное животное къ ногамъ моего друга.

Я поднялъ его, посадилъ въ карету и отвезъ въ нашу гостиницу.

Едва только успѣли мы возвратиться, какъ молодая мисъ пріѣхала съ своимъ отцомъ, протянула руку къ графу и сказала: моя жизнь принадлежитъ тому, кто ее спасъ!

Пьетро, уже пришедшій въ чувство, отвернулъ голову, попра-

вилъ свою повязку, и я увидѣлъ слезу, выкатившуюся изъ его глаза.

Французскіе нравы не допускаютъ, чтобы молодая дѣвушка такимъ образомъ пришла ухаживать за молодымъ человѣкомъ, даже спасшимъ ей жизнь. Англійскіе же обычаи не такъ суровы, потому что молодежькая мисъ осталась ухаживать за больнымъ графомъ Пьетро.

Безпокойство наше съ мисъ Фанни было очень велико; укушение собаки, если она дѣйствительно была бѣшена, должно было причинить неминуемую смерть графу Пьетро.

Къ-счастью бульдогъ перекусалъ многихъ животныхъ; я приказалъ запереть ихъ въ конюшню гостиницы, гдѣ мы жили; мы ждали съ мучительною, но понятною тоскою, срока, назначеннаго наукою для появленія первыхъ припадковъ водобоязни.

Господь сжалился надъ нами; срокъ прошелъ, и ни одного страшнаго признака не обнаружилось на здоровѣ животныхъ. Пьетро былъ спасенъ.

Увы! быть-можетъ лучше было бы ему умереть. Однажды вечеромъ, когда онъ спалъ, мисъ Фанни, по очень естественному любопытству, приподняла повязку, покрывавшую половину лица ея жениха, съ ужасомъ вскрикнула и ввѣ себя, какъ безумная убѣжала съ лицомъ, искаженнымъ отъ ужаса.

При видѣ этого бѣгства, я бросился въ комнату Пьетро. О, господа! какое ужасное зрѣлище представилось моимъ глазамъ.

Въ страшномъ отчаяніи, онъ не заботился уже положить на прежнее мѣсто свою повязку, и я увидѣлъ на его лѣвой щекѣ, выше глаза, маленькую отвратительную голову, покрывавшую часть его щеки. Страшно было видѣть открытій ротъ и закрытые глаза этой головы. Никогда природа въ самыхъ странныхъ своихъ причудахъ не производила болѣе чудовищнаго безобразія.

Въ тотъ же вечеръ мы оставили Лондонъ. Пьетро поѣхалъ со мною въ Парижъ. Теперь вы знаете его печальную исторію.

Изъ всѣхъ слушателей съ особеннымъ вниманіемъ слушали этотъ рассказъ два или три находившіеся тутъ медика-хирурга,

Одинъ изъ нихъ, казалось, въ особенности былъ погруженъ въ глубокое размышленіе. Когда пробило шесть часовъ и всѣ стали собираться, одинъ онъ оставался на мѣстѣ, погруженный въ глубокую думу. Онъ выведенъ былъ изъ задумчивости тогда только, когда всѣ уходящіе стали звать его по имени.

Прошло четыре или пять мѣсяцевъ и никто не думалъ болѣе

ни о графѣ Пьетро, ни о его безобразіи, когда однажды вечеромъ въ мастерской на мраморномъ столѣ, на которомъ обыкновенно играли въ домино, разложенъ былъ гигантскій листъ англійскаго журнала Times; красными чернилами была обозначена статья, въ которой описывалось торжественное бракосочетаніе мисъ Фавни В^а съ графомъ В^н; мать молодого супруга присутствовала при этой церемоніи.

Этого было довольно, чтобы возбудить въ сильнѣйшей степени любопытство всегдашнихъ посѣтителей мастерской. Какъ молоденькая мисъ могла побѣдить отвращеніе, справедливо внушенное безобразіемъ графа? Ужели любовь, основанная на благодарности, совершила это чудо?

Послѣ многихъ предположеній, вдругъ замѣтили взглядъ и улыбку, которыми раздѣлялся пріятель, рассказывавшій исторію графа съ однимъ изъ операторовъ; все вниманіе его, казалось, было устремлено на игру, а между-тѣмъ онъ сдѣлалъ большую ошибку. Непостижимое и непростительное преступленіе, вырвавшее вопль отчаянія у партнера разсѣянаго хирурга.

Вся тайна открылась! Хирургія и ее дочь — операція совершили еще новое чудо. Вторая голова графа была срѣзана ножомъ хирурга; кусокъ кожи, снятый со лба пациента замѣтилъ пустоту сдѣланную на щекѣ операціею. Словомъ, мужъ мисъ Фавни сдѣлался прекраснѣйшимъ молодымъ человѣкомъ, котораго нисколько не безобразилъ рубецъ на лѣвой щекѣ.

Наука и рѣшимость поправили зло, причиненное природою и возвратили графу любовь, счастье, и нѣжность матери.

Благодаря имъ, онъ, вѣроятно, скоро будетъ обрученъ многочисленнымъ семействомъ, какъ обыкновенно бываетъ въ волшебныхъ сказкахъ и въ англійскихъ семействахъ.

Одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ игроковъ мастерской остроумно замѣтилъ, что не будь домино, графъ до-сихъ-поръ оставался бы паріею, предметомъ ужаса или, что еще хуже, предметомъ отвращенія.

Всеобщее веселое ура грянуло въ честь самой пошлой и благородной игры.

Потомъ, когда пробило шесть часовъ, всѣ эти дѣловые и ушныя люди, превратившіеся на часъ въ шаловливыхъ школьничковъ, простодушныхъ дѣтѣй, всѣ они, вышедъ за порогъ мастерской, снова взялись за науку, изученіе, размышленіе, кто знаетъ? можетъ-быть, увы! за горести, составляющія дѣйствительную жизнь!

СВѢТЛИКИ НОВАЙШАГО ВРЕМЕНИ. *Сочиненіе маркиза де-Фурдраса. Часть пятая и послѣдняя.* Въ 1825 году встрѣтилъ я на вѣдѣхъ въ Э^н молодого Пиемонтца, графа Стефано де-Нора. Онъ состоялъ тогда шталмейстеромъ при принцѣ Карлѣ Альбертѣ, и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ капитаномъ кавалерійскаго полка, стоявшаго, сколько я помню, гарнизономъ въ Верчелли или въ Новарѣ. Стефано принадлежалъ къ одной изъ древнѣйшихъ историческихъ фамилій Пиемонта, и въ эпоху присоединенія Италіи къ Франціи отецъ его занималъ значительнѣйшія должности при дворѣ Наполеона. Между предками Стефано было много славныхъ генераловъ, ловкихъ посланниковъ, знаменитыхъ писателей, архиепископовъ и монаховъ, причисленныхъ римскою церквю къ лику святыхъ.

Стефано было двадцать-четыре года; наружность рыцарская, откровенная, воинственная; приемы пріятные, умъ быстрый и оригинальный. Военное поприще свое началъ онъ самымъ блестящимъ образомъ. Двадцати лѣтъ отъ роду, будучи только лейтенантомъ, онъ выказалъ себя героемъ во время возмущенія Генуи въ 1821 году. Онъ умѣлъ удержать свой эскадронъ въ повиновеніи сражался во главѣ его какъ левъ два дня, получалъ семнадцать ранъ въ лицо и грудь, и наконецъ, вынужденный оставить Геную, пошелъ съ своею фалангою къ королю, находившемуся во Флоренціи. Отступленіе его среди возмущавшагося народонаселенія было пятнадцатидневною битвою безъ минуты отдыха; но благородный, безстрашный воинъ достигъ своей цѣли, и сложилъ передъ монархомъ, изумленнѣйшимъ такою смѣлостью, знамя, обогрениое его кровью и изорванное пулями мятежниковъ.

— Что могу я для тебя сдѣлать? спросилъ его король Карлъ-Феликсъ. Проси, чего хочешь.

— Позвольте мнѣ отправиться къ моему принцу.

— Ты благородный человекъ, отвѣчалъ, обнимая его, король. Дѣлай, что хочешь; я самъ о тебѣ позабочусь.

Всѣ знали эти подробности, и Стефано рассказывалъ ихъ самъ, безъ малѣйшаго хвастовства, когда его просили. Само собою разумѣется, что прекрасныя поѣтительницы Э^н были безъ ума отъ гомерическихъ битвъ молодого графа, который не зналъ, какъ ему отвѣчать на всѣ ихъ распросы. Имѣи онъ сто глазъ Аргуса, онъ и тогда не успѣлъ бы отвѣчать на всѣ бросаемыя на него нѣжные взгляды. — Мнѣ было меньше хлопотъ въ Генуѣ, говорилъ онъ мнѣ, смѣясь. Мы прожили три недѣли вмѣстѣ, и сблизились гораздо больше, нежели какъ это бываетъ обычно-

венно между пообитителями водъ. Впрочемъ, я не поручусь, чтобы черезъ два мѣсяца послѣ отъѣзда изъ Э^н мы еще занимались другъ другомъ; я, по-крайней-мѣрѣ, не освѣдомился о немъ ни разу до слѣдующаго случая.

Въ маѣ 1832 года, слѣдовательно черезъ семь лѣтъ послѣ моей первой встрѣчи съ графомъ, я прогуливался по улицамъ Туриня, куда пріѣхалъ по дѣламъ. Вдругъ вижу человекъ пять въ мундирахъ, вышитыхъ по всемъ швамъ. Парадъ только-что кончился; я догадался, что это офицеры генеральнаго штаба, и обрадовался случаю взглянуть на высокихъ сановниковъ его величества короля сардинскаго, кипрскаго и іерусалимскаго. Блестящая группа приближалась; я могъ уже различать эмаль орденъ, сверкавшихъ на ихъ мундирахъ, — какъ вдругъ одинъ изъ нихъ, красивѣйшій, подошелъ прямо ко мнѣ:

— Что ты здѣсь дѣлаешь? спросилъ онъ меня такъ просто, какъ-будто мы разстались только вчера.

Я измѣрилъ съ ногъ до головы человекъ, обратившагося ко мнѣ съ такою фамильярностью, — и бросился ему на шею съ восклицаніемъ радости: я узналъ своего друга Стефано.

— Какъ, продолжалъ онъ, ты въ Туринѣ, и остановился не у меня? Да въ этомъ нѣтъ смысла. Гдѣ ты живешь? говори!

— Въ отелѣ Федеръ.

— Пойдемъ туда. Я помогу тебѣ уложиться, и слуга отнесетъ твои вещи въ палатку Нора; въ четверть часа все будетъ готово.

— Но вѣдь я пробуду здѣсь можетъ-быть цѣлый мѣсяцъ.

— Тѣмъ больше надо переселиться ко мнѣ. Что тебѣ дѣлать въ гостинницѣ? Ты пропадешь тамъ со скуки. Въ Туринѣ не весело, когда нѣтъ знакомыхъ.

Какъ было отказаться отъ приглашенія столь неожиданнаго и дружескаго? Я всегда любилъ случайности, являющіяся въ жизни именно въ тѣ минуты, когда ихъ вовсе не ожидаешь. Я взялъ Стефано подъ руку, умолчавъ, разумѣется, о томъ, что ни разу не вспомнилъ о немъ въ продолженіе двухъ сутокъ, то-есть, съ пріѣзда въ Туринъ, — и мы пошли въ отель Федеръ.

Дорогою Стефано сказалъ мнѣ, что лишился отца и наследовалъ санъ маркиза де-Норы и осемьдесятъ тысячъ ливровъ годоваго дохода; что онъ полковникъ, оберъ-шталмейстеръ короля Карла-Альберта, и ѣдетъ скоро въ Неаполь съ важнымъ дипломатическимъ порученіемъ.

Все это не помѣшало ему, однако же, помочь мнѣ уладывать

свои вещи въ чемоданъ. Если бы не было кому отвезти его въ палаццо Нора, онъ, я думаю, взвалилъ бы его на плечи самъ и пошелъ бы съ нимъ по всему городу.

— А! кстати! сказалъ онъ, втискивая сапоги въ дорожный мѣшокъ; я женатъ. Ты не бойся: жена также какъ и я будетъ рада принять тебя. У меня уже двое дѣтей; старшій крестникъ короля.

Черезъ полчаса я былъ представленъ маркизѣ. Она приняла меня чрезвычайно ласково, и я поселился въ одной изъ лучшихъ комнатъ палаца Нора.

Я провелъ у нихъ двадцать-пять дней, и расстался съ ними съ стѣсненнымъ сердцемъ, не смотря на обѣщаніе пріѣхать къ нимъ опять въ сентябрѣ, съ женою и дѣтьми, чтобы не было причины спѣшить домой изъ пріятнаго жилища.

Исполненію обѣщанія, даннаго по охотѣ, обыкновенно ни что не мѣшаетъ. Тридцать перваго августа моя бричка быстро понеслась по извилистымъ и живописнымъ скатамъ Сениса, къ сторонѣ Сузы. Черезъ нѣсколько часовъ мы вышли у палаца Норы, гдѣ ждалъ насъ Стефано. Я ни за что въ свѣтъ не согласился бы остановиться вторично въ гостиницѣ.

На другой день мы показывали женѣ достопримѣчательности города, а вечеръ провели въ театрѣ, гдѣ въ тридцатый разъ въ продолженіе шести недѣль давали *Zadlg ed Astarte, del signor Vassai*.

Маркизы не было въ Туринѣ. Она ждала насъ въ своемъ великолѣпномъ замкѣ Нора, куда мы должны были пріѣхать на слѣдующій день, и гдѣ условились провести *остатокъ* осени, которая еще не начиналась.

Второго сентября, въ три часа по полудни, мы выѣхали изъ столицы Пиемонта Кариньянскими воротами, по дорогѣ, ведущей въ Кариньяно. Слева, не дальше какъ на ружейный выстрѣлъ, высился прекрасный, поэтический холмъ Турина съ его виллами, среди цвѣтовъ, монастырями, полусокрытыми въ зелени, Мадоннами, вырѣзанными на стволахъ старыхъ дубовъ, *переолами**, обѣшанными душистымъ и прозрачнымъ виноградомъ. Вправо, въ семи или осьми лѣ, высились величественныя Альпы, защищаемыя горами Розою и Визо, словно двумя грозными великанами въ ореолахъ изъ ослѣпительнаго снѣгу. Между этимъ истин-

* Такъ называются бесѣдки, выведенныя арками, и украшающія обыкновенно терассы.

но величественный фонтанъ картины и дорогой, по которой мы ѣхали, разстилалась плодородная долина Пюмонта, гдѣ косили сѣно въ четвертый разъ. Погода была превосходная; мѣстечки и деревни, которыя мы проѣзжали, веселили сердце видомъ богатства и благоденствія. Стефано все намъ показывалъ и изъяснялъ, что, впрочемъ, не мѣшало ему мѣняться фразами на народномъ нарѣчьи съ встрѣчными, честившими его титуломъ маркиза. Видно было, что всѣ его любилъ, и что народность его происходила изъ самаго благороднаго источника. Прибавлю, что Стефано не упивался ею до опьяненія, и смотрѣлъ на нее больше какъ на родовое наслѣдіе, нежели какъ на личное пріобрѣтеніе.

Мы ѣхали уже около трехъ часовъ и уже два раза перемѣнили лошадей: въ Карманьоль и Карпильянь, — когда Стефано, собравшись съѣсть на козлы, вдругъ сказалъ:

— А, вотъ и жена! Я былъ увѣренъ, что она выйдетъ намъ на встрѣчу. Черезъ десять минутъ мы будемъ въ замкѣ.

Мы поспѣшили выйти изъ экипажа. Я поцѣловалъ маркизѣ руку; она обняла мою жену, чтобы избѣжать скучной церемоніи представленія.

Мы стояли у входа въ городокъ, выстроенный амфитеатромъ на западномъ скатѣ холма, возвышавшагося по лѣвую руку. Я искалъ замка надъ кучею крышъ, среди колоколенъ и церквей, но замѣтилъ только платформу широкой зубчатой башни, озаренной послѣдними лучами великолѣпнаго заходящаго солнца.

Экипажъ поѣхалъ своею дорогой, а мы пошли по крутой тропинкѣ вслѣдъ за бѣжавшею впереди собачкою маркизы.

Мы подвигались впередъ медленно, потому что ежеминутно останавливались поджидать Стефано, который безпрестанно оставалъ по разнымъ причинамъ: то спрашивалъ бѣдную женщину, которой мужъ откуда-то упалъ и убитъ; то помогалъ старику поднять на голову пошу; то бралъ на руки дѣтей, то вступалъ въ бесѣду съ работниками, возвращавшимися съ работы; можно было подумать, что онъ уѣзжалъ на цѣлые полгода и хочетъ узнать обо всемъ, что случилось во время его отсутствія.

Вдругъ я остановился и вскрикнулъ отъ изумленія: на поворотѣ тропинки внезапно предсталъ мнѣ замокъ Нора.

Это было старое, величественное зданіе, сложенное изъ кирпича, нѣкогда краснаго, но почернѣвшаго отъ времени. Замокъ стоялъ на вершинѣ холма, о которомъ я уже говорилъ, и возвышался надъ городомъ. Двѣ огромныя башни, справа и слева, придавали ему грандіозный видъ. Лѣвая, покрытая густою сѣтью

шлеща, была прачка; правая, увѣчанная кистями молодого винограда и лѣстками, позолоченными лѣтнимъ солнцемъ, была ослабительна.

На третьей башнѣ, совершенно квадратной, съ круглыми воротами, возвышался исполнискій гербъ маркиза Нормы съ девизомъ его фамили, девизомъ прекраснымъ, состоящимъ изъ двухъ словъ, отъ которыхъ вѣетъ честью и рыцарствомъ: *праймъ и честность*.

Внутренность замка не разрушала впечатлѣнiя вѣнности. Зала — просторная галерея, освѣщенная шестью окнами на Альпы, была украшена связками стариннаго оружія, распределенныя съ строгимъ вкусомъ. Въ столовой были только древніе оригинальные портреты, — вонны съ суровыми лицами и дамы въ странныхъ нарядахъ. Въ сѣняхъ желѣзная люстра со свѣчами изъ желтаго воску свисала съ потолка, и вдоль стѣвъ тянулись дубовыя скамьи, почернѣвшія отъ времени и вылощенные отъ употребленія. Кровати въ спальняхъ были все съ колоннами и балдахинами, кресель нельзя было двинуть одною рукою. Но во всемъ этомъ не было замѣтно претензiи; рамка и картина лапли какъ нельзя лучше, и хозяинъ смотрѣлъ такимъ вельможею, что ему нельзя было не простить аристократической обстановки.

Въ три мѣсяца, проведенные мною въ Норѣ, я могъ составить себѣ понятіе о широкой жизни старыхъ временъ, знакомой мнѣ изъ разсказовъ, казавшихся мнѣ не советимъ истинными. Роскоши тутъ не было, но было довольство. Многочисленная прислуга состояла изъ молодыхъ проворныхъ парней; другіе, состоявшіе прежде на жалованьи, сдѣлались теперь нѣкоторымъ образомъ друзьями хозяина. За столомъ не являлось ни одного изъ блюдъ, лѣтящихъ только прихоти желудка. Каждое блюдо ставили передъ хозяиномъ, и онъ отдѣлялъ отъ него часть на долю бѣднымъ и больнымъ. Положа руку на сердце, — (о я лътець!) — скажите, дѣлаете ли вы это, господа нынѣшніе вельможи? Подражаете ли вы маркизу де-Норѣ, который каждое утро перевязывалъ собственноручно, въ своей залѣ, приводимыхъ къ нему больныхъ, а потомъ навѣщалъ тѣхъ, которые не могли придти сами? Сколько ласковыхъ словъ, сколько вниманія съ его стороны! Зато и сколько благословеній слышалъ я въ этомъ замкѣ, который принадлежалъ, казалось, всемъ, и въ которомъ все были какъ дома! И не думайте, чтобы маркизь де-Нора составлялъ въ своей странѣ исключеніе; все вельможи, его сосѣди, были одушевлены тѣмъ же духомъ милосердія и братства. Отъ этого-то Пиемонтъ остал-

ся спокоенъ среди смутъ, вызволившихъ Италію послѣ іюльской революціи. Онъ остался спокоенъ, потому что нововводители не нѣли кредита, потому что дворянство, которое хотѣлось бы низвести, было любимо больше средняго сословія.

Въ самый вечеръ нашего прѣзда, Стефано оставившись вдругъ среди занимательнаго охотничьяго разсказа, и сказалъ мнѣ голосомъ человѣка, вспоминая, что ему надо сообщить нѣчто важное:

— Аргорос, завтра открытіе *tavolazzo*.

— Очень радъ, если это доставляетъ тебѣ удовольствіе. Что это такое? отвѣчалъ я.

— Стрѣльба въ цѣль изъ карабина. Это бываетъ у насъ ежегодно въ день Св. Григорія.

— Какъ же это дѣлается?

— Разстояніе — 180 шаговъ, цѣль величиною въ дно твоей шляпы. Каждый стрѣлокъ дѣлаетъ шесть выстрѣловъ. Побѣдителемъ провозглашается тотъ, который всадитъ больше пулъ вокругъ кружечка изъ золоченой бумаги, величиною съ облатку, прилѣпленнаго въ центрѣ цѣли, имѣющей форму боченка. Боченокъ этотъ выкрашенъ бѣлою краскою, что не облегчаетъ задачи.

— Очень радъ узнать всѣ эти подробности, отвѣчалъ я. Я буду въ числѣ зрителей; если бы стрѣлять по зайцу или куропаткѣ, я не побоялся бы соперниковъ, но стрѣльба изъ карабина дѣло другое: я не рискну.

— Что за пустяки, прервалъ меня Стефано. Это значитъ сознаться въ недостаткѣ ловкости; рискни, — случай можетъ помочь тебѣ.

— А если онъ мнѣ измѣнитъ?

— Онъ измѣнитъ не тебѣ одному. Я жду къ себѣ завтра австрійскаго министра и прусскаго повѣреннаго въ дѣлахъ; эти господа не могутъ похвалиться ловкостью, и составятъ тебѣ компанію; я ихъ нарочно затѣмъ и пригласилъ.

— Хорошо, завтра посмотримъ.

— Притомъ ты можешь рассчитывать на превосходное ружье и вѣрную руку, которая тебѣ его зарядитъ. Я дамъ тебѣ такого человѣка, который вложитъ тебѣ сколько хочешь зарядовъ сразу, одинъ въ одинъ, ни атомомъ больше или меньше.

— На другой день послѣ завтрака я игралъ въ оружейной залѣ въ бильярдъ съ капелланомъ замка, когда вдали слышалась военная музыка.

Я остановился и взглянулъ вопросительно на капеллана. Онъ сказалъ :

— Это *tavolazzo*, *signor marchese* ; они идутъ за жителями замка. Шествіе чрезвычайно красивое, вотъ вы увидите.

Въ эту минуту вошелъ Стефано извѣстить меня, чтобы я собирался. За нимъ шелъ его егеръ съ двумя карабинами, и одна изъ горничныхъ маркизы съ картонкою, полною лентъ разныхъ цвѣтовъ.

Возьми вотъ этотъ карабинъ, и выбери себѣ поскорѣ ленту, сказалъ мнѣ отрывисто маркизъ. Мы должны быть готовы, когда придетъ процессія. Де Бомбель и Шульцъ уже въ сѣняхъ.

Объясненія, требуемыя у человѣка, который спѣшитъ, бываютъ обыкновенно неудовлетворительны. Не говоря ни слова, я взялъ свѣтлозеленую ленту ; горничная повязала мнѣ ее вокругъ лѣвой руки ; я надѣлъ шляпу на бекрень, вскинулъ карабинъ на плечо, и пошелъ за торопившимся Стефано.

Выходя изъ галлерей, я оглянулся посмотреть, что дѣлаетъ капелланъ ; ему тоже повязывали на руку ленту ярко-огненнаго цвѣта. Черезъ нѣсколько секундъ онъ догналъ насъ въ сѣняхъ, тоже съ карабиномъ на плечѣ и въ шляпѣ на бекрень.

Мы вышли изъ замка вслѣдъ за маркизомъ. Шествіе *tavolazzo* выходило въ это время изъ подъ большихъ воротъ четырехугольной башни и подвигалось прямо къ намъ. Мы остановились подождать его ; послѣ я узналъ, что этотъ церемоніаль установленъ въ камнѣ.

Процессія показалась мнѣ очень живописна и поразила меня новизною. Впереди шли тридцать музыкантовъ, въ лентахъ съ головы до ногъ, и играли живую *монферрину* ; за ними шли три синдика города Норы ; по одну сторону ихъ человѣкъ высокаго роста несъ знамя маркиза, по другую сторону другой несъ знамя города ; вслѣдъ за ними шли двумя линіями стрѣлки *tavolazzo* ; всѣхъ было около двадцати, и въ томъ числѣ семь или осемь священниковъ.

Музыка умолкла, музыканты стали въ сторонѣ ; маркизъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу синдикамъ ; старшій изъ нихъ сказалъ ему краткую рѣчь на піемонтскомъ нарѣчій, и мы отвѣчали рукоплесканіями.

Стефано отвѣчалъ тоже рѣчью, и нѣсколько разъ былъ прерываемъ одобрительными клекками собранія. Ему предложили, по обыкновенію, быть президентомъ *tavolazzo*, и онъ отвѣчалъ, по обыкновенію, что согласенъ, хотя предложеніе сдѣлано достой-

нѣйшими занимать это мѣсто. Потому мы прикинули къ процессіи, стараюсь не составлять отдельной группы: графъ Бомбахъ стоялъ возлѣ какого-то ткача, баронъ Шульцъ возлѣ колбасника, я возлѣ содержателя харчевни.

Музыканты стали впереди, снова заиграли маршъ-оркестру, и шестіе тронулось къ мѣстечку, черезъ которое шла дорога *tavolazo*.

Въ городѣ было все по праздничному, хотя это и происходило въ будни. Женщины и дѣвушки разрядились въ лучшія платья; мальчики украсили петлицы своихъ кафтаноу букетами; въ окнахъ развѣвались знамена; всѣ рукоплескали торжественной процессіи.

Пришедши на мѣсто, мы получили каждый по боченку, написали на нихъ свои имена и потомъ вынули изъ мѣшка по номеру, опредѣлявшему очередь стрѣлковъ. Самъ президентъ не былъ брать отъ этой формальности.

Мнѣ достался № 3, Стефану № 9, а № 1 высокому и худощавому человѣку, котораго звали, Theologo не знаю почему.

Цѣль отстояла на 180 шаговъ, — разстояніе огромное, особенно для такой маленькой вещицы, какъ боченокъ, который, подобавокъ, обманывалъ глазъ, потому что выгнутыя стѣнки его кажутъ площадь больше, нежели она въ самомъ дѣлѣ. Что касается до кружечка изъ золоченой бумаги, то онъ былъ столько же видѣнъ, какъ звѣзды въ полдень.

Звукъ трубъ извѣстилъ о началѣ стрѣлбы; потомъ раздался послѣдній сигналъ — громъ барабана.

Theologo, уже нѣсколько минутъ стоявшій въ третьей позиціи, съ ружьемъ въ рукѣ, величественно опустилъ свой карабинъ, наклонилъ голову и закрылъ лѣвый глазъ.

Я ожидалъ выстрѣла и смотрѣлъ на цѣль.

Выстрѣла не послѣдовало, и я нетерпѣливо оглянулся на Theologo; онъ поднялъ ружье и спокойно разговаривалъ съ сосѣдомъ.

— Что это значитъ? спросилъ я Стефано.

— Бѣздѣлица: муха сѣла на дуло и помѣшала ему цѣлиться.

— Какъ? Такъ у васъ это считается такимъ важнымъ дѣломъ? сказалъ я. Стало-быть это ужъ не забава, а....

Я не договорилъ, потому что Theologo въ эту минуту опять приложился, — и выстрѣлилъ.

Когда дымъ разсѣялся, я увидѣлъ возлѣ боченка человѣка. Онъ снялъ шляпу, поклонился стрѣлкамъ, поднялъ тросточку и указалъ концомъ ея на центръ боченка.

Я посматрѣлъ со вниманіемъ и увидѣлъ въ самой среднѣй ма-

ленивскаго бѣлаго диска черную дыру, пробитую пулей, которая отхватила половину кружечка изъ золотой бумаги.

— Случай! шепнулъ я маркизу.

— Рѣзвѣннѣе, отвѣчалъ онъ, прикладывая палецъ къ губамъ.

Theologo выстрѣлялъ въ другой разъ, и пуля захватила половину отверстія, оставшаго первымъ выстрѣломъ.

Также удачны были и остальные четыре выстрѣла; всѣ шесть пуль пробили пространство не больше того, какое займутъ шесть дыръ, нарочно просверленныхъ буравчикомъ какъ можно ближе одна къ другой.

За Theologo слѣдовалъ ткачъ, потомъ я, потомъ колбасникъ, потомъ австрійскій министръ, и такъ далѣе. Огонь не прекращался цѣлые пять часовъ.

Первый призъ остался безспорно за Theologo. Стефано получилъ второй; толстый каноникъ и я бросили жребій, кому достанется третій, — и я выигралъ.

Призы состояли изъ довольно дорогихъ серебряныхъ вещей, и на нихъ имѣли право только тѣ, которые не дали изъ шести выстрѣловъ ни одного промаху, и изъ числа ихъ выбирался трое, которыхъ пули выбили наименьшее пространство.

— Ты смѣялся надо мною, сказалъ мнѣ Стефано.

— Чистый случай, увѣряю тебя, отвѣчалъ я.

— Если ты пріѣдешь на слѣдующій годъ, побѣда останется за тобою, сказалъ онъ. Посмотри на бѣднаго Theologo; онъ до-сихъ поръ еще не оправился отъ страха послѣ твоихъ первыхъ трехъ выстрѣловъ. Вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ онъ силится быть первымъ стрѣлкомъ, и въ девятнадцатый разъ сряду получаетъ первый призъ.

Настала пора возвращаться, и звуки барабана извѣстили, что стрѣлки должны выстроиться по прежнему. Музыка, знамена и синдики стали впереди; за ними попарно стрѣлки, и всѣ пошли обратво въ замокъ.

Я думалъ, что это только вѣжливые проводы маркиза, и что праздникъ конченъ. Но я ошибся.

Во время нашего отсутствія, на террасѣ передъ замкомъ накрыли шестьдесятъ приборовъ.

Всѣ члены tavolaza усѣлись за столъ съ своими женами, дочерьми и племянницами; въ числѣ послѣднихъ я замѣтилъ двухъ обворожительныхъ дѣвушекъ, и толстый каноникъ, мой соперникъ по третьему призу, сказалъ мнѣ, что это дѣти его младшей

сестры. Я же, съ своей стороны объявляю, что не имѣю никакихъ причинъ сомнѣваться въ истинѣ его словъ.

Почетныя мѣста были заняты жителями города. Маркиза де-Нора посадила возлѣ себя по правую руку Theologo, а по лѣвую старшаго синдика. Стефано сѣлъ между женою Балли и дочерью почтмейстера; графъ де-Бомбаль, баронъ Шульцъ, жена моя и я, помогали хозяевамъ угощать гостей, и смѣю увѣрить, что всѣ остались нами довольны.

Всѣ были веселы въ этомъ собраніи, гдѣ почти всѣ классы общества имѣли своихъ представителей. Почтеніе не отзывалось рабствомъ, безцеремонность не отзывалась наглостью. За десертомъ маркизъ всталъ, взялъ бокалъ вина, и сказалъ полнымъ чувства голосомъ:

— За здоровье моихъ добрыхъ друзей, жителей Норы! Да продлятся узы, связывающія насъ нѣсколько вѣковъ, еще много столѣтій! Да любятъ другъ друга дѣти наши, какъ любимъ другъ друга мы, и какъ любили другъ друга наши предки!

Громъ рукоплесканій раздался на этотъ тостъ. Синдикъ всталъ въ свою очередь, и сказалъ:

— Отъ имени жителей города, котораго я имѣю честь быть старшимъ сановникомъ, пью за здоровье его перваго гражданина, маркиза Стефана де-Нора! За здоровье его супруги и дѣтей, за благоденствіе его рода!

Новый залпъ восклицаній, громче и единодушнѣе прежняго, выразилъ сочувствіе къ словамъ синдика. Всѣ чокались, всѣ жали другъ другу руки, глаза засверкали любовью, — въ жизнь мою не видалъ я ничего трогательнѣе.

Вечеромъ замокъ былъ иллюминированъ; зажгли фейерверкъ, и до полуночи протанцовали въ галереѣ старинныхъ оружій, претворенной въ бальную залу.

— Ну, что ты думаешь о Пиемонтѣ? спросилъ меня Стефано на другой день поутру.

— Я не прочь бы здѣсь жить, отвѣчалъ я. Вчерашній вечеръ плѣнилъ меня.

— Расположенъ ты отправиться сегодня на охоту?

— Разумѣется.

— Такъ распорядись же для отлучки дней на пять. Мы отправимся послѣ завтрака, вечеромъ пообедаемъ въ Пиньеролѣ, и будемъ почевать у браконьера, моего пріятеля, который будетъ очень радъ съ тобою познакомиться. Это одна изъ нашихъ до-

стоприглядательностей. Теперь я пойду дѣлать приготовленія къ отъѣзду.

На другой день, въ одиннадцатъ часовъ мы были готовы. Стефано, его егеря и я сѣли въ коляску, набитую отличной провизией; сзади въ плетушиѣ были наши собаки; ружья стояли у насъ въ ногахъ, яхтами висѣли черезъ плечо.

Порѣздъ былъ не дологъ и веселъ. Двѣ маленькія сардинскія лошади мчались какъ бѣшеныя; маркизъ рассказывалъ мнѣ множество охотничьихъ анекдотовъ, въ которыхъ никогда не сомнѣваешься, чтобы имѣть право рассказать случай еще удивительнѣе. Словомъ, время пролетѣло такъ быстро, что я не почувствовалъ пиньерольскимъ часамъ, пробившимъ четыре, когда мы вышли изъ экипажа на дворѣ гостиницы Croce-Bianca.

Черезъ пятьдесятъ минутъ мы пообедали и сѣдѣли уже на мулахъ, которые должны были дотащить насъ по дьявольской дорогѣ до хижины бравоньера.

Тропинка, по которой мы ѣхали, шла извилинами вверхъ по крутой горѣ. На каждомъ шагу открывались удивительныя виды; вечернее солнце обливало лучами одну изъ прекраснѣйшихъ странъ міра. Пиньероль тонулъ у насъ подъ ногами въ сумракѣ вечера, вдали сверкали волшебнымъ свѣтомъ Раконисъ, Савильяна и Жоссано, и ярче всего горѣли лучи на замкѣ Нора, ясно видимомъ на разстояніи осьми миль. Легкій туманъ обозначалъ теченіе рѣкъ, и тучи яркой пыли танулись за извилинами дорогъ, разбѣгавшихся во всѣ стороны по великолѣпной долині. Блѣныя стада, далекіе звуки колоколовъ, неслышныя разговоры долетали до насъ въ очаровательной, величественной гармоніи, наводившей сладкое раздумье. Когда солнце совершенно скрылось за вершинами Альпъ, зрѣлище сдѣлалось еще удивительнѣе. Снѣга горы Визо заплыли роскошнѣйшими красками, по всей окрестности разостлались фантастическія тѣни, и луна, окруженная блестящею свитою звѣздъ, выставила багровое лицо свое изъ за лѣснестаго гребня Аппениновъ.

Картина эта изумила меня до такой степени, что если бы мулъ мой оступился, я и не подумалъ бы въ эту минуту удержать его, и вторичнаго прибытія моего въ Пиньероль долго не забыли бы городскіе звѣзды.

Воздухъ носившійся и мулы пошли легче. Я догадался, что мы достигли верхушки горы, по откосамъ которой взбирался цѣлыхъ два часа. Стефано подтвердилъ мою догадку; онъ норовился со мною и сказалъ :

— Теперь мы можем ѣхать рядомъ: дорога ширинною въ три мила. Только это продолжится не долго, потому что надо будетъ спускаться по такой же тропинкѣ, по какой мы взобрались. Если твой мулъ упадетъ, предоставь ему подняться самому, — иначе ты погнѣбь; мулы не любятъ, чтобы мѣшались въ ихъ дѣла.

— Далеко еще до хижины браконьера?

— Три четверти льѣ; но ѣзды будетъ навѣрно полтора часа.

— Или, по другому счету, разстоянію въ три сугары.

— Около того.

Мы спустились благополучно. Черезъ часъ съ четвертью мы услышали лай собаки и почти въ ту же минуту увидѣли огонекъ, сверкнувшій подъ нами въ страшной глубинѣ.

— Еще десять минутъ, и мы на мѣстѣ, сказалъ Стефано. Но остальную дорогу проѣхать не легко. Помолитесь своему ангелу-хранителю; это не помѣшаетъ.

Я не хотѣлъ признаться, что уже помолился, и началъ колѣнаться снова.

Вдругъ мой мулъ остановился; мулъ Стефано, шедшій впередъ, тоже остановился. Собака продолжала лаять.

Дверь открылась, и мы увидѣли внутренность хижины, освѣщенной большимъ огнемъ.

— Въ такой часъ не пріѣдетъ никто, кромѣ маркиза Нора, сказалъ чей-то веселый басъ. Тетерева могутъ держать ухо о-стро.

— Здравствуй, Титано, сказалъ маркизъ, сходя съ мула. Ты меня не ждалъ, не правда ли?

— Напротивъ того; постель вамъ готова еще со вчерашняго дня и я сегодня обѣгалъ всю гору, чтобы высмотрѣть дичь.

— Я привезъ къ тебѣ моего друга, Француза.

— Милости просимъ.

Между-тѣмъ, я тоже сошелъ съ мула и вошелъ за маркизомъ въ хижину.

Огонь освѣщалъ ее сверху до-низу, но всѣмъ указавъ, лучшій дневнаго свѣта. Слѣдовательно я тотчасъ же могъ разсмотрѣть комнату и хозяина.

Хижина была просторна, и довольно хорошо меблирована. Направо отъ очага стояла маленькая кровать, нѣсколько друма, гораздо больше, — по срединѣ столъ; къ углу прильнулъ буфетъ съ простыми горшками, въ другомъ стояла кочерга. Съ потолка висѣли окорока; надъ очагомъ былъ цѣлый арсеналь: двуствольное ружье, карабинъ, пара пистолетовъ и сабля съ приваива-

ыши къ эсосу драгунскимъ темлякомъ и парюю эполетъ изъ красной шерсти. Нѣсколько простыхъ гравюръ, прилѣпленныхъ къ стѣнѣ, изображали короля Карла-Алберта, Наполеона и эрцгерцога Карла, любимыхъ героевъ Титана.

Самъ Титано былъ такъ оригиналенъ, что я не могъ на него посмотрѣться. Онъ былъ шести футовъ росту, тощъ до невозможности, и держался прямо какъ трость; ноги и руки длины непомерной, носъ огромный; ротъ, совершенно беззубый, отъ одного уха до другаго. Правый глазъ, живой и широко раскрытый, представлялъ странный контрастъ съ своимъ сосѣдомъ, обыкновенно закрытымъ, какъ-будто Титано прищипывался. Лицо его было цвѣта стараго голенища, и сморщено какъ моченое яблоко. И какъ бы вы думали? Эта странная, почти фантастическая наружность не казалась мнѣ смѣшною. Онъ былъ чрезвычайно ловокъ и поворотливъ. Титано не имѣлъ возраста: по дѣятельности можно было ему дать лѣтъ двадцать-пять, а по лицу лѣтъ сто. Дѣйствительно же ему было семьдесятъ лѣтъ, что впрочемъ, не имѣло ему ходить по пятнадцати часовъ безъ отдыха. Я убѣдился въ этомъ на слѣдующій день.

Егеръ маркиза разсѣдлалъ нашихъ муловъ и развьючилъ другихъ, несшихъ наши пожитки. Столъ Титана скоро былъ уставленъ пирогами, ветчиной, и разными разностями. Не забыли и бутылочекъ всѣхъ возможныхъ «оризъ и величинъ.

— Это мнѣ не нравится, сказалъ Титано, грустно глядя на эти приготовления. Вы въ первый разъ не доверяете погребу и кухнѣ стараго солдата.

— Нѣтъ, любезный Титано, отвѣчалъ маркизъ, дружески положивши свою аристократическую руку на костлявое плечо браконьера. Но мы пойдемъ, можетъ-быть, далеко, а не вездѣ есть такіе гостепріимные хозяева, какъ ты, и потому я долженъ былъ взять свои предосторожности.

Лицо Титано просіяло.

— Въ такомъ случаѣ вы примете мой ужинъ. Я васъ ждалъ и приготовилъ его.

— Разумѣется, весело отвѣчалъ ему маркизъ. Вели накрыть на столъ.

Въ одно мгновеніе Титано убралъ нашу провизію въ шкафъ, принялся за дѣло съ страшнымъ проворствомъ, и столъ былъ накрытъ въ одну минуту.

Холодный горный воздухъ пробудилъ во мнѣ страшный голодъ, и мнѣ вовсе не нравилось, что стряпня хозяйки, конечно

посредственная, замѣнить превосходѣйшую провинцію, изготовляющую поваромъ маркиза, однимъ изъ лучшихъ мастеровъ своего дѣла.

Я не выдержалъ, и въ видѣ шутки сдѣлалъ это замѣчаніе Стефано.

— Не безпокойся, отвѣчалъ онъ. Я принялъ предложеніе Титано не столько изъ вѣжливости, сколько изъ желанія позволить. Онъ угоститъ насъ превосходѣйшимъ ужиномъ, и подастъ намъ вина, какого и въ царскихъ погребкахъ не встрѣишь.

— Такъ онъ богатъ?

— Онъ? У него только и есть своего, что земля подъ ногами, какъ говорятъ Сардинцы; то, что Французы называютъ *un rauche diable*.

— Такъ какъ же это?

— Это тайна; но тебѣ я могу открыть ее, — ты не выдашь. Титано служитъ телеграфомъ для французскихъ контрабандистовъ.

— И его не трогаютъ?

— Его никогда не могли застать на дѣлѣ; всѣ знаютъ, что онъ этимъ не разбогатѣлъ, такъ и не тревожатъ его.

— Въ чемъ же состоитъ его система?

— За услуги свои онъ беретъ съѣстнымъ. Однимъ говорить: вы изъ Прованса, — вы принесете мнѣ оливковаго масла, анчоусовъ, и другимъ: вы изъ Дофинне, — съ васъ я возьму трюфели, эрмитажъ и изерской рыбы; съ однихъ онъ беретъ ятцу, съ другихъ кофеемъ, ликерами и шеколадомъ, и всѣ служатъ ему какъ нельзя лучше, потому что обманувши его разъ, не жди отъ него больше ничего.

— Но занимаясь такимъ ремесломъ, онъ долженъ постоянно рыскать то туда, то сюда. Какъ же это не мѣшаетъ его охотѣ? и почему ты былъ увѣренъ, что застанешь его сегодня дома?

— Я тебѣ сказалъ, что онъ служитъ контрабандистовъ телеграфомъ, а не проводникомъ. Онъ не такъ простъ.

— А, начинаю понимать.

— Завтра, когда увидишь положеніе его хижины, ты поймешь дѣло еще лучше. Онъ исполняетъ свое дѣло не отходя отъ порога. Я тебѣ объясню....

Стефано остановился; посмотрѣлъ на накрытый столъ, и сказалъ Титано:

— Что это значитъ, что ты поставилъ два прибора? Если ты

уже отъуживалъ, такъ неужели откажешься поужинать во второй разъ?

— Да я не знаю.... какъ вотъ этотъ господинъ.... угодно ли ему будетъ сдѣлать мнѣ честь....

— Чтожъ ты, считаешь его глупѣе меня, что ли? прерывалъ его маркизъ. Я отвѣчаю за него. Поставь еще приборъ, а объ остальныхъ не заботься.

Я поспѣшилъ подтвердить слова Стефано; старый браконьеръ подошелъ въ это время со сковородою къ печкѣ, возлѣ которой мы сидѣли, и я воспользовался случаемъ чтобъ позвать ему руку. Это окончательно убѣдило его, что я ничѣмъ не хуже маркиза де Норы.

— Прекрасная у васъ собака, сказалъ я Титану, который отыгнулъ себѣ дорогу къ очагу, довольно грубо толкнувъ превосходную испанскую собаку.

— Да, собака не дурна, отвѣчалъ браконьеръ съ какою-то гордостью; а что еще лучше, такъ добрѣе ея нѣтъ на свѣтѣ. Жаль что она уже старѣетъ; впрочемъ она еще крѣпка на ноги, зорка и чутка, какъ двухлѣтній пестъ.

— Какъ ее зовутъ?

— Торквато.

— Вы дали ей знаменитое имя.

— Не я: кличка была ей уже дана, когда я получилъ ее отъ одной прекрасной дамы, Англичанки, проѣзжавшей черезъ Пиньероль. Тогда ей было два мѣсяца. Ее хотѣли утопить.

Торквато, догадавшись, что рѣчь идетъ о немъ, подошелъ ко мнѣ, положилъ свою морду мнѣ на колѣно и смотрѣлъ на меня почти человѣчески разумными глазами.

Это былъ испанскій пестъ самой большой породы и безукоризненныхъ формъ: мордочка короткая, широкая и выпуклая; шея граціозно отдѣляющаяся отъ двухъ сильныхъ, плоскихъ плечъ; морда чрезвычайно красивая; лобъ развитый, уши длинные, мягкія, округленные, челюсти тонкія и подвижныя, носъ мяснато двѣта, глаза свѣташіеся и кроткіе, съ которыми можно было, кажется, вести разговоръ; — они какъ будто понимали и отвѣчали. За исключеніемъ затылка, ушей и рѣсницъ блестящаго желтаго цвѣта, шерсть на остальномъ тѣлѣ была такой ослѣпительной бѣлизны, что лебедь показался бы передъ нею сѣрымъ. Хвостъ, слегка загнутый, красовался какъ самый полный, богатый султаны, а ноги, во всю ихъ длину были украшены пучками ло-

связанныхъ волосъ, какъ-будто некусно сплетенныхъ изъ серебра и шелку.

— Эта собака, конечно, не продажная? сказалъ я вопросительнымъ голосомъ, ясно говорившимъ: если вы хотите ее продать, такъ я дамъ за нее очень дорого.

— Продать мою собаку! Разстаться съ моимъ вѣрнымъ Торкватомъ! воскликнулъ браконьеръ почти съ негодованіемъ. Нѣтъ, нѣтъ! это мой лучший другъ; онъ не оставитъ меня, пока я живъ; а если я умру прежде него, что, слава Богу, очень вѣроятно, такъ вотъ маркизъ де-Нора обѣщавъ мнѣ приютить его у себя въ замкѣ.

— И повторяю свое обѣщаніе, добрый Титано, въ надеждѣ, что мнѣ не скоро придется его исполнить.

Нечего было и думать о приобрѣтеніи Торквата обыкновеннымъ способомъ. Я спросилъ:

— Нельзя ли по крайней мѣрѣ достать отъ него щенка?

Титано взглянулъ на меня добродушно-насмѣшливо, и лицо его какъ-то засвѣтлѣло умомъ по всѣмъ своимъ складкамъ.

— Я съ удовольствіемъ готовъ бы вамъ услужить, сказалъ онъ, но, вотъ видите ли, Торкватомъ похожъ немножко на меня: онъ не занимается любовными интригами.

Маркизъ сказалъ Титану нѣсколько словъ на нарѣчій, состоящемъ изъ непріятной смѣси дурнаго французскаго языка съ дурнымъ итальянскимъ.

Титано захохоталъ во все горло, и ему заворчала сковорода съ закипѣвшимъ на ней кушаньемъ.

Старый браконьеръ ожидалъ можетъ-быть только конца своего хохота, чтобы отвѣчать на вопросъ маркиза, какъ вдругъ Торкватомъ, котораго голова все еще покоилась на моемъ колѣнѣ, наострилъ уши, поднялъ носъ, какъ-будто желая лучше различать воздухъ, въ одинъ скачекъ очутился у дверей хижины и растянулся у порога.

Веселое лицо Титана въ ту же минуту омрачилось безпокойствомъ. Превращеніе совершилось такъ быстро, что я поневолѣ сравнилъ его съ тьмою бурной ночи, мгновенно слѣдующею за молніей.

Вскорѣ послышались за дверьми мѣрные шаги; потомъ вольный говоръ и стукъ оружія слился въ какую-то торжественную и мрачную гармонию.

Наконецъ мы услышали, какъ ружейные приклады стукнули о камень скалы, окружавшей хижину Титано, и одинъ изъ нихъ,

повинуясь грубой и нетерпѣливой рукѣ, ударилъ въ дверь, какъ-будто хотѣлъ ее высадить.

Къ великому моему изумленію Торквато, слыша шумъ, припалъ на всѣ четыре лапы и снова растянулся безпечно передъ очагомъ. Я даже замѣтилъ, что онъ закрылъ глаза, какъ-будто спитъ.

— Что жъ, тутъ никого нѣтъ, что ли? закричалъ грубый голосъ на дурномъ французскомъ нарѣчій. Однако же свѣтитса.

И второй ударъ приклада въ двери, сильнѣе перваго, раздался къ сопровожденію энергической брани.

— Хочешь, чтобы я отворилъ? спросилъ маркизъ въ полголоса Титано, повидному вовсе не заботившагося о томъ, что происходило снаружн. Безпокойство исчезло съ его лица какъ будто по мановенію волшебнаго жезла, когда Торквато воротился къ печкѣ.

— Это таможенные, сказалъ онъ. Для нихъ нечего беспокоиться. Подождутъ, пока не дожарятся лини.

— Они разрушатъ хижину, если потеряютъ терпѣніе.

— Пусть только попробуютъ хоть двери выломать: кусокъ дерева обойдется имъ дороже листаго серебра. Я давно ужъ ишу повода потянуть ихъ къ суду.

— Въ настоящемъ случаѣ ты не будешь имѣть на это права; всякій обязанъ отворять имъ двери по первому требованію.

— Это такъ касательно замкнутыхъ дверей. О прочихъ законъ не говоритъ ничего, то есть предоставляетъ гостямъ потрудиться отворить ихъ безъ посторонней помощи. Чтожъ! Пусть изломаютъ мою дверь въ щелы, если имъ угодно. Я возьму васъ въ свидѣтели, что она была только на щеколдѣ, и заведу въ пиньерольскомъ судѣ презабавный процессъ.

Въ эту минуту Титано разсудилъ, что лини дожарились; онъ снялъ сковороду съ огня и поставилъ ее на горячую золу.

Таможенные за дверьми перешептывались.

— Они ведутъ себя скромно, можно имъ и отворить, сказалъ Титано, подходя къ двери и приподнявъ пальцемъ щеколду.

На порогъ показались пять или шесть вооруженныхъ чело-вѣкъ, но никто изъ нихъ не думалъ, повидному, войти.

— Счастье твое, что ускользнулъ,—сказалъ начальникъ отряда.

— А вы пришли было меня взять? отвѣчалъ насмѣшливо браконьеръ.

— Ничего, до другаго раза... Мы хотѣли уже выломать дверь, да узнали, что у тебя маркизъ де-Нора.

Съ этими словами начальникъ таможенныхъ отдалъ честь маркизу, подошедшему къ нимъ на всякій случай.

Мы догадались, что случилось; егеръ маркиза, возвращаясь изъ сарая, куда ходилъ кормить нашихъ собакъ, сказалъ пришедшимъ, что маркизь у Титано, и она въ ту же минуту отказались отъ паслыственныхъ мѣръ.

— А! такъ вы хотѣли выломать мою дверь! сказалъ старый браконьеръ. *Согро ді Вассо!* Жаль, жаль, что не выломали! Что же вамъ надо? Говорите скорѣе, и марш!

— Я пришелъ сказать тебѣ, отвѣчалъ начальникъ отряда, ты я завалъ Броски; онъ отставленъ вчера отъ должности, за то, что потворствуетъ тебѣ, и....

— Это ложь, выдуманная для прикрытія несправедливости, возразилъ съ негодованіемъ Титано, Броски исполнялъ свою должность хорошо, хотя и не ломалъ не замкнутыхъ дверей.

— Иди всегда прямой дорогой, сказалъ ему сержантъ.

— Я и не хожу иначе; напрасная угроза. Все ли ты сказалъ?

— Слушай! На лѣво крѣгомъ, скорымъ шагомъ — марш!

Таможенные не трогались съ мѣста, а начальникъ ихъ шлохидлся впередъ, разглядывая внутренность хижины.

— А, сказалъ онъ; такъ вотъ она, эта знаменитая собака.

И онъ указалъ пальцемъ на Торквато, смирно лежавшаго у печки.

Я взглянулъ украдкою на Титано, и мнѣ показалось, что его торжествующая, веселая физиономія сдѣлалась вдругъ мрачна и грустна.

— Да, вотъ она, эта знаменитая собака, повторилъ онъ съ досадою... а что?

— Что? Да то, что вы другъ на друга не похожи. Ты просто грубъ, а она, мнѣ кажется, ужъ черезъ чуръ хитра.... Пусть однако бережется; я и за ней буду присматривать, и....

— То-есть, прервалъ его опять Титано грознымъ голосомъ, если съ ней случится несчастіе, такъ я буду знать, что это твоё дѣло.

— Именно.

Стефано расчелъ, что пора вмѣшаться въ споръ, который ставился слишкомъ горячъ.

— Полно, мой добрый Титано, сказалъ онъ, положи въ руку на плечо браконьера. Солдатъ и не думаетъ обижать твоей собаки.

— Онъ солдатъ? возразилъ Титано. Онъ никогда не бывалъ солдатомъ.

— Все равно; онъ знакомъ съ опасностью, хотя и не знакомъ съ военною славой, продолжалъ маркизъ. Дайте другъ другу руки и полноссоритесь.

— Чтобы я педалъ руку человѣку, который угрожаетъ моему Торквато? никогда!

— Да вѣдь онъ шутилъ.

— Я не хочу, чтобы шутили надъ моей собакой.

— Скажи ему, продолжалъ маркизъ, обращаясь къ начальнику отряда, что ты не думалъ грозить серьезно.

— Лучше пусть сердится, а обманывать его я не стану, отвѣчалъ тотъ сѣло. Правда или неправда, а только намъ довели, что собака его служить контрабандистамъ и мнѣ приказано убить ее, если я застану ее на дѣлѣ. Я пришелъ предупредить его объ этомъ и, кажется, это съ моей стороны не дурно.

Маркизъ кивнулъ въ знакъ одобренія головою, и обратился къ Титано, какъ-будто хотѣлъ сказать: ты видишь, онъ не злой человѣкъ.

— А! вамъ довели на мою собаку? возразилъ браконьеръ глухимъ голосомъ. Что же вамъ на нее наговорили?

— Про то я знаю.... Держи только ее покороче. Я не хочу съ тобою лукавить.

— А что ты называешь поймать собаку на дѣлѣ? спросилъ Титано.

— Изволь, а отвѣчу тебѣ и на этотъ вопросъ, хоть и не обязанъ на него отвѣчать. Если я встрѣчу твою собаку на горѣ одну, или съ подозрительными людьми, я пушу въ нее пулю также вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Карло Волеати.

— А если ты встрѣтишь Торквата, охотничью собаку, и я буду идти за ней съ ружьемъ въ рукахъ,—убьешь ты ее и тогда?

И прачиза физиономія Титано сдѣлалась звѣрекою.

— Я не дитя, отвѣчалъ Волеати, и умѣю различать хорошее отъ дурнаго. На охоту собака твоя можетъ ходить сколько ей угодно; но если она займется контрабандой,—ты слышалъ, что я сказалъ.

— Хорошо, хорошо, проворчалъ Титано, и лицо его сдѣлалось весѣе. Надо только объясниться. И такъ рѣшено; если ты встрѣтишь Торквата со мною; ты его не тронешь....

— То-сечи, если встрѣчу васъ на охотѣ, прервалъ его Волеати. Впередъ этого разговора дверь хижины оставалась рас-

творенною, и въ промежуткахъ фразъ слышался шедость вѣтра въ листьяхъ, и тихое журчаніе ручья вблизи жилища Титано.

Въ эту минуту къ нимъ присоединился жалобный вой совы. Я взглянулъ случайно на Торквато, все еще лежавшаго передъ печкой, и мнѣ показалось, что его какъ-то подергивалъ, и что вѣки глаза его дрожали, какъ-будто хотѣли подняться. Впрочемъ онъ остался на мѣстѣ и не раскрылъ глаза.

Я сказалъ, что Титано, повидимому успокоился послѣднимъ отвѣтомъ Волепти; черезъ нѣсколько минутъ мирное расположеніе его выказалось еще яснѣе.

— И такъ, Волепти, сказалъ онъ, мы положили жить мирно, и ты не откажешься, надѣюсь, выпить со мною стаканъ *асты*. Войдите, войдите! Вотъ столъ маркиза де Норы; но не трудно будетъ накрыть другой и для васъ.

Таможенные вошли, но не забыли оставить дверь отворенною, чтобы нѣтъ возможности наблюдать за происходившимъ на дворѣ. Послѣ мы узнали, что имъ дано было знать, что въ эту ночь проведутъ значительный транспортъ контрабанды по глухимъ тропинкамъ, не вдалекѣ отъ хижины Титана.

Титано сильно суетился, угощая сторожей: подавалъ имъ стулья, постлалъ скатерть на другой столъ, вытиралъ стаканы, подбросилъ дровъ въ огонь, хотя въ этомъ вовсе не было надобности.

Торквато мѣшалъ ему возиться около печки, и къ моему немалому изумленію, старый браковьеръ далъ ему сильный толчокъ ногою.

Торквато вскочилъ съ воплемъ, побѣжалъ къ двери, и легъ въ перегъ порога, такъ что передняя половина его туловища была вѣ хижинѣ, а задняя въ хижинѣ.

Сова провыла во второй разъ, и собака визгнула, какъ-будто боль отъ толчка еще не прошла.

— Собака твоя что-то очень чувствительна сегодня, сказалъ одинъ изъ сторожей, осушая свой стаканъ.

— Это не отъ того, чтобы я толкнулъ ее больно, отвѣчалъ Титано. Ударь ты ее такъ, она бы и съ мѣста не тронулась; но если я ее ударю, такъ она воетъ цѣлыхъ четверть часа. Ну, полно, помаримся Торквато, прибавилъ онъ, щелкнувши пальцами.

Торквато всталъ съ порога, подошелъ къ столу, лизнулъ руку своего господина, и потомъ легъ опять передъ печкой.

— Эта собака слишкомъ нѣжна для того ремесла, въ которое

ее подозрѣваютъ, сказалъ шлопгелоса Воленти, обращаясь къ сосѣду. Они вѣрно наврали.

— Я говорилъ вамъ, отвѣчалъ ему также тихо сторожъ, Титано и Торивато думаютъ только объ охотѣ, это известно всему околотку. Другое толкуютъ изъ зависти, можетъ-быть именно тѣ, которые сами занимаютъ контрабандой... у Титана много враговъ, хоть онъ и ребенка не обидеть; и знаете ли отъ чего? Отъ того, что ему покровительствуютъ всѣ дворане, начиная съ маркиза де Норы, перваго любимца короля. Если бы онъ занимался контрабандой, онъ былъ бы богатъ и его встрѣчали бы съ подозрительными людьми; а онъ бѣденъ и всегда одинъ какъ медвѣдь. Повѣрьте мнѣ: будемъ за нимъ присматривать, но за дѣвать его не годится.

— Я самъ такъ думаю, Равина, и....

— За ваше здоровье, Воленти, прервалъ его Титано, не проронившій ни одного словечка. За ваше здоровье! Въ первый разъ какъ пойду въ Пиньероль за порохомъ и дробью, привнесу вамъ пару фазановъ или четвертку серны, а можетъ быть, если охота будетъ удачна, и то и другое.

Переставъ говорить Воленти ты, Титано доказалъ, что сердце его совершенно прошло, потому что у него, какъ у всѣхъ нѣсколько дикихъ натуръ, это было знакомъ гнѣва и почти угрозы.

Воленти отвѣчалъ съ простодушіемъ и грубостью, отличавшими его характеръ.

— Я съ удовольствіемъ приму отъ васъ фазановъ и серну, если вы дасте мнѣ ихъ не за тѣмъ, чтобы ослѣпить меня. Я добрый человекъ, но знаю только одно, — службу. Кромѣ того, я отецъ семейства, и не желаю потерять мѣсто. И такъ, если я васъ поймаю на контрабандѣ, — а клянусь моимъ патрономъ, мнѣ этого не хотѣлось бы,—то дайте мнѣ хоть всѣхъ фазановъ, которые летаютъ отъ Колле-ди-Тенде до Сплюгепе, и всѣхъ сернъ, которыя прыгаютъ между Визо и Сенъ-Бернаромъ, я все-таки на васъ довесу, точно также какъ не буду васъ тревожить напрасно, если вы мнѣ и ничего не дадите. За дѣло ли, вѣтъ ли, а стараго Броски отставили; говорятъ, что вы съ нимъ были за одно. Правда ли, вѣтъ ли, а про васъ и вашу собаку говорятъ, что вы на тысячу ладовъ помогаете контрабандистамъ; это можетъ-быть и ложь, можетъ-быть и истина: я рѣшу это самъ.... А между тѣмъ, за ваше здоровье, Титано! Дай Богъ намъ быть товарищами въ добрыхъ, а не дурныхъ дѣлахъ!

Волеми залпомъ выдвигъ свой стаканъ, наполнившій прозрачною какъ топазъ жидкостью.

— Чудесное асти! сказалъ онъ, чмокнувъ губами. Точно французскій мускатъ.

— Старое вино, отвѣчалъ Титано, кивнувъ головой, какъ будто хотѣлъ сказать: все старое хорошо.

Въ эту минуту снова послышался крикъ совы, только дальше, слабѣе и съ противоположной стороны.

— У васъ тутъ много совъ, Титано? спросилъ сторожъ, говорившій въ пользу нашего хозяина нѣсколько минутъ тому назадъ.

— Да, не мало, Равина. Ночей не даютъ. Я ихъ каждый годъ убиваю по крайней мѣрѣ штукъ пятьдесятъ или шестдесятъ, а все не выведешь. Иной вечеръ своего слова не слышишь.

— Они предвѣщаютъ хорошую погоду; не правда ли? спросилъ Равина.

— Да, отвѣчалъ Титано; на-канунѣ яснаго дня они предвѣщаютъ хорошую погоду; но если онѣ поютъ въ ночь передъ бурей, такъ погода вѣрно будетъ дурная.

Я не могъ не засмѣяться этому отвѣту, напомнившему нѣтъ афоризмы стараго Денниса.

Сова провыла въ послѣднй разъ, но едва слышно.

Тогда Торквато, все время смирно лежавшій у печки, всталъ, потянулся, зѣвнулъ во всю пасть и снова прилегъ какъ мертвая масса, вздохнувъ будто отъ скуки или усталости.

Я и Стефано, сидя у очага, разговаривали въ полголоса. Часы съ кукушкой, самая изящная вещица въ хижинѣ Титано, пробили девять. Таможенные встали изъ-за стола, взяли свои карабины, стоявшіе у стѣны, пожали поочередно руку Титану, отдали намъ честь и вышли. Вскорѣ потомъ шаги ихъ затихли вдаль.

Титано проводилъ ихъ на извѣстное разстояніе, и я замѣтилъ, что возвратившись, онъ оставилъ дверь отворенною, хотя въ все дулъ довольно холодный вѣтеръ.

— Славно ты отъ нихъ отдѣлался, сказалъ ему маркизъ. Постарайся только, чтобы и впредь удавалось также; это не легко, потому что вѣдь теперь ты будешь имѣть дѣло не съ Броски.

Браконьеръ приложилъ палецъ къ губамъ, указывая глазами на открытую дверь, вѣроятно, желая дать знать, что можетъ быть ихъ подслушиваютъ.

— Тсъ! сказалъ онъ потомъ.

Торквато вскочилъ съ неистощимою быстротою, въ одну

скачокъ ступился у ногъ Титана и устремилъ на него удивительно умный, почти страстный взглядъ.

— Arrête! сказалъ ему браконьеръ такъ тихо, что я, стоя въ трехъ шагахъ отъ него, едва разслушалъ это слово.

Торвато ринулся изъ хижины съ невѣроятнымъ жаромъ. Я смотрѣлъ на нихъ съ большимъ любопытствомъ, и видѣлъ, что Стезано забавлялся моимъ недоумѣнiемъ.

Собака исчезла минутъ на десять, и мы ждали ее въ глубокомъ молчанiи. Любопытство мое было возбуждено въ высшей степени.

Собака приближалась издавъ, прыгнула на Титана и стала на заднiя лапы. Браконьеръ наклонилъ голову и она лизнула его въ лицо раза два или три.

— Теперь мы можемъ смѣяться, сказалъ онъ громко.

И онъ началъ прыгать точь-въ-точь какъ прыгала его собака минутъ десять тому назадъ.

— Ушли! всѣ ушли! говорилъ, прыгая, Титано. А, такъ вы думаете, что мнѣ труднѣе будетъ провести Воленги, нежели Броски? Ошибаетесь, ошибаетесь, *signor marchese*. Видѣли вы, какъ мы дебютировали?

— Я понялъ, что ты пробудилъ въ немъ сомнѣнiе на счетъ твоихъ сношенiй съ контрабандистами.

— Только-то?

— Только.

— Плохой же вышелъ бы изъ васъ таможенный сторожъ.

— Не утверждаю противнаго.

— Однако же вѣдь вы слышали сову?

— Слышалъ.

— И помните, что я почти въ ту же минуту далъ толчокъ моей собакѣ, которая лежала у печки какъ мертвая.

— Кажется....

— Да, это было у насъ слажено заранѣе.

— Какъ — у насъ?

— У насъ — съ моей собакой.

— Что ты за вздоръ говоришь?

— Таможенные ничего не поняли, а Воленги меньше всѣхъ.

— Говори яснѣе.

— Боже мой, да это, кажется, и безъ того ясно. Сова принадлежала къ майкѣ Гомберги, бриансонскаго контрабандиста. Они пришли въ эти шаги отсюда, понахѣсть зеленые мундиры или

ное вино; а Торквато я послалъ пробить на перогѣ затѣи, чтобы извѣстить ихъ, что дорога свободна.

— И собака твоя понимаетъ, что дѣлаетъ?

— Какъ нельзя лучше.

— Это невѣроятно, сказалъ я.

— Завтра на охотѣ не то еще увидите.

— А зачѣмъ же ты высылалъ ее теперь?

— Дозоромъ.

— И ты понялъ по ея знакамъ, когда она воротилась, что таможенные ушли?

— Да.

— Она смотрѣла такъ весело, — это понятно: вѣсти были хорошия; но если бы вѣсти были дурныя, на-примѣръ, если бы она замѣтила, что за хлѣбною наблюдаютъ, что бы она сдѣлала?

— То же, что и при стукѣ въ двери, когда пришли таможенные: она растянулась бы на полу. Чѣмъ больше выказываетъ она апатіи, тѣмъ больше опасности.

— Это похоже на чудо, сказалъ я, и я понимаю, что ты не хочешь продать такую собаку. А что, она такой же хорошии охотникъ, какъ и контрабандистъ?

— Объ этомъ — ничего вамъ не скажу... сами завтра увидите.

И Титано снова принялся готовить ужинъ. Съ удивительною дѣятельностью наверсталъ онъ потерянное время. Въ мгновение ока лини были подогрѣты и поданы на столъ. Пока мы ѣли рыбу, онъ поставилъ передъ нами паштетъ изъ куропатки и фазановъ, изготовленный съ такимъ искусствомъ, что отъ него не отрекся бы первѣйшій поваръ въ мірѣ; потомъ явились: *миланскій* окорокъ, *марсельскій* тунецъ, принесенный, вѣроятно, на крыльяхъ совы, анчоусы, оливки и лакомства безъ счета и мѣры. Вина были также отборныя: бѣлый эрмитажъ, котъ-роти и сентъ-перэ; къ десерту привезалтъ, какого я еще отъ роду не пивалъ.

Когда все было подано, Титано сѣлъ, по вторичному приглашенію маркиза, между нимъ и мною.

— Сегодня я не могу поподчивать васъ нброу, сказалъ онъ; но завтра будетъ можно.... Сегодня ночью пѣла сова.

— А хороша ли будетъ завтра погода для охоты? спросилъ я.

— Превосходная. Останетесь довольны.

— А если контрабандистамъ случится до васъ надобность во время вашего отсутствія, что они сдѣлають?

— Они проходятъ не иначе, какъ послѣ захождения солнца, а до-тѣхъ-поръ мы, вѣроятно, воротимся. Впрочемъ....

— Послушай Титано, прервалъ его маркизъ, напрасно ты не оставилъ этого опаснаго ремесла; позволь мнѣ тебѣ замѣтить, что оно и не пристало старому солдату, которому не въ чемъ себя утѣшить. За тобою присматриваютъ, на тебя доносили; кто тебя продалъ, и кто тебя купилъ, равно не дадутъ тебѣ попом. Кончится тѣмъ, что тебя поймутъ на дѣлѣ, убьютъ твою собаку и заставятъ тебя замлатить штрафъ, отъ котораго ты пойдешь по міру.

— Убить мою собаку? воскликнулъ Титано, поблѣднѣвъ отъ гнѣва и ударивъ кулакомъ по столу. Горе тому, кто на это отважится!

— Ты убьешь его, не правда ли?

— Такая же правда, какъ то, что вы благороднѣйшій вельможа во всемъ Пиемонтѣ.

— Хорошее же выйдетъ изъ этого дѣла! Послушай, любишь ли ты меня?

— Люблю ли я васъ!

— Общай мнѣ предоставитъ контрабандистамъ исправлять свои дѣла впредь безъ твоей помощи.

— Но я далъ слово еще на одинъ транспортъ.

— Но потомъ....

— Потомъ.... потомъ, отвѣчалъ Титано въ нерѣшимости.... потомъ я сдѣлаю, чтò вамъ угодно.

— Точно?

— Честное слово. — За ваше здоровье!

Вставши на другой день рано поутру, я убѣдился, что по-крайней-мѣрѣ одно изъ обѣщаній, данныхъ наканунѣ Титаномъ, будетъ исполнено: все предвѣщало превосходный день, пробуждающій надежду и радость въ сердцахъ охотника. Когда я вышелъ на порогъ, осторожно отворивъ дверь, чтобы не разбудить хозяина и Стефано, ночь еще не совсѣмъ слетѣла съ земли; но чтò за удивительная была ночь! Прозрачна, какъ самый ясный день, тепла, какъ лѣтній вечеръ. Глухой шумъ отдаленнаго водопада и журчаніе ближняго источника долетали до моего слуха грустною и торжественною гармоніей. Вѣтерокъ, свѣжій и благоухающій, какъ дыханіе груднаго младенца, доносилъ до меня сладостныя испаренія фиалокъ и дикихъ туберозъ, растущихъ осенью на высотахъ Альпъ. Вправѣ тонкій серебрянный серпъ луны заходилъ за снѣговую острую вершину горы и обливалъ ее розовымъ свѣтомъ. Влѣвъ таинственно шумѣла группа деревьевъ, какъ шепетъ двухъ влюбленныхъ. Невозможно словами

передать все очарованіе этой картины. Вокорѣ повислае зорь, улыбающаея и великолѣпная, какъ молодая дѣвушка, одаренная граціей и величественной красотой. Нѣсколько звѣзд сверкала еще на темной лазури неба, а изъ-за горизонта порывалось уже лучи, какъ букетъ фейерверка. Сначала зубцы горныхъ вершинъ обозначались немного кривою линіей, потомъ окрасилась пурпуромъ и золотомъ, и черезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ картину, какую мнѣ еще не случалось любоваться. По мѣрѣ восхода солнца и даже до его появленія, тѣни бѣжали передъ его свѣтомъ, и каждое мгновеніе являлось перерожденіемъ моего вѣка. Тутъ глянуло изъ тумана озерцо, какъ голубой глазъ изъ подъ приподнявшейся рѣсницы; тамъ черныя сосны, мрачныя припадкія ночи, выступали изъ тѣни и облепались свѣтомъ отъ нѣдѣлной вѣтки на вершинѣ до узловатаго вѣковаго корня. За мною огромная масса лѣса вѣчала гигантскія горы: подомное трава растилася яркозеленымъ ковромъ по широкой и глубокой долині, и змѣилась рѣчка, обозначающаяся извилистою полосею тумана, не разсѣянаго еще солнцемъ.

Я разсмотрѣлъ положеніе хижины Титано, очень выгодное для охотника и контрабандиста. Взоръ могъ обнимать большее пространство во всѣ стороны. За Пиньероломъ онъ упирался въ горы, расположенныя амфитеатромъ; насупротивъ спускался въ долину, о которой я только что говорилъ. Не отходя отъ берега, Титано могъ осмотрѣть всю окрестность, видѣть всѣхъ идущихъ къ хижинѣ и подавать товарищамъ знаки, невидимому самымъ невиннымъ, и потому неподозрительнымъ для сторожей. Право, живи я въ этой хижинѣ, я наслаждался бы для развлечения прекрасными видами, когда нельзя бы было идти на охоту.

Въ эту минуту длинная тѣнь легла вправо отъ меня, и я почувствовалъ теплое дыханіе на кисти лѣвой руки.

Тѣнь эта была — Титано; теплое дыханіе — поцѣлуй Торкато. Я протянулъ руку хозяину, и погладилъ собаку.

— Ну что? сказалъ Титано. Надѣюсь, вы будете покупать менѣ алмазахъ; какова погода!

— Будетъ, я думаю, немножко жарко.

— Въ долині, да; но тамъ, наверху, вонъ у тѣхъ сосенъ, нельзя будетъ пожаловаться на теплоту.

— И вы думаете, что мы найдемъ дичь!

— Найдемъ ли! Да, конечно, почему вамъ знать? Тутъ охоту только я, а каждый день убиваю не нѣсколько штукъ, а все еще много. Впрочемъ, осенью я до тѣхъ поръ не заглядываю

ваго въ лучшія мѣста, пока не посѣтитъ нѣкъ маркизъ; сегодня мы пойдѣмъ въ непочатыя мѣста.

— Такъ общайте, что я застрѣлю нѣсколько тетеревовъ.

— Пожалуй, когда увижу вашъ первый выстрѣлъ; а теперь даю только слово доставить вамъ случай выстрѣлить штукамъ по двадцати.

— По двадцати! А говорить, что это рѣдкая птица?

— Рѣдкая для тѣхъ, кто лѣнится искать ее или не знаетъ гдѣ найти. Но у стараго Титана крѣпкія ноги и тонкое чутьѣ.

— А что водится у васъ еще въ горахъ? спросилъ я съ любопытствомъ, понятнымъ для всякаго истиннаго охотника.

— Рябляки, зайцы, сѣрыя, красныя и бѣлыя куропатки; только бѣлыхъ не легко увидѣть: онѣ никогда не спускаются ниже снѣговъ.

— Вы найдете во мнѣ достойнаго товарища, Титано; прошу васъ не жалѣть меня; я хочу видѣть все, что тутъ есть замѣчательнаго по части охоты. Я далъ бы, напримѣръ, два лундора за то, чтобы убить серну; но это, я думаю, не возможно, а?

— Кто знаетъ. Охотники и солдаты никогда не должны говорить: это невозможно... чѣмъ чортъ не шутитъ? да и Титано не промахъ.

— Такъ по рукамъ: вы мнѣ доставите случай убить серну, а я даю за это два лундора.

— Постараюсь, но отъ денегъ отказываюсь. Титано никогда не продавалъ доставляемаго имъ удовольствія, и не начнетъ съ друга маркиза де-Норы.

— Далеко мы пойдѣмъ? спросилъ я, пожиная его руку.

— Видите вонъ эти три ели?

— На скатъ этой сѣрой горы?

— Да. Тамъ мы зарядимъ ружья, — тамъ они намъ понадобятся.

— Но земля тамъ голая; гдѣ же укрывается личъ?

— Вамъ трудно будетъ двигать ногами по этой голой землѣ. То, что отсюда кажется намъ сѣрымъ, въ-самомъ дѣлѣ темная зелень. Вся гора поросла *нерпруномъ*; это родъ терновника, котораго ягоды любимое лакомство тетеревовъ. Только можетъ быть собаки ваши не захотятъ втти въ кусты. Торквато отслуживъ за всѣхъ; не правда ли? прибавилъ онъ, положивъ свою широкую костлявую руку на голову собаки.

Торквато устремилъ на него умный, понятливый взоръ, который можно было принять за обѣщаніе.

Въ эту минуту подошелъ къ намъ маркизъ, и, какъ обыкновенно дѣлаютъ опоздавшіе, спросилъ, отчего мы еще не вышли и почему не готовъ завтракъ?

— Завтракъ будетъ готовъ въ пять минутъ, отвѣчалъ Титано; вы спали такъ сладко, что я не хотѣлъ васъ беспокоить. Проходитесь минутой, это придастъ вамъ аппетиту; я пришло вамъ моего слугу, когда все будетъ готово.

Съ этими словами Титано ушелъ въ сопровожденіи своего вѣрнаго Торквато.

— Ну, что ты скажешь о моемъ старомъ чудакѣ? спросилъ меня Стефано.

— Что я не пожалѣю объ этой поѣздкѣ, если даже мы ничего сегодня не уберемъ; этотъ Титано одинъ изъ лучшихъ титановъ, какіе мнѣ случалось видѣть.

— Ты его еще не знаешь.

— Сегодня я увижу его силу и ловкость; я составилъ себѣ объ нихъ высокое понятіе.

— И онъ превзойдетъ всѣ твои ожиданія.

— Я ожидаю невозможнаго.

— Въ такомъ случаѣ ты довольно близокъ къ истинѣ... но это въ немъ еще не самое замѣчательное....

— Вчера я видѣлъ его талантъ въ дѣлахъ контрабанды, прервалъ я.

— И это еще ничего.

— Такъ что же?

— Титано, бѣднякъ Титано, безкорыстенъ до невѣроятности, и помогаетъ нищимъ. Повѣришь ли, что вотъ десять лѣтъ какъ я къ нему ѣзжу, и ни разу не могъ уговорить его взять съ меня хоть бездѣлицу за издержки по случаю моихъ посѣщеній. Много хитрости и труда стоило мнѣ заставить его принять ружье, которое я заказалъ нарочно для него въ Лондонѣ, у знаменитаго Мантона.

— Это меня вовсе не удивляетъ.

И я рассказалъ маркизу, какъ Титано отказался отъ двухъ лундоровъ.

— Всегда тотъ же! сказалъ маркизъ. Какъ досадно, что онъ такъ пристрастился къ контрабандѣ. Впрочемъ, онъ обѣщалъ, что съ завтрашняго дня....

— И ты полагаешься на его слово?

— Если онъ его не сдержитъ, такъ это случится съ нимъ въ первый разъ.

Въ это время Торквато выскочилъ изъ хижины и побѣжалъ къ намъ; онъ несъ что-то въ зубахъ.

— Пойдемъ завтракать, сказалъ Стефано. Все готово.

— Почему ты это знаешь?

— Посмотри на Торквато.

— Вижу.

— Онъ извѣщаетъ насъ, что завтракъ готовъ; онъ метръ д'отель Титано, но такъ какъ онъ не могъ явиться съ салфеткою подъ мышкой, то явился съ салфеткою въ зубахъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ!

Мы пошли къ хижинѣ вслѣдъ за Торквато, который учтиво остановился у порога и пропустилъ насъ впередъ.

— Это невѣроятно, сказалъ я, удивляясь все больше и больше.

— Ты увидишь вещи еще невѣроятнѣе.

Мы сѣли за столъ и принялись за отправленіе своей должности съ аппетитомъ, какого желаемъ всѣмъ подписчикамъ журнала охотниковъ.

Завтракъ былъ хорошій и сытный; вина были превосходныя; только хлѣбъ черенъ и черствъ; контрабанда не доставляла хлѣба.

— Ахъ, Боже мой! про якру-то я и забылъ! сказалъ вдругъ Титано. А она вѣрно уже на мѣстѣ; сію минуту!

Онъ всталъ; собака, не спускавшая съ него глазъ, встала тоже. Я понялъ, что произойдетъ что-нибудь необыкновенное, и положилъ вилку, преслѣдуя глазами Титано и его собаку.

Титано открылъ старый ящикъ, досталъ изъ него пустой лубокъ, далъ его понюхать Торквато, спряталъ, воротился къ столу и указалъ собакѣ на дверь. Она тотчасъ же выбѣжала.

Мы переглянулись съ маркизомъ, но не сдѣлали никакого замѣчанія. Титано казался совершенно спокоенъ на счетъ того, что будетъ дальше. Я былъ увѣренъ, что собака возвратится съ якурою. Минуть черезъ десять она прибѣжала, но ничего не принесла.

Титано сказалъ ей нѣсколько словъ на Пиемонтскомъ нарѣчій. Собака прилегла на полъ по вчерашнему и притворилась спящею. Старый браконьеръ всталъ и пригласилъ насъ жестомъ сдѣлать тоже. Мы въ ту же минуту встали и пошли за Титаномъ въ уголъ хижины.

Тамъ онъ отодвинулъ въ стѣнѣ кусокъ дерева, имѣвшій форму обыкновеннаго засова; я замѣтилъ отверстіе, величиною съ ги-

затную карточку. Титано приложилъ къ нему свой глазъ какъ къ лорнету. Черезъ полминуты онъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Подойдите и смотрите прямо впередъ.

— Смотрю.

— Что вы видите?

— Горы, горы и горы.

— Нѣтъ, ближе.

— А! женщина; она вьжеть, сидя у сѣрой скалы, и возлѣ нея пасутся двѣ козы.

— Да.

— Однако, что же тутъ любопытнаго? Женщина стара, а козы тощи.

— За этой сѣрой скалой спрятана нкра, за которою я посылаъ Торквато.

— Отчего же онъ ея не принесъ?

— Оттого, что эта старуха поставлена таможенными для наблюденія за нами. Торквато догадался и воротился безъ нкры.

Это мнѣ кажется ужъ слишкомъ невѣроятнымъ! сказалъ я.

— Хотите убѣдиться? Это не долго.

— Разумѣется хочу... но какъ?

— Оставайтесь на мѣстѣ и слѣдите внимательно за всѣми движеніями старухи, покажѣтъ я не позвоу васъ къ дверямъ.

Я снова прильнулъ къ отверстію. Титано сказалъ нѣсколько словъ собакѣ, и она бросилась вонъ во всѣ лопатки, съ лаемъ.

Старуха тотчасъ же устремила глаза на нашу хижину, которой до сихъ-поръ, казалось вовсе не замѣчала; потомъ встала, погнала передъ собою козъ и пошла по дорожкѣ къ хижинѣ.

Титано и маркизъ стояли на порогѣ. Титано позвалъ меня тиховько.

Я подошелъ къ нимъ; въ это время старуха и козы ея проходили въ десяти шагахъ отъ хижины. Троюника, по которой они шли, вела въ долину. Торквато, продолжавшій лаять, былъ уже внизу; онъ бѣгалъ взадъ и впередъ, какъ щенокъ, который гонится за ласточками. Дорожка спускалась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ хижины быстро внизъ, и мы скоро потеряли изъ виду старуху и козъ. Торквато тоже исчезъ.

Я уже сказалъ, что по долинѣ текла рѣчка, обростаая иванн. Въ нкъ-то тѣни спрятался Торквато, какъ актеръ за кулисами.

— Три четверти дѣла сдѣлаво, сказалъ мнѣ Титано. Теперь, если угодно видѣть окончаніе, подойдите опять къ окошечку и смотрите направо.

Я тотчасъ же отправился туда, и началъ смотрѣть вправо отъ строй скалы. Минуты черезъ двѣ я увидѣлъ Торквато, бѣгущаго по всѣмъ лонатки.

— Вотъ онъ! вотъ онъ! сказалъ я шепотомъ Титану. Онъ бѣжитъ шибче борзой.

— Не теряйте его изъ виду, и скажите, что онъ дѣлаетъ.

— Я его не вижу, — онъ скрылся за скалой.... а, вотъ онъ опять! Онъ бѣжитъ сюда и несетъ лубокъ, точь въ точь такой, какъ вы давали ему нюхать.

— Это кра! сказалъ Титано въ восторгѣ. Впрочемъ, я въ этомъ и не сомнѣвался. Хитры вы, господа, а Торквато еще хитрѣе!

Въ эту минуту собака вбѣжала и положила свою ногу къ ногамъ хозяина.

— Это удивительно! Это невѣроятно! сказалъ я. Да какъ же все это сдѣлалось?

— Какъ вы видѣли, отвѣчалъ Титано. Выбѣжавши въ первый разъ, Торквато замѣтилъ старуху и воротился извѣстить меня, что за нимъ подсматриваютъ. Тогда я послалъ его въ долину, будучи увѣренъ, что старуха пойдетъ за нимъ, — какъ и случилось. Когда Торквато расчелъ, что она онустилась низко и не поспѣетъ за нимъ на гору, онъ пробрался подъ нвами до другой тропинки, шаговъ за триста отсюда, и побѣжалъ опять къ скалѣ. Старуха, — я отвѣчаю чѣмъ угодно, — ищетъ его тамъ, внизу. Да вотъ, видите ее тамъ въ кустахъ? Всего забавнѣе то, что она донесетъ, что съѣстные припасы мои хранятся на берегу, и сторожамъ будетъ хлопотъ дней на осемь.

Титано захохоталъ и принялся откупоривать иру. Указывая мнѣ въ открытую дверь на старуху, безъ церемоніи шарившую въ кустахъ на берегу, онъ продолжалъ:

— Теперь я увѣренъ, что проведу Карло Воленги не хуже стараго Броски. Но....

— Но — ты помнишь свое обѣщаніе? прервалъ его маркизъ дружески строгимъ голосомъ.

— Помню, и вы можете положиться на мое слово, какъ будто оно засвидѣтельствовано у нотариуса, отвѣчалъ Титано, кладя руку на сердце. Я сказалъ вамъ, что сегодня вечеромъ долженъ еще имъ помочь, но это въ послѣдній разъ. Сегодня я опростаю своей магазинъ, а завтра дамъ имъ знать въ Пиньероль, чтобы

впередъ на меня не рассчитывали. Вы правы, маркизъ; это идетъ старому солдату.

— Если мнѣ позволено тоже подать вамъ совѣтъ, сказалъ я, я посоветовалъ бы вамъ не довѣрять сегодня ввечеру совѣ. Вчера, во время ея пѣнія, мнѣ показалось, что Воленги слушалъ ее внимательнѣе, нежели можно было ожидать. Онъ не дремлетъ.

— Я тоже это замѣтилъ, но будьте спокойны; у насъ никогда одна и таже птица не поетъ два дня сряду, а Торквато заезъ всѣ голоса. Какъ будетъ онъ скучать въ длинные зимніе вечера! прибавилъ Титано, понижая голосъ, какъ будто говорилъ самъ съ собою. Но все равно, я далъ слово и сдержу его.

При этихъ словахъ старый браконьеръ глубоко вздохнулъ и началъ печально гладить по головѣ Торквато.

Черезъ нѣсколько минутъ мы встали изъ-за стола, и не прошло четверти часа, какъ мы вышли уже изъ хижины вооруженные, въ сопровожденіи нашихъ собакъ, принятыхъ Торквато съ радушіемъ — отличительною чертою всѣхъ истинно возвышенныхъ натуръ.

Намъ предстояло пройти только четверть льѣ до того мѣста, гдѣ можно было начать охоту, а разговоръ Титана сократилъ для меня это разстояніе еще болѣе. Почтенный браконьеръ, какъ всѣ подобные ему люди, любилъ поболтать; но его бесѣда не была скучна.

Дорогою, слушая его рассказы, я разсматривалъ его во всѣ глаза, и долженъ былъ сознаться, что не встрѣчалъ еще такого необыкновеннаго человѣка. Его ростъ, худощавость и дѣятельность показались мнѣ еще удивительнѣе вчерашняго; онъ шелъ поединому медленно, но мы съ трудомъ поспѣвали за нимъ, — столько пространства захватывалъ онъ каждымъ шагомъ. Нарядъ не уступалъ въ странности его особѣ. На немъ была одна, цѣльная одежда: штиблеты, панталоны, жилетъ, — все было сшито вшитѣ, какъ носили дѣти лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Этотъ покровъ былъ сдѣланъ изъ плотной овечьей кожи землянаго цвѣта, охранявшей его отъ самыхъ острыхъ колючекъ, и позволявшей ему скрываться отъ глазъ, лежа на голой землѣ. Пантронташъ, достточно большой для похищенія пятнадцатилѣтней дѣвушки, висѣлъ у него на лѣвомъ боку; а на правомъ плечѣ его покоилось знаменитое мантоновское ружье, подаренное ему маркизомъ.

Ружье было дѣйствительно превосходное, но его не могъ употребить никто, кромѣ Титана. Дуло было длиною въ сорокъ два дюйма, большаго калибра и соразмѣрной тяжести. Я попробовалъ

прицѣлиться изъ него, и не могъ держать его довольно твердо, для вѣрнаго выстрѣла по предмету обыкновенной величины.

Наконецъ мы достигли трехъ елей, на которыя Титано указывалъ мнѣ по утру, говоря, что тамъ можемъ мы начать охоту. Собаки, подъ предводительствомъ Торквато, уже нѣсколько минутъ обыскивали кустарникъ.

У меня была удивительная лягавая собака, Солиманъ, славный во всей Бургоннѣ. Не охуждая альпійскихъ собакъ, къ которымъ я пристрастился впоследствии времени, объявляю, что ни одна изъ нихъ не могла сравниться съ Солиманомъ. Торквато нашелъ въ немъ достойнаго соперника, и великіе геніи узнали другъ друга, понюхавшись мордами.... Укажите мнѣ на двухъ полководцевъ, или ораторовъ, или поэтовъ, которые оцѣнили бы другъ друга такъ скоро и такимъ простымъ средствомъ! О, собаки лучше насъ.

Это напоминаетъ мнѣ прекраснѣйшій отвѣтъ господина Брифо, одного изъ сорока французской академіи.

Виконтесса Ф**, теперь одна изъ умаѣйшихъ женщинъ въ Парижѣ, была въ дѣтствѣ что называется un enfant terrible. Однажды, въ замкѣ Марэ, у тѣтки своей, госпожи де-ла-Бришъ, увидѣла она господина Брифо.

— Мосьё Брифо, сказала она ему, у васъ собачье имя.

— Ваше замѣчаніе совершенно справедливо.

— Да отчего же у васъ собачье имя, мосьё Брифо? Это не хорошо.

— Я скажу вамъ отчего: когда-то предки мои были собаки; но потомъ сдѣлались злы, и были превращены за наказаніе въ людей.

Какая кроткая и глубокая философія! И, главное, какая великодушная похвала собачьему роду!

Я сказалъ, что мы пришли къ тремъ елямъ, на которыя Титано указывалъ мнѣ съ порога своей хижины.

Онѣ росли на третей верховья довольно высокой горы. Тотчасъ за елями начиналась чаща; кустарникъ былъ не выше двухъ футовъ, но такъ густъ, спутанъ и колючъ, что ласточка не рѣшилась бы въ него углубиться. Вся эта путаница состояла только изъ одного вида растенія, съ темною зеленью и черными ягодами. Титано называлъ его *нерпруномъ*, и говорилъ, что тетерева очень любятъ его плоды.

Мы зарядили ружья и сдѣлали собакамъ знакъ идти въ чащу, куда углубился уже Торквато.

Соллиманъ попробовалъ раздвинуть вѣтви мордой, и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ рѣшился на геройское средство: онъ ринулся впередъ отчаяннымъ скачкомъ.

Онъ исчезъ, но въ ту же минуту я услышалъ жалобный вой, говорившій, что онъ раненъ. Однако же онъ не возвратился. Я рѣшился идти за нимъ, подражая его геройству: вошедши въ кустарникъ, я понялъ причину его воя. Тысячи шиповъ, острыхъ какъ иглы, вонзились мнѣ въ шкуру и колѣна. Я крѣпился духомъ, подобно Соллиману, и продолжалъ идти впередъ. Маркизь шелъ по опушкѣ елѣва, а Титано, защищаемый кожанною одеждою, шелъ въ кустахъ справа. Въ вѣсколькихъ шагахъ передъ нимъ видѣлъ я надъ вѣтвями прекрасную, умную голову и пушистый хвостъ Торквато. Благородное животное бѣжало какъ по мягкой муравѣ.

— Ну что? спросилъ меня Титано; какъ вы думаете, есть тутъ гдѣ водиться дичи?

— Я думаю, что если ей также трудно отсюда вылетѣть, какъ мнѣ было войти, такъ мы не много сожжемъ пороку, путешествуя по этимъ колючкамъ.

— Не тѣжьте! Торквато сталъ.... О, не торопитесь; онъ не тронется съ мѣста.

Разумѣется, при этихъ словахъ стараго браконьера, я бысто двинулся впередъ, не смотря на безпощадное уязвленіе тысячи шиповъ.

Я подошелъ на десять шаговъ къ Торквато и съ неописаннымъ удовольствіемъ увидѣлъ, что Соллиманъ стоитъ рядомъ съ нимъ. Оба они стояли на довольно свободномъ мѣстѣ и я могъ разсмотрѣть ихъ живописныя позы.

Торквато присѣлъ слегка на заднія ноги, поднималъ голову, вытянулъ шею; глаза его горѣли какъ угли и были неподвижны; хвостъ, закинутый дугою къ верху, казался вылитымъ изъ бронзы.

Соллиманъ лежалъ на брюхѣ, протянувши морду на переднія лапы; можно было подумать, что онъ спитъ, если бы не сверкали его глаза и не дрожали розовыя ноздри, разнюхавшія запахъ новой для него дичи.

Титано подошелъ ко мнѣ. Маркизь оставался на опушкѣ, шагахъ въ двадцати-пяти впереди насъ; ему было ловко стрѣлять оттуда.

Титано сдѣлалъ знакъ.

Торквато вытянулъ шею еще больше, и провелъ головою справа елѣво, наклоня ее нѣсколько разъ, какъ будто слегка кланялась.

— Тетерева, шепнулъ мнѣ Титано. Семь штукъ. Торквато сосчиталъ ихъ.

Я не успѣлъ попросить объясненія этихъ словъ: тетерева тяжело поднялись между собаками,—ихъ дѣйствительно было семь. Я выстрѣлилъ изъ обоихъ стволовъ, — признаюсь, немного на удачу, — и имѣлъ удовольствіе видѣть какъ упали предводитель стада и молодой тетеревъ.

— Bravo! воскликнулъ Титано.

И въ ту же минуту раздались два залпа изъ его ружья, черезъ нѣсколько секундъ одинъ послѣ другаго. Я оглянулся на первый выстрѣлъ, и увидѣлъ паденіе самки; второй выстрѣлъ стоилъ жизни двумъ тетеревамъ, летѣвшимъ уже на значительномъ разстояніи.

Изъ двухъ остальныхъ одинъ налетѣлъ на маркиза, и тоже палъ.

Начало, согласитесь, было чудесное. Я былъ въ восхищеніи, и восторгъ мой увеличился еще больше, когда Солиманъ положилъ къ ногамъ моихъ старого тетерева.

Онъ былъ самой большой породы, и превосходилъ красотой все, что я воображалъ себѣ объ этихъ птицахъ, о которыхъ мнѣ безпрестанно толковали въ Пиемонтѣ. Перья его, черносніи съ фіолетовымъ и зеленымъ отливомъ, были самыхъ богатыхъ цвѣтовъ. Пурпуровая перепонка окружала глаза и клювъ, и восходила гребнемъ по широкому черепу; крылья были опоясаны двумя полосами ослѣпительной бѣлизны; развоенный хвостъ придавалъ птицѣ какіе-то гигантскіе размѣры. Я поднялъ ее и удивился ея тяжести; я не могъ ею налюбоваться, и не зналъ, какъ благодарить Титано.

Пока мы снова заряжали ружья, я спросилъ его, не на удачу ли сказалъ онъ, что тутъ семь тетеревовъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ. Когда птицы сидятъ смирно, Торквато киваетъ головою на каждую изъ нихъ, и только разъ изъ десяти ошибется.

— Чаясь отъ часу удивительнѣе! сказалъ я. Но гдѣ же ваша чудесная собака?

— Ищетъ самку. Пойдемте, она насъ догонитъ.

Мы прошли шаговъ сто за Солиманомъ, бѣжавшимъ, не обращая вниманія на шипы. Онъ былъ весь покрытъ алыми точками.

— А, вотъ ваша собака! сказалъ я Титано.

Я увидѣлъ Торквато, неподвижно стоящаго за кустомъ можжевельника.

— Онъ на стойкѣ, сказалъ Титано.

— Не можетъ-быть, отвѣчалъ я. Онъ держитъ въ зубахъ самку и, кажется, слушаетъ, не зовете ли вы его.

— Торквато слушаетъ, не зову ли я его! Это невозможно. Я вамъ говорю: онъ на стойкѣ.

Я обошелъ кустъ и увидѣлъ Торквато какъ на ладони. Онъ дѣйствительно былъ на стойкѣ и въ самой живописной позѣ.

— Вы правы, сказалъ я Титану.

— Поднять или опущенъ его хвостъ?

— Опущенъ.

— Такъ это куропатки или рябчики. Готовьтесь стрѣлять.

Стая рябчиковъ вспорхнула, но я даже и не приложился: мнѣ показалось, что они вѣв выстрѣла.

— Что жъ вы?

— Слишкомъ далеко.

— Вотъ еще! возразилъ Титано, поднося прикладъ къ плечу.

Выстрѣлы раздались, и два рябчика упали, совершенно разбитые. Я смѣрилъ разстояніе: сто двадцать-семь шаговъ. Это баснословно.

Ни взлетъ стая, ни громъ выстрѣловъ не смутили Торквато. Онъ принесъ своему господину тетерку и побѣждалъ искать рябчиковъ.

Мы провели четыре часа въ этой чащѣ, и вынесли тридцать-четыре штуки дичи: пятнадцать тетеревовъ, осемь рябчиковъ и десять красныхъ куропатокъ. На мою долю пришлось четырнадцать штукъ, и Солиманъ оказался достойнымъ соперникомъ Торквато.

Маркизь давно къ намъ присоединился, и мы съѣли у ключа, осыненнаго купою явъ и березъ.

— Теперь часовъ одиннадцать, сказалъ мнѣ Титано. Отдохни до полудня. Я отнесу домой дичь, которая будетъ намъ только помѣхою при дальнѣйшей экспедиціи, и потомъ мы пойдѣмъ дальше.

— Къ чему трудиться напрасно? сказалъ я. Я думаю, лучше спрятать ее гдѣ-нибудь здѣсь подъ кустомъ.

— Мнѣ нужно сходить домой, отвѣчалъ браконьеръ. Вамъ не мѣшаетъ отдохнуть. Я прохожу не больше часу.

Говоря это, Титано укладывалъ дичь въ свой неизгнанный ягдташъ, поставивъ его на землю. Когда послѣдняя куропатка исчезла въ его пропасти, я попробовалъ приподнять его. Всякъ смѣлъ моихъ достало только на то, чтобы приподнять его съ

земли, и я тотчасъ же принужденъ былъ опустить его назадъ.

— И вы это повесете? спросилъ я Титана.

Онъ взглянулъ на меня съ усмѣшкою, взявъ ягдташъ одною рукою, повернулъ мнѣ какъ дѣтскимъ ридикюлемъ и вскинулъ его на плечо.

— Оставь по-крайней мѣрѣ ружье, сказалъ ему маркизъ.

— А если случится дорогой сдѣлать хорошей выстрѣлъ?

— Ну, ты не будешь стрѣлять.

— А что скажетъ Торквато? Я не хочу, чтобы онъ подумалъ, что я старѣю. До свиданья.

И онъ пошелъ какъ двадцатилѣтній юноша съ пустыми руками. Мы слѣдовали за нимъ взоромъ, пока онъ не скрылся за горою; черезъ нѣсколько минутъ онъ снова появился въ долину, взшелъ на противоположный скатъ, вошелъ въ хижину и заперъ за собою дверь. Дорогою онъ вѣроятно не нашелъ дичи; мы не слышали выстрѣла.

— Что за необыкновенный человѣкъ! сказалъ я Стефано.

— Да, втораго Титана нѣтъ на свѣтѣ.—А знаешь ли, и Богъ знаетъ чѣмъ отвѣчаю, что онъ ушелъ домой вовсе не за тѣмъ, чтобы отнести дочь.

— А за чѣмъ же?

— Да контрабанда проклятая. Ему надо получить извѣстiе или подать знакъ. Да вонъ, смотри!

— Что такое?

— Неужели ты ничего не видишь?

— Нѣтъ, дверь хижины заперта.

— Посмотри на крышу.

— Ну?

— Этотъ густой дымъ....

— Въ самомъ дѣлѣ! Онъ никогда не исправится, и данное тебѣ обѣщанiе, вѣроятно, не лучше зарока пьяницы.

— Я самъ начинаю такъ думать.

Въ это время позади насъ раздался шумъ шаговъ. Мы оглянулись и увидѣли Воленги съ карабиномъ на плечѣ.

— Что, хороша ли была охота? спросилъ онъ маркиза, отдавая ему честь по военному.

— Да такъ хороша, что мы принуждены были отослать дичь съ Титаномъ домой.

— Должно быть онъ ее уже принялся и жарить: видите, какой дымъ?

— Очень можетъ быть, отвѣчалъ маркизъ холодно.

— Вы принимаете, кажется, въ немъ участіе? спросилъ Воленги.

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Такъ посоветуйте ему оставить контрабанду: это кончится для него плохо: мнѣ даны на счетъ его самыя строгія приказанія, и какъ онъ ни хитри, а когда-нибудь да попадетсѣ.

— Вы предостерегли его вчера; остальное ваше дѣло. Я однако же имѣю причины думать, что онъ броситъ свое занятіе.

— И хорошо сдѣлаетъ. Не будетъ ли какого порученія къ вашимъ людямъ въ Кроче-Біанка въ Пиньероль? Я иду туда.

— Благодарю васъ; нѣтъ.

Воленги опять отдалъ ему честь и удалился. Въ это самое время Титано появился изъ хижины и пошелъ большими шагами къ намъ. Черезъ двадцать пять минутъ онъ былъ возлѣ насъ. Отсутствіе его продолжалось менѣе часу.

Стефано разсказалъ ему о Воленги, и особенно о томъ, что онъ обратилъ вниманіе на дымъ.

— Догадывается! отвѣчалъ Титано съ досадою. Но сегодня онъ возвратился въ Пиньероль, такъ опасаться нечего; а завтра, вы знаете....

— Берегись! Онъ могъ сказать мнѣ, что уходитъ туда, надѣясь, что я передамъ тебѣ его слова, и что ты успокоишься. Я на твоёмъ мѣстѣ остерегся бы сегодня вечеромъ.

— Невозможно. Я далъ слово, и если не сдержу его, такъ и вы въ свою очередь можете сомнѣваться въ томъ, что я исполню данное вамъ обѣщаніе. Попадётся именно на послѣдней продѣлкѣ— да это чортъ знаетъ, что такое!

— Во всякомъ случаѣ—ты предостереженъ достаточно. Идете; до вечера осталось всего шесть часовъ; надо ими воспользоваться. Куда ты насъ поведешь?

— Я обѣщалъ господину французскому маркизу показать бѣлыхъ куропатокъ и серну. Надо идти на высоты Брикераско.

— Такъ нельзя терять ни минуты.

Титано привнесъ съ собою кубышку превосходной гренобльской ратафин. Мы выпили по нѣскольку глотковъ и тронулись въ путь. Собаки бѣжали очень бодро.

Послѣ часу ходьбы все въ гору и въ гору мы достигли возвышенности, на которой царствовалъ такой густой туманъ, что мы принуждены были не разходиться дальше трехъ шаговъ, чтобы не потерять другъ друга изъ виду. Температура измѣнилась быстро и совершенно: я чувствовалъ, какъ на лицѣ моемъ

замёрзала испарина, произведенная продолжительною ходьбою на гору. Если бы путеводителемъ нашихъ былъ не Титано, а кто-нибудь другой, я непременно спросилъ бы, что охотникамъ дѣлать среди такого густаго тумана? Но довѣріе мое къ старому браковьеру было такъ велико, что мнѣ и въ голову не пришло усомниться въ успѣхѣ нашего предпріятія. Одно только должно бы удивить меня: едва только вступили мы въ бѣлую тьму, облившую насъ со всѣхъ сторонъ, какъ Торквато пересталъ искать дичь, и прильнулъ къ пятамъ Титана, какъ умное животное, которое не хочетъ трудиться напрасно. Черезъ нѣсколько минутъ и Солиманъ послѣдовалъ его примѣру; собака же маркиза, полагая вѣроятно, что охота кончена, убѣжала безъ всякихъ церемоній.

Мы шли по чернозему, изрѣдка поросшему пучками темнозеленаго моха. Скоро показались бѣлыя полосы, пересѣкавшія печальную почву въ нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи. Я догадался, что мы приближаемся къ области снѣговъ.

Туманъ мало по-малу рѣдѣлъ, и я увидѣлъ багровый кругъ солнца, плавающій въ волнахъ полусвѣтлыхъ испареній; ноги мои попирали слой снѣга въ нѣсколько сантиметровъ толщины, мягкій какъ хлопчатая бумага. Бѣлый коверъ становился все ярче и плотнѣе, и наконецъ мы вышли изъ тумана также внезапно, какъ вошли.

Я вскрикнулъ отъ удивленія: передо мною открылось великолѣпнѣйшее зрѣлище. Мы достигли высочайшей точки восхода и стояли на рубежѣ противоположнаго ската. Все пространство, которое могли обнять наши ослѣпленные взоры, было покрыто снѣгомъ и льдомъ. Надъ нами блистало темно-голубое, невыразимо яркое небо. На немъ не было ни вершка облачка. Никакое описаніе не можетъ дать понятія о лучезарной красотѣ солнца, катившагося по эфирной пустотѣ. Косвенные лучи его играли на всѣхъ предметахъ удивительными цвѣтами. Снѣгъ походилъ на опалъ, ледники сверкали изумрудами и сафирами. Сосны, тернъ и можжевельникъ, разбросанные тамъ и сямъ, были покрыты инеемъ, словно витками жемчуга и брильянтовъ. Безмолвіе царствовало надъ этой картиной и придавало ей величія. Мнѣ и во снѣ не случилось никогда ничего подобнаго.

Титано, приглядѣвшійся уже къ этому великолѣпію, не удивился моему удивленію, но былъ, казалось, доволенъ произведеннымъ на меня впечатлѣніемъ. Глядя на удовольствіе, выражавшееся у него на лицѣ, можно было подумать, что богатый вла-

дѣтель замка показываетъ гостю свой паркъ, и я даже счелъ обязанностью сказать ему комплиментъ.

— Мнѣ очень лестно слышать ваше замѣчаніе, отвѣчалъ онъ, сопровождая свои слова самою умною гримасою; я здѣсь какъ у себя дома: сюда никто кромѣ меня не ходитъ. Теперь посоветуемся еще разъ съ ратаѳіей и пойдемъ дальше. Торквато уже разнюхиваетъ воздухъ; скоро что-нибудь да вспорхнетъ.

Мы стали въ лѣвію, шагахъ въ сорока одинъ отъ другаго, и тронулись ровню впередъ. Титано былъ на срединѣ.

На снѣгу не было ни одного человѣческаго слѣда, но зато много птичьихъ, между которыми легко можно было различить слѣды куронокъ.

Титано, замѣтившій ихъ въ одно время со мною, сдѣлалъ мнѣ знакъ. Почти въ ту же минуту Солиманъ остановился. Это мнѣ очень польстило, тѣмъ болѣе, что Торквато тотчасъ же сталъ возлѣ него.

Товарищи подошли ко мнѣ и мы окружили собакъ, склонившихъ головы на сторону, такъ что можно было предположить, что дичь у нихъ подъ носомъ. Титано обратилъ свои глаза въ ту же сторону, куда и собаки.

— Вижу! сказалъ онъ мнѣ черезъ нѣсколько секундъ. Онъ какъ разъ подъ носомъ у вашей собаки; она даже легко могла бы схватить одну изъ нихъ. Умная собака!

— Я ничего не вижу, отвѣчалъ я, глядя въ ту же сторону.

— Подождите еще немножко... еще... вотъ такъ, довольно Видите, одна замахала крыломъ. Онъ сейчасъ подымутся.... двѣ, четыре, пять, шесть, восемь.... всѣхъ девять или десять. Видите вы ихъ?

— Нѣтъ. А ты, Стефано?

— Я вижу только какъ-будто бугорокъ, сбитый вѣтромъ изъ снѣгу; это-то должно быть и есть куронокъ

— Именно, сказалъ Титано. Готовьтесь!

Я услышалъ что-то похожее на шумъ крыльевъ и жалобный крикъ; потомъ, между собаками, вдругъ поднявшими свои головы, я увидѣлъ темный кружокъ, — мѣсто, гдѣ сидѣли птицы и гдѣ снѣгъ подтаивалъ отъ теплоты ихъ тѣла.

Я взглянулъ на воздухъ, — ничего не было видно. Это походило на чудо.

— Что жъ вы не стрѣляете? спросилъ Титано, прикладываясь къ своему ружью.

— Да по чемъ же стрѣлять? Я ничего не вижу.

— А, это дѣло другое....

И два выстрѣла раскатились въ тысячѣ отголосковъ, долго и недолго замершихъ въ далекомъ шумѣ, какъ громовой ударъ во время бури. Когда я опомнился отъ удивленія, собаки бѣжали къ намъ: Торквато подбѣжалъ къ Титану, Солимакъ ко мнѣ. Онѣ принесли по куропаткѣ. Я разсматривалъ птицу съ любовнымъ, повятымъ всякому истинному охотнику.

Это было прелестное созданіе. Дробинка, попавшая подъ крыло, ни сколько его не испортила, и можно было подумать, что птица спитъ. Удивляясь близкості ея черевъ, я понялъ, отчего она слывалась со свѣгомъ, и подивился зоркости стараго браконьера. Эта куропатка была третью меньше нашей обыкновенной сѣрой куропатки, но видомъ совершенно похожа на нее. Ноги черныя, съ короткими сѣро-розовыми когтями. Клювъ, того же цвѣта, походилъ формою на голубиный, зрачокъ глаза свѣтло-коричневый, вокругъ рѣсницъ яркій розовый кружокъ.

Титано сказалъ мнѣ, что это самка. Торквато принесъ самца; онъ былъ больше и ноги его вооружены боднемъ.

— Но какими же образомъ вы ихъ убили? спросилъ я Титана. Я, признаюсь вамъ, ничего не видѣлъ.

— А между-тѣмъ онѣ были на воздухѣ, отвѣчалъ онъ, — потому что, вотъ видите, упали же.

Доводъ былъ неопровержимъ, но не объяснялъ моего вопроса. Я повторилъ его.

— Видите ли, отвѣчалъ Титано; воздухъ здѣсь такъ чистъ, что глядя внимательно, можно замѣтить въ немъ самый легкій паръ. Вотъ, посмотрите на того вѣрона.

— Ну?

— Не замѣчаете вы ничего особеннаго?

— Ничего.

— Смотрите лучше.

— Я чуть не плачу отъ напряженія глазъ.... А, постойте! Не знаю, не обманываетъ ли меня зрѣніе, но мнѣ кажется, что за нимъ тянется какъ будто полоска дыму.

— Именно. Такъ и я слѣжу за бѣлыми куропатками. Эта полоска образуется отъ испаринны птицы; воздухъ на этой высотѣ очень чистъ, и потому.... пивьерольскій аббатъ извѣщалъ мнѣ это, да я, право, забылъ.

— Понимаю, сказалъ я. Только я не могу разсмотрѣть этой полоски довольно ясно, чтобы сдѣлать вѣрный выстрѣлъ. Да и вашъ выстрѣлъ я готовъ приписать случаю.

— Что жъ, мы повторимъ опытъ, отвѣчалъ Титано. Сколько случаевъ надо, чтобы убѣдить васъ, что я говорю правду?

— Еще одинъ.

— Такъ идите, сказалъ Титано, зарядившій свое ружье во время этого разговора.

Мы пошли. Черезъ четверть часа Соллиманъ, бѣжавшій влѣвъ отъ меня, вдругъ обернулся и сталъ какъ окаменѣлый. Передъ нимъ была дичь. Я сдѣлалъ знакъ Титано, и онъ подошелъ ко мнѣ.

— Смотрите хорошенько, *signor marchese*, сказалъ онъ, и не забудьте, что я вамъ говорилъ. Къ этому надо только привыкнуть. Если вы дадите промахъ, я выстрѣлю послѣ васъ, для втораго случая.

Краткое описаніе мѣстности необходимо, чтобы читатель понималъ въ чемъ дѣло.

Мѣсто, гдѣ остановился Соллиманъ, было покрыто снѣгомъ; но шаговъ за сорокъ дальше, въ ту сторону, куда, по всей вѣроятности, полетятъ птицы, начинался не очень широкой ледникъ, котораго голубоватая поверхность довольно рѣзко рисовалась на ослѣпительно бѣлой скатерти снѣга. Я замѣтилъ это, вислоко не подозрѣвая, что могу извлечь изъ этого обстоятельства какую-нибудь выгоду.

Я устремилъ глаза къ носу моей собаки, но ничего не видѣлъ, хотя Титано и даже маркизъ увѣрили, что очень ясно видятъ пять или шесть куропатокъ, одну возлѣ другой.

Шумъ крыльевъ, и жалобные голоса извѣстили меня, что онѣ поднялись.

Я приложился, въ надеждѣ замѣтить полоску пара и выстрѣлить почти на удачу, — но не увидѣлъ ничего.

Вдругъ я вскрикнулъ отъ радости, выстрѣлилъ изъ обонхъ стволовъ, и сказалъ Соллиману: *arrate!*

Вотъ что случилось: покашѣтъ куропатки летѣли надъ снѣгомъ, онѣ сливались съ его бѣлизною; но пролетая мимо ледника, показались бѣлыми точками на его лазурп. Я воспользовался этимъ обстоятельствомъ, выстрѣлилъ и попалъ.

— Bravo, *signor marchese!* сказалъ Титано; мастерской выстрѣлъ.

Я отвѣчалъ, что мнѣ очень лестно слышать такую похвалу и положилъ куропатокъ въ ягдташь.

— Теперь зарядите ружье пулей.

— Такъ это была не шутка?

— Что такое?

— На счетъ серны....

— Надо будетъ только потрудиться еще полчаса, и хорошенько потрудиться. Это не то, что прогулка съ тростью въ рукѣ.

Признаюсь: если бы Титано не вспомнилъ о своемъ обѣщаніи, я не напомнилъ бы ему о немъ. Я усталъ, и проклиналъ мысленно серну. Но самолюбіе, заставившее меня надѣлать въ жизни столько глупостей, не позволило мнѣ признаться, что я охотѣе воротился бы въ хижину Титана, отдохнуть на лаврахъ, нежели идти на новые подвиги.

Лицемеріе мое дошло до того, что я самъ подалъ знакъ къ походу, и даже пошелъ бѣглымъ шагомъ, за что и принужденъ былъ выслушать нѣсколько шутокъ отъ Титана, догадавшагося о причинѣ моей необыкновенной бодрости и дѣятельности.

Первая четверть часа прошла благополучно. Дорога становилась однако же все труднѣе и труднѣе, и я долженъ былъ призвать на помощь всѣ силы духа, чтобы не отказаться идти дальше.

Титано пересталъ пускать въ меня почтительными эпиграммами, и началъ рассказывать мнѣ невѣроятныя исторіи о своемъ Торквато. Наконецъ, замѣтивъ, что я все больше и больше падаю духомъ, онъ сказалъ.

— Я имѣю сообщить вамъ двѣ хорошія новости.

— А! отвѣчалъ я съ равнодушіемъ человѣка, постигнувшаго всю тягость быть великимъ героемъ.

— Минуть черезъ пять мы будемъ на мѣстѣ, гдѣ водятся серны.

— Второе а! еще болѣе непричастное земному міру, было мнѣ единственнымъ отвѣтомъ.

— И что всего лучше, продолжалъ онъ, мы теперь гораздо ближе къ моей хижинѣ, нежели были полтора часа тому назадъ.

Это извѣстіе меня обрадовало, и хорошее впечатлѣніе его придало мнѣ бодрости.

— Вотъ послѣдній исходъ, сказалъ вдругъ Титано.

Я поднималъ голову, и увидѣлъ передъ собою зрѣлище, вовсе неспособное ободрить утомленнаго человѣка. Путь, по которому мы слѣдовали до сихъ поръ, былъ загражденъ ледяною, почти отвѣсною горою.

— Неужели намъ надо лѣзть на эту стѣну? спросилъ я Титана почти съ отчаяніемъ.

— Да, отвѣчалъ старшій браконьеръ, доставая изъ бездоннаго

ягдташа коротенькій топоръ и три шары деревянныхъ подошъ, подбитыхъ желѣзными шипами.

— Скажу вамъ откровенно, сказалъ я, что по мнѣ хоть бы во вѣки не видать сервы.

— И возвратиться домой по той же дорогѣ, по которой пришли? Выбирайте одно изъ двухъ.

Я молчалъ, но на лицѣ моемъ выразилось столько уныніи, что Титано, не страдавшій разстройствомъ нервовъ, почувствовалъ жалость.

— Вѣдь это только кажется страшнымъ, *signor marchese*, сказалъ онъ. Я вырублю вамъ хрустальную лѣстницу, такую красивую, что откуда возьмутся у васъ и силы.

— А потомъ, взобравшись на верхъ?

— Тамъ мы увидимъ сернъ.

— Чортъ бы ихъ побралъ! воскликнулъ я въ досадѣ.

— Вы не даете мнѣ кончить: я хотѣлъ прибавить, что черезъ двадцать минутъ мы будемъ дома. Согласны?

— Вѣрь ему, подхватилъ маркизъ. Я уже ходилъ съ нимъ сюда однажды. Я тоже выбился тогда изъ силъ, но потомъ убѣдился, что отсюда вчетверо ближе до его хижины.

— Впрочемъ, прибавилъ Титано, если вы совершенно не въ состояніи идти, старый охотникъ можетъ донести васъ съ хол-дороги.

Мысль о такомъ униженіи возвратила мнѣ всю нравственную силу и мнѣ даже показалось, что и физическія силы мои воскресли. Я поблагодарилъ Титана за предложеніе, и сказалъ, что готовъ на все.

— Я въ этомъ и не сомнѣвался, отвѣчалъ онъ. Выпейте еще ратафія, и привяжите покрѣпче эти подошвы къ ногамъ. Я между-тѣмъ вырублю лѣстницу.

— *Congro di Vasso!* прибавилъ онъ вдругъ; а собака ваша какъ? Я объ этомъ и не подумалъ. Она намъ будетъ мѣшать.

— А ваша? спросилъ я.

— О моей нечего заботиться. Я сдѣлаю ей знакъ, чтобы она убѣжала, и она убѣжитъ. Серны ужасно пугливы; къ нимъ надо подползати на животѣ, и собака въ этомъ случаѣ...

— Это правда, прервалъ его маркизъ. Что же намъ дѣлать? Я не вижу средства.

— Моя собака не отстанетъ; она готова полѣзти за мной.

— Прекрасно; да шерсть на ней бѣлая.

— Тѣмъ лучше, она будетъ за снѣгу не такъ замѣтна.

— Тамъ на верьху цѣтъ снѣгу.

— Это досадно!

— Знаете что? сказалъ вдругъ Титано.

— А что, старый колдунъ? спросилъ его маркизъ.

— Я привяжу Солimana къ Торквато, и они отправятся вѣ-
стѣ.

— Моя собака не пойметъ, что это значить. Она заупрямит-
ся, и послѣ съ ней не сладить.

— Торквато объяснить ей, въ чемъ дѣло, *signor marchese*.
Они поймутъ можетъ быть другъ друга, какъ нельзя лучше.

— Солimanъ не говоритъ по-пиемонтски, сказалъ я снѣсье,
думая, что Титано шутить.

— Но Торквато говорить по-французски, возразилъ Титано
очень серьезно. Иначе какимъ же образомъ объяснился бы онъ
съ контрабандистами?

— Во всякомъ случаѣ можно попробовать, сказалъ маркизъ.
Если дѣло не пойдетъ на ладъ, мы освободимъ твою собаку, не
раздражая ее.

— Хорошо, сказалъ я, и вликнулъ Солimana, утолявшаго свою
жажду снѣгомъ.

Солimanъ подбѣжалъ, и Титано досталъ изъ своего ягдташа,
въ которомъ было столько же вещей, какъ въ волшебной шля-
пѣ Роберта Гудена, свору изъ щетвы. Въ одно мгновеніе со-
баки были связаны.

Солimanъ посмотрѣлъ на меня съ глубокимъ удивленіемъ, но,
противъ моего ожиданія, не протавился. Титано подождать нѣ-
сколько секундъ, не дѣлая никакого знака, не произнося ни од-
ного слова. Потомъ махнулъ рукой и сказалъ что то по пиемонт-
ски.

Торквато взглянулъ на Солimana, и увѣрю васъ честию,
взглядъ этотъ говорилъ какъ нельзя яснѣе: «если угодно, я къ
вашимъ услугамъ.»

Солimanъ въ свою очередь взглянулъ на меня.

— Ступай! сказалъ я.

Они побѣжали, къ моему великому изумленію. Нѣсколько ми-
нуть я слѣдилъ за ними глазами, убѣжденный, что ихъ любовная
сдѣлка продлится недолго; опасенія мои, однако же, не оправдались
на дѣлѣ: Солimanъ оглянулся на бѣгу раза два — и только.

Титано принялся дѣлать лѣстницу; мы начали привязывать по-
домовы. Меньше нежели въ двадцать минутъ все было готово и
я успѣлъ отдохнуть.

Титано опоясался длинною веревкой и сказалъ мнѣ, чтобы и я сдѣлалъ тоже; конецъ веревки былъ привязанъ къ поясу маркиза. Такимъ образомъ мы составили родъ цѣпи, оконечности которой занимали Титано и де Нора, а я середину.

Началось восхожденіе. Оно было больше страшно, нежели трудно. Раза два я поскользнулся, но Титано, твердый какъ скала, снова поставилъ меня на ноги; маркизъ тоже оступился разъ и пошатнулъ меня, но Титано удержалъ насъ обонхъ.

Такимъ образомъ въ нѣсколько минутъ достигли мы вершины ледника и очутились на площадкѣ, поросшей густымъ кустарникомъ.

— Теперь не шумите! шепнулъ намъ Титано, пока мы отвязывали веревки и деревянные подошвы. Я отправлюсь на обыскъ.

Онъ легъ на животъ и исчезъ въ кустахъ тихо и не слышно, какъ змѣя, ползущая по травѣ. Черезъ четверть часа онъ возвратился, и четыре пальца, торжественно поднятые къверху, возвѣстали намъ, что онъ видѣлъ четырехъ сервъ. Мы легли и поползли, упираясь лѣвою рукою въ землю, а въ правой держа ружье. Титано ползъ впереди, мы вслѣдъ за нимъ.

Вдругъ онъ остановился, приподнялся на колѣни, осторожно раздвинулъ вѣтви, и сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я взглянулъ.

Мы были на краю площадки, и футовъ двѣсти ниже насъ разстилалась маленькая долина, на которой мирно паслись четыре сервы; пятая стояла на скалѣ, гораздо дальше, и повидному исполняла должность сторожеваго. Ее я замѣтилъ прежде прочихъ: она рисовалась на лазурн неба, между-тѣмъ какъ другія сливались съ темною зеленью долины, уже покрытой сумракомъ вечера.

— Положите ружье мнѣ на плечо, шепнулъ мнѣ Титано, и стрѣляйте по той, которая впереди трехъ другихъ. Я сердитъ на нее; я уже два раза по ней промахнулся. Я узнаю ее: моя пуля сломала ей лѣвой рогъ. — Скорѣе! прибавилъ онъ тѣмъ же тихимъ голосомъ; сторожевая насъ уже почувала; она свистнетъ, и тогда прощай охота!

Я приложился и выстрѣлилъ.

Въ минуту выстрѣла сторожевая серна издала пронзительный крикъ и исчезла. Мы встали всѣ разомъ.

— Bravo! Bravo, *signor marchese!* воскликнулъ Титано, бросая въ воздухъ свою шапку. Ну что ваша усталость?

Три сервы исчезли, не знаю какъ и куда; четвертая мучилась въ предсмертныхъ судорогахъ.

Мы бросились по ужасно крутому скату, котораго рыхлая почва спасала насъ отъ ушибовъ, и въ полминуты стояли возлѣ издыхающей серны. Пуля допала ей въ спину и вышла вѣ животъ.

Титано торжествовалъ. Онъ извалилъ серну на плечо, какъ добрый пастухъ, несущій заблудшую овцу въ овчарню, и мы пошли къ спокойной тропинкѣ, задымившейся въ долину. Начинало темнѣть.

Титано не убаюкивалъ меня ложною надеждой: мы пришли домой гораздо скорѣе, нежели я ожидалъ. Правда, онъ, для сокращенія пути, снова принужденъ рассказывать мнѣ множество охотничьихъ исторій, одна другой занимательнѣе; но, какъ бы то ни было, пришедши въ хижину, я чувствовалъ меньше усталости, нежели за часъ передъ тѣмъ.

— Я исполнилъ все, что обѣщалъ вамъ, говорилъ онъ мнѣ дорогою. Надѣюсь, что если вы опять придете когда-нибудь въ Пьемонтъ, то посѣтите меня еще разъ... только не надо медлить, прибавилъ онъ съ беззаботною грустью, — потому что масло въ лампѣ скоро выгоритъ.

— Ты еще насъ всѣхъ проводишь въ могилу, возразилъ маркизъ; я знаю тебя вотъ уже двадцать лѣтъ; ты все тотъ же.

— Двадцать лѣтъ тому назадъ я былъ уже очень старъ. Да, именно съ-тѣхъ-поръ забылъ я и счетъ годовъ.

— А между-тѣмъ я готовъ биться объ закладъ, что ты усталъ меньше насъ.

— Привычка, *signor marchese*. Знаю только, что если я остаюсь живъ, такъ и кончено.

— Послушай, сказалъ маркизъ, я сдѣлаю тебѣ предложеніе.

— Вы знаете, маркизъ, что...

— Безъ фразъ; ты помнишь свое обѣщаніе?

— Честный человѣкъ дорожитъ своимъ словомъ. Съ завтрашняго дня я прощаюсь съ контрабандой.

— Въ такомъ случаѣ, кто иѣшаетъ тебѣ переселиться ко мнѣ на покой?

— Оставить мои горы! Вы очень добры, маркизъ, но это по мнѣ все равно, что въ могилу.

— Ты будешь посѣщать ихъ, когда вздумается.

— Это все не то. Я себя знаю; мнѣ нуженъ этотъ чистый воздухъ, уединеніе, безмолвіе.

— О, что касается до этого, такъ ты у меня ничѣмъ не будешь стѣсненъ.

— Вы меня не стѣсните, это я знаю, *signo marche*; но я самъ себя стѣсню, и выйдетъ на одно и тоже.

— Ты старый дуракъ, прервалъ его маркизь нетерпѣливо.

— Человѣкъ всегда оказывается дуракомъ, если умнѣе по своему, отвѣчалъ Титано.

— Ну, что, если ты заболѣешь?

— Я никогда не заболѣю. ●

— А только что говорилъ о близкой смерти!

— Это дѣло другое....

Въ это время мы пришли домой, и разговоръ прервался. Это было мнѣ досадно, потому что мнѣ хотѣлось послушать изложеніе теоріи Титана о смерти безъ болѣзни.

На порогѣ хижины нашли мы охотника маркизова; онъ ждалъ насъ и развязалъ собакъ. Онѣ благополучно совершили свое путешествіе, и были въ самыхъ пріязненныхъ между собою отношеніяхъ. Англійская лягавая собака маркиза, дезертировавшая съ половины охоты, устыдилась своего бѣгства и спряталась въ конюшни съ мулами.

Мулы были готовы; но неблагоприятно было бы нуститься въ такую пору по тропинкамъ, ведущимъ въ Пиньероль, и кромѣ того мы чувствовали потребность отдыха. Титано пригласилъ насъ переночевать у него, и мы съ удовольствіемъ приняли его предложеніе.

Мы, съ своей стороны, попросили его предоставить изготовленіе ужина нашему человѣку и отдохнуть съ нами у огня. Но онъ не хотѣлъ этого и слышать, сбросилъ съ себя агдашъ, и принялся за дѣло съ такою же удивительною дѣятельностью, какъ вчера.

Покаместъ онъ возлся, улыбался, мигалъ и говорилъ иногда самъ съ собою, мы не спускали съ него глазъ и замѣтили, что и Торквато слѣдитъ за каждымъ его движеніемъ какъ слуга, всею душою преданный своему господину. Симпатія этихъ двухъ существъ стоила изученія, и наблюдатель невольно задавалъ себѣ вопросы: что же станетъ съ тѣмъ, который переживетъ другого? Относительно участи двуногихъ, соединенныхъ узами дружбы, мы гораздо спокойнѣе.

— Я ручаюсь тѣмъ угодно, сказалъ мнѣ маркизь, что они не-regлаживаются о предетоящемъ предпріятіи.

Со вчерашняго дня я видѣлъ много удивительнаго, отвѣчалъ я, но это было бы уже слишкомъ: положимъ, собака понимаетъ значеніе свиннаго крика и знаетъ, что въ это время проходятъ вой-

требованій; пожалуйста, — хотя это уже невѣроятнѣе, — что она узнала въ старухѣ шпиона; но какимъ образомъ предполагать въ ней знаніе событія, которое еще впереди? Послѣ того она, пожалуй, можетъ выучиться читать.

— Какъ ты себя хочешь, а я въ этомъ увѣренъ. Посмотри на нихъ по внимательнѣе, и найди другую причину ихъ нѣмого разговора.

— Нѣтъ ничего легче: Титано готовитъ ужинъ, а Торквато проголодался и ждетъ подачи.

— Въ такомъ случаѣ вмѣсто того, чтобы слѣдить за ними глазами, онъ присѣлъ бы на заднія лапы, выжидая случая подхватить что-нибудь. Онъ спрашиваетъ, но не проситъ. Разсмотри ихъ со вниманіемъ.

Въ эту минуту Титано досталъ изъ ящика огромный паштетъ, въ которомъ мы еще поутру сдѣлали значительный брешь. Нѣсколько кусковъ упало на полъ, — но Титано не тронулся съ мѣста, а Солиманъ очистилъ полъ въ одно мгновеніе.

— Видишь? сказалъ мнѣ маркизъ.

— Дѣйствительно! Титано колдунъ, а Торквато его послушный демонъ.

— Готово, сказалъ Титано, указывая намъ на столъ, въ буквальномъ смыслѣ гнувшійся подъ тяжестью яствъ; мы съли втроемъ, и Титано принялся угощать насъ съ такимъ же усердіемъ какъ поутру.

— Послушай, сказалъ ему маркизъ; тебѣ можетъ-быть есть дѣло, такъ ты пожалуйста не церемонься. Когда утолишь свой голодъ, оставь насъ бесѣдовать съ бутылкой и ступай себѣ куда надо. Сегодня ты еще занимаешься контрабандой, такъ исполни свое дѣло какъ слѣдуетъ; только скажи мнѣ, что это въ послѣдній разъ.

— Еще рано, отвѣчалъ Титано, взглянувъ на часы, показывавшіе осемь. Можетъ быть даже они пойдутъ другою дорогою.

— Что жъ тогда?

— Тогда я освобожденъ отъ даннаго мнѣ слова, и если они обратятся ко мнѣ завтра или послѣ завтра, такъ я скажу имъ, что не хочу.

— Ты славный малый! сказалъ маркизъ, протягивая ему руку. Ухвативъ дѣмой, я буду спокоенъ, какъ-будто взялъ тебя съ собою.

— Скучно будетъ намъ съ Торквато въ длинныя зимніе вечера; но я сдѣлаю вамъ угодное и буду засыпать съ спокойнымъ

сердцемъ. За ваше здоровье! За ваше, Signior marchese! прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Мы тоже подняли свои стаканы. Въ эту минуту Торквато, лежавшій передъ печкой и не сводившій глазъ съ Титана, вдругъ всталъ, подошелъ къ столу, и положилъ на него свою морду. Я подалъ ему кусокъ хлѣба, омоченнаго въ соусъ, но онъ даже и не понюхалъ его.

— А! сказалъ Титано; они идуть.

Не успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ чья-то собака начала царапать въ дверь. Я думалъ, что это собака маркиза. Но Титано отворилъ дверь, и въ хижину вбѣжалъ прежалкій черный пудель.

— Такъ и есть, сказалъ Титано недовольнымъ голосомъ. Право, я охотно бы отъ этого отказался.

— Такъ они рѣшительно думаютъ сегодня пройти? спросилъ маркизь.

— Да. Они прислали *Барашка* съ просьбою, чтобы я извѣстилъ ихъ, свободна ли дорога.

— Какъ же ты это узнаешь?

— Пойду осматривать.

— Скоро ты воротишься?

— Черезъ полчаса. Кушайте; я приду выпить съ вами за здоровье Воленти, котораго мы проведемъ какъ нельзя лучше.

— Будь остороженъ, сказалъ маркизь съ безпокойствомъ, когда Титано снялъ со стѣны ружье. Не хорошо, если въ послѣднюю экспедицію...

— Не бойтесь. Это совершенные пустыки. Опасное мѣсто въ десяти минутахъ ходьбы отсюда, и шириною не больше трехъ сотъ шаговъ. Я стану у входа; Торквато обѣжитъ вокругъ, и если не найдетъ ничего подозрительнаго, то извѣститъ ихъ, что они могутъ продолжать свой путь.

— Зачѣмъ же ты берешь ружье?

— Я никогда не выхожу безъ ружья, хоть въ пятнадцать лѣтъ занятія контрабандой мнѣ ни разу не случилось въ немъ надобности. До свиданія.

— А пудель? спросилъ я.

— Онъ побѣжалъ извѣстить, что засталъ меня дома. Онъ никогда не остается здѣсь дольше.

Мы встали и проводили Титана до дверей. Ночь была лунная; на небѣ ни облачка. Мы видѣли, какъ пошелъ онъ по тропинкѣ въ глубину долины.

— Кажется, это занятіе ему надобно, сказалъ я маркизу, и онъ благодаренъ тебѣ за то, что ты уговорилъ его бросить контрабанду. Дай Богъ, чтобы все кончилось благополучно.

— Дай Богъ, повторилъ маркизъ. Этотъ Воленги лукавая бестія; сегодня поутру у него было какое-то торжествующее лицо.

— Твѣмъ вѣроятнѣе, что онъ ничего не подозрѣвалъ. Иначе онъ не подошелъ бы къ намъ, и не попросилъ бы насъ предостеречь Титана. Я думаю даже, что онъ долженъ отправиться въ другую сторону, и потому хотѣлъ только напугать нашего старика, чтобы сегодня они ничего не предпринимали.

— Это правда, сказалъ маркизъ. Это единственная причина его угрозы. Пойдемъ въ хижину. Титано воротится черезъ полчаса; теперь прошло уже четверть.

Разговаривая, мы отошли нѣсколько отъ хижины, и неровность почвы скрыла ее отъ нашихъ глазъ на нѣсколько секундъ. Мы были изумлены, когда услышали, что въ хижинѣ, гдѣ остался только нашъ слуга, разговаривали двое другихъ. Мы приба или шагу и молчали, тревожимые оба одинаковымъ предчувствіемъ.

Въ хижинѣ были Воленги и Равина. Они поклонились намъ очень учтиво, и Воленги сказалъ маркизу:

— Очень жалѣю, что засталъ васъ еще здѣсь; люди мои вѣрно поймутъ этого упрямца Титана на дѣлѣ, и приведутъ его сюда. Я разставилъ тутъ двадцать пять человекъ.

— Да развѣ вы увѣрены, спросилъ маркизъ, что контрабандисты намѣрены пройти здѣсь сегодня ночью?

— Я увѣренъ въ истинѣ показанія, и, право, это досадно: мнѣ не хотѣлось бы поймать Титана.

— Что жъ, это въ вашей волѣ.

— Какъ такъ?

— Закройте глаза, если его приведутъ.

— Очень жалѣю, что не могу исполнить вашего желанія. Это невозможно; на меня донесутъ, какъ донесли на стараго Броски, и я лишусь мѣста.

— Послушайте, Воленги, продолжалъ маркизъ; Титано далъ мнѣ честное слово, что съ завтрашняго дня прекратитъ всѣ сношенія съ контрабандистами. Если онъ попадетъ сегодня, простите его.

— А если на меня донесутъ?

— Я берусь уладить дѣло лично съ королемъ. Я завтра же поговорю съ нимъ въ Раккопиджи.

— Пусть же не говорятъ, что пиемонтскій солдатъ, который

видѣлъ маркиза де-Нору въ Генуѣ въ 1821 году, отказалъ ему въ чемъ бы то ни было. Если Титано будетъ взятъ, я не представлю его въ судъ.... Но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ оставилъ свое занятіе.

— Въ этомъ ручаюсь вамъ честью.

— Довольно. Извините, что мы заесть обеспокоили. Я пойду въ обходъ. Если его приведутъ безъ меня, скажите ему, въ чемъ мы условились. Я скоро возвращусь.

Волепти и Равина поклонились и вышли.

— Ну слава Богу, дѣло улажено! воскликнулъ де Нора. Бѣдный Титано! Чуть-чуть не попался. Какое счастье, что мнѣ вздумалось ѣхать сегодня на охоту. Выпьемъ за здоровье Волепти!

— Налейте же мнѣ стаканъ, проговорилъ чей-то веселый басъ.

Мы оглянулись. Титано стоялъ на порогѣ, отряхая съ ногъ росу.

— Какъ? Тебя не схватили? живо спросилъ маркизь.

— Разъ десять чуть было не попался. Но Торквато бѣжалъ впереди и я миновалъ всѣ засады. Теперь контрабандисты должно быть уже прошли; мнѣ бы только добраться до гротовъ Виллетроз, а тамъ всѣ таможенные въ мѣрѣ не отыщутъ товаровъ. Теперь мы можемъ спокойно кончить нашъ ужинъ.

— А твоя собака? спросилъ маркизь.

— Сейчасъ воротится. Она провожаетъ ихъ за гору, для вѣрности.

— Жаль, что она не пришла съ тобою.

— Отчего? спросилъ Титано мрачнымъ голосомъ, взявшись опять за ружье, которое повѣсилъ было на стѣну.

— Если ее встрѣтитъ Волепти или кто-нибудь изъ сторожей....

— Они убьютъ его! договорилъ Титано. Иду на встрѣчу моему вѣрному Торквато!

Онъ снялъ ружье.

— Если встрѣтишься съ Волепти, не ссорься, сказалъ маркизь; онъ сейчасъ былъ здѣсь, и далъ мнѣ честное слово, что если тебя поймутъ, такъ онъ тебя отпуститъ.

— Противъ этого я и не спорю; но пойду на встрѣчу моей собакѣ. Прощайте. Черезъ четверть часа я возвращусь.

Онъ ушелъ. Мы остались въ хижинѣ задумчивые и молчаливые. Что-то насъ тревожило, хотя дѣло и было, повиданному, улажено.

Вдругъ мы вскочили съ мѣсть: не въ дальнемъ разстояніи раздался выстрѣлъ.

Мы бросились по тропинкѣ, ведущей въ долину; туда ушелъ Воляти и за нимъ Титано. Не прошли мы двухъ-сотъ шаговъ, какъ увидѣли Титана, — но въ какомъ положеніи!

Бѣдняжка присѣлъ на дорогѣ и поддерживалъ голову своей собаки, надыхавшей въ предсмертныхъ судорогахъ.

— Кто это сдѣлалъ? спросилъ я съ негодованіемъ.

— Не знаю, отвѣчалъ Титано убитымъ голосомъ.

Раздались шаги съ разныхъ сторонъ; насъ окружила команда Воляти, пришедшая на выстрѣлъ. Равина сказалъ, что онъ знаетъ, кто выстрѣлилъ, что намъ нечего беспокоиться.

Мы пошли къ хижинѣ Титана. На порогѣ догналъ насъ самъ Титано. Онъ несъ на рукахъ трупъ своей собаки.

Онъ сѣлъ на полъ передъ печкой, положилъ собаку себѣ на колѣна и остался неподвиженъ, обнявъ ее руками.

Утомленные ходьбою и душевною тревогой, и убѣжденные, что ничѣмъ не можемъ помочь въ настоящую минуту Титану, мы съ маркизомъ тоже рѣшились лечь, условившись, что кто проснется первый, разбудить другаго.

Мы спали мало и дурно, и проснулись задолго до зарн. Догарающая лампа слабо освѣщала комнату. Вокругъ царствовало глубокое безмолвіе.

Титано сидѣлъ на томъ же мѣстѣ и въ томъ же положеніи; голова его склонилась на грудь, руки обнимали собаку.

— Слава Богу! шепнулъ мнѣ маркизь. Хоть на нѣсколько часовъ забылъ онъ свое горе.

Грустная догадка молніей блеснула у меня въ головѣ. Я взялъ лампу, поправилъ свѣтильню, и поднесъ ее къ лицу Титана.

— Онъ забылъ свое горе не на нѣсколько часовъ, а навсегда, сказалъ я.

— Какъ?

— Онъ умеръ.

— Умеръ!

— Посмотри самъ.

— Да. Онъ потерялъ все, что было у него милаго на свѣтѣ.

Читатель, вѣроятно, согласится съ этимъ мнѣніемъ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Давно уже не слѣдили мы за тѣмъ, что дѣлается въ музыкальномъ мірѣ на западѣ. Настоящее время, кажется, не слишкомъ благопріятствуетъ искусству: до-сихъ-поръ ни одного замѣчательнаго явленія! За всѣмъ тѣмъ мы стаемъ

себѣ въ обязанность вкратцѣ представить все то, что содержать въ себѣ позднѣйшіе журналы, чтобы читатели наши могли прослѣдить музыкальную жизнь въ чужихъ краяхъ.

Въ Парижѣ 1849 годъ окончился повтореніемъ оперы «Пророка», на сценѣ театра de la Nation и «Le Val d'Andorre» и «La Fée aux Roses» на театрѣ Комической Оперы; это послѣднее произведеніе Галеви имѣло такой же успѣхъ какъ «Мушкаты» и «Val d'Andorre.» Въ два года, въ которые какой нибудь нѣмецкій композиторъ едва успѣлъ бы обдумать характеры и планъ своего сочиненія, Галеви написалъ для оперы-буфъ три партитуры, каждую въ три акта; двѣ изъ нихъ пережили уже болѣе ста представленій и третья, конечно, достигнетъ такой же извѣстности. Судя по успѣху комическихъ оперъ Галеви, можно почти утвердительно сказать, что у него призваніе болѣе къ комическому роду нежели къ серьезному. Правда, «Жидовка» его пользуется громкою извѣстностью; но зато другія его серьезныя оперы «La Reine de Chypre», «Charles VI» и прочая, не могли увѣнчаться такимъ блестящимъ успѣхомъ, какъ это первое произведеніе, которое рѣшительно написано подъ вліяніемъ Обера и Керубини. Комическая опера, всего болѣе соответствующая народному духу Французовъ, только въ послѣдней четверти вышшняго столѣтія получила истинное свое развитіе. Самые живые умы сворачиваютъ иногда съ прямого пути, чтобы достигнуть цѣли. Французы всегда, столь склонные къ веселости и шуткамъ, вздумали было писать серьезныя и вмѣстѣ съ тѣмъ прескучныя оперы. Не вѣрится, чтобы партитуры Люлли и Рамо, съ ихъ плачевнымъ тономъ и пѣніемъ скуднымъ выразительностью, могли когда-нибудь приводить въ восторгъ народъ, но преимуществу веселый. Видно прелесть новизны и соблазнительный примѣръ великаго короля Людовика-четырнадцатаго заставляли Французовъ удивляться этимъ; жалкимъ созданіямъ ложнаго умозрѣнія. Не то было, когда позднѣе Гретри, Бертонъ и Николо Изоаръ создавали прелестныя и остроумныя партитуры для оперы-буфъ. Здѣсь народный духъ проявился во всемъ своемъ блескѣ, и восторгъ, возбужденный операми «Richard ceur de lion», «Josonde» и «Aline» былъ столько же неподдѣльный и естественный, сколько ложно было удивленіе къ произведеніямъ времени Людовика-четырнадцатаго. Творенія Бертонна значительно пострадали отъ времени, — этого великаго истребителя всего, что можетъ только истребляться. Года два тому назадъ, Адамъ, директоръ третьяго лирическаго театра въ Парижѣ, пытался возстановить на сцену «Алину», образцовое произведеніе Бертонна; но не смотря

на новую инструментовку, посредствомъ которой хотѣли примирить его произведеніе съ современными потребностями, — прежнюю музыку нашли устарѣвшею; и оперу, которой вѣкогда такъ громко рукоплескали, теперь бросили послѣ двухъ, трехъ представленій.

Завиднѣе была судьба Гретри. Его прелестныя партитуры исполнены такой свѣжей и очаровательной мелодіи, такой характеристической истины и (что удивительно для тогдашняго времени) такого драматическаго эффекта, что даже и теперь ихъ слушаютъ съ удивленіемъ не только во Франціи, но и вездѣ, гдѣ только умѣютъ отличать истинное отъ ложнаго, прекрасное отъ нечестнаго. Одного жаль: познанія Гретри не равнялись величію его генія. Если бы партитуры его основаны были на началахъ болѣе обдуманыхъ, если бы отдѣльныя части ихъ ведены были и развиты съ меньшею небрежностью, а аккомпанименты разнообразнѣе и роскошнѣе; словомъ — не будь гениальный Гретри незавиднымъ музыкантомъ, произведенія его стали бы на ряду съ истинно классическими, а теперь о нихъ говорятъ только какъ о сочиненіяхъ легкихъ и пріятныхъ.

Боельдье (Boieldieu) первому удалось возвысить комическую оперу до оригинальности, независимости; и этому-то великому артисту обязаны мы первыми образцами въ этомъ родѣ. Комическія оперы его «Le petit chapeau rouge», «Le nouveau Seigneur du village», «Les voitures versées», и наконецъ «La Dame Blanche», въ художественномъ отношеніи заслуживаютъ вполне названія образцовыхъ произведеній. Одинъ Боельдье сумѣлъ выразить въ музыкѣ игривый, живой характеръ и легкую, шутивую вронію, которыми такъ отличаются Французы. Вотъ гдѣ проявляется, такъ сказать, умъ въ музыкѣ, — искусствѣ, которое собственно принадлежитъ чувствамъ, и которое обыкновенно допускаетъ умъ только въ разработкѣ внѣшней формы. Умъ имѣетъ дѣло только съ предметами и фактами и потому онъ долженъ оставаться довольно чуждымъ такому искусству, котораго цѣль — выраженіе внутреннихъ ощущеній души. Но умъ нигдѣ не мѣшаетъ. Въ музыкѣ онъ проявляется въ разсчитанной связи отдѣльныхъ частей, въ своевременномъ употребленіи эффектовъ и всѣхъ средствъ исполненія. Рѣдко можно дойти до того, чтобы элементъ этотъ проникалъ до самой сущности музыки; кажется ему суждено только скользить по поверхности магическаго дерева. Въ инструментальной музыкѣ уму нѣтъ мѣста, что подтверждается безчисленными неудачными попытками, на которыя пускались послѣдователи новѣйшей школы; но въ музыкѣ вокальной, въ осо-

бенности драматической, онъ можетъ занять свое мѣсто; но и тутъ будетъ болѣе касаться словъ, нежели музыки. Легко понять, что въ комической французской оперѣ, которая есть нечто иное, какъ водевилъ въ большомъ размѣрѣ, то-есть, комедія по преимуществу шутовская и насмѣшливая, умъ долженъ занять почетное мѣсто. Здѣсь еще та выгода, что рядомъ съ музыкой всегда идетъ рѣчь, что все, что не можетъ быть пропѣто, выражается словами и что музыкѣ остаются только моменты чисто лирическіе. Большая опера, то есть опера серьезная, которую должно пѣть отъ начала до конца, не имѣетъ этого преимущества, и потому гораздо болѣе ограничена въ выборѣ сюжетовъ.

Боельдье, окончательно усовершенствовавшему комическую оперу, нашлось множество подражателей. Первый выступаетъ за нимъ Герольдъ. Его оперы «Marie», «Zampa» и *Le Pré-au Clerc* обнаруживаютъ много ловкости, но мало оригинальности. За нимъ слѣдуетъ Оберъ. Оставивъ на время оперу-буффъ, онъ далъ Большой Оперѣ: «*La Muette*» и «*Gustave*» и потомъ снова возвратившись къ комической оперѣ, обогатилъ ее множествомъ сочиненій, которыя заставляютъ насъ удивляться столько же гениальности, сколько и плодовитости его пера. «*Le Maçon*», «*Fra-Diavolo*», «*La Fiancée*», «*Le Domino noir*», *L'Ambassadrice* и прочія произведенія его почти всѣ возбуждали восторгъ во Франціи и вездѣ, гдѣ только являлись.

Въ комической музыкѣ, послѣ Боельдье, Оберъ болѣе всѣхъ выказалъ оригинальности. А ему нашлось безчисленное множество подражателей; но никто изъ нихъ не могъ сравниться съ Оберомъ въ остроуміи, свѣжести, выразительности мелодій. Даже въ дѣлѣ чисто-техническомъ, художникъ этотъ стоитъ гораздо выше почти всѣхъ своихъ современниковъ. Онъ какъ-будто одинъ владеетъ тайной этой инструментовки, то роскошной, то замысловатой, которая идетъ къ музыкѣ, какъ блестящій лакъ къ картинѣ и которая, по своей чарующей прелести, придаетъ даже слабымъ идеямъ видъ новизны.

Самый счастливый изъ всѣхъ подражателей Обера Галеви; и ему также первый успѣхъ даровала серьезная опера; но вонъ вскорѣ, кажется, сталъ предпочитать комическую оперу. Первымъ опытомъ его въ этомъ родѣ было остроумное нововведеніе: опера безъ баса, но за то съ четырьмя тенорами — «*l'Éclair*»; затѣмъ онъ написалъ нѣсколько сочиненій посредственныхъ и только въ трехъ послѣднихъ его операхъ, о которыхъ мы упоминали выше, талантъ его достигъ своей апогеи.

Тогда какъ весь Парижъ стекается слушать «Мужкетеровъ», «Андорскую Долину» и «Фею-Розъ», другіе композиторы слѣдуютъ по той же дорогѣ, не отчаяваясь успѣхами счастливыхъ соперниковъ оперы. Томасъ, авторъ «Double Echelle», давно уже не пишетъ ничего новаго. Адамъ, удачно написавшій «Le Postillon de Lonjumeau», далъ Большой Оперѣ «Le Fanal», о которой поговоримъ послѣ. Счастливый успѣхъ въ комической оперѣ приобрѣлъ молодой композиторъ Мажяръ своимъ «Moulin des Tilleuls». Либретто этой маленькой пьески взято изъ книги Альфонса Карра «Sous les tilleuls».

Если авторамъ посчастливилось съ этимъ заглавіемъ, то они могутъ замѣтывать у того же писателя другое заглавіе для новой оперы «Fa dièze», что было бы въ высшей степени лирически и музыкально. Либретто оперы «Moulin de Tilleuls» изображаетъ нивныя, сантиментальныя и нѣсколько комическія сцены сельской жизни. Сержантъ Робертъ, герой пьесы, принадлежитъ къ числу тѣхъ красавцевъ-солдатъ, которыми такъ изобилуютъ французскіе водовилы; онъ смѣясь говоритъ о конскрипціи, обходится съ друзьями дѣтства какъ съ конскриптами, когда возвращается въ свою родную деревушку. Но онъ все таки храбрый и честный малый, добровольно уступаетъ руку своей невѣсты, которая выходитъ замужъ безъ его вѣдома за Фришара, арендатора его мельницы лишь, и стираетъ пятно съ добраго имени одной крестьянки, женись на ней. Это ставитъ поселячъ въ пріятную необходимость пѣть въ одинъ голосъ, а потомъ съ поразительной, но нѣсколько изысканной гармоніей «Célébrons l'huménée», и прочая.

Другая пьеса, имѣвшая успѣхъ на театрѣ Комической Оперы, это «Les Pocherons», въ трехъ актахъ, слова Соважа, музыка Гризарра. Гризарръ много писалъ для Комической Оперы; онъ всегда понималъ комическій элементъ въ его первоначальномъ и истинномъ значеніи. Комизмъ не придерживается чувствъ и потому въ музыкѣ рѣдко и не легко встрѣчается. Все, что говорили мы выше объ умѣ въ музыкѣ, относится также и къ комизму. Боельдѣ, понимавшій это, былъ совсѣмъ другаго мнѣнія, объявивъ однажды, что нѣтъ ничего труднѣе въ музыкѣ, какъ комизмъ. Гризарру часто удавался онъ въ «Eau merveilleuse» и «Gille le ravisser».

Либретто его новой оперы переноситъ насъ въ эпоху Дюбарри, эпоху, когда каждый значительный человѣкъ долженъ былъ имѣть свой petite maison, то-есть домикъ въ какомъ-нибудь укромномъ уголку Парижа, посвященный пріятельскимъ пирушкамъ и любовнымъ интригамъ. Богатый остивдскій торговецъ въ родѣ миллі-

оперовъ, такъ часто встрѣчаемыхъ въ французскихъ комедіяхъ, любить прекрасную, молодую вдову, *madame de Bruane*, отвергнутое предложеніе кавалера д'Ансени, своего двоюроднаго брата, котораго не знаетъ, потому что любитъ другаго, котораго также не знаетъ, но который защищалъ ее въ маскарадѣ, помогалъ въ разныхъ несприятныхъ случаяхъ, куда завлекала ее вѣтреность. Но этотъ таинственный спаситель, являющійся передъ нею или перелѣтывъ, или въ ночное время, некто иной какъ ея двоюродный братъ, который хочетъ, чтобы его полюбили ради его самого, потому что своенравная вдова отказала ему въ бракѣ, основанномъ на приличіи и расчетѣ. Тотчасъ видно, что ему не трудно будетъ успѣть; кузина его ненавидитъ Индѣйца Дебрюера, который сылеть золотомъ, чтобы ослѣпить — (употребимъ скромное выраженіе) — молодую вдову. Болѣе или менѣе неловкія средства, употребленные нѣсколько дерзкимъ обольстителемъ *мадамъ де-Брианъ*, комическія увертки *мосьё* и *мадамъ Соликуръ*, престарѣлыхъ родственниковъ вдовы, чтобы помѣшать ей вступить въ новый бракъ, могущій разрушить надежды ихъ на ожидаемое наслѣдство, опасность, которой подвергается кавалеръ д'Ансени быть посаженнымъ въ Бастилю — вотъ завязка, нѣсколько растянутая, этого либретто, которое однако жъ доставило композитору хорошіе музыкальные эффекты и оканчивается, какъ всякій догадается, свадьбой кавалера и кузины и справедливымъ наказаніемъ — полной мистификаціей Индѣйца миллионера.

По этой канвѣ, достаточно оживленной драматическою и комическою жизнію, Гризаръ разыскалъ простыя, свѣжія мелодіи и инструментовку шумную, иногда изысканную. Вообще Гризаръ впадаетъ въ крайности; сочиненія его или слишкомъ длинны, или слишкомъ коротки. Драматическій смыслъ, которымъ пріобрѣтается значеніе настоящаго объема, рѣдко встрѣчается у композиторовъ, кромѣ развѣ тѣхъ, которые много писали для театра; когда же драматизмъ слишкомъ преобладаетъ, стѣ этого страдаетъ музыкальная мысль; въ водевилѣ она превращается въ легкую мелодію, которая такъ нравится празднымъ людямъ и молодымъ дѣвушкамъ и которая, того и гляди, готова преобразиться въ кадрили, галопъ, польку или редову; какъ бы то ни было, а отъ такой небольшой погрѣшности, опера эта достигла въ настоящее время полного успѣха.

Адольфъ Адамъ, котораго призваніе къ комической и граціозной музыкѣ давно уже признано, написалъ большую оперу въ двухъ актахъ «*Le fatal*» (Маякъ). Нельзя сказать, чтобы заглавіе этого

произведеніи не выражало ясно его содержанія. Тотчасъ видно, что маякъ стоитъ у него для того, чтобы погаснуть въ известную минуту для известной катастрофы. Такъ и случилось. Два брата, изъ которыхъ одинъ сторожъ маяка, другой береговой лоцманъ, любятъ одну и ту же молодую дѣвушку, и сторожъ-то въ бурную ночь гаситъ огонь на маякѣ на гибель брата, спасающаго въ это время на морѣ корабль. Къ удовольствію зрителей, все кончается напраснымъ страхомъ: лоцманъ не погибаетъ, братъ раскаивается, мирится, женится, и всѣ довольны и веселы. Въ музыкѣ Адама есть все необходимое для полного успѣха. Она богата прекрасными, выразительными мелодіями, заключаетъ въ себѣ много романсовъ и дуэтовъ, которые, конечно, мы услышимъ во всѣхъ салонахъ, одушевленные хоры, и сверхъ того отличается замѣчательнымъ искусствомъ инструментовки.

Тогда какъ первоклассные двигатели французской музыки, Оберъ и Галеви, упрочивъ славу свою двумя большими операми, возвратились поспѣшно къ комической оперѣ (доказательство, что послѣдній родъ болѣе соответствуетъ характеру Французовъ и выгодамъ артистовъ), одинъ только художникъ остается исключительно вѣрнѣе большимъ, серьезнымъ операми. Но и этотъ композиторъ — Мейерберъ, не Французъ. Въ Большой Оперѣ «Пророка» давали болѣе пятидесяти разъ, и сборъ всегда былъ полный. Рядомъ съ съ этой оперой на сцену снова поставили «Роберта-Диавола» и уже разучиваютъ «Гугенотовъ». Рожѣ будетъ пѣть Рауль, а Виардо, подарившая публикѣ альбомъ прелестныхъ романсовъ своего сочиненія, будетъ пѣть роль Валентины. Теперь «Пророка», давали уже во многихъ провинціальныхъ городахъ, также въ Лондонѣ и Брюсселѣ. Въ настоящую минуту онъ долженъ торжественно вступить на театры Германіи. Директоръ берлинскаго королевскаго театра, нарочно посланный королемъ въ Парижъ, чтобы изучать постановку пьесы на сценѣ, возвратился въ Берлинъ, и оперу, вѣроятно, уже давали. Первый театръ въ Вѣнѣ тоже съ необыкновенною дѣятельностью изучаетъ «Пророка»; идутъ каждый день репетиціи его. Известный Штаудигъ (Staudig), который, какъ слышно, купилъ прекрасное помѣстье въ окрестностяхъ Брюнна, въ Моравіи, и хочетъ вскорѣ оставить сцену, будетъ пѣть роль Захаріи. Для роли Fides нарочно пригласили дѣвицу Лагранжъ. Въ Гамбургѣ также разучиваютъ «Пророка».

Парижъ въ настоящее время наводненъ концертами. Каждый учитель музыки ставитъ себѣ въ непрѣмѣнную обязанность дать концертъ. Знаемъ мы эти способы обирать у публики карманы!

Искусство не выигрываетъ здѣсь никогда, а артисты рѣдко. Со всѣмъ другое явленіе представляетъ недавно основанное общество, могущее со временемъ имѣть особенную важность. Мы хотимъ говорить о Большомъ Филармоническомъ Обществѣ (la Grande Société philharmonique de Paris), основанномъ и управляемомъ другомъ нашимъ, Гекторомъ Берліозомъ. Мысль новаго предприятия (которое безъ сомнѣнія доставитъ ему то, чего онъ столько желалъ — необходимыхъ исполнителей для его великихъ твореній) зародилась у этого великаго художника можетъ быть во время его пребыванія въ Петербургѣ, гдѣ онъ имѣлъ случай вполне ознакомиться съ нашимъ филармоническимъ обществомъ. Какъ бы то ни было, мы поздравляемъ съ этимъ новымъ явленіемъ и предприимчиваго учредителя и парижскую публику. Остается сказать еще нѣсколько словъ о Парижѣ. Новая опера Обера «L'Enfant prodigue» разучивается на театрѣ Большой оперы; знаменитый ея теноръ Дюпре еще разъ на прошлымъ участвовалъ въ представленіи. Знаменитый пѣвецъ и сочинитель романсовъ, Романези, скончался на дняхъ на 66 году отъ рожденія и наконецъ Альбони, дававшая въ Страсбургѣ концерты подъ громкимъ именемъ первой европейской пѣвицы, возвратилась въ Парижъ, гдѣ купила великолѣпную отель на Елисейскихъ Поляхъ.

Въ Лондонѣ французская комическая опера привлекаетъ къ себѣ толпу зрителей. Англичанамъ, утомленнымъ своею монотонной музыкой, нужно сколько-нибудь освѣжить слуху въ источникѣ болѣе живомъ и остроумномъ. И концерты въ сволѣдѣ Великобританіи идутъ удачно. На этомъ поприщѣ въ особенности счастливы пианистъ Геллеръ изъ Парижа и другъ нашъ, знаменитый скрипачъ Эрнстъ. Последний недавно написалъ фантазію на оперу, которую признаютъ лучшимъ его произведеніемъ.

Кстати о скрипачахъ. Въ Норвегіи славный Оль-Булъ подарилъ родному городу своему Бергену прекрасную, огромную залу для представленій. На свой счетъ выстроилъ онъ театръ, украсилъ и снабдилъ его всѣмъ необходимымъ, и отъ себя же платитъ жалованье труппѣ отборныхъ артистовъ, которыхъ приглашаетъ на годъ.

Этотъ театръ, получившій названіе національнаго, открытъ представленіемъ комедіи Гольберга, также уроженца Бергена. Нѣсколько разъ Оль-Булъ игралъ въ антрактахъ. Муниципалитетъ Бергена поднесъ знаменитому и великодушному виртуозу дипломъ на званіе почетнаго гражданина.

Въ Неаполѣ Верди давалъ новую оперу «Louise-Millar», кото-

рой либретто взято изъ драмы Шиллера: «Коварство и Любовь». Кажется Верди оставилъ въ этомъ новомъ произведеніи систему восторженной декламаціи, сопровождаемой постоянно в шумно движущейся инструментовкой. Онъ хотѣлъ достигнуть въ этой музыкѣ до возможно-естественной простоты, заставляя лица дѣйствовать по старой итальянской методѣ, которая въ особенности требовала, чтобы всѣ дѣйствующія лица пѣли. Намѣреніе похвальное, — но исполненіе не соотвѣтствовало ему вполне. Неаполитанская публика совершенною холодностью показала, какъ мало удовлетворены ея потребности. Она не нашла ничего остроумнаго, что могло бы возбудить восторгъ, ничего такого, что могло бы потрясти душу, за живое задѣть страсти и заставить ихъ трепетать; въ день представленія «Луизы Миллеръ», печально спрашивали другъ друга: неужели Верди суждено жить на чужой счетъ и все его творчество уже истощилось! Верди, получивъ за новую партитуру 12,750 франковъ, отправился въ Геную.

Отъ оперы Верди естественно переходимъ къ Петербургу, гдѣ нынѣшній сезонъ подарилъ намъ превосходнѣйшею итальянскою оперою. Послѣ блистательныхъ успѣховъ въ «Донъ Жуанъ», Гризи и Маріо отпраздновали истинное торжество своею оперѣ Мейербера, подъ названіемъ Гвельфовъ и Гибеллиновъ. За исключеніемъ Большаго Театра, музыки почти нигдѣ не слышно. Скрипачъ Шлетингскій, слѣпецъ отъ рожденія, о которомъ мы упоминали въ предыдущей статьѣ, давалъ еще концертъ передъ отъѣздомъ въ Москву.

Еще одинъ заслуженный пѣвецъ, не имѣющій болѣе голоса, не смотря на то, давалъ концертъ — и притомъ большой концертъ. Разумѣется единственное занятіе его въ этомъ концертѣ состояло въ томъ, что онъ считалъ сборъ, довольно значительный, потому что всѣ пѣвцы итальянской оперы нашей принимали въ концертѣ участіе.

Едва успѣли мы окончить статью эту, какъ приносятъ намъ изъ «Музыкальнаго музеума» вѣскольکو вновь издаваемыхъ пьесъ, о которыхъ прибавимъ вѣскольکو строкъ. Вотъ великолѣпный альбомъ танцевъ подъ заглавіемъ «Echo des bals.» Роскошно вызолоченная и разукрашенная обертка обѣщаетъ намъ что-то прекрасное, изящное. Открываемъ книгу — и вотъ на литографированномъ заглавномъ листѣ видимъ прелестную женщину, только что возвратившуюся съ маскарада. Полураздѣтая, она сидитъ за фортепiano (очень похожемъ на пианно Лихтенала) и старается припомнить тѣ звуки, которыми восхищалась на балѣ. Она играетъ лѣвою рукою, изъ чего подумаешь — что танцы въ этомъ альбомѣ написаны для одной только руки; но какъ это было бы противно

правиламъ исполнителей танцевальныхъ пьесъ, то мы и относимъ подобное отступленіе къ капризу живописца, который, видя для граціозности и выразительности позы, облокотилъ головку красавицы на правую ея руку, отчего и остается ей для игры одна только рука. Хотя это не принято, но все равно: когда дѣло идетъ о музыкѣ, живописецѣ, и въ особенности литографѣ имѣеть полное право на всевозможныя нелѣпости. Переворачиваемъ еще листъ и находимъ посвященіе издателя госпожѣ Сенковской, урожденной баронессѣ Раль. На слѣдующей страницѣ оглавленіе пьесъ, помѣщенныхъ въ альбомѣ, и собственно на этотъ случай написанныхъ, какъ объявляетъ *post-scriptum*. Всего 14 нумеровъ самыхъ модныхъ современныхъ композиторовъ: Гунгля, двухъ Лядовыхъ, Левиню, Сакса, Шиндлера, Набокова и прочихъ. Для танцевальной музыки одного достоинства музыкальнаго мало; ей нужно нѣчто увлекающее, нуженъ извѣстный элементъ ритмическій, котораго иначе нельзя выразить, какъ словомъ *dansant*. Часто самыя любимыя танцевальныя пьесы не имѣютъ музыкальной цѣнности, но зато онѣ *dansantes*! За исключеніемъ Штрауса и Ланнера, нѣтъ композитора, котораго произведенія въ этомъ родѣ могли бы въ одно время нравиться и музыканту и танцорамъ. Въ «*Echo des bals*» есть прелестныя пьески, зато есть и слабыя; но, можетъ-быть, онѣ-то и лучшія, самыя *dansantes*; мы не смѣемъ судить объ искусствѣ танцевъ, которое (сознаемся съ полнымъ смиреніемъ) намъ мало извѣстно. Если скажемъ, что «Анна-Полька-Сакса прелестна и мила, что «Масляница-галопъ» К. Лядова замисловать и игривъ, что «Полька улыбка» А. Лядова увлекательна, что вазурку Гунгля считаемъ лучшею пьесою, а польку Камевскаго самою дурною—этимъ мы выразили только наше мнѣніе, какъ музыканта, но совершенно готовы уступить его болѣе просвѣтленному сужденію танцоровъ, которые, безъ сомнѣнія, всѣ тотчасъ же запасутся этимъ прекраснымъ альбомомъ. Въ романсѣ «Отъ чего», графа Михаила Виельгорскаго, (слова Лермантова) выражено тихое, задумчивое мечтаніе; это одинъ изъ лучшихъ романсовъ этого даровитаго писателя. Рекомендуетъ еще романсъ Вѣры Пожевой: «Поймешь ли ты». У молодой артистки недостаетъ умѣнія отчетливо выражать свою мысль, но ясно видно, какъ изъ этого романса, такъ и изъ двухъ вновь ею изданныхъ пьесъ для фортепіано, посвященныхъ отечеству, что она обладаетъ истиннымъ талантомъ.

В. ДАНКЕ.

ЗОЛОТЫЕ РУДНИКИ ВЪ КАЛИФОРНИИ И ВЪ СИБИРИ. Изъ послѣднихъ свѣдѣній о мѣсторожденіяхъ золота въ Калифорніи, можно, кажется, заключать, что они совсѣмъ не такъ далеко простираются, какъ полагали сначала. Рядомъ съ нѣкоторыми очень богатыми пунктами встрѣчаются огромныя пространства, заключающія также золотую розсыпь, смѣшанную съ пескомъ, но въ очень незначительномъ количествѣ, и только на поверхности. По этому можно полагать, что во прошествіи нѣкотораго времени, и вѣроятно очень скоро, эти жилы, которыя поразили промышленниковъ своимъ неслыханнымъ богатствомъ, будутъ совершенно истощены. Добываніе золота изъ рудниковъ, вообще, гораздо скуднѣе промывки его изъ песку; это объясняется тѣмъ, что самая богатая золотая руда находится вовсе не въ недрахъ земли. Калифорнія, разрабатываемая доселѣ предпримчивымъ и дѣятельнымъ народомъ, даетъ золота не болѣе, какъ на полтора милліона фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Увеличится ли эта сумма? Едва ли; по-крайней-мѣрѣ въ настоящее время она ни мало не растеть. Послѣ этого позволительно сомнѣваться, чтобы открытіе калифорнскихъ золотыхъ розсыпей имѣло большое вліяніе, (какъ увѣряли сначала), на сравнительную цѣнность драгоцѣнныхъ металловъ. Сибирскіе рѣски давали, въ послѣдніе годы, золота слишкомъ на три съ половиною милліона фунтовъ стерлинговъ ежегодно, а между-тѣмъ цѣнность золота отъ того вовсе не измѣнилась.

Внимательное изслѣдованіе мѣсторожденій золота и золотыхъ жилъ

въ Калифорніи и сравненіе ихъ съ мѣсторожденіями этого металла въ прочихъ частяхъ земнаго шара, доказываетъ, что золотая руда распределена по земной корѣ по особымъ, постояннымъ законамъ. Золото находится не вездѣ и не случайно; оно вездѣ и всегда сопровождается особыми условіями. Въ видѣ россыпи и частицъ или зеренъ (самородныхъ слитковъ), оно является только въ мѣстахъ приготовленныхъ определенными обстоятельствами. Оно находится въ этомъ видѣ въ верхнихъ притокахъ рѣкъ, истекающихъ изъ вулканическихъ горъ, порожденныхъ огненными изверженіями, прорвавшими вѣшнюю кору земнаго шара. Въ европейской Россіи, напримѣръ, нѣтъ золотыхъ жилъ, потому что тутъ твердая земная кора никогда не подвергалась вліянію такихъ изверженій; напротивъ, Уральскія горы, и особенно восточный склонъ ихъ, гдѣ преизобилуютъ гранитъ, порфиръ, мѣшвикъ, діоритъ, порожденія огненныхъ изверженій, богаты металловосными, кристаллизированными произведеніями, содержащими золото, серебро и мѣдь; нижніе пласты заняты желѣзомъ и мѣдью; мало-помалу показывается золото; въ большихъ количествахъ находится оно только на вершинахъ, на оборотъ серебряныя жилы, которыя тамъ обильнѣе, чѣмъ болѣе рудокомъ углубляется въ недра заключающаго ихъ камня. Вся частицы золота, которыя добыты такъ легко добываются изъ воды, песку и илу, отдались отъ вершинъ этихъ золотоносныхъ краевъ, и, увлеченные потоками, сбѣгались съ прибрежнымъ пескомъ и иломъ. Изъ богатства этихъ россыпей никакъ нельзя еще заключать о глубинѣ металлоносныхъ земель; она суть слѣдствія острыхъ веществъ, дѣйствію которыхъ подвергались золотоносные края по изверженіи ихъ на поверхность земной коры. Крупныя самородки никогда не находятся въ недрахъ скалъ, а всегда въ вѣскахъ; это обломки первородныхъ вулканическихъ скалъ. Большой самородокъ, находящійся въ Петербургѣ, найденъ среди песку, на камнѣ, но не приросшимъ къ нему. Дѣйствія атмосферическаго воздуха въ настоящее время недостаточно для произведенія такихъ самородковъ; для этого нуженъ былъ великій переворотъ на земномъ шарѣ, подобный тому, который истребилъ мамонтовъ и прочія доисторическія породы животныхъ; только такой переворотъ могъ трясать севать съ вершинъ золотоносныхъ скалъ такія огромныя и твердыя массы, и обратитъ ихъ въ россыпи или въ осадки большой или меньшей величины.

Большая часть золотых россыпей принадлежит северному полушарию, и преимущественно Сибири. Но как сибирская цень скаль продолжается и въ Северной Америкѣ, и Скалистые и параллельныя съ ними горы находятся совершенно въ тѣхъ же геологическихъ условіяхъ, какъ Уральскій хребетъ, то очень естественно, что по верхнимъ притокамъ Сакраменто находятся такія же золотыя россыпы и зерна, какъ у подножій Урала и Алтая. Вершины Сьерры-Невады совершенно соответствуютъ вершинамъ сибирскихъ горъ, а верхніе притоки Сакраменто — притокамъ Лены и Пенжины. Вдоль всѣхъ этихъ горныхъ хребтовъ, золото находится въ значительныхъ количествахъ только въ отдельныхъ пунктахъ, и на небольшихъ пространствахъ. Этотъ общій законъ подтверждается и въ Калифорніи; большія количества золотой руды всегда находятся въ руслахъ рѣкъ и въ наносныхъ пескахъ. Вся спекулянтъ, вздумавшіе разрабатывать скалы, только разорились. Американскіе офицеры Эмори, Эбертъ и Пекъ, посѣщавшіе недавно огромныя пространства, отдѣляющія Тихое море отъ Скалистыхъ горъ, утверждаютъ, что только въ двухъ или трехъ мѣстахъ находятся золотыя руды. Какъ скоро богатыя золотыя россыпи въ наносныхъ пескахъ будутъ истощены, останется только иловатая земля, впрочемъ весьма плодородная и способная къ воздѣлыванію. Надежда найти глубокія, неисчерпаемыя жилы, простирающія во всѣ стороны свои золотыя вѣтви, будетъ обманута. Золото никогда не водится въ глубинѣ; вездѣ оно водится только на вершинахъ первоперіодныхъ вулканическихъ изверженій. Въ Венгріи, въ Карпатскихъ горахъ, въ Альпахъ, въ Пиринеяхъ, количество золота находится въ прямой пропорціи къ числу и важности скаль и вулканическихъ горъ первоперіодной формаціи. Частицы золота, находимыя въ пескахъ и въ рѣчномъ илѣ суть остатки тѣхъ осколковъ, издробленные временемъ и великими переворотами природы. Впрочемъ, все это нисколько не уничтожаетъ факта, что въ Калифорніи много золота, хотя не столько какъ въ Сибири, и что Россія и Америка, младшіе народы въ нынѣшнемъ политическомъ мѣрѣ, имѣютъ въ своихъ сибирскихъ и калифорнскихъ золотыхъ пріискахъ самый могучій рычагъ для будущаго своихъ судьбъ.

Ваниль. Ваниль растетъ въ сырыхъ и тенистыхъ мѣстахъ, часто подверженныхъ наводненію, на берегу источниковъ, возлѣ моря, во

сосъядству солоноватыхъ водъ. Цвѣтеть она въ маѣ мѣсяцѣ, плоды созреваютъ въ концѣ сентября. Это растеніе встрѣчается почти во всѣхъ теплыхъ странахъ южной Америки: въ Бразиліи, въ Мехикѣ, въ Колумбіи; оно находится также въ тропической Азій, но въ эту область, кажется, завезено Англичанами.

Подъ названіемъ ароматической ванили, долго смѣшивали множество другихъ сортовъ того же роду. Одинъ изъ этихъ сортовъ, самый извѣстный, очень распространенъ въ Мехикѣ; онъ означенъ ботаниками подъ названіемъ ванили съ плоскими листьями.

Ваниль, употребляемая въ торговлѣ, не что иное какъ самый плодъ, послѣ извѣстныхъ приготовленій. Этотъ плодъ, въ такомъ видѣ, какъ доходитъ до насъ, составляетъ только половину или три четверти своей естественной величины; онъ морщиноватъ, съ маслянистою твердостью темно-коричневаго цвѣту; мякоть пориста и темна, съ сильнымъ и очень пріятнымъ запахомъ.

Въ торговлѣ извѣстны три главные сорта ванили: сортъ ротрона или вона, такъ называемый Испанцами, имѣетъ очень темный стручокъ и очень сильный запахъ; ваниль дикая, менѣе цѣнная изъ всѣхъ, съ очень маленькимъ стручкомъ и слабымъ запахомъ; сортъ leu или законный, самый дорогой, съ тонкимъ и очень нѣжнымъ запахомъ. Законная ваниль хорошаго качества темнокраснаго цвѣту; она не должна быть ни слишкомъ клейка, ни слишкомъ суха. Если открыть самый свѣжій стручокъ, то найдешь его наполненнымъ черной, маслянистой и благоуханной жидкостью, въ которой плаваютъ множество чуть примѣтныхъ зернышекъ; запахъ до-того силенъ, что если долго вдыхать его, онъ можетъ причинить опьяненіе.

Въ южной Америкѣ легко бы подвергнуть ваниль правильной разработкѣ, но жители довольствуются только тѣмъ, что собираютъ плоды съ дикаго растенія.

Ваниль разводятъ впрочемъ въ Гвианѣ и Кайенѣ; въ последнее время пробовали разводить ее въ Европѣ; пытались даже искусственно оплодотворять цвѣты, чтобы умножить сборъ. Опытъ увѣчился полнымъ успѣхомъ. Получили ваниль, качествомъ не уступающую ни въ чемъ той, которая получается изъ Мехики. Это доказываетъ возможность прибыльнаго разведенія ванили на нашемъ материкѣ.

Вотъ какимъ-образомъ готовится ваниль, до отпуски ея въ торговлю. Сначала опускаютъ стручки въ кипятокъ, отчего они

вдругъ поблѣзуютъ ; потому кладутъ ихъ на дѣнь на свѣжій воздухъ и на солнце; тамъ слегка намазываютъ ихъ масломъ, чтобы они сохли медленно, не корчались и сохранили всю свою мягкость. Каждый стручекъ обвиваютъ тонкой бумажной ниткой, которая не позволяетъ створкамъ раздвѣляться. Скоро начинаетъ вытекать клейкая жидкость, которой теченію помогаютъ, прижимая легонько стручокъ. Теряя свою клейкость, ваниль пріобрѣтаетъ различныя качества, известныя въ торговлѣ, о которыхъ мы говорили выше.

Ваниль прежде употреблялась въ медицину какъ средство крѣпительное и возбуждательное; теперь терапевтическое ея употребленіе, кажется, совершенно оставлено. Примѣняемая къ нѣкоторымъ кушаньямъ, она можетъ способствовать пищеваренію у субъектовъ слабыхъ и съ притупленной чувствительностью; но ваниль цѣнится больше всего по запаху; ее употребляютъ, чтобы придать аромать сливкамъ, пирожнымъ, особенно шоколаду, которому она придаетъ и пріятный вкусъ и запахъ.

Намъ остается указать любителямъ ботаники отличительныя свойства ванили. Она принадлежитъ къ многочисленному и блестящему семейству *Orchidea* и отличается неправильнымъ вѣтвикомъ; цвѣточная почка одинакая, плодотворная, пыль скоплена въ двѣ зернистыя кучки, стволъ зеленый, круглый, суковатый, въ поперечникъ не толще пальца и почти ровень во всю длину; мѣстами на немъ вырастаютъ усики, которыми растеніе прикрѣпляется къ камню въ трещинахъ скалъ или взбирается на деревья. Подобно стволу, корень также вьется и очень длиненъ. Онъ вѣженъ, соченъ, цвѣту блѣдно-краснаго.

Листья продолговаты, одинакіе, гладкіе, съ едва замѣтными продольными жилками, мясистые, сидячіе, попеременные, очень далеко расположены одинъ отъ другаго, длиной отъ десяти до одиннадцати дюймовъ, шириной отъ четырехъ до пяти. Цвѣтки вырастаютъ изъ подъ листковъ, имѣютъ видъ кистей и сидятъ у верхушки стебля; они безъ чашечки, съ очень красивымъ вѣтвикомъ, бѣлымъ внутри, зеленоватымъ снаружи, состоятъ изъ шести лепестковъ, изъ которыхъ пять довольно равны между собою, полуразвернуты, слегка загибаются по краямъ, а шестой покороче, свернутый у основанія, раскрывающійся у верхушки и называемый *губочкой*. Изъ губочки выходитъ родъ мясистаго нестика, торчащій надъ яичникомъ и снабженный

выростъ и устьемъ и пылинкомъ; устье почтия вознута; выльчикъ, представляющій форму веретена, разделенъ на два мясца, наполненные зернистой пылью; яичникъ продолговатый, съ однимъ мясцкомъ о двухъ створкахъ; плодъ состоитъ изъ стручка, съ целухою трубчатой, слегка дугообразной, толщиной въ палецъ, длиной отъ семи до осьми дюймовъ, съ толстыми мясистыми ствѣнками, внутри наполненный мякостью, въ которую обильно натѣканы черныя, круглыя смячки. Эта-то мякоть и есть известная москотельная статья — ваниль.

ПОДВОДНЫЙ ВЗРЫВЪ ВЪ ГВАДАЛАХАРЬ Испанскій инженеръ, господинъ Сиерра, производилъ недавно въ Гвадалахарь любопытный способъ подводнаго взрыва. Онъ устроилъ, по новому способу своего изобрѣтенія, мину на днѣ Генареса, и положилъ въ нее большой зарядъ пороху, завернувъ его, для предохраненія отъ сырости, въ кожу. Потомъ онъ зажегъ мину посредствомъ Воластонова столба, поставленнаго на берегу, и тотчасъ произошелъ взрывъ, съ глухимъ и продолжительнымъ грохотомъ. Очевидцы съ восторгомъ описываютъ это великолѣпное зрѣлище. Огромный столбъ воды былъ взброшенъ на высоту почти ста футовъ, и рассыпался каскадомъ, между-тѣмъ какъ лучи солнца ярко играли и отражались въ каждой капль, и образовали три радуги необыкновенной красоты.

ГАШЕНІЕ ПОЖАРОВЪ БЕЗЪ ВОДЫ. Съ нѣкотораго времени въ Англіи много занимаютъ новозобрѣтеннымъ способомъ гасить самыя сильныя пожары въ самое короткое время и безъ воды. Мысль объ этомъ новомъ приложеніи химіи къ практическимъ цѣлямъ принадлежитъ одному флотскому офицеру, господину Филиппу. Всѣмъ известно, что нѣкоторыя газы, какъ напримѣръ углеродная кислота, азотъ, сѣрнистая кислота, и нѣкоторыя другіе, имѣютъ свойство немедленно прекращать горѣніе. Господинъ Филиппъ вздумалъ употребить въ пользу это свойство, и разрѣшилъ задачу очень успѣшно.

Задача заключалась въ томъ, чтобы добыть достаточное количество такого газу въ ту самую минуту, какъ оказывается въ немъ потребность, и направить его по произволу на предметы, объятые огнемъ. Средство, употребленное господиномъ Филиппомъ, очень просто: сжигаемъ, или скорѣе быстрымъ химическимъ соединеніемъ смеси угля,

гипсу и селитры въ сосудъ воды, онъ производитъ огромное количество углеродной кислоты, азоту и водянаго пару, которое можно направлять по благоусмотрѣнью.

Помощью такого снаряда, который и не великъ и не дорого стоитъ, ребенокъ, въ присутствіи множества зрителей, погасилъ въ нѣсколько секундъ груды стружекъ, облитыхъ дегтемъ, которая горѣла такъ сильно, что нельзя было подходить къ ней на разстояніе двадцати шаговъ; чтобы потушить ее обыкновеннымъ способомъ, потребовалось бы по-крайней-мѣрѣ четверть часа. Снарядъ господина Филпса, безъ сомнѣнія, принесетъ огромную пользу, и въ городахъ и особенно въ деревняхъ, гдѣ каждый пожаръ неминуемо кончается совершеннымъ разрушеніемъ загорѣвшагося дома, если не половины селенія.

Торговля льдомъ. Первый, напавшій на мысль завести обширную торговлю льдомъ, былъ бостонскій купецъ Фредерикъ Тюдоръ. Это было въ 1802 году. Собравъ предварительно подробныя свѣдѣнія на Антильскихъ островахъ, онъ рѣшился сдѣлать первую попытку съ своихъ береговъ; но ни одинъ судовладелецъ не хотѣлъ принять такого необычайнаго груза, такъ что Тюдоръ долженъ былъ купить собственное судно; онъ купилъ «Фаворитку», бригъ въ сто-тридцать тоннъ, нагрузилъ его льдомъ, съ Согусскаго пруда, принадлежавшаго его отцу, и отправилъ въ городъ Святаго-Петра на Мартиникъ.

Эта первая попытка дала 4,500 долларовъ убытку; не смотря на то, Тюдоръ не отказался отъ предпріятія и продолжалъ высылать грузы льду, пока война не прекратила всякой внѣшней торговли. До-тѣхъ-поръ торговля льдомъ не давала ему никакихъ выгодъ; и сношенія его ограничивались Мартиникою и Ямайкою. Въ 1815 году, по окончаніи войны, Тюдоръ снова принялся за свою мысль, и сталъ отправлять ледъ въ Гавану, заключивъ предварительно подрядный договоръ съ правительствомъ острова Кубы. Этотъ подрядъ далъ ему возможность вести свое предпріятіе безъ убытковъ и распространить торговлю, въ 1817 году до Чарльзтоуца, въ Южной Каролинѣ, въ 1818 году до Саванны, а въ 1820 до Новаго-Орлеана.

Осемнадцатаго мая 1833 года, Тюдоръ въ первый разъ отправилъ грузъ льду въ Калькутту, на корабль «Тосканъ», и съ-тѣхъ-поръ распространилъ свои операциі до Мадраса и Бомбая.

До 1832 года торговля льдомъ ограничивалась тѣмъ, что отпра-

влялъ Тюдоръ, хотя нѣсколько другихъ торговцевъ пытались было войти съ нимъ въ соперничество. Самое количество вывозимаго льду было незначительно; въ 1832 году отправлено всего 4,352 тонны; весь этотъ ледъ взятъ съ пруда Фрешпонда, близъ Кембриджа, и однимъ Тюдоромъ. Надо сказать, что эта торговля представляла огромныя затрудненія. Ни одинъ арматоръ не хотѣлъ принимать льду на свои корабли, боясь, чтобъ онъ не испортилъ ихъ, и не подвергалъ плаванія ихъ опасности; кромѣ-того необходимы были хорошіе ледники на мѣстахъ нагрузки и выгрузки, а никто не зналъ, какъ ихъ строить. Приспособленіе кораблей къ такому роду груза также требовало множества опытовъ и большихъ издержекъ. Наконецъ надо было изобрѣсть машины для рѣзанія, приготовленія, переноса, складки льду, и на все это требовались новыя издержки и труды. Мало-по-малу все эти затрудненія были устранены, и съ 1832 года торговля льдомъ развивается все болѣе и болѣе. Она находится теперь въ нѣсколькихъ рукахъ, и усовершенствована во всѣхъ своихъ частяхъ.

Первоначально весь ледъ рубили съ прудовъ Фрешпонда и Спейпонда; съ 1841 года для перевозки его нарочно построена вѣтвь, примыкающая къ Чарльзтоунской желѣзной дорогѣ. Въ последнее время рубка льду распространилась почти на все пруды около Бостона, и черезъ нѣсколько лѣтъ, вѣроятно, вся масса льду, образующаяся на этихъ водахъ, будетъ обращена въ торговлю. Въ 1839 году, огромное количество льду, вырубленное на Фрешпондѣ, и недоразумѣнія, возникшія между промышленниками, относительно мѣстъ, гдѣ каждый долженъ былъ снабжаться льдомъ, побудили ихъ избрать трехъ посредниковъ, которые опредѣлили между ними границы, давъ каждому равную часть поверхности озера и берега. Это раздѣленіе утверждено законнымъ договоромъ и печатнымъ планомъ озера съ его размежеваніемъ.

Въ 1847 году каботажныя суда вывезли изъ Бостона 51,887 тоннъ льду, которыми нагружено 49 гоэлетъ, 125 шкунеровъ, 45 бриговъ, 39 люгеровъ, всего 258 судовъ. Весь этотъ ледъ отправленъ въ Гальвестонъ, въ Техасъ; въ Мобиле въ Алабамъ; въ Колумбусъ, въ Миссиссипи; во все сколько-нибудь значительныя города Луизианы, Флориды, Георгіи, обѣихъ Каролинъ и Виргиніи, въ Вашингтонъ, Балтимору и Филадельфію.

Для заграничной торговли. употреблено въ томъ же году девяносто

ять судовъ, и вывезено 22,591 тонна, въ слѣдующія мѣста: Порторико, Гавану, Матансасъ, Тринидадъ, Санъ-Яго де Куба, на острова Святаго Томы, Мартинику, Гваделупу, Барбадскіе, Святой Троицы, Антигоу, Санъ-Висенте, Нассау, Ямайку, въ Вера-Крусъ, Гондурасъ, Демерару, Фернамбуко, Рио-Жанепро, на острова Бурбонъ и Святаго Маврикія, Маниллу, въ Калькутту, Мадрасъ, Бомбай, Цейлонъ, Гонгъ-Конгъ, Вампоу, Батавію и Ливерпуль.

Полагая цѣну фрахта по 13 франковъ 50 сантимовъ съ тонны, среднюю цѣну льда, — которая мѣняется смотря по времени года, продолжительности рейсовъ и суровости зимы, — по 10 франковъ 80 сантимовъ за тонну, исчисливъ приблизительно барыши промышленниковъ, и принявъ въ расчетъ то обстоятельство, что съ этимъ льдомъ отправлено двадцать девять грузовъ, если не больше, състныхъ припасовъ, плодовъ и овощей, въ Гваделупу, на островъ Святаго Томы, въ Гондурасъ, Калькутту и другія мѣста, куда они иначе не могли бы быть доставлены, — должно оцѣнить торговлю льдомъ, производившуюся изъ бостонскаго порта въ 1847 году, по-крайней-мѣрѣ въ три милліона франковъ.

Торговля льдомъ принесла огромную пользу бостонскому порту. Прежде множество судовъ отправлялось изъ него на баластъ, чтобы брать въ южныхъ портахъ грузы хлопчатой бумаги, рису, табаку или сахару, и должны были выдерживать соперничество иностранныхъ судовъ, которыя ходили въ оба конца съ товарами. Теперь эти суда могутъ получать небольшой фрахтъ за перевозку льду въ тѣ порты, гдѣ они должны нагружаться. Торговля льдомъ вообще невыгодна въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ корабли не могутъ фрагтоваться на обратный путь, потому что въ такомъ случаѣ онъ долженъ окупать двойной фрахтъ. Притомъ, тѣ изъ южныхъ городовъ, которые не производятъ никакихъ предметовъ для вывоза, по большей части не въ состояніи позволить себѣ какую-либо дорогую прихоть.

Образъ укладки льду въ корабляхъ очень измѣнился съ развитіемъ этой отрасли торговли. Прежде трюмъ раздѣляли на квадраты посредствомъ досокъ, прибитыхъ къ балкамъ, упиравшимся въ бока корабля; кромѣ-того дѣлали двойную отгородку около кормы и носу. Пространство между трюмами и стѣною наполнялось негоднымъ кормомъ, рисовою мякиною, сѣномъ, соломою, стружками, и тому подобнымъ, на различную толщину, смотря по продолжительности пу-

ти и температура. Сверхъ льду клади бѣлой чѣръ шне-вощины, кромѣ корья. Ничего употребляютъ почти исключительно деревянные опилки, и кладутъ ихъ непосредственно между льдомъ и стѣнами корабля. Эти опилки добываются съ водонепроницаемыхъ мельницъ въ мѣстономъ штатѣ, гдѣ они прежде продавали безъ всякой поправки. Въ 1847 году ихъ было привезено 4,600 кубическихъ сажень, и продавались они по 13 франковъ 50 сантимовъ сажень, съ доставкой.

Цена льду очень непостоянна въ мѣстахъ, гдѣ есть сильное соперничество. Въ Гаванѣ, гдѣ эта торговля въ однихъ рукахъ, ледъ продается по семи су за фунтъ, и привозъ не увеличился въ 1832 году, когда онъ составлялъ 1,112 тоннъ. Въ Новомъ-Орлеанѣ ледъ продавался отъ трехъ до шестнадцати су, и привозъ его увеличился отъ 2,310 до 28,000 тоннъ. Въ Калькуттѣ эта торговля началась въ 1833 году привозомъ 201 тонны; цена иногда не превышала тридцати су за фунтъ; нынѣ ледъ продается по тринадцати су за фунтъ. Отправлялось въ последнее время въ Калькутту 3,000 тоннъ; но по продолжительности пути можно полагать, что едва пятая часть отправляемаго количества дѣйствительно поступаетъ въ продажу.

Такъ какъ ледъ употребляется и отправляется во всякое время года, то для сохраненія его нужны огромные ледники. Кромѣ ледниковъ, устроенныхъ на бостонскихъ и чарльзтеунскихъ набережныхъ, есть еще по берегамъ прудовъ, окружающихъ Бостонъ, ледники, могущіе вмѣстить до 140,000 тоннъ. Нынѣ все ледники устроиваются на поверхности земли. Въ южныхъ городахъ, гдѣ ледъ дорогъ, эти ледники строятся изъ кирпичу или камня; для лучшаго сохраненія льду стѣны строятся двойныя, и между ними оставляется пространство, въ которомъ воздухъ неподвиженъ; или же это пространство набивается чрезвычайно сухою травою. На озерахъ, гдѣ ледъ не такъ цвѣнется, ледники деревянные, но также съ двойными стѣнами, полами и потолками. Пространства между стѣнами наполняются мокрымъ корьемъ. Это корье зимою мерзнетъ, и пока оно совершенно не оттаетъ и не высохнетъ, утрата льду ничтожна, потому что утрата гораздо значительнѣе, но какъ къ тому времени большая часть льду уже потреблена или отправлена, то и эта потеря не имѣетъ большой важности. Впрочемъ и на озерахъ есть одинъ ледникъ каменный; онъ занимаетъ 36,000 квадратныхъ футовъ; сводъ его имѣетъ сорокъ футовъ глубины, а стѣны, съ двумя промежутками для возду-

жу, вѣтрые сува толщины. Такое вѣтріе, конечно, далеко было дорого стоять; но зато оно должно и не подвержено пожару, чего тамъ болѣе должно опасаться въ ледникахъ, что ледъ, для сохранения, покрывается чрезвычайно сухими и легко воспламеняющимися веществами.

Въ зиму только три недѣли, вполне благоприятны для наполненія ледниковъ. Прежде рубка и перевозка льду производилась руками; но потомъ необходимость заставила прибѣгнуть къ машинамъ, и теперь въ одинъ день вырубаютъ и складываютъ въ ледники болѣе льду, чѣмъ сколько нужно было для всей торговли 1832 года. Обыкновенно, прежде, чѣмъ наступятъ довольно сильные морозы, чтобы дать льду достаточную толщину, выпадаетъ снѣгъ. Если ледъ уже имѣетъ болѣе четырехъ дюймовъ толщины, и снѣгъ довольно легокъ, чтобы не проломить его, то снѣгъ сгребаютъ посредствомъ большихъ скребцовъ, запряженныхъ лошадьми. Если же выпадетъ столько снѣгу, что ледъ отъ тяжести опустится, и вода выступитъ на его поверхность, то ждутъ, чтобы снѣгъ застылъ, и потомъ уже счищаютъ его посредствомъ *ледоструга*, который срываетъ его слоями въ два дюйма толщины и двадцать четыре дюйма ширины. Эта машина запряжена двумя лошадьми, и направляется тѣмъ, что шипы рѣзка вставляются въ двѣ борозды, проведенныя заранее ледорѣзомъ. Стружки, срезанныя ледостругомъ, сгребаются потомъ скребцомъ. Эти предварительныя работы иногда обходятся очень дорого; иногда также, послѣ того, какъ промышленникъ употребилъ время и деньги на очистку льда отъ сухаго или замерзнаго снѣгу, наступаетъ теплая погода, и ледъ таетъ. Если же не принять этихъ предосторожностей, и морозъ будетъ стоять, то ледъ не будетъ прибывать въ толщину, а это также несчастье.

Когда ледъ достаточно толстъ и очищенъ отъ снѣгу, его рѣжутъ на куски одинаковой величины, обыкновенно въ двадцать два квадратныхъ дюйма, посредствомъ ледорѣза. Этотъ ледорѣзъ тащится одною лошадью, и есть не что иное, какъ рядъ острыхъ и кривыхъ зубьевъ, изъ которыхъ каждый углубляетъ борозду, проведенную предшествовавшими зубомъ. Ледорѣзъ прорѣзаетъ во льду борозду въ два дюйма глубины, такъ, что, если нужно раздѣлить куски, стоятъ только провести его раза два или три по каждой бороздѣ. Сначала эти борозды дѣлаются въ одномъ направленіи, потомъ на перерѣзъ ихъ, подѣ

прямыми углами. Когда борозды проведены, въ каждой бороздѣ пробиваютъ во льду желѣзнымъ ломомъ, двѣ или три дыры, и тогда уже стóитъ только наклонить ломъ, чтобы отдѣлить лдяну. Такимъ образомъ отдѣляютъ каждый квадратъ.

Куски льду вытаскиваются на берегъ санями, или просто баграми. Для подъема ихъ употребляютъ покатыя мостки съ непрерывною цѣнью, или поднимаютъ ихъ посредствомъ пару или лошадей. Лдяны складываются въ ледникахъ правильными слоями, такъ чтобы каждый квадратъ приходился плотно на нижнемъ квадратѣ. Когда ледникъ полонъ, ледъ накрывается стружками, которыми забиваютъ также всѣ скважины, и потомъ ледникъ запирается до того времени, когда нужно отправлять ледъ.

Во время нагрузки льду, его взвѣшиваютъ на набережной, на особыхъ, для того устроенныхъ вѣсахъ; и этотъ вѣсъ служитъ основаніемъ всѣмъ расчетамъ; по нему опредѣляется, что слѣдуетъ хозяину льду, торговцу, который его отправляетъ, арматору за фрахтъ, и желѣзной дорогѣ, доставившей его на мѣсто нагрузки.

лѣность россияне. Лѣность Россіи вошла въ пословицу. Кто содалъ столько образцовыхъ произведеній, тотъ имѣетъ право быть лѣнвымъ.

Зимой 1817 года, въ дурной венеціанской гостинницѣ Россіи писалъ въ постели. Онъ занимался тогда партитурою *il Figelo per azzardo*. Вдругъ листокъ вырвался у него изъ рукъ и упалъ на полъ. Россіи напрасно искалъ его глазами, листокъ свалился подъ кровать; онъ протянулъ руку, наклонился, чтобы поднять его, но прохваченный холодомъ — комната была еще не топлена. — завернулся въ одѣяло и сказалъ себѣ :

— Я перепису этотъ дуэтъ, ничего не можетъ быть легче. Я припомню.

Но онъ не могъ вспомнить ни одной ноты.

— Ну! вскричалъ онъ, смѣясь, я передаю этотъ дуэтъ. Пусть богатые композиторы топятъ свои комнаты, я не беру на себя труда поднимать упавшіе дуэты; къ тому же это дурная примѣта.

Когда онъ оканчивалъ второй дуэтъ, къ нему вошелъ одинъ изъ его пріятелей, и по просьбѣ его поднять листокъ.

— Теперь, сказалъ маэстро, я проношу вамъ оба дуэта. Скажите, который вамъ лучше понравится.

Пріятель отдалъ предпочтеніе первому: Говорятъ, что между обоими дуэтами не было ни малѣйшаго сходства.

ПОХОРОННЫЙ ПРАЗДНИКЪ ВЪ КОПЕНГАГЕНѢ. Шестаго февраля (новаго стиля) на королевскомъ копенгагенскомъ театрѣ давали похоронный праздникъ по случаю смерти Адама Эленшлегера. Наружная часть ложъ была покрыта крепомъ, а кресла въ оркестръ, обыкновенно занимаемыя знаменитымъ поэтомъ, черной драпировкой, на которой вышиты были серебромъ лавровый вѣнокъ съ начальными буквами имени поэта. Наконецъ все зрители, а зала была полна, были въ траурѣ.

Представленіе состояло изъ пролога въ стихахъ, нарочно написаннаго Карломъ Гаухомъ, изъ «Накоп-Jarl», самой знаменитой изъ трагедій Эленшлегера и послѣдней сцены изъ трагедій его «Сократъ». Въ заключеніе все актеры увѣщали бюстъ великаго поэта.

Выборъ послѣдней сцены изъ «Сократа» былъ очень кстати. Эленшлегеръ, чувствуя приближеніе смерти и простившись съ родственниками и друзьями, окружавшими постель его, просилъ двѣнадцатилѣтнюю племянницу прочесть ему эту сцену, слѣдовалъ за чтеніемъ съ величайшимъ вниманіемъ, потомъ обнялъ ребенка, закинулъ голову назадъ и какъ будто заснулъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ испустилъ послѣдній вздохъ.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ДѢТСТВА ПАОЛО ВЕРОНЕЗЕ. Когда человекъ именемъ своимъ прославилъ свой вѣкъ, а вѣкъ передалъ это имя потомству, тогда этотъ человекъ дѣлается членомъ каждой семьи, объ немъ говорятъ какъ о другѣ, давно умершемъ. Все, что можно знать о его дѣтствѣ, молодости и жизни, выслушивается съ неутомимымъ любопытствомъ, рассказывается сочувствующими душами. Вотъ исторія одного изъ этихъ даровитыхъ людей, царей живописи, Паоло Кальари, известнаго подъ именемъ Паоло Веронезе.

Въ богато-убранную комнату одного изъ лучшихъ домовъ Вероны, въ полуоткрытыя окна проникалъ теплый вѣтерокъ, полный благоуханія. Посреди комнаты, окруженная тремя прелестными дѣтьми, свѣжими и розовыми какъ цветы Голландіи, сидѣла женщина еще

молоды, съ лицомъ блестящимъ добротою и благородствомъ. Старшій сынъ стоялъ позади ея съ палитрою въ одной рукѣ; съ кистью въ другой; и тровожно оглядывъ за взглядомъ матери, разсматривавшей картину, которую она держала въ рукахъ; мальчикъ, нѣсколькими годами моложе его, сидѣлъ у ногъ матери и рисовалъ; маленькая дѣвушка, настоящая черта соединенія между двумя братьями, улыбалась всему и грациозно облокотилась на колѣни своей матери, разсматривавшей картину.

— Не терий мужества, Паоло; скажи оное ребенку; стоящему позади сего; можеть-быть Бору угодно; чтобы ты оное показывалъ; и показывай: въ твоей картинѣ видно достовѣрие: мужество и покой.

Она подвинула на него гилью, обрисовала съ добротнымъ слезами; сынъ съ нежностью обнялъ ее, и всеми силами старался отвлечь ея вниманіе отъ своей картины.

— Посмотри, мамочка, сказала онъ, показывая ей рисунокъ своего брата; какіе у него сделаны Бенедикто въ продолженіи нѣсколькихъ дней; и сколько мужества въ его молодомъ сердцѣ; сколько постоянства въ этой молодой гилье.

Эта похвала отозвалась въ двенадцатилѣтнему ребенку, который впадалъ слезами брата, краснѣлъ; и взоръ его выразилъ то радость; то печаль; казалась, онъ былъ добротю сильною внутренней борьбы. Вдругъ онъ взявъ руку брата и сталъ между нимъ и матерью.

— Мама, сказалъ онъ, и дѣтское личико егѣ было серьезное; мама, я долженъ тебѣ признаться, признаніе это унижительно для меня; но пусть оно послужитъ мнѣ наказаніемъ. Еще три дня тому назадъ, я завидовалъ Павло... О, прости мнѣ; сказалъ онъ, обрившись къ брату; прости! Теперь это уже кончено... Помнишь, мама, нѣсколько дней тому; ты приказала намъ рисовать одну и ту же картину; Паоло кончилъ свою въ нѣсколько дней; это было маленькое чело; я же долго трудился, но не подвигался впередъ; и тогда, кажется, и невидѣлъ брата.

Бѣдный мальчикъ закрылъ лицо руками и зарыдалъ. Вся семья была растрогана; никто не говорилъ; только Паоло сжалъ еще руку Бенедикта.

— Одинъ разъ ночью; я увидѣлъ, что братъ всталъ съ постели; подошелъ къ моему картону; взявъ мой рисунокъ; испривилъ его.

что было, можно и сейчас очертить то, что оставалось делать; я употребил все усилия, чтобы не расцеловать Паоло, и не вырешить у него прощенья; но сегодня говорю тебе: вошь мой рисунок; если он жарит, зятья я обязан Паоло; и потому, простодушно прибавил ребенку, я принял твердое наказание никогда не жевать, и давать для детей моего доброго брата то, что он считал для меня.

Мать улыбнулась этому простодушному общению и пришла к себе обнять сыновей, а сестра целовала то одного, то другого; и была в ладах с своими крошечными, полновыжимыми ручками.

Ребенок, встававший ночью для того, чтобы поправить работу брата, и поблизить его от огорченія, впоследствии назывался Паоло Веронезе.

Он родился вк. Веронѣ, въ 1530 году. Отецъ его, богатый скульпторъ, ждалъ передать ему свое званіе; но ребенокъ мечталъ о другомъ. Вся разнообразная впечатлѣніе соединялась для него въ гармоніи красокъ; — онъ хотѣлъ быть живописцемъ. Отецъ, предвидя въ немъ особенную способность, позволялъ ему посещать мастерскую дяди, Бартоло, знаменитаго первыяго изображенія. ~~прямыхъ картинъ~~, въ которыхъ свернула нѣ старая стѣла, известнаго подъ именемъ древняго вкусу. Ребенокъ, отъвленный судьбою, дѣлалъ невероятные усилія. Казалось, добрый гений управлялъ имъ на невѣстныхъ и извѣстныхъ путяхъ, ведущихъ къ искусству; онъ обладалъ уже талантомъ и оставался неизвестнымъ. Слава его была подавлена славою знаменитыхъ мастеровъ, находившихся въ это время въ Веронѣ; Форбизини, Диальеріо, Лигенци, Брузасорчи и Фаринато владѣли неограниченно и никто не думалъ о скромномъ и неизвестномъ юности, впоследствии прославившемъ Верону. Странная вещь, а между-тѣмъ она проявляется во все времена! Соотечественники Веронезе отвергали его талантъ, или вовсе не обращали на него вниманія, въ то самое время, когда соперничающій городъ — Мантуа — удостоивалъ его художественной преміи, назначенной за живопись.

Огорченный такимъ равнодушіемъ, Паоло оставилъ Верону и уѣхалъ въ Венецію, но не долго тутъ пробылъ. Оттуда онъ отправился въ Венецію. Наконецъ нашъ онъ мѣръ достойный его: тутъ его оцѣнили! Съ какимъ жаромъ принялся онъ работать! Сказка

часовъ проводилъ онъ передъ картинами Тинторета и Тициана! Сначала онъ старался подражать имъ, но, изучая ихъ, старался превзойти изъисканнымъ изяществомъ, еще болѣе роскошнымъ разнообразіемъ орнаментовъ. Первые его картины выставлены въ церкви сятаго Сабастіана въ Венеціи; въ нихъ замѣтна еще робость кисти, живописецъ сознаетъ себя ученикомъ, онъ еще подражаетъ; но черезъ нѣсколько времени выставлена была «Исторія Эсаври». Что за краски! Какое искусство въ цѣломъ!... Сколько души въ подробностяхъ! Картина эта возбудила неслыханный восторгъ! Сенатъ сдѣлалъ художнику значительные заказы: въ Италіи явился еще одинъ великій живописецъ.

Веронезе изъявилъ желаніе ѣхать въ Римъ, и Гримарси, посланникъ венеціанскій, взялъ его съ собою; но настоящимъ посланникомъ былъ наибъ художникъ. По возвращеніи, онъ написалъ «Апофеозу Венеціи». Изображенія «Тайной Вечери», онъ писалъ болѣе десяти разъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, Паоло Веронезе первый колористъ и величайшій поэтъ въ мірѣ; но его справедливо упрекаютъ въ анахронизмъ костюмовъ и лицъ. Внутренняя отдалка «Тайной Вечери» слишкомъ роскошна, костюмы совершенно выдуманные. Нѣсколько времени спустя, вышла картина, изображавшая Иисуса Христа возлежащаго за трапезою у Симона, перевезенная во Францію въ царствованіе Людовика-Четырнадцатаго.

Мы должны сказать о картинѣ Веронеза, наиболѣе возбудившей споровъ: «Ученики, идущіе въ Эммаусъ.» Упрекаютъ художника въ томъ, что онъ пренебрегъ основными правилами живописи, нарушилъ единство мѣстности, времени и дѣйствія; укоризны основательныя, но зато сколько поэзіи! Какое благородство въ фигурахъ! Сколько ума въ выраженіи лицъ! Сколько вѣрности въ краскахъ.

Мы не беремся разбирать творенія этого громаднаго генія, для этого нужно другое перо, а не наше; мы же хотѣли только поговорить о человѣкѣ, котораго имя извѣстно цѣлому міру. Въ Луврѣ можно видѣть нѣкоторыя картины его; но наилучшимъ образомъ сохранившіяся картины его находятся въ Веронѣ.

Рисунки Веронезе, сдѣланные перомъ и разрисованные бистромъ, высоко цѣнятся любителями; нѣкоторые изъ нихъ нарисованы на тонкой бумагѣ, наклеены на бумагу потолще, другаго цвѣта, съ подписью П. и В.

Веронезе, кроткій и щедрый, былъ нѣжно любимъ всеми окружающими; удивленіе и любовь учениковъ его доходили до энтузіазма; наиболее прославившіеся изъ нихъ были Карло и Габріель, сыновья его, Бенедиктъ, братъ, Микель Парроазіо, Науди, Матфей, Верона и Франческо Монтемадцано.

Веронезе обладалъ удивительно плодовитымъ воображеніемъ, новыми и замысловатыми идеями и чуднымъ знаніемъ состава красокъ. Его справедливо укоряли въ нарушеніи нѣкоторыхъ приличій, до которыхъ нельзя коснуться, не оскорбляя искусства. Паоло Веронезе умеръ пятидесяти-осьми лѣтъ, въ 1508 году.

Вы вѣрно не забыли еще клятвы Бенедикта въ дѣтствѣ: «Я никогда не женюсь, сказалъ онъ, и буду дѣлать для дѣтей моего брата то, что онъ сдѣлалъ для меня.» Онъ сдержалъ свое слово, и оба его племянника, Карло и Габріель, всегда могли полагаться на совѣты и преданность его. До самой смерти своего брата, онъ сохранялъ къ нему самую искреннюю дружбу и даже былъ ему помощникомъ во всемъ, что относилось къ перспективѣ и архитектурѣ.

У него не было большого таланта или, лучше сказать, мало творчества; онъ рабски подражалъ брату. Однакоже біографы Ридольфи и Боччини высоко цѣнятъ его фрески, изображающія сюжеты, взятые изъ міеологии и римской исторіи; фрески эти находятся во дворцѣ Мочениго; онъ пробовалъ заниматься скульптурою, но безъ успѣха.

Онъ умеръ въ 1598 году, два года спустя послѣ своего племянника Карло, который скончался двадцати-четырехъ лѣтъ, въ 1508, а Габріель въ 1631 году. Они мало оставили картинъ.

ОЦЕРКЪ КАРАНДАШЕМЪ. Это старая исторія.

Однажды вечеромъ въ 1520 году, въ Венеціи, женщина, закутанная въ черную шерстяную мантилью, выходила изъ темной улицы къ мосту Ріальто. Походка ея была неровная, поспѣшная, судорожная. По временамъ она украдкой бросала тревожный взглядъ вокругъ себя, потомъ руки ея складывались подъ мантилей въ безнадежной мольбѣ.

Подойдя къ Ріальто, она остановилась, и съ нервическимъ содроган-

нѣмъ устремля глаза на голубыя, прозрачныя воды Адриатики, видя разсѣкаемыя мелькавшими лодками. Машинально упавъ на колѣни, она, казалось, вызывала въ таинственной, душевной фантазматори въ привязанности, которыя готовилась покинуть.

— Антонио ! мой Антонио ! прощай ! сказала она.

Потомъ встала, подошла къ периламъ, склонилась надъ бездною, какъ бы измѣряя ея глубину, и отскочила назадъ, по необъяснимому инстинкту самосохраненія, инстинкту, всегда возстающему противъ самоубійства, до котораго доводитъ отчаянiе; потомъ, блѣдная какъ смерть, она снова подошла и, закрывъ глаза, бросилась, какъ вдругъ сильная рука схватила ее. Человѣкъ высокаго роста, который, ползуясь темнотою ночи, успѣлъ скрыть отъ нея свое преслѣдованіе, съ важною сказалъ ей :

— Дитя, одно слово ! Если на совѣсти у тебя преступленіе, если ты несчастна, ступай въ церковь Христа-Спасителя, которой крестъ виденъ отсюда : падн на колѣна на холодный мраморъ, и покайся Творцу своему, что ты хотѣла совершить преступленіе.

Не покоряясь словамъ, запечатлѣннымъ чудною силою власти, женщина оттолкнула незнакомца, такъ во время подавшаго ей помощь, и сказала въ помънательствѣ :

— Оставьте меня, я хочу умереть !

И, казалось, небо услышало это преступное желаніе ; лице ея посинѣло, тѣло склонилось и она упала безъ чувствъ.

За минуту еще темная ночь вдругъ прояснилась и луна, разсѣвъ туманъ, за которымъ скрывалась, бросила серебряный полусвѣтъ на безлюдный мостъ Риальто.

Прислонившись къ периламъ моста, незнакомецъ сбросилъ повязку съ головы женщины, лишенной чувствъ и, казалось, примель въ крайнее изумленіе при видѣ дивной красоты.

Конечно въ тѣ времена, да и въ наши тоже, не смотря на перерожденіе и смѣшеніе племень, не трудно встрѣтить въ венеціанскомъ Догадо прекрасныя, горделивыя созданія, о которыхъ преданіе, за неимънiемъ потомственной передачи, сохранено кистью Паоло Веронезе ; но одинъ родъ красоты оставался въ то время неизвѣстенъ : красоты состоящей въ изящной нѣжности очертаній и формъ и правильной чистотѣ линий, въ гибкой стройности тѣла, не показывающей ни силы, ни слабости, но заключающей въ себя свойства того и

другаго, что можетъ-быть составляетъ главную прелесть, совершенство красоты.

Женщина, лишившейся чувствъ, было не болѣе шестнадцати лѣтъ, и хотя по простой одеждѣ она принадлежала къ низшему сословию, но тотчасъ было видно, что судьба ошиблась, не давъ ей блистательнѣйшей участи; кромѣ званія, она по всему принадлежала къ высшему классу.

Человѣкъ, погруженный въ такія размышленія, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не удивляются уже сердцемъ, но только умомъ и по сравненію. Онъ видѣлъ крестьянокъ и принцессъ, женщинъ совершенно неизвѣстныхъ и самыхъ знаменитыхъ, и бѣніе сердца его не ускорялось и пульсъ все также ровно бился. Очаровательнѣйшія женщины въ глазахъ его были только типами и моделями. Пламенная кисть его обезсмертила нѣкоторыхъ изъ нихъ, но подъ его холодной рукой онъ никогда не дѣлались Галатеями.

— Антоніо! тихо повторяли ея уста, слово послѣдняго прощанія ея съ міромъ, слово, составлявшее тайну ея сердца.

При этомъ таинственномъ имени, высказаніемъ цѣлый романъ любви и слезъ, художникъ вздрогнулъ, невѣдомый трепеть ревности пробѣжалъ по всемъ его жиламъ.

— Странно! сказалъ онъ въ какомъ-то недоумѣніи.

Исторія молодой дѣвушки по имени Маріи, по прозванію la Bella, очень проста и заключалась въ трехъ словахъ: корыстолюбивый отецъ, влюбленный бѣднякъ, взаимная, но несчастная любовь.

Тщетно Марія съ неутомимымъ постоянствомъ защищала свое сердце, отецъ ея, содержатель знаменитой гостиницы, на фасадѣ которой, къ великой радости ладзарони, красовался намалеванный левъ—эмблема Венеціи, смотрѣлъ на страстную любовь дочери къ Антоніо Барбариго, прекраснѣйшаго гондольера у моста Вздоховъ, съ презрѣніемъ расчетливаго трактирщика, и называлъ ее романтическими бреднями. Наконецъ однажды, послѣ жестокой сцены, когда Джіанеттини до-того взбѣсился, что прибилъ дочь свою, убѣжала она изъ дому родительскаго.

Въ эту самую минуту, мы встрѣтились съ нею при началѣ разсказа.

Возвращеніе Маріи не произвело видимаго впечатлѣнія въ трактирщикъ. Онъ сталъ упрекать ее за ночной побѣгъ, увѣряя, что его

обмануть хитростью, которой цѣль состояла въ томъ, чтобы поколебать его рѣшимость.

Художникъ думалъ довершить дѣло спасенія, возвративъ отцу Марию-ла-Белла. Но гнусный приемъ привелъ его въ цѣлогодное. Онъ схватилъ стулъ, бросилъ его съ быенствомъ на полъ, и ни слова не говоря, сѣлъ въ темномъ углу гостинницы.

Джанеттини бросилъ недоувѣрчивый взглядъ на молчаливаго постытеля, въ которомъ думалъ найти сообщника. Но вѣрно по виду и по лицу незнакомца было замѣтно, что малѣйшее замѣчаніе будетъ плохо принято, а оскорбленіе жестоко накажется, потому что онъ ограничился тѣмъ, что изрѣдка бросалъ на него бѣглые взгляды, въ которыхъ выражался неопредѣленный страхъ, смѣшанный съ явнымъ недоброжелательствомъ.

И въ-самомъ-дѣлѣ, художникъ былъ одаренъ широкою грудью, сильными мышцами, составляющими гордость вонновъ и бойцовъ. На его мужественномъ, или, если можно такъ выразиться, гладкопламенномъ лицѣ, отражался скрытый огонь энергическихъ страстей. Одежда безукоризненной простоты, состоявшая изъ чернаго бархатнаго кафтана и такихъ же панталонъ, покрывала его мускулистые члены; черная шапочка съ выемкою на вискахъ, придерживаемая завязками изъ той же матеріи, следуя модѣ того времени, прикрывала часть непокорныхъ волосъ.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ прибытія художника и Маріи la Bella въ гостинницу, робко вошелъ прекрасный молодой гондольеръ; мало-по-малу собравшись съ духомъ, онъ подошелъ къ молодой дѣвушкѣ, и тихимъ, но пламеннымъ голосомъ сказалъ ей: «Сага тіа, ті а!та!»

Животрепещущіе звуки любви взбѣсили трактирщика.

— Вонъ отсюда, закричалъ онъ, вонъ изъ моего дому, бродяга, ладзарони, обольститель! сію же минуту убирайся прочь!

Гондольеръ не двинулся съ мѣста.

— Кончилъ ли ты, сказалъ онъ съ кротостью любви, которая не чувствительна даже къ оскорбленію. Къ чему всѣ эти гнусныя названія, всѣ оскорбленія? Развѣ ты никогда не любилъ, Джанеттини? Развѣ твои сѣдые волосы заставили тебя совершенно забыть черные волосы, мечты и трепетъ молодаго сердца? Развѣ ты забылъ, что когда мнѣ было десять лѣтъ, а Маріи пять, я всегда былъ кавалеромъ и

защитникомъ ея, она всегда искала спасенія въ моихъ объятіяхъ, какъ моя гондола въ бѣлыхъ парусахъ; ты забылъ, что мы выросли вмѣстѣ, были друзьями прежде чѣмъ сроднились душами, сроднились прежде чѣмъ полюбили другъ-друга. Мы поклялись вѣчно любить другъ-друга въ маленькой часовнѣ святаго Марка, и не въ твоей власти; Джіанеттини, не во власти человѣческой, разорвать этотъ союзъ сердець: мы можемъ быть разлучены, одинъ изъ насъ можетъ умереть; но никогда, ни на комъ изъ насъ не сбудется пословица: «*Lontano dagli occhi, lontano dal cuore*» (вонъ изъ глазъ, вонъ изъ сердца). Но скажи еще разъ, Джіанеттини, скажи еще въ послѣдній разъ, хочешь ли ты украсить свою старость благословеніями нашими, или устлать путь свой къ смерти нашими слезами?

— Я не хочу внуковъ изъ нищенскаго племени, сказалъ трактирщикъ съ грубостью.

— Это правда, вѣдь ты богатъ; у тебя много золота, — золота, которое все замѣняетъ, все покрываетъ, за все платитъ; но оно не защищаетъ отъ смерти, оно не помѣшаетъ обладателю своему умереть въ непредопредѣленное время на бесполезныхъ мѣшкахъ, въ безнадежномъ отчаяніи. Ты богатъ, но почему же и мнѣ когда-нибудь не разбогатѣть? Здоровыя руки, мужественное сердце, честная жизнь, любовь къ занятіямъ и, самое главное, вѣра въ Провидѣніе.... О, эта лѣстница ведетъ высоко! Лаврентій Медичи былъ купцомъ, Яковъ Сфорца волонасомъ.

Художникъ внимательно прислушивался къ этому разговору; наконецъ всталъ и, потрепавъ по плечу гондольера, сказалъ:

— Хорошо сказано, гондольеръ; вѣра — вотъ успѣхъ; борьба — вотъ сила. Марія будетъ твоею женою.

— Никогда.

— Мессиръ Жидъ, возразилъ художникъ съ презрѣніемъ, а если онъ положитъ шесть сотъ пистолей въ свадебную корзину?

— Тогда увидимъ; но подумайте только, даже четыре доски, изъ которыхъ сколочена его лодка, не принадлежатъ этому нищему.

— Молчать, сказалъ незнакомецъ повелительно; болтуны еще не нососнѣ скрягъ; прежде чѣмъ наступитъ завтрашній день, ты получишь эти деньги.

Потомъ онъ вынулъ маленькую пергаментную книжку, оторвалъ одинъ листокъ, положилъ его на столъ, и съ дивною быстротою на-

черталъ на немъ мужскую руку, протянутую, полусжатую, дрожащую отъ радости и нетерпѣнія, какъ будто въ нее уже сыпался золотой дождь; вся она, такъ сказать, трепетала отъ чувственнаго удовольствія: то была рука скряги, ожидающаго, желающаго, призывающаго, умоляющаго, благодарящаго, угрожающаго. Серебряное кольцо, запачканное въ корицъ, надѣтое на одномъ пальцѣ, довершало сходство наброшеннаго очерка. Джіанеттини тотчасъ же постарался назвать не подписанное имя.

— Но это моя рука, воскликнулъ онъ въ изумленіи.

— И твоя исторія, сказалъ художникъ.

Отдавая гондольеру свою живописную импровизацію, онъ приказалъ отнести ее Пьетро Бербо, бібліотекарю святаго Марка, и потребовать отъ него въ замѣнъ шесть сотъ пистолей.

— Шесть сотъ пистолей! воскликнулъ трактирщикъ съ удивленіемъ, которое онъ уже не въ силахъ былъ удерживать; но этотъ человекъ сумашедшій; я не дамъ за нее ни одного цехина!

Невольный скотскій гнѣвъ Джіанеттини, безъ сомнѣнія, показался незнакомцу достойнымъ презрѣнія, потому что онъ ничего не отвѣчал, отвернувшись отъ него спиною.

Гондольеръ же взялъ рисунокъ съ чувствомъ неопредѣленной грусти, въ которой признательность соединялась съ внутреннимъ убѣжденіемъ въ невозможность счастья. Онъ украдкою посмотрѣлъ на незнакомца, какъ бы желая прочесть на мрачномъ лицѣ его признаки умственнаго помѣшательства, но не могъ ничего видѣть; да и самъ нашъ ученый другъ Феррусъ, этотъ царь врачей умалшенныхъ, если бы жилъ въ то время, ничего не увидалъ бы на немъ, кромѣ признаковъ самаго мощнаго и яснаго ума.

Гондольеръ опять посмотрѣлъ на Марію la Bella, неподвижно стоящую передъ образомъ Мадонны, заступницы скорбящихъ. Она пророчла въ глазахъ любовника мысль его и, съ полною довѣрчивостію любящаго сердца, отвѣчала ему двумя словами:

— Кто знаетъ?

Барбариго отправился.

Скрестивъ руки, съ задумчивымъ челомъ, художникъ принялся расхаживать вдоль и поперекъ гостинницы, взрѣдка бросая мощный, наблюдательный взглядъ на молодую дѣвушку; Джіанеттини, не смотря на простоту одежды своего гостя, никакъ не могъ избѣжать

вліянія, которымъ обладаютъ нѣкоторые люди. Тщетно всеми силами старался онъ сопротивляться этой таинственной силѣ: обычное безстыдство оставило его, и въ первый еще разъ онъ не осмѣлился нарушить безмолвія, царствовавшего въ гостинницѣ.

Марія молчалась.

Прошло уже около часу. Вдругъ послышались шаги, быстрые, торопливые, радостные, и гондольеръ явился. Онъ держалъ въ рукахъ мѣшокъ и письмо. Въ мѣшкѣ было шесть сотъ пистолей, а въ письмѣ просьба къ художнику почтить своимъ посвященіемъ бібліотекаря святаго Марка, который въ то же время былъ, какъ всякому извѣстно, секретаремъ Леона-Десятаго.

— Возьми эти пистолы и свѣсь ихъ! сказалъ незнакомецъ, бросая золото трактирщику.

Барбариго, блѣдный отъ счастья, стоялъ передъ художникомъ.

— Еще одно благодаріе, сказалъ онъ трепеща. Скажите, кто вы?

— Тебѣ что за нужда?

— Мнѣ что за нужда, сказали вы? воскликнулъ гондольеръ съ восторженнымъ упоеніемъ, магнетическимъ токомъ сообщающимся самымъ холоднымъ натурамъ, самымъ сухимъ сердцамъ.... Мнѣ что за нужда? Но послѣ этого, зачѣмъ же нужно любовнику имя его невѣсты? Ваше имя, синьоръ! ваше имя! чтобы присоединить его къ этимъ двумъ дорогимъ именамъ для моего сердца.

— Имя мое—Микель-Анджело Буонаротти.

— Микель-Анджело! повторилъ гондольеръ съ радостнымъ трепетомъ, и какъ настоящій Итальянецъ, упалъ на колѣна передъ могуществомъ генія.

Художникъ протянулъ руку рыбаку.

— Теперь моя очередь просить тебя объ услугѣ, ничѣмъ вознаграждаемой; позволь мнѣ изобразить на полотнѣ или вырѣзать на мраморъ очаровательное лицо супруги, которую я далъ тебѣ?

Какое чувство руководило этимъ желаніемъ? Мечталъ ли художникъ о новомъ, дивномъ созданіи, думая олицетворить въ немъ прелестную дѣйствительность? или мужчина не въ силахъ былъ восторжествовать надъ воспоминаніемъ?

Марія ни слова не произнесла съ самаго возвращенія Барбариго. Слова заглушаютъ чувство, а ничто, по наивнымъ словамъ Монтаня, такъ не опустошаетъ сердца, какъ языкъ. Она подошла къ ху-

дожинку, схватила его руку, которую онъ не смѣлъ отнять и поднесла ее къ своимъ устамъ. Микель-Анджело почувствовалъ влажность слезы. Отъ этой слезы, залогомъ вѣчной благодарности, вса кровь прилила къ сердцу живописца, она открыла ему новый мѣръ, скоро опять закрывшійся для него; дѣйствительно, судьба всякаго человека зависитъ отъ его характера и организаціи. Этотъ великій художникъ долженъ былъ вести жизнь одинокую или, по слову Рафаэля, или одиноко, какъ палачъ.

Двадцать лѣтъ спустя, Антонио Барбариго, неизвѣстный гондольеръ у моста Вздоховъ, счастливый мужъ Маріи Іа Bella, по одному изъ тѣхъ случаевъ, которые онъ предсказывалъ и силою воли, отъ которой рождаются подобныя предчувствія, сдѣлался генераломъ венеціанской республики.

Но это блестящее положеніе не могло заставить его забыть долга прошедшаго, и благодарность его сопровождала Буонаротти до послѣдняго дня его жизни.

Марія сохраняла къ нему то же благоговѣніе, и имя Микель-Анджело всегда было и въ мечтѣ и въ молитвѣ ея.

Очеркъ карандашемъ, импровизированный Микель-Анджело, былъ принесенъ изъ Италіи однимъ воиномъ Наполеона; но въ 1814 году это дивное произведеніе исчезло изъ Луврской живописной галереи, гдѣ прежде тщательно сохранялось.

Оно было лучшимъ брилліантомъ этой сокровищницы.

Мы не могли отыскать его ни въ Венеціи, ни въ Римѣ, ни Флоренціи. Только въ преданіяхъ флорентинскихъ художниковъ сохраняется эта странная страница любви, которую дурно ли, хорошо ли, мы постарались для васъ перевести.

ДВОЕ ЧАСОВЪ. Жилъ некогда одинъ джентльменъ, по имени Габріель Фанвудъ, получившій въ наслѣдство отъ своихъ предковъ довольно значительное состояніе и почтенное имя. Спокойно проводилъ онъ учебные годы въ школѣ и университетѣ, ничѣмъ особеннымъ не отличаясь, кромѣ непреодолимой страсти разбирать каждую вещь сообразно правиламъ здраваго разсудка. Ему было все-равно, вопросъ подвергася ли разсмотрѣнію вещественный ли или нѣтъ, потому что онъ былъ убѣжденъ, что человекъ, которому данъ разсудокъ руководителемъ во всѣхъ случаяхъ жизни, долженъ призывать его на помощь, въ сомнѣ-

ние, въ увѣренности, или даже тогда, когда не представлялось никакой важности выразить мнѣніе свое такимъ или инымъ образомъ. Эта манія разбирать все по ниточкѣ, дѣлала нашего маленькаго профессора неприятнымъ собесѣдникомъ и помѣхою въ забавахъ товарищей, которые заранее уже знали, что всякое предполагаемое удовольствіе будетъ прервано неизбежнымъ разсужденіемъ Габріеля: «При этомъ естественно возникаетъ вопросъ», — разсужденіе, всегда служившее предисловіемъ важному изслѣдованію, которому предавался нашъ философъ.

И эта страсть все анализировать не уменьшалась, но увеличивалась съ годами; оставшись слишкомъ рано независимымъ въ своемъ положеніи и свободнымъ въ дѣйствіяхъ, Габріель никого не имѣлъ, кто захотѣлъ бы останавливать и исправлять его недостатки, доказательствомъ ad hominem или насмѣшками. Изъ этого вышло, что онъ сдѣлался самымъ глубокомысленнымъ умствователемъ своего времени. Правду сказать, большую часть своей жизни онъ употреблялъ на изслѣдованіе самаго ничтожнаго намѣренія, такъ что трудно было бы ему найти минуту, привести наконецъ въ исполненіе свое рѣшеніе; онъ такъ долго разсуждалъ о намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ, что, безъ преувеличенія можно сказать, никогда ничего другаго не дѣлалъ. Лѣтопись свидѣтельствуетъ, что не разъ случалось ему проходить цѣлое утро въ раздумьи, идти ли со двора или оставаться дома; она же увѣряетъ, что нерѣдко онъ оставался по цѣлымъ часамъ на углу улицы, погруженный въ глубокую нерывительность, идти направо или налево, избрать эту дорогу или пойти по другой. Столько причинъ представлялось за и противъ, что почти всегда нашъ философъ возвращался домой разсуждать съ собою на свободу. Частенько случалось ему откладывать и обѣды, за невозможностью опредѣлить, къ полному удовлетворенію своему, подробнѣйшій списокъ кушаньямъ, и его повѣренный мамлюкъ увѣрялъ, что видѣлъ въ одну зимнюю почъ, какъ онъ, впродолженіе цѣлаго часа, опершись на подушку, разрывалъ трудную задачу: какъ здоровѣе спать, на правомъ или на лѣвомъ боку, на животъ или на спянь?

Понятно, что Фанвудъ былъ человекъ неопасный, за исключеніемъ однако тѣхъ случаевъ, — когда ему приходила охота вмѣшиваться въ чужія дѣла, чтобы распространяться о необходимости размышлять прежде, чѣмъ рѣшиться на что-нибудь; онъ никогда не дѣйствовалъ

по вдохновенію и ничто не могло сравниться съ презрѣніемъ, которое онъ питалъ къ втреникамъ, поступающимъ по привычкѣ, не стараясь здравымъ разсужденіемъ давать себѣ отчетъ въ цѣли своихъ дѣйствій; онъ ставилъ ихъ на ряду съ неразумными животными, покоряющимися одному инстинкту, считалъ неспособными выполнить самаго ничтожнаго желанія.

По этому случаю, существуетъ достоверный анекдотъ, введя изображающій его характеръ. Однажды ночью онъ былъ пробужденъ звономъ колоколовъ и криками: «Пожаръ! пожаръ!» При такомъ удобномъ случаѣ, онъ принялся разсуждать о крайней необходимости встать и идти на помощь; а идти было очень далеко; кончилось тѣмъ, что когда онъ, слѣдуя своимъ неизмѣннымъ правиламъ, рѣшилъ наконецъ вопросъ и обсудилъ, чего при такомъ случаѣ требовала отъ него любовь къ ближнимъ, онъ по своему обыкновенію, не торопясь всталъ съ постели, причесался, выбрился для того, чтобы отправиться на мѣсто несчастія. Когда онъ пришелъ, пожаръ почти уже потушили. Оставалось только нѣсколько зрителей, глазъвиныхъ на почервившія стѣны, и дымящійся пепелъ. При такомъ случаѣ, Габріель остановился, чтобы разумно разсудить, благоразумнѣе ли тотчасъ возвратиться домой, или на нѣсколько минутъ остаться на томъ мѣстѣ, куда пришелъ. Подобно ткачу, онъ натянулъ все нити свои и готовъ было уже пропустить челнокъ, какъ вдругъ вниманіе его было отмечено толпою любопытныхъ, ѡбжавинихъ со всѣхъ сторонъ, и, при поспѣшномъ бѣгствѣ падающихъ одинъ на другаго.

Вмѣсто того, чтобы послѣдовать ихъ благоразумному примѣру и ѡбжать со всѣхъ ногъ, не имѣя нужды, какъ Pius Aeneus, спастись отъ пожара своихъ пенатовъ, наибъ Ньютонъ въ уменьшительномъ видѣ, углубился въ свои думы, и для изслѣдованія причины общаго движенія, далъ полное раздолье своимъ мыслямъ. Съ твердою рѣшимостью не трогаться съ мѣста, пока умозаклоченія его не будутъ разъяснены, онъ уже готовъ былъ получше Александра развязать Гордіевъ узелъ, какъ вдругъ упавшая часть стѣны расторгла нить его мыслей. Туча камней и головней, упавшая на него, покрыла его густымъ туманомъ. По совѣсти сказать, кажется довольно было причинъ, чтобы удовлетворить даже Габріеля и вотъ онъ, прихрамывая, кое-какъ добралъ домой, пролежалъ нѣсколько дней въ постель, разсуждая наединѣ съ собою, объ относительныхъ свойствахъ инстинкта

и побужденія, что и помогло, разумеется, его вѣчно-дѣятельному уму терпѣливо провести время въ постели.

По-крайней-мѣрѣ нельзя не согласиться, что Фанвудъ часто избѣгалъ важныхъ ошибокъ замедленіемъ своихъ рѣшеній, а иногда совсѣмъ ничего не дѣлалъ, довольствуясь спокойнымъ плаваніемъ по рывкѣ жизни съ помощью веселъ.

Онъ пользовался хорошими доходами, отличался строгими нравами истаго пуританина и къ тому же обладалъ почтенною наружностью, совершенно такую, какая необходима для ольдермана и потому могъ жениться по желанію, сдѣлать очень выгодную партію и имѣть всѣ въ обществѣ; но прежде всего ему являлось огромное затрудненіе: отыскать женщину, которая согласилась бы подобно ему всѣ домашнія дѣла покорять правиламъ здраваго разсудка; потомъ сѣдовалъ запутанный вопросъ: выгоднѣе ли для его положительныхъ правилъ, въ этой необъятной лѣстницѣ жизни человеческой, въ этой безконечной цѣли всѣхъ вообще вещей, выгоднѣе ли, лучше ли жениться, или оставаться холостымъ? Поле было обширное для изощренія способностей Фанвуда. Первое препятствіе, съ которымъ онъ долженъ былъ столкнуться, состояло въ затрудненіи найти благоразумную женщину, то-есть: съ притязаніями на благоразуміе; потому что между обоими типами существуетъ значительная разница и разительная противоположность; и не смотря на то, что последнее гораздо чаще встрѣчается, нежели первое, однако Габріель отчаявался отыскать именно то, что гораздо легче. Бѣдный моралистъ, погрязній въ сомнѣніяхъ! онъ чуть не поскользнулся при самомъ входѣ въ храмъ. Вѣроятно, онъ никогда не читалъ Ла-Рошфуко, что усомнился въ этомъ случаѣ въ способности женщинъ.

Упрямый американецъ не легко оставлялъ разъ принятое намѣреніе и теперь, думая и раздумывая, Габріель открылъ, что если бы возможно было отыскать женщину, которая думала и говорила бы какъ онъ, то подобная женщина была бы неоцѣненнымъ сокровищемъ для семейнаго счастья; трудность открыть такое сокровище уменьшала въ глазахъ его цѣну обладанія. Вслѣдствіе чего Фанвудъ остался въ *statu quo*, такимъ же, какъ былъ прежде чѣмъ сталъ мечтать о супружествѣ. Къ тому же, нашему джентльмену не безъизвѣстно было, сколько женщины вообще капризны; хотъ по правдѣ сказать, онъ звалъ объ этомъ только по наслышкѣ. Онъ не

понимають собственного своего сердца, постоянны только въ непостоянствѣ, и логическимъ образомъ могутъ быть объяснены только необъяснимою неизвѣстностью. Свойство ихъ уподоблять онъ океану, хотя и тихому, но тѣмъ не менѣе хранящему въ себѣ бури для тѣхъ, кто ввѣряется ему; онъ сравнивалъ красоту ихъ съ свѣтлымъ озеромъ : на поверхности сверкають тысячи золотыхъ звездъ ; прозрачная зеркальность его отражаетъ небо на подводныхъ скалахъ, для того, чтобы вѣрнѣе погубить доверчиваго мореходца. Фанвудъ былъ еще убежденъ въ томъ, что никакая сила въ мѣръ не можетъ устоять противъ женской слабости, и мужчина, желающему достичь победы надъ нею, остается одно средство : сражаться отступая.

Такое возраженіе и другія ему подобныя не оставались въ головѣ нашего метафизика безъ прекословія : вѣдь женщина, имѣющая склонность къ непостоянству, иногда можетъ ошибаться, а въ другой разъ можетъ быть права? Она можетъ быть полезна для мужчины не менѣе флюгера, который, если и предвѣщаетъ дождь, однакожъ показываетъ также и хорошую погоду. Это снисхожденіе къ нашей любезной половинѣ, сдѣланное по мягкости его сердца или по свойству темперамента, однако же не совершенно его успокоивало. Онъ боялся, что его рассудокъ будетъ только оселкомъ для ума какой-нибудь женщины, которая считала бы себя недостойною своего пѣла, если бы не сѣмвала сложить всѣ свои вины на мужа. Семейная жизнь Сократа должна была предостеречь его; онъ припоминалъ себѣ неприятное положеніе, до котораго доводила Ксантиппа, своенравная и чувствительная супруга, своего мужа, мудреца изъ мудрецовъ ; какъ онъ, вырвавшись изъ своего дома, преподавая въ потъ лица свою мораль въ Портикъ, вынужденъ былъ искать противодія супружескимъ сценамъ и направлялъ путь свой къ Аспазіи. Всѣ эти умо-заключенія сдѣлали то, что Фанвудъ укрѣпился только въ своемъ statu quo.

Главное не въ томъ говаривалъ онъ, чтобъ узнать, чѣмъ можно вѣрнѣе достигнуть истиннаго счастья : брачною или холостюю жизнью, одно изъ нихъ имѣетъ слишкомъ явное преимущество надъ другимъ : если холостяку надоесть холостая жизнь, онъ можетъ тотчасъ же поправить бѣду — жениться; тогда какъ, случись подобное несчастье съ человѣкомъ женатымъ, ему остается только одно спасительное терпѣніе. Вслѣдствіе чего онъ далъ себѣ клятву остаться холостымъ.

Но увы! человекъ не чтò иное, какъ прахъ земной. Даже въ ту минуту, когда принимаетъ самое твердое намѣреніе, онъ не можетъ поручиться, какъ поступить въ слѣдующую минуту. Судьба гонится за нимъ какъ тѣнь, и, какъ руль корабля, невидимо управляетъ всеми его движеніями. Такъ султанъ, только что приказавшій утопить свою любимицу, тотчасъ же бросаетъ платокъ другой, которая точно также обманетъ его.

На другой же день своего непреложнаго рыненія, нашъ герой, отличавшійся силою воли, отправился съ визитомъ къ одной старой родственницѣ; при входѣ къ ней, онъ услышалъ голосъ женщины, говорившей гораздо громче того, какъ принято между людьми, получившими порядочное воспитаніе: «Оно такъ, любезная Брумptonъ, можетъ-быть вы и правы, но чтò касается до меня, то я думаю, что всѣ домашнія дѣла и всякое самое ничтожное несходство мнѣній, возникающее между мужемъ и женою, должны подчиняться правиламъ здраваго разсудка; дѣйствуя такимъ образомъ, избежишь неприятностей семейной жизни, потому что каждый разсудительный человекъ не можетъ имѣть другаго желанія, какъ только желаніе покориться здравому разсудку».

Эта фраза, высказанная не только задушевные его убѣжденія, но даже выраженная собственными его словами, совершенно воспламенила нашего холостяка. Онъ вошелъ въ комнату, увидѣлъ вдову — однихъ лѣтъ съ собою, веселаго нрава, приличнаго обхожденія, и магнетическая дрожь пробѣжала по жиламъ нашего Донъ-Кихота здраваго разсудка. Небесно-голубые глаза Дульциней, ея белокурые волосы, съ золотымъ отливомъ, круглыя, румяныя щеки, все это очаровало и увлекло безстрастнаго Фанвуда. Могъ ли онъ теперь противустоять желанію жениться? — Наружность вдовы ему понравилась, а подъ такою гладкою и чистою корою, Габріель былъ увѣренъ со времени знаменитой фразы, произнесенной вдовою, душа не могла походить на горькій миндаль въ этомъ олицетворенномъ плодѣ. Нашъ герой, всегда поступавшій какъ котъ, нерышительный и осторожный до-тѣхъ-поръ, пока съ помощію хитрости подползетъ, подкрадется и наконецъ приблизится къ своей добычѣ, чтобы однимъ прыжкомъ броситься на нее, теперь былъ въ такомъ восторгѣ отъ представившагося счастья, что на этотъ разъ тотчасъ рѣшился схватить его обѣими руками, не раздумывая слишкомъ долго. Свадьба для него

была минутнымъ дѣломъ. Безъ возраженій онъ женился на вдовѣ, и она съ равномернымъ молчаніемъ сопровождала его изъ церкви къ нему въ домъ.

Новобрачные были одарены превосходнымъ сердцемъ; никто изъ нихъ не проявилъ ни упрямства, ни нетерпѣливости; напротивъ, каждый показывалъ порядочный запасъ снисхожденія, необходимаго для сохраненія согласія между двумя существами. Съ такимъ познаніемъ въ наукъ жизни, невозможно сомнѣваться, что, не смотря на маленькія непріятности, которыя прорываются во всѣхъ положеніяхъ жизни, они могли бы прожить всю жизнь счастливо, еслибъ одно маленькое, ничтожное обстоятельство не возникало иногда между ними. Привычка каждую вещь подвергать разсмотрѣнію и желаніе поступать только по правиламъ здраваго разсудка, система превосходная, если бы только они умѣли опредѣлить въ точности настоящія ея основныя правила; но къ несчастію, въ мѣръ все относительно, смотря по нашему образу мыслей и понятіямъ. Мистръ и мистрисъ Фанвудъ, часто различествуя въ мнѣніяхъ при началъ вопроса, никакъ не могли согласиться къ концу, и если бъ они не были одарены отъ природы такимъ счастливымъ характеромъ, который въ несчастныхъ бракахъ всегда служитъ якоремъ спасенія, то мы объявляемъ, что всякое супружество, каковы бы ни были первоначальныя основанія его счастья, всякое супружество, безпрестанно требующее и отдающее себя отчетъ въ безконечныхъ мелочахъ домашней жизни, да, такое супружество скоро завидовало бы осужденнымъ на вѣчную муку въ Дантовомъ аду.

И трудно и скучно исчислять все непріятности, раздоры и сердечныя страданія, происходившія отъ того, что наши умники никакъ не могли согласиться въ мнѣніяхъ: Габріель и его жена на все смотрѣли, о всемъ судили съ разной точки зрѣнія; самое губительное заблужденіе для супружества съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе вкоренялось въ нихъ; привычка замѣнять голосъ власти пустыми разсужденіями, нечувствительно сдѣлала ихъ совершенно противоположными другъ другу, хотя каждый изъ нихъ дѣлалъ величайшія усилія надъ собою, чтобы сблизиться.

Въ домъ у Фанвуда находилось двое часовъ, они-то и были главною причиною всѣхъ раздоровъ, потому что сами никогда не были согласны между собою. Одни изъ нихъ, остатки древности, драго-

цѣнными для Фанвуда, потому что достались ему отъ предковъ, и тамъ еще драгоценнѣе, что отличались замѣчательною работою: снаружи они были обложены прозрачною черепаховою чешуею, окомѣленною золотыми кружевами. Хозяинъ очень гордился ими и никогда не упускалъ случая прибавить, что это самыя первые часы съ музыкою, привезенныя въ Соединенные Штаты. Но съ давняго уже времени, это дивное произведеніе перестало играть свои аріи: механизмъ испортился; отъ прежней славы оставалось только преданіе. Можно сказать, не унижая ихъ творца, что и съ означеніемъ времени въ нихъ произошло то же что со звуками: они впадали иногда въ неприличное безчиніе и вѣроятно не безъ причины вдругъ останавливались. Они имѣли соперникомъ часы, принадлежавшіе семейству мистрисъ Фанвудъ, но кромѣ этого достоинства, дававшаго имъ полное право на привязанность мистрисъ, они истинно достойны были любопытства. Вся колеса въ нихъ были сквозной, изящной работы. Они имѣли однако существенный недостатокъ: ходъ ихъ былъ слишкомъ скорый, слишкомъ стремительный.

Послѣ этого описанія, понятно, что часы никогда не были согласны между собою, а какъ вся домашнія дѣла распределялись по нимъ, то они все въ домъ переворачивали вверхъ дномъ. Фанвудъ, убѣжденный въ вѣрности своихъ часовъ, работяшно слѣдовалъ имъ; вся же дѣйствія мистрисъ Фанвудъ были распределены по ея часамъ, въ несомнѣнную правильность которыхъ она вѣровала также непоколебимо. Домашнее хозяйство управлялось по часамъ, летѣвшимъ какъ вѣтеръ, а занятія хозяйна согласовались съ часами, тащившимися какъ животное, котораго смертныя останки облекали ихъ. Габріель всегда свѣрлялъ съ ними свои карманные часы. Это ничтожное повидимому обстоятельство, было великимъ препятствіемъ супружескому согласію; наши почтенные супруги могли бы возстановить его только любовною сдѣлкою, но, хотя часы ихъ были въ явной враждѣ съ солнечными часами, тѣмъ не менѣе каждый изъ нихъ не переставалъ упорно вѣрить въ правильность только своихъ.

Однажды, въ торжественный день своего рожденія, Фанвудъ пригласилъ на обѣдъ стараго друга своего Собертонна, который былъ точнѣе всѣхъ часовъ въ домъ Фанвудовъ, и котораго первое достоинство, по его мнѣнію, состояло въ точности, съ какою исполнялъ онъ вся свои дѣйствія; эта слабость доходила у него до крайности, онъ

былъ также аккуратенъ въ отношеніи себя, какъ и въ отношеніи другихъ. Впродолженіе тридцати лѣтъ, говорилъ онъ съ торжественнымъ видомъ, я ложился, вставалъ, постоянно въ одно время и никогда на пять минутъ не мѣнялъ времени обѣду, развѣ только когда не обѣдалъ дома; но въ такомъ случаѣ не опаздывалъ минутою и прѣзжалъ какъ разъ къ звонку. Собертонъ, человекъ положительный, спокойный, нѣсколько флегматикъ, такъ долго наблюдалъ жизнь, не увлекаясь вихремъ страстей ни пристрастій, что въ совершенствѣ позналъ всѣ стороны ея. Не предаваясь сильнымъ и внезапнымъ увлеченіямъ, которыя доводятъ до невольныхъ крайностей, ему не въ чемъ было себя упрекать: по природѣ и по привычкѣ онъ былъ философомъ, жилъ по правиламъ Эпикура, но не въ такомъ грубомъ значеніи, какое приписывали ему многіе, а въ настоящемъ, какъ въ-самомъ-дѣлѣ былъ изящный сластолюбецъ. И ему не совсемъ были чужды маленькія непріятности и маленькія огорченія въ жизни, но онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на простое укушеніе мухи, которая больше беспокоитъ, нежели жалитъ. Онъ говорилъ, что въ нашемъ мѣрѣ мало предметовъ заслуживающихъ опроверженій, что всего чаще встрѣчаешь людей, которые на словахъ совершенно противоположны, на дѣлѣ однако же поступаютъ одинаково; онъ состоялъ изъ столькихъ противорѣчій, что доказательства и разсужденія, иначе сказать умозрительныя понятія постороннихъ, очень мало имѣли вліянія на его поступки. Тысячу разъ Собертону случалось видѣть людей, которые на словахъ всегда принимали сторону добродѣтели, а сами силою страстей и случайными искушеніями увлекались къ пороку. Онъ часто посмѣивался изъ-подтишка надъ Фанвудами, оставившимися и спорившими на каждомъ шагу за каждую бездѣлицу. Одно только въ мѣрѣ могло возмутить спокойствіе его духа; это — еслибъ кто усомнился въ его великой системѣ и точности въ пустякахъ.

Съ такимъ прямымъ взглядомъ на жизнь, вытянутую по стрункѣ, другъ Фанвуда никакъ не могъ опоздать къ назначенному часу обѣда; не смотря на то, Фанвудъ наединѣ съ своею женою журилъ ее по случаю предстоявшаго угощенія; явный споръ снова подвергъ разсмотрѣнію статью о двухъ часахъ. Дѣло шло о томъ, какимъ часамъ вѣрить въ настоящемъ случаѣ, а такъ какъ весь домъ держался на уявленіи по правиламъ здраваго разсудка, за исключеніемъ

обоихъ часовъ, то главное дѣло состояло въ томъ, чтобы рѣшить, въ которыхъ именно заключалось это самое достоинство. Это было не такъ легко; каждый день мистръ и мистрисъ Фанвудъ старались объ этомъ, и съ каждымъ днемъ испытаніе становилось труднѣе. Состязаніе было сильно, ничему не уступало, но тянулось непрерывною нитью какъ паутина. Между-тѣмъ доложили о Собертонѣ, прежде чѣмъ наннн спорщики рѣшили, по какимъ часамъ распределять широту и долготу этого обстоятельства.

Войдя въ столовую, достопочтенный гость не увидѣлъ никакихъ приготовленій къ обѣду; его невозмутимая непоколебимость получила жестокий ударъ. Но все это было ничто въ сравненіи съ недоумвнѣемъ и досадою Фанвудовъ, которые въ эту минуту болѣе нежели когда нибудь были близки къ неизбежному разрыву.

— А все вы причиною этого несчастія, говорила мистрисъ Фанвудъ своему мужу, потому что не хотѣли слушаться здраваго разсудка.

— Ужъ обвиняйте въ этомъ только себя, потому что вы оставались глухи къ его голосу.

Фанвудъ выразился такъ неловко и не деликатно, что Собертонъ, слушая его, счелъ обязанностью сказать:

— Э! да что у васъ такое? Что причиною вашего разстройства? Надѣюсь, вы не спорили сегодня? Что значать всѣ эти разговоры? Отъ чего я не вижу никакихъ приготовленій къ обѣду?

Случай покончить споръ былъ слишкомъ удобенъ, чтобы не воспользоваться имъ. Давно уже Фанвуды желали избрать посредника для рѣшенія общаго спора; оба обратились къ безпристрастію своего достопочтеннаго гостя. Дѣло было изложено, защищаемо противными партіями, и чтобы склонить на свою сторону правосудіе, каждая сторона напередъ постаралась объявить, что ея-то право есть самое справедливое.

— Ухъ! воскликнулъ Собертонъ — прерывая эти подробности, — всѣ ваши правила и разсужденія только пустяки. Только тогда можно сказать о пудингѣ, что онъ хорошъ, когда съѣшь его; съѣдимъ же его. По обыкновенію, я повѣрялъ сегодня часы свои по хронометру, который ни на секунду не отстаеъ и не уходитъ. Они идутъ минута въ минуту. Ну, посмотримъ-ка!

При этихъ словахъ онъ вынулъ часы, подошелъ къ сидѣвшимъ часамъ, и съ систематическою точностью сравнилъ ихъ съ своими, сказавъ съ важнѣмъ и торжественнымъ видомъ Марабутѣ: «часы впереди пятидесяти—пятью минутами и девятнадцатью секундами.»

Фанвудъ потиралъ руками съ побѣдоноснымъ видомъ, и бросилъ на жену возмутительно—торжествующій взглядъ.

— Теперь посмотримъ на другіе, продолжалъ Собертонъ, ставъясь у старой черепаховой чешуи: часы отстаютъ тремя часами, десятью минутами и семью секундами; но что это? Клянусь честью! въ нихъ не слышно ни малѣйшаго движенія; кажутся они остановились.... Клянусь Сатурномъ, часы нейдуть:

Мистрисъ Фанвудъ отплатила мужу торжествующимъ взглядомъ, съ лицезрїемъ простодушнаго участія.

— Мои часы не виноваты, кричалъ хозяинъ; я припоминаю, что забылъ завести ихъ въ воскресенье.

Вся нелѣзость, все смѣшное этого спора, выказались такъ очевидно, что Фанвудъ не въ силахъ былъ удержаться и разразился хохотомъ. Его веселость была такъ заразительна, что мистрисъ Фанвудъ и даже важный Собертонъ присоединились къ нему. Я думаю, не было еще въ свѣтъ такихъ веселыхъ спорщиковъ.

— Понятно, сказалъ Габріель, когда въ состояніи былъ говорить, часы не могутъ идти, когда цѣпочка сошла.

— О! ради Бога, другъ мой, прервала его жена, умоляю тебя для общаго вашего спокойствія, не станемъ болѣе спорить; что касается до меня, я обещаю тебѣ отказаться отъ этого, на всю жизнь; въ эту минуту я почувствовала инстинктивное влеченіе къ обѣду; я должна скорѣе позаботиться о приготовленіи его, потому что, къ стыду моему должна признаться вамъ, Собертонъ, я совершенно забыла объ обѣдѣ въ пылу спора о вѣрности часовъ, изъ которыхъ ни одни не были вѣрны.

Собертонъ поблѣднѣлъ при ужасной новости, противной всемъ правиламъ его желудка; ужасная перспектива ждаты еще три часа до обѣда, какъ громомъ поразила его. Но къ счастью его, постучались въ дверь, — и старая Негритянка, кухарка, выставила свою черную особу, облеченную въ неизбѣжную мадрасскую матерію; невольница спросила съ нетерпѣніемъ: «прикажете подавать кушать, не то обѣдъ простынетъ».

Послѣдствіемъ доказали, что чернокожая была лучшимъ регуляторомъ, чѣмъ всѣ часы Фанвуда; видя, что барыня не отдастъ ей приказаній на-счетъ объѣда, она механически послѣдовала своему всѣдневному занятію и только по одной привычкѣ приготовила превосходный обѣдъ. Собертенъ бросился къ столу, какъ утопающій къ берегу и, съ радостію пожмая руки обоимъ супругамъ, сказалъ съ самодовольствомъ:

— И такъ, надежда наша не осталась тщетною, но среди песковъ аравійскихъ является оазисъ, источникъ живой воды вытекаетъ изъ камня. Ура! Небо посылаетъ намъ не только пищу, но и кухарку, чтобъ приготовить ее.

Со времени этого достопамятнаго происшествія, Фанвуды перестали ссориться. Они отыкли отъ ужасной привычки спорить, и имъ пришло отъ того не хуже.

ЗАВѢЩАНІЕ МАРКИЗА Д'АЛИГРА. Два года тому назадъ всѣ газеты говорили о смерти и завѣщаніи знаменитаго миллионера и чудака, маркиза д'Алигра. Это завѣщаніе дѣйствительно заключаетъ нѣсколько очень странныхъ статей. Все имущество, оставшееся послѣ него, оценено было, во время его смерти, въ шестьдесятъ слишкомъ миллионъ франковъ; одно напечатаніе подробной описи стоило нѣсколько тысячъ франковъ. Послѣ февральскихъ событій цѣнность этого имущества упала до тридцати одного миллиона, вслѣдствіе упадка въ цѣнѣ поземельной собственности; но съ-тѣхъ-поръ она снова возвысилась, потому что еще не приступлено къ продажѣ.

По закону, маркизъ д'Алигръ долженъ былъ оставить по-крайней-мѣрѣ половину своего имущества дочери, какъ прямой своей наследницѣ. Остальную половину онъ завѣщалъ тремъ дальнимъ родственникамъ, которыхъ не хотѣлъ даже видѣть въ послѣдніе три года своей жизни. Впрочемъ изъ этой половины онъ завѣщалъ пять миллионъ франковъ различнымъ общинамъ, въ округахъ которыхъ находятся его имѣнія. Нѣкоторымъ изъ этихъ общинъ, имѣющимъ по нѣсколько тысячъ жителей, онъ отказалъ очень значительныя суммы, для раздачи бѣднымъ, согласно распоряженіямъ, сдѣланнымъ въ завѣщаніи; такъ что многіе, благодаря ему, сдѣлаются изъ послѣднихъ бѣдняковъ первыми богачами въ своихъ общинахъ. Изъ пяти миллионъ, назначенныхъ въ пользу бѣдныхъ, по-крайней-мѣрѣ два миллиона должны

быть взяты изъ выручки отъ продажи его лѣсовъ, назначенныхъ на срубъ.

Маркизь д'Ангръ имѣлъ причуду прятать, въ нѣкоторыхъ изъ своихъ помѣстій, золотые слитки значительной цѣнности. Нѣкоторые изъ нихъ могли быть расхищены, но найдено уже четыре слитка, оцененные въ описи въ миллионъ франковъ; одинъ изъ этихъ слитковъ имѣетъ пятьдесятъ сантиметровъ длины и оцененъ въ триста тысячъ франковъ. Онъ найденъ на полкѣ въ потаенной комнатѣ одного изъ его замковъ.

САДОВНИКЪ ЛЮДОВИКА-ЧЕТЫРНАДЦАТАГО. Имя этого садовника извѣстно всему міру. Онъ не только ознаменовалъ Францію, но и все государства Европы непрерывно оспаривали честь имѣть у себя его произведенія.

Андрей Ленотръ родился въ 1613 году; отецъ его былъ смотрителемъ тюльрійскаго саду. Онъ взросъ среди цвѣтовъ и деревьевъ, принимаясь поочередно за лопатку и карандашъ, и въ этихъ впечатлѣніяхъ дѣтства заключается источникъ того спеціальнаго призванія, которое передало имя его потомству. Сначала его отдали въ мастерскую Симона Вуэ, для изученія живописи; тутъ онъ встрѣтился съ Лебреномъ, своимъ соученикомъ, съ которымъ онъ былъ потомъ въ самой тѣсной дружбѣ до самой смерти. Скоро, увлекаемый своимъ богатымъ и пламеннымъ воображеніемъ, Ленотръ бросилъ живопись, и посвятилъ себя исключительно устройству садовъ, искусству почти неизвѣстному до него во Франціи, и которое ему суждено было возвести на высшую степень развитія.

Первымъ поприщемъ артистической дѣятельности Ленотра были сады помѣстья Вó; безграничная щедрость владѣтеля, несчастнаго министра Фуке, позволила ему расположить эти сады съ истинно царскимъ великолѣпіемъ. Потомъ Людовикъ-Четырнадцатый поручилъ ему составить планъ для версальскаго парка. Извѣстно, съ какимъ усердіемъ онъ преодолевалъ все препятствія, которыя представляла ему благодарная мѣстность. Однажды, когда онъ объяснялъ Людовику главные черты своего проекта, восхищенный король три раза прервалъ его восклицаніемъ: — «Ленотръ, дарю тебѣ двадцать тысячъ франковъ». — Государь, отвѣчалъ наконецъ артистъ, ваше величество ничего болѣе не узнаетъ; иначе я истощу государственную ка-

зну. — Ошибочно утверждают некоторые, будто Ленотръ заимствовал свои творенія у Италіи; онъ посѣтилъ эту страну уже въ то время, когда создалъ во Франціи большую часть садовъ, стяжавшихъ ему такую безсмертную славу. Когда онъ былъ въ Римѣ, папа Иннокентій-Одиннадцатый принялъ его со всею почею, должнымъ великому художнику.

Веллика должна была быть слава Ленотра, если Италія, столь гордая своимъ первенствомъ во всѣхъ изящныхъ искусствахъ, согласилась поручить ему устройство многихъ своихъ знаменитѣйшихъ садовъ. Сама Англія, которая должна была впоследствии первая произвести совершенный переворотъ въ искусствѣ разбивки садовъ, покорилась влиянію рѣдкаго таланта Ленотра. Ему принадлежить созданіе многихъ изъ лучшихъ парковъ Англіи.

Во Франціи, кромѣ садовъ Во и версальскихъ, по его проектамъ и подъ его личнымъ надзоромъ созданы или украшены сады въ Клиньи, Шантильи, Сенъ-Клу, Медонъ, Сò, тюильрійскій садъ и множество другихъ.

Въ 1675 году, Ленотръ, состоя въ должности архитектора и строителя королевскихъ садовъ, получилъ дворянскую грамоту и орденъ Святаго-Михаила. Людовикъ-Четырнадцатый хотѣлъ дать ему гербъ; но онъ отказался, говоря, что у него есть свой: три улитки съ кочнемъ капусты. — «Могу ли я забыть свою лопатку?» прибавилъ онъ. Память ея должна мнѣ быть драгоценна до самой смерти; не ей ли я обязанъ щедротами, которыми ваше величество осыпаетъ меня?»

Достигнувъ глубокой старости, онъ испросилъ позволенія оставить службу; но король взялъ съ него слово навѣщать его отъ времени до времени. Впоследствии, Людовикъ-Четырнадцатый, желая показать ему свои новые сады въ Марли, устроенные Мансаромъ, пріѣхалъ за нимъ, и насильно усадилъ старика подлѣ себя въ каретъ. За нимъ слѣдовалъ главный смотритель королевскихъ дворцовъ. — «По истинѣ, государь, сказала Ленотръ, тронутый до слезъ, какъ бы вытаращилъ глаза мой покойный отецъ, увидѣвъ меня въ одномъ экипажѣ съ величайшимъ монархомъ на землѣ! Надо признаться, что ваше величество прекрасно награждаете своего каменьщика и садовника!»

СЕТТИНЫ РУМЯНА. *Разсказъ Шарля Ребо. Статья первая.*
 Прошлою осенью собралось многочисленное общество въ замкъ де-Бельсонъ, у графа де-П**, отставнаго моряка, плававшаго по всѣмъ морямъ, посѣщавшаго всѣ страны на свѣтѣ. У него встрѣчается толпа людей, съ которыми онъ познакомился у антиподовъ, и не рѣдко видишь лица разныхъ цвѣтовъ и костюмы, не имѣющіе никакого сходства съ нашей круглой шляпой и узенькимъ фракомъ.

Пріятели, которыхъ графъ принималъ въ Бельсонѣ, были во большей части старые морскіе волки и воемо было слушать ихъ, когда они принимались разсказывать свои приключенія. Когда кто либо изъ этихъ великихъ путешественниковъ начиналъ говорить, дамы умоляли за своими рабочимъ столомъ, игроки останавливались среди партіи виста, музыка прекращалась; съ одного конца гостиной до другаго все обращалось въ слухъ.

Разъ вечеромъ, когда наши путешественники водили насъ по всѣмъ частямъ свѣта, одна молоденькая дамочка, миленькая и хорошенькая какъ ангелъ, обернулась къ хозяину и сказала ему съ видомъ избалованнаго ребенка, которому обѣщали волшебную сказку:

— А вы, дядюшка, развѣ не разскажете намъ какую-нибудь исторію?

— Да вотъ эти господа все у меня отбили, отвѣчалъ графъ смѣясь. Мнѣ осталось только итти по ихъ слѣдамъ. Съ капитаномъ К** вы обѣдали у мандарина и присутствовали на китайской комедіи. Аббатъ Д** показывалъ вамъ, въ хижинѣ, бѣдныхъ жителей Инкобара; старшій пріятель мой Б** водилъ васъ въ индѣйскія палаты, въ потоскскіе рудники и на вершину Тенерифа. Куда же мнѣ вести васъ послѣ такой прогулки?

— Ахъ, Боже мой, дядюшка, да въ какой-нибудь уголокъ, гдѣ были вы одни. Ну, полноте, постарайтесь припомнить, въ старомъ или новомъ свѣтѣ, какую-нибудь дикую страну, гдѣ ни прежде ни послѣ васъ никто не былъ.

— Право, я видѣлъ только то, что вы видѣли, и не открылъ ни какого чуда, отвѣчалъ графъ; и потомъ, послѣ минутнаго молчанія, прибавилъ: постойте, постойте, я открылъ источникъ юности.

— Ахъ, Боже мой! какое счастье! неужели? вскричали вдругъ всѣ дамы.

— Честное слово! отвѣчалъ графъ.

— И страна, гдѣ этотъ источникъ, находится на ландкартѣ? спросила племянница.

— Разумѣется.

— Ахъ, графъ, скорѣе, скорѣе, поведите насъ туда, закрѣпимъ въ женщины.

— Съ большимъ удовольствіемъ, но, кажется, не къ чему торопиться, mesdames.

— Что за бѣда! Посмотримъ изъ предосторожности.

— Для яснаго уразумѣнія дѣла, рассказъ мой будетъ несколько длиненъ. Господа, вы не обязаны слушать, сказалъ графъ, обернувшись къ игрокамъ, прекратившимъ партію виста.

Но никто не принялся за карты. Молодые женщины оставили рабочій столъ, даже пятнадцатилѣтніа дѣвушки тихонько подвинулись. Кружокъ стѣснился около графа, который углубился въ кресла, обвелъ взоромъ слушателей съ кокетливымъ и скромнымъ движеніемъ, какъ ораторъ, всходящій на кафедру, и началъ слѣдующій рассказъ.

— Лѣтъ двадцать тому, я былъ въ Брестъ, готовился вѣхать въ Батавію. Я былъ въ то время еще довольно молодъ, что ни къ чему мнѣ не служило, вотому что такъ какъ обязанности моряка казались мнѣ несомвѣстными съ тираніей чувства, то я старался всегда заглушать воющую рождающуюся страсть. Но если я самъ не зналъ любви, то взамѣнъ сдѣлался скромнымъ и усерднымъ повѣренымъ моихъ друзей, очень интересовался ихъ сердечными дѣлами, слушалъ съ удивительнымъ терпѣніемъ ихъ безконечные рассказы и при случаѣ помогалъ изустными совѣтами. Такимъ образомъ я сдѣлался неразлучнымъ другомъ одного молодаго человека, котораго видалъ иногда въ Парижѣ и съ которымъ послѣ встрѣтился въ Брестъ.

Этого милаго молодаго человека звали Леономъ де-Соліе. Родители не оставили ему состоянія, но по матери онъ принадлежалъ къ фамилии, очень сильной при Бурбонахъ; она составила ему очень хорошее положеніе: онъ уже былъ секретаремъ посольства, а какъ сверхъ того онъ былъ одаренъ красивой наружностью, приятнымъ умомъ, благородными манерами, то его хорошо принимали въ самыхъ лучшихъ домахъ въ городѣ. Онъ бывалъ на всѣхъ балахъ, на всѣхъ собраніяхъ, и очень весело примирался съ необходимостью провести цѣлое лѣто въ глуши Бретани, для окончанія какого-то процесса. Гуляя

въ гостиной въ гостиную, въ городъ, гдѣ столько хорошеишкихъ, Леонъ походилъ на чловѣка, безпрестанно проходящаго подъ перекрестнымъ огнемъ двухъ батарей: остаться тутъ здоровымъ и невредимымъ, было бы истиннымъ чудомъ, и это чудо не совершилось въ его пользу. По прїездѣ въ Брестъ, я нашелъ его страстно влюбленнымъ, и едва мы обнялись, какъ онъ тотчасъ признался мнѣ во всемъ.

— Другъ мой, я люблю восхитительное созданіе, шестнадцатилѣтняго ребенка, ангела....

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ я испугавшись, и она не замужемъ?

— Нѣтъ, слава Богу....

— Да.... хорошо.... прошепталъ я, еще больше испугавшись; но по-крайней-мѣрѣ благоразумная ли будетъ партія?

— И благоразумная и приличная во всѣхъ отношеніяхъ. Я не вижу никакого препятствія къ моему счастью, никакого затрудненія. Я имѣю надежду быть любимымъ, а родные не имѣютъ никакой причины отказать мнѣ. Отецъ точно въ такомъ же положеніи какъ и я, безъ состоянія и при значительномъ мѣстѣ. Онъ даетъ дочери содержаніе....

— Это не совсѣмъ такъ вѣрно, какъ приданое, замѣтилъ я.

— Правда, возразилъ Леонъ, но надо также считать, во что-нибудь протекцію родныхъ, которые также въ силѣ какъ и мои; надо считать и честь такого союза: прекрасное имя, предки, о которыхъ упоминается въ исторіи, дѣдушка, бывшій посланникомъ при Людовикъ-Шестнадцатомъ, дяди адмирала, и Богъ знаетъ еще сколько другихъ знаменитостей. Это вмѣстѣ бракъ и по любви и по приличію; и сердце и разумъ мои согласны, я счастливѣйшій чловѣкъ на свѣтѣ.

— Позвольте сдѣлать последнее замѣчаніе, сказалъ я тогда шутя. Судя по тому, что вы сказали, я боюсь одного важнаго неудобства, боюсь, что невеста слишкомъ хороша....

— И вы правы, другъ мой! вскричалъ Леонъ съ восторгомъ, она точно слишкомъ хороша; представьте себѣ шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, высокую, стройную, съ воздушной походкой, съ блуждыми волосами, съ глазами и руками богини, съ чистымъ, прозрачнымъ, удивительнымъ цвѣтомъ лица. Вотъ портретъ Аиансы де-Нав-

тѣль. Впрочемъ, всѣ на нее смотрятъ точно такими же глазами, всѣ удивляются ея красотѣ; ее прозвали бенгальской розой.

На другой день меня представили мадамъ де-Навтѣль; прелестная Анаиса точно походила на бенгальскую розу; тотъ же блескъ, та же чистая и нѣжная свѣжесть и, если можно до-того простирать сравненіе, та же изящная и робкая грація. Въ этотъ вечеръ у мадамъ де-Навтѣль было много гостей и Леонъ могъ надѣяться, что при помощи этого шумнаго общества, онъ найдетъ случай уловить минутное свиданіе. Онъ отказался отъ партій въ карты и оставилъ группы, гдѣ говорили о политикѣ. Мы усѣлись у входа небольшой комнаты возлѣ гостиной; тамъ играли въ шахматы.

Анаиса помогала матери занимать гостей. Мнѣ кажется, будто я ее еще вижу: на ней было голубое кисейное платье; широкіе висячіе рукава выказывали ея красивыя, бѣлыя, какъ слоновою костью руки. Блѣднорозовый бантикъ былъ припиленъ къ корсажу; точно такія же ленты украшали бѣлокурые волосы. Этотъ простой нарядъ чрезвычайно шелъ къ ней; она походила на сильфиду, на богиню.

Леонъ поклонился ей при входѣ, какъ я уже сказалъ, и потомъ мы скромно съѣли въ-сторонѣ. Къ концу вечера Анаиса, улыбаясь, прошла мимо насъ въ будоаръ, гдѣ два шахматные игрока безмолвно оканчивали свою партію. Эта комната, слабо освѣщенная, сообщалась съ гостиной широкой дверью съ приподнятыми портьерами. Едва Анаиса вошла туда, шахматные игроки окончили партію, встали, машинально поклонились Анаисѣ и перешли въ гостиную. Леонъ вошелъ въ будоаръ, а я остановился на порогѣ, между самыхъ портьеръ, съ шляпой подъ мышкой, выставивъ ногу впередъ и устремивъ глаза на большую картину фламандской школы, какъ будто любясь ею, на самомъ же дѣлѣ не различая ничего. Мое положеніе прикрывало свиданіе, я какъ будто былъ съ влюбленными, но на самомъ дѣлѣ не видалъ и не слыхалъ ихъ. Мнѣ показалось однако, что Леонъ, сѣвшій возлѣ Анаисы, говорилъ ей очень страстнымъ языкомъ и что она отвѣчала ему не менѣе взволнованнымъ голосомъ. Они находились въ самой глубинѣ будоара, слабо освѣщенные лампой, стоявшей за ними; иногда тѣнь ихъ рисовалась на потолокъ и разъ мнѣ показалось, что головы ихъ склонились другъ къ другу, — но это продолжалось только одно мгновеніе.

Черезъ четверть часа Анаиса встала, подошла къ шахматной до-

скъ и съла передъ нею, какъ будто пригласила меня начать партію, она улыбалась и дрожала. Я сълъ противъ нея; но мать, вскакивая глазами, подозвала ее къ себѣ. Она ушла, легонько похлопываясь и и взглянувъ на меня съ видомъ робкой признательности, какъ будто благодаря за мое скромное вышинательство. Я подошелъ къ Леону: онъ все еще стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, блѣдный, изволнованный, сіяющій счастьемъ.

— Участь моя рѣшена, сказалъ онъ; я едва могу выносить радость, наполняющую мое сердце и душу.... я теперь увѣренъ, что меня любить! Сегодня Анаиса отказалась отъ замужства, котораго желаютъ ея родные, отказалась потому что любить меня.... Она мнѣ призналась, позволила просить ея руки.... Это не мечта, не тщетная надежда: черезъ мѣсяць она будетъ моею женою.

— Поздравляю васъ отъ всего сердца, сказалъ я, пожавъ ему руку, вы женитесь на очаровательной дѣвушкѣ. Когда вы сдѣлаете предложеніе?

— Какъ можно скорѣе, отвѣчалъ онъ съ живостью. Завтра, непременно завтра.

— Стало быть сегодня, замѣтилъ я, указавъ ему на часы, показывавшіе первый часъ.

Мы ушли вмѣстѣ отъ мадамъ де-Нантѣль; я провожалъ Леона; онъ жилъ возлѣ того красиваго гульбища, которое возвышается надъ брестской гаванью. До двухъ часовъ утра бродили мы по аллеямъ; онъ разбирая, анализируя и празднуя свое счастье съ плодовитымъ восторгомъ страстно влюбленнаго челоуька, а я слушалъ его съ угодливостью преданнаго повѣреннаго, который возражаетъ, курия превосходныя сигары, упиваясь свѣжестью чудной лѣтней ночи. Я радъ бы оставаться тутъ до разсвѣту, если бы только меня попросили. Но Леонъ рѣшился воротиться домой, и я проводилъ его до дверей, обѣщавъ зайти къ нему рано утромъ.

Но дома я нашелъ письмо, принудившее меня тотчасъ же ѣхать въ Нантъ. Мое отсутствіе могло продолжаться дней десять. Я написалъ два слова Леону, пока привели почтовыхъ лошадей. Едва показалось солнце, я катился уже по нантской дорогѣ.

Это случилось именно въ концѣ іюля 1830. Вы знаете, что произошло тогда. Переворотъ этотъ до меня не касался ни мало, но сердце мое разрывалось, когда я думалъ о Леонѣ: я предвидалъ

разрушеніе всехъ его надеждъ. Черезъ недѣлю я воротился въ Брестъ и побѣжалъ къ нему.

— Не ожидали мы такой бѣды, оказалъ онъ спокойно, протянувъ мнѣ руку; вы видите несчастнаго, который остался почти въ одной рубашкѣ.

— Какъ! другъ мой, вопреки я, смутившись, вы считаете себя погибшимъ?

— Безвозвратно; я похожъ на протерзаннаго кораблеуруженіе, котораго все состояніе поглетило восточное море.

— Но у васъ осталось еще кое-что?

— Тысячъ на тридцать соберу обломковъ, если только новое правительство не обанкрутится. Признаюсь, что сначала этотъ ударъ поразилъ меня; но теперь я уже примирился съ своимъ положеніемъ, и чувствую, что могу еще быть счастливымъ.

— А ваша женитьба? спросилъ я въ нерѣшимости.

— Слава Богу, по-крайней-мѣрѣ съ этой стороны ничего не измѣнилось, отвѣчалъ онъ съ увѣренностью; все осталось въ томъ же положеніи, какъ передъ вашимъ отъездомъ. Вы понимаете, что я долженъ былъ отложить свое предложеніе. Де-Нантѣль разоренъ какъ и я; кредитъ, должность, состояніе, онъ всего лишился. Въ положеніи столь сходномъ съ моимъ, онъ не откажетъ мнѣ въ рукъ своей дочери. Я бываю у нихъ каждый день, онъ очень убитъ; мадамъ де-Нантѣль въ отчаяніи, Ананса не теряетъ бодрости. Я стану трудиться; мы удовольствуемся жизнью скромною и будемъ счастливы. Я обдумалъ все, не вижу никакой причины отлагать свое счастье и намѣренъ скоро переговорить съ мосьё де-Нантѣлемъ.

Едва Леонъ кончилъ эти слова, кто-то позвонилъ и слуга пришелъ доложить, что какая-то пожилая дама, не хотѣвшая сказать своего имени, спрашивала мосьё Леона. Я взялъ шляпу.

— Нѣтъ, оставайтесь въ моей спальнѣ, сказалъ Леонъ, несколько встревоженный, я предчувствую.... эта дама — мадамъ де-Нантѣль; но зачѣмъ она пришла ко мнѣ, Господи Боже мой!...

Я ушелъ въ спальню, затворивъ за собою дверь; комната эта была очень мала; не смотря на все желаніе не слушать, я очень хорошо слышалъ все, что говорилось въ гостиной, различалъ даже движенія разговаривавшихъ и мысленно видѣлъ ихъ физиономію.

Эта дама была точно мадамъ де-Нантѣль. Она села, глубоко вздох-

пула, какъ-будто дѣлая усиліе надъ собою, потомъ начала дрожащимъ голосомъ, который мало-по-малу дѣлался тверже.

— Посвященіе мое должно удивить васъ, милостивый государь.... никогда не рѣшилась бы я на такой поступокъ съ чловѣкомъ, не испунившимъ мнѣ совершеннаго уваженія. То, что мнѣ остается вамъ сказать, очень странно, если судить по принятымъ обычаямъ; я предупреждаю намѣреніе, которое предполагаю въ васъ, прихожу просить вашей довѣренности и, можетъ-быть, нанести страшный ударъ вашему сердцу....

— Я не понимаю васъ, пролетѣтай Леонъ.

— Вы любите мою дочь и она васъ любитъ; зачѣмъ не сказать этого, если она вамъ это показала? Мѣсяцъ тому назадъ, склонность эта была согласна съ нашими желаніями, и я и мужъ мой съ радостью приняли бы ваше предложеніе; теперь все измѣнилось.

— Исключая моихъ намѣреній и чувствъ.

— Правда.... къ-несчастью, отвѣчала мадамъ де-Нантѣль, я знаю, что вы будете имѣть великодушіе жениться на бѣдной дѣвушкѣ — породниться съ разореннымъ семействомъ; знаю, что вы намѣрены просить руки моей дочери, и пришла сюда умолять васъ отказаться отъ этого намѣренія. Не отступлю отъ истины, скажу вамъ все откровенно: мужъ мой въ такомъ положеніи, что не рассчитываетъ ничего, дѣйствуетъ безъ размышленія и безъ цѣли. Если вы будете просить у него руки дочери, онъ согласится, а это будетъ большое несчастье....

— Ахъ, неужели вы думаете, что я не посвящу всей моей жизни ея счастью? перебилъ Леонъ. Ея счастье прежде всего.

— Ея счастье? а можете ли вы составить его? отвѣчала съ горечью мадамъ де-Нантѣль; подумайте, въ какомъ положеніи вы оба и скажите, можете ли вы быть долго счастливы, среди лишеній и нуждъ? Въ восторженности вашей любви, вы можете думать, что взаимно замѣните другъ другу все; она также, бѣдняжка, можетъ-быть воображаетъ, что съ радостью будетъ переносить однообразную и трудолюбивую жизнь, что охотно станетъ проводить дни въ хозяйственныхъ хлопотахъ, а ночи въ интопаньи бѣлья. Не возражайте: это участь ожидающая ее, если она выйдетъ за васъ. Развѣ я, жена отставленнаго и разореннаго чиновника, не доведена теперь до этого? Да-съ, намъ остается только тысяча двѣсти франковъ годоваго дохода, и этимъ надо жить. Я не хочу быть обязана никому и покорилась своей участи. Запрятусь съ большимъ мужемъ въ какомъ-нибудь узвномъ городѣ, буду ула-

жить за нимъ, буду работать безъ ропоту и жалобъ. Но дочь моя! дочь моя! Нѣтъ, я не хочу, чтобы она была осуждена на такую мучительную, тягостную жизнь.

— Я буду трудиться для нея день и ночь, сказалъ Леонъ, постараюсь приобрести состояніе.

— А кто поручится, что вы успѣете? перебила мадамъ де-Нантѣль грустно; кто поручится, что покусившись на невозможное, вы не изнеможете подъ бременемъ вашихъ усилій?

— О! ваши предчувствія жестоки! горестно прошепталъ Леонъ.

Мадамъ де-Нантѣль вздохнула и продолжала послѣ минутнаго молчанія :

— То что мнѣ остается сказать, покажется вамъ еще жесточе.... но я должна окончить; у меня есть въ виду другое замужство для моей дочери и я пришла сказать вамъ объ этомъ.

— Мнѣ! прошепталъ онъ, пораженный.

— Да, потому что вы человекъ благородный и не употребите во зло моей довѣренности. Нѣтъ еще мѣсяцу какъ Анаиса отказала богатому жениху, противъ котораго ничего нельзя было сказать, кромѣ склонности ея къ вамъ. Тогда можно было предоставить ей свободу выбора, можно было предпочесть прочному состоянію вашего соперника — блестящія надежды вашего положенія. Теперь, повторяю, все перемѣнилось : дочь моя должна выйти за человека, который можетъ обезпечить ея будущность...

— Какъ! можетъ ли это быть? вскричалъ горестно Леонъ.

— Да, это будетъ, если вы отступитесь, отвѣчала она съ твердостью. Все зависитъ отъ васъ; не упорствуйте въ мысли, что дочь моя можетъ быть счастлива только съ вами, пожертвуйте своею любовью ея истинной пользѣ, ея счастью....

— Но приметъ ли она эту жертву? вскричалъ Леонъ въ отчаяніи.

— Конечно нѣтъ, если вы ей предложите ее, отвѣчала мадамъ де-Нантѣль, ваше великодушіе и самоотверженіе должны простираться далѣе: вамъ надо отступить просто, не показывая ни горести, ни сожалѣній. Ваше мужество подкрѣпитъ сердце Анаисы, она не пойметъ вашего пожертвованія, и соберетъ его плоды.

— И вы думаете, что она согласится выйти за другаго? спросилъ Леонъ задыхаясь.

— Да, послѣ, во времякомъ, конечно согласится, сказала мадамъ де-Нантѣль съ убѣжденіемъ.

Потомъ голосомъ, полнымъ кротости и достоинства, она прибавила :

— Впрочемъ, вы навѣрно не предполагаете, чтобы я захотѣла когда-нибудь насильно выдать дочь; теперешній поступокъ мой доказываетъ, что я никогда не поступлю противъ ея склонности, и я даю слово предоставить ей на волю принять или отказаться отъ желасасяго мною брака.

— И такъ вы думаете, что она когда-нибудь согласится? повторилъ Леонъ раздирающимъ голосомъ.

На этотъ разъ, мадамъ де-Нантѣль отвѣчала просто :

— Да, я это думаю.

Послѣдовало продолжительное молчаніе. Потомъ Леонъ сказалъ съ нѣкоторымъ спокойствіемъ :

— Мнѣ нужно собраться съ мыслями, подумать объ этой жестокой необходимости.... Я ее еще не совершенно понимаю и сердце мое не можетъ еще рывнаться... Я уведомяю васъ скоро о моемъ намѣреніи... и поверьте, по-крайней-мѣрѣ въ одномъ вы будете мною довольны: какое бы ни было мое намѣреніе, я буду имѣть въ виду только счастье вашей дочери.

— Я убѣждена въ этомъ, отвѣчала мадамъ де-Нантѣль, сильно тронутая :

Потомъ, вставъ, прибавила послѣ мнютнаго молчанія :

— Вы человекъ благородный, и я знаю, на что вы рывнитесь. Довѣріе мое къ вамъ таково, что я позволяю вамъ писать къ моей дочери для изясненія и оправданія вашего намѣренія, и даже не буду читать этого письма.

Она медленно вышла и Леонъ проводилъ ее до двери, шагая какъ автоматъ; потомъ быстро въбжалъ въ спальню и уналъ на кресла, не произнося ни одного слова. Онъ походилъ на человека только что выслушавшаго свой смертній приговоръ, и я понялъ, какъ мадамъ де-Нантѣль, что онъ уже рывнился.

Сначала я предоставилъ его самому себѣ; поверенные ни къ чему не годятся въ эти минуты; надо чтобы кризисъ утихъ самъ собою. Леонъ оставался съ четверть часа неподвиженъ, безмолвенъ, съ сердцемъ надрывающимся отъ слезъ. Потомъ обернулся ко мнѣ и сказалъ, задыхаясь :

— Все кончено....

Тогда я подошелъ къ нему и вмѣсто пошлыхъ утѣшеній, сказала ему просто : — милый Леонъ, сегодня пятнадцатое августа; въ концѣ этого мѣсяца la Guéguite идетъ въ море; возьмите со мной въ Даганю.

— Да! вопреки онъ вставая съ живостью, со взоромъ оживленнаго внезапной энергіей : да ! вы даете мнѣ прекрасный совѣтъ; я хочу взать!... Что мнѣ теперь дѣлать во Франціи? все мнѣ въ ней противно... я умру съ отчаянія. Съ минуту я изнемогъ подъ бременемъ моего несчастія, и вдругъ нахожу силу, мужество — мужество удалиться....

Я воспользовался этимъ переворотомъ, и принудилъ его тотчасъ же начать приготовленія къ отъезду. Не шутка—въ нѣсколько дней устроилъ путешествіе въ Индію. Леонъ по неволѣ разсыпался за хлопотами; я же не давалъ ему времени опомниться и нарочно умножалъ эти хлопоты. Но сердце бѣднаго влюбленнаго разрывалось. Онъ хотѣлъ писать къ Анаисъ. Разорвавъ по-крайней-мѣрѣ десять писемъ, слишкомъ страстныхъ, онъ начерталъ нѣсколько строчекъ, полныхъ сожалѣнія и нежности. Припоминать ихъ я не буду : вы сами знаете, что это такое, всѣ письма такого рода похожи одно на другое. Я самъ доставилъ его Анаисъ и, разумется, оно осталось безъ отвѣта.

Бѣдный другъ мой былъ въ жалкомъ положеніи; намѣреніе его было принято, но иногда и сила и твердость оставляли его. Онъ приходилъ въ отчаяніе и говорилъ мнѣ всякій вздоръ. Если бы это продолжилось, онъ или сошелъ бы съ ума или умеръ. Къ моему великому удивленію, онъ съ чрезвычайнымъ стараніемъ убѣгалъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ могъ встрѣтить Анаису и словно по каному-то безмолвному соглашенію, мы избѣгали говорить объ ней и даже произносить ея имя. Однако въ день нашего отъезда, когда я пришелъ къ Леону, онъ взялъ меня за руку и сказалъ :

— Я васъ ждалъ, чтобы просить васъ итти со мною на гулянье. Сегодня воскресенье, Анаиса пройдетъ бульваромъ въ церковь, я хочу видѣть ее издали въ послѣдній разъ.

Я и не старался отговорить его, это было бы невозможно. Мы вышли вмѣстѣ.

Было около осьми часовъ утра и на гуляньи никого не было. Леонъ опутился на скамейку и ждалъ, устремивъ глаза на конецъ

большой аллеи. Черезъ полчаса показалась Анаиса, въ сопровожденіи старой горничной. Черты ея нѣсколько измѣнились, прекрасныя волосы унадали въ безпорядкѣ на блѣдныя щеки; длинная шаль скрывала ея талію, выказывая только переднюю часть лица, къ которому была приколота бенгальская роза, сорванная вѣроятно передъ уходомъ въ церковь. Она шла быстро и машинально, опустивъ глаза на молитвенникъ; только проходя мимо насъ, замѣтила она Леона. Бѣдняжка поблѣднѣла, сдѣлала еще нѣсколько шаговъ, потомъ вдругъ сѣла на ближайшую скамейку, повернувшись спиной къ бульвару, какъ-будто затѣмъ, чтобы полюбоваться моремъ.

Съ этого мѣста видна была вся гавань и фрегатъ la Guerrière, стоявшій на якорѣ и готовый къ отплытію.

— Конечно, она въ сердцѣ прощается со мною, прошептала Леонъ, задыхаясь; вѣрно плачетъ!... Ахъ! мы очень несчастны! я сумасшедшій, что уѣзжаю безъ нея! Мнѣ следовало бы похитить, увести ее на другой конецъ свѣта....

— Она не послѣдовала бы за вами, сказалъ я, испугавшись этой вспышки.

Черезъ минуту Анаиса встала и медленно удалялась, не бросивъ на насъ ни одного взору, какъ-будто не замѣтивъ нашего присутствія.

Леонъ послѣдовалъ за нею издали до конца аллеи, потомъ воротился и сѣлъ на ту скамейку, съ которой встала Анаиса.

— Ахъ! вскричалъ онъ съ восторгомъ горестной радости, вотъ что она оставила мнѣ на память!

Это была роза, которая была приколота на груди Анаисы. Леонъ прижималъ ее къ губамъ, къ сердцу, говорилъ всякій вздоръ.

— Она оставила мнѣ свой портретъ; какъ я буду дорожить этимъ дорогимъ и единственнымъ залогомъ ея воспоминанія! Теперь я увѣренъ въ ея любви, въ ея постоянствѣ.... она не выйдетъ замужъ... она дождется меня....

— Да, да, отвѣчалъ я, увлекая его за собою, все это очень можетъ быть, я совершенно въ этомъ увѣренъ, но поторопитесь, пожалуйста.... посмотрите: la Guerrière поднимаетъ флагъ.... вѣтеръ попутный, она скоро отплыветъ....

Черезъ два часа мы были на фрегатѣ, а вечеромъ потеряли изъ

ищу берега Фрэнции : таинствъ-образомъ другъ мой Леонъ де-Соліѣ увидѣлъ въ Батавію.

Графъ остановился на минуту, посмотрѣвъ на часы, показывавшіе полдень, потомъ продолжалъ съ добродушнымъ видомъ : — Извините, mesdames, я, самъ того не примѣчая, выбралъ самую дальнюю дорогу, чтобы привести васъ къ знаменитому источнику юности; сегодня вечеромъ мы до него не доведемъ. И такъ до завтра, если вы не слишкомъ утомитесь....

—

На другой вечеръ, когда дамы усѣлись за рабочимъ столомъ, престланная племянница сказала графу Н**:

— Ну, дядюшка, не угодно ли отправляться съ нами въ дорогу? кажется мы пріѣхали въ Батавію.

— Именно, отвѣчалъ графъ; но мы тамъ не остановимся, а съ вашего позволенія перескочимъ вдругъ черезъ десять лѣтъ и очутимся въ Батавіи во второе мое путешествіе.

Я уже сказалъ вамъ, что оставилъ друга моего Леона де-Соліѣ съ сердцемъ полнымъ любви, бодрости, надежды, но съ кошелькомъ, столь же пустымъ, какъ у тѣхъ искателей приключеній, которые бывало отправлялись за море съ мужествомъ да со шпагой вмѣсто капитала. Я не имѣлъ о Леонѣ никакого извѣстія, и по пріѣздѣ тотчасъ ознакомился, что съ нимъ случилось. Тотъ, къ кому я обратился за этими свѣдѣніями, былъ старый Провансалецъ, который служилъ переводчикомъ иностранцамъ, и училъ ихъ первымъ правиламъ малайского языка; право славный языкъ, потому что ему можно было выучиться въ двѣ недѣли! Когда я назвалъ Соліѣ, переводчикъ поклонился и отвѣчалъ мнѣ съ неподражаемымъ жестомъ и акцентомъ Марсельца чистой крови:

— Еще бы не знать его! Славный малый! чудесно повелъ своимъ дѣла: Слава Богу! онъ богатъ, я это слышалъ отъ этихъ толстыхъ Голландцевъ, влитыхъ изъ золота, которые занимаются здѣсь торговлею.

Я тотчасъ отправился къ Леону. Онъ жилъ въ верхней части города, въ домѣ, окруженномъ обширнымъ садомъ. Я съ минуту колебался, боясь ошибиться: домъ этотъ показался мнѣ дворцомъ.

Представьте себѣ огромное зданіе съ галереей, поддерживаемою колоннами, съ дверями разрисованными и покрытыми резьбою, какъ дверь пагоды. Окна нижняго жилья открывались на галерею и савез полуриподнятыя сторы видѣлись огромныя залы, украшенныя съ неслыханнымъ великолѣпиемъ, меблированныя по восточному стульями и диванами, тонко сплетенными изъ тростянку. Цвѣтникъ, окружавшій домъ, какъ будто убрали волнобницы; я никогда не видывалъ такого собранія рѣдкихъ и драгоценныхъ цвѣтовъ.

Покажѣтъ я любовался этимъ великолѣпиемъ, нѣсколько яванскихъ слугъ подошли ко мнѣ и я тотчасъ узналъ среди этихъ желтыхъ рожекъ старуху Шандру, которая десять лѣтъ тому составила единственную прислугу Леона. Шандра тотчасъ меня узнала и побѣжала за своимъ баринномъ. Черезъ минуту Леонъ бросился обнимать меня съ восторгомъ, который я раздѣлялъ искренно. Леонъ не очень измѣнился; тѣ же изящныя черты, тѣ же свѣтскія манеры; только цвѣтъ лица немножко пожелтѣлъ, да кой-какія морщинки показывали на лбу десятилѣтній переходъ.

— Какъ я счастливъ, что снова вижу васъ, любезный графъ! вскричалъ онъ, уводя меня въ большую, темную и свѣжую залу, продуваемую ветромъ; если бы я зналъ о вашемъ приездѣ, я побѣжалъ бы къ вамъ на встрѣчу. Теперь вы у меня въ рукахъ, а съ вами не расстанусь, извольте-ка оставаться у меня.

— Очепь радъ, отвѣчалъ я, не заставляя себя просить.

— Сколько мнѣ нужно рассказать вамъ! продолжалъ онъ. Какъ наговоримся мы о нашей старой Франціи, о нашихъ старыхъ друзьяхъ и старыхъ воспоминаніяхъ! Все это очень далеко и конечно тамъ уже не помнятъ о бѣдномъ изгнанникѣ...

— О бѣдномъ изгнанникѣ, повторилъ я, смѣясь; кажется однако оно вовсе на то не похоже; ваше несчастіе пошло вамъ, какъ видно, впрокъ.

— Да, я богатъ, отвѣчалъ онъ небрежно, мнѣ посчастливилось, я разбогатѣлъ скоро; уже на второй годъ я могъ бы воротиться во Францію; но что прикажете дѣлать? меня волновала лихорадка честолюбія...

— И честолюбіе заставило васъ забыть любовь, перебилъ я шутя. Леонъ вздохнулъ и сказалъ мнѣ серьезно.

— Да, честолюбіе, удовольствіе, роскошная и легкая здѣшняя

жизнь, все обольстило и удержало меня здѣсь; но, любезный графъ, жизнь эта надѣдаетъ наконецъ; неизлечимое пресыщеніе смѣняетъ желанія такъ скоро и полно удовлетворенныя, словомъ удовольствія странно наскучаютъ. А когда дойдешь до этого, то охотно отдашь бы все за удовольствіе взглянуть какъ по буковой аллеѣ идетъ молоденькая дѣвушка, немножко блѣдная, вся въ черномъ, съ молитвенникомъ въ рукахъ.

— Вы еще любите Анаису де-Нантіль? сказалъ я съ удивленіемъ.

— Да, еще люблю; не смѣйтесь, не говорите, что любовь моя похожа на перемежающуюся лихорадку; я уже самъ себя говорилъ это, называлъ себя бозумцемъ... но что прикажете дѣлать, когда оно такъ?... Вамъ можетъ-быть удивительно, что припадокъ воротился послѣ такого долгаго промежутка. Вотъ какимъ-образомъ я примѣтилъ, что не совсемъ выличился. Какъ я вамъ говорилъ уже, здѣшняя жизнь разсыпала и увлекла меня, я не забылъ однако Анаисы и часто думалъ объ ней: правда, что это не было то живое и смѣшанное съ сожалѣніемъ воспоминаніе, отъ котораго отсутствіе становится такъ горестно. Я безъ огорченія думалъ о томъ, что прежде заставляло меня трепетать и теперь привело бы въ отчаяніе. Я дошелъ до того, что воображалъ Анаису замужемъ и эта мысль не повергала меня ни въ ревность, ни въ отчаяніе. Что прикажете? страсть моя къ ней, такъ сказать, уснула въ глубинѣ моей души: я уже не чувствовалъ ея. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ и уже не такъ давно, любезный графъ, эта сладостная и жестокая болѣзнь, которую зовутъ любовью, веротилась ко мнѣ....

— Только ужъ навѣрно не изъ прилипчивости! вскричалъ я, смѣясь; Господи Боже мой! черезъ десять лѣтъ и за четыре тысячи миль!...

— Зародышъ-то не былъ разрушенъ, отвѣчалъ Леонъ, и вотъ какимъ-образомъ я это примѣтилъ. Разъ вечеромъ, въ театрѣ, гдѣ парижскіе актеры играютъ по-французски, и гдѣ поютъ итальянскія аріи, незнакомый мнѣ пожилой человекъ, сидѣвшій возлѣ меня, казалось, очень забавлялся представленіемъ. Человекъ этотъ, очень просто одѣтый, сухой какъ мумія, съ жесткими руками, съ губами почернѣвшими отъ табаку, показался мнѣ похожимъ на одного изъ тѣхъ подозрительныхъ торговцевъ, которые снаряжаютъ суда свои для двухъ цѣлей, чтобы немножко побарышничать и поразбойничать въ морѣ. Въ двухъ шагахъ отъ этого человека сидѣлъ, какъ видно, его това-

рица, говорилъ съ ними по-мадайски и называлъ его капитаномъ, а тотъ его лейтенантомъ. Вдругъ, въ ту минуту, какъ опускали занавѣсъ, послѣ первой пьесы, лейтенантъ обернулся и сказалъ по-французски:

— Ну, капитанъ Нантѣль, рады вы видѣть въ Батавіи le Gamin de Paris?

При имени Нантѣля у меня такъ и задрожало сердце. Я вдругъ вспомнилъ, что мнѣ часто говорили у мадамъ де-Нантѣль объ немъ родственникъ, который разъ десять то составлялъ, то терялъ свое состояніе въ Остѣ-Индіи; и я, обернувшись къ капитану, спросилъ его, не близкій ли онъ родственникъ тѣмъ Нантѣлямъ, которые жили въ Брестѣ.

— Точно такъ, отвѣчалъ онъ: Людовикъ де-Нантѣль былъ мнѣ двоюроднымъ братомъ, бѣдняжка!

— Онъ умеръ! вскричалъ я: вы получили извѣстіе?

— Да-съ, только два мѣсяца тому, хотя это печальное событіе совершилось Богъ знаетъ уже какъ давно; сношенія такъ трудны и такъ прерываются, когда переписываемся съ одного конца свѣта до другаго.

— А мадамъ де-Нантѣль? сказалъ я, задрожавъ; имѣете вы объ ней извѣстіе? замужемъ она?

— Анадсочка? сказалъ онъ, покачавъ головою, нѣтъ, нѣтъ еще; она должна быть дѣвушка прелестная, но не всякій захочетъ жениться безъ приданого? Если бы дѣла мои пошли хорошо, я одѣлалъ бы что-нибудь для этой милочки.

Я вздохнулъ свободно, услышавъ, что Анадса не замужемъ; пресненія чувства мои пробудились и съ сильнымъ волненіемъ началъ я опять говорить съ Нантѣлемъ объ этой прелестной Анадсѣ, которая меня любила, которая должна была быть моею женою.... Самые прекрасные дни моей жизни пришли мнѣ на память и сердце мое было полно и умиленія и сожалѣнія и счастья. Да, другъ мой, я былъ счастливъ въ обществѣ этого стараго моряка, отъ котораго странно несло табакомъ и грогомъ, который невтерпѣлъ мнѣ имя Анадсы, который зналъ ее ребенкомъ; присутствіе его счастливало меня въ тысячу разъ больше, чѣмъ свиданіе съ самою красавцею батавійскою ронгеркой.

Съ самаго этого вечера я коротко познакомился съ морякомъ; онъ описалъ мнѣ свое положеніе; оно было вовсе не блестящею. Онъ жилъ

бережливо въ нижней части города, въ одномъ изъ тѣхъ старыхъ, грязныхъ голландскихъ домовъ, которые окружаютъ каналъ; я уговорилъ его перейти ко мнѣ въ этотъ большой павильонъ, который вы видите тамъ въ концѣ сада. Каждый вечеръ мы ужинали вмѣстѣ и говорили о томъ, что такъ близко лежало мнѣ къ сердцу. Я рассказалъ ему исторію моей расстроенной женитьбы и моего отъезда; онъ знаетъ мои новыя намѣренія, мои надежды... Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, любезный графъ, я поѣду во Францію просить руки Авансы.

— Бѣдняжка навѣрно этого не ожидаетъ, вскричалъ я.

— Почему вы знаете, спросилъ онъ взволнованнымъ голосомъ; развѣ вы ее видѣли?

— Какъ же! еще недавно, то-есть, около десяти мѣсяцевъ; я могу очень удовлетворительно дополнить свѣдѣнія, полученныя вами отъ капитана Нантѣля...

— Вы ее видѣли! повторилъ Леонъ съ выраженіемъ, по которому я понялъ, что перемежающаяся лихорадка любви и не думала проходить.

— Я не забылъ роль наперсника, отвѣчалъ я, и мы примемся за подробности. Да будетъ же вамъ извѣстно, любезный Леонъ, что я опять изъ Бреста отплылъ въ Батавію. Десять лѣтъ не былъ я въ этомъ городѣ и не имѣлъ тамъ ни съ кѣмъ сношеній. По пріездѣ я осведомился о семействѣ де-Нантѣль и узналъ много грустнаго: отецъ скончался, братъ тоже умеръ въ Африкѣ, мать съ дочерью жили очень уединенно въ небольшомъ домикѣ, близъ гульбища. На другой день я былъ у нихъ; Аванса сама отворила мнѣ дверь. Я нашелъ ее все такой же хорошенькой, все такъ же блистающей свѣжестью; это была все та же бенгальская роза, но уже совершенно распустившаяся. Я не имѣлъ тщеславія думать, что былъ причиной волненія, которое она почувствовала, увидѣвъ меня; очевидно она вспомнила, что видѣла васъ прежде всегда возлъ меня, и первая мысль ея, когда она меня узнала, была о васъ. Тотчасъ привела она меня къ матери. Та очень постарѣла; видно было, что она глубоко чувствовала горе, и съ виду все была знатной дамой; съ достоинствомъ и съ привѣтливостью извинилась, что принимаетъ меня въ домашнемъ неглиже. Представьте себѣ, въ-самомъ-дѣль, — самый простой туалетъ на этой дамѣ, которую вы видѣли въ такомъ изыска-

номъ нарядъ, было холстинковое платье и шерстяной передникъ; красныя руки показывали, что она избавляла хорошенькія ручки дочери отъ занятій служанки. Анаиса была одѣта очень просто : въ ситцевомъ платьѣ, въ гладкой косынкѣ. Но ея серьезная и меланхолическая красота ничего оттого не терпѣла. Квартира была очень скромная и такая чистенькая, такъ хорошо убрана, что въ ней царствовало даже изящество. Обѣ единственныя комнаты были обращены въ садъ, и сквозь бѣлыя занавѣсы я видѣлъ зелень, цвѣты и морскія волны. Мадамъ де-Нантѣль приняла посѣщеніе мое съ признательностью.

— Вы очень добры, что вспомнили о насъ, сказала она; всѣ наши друзья насъ забыли. Мы съ дочерью живемъ такъ удивленно, что никто бы не долженъ знать, чтоъ случилось съ нами.

Узнавъ, что я былъ въ Индіи, она сказала мнѣ:

— У насъ есть близкій родственникъ въ англійской Индіи, но мы уже давно ничего объ немъ не знаемъ. Верно онъ умеръ...

— Это капитанъ Нантѣль, перебилъ Леонъ, слушавшій меня съ жадностью. Продолжайте, другъ мой, продолжайте, и не забудьте ничего...

— Ни капельки, отвѣчалъ я. Анаиса заговорила потомъ со мной о тѣхъ, кто бывалъ у нихъ; вашего имени произнесено не было, но нѣкоторые намеки доказали мнѣ, что Анаиса все еще помнитъ васъ, и что мать ея тоже васъ не забыла. Когда я говорилъ ей съ презрѣніемъ о наслажденіяхъ, доставляемыхъ богатствомъ, она отвѣчала мнѣ, вздыхая : Да, напрасно думаютъ, что богатство необходимо для счастья ; это предразсудокъ людей, родившихся въ богатствѣ и этотъ предразсудокъ внушилъ мнѣ намѣреніе, въ которомъ я раскалась....

Анаиса не поняла этого намека, который ускользнулъ бы и отъ меня самого, еслибы я нѣкоторымъ образомъ не былъ свидѣтелемъ рѣшительнаго объясненія, вслѣдствіе котораго рѣшенъ былъ вашъ отъѣздъ. Бѣдная дѣвушка слегка улыбнулась и сказала мнѣ грустно:

— Увѣряю васъ, что превратности состоянія причиняютъ только мимолетныя горести; къ бѣдности легко привыкаешь; хорошо бы, если бы на свѣтъ не было другихъ несчастій!

Первое посѣщеніе мое было коротко, я намѣренъ былъ посѣтить ихъ еще нѣсколько разъ; но вы знаете жизнь моряка; иной разъ онъ думаетъ вѣхать, а долженъ оставаться, думаетъ оставаться — дол-

жить вѣтъ : черезъ дѣнь телеграфъ передалъ мнѣ приказъ тотчасъ выступить въ море. Однако я успѣлъ еще разъ побывать у мадамъ де-Нантѣль: она была занята и просила меня погулять пока съ дочерью въ саду. Когда она ушла, я замедилъ шаги и остановивъ Авансу, показывавшую мнѣ свои жонкили и анемоны, сказалъ съ намъреніемъ :

— Я ѣду въ Батавію, нѣтъ ли тамъ кого-нибудь, въ комъ бы вы принимали участіе?

— Не знаю, отвѣчала она съ замѣтнымъ волненіемъ, не знаю; я никогда не получала никакого извѣстія отъ того, кто уѣхалъ съ вами....

— Я самъ не знаю, что сдѣлалось съ де-Соліе, сказалъ я съ безразличіемъ; молчаніе его съ вами можно изъяснить нѣкоторымъ образомъ. Судя потому, что должно было случиться послѣ его отъѣзда онъ могъ предполагать васъ замужемъ.

— Какъ! вскричала Аванса съ удивленіемъ; развѣ онъ зналъ, что тотъ, кому я отказала, упорствовалъ въ своихъ намъреніяхъ? Да, онъ опять предлагалъ мнѣ свою руку, но я отказала.

— Не смотря на волю вашей матушки?

— Матушка и не думала говорить мнѣ о своей волѣ; она сказала мнѣ просто: тебѣ опять представляется богатая партія, Аванса; подумай о нашемъ положеніи, о будущемъ, которое ожидаетъ тебя съ нами и выбирай. Мнѣ не нужно было думать, выборъ былъ уже сдѣланъ, я отказала.

— Однакожъ вы ничего не обѣщали Леону? вскричалъ я.

— Ничего. Мы оба были свободны, я отказала безъ всякой тайной мысли, не увлекаясь никакими надеждами.... Я думала, что Леонъ уѣхалъ навсегда, и вы видите, что я не ошиблась.... Если онъ еще въ Батавіи, если вы увидите съ нимъ, скажите ему, что здѣсь есть женщина, которая каждый день молится объ его счастьи, скажите, что я живу одна съ матушкой, что я спокойна, почти счастлива... и что воспоминаніе объ немъ по прежнему мнѣ драгоценно....

Къ намъ подходила мадамъ де-Нантѣль; я едва успѣлъ отвѣтить тихо: Будьте увѣрены, что я исполню ваше порученіе.

Я простился и ушелъ растроганный тѣмъ что видѣлъ и слышалъ. Вотъ точный разсказъ, любезный Леонъ, довольны ли вы?

— Конечно, лучший другъ мой! вскричалъ онъ, задвигаясь отъ волненія; въ восторгѣ отъ радости и любви. Теперь и утѣришь и мою счастье. Пѣхду во Францію... постоучусь въ дворъ этого дѣмъка, гдѣ вы оставили Анаксу.... Представьте себѣ это смѣшно! Ахъ! не надо мнѣ думать объ немъ въ эту минуту, а то я сбѣгъ ума отъ нетерпѣнія... Теперь уже мадамъ де-Нантѣль не ставитъ мнѣ въ рукъ дочери. Какую неизъяснимую радость чувствую я, думая, что могу ей сказать: Вы не хотѣли вѣрить моей отъяжной бѣдности будущность вашей дочери, опасались для нея стѣсненной, неизвѣстной жизни, и ваша жестокая предусмотрительность разлучила насъ, разлучила на ея несчастіе, потому что съ вами она поддѣглась той участи, отъ которой вы хотѣли ее избавить.... но теперь я богатъ и снова прихожу просить руки вашей дочери, прихожу все заглядить. Ничего не потеряно кромѣ десяти лѣтъ счастья.

Въ тотъ же день я обѣдалъ у Леона съ капитаномъ де-Нантѣльемъ. Не берусь дать вамъ понятіе объ изысканности обѣда и роскоши этого дома; гостепрѣмство, которое я имѣю счастье предложить вамъ теперь, довольно удовлетворительно, но оно показалось бы вамъ ужасно скуднымъ, если бы вы были въ Батавіи у Леона; посуда изъ цѣльнаго серебра, на столѣ шампанское, рябчики съ трюфелями и такъ все остальное. Каждому изъ насъ прислуживали по два Малайца, которые походили на арабскихъ принцевъ въ своихъ *саронгахъ* изъ шелковой матеріи, въ кисейныхъ платкахъ, затканыхъ серебромъ, завязанныхъ тюрбаномъ на головѣ. Но оставимъ все эти подробности, которыя могутъ вамъ показаться сказкой изъ Тысячи одной ночи.

Леонъ опять сталъ влюбленъ до безумія; рассчитывалъ, что женится черезъ полгода, а черезъ годъ воротится съ женой въ Батавію. Тутъ капитанъ де-Нантѣль покачалъ головою и отвѣчалъ флегматически:

— Я вижу тутъ только одно маленькое затрудненіе; наступаетъ время дурныхъ пасатныхъ вѣтровъ, и я вамъ говорю, что вы не можете взать прежде трехъ мѣсяцевъ, и то еще дай Богъ.

— А развѣ нѣтъ судовъ, которые здуть, не-смотря на неблагопріятные вѣтры? вскричалъ Леонъ; я одѣлаю такъ какъ и другіе, не посмотрю на дурное время.

— И прѣдете когда будетъ угодно бурямъ и непогодамъ... возразилъ капитанъ; право, держитесь лучше непопутнаго вѣтра.

— Потому, оборачиваясь ко мнѣ, онъ прибавилъ съ выразительнымъ взоромъ: Посоветуйте ему подождать, право онъ не раскается.

На другое утро я пошелъ къ капитану де-Нантёлю. Онъ принялъ меня съ распростертыми объятіями, посадилъ возлѣ себя на галерею, гдѣ прохладился кури трубку и сказалъ безъ дальнихъ околичностей: — Вы пришли одни, тѣмъ лучше; мнѣ надо много кое-чего сказать вамъ: такъ какъ вы знаете мою кузину де-Нантель и искренній другъ моею Леона, я скажу вамъ одинъ секретъ. Потому видя, что я смотрю на него съ изумленіемъ, онъ наклонился ко мнѣ и сказалъ тихо: Знайте, что моему Леону не нужно вѣсть за Анаксою; по моему расчету, она будетъ здѣсь черезъ мѣсяць....

— Какъ ! чт' вы говорите ? вскричалъ я, остолабенувъ отъ удивленія.

— Я говорю, что Анакса съ матерью будетъ здѣсь черезъ мѣсяць, повторилъ капитанъ, я вызвалъ ихъ сюда, ничего не упоминаю о моему Леонѣ.

— И вы думаете, что онъ рѣшится на такое дальнее путешествіе, рѣшится переплыть море для свиданія съ родственникомъ, котораго едва знаютъ....

— Непременно придутъ, я знаю кузину; это женщина мужественная и рѣшительная, еще не старая и очень способная уступить просьбамъ родственника, у котораго, кромѣ нихъ, нѣтъ никого родныхъ и который хочетъ раздѣлить съ ними свое маленькое состояніе. Я не такъ богатъ, какъ де-Соліё, но у меня есть чѣмъ жить потихонечку. Узнавъ о смерти де-Нантёля, я вознамѣрился вызвать къ себѣ вдову его и дочь. Можете судить, какъ утвердили меня въ этой мысли чувства вашего пріятели.... Черезъ нѣсколько дней послѣ того какъ я познакомился съ Леонюмъ, я написалъ къ мадамъ де-Нантёль; этому уже будетъ съ годъ, и заранѣе заплатилъ за провозъ....

— Но зачѣмъ же вы не говорите объ этомъ Леону ?

— Да вотъ видите ли, на отарости лѣтъ становившись благоразумнымъ, не очень-то вѣривъ прочности романтическихъ чувствъ.... Леонъ опять влюбился, а почему знать, продолжится ли эта страсть до приѣзду Анаксы.... Мнѣ очень хочется, чтобы этотъ бракъ состоялся, но я не очень-то на это надѣюсь. Вы говорите, что Анакса хороша по-прежнему ?

— Теперь она менѣе прежнего миланна, но болѣе красавица.

— Тамъ лучше, это будетъ пріятнымъ сюрпризомъ для Леона; пожалуйста, не говорите ему ни слова:

Я далъ слово молчать и удержать Леона, котораго отъездъ отъ него безпокоилъ.

Я уже сказалъ вамъ, что капитанъ Нантёль жилъ въ навильонъ въ концъ сада; эта квартира была такъ велика, что мадамъ де-Нантёль съ дочерью могла тамъ помѣститься. Капитанъ уже убралъ для нихъ комнаты. Мнѣ все казалось, что эти приготовления напрасны и я смѣялся надъ доверіемъ капитана, который каждый день ходилъ сражаться въ правительственныя мѣста о судахъ, примѣченныхъ въ моръ.

Черезъ нѣсколько дней я увидѣлъ, что одинъ изъ насъ ошибся и что самыя-то невѣроятныя вещи именно тѣ, которыхъ надо ожидать.

Въ этотъ день мы прогуливались верхомъ съ Леономъ и не видѣли капитана, который также вышелъ утромъ. Мы съ Леономъ были приглашены на балъ къ губернатору, но вечеромъ я такъ усталъ и такъ залѣнился, воздухъ былъ такъ тяжелъ, мнѣ было такъ хорошо на цыновкѣ на галерей, что я отпустилъ на балъ Леона одного, а самъ задремалъ, смотря на звѣзды и курия превосходную манильскую сигару.

Приходъ капитана де-Нантёля разбудилъ меня. Онъ былъ сильно взволнованъ, пожалъ мнѣ руку, осмотрѣлся кругомъ съ таинственнымъ видомъ и сказалъ тихо:

— Я вѣдь говорилъ вамъ, что онъ пріѣдутъ! пріѣхали!.. онъ здѣсь!....

— Какъ! здѣсь, у васъ?

— Да, да, въ двѣнадцать часовъ.... я уже съ утра ждалъ у гавани, потому что примѣтилъ французское судно.... я тотчасъ ихъ узналъ, то есть узналъ мать....

— И вы не подумали извѣстить насъ? перебилъ я разсердившись, и Леонъ еще ничего не знаетъ!.... и вы дождались, когда онъ уйдетъ, чтобы извѣдомить меня?... Зачѣмъ?... чего вы ждете?.. къ чему эта таинственность? развѣ вы боитесь его слишкомъ обрадовать?

Капитанъ, заставъ, поднялъ глаза къ небу и вскричалъ съ видомъ комическаго упрёка.

— Сохрани Богъ сказать о томъ Леону! Чтò вы тамъ ни говорите, а Анаиса уже не красива. Я не узналъ бы ее по вашему описанію! Я не хотѣлъ врать.

— Подите посмотреть! возразилъ онъ; къ намъ пріѣхала старая

дѣла! Я не ожидалъ найти ее такую, эту бѣдняжку Анаису, такую свѣжонькую и розовенькую двадцать лѣтъ тому назадъ!

— Говорила она вамъ о Леонъ? знаетъ ли, что онъ такъ близко отъ нея? спросилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, къ счастью, она еще меня не спрашивала. Но чтѣ же вы ей скажете, графъ?

— Не знаю еще, увидимъ.

Капитанъ увелъ меня въ павильонъ.

Право, mesdames, остерегайтесь этого неумолимаго врага, котораго зовутъ временемъ! Удары, наносимые имъ вашей красотѣ, непредвидимы. То медленно, тихо совершаетъ оно свой разрушительный подвигъ и жертва не примѣчаетъ его невозвратныхъ опустошеній, то жестокіе когти его вдругъ вводятъ преждевременныя морщины по прелестному личику и своимъ тлетворнымъ дыханіемъ сушитъ оно самую свѣжую красоту. Анаису поразила эта послѣдняя бѣда. Господи, какъ она переменилась! На нѣжныхъ чертахъ ея лежалъ роковой отпечатокъ: румянецъ, чистая прозрачность кожи замѣнились матовой бѣдностью, легкія морщины виднѣлись на лбу и на вискахъ. Пропали блескъ и очарованіе молодости; бенгальская роза совершенно завяла.

Анаиса знала это пагубное превращеніе, потому что подошла ко мнѣ съ грустнымъ и робкимъ видомъ, какъ будто опасаясь моего перваго взгляда; признаться, если бы меня не предупредили, я съ трудомъ скрылъ бы свое удивленіе.

— Какъ нашъ пріездъ долженъ удивить васъ, графъ, сказала она, протянувъ мнѣ руку; не думали вы, прощаясь съ нами въ Брестъ, что мы такъ скоро увидимся съ вами въ Батавію.

— Точно, это истинный сюрпризъ, отвѣчалъ я; сейчасъ узналъ я отъ капитана о вашемъ пріездѣ и не могъ противиться нетерпѣнію засвидѣтельствовать вамъ и вашей матушкѣ всенижайшее почтеніе.

Я поклонился мадамъ де-Нантѣль, которая показалась мнѣ также полна, здорова, еще свѣжа и пряма какъ тростинка. Увы! теперь мать казалась моложе дочери.

Разговоръ зашелъ о дорожныхъ приключеніяхъ; черезъ шесть недѣль послѣ меня отплыли они изъ Бреста, и такъ какъ я останавливался на островъ Бурбонъ, то и не удивительно, что мы почти въ одно время пріѣхали въ Батавію. Я скоро ушелъ, чтобы дать отдохнуть путешественникамъ, совершенно увѣренный, что скоро придется

интересный разговоры. Капитанъ Нантэль проводилъ меня до дверей и уже спокойное разсчитывалъ приятный сладостный первый свиданья.

— Не надо обманываться, сказалъ онъ; какъ только Леонъ увидитъ Анаису, онъ разлюбитъ ее, и не захочетъ на ней жениться, это ясно; она останется въ дѣвучкахъ и не будетъ отъ того несчастливъ. Я чувствую, что очень буду любить ее, эту старушечку! а мать-то! знаете ли, графъ, что мадамъ де-Нантэль еще очень красивая женщина!

— Не хотите ли вы на ней жениться, капитанъ? сказалъ я, ударивъ его по плечу.

— Не скрою отъ васъ, что когда-то я былъ очень влюбленъ въ нее, отвѣчалъ онъ съ громкимъ смѣхомъ, но теперь я слишкомъ старъ, слишкомъ дурень, чтобы забирать себѣ въ голову такія вещи.

Леонъ воротился поздно и я увидѣлся съ нимъ только на другой день за завтракомъ.

— На этомъ балѣ было много хорошенькихъ, сказалъ онъ; у Голландокъ, избавленныхъ отъ влажной и густой атмосферы ихъ родины, чудесный цвѣтъ лица, кожа ихъ похожа на розовый гиацинтъ; но онъ не могутъ сравниться съ свѣжестью, съ изящнымъ блескомъ моей бенгальской розы. Ахъ, любезный графъ, не правда ли, что Анаиса въ тысячу разъ прелестнѣе всѣхъ этихъ женщинъ?

Кажется, что я невольно одвѣлалъ отрицательное движеніе, но Леонъ его не замѣтилъ и, перебививъ вдругъ разговоръ, объявилъ, что одно важное дѣло принуждаетъ его вѣхать въ тотъ же вечеръ за пятнадцать миль отъ Батавіи.

— Это путешествіе продолжится не болѣе нѣсколькихъ часовъ, прибавилъ онъ; я надѣюсь, что вы поедете со мною, мы поохотимся, будемъ удить рыбу, и если вамъ понравится мой домикъ среди гвоздичныхъ плантацій, мы останемся тамъ нѣсколько времени.

— Очень охотно, отвѣчалъ я, но мнѣ невозможно вѣхать съ вами сегодня, я прїѣду къ вамъ черезъ нѣсколько дней.

— Хорошо, буду ждать, сказалъ онъ. Привезите съ собою капитана Нантэля, мы славно погуляемъ и время пройдетъ. Если бы вы знали, какъ оно тянется для меня, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду благоприятныхъ вѣтровъ!... Вы удивляетесь, любезный графъ?...

видно что вы не влюблены безъ ума въ женщину, за которой надо ѣхать во Францію.

свѣтлой отъ рожденія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ живописномъ и уютномъ уголку средней Франціи, находился прелестный домикъ, выстроенный старшимъ генераломъ, оставившимъ службу съ окончаніемъ войны. Къ-сознанию, старый воинъ не долго наслаждался счастьемъ, которое надлежало найти въ этомъ тихомъ ублаженіи; онъ умеръ отъ припадка гнѣва, раскравшаго одну изъ его ранъ.

Мадамъ Лакло, вдова его, пятнадцать лѣтъ прожила въ этомъ уединеніи, исключительно занимавъ воспитаніемъ сына и дочери; вы легко поймете, какъ тягостно было для нея новелленіе материнской обязанности, когда узнаете, что Юстинъ Лакло, старшій изъ двухъ дѣтей, былъ слѣпъ отъ рожденія. Можеть-быть заботы, неуспынные попеченія, которыми она окружала нѣжно любимаго сына, сократили ея жизнь; какъ бы то ни было, добрая мать, за три года до того времени, когда начинается этотъ разсказъ, соединилась съ своимъ мужемъ, и въ тысяча восемь сотъ тридцать четвертомъ году, прекрасное помѣстье Гранпре и богатая ферма, принадлежавшія къ нему, состояли во владѣніи двухъ сиротъ: двадцатилѣтней дѣвушки и молодого двадцати-четырехъ-лѣтняго человека, лишенаго зрѣнія.

Жилнце ихъ было больше обыкновеннаго сельскаго дома и меньше замка. Первоначально зданіе было окружено фермами и необходимыми домашними службами; но замѣтить, что такое соседство было неокончало ея сына, названнаго, какъ все слѣпые, остальныя чувства утонченныя, мадамъ Лакло приказала перевести все эти прозаическія строения за двѣсти шаговъ отъ дому, въ такое мѣсто, гдѣ они уже не могли производить непріятнаго впечатлѣнія на ея возлюбленнаго сына. Такимъ-образомъ домъ стоялъ одиноко и изъ аледи молодыхъ визовъ, ведущей къ нему, можно было безирепаттвенно любоваться его граціозными фермами.

Между-прочимъ, этотъ домъ представлялъ нѣкоторыя любовитныя особенности. Навѣрхъ, каждое окно было снабжено снизу рѣшеткою, конечно не изъ опасенія воровъ, потому что рѣшетка была изъ проволоки и не могла противиться усилію, но она предохраняла паденіе изъ окна; а вѣсто каменнаго крыльца, которое вело къ глав-

ному входу, былъ сдѣланъ легкій свужъ изъ кирпича, чтобы избежать опасныхъ уступовъ лѣстницы.

Въ восхитительномъ саду, находившемся позади дома, были приняты также мелочныя предосторожности, чтобы отклонить всякое паденіе, или какое-нибудь затрудненіе и неудобство. Вокругъ деревьевъ были разсажены густыя и мягкія растенія, которые при случаѣ могли ослабить ударъ объ стволъ дерева или предупредить о присутствіи его. Вся аллея была усыпана мельчайшимъ пескомъ и такъ гладко, что отъ каждаго шага оставались на немъ слѣды, даже отъ маленькой ножки Зои Лакло, младшей сестры Юстина. Ни одна развѣсистая вѣтвь не касалась до гуляющаго, ни одного камня не попадалось подъ ноги. Среди сада находился небольшой фонтанъ, хрустальною струею подымавшійся вровень съ вершинною высокою лѣпъ, освѣявшихъ смежную террасу; но бассейнъ былъ окруженъ простыми, крѣпкими перилами, такъ что нельзя было поскользнуться на краяхъ его, а избытокъ воды подземнымъ протокомъ соединялся съ прекраснымъ каналомъ, окружавшимъ садъ съ трехъ сторонъ вмѣстѣ съ бѣлою отлогою ствною, съ высоты которой открывались глазамъ очаровательныя виды окрестныхъ деревьевъ.

Однако, не смотря на всѣ неисчислимыя предосторожности, принятыя почтенною мадамъ Лакло для предохраненія сына отъ всякаго несчастнаго случая, молодой слѣпецъ ни мало не походилъ на жалкій типъ, который обыкновенно представляется воображенію при имени слѣпаго. Юстинъ Лакло былъ прекрасный молодой человекъ, проворный, сильный, ловкій, ничуть не сожалѣвшій о томъ, что былъ лишенъ зрѣнія, потому что не имѣлъ понятія объ этомъ лишеніи, и непринужденно смѣявшійся въ глаза надъ посторонними, изъявлявшими ему оскорбительное состраданіе. Глаза его были свѣтлы и блестящи, хотя очевидно лишены зрѣнія, за то другія чувства его изощрились до такой степени, что почти могли замѣнить недостатокъ зрѣнія. Онъ узнавалъ человека по походкѣ, по дыханію, или по прикосновенію къ рукѣ; говорили, что онъ могъ прогуливаться одинъ, не имѣя нужды въ путевода, на разстояніи трехъ миль вокругъ своихъ владѣній. Сила его ясновидѣнія, искусство угадывать то, о чемъ онъ не могъ имѣть понятія подобно другимъ людямъ, были такъ сверхъестественны, что посторонніе не хотѣли иногда вѣрить, чтобъ ощущенія столь ясныя, свѣдѣнія столь правильныя, принадле-

жалея чловѣку, никогда не выдавшему свѣта. Созвѣдіе крестьяне, часто имѣвшіе съ нимъ торговелья сношенія , потому что Юстинъ Лакло самъ управлялъ своимъ и сестринимъ имѣніемъ, не могли объяснить себѣ его смѣтливости и проницательности, и клялись что онъ только прикидывается слѣпымъ, для того, чтобы его не остерегались ; въ самомъ же дѣлѣ всего труднѣе было обмануть его или скрыть отъ него истину.

Притомъ Юстинъ получалъ самое блистательное воспитаніе , какое только было возможно при его несчастномъ недостаткѣ. Мать его нарочно ѣздила въ Парижъ, прибѣгнуть къ совету медицинскаго факультета, и убѣдившись наконецъ въ невозможности возвратить сыну зрѣніе, пригласила къ себѣ въ Гранпрё профессора королевскаго института слѣпыхъ, ученика знаменитаго Гон, Сандона, которому было около пятидесяти лѣтъ; но труды, занятія добросовѣстно исполняемыя, преждевременно состарили его и потому онъ съ благодарностью принялъ новое положеніе свое въ мирномъ деревенскомъ уголку, среди семейства, оказывавшаго ему любовь и уваженіе, какъ отцу.

Прежде всего, онъ выучилъ Юстина читать по книгамъ съ выпуклыми литерами, изобрѣтенными собственно для слѣпыхъ, и выписываемымъ за дорогія деньги изъ парижскаго института. Потомъ воспитанникъ его изучалъ по особенной методѣ исторію , географію, математику, музыку, языки. Ни днемъ, ни ночью Сандонъ не оставлялъ Юстина, непрерывно стараясь исправлять его сужденія, считая своею обязанностью развить въ слѣпомъ самыя вѣрныя понятія о действительности. За то Юстинъ, имѣвшій пламенное желаніе научиться, оказалъ быстрые успѣхи.

Однако нужно сказать, что для исполненія трудной и продолжительной обязанности своей, ревностный наставникъ нашелъ превосходныхъ помощниковъ въ матери и сестрѣ Лакло. Мать Юстина хотѣла, чтобы къ нему имѣли уваженіе, преданность до фанатизма, и сама первая подавала примѣръ. Поэтому и Зоя съ самаго нѣжнаго дѣтства привыкла смотреть на брата, какъ на чловѣка, которому непременно нужно повиноваться, отбросивъ всякое себялюбіе. Вѣрная этой системѣ самоотверженія, она приняла всѣ наклонности и привычки брата, чтобы каждую минуту быть для него необходимою подругою; такимъ-образомъ у Сандона вмѣсто одного, было

двое воспитанниковъ. Она училась всему, что преподавали молодой слѣпцу, и часта ея простодушнымъ объясненіемъ, ея ласковое поощреніе сажали сильное возмущеніе усиливть наставника. Она училась для того, чтобы повторять брату уроки. Словомъ, все существо ея было къ услугамъ обожаемаго брата: онъ былъ голова размышляющая, она — руна дѣйствующая.

Сандонъ не покинулъ Гранпрё и послѣ смерти мадамъ Лакло; онъ былъ ея душеприкащикомъ, и по особенному желанію, изъявленному въ духовномъ завѣщаніи покойницы, долженъ былъ провести остатокъ дней съ своими воспитанниками. Впрочемъ, окончивши воспитаніе Юстина и отдавъ отчетъ обоимъ питомцамъ въ управленіи дѣлами опеки, онъ уѣзжалъ иногда въ удаленную провинцію къ родственникамъ своимъ, а Зоя оставалась одна при братѣ. И когда вся отвѣтственность въ безопасности слѣпца лежала на ней, тогда заботливость ея удваивалась, чтобы предохранить его отъ всякаго неприятнаго случая. Если бы Юстинъ упалъ, чего никогда не случалось, бѣдная Зоя была бы увѣрена, что въ ту же ночь явится ей тѣнь матери, укорять ее въ преступномъ небреженіи. Ея внимательность къ нему дѣлалась до того неотступна, доходила до такихъ мелочей, что Юстинъ, нѣсколько раздражительный, не смотря на доброту своего сердца, оскорблялся этимъ и терпѣлъ иногда терпѣніе.

Дѣйствительно, несправедливо было бы думать, что молодой слѣпецъ считаетъ себя ниже другихъ. Этотъ удивительный инстинктъ, это чудное угадываніе дѣйствительности, которымъ одарила его природа взаменъ недостатка зрѣнія, возбудили въ душѣ его гордость въ высшей степени. Онъ сознавалъ, что съ меньшими средствами онъ достигалъ почти той же цѣли, какъ большинство людей, и что не смотря на несовершенство своей организаціи, онъ имѣлъ нравственное превосходство надъ большою частью окружающихъ его. Онъ глубоко оскорблялся, когда считали его неспособнымъ къ исполненію простыхъ дѣйствій обыкновенной жизни, и если бы отъ него зависѣло, то онъ давно уничтожилъ бы все особенныя предосторожности, которыми окружила его нѣжная заботливость матери; за это обыкновенно доставалась бѣдной Зоѣ, которая не умѣла иначе сопротивляться и защищаться отъ его нападеній и насмѣшекъ, какъ

только, укрываясь за привазами матери, которой власть всегда оставалась священною для молодого Лакло.

Однажды, въ воскресенье утромъ, въ отсутствіе Сандона, изрядка пощипавшаго своихъ родныхъ, Юстинъ одинъ въ своей комнатѣ ожидалъ Зою, чтобы идти съ нею къ обѣднѣ въ ближайшую деревню. Это было лѣтомъ и окно отворялось на прекрасное поле, освѣщенное яркимъ майскимъ солнцемъ. Ласточки съ веселымъ щебетаніемъ пролетали мимо окна; такой же радостный и счастливый какъ онъ, молодой слѣпецъ, весело присвистывая, прохаживался по своей комнатѣ.

Наружность Юстина, какъ мы уже сказали, ни мало не соответствовала общей идее, которую обыкновенно имѣютъ о слѣпыхъ. Онъ былъ прекрасный молодой человѣкъ съ спокойнымъ челомъ, съ улыбкой на устахъ. Его голубые, чистые, хотя нѣсколько блуждающіе глаза, часто обращались къ свѣту, какъ будто онъ могъ ощущать вліяніе его, и онъ говаривалъ шутя, что обладаетъ способностью орла прямо смотреть на солнце. Длинные, свѣтлорусые волосы локнами падали по плечамъ его и вся наружность отличалась особеннаго рода щеголеватостью. Сюртукъ его былъ изъ самаго лучшаго бархата, темно-зеленаго цвѣта съ агатовыми пуговицами, галстухъ и жилетъ шелковые, лѣтніе панталоны изъ самой легкой матеріи. Не имѣя возможности судить о цвѣтахъ, слѣпой хотѣлъ, чтобы одежда его была мягка и гладка, что составляло для него идеалъ прекраснаго и дорогаго. Даже комната, въ которой онъ находился, носила отпечатокъ совершенно особеннаго вкуса къ ощущеніямъ, проницающимъ отъ осязанія и слуха. Мебель, стоявшая въ комнатѣ, не имѣла ничего ни остроконачнаго ни прямоугольнаго; не было ни уступовъ, ни карнизовъ, но все было кругло, выпукло, такъ сказать сглажено. Все было удивительно соображено для того, чтобы доставить удовольствіе осязанію нѣжной руки, и удалена всякая непріятная шероховатость. Стѣны были покрыты мягкими обоями, кресла бархатныя, занавѣсы изъ самой атласистой матеріи.

Видя Юстина въ этой комнатѣ, съ дѣтства ему принадлежавшей, непредупрежденный наблюдатель никакъ не могъ бы подумать, что онъ лишенъ зрѣнія; такая удивительная свобода, такая увѣренность и непринужденность были въ его походкѣ и во всехъ движеніяхъ.

Каждый уголокъ въ комнатѣ, казалось, былъ ему совершенно извѣстенъ, какъ птичье гнѣздо, которое она сама устроила изъ стѣбелковъ мху и клочковъ шерсти, мало-по-малу ею принесенныхъ. Онъ ходилъ, поворачивался, останавливался, напѣвалъ арію, какъ молодой повѣса, дающій полную свободу веселому расположенію духа.

Вотъ на минуту онъ остановился у окна; конечно не для того, чтобы любоваться прекраснымъ солнцемъ, покрывавшимъ въ это время полъ яркимъ свѣтомъ, или великолѣпнымъ освѣщеніемъ и роскошными видами, которые, сливаясь вмѣстѣ, составляли гармоническія группы деревьевъ, горъ, луговъ, ручейковъ; но онъ слышалъ щебетанье ласточекъ, летавшихъ около дома, веселое жужжанье наськомыхъ въ кустахъ, шумъ фонтана въ саду, онъ ощущалъ теплый, благоуханный вѣтерокъ, освежавшій его чело; словомъ онъ пользовался немногими изъ сладостныхъ ощущеній, которыми щедрая мать-природа надѣлила человѣка; и на его часть и этого немногаго вѣроятно достаточно было, чтобы исполнить душу его восторгомъ и удивленіемъ, потому что онъ оставался нѣсколько минутъ въ молчаніи, погруженный въ благоговѣйное вниманіе.

Вдругъ онъ вскрикнулъ отъ удивленія и съ живостью отскочилъ отъ окна. Отдаленный звукъ, едва-ли доступный для человѣка обыкновеннаго, явственно поразилъ утонченный слухъ Юстина: то былъ звонъ колокола приходской церкви въ деревнѣ Сепъ-Флоранъ, за милю отсюда.

Молодой слѣпецъ подбѣжалъ къ открытому великолѣпному фортепiano палисандроваго дерева, находившемуся въ другомъ концѣ комнаты. Съ быстротою, съ ребяческимъ нетерпѣніемъ заигралъ онъ блестящій, живой мотивъ, и вдругъ окончилъ его ферматой, полной и звучной, какъ будто условленнымъ сигналомъ. Едва затихли звуки инструмента, приподнялась портьера и восхитительная молодая дѣвушка въ бѣломъ платьѣ и розовой шляпкѣ, вбѣжала въ комнату: это была дѣвица Лакло.

Зоя была меньше своего брата, но между ними было такъ много сходства, что съ перваго взгляда можно было принять ихъ за близнецовъ. Только живые, исполненные огня глаза, придавали чертамъ ея одушевленіе, котораго недоставало въ важной фюзіоніи Юстина. Казалось, она приготовилась идти къ обѣднѣ, потому что въ рукѣ

держала полураспущенный зонтикъ и ничего не было забыто въ ея свѣжѣмъ и граціозномъ нарядѣ. Первымъ движеніемъ ея было броситься на шею къ Юстину, съ словами, выражавшими нѣкоторое безпокойство:

— Прощу тебя, братъ, не сердись!

— Такъ сегодня тебя надо звать, маленькая конетка, сказалъ Юстинъ, лукаво улыбаясь. О, да какая же ты нарядная! продолжалъ онъ, тихо ощупывая нарядъ сестры. Ну, теперь не удивляюсь, что меня заставили ждать цѣлый часъ! А къ чему все это великолѣпіе, милая сестра? Не для мужиковъ ли, прихожанъ церкви, ты разодвлася такъ щегольски, или для добраго старика нашего пастора?

— О, нѣтъ, милый братъ, отвѣчала Зоя, съ важнымъ видомъ; развѣ ты не знаешь? Сегодня въ церкви Святаго Флорана будутъ чужіе.

— Чужіе! не знаю кто можетъ зайти къ намъ; развѣ толстые прасолы, отъ которыхъ такъ отвратительно несетъ табакомъ и чеснокомъ?

— Ты забылъ о дамахъ, недавно пріѣхавшихъ въ Помри... Дамы изъ Парижа! Она пріѣзжали къ тебѣ въ сопровожденіи прекраснаго молодого человѣка. Но ты никого не хочешь принимать; даже добрыхъ сосѣдей, которые такъ учтивы и предупредительны къ тебѣ!

И Зоя задунила вздохъ, который хотѣла скрыть отъ брата.

— Вотъ ты опять мучишь меня изъ-за этихъ глупостей! съ досадою сказалъ Юстинъ. Зачѣмъ ты хочешь, чтобы я принималъ этихъ любопытныхъ глупцовъ, которые хотятъ на меня смотреть какъ на неизвѣстнаго звяря? Эти люди не могутъ иначе представить себѣ слѣпаго, какъ старикомъ въ рубищѣ, который пилить на скрипкѣ, имѣя путеводителемъ собаку. Согласись, любопытство ихъ не очень для меня лестно: и притомъ надо выслушивать замѣчанія, плачевныя сожалѣнія: «Бѣдный молодой человѣкъ! какая жалость! Кто бы повѣрилъ!» Они думаютъ, что мнѣ очень нужно ихъ сожалѣвіе, и что они обязаны мнѣ его показывать за то, что я выставилъ себя на показъ. Я думаю, что если бы они осмѣлились только вынуть свой кошелекъ и предложить мнѣ милостыни, то..... Но, лучше, оставимъ это. Если я не буду смѣяться надъ этими глупыми посетителями, то долженъ сердиться на нихъ, а теперь я не хочу сердиться, моя добрая Зоя.

Онъ еще разъ поцѣловалъ въ лобъ молодую дѣвушку.

Эта ласка, кавалось, ободрѣла ее и она, заливаясь, тѣмъ продолжала:

— Видишь ли... что мнѣ еще говорили, милый братъ! Говорили, что молодой щеголь, который прихалъ съ господами Франциль, и проведетъ все лѣто съ ними въ Памрк...

— Ну что же?

— Ну, говорятъ, онъ парижскій докторъ медицины! И если бы ты только захотѣлъ воспользоваться случаемъ....

Громкій голосъ Юстина прервалъ ее.

— Теперь я понимаю, воскликнулъ онъ шутливо; я не ошибался, думая что во всемъ этомъ кроется тайна, которую я рано или поздно разгадаю. Ты, кажется, говорила мнѣ, что мы часто встречаемъ этого незнакомаго во время нашихъ прогулокъ?

— Да, милый братъ, сказала Зоя краснѣя.

— Ну такъ! ученый парижскій докторъ уже бродитъ около моего дома, а въ одинъ прекрасный день прилетитъ сюда какъ бомба; станетъ осматривать мои глаза, обѣщать радикальное исцѣленіе не дѣли черезъ двѣ, прибѣгнуть къ операціямъ, и въ продолженіе несли мѣсяцевъ меня совершенно измучать... а послѣ всего этого догадуются, что болѣзнь моя неизлечима, что и правда, Зоя!

— Братецъ!

— Если этотъ докторъ придетъ еще разъ къ намъ, сдѣлай мнѣ одолженіе, прикажи не принимать его.

— Но....

— На это нѣтъ возраженій. Сандонъ знаетъ сколько медицинскій факультетъ заставилъ меня выстрадать въ Парижѣ, и я нисколько не намѣренъ вытерпеть еще безконечныя и безполезныя операціи; моя слѣпота неизлечима, я это знаю, и для меня это совершенно все равно. Провались они сквозь землю, всѣ эти доктора и гости! А мы отправимся къ обѣднѣ, продолжалъ онъ, быстро перемѣняя тонъ.

Зоя знала, что неблагоразумно было бы настаивать на подобномъ предметѣ въ ту минуту, когда братъ показывалъ такое дурное расположеніе къ людямъ вообще и къ докторамъ въ особенности.

Она перемѣнила разговоръ и, подавая ему трость и шляпу, сказала:

— Такъ ты усадишь Петра и Жаннету, милый братъ?

Нужно сказать, что Петръ, двадцатилѣтній парень, сынъ фермера Юстинова, и Жанна, толстая крестьянка, составляли всю прислугу сиротъ.

— Да, Петръ повесъ въ городъ нужныя бумаги къ нотаріусу, а Жанна ушла уже въ церковь. Но къ чему эти вопросы, милая Зоя?

— А къ тому братецъ, съ замѣшательствомъ отвѣчала Зоя, что мы должны одни идти въ деревню Сентъ-Флоравъ, и я боюсь...

— Чего же ты боишься?

— Послушай, братецъ. Ты знаешь, что окружныя владѣльцы не совсѣмъ доброжелательствуютъ намъ. Ты такъ суровъ, такъ строгъ къ нашимъ сосѣдямъ. Ты не хочешь понять, что хотя справедливость и законное право съ нашей стороны, а все нужно имѣть много снисхожденія. Выигранныя тобою тяжбы у здѣшнихъ жителей навлекли тебѣ много враговъ. Я такъ безопытна, а ты...

Она хотѣла сказать: *а ты слѣпой*, но удержалась во-время, прихвативъ во всѣхъ мускулахъ на лицѣ брата судорожное движеніе, котораго значеніе было ей очень понятно, и она поспѣшно пролепетала:

— Словомъ, другъ мой, я думаю, мы лучше всего одылаемъ, если зайдѣмъ на ферму и спросимъ одного изъ сыновей Вильгельма проводить насъ.

Слѣпой погружился на нѣсколько минутъ въ задумчивость потомъ съ грустью сказалъ:

— Ужели и ты, милая сестра, порицаешь меня за поступки мои въ отношеніи мошенниковъ и сутягъ, окружающихъ насъ? Ты сама знаешь, милая Зоя, съ какимъ терпѣніемъ снесилъ я воровство и мошенничество не добрыхъ нашихъ сосѣдей, потому что ты увѣряла меня, что они доведены были до этого нуждою; но надо же было положить конецъ этому злу. Наша собственность сдѣлалась добычею всѣхъ окружныхъ фермеровъ и владѣльцевъ, потому что они считали меня неспособнымъ защитить наше право. На двѣ мили въ окружности топили печи лѣсомъ слѣпаго, питались плодами, украденными съ огородовъ слѣпаго, стада кормили сѣномъ, скопленнымъ на лугахъ слѣпаго; наконецъ я былъ вынужденъ принять мѣры, чтобы остановить этотъ грабежъ. Если я былъ слишкомъ строгъ, тебѣ ли, сестра, упрекать меня въ томъ?

— О! нѣтъ, нѣтъ, Юстинъ, сказала молодая дѣвушка съ волненіемъ, я не то хочу сказать. Вѣдь эти люди не знаютъ какъ ты добръ; они злы на тебя и можетъ случиться, что кто-нибудь изъ нихъ скажетъ намъ обидное слово...

Не бойся, не осмѣлятся напасть на человека, который намъренъ

защищаться. Правда, продолжалъ онъ, оборачиваясь къ сестрѣ, съ замѣтнымъ выраженіемъ печали, ты меня скорѣе считаешь за ребенка, нуждающагося въ покровитель, нежели за человека, способнаго защитить тебя въ опасности. И потому, милая Зоя, если ты боишься идти со мною въ церковь, такъ можешь оставаться дома. Я пойду одинъ; ты знаешь, что мнѣ это очень легко.

Онъ еще не успѣлъ кончить этихъ словъ, какъ молодая дѣвушка въ слезахъ бросилась къ нему на шею и сказала голосомъ, прерываемымъ рыданіями :

— Юстинъ, неблагодарный Юстинъ, можешь ли ты такъ говорить? Ты очень хорошо знаешь, что за тебя, за одного тебя боялась я; Юстинъ, зачѣмъ ты вѣчно упрекаешь меня за то, что я не забываю просьбы умирающей матери?

Юстинъ былъ самъ глубоко растроганъ.

— Милая Зоя, возразилъ онъ, тихо освобождаясь изъ ея объятій, ты добра и мила, хотя и боязлива; наша мать передала тебѣ всю свою любовь и все пристрастіе ко мнѣ. Вы объ преувеличили несчастіе моего существованія, но не мнѣ порицать васъ за это. Оставимъ же это, милая сестра, и если ты хочешь положиться на мою силу и мое мужество, то пойдемъ поскорѣе; уже пора; я съумѣю защитить тебя, жоть ты считаешь меня слабымъ.

И онъ съ видимымъ удовольствіемъ вертѣлъ въ рукахъ своиѣ трость съ металлическимъ набалдашникомъ, которая когда-то принадлежала его отцу и при случаѣ могла служить сильнымъ вспомогательнымъ средствомъ. Зоя печально улыбалась воинственному доказательству мужества и приготавливаясь, слѣдовать за братомъ, старалась передъ зеркаломъ уничтожить слѣды слезъ.

— Ну пойдемъ, милая сестра! сказалъ весело Юстинъ, снова увлекаясь веселымъ расположеніемъ духа.

И не дожидаясь отвѣта, онъ выпшелъ припрыгивая изъ комнаты, пробѣжалъ коридоръ, ведущій къ главному выходу; однимъ скачкомъ перепрыгнулъ спускъ, сдѣланный по приказанію матери вмѣсто крыльца, и на которой Юстинъ никогда не упускалъ случая выказать свое удалство, какъ будто для того, чтобы убѣдить самого себя въ бесполезности предосторожностей, которыми его окружали.

Послѣ этого опаснаго прыжка, доказывавшаго силу и ловкость его и совершенное знаніе мѣстности, онъ съ гордостью остановился

и обратился къ сестрѣ, чтобы выслушать обычныя похвалы. Но на этотъ разъ онъ ошибся въ своемъ ожиданіи; Зоя заперла за собою двери, съ разсвѣніемъ оперлась на руку брата, и оба въ молчаніи пошли по дорогѣ въ приходскую церковь.

Выйдя изъ Гранпрэ, Юстинъ и Зоя пошли по узкой проселочной дорогѣ, которая въ провинціи Беррійской и Лимузень въ иныхъ мѣстахъ такъ узки, что двухъ-колесная тележка, запряженная волами, съ трудомъ можетъ провѣхать между окружающими ихъ заборами; потомъ эти дороги вдругъ расширяются и занимаютъ большее или меньшее пространство, смотря по плодородію почвы. Въ нѣмномъ мѣстѣ ручей, вытекающій изъ горы, безъ церемоніи пересѣкаетъ ихъ и путникъ долженъ считать себя очень счастливымъ, если, не смотря на безпечность прохожихъ, осталось два или три большіе камня, по которымъ можно продолжать путь не по колѣни въ водѣ. Глубокія колеи прорывзаютъ эти дороги, и когда онъ высыхаютъ отъ лѣтнихъ жаровъ, то образуются рытвины, на которыхъ легко можно оступиться. Наконецъ каштановыя, дубовыя и другія деревья, растущія безъ всякаго присмотра, на каждомъ шагу раскидываютъ изсохшія вѣтви, въ узкомъ пространствѣ, оставленномъ для провѣзда, и горе путнику, не обращающему равнаго вниманія на препятствія, угрожающія въ одно время и лицу и ногамъ его.

Понятно, какъ утомительна и опасна была эта дорога для слѣпца. Однако подѣ предлогомъ, что она была слишкомъ узка для двухъ и что надо идти въ тѣни деревьевъ, стоявшихъ по дорогѣ, Юстинъ оставилъ руку сестры, и твердымъ, самоувереннымъ шагомъ пошелъ впередъ. Дорога была ему такъ знакома, онъ такъ хорошо зналъ всѣ извилины ея! Съ непостижимою осторожностью обходилъ онъ колеи, которыя лежали параллельно по обѣимъ сторонамъ дороги, и безошибочно шелъ посреди, именно по тому мѣсту, гдѣ ходили въ упряжи волы.

Гораздо труднѣе было обходить терновые кустарники и сухія вѣтви, но и тутъ Зоя, нѣсколько опередившая брата, потихоньку отстраняла все, что могло причинить ему вредъ. Иногда она какъ бы случайно задѣвала за вѣтку кончикомъ зонтика, а для слѣпца и этого легкаго шороха достаточно было, чтобы предупредить о качествѣ и разстояніи предмета, который могъ ему повредить. Уже изъ-

немедко минутъ продолжалась эта мальничья хитрость, какъ вдругъ половное движеніе Зои все открыло фронтальному Юстинъ. Однако онъ не рассердился, какъ это случалось иногда, на постоища, которыхъ быть предметомъ, и шутя сказалъ вострѣ:

— А вотъ я тебя опять веждаю, плутовка! Зачѣмъ вѣчно минимать мною? Большая бѣда, что вѣтка капитановаго дорера теснулась бы моего лица; еще если бы это было осенью, когда деревья покрыты ягодами съ молочными шишками... во телерь? въ половинъ мая? Притомъ же ты знаешь, что менъ глаза не подвергается никакой опасности, хотя ластоны часто говорили мнѣ, что они также прекрасны и свѣтлы какъ твои.

Обрадовавшись предлогу продолжать начатый разговоръ, Зоя вошла рядомъ съ братомъ, чтобы вѣрнѣе наблюдать за всеми его движеніями и охранять его отъ всякой опасности.

— Да, Юстинъ, сказала она, укрывая его подъ своимъ зонтикомъ, сама же подвергаясь солнечному зною; правда, твои глаза шреверсны! Но я желала бы цѣною всей своей крови, чтобы въ нихъ не было недостатка.

— Полно, дитя мое, прервалъ слезной связью, развѣ твои глаза не мнѣ принадлежать? а въ нихъ нѣтъ никакого недостатка и я очень часто употребляю ихъ въ дѣло. Бже мой, Зоя, зачѣмъ эти вѣчныя сожалѣнія о моемъ воображаемомъ несчастіи! Я прощаю эту глупость тѣмъ, кто не знаетъ меня и воображаетъ, что непременно обязанъ подать мнѣ милостыню своего состраданія. Но ты, Зоя, ты знаешь, какъ мало жалю я о свѣтѣ, о которомъ вы безпрерывно твердите мнѣ. Я не постигаю этихъ нескончаемыхъ сожалѣній и горькаго ропота. Вѣдь я счастливъ, сестрица, слышишь ли, счастливъ, и ничуть не горюю о лишеніи преимущества, котораго мнѣ не могу понять, не смотря на все ваши объясненія. Съ тобою, Зоя, и съ добрымъ наставникомъ моимъ, я ничего же боюсь; ничего не желаю! Одно только воспоминаніе о милой матери, такъ рано потерянной, наводитъ грусть на мою душу.

Зоя остановилась, какъ бы желая обратить особенное вниманіе брата на свои слова:

— Послушай, Юстинъ, сказала она съ грустью, болѣе всего тревожатъ меня слова незабвенной матери, которой потерю мы не перестаемъ оплакивать каждую минуту. Я не могу забыть словъ, произво-

осмыслить его за несколько месяцев до страшной минуты, когда мы делились ею. Юстинъ, сказала она, может-быть будетъ счастливъ пока сохранить привычки и наклонности дѣтства; но кто знаетъ, что будетъ съ нимъ, когда наступитъ возрастъ страстей? И эти слова запечатлѣлись въ моей памяти, какъ пророчество святой праведницы, такъ много любившей насъ!

Они въ молчаніи продолжали путь своей. Юстинъ погрузился въ глубокую думу при воспоминаніи, вызванномъ Зоєю. Наконецъ, опомнившись, онъ медленно сказалъ сестрѣ:

Не можешь ли ты сказать мнѣ, Зоя, что значитъ возрастъ страстей?

Но... я сама не очень понимаю, братецъ, сказала Зоя, такая же невинная и неопытная въ дѣлахъ жизни, какъ и братъ.

— Въ такомъ случаѣ зачѣмъ пугать себя опасностью, которой мы не знаемъ, сказалъ Юстинъ съ безпечностью, быть-можетъ изволью принужденною.

Они дошли до того мѣста, гдѣ дорога не суживалась частою и темною изгородью, но, расширяясь, открывала глазамъ необозримый горизонтъ. По обѣимъ сторонамъ разстилались роскошныя поля съ хлѣбомъ еще не созрѣвшимъ; но налившіеся уже колосья, испещренные васильками, чернухою и макомъ, волновались словно море, при дуновеніи вѣтра.

За четверть мили напротивъ вутниковъ возвышалась странной архитектуры колокольня небольшой ветхой церкви; тамъ и сямъ были разбросаны фермы и небогатыя хижины; но не видно было ни одного живаго существа, деревня какъ-будто была всеми оставлена въ этотъ торжественный часъ, посвященный молитвѣ.

Однако Юстинъ вдругъ остановился и неподвижно прислушиваясь къ шуму на ближнемъ полѣ, ему принадлежавшемъ, сдѣлалъ знакъ Зое замолчать. Дѣвушка остановилась и сама стала прислушиваться, но ничего не слышала, кромѣ шума колосьевъ, колымавшихся при каждомъ дуновеніи вѣтра.

— Ты ничего не слышишь? спросилъ сляпой вполголоса.

— Ничего, отвѣчала также тихо Зоя.

— А я слышу, что косятъ серпомъ рожь, которая только черезъ мѣсяцъ поспѣетъ, и чувствую запахъ скошенной травы, а потому вѣрою обмануться. Зоя, я увѣренъ, что кто-нибудь изъ нашихъ

мошенниковъ-сосѣдей воспользовался временемъ, когда всѣ вошли въ церковь, чтобы опустошить наши поля. Бьюсь объ закладъ, что это негодяй Жанъ Пулу, котораго прозвали, не знаю за что, кирасромъ, или кто-нибудь изъ его шайки....

— О, братецъ, можешь ли ты такъ думать....

— Тинь, прервалъ слѣпой.

На этотъ разъ и Зоя явственно услышала нѣсколько грубыхъ голосовъ, и въ то же время увидѣла, что въ разныхъ мѣстахъ рожъ то заколышется, то вдругъ исчезнетъ, какъ-будто вытоптанная или вырванная невидимыми хищниками.

— Кто тутъ? закричалъ Юстинъ, сердитымъ и грубымъ голосомъ.

При этомъ неожиданномъ и грозномъ вопросѣ, двое или трое грязныхъ, оборванныхъ мальчишекъ показались надъ зыблущейся сѣтертью зеленой ржи. Старшій изъ нихъ держалъ на плечахъ огромный снопъ, приготовленннй имъ съ помощью двухъ меньшихъ, и безъ сомнѣннй намѣревался унести его. Но увидѣвъ Юстина и Зою, три маленькіе вора остолбенѣли отъ страха.

Прежде всѣхъ пришелъ въ себя старшій мальчикъ и подалъ знакъ къ побѣгу, бросивъ снопъ и закричавъ изъ всѣхъ силъ:

— Слѣпой! слѣпой! убъжимъ!

— Ты правъ, Юстинъ, сказала Зоя; это дѣти кирасира.

Услышавъ, что негодяи побѣжали черезъ хлѣбъ, и безъ жалости топтали его, Юстинъ пришелъ въ страшный гнѣвъ.

— Негодяи, грабители, проклятое племя! закричалъ онъ въ бѣшенствѣ, вѣрно вашему пьяницѣ отцу мало процесса, который уже разорилъ его? Такъ я добьюсь того, что васъ выгонять отсюда и запрутъ въ тюрьму все ваше разбойничье племя, мошенники! Быте! Но повѣрьте, я найду васъ!

Но пока онъ говорилъ, дѣти успѣли убѣжать съ поля и скрылись на другомъ концѣ поворота. Боясь опасной встрѣчи въ этомъ пустомъ мѣстѣ, Зоя старалась успокоить брата и увести его отсюда; но съ Юстиномъ не легко было слѣдить: онъ хотѣлъ увѣриться, не возвратятся ли грабители взять снопы, которые принуждены были бросить. Однако Зоя такъ стала упрашивать брата, что онъ уже не сопротивлялся болѣе.

— Нужды нѣтъ! говорилъ онъ, продолжая путь, дѣло на этомъ не остановится, надѣ наконецъ докончить все это. Жать незрѣлымъ

рожь съ чужаго поля — это преступленіе, строго наказываемое законами. Мы это увидимъ; клянусь честью, этотъ бездѣльникъ кирасиръ поплатится мнѣ! надо наконецъ дать острастку другимъ.

— Братецъ, сказала Зоя съ кротостью, къ чему послужило, что ты заставилъ присудить его къ платежу значительнаго штрафа за убытки, нанесенные тебѣ прошедшей зимой? У него ничего больше нѣтъ; онъ и семейство его живутъ милостынею и воровствомъ.

— Я прикажу всѣхъ ихъ задержать какъ воровъ и бродягъ, и освобожу отъ нихъ нашу сторону.

— Я не долженъ равнодушно смотрѣть, какъ разоряютъ мою собственность? сказалъ Юстинъ въ досадою.

Если бы ты зналъ какъ они несчастны! Мнѣ рассказывалъ Петръ, проходившій нѣсколько дней тому назадъ мимо дома, который выстроилъ себя кирасиръ, тамъ, позади этой роши, что трудно найти что-нибудь печальнѣе и достойнѣе сожалѣнія; представь себѣ : инако выстроены изъ древесныхъ вѣтвей и покрыты слоемъ мусору; солома служитъ вмѣсто крыши, ни мебели, ни постели! и тамъ-то все семейство провело прошедшую, жестокою зиму. Старая осьмидесятилѣтняя мать Пулу, кирасиръ, трое дѣтей, всѣ они спятъ на полу, на сухихъ листьяхъ. Очень часто имъ нечего вѣсть; о! на нихъ смотрѣть нельзя безъ жалости.

— Дѣйствительно ли они такъ несчастны? спросилъ Юстинъ, котораго гнѣвъ утихалъ по мѣрѣ того, какъ говорила Зоя; этотъ кирасиръ сидитъ цѣлые дни въ кабацѣ, лишь только заведутся у него деньги, и я слышалъ, что жена его, мать этихъ трехъ маленькихъ вогодяевъ, умерла отъ его жестокаго обращенія.

— Дѣло не о кирасирѣ, милый братъ, но о его старой матери, о дѣтяхъ, которые умрутъ съ голоду, если отънимутъ у нихъ отца.

У слѣпаго было доброе сердце, хотя онъ и требовалъ отъ другихъ, какъ и отъ самаго себя, строгой справедливости, и рассказъ Зои глубоко тронулъ его.

Ну, пусть будетъ по твоему, милая сестрица, сказалъ онъ послѣ краткаго молчанія, я не буду преслѣдовать ихъ судомъ, и если они въ-самомъ-дѣлѣ такъ бѣдны, какъ ты говоришь, то пошли имъ немного денегъ, только потихоньку. отъ меня, и прикажи сказать, что я ничего не знаю о твоёмъ подаяніи, что я очень сердитъ на нихъ....
Можетъ-быть это внушить имъ лучшія чувства.

— О, какъ ты добръ, милый братъ! сказала обрадованная Зоя; но я уже нѣсколько разъ помогала имъ; и еще вчера вечеромъ послала къ матери Пулу нѣсколько су, для того чтобы они могли имѣть кусокъ мяса къ обѣду на сегодняшнее воскресенье.

— По чести, они очень доказали свою благодарность, сказалъ Юстинъ съ насмѣшливою улыбкою. Не безпокойся, Зоя; мы будемъ заботиться о старухѣ и дѣтяхъ, обывающъ тебя.

Зоя пожала руку брата, за которую вела его. Въ то же время ветхій, полуразрушенный деревянный крестъ, простиравшій объятія свои къ небу, показался изъ за плетня и возвѣстилъ, что цѣль путешествія достигнута.

Хотя весь окрестные жители Сентъ-Флорана величали его селомъ, а въ уездномъ календарѣ упоминали даже о его ежемѣсячныхъ ярмаркахъ, однако жъ на дѣлѣ, Сентъ-Флоранъ былъ не что иное какъ деревушка, состоявшая изъ дюжины домиковъ; главнѣйшіе изъ нихъ стояли на церковной площади. Бѣлый домикъ съ зелеными ставнями, принадлежавшій нотаріусу; харчевня, издали замѣтная по пучку сухой осы, висѣвшей надъ дверью; полуразвалившійся домъ священника — вотъ самыя замѣчательныя зданія на грязной, неровной площади, у которой одинъ уголъ былъ загороженъ оршникомъ. Самая же церковь принадлежала къ тѣмъ простымъ зданіямъ, которыхъ происхожденіе теряется во мракѣ временъ. Никакого украшенія не было на почернѣлыхъ стѣнахъ ея, поросшихъ мохомъ. Единственнымъ украшеніемъ преддверія были двѣ маленькія колонны безъ всякой рѣзбы. Вместо колокольни, колоколъ висѣлъ на деревянныхъ подставкахъ, и такимъ-образомъ оставался на открытомъ воздухѣ, подвергаясь всемъ переменамъ погоды, вслѣдствіе чего издавалъ самый хриплый звукъ.

Пришедъ на площадь, Юстинъ и Зоя тотчасъ догадались, что обѣда уже началась: внѣ церкви оставались только торгаша въ деревянныхъ башмакахъ, для которыхъ, каждое воскресенье, собраніе въ церкви служило только благопріятнымъ случаемъ для сбыта товаровъ и продажи скота. Жители села, съ семействами, женщины, дѣти, все находились въ церкви. Торгаша же, находившіеся внѣ,

храма на площади, приходили и уходили, смѣялись, спорили и кричали по рукамъ въ заключеніе торговъ: церемонія, неизбежно увлекавшая продавца и покупателя въ ближнюю харчевню.

Но въ этотъ день совершенно новый предметъ привлекалъ ихъ вниманіе: великолѣпная коляска, запряженная парой дорогихъ лошадей, стояла у церковной паперти. Кучеръ въ роскошной ливреѣ сидѣлъ на козлахъ и съ ихъ высоты смотрѣлъ на званки, которые, расиня ротъ, любовались на блестящій экипажъ и вполголоса сообщали другъ другу свои простодушные наблюденія.

— Пріѣзжіе изъ Помри здѣсь, сказала Зоя, не скрывая своей радости.

— А намъ что за нужда!

— А то, братецъ, возразила Зоя съ замѣшательствомъ, что если бы мы имѣли нужду, при нашей пустынныйской жизни, въ приятномъ знакомствѣ и помощи....

— Отчего же, Зоя, ты болѣе надѣешься на постороннихъ людей, совершенно незнакомыхъ намъ, съ которыми впрочемъ я съ своей стороны вовсе не имѣю желанія познакомиться, чѣмъ на меня, твоего брата, твоего лучшаго друга?

Зоя не знала что отвѣчать, но къ счастью ея приходъ въ церковь прервалъ разговоръ.

Внутренность сельскаго храма совершенно соответствовала бѣдной наружности. Ни одного фреска, ни одной картины на позеленѣвшихъ сырыхъ стѣнахъ; только кое-гдѣ въ мрачныхъ нишахъ стояли деревянныя изображенія святыхъ, самой простой работы, да Мадонны, украшенныя полинялою мишурою. Алтарь былъ совсѣмъ не роскошный: на престолѣ нѣсколько большихъ мѣдныхъ подсвѣчниковъ, синія стеклянныя вазы, наполненныя полевыми цвѣтами, маленькая дарохранительница деревянная, изъкогда позолоченная, но теперь сохранившая отъ первобытной позолоты только красноватый цвѣтъ; но въ сельскомъ храмѣ царствовало такое безмолвіе, такое благоговѣніе, какихъ конечно напрасно стали бы искать въ некоторыхъ храмахъ Парижа.

Когда Юстинъ и Зоя пришли въ церковь, обѣдня была почти уже на половинѣ, и они должны были проходить между рядами присутствующихъ до скамьи, находившейся у самаго алтаря, за которую они дорого платили священнику. Въ задней части трапезы, на колынахъ стояло почти все народонаселеніе сельскаго общества; мужчины въ одинаковой одеждѣ изъ грубой шерстяной матеріи, синяго цвѣту, въ одной рукѣ держали соломенные шляпы, въ другой четки; на женщинахъ же были головныя уборки изъ сѣраго полотна, суконныя платья и платки яркихъ цвѣтовъ; все они шептали тѣ же молитвы, которыя каждое воскресенье въ продолженіе многихъ вѣковъ произносили отцы ихъ, преклонивъ колѣна на тѣхъ же камняхъ.

Приходъ Юстина и Зои Лакло возбудилъ легкое движеніе любопытства, нѣкоторые даже дружелюбно кивнули головой Зоя, и все почтительно разступились, чтобы дать имъ дорогу. Зоя послѣднимъ подошла къ алтарю, вѣдя брата за руку. Тутъ только Зоя, казалось, вспомнила о постороннихъ особахъ, присутствовавшихъ въ церкви. Она подняла глаза и въ нѣсколькихъ шагахъ, на скамьѣ, находившейся съ другой стороны алтаря, напротивъ ея скамьи, увидѣла богатыхъ жителей Помри, владѣльцевъ блестящей коляски, стоявшей у преддверія храма. Тамъ сидѣли двѣ дамы, одна уже пожилая, въ самомъ смѣнномъ нарядѣ, другая еще молодая, одѣтая съ тою изящной простотою, которая отличаетъ свѣтскую знатную даму, и молодой человекъ лѣтъ тридцати, изящной наружности, въ налевыхъ перчаткахъ, точно на какомъ раутѣ въ шоссе-д'антенскомъ предмѣстіи; онъ, казалось, удивлялся присутствію своему, быть-можетъ въ первый разъ, въ ѣдномъ сельскомъ храмѣ.

Все трое поклонились Зоя, какъ скоро замѣтили, что она смотрѣла на нихъ. Зоя тихо предупредила брата и краснѣя кивнула головкой. Слѣпой тоже учтиво, но холодно поклонился и тотчасъ же обратился къ алтарю, гдѣ старшій священникъ, сгорбленный отъ старости и болѣзней, совершалъ службу съ помощью ѣднаго крестьянина, служившаго ему пономаремъ въ церкви и прислугою дома. Зоя была въ больномъ замѣнательствѣ, сама не зная отъ чего, и долго искала своего молитвенника въ ящикѣ наоя, куда всякое воскресенье прятала его; потомъ послѣднимъ раскрывъ его, стала читать

МОЛИТВЫ СЪ ТАКИМЪ НАПРЯЖЕННЫМЪ ВНИМАНІЕМЪ, КАКЪ-БУДТО ЖЕЛАЛА ВОЗНАГРАДИТЬ УТРАЧЕННОЕ ВРЕМЯ.

Впрочемъ, если она повидимому забыла новыхъ гостей сень-флоранскаго прихода, за то она съ такимъ любопытствомъ разсматривали брата и сестру, что справедливо можно было предполагать, что собственно за тѣмъ только и пріѣхали въ церковь, чтобы видѣть ихъ. И дѣйствительно, Юстинъ былъ мѣстною рѣдкостью, достойною любопытства. Если бы онъ только захотѣлъ, то мирное жилище Гранпрё всегда было бы наполнено почитателями; но самое это оскорбительное любопытство было причиною отвращенія его отъ людей. Да и Зоя не менѣе была знаменита удивительною преданностью къ брату. Юстинъ изъ самолюбія имѣлъ отвращеніе къ посвященіямъ, а Зоя по скромности не любила ихъ; вотъ почему, противъ всякихъ правилъ свѣтскаго приличія, они не приняли владѣльцевъ Помри, когда тѣ, какъ добрые сосѣди, пріѣхали посвятить ихъ. Очень вѣроятно было, что пріѣзжіе изъ Парижа, изъ одного благочестія присутствовали въ сельскомъ храмѣ Сень-Флорана.

Молодой щеголь внимательно всѣхъ разсматривалъ Юстина и Зою. Съ перваго появленія ихъ, онъ не отнималъ отъ глазъ черепаховога лорнета, висѣвшаго у него на шеѣ. Быть-можетъ не изъ одного простаго любопытства Викторъ Нельякъ съ такимъ участіемъ наблюдалъ за слѣпымъ. Несмотря на видъ молодости и легкомыслія, скорѣе приличнаго повѣсь парижскихъ гостиныхъ, нежели дѣловому чловѣку, онъ былъ уже знаменитѣйшимъ докторомъ въ Парижѣ; быть-можетъ во время этого продолжительнаго наблюденія, онъ старался открыть новый случай, которымъ могъ бы обогатить науку. Последнее предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что его уже очень часто видали около жилища Юстина и Зои Лакло; онъ тщетно употреблялъ всѣ усилія, чтобы сблизиться съ ними.

Но какая бы ни была истинная причина, Викторъ, послѣ продолжительнаго молчанія, опустил лорнетъ, и сказалъ дѣмъ, сидѣвшей подлѣ него :

— По истинѣ, милая Эвѣлія, это прелестная парочка; жаль что

болѣзнь брата несчастливца, какъ я могу о томъ судить по виду. Да, очень жаль для него и для бѣдной сестры.

Произнесши этотъ приговоръ, къ-несчастью слишкомъ справедливый, молодой докторъ снова приставилъ къ глазу лорнетъ и опять погрузился въ наблюденія.

Дама, къ которой онъ отнесся съ этими словами, отвѣчала только благосклонною, но грустною улыбкою, повидимому, обычною ей. Она была лѣтъ тридцати съ небольшимъ и еще замѣчательной красоты. При первомъ взглядѣ можно было въ ней узнать миловидную парижанку, взрослую въ теплой и благовоющей атмосферѣ гостиныхъ, одну изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ сладко убаюкиваетъ лесть поклонниковъ, женщинъ, для которыхъ у всякаго есть улыбка удивленія и лѣстливыя слова, до-тѣхъ-поръ, пока вдругъ разочарованіе зрѣлаго возраста не разбудитъ ихъ. Для мадамъ Франзивиль, такъ называлась эта дама, не было недостатка ни въ обольщеніяхъ, ни въ упительныхъ ласкательствахъ свѣта. Оставшись вдовою двадцати четырехъ лѣтъ послѣ стараго мужа, оставившаго ей огромное состояніе, она долго продолжала вести жизнь, исполненную увлеченій и празднествъ, жизнь, для которой, казалось, она была рождена, и долго воевала на блистательномъ престолѣ модъ, который для многихъ женщинъ кажется высшею точкою человѣческаго благополучія; но вдругъ, неизвѣстно отъ чего, она оставила свѣтъ гораздо прежде, нежели свѣтъ думалъ покинуть ее. Болѣзнь, вынесенная ею за годъ до появленія въ Сенъ-Флоранъ; была видимою причиною таинственнаго отреченія отъ владычества царицы гостиныхъ; во время выздоровленія своего, она рѣшилась переехать въ Помри, одно изъ принадлежавшихъ ей помѣстьевъ, котораго имя она едва знала за три дня до отъѣзда. Прислуга прекраснаго дома въ Помри, около двадцати лѣтъ невиданная господѣ, очень изумилась, когда въ одно утро у воротъ остановилась почтовая коляска, изъ которой вышли докторъ Нельякъ, Эвѣлія Франзивиль и тетка ея, старая дѣвица де-ла-Помри, привезенная сюда племянницею болѣе, кажется, для соблюденія приличія.

Мадамъ де-Франзивиль, блѣдная, томная безъ приторности, была

выше средняго роста. Она уже не имѣла, а можетъ-быть въ ней никогда и не было свѣжести молодости и здоровья, такъ скоро проходящихъ; но ни съ чѣмъ нельзя было сравнить гармоничную чистоту и правильность оклади лица ея, блеску голубыхъ глазъ и чуднаго цвѣту каштановыхъ волосъ, которые пышными локонами виспадали по обѣимъ сторонамъ лица, выказывая матовую, атласную бѣлизну его. Хотя она была въ томъ уже возрастѣ, когда нарядъ дѣлается необходимою для женщинъ, однако же она была одѣта безъ всякой пышности и претензій: сѣрое шелковое платье, черная мантилья, бѣлая креповая сборчатая шляпка, составляли весь ея нарядъ; но не смотря на эту простоту, все на ней было такъ граціозно, что при первомъ взглядѣ на ея манеры и движенія, тотчасъ можно было угадать знатную даму, которая привыкла, чтобы все покорялось ея волѣ и улыбкѣ. Но грусть, разлитая по лицу ея, заставляла предполагать, что всѣ эти преимущества не спасли ея отъ горестей, которыхъ не избѣгаютъ самыя привилегированныя существа. Живымъ контрастомъ этого прекраснаго благороднаго созданія, была вертѣвшаяся подлѣ нея маленькая, угрюмая старушка, странное соединеніе драгоценныхъ камней, кашемира, чепчика съ цвѣтами, багровое лицо ея, выразившее надутую спесь, едва было видно изъ-за вычурнаго наряда. Въ моральномъ отношеніи, какъ и въ физическомъ, дѣвица де-ла-Помри была уродомъ странности, и смѣшныя стороны ея часто надоедали очаровательной племянницѣ; но она имѣла особенныя причины удалиться въ глушь, въ дальнюю дѣревню, со старой, прозаической и желчной теткой; а та, вѣроятно, понимая какъ была необходима, давала полную свободу своей природной злости.

При словахъ доктора, мадамъ де-Франшвилъ устремила на него печальный, долгій взоръ, исполненный выраженія. Викторъ поспѣшно отвернулся, и она снова впала въ глубокую задумчивость, смотря на Юстина и Зою Лакло, двухъ сиротъ, проводившихъ въ неизвѣстности, въ этомъ отдаленномъ уголку міра, такую странную и непонятную для нея жизнь, — для нея, блистательнаго метеора роскоши и тщеславія.

Она погрузилась въ размышленіе — быть-можетъ, въ этомъ размышленіи отзывалось сожалѣніе и грусть.

Обѣдня окончилась. Въ ту минуту, когда послѣдній звонокъ возвѣ-

стиль, что старшій священникъ уходилъ въ ризницу, Юстинъ поспешно сказалъ сестрѣ :

— Посмотри, Зоя, нѣтъ ли въ толпѣ кого-нибудь изъ нашихъ фермеровъ.

— Я никого не вижу, братецъ, отвѣчала Зоя, съ большимъ страхомъ, замѣтя необыкновенную блѣдность лица своего брата ; только старая Жанета здѣсь, и если тебѣ нужно что приказать....

— Жанета никакъ не можетъ быть намъ полезна, возразилъ слѣпой спокойно; а призжіе вышли изъ церкви ?

— Нѣтъ еще, братецъ; вѣроятно они еще ждутся, пока толпа разоидется.

— Или, скорѣе, ждуть, когда мы будемъ выходить, для того, чтобы свести знакомство, котораго я не желаю. Кажется они рѣшились на это во что бы ни стало ! Ну что жъ, мы поспоримъ въ торжизніи; такая навязчивость совершенно непонятна.

Послѣ этихъ словъ, Юстинъ усвѣся, скрестивъ руки на груди, съ видомъ спокойной рѣшимости. Смущенная взорами призжіихъ, ностолженно устремленными на нее и на ея брата, Зоя продолжала молиться, въ то время какъ толпа, наполнявшая церковь, мало-по-малу выходила; однако она не долго могла скрывать свое безмокойство.

— Братецъ, сказала она, для чего ты желалъ найти здѣсь какого-нибудь фермера ?

— Потому что, милая Зоя, мнѣ теперь хотѣлось бы поскорѣе возвратиться домой : я чувствую, самъ не знаю отчего, слабость и сильное головокруженіе. Съ одною же твоєю помощію, я не скоро доберусь до Грайпрѣ....

Зоя сдѣлала надъ собою необыкновенное усиліе, чтобы не вскрикнуть отъ ужасу.

— О Боже мой ! шептала она.

— Ушли ли призжіе изъ Пемри ? спросилъ Юстинъ, не трогаясь съ мѣста.

— Нѣтъ; но они собираются вхатъ; старая дама очень спѣшитъ. Позволишь ли ты мнѣ поговорить съ ними, братецъ ? Я попрошу ихъ помощи, попрошу проводить насъ....

— Не позволяю, сестрица, сказалъ слѣпой рѣзительно.

— Не было примѣру, чтобы Зоя не исполнила каприза, тамъ болѣе

приказанія Юстиня; она посмотрѣла на него съ отчаяніемъ и слезы навернулись у нея на глазахъ. Юстинъ поспѣшно прибавилъ :

— Зачѣмъ обижаться посторонними людьми, когда мы очень можемъ обойтись безъ ихъ помощи? Демой мы пойдемъ по лавальской дорогѣ, о которой я, при головной боли совсѣмъ было позабылъ. Она гораздо короче и прохладнѣй той, по которой мы сюда пришли. Видишь ли, намъ совсѣмъ не нужно прибѣгать къ призжимъ съ унижительной просьбой объ услугѣ, которую, можетъ-быть, они вовсе не расположены оказать.

Онъ сказалъ это рвнтельнымъ голосомъ, не допускавшимъ возраженій; бѣдная Зоя, не смотря на свой ужасъ, не смѣла противорѣчить ему. Впрочемъ мадамъ де-Франшвилъ и докторъ уже вышли изъ церкви, вреднествуемые старой дѣвой, которая ворчала сквозь зубы, не довольная замедленіемъ. Но Зоя не оставяла своего намѣренія и все надѣялась, пока стукъ кареты не возвестилъ ее объ отъѣздѣ сосѣдей.

— Юстинъ, сказала она, въ церкви теперь никого нѣтъ кромѣ насъ; умоляю тебя, пойдемъ.

Слѣпому нечего было болѣе возражать; онъ всталъ и оба вышли на паперть. Пришедши на площадь, Зоя быстро оглядываясь кругомъ, и увидѣла, что пріѣзжія дамы не сѣдлись еще въ карету, а стояли на другомъ концѣ площади и со вниманіемъ слушали нѣсколькихъ крестьянъ, почтительно, что-то имъ рассказывавшихъ. Не долго могла она дѣлать свои наблюденія, потому-что едва только она съ братомъ показалась у дверей, какъ докторъ Викторъ Нельякъ, съ тросточкой въ рукѣ, подошелъ къ нимъ.

Увидѣвъ доктора Нельяка, Зоя покраснѣла. Викторъ поклонился и, съ вѣжливостью обратившись къ Зоѣ, сказалъ :

Сосѣдка ваша, мадамъ де-Франшвилъ, поручила мнѣ убѣдительно просить васъ доставить намъ удовольствіе проводить васъ въ коляскѣ до Гранпрѣ.

— Я не знаю, можемъ ли мы, прошептала Зоя, посмотрѣвъ на брата, который оставался спокойнымъ и холоднымъ.

— О, вы не можете отказаться, продолжалъ докторъ съ настойчивостью; мадамъ де-Франшвилъ не простила бы вамъ этого; а я очень сторчался бы отказомъ вашимъ. Исключительная любовь къ уединен-

нiю можетъ оправдать нежеланiе принимать посвятителей, но отвергать услугу сосѣдей, друзей, когда имѣють въ ней нужду — о, это было бы ложною гордостью, къ которой вы совершенно неспособны.

Изъ всѣхъ способовъ приглашенiя, которые могъ бы придумать Викторъ, этотъ былъ самый неловкiй и болѣе всего могъ раздражить Юстина. Обращаясь съ предложенiемъ услугъ къ сестрѣ, докторъ тронулъ самую чувствительную струну самолюбiя брата. Юстинъ послышалъ отвѣчать учтиво, но сухо :

— Очень благодаренъ мадамъ де-Франшвилъ и вамъ за любезное приглашенiе, но ни я, ни моя сестра не можемъ принять его : вамъ совсѣмъ не по дорогѣ и вы должны будете безъ всякой нужды сдѣлать лишнiй кругъ. Сестрѣ моей нечего бояться; впрочемъ я хоть и кажусь безсильнымъ и бесполезнымъ, однако ни въ комъ не нуждаюсь, чтобы заставить уважать ее.

Онъ поклонился и хотѣлъ удалиться.

Докторъ оцѣнилъ отъ изумленiя, какъ будто какое чудо совершилось передъ его глазами; онъ думалъ, что Юстинъ только кроткое и покорное дитя, и вдругъ встрѣтилъ челоуѣка гордаго, исполненнаго воли. Однако одобренный взглядомъ Зои, онъ хотѣлъ уже поискуснѣе возобновить свою просьбу, какъ вдругъ явился помощникъ, вѣроятно посчастлививше его.

Эввалия де-Франшвилъ, потерявши терпѣнiе и беспокоясь за успѣхъ разговора доктора съ сиротами, оставила въ коляскѣ свою старую тетку, которая болѣе обыкновеннаго ворчала на эти остановки, и подошла, чтобы присоединить личную просьбу къ убѣжденiямъ Нельяка отъ ея имени. При приближенiи прекрасной и благородной дамы, Юстинъ почувствовалъ, что вокругъ него происходило что-то новое. Притомъ легкiй шелестъ шелковой мантии, благоуханiе, распространявшееся отъ изящнаго наряда мадамъ де-Франшвилъ, тотчасъ заставили его отгадать особу, приближавшуюся къ нему; онъ учтиво поклонился ей, прежде нежели она заговорила съ нимъ.

Эввалия де-Франшвилъ сперва обратилась къ любопытнымъ, столпившимся около нея, и сказала имъ съ повелительною любезностью:

— Друзья мои, развѣ у васъ такой обычай давить людей, когда они остановятся на минуту поговорить между собою? отойдите пожалуйста; для всѣхъ есть мѣсто.

Слова эти, сказанныя на чистомъ французскомъ языкѣ, вѣроятно

понятны были не для всехъ слушателей. Но повелительный видъ мадамъ де-Франшвилъ, ея голосъ, движенія, довольно ясно высказывали ея мысль. Любопытные обоего пола повиновались ея приказанію, и мало-по-малу разошлись.

Тогда обратившись къ брату и сестрѣ, ждавшихъ ее на томъ же мѣстѣ, мадамъ де-Франшвилъ сказала приветливо :

— Не правда ли, любезные сосѣди, вы согласились на предложеніе, сдѣланное вамъ докторомъ по моему порученію? Въ противномъ случаѣ заранѣе объявляю вамъ смертельную войну. Но знаете ли, вы нанесли уже мнѣ жестокое оскорбленіе, не принявъ меня, когда я пріѣхала къ вамъ, какъ добрая сосѣдка? Позвольте мнѣ довести васъ къ моей коляскѣ. Въ такомъ только случаѣ вы получите прощеніе.

Голосъ мадамъ де-Франшвилъ былъ чистый и мелодическій, проникающій въ душу, какъ самая восхитительная музыка. При первыхъ звукахъ голоса Эввалин, Юстинъ вздрогнулъ, какъ-будто испытывая вдругъ новое, сладостное ощущеніе, которому преданъ безъ сопротивленія. Чѣмъ болѣе она говорила, тѣмъ болѣе приходилъ онъ въ восторгъ. Улыбка играла на его полуоткрытыхъ устахъ, и голова граціозно склонилась на плечо, въ ту сторону, гдѣ стояла молодая женщина; онъ весь обратился во вниманіе къ звукамъ, исходившимъ съ ея устъ. Когда она перестала говорить, Юстинъ былъ такъ взволнованъ, новыя мысли, до того невѣдомыя, пробудившіяся теперь въ его душѣ, были такъ сладостно-смутны, что онъ не былъ въ силахъ произнести ни одного слова въ отвѣтъ.

Зоя замѣтила его волненіе, хотя не понимала причины, и поспѣшила къ нему на помощь.

— Братъ отъ всей души благодаритъ васъ за любезное предложеніе, но не считаетъ за нужное принять его.

— Мосьё Лакло довольно ясно высказалъ уже свое мнѣніе объ этомъ, сказалъ докторъ съ небольшою досадою; онъ непремѣнно хочетъ возвратиться пынкомъ съ своей сестрицей.

Мадамъ де-Франшвилъ, обладая дивнымъ тактомъ женщины, счастливо избѣгла подводнаго камня, о который за минуту разбился докторъ; не было возможности противиться ея просьбамъ. Юстинъ, успокоившись отъ волненія, отвѣчалъ дрожащимъ и немного измѣнившимся голосомъ :

— Примите мою благодарность за столько милостей; мнѣ кажется,

что вы всегда должны быть правы, и потому, если страх обезвечит васъ, принявъ мѣста, предлагаемыя намъ въ вашей коляскѣ....

— О не безпокойтесь, весело сказала Эввалия : въ коляскѣ дѣйствительно только четыре мѣста, и одно уже занято моимъ тѣтушкой, но у меня было предположеніе, которое теперь я могу привести въ исполненіе : я хотѣла просить нашего милаго доктора посвятить одного больного бѣдняка, бывшаго жертвою несчастнаго случая, для того, что бы онъ самъ увѣрился, справедливо ли, что рана такъ опасна, какъ говорятъ; возвращаясь назадъ, мы заведемъ за нимъ.

— Для васъ нѣтъ ничего неприятнаго въ этомъ распоряженіи, Нельякъ?

Это распоряженіе, вѣроятно, разстроивало какое-нибудь тайное намѣреніе доктора, бросающаго умоляющій взглядъ на мадамъ де-Франшвиль.

Но она лукаво отвернула голову.

— Ни мало, отвѣчалъ наконецъ бѣдный докторъ. Долгъ всегда прежде удовольствія.

Юстинъ хотѣлъ извиниться передъ нимъ, но мадамъ де-Франшвиль недопустила его, съ живостью сказавъ :

— Пойдемте же, господа, я въ восторгѣ, что вы оба такъ послушны; докторъ, подайте руку мадамозель Лакло; надо же чѣмъ-нибудь вознаградить васъ. А вы, мосьё Лакло, продолжала она, обращаясь къ Юстину, вы огласились быть моимъ кавалеромъ на несколько минутъ; смотрите же, исполните свои обязанности.

И она безъ церемоній оперлась на руку Юстина, какъ-будто заставляя его проводить себя до коляски; небольшая благосклонность, столь необыкновенная при исключительномъ положеніи слѣпца, немовѣрно увеличила его гордость. Эта женщина съ перваго разу угадала разборчивую нежность и щекотливую деликатность страннаго характера Юстина.

Съ первой минуты она обходилась съ нимъ, какъ съ обыкновеннымъ свѣтскимъ человѣкомъ, и, приближаясь къ коляскѣ, слѣпой, казалось, велъ ее, а не она его. Юстинъ также позналъ всѣ малѣйшіе оттѣнки необыкновеннаго женскаго ума этой женщины; радость, гордость, надежда яркими чертами рисовались на его лицѣ, и онъ сказалъ своему прелестному путеводителю съ глубокимъ волненіемъ :

— О, вы должны быть прекрасны!

Мадамъ де-Францивилъ не тотчасъ отвѣчала на эту любезность, въ которой выразилась простодушная мысль чловѣка, рожившагося сдѣланнымъ и хотѣвшаго соединившаго «финическую нравственность» съ нравственною.

Она повернула голову, чтобы взглянуть на доктора, подававшаго руку Зоя, потомъ сказала съ разсвѣяннымъ видомъ :

— Я не думала, мосьё Юстинъ, что вы такой же льстецъ, какъ другіе; но почему вы думаете, что я хороша?

— Но вашему голосу, при томъ же.... самъ не знаю почему, но мнѣ кажется, что вы должны соединять въ себѣ все совершенство.

— Какъ вы ошибаетесь!

— О! я не ошибаюсь! сказала слѣпой съ выраженіемъ глубокаго убѣжденія.

Въ это мгновеніе двѣ пары раздѣлились случайно или по желанію медвѣдихъ сзади. Зоя съ своимъ кавалеромъ, неизвестно какъ, попала въ толпу звякъ, которые, разинувъ ротъ и вздернувъ носъ, смотрѣли на коляску, куда мадамъ де-Францивилъ и Юстинъ уже уѣхалъ, не замѣчая отсутствія доктора и Зои, далеко отставшихъ. Молодые люди на нѣсколько мгновеній оставались одни; докторъ воспользовался этимъ, чтобы тихо и поспѣшно сказать Зоя :

— Простите мою снзлость; но уже нѣсколько дней я усердно стараюсь найти случай поговорить съ вами наединѣ, и если бы вы были такъ милостивы....

— Я отгадала это, отвѣчала съ такою же живостью молодая дѣвушка; я также, какъ бы желала имѣть этотъ случай.

Глубокое удивленіе выразилось на лицѣ Виктора Нельяка, который можетъ-быть ошибочно объяснилъ себѣ этотъ простодушный отвѣтъ. Но онъ былъ слишкомъ тщеславенъ, чтобы размыслить, и слишкомъ уменъ, чтобы съ поспѣшностью не воспользоваться благоприятнымъ по его мнзнію случаемъ.

— Такъ назначьте мнѣ мѣсто, гдѣ бы завтра....

— Да, отвѣчала Зоя поспѣшно; завтра въ полдень у Стола жнецовъ; вамъ всякій покажетъ старинный памятникъ, находящійся въ двухъ стагахъ нагадъ отъ Гранпрё. Свиданіе въ ближайшемъ мѣстѣ невозможно; братъ могъ бы узнать объ этомъ.

— О! благодарю, благодарю; я буду васъ ждать.

Они замолчали, потому что подошли уже къ коляскѣ и докторъ замялъ недоверчивый взоръ мадамъ де-Францивилъ, устремленный на

кого, когда они разговаривали. Онъ помогъ Зевъ войти въ коляску, раскланялся и сдвлялъ знакъ кучеру взать.

— До свиданія, докторъ, прошу не сердиться, сказала мадамъ до-Франшвилъ съ кроткою насмѣшкою, высунувшись на минуту черезъ дверцу когда лошади поскакали.

— Жалкая ревнивица, сказалъ Викторъ Нельякъ съ насмѣшкою, она думаетъ, что наказала меня!

И потомъ перваго встречнаго крестьянина онъ заставилъ проводить себя къ больному.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Теперь, когда механическое исполненіе достигло высочайшей степени совершенства, лучшіе виртуозы поняли, что оно только тогда нравится публикѣ, когда имѣетъ въ виду пользу не одного артиста, но и искусства вообще. Ничто такъ не надоедаетъ, какъ заражающій всѣхъ эгоизмъ! Когда артистъ старается о томъ, чтобы выказать только блескъ своей технической способности, то это и есть эгоизмъ его въ музыкѣ, который скоро рождаеть и другой — эгоизмъ публики. Виртуозъ употребляетъ музыку на то, чтобы ему удивлялись, а публика, считая себя въ правѣ имѣть свой собственный эгоизмъ, говоритъ ему: «Ты хочешь, чтобы я удивлялась искусству твоей игры? Я это сдѣлаю, но съ условіемъ, что ты будешь забавлять меня, будешь играть мнѣ мелодіи, которыя мнѣ уже извѣстны и нравятся и которыя, следовательно, я скорѣе пойму!»

И такъ видно, что время виртуозности (искусства исполненія), не смотря на всѣ уступки виртуозовъ, прошло. Остается только следовать по пути, проложенному классическими концертами Моцарта и Бетговена; въ-самомъ-дѣлѣ это будетъ благородный и славный подвигъ, — обогатить этотъ прекрасный отдѣлъ музыки всѣмъ, что искусство наше выиграло со времени этихъ двухъ великихъ композиторовъ. А сколько сдѣлано успѣховъ, сколько новыхъ средствъ представлено въ распоряженіе композитора? Особенно инструментовка — этотъ важнѣйшій элементъ музыки, предугаданный Бахомъ, — созданный Моцартомъ, объясненный Бетгоvenutoмъ, — въ послѣднее время получилъ еще большее развитіе. Веберъ, Мейерберъ и Берліозъ довели его до такой степени совершенства, что большаго уже ничего и ожидать нельзя; (можетъ-быть такому быстрому развитію много

способствовало и смѣлое употребленіе ритма, принадлежащее къ новейшей школѣ). Современный виртуозъ-композиторъ обязанъ изобразить въ своемъ сочиненіи цѣлую музыкальную картину, блестящую всеми отгѣнками и разнообразіемъ цвѣтовъ, въ которой механическое исполненіе занимало бы только первое мѣсто на планѣ. Его сочиненіе должно быть великолѣпною картиною, но не бѣднымъ портретомъ, какому была прежде виртуозность. Это новое требованіе общества, или, лучше сказать, новая эра, въ которую вступаетъ искусство, поставитъ многихъ виртуозовъ въ довольно затруднительное положеніе. Чтобы писать фантазіи и варіаціи, такъ нравившіяся прежде публикѣ, не нужно было ни сильнаго воображенія, ни глубокихъ знаній: не много вкусу, побольше смѣлости — и сочиненіе готово. Теперь же не довольствуются простыми фантазіями и варіаціями, требуютъ большихъ симфоній, гдѣ виртуозность должна быть только главнымъ двигателемъ. Чтобы писать большія симфоніи, нужно, какъ извѣстно, полное, безпрекословное владычество надъ всеми предоставленными намъ искусствомъ средствами; а такое обладаніе пріобрѣтается только посредствомъ долгаго, тщательнаго изученія и посредствомъ вкуса — плода опытности и наблюдательности. Тѣмъ хуже для тѣхъ, которые не имѣютъ его, но тѣмъ лучше для насъ: мы будемъ имѣть меньше виртуозовъ, но больше хорошей музыки!

Господинъ Вьѣтанъ уже давно неутомимо слѣдуетъ по прекрасному пути, проложенному Моцартомъ и Бетгоvenомъ. Онъ обладаетъ самымъ счастливымъ талантомъ. Мы уже знаемъ его первые два концерта, заключающіе въ себя истинную симфонію и доказавшіе, что онъ истинный композиторъ, то-есть, что онъ не принуждаетъ себя играть то, чего требуютъ ноты, но на оборотъ, ноты всегда подчинены его игрѣ, его волѣ. Въ концертъ своемъ 12 марта, этотъ великій артистъ далъ намъ случай услышать два новыя свои произведенія, еще не напечатанныя. Третій concerto его состоитъ изъ *adagio* и *gondo* и есть обширное сочиненіе совершенно новаго рода. Онъ начинаетъ пространную интродукцію оркестра въ возвышенномъ и великолѣпномъ стилѣ. Вступленіе скрипки слышится въ какомъ-то речитативѣ; оно полно выразительности и страсти, и сопровождается, или, лучше сказать, борется съ полнымъ усиленнымъ оркестромъ. За величественной интродукціей слѣдуетъ *adagio religioso*, гдѣ тихое и пріятное пѣніе скрипки смѣшивается съ прелестнымъ аккомпанимен-

томъ. Мы слышимъ то гармоническіе аккорды духовныхъ инструментовъ, то арфу, старающуюся слиться съ пениемъ скрипки, второй виолончелью. Конецъ этого колена въ особенности превосходитъ. Здесь соединяются, и прелесть и религиозность и чувство. После *adagio* идетъ *schetzo*, полное огня и увлекательности, — вполне достойное симфоніи и отличающееся новой, чудной инструментовкой. Партия скрипки хотя вполне принадлежитъ серьезному стилю, однакоже представляетъ здесь такія трудности, — которыхъ исполненіе есть тайна одного Вьэтана. Тщательно обработанный финаль, который есть больше ничего, какъ продолженіе предъидущей части, достойно оканчиваетъ это произведеніе. Изъ этого небольшого описанія мы видимъ, что господинъ Вьэтанъ не держался общепотребительныхъ формъ симфоніи и концерта; за большою интродукціей въ *re-mineur* слѣдуетъ у него не *allegro*, но *adagio*, и токъ послѣдняго *mi-bémol majeur*, также одинъ изъ малоупотреблявшихся прежде. Потомъ идетъ *schetzo* и наконецъ *final*; не смотря на всю свою бѣглость, онъ носитъ на себѣ отпечатокъ перваго *allegro*. Върнѣ всего можно бы назвать этотъ концертъ *фантастическимъ*. Прибавимъ къ тому же, что талантъ Вьэтана выказывается въ особенности въ инструментовкѣ; въ изобрѣтеніи мелодіи онъ часто повторяется. *Rondo*, заключившее вечеръ, имѣетъ тѣ же достоинства, какъ и *concerto*; въ немъ еще замѣтнѣе частыя повторенія; напомнимъ въ второй мотивъ нота въ ноту извлеченъ изъ сонаты Мендельсона. Что же касается до игры господина Вьэтана, объ этомъ и говорить нечего: это высшая степень совершенства, потому что его игра не только въ высшей степени художественна, но и основана на истинномъ отчуж.

Въ этомъ концертѣ участвовалъ знаменитый флейтистъ Гейнемейеръ. Ни у кого не встрѣчали мы такой звучности и такого чистаго *piano* на флейтѣ (такъ любимой прежде, но теперь почти заброшенной), какъ у господина Гейнемейера. Правда, что этотъ артистъ уже съ давняго времени считается первой флейтой въ мірѣ, и онъ вполне достоинъ своей славы. Мы поговоримъ о немъ подробно при отчетѣ о собственномъ его концертѣ.

Вокальную часть въ концертѣ господина Вьэтана исполняла г-жа Фреццоллини. Она пропѣла своимъ чуднымъ голосомъ жалобную каватинну Верди и арію МеркадANTE. Восторгъ, возбужденный ею, былъ такъ силенъ, что даже ея товарищъ господинъ Россон, не смотря

на все свои таззі, не могъ обратить на себя вполне заслуженнаго вниманія публики.

Оркестръ, дирижируемый господиномъ Альбрехтомъ, игралъ замысловатую увертюру «Фаниски» Керубини и большой маршъ изъ «Сна въ ивановскую ночь», Мендельсона, и — сыгралъ вѣрно! Вотъ все, что можно сказать о немъ, потому что ни въ аккомпаниментѣ, ни въ другихъ частяхъ исполненія, не было той увѣренности и того увлеченія, которыя составляютъ необходимое достоинство оркестра.

Господинъ Вьѣтанъ хочетъ оставить насъ на некоторое время, и отправиться въ Варшаву, чтобы дать тамъ нѣсколько концертовъ.

Много есть людей, занимающихся музыкой безъ всякаго призванія къ ней. Для такихъ людей нѣтъ ничего досаднѣе, какъ слышать игру истиннаго артиста, одного изъ тѣхъ виртуозовъ, которые составляютъ эпоху въ исторіи музыки, — одного изъ тѣхъ неутомимыхъ труженниковъ, которые, съ помощью сильной и упорной воли, сокрушили все препятствія и побѣдили все затрудненія. Конечно, весьма естественно и понятно отчаяніе, овладѣвающее тѣми несчастными меломанами, которые съ большимъ трудомъ достигли наконецъ до того, что могутъ кое-какъ сыграть какую-нибудь ничтожную пьеску для удовольствія своихъ родныхъ и на мученіе всякому, кто имѣетъ несчастіе быть введеннымъ въ ихъ кругъ. Игра великаго артиста должна непременно раскрыть имъ глаза и заставить ихъ сознаться въ бесполезности всехъ своихъ усилій. Тогда, естественно, раждается у нихъ чувство зависти, а отъ зависти до ненависти, какъ всемъ известно, одинъ только шагъ. Вотъ почему превосходные артисты постоянно находятся въ безконечной и непримиримой войнѣ съ толпой посредственныхъ талантовъ. Эти же противники очень добрые люди, хотя плохіе музыканты, когда слушаютъ артиста довольно успѣшнаго чтобы нравиться имъ, но неодареннаго непобѣдимымъ превосходствомъ генія. Схожіе — сходятся; незначительный музыкантъ всегда радъ встрѣтить собственные свои недостатки въ игрѣ другаго, и отецъ одной молодой пианистки, подающей большія надежды, чрезвычайно гордится, когда можетъ сказать тономъ знатока: «Эту пьесу играетъ часто и моя дочь и, могу васъ увѣрить, она играетъ ее не хуже артиста, котораго мы сейчасъ слышали». Есть также особенный классъ артистовъ (довольно притомъ многочисленный), у которыхъ игра принаровлена только къ тому, чтобы нравиться только разряду

любителей, о которыхъ мы недавно говорили; они обладаютъ до известной степени виртуозностью, но виртуозность безъ совершенства есть простая система. Эти артисты имѣютъ много чувства, но, къ несчастію, очень мало вкуса. Это-то и ставитъ ихъ въ затруднительное положеніе, изъ котораго они могутъ выйти только съ помощью изученія и труда. Нѣкоторые изъ нихъ, не вкусивъ еще сладости дѣлать, принимаются за трудъ и достигаютъ наконецъ до того, что дѣлаются истинными артистами. Но бѣлая часть довольствуется похвалами, щедро расточаемыми посредственностью и остается навсегда тѣмъ же, чѣмъ была прежде: то-есть, великими артистами для великихъ артистовъ.

Вся эти размышленія не имѣютъ прямого отношенія къ концерту господина Кизеветтера, о которомъ мы хотимъ поговорить. Господинъ Кизеветтеръ, напротивъ, молодой человекъ, подающій большія надежды; онъ обладаетъ тою теплотою чувства, которая не приобретается ученіемъ, и есть необходимое условіе истиннаго артиста. Онъ очень пріятно играетъ на скрипкѣ, хотя и не можетъ быть ни Вьетаномъ, ни Эрнстомъ; но онъ еще молодъ и ему принадлежитъ будущее, лишь бы только онъ думалъ о себѣ такъ какъ онъ есть, но никакъ не болѣе. Онъ имѣетъ, кажется, чрезвычайно живыя чувства, но жаль, что не успѣлъ еще найти формы, необходимой для ихъ осуществленія и передачи намъ. Мы видимъ, какъ онъ употребляетъ неслыханныя усилія, мы читаемъ въ лицѣ его, какъ будто онъ чувствуетъ себя вдохновеннымъ, подобно пиани на ея треножникѣ, а все-таки не чувствуемъ себя очень растроганными; это происходитъ оттого, что у господина Кизеветтера недостаетъ вкуса въ исполненіи. Наблюдательность и опытъ, безъ сомнѣнія, сведуть его съ этого ложнаго пути; и когда онъ приобрететъ простой и очищенный вкусъ, то можетъ быть увѣренъ, что произведетъ болѣе впечатлѣніе при меньшемъ напряженіи чувствъ и съ меньшими усиліями.

На другой день господинъ Вурмъ давалъ свой концертъ. Этотъ артистъ совершенно противоположенъ господину Кизеветтеру; у него господствующее качество — вкусъ. Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ слышать прелестныя мелодіи и аріи изъ оперъ, которыя Вурмъ исполняетъ на своемъ *cornet à piston*. Онъ обладаетъ особенною способностью извлекать изъ этого инструмента чрезвычайно пріятные звуки, которые занимаютъ середину между звукомъ трубы и прекраснымъ женскимъ голосомъ;

потому—то репертуаръ его сроденъ съ репертуаромъ пѣвицы; господинъ Вурмъ на своемъ инструментѣ не играетъ, но поетъ, и притомъ поетъ съ прекраснымъ вкусомъ и съ тонкою, пріятною выразительностью. Понятно, что отъ такихъ качествъ нельзя ожидать ни большой музыкальной идеи, ни глубокаго впечатлѣнія; игру господина Вурма можно сравнить съ прелестнымъ василькомъ; онъ чаруетъ наши взоры и доставляетъ намъ удовольствіе, но не можетъ сильно растрогать нашу душу. Это происходитъ отъ самаго свойства инструмента; а всякій артистъ, если играетъ на своемъ инструментѣ сообразно съ его истиннымъ свойствомъ, можетъ вполне надѣяться на всеобщее одобреніе, особенно когда онъ играетъ такъ же хорошо и пріятно, какъ господинъ Вурмъ. Самыя даже несовершенства *coquet à piston* служатъ ему въ пользу въ отношеніи публики. Потому, что большая часть посѣтителей ищетъ въ концертѣ легкой забавы и совсѣмъ не желаетъ сильныхъ потрясеній души, производимыхъ гениальными сочиненіями. господинъ Вурмъ рвнительный баловень нашей публики, и навѣрно будетъ такимъ же и въ Москвѣ, куда онъ отправляется въ скоромъ времени.

Концертъ господина Вурма начался чрезвычайно живою увертюрой, сочиненной Луи Мауреромъ; послѣ нея господинъ Вурмъ игралъ прекрасный *concerto*, произведеніе того же композитора. Нужно удивляться необыкновенной дѣятельности господина Маурера, происходящей больше ни отчего, какъ отъ излишней его услужливости: этотъ безкорыстный артистъ всегда готовъ оказать услугу другому артисту и въ особенности искусству. Нужна ли виртуозу пьеса для концерта? Мауреръ тотчасъ пишетъ ее. Нуженъ ли кому оркестръ для концерта? Мауреръ даетъ самый полный. Нуждаются ли въ увертюры? Мауреръ сочиняетъ ихъ двѣ. Повторяются ли слишкомъ часто антракты въ театрѣ? Мауреръ сочиняетъ шесть новыхъ. И такъ, начиная отъ самаго малаго и до самаго большаго, — отъ куплета французскаго водевиля до симфоніи, и даже до оперы, господинъ Мауреръ сочиняетъ все; онъ, можно сказать, олицетворенная польза, вѣрный другъ всякаго, кто только носитъ имя артиста. Онъ сочинилъ и вмѣстѣ переписалъ своей рукою партитуры въ такое короткое время, что другому оно едва было бы достаточно на то, чтобы только переписать ихъ. Можетъ-быть подумаютъ, что эта плодовитость и скорость есть больше ничего, какъ слѣдствіе навыка и что его сочиненія лишены свѣжести и новизны, но это будетъ

несправедливо. Въ сочиненія господина Маурера не только написаны рукою учителя, но, напротивъ, въ нихъ видны слѣды пламеннаго воображенія, глубокаго знанія и истиннаго чувства, богатаго прелестными мелодіями. Приведемъ въ примѣръ его большую оперу «Aloise», сочиненную въ нѣсколько мѣсяцевъ; она произвела фуроръ на всѣхъ главныхъ театрахъ Германіи. Прибавимъ, что Мауреръ имѣлъ съ тѣмъ и превосходный учитель; онъ образовалъ своихъ учениковъ такъ, что многіе изъ нихъ стоятъ на ряду великихъ артистовъ (доказательство — слышь его Всеволодъ). Среди постоянныхъ занятій и трудовъ, онъ не имѣлъ времени устарѣть: всѣ его вдохновенія такъ еще цвѣтуши и новы, что можно подумать, что они принадлежатъ скорѣе молодому артисту.

Въ понедѣльникъ, 20 марта, господинъ Гейнемейеръ давалъ концертъ въ залѣ университета. Не болѣе десяти лѣтъ тому назадъ были еще въ модѣ чувствительность и страданія любви, и въ то время флейта была самымъ извѣстнымъ инструментомъ. Но съ-тѣхъ-поръ, какъ чувство болѣе возвышенной и изящной красоты сдѣлалось господствующимъ, флейта оставлена всеми своими обожателями, и изгнана какъ инструментъ, негодный для концертовъ. Бѣдную флейту упрекаютъ въ однообразіи звуковъ, въ недостатокъ чистоты интонаціи, въ слабость, не позволяющей сдѣлать *crescendo* или *diminuendo* безъ того, чтобы не испортить чистоты интонаціи; все это отчасти справедливо. Но что сказали бы, если бы вдругъ нашелся для флейты звукъ, который, не имѣя своего первоначальнаго характера, сдѣлался примѣтнымъ, благороднымъ и сильнымъ, — если бы интонація получила одинаковую неизмѣняемую чистоту, — если бы звуки флейты стали отличаться всеми отъзвуками, начиная отъ едва слышнаго *pianissimo* и до оглушительнаго *fortissimo*, и если бы всѣ эти качества выказывались въ связи съ искусствомъ, для котораго не существуетъ никакихъ затрудненій и вмѣстѣ съ самымъ очищеннымъ артистическимъ вкусомъ. Мы увѣрены, что въ такомъ случаѣ флейта очень скоро опять заняла бы прежнее мѣсто и всѣ поспѣшили бы возстановить древній званіе ея: «волибная». Время это наступило; всеми перечисленными выше качествами господинъ Гейнемейеръ обладаетъ въ совершенствѣ и предсказаніе наше также сбылось въ отношеніи къ публикѣ: Гейнемейеръ возбудилъ всеобщій восторгъ, какого не произвелъ ни одинъ артистъ въ этомъ году. — Онъ извѣстенъ также какъ хорошій композиторъ; всѣ игранныя имъ піесы были хорошо составлены и написаны съ из-

дѣе выказываетъ всю его блестящую способность исполненія. Слѣтъ и выстъ ученикъ Гейнемайера, алейта-соло Императорскаго театра, выказывалъ свои способности въ исполненіи большого дуэта съ отцомъ. Если мы скажемъ, что этотъ молодой человекъ не только не былъ ватшенъ своимъ знаменитымъ учителемъ, но напротивъ, явился достойнымъ его, то это будетъ ему самую большую похвалю.

Другія піесы этого концерта также очень интересны. Господинъ Вьстанъ еще разъ доставилъ намъ удовольствіе слышать прелестное *fonde*, игранное имъ прежде въ собственномъ концертѣ; въ этой залѣ онъ имѣетъ еще большой эфектъ, нежели въ театрѣ.

Госпожа Жерве-Нейрейторъ, бывшая первой пѣвицей нѣмецкой оперы, давно уже исчезла изъ музыкальнаго міра. Этотъ концертъ былъ ея новымъ появленіемъ. Она пѣла арии Доницетти и Беллини и удивила всехъ, которые звали ее уже давно и ожидали услышать ея голосъ, развитымъ и потерявшимъ уже свою свѣжесть. Но на оборотъ, она услышала совершенно сохранившимся, пріятный голосъ, какъ-будто молоденькой пѣвицы, но голосъ громкій, сильный и обработанный по самой лучшей методѣ. Въ наше время чрезвычайно редко можно встрѣтить пѣвицу, которая умѣла бы сохранить надолго голосъ свой, и если есть такая, то можно поручиться, что она великая и прекрасная пѣвица. Чтобы сохранить голосъ, нужно имѣть прекрасную методу позволяющую пѣть безъ усталости и утомленія голоса, и потому искусство сберечь свой органъ, а для этого нужна особенная твердость характера, чтобы лишать себя тѣхъ наслажденій и удовольствій, которыя могутъ испортить голосъ. Госпожа Жерве исполняла все это и явилась превосходной пѣвицей, имѣющей большую взрность и ловкость въ пассажахъ, изящный вкусъ въ украшеніяхъ и простое, неизысканное выраженіе. Публика встрѣтила ее съ восторгомъ, какъ стараго друга, съ которымъ давно не видалась. Всѣ убѣждены, что госпожа Жерве еще не разъ дастъ случай услышать себя.

На другой день былъ концертъ господина Рубинштейна на Большомъ театрѣ. Онъ игралъ большой концертъ, множество мелкихъ піесъ для фортепіано и симфонію для большого оркестра, которымъ онъ имѣлъ неблагоразуміе дирижировать самъ. Этотъ молодой человекъ не только одинъ изъ нашихъ лучшихъ піанистовъ, но и хорошихъ композиторовъ, имѣетъ довольно значительный талантъ. А что еще болѣе возвышаетъ этотъ талантъ, такъ это серьезное и вполне достойное по-

тиннаго артиста ревностное занятіе, доказывающее достаточную твердость его характера. Вполнѣ сознавая талантъ его и достоинство его сочиненій, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не совсѣмъ согласны съ нимъ. Его соперго включаетъ въ себя много прекраснаго, но въ немъ замѣтно, въ то же время, много небрежности, разрушающей необходимо единство стилиа. Идеи каждаго большаго сочиненія должны находиться во внутренней связи между собою и эта связь никогда не должна разрываться; самый даже малый отгвнокъ не долженъ выходить изъ этихъ условій. Этого-то не сзумѣлъ сохранить господинъ Рубинштейнъ: вдругъ встрѣтится ему какая-нибудь идея, и если она ему понравится, онъ забываетъ весь мотивы, весь планъ свой и начинаетъ ласкать и развивать эту новую идею, такъ что связь съ предъидущимъ совершенно уничтожается. Тотчасъ замѣтно, что господинъ Рубинштейнъ еще очень молодъ; время и опытность помогутъ созрѣть его таланту и тогда не трудно, что онъ займетъ почетное мѣсто среди великихъ современныхъ артистовъ. Что касается до его симфоніи, то это первая попытка его въ этомъ родѣ и мы будемъ несправедливы, когда скажемъ, что лучше бы ему не представлять ея на судъ публикѣ и еще лучше — не дирижировать оркестромъ самому.

Госпожа Фрециolini пѣла прекрасный русской романсъ «Соловей», и произвела всеобщій восторгъ. Съ ея стороны это была любезность публикѣ, не замедлившей отплатить ей сторицею. Дѣвицы Корбарі пѣли аріи и дуэтъ и имѣли значительный успѣхъ.

Въ слѣдующую потомъ среду, на концертъ Большаго театра давалась часть «Пророка» Мейербера. Но какъ драматическая музыка не можетъ имѣть истинный эффектъ въ концертъ, и какъ средства исполненія, въ особенности въ отношеніи пѣнія, такъ скудны въ настоящее время, то нельзя было и ожидать сколько-нибудь удовлетворительнаго исполненія этой величественной музыки Мейербера. Мы дождемся болѣе благоприятнаго случая, чтобы поговорить съ читателями нашими объ этой оперѣ, о которой мы уже много и подробно говорили при самомъ ея появленіи.

Теперь посмотримъ, что дѣлается за границей. Въ Лондонѣ, французскій театръ, втеченіе какихъ-нибудь трехъ недель, даетъ уже третье новое представленіе. Эта потребность новизны повятна; театръ всегда почти наполняется одними и тѣми же посвятителями, и притомъ комическая опера будетъ игратья всего три мѣсяца; поэтому дирек-

торъ и принужденъ разнообразить удовольствіе почитателей его оперы. Но для артистовъ въ особенности и хористовъ это чрезвычайно тяжелый трудъ.

Послѣ «Андорской Долины» давали «Цампу» и «Кагда». Успѣху «Цампы», бѣдной занимательностью сюжета, не богатой музыкою, много способствовалъ Шолле. Онъ превосходенъ въ главной роли, написанной нарочно для него въ 1831 году. Вотъ уже прошло съ-тъхъ—поръ 19 лѣтъ, а этотъ великій артистъ ничуть не измѣнился отъ времени, безжалостнаго къ хорошимъ голосамъ и къ красивымъ лицамъ.

Любимецъ публики, Шартонъ, заслужилъ въ свою очередь громкія рукоплесканія какъ въ «Цампѣ», такъ и въ «Кагдѣ», съигранномъ съ полнымъ успѣхомъ. Это последнее, прекрасное произведеніе доставило Митчелю случай вывести на сцену свою юную воспитанницу, Эстеръ-Дангаузерь, подающую большія надежды; она играла роль Фатмы, — не большую, но достаточную для того, чтобы выказать талантъ. Дѣвица Дангаузерь обратила на себя всеобщее вниманіе своими изящными манерами, прелестью и ловкостью, съ которыми она пропѣла романсъ и дуэтъ съ тамбуръ-мажоромъ. Эта молодая пѣвица имѣетъ звучный, сильный и вмѣстѣ гибкій голосъ и составляетъ важное при-обращеніе для Митчеля.

Для чего Митчель не ставитъ на сцену оперы «l'Esclair»? здѣсь онъ могъ бы удачно вывести на сцену старшую сестру дѣвицы Дангаузерь, возбудившую особенное вниманіе публики на собраніи артистовъ въ консерваторіи; съ того времени голосъ ея приобрѣлъ еще болышую звучность и силу; къ тому же она, говорятъ, превосходная актриса. Вотъ что могло бы ручаться за успѣхъ.

Еще не настало время концертовъ. Исключая концертовъ по се-редамъ, гдѣ Эрнстъ и Тальбергъ всегда играютъ съ одинаковымъ успѣхомъ, нѣтъ никакихъ музыкальныхъ собраній.

Два большія общества духовной музыки даютъ, по обыкновенію, ораторіи, и Александръ Билль (Billet), превосходный пианистъ, привлекаетъ въ залу Бетговена большое число любителей комнатной музыки. Онъ игралъ съ особеннымъ искусствомъ тріо Бетговена и Мендельсона; — сонаты и этюды собственнаго сочиненія, которыя подтвердили его славу и извѣстность.

Объ итальянской оперѣ въ Лондонѣ еще ничего не слышно. Въ прошломъ году вопросъ былъ бы кстати, ежели бы спросили: будетъ ли пѣть Жени Линдъ въ «Сомнамбулѣ» и въ «Дочери Полка»? Будутъ ли Маріо и Гризи прельщать еще слухъ дилеттавовъ? Но въ нынѣшнемъ году совершенное молчаніе. Поговариваютъ, что дирекція готовить публикѣ пріятный сюрпризъ, и публика, по своей скромности, не хочетъ поднять завѣсу, скрывающую эти тайны. Черезъ мѣсяць этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ.

«Андорская Долина» (Val d'Andorre), переведенная на англійскій языкъ, недавно представлена была на Театръ принца. Директоръ этого театра, Маддоксъ, человекъ чрезвычайно дѣятельный. Онъ съ особенною тщательностію поставилъ на сцену англійскаго театра большое число французскихъ комическихъ оперъ и множество итальянскихъ, какъ-то: «Лучіо», «Сомнамбулу», «Донъ-Паскуале» и прочая. Театръ его стоитъ на хорошемъ мѣстѣ (въ Oxford-Street, въ серединѣ West-end) и всегда наполненъ зрителями.

Маддоксъ не щадитъ ничего, лишь бы только сдѣлать представленія «Val d'Andorre» достойными ея славы. Декорации написаны превосходно, въ особенности чудесно изображены видъ Андорской долины; постановка на сцену и костюмы чрезвычайно богаты. Большое число хористовъ произвело прекрасный эффектъ, сценическій и музыкальный.

Забывая о всемъ, что можетъ доставить удовольствіе зрѣнію, Маддоксъ не забылъ вмѣстѣ съ тѣмъ и музыкальной части. Въ оперѣ участвовали лучшіе артисты театра и если не въ отдаленныхъ одинаковою чистотою исполненія и превосходствомъ, тѣмъ не менѣе однако жъ они много содѣйствовали прекрасному цѣлому. Довольно известный пѣвецъ въ Англии, Гаррисонъ, пѣлъ партію «Lejoeux»; эта роль чрезвычайно идетъ къ нему; нигдѣ голосъ его не кажется такимъ пріятнымъ, какъ въ ней. Игра его — подраженіе Шолле; достойна однако жъ похвалы. Представляя пьянаго, онъ сумѣлъ даже сохранить всю изящность манеры французскаго офицера.

Прелестная бѣглянка съ французской оперы, дѣвица Но заслужила громкія рукоплесканія въ роли Жоржетты, гдѣ она расточала всѣ сокровища своего искусства, и съ удивительною чистотою и легкостью выводила всѣ трели, кадансы, гаммы и агрегіо. Ученица знаменитой Даморо, дѣвица Но съ помощью своего таланта еще превзошла свою учительницу богатствомъ изящной фіоритуры.

Роль Майской-Розы исполняла Луиза Шинъ, молодая дѣвица, вступившая на сцену не болѣе трехъ мѣсяцевъ. Она обладаетъ прекраснымъ голосомъ и вокализуетъ съ удивительной вѣрностью и съ бѣдливннмъ вкусомъ. Жаль, что у нея недостаетъ чувства и увлеченія, и притомъ игра ея носитъ на себѣ слѣды большой неопытности. Не смотря на эти недостатки, она имѣла значительный успѣхъ въ двухъ романсахъ, пропѣтыхъ ею съ особенною чистотою и ловкостью.

Что же касается до частей цѣлаго, квартетъ второго акта: *O vengeance extreme!* былъ несколько разъ повторенъ. Благодаря энергій и необыкновенной дѣятельности начальника оркестра, Лодера, творца многихъ извѣстныхъ оперъ, оркестръ и хоръ превосходно выполнили свою часть. Лодеръ — одна изъ самыхъ любимыхъ фамилій въ музыкальномъ отношеніи въ Англіи. Дѣвица Лодеръ считается одной изъ первыхъ пѣвицъ; она въ особенности проназвала глубокое впечатлѣніе на всѣхъ, въ квартетѣ Моцарта и въ фантазіи Додера, сильною и ловкою игрою, вѣрностью, чистотою, легкостью и какою-то небрежностью, которая придаетъ ея игрѣ особую прелесть.

Женни приглашена на годъ въ Америку за 3000 фунтовъ стерлинговъ; вмѣстѣ съ нею отправится также пианистъ, чтобъ аккомпанировать ей тамъ, и итальянскій теноръ (кажется, Бенетти).

Надолго останется памятнымъ послѣдній концертъ въ среду. Онъ дѣлъ былъ въ пользу Эрнста; здѣсь этотъ великій артистъ выказалъ въ полномъ блескѣ весь своей талантъ. Обширная зала *Exeter Hall* была полна. Болѣе трехъ тысячъ слушателей тѣшилось въ ней. Восторгъ доходилъ до иступленія, рукоплесканіямъ не было конца. Эрнстъ игралъ *sonata* Мендельсона и исполнилъ его съ глубокимъ знаніемъ дѣла и съ неподражаемымъ искусствомъ. Потомъ онъ игралъ свои фантазіи на темы «Людовика», «Пирата», и кончилъ своимъ «Венеціанскимъ Карнаваломъ». Все это онъ принужденъ былъ повторять по нѣскольку разъ. Подобный концертъ составляетъ эпоху въ жизни артиста. Хотя Англичанъ и уверяютъ въ недостаткѣ вкуса, однако же они съ необыкновенной тонкостью сумѣли отличить все прекрасныя качества своего талантливаго артиста Стенсъ-Геллера.

Въ Парижѣ, на сценѣ французской оперы до-сихъ-поръ еще держится знаменитая пѣвица Катенька Гейссеттеръ; она дебютировала въ первый разъ въ первыхъ числахъ января 1841 года, въ то самое время, когда всѣми силами старались отыскать пѣвицу, которая могла бы

замѣнить Фальконъ, такъ несчастно потерянную для театра. Гейносеттеръ было тогда лѣтъ осемнадцать или девятнадцать. Она была статна ростомъ и прелестна лицомъ; голосъ у нея звученъ, силенъ, и приятенъ. Она сначала пѣла въ «Жидовкѣ», а потомъ въ «Гугонотахъ». Не смотря на свой огромный успѣхъ, Гейносеттеръ не долго оставалась въ Парижѣ. Въ концѣ года она уже отправилась въ Брюссель, гдѣ приобрѣла еще большую знаменитость. Не было городка во Франціи, куда бы не являлась эта пѣвица; и всегда съ новымъ блескомъ. Вдругъ она неожиданно появилась въ «Favorite». Ея игра была полна чувства, но голосъ ея, всегда однако прекрасный, кажется спалъ немного. Роже всегда превосходно поетъ нѣкоторыя части своей роли: онъ всегда исполняетъ ее какъ актеръ, полный прелести и выразительности.

Недавно госпожа Кастелланъ пѣла въ первый разъ по-французски роль Лучія ди-Ламермуръ, которая была ея торжествомъ на сценѣ итальянской. Прекрасная пѣвица имѣла такой успѣхъ, что какъ будто не перемѣняла театра.

Мы боимся возбудить подозрѣніе въ шарлатанствѣ, если скажемъ, что Россини сочинилъ совершенно новую музыку, а это будетъ чистая истина. Недавно вышли «Новыя Мелодіи» этого знаменитаго маэстро: «Tre ariette per soprano» и «Una aria per basso»; они написаны съ итальянскими словами и скоро явятся съ французскими. Россини, какъ говорятъ иностранные журналы, участвовалъ въ печальной церемоніи погребенія скульптора Бартолини. Знаменитый маэстро держалъ тесьму багдахина надъ останками скульптора, умершаго во Флоренціи.

Дюпре пѣлъ въ послѣдній разъ. Онъ кончилъ свое поприще тѣмъ же, чѣмъ и началъ; двумя актами «Вильгельма Телля». Спектакль состоялъ изъ слѣдующихъ пьесъ: «La coupe enchantée», (Очарованная чаша), ее играли артисты французскаго театра; «Севильскій цирюльникъ» былъ пропѣтъ итальянскими артистами; третій актъ «Отелло», гдѣ отличалась госпожа Виардъ; «Vivandiere» (Маркитанша), представленная вѣнскими танцовщицами. Спектакль продолжался до двухъ часовъ и однако никому не показался долгимъ. Великій пѣвецъ неоспоримо доказалъ могущество своего таланта. Онъ растрогалъ, привелъ въ восторгъ всю залу, когда запѣлъ въ первомъ речитативѣ: «ma présence pour vous est peut-être un outrage», потомъ слѣдующій

за нимъ дуетъ, и наконецъ патетическое трио: «Mon père, tu m'a dû maudire». Въ «*Suivez-moi*» третьяго акта, ему снова возвращалась его прежняя энергія и онъ два раза пропѣлъ эту арію превосходно, при громкихъ рукоплесканіяхъ и крикахъ зрителей. Когда опустили занавѣсъ, двойной вызовъ и единодушное браво приветствовали заслуженнаго пѣвца. Въ «*Отелло*» Виард¹⁾ была превосходна. Романсъ Саула, который она пѣла, сочиненіе совершенно новаго рода, и производитъ огромный эффектъ; «*Севильскій цирюльникъ*», съ помощью Лаблана, Ронкони, Мажески, Луккази и госпожи Ангри, былъ такъ же хорошиъ, какъ и всегда, и вотъ, безъ сомнѣнія, причина, почему его даютъ еще до-сихъ-поръ. Надобно прибавить, что публика стеклась толпой проститься съ Дюпре: не смотря на повышенную цѣну, во всей залѣ не было ни одного незанятаго мѣста.

19 февраля новаго стиля, парижское филармоническое общество давало концертъ въ залѣ Святой Цециліи. Сочувствіе публики къ этому новому учрежденію не замедлило обнаружиться: мѣста разбирали на-разхватъ. Вотъ программа этого перваго вечера: 1) увертюра изъ «*Леоноры*», Бетговена; 2) двѣ первыя части «*Проклятія Фауста*», Берліоза: первая часть: *Пастораль, Хороводъ крестьянъ*, вторая часть: *Монологъ Фауста, Гимнъ въ Пасху, Сцена въ Лейпцигскомъ погребкѣ, Арія Мефистофеля, Хоръ и Балетъ Сильфовъ*. Соло исполняли Роже и Левассеръ; 3) Фантазія на «*Отелло*», сочиненіе Эрвста, исполненная Іоахимомъ; 4) Арія съ хорами изъ «*Ифигенія въ Тавридѣ*» — Глюка, исполненная госпожею Виард¹⁾; 5) Первая сцена третьяго акта изъ «*Эхо и Нарциссъ*» — Глюка; соло исполняла дѣвица Добре; 6) Соло для виолончели — Демунка (профессора брюссельской консерваторіи), исполненное самимъ же сочинителемъ; 7) Арія изъ «*Юсифа*» — сочиненіе Мегюля, которую пѣлъ Роже; 8) Сцена благословенія оружія изъ «*Гугенотовъ*», Мейербера, вмѣстѣ съ четырехголоснымъ соло.

Въ Гамбургѣ, прежде всѣхъ городовъ Германіи, появилась опера «*Пророкъ*»; это великое и превосходное музыкальное произведеніе дано здѣсь съ большимъ успѣхомъ.

Въ Дрезденѣ, та же опера дана въ день рожденія королевы, 30 января. Она встрѣчена всеобщимъ восторгомъ. Музыкальная часть была выполнена превосходно. Дрезденскій оркестръ, считающійся лучшимъ во всей Германіи, хотѣлъ доказать Мейерберу, присутство-

важному на репетиціяхъ, что онъ достоинъ своей дорогой знаменитости, и игралъ съ увлеченною живостью. Тихачекъ, самый знаменитый теноръ въ Германіи, чудово пелъ въ этой оперѣ и въ особенности торжественный гимнъ третьяго въ акта, послѣ котораго онъ былъ единогласно вызванъ возни слушателями. Недавно приглашенная на этотъ театръ дѣвица Мишалези, одаренная превосходнымъ голосомъ, имѣла огромный успѣхъ въ роли Фидеси. Публика съ громкими криками вызвала Мейербера и когда онъ явился на сцену, забросала его множествомъ букетовъ и вѣнковъ. Послѣ четвертаго акта король позвалъ его въ свою ложу и въ знакъ своего благоволенія возложилъ на него кавалерскій крестъ. Постановка на сцену чрезвычайно великолѣпна и совершенно сходна съ постановкою въ Парижѣ; знаменитый живописецъ Демпшенъ (Dempschin), написалъ прелестныя декорации, и публика, въ знакъ признательности къ нему, вызвала его при оглунительныхъ рукоплесканіяхъ.

Въ Берлинѣ день ото дня ожидаютъ Мейербера; съ прибытіемъ этого знаменитаго маэстро начнутся репетиціи оперы «Пророкъ». — Въ день рожденія Моцарта, давалась на королевскомъ театрѣ: «Волшебная флейта». На итальянскомъ театрѣ повторяли «Роберта». Госпожа Фіорентини исполняла роль Алисы и явилась столь же хорошей актрисой, какъ и прекрасной пѣвицей; ей много аплодировали. Постановка на сцену превосходна; только балетъ третьяго акта замѣненъ пантомимой.

Въ Амстердамѣ давалось недавно первое представленіе оперы «Пророкъ». Пѣвицы и оркестръ исполнили свое дѣло съ ревностью и увлеченіемъ. И здѣсь это лучшее произведеніе Мейербера было встрѣчено съ восторгомъ, небывалымъ въ нашихъ театральныхъ льтописяхъ. Въ концѣ спектакля послѣ шестикратнаго залпа рукоплесканій, по всей залѣ раздавались единодушныя и непрерывныя восклицанія: да здравствуетъ Мейерберъ! да здравствуетъ великій композиторъ! эти самые крики повторялись также въ сѣняхъ и на ближайшихъ къ театру улицахъ.

Въ Роттердамѣ нидерландское общество поощренія музыкальнаго искусства, исполнило «Илію» Мендельсонъ-Бартольди, подъ распоряженіемъ Бергюльста. Это прекрасное произведеніе заслужило рукоплесканія многочисленныхъ слушателей; въ будущемъ юнѣ обще-

ство будетъ торжествовать свое пятое большое празднество; оно будетъ продолжаться три дня и мѣстомъ его назначенъ соборъ въ Гарлемъ, знаменитый своимъ чудеснымъ органомъ; тамъ будутъ играть лучшія произведенія Генделя и Мендельсона. Стеченіе иностранцевъ будетъ чрезвычайно велико.

Оле-Будъ, знаменитый норвежскій артистъ, положилъ на музыку, для основаннаго имъ въ Бергенъ національнаго театра, комическую оперу подъ названіемъ: «Утесы.» Это первый опытъ въ драматической музыкѣ знаменитаго скрипака.

— Симаръ-Шиффъ, извѣстный піанистъ-импровизаторъ, котораго талантомъ Берліозъ такъ восхищался въ одной изъ статей своихъ и о которомъ была здѣсь рѣчь недавно (августъ, 1849), находится въ эту минуту въ Петербургѣ и возбуждаетъ страшный восторгъ въ слушателяхъ. Рукоплесканія, вызовы, букеты, сыплются на него въ концертахъ. Успѣхъ господина Шиффа полонъ передъ публикою, самую вѣрную цѣнительницею музыкальныхъ дарованій.

В. ДАМКЕ.

=

КНИГИ ПО УМѢРЕННОЙ ЦѢНѢ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Комп., комиссіонера Императорской Библіотеки, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петляя, № 3.)

Цѣны на серебра.

- ALBANES ET PATR.** Les nains célèbres depuis l'antiquité jusques et y compris Tom Pouce, illustrés par Beaumont. Paris. 1 vol. in 12 cartonné. 2 rbls. 25 c.
- ARNAUD DE MONTOR** Considérations sur le règne des quinze premiers papes qui ont porté le nom de Grégoire. Paris 1844. 1 vol. in-8. 1 rbl.
- BOUCHERON.** Etudes sur l'histoire de la terre et sur les causes des révolutions de sa surface. Paris 1844. 1 vol. in-8. 3 rbls. 15 c.
- BURAT DE GURGY.** Le diable boiteux des enfans. Paris 1 vol. in-12 cartonné, avec gravures à deux teintes, tranches dorées et ornements en or. 2 rbls. 25 c.

- CARDINI.** Dictionnaire d'équitation et d'hippiatrique. Paris 1845 1 vol. gr. in-8. 3 rbls. 30 c.
- CELLERIER.** Pensées pieuses sur divers sujets. Paris 1844. 1 vol. in-12. 1 rbls. 12 c.
- CELNART (M-me.)** Consolations chrétiennes dédiées aux dames pieuses. Paris 1 vol. in-18. 20 c.
- CHAMPAGNY (Cte. de).** Les Césars; histoire des Césars (jusqu'à Néron). Paris 1847. 4 vol. in-8. 6 rbls. 85 c.
- CHATTERTON.** Oeuvres complètes, traduites par Pagnon. Paris 1839. 2 vol. in-8. 4 rbls.
- CORRESPONDANCE** inédite de Mabillon et de Montfaucon avec l'Italie, contenant un grand nombre de faits sur l'histoire religieuse et littéraire du XVIIe siècle, accompagnée de notices par Valery. Paris 1847. 3 vol. in-8. 6 rbls. 75 c.
- CRUICK.** Etudes littéraires sur l'apologue, la poésie lyrique et la poésie épique. Paris 1840. 1 vol. in-8. 1 rbl 50 c.
- DELICES DES AMES PIEUSES,** ou recueil de prières sur différents sujets. 15e édition. Paris 1847. 2 vol. in-18. 1 rbl. 75 c.
- FÉVAL.** Les contes de nos pères, illustrés par Bertall. Paris. 1 vol. in-8 relié. 3 rbls.
- DUMAS.** Histoire d'un casse-noisette, illustrée par Bertall. Paris 1845. 1 vol. in-12 relié. 3 rbls. 50 c.
- DUMAS.** De Paris à Cadix. Bruxelles 1847. 4 vol. in-18. 3 rbls.
— Le Véloce ou Tanger, Alger et Tunis. Bruxelles 1849. Tomes 1 et 2 in-18. 1 rbl. 50 c.
- FLEURY.** Etudes sur le génie des peintres italiens. Paris 1845. 1 vol. in 12. 1 rbl. 15 c.
- FOA (Mme.)** Les soirées du vieux château. Paris 1849. 1 vol. gr. in-8 cartonné, avec gravures, ornements en or et tranches dorées. 4 rbls. 50 c.
- GERANDO.** De la bienfaisance publique. Paris 4 vol. in-8. 8 rbl's. 55 c.
- GOLDESMITH.** Histoire d'Angleterre, continuée jusqu'en 1815, par Coote et jusqu'à nos jours par le traducteur Mme. Aragon, avec notes de Thiers, Barante, Norvins et Thiers. Paris. 1841. 4 vol. gr. in-8 reliés, avec gravures. 18 rbls.
- GRÈCE (la)** tragique, chef d'œuvres d'Eschyle. de Sophocle et d'Euripide, traduits en vers, accompagnés de notices, de remarques et de rapprochements littéraires par Halévy. Paris 1846. 1 vol. in-8. 2 rbls. 15 c.
- GUEULLETTE.** Souvenir à Marie, ou la Sainte-Vierge considérée dans ses bienfaits. Paris 1841. 1 vol. in-18. 1 rbl. 25 c.
- HALLAM.** L'Europe au moyen âge; traduit de l'anglais par Borghers et

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОСТАГО ТОМА.

=

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Король Ричардъ-Третій. Драма Вильяма Шекспира. Дѣйствіе первое. Переводъ съ англійскаго <i>Григорья Данилевскаго</i> .	5	✓
Натурищица. Повѣсть. Часть четвертая. <i>В. Яковлева</i>	53	✓
Король Ричардъ-Третій. Драма Вильяма Шекспира. Дѣйствіе второе и третье. Переводъ съ англійскаго <i>Григорья Данилевскаго</i>	87	✓
Натурищица. Повѣсть. Часть пятая и последняя. <i>В. Яковлева</i> ...	151	✓

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Валерія. Автобіографія. Сочиненіе <i>Марривга</i> . Часть вторая и последняя.....	1	✓
Три ступени. Романъ графини <i>д'Аншъ</i> . Ступень первая.....	93	

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Искусство древне-италийское и особенно этрусское. Статья первая.....	1
Записки о Россіи. Ярославская губернія. Статья первая.....	39
Живопись во Франціи. Латуръ.....	73
Искусство древне-италийское и особенно этрусское. Статья вторая.....	91
Кретинизмъ и его леченіе.....	125
Пріятности и опасности путешествія по Австраліи.....	149

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О разведеніи винограда и винодѣліи въ Россіи. Статья третья....	1
Тоже. Статья четвертая и послѣдняя.....	31

V.

КРИТИКА.

- 1) The monuments of Niniveh, from drawings made on the spot by Austen Layard, etc. (Памятники Нинивіи, по рисункамъ, снятымъ на-мѣстѣ, изданные Августомъ Леярдомъ. Лондонъ, 1848, folio)
- 2) Monument de Ninive, découvert par P. Botta, dessiné par E. Flandin, etc. (Памятникъ нинивійскій, открытый П. Боттою, срисованный Е. Фланденомъ. Парижъ, 1847 — 1848, folio).
Статья третья и послѣдняя. *О. Н. Сенковскаго*.....

4.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Февраль, 1850. Новыя книги и брошюры.....	1
— Разныя извѣстія.....	4

VII.

С М Ъ С Ъ.

МАРТЪ.

Новое средство сунуть растения для гербаріевъ, сохраняя краску цвѣтовъ и листьевъ почти безъ измѣненія.....	1
Плантовка.....	4
Пловучіе сады въ Мехико и въ Кашмирской долинь.....	9
Звѣринецъ царя Монтесумы и нецаватколоцинскій музей есте- ственной исторіи въ Мехикѣ, во время покоренія ея Испанцами.....	11
Наполеонъ, Жозефина и моды.....	18
Софья Арну.....	26
Жозефина Грассини.....	36
Знамя Пророка.....	41
Двулицый.....	43
Литературныя новости во Франціи.....	
Охотники новѣйшаго времени. Сочиненіе маркиза де-Фудраса. Часть пятая и послѣдняя. <i>А. Кроненберга</i>	51
Музыкальныя новости.....	103
Французскіе книги.....	113
Новыя музыкальныя сочиненія.....	115
Моды.....	121

АПРѢЛЬ.

Золотыя рудники въ Калифорніи и въ Сибири.....	121
Ваниль.....	123
Подводный взрывъ въ Гвадалахарѣ.....	126
Гашеніе пожаровъ безъ воды.....	126
Торговля льдомъ.....	127
Льность Россіи.....	132
Похоронный праздникъ въ Копенгагенѣ.....	133

Черты изъ дѣтства Паоло Вероше.....	133
Очеркъ карандашемъ.....	137
Двое часовъ.....	144
Завѣщаніе маркиза д'Алигра.....	155
Садовникъ Людовика - Четырнадцатаго.....	156
Сѣтныя румяна. Разсказъ Шарля Гюбо. Статья первая.....	158
Слѣпой отъ рожденія.....	182
Музыкальные новости.....	208
Французскія книги.....	223
Новыя музыкальныя сочиненія.....	226
Моды.....	243

—

FEB 10 1937

